

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник научных трудов
по итогам XV Международной научно-практической конференции
студентов, магистрантов и аспирантов
(26 ноября 2021 г., Саратов)

Саратов
2021

УДК 34
ББК 67
П78

Редакционная коллегия:

С. А. Белоусов – проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии,
д.ю.н., профессор;
Н. В. Спесивов – директор Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;
Ю. Н. Боярская – к.ю.н., доцент

Печатается в авторской редакции, согласованной с научными руководителями.

П78 **Проблемы совершенствования законодательства и прокурорской деятельности** : сборник научных трудов по итогам XV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (26 ноября 2021 г., Саратов) / [под ред. С.А. Белоусова, Н.В. Спесивова, Ю.Н. Боярской] ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. – 488 с.

ISBN 978-5-7924-1764-9

Сборник содержит тезисы докладов участников XV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Проблемы совершенствования законодательства и прокурорской деятельности», организованной Институтом прокуратуры Саратовской государственной юридической академии 26 ноября 2021 г.

**УДК 34
ББК 67**

ISBN 978-5-7924-1764-9

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2021

ПРОКУРАТУРА РОССИИ: ТРИ ВЕКА НА СТРАЖЕ ЗАКОНА

УДК 343.1 63

А. А. Азизов, А. С. Хорошилов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКУРОРОМ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются полномочия прокурора, осуществляемые им при надзоре за охраной прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Прокурор, осуществляющий надзор за оперативно-розыскной деятельностью, остается единственным гарантом защиты прав личности от незаконных действий сотрудников оперативно-розыскных органов.

Ключевые слова: прокурор, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, охрана прав, личность.

A. A. Azizov, A. S. Khoroshilov

*Saratov State Law Academy
Institute of Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

IMPLEMENTATION BY THE PROSECUTOR OF THE PRINCIPLE OF PROTECTING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL IN THE EXERCISE OF SUPERVISION OVER THE LEGALITY OF THE CONDUCT OF OPERATIONAL-SEARCH MEASURES

Abstract. the article examines the powers of the prosecutor, exercised by him in the supervision of the protection of the rights of the individual during operational-search activities. The prosecutor supervising the operational-search activity remains the only guarantor of the protection of individual rights from illegal actions of the employees of the operational-search bodies.

Keywords: prosecutor, operational search activities, operational-search activity, protection of rights, personality.

Один из важнейших аспектов реализации прокурором принципа охраны прав личности – осуществление надзора за оперативно-розыскной деятельностью (ОРД). Лица, в отношении которых осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, не обеспечены необходимым комплексом гарантий защиты прав и законных интересов. Специалисты отмечают, что ОРД, прежде всего, направлена на борьбу с преступностью [1, С. 171]. Эффективность оперативно-розыскного познания события преступления связана с тем, что эта деятельность свободна от детальной правовой регламентации, осуществляется преимущественно в негласной форме, в условиях ограниченного контроля, использует только присутствующие ей особые способы и методы познания. Большинство нормативных актов, регулирующие производство оперативно-розыскных мероприятий несут секретный характер. Производство ОРМ подчинено только ведомственному контролю, за исключением ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан [2, С. 54].

Следовательно, познавательные оперативно-розыскные приемы не могут быть подробно регламентированы в УПК РФ. А значит, будет иметь место высокая степень усмотрения в деятельности следственных органов при осуществлении таких познавательных приемов. В таких условиях отсутствуют необходимые гарантии, обеспечивающие законные права и интересы лиц, вовлекаемых в уголовный процесс. Поскольку субъектом собирания доказательств является следователь (дознатель) то применяемые им приемы – следственные действия – должны обеспечивать прозрачность получения сведений и их доказательственную достоверность; гарантировать конституционные права участников судопроизводства [3, С. 46].

Представляется, что проблема связана с тем, что органы предварительного расследования расценивают свое положение в уголовном процессе, прежде всего, как органа преследования. Однако названная проблема существует не только на уровне органов предварительного расследования, но и на уровне судов. Достаточно распространенными являются случаи необоснованного получения судебного решения на производство оперативно-розыскных мероприятий. Суды должным образом не исследуют представленные оперативные материалы, в результате чего оперативные работники, используя недостоверные, надуманные сведения, получают необходимое судебное решение на производство соответствующих оперативно-розыскных мероприятий.

С одной стороны, в оперативно-розыском и уголовно-процессуальном законодательстве для таких случаев предусмотрены возможности обжаловать как действия оперативно-розыскных органов (ст. 5 ФЗ об ОРД), так и решения суда (ст. 123 УПК РФ). Однако применительно к негласным оперативно-розыскным мероприятиям лицо, в отношении которого они проводится, не уведомляется, что его телефон прослушивается или иным образом ограничиваются его права. В таком случае, прокурор, осуществляющий надзор за оперативно-розыскной деятельностью остается единственным гарантом защиты прав личности от незаконных действий сотрудников оперативно-розыскных органов. Однако на сегодня право прокурора обжаловать судебные решения, санкционирующие проведение ОРМ, в законе прямо не прописано [4, С. 108]. Рассуждая о проблеме, С.В. Иванов указывает, что в результате отсутствия законодательно закрепленного права прокурора обжаловать судебные решения, дающие разрешение на производство ОРМ начала складываться противоречивая практика – в одних регионах суды принимают кассационные и надзорные представления прокурора на судебные решения о проведении ОРМ, в других – нет [5, С. 186].

Складывается ситуация, когда в результате своей надзорной деятельности прокурор обнаруживает нарушение закона при выдаче судебного разрешения на производство оперативно-розыскных мероприятий, но пресечь это нарушение и защитить права личности не может. Представляется, что право прокурора обжаловать решения суда о проведении оперативно-розыскных мероприятий должно быть четко закреплено в законодательстве, для чего ч. 2 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности необходимо дополнить абзацем 2 следующего содержания: «Прокурор вправе обжаловать вынесенное судьей постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия, нарушающего конституционные права граждан».

Список литературы:

1. *Кондратьев М.В., Драпезо Р.Г.* Об актуальности оперативно-розыскной деятельности на современном этапе развития государства // Вестник Кемеровского Государственного Университета. 2015. № 2. С.171.
2. *Фирсов О.В.* Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 54.
3. *Кальницкий В.В.* Следственные действия: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2015. С. 46.
4. *Дытченко Г.В., Никитин Е.Л.* Законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Криминалист. 2011. № 1(8). С.108.
5. *Иванов С.В.* Законодательство об оперативно-розыскной деятельности отстает от жизни // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 186.

Е. Ю. Акеншина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
(Россия, Саратов)*

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года и целей цифровой трансформации. Автором сформулированы положительные стороны и рассмотрены существующие проблемы цифровизации прокуратуры РФ.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, цифровая трансформация, цифровизация, цели цифровой трансформации, Информационные сервисы органов прокуратуры

E. Y. Akenshina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
(Russia, Saratov)*

ON THE ISSUE OF DIGITAL TRANSFORMATION OF BODIES AND ORGANIZATIONS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article reviews some of the issues related to the Concept of digital transformation of prosecution bodies and organizations until 2025 and the goals of digital transformation. The author formulated the positive aspects and reviewed the existing problems of digitalization of prosecution of the Russian Federation.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation, digital transformation, digitalization, goals of digital transformation, Information Services of Prosecutor's Office.

В наши дни информационные технологии плотно вошли во все сферы жизнедеятельности людей. Исключением не стала и деятельность правоохранительных органов, в том числе Прокуратуры РФ. Несомненно, информационные технологии улучшают жизнь человека, упрощают многие ее аспекты. Но наравне с преимуществами, которые дает использование информационных технологий в работе Прокуратуры РФ, проявляются и явные недостатки, которые только предстоит устранить.

В техническом смысле цифровизация – это перевод информации из аналоговой формы в цифровую на основе двоичного кода. [1]

Важнейшим документом, регулирующим цифровизацию органов прокуратуры является «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года», созданная в соответствии с приказом Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года». Согласно данной Концепции, целями цифровой трансформации являются: повышение эффективности деятельности органов прокуратуры; создание условий для оперативной реализации надзорных функций в связи с цифровизацией объектов надзора; обеспечение устойчивого функционирования собственной цифровой инфраструктуры и повышение ее информационной безопасности; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия органов прокуратуры с гражданами, организациями, органами государственной власти и местного самоуправления, институтами гражданского общества. [2]

Для обеспечения наиболее эффективной цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры создан сегмент Единой защищенной сети передачи данных (далее – ЕЗСПД). ЕЗСПД – это защищенный канал связи, соединяющий районы всех субъектов РФ в единую зашифрованную инфраструктуру обмена данными. Развитие ЕЗСПД проходит в рамках реализации Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры РФ.

В ЕЗСПД реализовано два независимых сегмента с различным классом защиты информации. Закрытый контур ЕЗСПД предназначен для работы в ведомственных информационных системах. Открытый предоставляет доступ к Российскому интернету.

Также специально для органов прокуратуры РФ созданы автоматизированные сервисы ИСОП – Информационные сервисы органов прокуратуры, такие как: ГАСПС, Надзор-WEB, Единый портал прокуратуры и др.

Безусловно введение информационных технологий в работу органов прокуратуры имеет массу положительных последствий. Наиболее очевидным из них является повышение скорости работы с документами. Ускорился процесс внесения дел в базы данных, значительно ускорился поиск необходимых документов. Также важным преимуществом цифровой трансформации органов прокуратуры является то, что деятельность сотрудников отражается в электронных системах. Это обеспечивает дополнительный контроль за их работой, позволяет быстрее выявлять допущенные ошибки и исправлять их. К тому же, информационные технологии позволяют удаленно работать с документами. Наличие ЕЗСПД предоставляет прокурорским работникам быстрый доступ к документам, хранящимся в других регионах. Это также упрощает процесс коммуникации между прокуратурами различных субъектов. А в ряде прокуратур субъектов Российской Федерации организовано оперативное электронное взаимодействие с территориальными подразделениями Роскомнадзора. Активно осуществляется взаимодействие органов прокуратуры с интернет-изданиями [3]. Также введение информационных технологий в работу прокуратуры РФ позволяет сократить средства, расходуемые на бумажный документооборот.

Тем не менее, на данный момент, в цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры РФ просматриваются некоторые недочеты. Одной из наиболее ярких проблем цифровизации органов прокуратуры является нехватка подготовленных кадров. В силу возраста, недостаточной компьютерной грамотности некоторые работники испытывают трудности в работе с информационными системами. Это нередко приводит к возникновению ошибок в работе органов прокуратуры.

В подтверждение тому рассмотрим ошибки, совершаемые при работе с автоматизированным информационным комплексом «Надзор-WEB» (далее – АИК «Надзор-WEB»). Наиболее частой ошибкой является повторная регистрация документа. Она влечет за собой ряд негативных последствий, например: повышение нагрузки на серверное оборудование, искажение данных о внешней и внутренней переписке. Также нередки случаи ошибочного выбора адресатом вместо предназначенного электронного адреса непосредственно кабинет Генерального прокурора РФ. Еще одной проблемой являются факты отправки исключительно электронных версий РК в ящик, предназначенный в Генеральной прокуратуре Российской Федерации для работы с документами на бумажном носителе. Нередко нарушается формат сканирования документов, исходящие электронные документы оформляются без применения электронных шаблонов бланков. [4]

Ряд недостатков вытекает того, что информатизация органов прокуратуры началась относительно недавно. Некоторые технологии внедряются в деятельность прокуратуры в экспериментальном формате, что может повлечь различные негативные последствия: от медленной работы систем до ошибок в делопроизводстве.

Еще одним несовершенством цифровой трансформации является тот факт, что полный отказ от бумажного делопроизводства все еще невозможен. Большинство документов дублируются в бумажном формате. А наиболее важные документы и вовсе хранятся исключительно на бумаге. Это говорит о недостаточной защищенности и надежности электронного документооборота.

Итак, несмотря на множество положительных аспектов введения информационных технологий в работу органов и организаций прокуратуры РФ, существует ряд нерешенных проблем, решение которых немаловажно для дальнейшего развития прокуратуры РФ. Одним из способов преодоления многих проблем информатизации может стать организация курсов компьютерной грамотности при приеме на работу новых сотрудников и профессиональная переподготовка уже работающих кадров.

Также необходимо уделить больше внимания обеспечению защиты информационных систем прокуратуры, в ряде регионов в экспериментальном формате минимизировать количество документов, хранящихся на бумажных носителях.

Список литературы:

1. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления. Актуальные проблемы российского права. 2020;15(6): 23–32. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032>

2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года»

3. Капинус О.С. Цифровизация деятельности органов прокуратуры: настоящее и будущее / Капинус О.С. // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 4(66). – С. 5–10.

4. Информационное письмо Генеральной Прокуратуры Российской Федерации «Об ошибках и недостатках при работе в АИК «Надзор-WEB»» от 13.09.2021

УДК 347.963

О. И. Андропова

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург*

НАДЗОРНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Аннотация. В статье проанализирована практика осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Здравоохранение». Автором отмечены положительные примеры из практики прокурорской деятельности.

Ключевые слова: национальный проект «Здравоохранение», прокурорский надзор, надзорное сопровождение.

O. I. Andropova

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation
Russia, St. Petersburg*

SUPERVISORY SUPPORT OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT «HEALTH CARE».

Abstract. The paper provides analysis of the prosecutorial prosecutor's supervisory action of the law execution of the implementation of the national project «HEALTH CARE». The author marks positive examples of the practices of prosecutorial responses.

Keywords: national project «Health care», prosecutor's supervisory action, prosecutor's maintenance.

Пандемия новой коронавирусной инфекции, которая распространилась по всему миру, стала серьезным испытанием для многих государств, наша страна не стала исключением. Так, по данным Росстата в 2020 году общая смертность в России по сравнению с предыдущим годом выросла почти на 18 % [2], продолжительность жизни снизилась во всех регионах страны [8].

Представленные данные демонстрируют важность дальнейшей реализации национального проекта «Здравоохранение» (далее – нацпроект). Нацпроект направлен на решение глобальных задач путем выполнения последовательных мероприятий. Так, целями нацпроекта являются снижение смертности населения, в том числе от болезней системы кровообращения, от злокачественных образований; снижение младенческой смертности; ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях; увеличение охвата всех граждан профилактическими осмотрами [3].

Прокурорский надзор в указанной сфере — одно из приоритетных направлений надзора [4].

В составе национального проекта предусмотрено несколько федеральных проектов. Так, федеральный проект «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» направлен на создание фельдшерских, фельдшерско-акушерских пунктов (далее – ФАП), строительство врачебных амбулаторий в населенных пунктах с небольшой численностью населения.

Между тем, прокуратура повсеместно выявляет нарушения при реализации федерального проекта, большинство нарушений допускается в процессе заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов.

Распространенными остаются случаи бездействия органов власти субъектов при заключении контрактов. Например, прокуратурой Удмуртии установлено, что контракты на строительство в 16 районах 35 ФАПов были заключены с нарушением сроков, что приведет к недостижению показателей федерального проекта в текущем году. По результатам проверки в Министерстве здравоохранения республики внесено представление об устранении нарушений закона [6].

Нарушения выявляются в процессе реализации контрактов. Так, прокуратурой выявляются случаи нарушения сроков исполнения контрактов, сроков сдачи построенных объектов в эксплуатацию, несвоевременное лицензирование, отсутствие претензионной работы в отношении подрядчика.

Указанные факты выявлены прокуратурами сразу в нескольких субъектах Российской Федерации: в Республиках Адыгее, Северной Осетии, Забайкальском крае, Архангельской, Владимирской, Новгородской и Челябинской областях [7].

Распространенными являются также случаи хищений бюджетных средств в процессе реализации федерального проекта.

Например, прокуратурой Омской области выявлены факты оплаты фактически невыполненных контрактов. По материалам прокуратуры возбуждено уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ [5].

Аналогичный факт выявлен прокуратурой Нижегородской области. Установлено, что несмотря на то, что подрядчик не выполнил условия контракта, заказчик подписал акт приемки, содержащий недостоверные сведения об объеме выполненных работ, что повлекло причинение бюджету ущерба на сумму более 1 млн руб. [1].

В рамках национального проекта предусмотрен также федеральный проект «Борьба с онкологическими заболеваниями», предусматривающий комплекс мероприятий, направленных на выявление и лечение онкологических заболеваний. Прокуратурой выявляются факты длительного простоя и неэффективного использования оборудования, которое поставлено в медицинские учреждения в рамках реализации данного федерального проекта.

Например, во Владимирской области прокуратурой установлено, что в больницу поставлен и введен в эксплуатацию аргоноплазменный коагулятор, но почти полгода не используется. По представлению прокурора нарушения устранены [9].

В Красноярском крае выявлены аналогичные случаи: в две больницы города поставлено дорогостоящее оборудование для исследования клеток крови, однако, фактически работниками медицинского учреждения не используется.

Как уже отмечалось, национальный проект разработан для решения глобальных и важнейших социальных целей, его реализация позволит оснастить медицинские учреждения современным оборудованием, решить кадровые проблемы, создать систему пунктов медицинской помощи в сельских поселениях, что в дальнейшем приведет к обеспечению роста продолжительности жизни населения, возможность каждого гражданина получить квалифицированную медицинскую помощь в любом уголке страны.

Несмотря на положительные промежуточные показатели реализации нацпроекта, наблюдаются негативные тенденции. Прокурорский надзор является действенным способом защиты интересов общества, государства и граждан при реализации национального проекта. Отличительной особенностью надзора в указанном направлении является его превентивный характер. Меры прокурорского реагирования должны быть направлены на выполнение мероприятий национального проекта, и соответственно, достижение его целей.

Список литературы:

1. В Нижегородской области возбудили уголовное дело из-за неправомерной приемки ФАП // Медвестник. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/V-Nijegorodskoj-oblasti-vozbudili-ugolovnoe-delo-iz-za-nepravomernoj-priemki-FAP.html> (дата обращения: 10.11.2021).

2. Общая смертность в России в 2020 году выросла на 17,9 % // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11251429> (дата обращения: 10.11.2021).

3. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» // правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 05.11.2021).

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Прокуратура нашла грубые нарушения при строительстве ФАПов в деревне Новоселецк // Коммерческие Вести. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/120049> (дата обращения: 10.11.2021).

6. Прокуратура Удмуртии выявила нарушения при строительстве ФАПов // UDMinfo. URL: <https://udm-info.ru/news/politics/10-11-2020/prokuratura-udmurtii-vyavila-narusheniya-pri-stroitelstve-fapov> (дата обращения: 10.11.2021).

7. Прокуроры выявили десятки нарушений при строительстве ФАПов в 6 регионах // РИАНовости. URL: <https://realty.ria.ru/20200625/1573456016.html> (дата обращения: 10.11.2021).

8. Росстат назвал лидирующие по снижению продолжительности жизни регионы // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2021/60f027639a7947a3f63412cb> (дата обращения: 10.11.2021).

9. Срыв сроков строительства и поставок лекарств, простой оборудования: владимирская прокуратура назвала нарушения по нацпроектам // Зебра. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/vlast/sryv-srokov-stroitelstva-i-postavok-lekarstv-prostoy-oborudovaniya-vladimirskaia-prokuratura-nazvala/> (дата обращения: 10.11.2021).

УДК 343.16

Д. С. Аношкин

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются нововведения в области государственного контроля и надзора в Российской Федерации, которые были введены Федеральным законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ, а так же, были рассмотрены проблемы, оставшиеся нерешенными с введением данного закона.

Ключевые слова: контроль, надзор, мероприятия, действия, полномочия, профилактика.

D. S. Anoshkin

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

REFORM OF STATE CONTROL AND SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article considers innovations in the field of state control and supervision in the Russian Federation, which were introduced by the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" from 31.07.2020 № 248-FZ, and also considered the problems that remained unresolved with the introduction of this law

Keywords: control, supervision, measures, actions, powers, prevention.

В современном мире очень сложно представить себе какую-либо важную сферу деятельности человека, которая не регулировалась бы законодательно. Но просто установить в законе права, обязанности и ответственность недостаточно для того, чтобы все субъекты данных отношений соблюдали эти правила. Именно для этого государством создаются различные органы с целью надзора за соблюдением законодательства и привлечению к ответственности нарушивших его лиц.

До второй половины 2020 года законодательство о контроле и надзоре в Российской Федерации не имело единую правовую основу и устанавливалось огромным количеством различных правовых актов (примерное их число: 150). Отсутствии единого законодательства по данному вопросу сильно затрудняло анализ и оценку эффективности данной деятельности. Кроме того, большой проблемой являлось наличие избыточных контрольно-надзорных процедур, а так же дублирование полномочий.

Но 31 июля 2020 года вышел Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее Федеральный закон) от 31.07.2020 № 248-ФЗ, который решил все перечисленные выше проблемы. Часть положений данного Закона не вступили в силу до сих пор, к примеру антимонопольный контроль и контроль в сфере гособоронзаказа до 2024 года регулируется предыдущим законодательством, а «региональные и муниципальные проверки проводят по старым правилам до тех пор, пока не будут утверждены положения о видах регионального и муниципального контроля. Они должны быть приняты до 1 января 2022 года» [2, С. 2].

Ст. 56 Федерального закона выделяет 2 вида контрольных мероприятий:

1. мероприятия без взаимодействия с контролируемым лицом (к ним относятся наблюдение за соблюдением обязательных требований и выездное обследование);

2. мероприятия при взаимодействии с контролируемым лицом (к ним относятся все контрольно-надзорные мероприятия, предусмотренные ч. 3 названной статьи).

Ч. 1 ст. 65 Федерального закона устанавливает конкретный перечень контрольно-надзорных действий, а глава 14 постатейно их описывает. Так же считаю очень важным заметить, что в главе 13 данного Федерального закона детально регламентировано каждое контрольно-надзорное мероприятие с указанием конкретного перечня действий, которые могут быть применены при его проведении. Всё это способствует защите прав контролируемых лиц, т.к. не позволяет надзорному органу действовать произвольно.

Данным Федеральным законом так же введён единый реестр контрольно-надзорных мероприятий, а так же была усилена его значимость по сравнению с единым реестром проверок. Новый реестр содержит в себе абсолютно всю информацию о проведённых проверках, а большинство проверок вообще нельзя провести без внесения сведений в него. Также были введены различные уровни доступа к размещённой в реестре информации:

1. общедоступные сведения;

2. сведения доступные только контролируемому лицу (например сведения о принятых к данному лицу мерах);

3. сведения, которые станут общедоступными по завершении каких-либо действий (например, контрольная закупка).

Федеральным законом были введены профилактические мероприятия направленные на «стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований всеми контролируемыми лицами» [1]. При правильном их применении получится значительно снизить количество нарушений, а значит в перспективе и количество проверок в целом.

На данный момент можно выделить несколько проблем, решение которых смогло бы улучшить систему контроля и надзора. Например, многие положения Федерального закона указывают на то, что некоторые вопросы должны устанавливаться внутренними актами конкретных контрольно-надзорных органов, в данной ситуации необходимо добавить их в федеральный закон, с целью полной регламентации действий контрольно-надзорных органов. Кроме того, это значительно упростит ознакомление контролируемых лиц с данными положениями,

т.к. все они будут находиться в одном законе. Единый реестр со свободным доступом к информации о критериях при проведении проверки значительно упростит ознакомление и подготовку контролируемых лиц к проверкам, что значительно уменьшит количество нарушений, а в перспективе и количество проверок в целом.

Таким образом, новый Федеральный закон систематизирует всю сферу государственного контроля и надзора в Российской Федерации, что при решении определенных проблем позволяет в полной мере обеспечить защиту прав контролируемых лиц.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

2. Реформа контроля и надзора: что изменилось с 1 июля 2021 года: обзор, подготовленный КонсультантПлюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339697/ (дата обращения: 10.11.2021).

3. «Проблемы законодательного регулирования государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам севера 16 октября 2015 г. // URL: <http://region.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/58822/> (дата обращения 10.11.2021).

УДК 349.6

Н. А. Бектасова

*Северо-Кавказский федеральный университет
Юридический институт
Россия, Ставрополь*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И КРИТЕРИЯХ БЛАГОПРИЯТНОСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ОБЪЕКТА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается смысловое и правовое содержание понятия «благополучие окружающей среды», определяющее три самостоятельных направления прокурорской деятельности в пределах такой подотрасли как надзор за соблюдением экологических прав граждан.

Ключевые слова: экологические права, окружающая среда, прокурорский надзор

N. A. Bektasova

*North Caucasus Federal University
Law Institute
Russia, Stavropol*

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND CRITERIA OF ENVIRONMENTAL FRIENDLINESS AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Abstract. The article examines the semantic and legal content of the concept of «environmental well-being», which defines three independent areas of prosecutorial activity within such a sub-sector as supervision of compliance with environmental rights of citizens.

Keywords: environmental rights, environment, prosecutor's supervision

Важность надлежащего обеспечения экологических прав граждан трудно переоценить, в данном случае речь идет не только о сохранности жизни и здоровья человека, но и о качественной составляющей его жизни (экономическая доступность качественного и разнообразного органического питания; наличие зеленого фонда рядом с местом проживания, а также природных зон для отдыха, рекреации и оздоровления; доступность и гарантированное высокое качество питьевой воды и т.д.), обеспечении жизни его потомкам, сохранении жизни на планете как единой экосистеме, содержащей широчайший спектр видового многообразия, в целом.

Проблемы сохранения благоприятной окружающей среды стали интересовать юристов, начиная с прошлого века.

Как в международном праве, так и в отечественном законодательстве, комплекс экологических прав граждан принадлежит к категории неотчуждаемых прав, однако, несмотря на такое правовую согласованность, эффективный правовой механизм обеспечения экологического благополучия людей до сих пор отсутствует. Справедливо это высказывание для всех стран, в каких-то государствах ситуация с обеспечением экологических прав чуть лучше, в каких-то чуть хуже, однако, общее состояние окружающей среды продолжает поступательно ухудшаться, что обязывает правозащитную и правоохранительную системы, в том числе и Российской Федерации, реагировать адекватным образом на такое ухудшение.

Федеральный закон «Об охране окружающей среде» в статье 1 определяет ее как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов, а благоприятность среды как качество, обеспечивающее устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов [1].

Как справедливо отмечает П. С. Быченков, в научной литературе нет общепризнанных критериев для определения ее благоприятности, автор ссылается на мнение М. М. Бринчука, который связывает благоприятность с незагрязненностью, ресурсоёмкостью, экологической устойчивостью и богатством биологических видов, и нам в свою очередь также представляются эти критерии вполне удачными, на мнение А. Ю. Хворостова, в качестве основного критерия благоприятности определившего уровень здоровья населения, на мнение М. В. Светличной, положившей фундаментом в определении благоприятности окружающей среды сохранность естественных экосистем, и данным точкам зрения также невозможно отказать в справедливости [2, С. 122–123]. Несколькими годами позже в другой своей публикации А. Ю. Хворостов дополняет признаки благоприятности, указывая, кроме степени воздействия на жизнь человека, такие качества, как устойчивость функционирования окружающей среды, а также соответствие ее состояния нормативам, установленным в законе. [3, С. 66].

Как бы не формулировалось разными учеными смысловое и правовое содержание понятия «благополучие окружающей среды», три направления прокурорской работы в пределах такой подотрасли как надзор за соблюдением экологических прав граждан одинаково обособляются при каждой предложенной дефиниции:

– надзор за соблюдением экологического законодательства обеспечивает сохранение для граждан и их последующих поколений незагрязненного состояния окружающей среды и биологического видового разнообразия, а также соответствие состояния отдельных элементов окружающей среды установленным в законодательстве нормативам безопасности для человеческого здоровья;

– надзор за соблюдением законов о природопользовании обеспечивает сохранение ресурсоёмкости окружающей среды, сохранение экосистем или их восстановление после антропогенного вмешательства, связанного с хозяйственной деятельностью;

– восстановление нарушенных экологических прав граждан, компенсация вреда, причиненного их здоровью экологическим правонарушением.

Хотелось бы отметить, что каждое из предлагаемых учеными качеств, рассматриваемое как определяющий критерий для оценки благоприятности окружающей среды, имеет самостоятельное и важное значение, ничуть не уступающее остальным качествам благоприятности.

Следовательно, благоприятным состоянием окружающей среды следует считать такое сочетание ее признаков качественного и количественного характера, при котором сохраняется восстановление экосистем и биологическое разнообразие в их пределах, а также отсутствует негативное влияние на здоровье человека.

Правовая охрана окружающей среды органами прокуратуры осуществляется с использованием комплексного подхода к организации данной деятельности: кроме непосредственной работы природоохранной прокуратурой осуществляется проверка законности нормативно-правовых актов,

регламентирующих правоотношения в сфере природопользования, и правовая экспертиза проектов таких нормативно-правовых актов; широко практикуется правовое просвещение населения по вопросам бережного отношения к окружающей среде, содержания экологических прав граждан и способов их защиты; совместно с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления организуются мероприятия по повышению общего уровня экологической культуры граждан.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14 января 2002 г. № 2. Ст. 133.
2. Быченко П.С. Проблемы, связанные с реализацией права на благоприятную окружающую среду // *Modern Science*. 2021. № 2–1. С. 122–125.
3. Хворостов А.Ю. Право на благоприятную окружающую среду: понятие, реализация, защита / В сборнике: Юридические науки, правовое государство и современное законодательство. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 66–68.

УДК 347.963

А. Ю. Васильева, А. А. Тузова

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт прокуратуры
Москва, Россия*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1722–1917)

Аннотация. В данной статье описано развитие одного из направлений надзорной деятельности прокуратуры – надзора за соблюдением прав осужденных. История данной отрасли надзора берет свое начало с самого основания прокуратуры при Петре I и продолжается по настоящее время. Настоящее исследование посвящено надзору за соблюдением прав осужденных в дореволюционный период.

Ключевые слова: права осужденных, прокуратура, прокурор, прокурорский надзор, места лишения свободы, тюрьмы.

A. Y. Vasilyeva, A. A. Tuzova

*Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MSAL)
Institute of the Prosecutor's Office
Moscow, Russia*

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF CONVICTS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD (1722–1917)

Abstract. This article describes the development of one of the areas of supervision of the prosecutor's office – supervision of the observance of the rights of convicts. The history of this branch of supervision originates from the very foundation of the Prosecutor's Office under Peter I and continues to the present. This study is devoted to the supervision of the observance of the rights of convicts in the pre-revolutionary period.

Keywords: the rights of convicts, prosecutor's office, prosecutor, prosecutor's supervision, places of deprivation of liberty, prisons.

Становление, формирование и развитие российской прокуратуры – сложный исторический путь. Его можно разделить на три этапа: дореволюционный (или императорский) – XVIII в. – октябрь 1917 г.; советский – октябрь 1917 г. – конец 80-х гг. XX века; современный – 90-е гг. XX в. – по настоящее время.

Указом Петра I от 12 января 1722 года была учреждена прокуратура, деятельность которой была направлена на борьбу с казнокрадством, должностными преступлениями

и взяточничеством. Цель создания надзорного органа заключалась в том, чтобы прокурорский надзор был образован как институт обеспечения исполнения воли императора и действующих законов в деятельности государственного аппарата и фискальных органов, в местах содержания заключенных под стражу. Поэтому, прокуратура была на страже интересов самодержавия и выступала «оком государевым» [1, с. 18].

В ходе своего становления и функционирования прокуратура стала неотъемлемым элементом в системе государственного управления Российской империи, осуществляя на основании нормативно-правовых установлений надзор и контроль за исполнением действующих законов [2, с. 9].

Так, одним из направлений деятельности прокуратуры с самого ее основания стал надзор за соблюдением прав осужденных.

Однако, следует обратить внимание на то, что категории прав осужденных лиц в первой четверти XVIII века далеки от современного их понимания. Как пишут исследователи, положение лиц, находящихся в местах лишения свободы было сравнимо с положением домашнего скота. Государство отказывало им в обеспечении питанием, одеждой и иными нуждами, эта задача полностью ложилась на плечи их родственников. Еще тяжелее приходилось заключенным-одиночкам, у которых не было родственников, они были вынуждены обеспечивать себя сами. Для этого они скрывались по двое и в сопровождении охранника отправлялись просить милостыню у прохожих. Такие принципы содержания сохранялись почти до конца XVIII века и только в 1778 году появились первые попытки государственного обеспечения арестантов, были введены нормы питания, причем с градацией – для здоровых и больных. С 1796 года лечение больных заключенных проводилось за счет государственной казны [3, с. 6].

Несмотря на практически бесправное состояние осужденных, прокурорский надзор за законностью в местах лишения свободы и соблюдением прав лиц, в них прибывающих, все же осуществлялся и функционировал следующим образом. Выявив нарушение, прокурор устно выступал с требованием об его устранении. Если никакие меры после этого не предпринимались, прокурор приносил протест, который был призван приостановить противоправное действие, либо выносил постановление на усмотренное им нарушение. Затем о нарушениях «доносилось» Генерал-прокурору, которым принимались должные меры, именно с подачи Генерал-прокурора по таким вопросам принимались властные сенатские решения [1, с. 20].

В послепетровский период, который ещё называют периодом «дворцовых переворотов», прокуратура находилась в затяжном кризисе своего развития, она то теряла свои функции, как это случилось при правлении Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, то вновь возрождала свое величие (период правления дочери Петра Великого – Елизаветы I).

Укрепление позиций прокуратуры, а следовательно, и прокурорского надзора, произошло в период правления Екатерины II, что в значительной мере связано с принятием в 1775 году законодательного акта «Учреждения для управления губерний», которое регламентировало деятельность прокуроров (глава XXVII «О прокурорской и стряпческой должности»). Об усилении надзора за законностью в местах лишения свободы и соблюдением прав осужденных свидетельствуют положения п. 13 ст. 405 вышеназванного Учреждения: «...Губернский прокурор попечение имеет о содержащихся под стражею людях...» [4]. Данное положение возлагало на прокурора обязанность раз в неделю посещать тюрьмы («по пятницам после обеда»), чтобы проверять состояние и обеспечение содержащихся в них лиц.

При Павле I прокуратура продолжала функционировать, однако из-за неприязни государя к реформам Екатерины Великой надзорные функции и штат этого органа были значительно сокращены.

В 1802 году прокуратура стала составной частью Министерства юстиции, учрежденного Указом Александра I «Об учреждении министерств», а Генерал-прокурор по должности стал Министром юстиции [5]. Вскоре император издал Указ о постройке острогов трех разрядов в Малороссии с целью различного содержания арестантов, а также приказал

губернским прокурорам наблюдать за быстрым рассмотрением дел арестантов.

Г.Р. Державин, будучи первым министром юстиции и генерал-прокурором, подписал Циркулярный Ордер 1802 года, который содержал в себе семь главных положений, адресованных губернским прокурорам. В одном из положений указывалось о необходимости прокурора каждый месяц докладывать о том, как содержатся преступники в тюрьмах (о качестве питания, условиях содержания, применении или неприменении пыток при допросе) [6, с. 56].

В 1832 году был принят Свод Законов Российской империи, в соответствии с которым прокуроры были наделены полномочиями надзора в области законности содержания под стражей и отбывания наказания осужденными [5].

В ходе проведения судебной реформы 1864 года статус прокуратуры значительно изменился, а именно: уголовное преследование становится одной из основных направлений деятельности прокуратуры.

Расширение полномочий прокурора в области надзора за соблюдением прав осужденных происходило в связи с принятием в 1878 году Положения Комитета министров «О порядке местного управления тюрьмами» (далее – Положение). Согласно нормам Положения прокуроры обязаны были принимать: необходимые меры для осуществления наблюдения за законностью задержания заключенного и порядка их содержания; просматривать и отправлять письма, написанные заключенными; посещать тюрьма.

Особый интерес представляет принятый Министерством юстиции секретный циркуляр, который обязывал губернских и областных прокуроров с должным вниманием читать письма арестантов, чтобы не допустить распространения действий, опасных для общественного спокойствия [6, с. 57].

При царствовании Александра III был разработан проект «Положения о прокурорском надзоре». Вместе с тем, постепенно намечается тенденция упадка влияния прокуратуры, а в 1917 году прокуратура и вовсе была ликвидирована.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельность прокурора по надзору за соблюдением прав осужденных в дореволюционный период постепенно приобретала все большее значение со стороны действующей власти. Со временем появлялись новые нормативно-правовые акты, наделяющие прокурора полномочиями на данном направлении прокурорского надзора. Особое внимание властей к правам лиц, содержащихся в местах лишения свободы, свидетельствовало о постепенной гуманизации общества.

Список литературы:

1. *Звягинцев А. Г.* Три века российской прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 6. С. 17–31.
2. *Кехлеров С. Г.* Российская прокуратура: история, реформы и перспективы развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 6. С. 9–17.
3. *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней, 1560–1880 г. СПб., 1880. 678 с.
4. Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 года // СПС «Гарант» » (Дата обращения 02.11.2021 г.).
5. Свод законов Российской Империи // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 02.11.2021 г.).
6. *Белая Н. П.* Становление и развитие надзорной и правоохранительной деятельности прокуратуры в тюрьмах царской России // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1(76). С. 55–58.

УДК 93/94

Д. А. Демкин

*Уральский государственный юридический университет
Институт прокуратуры
Россия, Екатеринбург*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. настоящая статья посвящена истории органов военной прокуратуры в контексте развития Российского государства и законодательства, начиная с 1867 г. Перечислены основные этапы деятельности и организации прокурорского надзора в Вооруженных силах Российской Федерации. Особое внимание автор уделяет развитию предмета надзора военных прокуроров, месту военной прокуратуры в системе органов российского государства, а также ее роли в период войн и революций.

Ключевые слова: военная прокуратура, военно-судебная реформа, военно-судебный устав 1867 г., аудиторство, декрет «О суде».

D. A. Demkin

*Ural state University of law
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Yekaterinburg*

EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF THE BODIES OF THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. this article is devoted to the history of the military prosecutor's office in the context of the development of the Russian state and legislation, starting from 1867. The main stages of the activity and organization of prosecutorial supervision in the Armed Forces of the Russian Federation are listed. The author pays special attention to the development of the subject of supervision of military prosecutors, the place of the military prosecutor's office in the system of bodies of the Russian state, as well as its role during the period of wars and revolutions.

Keywords: military prosecutor's office, military judicial reform, military judicial charter of 1867, auditing, decree "On the court".

История Российской военной прокуратуры уходит корнями к концу XVII столетия. Ее прародителем с полным основанием следует признать институт аудиторов, появившийся в Государстве Российском во время создания регулярных Вооруженных сил. Термин «аудитор» использовался тогда для обозначения профессии, которая сегодня сочетает права и обязанности дознавателя и военного прокурора (стряпчего). Однако если рассматривать органы военной прокуратуры обособленно, в своей системе и внутренней структуре, учитывать появление самой должности «военный прокурор», говорить о начале образования самостоятельного правового статуса военной прокуратуры нужно с отсылкой на реформу 1867 года.

Цель реформ в государственной структуре, а именно в правоохранительном секторе тогда была вполне объяснима: подстроиться под социально-правовые изменения в обществе, обусловленные отменой Крепостного права. Главным итогом Военно-судебной реформы стали Военно-судебный устав 1867 года и сформированная в соответствии с ним система правоохранительных органов в русской армии. Именно с этого времени Военная прокуратура начинает самостоятельную историю.

Правовой статус военной прокуратуры конца XIX века определяет ее положение в системе российского законодательства, в первую очередь, как административный орган, в котором сосредотачивалось управление военно-судной частью. На данном этапе развития военная прокуратура не рассматривалась как орган, решающий все вопросы, нуждающиеся в правовом разрешении относительно военного ведомства.

В указе Александра II говорилось, что с открытием военно-окружных судов утверждается должность Военного

Прокурора (ст. 6 главы I и VI глава «о лицах прокурорского надзора» Военно-судебного устава 1867 г.). Хотя военная прокуратура и действовала де-юре в составе Главного военного суда, де-факто это был самостоятельный орган со своей внутренней структурой, в которую входили Главный Военный прокурор, его товарищи (заместители), сами военные прокуроры, секретари. Целью создания был надзор при военно-судебных местах. Руководствовались военные прокуроры исключительно своим убеждением и существующими законами (ст. 2 Военно-судебного Устава). Причем «личное убеждение» в тексте Закона стоит на первом месте. Сложившаяся во второй половине XIX века в Российской империи системы военных судебно-прокурорских органов с учётом быстро меняющийся в стране и вооружённых силах обстановки продолжала совершенствоваться. И в целом она надёжно действовала до 1917 года.

После октябрьской революции 1917 года Декрет Совета народных комиссаров РСФСР № 1 «О суде» своим первым пунктом упразднил существовавшие судебные установления, а третьим пунктом : прокурорский надзор, следователей, институт присяжной и частной адвокатуры.

Особо остро в создании органов поддержания правопорядка и законности нуждалась Красная Армия. Поэтому уже в начале 1918 года на всех фронтах сформировали революционные военные трибуналы и военно-транспортные революционные трибуналы.

В соответствии с Положением о Военной прокуратуре 1926 года впервые на прокуратуру возлагается обязанность надзирать за всеми органами следствия и дознания в РККА. С изданием данного положения существенно увеличилась роль военной Прокуратуры в системе правоохранительных органов, так как помимо того военные прокуроры получили широкие процессуальные права по надзору за правильностью содержания под стражей военнослужащих, а также могли требовать необходимые сведения от всех учреждений и должностных лиц, обеспечивающих исполнение приговоров военных трибуналов.

В период Войны органы военной прокуратуры приобретают функции государственной власти в области обороны и государственной безопасности. С изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий» надзор распространялся не только на части Вооружённых сил СССР, но и на военные объекты, предприятия военной промышленности. Впервые в сфере регулирования появляется железнодорожный, водный, воздушный транспорт.

Военная прокуратура фактически контролировала выполнение всеми должностными лицами и красноармейцами постановлений Государственного комитета обороны СССР, приказов Верховного Главнокомандующего и Народного комиссара обороны СССР.

После Великой Победы над Германией военно – прокурорские работники были привлечены к подготовке и участию в судебных заседаниях, а так же активно содействовали обеспечению Нюрнбергского и Токийского процессов над главными военными преступниками. Это был первый крупный опыт участия военной прокуратуры в международном судопроизводстве и арбитраже. В дальнейшем это перерастет в международное сотрудничество – одно из направлений деятельности современной прокуратуры.

В декабре 1966 года Указом Президиума Верховного Совета СССР утверждено Положение о военной прокуратуре. С его принятием военная прокуратура окончательно оформилась как правоохранительная структура.

С вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 года в кратчайшие сроки были сформированные и приступили к работе в составе воинских формирований десять военных прокуратур гарнизонного звена военной прокуратуры Туркестанского военного округа. В работе военных прокуроров при выполнении интернационального долга основными стали вопросы обеспечения правопорядка в местах расположения советских воинских частей и подразделений, законности при применении боевых операций, профилактики правонарушений среди военнослужащих.

Сегодня военная прокуратура представляет собой неотъемлемую часть единой централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации, которую возглавляет заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Главный военный прокурор, назначаемый на должность Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

В современный период военная прокуратура продолжает свою славную историю, наращивая усилия по защите прав и законных интересов военнослужащих и членов их семей, оказывает противодействие коррупции в войсках и воинских формированиях.

Десять военных прокуратур осуществляет свою деятельность на территориях девяти иностранных государств: Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Южной Осетии, Абхазии и Сирии, где в соответствии с законом на них возложено исполнение функций прокуратуры в целом.

Прокуратура сегодня является центральным правоохранительным органом в Российской Федерации. Особенность статуса Военной прокуратуры состоит в том, что основными целями прокурорской деятельности является обеспечение верховенства закона в рядах ВС РФ, единства и укрепления законности защиты прав и свобод военнослужащих и членов их семей, а также надзор за всеми иными сферами, так или иначе связанными с обеспечением государственной безопасности.

На протяжении последних 15 лет военные прокуроры в составе воинских формирований участвовали в выполнении боевых задач по принуждению Грузии к миру в 2008 году, в Крыму в 2014 году и в Сирийской Арабской Республике с 2015 года и др. Обеспечивали законность в ходе свыше 50 крупномасштабных и международных военных учений.

Список литературы:

1. Военная прокуратура в России: 145 лет на службе Отечеству и Закону / под общей редакцией заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора государственного советника юстиции 1 класса С.Н. Фридинского. – М., : Граница, 2012. – 200с.
2. История органов военной прокуратуры и ее герои. Гордость военной прокуратуры – Герои Советского Союза /под общей редакцией заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора государственного советника юстиции 1 класса В.Г. Петрова. – М., 2020. – 240 с.
3. История Российской прокуратуры. 1722–2012 // А.Г. Звягинцев. М., ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 416 с.илл.
4. Прокуратура России – 290 лет. 1722–2012. Прокуратура Республики Бурятия / под общей редакцией прокурора Республики Бурятия государственного советника юстиции 2 класса В.Г. Петрова
5. Военной прокуратуре 150 лет. – М.: АО «Красная Звезда», 2017. – 232 с.

Н. В. Денисова

Университет прокуратуры Российской Федерации
Факультет подготовки научных кадров
Россия, Москва

ПОДМЕНА ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ФУНКЦИЙ ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ: АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся соблюдения пределов прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы в связи с проблемой подмены органами прокуратуры функций иных государственных органов.

Ключевые слова: прокурорский надзор, исполнение законов, подмена, пределы прокурорского надзора, анализ дискурса.

N. V. Denisova

University of prosecutor's office of the Russian Federation
Department of Postgraduate and Doctoral Studies
Russia, Moscow

DISCOURSE ANALYSIS AND THE PROBLEM OF REGULATORY OVERLAP

Abstract. The article deals with the issues, which are related to the limits of prosecutorial supervision outside the field of criminal justice amid the problem of powers' overlap between the prosecutors' offices and other states' watchdogs. deals with the problem of regulatory overlapping between public prosecution bodies and governmental bodies and agencies; small wonder that the overlapping problem mainly occurs between public prosecution bodies and regulatory agencies.

Keywords: prosecutorial supervision, ensuring compliance with the law, regulatory overlap, limits of prosecutorial supervision, discourse analysis.

Пределы надзорной деятельности прокуроров за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы являются одной из наиболее устоявшихся категорий в теории прокурорского надзора [1, С. 99]. Вместе с тем открытым и дискуссионным остается вопрос о соблюдении их прокурорами при принятии последними решения о проведении проверок.

Так, в литературе указывается, что зачастую прокуроры пренебрегают требованием пункта 2 статьи 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о прокуратуре) и допускают подмену иных государственных органов.

Среди возможных вариантов решения данной проблемы теоретиками прокурорского надзора предлагалось установить критерии отграничения подмены от обоснованного прокурорского вмешательства [2, С. 41].

Со стороны законодателей поступали предложения о пересмотре вышеупомянутого положения Федерального закона о прокуратуре. В частности, в 2015–2016 годах на рассмотрении в Государственной Думе находился законопроект, который предусматривал исключение «юридически не корректного термина «подмена» и предлагал прямо указать, что органы прокуратуры не проводят контрольно-надзорные мероприятия, если это отнесено к компетенции уполномоченных государственных или муниципальных органов» [3].

Одним из аргументов указывалось, что отсутствие нормативного толкования понятия «подмена иных государственных органов» приводит к повсеместному исполнению прокурорами несвойственных им функций и дублированию ими полномочий контрольно-надзорных органов.

Необходимо отметить, что в Федеральном законе о прокуратуре отсутствует не только нормативное толкование, но и само слово «подмена» законодателем не употребляется. Документом предусмотрены положения, в силу которых органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы или иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод чело-

века и гражданина (пункт 2 статьи 21 и пункт 2 статьи 26 соответственно).

Между тем производное от содержащегося в законе глагола «подменять» существительное «подмена» широко используется как в ведомственных организационно-распорядительных и информационно-аналитических документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее – Генеральная прокуратура РФ), так и в научных трудах, посвященных вопросам организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы.

Однако до сих пор не ясно, что же из себя представляет подмена; сложившаяся неопределенность провоцирует научные дискуссии по этому поводу. Так, одни исследователи утверждают об обоснованности подмены при определенных основаниях [4, С. 32]; другие же настаивают на том, что обоснованности «подмены» не может быть и речи, а выделение подобных оснований противоречит действующему законодательству о прокуратуре [5, С. 25].

Полагаю, что разрешению указанной дилеммы может способствовать анализ профессионального дискурса прокуроров, который позволит выявить сложившиеся у слова подмена коннотации.

Определение сложившихся в рамках профессионального дискурса сопутствующих негативных или положительных значений у слова подмена, позволит выдвинуть предположения, является ли теоретически обоснованным употребление слова подмена в сочетаниях с такими словами как обоснованность, обоснования и критерии допустимости и т.д.

Для этого следует проанализировать контексты ее употребления и определить – через какой набор языковых единиц в профессиональном дискурсе прокуроров создается то или иное сопутствующее значение.

В литературе, посвященной методам анализа текстов, отмечается, что для дискурса языковые средства имеют конструктивное значение; это означает, что дискурс является способом репрезентации определенного отношения к рассматриваемому явлению общественной жизни [6, С. 530].

Для анализа были отобраны информационные письма Генеральной прокуратуры РФ, в тексте которых упоминалось слово подмена.

По результатам анализа отобранных документов установлено, что во всех исследованных текстах при описании или перечислении недостатков прокурорского надзора, в качестве такового указывается слово подмена; прокурорам предписывается исключать подобные факты из своей практики.

Используемые языковые средства (такие слова и словосочетания как недостаток прокурорского надзора, недопустимость подмены, необходимость исключить факты подмены, ненадлежащее исполнение обязанностей, использование прокурором полномочий без достаточных оснований и т.д.) характеризуют исследуемое явление как отрицательная.

Таким образом, установленная в ходе анализа дискурса негативная коннотация исследуемого слова исключает возможность «обоснованной подмены» прокурорами функций иных государственных органов. Считаю, что последующие исследования необходимо проводить с учетом сложившейся в рамках дискурса негативной коннотации слова подмена.

Список литературы:

1. Казарина А.Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). М., 2005. 280 с.
2. Амирбеков К.И. К вопросу о подмене органами прокуратуры иных государственных органов // Законность. 2015. № 9. С. 40–41.
3. Проект Федерального закона № 738696-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2021).
4. Карпышева Ю.О. Основания подмены прокурором иных государственных органов (по материалам анкетирования) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 30–35.
5. Амирбеков К.И. К вопросу о недопустимости подмены иных государственных органов при осуществлении органами прокурату-

ры надзора за исполнением законов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 4 (84). С. 20–25.

6. *Bryman, A.*, 2012. *Social Research Methods*. 4th ed. New York: Oxford University Press. 766 с.

УДК 343.163

А. И. Звягина, Х. М. Цицкиева

*Тюменский государственный университет
Институт государства и права
Россия, Тюмень*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ С МОМЕНТА ЕЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье рассматривается изменение полномочий прокуратуры, ее структуры и роли от создания до настоящего времени. Опираясь на сравнительный анализ, авторы делают вывод: цифровизация прокуратуры, наделение правом возбуждать отдельные категории уголовных дел, обеспечение прокуратуры большей независимости – из всех предложений по реорганизации прокуратуры более всего смогут повысить ее эффективность.

Ключевые слова: прокуратура, полномочия, прокурорский надзор, роль, реформы.

A. I. Zviagina, Kh. M. Tsitskiewa

*Tyumen State University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE FROM THE MOMENT OF ITS FOUNDATION TO THE PRESENT

Abstract. The article discusses the change in the powers of the Prosecutor's Office, its structure and role from creation to the present. Based on a comparative analysis, authors conclude: digitalization, granting the right to initiate categories of criminal cases, ensuring greater independence – of all the proposals for reorganization will be able to increase its effectiveness fully.

Keywords: prosecutor's office, authorities, prosecutor's supervision, role, reforms.

Прокуратура в системе государственных органов РФ играет важнейшую роль, ведь именно она обеспечивает законность на территории всей страны, решает жизненно необходимые задачи. В настоящее время существует большое количество проектов и предложений по ее развитию. Для того, чтобы определить, какие аспекты в них в полной мере помогут усовершенствовать прокуратуру, стоит обратить внимание на ее историю, провести сравнительный анализ изменений полномочий, статуса, структуры. Именно на основе этих данных можно проследить тенденции развития прокуратуры, которые и помогут разобраться в вариации существующих проектов улучшения данного государственного органа.

История прокуратуры традиционно делится на четыре периода: 1722–1864 гг., 1864–1917 гг., 1917–1992 гг., 1992 – настоящее время.

В качестве начального периода выделяется деятельность прокуратуры с 1722–1864 гг. Необходимость создания надзирающего за исполнением законов органа обуславливалась увеличением числа совершения должностных преступлений, таких как получение взяток и воровство из государственной казны, а также отказа государственных органов управления исполнять указы царя. Поэтому с целью обеспечения надзора за деятельностью аппарата государства 12 января 1722 года Петр I вводит в систему управления новый государственный орган. Он состоял непосредственно из генерал-прокурора, обер-прокурора при Сенате и Синоде и прокуроров при коллегиях и гофгерихтах. В полномочия прокуратуры на тот период входило исполнение функций надзора за судом, осуществление контроля за интересами

казны, надзор по местам, где содержались заключенные, а также надзор по арестантским делам. Однако после кончины Петра I прокуратура почти не осуществляла никаких действий и свое прежнее влияние она смогла восстановить лишь в период царствования Екатерины II, а главной целью прокуратуры по-прежнему являлось “наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи” [1, С.13–52].

Далее идет период с 1864–1917 г., характеризующийся “пореформенной прокуратурой”. С принятием Судебной реформы в 1864 году Александром II в структуре прокуратуры произошли изменения, которые в корне изменили функции данного органа. В состав полномочий прокуратуры стали входить функции поддержания обвинения в суде, надзор за следствием и дознанием, контроль за деятельностью судебных следователей, также прокурорам предоставлялось право на законодательную инициативу. Стоит отметить, что некоторые полномочия все же продолжили свое существование, например: функция обеспечения надзора за правомерностью ареста обвиняемых, контроль за соблюдением законов и т.д. Изменился также и состав прокуратуры, в него помимо обер-прокуроров и генерал-прокурора с апреля 1866 года стали входить прокуроры и их товарищи [2].

Однако революция 1917 г. кардинально изменила прокуратуру, которая в 1917 г. вообще была упразднена, а ее основные функции были возложены на исполнительные органы. Вследствие их разобщенности возникала необходимость восстановления прокуратуры как органа надзора. Поэтому в 1922 г. ВЦИК РСФСР принял Положение о прокурорском надзоре, по которому учреждалась прокуратура, но не как самостоятельный орган, а в составе Народного комиссариата юстиции. Теперь прокуратура обладала следующими полномочиями: осуществление надзора за соблюдением законности путем возбуждения уголовного преследования, поддержание обвинения, наблюдение за органами дознания, наблюдение за правильностью содержания заключенных. Руководство осуществлял Прокурор республики, в его подчинении находились областные и губернские прокуроры. До 1933 г. советская прокуратура не была автономна и некоторое время входила в состав Верховного Суда СССР. А в 1933 г. была создана Прокуратура СССР, которая стала самостоятельной и централизованной. Она обладала теми же полномочиями, что и прокуратура РСФСР, но к ним добавлялось общее руководство деятельностью прокуратур союзных республик. Ее статус был закреплен в Конституции СССР 1936 года. Великая Отечественная война значительно повлияла на развитие прокуратуры. В это время она была военизирована, ее полномочия были расширены в соответствии с требованиями войны, в результате по окончании войны значение прокуратуры в СССР повысилось. В период 1950–1977 гг. органы прокуратуры систематизируются, усиливается их роль. Так, в 1955 г. было принято Положение о прокурорском надзоре, по которому были закреплена четкая структура органа, впервые было упомянуто об опротестовании правовых актов. Дальнейшие изменения законодательства закрепили за прокуратурой обязанность возбуждения уголовных дел и раскрытия преступлений. [1, С. 68–118].

Распад СССР сыграл большую роль: в 1992 г. был принят новый закон “О прокуратуре РФ”, закреплено ее положение в новой Конституции России. Многие в устройстве и функционале прокуратуры было заимствовано у прокуратуры СССР, но многое пришлось подстроить под современные реалии. В полномочия прокуратуры более не входил надзор за исполнением законов гражданами, ей было запрещено вмешиваться в хозяйственную деятельность, поменялось содержание прокурорского надзора. Более того, в 2007 году произошло кардинальное изменение, согласно которому прокуратура больше не имела полномочий возбуждать уголовные дела, эта компетенция теперь принадлежала органам следствия. Такое изменение значительно повлияло на дальнейшее развитие деятельности данного органа [3, С. 99–101].

Все вышеизложенные факты помогают выяснить, какие из предложений в проектах по улучшению деятельности прокуратуры будут наиболее эффективны, смогут повлиять положительно на выполнение прокуратурой её полномочий.

Так, в большинстве проектов главное внимание уделяется цифровизации, которая подразумевает обеспечение всех звеньев прокуратуры техническим оснащением, введение электронного оборота документации и пр. Это позволило бы улучшить деятельность прокуратуры в выполнении своих функций, также документы стали бы намного доступнее и всегда оставались бы сохранены, кроме того, была бы повышена оперативность решения задач. Данное предложение связано с наступающим постиндустриальным периодом для страны, который рано или поздно затронет прокуратуру, ей придется подстраиваться под современные реалии, чтобы сохранить результативность своей работы. Приспосабливаться к действительности государственному органу за весь период существования приходилось не раз. Так, например, в период Великой Отечественной войны в полномочия прокуратуры стало входить много задач, связанных с надзором за органами, которые были созданы в условиях войны, она была военизирована [4]. Также в изученных нами источниках ведутся дискуссии о том, должна ли все-таки прокуратура возбуждать уголовные дела. Практически все авторы отмечают, что существующее законодательство в этом вопросе необходимо изменять. В частности, стоит вернуть прокуратуре право возбуждать уголовные дела, пусть не сразу всех категорий (так как возможности прокуратуры в выявлении фактов и проведении доследственных проверок ограничены), но в отношении отдельных категорий лиц, что помогло бы избежать неоправданных задержек при возбуждении подобных уголовных дел. Это оправданно и закономерно, так как не зря на протяжении всей истории развития прокуратуры после каждого упразднения этого полномочия (права на возбуждение уголовного дела) оно все равно переходило к ней [5].

Не менее часто упоминается в источниках о реформировании необходимость усовершенствовать взаимодействие прокуратуры с ветвями власти по причине их постоянной попытки установить контроль над ней. В советское время прокуратура непосредственно была подотчетна то исполнительной, то законодательной власти. Такое положение дел приводило к злоупотреблению должностными лицами своих полномочий, что вредило эффективности деятельности прокуроров [6].

Таким образом, даже после краткого экскурса в историю деятельности прокуратуры, становится ясно, что некоторые функции прокуратуры утратили свое существование, а некоторые сохранились по сей день и играют весомую роль в огромной системе государственного механизма. Проследив закономерности в современных предложениях по развитию прокуратуры, нам удалось выяснить, что в структуре полномочий данного органа есть определенные аспекты, которые требуют дальнейшего развития, что позволит органу прокуратуры добиться наибольшей результативности в выполнении поставленных перед ней задач.

Список литературы:

1. *Еремин А. В.* История отечественной прокуратуры: учебное пособие. Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. 136 с.
2. *Звягинцев А. Г.* История Российской прокуратуры: 1722–2012. 2012 С. 104–177.
3. *Колыхалов Д. В.* История российской прокуратуры: курс лекций / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М. 2018. 104 с.
4. Приказ Ген. прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» [Электронный ресурс] / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/>
5. О перспективах усиления роли прокуроров. 2017. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya-o-perspektivakh-usileniya-roli-prokurorov/>
6. Современность и перспективы развития прокуратуры. № 44-2. 19.04.2016. [Электронный ресурс] / URL: <https://novainfo.ru/article/5348>

П. А. Злобин

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения прав военнослужащих военной прокуратурой; уделяется внимание мерам пресечения преступлений против военной службы.

Ключевые слова: военная прокуратура, прокурорский надзор. меры пресечения преступлений.

P. A. Zlobin

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

ACTIVITIES OF THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE TO ENSURE THE RIGHTS OF MILITARY PERSONNEL AND THE SUPPRESSION OF CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

Abstract: The article deals with the problem of ensuring the rights of military personnel by the military prosecutor's office; attention is paid to measures to prevent crimes against military service.

Keywords: military prosecutor's office, prosecutor's supervision. measures to prevent crimes.

В настоящее время ключевой задачей деятельности органов прокуратуры в целях исполнения законодательства является осуществление надзора за соблюдением прав и свобод граждан и устранение нарушений, обусловленных ненадлежащим исполнением законов. Надзор осуществляется на всей территории Российской Федерации, принимаются конкретные меры, направленные на обеспечение единства законности, выявление правонарушений и привлечение виновных лиц к ответственности, а также восстановление нарушенных прав.

В систему органов прокуратуры входят специализированные прокуратуры. К ним, наряду с транспортной и природоохранной, относится военная прокуратура, которая осуществляет надзор за исполнением законов в Вооруженных силах Российской Федерации.

В соответствии с требованиями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» основными задачами военной прокуратуры являются точное исполнение законов, укрепление воинской дисциплины и правопорядка, защита прав военнослужащих и членов их семей. Надзорная деятельность по соблюдению законов в среде военнослужащих обеспечивается на основании Конституции РФ и норм, которые позволяют осуществить правовое регулирование деятельности военнослужащих и офицерского состава.

В последнее время, как отмечают исследователи (Н. В. Филиппова), в Российской Федерации деятельность органов военной прокуратуры по надзору за соблюдением органами военного управления и воинскими должностными лицами прав и социальных гарантий военнослужащих начала активизироваться.

В целях предупреждения нарушений законов, повышения правовой грамотности и информированности военнослужащих, формирования у них убежденности в ценности права и его использовании в защите собственных законных интересов, в настоящее время осуществляются различные правовые мероприятия. Так, в обязанности офицера по воспитательной работе входит организация свободного времени военнослужащих, проведение конкретных мероприятий, способствующих сплочению воинского коллектива, осуществление приема военнослужащих, призванных на военную службу, оказание им помощи в процессе адаптации.

Р. О. Зуев

Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт прокуратуры
Россия, Москва

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ И РЕФЕРЕНДУМЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы нормативной регламентации полномочий прокурора по осуществлению надзора за исполнением законодательства о выборах и референдуме. На основе предложенной автором классификации данных полномочий в зависимости от того, в каких нормативных правовых актах они закреплены, приведен их краткий анализ.

Ключевые слова: прокурор, полномочия, надзор, выборы, референдум.

R. O. Zuev

Moscow State Law University (MSAL)
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Moscow

POWERS OF THE PROSECUTOR IN SUPERVISION THE EXECUTION OF ELECTIONS AND REFERENDUM LEGISLATION

Abstract: The article addresses the issues of normative regulation of the prosecutor's powers in supervision the execution of elections and referendum legislation. Based on the proposed by the author classification of these powers, depending on which normative legal acts they are enshrined in, their brief analysis is given.

Keywords: prosecutor, powers, supervision, elections, referendum.

Частью 3 ст. 3 Конституции Российской Федерации свободные выборы и референдум провозглашены высшим непосредственным выражением власти народа. Основой легитимной власти могут быть только те выборы, которые обеспечивают выражение подлинной воли народа, результаты которых не фальсифицированы [1, с. 95]. В этой связи обеспечение законности в период подготовки и проведения избирательных кампаний является весьма актуальной проблемой.

Представляется, что органы прокуратуры призваны играть существенную роль в обеспечении реализации положений законодательства о выборах (референдуме) и защите избирательных прав граждан, для чего прокуроры наделены достаточно широким кругом полномочий.

Указанные полномочия в зависимости от того, в каких нормативных правовых актах они закреплены, можно разделить на три следующие группы:

- «общенадзорные» полномочия, предусмотренные Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»);
- полномочия, предусмотренные процессуальным законодательством и законодательством, устанавливающим ответственность за нарушения в сфере подготовки и проведения выборов или референдума;
- специальные полномочия, предусмотренные законодательством о выборах и референдуме.

Среди «общенадзорных» полномочий основное внимание стоит уделить возможности вынесения прокурором различных актов реагирования, в частности, протестов на противоречащие закону правовые акты либо на акты, нарушающие избирательные права граждан (ст.ст. 23, 28 ФЗ «О прокуратуре РФ»), представлений об устранении нарушений избирательного законодательства либо нарушений избирательных прав граждан (ст.ст. 24, 28).

Так, например, прокурор приносит протест на следующие правовые акты, касающиеся подготовки и проведения выборов, в случае их противоречия закону [2, С. 53, 67, 138, 153]:

Однако остается актуальной проблема нарушения законодательства в сфере прохождения военной службы. В Вооруженных Силах совершаются преступления, которые приводят к гибели людей, причинению вреда их здоровью и другим тяжким последствиям, что в значительной мере, по мнению ряда экспертов, способствует ослаблению обороноспособности страны и ведет к эскалации социальной напряженности. Для устранения обозначенной проблемы требуется осуществление надзора над офицерским составом и военнослужащими, проходящими контрактную службу. Речь идет о неуставных отношениях между офицерами и их подчиненными. Необходимо проводить проверки в отношении тех сотрудников, которые только начали работать в Вооруженных силах, и объективно оценивать их умения и способности: кто из них действительно может осуществлять подготовку солдат, проходящих срочную службу, а кто действует только, исходя из собственных интересов и удовлетворения личных потребностей.

Военная прокуратура также осуществляет надзор за законностью в процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил и предварительного следствия. Здесь основной задачей является выявление фактов нарушения прав и свобод военнослужащего. По мнению исследователей (Я.Н. Ермоловича), достаточно распространенными являются нарушения, связанные с несоблюдением следователями военных следственных органов разумного срока уголовного судопроизводства. Данная проблема относится не только к военным преступлениям. К основным трудностям, возникающим в ходе раскрытия обозначенных преступлений, относятся: установление самих виновных, совершивших преступление, проведение следственных действий в установленные сроки, заинтересованность офицерского состава в нераскрытии подобного рода преступлений, т.к. это может привести к серьезным последствиям: взысканиям, понижению в воинском звании и т.д. К тому же неуставные отношения между военнослужащими скрывают и сами военнослужащие, что затрудняет раскрытие преступления.

Таким образом, в целях повышения эффективности раскрытия военных преступлений Военной прокуратуре требуется обращать внимание на все факты и случаи, в ходе рассмотрения которых было отказано в возбуждении уголовного дела, проводить проверку в воинских частях, попадающих под подозрение из-за неуставных отношений или нарушения прав и свобод военнослужащих.

Список литературы:

1. Ермолович Я.Н. О практике применения органами военной прокуратуры, военными следственными органами и военными судами положений о мере уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2017. № 7. С. 1–5.
2. Докучаева Е.Н. Проблемы повышения эффективности надзорной деятельности органов военной прокуратуры // Военное право. 2021. № 4. С. 155–157.
3. Филиппова Н.В. Деятельность органов военной прокуратуры как важный фактор обеспечения прав и свобод военнослужащих. Оренбург, 2020. С. 73–75.

о назначении выборов или референдума; об утверждении схемы избирательных округов; о формировании избирательных комиссий (комиссий референдума) и списков избирателей (участников референдума); по вопросам финансирования выборов (референдума).

Прокурор может вносить следующие представления [2, С. 53, 67, 138]:

– о неисполнении уполномоченным на то органом или должностным лицом обязанности по назначению выборов, предусмотренной п. 1 ст. 10 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основных гарантиях...»), с требованием назначить выборы;

– о неисполнении или ненадлежащем исполнении закона при составлении списков избирателей (участников референдума), утверждении схемы избирательных округов, формировании избирательных комиссий;

– о ненадлежащем исполнении закона при проведении предвыборной агитации (агитации по вопросам референдума);

– о нарушении порядка финансирования выборов либо референдума.

Прокурором могут использоваться и иные полномочия, предусмотренные ст. 22 и 27 ФЗ «О прокуратуре РФ» в качестве «общенадзорных» (например, иметь доступ к документам и материалам поднадзорных органов, требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов и материалов или их копий, статистических и иных сведений, вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов и прочие).

Особенности взаимодействия органов прокуратуры и избирательных комиссий обусловили тот факт, что прокурор лишается права требовать от избирательных комиссий статистических и иных сведений (что затрудняет информационно-аналитическую работу), не может требовать проведения проверок, ревизий, выносить в отношении избирательных комиссий вышеназванные акты прокурорского реагирования [3, С. 37].

К полномочиям прокурора второй группы можно отнести следующие:

1. Право выносить постановления о возбуждении производства об административном правонарушении в случае выявления нарушений по итогам проверки исполнения законодательства о выборах и референдуме (п. 1 ст. 25, п. 3 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре», ст. 28.4 КоАП РФ). КоАП РФ предусматривает более трёх десятков составов правонарушений в сфере избирательного права и процесса (ст.ст. 5.1, 5.3 – 5.25, 5.45 – 5.50, 5.52). Согласно ст. 28.4 КоАП, прокурор возбуждает дела об административных правонарушениях, предусмотренных определёнными статьями (например, 5.1 – нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей, 5.24 – нарушение порядка подсчёта голосов, определения результатов выборов и другими). Там же оговаривается, что при осуществлении «общего» надзора прокурор также вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении, в том числе в сфере законодательства о выборах и референдуме;

2. Право обратиться в суд с административным иском заявлением (п. 4 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре» и ч. 1 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ)). Такое обращение возможно при соблюдении следующих условий: нарушенные избирательные права должны подлежать защите в порядке административного судопроизводства; гражданин по уважительным причинам (состоянию здоровья, возрасту или иным) не может лично отстаивать в суде свои права, либо нарушены права значительного числа граждан, либо нарушение приобрело особое общественное значение. Заявление может быть подано в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределённого круга лиц или интересов публично-правовых образований (Российской Федерации, её субъектов, муниципальных образований);

3. Право принимать меры к уголовному преследованию лиц, совершивших нарушения избирательных прав граждан, имеющие характер преступления. Данное полномочие

реализуется посредством вынесения мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в уполномоченные правоохранительные органы для решения ими вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Наконец, специальные полномочия прокурора закреплены в ФЗ «Об основных гарантиях...» и других актах законодательства о выборах и референдуме. К ним относятся:

1. Право направить в суд общей юрисдикции заявление об определении срока, не позднее которого уполномоченный на то орган или должностное лицо, а в случае их отсутствия – соответствующая избирательная комиссия должны назначить выборы (п. 9 ст. 10 вышеназванного закона). Направление такого заявления возможно в случае, когда сначала уполномоченный орган или должностное лицо, а затем и соответствующая избирательная комиссия не назначили выборы в установленный срок, либо если такая избирательная комиссия отсутствует и не может быть сформирована в установленном законом порядке. Указанное полномочие призвано обеспечить реализацию принципов обязательности и периодичности проведения выборов.

2. Дача согласия на то, чтобы подвергнуть административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, члена избирательной комиссии (комиссии референдума) с правом решающего голоса или зарегистрированного кандидата (п. 18 и 18.1 ст. 29, 4 ст. 41 ФЗ «Об основных гарантиях...»). Такое согласие даётся прокурором субъекта Российской Федерации, а в отношении члена Центральной избирательной комиссии с правом решающего голоса и председателя избирательной комиссии субъекта Российской Федерации – Генеральным прокурором Российской Федерации. В отношении зарегистрированного кандидата указанное согласие прокурора сопровождается извещением об этом избирательной комиссии, зарегистрировавшей кандидата.

Вышеназванное положение конкретизируется в специальных законах. Так, согласно п. 6 ст. 42 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и п. 3 ст. 54 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» согласие в отношении соответствующих кандидатов вправе давать только Генеральный прокурор, извещая при этом Центральную избирательную комиссию.

3. Право обратиться в суд с заявлением об отмене регистрации кандидата (списка кандидатов). Данное право реализуется в следующих предусмотренных законом случаях: при несоблюдении кандидатом или избирательным объединением, выдвинувшим список кандидатов, ограничений, установленных для проведения предвыборной агитации; при совершении до приобретения статуса кандидата (до выдвижения избирательным объединением списка кандидатов) определённых деяний (например, неоднократного использования кандидатом (руководителем избирательного объединения) преимуществ своего должностного или служебного положения, подкупа избирателей, сокрытия сведений о судимости и некоторых других, предусмотренных п. 12 ст. 76 ФЗ «Об основных гарантиях...»).

Вышеназванные полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства о выборах и референдуме полностью отвечают задачам данного надзорного направления, обеспечивают их выполнение и, как следствие, достижение верховенства закона, единства и укрепления законности во время проведения выборов (референдума), защиту избирательных прав (права на участие в референдуме) граждан Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституционное право: учебник для бакалавров / отв. ред. В. И. Фадеев. – М.: Проспект, 2013. – 584 с.
2. Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о выборах: учебное пособие / А. Е. Скачкова. – СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 156 с.
3. *Степанов И. Н.* Прокурорский надзор за деятельностью избирательных комиссий // Российский следователь. 2007. № 16. С. 36–38.

И. А. Зуева, Э. М. Селивёрстова

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, СаратовЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ОРГАНАМИ
ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, на деятельность органов прокуратуры. Проанализировано, как прокурорские работники справились с поставленными задачами в сложный для всей страны период, выявляли нарушения в сфере здравоохранения и принимали меры прокурорского реагирования для их устранения и предупреждения правонарушений.

Ключевые слова: прокуратура, пандемия, надзор, здравоохранение, нарушения.

E. M. Seliverstova, I. A. Zueva

Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, SaratovPROTECTION OF HUMAN AND CITIZENS RIGHTS
BY THE PROSECUTOR'S OFFICE
IN TERMS OF THE PANDEMIC

Abstract. The article covers the impact of the pandemic caused by coronavirus infection on the activities of the prosecutor's office. Were analyzed how prosecutors coped with the tasks set in a difficult period for the whole country, revealed violations in the sphere of healthcare and took measures of prosecutorial response to eliminate them and prevent offenses.

Keywords: prosecutor's office, pandemic, supervision, health care, violation.

Уже почти 3 столетия прокуратура России стоит на страже закона и порядка нашего государства. Ее роль велика и по сей день.

В 2020 году наш мир столкнулся с непредвиденным: сложной эпидемиологической ситуацией, вызванной коронавирусной инфекцией и затронувшей все сферы общественной жизни. Так как одна из приоритетных целей органов прокуратуры – защита прав, свобод человека и гражданина, то в первую очередь на данные органы была возложена сложнейшая задача – предпринять все возможные меры для обеспечения законности и правопорядка в стране.

17 марта 2021 года состоялось расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на котором Владимир Путин подвёл итоги работы ведомства за 2020 год и обозначил задачи по укреплению законности и правопорядка на будущий год. Президент РФ подчеркнул важность обеспечения прав граждан в сфере здравоохранения и указал на необходимость контроля за реализацией региональных программ, мероприятий профильных национальных проектов и за решением других немаловажных вопросов. Например, соблюдаются ли нормативы оказания медицинской помощи, предоставляются ли льготникам бесплатные лекарства и вовремя ли предоставляются услуги, средства реабилитации, выделяются ли положенные дополнительные компенсации и выплаты медицинским работникам [1].

В сложившейся ситуации надзор за исполнением законодательства в сфере здравоохранения стал одним из наиболее важных направлений деятельности органов прокуратуры, которому уделяется повышенное внимание. Так, приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», в частности п. 7.1 делает акцент на защиту закрепленных в Конституции РФ прав на медицинскую помощь [2].

К сожалению, пандемия негативно повлияла на состояние здравоохранения и реализацию прав граждан на доступ к качественной медицинской помощи. Игорь Краснов в своем докла-

де на заседании Совета Федерации, состоявшемся 23 апреля 2021 года, указал на следующие проблемы, с которыми столкнулись органы прокуратуры в условиях пандемии.

Так, сотрудниками прокуратуры были вскрыты многочисленные случаи занижения или даже неначисления гарантированных и выделенных государством выплат, предназначенных для врачей, медсестер, водителей скорой помощи. Лишь средствами прокурорского надзора удалось обеспечить перечисление 2,5 млрд рублей 86 тысячам медицинских работников [3].

В целях обеспечения прав пациентов реакции потребовали и нарушения при оказании плановой и скорой медицинской помощи. Нередко машины скорой помощи из-за большой загруженности не успевали прибыть к больному в установленный приказом Министерства здравоохранения 20-ти минутный срок [4].

Кроме того, по представлениям прокуроров во многих регионах России в больницах были запущены в эксплуатацию аппараты ИВЛ, обеспечен нормальный уровень охвата населения исследованиями на COVID-19, восстановлена работоспособность томографов [5].

Приведенные примеры далеко не исчерпывают перечень нарушений. Так, при проведении прокурорских проверок в области иммунизации населения было выявлено не одно нарушение действующего законодательства. В нескольких медицинских организациях не соблюдались условия хранения вакцин, имели место нарушения порядка заполнения медицинских документов, а также ненадлежащим образом оснащались и содержались помещения, предназначенных для выполнения мероприятий по иммунизации. Например, при проверке московской поликлиники № 193 выявлены нарушения статей 11 и 35 Федерального закона № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [6]: непроведение переписи работающего и неработающего населения, отсутствие перечня лиц, работающих по организациям, которые расположены на территории обслуживания филиала указанной поликлиники. Имели место и случаи, когда перед прививкой не проводился медицинский осмотр с термометрией, а в амбулаторных картах не наблюдалось никаких отметок, которые бы указывали на результаты осмотра пациентов, а также разрешений на использование вакцины [7].

Итогом указанных проверок стало принятие мер прокурорского реагирования. Прокурорским работникам удалось пресечь нарушения действующего законодательства в области охраны здоровья граждан и санитарно-эпидемиологического режима в отделениях названной поликлиники и повысить качество оказания медицинских услуг.

В завершении хотелось бы сказать о роли прокуратуры во время пандемии на конкретном примере – анкетировании среди прокурорских работников Военной прокуратуры саратовского гарнизона. Результаты анкетирования показывают, что наиболее распространенной в деятельности опрошенных лиц является такая отрасль прокурорского надзора, как надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (40%). Для устранения нарушений прав и свобод граждан, их причин и условий, восстановления нарушенных прав, опрошенные лица чаще используют такой акт прокурорского реагирования, как представление об устранении нарушений закона (70%). Мнение опрошенных разделились поровну в том, что количество сообщений о нарушениях прав и свобод, поступающих в органы прокуратуры, ежегодно возрастает.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в настоящее время проблема нарушения прав и свобод личности стоит очень остро, поэтому и деятельность органов прокуратуры в рамках данного направления продолжает оставаться актуальной. И даже сложные условия пандемии не могут повлиять на работу органов прокуратуры, которая стоит на страже закона. Прокуроры, добросовестно выполняя свои обязанности уже на протяжении длительного времени, и в дальнейшем приложат все усилия к обеспечению законности и поддержанию правопорядка в стране в интересах наших граждан, общества и государства.

Список литературы:

1. Краснов И. В. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электрон-

ный ресурс]: интервью и выступления. 2021. URL: <https://erp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=61268868> (дата обращения: 04.11.2021).

2. Приказ Генерального прокурора РФ от 07 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256732/> (дата обращения: 03.11.2021).

3. *Краснов И.В.* Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: интервью и выступления. 2021. URL: <https://erp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=61268868> (дата обращения: 04.11.2021).

4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 июня 2013 г. № 388н «Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://base.garant.ru/70438200/> (дата обращения: 03.11.2021).

5. *Краснов И.В.* Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: интервью и выступления. 2021. URL: <https://erp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=61268868> (дата обращения: 04.11.2021).

6. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 04.11.2021).

7. Надзор за исполнением законодательства в сфере здравоохранения [Электронный ресурс]: муниципальный округ Бескудниковский. URL: <http://www.mobesk.ru/node/416> (дата обращения: 04.11.2021).

УДК 343.163

А. Ф. Кансыриев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. статья рассматривает некоторые аспекты службы в органах прокуратуры. Особое внимание уделяется поднадзорным органам, полномочиям прокуроров в отдельных сферах. Кроме того, автор обращается к вопросу взаимоотношения руководящего состава с нижестоящими работниками, основанному на принципе единства и централизации.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, прокурорский надзор, этика прокурорского работника.

A. F. Kansyriev

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

SOME ASPECTS OF SERVICE IN THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. the article examines some aspects of service in the prosecutor's office. Special attention is paid to supervised bodies, the powers of prosecutors in certain areas. In addition, the author addresses the issue of the relationship of the management staff with lower-ranking employees, based on the principle of unity and centralization.

Keywords: прокуратура Российской Федерации, прокурорский надзор, этика прокурорского работника.

Прокуратура Российской Федерации [далее РФ] единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функ-

ции. Все особенности заключённые в определении прокуратуры РФ звучат в присяге прокурорского работника, что раскрывает основные цели, функции, принципы, а также затрагивает структуру органов прокуратуры. Как сказал предшественник Игоря Викторовича Красного – Юрий Яковлевич Чайка «...сотрудники прокуратуры...стоят на страже фундаментальных основ общества...».[1] И, действительно, сотрудники данного ведомства изо дня в день регулируют правоотношения тех или иных граждан РФ, чьи права и свободы были нарушены, а также контролируют законность нормативно-правовых актов, иных документов государственного образца, выпущенных органами государственной власти субъектов, должностных лиц, органов местного самоуправления и др.

Рассматривая органы прокуратуры с точки зрения выполняемых ими функций и задач, стоящих перед ними, можно выделить множество направлений деятельности – это и установление уголовного преследования, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, правотворчество, а также осуществление прямых связей между Генеральной прокуратурой Российской Федерации с соответствующими органами других государств, так 28 октября 2021 года состоялись встречи в Минске Генерального прокурора РФ Игоря Викторовича Красного с представителями Республики Беларусь: Андреем Ивановичем Шведовым (Генеральный прокурор) и Александром Григорьевичем Лукашенко (Президент) на которых были обговорены ряд вопросов, связанных с экстремистской, террористической, экологической деятельностью и иных вопросов, касающиеся теневых виртуальных активов и цифровой валюты.[2]

Прежде чем перейти к раскрытию особенностей работы в органах прокуратуры я бы хотел немного остановиться на системе органов прокуратуры РФ. Сама система строится на последовательном подчинении к вышестоящему руководству, где в качестве высшей руководящей единицей выступает Генеральная прокуратура РФ. Требования для Генерального прокурора и его заместителей в Генеральной прокуратуре следующие: возраст не менее 35-ти лет и стаж службы на должностях, по которым предусмотрено присвоение классного чина 10 лет, а также требования отнесённые ко всем сотрудникам органов прокуратуры т.е. полная дееспособность, отсутствие иностранного гражданства (подданства), отсутствие вкладов и счетов в иностранных государственных банках как самому претенденту, так и его семье и др. Следующей по иерархичной системе являются органы прокуратуры субъектов РФ. Прокурорами данных подразделений могут стать прокурорские работники в возрасте не менее 30-ти лет и стаже работы от 7-ми лет. Далее идут прокуратуры городов и районов и приравненные к ним прокуратуры, которые требуют от претендента на должность прокурора возраст не менее 27-ми лет и стаж работы от 5-ти лет на должностях, по которым предусмотрено присвоение классных чинов. Назначаются вышеперечисленные прокуроры непосредственно Президентом РФ, по представлению Генерального прокурора, после консультации с Советом Федерации Федерального Собрания, на срок не более 5-ти лет, за исключением случаев, когда сотрудник безупречен в своей работе и соответствует всем требованиям для работы на данной должности на срок не более 5-ти лет. Огромная роль президента в назначении и увольнении прокуроров РФ вынуждает нас осознать тот факт, что прокуратура со временем будет ограничиваться всё больше и больше в своей право и дееспособностях. Помимо территориальных подразделений органов прокуратуры также существуют ещё специализированные (транспортные, природоохранные, прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях) и военные структуры, построенные на системе 3-ёх звеньев. Верхним звеном является Главная военная прокуратура, входящая в состав Генеральной прокуратуры и руководитель которой имеет статус заместителя Генерального прокурора РФ – Главный военный прокурор РФ. К среднему звену относят прокуратуры военных округов, флотов, Ракетных войск стратегического назначения и др. Низшую ступень занимают прокуратуры гарнизонов, объединений, соединений и др. Исходя из вышеперечисленного мы понимаем, что весь механизм прокуратуры последователен и организован таким образом, чтобы компетенция каждого подразделения были взаимосвязаны и не мешали друг другу в выполнении поставленных задач.

Проанализировав законодательство выделяется множество особенностей работы в органах прокуратуры. К таковым мы бы хотели в первую очередь отнести прокурорский надзор, этику, классные чины, льготы, права, обязанности и др. Прокурорский надзор – это главная, фундаментальная деятельность, закреплённая за органами прокуратуры с начала существования. Он в отличие от других методов контрольной деятельности реализуется исключительно данным ведомством от имени государства и основывается на исполнении прежде всего высшего нормативно-правового акта – Конституции РФ. Его сущность базируется на таком понятии как законность и все направления деятельности в сфере прокурорского надзора основываются на обеспечении верховенства закона, единства, а также укреплении законности защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов всего общества и государства. Весомо отметить, что данная деятельность не относится к юрисдикции какой-либо одной ветви власти, однако имеет непосредственный характер во взаимоотношениях со всеми вместе. Таким образом прокуратура надзирает за исполнением законов всеми органами власти начиная с федеральных и заканчивая местными, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, за исполнением законов органами, осуществляющие оперативное – розыскную деятельность, за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, назначаемые судом, включая федеральную службу судебных приставов, чьи ошибки могут привести к общественному резонансу относительно судебной системы. Обращаясь к следующей особенности прокурорской работы нужно обратиться к современной тенденции, которая свидетельствует об увеличении численности поручений, заявлений, жалоб в органы прокуратуры, позволяет нам говорить о том, что данное ведомство имеет колоссальный престиж и уважение как среди общества, так и органов власти в целом. В таких условиях доверие к прокурорским работникам является одним из главных механизмов развития публичного института. В связи с этим, сотрудники данного ведомства должны соответствовать нормам этики, которые предусмотрены в Приказе Генеральной прокуратуры РФ «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника РФ...». [3] Как отметила Шадрина Екатерина Геннадьевна в своей статье о роли кодекса этики прокурорского работника «...значение Кодекса этики прокурорского работника заключается в том, что разносторонние взгляды о «добре и зле», которые не вошли в сферу правового регулирования, приведены к единому социально полезному знаменателю...» [4]. Данный фактор свидетельствует о том, что профессиональная деятельность работников прокуратуры формализована не только с точки зрения права, а ещё и со стороны нравственности и морали, что позволяет сотруднику быть человечнее и сознательнее к проблемам общества.

Классные чины являются непосредственными званиями в органах прокуратуры, от которых в том числе зависит заработная плата сотрудника. Их всего 11, но присвоение каждого зависит от многих факторов таких как: прохождение аттестации, отсутствие дисциплинарных взысканий, увеличение срока службы и др. Все виды и требования к ним рассмотрены в Федеральном Законе «о государственной гражданской службе РФ» [5]. Далее хотелось бы перейти ко льготам прокурорских работников и стоит отметить, что их достаточно много, в следствии тяжёлой деятельности данного ведомства. Работники прокуратуры РФ могут рассчитывать на следующие льготы от государства: получение проездных билетов на определённый вид транспорта, одну оплаченную поездку к лечебно-оздоровительному санаторию (работнику или его семье), первоочередное бронирование гостиниц при рабочих командировках, получение мест в дошкольных образовательных организациях для детей и выделение бюджета на собственное дополнительное образование, медицинское обеспечение для сотрудника и его семьи, личное повышенное страхование, право на получение социальной выплаты для приобретения квартиры, либо получение служебной квартиры или же увеличение квадратных метров в своей квартире. Помимо всего вышесказанного стоит ещё отметить, что прокурорский работник и его семья находятся под особой защитой государства, регламентированной в ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц и контролирую-

щих органов». [6] Наряду с большим количеством льгот сотрудник органов прокуратуры наделён рядом прав, закреплённых в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». [7] Во-первых, это получение рабочего удостоверения, в котором прописано право ношения боевого оружия, и при предъявлении которого сотрудник вправе беспрепятственно войти в любое помещение, если этого требует его профессиональная деятельность. Во-вторых, право на получение форменного обмундирования, ношение которого обязательно для выступления в суде, важно отметить, что сотрудник проработавший в органах прокуратуры не менее 20-ти лет имеет право носить форменное обмундирование в повседневной жизни. В-третьих, получение ежегодного дополнительного отпуска, а также право на отказ о переводе в другую местность, тем более в местность с тяжёлыми климатическими условиями и др. Но не смотря на огромнейший ряд привилегий за сотрудниками прокуратуры закреплены также и огромный ряд обязанностей и, что не мало важно, ответственность перед своей родиной и обществом в целом. Главными функциональными документами органов прокуратуры являются: протест, представление, постановление или предостережение прокурора – все они существуют для того, чтобы ничьи права и свободы не были нарушены.

Огромную роль в работе ведомства играет участие прокурора в рассмотрении дел судами в качестве государственного обвинителя, но на этом его юрисдикция не заканчивается, ведь он может выступать и в качестве защитника, если гражданин не в силах присутствовать и собственноручно защищать свои права и свободы, при высокой общественной значимости дела. К особенностям данной деятельности можно отнести: право на вступление прокурора в дело на любой стадии, если этого требует защита прав и свобод граждан, право на запрос какого-либо дела, вступившее в законную силу, с нарушением прав и свобод, право на приношение в вышестоящий суд, по отношению с которым велось делопроизводство, протест на необоснованное решение, приговор или постановление. Всё это говорит о том, что прокуратура не строит для себя целью просто обвинить человека. Её главная задача – это защита граждан. Возвращаясь всё к тому же Юрию Яковлевичу Чайке хотел бы отметить его слова «Прокуратура совершенно точно не является карательным органом, в наших действиях нет обязательного обвинительного уклона, мы не нацелены на осуждение подсудимых во что бы то ни стало, поэтому и оправдательные приговоры не считаем поражением» [8].

Список литературы:

1. «Прокуратура не является карательным органом». Высказывания генпрокурора России Юрия Чайки о прокурорах (интервью «Российской газете» 10 января 2014 года): ТАСС Новостное агентство // [Электронный ресурс] URL <https://news.rambler.ru/other/43532358-prokuratura-ne-yavlyaetsya-karatelnym-organom-vyskazyvaniya-genprokurora-rossii-yuriyachayki/> (дата обращения 04.11.2021).
2. «Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов встретился с Генеральным прокурором Республики Беларусь Андреем Шведом»: Новости – Генеральная прокуратура РФ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // [Электронный ресурс] URL <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=66298104> (дата обращения 04.11.2021).
3. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»: Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // [Электронный ресурс] URL <http://genproc.gov.ru> (дата обращения 04.11.2021).
4. «Нравственные основы государственного обвинения»: КиберЛенинка Научная библиотека [Электронный ресурс] URL <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-osnovy-gosudarstvennogo-obviniya/viewer> (дата обращения 04.11.2021).
5. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ// Собрании законодательства Российской Федерации от 2 августа 2004 г. № 31 ст. 3215.
6. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц право-

охранительных и контролирующих органов»// Собрании законодательства Российской Федерации от 24 апреля 1995, № 17, ст. 1455.

7. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366. Рос. газета. 2021. 12 января.

8. «Прокуратура не является карательным органом». Высказывания генпрокурора России Юрия Чайки о Генпрокуратуре РФ (интервью агентству ТАСС 31 января 2017 года): ТАСС Новостное агентство // [Электронный ресурс] URL <https://news.rambler.ru/other/43532358-prokuratura-ne-yavlyaetsya-karatelnym-organom-vyskazyvaniya-genprokurora-rossii-yuriya-chayki/> (дата обращения 04.11.2021).

УДК 343.163

Н. М. Кицыра

Ростовский институт (филиал)

*Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону
Россия, Ростове-на-Дону*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления и развития прокуратуры России, как государственного института, осуществляющего надзор за соблюдением основного закона нашей страны и исполнением федерального законодательства. Автором рассматривается ретроспектива российской прокуратуры, как государственного органа, которая, продолжая сохранять преемственность традиций, выполняет поставленные перед ней задачи.

Ключевые слова: прокуратура, история становления, этапы становления и развития, прокурорский надзор, полномочия прокурора.

N. M. Kitsyra

Rostov Institute (branch)

*All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don
Russia, Rostov-on-Don*

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROSECUTOR'S OFFICES OF RUSSIA

Abstract. The article discusses the main stages of the formation and development of the Prosecutor's Office of Russia as a state institution that oversees compliance with the basic law of our country and the implementation of federal legislation. The author examines the retrospective of the Russian Prosecutor's office as a state body, which, while continuing to preserve the continuity of traditions, performs the tasks assigned to it.

Keywords: Prosecutor's office, history of formation, stages of formation and development, prosecutor's supervision, powers of the prosecutor.

История российской прокуратуры берет свое начало в XVIII веке, ее созданию предшествовали времена, когда в стране царил рост преступности, казнокрадства и взяточничества. Это вызвало практическую потребность в государственной службе по борьбе с этими негативными явлениями. Также история создания неразрывно связана с потребностями великой страны в эпоху грандиозных реформ. Главный принцип заложен в самой идеи сознания этого органа – обеспечение справедливости и законности.

Зарождение истории прокуратуры относится к периоду великих Петровских реформ, в результате которых Россия встала на путь европейского развития. Для проведения государственных преобразований российскому императору Петру Великому потребовалось полностью перестроить систему законодательства и государственного управления. При проведении реформ Петр I столкнулся с необходимостью создания органа, компен-

сировавшего недостатки формирующейся системы государственного управления.

Пётр I, создавая прокуратуру, поставил задачу «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония».

Указ, которым учреждена прокуратура России подписан Петром I 12 января 1722 года. Суть должности возглавляющего ее генерал-прокурора была выражена следующими словами: «Сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных».

27 апреля того же года Петром I был подписан Указ «О должности генерал-прокурора», который устанавливал основные обязанности и полномочия генерал-прокурора по надзору за Сенатом и руководству подчинёнными органами прокуратуры.

Идея Петра I состояла в том, чтобы превратить генерал-прокурора в высшее должностное лицо в государственном аппарате, основной задачей которого становился надзор за законностью в государственном управлении.

В Указе «О должности генерал-прокурора» были определены основные полномочия генерал-прокурора, к которым относились: защита интересов государства и церкви, защита прав малолетних и вдов, недееспособных лиц, а также защита прав иных лиц, которые не способны отстаивать свои интересы. Первым генерал-прокурором Сената император назначил графа Павла Ивановича Ягужинского, человека честного и верного престолу, с него начинается плеяда великих российских прокуроров. На протяжении основных период развития прокуратуры, ее полномочия были разнообразны. Так, в период правления Петра I функция прокуратуры была направлена на осуществление строгого контроля за надлежащим исполнением органами государства приказов императора [1, С. 81–88].

Но история нового государственного органа не во все времена складывалась также гладко, как при Петре Великом. Сложные исторические периоды, когда прокуратуру лишали полномочий, убедительно доказывали, что сильное государство должно иметь сильную прокуратуру и полномочия возвращались. Новый этап развития органа прокуратуры начался с момента восшествия на престол Императрицы Екатерины Великой, она продолжила петровские реформы. В ее царствование происходит разграничение прокурорского надзора на центральный и местный. Также, помимо общих надзорных функций, прокуратура получила функцию осуществления надзора за деятельностью судов и местами заключения под стражей.

Во все времена прокурор оставался для императора доверенным лицом, вникающим в важнейшие дела государства, от юридических и финансовых проблем до вопросов хозяйственных, даже военных. С 1802 года, согласно манифесту «Об учреждении министерств» Александра I, прокуратура стала одной из частей вновь сформировавшегося органа – Министерства юстиции, а Министр юстиции по должности в тоже время являлся и Генерал-прокурором. Первым данный пост занял Гавриил Романович Державин.

Большие изменения в развитии и становлении прокуратуры произошли с 1864 года, во время правления Александра II. Судебные реформы установили «Основные начала судебных преобразований», которые в части, касающейся судопроизводства определяли, что «при судебных местах необходимы особые прокуроры, которые по множеству и трудности возлагаемых на них занятий, должны иметь товарищей», а также констатировать, что «власть обвинительная отделяется от судебной» [2, С. 38–42]. Таким образом, прокуратура из института, осуществлявшего надзор за исполнением законов, преобразовалась в орган уголовного преследования в структуре исполнительной власти. При этом, что за прокуратурой осталось руководство по расследованию преступлений и надзор за их законностью.

Революция 1917 года положила начало созданию нового государства – страны Советов, а впоследствии Союза Советских Социалистических Республик, но и это государство не могло существовать без такого важного звена, как прокуратура. Октябрьская революция разрушила, как царские, так и установленные временным правительством судебно-следственный и прокурорский аппарат. СовНарКом в Декрете № 1 от 24.11.1917 «О суде» упразднил российскую прокуратуру, но по мере перехода к мирной жизни нужно было выходить из правового беспредела. Возникла острая необходимость сознания органа, организованного на новых классовых принципах

П. А. Кукса

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
юридический факультет
Россия, Брянск*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА НА ЗАВЕРШАЮЩИХ ЭТАПАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты развития функций прокурора на завершающих этапах досудебного производства по уголовному делу. В период до 1864 года ее функции оставались достаточно статичными. В дальнейшем можно наблюдать расширение полномочий касательно осуществления общенадзорной функции, функции уголовного преследования, осуществление надзора за органами, осуществляющими предварительное расследование, закрепление на законодательном уровне отраслей прокурорского надзора. Настоящий период времени рассматривается как этап постоянной трансформации функций прокуратуры.

Ключевые слова: прокурор, функции, уголовное преследование, надзор, расследование.

P. A. Kuksa

*Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
law faculty
Russia, Bryansk*

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE PROSECUTOR'S FUNCTIONS AT THE FINAL STAGES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the historical aspects of the development of the prosecutor's functions at the final stages of pre-trial proceedings in a criminal case. In the period up to 1864, its functions remained fairly static. In the future, it is possible to observe the expansion of powers regarding the implementation of the general supervisory function, the function of criminal prosecution, the supervision of bodies carrying out preliminary investigations, the consolidation of branches of prosecutorial supervision at the legislative level. The present period of time is considered as a stage of constant transformation of the functions of the Prosecutor's office.

Keywords: prosecutor, functions, criminal prosecution, supervision, investigation.

Масштабные реформы, проводимые Петром I, привели к серьезным переменам в обществе, были пересмотрены полномочия действующих государственных органов, а также созданы новые. Как человек пытливого ума, Петр I постоянно задумывался над тем, как повысить эффективность существующей на тот момент системы государственных органов, создать независимую систему надзора за надлежащим исполнением законов как на государственном, так и на местном уровне.

В результате, 12 января 1722 года в соответствии с Указом Петра I были учреждены органы прокуратуры. Эта дата является отправной в создании системы независимых органов, в компетенции которых был надзор за соблюдением законов. В Указе отмечалось: «Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать генерал-прокурору» [2, С. 8–9]. Далее на законодательном уровне были учреждены должности прокуроров при надворных судах, а также обер-прокурора при Святейшем синоде [4]. Прогрессивным для анализируемой исторической эпохи было то, что прокуроры, в отличие от ранее созданной фискальной службы, были нацелены не столько на выявление нарушений законов, сколько на их предупреждение [1, С. 22]. В дальнейшем, прокуроры стали заниматься в государственном аппарате особое положение, так как напрямую не подчинялись руководителям учреждений, за которыми они осуществляли надзор. Как отмечает О. С. Капинус,

и способного обеспечить единый надзор за соблюдением законов. По истечению пяти лет советское государство пришло к выводу о необходимости восстановления органа прокуратуры. В мае 1922 года III сессия ВЦИК приняла положение о прокурорском надзоре, которым была создана государственная прокуратура РСФСР, в составе министерстве юстиции. До начала 30-х годов органы прокуратуры структурно входили в состав верховного суда СССР, в тоже время на них возлагалась обязанность по осуществлению надзора за соблюдением надзора за законностью в уголовном и гражданском судопроизводстве, такое двойственное положение не могло существовать долго и 20.06.1933 появилось постановление «Об учреждении прокуратуры Союза ССР», главная ее цель – укрепление социалистической законности.

С началом Великой Отечественной войны потребовалась перестройка работы органов прокуратуры. В этот период основное внимание прокурора сосредотачивается на осуществлении надзора за исполнением законов о военном положении, своевременным выполнением заказов и поставок для советской армии и выполнением постановления правительства «О размещении и восстановлении эвакуированных предприятий». Вся работа органов прокуратуры подчиняется интересам обороны страны от фашистских захватчиков.

В послевоенные годы страна восстанавливается из руин и стремительно развивается, меняется законодательство, судебная система, принципы и порядок судопроизводства. Но самым важным и ответственным событием в истории российской прокуратуры стало участие в Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками фашистской Германии (20.11.1945-01.10.1946), главным обвинителем на котором, выступил Роман Андреевич Руденко, который в последствии возглавил надзорное ведомство, став Генпрокурором СССР.

В мае 1955 года принимается положение «О прокурорском надзоре в СССР», в котором высший надзор за точным исполнением законов, всеми государственными органами и учреждениями, возлагался на генерального Прокурора СССР. В 1979 году был принят Закон о СССР «О прокуратуре СССР», в котором определялись задачи прокуратуры, деятельность которой должна быть направлена на укрепление социалистической законности, правопорядка, охрану общественного строя СССР, закрепленного Конституцией, его экономической и политической систем, прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией, прав и законных интересов государственных предприятий, учреждений, а также иных общественных организаций.

После распада Союза ССР в 1992 году был принят новый федеральный закон «О прокуратуре РФ». В результате законодательных преобразований Прокуратура Российской Федерации сохранила свою самостоятельность и продолжила функционировать, как самостоятельный государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти [3, С. 215–221].

Подводя итог, отметим, что ретроспектива российской прокуратуры, как государственного органа, свидетельствует о том, что, продолжая сохранять преемственность традиций, российская прокуратура продолжает выполнять поставленные перед ней задачи, осуществляя от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции России и исполнением законов. Очевидно поэтому, как нам представляется, следует вернуться к вопросу о расширении полномочий прокурора, как в уголовном судопроизводстве (вернуть прокурору право принимать решение о возбуждении уголовного дела), так и вне уголовно-правовой сферы (в частности, наделив надзорное ведомство правом законодательной инициативы).

Список литературы:

1. *Кучинская Е.В.* История возникновения, становления и развития российской прокуратуры / Е.В. Кучинская // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 2. С. 81–88.
2. *Воробьев Т.Н.* Проблемы определения правового статуса прокуратуры в Российской Федерации / Т.Н. Воробьев // Современное право. 2014. № 6 С. 38–42.
3. *Смирнов А.Ф.* К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации / А.Ф. Смирнов // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 215–221.

«...Прокуроры не только обращали внимание на недостатки, упущения и нарушения закона, воровство и растрату денег, но и наблюдали за правильным собиранием казенных доходов, за безубыточным для казны производством по подрядам, за правильностью финансовой отчетности» [3]. Дальнейший анализ законодательства позволяет прийти к выводу о том, что полномочия органов прокуратуры вплоть до 1864 года регламентировались более детально с учетом совершенствования законодательной техники, однако по своей сути не менялись. В период правления Александра II в качестве основного направления деятельности прокуратура получила осуществление уголовного преследования, осуществление надзора за органами предварительного следствия и дознания, а также надзор за соблюдением законов. Также в рассматриваемый нами исторический период времени прокуроры были уполномочены возвращать дела на доследование.

С учетом исторических особенностей развития российского законодательства необходимо отметить, что функции прокурора и особенности их реализации на завершающих этапах досудебного производства наиболее наглядно можно проследить на примере анализа Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г [2]. В данном нормативном акте наглядно прослеживаются особенности развития процессуальных полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства и направления уголовного дела в суд. В число закрепленных прокурорских полномочий относительно рассматриваемой нами проблематики законодателем были отнесены следующие: прокурор имел право выдвигать процессуальные требования, которые для следователя были строго обязательны к исполнению, дополнять материалы уголовного дела с учетом его непосредственных указаний. Согласно ст. 297 Устава, прокурор имел право на возбуждение уголовного дела.

По поступившему от следователя уголовному делу прокурорские полномочия также подверглись законодателем детальной регламентации. Так, в соответствии со ст. 478 Устава, надзирающий прокурор имел право отсылать поступившее к нему уголовное дело с постановлением о заключении предварительного следствия к прокурору окружного суда или его товарищу. Также в перечень полномочий прокурора по поступившему делу входила полная его проверка на предмет всесторонности и полноты проведенного расследования, выяснялись основания для прекращения уголовного дела, или же его приостановления по определенным основаниям.

Конечным итогом было составление прокурором обвинительного акта о необходимости придания обвиняемому суду. Составление такого документа осуществлялось в соответствии со ст. 519 Устава. Если в рамках поступившего уголовного дела прокурором была усмотрена неполнота проведенного расследования, прокурор имел право в соответствии со ст. 286 Устава отправить дело на доследование. Следователь на анализируемом нами историческом этапе процессуальной самостоятельности не имел и не мог оспаривать указания надзирающего по делу прокурора.

С учетом проведенного анализа Устава уголовного судопроизводства 1864 г. можно прийти к определенным выводам:

– Некоторые полномочия прокурора, закрепленные в Уставе находят отражение и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Так, например, по результатам рассмотрения полученного от следователя уголовного дела прокурор должен был принять одно из следующих решений:

- отправить дело на доследование;
- вынести процессуальное решение о прекращении или приостановлении уголовного дела;
- направить материалы в Окружный суд;
- передать дело в суд;
- принять процессуальное решение о невозможности осуществления производства по уголовному делу в силу невменяемости обвиняемого.

Таким образом, можно прийти к умозаключению о том, что многие полномочия прокурора остались неизменными вплоть до настоящего времени. На наш взгляд, современный законодатель поступил правильно, осуществив заимствование этих норм, и отражение их в действующем уголовно-процессуаль-

ном законодательстве (ст.ст. 221, 222 УПК РФ) представляется вполне уместным.

При создании органов прокуратуры в эпоху Петра I главенствующей функцией являлась надзорная. В дальнейшем, функция надзора в результате изменений, внесенных путем проведения Судебной реформы 1864 г. была существенно расширена – надзор мог также осуществляться и за деятельностью судов. Кроме того, анализ законодательства описываемого периода времени позволяет выделить также такую функцию органов прокуратуры, как осуществление уголовного преследования.

После событий 1917 г по 1922 г. институт прокуратуры был полностью ликвидирован, однако законодатель, осознав ошибочность своих действий, вновь создал в 1922 г. органы прокуратуры – при этом, в деятельности этих органов ярко прослеживаются общенадзорная и обвинительная функции, функция осуществления надзора за органами предварительного расследования, а также смешанные функции.

В результате событий, связанных с Великой Отечественной войной произошла передача прокурорских функций органам, уполномоченным на осуществление военного управления – с 1941 года вплоть до периода смерти И.В. Сталина (1953 г.). Далее можно наблюдать более детально закрепление прокурорских полномочий, расширение полномочий касательно осуществления не только общенадзорной функции, но и функции уголовного преследования, осуществление надзора за органами, осуществляющими предварительное расследование, закрепление на законодательном уровне отраслей прокурорского надзора.

На современном этапе развития российского законодательства можно видеть также позиционирование прокурора в качестве стороны обвинения в рамках уголовного судопроизводства, ликвидацию функции надзора за соблюдением законности в судах, что вполне объяснимо, так как суд в принятии решений не должен зависеть ни от чего и ни от кого бы то ни было, принимая решение основываясь на нормах закона. С 2001 года функция осуществления надзора за законностью при рассмотрении уголовного дела в суде трансформировалась в участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами.

Если рассматривать настоящий период времени – его можно рассматривать как этап постоянной трансформации функций прокуратуры.

Список литературы:

1. Гальченко А.И. Исторические аспекты деятельности российской прокуратуры по предупреждению нарушений законов // *Lex russica*. 2017. № 9. С. 22–35.
2. Прокуратура Российской империи в документах, 1722–1917 : хрестоматия / В.В. Лавров, А.В. Ерёмин, Н.М. Иванова ; под ред. Г.В. Штадлера. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 172 с.
3. Прокурорский надзор. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / О.С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О.С. Капинус. – 3-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 198 с. – (Бакалавр и специалист). – ISBN 978-5-534-01791-5. – Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/400418>(дата обращения: 08.11.2021).
4. Указ от 18 января 1722 г. «О бытии в надворных судах, прокурорам и о принятии доносов от фискалов и людей посторонних» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825 гг.). Т. 6. № 3877; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825 гг.). Т. 6. 4001.

С. С. Лопатинская

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
Юридический институт
Россия, Челябинск*

ПРОКУРАТУРА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Данная работа посвящена к 300-летию деятельности Прокуратуры России. В данной работе будет рассмотрено становление и развитие прокуратуры в советские годы, а также её деятельность в настоящее время.

Ключевые слова: Прокуратура, деятельности прокуратуры, Прокурор Союза ССР, история прокуратуры, полномочия прокуратуры.

S. S. Lopatinskaia

*South Ural State University (NRU)
Institute of Law
Russia, Chelyabinsk*

THE PROSECUTOR'S OFFICE OF RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. This work is dedicated to the 300th anniversary of the Russian Prosecutor's Office. This paper will consider the formation and development of the prosecutor's office in the Soviet years, as well as its current activities.

Keywords: Prosecutor's office, activities of the prosecutor's office, Prosecutor of the USSR, the history of the prosecutor's office, the powers of the prosecutor's office.

В советский период становление органов прокуратуры происходило в тяжелой обстановке, связанной последствиями Гражданской войны, а проведение новой экономической политики требовала надзорные органы. 28 мая 1922 г. ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре», в соответствии с которым учреждалась Государственная Прокуратура [3, с.5], которую возглавил Народный Комиссар Юстиции. Прокуратура была наделена следующими полномочиями: осуществление надзора от имени государства за законностью, надзор за работой следственных органов и за содержанием заключенных под стражей, а также представление обвинения в суде. Надо отметить, что после Гражданской войны в стране упал уровень образования, поэтому в начале 1920-х годы было мало образованных юристов. Нехватка квалифицированных специалистов в области юриспруденции отразилось на работе прокуратуры. Люди, получившие образование в царский период, являясь квалифицированными юристами, которые внесли весомый вклад в деятельность органов прокуратуры, но и в целом юридическую науку. Яркими представителями в эти годы являются Михаил Соломонович Строгович и Сергей Александрович Голунский. М.С. Строгович внес большой вклад развития теории и практики уголовного процесса, а Голунский С.А. в развитии криминалистики [1, с. 185–188]. В ноябре 1923 года была учреждена Прокуратура Верховного суда СССР [2, с. 2].

В 30-е годы в государстве политика была направлена на централизацию власти. В апреле 1932 года были созданы специальные военные прокуратуры ОГПУ. Надо отметить, что в эти годы беззаконие достигло высокого уровня. ЦИК и СНК СССР 20 июня 1933 г. принимают постановление, которое учреждало Прокуратуру СССР. В соответствии с этим законом прокуратура была наделена рядом полномочий: надзор за соответствием постановлений и распоряжений определенных ведомств Конституции и Постановлениям Правительства Союза ССР, наблюдение правильностью применения законов, возбуждение уголовного, а также преследование и поддерживать обвинение во всех судебных инстанциях и контроль за деятельностью правоохранительных органов [2, с. 2]. Надо отметить роль Андрея Януарьевича Вышинского, который с марта 1935 года по май 1939 года занимал должность Прокурора СССР. В период его деятельности приказы звучали жестко и твердо в особенности если надо было исполнить

постановления партии и правительства. При А.Я. Вышинском Постановлением СНК СССР от 5 ноября 1936 г. № 1961 О структуре Прокуратуры Союза ССР была изменена структура прокуратуры СССР, что способствовало повышению эффективности органов прокуратуры в надзоре за законностью. Надо отметить, что репрессии 1937 года привели к значительному урону по работникам юстиции, а в целом по населению государства.

В период Великой Отечественной войны все сферы жизни общества были переведены на военный лад. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР 22 июня 1941 г. «О военном положении», деятельность прокуратуры была направлена на соблюдение законности по законам военного времени, обеспечение выполнения приказов и укрепления тыла. В основу деятельности прокуратуры в годы войны обеспечение воинской, трудовой и государственной дисциплины, чтобы победить врага. С августа 1940 – ноябрь 1943 года должность прокурора Союза ССР занимал В.М. Бочков. Он внес большой вклад в налаживании деятельности прокуратуры в годы войны: быстро решил кадровый вопрос, проверки проводились в кратчайшие сроки, а уголовные дела расследовались в течение нескольких дней. В 1943 году были установлены классные чины и выдача обмундирования. В послевоенный период работа органов прокуратуры была направлена на обеспечение законности в экономической сфере. С ноября 1943 – февраль 1948 года прокурором СССР был К.П. Горшенин. На завершающем этапе войны главными задачами прокуратуры были борьба с трудовой дисциплиной, беспорядочностью и преступностью несовершеннолетних, а также борьба с преступностью, которая наносила вред народному хозяйству. При Горшенине была проведена реорганизация Прокуратуры, а также решился вопрос образования сотрудников прокуратуры.

Говоря о деятельности прокуратуры, надо отметить роль советских прокуроров в Нюрнбергском процессе. А.Я. Вышинский, К.П. Горшенин и Р.А. Руденко, которые представляли обвинение со стороны СССР. Главная и завершающую речь произнес главный обвинитель от Союза ССР Р.А. Руденко, который внес большой вклад для того, чтобы приговор состоялся [1, с. 206]. Выступление Руденко не просто услышали, но и весь мир узнал нового молодого прокурора Советского союза

19 марта 1946 года была введена должность Генерального Прокурора. В 1949 году приказом Генерального прокурора СССР была введена участковая система следователей прокуратуры. Немаловажная роль в развитии прокуратуры у Генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонова, который занимал должность с февраля 1948 – июня 1953 годы. При нем была проведена Всесоюзное совещание руководящих работников прокуратуры и Всесоюзная учебно-методическая конференция лучших следственных работников, а также была открыта первая следственная школа Прокуратуры СССР в Ленинграде [1, с. 262]. Следственная деятельность развивалась, внедрялись новые технологии и писался методический материал для сотрудников.

В 1955 году было принято «Положение о прокурорском надзоре в СССР», согласно которому на Генерального Прокурора Союза ССР возлагался высший надзор за точным исполнением законов [1, с. 272]. «Закон» стал употребляться такими важными понятиями как «справедливость», «честность» и «порядочность». Главной задачей прокуратуры была в том, чтобы ни один гражданин не был необоснованно арестован и привлечен к уголовной ответственности [1, с. 272]. С июня 1953 – 23 января 1981 г.г. Роман Андреевич Руденко был назначен Прокурором СССР. В 1954г. учреждается институт следователей-криминалистов, которые оказывали помощь следователям в применение тактических приемов и технических средств при расследования уголовных дел. В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС, на котором было принято решение о реабилитации граждан незаконно или необоснованно репрессированных. Органы прокуратуры проделали большую работу по реабилитации невиновно пострадавшим в годы репрессий. Руденко начал проводить мероприятия, направленные на сознание и обеспечение гарантии законности. В 1955 году было освобождено 10 % арестованных людей. В апреле 1956 году было принято постановление «О структуре центрального аппарата Прокуратуры СССР», в котором

закреплялась новая структура органов прокуратуры СССР. Надо отметить большой вклад Руденко в реабилитации жертв репрессий, которая проходила в середине 1950-х и начале 1960-х годов. Также было развитие образования для сотрудников прокуратуры, сознание научно-исследовательских учреждений, но и создание курсов повышения квалификации руководящих работников прокуратуры. В 70-е годы были построены объекты для органов прокуратуры. При Романе Андреевиче Руденко была укреплен законность в стране. Романа Андреевича Руденко называют патриархом советской прокуратуры, поскольку он внёс огромный вклад в деятельность прокуратуры.

9 февраля 1981 – 26 мая 1988 года пост Генерального прокурора СССР занимал Александр Михайлович Рекунов. Его деятельность происходила в период перестройки. Он провёл большую организационную работу и внедрил системный зонально-тематический принцип работы [1, с. 301]. При нём был утверждён знак «Почетный работник прокуратуры», также введено «Обязательство работника советской прокуратуры». 26 мая 1988 – 15 октября 1990 Генеральным прокурором был А.Я. Сухарев. При нём были сформированы надзорные структуры: в экологической, экономической и социальной сферах, также была создана Волжская природоохранная прокуратура, которая подчинялась центру.

Последним Генеральным прокурором СССР является Николай Семенович Трубин. При нём улучшилось материальное обеспечение сотрудников органов прокуратуры и 27 мая 1991 года была введена «Присяга работника прокуратуры» [1, с. 311–313]. 26 декабря 1991 году произошёл распад СССР, связи с этим Прокуратура СССР перестает существовать.

17 января 1992 г. был Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3, с. 7]. Первым Генеральным прокурором России является Степанков Валентин Георгиевич. Сегодня Прокуратура является одним важным правоохранительным органом, который осуществляет надзорную функцию и имеет ряд полномочий, которые позволяют осуществлять надзор во всех сферах жизни общества. В соответствии статье 129 Конституции Российской Федерации, Прокуратура является единым и централизованным государственным органом, ни относящийся ни к одной из ветвей власти, а также имеет четкую иерархически выстроенную структуру всех органов прокуратуры. В 2006 году произошло выделение следствия из прокуратуры в отдельное структурное подразделение Следственный комитет при прокуратуре. 4 октября 2008 года Президент Российской Федерации подписал Указа № 144, в соответствии с которым был учрежден геральдический знак – эмблема и флаг прокуратуры Российской Федерации [1, с. 354]. В январе 2011 г. Следственный комитет полностью отделился от прокуратуры. В настоящее время должность Генерального прокурора России занимает Краснов Игорь Викторович.

Таким образом, в советский период прокуратура стала самостоятельным государственным органом, а также основной функцией является надзор. Фундаментом прокуратуры России служит структура советской прокуратуры. На сегодняшний день прокуратура имеет широкий круг полномочий, который позволяет осуществлять надзор в различных сферах, также помогать гражданам, если были нарушены их правах.

Список литературы:

1. Звягинцев, А.Г. История Российской прокуратуры, 1722–2012/ А.Г. Звягинцев – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 414 с.
2. Сафина А.Р. История становления прокуратуры в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-prokuratury-v-rossii/viewer> (дата обращения: 11.11.2021)
3. Любушкин В.А., Зотов М.А. История становления Прокуратуры России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-rossiyskoy-prokuratury> (дата обращения: 02.11.2021)

Д. Д. Ляскин, Д. Д. Юданов

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются полномочия Генеральной прокуратуры РФ в сфере представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах). Авторы дают обоснование и краткий анализ данных изменений в законодательстве.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство юстиции, полномочия, представительство и защита интересов Российской Федерации, Европейский суд по правам человека.

D. D. Lyaskin, D. D. Yudanov

Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

NOVELTIES OF THE LEGISLATION ON THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF REPRESENTATION AND PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In article discusses the new powers of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation in the field of representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international arbitration courts. The authors provide a justification and a brief analysis of these changes.

Keywords: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Ministry of Justice, powers, representation and protection of interests of the Russian Federation, European Court of Human Rights.

В связи с предложением Генерального прокурора РФ И.В. Краснова о перераспределении полномочий между Министерством юстиции РФ и Генеральной прокуратурой РФ [1], Президент РФ В.В. Путин 1 июня 2021 года внёс в Государственную Думу законопроекты о внесении изменений в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2, 3]. Данные законопроекты направлены на передачу Генеральной прокуратуре РФ полномочий и прав в сфере представительства и защиты интересов РФ в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах).

Г.В. Минх, полномочный представитель Президента РФ в Государственной Думе, в своём докладе отмечает, что цель внесения данных изменений – совершенствования не только судебной защиты, но и защиты прав граждан в целом [4].

Внесение данных и последующих (производных) изменений в законодательство РФ можно обосновать следующим образом.

Во-первых, особым инструментарием прокуратуры РФ. Имеющийся у прокуратуры объём полномочий и средств правового воздействия, закреплённые в ряде действующих нормативно-правовых актов, среди которых следует особо отметить Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5], не только способствует реализации её главных функций, но и может обеспечить эффективную защиту интересов РФ, прав граждан и российских организаций в международных судебных инстанциях.

Во-вторых, прокуратурой РФ накоплен большой опыт по прокурорскому надзору, участию в судопроизводстве

по уголовным и гражданским делам, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, что однозначно усилит позиции России в Европейском Суде по правам человека (далее – ЕСПЧ) и других международных судебных инстанциях [4].

В-третьих, Генеральная прокуратура РФ имеет богатый опыт в международном сотрудничестве с прокуратурами и иными правоохранительными органами иностранных государств и международными организациями. По состоянию на май 2020 года Генеральной прокуратурой РФ заключено 90 соглашений и иных договорённостей о сотрудничестве с зарубежными партнёрами из 72 государств [6]. Также вышеуказанный орган обеспечивает взаимодействие с иностранными компетентными органами по вопросам защиты интересов российских граждан, преследуемых в других странах.

В-четвёртых, прокуратура РФ обладает высоким авторитетом во взаимоотношениях с Советом Европы, что доказала прошедшая в июле 2021 года в Санкт-Петербурге конференция руководителей прокуратур стран Европы [7]. В современных условиях, которые осложнены обострёнными отношениями в мире, новые полномочия Генеральной прокуратуры РФ благоприятно повлияют на отношения России со странами Европы.

Наделение Генеральной прокуратуры РФ новыми полномочиями в международных органах и судебных инстанциях не противоречит международной практике. Прокуратуры Испании, Португалии, Норвегии, Словении, Албании и других государств обеспечивают представительство интересов своих стран в ЕСПЧ [4].

1 июля 2021 года Президент РФ подписал соответствующий закон о передаче Генеральной прокуратуре РФ полномочий по представительству и защите интересов в межгосударственных органах и международных судах [7]. Порядок реализации новых полномочий определяется в разделе IV¹ Ф3 «О прокуратуре РФ». Стоит отметить, что некоторые из рассматриваемых полномочий были расширены и уточнены законодателем. Так, согласно п. 3.1 ст. 1 Ф3 «О прокуратуре РФ», обеспечение представительства и защиты интересов РФ будет осуществляться Генеральной прокуратурой РФ в пределах своей компетенции, прописанной статьями 39.1 и 39.2 того же закона, не только в иностранных и международных судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), но и в межгосударственных органах. Согласно п. 2 ст. 39.1 Ф3 «О прокуратуре РФ», основные международные судебные инстанции, в которых Генеральная прокуратура РФ будет представлять и защищать интересы РФ, – ЕСПЧ, Суд Евразийского экономического союза, а также Экономический Суд Содружества Независимых Государств. При представлении позиции РФ в межгосударственных органах и международных судах Генеральной прокуратурой РФ обеспечивается взаимодействие как федеральных государственных органов, так и органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в порядке, определяемом ранее Президентом РФ, теперь – Генеральным прокурором РФ. Для обеспечения новых полномочий при Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ на правах структурного подразделения образуется зарубежный аппарат [9].

Согласно изменениям, внесённым в законодательство РФ [2, 3], Генеральная прокуратура РФ теперь обладает правом обращения в Конституционный Суд РФ с запросами о возможности исполнения решений межгосударственных органов и международных судов (в части, обязывающей РФ к принятию мер по исполнению этих решений), если эти решения или положения международных договоров РФ, на основе которых были приняты соответствующие решения, предположительно противоречат основам российского правопорядка и (или) Конституции РФ.

В целях совершенствования работы в органах и организациях прокуратуры РФ по вопросу реализации новых полномочий Генеральной прокуратуры РФ И.В. Красновым в августе 2021 года были подписаны приказы о внесении изменений и дополнений в ряд приказов Генерального прокурора РФ, регламентирующих организацию прокурорского надзора [10, 11, 12].

Таким образом, наделение Генеральной прокуратуры РФ полномочиями по обеспечению представительства и защиты РФ в межгосударственных органах и международных судах повысило её статус среди других государственных органов России, придав ей особый вес на международной арене. С нашей точки зрения, данные изменения в российском законодательстве однозначно позволят улучшить защиту прав и свобод человека и гражданина, что даст объективную оценку функционирования правоохранительных органов РФ, и как следствие защиту РФ в иностранных и международных судах, в том числе в ЕСПЧ.

Список литературы:

1. Интервью Генпрокурора России Игорь Краснов начальнику отдела происшествий «Ъ» Максиму Варывдину // Издательский дом «Коммерсантъ». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4880399>.
2. Проект федерального закона № 1183775-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183775-7>.
3. Проект федерального конституционного закона № 1183777-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183777-7>.
4. Фрагмент стенограммы заседания Государственной Думы Российской Федерации № 363 08.06.2021 по обсуждению вопроса о проекте федерального закона № 1183775-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183775-7>.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, № 47, Ст. 4472.
6. Отчёт Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации май 2020 г. // URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation>.
7. Цит. по: статья РБК «Путин согласился передать Генпрокуратуре функции представителя в ЕСПЧ» // URL : <https://www.rbc.ru/politics/22/03/2021/60588c1e9a79476c5abcd379>.
8. Федеральный закон от 01.07.2021 № 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть I), Ст. 5093.
9. Приказ Генерального прокурора РФ от 06.09.2021 «Об утверждении Положения о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации» // Текст документа официально опубликован не был.
10. Приказ Генерального прокурора РФ от 31.08.2021 № 508 «О внесении изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // «Законность», № 10, 2021.
11. Приказ Генерального прокурора РФ от 19.08.2021 № 478 «О внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // «Законность», № 10, 2021.
12. Приказ Генерального прокурора РФ от 24.08.2021 № 489 «О внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации» // «Законность», № 10, 2021.

О. А. Матчонова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ НАСИЛИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье проводится исследование проблемы насилия в образовательных учреждениях, которое подрывает устойчивость правового государства. В связи с происходящими процессами важное место в предотвращении таких антиобщественных действий занимает Прокуратура РФ, которая уже на протяжении трёх веков стоит на страже закона.

Ключевые слова: прокуратура РФ, насилие в образовательной организации, защита детей, школа, права несовершеннолетних.

O. A. Matchonova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN PREVENTING VIOLENCE IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract. In article explores the problem of violence in educational institutions, which undermines stability of the legal state. In connection with the current processes, an important place in the prevention of such unsocial actions is occupied by the Prosecutor's Office of the Russian Federation, which has been protecting the law for three centuries.

Keywords: prosecutor's Office of the Russian Federation, violence in educational institutions, protection of children, school, rights of minors.

На современном этапе одной из главных стратегических задач прокурорской деятельности является обеспечение полной защиты прав и свобод человека и гражданина. Эта задача во многом определена Конституцией Российской Федерации, общепризнанными нормами и принципами международного права, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами, действующими на территории России. Одним из приоритетных направлений этой деятельности для органов прокуратуры РФ является надзор за исполнением законов о несовершеннолетних.

Основываясь на положениях Конвенции ООН о правах ребенка, нормах международного права и российского законодательства, закрепляющего приоритет интересов и благосостояния детей во всех сферах общественной жизни, был принят приказ Генеральной прокуратуры от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», который четко определил основные направления деятельности прокуратуры [1].

Стремительное развитие процессов глобализации и информатизации, изменение внешнеполитической обстановки и многое другое – все это ведет к выявлению новых проблем, которые уже существовали в государстве, но наиболее ярко заявляли о себе только сейчас. Одной из таких проблем является рост массового насилия в образовательных организациях.

Согласно «Докладу о положении дел в мире в сфере профилактики насилия в отношении детей за 2020 год», совместно опубликованному ЮНЕСКО, ВОЗ, ЮНИСЕФ, Специальным представителем Генерального секретаря ООН по вопросу о насилии в отношении детей, пока внимание всех стран сосредоточено на сдерживании распространения COVID-19, каждый второй ребенок во всем мире продолжает страдать от физического, сексуального или психологического насилия [2].

Насилие в образовательной организации – это спланированные или спонтанные агрессивные действия, происходящие на территории или в его помещениях во время занятий, перемены, по пути в него и обратно, а также на мероприятиях, проводимых образовательной организацией в другом месте [3, С. 14].

Особенности условий образовательного процесса позволяют выделить несколько видов насилия в школах [4, С. 17]:

1. Психологическое насилие. Оно встречается в виде насмешек, обзывания, высмеивания, недогущения в группу, а также оскорблений и унижений, которые для пострадавшего означают, что он является бесполезным человеком, неприятным всем обществом.

2. Физическое насилие. Часто начинается с физических нападков с целью внушения страха и подчинения жертвы обидчику.

3. Сексуальное насилие. Оно выражается в нежелательных объятиях, прикосновениях, подглядывании, могут встречаться нежелательные притязания – заигрывания, домогательства и другие действия, направленные на притеснение человека.

4. Гендерное насилие, в основе которого лежат дисбаланс сил и гендерные стереотипы.

5. Нанесение ущерба. Оно проявляется в порче или насильственном отбирании имущества у обучающегося или работников. Этот вид насилия часто проявляется в вымогательстве, которое предполагает периодическое требование денег или других вещей под давлением и принуждением.

6. Дискриминация. Это предвзятое или отличительное обращение с человеком на основании его национальности, этнического происхождения, пола, религиозной принадлежности или любого другого признака.

В научной литературе также выделяют ещё один вид насильственных действий – буллинг. Буллинг (bullying) – это длительное насилие, физическое или психологическое, осуществляемое одним человеком или группой и направленное против человека, который не в состоянии защититься в данной ситуации [5, С. 114].

Он может выражаться в виде систематических насмешек, вымогательства, физического или психического унижения, бойкота и т.д. С развитием информационных технологий появляется кибербуллинг.

Как правило, большинство случаев насилия в образовательных организациях никак нигде не регистрируется и зачастую остается незамеченным, не попадая в поле зрения правоохранительных органов. Широкою огласку получают только случаи уже крайних форм насилия с применением оружия, захватом заложников.

В связи с этим органы прокуратуры самое пристальное внимание уделяют профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. С целью совершенствования научного и методического обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере защиты прав несовершеннолетних О. С. Капинус было издано распоряжение от 19.08.2020 № 311/р «О совершенствовании научного и методического обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере защиты прав несовершеннолетних» [6, С. 9].

Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе выступления в марте 2021 г. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ отметил, что нужно совершенствовать систему обеспечения безопасности в образовательных учреждениях. Проверки здесь должны быть регулярными, а выявленные нарушения не просто фиксироваться, а полностью устраняться [7].

На основании приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» органы прокуратуры осуществляют надзор по шестнадцати наиболее значимым направлениям надзорной деятельности в сфере охраны прав несовершеннолетних. Одно из них: используя предоставленные полномочия, решительно пресекать факты жестокого обращения с детьми, физического, психического и сексуального насилия в семьях, воспитательных и образовательных учреждениях [8].

Организационные мероприятия, которые осуществляют сотрудники органов прокуратуры в процессе надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, не ограничиваются только проведением проверок, они также направлены на проведение анализа состояния законности в сфере соблюдения прав несовершеннолетних, их правового просвещения, предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних [9, С. 29].

Сотрудники органов прокуратуры принимают участие в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав; проводят встречи с представителями руководства образовательных организаций и родительской общественностью; проводят координационные совещания правоохранительных и иных органов, на которых рассматривают вопросы о результатах работы, профилактике, выявлению и пресечению преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних; принимают участие в заседаниях дискуссионных клубов, организованных высшими образовательными учреждениями, на которых обсуждаются актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних, проводят открытые уроки в образовательных учреждениях и другое.

В заключении следует отметить, что проблема профилактики подросткового насилия, а также совершения насильственных действий в отношении детей, а также их вовлечение в совершение преступлений и других антиобщественных действий, требует всестороннего научного исследования, разработки новых методов и способов воздействия на педагогический состав образовательной организации и школьников, которые позволили бы повысить уровень их правовой культуры, и тем самым предотвратить совершение насилия в образовательной среде. При этом следует учитывать, одну из важных ролей в проведении таких мероприятий должна сыграть прокуратура Российской Федерации, поскольку одна из главных её задача – обеспечение защиты прав и свобод несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Приказ Генеральной прокуратуры от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110394/ (дата обращения 19.10.2021)
2. Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <https://ru.unesco.org/news/novyy-doklad-oon-pokazyvaet-cto-strany-ne-mogut-zashchitit-detey-ot-nasiliya> (дата обращения: 19.10.2021)
3. Глазырина Л.А. Предотвращение насилия в образовательных организациях: методическое пособие для руководителей и педагогических работников образовательных организаций. Барнаул, 2017. 150 с.
4. Синягина Н.Ю. Школа без насилия: методическое пособие. М.: АНО «ЦНПРО», 2015. 150 с.
5. Потапова Л.В. Насилие в школе как социальная проблема // Таврический научный обозреватель. 2016. № 6(11). С. 113–116.
6. Капинус О.С. Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав несовершеннолетних // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2021. № 1. С. 5–11.
7. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65165> дата обращения 20.10.2021 (дата обращения: 19.10.2021)
8. Приказ Генпрокуратуры РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110394/ (дата обращения 19.10.2021)
9. Воеводина Т.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних: монография. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. 101 с.

УДК 343.16

Е. А. Миронова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации. Основываясь на положениях Конституции Российской Федерации и положениях ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», автор, определяя место органов прокуратуры в системе государственных органов, приходит к выводу о том, что прокуратура Российской Федерации выведена за рамки законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Ключевые слова: органы прокуратуры, конституционно-правовой статус, Конституция РФ, закон, суд, ветви власти, Генеральный прокурор РФ.

Е. А. Mironova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines some features of the constitutional and legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation. Based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the provisions of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation," the author, determining the place of the prosecutor's offices in the system of state bodies, concludes that the prosecutor's office of the Russian Federation has been moved beyond the legislative, executive and judicial branches of government.

Keywords: procuratorial bodies, constitutional and legal status, Constitution of the Russian Federation, law, court, branches of government, Prosecutor General of the Russian Federation.

2022 год для органов прокуратуры Российской Федерации будет весьма знаменательным - российской прокуратуре исполнится триста лет.

Само слово «прокурор» имеет латинский корень *cure* («забота, уход») и означает «заботиться, наблюдать». Словом «*procurator*» в Древнем Риме называли управляющих господскими имениями [7, С. 563]. Этот термин был использован Юлием Цезарем в Августовской конституции [4, С. 120]. Так прокураторами стали называть государственных чиновников, которые выполняли функции секретарей и казначеев и назначались из числа выкупившихся и вольноотпущенных рабов. Значимость поста прокуратора росла с расширением императорской власти. Долгое время функции прокуратора ограничивались только управлением имуществом и казной императора. Император Клавдий приказал все распоряжения прокуратора считать действительными [4, С. 140]. Поскольку суды в то время были связаны с ведением финансовых дел, наказания – с денежными штрафами, то и судебная компетенция отошла к прокуратору. Произошло наделение чиновника надзорными функциями. Слово «*procurator*» во французском языке трансформировалось в «*procurateur*» откуда было заимствовано поляками и, таким образом, из польского в Россию пришло уже в привычном нам нас звучании «прокурор».

Началом истории прокуратуры в России принято считать 1722 год. Именно тогда законодательно Петром Первым была учреждена должность Генерал-прокурора Российской Империи.

Указом от 12 января (23 января по старому стилю) было установлено: «Быть при Сенате Генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору». 12 января стала датой профессионального праздника Прокуратуры России [3, С. 8].

Должность прокурора в судах появилась в введении Указа Петра Первого от 18 (29 января по старому стилю) того же года: «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и в пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальных и прочих людей» [3, С. 8].

Деятельность Генерал-прокурора сводилась к надзору за Правительствующим Сенатом, в соответствии с Указом «О должности Генерал-прокурора» от 27 апреля (8 мая по старому стилю) 1722 года, деятельность прокуроров носила надзорный характер за органами государственного управления: «Органы управления производят и решают дела, а прокуроры наблюдают за этим производством и решением, охраняют их закономерность, но не принимают другого ближайшего участия в самом существе дела, в их возбуждении, постановлении и направлении» [3, С. 8].

Задачей, поставленной Петром Первым перед прокуратурой, являлось «... уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония».

На современном этапе деятельность прокуратуры Российской Федерации ее полномочия и функции регламентируются как в основном законе государства – Конституции РФ от 12 декабря 1993 года, так и Федеральным законом № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года и другими федеральными законами [6, С. 380].

Говоря о конституционно-правовом регулировании, следует сказать, что органам прокуратуры в Конституции Российской Федерации выделена отдельная статья 129, входящая в главу 7 «Судебная власть и прокуратура». В 2020 по инициативе Президента Российской Федерации, а также после одобрения в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 в Конституцию РФ были внесены изменения, которые затронули и указанную статью.

Согласно п.1 ст. 129 Конституции РФ и ст.1 ФЗ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 «Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции» [1, 2].

Из указанной нормы не следует четкого определения места, занимаемого органами прокуратуры в системе государственных органов. А потому в научных кругах не прекращается полемика относительно места, отведенного органам прокуратуры в государственном механизме.

В основе создания Конституции РФ заложен, в том числе, и принцип разделения властей, однако вопрос о положении прокуратуры в системе разделения властей являлся дискуссионным.

Некоторые ученые видят органы прокуратуры в системе органов законодательной ветви власти. Так, В. Ломовский, по этому поводу использовал выражение «хроническое заболевание прокурорского надзора» [8, С. 22]. Он относил прокуратуру к законодательной власти, основываясь на том, что «верховная законодательная власть после принятия законов не может, как и не должна, оставаться безучастной к их исполнению».

Популярна точка зрения, о том, что прокуратура относится к органам судебной власти. Происхождение данной точки зрения связывают с тем, что при подготовке проекта Конституции РФ, предпринимались попытки свести роль прокуратуры до осуществления уголовного преследования путем поддержания обвинения в суде. Результатом таких попыток стало включение ст.129 Конституции РФ в главу 7 «Судебная власть», которая уже гораздо позже была переименована в Главу «Судебная власть и прокуратура». Эту точку зрения опровергает следующее положение ст. 118 Конституции РФ «судебная власть осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства» [1].

Используя метод исключения, можно предположить, что прокуратура относится к органам исполнительной власти. Руководствуясь особым характером исполнительной власти, положениями института Президентства в РФ, а также надзорным характером деятельности органов прокуратуры, такое предположение не кажется противоречивым. Однако, законодательно Генеральный прокурор РФ не включен в высший орган исполнительной власти – Правительство Российской Федерации, а органы прокура-

туры не наделены статусом органа исполнительной ветви власти (не является министерством, службой или агентством).

Все вышеизложенное и перечень задач, поставленных перед прокуратурой, позволяет говорить о том, что в структурном и функциональном плане прокуратура РФ выведена за рамки законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Можно предположить, что в последующем, путем внесения поправок в Конституцию РФ, нормативные положения о прокуратуре будут выделены в отдельную главу, произойдет обособление прокурорской или контрольной власти в отдельную ветвь.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-Ф3) // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 3. Ст. 4412.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» //Российская газета. 1992. № 39. 18 февраля; СЗ РФ. 2021. № 24 (часть I). Ст. 4188.
3. *Абрамович-Барановский С.С.* Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1905.
4. Обнорский Н.П. Прокуратор, должность // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80> (дата обращения: 19.10.2021).
5. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. – М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017. 520 с.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. СПб., 1720–1722. Т. 6 (1830). № № 3877, 3880, 3979.
7. Словарь иностранных слов современного русского языка / Москва: Аделант, 2014. – 800 с. – ISBN 978-5-93642-322-2. – Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/44144.html> (дата обращения: 12.11.2021).
8. *Ломовский В.* Какой власти принадлежит прокуратура? // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 21–23.

УДК 347.963

Н. В. Морозова

*Саратовская Государственная Юридическая Академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматривается роль прокуратуры в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних, анализируется степень влияния Сети Интернет на молодежь, а также дан анализ основных законов, гарантирующих безопасность несовершеннолетних.

Ключевые слова: роль прокуратуры, несовершеннолетние, интернет, информационная безопасность, права детей, прокурорский надзор.

N. V. Morozova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN ENSURING INFORMATION SECURITY FOR MINORS

Abstract. The article discusses the role of the prosecutor's office in ensuring the information security of minors, the impact of the World Web on young people, as well as a list of basic laws guaranteeing the safety of minors on the Internet.

Keywords: The role of the prosecutor's office, minors, Internet, information security, children's rights, prosecutorial supervision

В наше время практически у каждого подростка есть ноутбук, телефон, планшет или любой другой гаджет, обеспечивающий свободный выход в интернет. Несмотря на большое количество плюсов всемирной паутины, нельзя сказать, что она приносит исключительно пользу для людей. Благодаря наличию доступа в интернет, а соответственно и в социальные сети, подростки открывают для себя новые термины, выражения, получают различного рода эмоции, которые не всегда являются положительными. Происходит процесс социализации и дети черпают из попадающихся сайтов и рекламы все больше материалов. Информация, которая распространяется посредством средств массовой информации, рекламной продукции, электронных и компьютерных игр, кино-, видео-, иных аудиовизуальных сообщений и материалов может оказывать на подростков негативное влияние, побуждать их к рискованному, агрессивному, жестокому, антиобщественному поведению способствует их виктимизации, облегчает их вовлечение в преступления [3]. Вместе с тем, в 21 веке человеку достаточно непростое обойтись без интернета, не говоря уже о школьниках, которые выполняют домашние задания, в том числе различные доклады, благодаря полученной информации в интернете.

На мой взгляд проблемой Российского законодательства является тот факт, что уровень информационной безопасности для несовершеннолетних является недостаточным. Всемирная паутина растет и развивается ежедневно. Казалось бы, сервис для создания роликов TikTok вошел в жизнь россиян относительно недавно, но оказывается, что его использование началось ещё в 2016 году. Несмотря на то, что данное приложение носит развлекательный характер, за последний год было совершено несколько суицидов несовершеннолетними, снятыми на видео. Представляется, что не только прокуратура должна заниматься безопасностью лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, в интернете. Необходимо чтобы детям в школах и иных организациях в которых они состоят, проводили классные часы, посвящённые данной теме, для того чтобы дети могли бы самостоятельно находить ту грань дозволенного контента и развивали в себе навыки, способствующие усовершенствованию их ответственности.

Конституция РФ закрепляет основы прав детей в сфере информации. Так, в п. 4 ст.29 Конституции РФ говорится, что любой гражданин может свободно находить, получать и любым иным образом оперировать имеющейся информацией, которая является законной [1]. Несмотря на это, ч. 3 ст.55 Конституции РФ предусматривает ограничение такого права в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности. Это свидетельствует о том, что материалы, которые могут нанести вред физическому и психическому здоровью ребёнка, могут быть ограничены на законных основаниях и действия, связанные с наложением запрета на подобного рода информации, не будут являться противоречащими Конституции РФ, так как способствуют обеспечению защиты несовершеннолетних от неблагоприятной информации.

В настоящее время активно развивается законодательство связанное с обеспечением информационной безопасности несовершеннолетних, причем активное развитие законодательства идет не только в России, но и на международном уровне. Существуют различные декларации и федеральные законы, а также иные нормативные акты, например: Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Всеобщая декларация прав человека. Однако одну из наиболее важных ролей в Российском законодательстве носит Федеральный закон от 29 декабря 2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Согласно п.1 ст.1 Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции. Наряду с этим документом действует Федеральный Закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Согласно п.1 ст. 14 Органы государственной власти

Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью и иным факторам, например, нравственному воспитанию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы, имеющей возрастные ограничения, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации, которая может нанести вред физическому или психическому здоровью ребенка. Главной целью вышеуказанных актов является обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних путем введения определенных гарантий и санкций, в случае их нарушения.

Исходя из п. 1 ст.14 ФЗ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» следует, что прокуратура должна принимать меры по защите несовершеннолетнего от информации, негативно влияющей на ребенка. Прокуратура – это государственный орган, одна из функций которого – надзор за соблюдением законности. В Российской Федерации действия прокуроров в организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних согласуются с приказом Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи». Согласно данному документу Генеральный прокурор РФ предписывает нижестоящим прокурорам следить за исполнением законов, связанных с защитой несовершеннолетних от информации, которая может причинить им какой-либо вред, повлиять на их нравственное развитие, здоровье в деятельности СМИ и иных органов. Сотрудников прокуратуры обязывает принимать меры по привлечению к ответственности физических и юридических лиц, которые виновны в распространении подобной информации [2].

Всё чаще в интернете встречаются недобросовестные рекламодатели, предприниматели, блогеры в социальных сетях и иные субъекты, распространяющие информацию, которая не предназначена для показа лицам не достигшим совершеннолетнего возраста, что приводит к повышению процента преступлений, связанных с информационной безопасностью несовершеннолетних. Благодаря активной работе сотрудников прокуратуры согласно официальной статистике МВД замедлился темп роста количества зарегистрированных преступлений, которые были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В первом квартале 2021 года их число увеличилось на 33,7%, а за девять месяцев 2021 года – на 11% [4]. Данные цифры отражают активную деятельность органов прокуратуры в усилении надзора за различного рода сайтами, негативно влияющих, как на саму молодежь, так и на их психику, поведение, восприятие мира, а также принятия соответствующих норм прокурорского реагирования, путем вынесения постановлений о назначении административных штрафов физическим и юридическим лицам, что приводит к снижению преступлений в интернете.

Несмотря на положительную динамику, снижение роста преступности является недостаточным, поскольку статистические данные по нарушению прав несовершеннолетних выжили, что свидетельствует о недостаточной работе правоохранительных органов и необходимости усовершенствования процесса обнаружения, раскрытия таких правонарушений и преступлений. Таким образом, необходима модернизация, а именно привлечение специалистов, непосредственно работающих и отслеживающих действия несовершеннолетних в сетях, проведение различного рода проверок, привлечение педагогов, родителей и иных лиц, контактирующих с детьми, с целью пресечения правонарушений со стороны, как физических и юридических лиц, так и детей в сети Интернет.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 30.12.2008 № 7-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗ, от 14.03.2020 № 1-ФЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Приказ Генпрокуратуры РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // журнал „Законность“, 2008 г., № 2.

3. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. Н.Н. Ковалевой // СПС Консультант-Плюс. 2013.

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2021 года // сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/26421097/> (дата обращения: 08.11.2021).

УДК 347.963

В. 3. Наврузов

Тулский институт (филиал)

*«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы реализации прокурорского надзора за соблюдением экологического законодательства. Выявлены факторы, оказывающие негативное влияние на состояние окружающей среды. Определён круг задач, стоящих перед прокурорскими органами в сфере обеспечения экологической безопасности. Рассмотрены приоритетные направления деятельности природоохранной прокуратуры.

Ключевые слова: прокурорский надзор и его задачи, полномочия, госслужба, экология страны, законодательство в сфере защиты природных ресурсов и экологии, окружающая среда.

Navruzov Vagif Zulkaidievich

Tula Institute (branch)

«All-Russian State University of Justice

(RLA Ministry of Justice of Russia)»

Russia, Tula

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH ENVIRONMENTAL LEGISLATION

Abstract: The article considers the implementation of prosecutor's supervision over compliance with environmental legislation. Factors that have a negative impact on the environment have been identified. The scope of tasks facing the prosecutor's bodies in the field of ensuring environmental safety is defined. Priority areas of the environmental prosecutor's office are considered.

Keywords: prosecutor's supervision and its tasks, powers, civil service, ecology of the country, legislation in the field of protection of natural resources and ecology, environment.

Первоочередными направлениями в деятельности государства и живущего на его территории общества, в соответствии с Экологической доктриной РФ, которая была одобрена распоряжением Правительства страны от 31 августа 2002г. № 1225-р, являются в первую очередь: охрана природных богатств, соблюдение законодательства природоохранного и в области экологии, улучшение общего состояния окружающей среды, обеспечение экологической безопасности страны в целом [1, с. 1].

Выделяются сразу несколько не самых благоприятных факторов, которые губительное влияние оказывают на состояние окружающей природы, не только в России, но и в масштабах всей планеты.

К этим многочисленным факторам относятся: 1) часто совершаемые террористические акты (в основном в странах Африки и Ближнего Востока) и военные действия (война в Сирии, столкновения между арабами и евреями в Израиле); 2) очень быстрый прирост населения в таких странах, как Китай и Индия, вследствие чего стремительно растёт численность населения всей планеты; печально то, что территорий, которые

действительно могут быть пригодными для уютного и даже комфортного проживания, остаётся не так уж и много; 3) разрушение озонового слоя; 4) быстрый расхождение современными людьми природных ресурсов; очень печально, что количество этих ресурсов не возрастает, а наоборот, с каждым годом сокращается.

В целях повышения уровня экобезопасности и рационального использования природных богатств и для сохранения окружающей благоприятной экологической среды, Генпрокурор РФ, Краснов Игорь Викторович, в своём недавнем выступлении дал важное поручение: заместителям Генерального прокурора России, всем руководителям главных управлений и управлений Генпрокуратуры России, региональным прокурорам и иным сотрудникам прокуратуры считать надзор за соблюдением экологического законодательства одним из самых значимых и приоритетных направлений деятельности Российской прокуратуры, а также осуществлять прокурорский надзор комплексно и гласно, с максимальным привлечением и волонтеров. Воплощение в действительную реальность права, которое гражданам России гарантирует Конституция РФ, а именно, право на благоприятную окружающую среду, является главной задачей надзора за соблюдением экологического законодательства [2, ч. 1].

В соответствии со ст. 42 Российской Конституции, «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [3, ст. 42].

Также Игорь Краснов отметил, что для обеспечения верховенства закона нужно отметить сразу несколько задач прокурорского надзора в сфере успешного обеспечения экобезопасности [4, с. 109].

Первое, это выявление лиц, которые были признаны виновными в совершении экологических правонарушений преступной направленности, в это число входят: нарушение правил охраны окружающей среды на производственных работах, нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, загрязнение вод близлежащих рек и водных ресурсов (в т. ч. и морей), загрязнение атмосферы (в результате техногенных катастроф, на примере аварии в Чернобыле), незаконные охота и рубка лесных насаждений, нарушение режима особо охраняемых и режимных объектов природных территорий и другие преступления, которые указаны в 26 главе Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления». [5, ст. 246–262].

Второе, это обеспечение более качественного соблюдения экологического законодательства.

Третий и самый важный фактор прокурорского надзора по данному вопросу, это, прежде всего, предупреждение нарушений в области экологического законодательства и экобезопасности [6, ч. 4].

Также существует и социальное направление деятельности природоохранной прокуратуры, и самыми основными её направлениями являются:

1) своевременное прогнозирование и оперативное выявление экологических угроз;

2) проведение открытых тренингов и уроков в школах для гражданского населения по основам безопасности жизнедеятельности (ОБЖ), правилам, а также способам защиты при возникновении чрезвычайных ситуаций (ЧС) техногенного или природного характера;

3) осуществление усиленного контроля за обеспечением населения качественными и, самое главное, безопасными продуктами питания;

4) ведение постоянного контроля за обеспечением экологической безопасности жилья, бытовой техники, одежды, и других предметов домашнего обихода;

5) предотвращение диверсий, провокаций и актов терроризма, которые вполне могут повлечь неблагоприятные последствия для экологии в наших городах и сёлах.

Цель же номер один прокурорского надзора за соблюдением экологического законодательства заключается в своевременном реагировании прокуроров за исполнением законодательства об охране окружающей среды юридическими и физическими.

М. Д. Неклюдова

Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, СаратовК ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ
ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Актуальность этого направления обусловлена точным и своевременным их исполнением следующими лицами и органами: органами исполнительной власти, физическими и юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, общественными объединениями и их региональными представительствами.

Осуществление качественного и оперативного прокурорского реагирования за соблюдением экологического законодательства оказывает большое влияние также и на повышение общего уровня жизни и благосостояния населения нашей огромной страны. [7, С. 80].

В соответствии с законом, также органы прокуратуры обязаны: [5, С. 111]:

1) осуществлять контроль за деятельностью правоохранительных органов по пресечению незаконного оборота природных ресурсов;

2) при установлении факта совершения экологического преступления направлять материалы в органы предварительного следствия (СК РФ или ФСБ) с целью дальнейшего привлечения лиц, признанных виновными в совершении преступления, к уголовной ответственности;

3) через средства массовой информации (газеты, радио и ТВ), доводить до общества сведения о результатах деятельности прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением экологического законодательства;

4) принятие мер по обеспечению экологически безопасно обращения с отходами компетентными органами госвласти и органами местного самоуправления;

5) решение вопроса о привлечении к юридической ответственности должностных лиц, уполномоченных на осуществление государственного экологического надзора, но, в тоже время, уклоняющихся от выполнения их обязанностей, или не до конца выполняющих свои должностные полномочия.

В конце хотелось бы отметить, что органы Российской прокуратуры ведут постоянный надзор за соблюдением экологического законодательства. Около 300 тысяч правонарушений в сфере экологии совершается ежегодно. Поэтому сотрудники прокуратуры обязаны обеспечивать взаимодействие с органами госвласти и органами местного самоуправления, активно участвовать в разработке нормативных документов органами госвласти и органов местного самоуправления, а также проводить совместные мероприятия по профилактике предотвращения нарушений законодательства об охране окружающей среды.

Список литературы:

1. Об одобрении Экологической доктрины РФ : Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р // СЗ РФ. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.

2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере : Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.04.2021 № 198 // Законность. – 2021. – № 6.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // ПРАВО.RU : официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2021). – Текст электронный.

4. *Марихова Н.* Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 1 (17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-ispolneniem-ekologicheskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 15.11.2021). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст : электронный.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

6. Об одобрении Экологической доктрины РФ : Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р // СЗ РФ. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.

7. *Тюльпанов Ф. М.* Некоторые вопросы прокурорского надзора в сфере экологии // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 4 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-prokurorskogo-nadzora-v-sfere-ekologii> (дата обращения: 15.11.2021). – Текст электронный.

Аннотация. в статье говорится о проведенной реформе института присяжных заседателей, а также о нормативно-правовой регламентации поддержания государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела таким составом суда. Автор статьи обращает внимание на то, что специфика поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей большей частью заключается в том, что присяжные – граждане России, не имеющие юридического образования и специальной подготовки для рассмотрения уголовных дел. Особое внимание уделяется специфике государственного обвинения в судебном следствии и прениях сторон.

Ключевые слова: государственный обвинитель, поддержание государственного обвинения, присяжные заседатели, прокурор, суд.

M. D. Neklyudova

Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, SaratovON THE ESSENCE OF MAINTAINING
PUBLIC PROSECUTION IN A JURY TRIAL

Abstract. in the article the jury reform, the legal basis for maintaining public prosecution in a jury trial are considered. The author writes about the peculiarities of maintaining the state prosecution in a jury trial in the arguments, the judicial investigation.

Keywords: public prosecutor, maintaining public prosecution, jury trial, prosecutor, court.

Одной из функций прокуратуры является уголовное преследование [2]. Уголовное преследование в судебном заседании осуществляется прокурором посредством поддержания государственного обвинения. Важность осуществления прокуратурой Российской Федерации данной функции подчеркивается внесением изменений в Конституцию Российской Федерации, а именно в ст. 129 – функция уголовного преследования была внесена в определение прокуратуры РФ [1].

Российское уголовное судопроизводство предусматривает возможность рассмотрения уголовного дела судом коллегиально, в том числе с участием присяжных заседателей [3]. С 1 июня 2018 года в Российской Федерации изменен коллегиальный состав суда с участием присяжных заседателей [4,5]. Суд первой инстанции рассматривает уголовные дела в составе судьи верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, автономной области, автономного округа и коллегии из восьми присяжных заседателей, судьи районного суда и коллегии из шести присяжных заседателей соответственно [3]. С введением присяжных заседателей в состав районных судов повышается вероятность поддержания государственного обвинения в суде с коллегией присяжных заседателей, а следовательно прокурорский работник, поддерживающий государственное обвинение, должен обладать достаточным уровнем квалификации и опыта для участия в рассмотрении дела таким составом суда. Согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020 год судами первой инстанции по существу с вынесением приговора с участием коллегии присяжных заседателей было рассмотрено 675 уголовных дел [6].

Порядок поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей регламентируется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской

Федерации» (далее – Ф3 «О прокуратуре РФ»), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также ведомственными правовыми актами. 30 июня 2021 года Генеральным прокурором был издан приказ № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», который заменил собой ранее действовавший приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465.

Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей имеет определенную специфику. Прежде это связано с тем, что присяжные заседатели – граждане Российской Федерации, которые в большинстве своем не имеют юридического образования. Они не знают норм права, юридической терминологии и при принятии решения руководствуются своими чувствами, представлениями о справедливости, жизненным опытом, моральными и ценностными установками. На принятие решения присяжными будут влиять, в том числе, обонятельные восприятия ими информации. Государственный обвинитель должен донести до неподготовленных граждан информацию о виновности лица в совершении преступления, ориентировать их на вынесение обвинительного вердикта. Прокурору, поддерживающему государственное обвинение в суде с участием присяжных заседателей, необходимо не только знать законодательство Российской Федерации, но и обладать хорошим ораторским мастерством, а также способностями к убеждению, он должен уметь расположить к себе аудиторию. Именно поэтому Генеральный прокурор в п. 1.5 Приказа Генпрокуратуры от 30.06.2021 № 376 ориентирует руководителей прокуратур на то, чтобы поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, поручалось прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами.

Также особенностью рассмотрения уголовного дела является то, что в судебном следствии с участием присяжных заседателей данные о личности подсудимого исследуются лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, т.е. только в том объеме, который касается совершаемого им общественного опасного деяния. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. При этом по смыслу закона запрещается сообщать информацию, способную оказать влияние на формирование предубеждения присяжных заседателей в отношении подсудимого как в негативном, так и в позитивных аспектах. Таким образом, в присутствии присяжных заседателей запрещено исследовать информацию, направленную на создание положительного образа, возникновение у присяжных сочувствия и жалости к подсудимым, либо наоборот чувства ненависти. Отсюда следует, что сам государственный обвинитель не должен представлять доказательства, содержащие подобные сведения, а также должен пресекать попытки иных участников судебного разбирательства, в том числе судьи, сформировать у присяжных предубеждение о личности подсудимого, основанное на данных о его образе жизни, заболеваниях и т.п.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2021 по делу № 48-УДП20-25-К7 приговор Копейского городского суда Челябинской области, определение Челябинского областного суда, кассационное определение судебной коллегии Седьмого кассационного суда общей юрисдикции в отношении оправданного Жданова Александра Викторовича и осужденного Петрова Дмитрия Викторовича были отменены. Одним из оснований отмены было нарушение ч. 8 ст. 335 УПК РФ. Нарушение уголовно-процессуального закона заключалось в том, что до сведения коллегии была доведена информация о личности подсудимых, не связанная с обстоятельствами предъявленного обвинения, в частности о работе Петрова в больнице, о гибели у Жданова дочери. При этом реакция председательствующего судьи на указанные нарушения либо отсутствовала, либо носила отсроченный характер, в связи с чем эффективность его действий по предотвращению незаконного влияния на присяжных заседателей была сведена к минимуму. Судеб-

ная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ согласилась с доводами кассационного представления, усмотрела основания для отмены приговора суда в связи с тем, что данная информация повлияла на принятие присяжными вердикта по поставленным вопросам [7].

Особенностью обвинительной речи прокурора будет являться тот факт, что он не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей. Речь прокурора должна быть построена с учетом полномочий присяжных заседателей и содержания вопросов, на которые они должны дать ответ, она должна быть понятна для любого присяжного, независимо от уровня его правосознания. Присяжные заседатели рассматривают только вопросы факта, поэтому в обвинительной речи прокурор не должен говорить о квалификации преступления и особенностях привлечения лица к ответственности. Государственный обвинитель должен призывать присяжных быть объективными и справедливыми. После судебных прений стороны могут обменяться репликами, поэтому государственный обвинитель должен уметь оперативно среагировать на любую фразу стороны защиты и аргументировано отстоять свою точку зрения.

Таким образом, прокурорский работник, поддерживающий государственное обвинение в суде с участием присяжных заседателей, должен иметь достаточный опыт поддержания государственного обвинения по уголовным делам, публично выступления, обладать хорошим уровнем ораторского мастерства. Более того, государственный обвинитель должен уметь в простой форме донести до присяжных информацию по уголовному делу, не перегружая свою речь сложными оборотами и юридической терминологией. Прокурорский работник должен учитывать психологические особенности присяжных заседателей при рассмотрении уголовных дел. Речь государственного обвинителя должна быть убедительна, при этом прокурор не должен нарушать требования ч. 8 ст. 355 УПК РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237; Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11 Ст. 1416.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (с изм. от 1 июля 2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть 1). Ст. 5093.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть 1). Ст. 5122.
4. Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.11.2021).
5. Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч.1). Ст. 3859; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.11.2021).
6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 04.11.2021).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2021 по делу № 48 – УДП20-25-К7. URL.: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1966206 (дата обращения: 04.11.2021).

8. Кудряшова С.Д. Проблемы поддержания государственного обвинения с участием присяжных заседателей в районном суде и пути их решения // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 2 (56). С. 105–112.

9. Кулик Н.В., Сласов М.А. Специфика подготовки государственного обвинителя прокуратуры районного звена к поддержанию обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Право и правопорядок. 2019. № 3. С. 127–131.

10. Страхова С.В. О некоторых проблемных вопросах поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 3 (29). С. 58–66.

11. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под редакцией Ю.Е. Винокурова. 15-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 556 с.

УДК 343

В. Д. Новиков, И. Т. Эбзеев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы прокурорского надзора за соответствием законам правовых актов органов исполнительной власти. Исследованы основные подходы к понятию прокурорского надзора за исполнением законов и соответствием законам правовых актов, проведён сравнительный анализ целей, задач прокурорского надзора за исполнением законов и соответствием законам правовых актов, а также рассмотрены пути совершенствования прокурорского надзора в данной сфере правового регулирования.

Ключевые слова: прокурорский надзор, правовые акты органов исполнительной власти, коррупция, должностное лицо, управление по надзору за исполнением законов.

V. D. Novikov, I. T. Ebzееv

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

SUPERVISION OF THE LEGALITY OF LEGAL ACTS OF EXECUTIVE AUTHORITIES: THE MAIN PROBLEMS

Abstract: This article discusses the problems of prosecutorial supervision of compliance with the laws of legal acts of executive authorities. The main approaches to the concept of prosecutorial supervision over the execution of laws and compliance with the laws of legal acts are investigated, a comparative analysis of the goals and objectives of prosecutorial supervision over the execution of laws and compliance with the laws of legal acts is carried out, and ways to improve prosecutorial supervision in this area of legal regulation are considered.

Keywords: Prosecutor's supervision, acts of Executive authorities, corruption, official, Department for supervision of law enforcement.

Прокурорскому надзору отводится важное место в жизни государства, государственном управлении и административном нормотворчестве. Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) целями деятельности органов прокуратуры являются «...обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [1].

Например, И.Л. Петрухин трактует понятие «надзор» как «...орган для наблюдения за кем-нибудь или чем-нибудь». Также понятие «надзор» им понимается как «...одна из форм деятельности различных государственных органов по обеспечению законности», а понятие «прокурорский надзор» как «...высший надзор прокуратуры за точным и единообраз-

ным исполнением законов всеми министерствами и т.д.» [2, С. 16].

Другой автор – Качалов В.И. понятие «прокурорский надзор» рассматривает как «...осуществляемую от имени государства деятельность специально уполномоченных должностных лиц – прокуроров по обеспечению точного и единообразного применения законов путем своевременного выявления и принятия мер к устранению их нарушения, привлечения виновных к ответственности» [3, С. 67].

Основанием осуществления прокурорами своих надзорных полномочий является, как правило, не только поступление сообщений и публикаций СМИ о конкретных правонарушениях, но и анализ, обобщение статистических данных, предполагающих наличие таких правонарушений со стороны органов исполнительной власти и их должностных лиц, информация, поступающая прокурору о наличии противоправных деяний, издании незаконных правовых актов, неисполнении должностных обязанностей и злоупотреблениях со стороны должностных лиц, которые позволяют предполагать наличие тех или иных правонарушений и способствующих им факторов [4].

Прокурорский надзор за исполнением законов и соответствием законам правовых актов, в частности, направлен на то, чтобы правовые акты, издаваемые органами исполнительной власти и их должностными лицами, способствовали обеспечению гарантий реализации законных прав и интересов граждан, общества и государства, соответствовали законам и чтобы законы точно и единообразно исполнялись всеми органами независимо от их подчиненности (подведомственности), должностными лицами и гражданами [5, с. 25].

Необходимо отметить, что возложенные Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» обязанности на должностных лиц органов исполнительной власти должны ими исполняться повсеместно и неукоснительно, должны устраняться причины, способствующие нарушениям законов, коррупции. Именно в этом заключается основная цель прокурорского надзора за исполнением законов и соответствием законам правовых актов. Осуществляя прокурорский надзор, прокуроры тем самым способствуют повышению стабильности в обществе, укреплению государственности, становлению правового государства, то есть реализации социально-экономических и иных реформ.

Например, в настоящее время характерными нарушениями в сфере экономики является широкое распространение коррупции, вовлечение в сферу противоправной деятельности чиновников госаппарата и муниципальных служб.

Прокуратура принимает активное участие в проведении проверок соответствия законам нормативных правовых актов и их проектов и предупреждении их коррупционных проявлений согласно Федеральному закону от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных актов и проектов нормативных правовых актов» и приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 24.11.2008 г. № 243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» [6].

В связи с действием вышеуказанного закона представляется целесообразным предусмотреть в Законе о прокуратуре указания на необходимость привлечения для прокурорских проверок специалистов-экспертов в сфере экономики, финансовой и банковской деятельности, а также специалистов-лингвистов для наиболее эффективного выявления нарушений законов и определения наличия коррупциогенных факторов в правовых актах органов исполнительной власти.

В ходе проверки законности правовых актов, издаваемых органами исполнительной власти и их должностными лицами, прокурор обращает особое внимание на те правовые акты, которые порождают, изменяют или прекращают определенные правоотношения, которые могут быть изданы в форме законов субъектов Российской Федерации, постановлений, приказов, распоряжений, решений органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, указаний, инструкций, нормативных

актов руководителей государственных учреждений, организаций, коммерческих структур и др. [7, С. 21].

Рассматривая надзор прокурора за соответствием законам правовых актов, издаваемых органами исполнительной власти и их должностными лицами, следует указать на то, что все приказы, распоряжения, решения и иные акты должны издаваться на основании Конституции Российской Федерации, конституций и уставов субъектов Российской Федерации, федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации и не противоречить им, на что обращается особое внимание прокурорами в процессе проверки.

Таким образом, обозначенные в статье проблемы надзора за законностью правовых актов органов исполнительной власти напрямую связаны с недостатками правового регулирования как на законодательном уровне, так и на уровне действия организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации [8]. Необходимо совершенствовать организационно-правовую основу осуществления данного вида надзора, учитывая особенности правового регулирования как на федеральном, так и на региональном уровне.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. *Петрухин И.Л.* Прокурорский надзор и судебная власть. Учебное пособие / И.Л. Петрухин. М.: «Проспект», 2015.
3. *Качалов В.И.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: Схемы и комментарии: Учебное пособие для вузов Качалова, О.В. – М.: 2016.
4. *Макштарева С.Л.* Отражение понятия «правовой контроль» в юридической науке // История государства и права. – 2015. – № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. *Осипян, С.* Функция прокуратуры и предмет надзора // М: Законность. – 2016. – № 11.
6. Приказ генеральной прокуратуры РФ «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» от 24 ноября 2008 года № 243.
7. *Бобров В.К.* Прокурорский надзор: учебник для бакалавров / В. К. Бобров. М.: Издательство Юрайт, 2013.
8. *Григорьев К.А.* Функции и направления деятельности прокуратуры Российской Федерации в современных условиях // Российское право в Интернете – 2015. – № 2.

УДК 342.9

Т. В. Острякова

Волгоградский

*институт управления – филиал РАНХиГС Россия,
Волгоград*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНИЦИИРОВАНИЯ ПРОКУРОРОМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ПУТЕМ ПОДГОТОВКИ И ПОДАЧИ ИСКА О ПРИЗНАНИИ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ЗАПРЕЩЕННОЙ

Аннотация. В статье рассматриваются основные пути реализации полномочий прокурора по противодействию распространению в сети Интернет запрещенной информации, в частности, путем обращения его в суд с административным иском, что является важнейшей формой его участия в административном судопроизводстве. В ходе проведения анализа автор приходит к выводу, что данная форма представляет собой способ реагирования прокурора на выявленные им в ходе надзорной деятельности правонарушения.

Ключевые слова: административное судопроизводство, прокурор, сеть Интернет, исковое заявление, запрещенная информация.

T. V. Ostryakova

*Volgograd Institute of Management –
branch of RANEP A Russia, Volgograd*

TOPICAL ISSUES OF INITIATING AN ADMINISTRATIVE PROCESS BY THE PROSECUTOR BY PREPARING AND FILING A CLAIM FOR RECOGNITION OF INFORMATION ON THE INTERNET AS PROHIBITED

Abstract: The article discusses the main ways to implement the powers of the prosecutor to counteract the dissemination of prohibited information on the Internet, in particular, by bringing him to court with an administrative claim, which is the most important form of his participation in administrative proceedings. In the course of the analysis, the author comes to the conclusion that this form is a way for the prosecutor to respond to the offenses identified by him during the supervisory activity.

Keywords: administrative proceedings, prosecutor, Internet, claim, prohibited information.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 39 КАС РФ, прокурор вправе обратиться в суд с административным иском в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. [1, С.167]

Примером исковых заявлений в защиту прав неопределенного круга лиц могут служить иски о признании информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. В целях восстановления нарушенных прав неопределенного круга лиц, пресечения совершения административных правонарушений и преступлений прокуратурой проводятся проверки по обращениям граждан путём мониторинга Интернет-ресурсов, по результатам которого выявляются сайты, содержащие запрещенную информацию.

В случае обнаружения информации, за распространение которой в соответствии с действующим законодательством предусмотрена ответственность, прокурором составляется акт проверки и подается в суд исковое заявление о признании распространяемой в сети «Интернет» информации запрещенной. Рассматриваемый способ реагирования прокуроров на выявленные нарушения представляет собой один из методов практической реализации существующего на сегодняшний день комплекса мер по обеспечению информационной безопасности страны, закрепленных на уровне федерального законодательства в специальных нормативных правовых актах. Так, в соответствии с положениями Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных

технологиях и защите информации», передача информации может быть ограничена только в порядке и на условиях, которые установлены федеральными законами. [2, С.25] В этой связи в обоснование своих требований о признании информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной, в исковом заявлении прокурор ссылается на действующее законодательство, в частности, на упомянутый выше Федеральный закон, а также на ряд подзаконных актов, уточняющих и дополняющих его положения.

Одной из ключевых задач в каждом конкретном случае является решение вопроса о том, относится та или иная информация, размещенная в сети, к категории запрещенной. Действующее законодательство закрепляет легальное определение запрещенной информации, относя к ней, в частности, сведения такого рода, за распространение которых предусмотрена уголовная или административная ответственность. В научной литературе неоднократно подвергался анализу существующий законодательный подход. Так, учёные отмечают, что отсутствие в законе четко закреплённого перечня запрещенной информации и отнесение решения вопроса об отнесении той или иной информации к запрещенной на усмотрение правоприменителя, в частности суда, обусловлено сложностью рассматриваемого явления, быстро меняющимися социальными реалиями, в которых избыток законодательного регулирования неизбежно приводит к невозможности осуществления гибкого правоприменения. В связи с этим особенно важной представляется деятельность прокуратуры, направленная на решение ряда задач, связанных с выявлением информации и постановки перед судом вопроса об отнесении её к числу запрещенной. Такого рода деятельность охватывает, в частности, важный участок деятельности прокуратуры, связанный с противодействием распространению в сети Интернет сайтов, содержащих информацию о продаже поддельных документов, например, документов об образовании, водительских удостоверений и т.д. Размещение такого рода сведений в открытом доступе в конечном счёте может повлечь срыв компетентного решения сложных задач, снижение уровня доверия к реальным специалистам, а также создание угрозы возникновения опасных ситуаций на дорогах как результат приобретения лицом права управления транспортным средством в обход действующего законодательства.

На сегодняшний день в целях ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в России запрещено, создается и функционирует Единый реестр, позволяющий идентифицировать такие сайты. Как следует из содержания подзаконных актов, обеспечение функционирования рассматриваемой системы отнесено к ведению Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Основанием для включения в вышеупомянутый Единый реестр ссылок на запрещенную информацию являются решения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и вступившие в законную силу решения судов о признании той или иной информации, распространяемой в сети Интернет, запрещенной. Помимо указанных выше положений в обоснование своих требований в исковом заявлении прокурор ссылается на законодательство, в соответствии с которым подтверждается факт наличия в материалах проведенной проверки сети «Интернет» данных, позволяющих полагать, что размещенная информация свидетельствует о подготовке к совершению административных правонарушений или преступлений. Руководствуясь указанными выше нормативными актами, прокурор одновременно с подачей искового заявления в суд о признании информации запрещенной направляет заявление в Роскомнадзор.

В случаях, когда имеется возможность установить и привлечь лицо, распространившее запрещенную информацию, к ответственности, прокурор как лицо, на которое возложена функция преследования, принимает соответствующие меры прокурорского реагирования [4, С. 1]. Так, прокурор поручает соответствующим органам провести проверку в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, или самостоятельно возбуждает дело об административном правонарушении.

В качестве примера можно привести решение № 2А-1614/2020 2А-1614/2020~М-1605/2020 М-1605/2020 от 26 но-

ября 2020 г. по делу № 2А-1614/2020 Шадринского районного суда Курганской области по исковому заявлению Шадринского межрайонного прокурора, В заявлении прокурор указал, что Шадринской межрайонной прокуратурой в ходе мониторинга сети Интернет были выявлены страницы интернет сайтов: <https://on-prava-4.com/legkovo-avtomobil> <https://zakazaliprava.com>, на которых были размещены сведения о продаже водительских удостоверений на территории Российской Федерации с описанием предоставляемых услуг и прейскуранта цен. Руководствуясь положениями ч.1 ст.39 КАС, прокурор обратился с административным иском о признании информации, размещенной на вышеуказанных сайтах, запрещенной для распространения на территории РФ. В обоснование своих требований прокурор ссылается на положения ФЗ № 149-ФЗ, а также на ст. 19.23 КоАП РФ, которой предусмотрена административная ответственность за подделку документа, удостоверяющего личность, подтверждающего наличие у лица права или освобождение его от обязанности, и на ст. 327 УК РФ, в соответствии с которой за подделку удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождения от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа, предусмотрена уголовная ответственность. [5, С. 37] Рассмотрев материалы, представленные прокуратурой, суд пришел к выводу, что размещенная на указанных страницах информация, содержащая сведения о продаже водительских удостоверений на территории Российской Федерации, адресованная к неопределенному кругу лиц, способствует совершению преступлений, тем самым нарушаются публичные интересы Российской Федерации и права неопределенного круга лиц. При данных обстоятельствах заявление прокурора о признании указанной информации запрещенной на территории Российской Федерации, по мнению суда, является обоснованным и подлежит удовлетворению. Исходя из того, что Интернет-страницы с указанными выше адресами в Едином реестре не значится, судом было принято решение признать информацию, размещенную на сайтах с URL-адресами: <https://on-prava-4.com/legkovo-avtomobil>, <https://zakazaliprava.com>, информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено.

Таким образом, на основе вышеизложенного мы можем сделать вывод, что рассматриваемое направление деятельности прокуратуры представляется одним из наиболее эффективных способов предупреждения правонарушений в различных областях общественной жизни. Полномочия прокуратуры реализуются в рамках, установленных действующим административно-процессуальным законодательством, в том числе в целях недопущения распространения в сети Интернет информации, связанной с фальсификацией различных документов. Реализация мер прокурорского надзора в административно-процессуальном порядке за состоянием законности в сфере информационной безопасности представляет собой один из важнейших векторов деятельности органов прокуратуры, преследует важную цель по противодействию использованию сети Интернет в противоправных целях и недопущения совершения возможных правонарушений.

Список литературы

1. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 166–173.
2. Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2018 году: сб. науч. докл. Вып. 7 / под общ. ред. О.С. Капинус; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. – 276 с.
3. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сети Интернет. М.: Ген. прокуратура Рос. Федерации, 2017.
4. Маматов М.В. Противодействие распространению в сети Интернет информации о продаже документов об образовании как важнейший участок работы органов прокуратуры // Крымский научный вестник. – 2018. – № 1 (18). – С. 1–13.
5. Жигоцкий П.Э., Чесноков Н.А. Проблемы информационной безопасности (защита от информации, распространение которой запрещается) // Рос. следователь. – 2015. – № 4. С. 35–42.

А. Д. Пеньков

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА США И РФ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено рассмотрению такой важной экономической и политической категории, как борьба с коррупцией, в частности в области таможенного дела. Автором был проанализирован опыт правового регулирования в данной сфере законодательства США и РФ, учтены особенности внедрения антикоррупционного механизма в деятельность таможенных органов и предложены механизмы совершенствования противодействия коррупции в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, законодательство, Российская Федерация, США.

A. D. Penkov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ANTI-CORRUPTION LEGISLATION OF THE USA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: This study is devoted to the consideration of such an important economic and political category as the fight against corruption, in particular in the field of customs affairs. The author analyzed the experience of legal regulation in this area of the legislation of the United States and the Russian Federation, took into account the features of the introduction of an anti-corruption mechanism in the activities of customs authorities and proposed mechanisms for improving anti-corruption in this area.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, anti-corruption, legislation, Russian Federation, USA.

В настоящее время антикоррупционная деятельность является составляющей частью правового регулирования публичных отношений практически в каждом развитом государстве нашего глобального общества. Коррупция как транснациональное явление понятие относительно свежее, поскольку само явление коррупции, несмотря на многовековую историю существования известно человечеству уже давно.

Ежегодно Transparency International составляет Индекс восприятия коррупции, так в 2020 г. Российская Федерация заняла 129 из 180 возможных [1]. Наравне с Россией в данном списке такие страны как: Азербайджан, Мали, Габон и Малави. Лидерами Индекса восприятия коррупции традиционно стали: Дания, Новая Зеландия, Сингапур и Швеция. Соединённые штаты Америки в этом списке занимают 22 строчку, т.е. существенно выше, чем Российская Федерация.

По оценке специалистов в Российской Федерации больше всего коррупция развивается в таких областях, как ЖКХ, здравоохранение, таможенные органы, полиция, прокуратура, судебные приставы, судебная система, все общество в целом, политические партии, парламент, при устройстве детей в детские сады и школы [2, С. 179]. Все, вышеперечисленные сферы нуждаются в антикоррупционной политике государства, дабы полностью искоренить коррупцию в обществе.

Основным нормативно-правовым актом в сфере антикоррупционной деятельности является ФЗ № 273 «О противодействии коррупции», в котором содержатся основные понятия, а также организационные и правовые основы закона; основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупционных преступлений; прописан порядок предоставления сведений о доходах и расходах; объясняются ограничения и запреты, а также порядок увольнения лиц в связи с утра-

той доверия; указана ответственность физических и юридических лиц за коррупционные правонарушения [3].

Обращаясь к законодательству США, можно обнаружить, что одним из основных законов, имеющих ярко выраженный экстерриториальный характер, является закон 1977 года «Закон о коррупции за рубежом» – Foreign Corrupt Practices Act of 1977 (далее – FCPA) [4]. Особенностью данного закона является то, что, будучи принятым в США, его обязаны соблюдать участники торговых с США правоотношений в сфере торговли. Согласно его нормам запрещаются любые предложения, обещания материальных благ сотрудникам различного рода правоохранительных органов (в первую очередь таможенных органов США), поскольку они рассматриваются как коррупционные проявления. Так, например, антикоррупционный закон FCPA запрещает преднамеренное использование почты или любых других средств трансграничной торговли посредством коррупции.

Стоит иметь в виду, что принятые США законы имеют глобальное значение, поскольку действия законодателя наглядно продемонстрировали всему миру, что положительных итогов возможно достичь при условии ряда мероприятий, которые обязательно связаны с разработкой и совершенствованием антикоррупционных законодательных норм [5, С. 78].

В контексте таможенных органов США уместно говорить о том, что FCPA криминализировал коррупционное взаимодействие с иностранными должностными лицами. С момента своего создания он использовался для преследования местных и иностранных компаний, дававших взятки должностным лицам за пределами Соединённых Штатов. Поскольку ни одна другая страна не применяла такой закон до 1990-х годов, американские компании столкнулись с недостатками в своих глобальных операциях из-за растущей коррупции на таможне.

Сравнивая законодательство РФ и США в изучаемой сфере, можно выявить следующую закономерность: если в США применяются положения FCPA, а все остальные меры по противодействию коррупции применяются путем принятия подзаконных актов, то в России уже к настоящему времени принято достаточно большое количество актов нормативно-правового характера.

При всем при этом стоит учитывать, что в настоящее время коррупция является основным явлением, препятствующим последовательному и эффективному социально-экономическому развитию Российской Федерации, что становится причиной опубликования отдельных актов, направленных на противодействие коррупции. Одним из таких актов, аналога которого нет в США, является Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024, в котором Президент РФ предписывает отдельным государственным органам, таким как прокуратура, и общественным объединениям, таким как Ассоциация юристов России, осуществлять отдельные действия по предупреждению коррупционных правонарушений, в частности, антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов [6].

С учетом всего изложенного можно говорить о достаточном нормативно-правовом регулировании противодействия коррупции, однако необходимо понимать, что проблемы, связанные с коррупционными проявлениями, в частности в сфере деятельности таможенных органов требуют незамедлительного решения, а следственно, принятия необходимых эффективных законодательных мер реагирования. Кроме того, широкое применение информационных технологий и перевод многих таможенных процессов на автоматизацию является эффективным способом снижения уровня коррупции. Эта мера исключает субъективный фактор во многих таможенных операциях, а в некоторых манипуляциях исключает влияние таможенника [7, С. 374].

Обращаясь к практике осуществления таможенного дела в США, где информационные технологии используются достаточно продолжительное время, становится очевидным, что суждения некоторых авторов о необходимости более глубокого внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в деятельность таможенных органов являются обоснованными [8, С. 20]. Такие логистические инновации находят свое отражение в концепции «Электронной тамож-

ни». Согласно этой концепции, разработка должна получать не только электронное декларирование, но и электронную подачу запросов и деклараций, удаленный выпуск товаров, а также системы межведомственного взаимодействия.

Однако в национальных правительственных программах, ускоряющих внедрение информационных технологий, снижение риска коррупции не может рассматриваться как конечная цель. Электронные технологии являются лишь вспомогательной формой реализации мероприятий антикоррупционных планов, разрабатываемых таможенными органами. Таким образом, подводя итог анализа антикоррупционного законодательства можно утверждать, что инновационные меры, принятые в США, необходимо адаптировать и в нашем законодательстве, в частности при деятельности таможенных органов, как изначального звена функционирования товарооборота в стране. При этом отечественному законодателю стоит задуматься о возможности введения некоторых особенностей, присущих законодательству США, в частности речь идет об ликвидации должностных иммунитетов. Подобные меры выступают эффективным способом минимизации коррупционных проявлений при том, что реализованы они могут быть в незначительные периоды времени. Говоря об антикоррупционной политике нашего государства, то она является одной из важных направлений политики нашего государства, цель которой – непринятие коррупции и полное ее искоренение.

Список литературы:

1. Россия в Индексе восприятия коррупции – 2020. – Текст: электронный // ТРАНСПЕРЕНСИ ИНТЕРНЕШНЛ РОССИЯ. – URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-vindekse-vospriyatiya-korrupsii-2020-30-ballovi-129-mesto.html> (дата обращения: 25.09.2021).
2. Лагодина Т.А. Коррупция и антикоррупционная политика в Российской Федерации: нормативно-правовая база и уровень коррупции // Студенческие чтения. 2021. С. 178–180.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609. 2021. № 22. Ст. 3690.
4. Foreign Corrupt Practices Act. URL: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act> (дата обращения: 16.11.2021).
5. Руденкин В. Н. Борьба с коррупцией: опыт США. Екатеринбург: Изд-во Уральского института экономики, управления и права, 2009. – 531 с.
6. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.
7. Никитина О. П. Электронный документооборот как эффективный инструмент противодействия коррупции в таможенных органах // Наука 21 века: актуальные направления развития. 2021. № 1. С. 371–375.
8. Паулов П. А. К вопросу о личном таможенном досмотре как форме таможенного контроля // Вопросы экономики и права. 2015. № 79. С. 19–23.

УДК 342.2

У.И. Пименова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ

Аннотация. в представленной статье рассматриваются различные точки зрения относительно места, занимаемого органами прокуратуры РФ и их роли в системе государственных органов государства. Анализируется роль конституционных поправок 2014–2020 гг. в части определения конституционно-правового статуса, места и роли российской прокуратуры. Автором обосновывается вывод о месте, занимаемом органами прокуратуры в системе разделения властей.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, исполнительная власть, судебная власть, Конституция РФ, структура государственных органов, статус органов прокуратуры, законодательная власть, Генеральный прокурор РФ, Президент РФ.

U. I. Pimenova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES

Abstract. The present article considers various points of view regarding the place occupied by the prosecutor's office of the Russian Federation and their role in the system of state bodies. The role of constitutional amendments 2014–2020 in determining the constitutional and legal status, place and role of the Russian prosecutor's office is analyzed. The author justifies the conclusion about the place occupied by the procuratorial authorities in the system of separation of powers.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation, the executive branch, the judiciary, the Constitution of the Russian Federation, the structure of state bodies, the status of prosecutor's offices, the legislative branch, Prosecutor General of the Russian Federation, President of the Russian Federation.

Важнейшим дискуссионным вопросом в течение всего периода деятельности российской прокуратуры был и остается вопрос о месте, занимаемом данными органами как в системе разделения властей, так и в системе государственных органов, а также их роль в государстве. Данные вопросы имеют ключевое значение для организации системы прокуратуры и реализации полномочий ее органов. Также это важно для выполнения прокуратурой своих функций.

Конституция РФ была принята почти тридцать лет назад, но несмотря на это полемика относительно места и роли прокуратуры в государстве не прекращается и в наши дни. Все по тому, что в Конституции России четко не указаны полномочия прокуратуры, а также не представлено определения прокуратуры как одного из органов государственной власти, то есть не определена принадлежность к какой-либо ее ветви. Но возникает вопрос – а можно и нужно ли это делать? Является ли прокуратура органом власти? Если является, то какой именно?

Некую определенность в решении данного вопроса пытался внести Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [1].

После внесения данных поправок глава 7 Конституции РФ была переименована и получила название – «Судебная власть и прокуратура». В результате этих нововведений ст. 129 Конституции РФ была существенно усилена роль Главы государства в сфере назначения на должность руководящего состава органа прокуратуры, расширены его полномочия,

но с одновременным исключением из полномочий Генерального прокурора РФ вопроса по назначению на должность региональных прокуроров.

Определение, данное органам прокуратуры, как единой централизованной системе с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ было дополнено. Объясняется это с одной намерением законодателя уточнить статус прокуратуры РФ, с другой же – не перенасыщать конституционные нормы лишними формулировками, так как рациональнее оставить эти нормы Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Указанный Закон РФ по-другому формулирует часть первую данной статьи: законодатель, опираясь на редакцию Конституции РФ 2008 года старается заложить в определении органов прокуратуры наиболее важные функции, ею осуществляемые, такие как прокурорский надзор и уголовное преследование. При этом соблюдая концепцию самой Конституции РФ приоритет отдает именно прокурорскому надзору за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов (то есть «общему надзору») и надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, что на наш взгляд, является наиболее правильным.

Полагаем, что особенность прокуратуры в том, что, не будучи органом государственности власти, прокуратура является в чистом виде государственным органом, особенностью которого является то, являясь независимым органом, она входит в систему «сдержек и противовесов» и взаимодействует с каждой ветвью власти. В этом проявляется ее положение в системе государственных органов. Чем же подтверждается «государственность» прокуратуры? прежде всего тем, что все свои полномочия она осуществляет от имени государства, например, при рассмотрении уголовных дел судом представитель прокуратуры является именно государственным обвинителем. Во-вторых, финансирование органов прокуратуры осуществляется исключительно из средств федерального бюджета. Какие-либо иные вложения исключены. И третье – служба в органах и организациях прокуратуры – это вид государственной службы.

Взаимодействие прокуратуры с законодательной ветвью власти частью ученых обосновывается тем, что «прокуратура, являясь подсистемой законодательной власти, выступает инструментом ее реализации». Например, Г. Чуглазов считает: «Законы принимаются законодательной властью, а Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры заботятся о точном и неуклонном исполнении законов» [4, С. 31]. Из выше сказанного можно сделать вывод, что, для того чтобы законодательной власти реализовать свои права, ей необходимы полномочия прокуратуры, которые являются одним из ее инструментов. Взаимодействие прокуратуры и законодательной власти в РФ нужно для сохранения баланса властей в государстве и сдерживания друг друга, оставляя каждому право действовать в рамках своей компетенции.

Для обоснования принадлежности прокуратуры к исполнительной ветви власти нужно рассмотреть мнение ученых по этому вопросу. В. С. Нерсесянц считает, что прокуратура должна быть отнесена к органам исполнительной власти, потому что «обладает некоторыми признаками, свойственными исполнительным органам» [5, С. 696].

Так, по мнению С. А. Осипяна, «...прокуратура будет являться «подсистемой исполнительной власти», что объясняется характером выполнения прокуратуры своих функций, которые связаны в основном с исполнительной властью» [6, С. 15]. Трудно согласиться с данным мнением.

Также прокуратура взаимодействует с судебной ветвью власти. При этом до внесения изменений в Конституцию РФ в 2014 году многие считали прокуратуру именно органом судебной власти. Конечно же это утверждение являлось ошибочным. Подтверждал это и О. Е. Кутафин, который находил дефекты в конституционном праве, считал размещение норм о прокуратуре в главе 7 Конституции РФ ошибочным [7, С. 69].

Прокуратура является основным составляющим элементом государственной системы, так как без ее надзора за ис-

полнением закона и соблюдением прав и свобод человека эффективное функционирование всех остальных ветвей власти будет нарушено. Мнение о том, что прокуратура является судебным органом власти, не находит своего подтверждения в наше время. Органы прокуратуры безусловно взаимодействуют с органами судебной власти, но данное взаимодействие осуществляется в рамках лишь отдельных функций органов прокуратуры (участие при рассмотрении дел судами, в некоторых отраслях прокурорского надзора, международное сотрудничество органов прокуратуры).

При этом органы прокуратуры осуществляют и такие функции, в рамках которых такое взаимодействие отсутствует (например, правотворческая функция).

Таким образом, можно утверждать, что прокуратура РФ не относится ни к одной из ветвей власти, но при этом содержит в себе все признаки государственного органа и реализует систему сдержек и противовесов, без этого баланса невозможно эффективное существование законодательной, исполнительной и судебной властей.

Список литературы

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» / Российская газета. 2014. № 27. 07 февраля.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 39. 18 февраля; СЗ РФ. 2021. № 24 (часть I). Ст. 4188.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Российская газета. 2020. № 55. 16 марта.
4. Чуглазов Г. Прокуратура в системе органов государственной власти // Законность. 2003. № 2. С. 30–32.
5. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 816 с.
6. Осипян С. А. Российский федерализм и конституционно-правовой статус прокуратуры: концептуальные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 58 с.
7. Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2019. 592 с.

Р. Е. Погорянский

*Волгоградский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Россия, Волгоград*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОЛИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются несколько аспектов проблематики, существующих в повседневной деятельности прокурора. На основании приведенных недостатков, автор приходит к выводу о том, что не все полномочия прокурора должным образом реализуются на практике, от чего следует внести некоторые коррективы в действующее законодательство.

Ключевые слова: прокуратура, уголовное судопроизводство, законность, полномочия прокурора, суд.

R. E. Pogoryanskiy

*Volgograd Institute of Management – branch of The Russian
Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, Volgograd*

PROSPECTS FOR DEVELOPING THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines several aspects of the problems that exist in the daily activities of the prosecutor. Based on the above shortcomings, the author concludes that not all the powers of the prosecutor are properly implemented in practice, which should lead to some amendments to the legislation.

Keywords: prosecutor's office, criminal proceedings, powers of the prosecutor, court, legality.

В современных условиях четко закреплена позиция, что в уголовно-процессуальном законодательстве главенствующей роли в прокурорской деятельности отведено государственное обвинение в ходе судебного производства по уголовным делам. Ведь именно прокурор утверждает обвинительное заключение, подготавливает материалы дела для передачи в суд, непосредственным образом принимает участие в его рассмотрении по существу. При наличии определенных оснований у прокурора также есть полномочия внести представления об устранении нарушений закона в случае несоответствия установленных нормативно-правовыми актами требований. Для своевременного и качественного исполнения своих полномочий от прокуратуры в настоящий момент должным образом требуется рациональное повышение качества поддержания государственного обвинения и усиление надзорной функции как одного из приоритетных направлений деятельности данного органа. Об этом свидетельствуют статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 9 месяцев 2021 года, где с начала первого квартала в среднем выявлен рост нарушений законов на 1,5 % в сравнении с аналогичными показателями за прошедший период 2020 года. [1, С. 2].

Образ прокурора, как одного из гарантов вынесения законного и справедливого решения судом, в становлении всего судебного процесса не всегда придавался значению. С самого возникновения института прокуратуры его положение среди других органов постоянно подвергалось изменению. Это было связано с развитием государственного строя в различные периоды времени наряду с постепенной набирающей обороты реформенной необходимостью, которая предоставляла главе государства варианты дальнейшего развития событий с целью сохранения своей власти.

Так или иначе, в результате законодательных преобразований прокуратура окончательно сформировалась структурно и функционально в самостоятельный государственный орган, не входящий ни в одну из ветвей власти.

Однако последняя масштабная реформа, осуществленная в 2014 году, была направлена на значительное уменьшение полномочий прокурора в досудебной стадии уголовного судопроизводства [2, С. 1].

Так в частности, согласно последним изменениям у прокурора отсутствует право на возбуждение уголовного дела, хотя действующий уголовно-процессуальный закон возлагает на него большой объем полномочий по надзору за исполнением законов в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия. Как итог, это привело к лишению действенных средств реагирования на факты нарушений законности, выявленных прокурором, от чего последний вынужден использовать довольно «неповоротливые» конструкции, предусмотренные в п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140, ч. 6 ст. 148 УПК РФ.

Полномочие прокурора выносить мотивированное постановление о направлении в следственный орган или орган дознания соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), не дает реальной гарантии того, что уголовное дело по материалу процессуальной проверки будет возбуждено. Это приводит к тому, что прокуроры усматривают необходимость возбуждения уголовного дела, но при этом у них нет полномочий на реализацию, что, в конечном итоге, приводит к утрате доказательств, так как соответствующие проверки должны проводить следователи.

Во избежание несоответствия логики уголовного судопроизводства, законодателю следует внести поправки в действующий уголовно-процессуальный кодекс, в частности, в содержание п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, наделяя прокурора правом возбуждать уголовные дела при отмене постановления следователя, руководителя следственного органа, дознавателя и органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела.

Наряду с приоритетным направлением осуществления своих полномочий, у прокурора стоит задача поддержки государственного обвинения, которая так же забирает рабочее время для подготовки к судебному разбирательству. Порой бывает, что возникает ситуация несоответствия количества судей, которые рассматривают уголовные дела, и количества прокуроров, которые участвуют при рассмотрении дел в качестве государственных обвинителей. Государственным обвинителям в течение дня приходится участвовать в нескольких судебных заседаниях, что в итоге приводит к некачественной подготовке к процессу и поддержанию государственного обвинения.

Единственным решением данной проблемы считается перераспределение обязанностей между работниками прокуратуры, в части направления для поддержания государственного обвинения в районные суды прокуроров из аппаратов вышестоящих прокуратур; уменьшение количества направляемых в суд уголовных дел о впервые совершенных преступлениях небольшой тяжести, за счет освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РФ.

Сегодня выдвигаются новые требования к прокурорам и ставятся более сложные задачи. Масштабные реформы, реализация национальных проектов требуют нового качества прокурорского надзора с тем, чтобы правозащитный и правоохранительный потенциал прокуратуры реально способствовал развитию демократического правового государства [3, С. 197].

В числе перспектив развития роли прокурора в уголовном судопроизводстве видится, в первую очередь, выстраивание четкой позиции законодательных структур относительно внесения корректив в правовую систему с учетом существующих проблем, а также выработка норм нагрузки, позволяющих рационально распределить трудовые ресурсы и планировать определенные результаты.

Список литературы:

1. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 17.11.2021).

2. Закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 22.12.2014 № 427-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014 г. – № 5. – Ст. 1 с изм. и допол. в последней редакции.

3. В. В. Трухачев, У. Н. Ахмедов. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 31. – С. 195–201.,

УДК 343.163

К. В. Смирнов

*Югорский Государственный Университет
Юридический институт
Россия, Ханты-Мансийск*

О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНОСТРАННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДАХ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ РФ

Аннотация. Международное сотрудничество российской прокуратуры многогранно. Одним из направлений международного сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ является – представительство интересов Российской Федерации в иностранных и международных судах. В статье, приведена проблематика, подтверждающая актуальность представительства интересов Российской Федерации в иностранных и международных судах.

Ключевые слова: Защита интересов России, полномочие Генеральной прокуратуры РФ, военные преступления, признание факта геноцида, Генеральный прокурор Республики Беларусь, возмещение ущерба.

K. V. Smirnov

*Ugra State University
law Institute
Russia, Khanty-Mansiysk*

ON THE PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN FOREIGN AND INTERNATIONAL COURTS BY THE PROSECUTOR GENERAL'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The international cooperation of the Russian Prosecutor's Office is multifaceted. One of the areas of international cooperation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation is the representation of the interests of the Russian Federation in foreign and international courts. The article presents the problems confirming the relevance of the representation of the interests of the Russian Federation in foreign and international courts.

Keywords: Protection of the interests of Russia, the authority of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, war crimes, recognition of the fact of genocide, the Prosecutor General of the Republic of Belarus, compensation for damages.

Несмотря на то, что полномочие у Генеральной прокуратуры РФ по отстаиванию интересов России, в иностранных и международных судах появилось недавно [2], известны случаи, когда органы прокуратуры, отстаивая, в том числе интересы Российской Федерации, выступали в иностранных судах до нормативного закрепления. А конкретно речь идёт о ситуации, когда в процессе решения вопроса об экстрадиции бывшего министра финансов Московской области, Алексея Кузнецова, в момент проведения французского экстрадиционного процесса, российская «Генеральная прокуратура заявила ходатайство об участии представителя Генпрокуратуры РФ, в данном процессе. Это фактически первый случай участия представителей Генеральной прокуратуры в подобном процессе, в результате – суд первой инстанции и два апелляционных суда Франции вынесли решения об экстрадиции Кузнецова [3, стр. 1106].

Необходимо отметить, что проведение судебных процессов в иностранных и международных судах, в которых затра-

гиваются интересы российской стороны или инициированных Российской Федерации, сопровождается затягиванием сроков рассмотрения дела. На данный факт, ни однократно, указывал, в том числе – Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин [8]. Вероятно в том числе именно данный факт, «подтолкнул» Президента РФ, как инициатора надления Генеральной прокуратуры РФ, указанным Выше полномочием, выступить с подобной инициативой. Напомним, что благодаря, в том числе позиции представителя Генеральной прокуратуры, во французском экстрадиционном процессе удалось добиться экстрадиции Алексея Кузнецова.

Особое место занимает защита интересов России, с помощью Генеральной прокуратуры, при расследовании военных преступлений прошлого и, что особенно печально военных преступлений настоящего времени.

Говоря о настоящем времени, автор работы имеет ввиду, военные преступления совершаемые на юго-востоке Украины. В частности, Генеральной прокуратурой РФ, была подготовлена межгосударственная жалоба против Украины в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Жалоба содержала, в том числе, следующие основные группы нарушений [4]:

- ответственность властей Украины за гибель мирного населения, незаконное лишение свободы и жестокое обращение с людьми, в том числе имевшие место на площади Независимости в г. Киеве (Майдане) и в Доме профсоюзов в г. Одессе в 2014 году, а также в Донбассе в ходе проведения так называемой «антитеррористической операции»;

- гибель людей, причинение вреда здоровью и уничтожение имущества в результате обстрелов Вооруженными силами Украины сопредельной территории Российской Федерации;

Подобная межгосударственная жалоба со стороны Российской Федерации, в ЕСПЧ была подана впервые в российской истории. К сожалению, нами не было найдено данных о движении данного дела при рассмотрении его в ЕСПЧ. Отсутствие какой либо информации, о рассмотрении указанной Выше межгосударственной жалобы, свидетельствует по нашему мнению, в том числе о возникших сложностях подобного судебного процесса, либо о банальном затягивании процесса.

Если говорить о военных преступлениях прошлого, тот тут речь пойдёт о признании факта геноцида на территории СССР. Так например: «5» октября 2021 года, вступило в силу Решение Псковского областного суда об установлении факта геноцида народов Советского Союза. Соответствующее заявление было направлено в Псковский областной суд прокуратурой Псковской области, по поручению Генеральной прокуратуры РФ – Игоря Краснова.

В исковом заявлении Прокуратура Псковской области ссылалась на положения ст. 1 Конвенции о неприемлемости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества и на тот факт, что не все непосредственные исполнители данных преступлений и содействовавшие им нацистские преступники были установлены и осуждены [7].

На территории нынешней Псковской области, за период временной оккупации в 1941–1944 г. немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками расстреляно более 75 тысяч мирных советских граждан, в том числе 1 400 детей, погибло более 370 тысяч военнопленных [7].

Думаем, нет необходимости здравомыслящему человеку, живущему на Земле, объяснять целесообразность подобных исковых заявлений. Впервые, с подобным исковым заявлением в РФ, обратился прокурор Новгородской области, подав его в Солецкий районный суд Новгородской области [5].

Суд попросили признать вновь выявленные преступления, совершенные в 1942–1943 годах в деревне Жестяная Горка Ленинградской области (с 1944 г. – Новгородской) лицами из числа карателей в отношении не менее 2 600 советских мирных граждан и военнопленных, проходящих военную службу в Красной Армии, геноцидом против советского народа. После освобождения этих населенных пунктов в ямах-могилах были обнаружены два страшных по числен-

ности захоронения, в первом – 2 600 трупов, во втором – 1 100 [6].

Учитывая тяжесть преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны, и логичное отсутствие по данным видам преступлений сроков давности. Считаю целесообразным, активизацию со стороны органов прокуратуры областей РФ, чьи территории были оккупированы фашистами, процедуры признания факта геноцида против народов СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Тем более, что расследованием фактов геноцида в годы войны, занялись и в Республике Беларусь. Генеральный прокурор Республики Беларусь – Андрей Швед, заявил, что органами прокуратуры Республики Беларусь опрошено более 4 000 живых свидетелей. Установлены фамилии более 400-та карателей, которые проживают в 13-ти странах мира. Выявлены уже более ста новых мест массовых захоронений мирных граждан. Генеральный прокурор Республики Беларусь, отметил, факт совместной работы с российской стороной по сбору архивных данных и доказательственной базы, с целью дальнейшего обращения Республики Беларусь в Международный суд, с целью признания факта геноцида белорусского народа. Примерная сумма причиненного ущерба в результате геноцида в Республике Беларусь в 1941–1945 гг., составляет по мнению Андрея Шведа, не менее 500 миллиардов долларов США [9].

Смеем предположить целесообразность, совместного обращения (Российская Федерация, Республика Беларусь) в Международный суд в связи с геноцидом на территории наших государств в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Тем более, что согласно Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории» [1, ст. 67.1].

Как мы видим, представительство интересов Российской Федерации в иностранных и международных судах, как одно из направлений международного сотрудничества прокуратуры РФ – является перспективным и нормативно уже урегулированным в Российской Федерации. Да и оснований для использования указанного «инструмента» ныне достаточно, осталось дело за малым, демонстрация работниками Генеральной прокуратуры РФ, прокуратур субъектов РФ своего профессионализма, в деле отстаивания интересов России.

Список литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 01.07.2021 № 265-ФЗ [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388790/
3. Смирнов К.В. «Противодействие коррупции: национальные и международные аспекты» (Журнал «Вопросы российской юстиции» – Выпуск № 9) [Электронный ресурс] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44335780>
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Новость от 22.07.2021 г. [Электронный ресурс] <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=63838459>
5. Российская газета, статья от 27.10.2020 г. [Электронный ресурс] <https://rg.ru/2020/10/27/reg-szfo/genocid-sovetskogo-naroda-nacistami-vpervye-priznan-rossijskim-sudom.html>
6. Газета МК Югра выпуск от 27.10.2020 г. [Электронный ресурс] <https://www.mk.ru/social/2020/10/27/v-rossii-vpervye-priznali-genocid-sovetskogo-naroda.html>
7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Новость от 05.10.2021 г. [Электронный ресурс] <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=65705214>
8. Выступление главы Следственного Комитета РФ А. И. Бастрыкина на 364-ом заседании Совета Федерации 17.12.2014 г. Официальный YouTube канал Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL:https://www.youtube.com/watch?v=C4Z5TKkw_Kw
9. АТН: новости Беларуси и мира Официальный YouTube канал [Электронный ресурс] https://www.youtube.com/watch?v=qoUu_uTxa4

А. М. Струнина

Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов

КООРДИНАЦИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается координационная деятельность органов прокуратуры в обеспечении предупреждения насильственных преступлений. Автор даёт понятие насильственной преступности, анализирует действующее законодательство, а также приводит статистику о состоянии зарегистрированных преступлений против личности в России на сегодняшний день.

Ключевые слова: координация, предупреждение преступлений, правоохранительные органы, насильственная преступность, показатели насильственной преступности, органы прокуратуры.

Strunina Anastasia Mikhailovna

Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov

COORDINATION BY THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE PREVENTION OF VIOLENT CRIME

Abstract. This article discusses the coordination activities of the prosecutor's office in ensuring the prevention of violent crimes. The author gives the concept of violent crime, analyzes the current legislation, and also provides statistics on the state of registered crimes against the person in Russia today.

Keywords: coordination, crime prevention, law enforcement agencies, violent crime, indicators of violent crime, prosecutor's offices.

В настоящее время высокая распространённость и общественная опасность насильственных преступлений обуславливает необходимость разработки комплекса мер, включающих общее, специально-криминологическое и частное предупреждение насильственной преступности.

Насильственная преступность представляет собой социально-правовое и достаточно массовое явление. В группу таких преступлений входит значительная часть посягательств, в которых физическое и психологическое насилие над личностью играет роль способа достижения преступной цели. Ядро насильственной преступности составляют умышленные убийства, умышленное причинение тяжкого вреда, изнасилование и хулиганские действия [1, С. 183].

К основным признакам насилия следует относить общественную опасность, виновность деяния, противоправность, причинение морального и материального вреда, принудительный характер, а также принуждение в форме психического, физического и сексуального воздействия [2, С. 151].

Необходимо отметить, что согласно статистическим данным МВД о состоянии преступности в России на сегодняшний день число зарегистрированных преступлений против личности уменьшилось на 7 %. А именно, количество убийств и покушений на убийство – сократилось на 7,1 %, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 12,1 %, грабежей – на 19,1 %, разбоев – на 18,5 % [3, С. 1].

Огромная роль в предупреждении насильственных преступлений принадлежит координационной деятельности прокуратуры. В юридической литературе под координацией следует понимать взаимодействие различных органов для достижения общей цели. Согласно ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» такая деятельность осуществляется Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами и направлена на деятельность по борьбе с преступностью, реализуемую органами внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенной службы и другими правоохранительными органами [4]. В свою очередь

предупреждение преступности является приоритетным направлением такой деятельности. В этих целях указанными субъектами проводятся координационные совещания и работы по разъяснению законодательства населению, создаются рабочие группы, осуществляется обмен и исследование необходимой информации по актуальным проблемам борьбы с преступностью и иные полномочия. Данное взаимодействие различных органов обусловлено тем, что предупреждение преступности, как регулярно происходящего в обществе явления, должно проводиться на системной основе всеми органами правопорядка и институтами общества.

В Указе Президента РФ «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» обозначаются основные принципы, методы и формы взаимодействия, закрепляется порядок осуществления прокуратурой предоставленных ей полномочий. Так, координационная деятельность прокуратуры по борьбе с насильственной преступностью осуществляется на основе: законности, равенства и самостоятельности всех ее участников в пределах предоставленных им полномочий при выполнении согласованных решений, рекомендаций и проведении мероприятий, а также ответственности руководителей правоохранительных органов [5].

Одной из проблем координационной деятельности является отсутствие постоянного информационного обмена между силовыми ведомствами. Это обусловлено следующими факторами: обмен информацией происходит, но только на высших уровнях, и до рядовых сотрудников информация не всегда доходит. На практике трудно отделить правдивость и важность информации, поскольку ведомство не всегда делится по-настоящему ценными агентурными сведениями, так как некоторая информация наделена грифом секретности и не подлежит широкому распространению [6, С. 133]. Помимо этого, существуют проблемы организации и обеспечения координирующей роли прокуратуры, и отмечается необходимость создания на уровне районов совместных отделов, основная деятельность которых заключалась бы в изучении причин и условий насильственной преступности, ее динамики развития, а также в разработке мер по её предупреждению.

Координация органами прокуратуры действий других правоохранительных органов по осуществлению деятельности по предупреждению насильственной преступности является неразрывным и достаточно динамичным процессом. Как уже ранее отмечалось, в России в последнее время сократилось число зарегистрированных преступлений против личности, однако существует необходимость в продолжении повышения эффективности предупреждения насильственных преступлений, а также в улучшении результатов совместной работы. В связи с этим, действия всех участников должны быть согласованы, каждый из них должен осознавать и выполнять отведенную ему роль, своевременно совершать необходимые действия.

Таким образом, насильственная преступность занимает значительное место в общей структуре преступности и имеет высокую степень общественной опасности. Исходя из этого, для повышения совместной работы соответствующих органов требуется уделить внимание совершенствованию организационного и комплексного взаимодействия между ними. Органам прокуратуры необходимо учитывать недостатки и достоинства проделанной работы, а также использовать отечественный и зарубежный опыт в данной сфере, что в дальнейшем позволит существенно сократить количество насильственных преступлений.

Список литературы:

1. Клеймёнов М. П. Криминология: учебник / М. П. Клеймёнов. – 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. 183 с.
2. Криминология: учебное пособие / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. 151 с.
3. Статистические отчеты МВД РФ за период 2017–2021 гг. [Электронный ресурс] // МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22501861/> (дата обращения: 03.11.2021).
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ, 1995. № 47. Ст. 4472.

5. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 31.12.2019) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собрание законодательства РФ, 1996. № 17. Ст. 1958.

6. Якоб Е. И. Насильственная преступность в России: криминологическая характеристика, детерминанты, тенденции и предупреждение // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2020. № 3 (104). С. 133–140.

УДК 343

С. Ю. Трофимова, А. М. Олейник

*Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ИНФОРМАЦИИ О ПРОДАЖЕ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Взаимодействие органов прокуратуры с интернет-пространством, в частности, в аспекте надзора за незаконной деятельностью, происходящей на данной платформе, набирает обороты, так как распространение различной информации, которая не подпадает под рамки российского законодательства, находится в поле зрения органов прокуратуры. К данной деятельности, запрещенной уголовным законодательством, можно отнести распространение в сети интернет информации о продаже документов об образовании.

Ключевые слова: продажа документов, образование, органы прокуратуры РФ, интернет-пространство.

S. Y. Trofimova, A. M. Oleinik

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office*

COUNTERING THE DISSEMINATION ON THE INTERNET OF INFORMATION ABOUT THE SALE OF EDUCATIONAL DOCUMENTS IN THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The interaction of the prosecutor's office with the Internet space, in particular, in the aspect of supervision of illegal activities taking place on this platform, is gaining momentum, since the dissemination of various information that does not fall within the framework of Russian legislation is in the field of view of the prosecutor's office. This activity, which is prohibited by criminal law, can also be defined as the dissemination of information on the sale of educational documents on the Internet.

Keywords: sale of documents, education, prosecutor's office of the Russian Federation, Internet space.

В настоящее время информационное поле широко распространило свое действие на все сферы общественной жизни. Практически каждый процесс протекает через интернет пространство, через различные базы и реестры, которые оформляются по сети «Интернет». Деятельность органов прокуратуры также касается и надзора за соблюдением законов в интернет-пространстве, и на сегодняшний день, это направление надзора является наиболее актуальной.

Было отмечено, что в Российской Федерации, в частности, за действующий 2021 год, из-за пандемии в 1,5 раза выросло число ИТ-преступлений[1].

К ним, в частности, стоит отнести и распространение информации о продаже документов об образовании.

Из-за обстановки, которая сложилась в мире, многие ВУЗ'ы начали осуществлять свою образовательную деятельность через систему ZOOM – программу видеоконференций. Соответственно, обучающиеся этих учебных заведений осуществляют свою деятельность дистанционно. COVID-19 перестроил дея-

тельность практически всех сфер общества, из-за этого многие недобросовестные люди начали пользоваться сложившейся ситуацией, что послужило новым толчком для уже и так существовавшей проблемы – продажа и покупка документов удостоверяющих получение высшего образования.

Проблемные аспекты противодействия распространения в Интернет-портале, различного рода, информации на сегодняшний день достаточно остро встали в рамках работы органов прокуратуры.

Для обозначения данной проблемы, стоит обратиться к доктрине информационной безопасности России [2], где указывается, что осуществляется активная работа государственными органами по блокированию противоправной информации в сети Интернет, аудитория которой к 2020 г. достигла 87 млн россиян.

Полученные в ходе исследования цифры подлежат рассмотрению в рамках детерминации практики правоприменения, а также в качестве «толчка» по осуществлению органами прокуратуры усиленного контроля и надзора в интернет сфере по выявлению нарушений закона при незаконного приобретения документов об образовании.

Несомненно, прокуроры осуществляют надзор за данной деятельностью и принимают меры по устранению данных правонарушений, чтобы противоправная информация не имела распространение в массы.

Официальный сайт Генеральной прокуратуры содержит огромную практику о таком роде работы. Так, например, прокуратурами города Ставрополя были выявлены более 30 сайтов с информацией о продаже аттестатов, дипломов, справок и различных свидетельств в каждой сфере, которые изготавливались на бланках АО «Гознак». Безусловно, такой род деятельности непропорционален, так как на основании ст. 60 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» документ об образовании выдается только тем лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию. По нарушениям, выявленным в ходе проверок, заместитель прокурора края обратился в суд г. Ставрополя с требованием о том, чтобы суд обязал провайдеров ограничить доступ к этим сайтам. Суд вынес решение в пользу прокурора.

Злоумышленники в своей работе используют различные приемы для того, чтобы развивать свою торговлю на просторах Интернета. Говорят, о том, что в этой сфере они очень давно и готовы оказать квалифицированную помощь, вся деятельность построена на конфиденциальных началах, демократичные цены в отличие от других продавцов, пишут различные аксиомы, о том, как легко купить документ об образовании в высшем учебном заведении без особых затрат, подлинность диплома человек может проверить сам. При анализе сайтов с такой информацией было выявлено, что правонарушители пишут о том, что могут изготовить документ любого образца из любой сферы и любого учебного заведения.

Закон совершенствуется, вместе с ним способы изготовления таких поддельных документов. Поэтому, стали набирать обороты документы конкретных образовательных организаций. Такая активность обусловлена тем, что это теперь делается через коррумпированных людей, работающих в конкретной организации. Они готовы за определенную сумму выполнить работу, которая предполагает изготовление фальшивых документов. Данная схема сложна, а потому ее труднее выявить, и данная деятельность должна основываться на достоверных сведениях, анализе ситуации, а также выявлении всех лиц причастных к этой схеме.

Так, к примеру, транспортная прокуратура г. Карелии обнаружила сайты, на которых посетителям предлагалось приобрести дипломы о СПО и ВО Петрозаводский филиала ПГУПС и Беломорско-Онежского филиала ФГБОУ ВПО «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, соответственно без прохождения обучения (по инициативе прокуратуры соответствующая информация запрещена судом к распространению).

Очень важно принять меры по совершенствованию надзорной деятельности прокуратуры в сети Интернет, а именно эффективное выявление и устранение противоправных действий. Приказом Генеральной прокуратуры от 14.09.2017 г.

была утверждена «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года», которая закрепляет положения об обеспечении главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ координации работ по созданию и внедрению новых автоматизированных информационных систем, баз и банков данных, модернизации имеющихся, а также интеграцию их в единое информационное пространство системы Генеральной прокуратуры Российской Федерации; взаимодействие с Экспертным советом при Генеральной прокуратуре Российской Федерации по информационным технологиям при реализации мероприятий Концепции.

Очевидно, что только реагирование на информацию, содержащуюся в Интернете, не позволит устранить данную проблему вовсе, поэтому необходимо подходить к вопросу комплексно, чтобы минимизировать вероятность беспрепятственного и безнаказанного использования фальшивых документов об образовании. Данные комплексные меры – это сложная работа всех органов, которые компетентны в урегулировании вопроса.

В данном случае, речь идет об уголовной и административной ответственности, а именно ст. 327 УК РФ подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, а также ст. 19.23 КоАП РФ подделка документов, штампов, печатей или бланков, их использование, передача либо сбыт, ст. 17.10 КоАП РФ нарушение порядка официального использования государственных символов Российской Федерации, имеет место быть, когда в документах нет реального прототипа, т.е. печати содержат изображение, которое идентично Государственному гербу, но не указаны в Федеральном конституционном законе «О Государственном гербе Российской Федерации».

Нужно помнить, что активная деятельность органов прокуратуры по пресечению данных видов нарушений уменьшит преступную практику по всей стране. Прокурорские работники должны разьяснять работодателям, что существует федеральный реестр документов об образовании, использование такого реестра значительно упростит принятие на работу людей, а также обезопасит самого работодателя от нежелательных, а иногда печальных последствий. Представляется возможным включить административную ответственность для кадровых работников за не проведение проверки документов об образовании при трудоустройстве. В целом данная деятельность должна быть скоординированной, необходимо указать четкий вектор направления этой деятельности, ведь, если общество будет больше получать информации о том, что наказанию подвергаются не только лица изготовившие документы, но и лица их приобретавшие.

Список литературы

1. Маматов М.В. Противодействие распространению в сети Интернет информации о продаже документов об образовании как важнейший участок работы органов прокуратуры // Крымский научный вестник. 2018. № 1. С. 52–64
2. Указ Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ № 50, ст. 7074.
3. Минин А. Я. О методике прокурорского надзора и контроле в сфере образования // Преподаватель XXI век. 2014. № 1. С. 20–28
4. В Карелии по искам транспортной прокуратуры суд признал запрещенной информацию о продаже на интернет-сайтах дипломов университета морского и речного флота. Генеральная прокуратура Российской Федерации. / [Электронный источник] URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1160267> (дата обращения: 13.11.2021).
5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СЗ РФ № 1 (часть I) ст. 1
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СЗ РФ № 25 ст. 2954

А. П. Филатов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов
Filatov Alexey Pavlovich
Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере здравоохранения. Предложены возможные пути дальнейшего развития и совершенствования прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: социальные права, здравоохранение, прокурорских надзор, охрана здоровья, медицинская помощь.

ACTUAL PROBLEMS OF THE ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF HEALTHCARE

Abstract: The article deals with the actual problems of the organization and implementation of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of healthcare. Possible ways of further development and improvement of the prosecutor's supervision over the implementation of legislation in the field of healthcare are proposed.

Keywords: social rights, healthcare, prosecutorial supervision, health protection, medical care.

Обеспечение соблюдения права граждан на охрану здоровья, гарантированное ст. 41 Конституцией Российской Федерации, является одним из приоритетных направлений государственной политики. Несмотря на это, количество правонарушений в сфере здравоохранения с каждым годом увеличивается. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2018 год органами прокуратуры в сфере исполнения законодательства о здравоохранении выявлено около 67 тыс. нарушений [1], а за 2020 год прокурорами выявлено уже больше 83 тыс. нарушений законов [2].

Стоит отметить, что нарушения в сфере здравоохранения разнообразны и охватывают огромный массив законодательных актов. Например, к ним относятся нарушения прав граждан на доступность медицинской помощи. Так, прокуратурой г. Хабаровска в 2019 году были установлены факты незаконного отказа КБУЗ «Краевая клиническая больница № 2», участвующей в реализации программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи, в госпитализации пациентов на основании отсутствия полиса медицинского страхования. В связи с чем пациенты были вынуждены обратиться на платной основе в другие лечебные учреждения [3]. Также острой проблемой в сфере здравоохранения является нарушение прав граждан на льготное обеспечение лекарственными средствами. Например, в Томской области за 2019 год лишь после прокурорского вмешательства приняты меры к обеспечению препаратами по льготным рецептам 1,5 тыс. граждан. Кроме того, стабильно сотрудниками выявляются нарушения бюджетного законодательства в сфере финансирования различных направлений деятельности в сфере здравоохранения, так, например, Генеральной прокуратурой Российской Федерации по итогам 2019 года было отмечено, что в ряде регионов допускалось неэффективное расходование бюджетных средств, в том числе их хищения [4].

Наличие такого огромного количества разноплановых и системных нарушений требует серьезного и продуманного под-

хода к осуществлению надзорных полномочий со стороны органов прокуратуры. Например, прокуратурой Нижегородской области в сфере здравоохранения за 2020 год было выявлено 1807 нарушений законов. Всего принесено 66 протестов в соответствующие органы власти и медицинские учреждения, подан 161 иск в суды общей юрисдикции и арбитражные суды на общую сумму в 68 000 рублей, внесено 451 представление [9]. Несмотря на внушительное количество выносимых ежегодно мер прокурорского реагирования состояние законности в рассматриваемой сфере не улучшается, что обуславливается, в том числе, некоторыми ошибками и просчетами в организации и осуществлении прокурорского надзора в сфере здравоохранения.

Одной из проблем организации надзора в рассматриваемой сфере может быть отсутствие достаточных накопительных материалов по соответствующему направлению надзорной деятельности. Так, при ненадлежащей организации информационно-аналитической деятельности в прокуратуре будут отсутствовать аналитические материалы в сфере надзора за соблюдением законодательства о здравоохранении, которые могли бы быть использованы для надлежащего планирования и системной организации надзорной деятельности, в частности, например, список лечебных учреждений может отсутствовать или вовсе будет не актуальным [5].

Актуальную проблему составляют и вопросы своевременности вынесения мер прокурорского реагирования. Например, без реакции прокуроров иногда остаются факты несвоевременного и не в полном объеме предоставленного обеспечения пациентам лекарственных препаратов, т.е. имеют место ситуации, когда в медицинских организациях льготные лекарства не предоставлялись в течение длительного срока, однако соответствующие проверки не проводились и акты прокурорского реагирования были запоздалыми [6, С. 118].

Кроме того, при осуществлении прокурорского надзора в сфере здравоохранения важно обращать внимание на качество составления мер прокурорского реагирования. В частности, с целью увеличения эффективности работы, стоит не допускать шаблонности актов прокурорского реагирования, а также вынесения необоснованных мер прокурорского реагирования [7].

Особо следует обращать внимание прокурорских работников к применению такой меры прокурорского реагирования как пресечение. В этой связи, стоит согласиться с позицией А. Н. Кривоносова, который считает, что подобное положение дел является относительно корректным, поскольку превентивная цель данной меры не достигается, отчего ценность ее крайне невелика [8, С. 80].

Таким образом, можно говорить о необходимости системного подхода к организации и осуществлению прокурорского надзора в сфере здравоохранения, недопустимости формального подхода к проведению надзорных мероприятий, а также о потребности в повышенном внимании к качеству мер прокурорского реагирования. В этой связи, прокуратурам необходимо, в первую очередь, осуществлять анализ состояния законности посредством проведения различных мероприятий. Примером таких мероприятий является проведение мониторинга средств массовой информации, встречи с медицинским сообществом. Особое внимание должны занимать опросы пациенты и пользователи медицинских, которые будут осуществляться в ходе проверок лечебных учреждений.

Вместе с тем с целью совершенствования организации прокурорского надзора в сфере охраны здоровья следует регулярно обобщать правоприменительную практики в регионах и проводить заседания коллегий прокуратур субъектов по вопросам, касающимся данной сферы. Улучшению прокурорского надзора в сфере здравоохранения также будет способствовать разработка и направление единого для органов прокуратуры организационно-распорядительного документа, определяющего основные направления надзорной деятельности в сфере охраны здоровья, а также разработка в каждом регионе информационно-методических материалов, в том числе, с учетом положительного опыта работы. Одним из возможных выходов из сложившейся ситуации, на наш взгляд, является организация взаимодействия прокуроров с саморегулируемыми организациями, действующими в области охраны здоровья населения, с чем, на наш взгляд, стоит согласиться.

Список литературы:

1. Генеральной прокуратурой Российской Федерации обобщены результаты работы органов прокуратуры по надзору в сфере здравоохранения за 2018 год: сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=8056750> (дата обращения: 19.10.2021).
2. В ходе надзорной деятельности по защите прав граждан в сфере здравоохранения выявлено больше 77 тыс. нарушений законов : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/massmedia/news/archive?item=50439880> (дата обращения 17.10.2021).
3. Прокуратура Хабаровского края помогла гражданам восстановить право на получение медицинской помощи : сайт. URL: <http://www.prokurorhbr.ru/> (дата обращения 10.10.2021).
4. Об итогах работы органов прокуратуры за 2020 год: сайт. URL: <https://procrf.ru/news/2411328-ob-itogah-raboty-organov-prokuraturyi-za-2020-god.html> (дата обращения 10.11.2021).
5. «На коллегии прокуратуры области обсудили вопросы состояния законности в сфере здравоохранения» : сайт. URL: <https://prokuratura-vrn.ru/?viewnews=10259> (дата обращения: 13.10.2021).
6. *Шибина А. В.* Некоторые проблемы прокурорского надзора за соблюдением прав граждан на охрану здоровья. Москва, 2016. С. 118
7. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 5 февраля 2014 г. по делу № 33-601/2014. URL: <https://rospravosudie.com/>. (дата обращения: 14.11.2021).
8. Кривоносов А. Н. Прокурор как участник производства по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2009. № 1. С. 79 – 81.
9. Результаты работы за 2021 год // Официальный сайт прокуратуры Нижегородской области. URL: http://proc-nn.ru/ru/547/2021/rezultaty_raboty_2021_g/ (дата обращения: 12.11.2021).

УДК 342.33

П. В. Штреблевская

*Пермский институт ФСИН России
Россия, Пермь*

ПРОКУРАТУРА В МЕХАНИЗМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Аннотация. В статье поставлен вопрос о месте прокуратуры в системе органов государственной власти согласно теории разделения властей. Рассмотрены особенности полномочий и функций прокуратуры, раскрыт аспект прокуратуры в системе органов публичной власти государства.

Ключевые слова: прокуратура, право, публичная власть, императивно-властные полномочия, закон, надзор.

P. V. Shtreblevskay

*Perm Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia Russia, Perm*

THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE MECHANISM OF SEPARATION OF POWERS

Abstract. The article raises the question of the place of the prosecutor's office in the system of public authorities according to the theory of separation of powers. The features of the powers and functions of the prosecutor's office are considered, the aspect of the prosecutor's office in the system of public authorities of the state is revealed.

Keywords: prosecutor's office, law, public authority, imperative authority, law, supervision.

Проблема реализации принципа разделения властей на протяжении длительного времени остается актуальной. С целью его эффективного регулирования были созданы надзорные элементы обеспечения и взаимодействия властей, одним из которых является Прокуратура Российской Федерации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Прокуратура как контрольно-надзорный орган не входит ни в одну из трех ветвей власти согласно теории разделения властей и является одним из ключевых органов в рамках системы сдер-

жек и противовесов в государстве. При этом в научных кругах до сих пор существуют различные мнения касательно определения места Прокуратуры в иерархии высших органов государственной власти Российской Федерации.

Прокуратура Российской Федерации обладает особым правовым статусом. Как отмечает А.Ю. Ульянов, «Прокуратура РФ не относится к высшим органам государственной власти. Однако, учитывая конституционно-правовой статус и функции прокуратуры, невозможно рассматривать данный государственный институт вне конституционной системы власти». [1, С.58]

По мнению Н.В. Мельникова, «прокурорская власть имеет государственный характер; а ее элементы совпадают с элементами судебной власти; по функциональным признакам она выступает государственной властью со всеми присущими ей атрибутами». [2, С.72] В этом просматривается конституционный статус Прокуратуры РФ, от которого исходит принцип законности и обеспечение правопорядка.

Прокуратура РФ входит в общую систему публичной власти, которая является самостоятельной системой органов, осуществляющая активное взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Согласно Конституции Российской Федерации «Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции». [3]

Однако, порядок осуществления деятельности, основные цели, функции и полномочия Прокуратуры РФ содержатся в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».[4] Нормативный правовой акт определяет главные задачи, направленные на обеспечение верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охрану интересов общества и государства. К функциям Прокуратуры РФ относятся:

1. Надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением других нормативно-правовых актов, действующих на территории РФ;

2. Уголовное преследование;

3. Участие прокурора в рассмотрении дел судами;

4. Участие в правотворческой деятельности;

5. Учет и регистрация правонарушений, и др.

Многие функции Прокуратуры направлены на укрепление системы сдержек и противовесов в структуре государственной власти. Таким образом, она контролирует деятельность всех трех ветвей власти, но при этом не подчиняется ни одной из них.

Ярким примером принципа разделения властей в деятельности Прокуратуры РФ являются ее надзорные полномочия, которые распространяются на законодательную, исполнительную, и на судебную ветви власти, а также на некоторые другие государственные органы, и негосударственные образования.

Например, взаимодействие законодательной ветви власти можно рассмотреть в ст.9 ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4], где указано, что прокурор при осуществлении своих полномочий вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, изменения, дополнения, в те или иные нормативно-правовые акты, а также вправе принять новый закон или же полностью отменить старый.

Взаимодействие с исполнительной ветвью власти просматривается в ст.21 ФЗ № 2202-1 «О прокуратуре РФ» [4], где указаны главные задачи Прокуратуры, такие как: надзор за исполнением законов РФ, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Данный вид деятельности является наиболее обширной в работе органов Прокуратуры, так как сама исполнительная ветвь власти в Российской Федерации имеет разветвленную систему, что затрудняет быструю и эффективную работу Прокуратуры.

Судебная ветвь власти также напрямую связана с деятельностью Прокуратуры, например, ст.35 ФЗ № 2202-1«О прокуратуре РФ». [4] К полномочиям в судебном процессе относятся: участие прокурора в рассмотрении дел, осуществление уголовного преследования в суде, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением вступить в дело в любой стадии процесса,

а сам надзор прокуратуры постоянен и непрерывен, что сильно отличает ее от судебных органов. Хочется отметить, что Прокуратура активно взаимодействует с судебной властью, но не является частью судебной системы.

В этом просматривается определенная проблема в деятельности Прокуратуры РФ, а именно реализация надзорных функций по отношению ко всем ветвям власти. Тем самым, вызывая сильную загруженность сотрудников Прокуратуры. Из-за широкого спектра полномочий данного федерального органа, эффективность компетенций падает с каждым днем. Решением данного вопроса может послужить создание дополнительных подразделений Прокуратуры, которые будут осуществлять надзор за конкретной ветвью власти, а также деятельность подобных подразделений должны быть юридически закреплены. Что и установит конкретику в работе всех элементов Прокуратуры.

Таким образом, можно сделать вывод, Прокуратура занимает особое место в системе федеральных органов, посредством ее контрольно-надзорных функций за всеми ветвями власти, но при этом не относящейся, ни к одной из них, то есть осуществляет деятельность независимо от них. Но помимо ее независимости происходит тесное взаимодействие Прокурату-

ры с законодательной, исполнительной или судебной властью. А также Прокуратура РФ выполняет важную функцию элемента механизма реализации государственной власти, что дает полное основание напрямую относить Прокуратуру к публичной власти.

Список литературы:

1. *Ульянов А.Ю.* Конституционализация прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Ульянов Александр Юрьевич;. – Екатеринбург, 2020. – 58 с.
2. *Мельников Н.В.* Конституционные основы организации и деятельности прокуратуры России. М.: ТПО «Книготорг», 2000. С. 67–84.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) – режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 09.11.2021).
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021), – режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.11.2021).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РФ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ

УДК 343.1

Н. А. Баканов

*Московский Университет Министерства Внутренних Дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
Институт подготовки сотрудников
для предварительного расследования
Россия, Москва*

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. В статье рассматривается противодействие преступности с помощью информационных технологий в сфере видеофиксации. На основании анализа системы «Паутина» МВД России и нынешней ситуации в стране автор приходит к выводу, что в России на данный момент повышается противодействие преступности, где злоумышленники используют личный транспорт.

Ключевые слова: информационные технологии, видеофиксация, преступления на транспорте, личный транспорт, противодействие преступности, безопасность.

Bakanov Nikita Andreevich

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya
Institute of Staff Training for Preliminary Investigation
Russia, Moscow*

MODERN POSSIBILITIES OF COMBATING CRIME IN TRANSPORT

Abstract. The article deals with countering crime with the help of information technologies in the field of video recording. Based on the analysis of the "Паутина" system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the current situation in the country, the author comes to the conclusion that in Russia at the moment the counteraction to crime is increasing, where attackers use personal transport.

Keywords: information technology, videorecording, transport crimes, personal transport, crime prevention, security.

Сегодня роль правоохранительных органов как никогда очень важна и значима. Преступность в мире сохраняется на достаточно высоком уровне и продолжает быть угрозой для людей, общества и государства в целом. Мы понимаем, что система органов правопорядка постоянно требует совершенствования, поскольку преступность – это главная угроза современности. В ходе глобализации и информатизации, преступность постоянно меняется, мимикрирует и как болезнь бьет в самые слабые и уязвимые места. Мир меняется и с ним меняются правоохранительные органы, для которых главной задачей является защита граждан и их интересов.

В Российской Федерации как ни в одной другой стране идет постоянное совершенствование методов борьбы с преступностью не только на теоретическом (законодательном) уровне, но и на практическом. В Федеральном законе № 3 «О полиции» прямым текстом прописано, что «Полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру». [1] Именно это и дает нам понять, что работа идет в нужном направлении, так как даже на законодательном уровне правоохранительные органы обязуют использовать все «плоды современности». Это в свою очередь, это подчеркивает, что все эти достижения актуализируют такую ценность профессии, как совершенствование и самосовершенствование. Именно этот подход и проявился в нынешней деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В настоящее время транспорт – это неотъемлемая часть нашей жизни. К ней мы привыкли настолько, что сейчас сложно представить жизнь без нее, поэтому именно сегодня резко стоит вопрос об эффективности противодействия преступности в той сфере, где используется личные транспортные средства, будут ли они использоваться для передвижения преступника, или же будут являться целью преступного посяательства. На данный момент транспортные средства – это, пожалуй, самые распространенные средства, используемые преступниками при совершении, подготовке, а также сокрытии различных преступлений. Все это стало следствием «транспортизации» нашей жизни. [2, С. 3–7]

По официальным данным МВД РФ за 2020 год всего было совершено 31 тысяча 447 преступлений на транспорте из которых 8 тысяч 218 тяжких и особо тяжких. Также в том же году по данным Генпрокуратуры в России было угнано почти 9 тысяч автомобилей. Понятно, что данная статистика не в полной мере освещает преступления где использовался личный транспорт, но уже поэтому можно предположить насколько необходимо совершенствовать противодействие преступности в этой сфере. Мы считаем это является одной из главных проблем на сегодня. [3]

Стоит отметить, что контролировать личный транспорт достаточно трудно, не всегда есть возможность отследить транспортное средство по государственному номеру. Все мы знаем, что при расследовании преступлений сотрудники полиции имеют право просматривать записи камер видеонаблюдения, расположенные недалеко от места преступления. Однако развитие информационных технологий в правоохранительной системе России сталкивается с рядом проблем и несовершенством используемой для этих целей системы, проблемы которых значительно снижают эффективность правоохранительных органов. Для решения данной проблемы в Министерстве внутренних дел России предложили использовать систему под названием «Паутина». [4, С. 46]

Данная система предполагает объединение всех камер в регионе и не только. Все данные хранятся в единой базе, из которой с легкостью можно опознать тот или иной автомобиль. «Паутина» позволяет видеть, не только позиционирование ТС, но также и марку, модель и маршрут движения, в том числе в реальном времени. Данная технология очень важна в наше время. Она позволяет эффективнее противодействовать преступности на транспорте и других. Как говорил заместитель начальника ГУОБДД МВД России, генерал-майор полиции Александр Быков: «Использование данного функционала позволяет сократить количество внутренних запросов и ускорить саму процедуру розыска интересующих нас транспортных средств. В качестве примера рассмотрим совершение тайного хищения чужого имущества из квартиры. В этом случае «Паутина» способствует фиксации каждого транспортного средства, находящегося рядом с интересующим нас домом. Позже, при совершении аналогичного преступления в другом районе, с помощью выборки и анализа тех машин, которые стояли уже по данному адресу, мы можем обнаружить преступников. Также, в данную систему включен искусственный интеллект, который позволяет выделять подозрительные машины в потоке. Например, эта система позволяет вычислить угнанный автомобиль еще до того, как сам владелец машины заявит об угоне. К примеру, камера зафиксировала машину; однако система не «видела», чтобы за последнее время автомобиль с такими номерами заезжал в район. Функционируя в непрерывном режиме месяцы и годы, «Паутина» запоминает стандартные маршруты движения большинства авто (исключая, конечно, такси и машины каршеринга). И если обычный трафик изменился, это уже повод для проверки транспортного средства, поскольку может случиться, что именно в этот момент злоумышленники угоняют автомобиль. Учитывая такую вероятность и фиксируя отклонение маршрута, «Паутина» тут же сигнализирует о подозрительной машине ближайшему наря-

ду ДПС. Это очень большой шаг в борьбе с преступностью на дороге, и не только. [5]

Пока данная система работает только в Центральном федеральном округе, но в планах Министерства внутренних дел России распространить данную систему на всю страну. Более того необходимо наладить контакт с другими организациями, которые используют видеofиксацию, например, центр организации дорожного движения, ГКУ «Администратор московского парковочного пространства» и другие организации. Это позволит распространить действие данной системы и улучшить ее эффективность. Безусловно необходимо будет модернизировать камеры или же заменить их на современные, но мы считаем, что это принесет положительный эффект, поскольку безопасность граждан выше всего.

Более того, Министерство внутренних дел России могло бы по запросу других ведомств, предоставлять информацию о нахождении транспортного средства. Это очень пригодилось бы для эффективной работы всех структур. Это повышает не только оперативность взаимодействия органов, но, благодаря единой информационной системе, снижается использование ресурсов для обеспечения этой деятельности.

В заключении следует сказать, что в России на данный момент повышается противодействие преступности, где злоумышленники используют личный транспорт. Совершенствуется использование информационных технологий в сфере видеofиксации, где большой провыв сделало Министерство внутренних дел России, а именно – создание системы «Паутина». Данная система не только упрощает работу структуры, но и делает ее эффективней. Она создает основу для совершенствования искусственного интеллекта, единой информационной базы и взаимодействия ведомств.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 11 февраля.
2. Монография «Уголовно-правовые, криминологические аспекты преступлений, связанных с использованием транспортных средств» Д.В. Иванов., О.Г. Карнаухова, Е.В. Кузбагорова, В.И. Новиков, А.В. Табаков, А.П. Щербаков 2020. 277 с.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года [сайт] – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения 20.10.2021г.).
4. Шалагинова, О.Б. Вопросы внедрения технологии цифрового видео в деятельность полиции / О. Б. Шалагинова // Региональная информатика и информационная безопасность : сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 01–03 ноября 2017 года / Санкт-Петербургское Общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления, 2017. – С. 46–47.
5. Систему «Паутина» от ГИБДД запустят по всей России [Электронные ресурсы] – Режим доступа: URL: <https://www.autonews.ru/news/60f6e6369a7947102c54de98> (дата обращения: 20.10.2021)

УДК 34.023

А. Р. Веселова

*Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний
Россия, Владимир*

ДЕОНТОЛОГИЯ ЧЕСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: ЦИФРОВОЙ ВЕКТОР

Аннотация. Вектор цифровизации современного общества определяет направление развития всех отраслей социума. В статье рассматривается деонтология чести и справедливости в правоохранительных органах, сквозь парадигму цифровой эпохи. Автор анализирует значимость этических компонентов в деятельности сотрудника правоохранительных органов, в особенности в эпоху тотальной цифровизации.

Ключевые слова: цифровая эпоха, честь, справедливость, правоохранительные органы, служебный этикет.

A. R. Veselova

*Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Russia, Vladimir*

DEONTOLOGY OF HONOR AND JUSTICE IN LAW ENFORCEMENT: DIGITAL VECTOR

Abstract. The vector of digitalization of modern society determines the direction of development of all sectors of society. The article examines the deontology of honor and justice in law enforcement agencies, through the paradigm of the digital age. The author analyzes the importance of ethical components in the activities of a law enforcement officer, especially in the era of total digitalization.

Keywords: digital age, honor, justice, law enforcement, official etiquette.

К вопросу о выборе профессии сотрудника правоохранительных органов, гражданин должен подходить со всей серьезностью. Данную категорию государственных служащих отличает повышенная ответственность, «боеготовность» и мобильность при выполнении поставленных задач, которые, несомненно, требуют полной отдачи и посвящения себя делу.

Все будущие сотрудники проходят специальную подготовку, во время которой, они овладевают, основополагающими принципами и постулатами несения службы. У них формируется морально-нравственный стержень, который позже становится моральным эталоном, в соответствии с которыми, они должны нести свою службу. Мораль, таким образом, функционирует как вектор разумной и целенаправленной жизни человека или социальной группы [1, с.75]. В связи с этим, возникает необходимость в освоении обучающимися содержания профессиональной этики, так как сотрудник обязан вести себя учтиво и тактично, в равной степени, по отношению ко всем гражданам в любой ситуации; при этом, выполняя с полной отдачей свои служебные обязанности.

В современном обществе преступность обладает достаточно хорошим вооружением в сфере информационных технологий, что вызывает необходимость внедрения цифровых технологий в деятельность сотрудников правоохранительных органов. Используются различные информационные вспомогательные системы: информационно-поисковые системы; информационно-справочные системы; система научно-технической информации; экспертные, экспертно-консультирующие системы; автоматизированные системы управления; расчетно-аналитические системы; автоматизированные обучающие системы и др. Наличие данных систем требует специальных знаний и навыков в работе с ними, по этой причине, сотрудникам правоохранительных органов необходимо уметь хорошо работать в информационной сфере и постоянно повышать и обновлять уровень своих знаний и умений.

Каждый сотрудник является лицом, представляющим государство, поэтому отношение граждан к государственной власти, имидж представительных органов власти, доверие общества в немалой степени зависит также и от поведения сотрудников, в том числе и социальных сетях. Негативное поведение сотрудника приводит, как правило, к большому резонансу в обществе, наносит

вред его репутации и репутации системы правоохранительных органов, поэтому государственному служащему, крайне необходимо осознавать возложенную на него ответственность, вести себя корректно и этично, даже если он находится не при исполнении.

«Правила поведения в интернете» в совокупности с кодексом профессиональной этики сотрудника правоохранительных органов, предписывают спецсубъекту: не распространять информацию о принадлежности к системе государственных органов в социальных сетях; не выкладывать фото и публикации, порочащие честь сотрудника и системы; воздержаться от негативных высказываний в отношении кого-либо; избегать проявление нетерпимости и дискриминации [2, с. 395]. Иными словами, сотрудник должен строго соблюдать постулаты профессиональной этики и быть примером образцового поведения.

Что же такое по своей сути профессиональная этика? Профессиональная этика – это система моральных принципов, норм и правил поведения специалиста с учетом особенностей его профессиональной деятельности в конкретных ситуациях [3, с. 126]. Она необходима по той причине, что у сотрудника должна быть достаточно высокая степень моральной ответственности перед обществом, нравственности, он должен понимать последствия своих действий как профессионала и стремиться действовать по чести и справедливости.

В современном обществе, где цифровые технологии многократно увеличили скорость и поток обмена информации, на деятельность сотрудников обращено довольно пристальное внимание, так как от того насколько квалифицированы работники правоохранительных органов зависит стабильность, степень правопорядка и законность в обществе. Сотрудник представляет интересы государственной власти, является ее лицом, зачастую неправильные действия представителей государственных органов приводят к тому, что у граждан возникает негативное отношение и недоверие к государственной власти, при таких отношениях невозможно становление общества с высоким правосознанием и ответственностью. Поэтому необходимо неукоснительно следовать должностным инструкциям и выполнять добросовестно свои обязанности.

Необходимо понимать, что сотрудники должны следовать не просто нравственным, а именно нравственно-правовым принципам, то есть профессиональному долгу, не допуская создания и распространения дискредитирующих деликтов. Под дискредитирующим поведением сотрудников в интернет-пространстве понимается в первую очередь нарушение норм морали, нравственности и профессиональной этики [4, с. 37].

Знание основ профессиональной этики, законов и служебных обязанностей, наряду с правилами и нормами поведения в сети интернет, не только делают сотрудника культурным человеком и ответственным работником, но и позволяют ему более эффективно выполнять служебные обязанности, повышают его авторитет среди коллег и общественности, укрепляют статус сотрудника правоохранительных органов, а соответственно и престиж самой системы.

Список литературы:

1. Зарубина Е. В. Социальные и культурные функции морали / Е. В. Зарубина // Вестник научных конференций. 2016. № 1-5 (5). С. 75–76.
2. Семенов И. А. Управление персоналом многоконфессиональной организации / И. А. Семенов // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 05 марта 2020 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. 395–399.
3. Тимофеева Е. А. Профессиональная этика сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор, способствующий профилактике их профессиональной деформации / Е. А. Тимофеева // III международный пенитенциарный форум «преступление, наказание, исправление»: (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): Сборник тезисов выступлений и докладов участников, Рязань, 21–23 ноября 2017 года / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 126–131.
4. Бровкина А. А. Роль социальных сетей в формировании имиджа сотрудника уголовно-исполнительной системы / А. А. Бровкина // *Ius Publicum et Privatum*. 2020. № 5(10). С. 36–39.

УДК 347.9

А. М. Евструпов

*Российский государственный университет правосудия
(Приволжский филиал)
Россия, Нижний Новгород*

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу текущих процессов и проблем цифровизации правосудия. Приведено мнение отдельных авторов по вопросам цифровизации правосудия. Рассмотрено законодательное обеспечение цифровизации правосудия. Перечислены направления цифровизации, которые реализованы на данный момент.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, электронное правосудие, программное обеспечение автоматизации правосудия, нормативное регулирование процессов цифровизации.

Evstropov Artur Maksimovich

*Russian State University of Justice (Volga Branch)
Russia, Nizhny Novgorod*

FEATURES OF DIGITALIZATION OF JUSTICE IN MODERN CONDITIONS OF SOCIETY DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to the analysis of current processes and problems of digitalization of justice. The opinion of individual authors on the issues of digitalization of justice is given. The legislative support of the digitalization of justice is considered. The directions of digitalization that have been implemented at the moment are listed.

Keywords: digitalization of justice, electronic justice, justice automation software, regulatory regulation of digitalization processes.

В век инновационных технологий, когда многие виды услуг можно получить, не выходя из дома, обратиться за защитой нарушенных прав в органы власти стало значительно проще. В данной статье речь пойдет о цифровизации правосудия, которое представляет новые возможности развития правовой системы государства и отвечает современным направлениям цифровизации общества [1, с. 325].

Вначале рассмотрим понятие «цифровизация правосудия». Под ним понимается внедрение информационных технологий в систему правосудия, для того, чтобы упростить ведение судопроизводства для работников судебной системы и дать возможность гражданам обращаться за помощью к органам власти без очередей и в удобное для них время.

Некоторые авторы рассматривают понятие «цифровизация правосудия» во многих аспектах. Например, Воскресенский В. Ф. и Тимченко А. В. термин «цифровизация» трактуют в кратком и расширенном понимании [2, с. 108]. В кратком понимании она рассматривается как перевод информации в цифровую форму. Так, авторы уверены, что в результате цифровизации наиболее важным является увеличение объемов используемой информации, уменьшение трудовых и временных издержек, внедрение новых возможностей взаимодействия и т. д. В более широком понимании под цифровизацией авторы рассматривают современный общепринятый в мировой практике способ развития экономики и общества, основанный на переходе взаимодействия граждан на виртуальный уровень посредством использования сети интернет.

Приженникова А. Н. высказала мнение о том, что формирование термина «электронное правосудие» связано с развитием законодательства, регулирующего электронный документооборот судов, что является важным направлением проводимой судебной реформы в реализации развития электронного правосудия [3, с. 240]. В связи с тем, что процесс перехода правосудия на электронный формат является трудоёмким и долгим, то пройдет много времени, прежде чем правосудие полностью перейдет в онлайн режим. Хотя, в данном аспекте следует отметить, что в период разгара пандемии COVID-19 сложилась практика работы судов в дистанционном формате. Таким образом, судебные совещания проходили онлайн с использова-

нием дистанционных программ. Такой формат помог общаться с участниками процесса в не зависимости от расстояния.

Тонков Е. указывает на то, что переход общества на цифровую модель является плановым и проводится в соответствии со стратегией развития информационного общества в Российской Федерации. Эта стратегия закрепила цели и задачи, а так же меры, связанные с реализацией государственных мероприятий (применение информационных и коммуникационных технологий), направленных на развитие информационного общества [4, с. 7].

По нашему мнению, помимо названной Стратегии переходу системы правосудия на электронную платформу способствуют следующие факторы:

- увеличение обращений граждан в органы судебной власти;
- ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки (рост заболеваемости COVID-19);
- необходимость совершенствования системы правосудия, в том числе за счет внедрения упрощенного судопроизводства для улучшения;

Посредством цифровизации системы правосудия сможет увеличиться количество рассматриваемых дел, что в свою очередь благоприятно скажется на эффективности работы аппарата суда и улучшения доверия населения к правосудию в целом. По этому поводу выступил председатель Совета судей РФ Момотов В.В. Он высказался по вопросам применения автоматизированных комплексов обработки информации в судах (таких как ГАС Правосудие, Мой арбитр, Картотека арбитражных дел и др.). Так, использование систем обработки информации способствует развитию электронного документооборота в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве, создавая при этом единое информационное пространство федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Система правосудия активно развивается и, как результат такого развития, можно отметить реализацию федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы. Данной программой были предусмотрены новые аспекты внедрения информационно-коммуникационных технологий, в том числе:

- совершенствование системы размещения судебных решений с использованием сети «Интернет», обеспечение доступа к этим решениям;
- создание мобильного правосудия, электронного правосудия, внедрение программных средств аналитического обеспечения деятельности;
- формирование электронных дел и электронного архива судебных дел;
- получение и обмен информацией с использованием современных электронных средств связи;
- создание единой автоматизированной информационной системы Федеральной службы судебных приставов и электронного архива для хранения электронных документов.

Выполнение предусмотренных мероприятий является отправной точкой для следующих стратегических целей РФ:

- создание необходимой среды для инновационного социально ориентированного типа развития, развитие политико-правовых институтов, нацеленных на обеспечение гражданских и политических прав граждан и исполнение законодательства РФ;
- повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечение доступности и открытости правосудия;
- формирование стабильной и единообразной судебной практики, повышение авторитета судебной власти, создание условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе;
- обеспечение независимости судебной системы и повышение привлекательности государственной гражданской службы в судах.

При этом по мере реализации указанной программы были решены следующие задачи:

- правосудие стало более доступно для граждан, организации и объединений (стало проще подавать обращения в органы судебной власти, уменьшено время рассмотрения дела по конкретной ситуации);
- создана платформа для реализации мобильного и электронного правосудия через сеть Интернет;

– подходит к завершению процесс сканирования всех поступивших в суды документов, сформированы электронные дела и электронный архив судебных дел.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, что цифровизация правосудия значительно упрощает систему обращения граждан к органам судебной власти, разгружает органы правосудия, улучшает доверие граждан к органам судебной власти, улучшает безопасность хранения конфиденциальной информации на серверах судов и развивает систему правосудия в целом. Цифровизация правосудия является незавершенным процессом, и рассмотрение перспективных направлений цифровизации, анализ уже имеющейся мировой практики – важные направления выработки адекватных и действенных решений, которые будут способствовать повышению эффективности функционирования общества в целом.

Список литературы:

1. Терехов А. М., Веретенников Д. О. Цифровизация общества как важная составляющая развития современной экономики // В сборнике: Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции, в 2 ч. Вологда, 2020. С. 325–330.
2. Воскресенский Ф. А., Тимченко А. В. Ожидания российского общества от правосудия: поможет ли цифровизация? // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 4 (21). С. 108–120.
3. Приженникова А. Н., Коляда Г. Ю. Цифровизация правосудия: теоретические и практические аспекты // Образование и право. 2020. № 2. С. 240–250.
4. Тонков Е. Е. Цифровизация права: Проблемы и перспективы // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10. С. 6–9.

УДК 342.5

О. В. Кашникова

*Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
Институт подготовки сотрудников для органов предварительного расследования
Россия, Москва*

ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В XIX–XXI ВЕКАХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Аннотация. В статье в качестве предмета рассматриваются две формы осуществления предварительного расследования – дознание и предварительное следствие в период XIX–XXI веков. Анализируется развитие следственного аппарата, период существования единой формы расследования, а также этап разделения полномочий, их современное состояние.

Ключевые слова: предварительное следствие, полиция, уголовное дело, судебный следователь, предварительное расследование, дознание.

O. V. Kashnikova

*V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Institute of Staff Training for Preliminary Investigation Bodies
Russia, Moscow*

FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION OF THE XIX–XXI CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE GLOBALIZATION OF LAW

Abstract: The article considers two forms of preliminary investigation as a subject – inquiry and preliminary investigation in the period of the XIX–XXI centuries. The article analyzes the development of the investigative apparatus, the period of existence of a single form of investigation, as well as the stage of separation of powers, their current state.

Keywords: preliminary investigation, police body, criminal case, judicial investigator, preliminary investigation, inquiry.

Объективной закономерностью развития права в период XIX–XXI веков выступает его глобализация, что означает прежде всего установление универсального юридического языка, трансформацию юридических инструментов и механизмов, в том числе, содержащих процедуру привлечения лица к ответственности.

Предварительным расследованием называется стадия уголовного процесса, которая следует за стадией возбуждения уголовного дела. Именно органы предварительного расследования должны выяснить все обстоятельства дела, личность лица, совершившего преступление, мотивы, причины и условия совершения преступления, доказать вину (невиновность) путем сбора доказательств. Предварительное расследование имеет две формы осуществления – предварительное следствие и дознание.

Одним из ключевых этапов формирования органов предварительного следствия можно считать середину XIX века. Предварительное следствие включало в себя два этапа – предварительное (устанавливаются фактические обстоятельства) и формальное (причастность лица).

Полиция в 1835 году на основании Свода законов Российской империи являлась единственным органом предварительного следствия [1, С. 132].

После законопроекта «О следствии» функции были переданы судебным следователям и органы предварительного следствия стали частью судебной системы. Устав уголовного судопроизводства 1864 года возложил на судебных следователей производство по делам, которые подсудны окружным судам. Тем самым судебные следователи обладали полномочиями по расследованию дел, а органы полиции должны оказывать содействие предварительному следствию. После рассмотрения дела органами полиции, дело передавалось следователю для дальнейшего разбирательства. Для того, чтобы стать следователем, необходимо было согласие на это высшего правителя. Этим и характеризуется некая самостоятельность судебных следователей от других структур государства. В уезде было столько следователей, сколько назначил император, исходя из уровня преступности в конкретной местности. На качество расследования преступлений влияло, что не каждый следователь имел юридическое образование и должен был разрешать более 100 уголовных дел в год. Эта проблема была частично решена в 1864 году, когда появились новые условия на назначение лица на должность судебного следователя [2, С. 112]. Этими требованиями являются: высшее юридическое образование, не менее 3-х лет работы в суде. Была разгружена деятельность следователя путем передачи отдельных полномочий органам юстиции. С 1867 по 1870 года учреждалась должность следователя по важным и особо важным делам.

Дознание как форма предварительного расследования была закреплена Судебными уставами уголовного судопроизводства в 1864 году и осуществлялась полицией для восстановления справедливости сведений о преступлении путем проверки информации о совершенном деянии. Процесс осуществления полицейского дознания устанавливался в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, а также в Законе «О судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках». Все сведения получались с помощью розыска, расспросов, негласных наблюдений. При процедуре дознания не составлялся протокол, но сведения вносились в акт, который подписывался лицом, производящим дознание. Эти акты не зачитывались в судебном заседании, признание подозреваемого не имело никакой силы, если лицо, совершившее противоправное деяние, не подтвердило в суде эти сведения.

В настоящее время дознание выступает самостоятельной формой предварительного расследования и включается в уголовное судопроизводство, то в 19 веке дознание не было включено в уголовный процесс. И.Я. Фойницкий характеризовал дознание как деятельность не судебную, отождествленную от судебных обрядов и форм. В Уставе уголовного судопроизводства дознание отделялось от предварительного расследования: полиция собирает и проверяет сведения, полученные в ходе процедуры дознания, и пока не удостоверится в правильности, не сообщает полученную информацию следователю; следователь, не участвующий в начальном сборе, может выдать ошибочное заключение. Цель дознания – обнаружить преступное деяние

для дальнейшего рассмотрения дела следователем. Таким образом, дознание сводилось к деятельности полиции по проверке сообщений о преступлении путем наблюдений, опросов и других способов до начала деятельности следователя.

На этапе возникновения советского государства дознание начинает осуществляться как форма деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений. Принятие Декрета о суде № 1 способствовало дальнейшему развитию системы органов предварительного следствия. По этому акту разрешалось создавать самостоятельные, независимые органы предварительного расследования, было разделено дознание и следствие. В Инструкции НКВД и НКЮ РСФСР говорилось о предварительном расследовании, проводимом милицией или следственной комиссией или судьей. Предусматривалось проведение следственных действий органами дознания по поручению следователя или суда. С 1920 года была разграничена компетенция между уголовным розыском, дознанием и предварительным следствием. Для большей гибкости уголовного процесса началось упрощение процессуальных правил, процедура расследования была оставлена на усмотрение следователя и суда [3, С. 42].

Деятельность органов дознания стала носить процессуальный характер по Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР от 25.05.1922 года. Акты органов дознания и акты органов предварительного следствия стали иметь единую форму, а также составлялся режим их производства [4, С. 256].

Следователь стал выступать представителем надзорного органа по руководству дознанием, выступал должностным лицом органов расследования по делам, которые требуют осуществления предварительного следствия. Следователь передавал расследование органу дознания только с разрешения прокурора. Предварительное следствие велось только по делам, которые рассматривались губернскими трибуналами и судами. В 1926 году по Постановлению ВЦИК органы дознания могли приостанавливать и прекращать уголовные дела, которые они расследовали. По Цирюляру, изданному Прокурором СССР и НКВД СССР, были разграничены полномочия между органами милиции и следователями. Из-за увеличения количества преступлений, по которым проводится предварительное следствие, в аппарате НКВД были созданы следственные аппараты, а в 1951 году – уже следственные отделы в органах милиции.

УПК РСФСР от 1960 года закрепил предварительное расследование в форме дознания по преступлениям, которые отнесены к подсудности органов дознания (полное дознание), а также производство неотложных действия по расследованию преступлений, которые подведомственны следователю (усеченное дознание).

Учеными – процессуалистами ведется дискуссия о необходимости дознания как формы предварительного расследования. Сторонники, предрасположенные к ликвидации дознания, указывают на ограничение личных прав, нарушении единства уголовного процесса. Ученые и практики, выступающие за сохранение дознания, ссылаются на существование преступлений, которые не требуют сложную деятельность следователя, также учитывают экономное расходование средств федерального бюджета, говорят о недопустимой замене следствия дознанием.

С 1985 года предварительное следствие в форме дознания увеличило свою компетенцию: теперь они могли проводить и протокольную форму досудебной подготовки материалов дела.

В 1992 году был расширен перечень уголовных дел, по которым расследование осуществляется в форме дознания. Функциями органов дознания наделяются Федеральная служба налоговой полиции и Государственный таможенный комитет.

Понятие дознания было закреплено в УПК РФ 2002 года. Под дознанием подразумевается форма предварительного расследования, которое осуществляется дознавателем по уголовному делу, предварительное следствие по которому обязательно. УПК РФ впервые ввел понятие «орган дознания», «начальник органа дознания», «дознаватель». Из-за противоречивости некоторых положений, указанных в УПК РФ 2002 года, были внесены изменения в сроки дознания, порядок их производства, было введено новое понятие- «начальник подразделе-

ния дознания». Функции следствия переданы Следственному комитету РФ, федеральным органам исполнительной власти (следственные аппараты в ведомствах МВД, ФСБ, ФСКН России).

Таким образом, предварительное расследование в период XIX–XXI веков прошло несколько этапов своего развития и модернизации, что связано с процессом глобализации права. Существование двух его самостоятельных форм, а также многообразии субъектов, осуществляющих расследование связано с реализацией задачи по эффективному расследованию уголовных дел с учетом обеспечения основных прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Свод законов Российской империи: в 16 т. Т. 16. Ч. 2. СПб., 1892
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением расуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. и измен. Ч. 2. СПб., 1867. 267 с.
3. Шейфер, С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2013. 256 с.
4. УПК РСФСР 1922 г. с изменениями и дополнениями, внесенными в 1923–1924 гг.

УДК 351.741

А. С. Клишина

*Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Кризис Covid-19 показал, как развитие и внедрение информационных технологий в правоохранительные органы выполняет главенствующую роль в обеспечении непрерывного функционирования уголовного правосудия на общенациональном уровне Российской Федерации.

Ключевые слова: правоохранительные органы, информационные технологии, противодействие преступности, правосудие, Covid-19

A. S. Klishina

*Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES: EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The Covid-19 crisis has shown how the development and implementation of information technologies in law enforcement agencies plays a dominant role in ensuring the continuous functioning of criminal justice at the national level of the Russian Federation.

Keywords: law enforcement agencies, information technology, crime prevention, justice, Covid-19.

Цифровые технологии проникли в наши повседневные задачи и взаимодействия в XXI веке. Они изменили общую социокультурную повестку – расширились возможности использования социальных сетей, изменились нормы цифрового образования и т.д. Зависимость от использования технологий в современном мире – привлекла большое внимание к ее влиянию на общество в отношении того, как мы взаимодействуем друг с другом, однако как и мы, злоумышленники могут использовать цифровые инструменты и каналы коммуникации – для своих целей. Именно для борьбы с ними в правоохранительных органах начались проводится «переоснащение» состава для работы с цифровыми технологиями.

Кризис в области здравоохранения, вызванный Covid-19, придал новый импульс и проложил путь для ряда политических и нормативных инициатив Российской Федерации, направленных на расширение применения широкого спектра технологий в судах и системах правосудия, а также на расширение доступа к электронной информации и ее использования в правоохранительной системе. Эти инициативы часто фокусируются на политических целях, которые связаны с необходимостью устранения нарушений, вызванных кризисом в области здравоохранения, или с целями обеспечения функционирования систем правосудия и улучшения доступа к правосудию на федеральном уровне.

Modern information technologies are developing at a rapid pace, and sometimes what was impossible to imagine a few years ago, today we can see in many areas of human activity, society and the state. The problem of technical armament of law enforcement officers at all stages of the fight against crime has always riveted the attention of scientists and practitioners (Koper et al.,2015). Its relevance is currently due to a factor in the criminal process, criminalistics, operational-search and administrative-jurisdictional activities. In our opinion, one of the areas of effective crime prevention should be the integrated implementation of information technologies in the practice of law enforcement agencies and penitentiary institutions. The necessity of introduction of digital technologies in the sphere of fight against crime caused by several obvious factors:

1. The increase in the number of offences in the commission of which used modern technology (a digital financial instruments, the technology of the blockchain; committing large-scale crimes with the help of information and communication technologies, etc.).
2. The emergence of new delinquent groups (hacker groups, groups preaching violence on the web, etc.).
3. The need to improve measures of criminal law impact and control over crime based on research using digital technologies.

Modern information technologies are developing at a rapid pace, and sometimes what was impossible to imagine a few years ago, today we can see in many areas of human activity, society and the state. The problem of technical armament of law enforcement officers at all stages of the fight against crime has always riveted the attention of scientists and practitioners (Koper et al.,2015). Its relevance is currently due to a factor in the criminal process, criminalistics, operational-search and administrative-jurisdictional

activities. In our opinion, one of the areas of effective crime prevention should be the integrated implementation of information technologies in the practice of law enforcement agencies and penitentiary institutions. The necessity of introduction of digital technologies in the sphere of fight against crime caused by several obvious factors:1. The increase in the number of offences in the commission of which used modern technology (a digital financial instruments, the technology of the blockchain; committing large-scale crimes with the help of information and communication technologies, etc.).

2. The emergence of new delinquent groups (hacker groups, groups preaching violence on the web, etc.).
3. The need to improve measures of criminal law impact and control over crime based on research using digital technologies.

Modern information technologies are developing at a rapid pace, and sometimes what was impossible to imagine a few years ago, today we can see in many areas of human activity, society and the state. The problem of technical armament of law enforcement officers at all stages of the fight against crime

has always riveted the attention of scientists and practitioners (Koper et al.,2015). Its relevance is currently due to a factor in the criminal process, criminalistics, operational-search and administrative-jurisdictional activities. In our opinion, one of the areas of effective crime prevention should be the integrated implementation of information technologies in the practice of law enforcement agencies and penitentiary institutions. The necessity of introduction of digital technologies in the sphere of fight against crime caused by several obvious factors:

1. The increase in the number of offences in the commission of which used modern technology (a digital financial instruments, the technology of the blockchain; committing large-scale crimes with the help of information and communication technologies, etc.).

2. The emergence of new delinquent groups (hacker groups, groups preaching violence on the web, etc.).

3. The need to improve measures of criminal law impact and control over crime based on research using digital technologies.

Современные информационные технологии развиваются стремительными темпами, и порой то, что было невозможно представить несколько лет назад, мы можем видеть сегодня во многих сферах деятельности человека, общества и государства. Проблема технического вооружения правоохранительных органов на всех этапах борьбы с преступностью всегда привлекает внимание ученых и практиков [1].

Его актуальность в настоящее время обусловлена фактором уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной и административной судебной деятельности. Одно из направлений эффективного предупреждения преступности и комплексного применения информационных технологий в практике правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений – поможет усилить общую защищенность от киберпреступлений.

Необходимость внедрения цифровых технологий в сфере борьбы с преступностью вызвана несколькими очевидными факторами:

1. Увеличением числа преступлений, при совершении которых используются современные технологии (цифровые финансовые инструменты, технология блокчейн; совершение крупномасштабных преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий и т.д.).

2. Рост новых преступных групп (хакерские группы, группы, проповедующие насилие в Интернете и т.д.).

3. Необходимость смягчения криминальных последствий и борьбы с преступностью на основе исследований с использованием цифровых технологий.

В целях решения проблем внедрения информационных технологий в деятельность правительства и улучшения его использования, создания современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и повышения эффективности бюджетных расходов была создана правительственная комиссия по улучшению качества жизни и условий работы [2; С. 58].

Значительный объем оперативных исследований и справочной информации, которую необходимо собрать сотрудникам правоохранительных органов, требует использования закрытой системой обмена информации по защищенным каналам. Оперативно-аналитический поиск информации правоохранительными органами уже осуществляется с помощью современных информационных технологий. Повышение эффективности работы правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений в настоящее время невозможно без использования в их деятельности новых информационных технологий [3; С. 4].

Цель борьбы с преступностью и киберпреступностью во многом определяется степенью организации оперативной, следственной и профилактической работы правоохранительных органов. Результаты этой работы, безусловно, зависят от уровня информационных технологий, их развития и полного внедрения данной системы в правоохранительные органы для получения доступа к персоналу и к использованию информационных технологий во всех видах их деятельности и для ее защиты. Прежде всего, это связано с тем, что правоохранительным органам приходится работать с огромным потоком социальной и правовой информации, в которой практически невозможно обойтись без технических и программных средств [4; С. 209–210].

Инструменты, известные как «прогностическая полицейская деятельность» (досудебная стадия), развиваются довольно быстро и набирают популярность в европейских странах. Там обычно используется значительное количество алгоритмов для предотвращения совершения преступлений (путем определения возможных мест, где они могут произойти, или людей, которые могут их совершить).

Основные направления развития информационных технологий в правоохранительных органах:

• Внедрение технологий дистанционного правосудия, в частности использование видеоконференций и дистанционной юридической помощи и собеседований в ходе судебных разбирательств.

• Текущие инициативы по содействию использованию таких технологий в РФ – национальные правовые системы, с особым упором на оцифровку судебных протоколов и электронный обмен документами, а также внедрение новых процедур сбора и обмена информацией о трансграничных судебных процедурах и создание новых инструментов для повышения функциональной совместимости платформы в системе уголовного правосудия.

• Правовые и этические последствия использования ИИ в криминальной сфере.

Системы, которые используют органы внутренних дел: автоматизированные информационно-справочные системы (АИСС) (например, АИСС «Грузы-ЖД» предоставляет информацию о фактах краж груза и багажа на железнодорожном транспорте, по возбужденным и раскрытым уголовным делам); автоматизированные информационно-поисковые системы (например, АИПС «Автопоиск» содержит информацию об угнанных, задержанных, похищенных и бесхозных транспортных средствах, АИПС «Маньяк» содержит информацию о серийных убийствах на сексуальной почве); экспертные системы означают проведение баллистической экспертизы (например, ЭС «Кортик» обеспечивает проведение экспертизы холодного оружия, ЭС «Наркоэкс» направлена на экспертизу наркотических веществ); – автоматические системы для создания портретов (например, система «Фоторобот», АИПС «Портрет»); автоматизированные дактилоскопические информационные системы (АДИС) [5; с. 132]. Правоохранительные органы также используют информационную систему Интернет для осуществления своей деятельности. Социальные сети приобрели огромную популярность в обществе, условия которого позволяют преступникам совершать различные виды преступлений, а также позволяют правоохранительным органам получать достоверную информацию о фигурантах дела.

В нашем случае органы государственной власти и местного самоуправления должны объединяться с правоохранительными органами, для реализации программы «Безопасный город» – широкомасштабного использования географически дифференцированной системы видеонаблюдения для людей, сообществ и других социально значимых объектов в городских поселениях, с целью прогнозирования совершения преступлений или для ускорения процесса раскрываемости преступлений.

Научный совет при Совете безопасности (СБ) России обсудил вопросы внедрения современных информационных технологий в деятельность правоохранительных органов и спецслужб.

«Обращено внимание на необходимость повышения уровня цифровизации правоохранительных органов и спецслужб, внедрения и использования в их деятельности современных информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, мобильной связи пятого поколения, виртуальной и дополненной реальности», – говорится в сообщении [6].

В наше время цифровизацией государства должна заниматься команда опытных профессионалов, которые учитывают все аспекты правовой системы и делают все возможное для эффективного и правильного внедрения ИИ в систему уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Koper C. S., Lum, C., Willis, J. J., Woods, D. J., & Hibdon, J. Realizing the potential of technology in policing: A multi-site study of the social, organizational, and behavioral aspects of policing technologies. 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://nij.ojp.gov/library/publications/realizing-potential-technology-policing-multisite-study-social-organizational> (дата обращения: 18.10.2021).
2. Гильванов Э. И., Зобнин Ю. А. Понятие и содержание информационных технологий // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии. Сборник научных трудов. Ответственные редакторы О. М. Барбаков, Ю. А. Зобнин. Тюмень, 2018. С. 58–61. С. 58
3. Латыпов А. И. Проблемы применения информационных технологий в правоохранительной деятельности // StudNet. 2021. № 4. С. 1–7. С. 4.
4. Ширяев А. А. О тенденциях развития информационных технологий в системе правоохранительной деятельности РФ / А. А. Ширяев, Н. Ю. Юнг, Я. Р. Швец // Общетеоретические и отраслевые проблемы науки и пути их решения. Сборник статей

по итогам Международной научно-практической конференции. 2019. С. 208–210.

5. Рак И.П. Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: научная статья – Тамбов: ТГТУ, 2016. С. 132.

6. Эксперты Совбеза РФ призвали внедрять в работу полицию и спецслужб VR-технологии и сети 5G [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/12688749> (дата обращения: 18.10.2021).

УДК 343.8

А. С. Кокорева

*Федеральное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Кубасский институт
ФСИН России
Россия, Новокузнецк*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УИС НА ЭТАПЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается эффективность применения цифровых технологий в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Целью работы является выяснение эффективности внедрения информационных элементов в работу исправительных учреждений, а именно на этапе освобождения осуждённых. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что использование цифровых технологий в УИС на этапе освобождения будет наиболее упрощенным и действенным вариантом для общественности, органов местного самоуправления с целью оказания помощи осужденным после освобождения.

Ключевые слова: адаптация, осужденные, ресоциализация, помощь, сотрудники, цифровизация.

Kokoreva Alina Sergeevna

*Kuzbass Institute
of the Federal Penitentiary Service
Russia, Novokuznetsk*

DIGITALIZATION OF THE UIS AT THE STAGE OF THE CONVICT'S RELEASE. LEGAL ASPECTS

Abstract. The article examines the effectiveness of the use of digital technologies in institutions and bodies of the penal system. The aim of the work is to find out the effectiveness of the introduction of information elements into the work of correctional institutions, namely at the stage of release of convicts. The results of the study allow us to conclude that the use of digital technologies in the penal system at the stage of release will be the most simplified and effective option for the public, local authorities in order to provide assistance to convicts after release.

Keywords: adaptation, convicts, resocialization, assistance, employees, digitalization.

На сегодняшний день общество претерпевает большие изменения во всех сферах общественной жизни, это касается внедрения новых технологий в повседневную среду. На данный момент сформирована концепция развития цифровых трансформаций до 2030 года, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». С появлением COVID-19 произошло увеличение темпов перехода на информационные технологии, уже в 2021 году на интернет ресурсы были переведены школы, фельдшерские пункты и большинство государственных органов. В процентах данный переход составил больше 60% различных социальных объектов. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными вне-

бюджетными фондами», на электронный формат переходят и все документы, справки и предоставление различных услуг. Приведем конкретные примеры изменений на территории РФ, так например, количество вакансий на рынке труда выросло почти в 3 раза, эксперты отмечают – работа на дому выгодна обеим сторонам (сотрудники экономят время, а производство издержки); Правительство расширяет список услуг, которые можно получить в электронной форме, что ускорит саму процедуру получения, а именно гражданин через сайт госуслуг может в упрощенном порядке получить ИНН; МВД внедряет проект, указывающий порядок идентификации иностранных граждан с помощью биометрических персональных данных, а именно отпечатки пальцев будут заложены в документах иностранцев [1]. Данные изменения привели к эффективной работе всех систем государственных органов и в условиях экстренных ситуаций уже не смогут привести к негативным последствиям.

Что касается уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), которая также в некоторых направлениях нуждается в переводе на цифровые технологии. Особенность заключается в том, что сотрудники постоянно взаимодействуют с осужденными и необходимо структурировать направления деятельности в области оснащения цифровыми технологиями. А именно эти изменения должны усовершенствовать сотрудничество с общественными объединениями, организациями по оказанию содействия, также в предоставлении свиданий с родственниками, помощь в правовой консультации. А именно, путем создания электронной площадки доступ к информации об осужденных будет наиболее упрощенным для общественности с целью оказания помощи.

В частности развитие образовательного уровня с использованием дистанционного формата будет способствовать большому росту образованных осужденных после освобождения. В городе Красноярске [2] на 1 января 2021 г. в исправительных учреждениях содержится: 44 419 осужденных, подлежащих обязательному общему образованию (2019 г. – 50 871, 2018 г. – 54 092); 56 950 осужденных, получающих обязательное общее образование (2019 г. – 62 424, 2018 г. – 66 017); 183 851 осужденных, подлежащих профессиональному обучению (из числа трудоспособных) (2019 г. – 203 895, 2018 – 212 065).

Уже существует ведомственная программа на 2021 год, утвержденная Приказом ФСИН России от 30.12.2020 № 984 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», которая определяет общие цели и задачи, объем финансирования, но не указывает конкретные области изменений для улучшения служебной деятельности с привлечением новых информационных технологий.

Разберем подробнее уголовно-исполнительную систему, а именно процесс освобождения осужденного и связь этого явления с цифровизацией. Проблема заключается в том, что осужденный, выходя на свободу, сталкивается с трудностями и попадает в тяжелую жизненную ситуацию [3, с. 85].

Это обуславливается тем, что после освобождения, лицо не понимает в какую организацию или учреждение он может обратиться, чтобы найти себе предназначение для дальнейшего развития и благоустройства, более того у большинства освободившихся даже нету средств сотовой связи и они не знают что представляет из себя интернет. В то время как современный мир движется по пути прогрессивного развития и внедряет новые технологии.

Рассматривая этап освобождения осужденного, следует сказать, что на данном этапе осужденному необходимо освоиться в современном обществе, чтобы не вернуться в преступный мир, ища средства для существования. Ведь на данном этапе как никогда имеют место быть применение современных технологий, в том числе цифровых новшеств.

За шесть месяцев до освобождения, исправительные учреждения начинают взаимодействовать с различного рода субъектами, оказывая помощь в постпенитенциарной адаптации осужденных. К субъектам относятся: социальные службы, учреждения и органы местного самоуправления,

пенсионный фонд, коммерческие организации. Все они непосредственно осуществляют взаимодействие с исправительным учреждением. Все вышеуказанные субъекты на основании Постановления Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 года» перешли на электронную платформу, что во много раз уменьшает время на обмен информацией и быстроту принятия решений по тому или иному вопросу. Вследствие чего большинство социальных институтов уже работает в электронном формате, что сказывается на высокой результативности.

Возвращаясь к этапу освобождения, необходимо сказать, что перед осужденным стоит большое количество проблем на свободе. Разрешить данные проблемы с помощью информационных технологий можно следующим образом.

1. На законодательном уровне разработать программу по взаимодействию исправительных учреждений и социальных институтов, участвующих в освобождении осужденного.

2. Создать информационную площадку, где будут отражены анкеты, документы осужденных, которые готовы к освобождению, для того, что администрация местного самоуправления могла обеспечить такого осужденного работой и по необходимости жильем.

3. В процессе прохождения подготовки к освобождению проводить инструктивные занятия по освоению электронной техникой, чтобы в дальнейшем знать принцип работы.

4. При наличии семьи или родственников, которые не могут приехать на свидание, обеспечить осужденного видеосвязью для общения, взамен на личную встречу.

6. Материальное обеспечение учреждений ЭВМ для реализации права на получение образования в дистанционном формате.

Список литературы:

1. Капранов О. Правительство расширит список сервисов Госуслуг // Российская газета. – 1988. – 04.11.2021.
2. Романова Л.В. // Выступление на Координационном совете Уполномоченных по правам человека по теме «Ресоциализация осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы (пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация)» г. Красноярск, 20 мая 2021 г.
3. Упоров, А. Г. К вопросу об административно-правовом режиме в исправительном учреждении / А. Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 3(28). – С. 80–88.

УДК 342.5

А. С. Осипов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы создания единого следственного органа в Российской Федерации, положительные и отрицательные стороны данной реформы. Помимо этого, освещаются мнения по поводу объединения всех следственных подразделений в единый орган, а также происходит сравнение его с ФБР в США.

Ключевые слова: единый следственный орган, следователь, полномочия, объединение, следственные подразделения.

A. S. Osipov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PROSPECT OF CREATION OF A SINGLE INVESTIGATIVE AGENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article examines the prospects for creating a single investigative agency in the Russian Federation, as well as the positive and negative aspects of this reform. In addition, some opinions regarding the unification of all investigative units into a single body are highlighted and it is compared with the FBI in the United States.

Keywords: single investigative agency, investigator, powers, association, investigative units

На сегодняшний день в Российской Федерации функционирует три следственных подразделения – следственный департамент МВД России, следственное управление ФСБ России, и, отделившийся от прокуратуры РФ в 2011 году Следственный комитет России. Все три органа, взаимодействуя друг с другом, остаются самостоятельными в пределах своих полномочий.

Однако, нередко поднимался вопрос об объединении данных структур в единый следственный орган. Инициатива по созданию единого следственного органа появилась еще в 1990 году, когда с начала периода «оттепели» в 60-х годах стала очевидной необходимость реформирования действующей административной модели следствия. В конечном итоге проект закона «О Следственном комитете Российской Федерации» был внесен на рассмотрение Верховного Совета России и одобрен в первом чтении. Однако роспуск Верховного Совета помешал принятию этого закона.

Но в 2007 был предпринят первый шаг по созданию единого следственного органа – ФЗ № 87 от 05.06.2007, принятие которого привело к созданию Следственного комитета при Прокуратуре РФ – органа для расследования тяжких и особо тяжких преступлений. 15 января 2011 г. Следственный комитет окончательно отделился от Прокуратуры после вступления в силу ФЗ от 28 декабря 2011 г. «О Следственном комитете Российской Федерации»

Причиной данной реформы стала необходимость разграничить функции прокурорского надзора и предварительного расследования. Именно эти две реформы дали ход объединению всех следственных подразделений в один орган.

Однако перспектива создания единого следственного органа имеет свои достоинства и недостатки.

Из плюсов данной реформы можно обозначить:

1) Обеспечение возможности контроля и руководства за ходом расследования всех дел.

2) Возможность оперативной организации следствия, в случае необходимости при расследовании совместных дел.

Минусы данной реформы заключаются в том, что:

1) В соответствии с действующим законодательством каждый следственный орган по правилам подследственности рас-

следуют конкретные виды преступлений, что обеспечивает глубокую специализацию в раскрытии преступлений. Это обстоятельство положительно сказывается на качестве расследования преступлений.

2) Когда следователи функционируют в том же ведомстве, которое занимается оперативно-розыскной деятельностью, то значительно проще организовать взаимодействие между следственными и оперативными аппаратами этих органов. Это обстоятельство также положительно сказывается на результативности расследования определенного вида преступлений.

Однако, данную идею о создании единого следственного органа прокомментировал на заседании фракции ЛДПР Председатель СК РФ А. И. Бастрыкин: «Когда нам говорят, что мы хотим создать НКВД (объединяя следствия в рамках единого СК), что будем мочить всех налево и направо – это явная и грубая ложь», – заявил Бастрыкин.

При этом Бастрыкин отметил, что с созданием единого Следственного комитета России торопиться не надо, и подчеркнул, что это – его личное мнение. «Если будет принято решение, что нас будет 110 тысяч, я за это решение отвечать не могу», – сказал Бастрыкин. Как отметил глава СК, следователи этого комитета – «штучный товар».

«У нас нет задачи всевластия, манакального стремления к всеобщему обобществлению», – заверил он. По словам Бастрыкина, главной задачей создаваемого Следственного комитета будет защита законности и справедливости. Таким образом, председатель СКР показал, что Следственный комитет не желает монополизации, а лишь способствует эффективности.

В научной литературе также активно обсуждается данный вопрос, например, О. Д. Серов и А. К. Аверченко считают, что «идею о создании в нашей стране вневедомственного следственного аппарата рано списывать в архив»

Другие авторы, А. В. Победин и В. Н. Калинин, также полагают, что теперь создание единого следственного органа – вопрос времени. Разделяем позицию Цветкова Ю. А., что образование СК – это важный этап на пути реформирования органов предварительного расследования, однако настоящий период необходимо рассматривать как переходный.

Возможно, что единый следственный орган в Российской Федерации сделают по подобию Федерального бюро расследований (ФБР), федеральной правоохранительной структуры в США. Основными задачами этого органа являются: Защита Соединённых Штатов от террористических атак

Защита Соединённых Штатов от иностранных разведок, шпионажа и киберопераций

Борьба со значительной киберпреступной деятельностью

Борьба с государственной коррупцией на всех уровнях

Защита гражданских прав

Борьба с транснациональными криминальными предприятиями

Борьба со значительной беловоротничковой преступностью

Борьба со значительной насильственной преступностью

Таким образом, ФБР – это единый следственный орган, расследующий дела практически всех уровней.

В специальной литературе выделяются следующие аргументы в пользу необходимости объединения органов следствия:

– появление так называемой Федеральной службы расследования РФ могло бы обеспечить выработку и проведение единой уголовной политики в сфере предварительного следствия на всей территории России;

– создание Федеральной службы расследования РФ устранило бы ведомственный подход к работе органов предварительного следствия, что позволит повысить уровень ответственности за качество оперативно-розыскных мероприятий;

– отнесение к компетенции Федеральной службы расследования РФ предварительного следствия по особо тяжким, тяжким и средней тяжести преступлениям с одновременным возложением функций по расследованию малозначительных преступлений на органы дознания позволило бы ограничить применение сложной, дорогостоящей и длительной процедуры предварительного следствия по составам преступлений, представляющих большую общественную опасность.

Как видится, данная идея сложна в реализации, однако, нужно отметить, что объединение всех следственных подраз-

делений в единый орган необходимо в Российской Федерации. Это поспособствует повышению взаимодействия следователей разных структур, увеличит раскрываемость преступлений, снизит уровень бюрократии, а также сделает следствие более независимым.

Список литературы:

1. Аверченко А. К., Серов О. Д. Организация следственного аппарата России: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Право. 2006. Том 2. Вып. 1.

2. Григорьев В. Н., Победин А. В., Калинин В. Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6. С. 48–58.

3. Миргородский В. А. О создании единого следственного органа в России // Российское правоведение: Трибуна молодого учёного. Вып. 19. 2019.

4. Цветков Ю. А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 33–38.

5. Интервью Председателя СК РФ Бастрыкина А. // URL: <https://rg.ru/2016/05/19/aleksandr-bastrykin-otkazalsia-ot-idei-sozdaniia-v-strane-edinogo-sk.html> (дата обращения: 10.11.2021)

УДК 351.74

Е. А. Халезова

Московский Университет МВД России

имени В. Я. Кикотя,

Факультет подготовки сотрудников полиции

для подразделений по охране общественного порядка

Россия, Москва

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены особенности нравственного и морального формирования личности сотрудников МВД России, факторы, влияющие на этот процесс в условиях современной глобализации информационного пространства, способы профилактики отрицательных влияний. Также поднимается ряд вопросов, раскрывающих взаимосвязь развития ценностных ориентаций сотрудников полиции и качества выполняемых ими служебных обязанностей.

Ключевые слова: глобализация, информационное пространство, сотрудник МВД России, ценностные ориентации, служебные обязанности.

E. A. Khalezova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

named after V. Ya. Kikot

Faculty of Staff Training for Public Order Units

Russia, Moscow

VALUE ORIENTATIONS OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF THE INFORMATION SPACE

Abstract: The article considers the features of the moral and moral formation of the personality of the employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the factors influencing this process in the conditions of modern globalization of the information space, ways of preventing negative influences. A number of issues are also raised that reveal the relationship between the development of value orientations of police officers and the quality of their official duties.

Keywords: globalization, information space, employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, value orientations, official duties.

Происходящее за последние годы кардинальное переосмысление всех имеющихся ранее ценностей вне зависимости от подлинности и мнимости, так или иначе затрагивают каждого члена современного общества, и все наше государство

в целом. Сегодня происходит отмирание множества прежних ценностных ориентаций и программ, идет «реставрация» совершенно других, иных ценностей, возникающих в результате человеческого опыта, появляются в умах общественного сознания новые ценностные ориентиры.

В условиях современной глобализации информационно-пространства определенного рода давлению подвергаются и сотрудники правоохранительных органов, в том числе и сотрудники МВД России. При этом, являясь особой категорией общества, стоя на страже закона, на сотруднике МВД России лежит особая ответственность в плане непоколебимости ценностных ориентаций [1, С. 248].

В современную эпоху глобализации информация в российском обществе имеет очень большое значение. В таких условиях средства массовой информации (далее – СМИ) развиваются особым образом, очень высокими темпами, интегрируясь и унифицируясь со многими общественными процессами. А. В. Юревич и М. А. Юревич отмечают, что с каждым годом влияние так называемого информационного шума стремительно увеличивается, что отражается практически на всех ценностных ориентирах как каждого человека в отдельности, так и российского общества в целом. В сложившейся ситуации, органам исполнительной власти необходимо поддержание двухсторонней связи с источниками и средствами массовой информации, поскольку последние, на протяжении всей истории, проявляют особый интерес к деятельности сотрудников органов внутренних дел [5, С. 21].

К сожалению, портрет современного сотрудника органов внутренних дел порой далек от совершенства. И данная проблема состоит вовсе не в общественно политической ситуации, не в особенностях общественного строя и методах государственного управления, а зачастую в том, что теряются из виду определенные факты, а другие – подаются более ярко. Имеет большое значение способ и подача реального положения дел о деятельности сотрудников МВД России с телеэкранов, по радиоканалам и профилированным сайтам в сети Интернет. Ведь люди, в большинстве своем привыкшие желать, чтобы им преподнесли правдивую информацию, сами того не осознавая, верят в те факты, которые им преподносятся. Например, мало кого заинтересует рассказ об обычных служебных буднях рядового сотрудника полиции. А вот события с активными действиями, где имеют место быть определенное рода разрушительные проявления – будут в большей степени восприняты слушателями и зрителями. Именно этим фактом зачастую и манипулируют СМИ, фокусируя внимание общественности на негативных событиях, в которых стараются обвинить «плохих» начальников, сотрудников и сложившиеся обстоятельства. В такой складывающейся обстановке у человека появляется страх, ощущение безысходности и практически полностью пропадает вера в надежного защитника в лице сотрудника МВД России [2, С. 9].

В сложившихся обстоятельствах в стране и в мире, как никогда важным и значимым компонентом является личность сотрудника полиции. Соответственно, особенно важная роль отводится формированию целого комплекса профессионально важных ценностных ориентаций личности, что, в свою очередь, является обеспечением эффективного выполнения сотрудниками МВД России своих служебных задач, таких как защита жизни и здоровья граждан, обеспечение общественной безопасности и правопорядка, защита частной и государственной собственности от разного рода посягательств.

Ценностные ориентиры сотрудника полиции в его профессиональной деятельности представляют собой систему нравственных, моральных и правовых ценностей, которые неразрывно связаны с личными качествами сотрудника полиции и выполняемыми им задачами, состоящими в обеспечении государственной и общественной безопасности. Ценностные ориентиры являются основой профессиональной деятельности любого сотрудника МВД России, способствуют формированию правового сознания и правомерного поведения, соблюдения этических и моральных норм.

Ценностные ориентиры сотрудника органов внутренних дел следует рассматривать с нескольких позиций. С одной стороны, законодательство определяет нравственный и моральный облик сотрудника МВД России. Так, федеральный закон «О поли-

ции» определяет следующие ценностные ориентиры, которые должны присутствовать в процессе осуществления сотрудниками полиции своей деятельности:

– действовать в рамках правового поля при выполнении служебных обязанностей (ст. 6 федерального закона «О полиции»). Нулевая терпимость к любым видам нарушения закона, даже если они кажутся несущественными и не могут повлиять на правоохранительную деятельность в целом, является неотъемлемым качеством сотрудника МВД России.

– беспристрастность, уважение прав и законных интересов граждан с соблюдением основных принципов и положений толерантности является примером для подражания как во время несения службы, так и во внеслужебное время (ст. 7 федерального закона «О полиции»).

– открытость и публичность в работе сотрудника МВД России выражается в том, что его деятельность соответствует нормам закона, а, с другой стороны, государство и общество информируется о деятельности органов внутренних дел, состоянии преступности, направлениях по профилактике и предупреждению правонарушений и преступлений (ст. 8 федерального закона «О полиции»);

– проявление таких качеств как справедливость, активное взаимодействие с другими ведомствами, поддержка коллег, взаимодействие с гражданским обществом (ст. 9 федерального закона «О полиции»).

В этой связи для реализации указанных ценностных ориентиров сотрудник полиции должен проявлять ряд качеств, которые характеризовали бы сотрудников как ответственных, справедливых, честных, порядочных граждан Российской Федерации. Уважение к гражданам и их законным правам, отзывчивость, доброта и понимание – это те качества, которые придают служебной деятельности сотрудника МВД России высший нравственный смысл [4, С. 124].

Большинство исследователей разделяют факторы, влияющие на формирование ценностных ориентаций в структуре личности сотрудника органов внутренних дел, на две категории: внутренние и внешние. Среди внутренних факторов, оказывающих влияние на становление профессиональных ценностных ориентаций сотрудника МВД России, выделяют уровень формирования интеллектуального, эмоционального, морального состояния. Среди факторов, которые затрудняют развитие у сотрудника МВД России профессионально-ценностных ориентаций, стоит отметить мировой глобализационный «прессинг», информационный шум, который влияет на систему нравственных ценностей всего государства в целом [3, С. 49].

Несомненно, общество оказывает влияние на формирование ценностных ориентиров сотрудников МВД России. Как отмечают многие отечественные исследователи, моральная сторона современного российского общества переживает некую системную деградацию, которая, в свою очередь, затрагивает мораль, нравственность и механизмы их взаимосвязи. При этом, традиционные ценности, которые складывались в российском обществе многие годы, переживают сильнейший упадок. В результате всех этих процессов и явлений у современного поколения российских граждан размывается грань между добром и злом. А ведь именно она является основой нравственного поведения, соблюдения законности и правопорядка. Все эти негативные личностные качества порой выступают серьезным барьером в формировании необходимых ценностных ориентаций у сотрудников МВД России.

Таким образом, формирование ценностных ориентаций личности сотрудника МВД России позволяет более успешно выполнять возложенные на них задачи. Ценностные ориентиры являются основой профессиональных качеств. Одну из ключевых ролей в формировании таких ориентации играют высшие учебные заведения структуры МВД России, на которых возлагается разработка и внедрение методов диагностики и профилактики неправомерного поведения у курсантов и слушателей путем применения мониторинга деятельности сотрудников полиции и развития ценностных ориентаций. Успешное формирование ценностных ориентаций у сотрудников МВД России зачастую является плодом деятельности грамотных педагогов, образовательных профильных специалистов и инструкторов.

Список литературы:

1. Ефимов А. А. Профессиональная деформация личности сотрудника ОВД // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (50). с. 247–249.
2. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2017. с. 5–17
3. Красинская Е. С. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел и её предупреждение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (78). с. 48–52.
4. Самойлик Н. А. Содержательные характеристики феномена профессионально-ценностных ориентаций личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 1 (65). с. 121–125.
5. Юревич А. В., Юревич М. А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2018. с. 21–41.

УДК 343.163

И. И. Чурсинова, А. А. Шадрина

Ростовский институт (филиал)

*Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону
Россия, Ростове-на-Дону*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем и перспектив цифровой трансформации в системе органов российской прокуратуры. Рассматривая цели и задачи внедрения информационных технологий, авторы обосновывают свое видение относительно перспектив цифровой трансформации в деятельность надзорного ведомства, предлагая дополнить закон о прокуратуре самостоятельной главой, регламентирующей вопросы цифровой трансформации.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, цифровизация, информационные технологии, цифровая трансформация.

I. I. Chursinova, A. A. Shadrina

Rostov Institute (branch)

*All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don
Russia, Rostov-on-Don*

THE MAIN TRENDS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE

Abstract. The article is devoted to the study of problems and prospects of digital transformation in the system of bodies of the Russian Prosecutor's office. Considering the goals and objectives of the introduction of information technologies, the authors substantiate their vision regarding the prospects of digital transformation in the activities of the supervisory authority, proposing to supplement the law on the Prosecutor's office with an independent chapter regulating the issues of digital transformation.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, digitalization, information technology, digital transformation.

На сегодняшний день информационные технологии стремительно развиваются, прочнее проникая во все сферы жизнедеятельности человека, позволяя во многом упростить процесс взаимодействия человека с основными элементами общества. Современная юридическая деятельность характеризуется все более широким использованием цифровых технологий за счет внедрения информационно-аналитических систем, роботизированных сервисов, способных выполнять

такие функции, как: оформление искового заявления, составление статистической отчетности, проверка достоверности сведений, предоставленных в прокуратуру по находящимся в ее производстве материалам проверки и т.д. Появилась возможность обращаться через Интернет в арбитражный суд и некоторые районные суды. Внедрение цифровизации в правоохранительные органы связана с необходимостью быстрого принятия компетентных решений на основе анализа большого объема информации в динамичных условиях современной экономики и человеческой деятельности во всех сферах общественной жизни. Информатизация в сфере юриспруденции помогает более эффективно находить и применять нормы права. В соответствии с приказом Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627, которым утверждена концепция цифровой трансформации органов прокуратуры (далее – Концепция), целью внедрения информатизации в деятельность прокуратуры является уменьшение количества ошибок, которые связаны с недостоверной информацией, повышение оперативности работников прокуратуры, упрощение системы делопроизводства, а также оцифрование информации для более удобной работы[1, С. 55–56].

Так, уже с 2017 года Генпрокуратурой России реализуется курс на цифровую трансформацию работы, что позволяет одновременно реализовывать и обеспечивать принцип гласности прокурорской деятельности, а также служить оперативному качественному взаимодействию органов прокуратуры с гражданами и организациями. Концепция цифровой трансформации российских органов и организаций прокуратуры направлена на совершенствование информационного обеспечения, комплексную оптимизацию внутренней деятельности прокуратуры, формирование и развитие цифровой среды, цифровой системы органов прокуратуры. Реализация этой Концепции предполагает формирование новой технологической базы, направленной на использование данных преимущественно в цифровом виде, создание среды для электронного взаимодействия прокуратуры с другими субъектами и совершенствование цифровой инфраструктуры. Цифровизация, развивающаяся с огромной скоростью, и, предрекающая цифровую трансформацию прокуратуры по трем приоритетным направлениям: высокотехнологичный надзор, цифровая инфраструктура, среда доверия, в полной мере позволит оптимизировать надзорную деятельность органов российской прокуратуры, поскольку переход к высокотехнологичному надзору откроет новые возможности для исполнения прокуратурой своих полномочий[2, С. 75–81]. Высокотехнологичный надзор связан с развитием цифровой инфраструктуры, которая должна обеспечить взаимодействие органов прокуратуры с гражданами, организациями и государственными органами на основе создания универсальной цифровой среды. В Концепции планируется создать единую межведомственную цифровую онлайн-платформу для взаимодействия прокуроров и руководителей государственных органов, следователей для работы с единым электронным делом. Внедрение онлайн-платформы позволит обеспечить быстрое и беспрепятственное межведомственное взаимодействие, что значительно оптимизирует прокурорскую деятельность. Создание единой межведомственной цифровой онлайн-платформы необходимо для оперативного осуществления прокуратурой надзора в режиме реального времени. Согласно Концепции, цифровая инфраструктура должна быть направлена на обеспечение реализации нового качества электронного взаимодействия органов прокуратуры с государственными органами путем создания высокотехнологичной цифровой среды. В связи с чем, отметим, что за весь период действия концептуальных положений был реализован ряд мер по цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры, среди которых можно выделить, в частности:

1. отсутствие каналов связи с прокуратурами районного и городского уровня было компенсировано созданием единой защищенной сети передачи данных, которая находится в опытной эксплуатации;

2. одним из направлений перехода прокуроров на цифровую рабочую среду является внедрение специального программного обеспечения для государственной автоматизированной системы правовой статистики (ГАС ПС), которое

должно способствовать радикальным изменениям в сборе и обработке правовой статистики [3, С. 28–34];

3. прокуратура переходит на электронный документооборот, для чего создана подсистема АПК «Надзор-ВЕБ», которая повышает пропускную способность обработки запросов и жалоб и тем самым сокращает время ожидания обратной связи. С внедрением данной подсистемы в центральном аппарате Генпрокуратуры России были отменены бумажные статистические карточки для обращений. Отчет о работе с обращениями и жалобами граждан ведется в электронном виде с использованием этой подсистемы и другие.

Тем не менее в Концепции отмечается, что большинство ведомственных информационных систем, используемых в прокуратуре, были созданы более 10 лет назад, устарели и не соответствуют современному развитию цифровой экономики. Работа с основными информационными ресурсами, необходимыми для осуществления надзорной деятельности, осуществляется различными прокуратурами и другими государственными органами в пределах их компетенции, используя собственные программные решения, которые плохо взаимодействуют друг с другом. В настоящее время цифровая инфраструктура прокуратуры совершенствуется в рамках цифровой трансформации. Таким образом, основными задачами данного направления являются комплексная оптимизация и взаимосвязанная оцифровка деятельности органов прокуратуры; совершенствование правовых, организационных и иных основ разработки, внедрения, функционирования и развития компонентов цифровой среды органов прокуратуры; создание и развитие защищенной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; разработка и внедрение в деятельность прокуратуры механизмов обеспечения удаленного взаимодействия; разработка систем управления, позволяющих снизить риск ошибок, связанных с человеческим фактором; непрерывное профессиональное обучение сотрудников прокуратуры по реализации своих полномочий в цифровой системе. Поэтому, основными задачами прокуратуры в этой области определены, в частности, такие как: совершенствование нормативно-правовой основы для формирования единой цифровой среды доверия, а также внедрение механизмов мониторинга удовлетворенности населения степенью защиты их прав и интересов; обеспечение доступности и достоверности статистических данных для граждан; обеспечение доступа граждан к публичной информации о деятельно-

сти прокуратуры. В целом, задачи сводятся к главной – повышению уровня доверия граждан к деятельности прокуратуры.

Подводя итоги исследованию, отметим, что цифровая трансформация прокуратуры позволит сформировать на основе комплексной оптимизации надзорных функций единой безопасной цифровой платформы, что позволит повысить качество и мобильность обработки первичной информации во всех сферах надзорной деятельности и оперативность прокурорского реагирования на нарушения законов. Кроме того, внедрение единой безопасной цифровой онлайн-платформы позволит взаимодействовать органам прокуратуры всех уровней между собой и с другими государственными органами, обеспечит своевременное получение полной и объективной информации о состоянии законности и работе по профилактике преступлений и правонарушений. С учетом этого, приоритетным направлением надзорной деятельности было бы целесообразным считать обеспечение эффективного взаимодействия правоохранительных органов, включая внедрение систем интеллекта. Например, работник прокуратуры со своего автоматизированного рабочего места в онлайн-режиме, сможет наблюдать какие следственные действия проводит следователь и оперативно реагировать на нарушения закона. Цифровой формат позволит осуществлять контроль дистанционно, улучшая защиту участников уголовного судопроизводства, минимизирует коррупцию и злоупотребления. В этой связи полагаем необходимым вопросы цифровой трансформации надзорного ведомства закрепить в отдельной главе закона о прокуратуре, а не в ведомственных приказах Генпрокуратуры РФ.

Список литературы:

1. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. № 12 (998). С. 55–56.
2. *Коренюк А.Л.* Некоторые вопросы прокурорской деятельности в связи с реализацией концепции цифровой трансформации органов прокуратуры / А.Л. Коренюк // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 3. С. 75–81.
3. *Инсаров О.А.* «Актуальные проблемы внедрения ГАС правовой статистики в органах прокуратуры РФ» // Сборник информационно-аналитических материалов и выступлений (под общ. ред. Буксмана А.Э.). М. 2014. С. 28–34.

ПРЕСТУПНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД НЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 349.2

А. К. Артамонов

*Саратовская государственная юридическая академия
Аспирант 2 года обучения
Россия, Саратов*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Классификация в широком смысле этого слова представляет собой одну из древнейших и наиболее распространённых интеллектуальных задач. Несмотря на то что классификация широко используется в изучение преступности, рассмотрению сущности этого приема научного познания, требований, которым он должен отвечать, его методике и технике, на сегодняшний день, уделяется пока мало внимания.

Ключевые слова: криминология, уголовное право, преступления, криминологическая классификация преступлений, насильственные преступления.

A. K. Artamonov

*Saratov State Law Academy
Postgraduate student 2 years of study
Russia, Saratov*

CRIMINOLOGICAL CLASSIFICATION OF VIOLENT CRIMES

Annotation: Classification in the broadest sense of the word is one of the oldest and most common intellectual tasks. Despite the fact that the classification is widely used in the study of crime, the consideration of the essence of this method of scientific knowledge, the requirements that it must meet, its methodology and technology, to date, has received little attention.

Keywords: criminology, criminal law, crimes, criminological classification of crimes, violent crimes.

Попытки научно обоснованной классификации насильственных преступлений предпринимались в отечественной литературе неоднократно. Анализ предложенных классификаций показывает, что большинство из них опирается преимущественно на уголовно-правовые признаки, присущие классифицируемым деяниям и субъектам этих деяний [1, С. 68]. В некоторых случаях исследователи-криминологи просто воспроизводят установленную уголовным законом классификацию насильственных преступлений, внося в неё лишь незначительные изменения, с очевидностью вытекающие из задач науки криминологии [2, С. 89].

Стремление построить криминологическую классификацию на основе системы уголовно-правовых понятий выглядит на первый взгляд, вполне естественным, более того – необходимым. Есть, однако, серьезные основания полагать, что это стремление недостаточно согласуется с объективными потребностями дальнейшего развития криминологии и представляет собой главным образом лишь дань традиции. Российская криминология недавно выделилась от науки уголовного права [3, С. 125]. Поэтому не удивительно, что криминологи охотно пользуются привычными и устоявшимися уголовно-правовыми понятиями даже тогда, когда есть необходимость в разработке иных понятий, адекватных предмету своего исследования.

Сделанное замечание – не попытка поставить под сомнение обоснованность классификацию преступлений, данную уголовным законом или разработанную наукой уголовного права. Эти классификации помогают совершенствовать правотворческую и правоприменительную деятельность в сфере борьбы с преступностью; особенно велико значение уголовно-правовой классификации преступлений при решении таких задач, как назначение справедливого наказания. Тем не менее классификация, основанная преимущественно на уголовно-правовых при-

знаках элементов исходной совокупности, недостаточна для криминологии. Недостаточность эта прежде всего причинами философского характера.

Криминология в процессе изучения преступности сталкивается с различными видами преступлений. В процессе разработки предупредительных мероприятий возникает необходимость классификации указанных преступлений для наиболее глубокого познания каждого из них и выработки соответствующих мер предупредительного характера [5, С. 112].

Прежде чем классифицировать насильственную преступность, надо разобраться как представлена насильственная преступность в науке криминологии. Насильственная преступность – совокупность преступлений, совершенных с применением физической силы либо с угрозой применения таковой, имеющих основной непосредственной целью лишение человека жизни либо причинение вреда его здоровью, физической свободе, телесной (в том числе половой) неприкосновенности против его воли, а также совокупность лиц, совершивших насильственные преступления за определенный период на определенной территории [4, С. 267].

Исходя из вышесказанного определения, в основу классификации насильственных преступлений входит: объект преступления; причины и условия, способствующие совершению преступлений; мотивация и др.

К объекту преступления относится жизнь и здоровье человека, половая неприкосновенность, и т.д.

Причины и условия, способствующие совершению преступлений (например, преступления, совершенные в состоянии алкогольного, наркотического опьянения).

Ну и конечно мотивация, можно отнести туда преступления, совершенные из корыстных побуждений, на почве ревности, мести и т.д.

Классификация преступлений не может всегда быть единая. Границы между различными категориями преступлений условны: концепция преступности меняется быстро, как меняются степень и характер общественной опасности различных преступлений. Поэтому классификация преступлений должна периодически пересматриваться и детализироваться, поскольку это имеет важное значение для решения проблем криминологического характера.

Список литературы:

1. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова – 27е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 528 с. (Серия «Образование»).
2. Криминология: Учебник/под ред. проф. Малкова В.Д. – ЗАО Юстицинформ, 2004 г.
3. Криминология: учебник для академического бакалавриата / В. В. Лунеев. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 686 с. – (Бакалавр. Академический курс).
4. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 800 с.: – ISBN 978-5-91768-394-2. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/969828> (дата обращения: 18.11.2021).
5. *Варыгин, А. Н.* Криминология и предупреждение преступлений : учебное пособие для среднего профессионального образования / А. Н. Варыгин, В. Г. Громов, О. В. Шляпкикова ; под редакцией А. Н. Варыгина. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 165 с.

Э. Р. Бикитеева

АНО ВО Российский новый университет
Гуманитарный институт
Россия, Москва

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В данной работе рассматриваются теоретические и практические аспекты социального контроля над преступностью, проблематикой её решения, а также сами идеи по качественному улучшению работы, в том числе на примере зарубежного опыта.

Ключевые слова: социальный контроль, преступность, профилактика преступности, государственный контроль, внутренний социальный контроль.

E. R. Bikiteeva

Russian New University
Humanitarian Institute
Russia, Moscow

SOCIAL CONTROL AND CRIME PREVENTION

Abstract. This paper examines the theoretical and practical aspects of social control over crime, the problems of its solution, as well as the ideas themselves for the qualitative improvement of work, including the example of foreign experience.

Keywords: social control, crime, crime prevention, state control, internal social control.

Современное общество несмотря на высокий уровень его развития и новейших технологий имеет большое количество проявлений девиантного поведения, среди которых значительную роль и опасность представляет преступность. Для борьбы с такой девиацией как преступность создаются различные виды контроля по её пресечению. Одним из них является социальный контроль. По мнению В.В. Лунеева социально-правовой контроль предполагает организацию жизни и деятельности людей на основе законов, принятых демократическим путем, исполнение которых является прозрачным и доступно для отслеживания гражданам, общественным организациям, а нарушение законов влечет гражданско-правовую, дисциплинарную, служебную, административную или уголовную ответственность [7]. Существуют различные определения социального контроля и других авторов, однако они мало чем разнятся, и суть у них одна. По мнению Я.И. Гилинского, социальный контроль выступает как механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего поведения [5, С.380].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что социальный контроль есть механизм по урегулированию отношений, возникающих между индивидом и обществом для укрепления порядка и стабильности в обществе.

Социальный контроль является одним из форм руководства и управления. Существуют разные механизмы социального контроля. Одним из них является государственный контроль. Если говорить о контроле за деятельностью по профилактике преступлений, то этим занимаются организации и органы по отношению к подчиненным им учреждениям. В России в их число входят: прокуратура, полиция, органы расследования, суды, ФСИН и другие. Так, деятельность органов ФСИН нацелена на исправление лица, совершившего правонарушение или преступление, чтобы он осознал всю антиобщественную значимость своего поведения, и, соответственно, призвана устранить, и не допустить подобного вновь. Органы предварительного расследования расследуют преступления с целью изобличения преступника, чтобы он не остался безнаказанным, а другие, в свою очередь, видели работу государственного социального контроля и не поступали таким же образом. Исходя из статистических наблюдений, которые показывают нам, увеличение законных решений принимаемых правоохранительных органов, также увеличение мер по пресечению

антиобщественной деятельности, сокращение волнений среди населения, в том числе в период пандемии, можно сделать вывод, что правоохранительные органы справляются с задачами по обеспечению социального контроля.

Другим важным видом является внутренний социальный контроль. Внутри, к своему поведению, он испытывает те чувства и эмоции, которые заставляют контролировать себя, регулировать своё поведение, оценивать, насколько его слова и поступки являются антиобщественными.

Для более эффективного развития системы социального контроля в России необходимо проведение таких мероприятий как:

- увеличение активности гражданского населения по выявлению, сообщению и борьбе с преступностью;
- поощрение и стимулирование инициатив общественных организаций, деятельность которых была бы направлена на формирование у общества антикриминального поведения.

Вне необходимого социального контроля не существует и не может существовать нормальная жизнь. Найти некую золотую середину, чтобы это было построено на демократических началах, без ограничений прав граждан, и при этом имелся социально-государственный контроль в лице его институтов – не просто, однако именно к этому стремится человечество на всём протяжении его истории.

Контроль представляет собой реально действующий механизм во всех странах мира. Но следует понимать, что все профилактические, аналитические, прогностические действия, которые применяются для выявления преступлений, могут быть успешными исключительно в хорошо организованном, объективном демократическом, социально-правовом и криминологическом контроле.

Я.И. Гилинским предложена концепция структуры социального контроля и деятельности по профилактике преступлений, согласно чему в социальный контроль над преступностью входят следующие элементы:

- установление того, что именно в данном обществе расценивается как преступление (криминализация деяний);
- установление системы санкций (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления;
- формирование институтов формального социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суды и т.п.) и другое [4].

Обращаясь к западному опыту, можно отметить, что западные криминологи активно используют достижения в социальной психологии, социологии, вследствие чего сформирован механизм оценки влияния социального контроля на сам уровень преступности. Среди них можно выделить следующие закономерности.

В первую очередь, зарубежные правоведы акцентируют внимание на формировании социальной идентичности, который заложен на уровень отношений родителя-ребёнка в семье. Наличие прямой зависимости между доверием ребёнка к деятельности правоохранительных органов и мнение семьи по данному вопросу было экспериментально выявлено [1]. В свою очередь, было подтверждено, что существует корреляция между привязанностью ребёнка к семье и делинквентным поведением. Было выявлено, что слабая эмоциональная связь ребёнка с родителями является характерным для правонарушителей. Данный эксперимент выявил, что семейные привязанности имеют важное место в социализации ребёнка и вместе с тем в последующем поддержании его соответствия правилам общественных норм.

Также важную позицию занимает партнёрская модель отношений между государственными органами и гражданами. Такая модель подразумевает обсуждение социальных проблем на местном уровне между этими субъектами и создание таких механизмов, которые бы противодействовали преступности с учётом данной ситуации [2]. Такое распределение ответственности между гражданским обществом и государством могло бы способствовать компенсированию недостаточности используемых средств государственными органами средств по предупреждению преступлений путем увеличения их арсенала за счёт негосударственных субъектов такого предупреждения и также выйти на более сложный уровень по выявлению делинквентного поведения.

Профилактика преступлений призывает на борьбу с преступностью не только правовую, но и другие составляющие социального контроля, этим подразумевается её значительный и анти-

криминальный потенциал, что представляет собой существенное преимущество и особую важность. Так, по мнению В.В. Лунеева выход из криминального капкана, в который загнало себя человечество, лежит в расширении и углублении социально-правового контроля над противоправным поведением; контроля уголовно-правового и криминологического, с предпочтением последнего как наиболее радикального и эффективного [6].

В идеальном представлении социальный контроль и аналогичные ему социальное управление индивидом или же большими общностями людей являются важными составляющими любого общества. Но вместе с этим возникают различные вопросы: как организовать деятельность так, чтобы социальный контроль работал будто по режиму «умолчания»; что необходимо сделать, чтобы люди не имели интереса и желания нарушать установленные общественные нормы? К сожалению, точного ответа на них нет и есть лишь предложения разных ученых и специалистов по данному вопросу. Всё это находится на стадии разработки и выявления данных методов по профилактике с преступностью.

Список литературы:

1. *Sindall K. Young People and the Formation of Attitudes Towards the Police / K. Sindall, D.J. McCarthy, I. Brunton-Smith // European Journal of Criminology. – 2017 – Vol. 14, № 3 – P. 344–364.*
2. *Carr P.J. Citizens, Community, and Crime Control: The Problems and Prospects for Negotiated Order / P.J. Carr // Criminology and Criminal Justice. – 2012 – Vol. 12, № 4. – P. 397–412.*
3. *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология и предупреждение преступлений. Учебник и практикум для СПО. – М.: Юрайт, 2019. 360 с.*
4. *Гилинский, Я.И. Наказание в системе социального контроля над преступностью / Я.И. Гилинский, А.В. Рабош // Общество и право. – 2013 – № 3 (45). – С. 170–175.*
5. *Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. – М: Юридический центр Пресс, 2009. – 504 с.*
6. *Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: НОРМА, 1997. С. 475.*
7. *Лунеев В.В. Социально-правовой контроль и предупреждение преступности // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 150.*
8. *Скобелин С.Ю. Криминалистика. Учебник. Часть 1. М: Проспект, 2021. 256 с.*

УДК 349.2

Я.Д. Витовский

*Кузбасский институт ФСИН России
Россия, Новокузнецк*

ПРЕСТУПНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Автор в статье указывает, что в современном мире была, есть и будет актуальной тема преступности и отклоняющегося поведения. Общество всегда, будь это пассивно или активно, оказывает существенное влияние на данные негативные явления, выступая в первую очередь контролирующим субъектом.

Ключевые слова: преступность, социальный контроль, общественный контроль, девиантное поведение, преступление и общество.

Y. D. Vitovskiy

*Kuzbass Institute of the Federal penal Service of Russia
Russia, Novokuznetsk*

CRIME AND SOCIAL CONTROL AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The author in the article indicates that in the modern world there was, is and will be a topic of crime and deviating behavior. Society always, whether passive or active, has a significant impact on these negative phenomena, acting primarily as a controlling entity.

Keywords: crime, social control, public control, deviant behavior, crime and society.

Сегодня в российском обществе проблема преступности привлекает к себе большое внимание как ученых, так и общества в целом. Практически неотрывно существуют категории «преступление» и «санкция», последняя же является как бы неотвратимым следствием негативного эффекта от первого.

Санкции (формальные, неформальные, позитивные и негативные) применяются для борьбы с отклонениями в обществе, а также преступностью. Уголовные наказания являются официально негативными санкциями, применяемые к тем, кто совершает убийства, грабежи, разбои и другие действия, запрещенные уголовным законом.

На практике же такая девиация является определенным нарушением закона. Просто не ведя себя требуемым образом с учетом социальных обстоятельств, человек считается отклоняющимся от нормального поведения. Но в чем разница в соответствующем поведении, преступлении, отклонении и одновременно отклоняющимся поведении и преступлении? В таблице 1 изображена матрица Роберта Мертона, объединяющая групповые нормы и поведение правопослушное, показывает, насколько различны девиантное и криминальное поведение [1].

Таблица 1

	Соблюдает законодательство	Нарушает законодательство
Соблюдает групповые нормы	Соответствующее поведение	Преступное поведение
Нарушает групповые нормы	Девиантное поведение (отклоняющееся)	Девиантное и преступное поведение

Когда человек соблюдает групповые нормы и закон, это называется соответствующим поведением, или соблюдением нормативных и правовых стандартов группы в обществе. Например, одежда, которую вы носили сегодня на занятиях или на работе, легальна и нормальна. Когда человек нарушает групповые нормы, но соблюдает закон, это пример девиантного поведения. Пример может быть, если вы надели свой костюм на Деда Мороза на занятия в июле. Если гражданин соблюдает групповые нормы, но нарушает закон, это называется преступлением [2, С. 135].

Преступление – это поведение, которое нарушает закон и к которому государства могут применять негативные санкции, в соответствии с которыми лицо, нарушившее закон, будет подвергаться определенным ограничениям.

Как и девиантность, преступность часто встречается в каждом обществе. Ряд ученых указывают, что преступность существует, потому что членам общества очень трудно достичь полного компромисса по правилам поведения; ни одно общество не может навязать полное соответствие своим правилам или законам. Люди постоянно классифицируют поведение на «правильное» или «неправильное». Преступность/девиантность действуют как предупреждающий сигнал, указывающий на область, которая нуждается во внимании или детальном рассмотрении.

Кроме того, преступность/девиация часто порождают солидарность или сплоченность в обществе; существует жизненно важная связь между преступностью/девиацией и социальным прогрессом. Уклонисты и преступники заставляют нас пересмотреть наши ценности и принять новые правила и законы [3, С. 4].

Законы разрабатываются и принимаются для обеспечения того, чтобы государство имело право применять определенные модели поведения в тех случаях, когда остальных мер воздействия становится недостаточно. Иными словами, законы являются формальной системой социального контроля.

Закон состоит из формальных норм (законов), принятых политической властью общества. Правила (законы) применяются посредством негативных формальных санкций в случае их нарушения. В общем, когда происходит нарушение закона, обычно наступают негативные последствия. В идеале принимаются законы, способствующие соблюдению тех правил поведения, которые, по мнению властей, необходимы для эффективного функционирования общества. Вместе с тем важно отметить,

что, по мнению некоторых, принимаются законы для защиты групп, представляющих особые интересы, обладающих политической властью, а не общества в целом. Кроме того, законы строятся с учетом их субъективных взглядов на то, как должно функционировать общество.

Для более детального понимания рассмотрим некоторую классификацию преступлений:

Корпоративное преступление, или преступление «белых воротничков», – преступление, совершенное лицами высокого социального статуса, совершенное в ходе замещения и реализации их полномочий. Эти виды преступности эскалируют; они являются основной причиной недавних экономических кризисов.

У «белых воротничков» преступления совершаются зачастую на их же рабочем месте. К ним могут относиться инсайдерская торговля, нарушения техники безопасности, когда сотрудники получают ранения или гибнут, разрушение окружающей среды, обман и мошенничество, а также ненадлежащее использование корпоративных средств, а также другие.

При поимке законы (которые были созданы элитой общества) редко наказывают такого преступника той же формой правосудия, с которым сталкиваются обычные рядовые преступники, хотя их действия негативно влияют на гораздо большее количество людей, чем последние.

Уличная преступность, или преступление «синих воротничков», – это преступление, совершенное лицами среднего класса против других лиц, групп и организаций. Уголовные преступления, как правило, носят очень серьезный характер и часто меняют статус гражданина [4, С. 22].

Преступления на почве ненависти представляют собой акты насилия на расовой, религиозной, антииммиграционной почве, сексуальной ориентации, пола и инвалидности. Раса, религия и сексуальная ориентация продолжают доминировать в категориях преступлений на почве ненависти.

Преступления без жертвы – это то, что противоречит закону, но не имеет потерпевшего как такового. Инициаторы, желающие декриминализовать многие такие деяния, утверждают, что законы против них – это попытки законодательно закрепить кодекс морали. Хотя их называют преступлениями без жертв, противники декриминализации утверждают, что есть жертвы.

Социальный контроль никогда не совершенен, и существует так много норм и людей, что всегда есть какие-то люди, которые нарушают какие-то нормы.

Во-первых, коллективная ответственность никогда не бывает достаточно сильной, чтобы предотвратить нарушение всех правил. Даже в «обществе святых», таком как монастырь, будут нарушены правила и возбуждены негативные социальные реакции. Во-вторых, поскольку девиация служит нескольким важным функциям для общества, любое данное общество «изобретает» девиацию, определяя определенное поведение как девиантное, а людей, которые совершают их как девианты. Дюркгейм считал отклонение неизбежным, по этим причинам он считал его нормальной частью каждого здорового общества.

Как общество дестимулирует преступное поведение? Оно делает это через социальный контроль или механизмы, которые регулируют поведение. Первая линия защиты социального контроля – социализация, интернализация норм и ценностей общества (внутренние средства социального контроля). Некоторые теоретики утверждают, что это не всегда работает. Это когда внешние средства социального контроля, реакции других людей на поведение человека, награды и наказания, берут верх.

Список литературы:

1. Google Émile Durkheim or Robert K. Merton with functionality of deviance.
2. Комлев Ю.Ю. От постмодернистской девиантологии к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний / Ю.Ю. Комлев // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 133–138.
3. Гилинский Я.И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалист. № 1(18). 2016. С. 3–8
4. Прокументов Л.М., Рачкова Н.М. Уличная преступность: понятие, характеристика и профилактика // Всероссийский криминологический журнал. № 2. 2013. С. 22–27.

УДК 349.2

Н. С. Вовк

*Институт экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» Россия,
Севастополь*

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье анализируется влияние социальных сетей на формирование преступного поведения среди молодежи. Акцентируется внимание на негативных тенденциях в обществе и необходимости контроля за активностью несовершеннолетних в социальных сетях, а также необходимости совершенствования правового обеспечения интернет пространства.

Ключевые слова: правовое регулирование, подростковая преступность, негативные тренды, социальные сети, социальный контроль, формирование личности, интернет.

N. S. Vovk

*Institute of Economics and Law (branch)
OUP VO «Academy of labor and social relations
in Sevastopol» Russia, Sevastopol*

NEGATIVE IMPACT ON THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS OF MODERN YOUTH AND THE NEED TO IMPROVE THE LEGAL REGULATION OF THE INTERNET SPACE

Abstract. The article analyzes the influence of social networks on the formation of criminal behavior among young people. Attention is focused on negative trends in society and the need to monitor the activity of minors in social networks, as well as the need to improve the legal provision of the Internet space.

Keywords: legal regulation, juvenile delinquency, negative trends, social networks, social control, personality formation, the Internet.

Современные условия формирования ценностных ориентиров современной молодежи, в том числе несовершеннолетних, кардинально отличаются от условий, которые существовали на протяжении всей истории человечества. Развитие социальных сетей и доступ к технологиям, позволяют молодому поколению получать неограниченное количество информации ежедневно.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что подавляющее большинство молодежи получает информацию не от близких и друзей, даже не от образовательного процесса. Так, например, исследования Левада-центр (иноагент) отмечают, что 72 % граждан РФ в возрасте от 18 до 24 лет используют именно социальные сети, как основной источник информации [2]. Количество пользователей TikTok с 2019 года увеличилось в семь раз, при этом компания обогнала Facebook. Другое исследование позволяет говорить о том, что 99 % опрошиваемых в возрасте от 10 до 16 лет пользуются интернетом не менее двух часов ежедневно [3, С. 267].

Социальная сеть TikTok вызвала множество негативных трендов среди несовершеннолетних, некоторые из них носят, в том числе и преступный характер. Так, например, среди подростков стал распространенным тренд, который популяризирует кражу колпачков с нипелей автомобильных колес [5]. Термин «кража» применим не зря, ведь стоимость деталей может превышать 2 500 рублей. Суммарное количество просмотров по отметке #колпачки превысило 141 млн просмотров. Данная социальная сеть стала лидером по контенту, призывающему несовершеннолетних к совершению суицида [1]. При этом подростки в режиме прямого эфира транслируют свои самоубийства, обретая при этом последователей. Данная тенденция позволяет говорить о том, что ведется не только призыв к совершению преступлений, но и сами преступления, ведь склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства является самостоятельным преступлением.

В своем исследовании Г.В. Заридзе отмечает, что под воздействием интернет контента у несовершеннолетних складывается положительное мнение о таких явлениях, как однополые браки, инцест, педофилия, эвтаназия и людоедство [4, С. 8]. К тому же, в своем исследовании автор выделяет негативное воздействие технологий непосредственно на здоровье человека, вплоть до образования злокачественных образований [4, С. 10].

Необходимо отметить, что цифровое пространство не только воздействует на формирование личности несовершеннолетнего, но и является средством для совершения преступлений. Без внимания не остается и тот факт, что посредством сети Интернет осуществляется реализация наркотических веществ. В 2019 году рассылками в социальных сетях распространялась реклама слайсов [3, С. 267]. Торговцами наркотиками активно используются граффити, содержание которых позволяет переходить на сайты для покупки наркотических веществ. Такие технологии доступны, в том числе и несовершеннолетним.

В последнее время участились случаи вооруженного нападения на учебные заведения так называемый скулшутинг. Сообщества, посвященные «Колумбайну» и популяризирующие стрелков (например, казанский и пермский), находят последователей среди несовершеннолетних. Подражатели «скулшутеров» в 90% случаев – подростки в возрасте от 14 до 19 лет [7, С. 197].

При этом специфика использования интернета зачастую затрудняет поиск преступников, что позволяет говорить о необходимости правового регулирования данной сферы. Во Франции еще в 2000 году был принят закон, согласно которому каждый владелец интернет-ресурса должен пройти обязательную регистрацию [6, С. 19]. В США и Великобритании основная ответственность ложится на интернет-провайдеров [6, С. 19]. В России принципы законодательства в данной сфере сформулированы в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации и Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [6, С. 22]. При этом нет конкретной стратегии по отслеживанию и устранению противоправного контента в социальных сетях. Впрочем, данная проблема актуальна не только для России, но и для всего мира, а с учетом развития даркнета, можно говорить о необходимости реформации интернет-пространства, как такового.

Социальные сети в настоящее время представляют собой ту же самую структуру живого общества, перенесенную в цифровое пространство, такое же общение и действия позволяют говорить о необходимости регистрации пользователей по паспортным данным. Если в настоящей жизни каждый несет ответственность за свои слова, то почему это можно обойти в информационном пространстве? Регистрация по паспортным данным также ограничивает пребывание в социальных сетях лиц, не достигших 14 лет.

Таким образом, интернет пространство и социальные сети содержат в себе много негативного контента, который прямо или косвенно влияет на становление личности и формирование ценностных ориентиров молодежи. При этом затрагивается не только моральное состояние подростка, но и его физическое здоровье. Социальные сети становятся местом пропаганды наркотических средств, ЛГБТ, терроризма, преступности, суицидальных настроений и т.д. Проблема заключается в бесконтрольном доступе несовершеннолетних к данной информации. Доступ в интернет не ограничивается, а при входе в социальные сети обойти систему верификации личности может даже ребенок.

Для разрешения проблемы необходимо ввести более тщательные контроль за информацией, размещаемой в социальных сетях, ограничить использование подростками сети Интернет, вести профилактические и воспитательные мероприятия по предупреждению негативных проявлений. Процесс воспитания в институте семьи, также занимает в данном вопросе одно из центральных мест, ведь при отсутствии авторитетного и альтернативного мнения, подросток зачастую делает неправильные выводы.

Список литературы:

1. Бочкарева М. Отравленная ссылка: TikTok назвали лидером по контенту о суициде // Известия. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://iz.ru/1184333/marina-bochkareva/otravlennaya-sылka-tiktok-nazvali-liderom-po-kontentu-o-suicide> (дата обращения: 01.11.2021).

2. Волков Д., Гончаров С., Параманова А., Левин Д. Медиаландшафт – 2021: использование и доверие // Левада-центр (организация, выполняющая функции иностранного агента). 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.levada.ru/2021/08/05/rossijskij-medialandshaft-2021/> (дата обращения: 01.11.2021).

3. Герасимова Е.В., Жидконожжина О.Н. Социально-правовые аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних, совершаемых под воздействием деструктивных интернет-контентов // Вестник ВИ МВД России. – 2021. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovye-aspekty-profilaktiki-pravonarusheniy-nesovershennoletnih-sovershaemyh-pod-vozdeystviem-destruktivnyh-internet> (дата обращения: 02.11.2021).

4. Заридзе Г.В. Противодействие духовно-нравственному формированию личности в условиях современного общества // Международный научный вестник (вестник объединения православных ученых). – 2021. – 62 с.

5. Охота на колпачки: в TikTok раскручивается незаконный челлендж // Vesti.ru. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.vesti.ru/auto/article/2579248> (дата обращения: 01.11.2021).

6. Родивилина В.А., Сизова М.С. Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (93). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesovershennoletniy-i-prestuplenie-vliyaniye-informatsionnoy-sredy> (дата обращения: 02.11.2021).

7. Родивилина В.А., Сизова М.С. Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (93). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesovershennoletniy-i-prestuplenie-vliyaniye-informatsionnoy-sredy> (дата обращения: 02.11.2021).

УДК-342

А. А. Герасимова

*Саратовская государственная юридическая академия
Межрегиональный юридический институт
Россия, Саратов*

ПЕРСПЕКТИВА ЛЕГАЛИЗАЦИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения в России смертной казни в качестве меры наказания. Анализируется целесообразность её реализации в современных условиях. Путем сравнения исторического опыта оценивается эффективность смертной казни в качестве профилактической меры воздействия. Поднимаются проблема соотношения столкновения принципов морали в случае применения высшей меры наказания.

Ключевые слова: право на жизнь, социальная ценность, смертная казнь, моральные нормы, судебные ошибки, мораторий.

A. A. Gerasimova

*Saratov State Law Academy
Interregional law institute
Russia, Saratov*

THE PROSPECT OF LEGALIZING THE DEATH PENALTY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONSEQUENCES

Abstract. The article discusses the use of the death penalty as a punishment in Russia. The expediency of its implementation in modern conditions is analyzed. By comparing historical experience, the effectiveness of the death penalty as a preventive measure is assessed. The problem of the correlation of the clash of moral principles in the case of capital punishment is raised.

Keywords: right to life, social value, death penalty, moral norms, judicial errors, moratorium.

Право на жизнь – это личное, целостное и неотделимое право каждого гражданина и человека, самая наивысшая ценность, то прекрасное и неповторимое, что человек получает при рождении. Возникает вопрос, насколько морально лишать личность данного права с целью реализации наказания за совершение преступления. Ведь нельзя отрицать значение жизни, она помогает человечеству продлить свое существование, бытие. Право на жизнь отличается от других тем, что возникает лишь однажды и не подлежит восстановлению. Так, в правовом государстве данное право – это главная фундаментальная ценность, а также показатель демократического общества – где у гражданина есть права и свободы. Оно основывается на конституционных нормах и принципах, закрепляется в законодательстве и гарантируется государством [1, ст. 20].

Главное предназначение права на жизнь состоит в том, чтобы обеспечить человеку личную неприкосновенность, защищенность, безопасность здоровья, индивидуальную свободу от внешних вмешательств, уберечь его от различных посягательств и форм насилия. Важно отметить, что данное право, несомненно, является базой для становления и воплощения остальных прав человека. Сущность права на жизнь заключается в том, что никого нельзя лишить жизни. Принципы морали не позволяют одному человеку отбирать жизнь у другого. С точки зрения общественных ценностей и норм любое убийство – это трагедия для общества. Если обесценивать чью-то жизнь, она потеряет свою настоящую ценность, «спасая одного» за счет лишения жизни другого, юридические санкции подобно рода по отношению к субъекту, совершившему преступление, могут создать ситуацию нарушения его конституционного права. Таким образом, в правоприменительной практике могут возникнуть коллизии по решению таких вопросов.

Для российского государства, как и для любого другого правового, высшей социальной ценностью является право на жизнь, поэтому для его защиты Россия проводит мирную внешнюю и плодотворную внутреннюю политику, исключая конфликты и войны с другими странами, гарантируя безопасность личности. Во многих зарубежных конституциях закрепляется отказ от применения вооруженной силы, от войны как от способа разрешения конфликтов, в международных договорах запрещается применение ядерного оружия и фиксируется обязанность оказывать помощь всем жертвам, пострадавшим от его использования. Хотя в статьях Конституции РФ и не содержатся сами принципы об отказе от агрессивных наступательных действий и не закрепляются требования разрешения всех разногласий и конфликтов между государствами только дружеским и миролюбивым путем, но они предполагают при ведении Россией своей национальной политики. К тому же, государство гарантирует право на жизнь, охраняет здоровье граждан путем бесплатного оказания медицинской помощи, проведения профилактических медицинских осмотров, мер по сокращению детской смертности, профилактики и предупреждения возможного травматизма на производстве, дорожно-транспортных происшествий и принятия мер пожарной безопасности [2, с. 209].

Кроме того, для реализации данного права в России предусматриваются различные юридические меры ответственности с целью обеспечения защиты человеческой жизни от разного вида посягательств на неё. В уголовном кодексе РФ при привлечении к уголовной ответственности на данный момент зафиксировано такое наказание как смертная казнь за ряд преступлений (предусмотренных в пяти статьях). Это часть 2 статьи 105 («Убийство при отягчающих обстоятельствах»), статья 277 («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), статья 295 («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»), статья 317 («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа») и статья 357 («Геноцид»). С 1999 года Конституционный суд ввел мораторий (временное ограничение) на назначение смертной казни, который не был отменен.

На сегодняшний день большинство стран отказалось от применения смертной казни как меры наказания, в то же время, она все ещё применяется в 53 государствах, где используются различные способы осуществления приговора, путем использования смертельной инъекции, повешения, рас-

стрела, обезглавливания и поражения электрическим током. Чаще всего данный вид наказания приводится в исполнение в Китае, Иране и Саудовской Аравии. В этих странах, смертные приговоры выносятся только за самые тяжкие преступления, запрещенные законодательством. Кроме этого, преступники, приговоренные к смертной казни, имеют право на ходатайство о смягчении приговора или о помиловании. Однако, по мнению большинства юристов, эффективность применения смертной казни сомнительна: в связи с тем, что число преступлений в этих странах не сокращается, а смертные приговоры продолжают выноситься и дальше.

В конце 2019 года в России произошло событие, после которого в обществе вновь возникла идея о возвращении смертной казни. Предлогом обсуждения послужила трагедия в Саратове, где ранее судимый местный житель убил девятилетнюю девочку, идущую в школу, после чего он едва не стал жертвой самосуда. Были проведены различные опросы в социальных сетях, с целью выяснения отношения людей к данному виду наказания. Они показали, что возвращение исключительной меры наказания поддерживают от 49 до 52 процентов россиян, при том с каждым годом это количество понемногу увеличивается. Так, к обозначенному вопросу в России периодически возвращаются вновь, и чаще всего поводом его поднятия служат изнасилования и убийства детей.

Смертная казнь – это высшая мера уголовного наказания, которая заключается в лишении человека жизни. Данный вид наказания может применяться исключительно по решению суда, в установленном законом порядке [3, с. 315]. Как показывает практика прошлых лет, есть ряд причин, почему нельзя возвращать смертную казнь.

Во-первых, существует высокая вероятность совершения следственно-судебных ошибок, которые не всегда можно выявить сразу. Например, по делу Чикатило было много подозреваемых и ложно привлеченных к ответственности. Также, в России в 1998 году Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда отменила 11 смертных приговоров, обнаружив ошибки в применении норм уголовного и уголовно-процессуального права [4]. Существует множество примеров судебных ошибок и в других странах, никто не может дать стопроцентной гарантии правильности вынесения смертного приговора при существовании коррупции в государстве. К тому же, при привлечении невинного к смертной казни, будет нарушен принцип гуманности, государство отойдет от важнейшего демократического принципа – верховенство прав и свобод человека.

Во-вторых, как показывает практика, смертная казнь не оказывает необходимого сдерживающего воздействия на преступника, ведь он не верит, что будет наказан и надеется на избежание ответственности, деформация правосознания, характерная для людей с делинквентным поведением, не позволяет объективно оценить возможность наступления юридической ответственности. Помимо этого, человек, которого преследует правосудие, может понять, что ему не избежать вынесения смертного приговора и терять ему уже нечего, в результате чего это смотивирует его на совершение новых преступлений. Также важно подчеркнуть, смертная казнь не будет оказывать никакого эффекта и на людей отнесенных к категории террористов и преступников с экстремистскими взглядами, ведь большинство из них, совершая преступления, уже рискует своей жизнью и не боится ее потерять.

В-третьих, смертная казнь провоцирует жестокость в обществе. Легитимизация государством кровожадности, страшного, захватывающего дух зрелища создает лишь предпосылки для новых преступлений. Например, в СССР в 1954 году ввели смертную казнь за умышленное убийство, что только создало благоприятные условия для новых деяний. Преступники стали убивать не только изначально выбранных жертв, но и всех, кто являлся свидетелем или мог им быть [5, с. 65].

Также следует отметить, что смерть убийцы не восполнит родственникам убитого тяжесть потери.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос об отмене моратория на смертную казнь с учетом несовершенства существующей судебной системы и отсутствия должного профилактического влияния смертной казни на преступников является преждевременным.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации 1993 г.: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, внесенными федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 01.07.2020). М.: Издательство АСТ, 2020. 64 с.
2. Баглай М. В. Конституционное право РФ: учеб. М.: Норма, 2007. 784 с.
3. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург: Университет, 2016. 442 с.
4. Иванов Н. Г. Курс российского уголовного права: учеб. пособие. М.: Экономика, 2010. 665 с.
5. Никифоров А. С. О смертной казни // Государство и право. 2001. № 4. С. 65.

УКД 349.2

Е. В. Горбулева, А. С. Коранева

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции Россия, Саратов*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СКРЫТЫХ СЕКТОРАХ СЕТИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕНЕВОЙ СЕТИ DARKNET)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты в сфере преступлений существования такой сети как «DARKNET». На основании сравнительно-правового анализа авторы приходят к выводу, что, несмотря на изученную часть сети «Интернет», правоохранительные органы сталкиваются с проблемой шифровки преступлений в сети «DARKNET».

Ключевые слова: криминалистика, сеть «Интернет», «DARKNET», преступление, расследование, теневая сеть.

E. V. Gorbuleva, A. S. Koraneva

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

THE USE OF TECHNICAL AND FORENSIC TOOLS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN HIDDEN SECTORS OF THE NETWORK (USING THE EXAMPLE OF THE SHADOW NETWORK DARKNET)

Resume: The article examines some aspects of the existence of such a network as "DARKNET" in the field of crimes. Based on the comparative legal analysis, the authors come to the conclusion that, despite the studied part of the Internet, law enforcement agencies are faced with the problem of encrypting crimes in the DARKNET network.

Keywords: forensics, Internet, DARKNET, crime, investigation, shadow network.

Современная криминалистическая техника оперативно реагирует на изменения вида и характера преступлений. Но, несмотря на это, по-прежнему актуален вопрос противодействия преступности в телекоммуникационной сети «Интернет».

Так, согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за январь-декабрь 2020 года на территории страны зарегистрировано 300 337 преступлений, совершённых с использованием или применением сети «Интернет». В ноябре 2019 года удельный вес аналогичной группы преступлений составил 14,0 %, что по сравнению с июнем того же года выше на 2,4 % [1].

Однако многие не осознают, что посещая сайты различного содержания, заводя аккаунты в социальных сетях, они используют лишь часть глобальной сети под названием «поверхностная» (от англ. «Surface web»). Помимо вышеуказанной сети существует ещё и теневая сеть, которая является широкой площадкой для совершения различных преступных действий.

Так особый интерес вызывает вопрос о противодействии преступности в скрытом секторе сети DarkNet. А.А. Мазура понимает под сетью DarkNet некий сетевой ресурс, соединения которого устанавливаются лишь между определёнными доверенными пирами, с использованием нестандартных протоколов и портов. Кроме того, для возможности использования данной сети необходимо специальное программное обеспечение, например, такого как TOR [2].

Это свидетельствует о том, что главной отличительной чертой закрытой сети является возможность работы в режиме «инкогнито». Это позволяет активно заниматься различной преступной деятельностью: незаконная продажа оружия, боеприпасов, наркотических средств и психотропных веществ, пользовательских данных, торговля людьми, фальшивыми документами, предоставление услуг по взлому сайтов и многое другое.

В этой связи примечателен проведённый А.Л. Осипенко анализ пяти DarkNet – сайтов, который показал, что на момент исследования на исследуемых сайтах было размещено около 400 предложений из которых:

- 1) примерно 200 объявлений были посвящены продаже и распространению наркотических средств и психотропных веществ;
- 2) около 100 объявлений относились к разделу под названием «Цифровые товары», где активно развернулась продажа пользовательских данных, баз данных государственных органов, полученных преступным путём;
- 3) остальная часть объявлений посвящена продаже данных банковских, кредитных карт, а также возможности покупки документов на право владения и управления транспортным средством [3].

Просторы закрытой сети являются почвой для совершения и других видов преступлений, в частности, преступлений террористической направленности, поскольку в ней содержится информация об изготовлении взрывных устройств и взрывчатых веществ, возможности вербовки лиц, взаимодействия различных террористических групп и многое другое.

Правоохранительные органы РФ ведут борьбу с данным видом преступлений. Так, по данным МВД России в сентябре 2021 года сотрудники Главного управления уголовного розыска МВД России совместно с коллегами из управления «М» ФСБ России задержали предполагаемого участника группы, оказывавшей криминальные услуги в так называемом теневом сегменте сети Интернет [4].

Также в сентябре 2021 года ТАСС опубликовал данные, что ФСБ России ликвидировала крупнейший канал поступления синтетических наркотиков и их продаж в теневом сегменте интернета и задержала в четырех регионах пятерых участников наркогруппировки [5].

22 октября 2021 года в сети «Интернет» появилась информация о том, что архив базы данных ГИБДД Московского региона, содержащий около 50 млн строк записей о водителях, был выставлен на продажу на одном из закрытых сегментов сети [6].

Приведённые выше данные свидетельствуют о том, что вопрос совершения преступлений с использованием закрытых сетевых ресурсов остаётся актуальным. В криминалистике не выработан механизм по борьбе с данным видом преступлений, отсутствуют отдельные методы и средства обнаружения и расследования. В связи с этим возникает необходимость в разработке технико-криминалистических средств борьбы с преступлениями, совершаемыми в закрытых сегментах глобальной сети «Интернет».

Для решения указанной проблемы необходимо обеспечить реализацию следующих задач:

- 1) разработка отделами, расследующими преступления в данной области, ряда программных обеспечений, позволяющих блокировать закрытые сетевые ресурсы;
- 2) выявление подозрительных IP-адресов, используемых преступниками;
- 3) постоянный и тщательный мониторинг оперативными сотрудниками общедоступной сети, где в большинстве случаев злоумышленниками происходит наработка клиентской базы.

Таким образом, данные рекомендации позволят совершенствовать методику и тактику расследования и раскрытия преступлений в данной сфере. В этой связи главной задачей правоохранительных органов является работа «на опережение», не останавливаясь на устаревших методах борьбы.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. [Электронный ресурс] М.: Генеральная прокуратура, 2019 г. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 22.10.2021).

2. Мазур А.А. Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети Даркнет // Вестник Российского института кооперации. 2018. № 3. С. 125.

3. Соловьев В.С., Осипенко А.Л. Рынок нелегальных товаров и услуг в Darknet и Telegramканалах / Уголовная политика и культура противодействия преступности : сб. мат. науч. конф. : в 2 т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 138–141.

4. МВД России публикует видео задержания предполагаемого участника группы, оказывавшей криминальные услуги в даркнете [Электронный ресурс] // -URL: <https://мвд.рф/news/item/25884852/> (дата обращения: 22.10.2021).

5. ФСБ ликвидировала крупный канал продажи синтетических наркотиков в интернете [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/12494957> (дата обращения: 22.10.2021).

6. «Коммерсантъ» узнал о продаже в даркнете базы данных московских водителей [Электронный ресурс] // URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/10/22/892453prodazhebazidannih?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1634926082000/ (дата обращения: 22.10.2021).

УДК 343.5:343.6

В. А. Душичева

*Санкт-Петербургский университет МВД России
факультет подготовки сотрудников полиции
по охране общественного порядка
Россия, Санкт-Петербург*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о проблемах противодействия домашнему насилию в РФ. А также приводится сравнительный анализ мер противодействия в РФ и других странах, таких как США и ФРГ.

Ключевые слова: домашнее насилие, противодействие домашнему насилию, профилактические меры.

V.A. Dushicheva

*St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Police Training Faculty
for the maintenance of public order
Russia, St. Petersburg*

CURRENT PROBLEMS OF COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO OVERCOME THEM

Abstract. The article discusses the issues of countering domestic violence in the Russian Federation. It also provides a comparative analysis of counteraction measures in the Russian Federation and other countries, such as the USA and Germany.

Keywords: domestic violence, countering domestic violence, preventive measures.

Домашнее насилие – проблема, которая стала замечаться только в нынешнее время, хотя она существовала на протяжении всей истории развития общества. А именно, было так, что сильный подавляет слабого в процессе семейной жизни и быта. Слабыми, в основном, принято считать женщин, но также ими могут быть дети и старики.

Почему же в прошлом насилие не считалось противоправным и принималось как должное? «Женщина сотворена для мужчины, а не мужчина для женщины» – такой постулат устанавливала Русская Православная Церковь. Это рождало ревность и различные сомнения в отношениях двух людей друг к другу,

поэтому браки заключали не по любви, а по инициативе родителей. В таких семьях супруги относились к друг другу с недоброжелательностью или даже враждой, не уважали друг друга – поэтому измена часто сопутствовала таким отношениям, несмотря на порицание такого поведения обществом. В XVII и XVIII веках часто супруг был согласен на наказание жены кнутом, плетями. Он мог это сделать сам. В XIX–начале XX веков в Ярославской губернии и в Поволжье муж мог избить жену-изменницу, причем на Русском Севере, в Тверской и Костромской губернии ставили превыше всего «не выносить сор из избы», дабы избежать порицания, и там судьями неверных жен и мужей выступали старики. Распространённой формой женского наказания было ее «впрягание» в телегу. Муж сам бил ее плетью и заставлял везти его. Домашнее насилие укоренялось многими веками и всячески поддерживалось людьми, поэтому современному обществу так трудно избавиться от этого явления.

Ввиду того, что жизнь людей не статична, подвергается постоянным изменениям, люди начали задумываться над тем, как минимизировать насилие в стране. В настоящее время в Российской Федерации активно и на разных уровнях предпринимаются попытки противодействия домашнему насилию, продолжается разработка проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Впервые он был официально внесён в Государственную думу Российской Федерации 28 сентября 2016 года как законопроект № 1183390–6 «О профилактике семейно-бытового насилия». Текущий вариант законопроекта опубликован на сайте Совета Федерации 29 ноября 2019 года.

В этом законопроекте обозначено понятие семейно-бытового насилия как умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления. А суть данного закона заключается в том, чтобы минимизировать и предотвращать насилие в семьях и не доводить до совершения правонарушений административного и уголовного характера.

В проекте Федерального закона говорится о профилактике семейно-бытового насилия, которая включает в себя оказание помощи лицам, подвергшимся насилию, выявление и устранение причин и условий его возникновения, пресечение насилия как явления. К мерам профилактики относят правовое информирование, профилактические беседы, учет и контроль, помощи в социальной адаптации и реабилитации лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию, применение специализированных психологических программ, выдача защитного предписания, а также судебного защитного предписания. Одновременно могут применяться несколько форм профилактического воздействия.

По данным МВД России, на профилактических учетах полиции в настоящее время состоят 216 тыс. лиц, которые совершили правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. В ходе работы над снижением данного показателя полиции не удается применять все меры профилактики на практике – в основном ограничиваются только проведением профилактических бесед.

Для наглядной статистики по данным Росстата и МВД каждый год в России от домашнего насилия страдают десятки тысяч человек:

- 2016 год – 65 543 человек;
- 2017 год – 36 037 человек;
- 2018 год – 33 235 человек.

Это только зарегистрированные случаи. Основную часть лиц, подвергшихся домашнему насилию, составляют женщины: в 2017 году – 71,2 %, в 2018 году – 70,8 %.

Как мы видим, происходит снижение пострадавших, скорее всего это связано всё-таки с применением некоторых мер профилактики, не только на государственном уровне, но и на уровне негосударственных организаций, по-другому их называют кризисные центры, которые занимаются проблемой домашнего насилия и помощью пострадавшим.

В России существуют около 150 кризисных центров, в которые могут обращаться женщины, пострадавшие от домашнего насилия. В Санкт-Петербурге существует такая организация,

как СПб РОО ИНГО Кризисный центр для женщин, который существует уже больше 25 лет, там помогают женщинам бороться с дискриминацией.

Конечно, радует, что не только государство заботится о защите слабого пола, но и само общество своими силами и средствами борется с данной проблемой.

Хотелось бы сравнить противодействие домашнему насилию в Российской Федерации и в других странах. К примеру, такую меру пресечения правонарушения и дальнейшей безопасности жертвы, как удаление её от правонарушителя в Соединенных Штатах называют – «Защитный ордер бытовых отношений», («Protective Order Domestic Relations») или «Охранная грамота» («Protective order») – в различных штатах судебный акт носит разное название. Данный ордер выносится судом в отношении лица, который совершил акт семейного насилия. Суть ордера состоит в том, что на основании судебного решения данному лицу может быть запрещено приближаться к члену семьи (чаще всего к супруге или к бывшей супруге) ближе, чем на 100 метров, звонить или беспокоить иным образом, иначе это лицо может быть подвергнуто аресту, т.к. нарушение требований ордера является преступлением. Общение с детьми может также находиться под контролем суда.

В Российской Федерации пока что нет официального закрепления в нормативных правовых актах защиты пострадавшего от домашнего насилия. Надеемся, что ФЗ «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» вступит в законную силу и те люди, которые подверглись насилию будут защищены. В проекте Федерального закона в целях обеспечения безопасности и защиты лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию предусмотрены такие новые меры защиты от домашнего насилия, как «защитное предписание» и «судебное защитное предписание», которые запрещают совершать семейно-бытовое насилие; вступать в контакты, общаться с лицом (лицами), подвергшимся (подвергшимися) семейно-бытовому насилию, в том числе по телефону, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; предпринимать попытки выяснять место пребывания лица (лиц), подвергшегося (подвергшихся) семейно-бытовому насилию, если это лицо (лица) находится (находятся) в месте, неизвестном нарушителю. Также могут быть возложены обязанности пройти специализированную психологическую программу, покинуть место совместного жительства или место совместного пребывания с лицами, подвергшимися семейно-бытовому насилию, передать лицам, подвергшимся семейно-бытовому насилию, их личное имущество, документы, если они удерживаются нарушителем. Защитное предписание могут получить супруги, бывшие супруги и лица, имеющие общего ребёнка (или детей), а также близкие родственники. Лица, связанные свойством, могут получить его в случае совместного проживания и совместного ведения хозяйства

Что касается Федеративной Республики Германии, то в данной стране тема домашнего насилия очень щепетильна. Число жертв домашнего насилия или насилия, совершаемого партнером, в период с 2013 по 2017 годы выросло со 121 000 случаев почти до 140 000. В Германии предпринимаются различные попытки противодействия насилию, к примеру, 25 ноября под руководством ООН будет проводиться ежегодная кампания против насилия над женщинами, которая продлится до 10 декабря, – международного Дня прав человека. В течение этих 16 дней по всему миру будут проходить различные мероприятия, посвященные этой теме. Здания структур ООН и ряд других, в том числе здание DW в Бонне, будут окрашены в оранжевый цвет, символизирующий будущее без насилия. Девиз кампании этого года – «Никого не оставим в беде». В Германии в этом году на первом плане будет именно эта тема – домашнее насилие. Данная акция призвана для того, чтобы осветить перед широкой публикой данную проблему общества, ведь она долгое время скрывалась за занавесом.

На основе опыта других стран, хотелось бы, чтобы отечественное законодательство закрепило проблемы семейно-бытового насилия, чтобы были устранены пробелы, предприняты попытки противодействия данному явлению. Конечно, всё начинается с малого, с таких профилактических мер, как с беседы, учёт и контроль, но а затем уже, чтобы Россия вошла в список, тех стран, где существует защитный ордер, законы, принятые для борьбы с домашним насилием.

Список литературы:

1. *Равнюшкин А.В.* Административно-правовые средства предупреждения и пресечения ОВД правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.: Дис... канд.юрид.наук. Москва, 2015. С. 98–103.
2. *Сердюк Л.В., Сердюк П.Л.* Семейно-бытовое насилие (криминологический аспект). – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2020. – 79 с.
3. Сайт Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»)/ Законопроект № 1183390-6 (в архиве) «О профилактике семейно-бытового насилия» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6>.
4. Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEFKLUIq7JAARUS.pdf>

УДК 343.974

А. Т. Дышкова, Е. С. Сыркина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, г. Саратов*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН СКУЛШУТИНГА В РОССИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. в научной статье анализируются криминологические аспекты совершения вооруженных нападений в учебных заведениях, выделяются их характерные признаки. Также обозначены наиболее значимые социальные и психологические детерминанты, влияющие на формирование деструктивных наклонностей у подростков; на основе анализа зарубежного опыта предлагаются меры по предупреждению скулшутинга.

Ключевые слова: скулшутинг; вооруженные нападения; массовые убийства; образовательные учреждения; несовершеннолетние.

A. T. Dyshokova, E. S. Syrkina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CAUSES OF SCHOOLSHOOTING IN RUSSIA AND WAYS TO PREVENT IT

Abstract. the scientific article analyzes the criminological aspects of the commission of armed attacks in educational institutions, identifies the characteristic features. The most significant social and psychological determinants that influence the formation of destructive tendencies in adolescents are also indicated; Based on the analysis of foreign experience, measures are proposed to prevent school shooting.

Keywords: school shooting; armed attacks; massacres; educational institutions; minors.

Несмотря на снижение уровня преступности среди несовершеннолетних, за последние годы в России произошел ряд нехарактерных для страны событий: Стрельба в школе № 263 г. Москвы, № 127 г. Перми, Керченском политехническом колледже, казанской гимназии № 175 – вот лишь некоторые из них. В научной среде появился даже негласный термин для обозначения такого рода преступных явлений- «скулшутинг» (от англ. «school shooting»- школьная стрельба) под которым понимается планирование, организация, совершение вооруженного нападения на территории образовательного учреждения любого уровня одним или несколькими учащимися с целью массового убийства [1, С. 93]. Подобные трагические события стали настоящим вызовом для следственных и судебных органов, системы образования и социальной защиты, а также общества в целом.

Ключевым маркером скулшутинга является совершение преступлений в стенах образовательных организаций. Как правило, сам преступник имеет непосредственное отношение к учебному заведению. Преступный акт планируется заранее, совершается с помощью стрелкового оружия или взрывоопасных устройств. Нападающий использует огнестрельное оружие не столько для устрашения окружающих, сколько для реального причинения вреда жизни и здоровью. Рассматриваемые преступления совершались исключительно лицами мужского пола. Это может объясняться особенностью идентичности по гендерному признаку: используя огнестрельное оружие, молодые люди пытаются подтвердить свою маскулинность [2]. Анализируя основные характеристики скулшутинга, необходимо отметить, что вновь совершаемые массовые убийства имеют свойство двойственности, копирования предыдущих.

Кроме того, признаком скулшутинга является то обстоятельство, что жертвами совершаемых преступлений становятся неопределенный круг лиц. Более того, его может и вовсе не интересоваться, кто станет жертвой, в этом случае само действие имеет своеобразную коммуникативную природу. Отмечается и определенная доля ритуальности и церемониальности преступления, проявляющиеся в выборе одежды с символикой, в заранее обдуманном пути движения по территории школы, а также в его суицидальных попытках в конце преступления [3, С. 266]. Совершая преступление для утверждения своего гипертрофированного эго за счет окружающих лиц, скулшутер тем самым демонстрирует свою исключительность, возвышенность над всеми остальными. Так, например, организовавший вооруженное нападение в гимназии г. Казани парень заявил, что считает себя Богом.

Есть ряд объективных факторов, влияющих на формирование деструктивных идей у молодых людей. Во-первых, необходимо обратить внимание на воздействие и аффектогенность социальной исключенности, то есть неприятия будущего скулшутера социальными группами. Глубокие жизненные разочарования во взаимоотношениях с родителями, друзьями, наемщиками со стороны одноклассников – все это приводит к деформации личности.

Из показаний отца несовершеннолетнего П., осужденного на основании приговора Ивантеевского городского суда Московской области за совершение покушения на массовое убийство в школе следует, что одноклассники смеялись над ним как над белой вороной, так как стиль его одежды отличался от других [4]. Около трех раз за учебный год ему разбивали очки, рвали одежду. Родители обращались к классному руководителю, но никаких мер не было предпринято. Неразрешенные конфликты становятся источником постоянного стресса, субъективным поводом для формирования агрессивных намерений [5, С. 68].

Во-вторых, детерминантом скулшутинга является семья стрелка. Анализ семейного контекста показывает, что скулшутеры воспитывались во внешне благополучных семьях. Но вместе с тем, из самоотчетов самих же подростков следует, что они не ощущали семейной поддержки [6, С. 40].

Третьим фактором, детерминирующим подобное поведение, большинство членов научного сообщества выделяют медиасферу. Ежедневно в различных социальных сетях регистрируется около 5 интернет-публиков, пропагандирующих идеологию «колумбайна» [7, С. 187]. Подобный медиаланшафт создает деструктивный фон, оказывает негативное воздействие на психику подростка.

С другой стороны, публикация в СМИ информации, новостных сводок о ранее совершенных фактах скулшутинга тоже накладывает свой отпечаток на формирование деструктивных намерений у подростков. С этой позиции особый научный интерес представляет исследование Кристины Ли, в котором изучалась закономерность связей между двумя переменными: распространение массовой съемки новостей в социальных сетях о ситуациях школьных нападений и рост подобных преступлений [8, С. 33]. Факты свидетельствуют о том, что увеличение использования социальных сетей совпало с увеличением числа массовых расстрелов. Однако информация в СМИ лишь выборочно оказывает негативное воздействие на пользователей: у одних она способна повысить уровень агрессивности, а других заставляет проявить меры предосторожности.

Не менее важной криминологической задачей является поиск путей предупреждения скулшутинга. Так как США занимает первое место в мире по количеству совершения такого рода преступлений, рассмотрим их опыт по борьбе с нападениями в учебных заведениях. Так, в стране уже на протяжении длительного времени ведутся дебаты об ужесточении контроля за оборотом оружия. Следующее направление работы состоит в обеспечении максимальной безопасности в общественных местах посредством организации пропускных систем, блокираторов, усиления охранных пунктов общественных заведений.

Предлагается также обучить население адекватному и хладнокровному реагированию на нападения с помощью «учебных тревог», где ученики, педагоги и сотрудники учебных заведений будут тренировать и отрабатывать свои действия при гипотетическом скулшутинге.

Важной мерой по предупреждению скулшутинга был и остается мониторинг интернет-пространства с целью выявления лиц, размещающих в своих аккаунтах в социальных сетях информацию о ранее совершаемых актах нападения или планируемом акте агрессии. П. Лэнгман зафиксировал, что многие нападавшие предварительно через свои аккаунты оповещали о наличии агрессивных устремлений, цитировали высказывания известных тиранов и убийц, размещали ролики о насилии, публиковали «инструкции» по нападению [9, С. 176].

Таким образом, изучение общих криминологических особенностей личности скулшутера позволит создать эффективную систему мер по предупреждению и пресечению актов массовых школьных нападений.

Список литературы:

1. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021 № 1 С. 93–108
2. Психология школьного стрелка // ПостНаука [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/faq/156576> (дата обращения: 16.10.2021)
3. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010 // Homicide Studies. 2012. Vol. 17. № 3. P. 255–274.
4. Суходольская Ю.В. Причины совершения актов скулшутинга и способы их предупреждения // [Электронный ресурс] URL: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2021/09/Sukhodols> (дата обращения: 17.10.2021)
5. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62–76
6. Сырковашина К.В. Нападения в школах: агрессивные и аутоагрессивные действия несовершеннолетних // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 37–44.
7. Родивилина В.А., Сизова М.С. Несовершеннолетний и преступление: влияние информационной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 184–193.
8. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents // Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2018. Vol. 9. № 2. P. 27–35.
9. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.

Е. С. Еремеева

Новосибирский государственный университет экономики
и управления
Россия, Новосибирск

ФОРМЫ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ СДЕЛОК О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ

Аннотация. В настоящее время актуальным остается вопрос об имплементации отдельных элементов правовых систем. В статье рассмотрен исторический аспект зарубежных форм сделок о признании вины, проведен анализ особенностей их реализации, выявлено значение сформировавшегося зарубежного опыта в данном направлении для российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: сделка о признании вины, превращение в свидетеля обвинения, процедура для покаявшегося, институт согласия, соглашение о представляемых доказательствах, досудебное соглашение о сотрудничестве.

E. S. Ereemeeva

Novosibirsk State University of Economics and Management
Russia, Novosibirsk

FORMS OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE APPLICATION OF PLEA DEALS

Abstract: Currently, the issue of the implementation of certain elements of legal systems remains relevant. The article examines the historical aspect of foreign forms of plea deals, analyzes the specifics of their implementation, and reveals the significance of the formed foreign experience in this area for Russian criminal proceedings.

Keywords: plea bargain, becoming a prosecution witness, procedure for the penitent, Institute of consent, agreement on evidence to be presented, criminal procedure agreement, pre-trial cooperation agreement.

На сегодняшний день эффективная охрана общественных отношений от проявлений организованных форм преступной деятельности выступает приоритетным направлением уголовной политики всех государств. Одним из действенных способов повышения раскрываемости таких криминальных деяний выступает стимулирование подозреваемых (обвиняемых) на совершение положительных посткриминальных поступков путем оказания содействия в расследовании совершенных ими преступлений, что реализуемо посредством заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. В нашей стране данный институт появился не так давно: глава 40.1 была введена Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ [1]. В отличие от России зарубежные страны имеют богатый опыт в применении сделок с участниками криминальных структур, что представляет научный и правоприменительный интерес, поскольку законодатель, несомненно, заинтересован в рецепции отдельных положений реализации данного института, положительно зарекомендовавших себя в правоприменительной практике других стран.

Первые упоминания о данном явлении возникают в средневековой Британии – стране англосаксонской правовой семьи. Инквизиционный суд придавал признанию вины определяющее значение, считая его «царицей доказательств». Поэтому «сделка о признании вины» (guilty plea) применялась достаточно часто, но недолго т.к. суть «апелляции раскаявшегося» состояла в том, что подсудимый мог избежать наказания (смерти), если помогал раскрыть преступления, совершенные другими лицами, в связи с чем стал широко распространяться бесосновательный оговор. Образ современных сделок с правосудием сложился уже после возникновения этого института в США. Общеизвестно, что окончательно оформились рассматриваемые соглашения лишь в 2000 г., что связано с закреплением Законом об уголовном правосудии (Criminal Justice Act) за прокурором права на формирование окончательного обвинения, которым ранее была наделена полиция, а также разработкой Правил о порядке признания вины и роли проку-

ра в назначении наказания [6]. Примечательно, что сделка может быть заключена на любой стадии рассмотрения дела до удаления суда в совещательную комнату (в РФ же возможна такая возможность возникает с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия). Происходит так называемая процедура «plea before venue», суть которой в том, что суд в открытом судебном разбирательстве выясняет отношение обвиняемого к предъявленному ему обвинению (17В Акта о магистратских судах (Magistrates' Court Act 1980) [5]. Намерение признать вину воспринимается как уже состоявшееся, в связи с чем остается определить наказание. Стоит сказать, что законодатель поощряет заключение соглашения не по всем категориям дел, а лишь по представляющим высокую общественную опасность, т.е. обвинитель должен оценивать публичный интерес в заключении. В 2005 г. был принят Акт об организованной преступности и полиции (Serious Organized Crime and Police Act), который предусмотрел (как и в РФ) активное применение таких соглашений в отношении членов организованной группы [7]. Практика применения сделок о признании вины не является совершенной, о чем свидетельствует ряд существующих критических замечаний, связанных с несоответствием порядка реализации таких соглашений принципу презумпции невиновности, излишней снисходительностью к обвиняемым.

Под определение российского уголовно-процессуально-го института «досудебного соглашения о сотрудничестве» по формальным признакам подходят два типа сделок, применяемых в международной правоприменительной деятельности. Прежде чем исследовать их особенности, отметим, что развитию такого правового института мы обязаны в первую очередь США, т.к. именно в уголовном судопроизводстве этого государства идея сотрудничества сторон защиты и обвинения получила наибольшее распространение и выразилась в различных формах: в устных договоренностях и в письменных соглашениях между сторонами, послужив эталоном для других стран [3]. Историческое воплощение и процессуальное оформление «сделки с правосудием» получили в XIX в., впоследствии были признаны судьями. Так, в 1839 г. в штате Нью-Йорк 25 % дел проходили через рассматриваемую сделку. В 1869 г. – уже 70 %, а в 1920 г. – 88 % [2]. В 1970 гг. Верховный суд в ряде решений признал конституционность их применения, тем самым легализовав.

Признание обвиняемым вины полностью освобождает сторону обвинения от обязанности доказывания. Обвиняемый, признав себя виновным, подвергается наказанию в обмен на его уменьшение смягчение квалификации, исключение части эпизодов обвинения. Важно, что обвинитель дает судье лишь рекомендацию по назначению наказания, не более того. Из Правила 11 следует, что если договоренность не достигнута, обвинитель не вправе использовать в суде заявления обвиняемого, сделанные в ходе обсуждения соглашения. Формально конкретные обещания, предполагаемые негативные последствия не регулируются законом и не указываются даже в письменном варианте соглашения. Здесь стоит вспомнить, что УПК РФ, напротив, закрепляет статью, которая регламентирует порядок, форму и содержание соглашения.

Вторая форма сделки с правосудием именуется «превращением в свидетеля обвинения». Суть ее в том, что за свои показания подозреваемый получает «прокурорский иммунитет», полностью или частично освобождающий его от ответственности за преступление. Сделка заключается между подозреваемым и прокурором, но должна быть одобрена судом. Прокурор может расторгнуть сделку в случае появления новых доказательств, посредством которых он может добиться обвинительного приговора без помощи показаний подозреваемого. Важно отметить, что сделка допускается по всем категориям дел независимо от тяжести обвинения и возможна на стадиях предварительного следствия и предварительных судебных слушаний.

Сравнение применяющейся в США модели сделки о признании вины с положениями российского законодательства, пусть с небольшими различиями, но очевидно указывает, что американский институт «сделки с правосудием» явился эталоном для создания российского договорного инструмента с преступностью, несмотря на латентные недостатки.

Несомненно, успешным итогом рассматриваемого соглашения является безукоризненное выполнение сторонами своих обязательств. В США сложилась следующая практика: суд осуществляет проверку добровольности лица, отсутствие обмана и заблуждения при заключении соглашения. Стоит отметить, что в нашей стране также существует вышеназванное соглашение, однако оно никак не регламентировано и носит неформальный характер, хотя, на наш взгляд, может получить законодательное закрепление.

Кроме того, для заключения сделок с правосудием в США отсутствует возрастное ограничение, что отличает их от российского соглашения. Стоит отметить, что институт эффективен при расследовании преступлений в соучастии. Как показывает практика, именно групповой способ совершения противоправных действий – отличительный признак преступности несовершеннолетних. Каждое 31 преступление (3,2 %) совершается ими или при их соучастии [4]. Несмотря на это, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможность особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего, что объяснимо особенностью ювенальной уголовной политики: ее охранительной ориентацией. Полагаем целесообразным распространение действия института на данных субъектов с некоторыми особенностями: производство должно вестись в порядке гл.40.1 УПК РФ, за исключением проведения судебного разбирательства в особом порядке. Помимо США, законодательство Республики Казахстан (а именно ч. 3 ст. 542 УПК) указывает на возможность заключения несовершеннолетним соглашения при участии законного представителя.

Таким образом, многообразие и особенности зарубежных форм и стратегий реализации рассматриваемого правового явления позволяют объективно оценить уровень развития института досудебного соглашения о сотрудничестве в нашей стране, выявить плюсы и минусы по отдельным положениям. В современных условиях вопрос об имплементации в российское законодательство наиболее удачных элементов сделок о признании вины остается достаточно актуальным. Очевидно, что работа по реформированию положений гл. 40.1. УПК РФ, должна быть предварена глубоким сравнительно-правовым анализом тех правовых конструкций, элементы которых могут быть использованы в национальном законодательстве.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.06.2009 № 141-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88930/ (дата обращения: 02.11.2021).
2. Алёшина А.Д., Асланян А.Л., Беляева К.В., Булатова В.В. Сделки о признании вины в уголовном процессе зарубежных стран // Юридический вестник молодых ученых. – 2016. – № 3. – С. 39–44.
3. Дубровина Е.Г. Сделки о признании вины в уголовном процессе США и Великобритании: сравнительно-правовой анализ // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 3 (32). – С. 289–293.
4. Официальный интернет-сайт МВД России URL: <https://мвд.рф/reports/item/19655871/> (дата обращения: 02.11.2021).
5. Magistrates' Court Act 1980 URL: <https://studme.org>. (дата обращения: 02.11.2021).
6. Powers of Criminal Courts Act 2000 URL: www.justice.gov.uk. (дата обращения: 02.11.2021).
7. Serious Organized Crime and Police Act URL: www.justice.gov.uk. (дата обращения: 02.11.2021).

А. Л. Ермакова
следователь ОМВД России
по Орловскому району,
старший лейтенант юстиции

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. актуальность обусловлена затянувшейся разработкой правовых норм, регулирующих отношения в социальных сетях. Необходима имплементация современных отношений противоправного характера, складывающихся между пользователями в социальных сетях, в нормы действующего Уголовного кодекса, а также разработку классификации способов мошенничества в социальных сетях, выявление их особенностей.

Ключевые слова: социальные сети, фейк, мошенничество, аккаунт, интернет-сервис, сайт, цифровизация.

A. L. Ermakova
investigator of the Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Oryol district,
senior lieutenant of justice

COMMON WAYS OF COMMITTING FRAUD IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. the relevance is due to the development of legal norms regulating relations in social networks, which has been delayed. It is necessary to implement modern relations of an illegal nature that are developed between users in social networks into the norms of the current Criminal Code, as well as to develop a classification of methods of fraud in social networks, to identify their features.

Keywords: social networks, fake, fraud, account, internet service, website, digitalization.

Степень человеческой коммуникации, существующая как на социально-бытовом, так и на управленческо-профессиональном уровне, существенно расширилась за счет внедрения в нее возможности взаимодействия посредством средств электронной связи и иных цифровых средств и сетей.

В эпоху нашей современности самым посещаемым ресурсом в интернете стали социальные сети [1]. По данным отчёта «Digital 2020», в России на начало 2020 г. аудитория в социальных сетях составила 70 млн человек.

Ученые-криминалисты Мурзина К.А. и Розенко С.В. справедливо отмечают, что «учитывая совершенствование преступных действий мошенников их познания в современных технологиях, с мошенничеством не только сложно бороться, но и выявить, и предупредить его» [2, С. 114].

В действующем уголовном законодательстве, к сожалению, алгоритм совершения преступных деяний при помощи цифровых технологий пока не нашел надлежащего отражения. Российская правоохранительная система не располагает специальными техническими возможностями и знаниями, которые могли бы способствовать расследованию подобного вида преступлений. Именно поэтому в условиях роста числа преступлений, совершенных мошенническим способом в социальных сетях, наблюдается низкий процент их раскрываемости, что неблагоприятно сказывается на общей статистике.

В условиях современной действительности в платформу для осуществления преступной деятельности превратились многие интернет-сервисы, которые изначально создавались как успешные бизнес-проекты и пользовались большой популярностью у населения.

Специфическими особенностями совершения мошеннических действий в социальных сетях можно назвать:

- анонимный характер совершения преступлений, стремление всеми способами скрыть свою личность;
- изменение способов и методов мошенничества, что обусловлено динамичным развитием цифровых технологий в целом;
- масштабная аудитория вероятных жертв;

– возможность размещения ложной информации вследствие технологического принципа построения социальных сетей;

– относительно небольшой возраст преступников и их жертв, наличие несовершеннолетних среди них. Как отметили ученые Дубинина А. С. и Малахова А. С. «...наибольшую криминальную активность проявляют лица от 17 до 35 лет» [3, С. 189];

– рост организованной преступности в данной сфере. Как отмечает Осипенко А. Л. «...отмечается тенденция объединения хакеров для осуществления преступной деятельности» [4, С. 13].

Мошенничество в социальных сетях, на мой взгляд, имеет две основные цели, на которые направлен обман или злоупотребление доверием:

– во-первых, он осуществляется с целью завладения чужими денежными средствами;

– во-вторых, целью обмана также является рассекречивание персональных данных. Однако эта цель также является промежуточной, т.к. с помощью личной информации собственника происходит завладение денежными средствами.

С помощью доступа к чужой конфиденциальной информации преступник также может нанести ущерб иным сферам деятельности жертвы, поэтому последнюю цель я считаю наиболее опасной.

Методология совершения мошенничества имеет общий характер и алгоритм действий, однако вариантов способов внедрения их в социальные сети достаточно много. Именно классификацию по способам совершения мошенничества я считаю наиболее целесообразной и информативной.

Способ № 1 – использование чужого имени. Он совершается при помощи:

– создания фейкового аккаунта знаменитости и распространения информации, не соответствующей действительности, в надежде на охват и привлечение внимания широкого круга пользователей;

– заблаговременного взлома аккаунта человека и массовой рассылке от его имени по списку друзей просьб о помощи. Откликнувшись на сообщение людям, преступник присылает номер банковской карты, на которую он просит «дать денег в долг». По факту данный номер является номером QIWI-кошелька, и выяснить его владельца практически не представляется возможным. После нескольких успешных попыток хакер, как правило, блокирует страницу пользователя.

Способ № 2 основан на спекулировании информацией из новостной ленты, которая распространяется во всемирных масштабах. Идея состоит в мнимой «компенсации от государства» или продаже/покупке актуальных товаров на момент выкладки объявления (в период коронавирусной пандемии мошенники продавали поддельные сертификаты о вакцинации, а также завладевали данными банковских карт для начисления «компенсации» за перенесенную болезнь).

Способ № 3 – мошенничество с помощью сайта знакомств. Мошенник создает фейковый аккаунт, используя поддельную информацию и фото из интернета, знакомится с потенциальной жертвой и завязывает романтические отношения. Убедившись в привязанности, преступник начинает под различными благовидными предлогами просить денег в долг, а затем исчезает и удаляет страницу.

Способ № 4 – обман потребителей на рынке услуг. Это, пожалуй, самый распространенный способ злоупотребления доверием, поскольку предоставление товаров и услуг является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Он вариативен и широкомасштабен, предоставляя преступнику свободу действий. Например, в соцсети «ВКонтакте» нередки предложения от лже-астрологов о предсказании будущего, а на сайте «Авито» мошенники успешно используют в своих корыстных целях Авито-доставку.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что создание фейкового аккаунта является общей чертой у преобладающего числа мошенничеств. Мне кажется, что именно эта черта является отличительной, выделяющей мошенничество в социальных сетях среди других видов мошенничества, так как они имеют своим началом создание постороннего сайта. Широкая виртуализация общественных отношений, происходящая в эпоху современности, к сожалению, порождает и преступность, которая научилась грамотно трансформироваться

под реалии жизни. От российской юридической науки требуется максимальная концентрация, направленная на научный анализ и системное изучение перспектив полномасштабной имплементации цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность с целью оперативного расследования уголовных дел мошеннической направленности.

Список литературы:

1. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. – URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020> (дата обращения 19.10.2021).
2. Розенко С. В., Мурзина К. А. Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. – 2017. – Вып. 1 (44). – С. 113–116.
3. Малахов А. С., Дубинин А. С. Некоторые особенности раскрытия и расследования мошенничества в сети интернет // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 9. – С. 187–190.
4. Осипенко А. Л. Организованная преступность в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 10–16.

УДК 343.9

О. Н. Козодаева, М. А. Зудова

*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
Институт права и национальной безопасности
Россия, Тамбов*

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В научной статье рассматриваются проблемы противодействия наркопреступности с учетом современных криминальных реалий. Проводится криминологический анализ наркоситуации в России, а также исследуются некоторые уголовно – правовые аспекты противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Авторами в работе представлены статистические данные, выделены актуальные проблемы раскрываемости уголовных дел данной категории, сложности квалификации и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Ключевые слова: преступность, наркотические средства, психотропные вещества, уголовный закон, противодействие.

O. N. Kozodaeva, M. A. Zudova

*Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
Institute of Law and National Security
Russia, Tambov*

ON THE ISSUE OF COUNTERING DRUG CRIME: MODERN PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. The scientific article examines the problems of combating drug-related crime, taking into account modern criminal realities. A criminological analysis of the drug situation in Russia is carried out, as well as some criminal and legal aspects of countering the illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances are being investigated. The authors in the work presented statistical data, highlighted the actual problems of solving criminal cases of this category, the complexity of qualifications and bringing the perpetrators to criminal responsibility.

Keywords: crime, narcotic drugs, psychotropic substances, criminal law, counteraction.

Уголовно-правовое и криминологическое исследование проблем противодействия наркопреступности на рубеже XXI века остается быть актуальным. Силы правоохранительных органов направлены на минимизацию рисков преступности в данной сфере. Отметим, что 2020 год стал переломным в процветании наркотизма как на территории Российской

Федерации, так и во всем мире, причиной чему послужил кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции (Covid-19), который поспособствовал резкому увеличению оборота наркотических средств и психотропных веществ, особенно в молодежной среде. Основными факторами роста преступности в рассматриваемой области послужили: общая нервозность на фоне развития пандемии; неорганизованность подростков, отсутствие у них привычной дисциплины в силу перевода их на дистанционное обучение; участвовавшие сокращения рабочих мест, что привело к попыткам населения зарабатывать денежные средства преступным путем; возникновение большого количества свободного времени [1, С.74].

В соответствии с данными информационного портала «Здоровая Россия» за последние 8 лет, то есть общий объем изъятых из оборота наркотических средств по всей стране увеличился более чем на 3 тонны. По состоянию на 2020 год объем изъятых из оборота наркотиков составил 35,6 тонн, что составляет около 20 % от общемировых данных по изъятию наркотических средств и психотропных веществ. Иными словами, 20 % наркотических средств, находящихся в незаконном обороте, были изъяты только в России. По официальным данным МВД, размещенным в информационном издании «РБК», за последние 5 лет заметно выросло количество тяжких и особо тяжких преступлений в общем количестве от выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Так, если в 2016 году тяжкие и особо тяжкие преступления составляли 71,6% из общего числа таких преступлений, то уже к 2019 году их доля увеличилась до 75,3%. Анализ практики уголовных дел свидетельствует о том, что раскрываемость таких преступлений все еще находится не на должном уровне, что говорит о наличии законодательных и правоприменительных проблем, а так же о необходимости их разрешения [2].

Сегодня для описания наркопреступности в науке уголовного права и криминологии используют такие термины, как «наркотизм» и «наркомания». Так, наркотизм – это общее состояние общества, в котором можно наблюдать злоупотребление наркотиками, что приводит к иным пагубным социально-значимым последствиям. Под наркоманией при этом следует понимать заболевание, которое обусловлено зависимостью от какого-либо наркотического средства или психотропного вещества. Указанное определение официально закреплено в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах», однако, важно сказать о том, что представленное в законе определение является не в достаточной степени точным, так как оно не позволяет конкретизировать, о зависимости какого характера непосредственно идет речь, физической или психологической. Анализируя эти понятия, можно сделать вывод о том, что такое понятие, как «наркотизм» является более объемным и конкретным по своему значению, так как раскрывает различные аспекты (медико-биологические, социально-психологические, правовые) в отличие от термина «наркомания», который охватывает только медико-биологические аспекты и, на наш взгляд, не может быть использован в процессе характеристики преступлений. Отдельные авторы полагают, что понятия «наркотизм» и «наркомания» являются по своей сути разновидностями одного и того же явления, только с разных сторон. То есть наркомания является болезнью непосредственно с точки зрения социально-медицинского подхода, а наркотизм является социально-правовым направлением в криминологии, что, на наш взгляд, максимально приближено к действительности.

По состоянию на сегодняшний день в Российской Федерации такое явление как наркомания, распространяется с гораздо большей силой, соответственно уровень наркотизации населения государства увеличивается ежегодно. Для подтверждения указанных слов можно привести статистические данные: около 18 млн человек пробовали наркотические средства или психотропные вещества; постоянно употребляют наркотики более 8 млн человек; с каждым годом количество употребляющих наркотики людей возрастает на 90 тысяч человек. Важно также сказать о том, что в России четко прослеживается тенденция потребления наркотических средств и психотропных веществ среди подростков, возраст которых варьирует от 16 до 20 лет, их соотношение к общему количеству людей, ко-

торые употребляют наркотики, составляет 60 %. В сравнении с 2008 годом, то есть за десятилетие, наркозависимых стало в 10 раз больше.

Кроме исследуемых очевидных проблем наркотизм влечет за собой огромное множество иных негативных следствий экономического, социального, нравственного, а также правового характера. Наркотизм в обществе также оказывает существенное воздействие на снижение социально-психологического уровня российского общества, сильно замедляет его развитие, что следует расценивать как угрозу национальной безопасности страны. Отметим, что в современных условиях наркотизма общества возникают и функционируют и другие преступления. Наблюдается устойчивая тенденция совершения большей части насильственно-корыстных преступлений лицами, которые находятся в состоянии наркотического опьянения. Кроме того, незаконный оборот наркотиков является главной составляющей незаконной предпринимательской деятельности, которая из года в год позволяет получать большой доход, что в результате позволяет говорить о формировании прочной базы для организованной преступности [3]. Получение больших доходов за такое незаконное предпринимательство также влечет за собой развитие коррупции среди сотрудников правоохранительных органов, деятельность которых направлена на пресечение незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ. Активно развивающаяся химическая промышленность, интеграция зарубежного опыта в производстве запрещенных веществ, увеличение запросов со стороны общества – все это способствует возрастанию преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в новые опасные формы, которые зачастую переплетаются с другими преступлениями.

Особое внимание необходимо обратить на тот факт, что в большей степени от последствий так называемого наркотизма в России страдает молодежная среда. Подростки, не достигшие возраста совершеннолетия, в большинстве случаев самоустраиваются из общественной жизни, утрачивают какие-либо позитивные социально-значимые связи с обществом и, как правило, совершают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а нередко и иные более опасные преступные деяния, включая тяжкие и особо тяжкие. Все это крайне негативным образом сказывается не только на конкретных подростках, но и на общем развитии государства, так как воздействию поддаются социальная и экономическая сферы общества, что актуализирует вопрос о национальной безопасности страны. Таким образом, можно сделать вывод о том, что объект посягательства преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, значительно шире, чем установленный в уголовном законодательстве.

Анализируя вышеизложенную информацию, можно заключить, что уголовное законодательство в Российской Федерации является ключевым регулятором отношений по противодействию незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ. Иными словами, уголовный закон – это основополагающий способ борьбы с наркопреступностью. Однако подобный сдерживающий механизм не может работать в одиночестве, так как отечественная практика свидетельствует о невысоком уровне раскрываемости преступлений в сфере нелегального оборота наркотиков. Именно это побуждает людей совершать преступления вопреки действующему уголовному законодательству по причине их уверенности, что их «не поймут». В настоящее время по-прежнему процветает практика, согласно которой криминальные личности видоизменяют формулу уже существующего наркотика и выпускают его в оборот [4, С.128]. В такой ситуации правоохранительные органы и силовые структуры не могут начать уголовное преследование по той причине, что новое наркотическое средство или психоактивное вещество не содержится в утвержденном Правительством перечне. Так, необходимо внести указанное вещество в Реестр новых потенциально опасных веществ, для чего сначала необходимо установить все химические соединения, опытным путем провести освидетельствование человека, который употребил такое вещество, что на практике зачастую является невозможным и делает указанную меру противодействия практически бесполезной. Единственным эффективным решением для реализации указанной нормы будет выступать

разработка единой методики классификации молекулярно-го строения веществ, на основании которой в последующем можно будет без проблем классифицировать новое вещество и оперативно признавать его нелегальным, сейчас же такой бизнес процветает, а последствия от таких веществ не изучены в достаточной мере.

Список литературы:

1. Воронин Ю. А. Противодействие наркомании и наркопреступности: итоги минувшего и стратегия в наступающем десятилетии // Виктимология. 2021. № 3. С. 73–78.
2. Официальный сайт Управления МВД России по Тамбовской области [Электронный ресурс] // <https://68.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11325093> (дата обращения 01.11.2021).
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 01.11.2021).
4. Казакова И. А., Камалиева Л. А. Основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия наркопреступности // Право и практика. 2019. № 3. С. 127–132.

УДК 7.90

Ю. А. Ионов

Пермский институт ФСИН России
Россия, Пермь

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕТОД БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ

Аннотация. в статье представлены исследования в области социального контроля. Представлены методы и дана краткая характеристика контроля со стороны общества, а также приведена оценка поддержки со стороны государства. Социальный контроль был рассмотрен со стороны другой национальности и на её территории.

Ключевые слова: социальный контроль, преступность, профилактика правонарушений, отклоняющееся поведение, борьба с преступностью, государственный контроль.

Y. A. Ionova

Perm Institute of the Federal Penal Service
Russia, Perm

SOCIAL CONTROL AS A METHOD OF COMBATING CRIME IN RUSSIA

Abstract. The article presents research in the field of social control. Methods are presented and a brief description of control by the society is given, as well as an assessment of support from the state. Social control was considered by another nationality and on its territory.

Keywords: social control, crime, crime prevention, deviant behavior, crime control, state control.

Проблема преступности актуальна всегда. Независимо от времени, эпохи, страны и даже людей. Ведь даже если человек совершил мелкое деяние, которое сочетает в себе все признаки преступления он уже является преступником, не зная, а порой даже не осознавая этого. В далеком прошлом самыми популярными преступлениями признавались кража, разбой и хулиганство, зачастую контроль над ними вело не государство, а общество. Однако это было раньше, а что же происходит сейчас. Как осуществляется социальный контроль в современном мире? Именно в этом вопросе я попытаюсь разобраться.

Современный мир характеризуется большим количеством преступлений, связанных со всеми сферами жизнедеятельности человека. Все государства мира ведут борьбу в области связанных с противодействием с преступностью, те многие из государств, которые тратят большие и важные ресурсы на улучшение, становление правоохранительной системы, а помимо этого ещё и на её модернизацию. Но стоит помнить о том, что не всегда удаётся добиться успеха в этом, ведь в про-

филактике правонарушений должно участвовать не только государство, но и всё общество в целом.

Профилактика правонарушений – это взаимная связь между гражданским, обычным обществом и государством, во взаимной деятельности с исполнительными органами в формировании и реализации правоохранительной деятельности. Одним из самых важных элементов профилактики выступает социальный контроль.

Социальный контроль – это механизм, либо совокупность механизмов самоорганизации и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе правового порядка, устранение девиантного, отстраняющегося поведения. Если говорить кратко, то социальный контроль – это некий механизм регуляции индивида, личности и общества с той целью укрепления порядка, а так же стабильности в стране.

Помимо большого количества преступлений современный мир характерен ростом разнообразия проявлений отклоняющегося поведения, которое нарушает некие нормы, установленные государством права и обществом – морали. В таком случае огромное значение приобретает социальный контроль, главная задача которого предотвратить последствия отклоняющегося поведения. Но не стоит забывать о государственном контроле задачей которого является предотвращение преступлений и сохранность законности в целом. Государственный контроль – особая функция управления, как показывает практика, он способствует наиболее успешному управлению процессами борьбы с преступностью. Но профилактика таких преступлений берет во внимания не только правовую составляющую социального контроля, но и все остальные.

К ним относятся:

- Обычаи определенной культуры;
- Мораль каждого человека и человечества в целом;
- Традиции народов;
- Религия всех верующих и атеистов.

Выход из криминального капкана, в который загнало себя человечество, лежит в расширении и неким углублении социально-правового контроля над противоправным поведением; контроля уголовно-правового и криминологического. С предпочтением криминологического, как наиболее радикального, правильного, а также и эффективного. Как можно заметить, то в нашей современной России государство не пытается развить институт социального контроля над борьбой с преступностью.

Самый яркий пример того самого социального контроля находит себя на Кавказе. Большое внимание в таких странах уделяется кровнородственным связям. Факт такого родства создает социально-психологическое давление со стороны взрослого поколения, что создает связь между субъектами и объектами социального контроля. Содержание таких отношений для кавказского народа представляет значительную, огромную ценность. В последнее время, конечно же, институт родства начал приобретать новые черты, но тем не менее он не потерял заложённых возможностей по воспитанию и поддержке подрастающего поколения. Не потерял тот самый социальный контроль, осуществляемый родственниками в целях предотвращения социального поведения, отклоняющегося от общества. Одна из причин, которая останавливает людей совершать преступления в таких местах является страх опозорить свой род, боязнь осуждения со стороны окружающих, а также факт сохранённой на Кавказе кровной мести.

По мнению А. М. Цалиева, соцконтроль, осуществляемый родственниками, является не только дополнительным резервом в борьбе с преступностью, но и относится к эффективным средствам деятельности, связанной с профилактикой, поскольку в его основе лежит метод убеждения.

Поведение людей в обществе, отмечая молодых, контролируется в разных формах старшими по возрасту, к которым сформировалось уважение либо к взрослым.

К огромному сожалению, в современной России институт, привлекающий население к участию в борьбе с преступностью не находит должного, важного отражения. Былые принципы старого поколения не поддерживаются молодёжью, что приводит к тому, что общество не осуждает за девиантное поведение, а это в свою очередь приводит к преступности.

Вывод состоит в том, что в свою очередь и в настоящий момент коренного изменения в превращение такого института

социального контроля в рабочий ресурс профилактики правонарушений не происходит, что обусловлено не увлеченности государства в развитии социального контроля.

Список литературы:

1. *Кравченко А.И., Анурин В.Ф.* Социология: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003.
2. Девиантность и социальный контроль в России XIX–XX вв.: тенденции и социологическое осмысление / Под редакцией Я.И. Гилинского. СПб., 2000.
3. *Павленок П.Д., Куканова Е.В.* Основы социологии и политологии.

УДК 343

М. Б. Исаев

*СКИ (филиал) ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)
Юридический колледж
Россия, г. Махачкала*

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье говорится о том, что криминальные организации эволюционировали перед лицом самоизоляции и запретов на поездки, вызванные пандемией. Преступники стали использовать пандемию как возможность эксплуатировать тех, кто находится в экономическом недовольстве. Пандемия также создает новый класс жертв. Во многих развитых странах, в том числе США и Великобритания, молодые женщины, которые не могут позволить себе платить арендную плату или находятся в уязвимом финансовом положении, подвергаются сексуальному насилию со стороны арендодателей. При этом большую часть жертв торговли людьми составляют наиболее незащищенные слои населения – женщины, дети, инвалиды и пр. **Ключевые слова:** Пандемия, торговля людьми, использование рабского труда, эксплуатация человека, жертвы торговли людьми, противодействие.

M. B. Isaev

*VGUY (RPA of the ministry of justice of Russia)
Law College
Russia, Makhachkala*

HUMAN TRAFFICKING IN THE PERIOD OF THE PANDEMIC COVID-19

Abstract. the article says that criminal organizations have evolved in the face of self-isolation and travel bans caused by the pandemic. Criminals began to use the pandemic as an opportunity to exploit those who are economically discontented. The pandemic also creates a new class of victims. In many developed countries, including the United States and the United Kingdom, young women who cannot afford to pay rent or are in a vulnerable financial situation are sexually assaulted by landlords. At the same time, most of the victims of human trafficking are the most vulnerable segments of the population – women, children, the disabled, etc.

Keyword: Pandemic, human trafficking, slave labor, human exploitation.

Пандемия COVID-19 разрушила человеческие жизни, мировую экономику и образовательные системы. В то же время криминальные организации эволюционировали перед лицом самоизоляции и запретов на поездки. Управление ООН по наркотикам и преступности предупреждает, что преступники будут использовать пандемию как возможность эксплуатировать тех, кто находится в экономическом недовольстве. Как преступные «предприниматели» преступные сети стремятся к дальнейшей эксплуатации и получению прибыли от наиболее уязвимых, становясь все более креативными в способах достижения своих целей.

По оценкам Международной организации труда, ограничения пандемии 2020 года затронули 2,7 миллиарда рабочих или 81 процент рабочей силы в мире. По данным Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и куль-

туры, на пике карантинных ограничений в апреле 2020 года закрытие школ в 194 странах затронуло 90 процентов учащихся в мире на уровне дошкольного, начального, среднего и высшего образования. Учитывая огромные финансовые трудности семей, массовое перемещение людей и закрытие школ (благодаря которым многие социальные меры оказываются наиболее подверженным риску), торговля людьми может процветать в нынешних условиях. Это не первый случай, когда серьезное инфекционное заболевание могло повысить вероятность торговли людьми. Предыдущие вспышки, вероятно, вызвали рост торговли людьми, поскольку родители умирают, что подвергает детей риску, а социальные и экономические условия, ведущие к торговле людьми, усиливаются. Эбола, например, увеличила количество сирот, уязвимых для торговли людьми. Вспышки других болезней вынудили государства направить ресурсы, необходимые для борьбы с торговлей людьми, на другие важнейшие потребности общества.

Серьезные нарушения трудового законодательства в отношении работников из Филиппин, а на Ближнем Востоке домашних прислуг из Эфиопии бросают и лишают паспортов, не выплачивая им заработную плату за прошлый год. Некоторые также подвергаются сексуальным домогательствам и насилию.

Однако проблемы торговли людьми не ограничиваются развивающимися странами. Большое количество потенциальных жертв торговли людьми – те, чьи жизни были подорваны текущим коронавирусным кризисом, встречаются и в развитых странах. Известны случаи, когда жертвам, которым удалось вырваться из кабалы, в условиях современного кризиса рассматривали возможность вернуться к своим эксплуататорам, поскольку они потеряли работу, жилье и медицинскую страховку. Они подвергаются серьезному риску повторной торговли людьми, и жертвы сообщали, что торговцы снова связались с ними во время пандемии. Некоторые из тех, кто нашел поддержку в приютах, становятся бездомными. В Концепции внешней политики Российской Федерации утвержденной Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 года № 640, отмечается, что современный мир характеризуется стремительным ростом уровня, расширением характера и географии таких Концепции внешней политики Российской Федерации имеющих трансграничную природу вызовов и угроз, как незаконное распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, неконтролируемый трафик оружия, нелегальная миграция, торговля людьми. [2, с.28]

Пандемия также создает новый класс жертв. Во многих развитых странах, в том числе США и Великобритания, молодые женщины, которые не могут позволить себе платить арендную плату или находятся в уязвимом финансовом положении, подвергаются сексуальному насилию со стороны арендодателей.

Опыт борьбы с торговлей людьми не смог полностью искоренить данное антисоциальное явление, вследствие чего торговля людьми продолжает существовать в современном мире. По данным международных организаций в мире насчитывается 40,3 млн рабов, в том числе принудительный и детский труд, сексуальную эксплуатацию и принудительный брак. Среди женщин рабский труд распространен намного больше – 71 %. Из них 24,9 млн женщин и девочек вынуждены заниматься подневольным трудом, 47 15,4 млн принудительно вступили в брак. Неблагополучный рейтинг стран возглавляют такие государства, как Эритрея (93 рабов на 1 000 человек), Бурунди (39,95 рабов), ЦАР и Афганистан (22,25 рабов), Мавритания (21,43 рабов), Южный Судан (21,43 рабов), Пакистан (16,82 рабов), Камбоджа (16,81 рабов) и Иран (16,24 рабов) [1, с. 12]. Торговля людьми и использование рабского труда в начале XXI века по характеру и степени распространенности становятся в один ряд с торговлей наркотиками и оружием. Человек становится предметом сделки, к нему применяется отношения, связанные с правом владения, пользования и распоряжения, также как к товару. Людей насильно или путем обмана перевозят через государственные границы, принуждают к труду, лишают свободы передвижения, ставят в долговую зависимость, совершают в отношении них насилие (физическое, психическое, сексуальное, экономическое). При этом большую часть жертв торговли людьми составляют наиболее незащищенные слои населения – женщины, дети, инвалиды и пр. С социальным дистанцированием и закрытием многих учреждений можно

было ожидать, что торговля людьми снизится. Но торговля людьми превратилась в серьезное прибыльное преступление в мире, охваченном пандемией, когда цепочки поставок отключены для других форм незаконной деятельности, а меры изоляции создают серьезную уязвимость для тех, кто подвергается наибольшему риску, помогая создать следующее поколение жертв торговли людьми. Поскольку дети и молодежь находятся дома и изолированы от школьных услуг, они становятся все более уязвимыми для сетевых хищников. В недавнем отчете Европол отмечает, что педофилы обмениваются стратегиями о том, как еще больше эксплуатировать детей в условиях изоляции. Они понимают, что многие дети будут изолированы, проводя несколько часов в день в сети. Родители в этом случае так же будут озадачены проблемами безработицы, страхами, связанными с пандемией. Следовательно, не будут уделять достаточного внимания детям, в особенности осознавая, что ребенок дома и можно за него не переживать. Вербовка происходит и в Соединенных Штатах. В Вирджинии, например, к девочкам-подросткам, живущим в сообществе вокруг Университета Джорджа Мейсона, обращались пожилые мужчины через социальные сети и приложения, такие как Tinder, Instagram, Twitter, Snapchat, YOLO и Lemon. Торговцы также заманивают потенциальных жертв, бросая наркотики у дверей их домов, что стало проще, поскольку социальные услуги и меры вмешательства, обычно предоставляемые школами, отсутствуют [3, с.61]. Проблема усугубляется тем, что социальное дистанцирование еще больше изолирует молодых девушек от их сверстников, наставников и поддерживающих их взрослых. Поскольку операции по трансплантации практически прекратились во время пандемии, торговля органами и трансплантологический туризм временно прекратились. Запреты на поездки также усложнили для отчаявшихся получателей органов выезд за границу, чтобы получить доступ к органу. Те, кто изучает и отслеживает торговлю органами, изучают платформы социальных сетей на предмет рекламы и вербовки мошенников. Учитывая большое количество безработных, предполагается, что торговцы людьми могут эксплуатировать наиболее уязвимых, заманивая их для продажи органа. Эти мотивированные, с медицинскими точки зрения, путешествия и продажа органов могут возобновиться, когда гораздо больше уязвимых людей будут готовы продать свои части тела, чтобы поддержать членов семьи. В это трудное время, когда так много людей страдают от последствий COVID-19 и связанных с ним экономических последствий, крайне важно, чтобы борьба с торговлей людьми оставалась в центре внимания правительств (на местном, государственном и национальном уровнях), правоохранительных органов, филантропов, и частного сектора. Частный сектор должен быть особенно внимательным, чтобы гарантировать, что торговля рабочей силой не происходит в их цепочках поставок. Помощь для жертв торговли людьми сейчас важна как никогда. Организации, оказывающие помощь таким категориям людей, сталкиваются с чрезвычайными проблемами, учитывая нехватку персонала, правила социального дистанцирования и блокировки, а также потенциальные потери финансирования из-за экономических проблем. Вот где инновации могут быть применены для будущей занятости. Неправительственные организации используют онлайн-платформы и создают новые интернет-предприятия, чтобы предоставить столь необходимые возможности жертвам торговли людьми. Такие организации, как AnnieCannons, создают долгосрочные решения для трудоустройства жертв торговли людьми в сфере высоких технологий. В пост-период после COVID-19 следует создать больше таких программ устойчивого трудоустройства для жертв торговли людьми. Жизненно важны частный сектор и предпринимательское мышление. Многосторонние коалиции предприятий, правительств и гражданского общества имеют решающее значение прямо сейчас для выработки решений и стратегий по борьбе с торговлей людьми в мире, разоренном пандемией. Такие коалиции, как Tech Against Trafficking и Project Protect / Project Organ (Канада), представляют собой новые модели многообещающих практик, которые можно использовать для понимания торговли людьми и последствий пандемии. Эти коалиции различных участников борьбы с торговлей людьми уже определили, запустили и / или применили творческие инициативы, основанные на технологиях, для выявления торговли людьми и поддержки жертв.

По мере того как преступность торговли людьми развивается вместе с пандемией, междисциплинарные вмешательства в сочетании с инновациями, технологиями и предпринимательским мышлением должны оставаться приоритетом.

Список литературы:

1. Жандарова И. В мире насчитали 40 миллионов рабов // Российская газета. 2018. 22 июля.
2. Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. ст. 6886.
3. Багмет А.М. Вопросы противодействия торговле людьми и эксплуатации человека // Юридическая наука и правоохранительная практика № 7.-2007 – .С. 61.

УДК 343.2

Ф. С. Канукова

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Москва

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. В статье автором рассмотрены изменения в методах уголовно-правового характера как одних из основных в структуре социального контроля над преступностью, на основании анализа статистических данных и научных разработок выявлены причины этих изменений.

Ключевые слова: преступность, социальный контроль, наказание, восстановительная юстиция, лишение свободы.

F. S. Kanukova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Moscow

TRENDS IN CRIME CONTROL CHANGES

Abstract. In the article, the author considers changes in the methods of criminal law as one of the main ones in the structure of social control over crime, based on the analysis of statistical data and scientific developments, the causes of these changes are identified.

Keywords: crime, social control, punishment, restorative justice, imprisonment.

Преступность как социальное явление претерпевает значительные изменения в современном мире. Это объясняется возникновением множества новых явлений, таких как глобализация, мультикультурализм, виртуализация многих сфер жизни и др. В этой связи традиционные методы социального контроля, в том числе и методы уголовного-правового характера, теряют свою актуальность. Перед обществом стоит вопрос разработки новых подходов к решению данной проблемы.

Преступность – один из основных видов девиантного поведения и одно из центральных понятий криминологии. Обобщая понятия преступности, можно выделить основные характеристики: преступность – исторически переменчивое явление: то, что было преступно вчера, сегодня декриминализовано; преступность предопределяется социально-экономическими факторами, особенно в кризисные для общества и государства периоды; преступность – общественно опасное явление.

Девиантное поведение, как основная причина преступности, стало выражаться более широким и во многом абсолютно новым многообразием своих проявлений, что во многом определяет тенденции развития преступности в 21 веке, среди которых можно выделить следующие.

Так преступность становится более «гуманной». На фоне сокращения насильственных преступлений наблюдается рост иного рода преступлений, в том числе и преступлений против собственности. Согласно открытой статистике МВД РФ за январь-декабрь 2020 года, общее число зарегистрированных убийств в России с 2015 г. сократилось на треть, тогда как у раз-

личного рода мошенничеств наблюдаются наибольшие темпы прироста, в результате чего в структуре преступности только за 2020 г. их доля увеличилась с 12,7 % до 16,4 % [2, С.6].

Также широкое распространение получают преступления на почве ненависти – уголовно наказуемые деяния, совершенные по мотивам предубеждения или нетерпимости по отношению к представителям определенной расы, религии, сексуальной ориентации и др.

Более того, в настоящее время активно развивается киберпреступность – противоправные действия лиц, использующих информационные и компьютерные технологии. В январе – декабре 2020 года в России зарегистрировано 510,4 тыс. таких преступлений, что на 73,4 % больше, чем за аналогичный период 2019 года [2, С.30].

Все это иллюстрирует масштабные изменения в структуре современной преступности, следовательно, сменяются и подходы к пониманию социального контроля и его методам как совокупности средств воздействия на преступное поведение с целью его предупреждения и минимизации.

Ярким примером таких изменений служит развитие теории «неэффективного наказания», в соответствии с которой лишение свободы как превентивная мера признается недействительной. Это подтверждается результатом большого количества криминологических исследований, которые показывают, что уровень рецидива для всех стран остается прежним, а значит и цель предупреждения новых преступлений остается недостигнутой. Более того, по мнению психологов, длительное нахождение в местах лишения свободы приводит к губительным последствиям для психики и нравственности человека, вследствие чего осужденные испытывают трудности с социализацией после выхода на свободу [5, С. 162].

Сторонники данной теории предлагают альтернативные решения, которые с успехом доказывают свою эффективность в зарубежных странах:

- введение практики непродолжительного лишения свободы, способствующего предупреждению наступления необратимых последствий для психики каждого конкретного осужденного;
- улучшение условий отбывания наказания, позволяющих не унижать человеческое достоинство заключенных и способствовать их исправлению.

- отмена смертной казни, при которой лишение свободы станет «высшей мерой наказания», которую следует применять только при совершении совершенными преступниками насильственных преступлений [7, С 82].

С этой точки зрения также представляется интересной концепция «восстановительной юстиции», которая предполагает активное включение сторон в разрешения конфликта без судебного разбирательства и перенос акцента с интересов государства на жертву преступления, то есть выявление ее потребностей и удовлетворения их за счет преступника. Происходит это следующим образом: жертве предоставляется возможность встретиться с правонарушителем в безопасной обстановке в присутствии профессионального медиатора и обсудить совершенное преступление. Полученная при личной встрече от жертвы информация напрямую влияет на психологическое и эмоциональное состояние преступника, заостряя чувство вины, а значит и вероятность того, что виновный возьмет на себя ответственность за причиненный ущерб возрастает.

Исследования показали, что по итогам подобных практик у жертв значительно снижается уровень страха, на фоне этого возникает чувство защищенности. Вместе с тем обязательства выполняются преступниками с большей готовностью; частота рецидивов для правонарушителей, участвовавших в переговорах ниже по сравнению с теми, кто этого не сделал. Но нужно понимать, что данная модель имеет место только в случае взаимного согласия сторон [6, С.12].

Подобные изменения тяжело принимаются в России, где по мнению большинства населения преступники не способны к исправлению, вследствие чего контроль представляется исключительно карательной мерой. В связи с этим очень важно осознавать следующее: осужденные в большинстве своем возвращаются на свободу. Чем меньшее количество людей пройдет через сложившуюся традиционную тюремную систему и попадет под влияние криминальной и тюремной субкультур, тем спокойнее будет ситуация в обществе.

Список литературы:

1. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005. С. 912.
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // Электронный ресурс: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>
3. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2008. С. 400.
4. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. С. 224.
5. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. 2003. № 5. С. 9–13.
6. Гилинский Я. И. Наказание: криминологический подход // Отечественные Записки. 2008. № 2. С. 73–89.

УДК 159.925

А. М. Келдибекова, Д. А. Пирогова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИСТОВ-СМЕРТНИЦ

Аннотация. в статье рассматриваются социально-психологические особенности террористок-смертниц, анализируются мотивы их участия в террористической деятельности, составлен обобщенный психологический портрет женщин-смертниц.

Ключевые слова: террористки-смертницы, психологический портрет террористки-смертницы, экстремизм, терроризм, мотивы поведения террористок-смертниц.

A. M. Keldibekova, D. A. Pirogova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SUICIDE BOMBERS

Abstract. the article examines the socio-psychological characteristics of female suicide bombers, highlights the motives for their participation in terrorist activities, and presents a generalized psychological portrait of female suicide bombers.

Keywords: suicide bombers, psychological portrait of a suicide bomber, extremism, terrorism, motives of suicide bombers.

В начале 2000-х годов, в Чечне, в среде женской чеченской общины возникло такое явление как женский терроризм, в последствии получивший свое распространение – появились боевые группировки «черных вдов» и «невест Аллаха». Попадают женщины-террористки чаще всего туда по воле родственников или вовлекаются профессионалами, которые «обрабатывая» их сознание, формируют у них желание совершить теракт.

«Черными вдовами» являются вдовы или ближайшие родственницы погибших в боях членов незаконных вооруженных формирований. После смерти своих мужей или родных они становятся фактически рабынями боевиков. При вербовке им внушают, что они стали обузой для родственников, они грешницы и наказаны Аллахом, который отнял у них мужа, а поэтому им нужно искупить грехи, исполнив свой долг перед своим народом.

В террористическую группировку «Невесты Аллаха» входят молодые девушки, чаще всего из семей, где женщинам прививают культ поклонения мужчине, или девушки, выросшие без родного отца и не имеющие «кровника», т. е. того, кто отомстит за ее позор или гибель. Их «похищают», якобы берут в жены, а потом используют в различных целях. Эти женщины теряют все шансы вернуться в семью – опозоренные, они никому не нужны. Семей для них становится джамаат – мусульманская община, где все друг другу «братья и сестры». Если таким женщинам не получается внушить необходимость осуществления ими теракта, им вводят наркотические и психотропные веще-

ства для того, чтобы подавить их волю и использовать как террористок-смертниц.

На территории России по материалам СМИ и интернета с 2000 г. по 2021 г. было совершено 28 терактов с участием 49 террористок-смертниц. Наибольшее число самоподрывов женщин произошло на территории Чеченской Республики и Москвы, а также теракты были на территории Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, Волгоградской области. Что заставляет их надевать «пояса шахидов» и кто они, эти женщины, которые добровольно прощаются с жизнью?

Обобщая материалы литературных источников и интернет ресурсов, можно выделить некоторые компоненты социально-психологического портрета террористок-смертниц.

1. Возраст смертниц составляет от 18 до 40 лет (10 % – в возрасте до 20 лет, 50 % – до 30 лет, 40 % – до 40 лет из 20) [2, С. 7].

2. Семейное положение. Как правило, они являются чаще всего женами или другими родственницами исламистов. Например, Мариам Шарипова, совершившая самоподрыв на станции Московского метро «Лубянка» в конце марта 2010 г., когда-то была женой Магомедали Вагабова – одного из лидеров террористического подполья. Однако есть и незамужние женщины, которые, увлекаясь исламом попадают в руки вербовщиков, например, Наида Асиялова, родом из Губинского района, уроженкой которого по паспорту она является – район с давними террористическими традициями, Буйнакск – один из самых беспокойных в террористическом плане дагестанских городов, интересовалась исламистской литературой, была приверженицей ваххабизма, в 2013 г. совершила теракт в Волгограде.

Л. А. Барский отмечает, что «чаще всего в руки «координаторов смерти» попадают женщины с неустроенной судьбой, трагедией личной жизни – изменой или гибелью возлюбленного, мужа, семьи. Их ловят в момент трагедии, одиночества, разочарования в жизни» [1, С. 29].

3. Воспитание в семье родителей. Воспитание девушек в традициях мусульманского общества предполагает подчинение в семье мужчине, поэтому они не самостоятельны в принятии решений. Честь восточной девушки – это честь её семьи. Нередко вербовщики террористических групп прибегают к сексуальному насилию над девушкой для того, чтобы она смыла позор со своей семьи смертью, «добровольно» приняв участие в «освободительной борьбе».

4. Образование. Из 20 женщин-террористок 65% – закончили среднюю школу, другие 35% получали или уже имели высшее образование. Например, отец Мариам Шариповой рассказал, что она с детства хорошо училась, закончила с отличием математический факультет Дагестанского государственного университета, работала учителем в школе.

5. Религия – ислам. С малых лет им говорят о том, что шахид утверждает свою веру собственной смертью в войне против неверных. А после победы над «неверными» шахиды попадают в рай, что обуславливает решимость, с которой террористки идут на самоубийство и смерть [3, С. 32].

6. Место совершения преступления. Высокая степень вероятности проведения террористических акций с использованием смертников на военных объектах, объектах правоохранительной деятельности, гражданских объектах (места массового скопления людей, транспортные объекты) с целью запугивания населения и дестабилизации деятельности МВД России, ФСБ России, Минобороны России.

7. В литературных источниках особое внимание обращают на такие психологические особенности личности террористок-смертниц, как высокий уровень тревожности (постоянное состояние тревоги, чувство надвигающейся опасности); низкая самооценка и неудовлетворенность жизненной ситуацией (причинами могут быть – воспитание, детские травмы, негативный жизненный опыт) и т.д.

В силу их воспитания они являются людьми, подчиняемыми мужчине и используя это качество, вербовщики формируют у женщин потребность в служении через принесение себя в жертву исламу. В некоторых случаях для того, чтобы легче было управлять, манипулировать женщинами их подсаживают на наркотики, алкоголь [5, С. 73].

Мотивами женщин-террористок при совершении террористических актов могут быть: месть за смерть близкого человека,

желание искупить совершенные грехи, караемые с точки зрения шариата, корысть (семье выплачивают деньги за совершенные теракты), участие в борьбе за национальное самоопределение [4, С. 134].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что террористки-смертницы – жертвы обстоятельств и манипулирующих ими мужчин, входящих в террористические группировки. Лишь некоторые женщины, совершающие теракты, испытывают потребность в борьбе с неверными.

Список литературы:

1. Барский Л.А. Корни и лики террора: Историко-публицистический детектив. М., 2007. 332 с.
2. Гринин Л.Е. Исламизм: история и современность. //История и современность. 2019. № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamizm-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 08.11.2021).
3. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Религиозные аспекты терроризма // Терроризм и религия / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев., сост. Л.В. Брятова. М.: Наука, 2005.
4. Ильченко О.Ю. Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-uchastie-v-terroristicheskom-dvizhenii> (дата обращения: 15.11.2021).
5. Ким И.А. Женское участие в терроризме: религиозный женский опыт или женская дискриминация? // ЖССА. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-uchastie-v-terrorizme-religioznyy-zhenskiy-opyt-ili-zhenskaya-diskriminatsiya-1> (дата обращения: 15.11.2021).

УДК 343.9.018.3

Ю. В. Краснова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ТРУДАХ ИОСИФА СОЛОМОНОВИЧА НОА

Аннотация. В статье рассматривается подход советского и российского ученого-юриста, криминолога Иосифа Соломоновича Ноа к изучению личности лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: криминология, преступность, личность преступника, причины преступности, типология личности, социальные признаки, генетика.

Yu. V. Krasnova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PROBLEM OF STUDYING THE PERSONALITY OF A CRIMINAL IN THE WORKS OF JOSEPH SOLOMONOVICH NOAH

Abstract: The article examines the approach of the Soviet and Russian legal scientist, criminologist Joseph Solomonovich Noah to the study of the identity of the person who committed the crime.

Keywords: criminology, crime, criminal identity, causes of crime, personality typology, social characteristics, genetics.

В системе научных точек зрения И.С. Ноа была предпринята попытка возродить некоторые идеи советской криминологии 1920 года, ориентированные на выяснение причин преступности не только в социальном, но и психологическом плане.

Анализ трудов И.С. Ноа позволяет выделить различные критические позиции, в частности, в некоторых случаях он прямо обвинял в недостаточном внимании к изучению личности преступника не только советскую криминологию, но и систему юридического образования в целом. Так, он писал, что при подготовке юристов в советских вузах в достаточной мере не

уделяется внимание анализу индивидуальных психологических свойств личности преступника помимо самого факта совершения преступления, хотя на основании этого подход позволяет выявить актуальные криминогенные качества человека, которые отличают их от законопослушного человека.

И. С. Ной писал, что активно предпринимавшиеся в конце 50-х - начале 60-х гг. попытки организовать изучение личности преступников на основе чисто социологических подходов давало результат, содержащий данные о крайне низком образовательном уровне лиц, совершивших преступление. Это было их наиболее заметным отличием от тех, кто не склонен был к противоправным действиям. В то же время, как отмечал И. С. Ной, в дальнейшем вывод о том, что основу совершивших преступление составляют лица с наиболее низким образовательным уровнем не подтвердился. Постепенное повышение его у советского народа выявило ситуацию, когда и среди преступников количество лиц с минимальным образованием значительно снизилось. Из этого стало очевидным, что сам по себе низкий образовательный уровень причиной преступности не является. [1, С.35]

Развивая свою мысль о невозможности чисто социологическими методами установить подлинные причины преступности, И. С. Ной поставил под сомнение еще одну весьма устойчивую точку зрения, смысл которой состоял в том, что если значительное количество преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения, то само по себе пьянство является причиной преступности. Опровергая подобные утверждения, он приводил точку зрения советского психолога П. М. Якубсона, который отмечал, что социологи вполне могут установить наличие прямой зависимости между ростом продаж и потребления спиртных напитков в определенные дни и сопутствующим этому ростом преступности. В то же время это не может объяснить причину совершаемых в эти дни преступлений, так как большинство людей, употреблявших спиртное в эти дни, не совершали преступлений. [2, С. 15]

В качестве итога своих критических суждений И. С. Ной предлагал формирование широкой программы исследований, которые в условиях советского общества 70-х гг. должны были дать развернутый и аргументированный ответ на вопрос: «Кто такой преступник в советском обществе? Какими средствами необходимо воздействовать на человека, чтобы сделать невозможными или по крайней мере свести к минимуму преступные проявления?».

Трудность ответа на этот вопрос состояла в том, что теоретическая доктрина развитого социализма фактически отказывалась видеть основы преступности на «макроуровне» общественной организации, упорно настаивая на том, что социализм устраняет объективные основы преступности в обществе вместе с ликвидацией частной собственности и эксплуатации человека человеком. Как следствие этого, развернулись активные поиски причин преступности в микросоциальной сфере: в семье, ближайшем бытовом окружении, изъянах школьного воспитания, обстановки в трудовых коллективах, а также недостаточного общеобразовательного и культурного уровня граждан. Одновременно с этим иногда звучали и суждения о том, что антиобщественное, преступное поведение может быть связано, а иногда и обусловлено психологическими особенностями конкретной личности – свойствами его темперамента, характера, эмоциональной и волевой сферы проявления индивидуальных свойств и качеств. [3, С.136]

Иосиф Соломонович утверждал, что для выявления причин преступности и наиболее всестороннего анализа лица, совершившего преступление, криминологам необходимо в своей деятельности применять новые способы, а именно, придавать большое значение достижениям генетики. По его словам, наследственная обусловленность психических свойств личности, в том числе и криминогенных, не вызвала никаких сомнений в науке.

Несмотря на это необходимо отметить, что И. С. Ной не ставил на первое место наследственные и биологические факторы при характеристике личности преступника. Он считал, что проблема выявления причин преступности через изучение личности преступника состоит не в преувеличении роли данных качеств, а в их фактическом игнорировании.

И. С. Ной настаивал, несмотря на критическое отношение к собственной позиции, что для того чтобы понять глубинные причины преступного поведения, необходимо преодолеть за-

блуждение, согласно которому каждый человек в равной степени способен к абсолютно любой деятельности. Если для каждого человека характерен свой собственный и неповторимый генотип и если не каждый из возможных его вариантов практического проявления в равной мере может определять как способности к музыке, математике, спорту и к какой-либо другой деятельности, то очевидно, что в условиях, когда социальные факторы социалистического общества сами по себе преступность не порождают, детерминанты преступного поведения нельзя связывать лишь с внешним воздействием. [1, С.210]

Анализируя труды И. С. Ноя, необходимо остановиться на подходе самого ученого к пониманию целей и задач поиска и установления причин преступности. Он писал, что юридические исследования долгое время сводились в первую очередь к выяснению воли законодателя, выраженной в правовой норме, а также к толкованию этой нормы для ее правильного применения на практике.

Этот вид исследования, в связи с его постоянной необходимостью, проводился и будет проводиться в дальнейшем. Их важность очевидна с точки зрения необходимости гарантировать правильное применение уголовного законодательства, без которого невозможно соблюдение законности и защита прав и интересов граждан.

Однако, как считал И. С. Ной, «это лишь «арифметика» уголовноправовой науки. Высший ее этап связан с получением новых знаний, необходимых как для совершенствования уголовного законодательства, так и для познания закономерностей его развития. Без социологических исследований такие знания получить невозможно. [1, С.210]

Таким образом, И. С. Ной считал, что для наиболее эффективного выявления причин преступности необходимо привлечение в этот процесс различных специалистов, тем самым, охватывая наиболее широкий круг наук. Он считал, что «самым большим заблуждением является широко распространенное представление о том, что криминологом может быть только юрист. Именно юристу по характеру его образования труднее всего разобраться во всем том, что детерминирует преступность и отдельные преступления. Только тогда, когда юрист способен понять ученых других отраслей наук и использовать их данные для объяснения преступного поведения, он оказывается на уровне тех требований, которые криминологическая наука предъявляет к своим исследованиям». [1, С. 212]

Таким образом, Иосиф Соломонович был убежден в том, что при привлечении специалистов различных областей неизбежно повысится эффективность реальной и практической борьбы с преступностью. Изучение ее основных причин, тем самым, основывалось на формировании всеобъемлющей системы научных знаний, в которой необходимо проводить изучение закономерностей противоправного поведения человека. Эта наука, по мнению И. С. Ноя, должна включать в себя социологию, право, психологию, патопсихологию, психиатрию, генетику.

Резюмируя все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что труды И. С. Ноя принесли большой вклад в советскую криминологию. Также необходимо отметить новаторство его идей, открывших новые направления в изучении личности преступника.

Список литературы:

1. *Ной И. С.* Методологические проблемы современной криминологии. Саратов, 1975
2. *Ной И. С.* Вопросы уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса и криминалистики. Саратов, 1969
3. *Ной И. С.* Вопросы теории наказания в уголовной праве. Саратов, 1969
4. *Якубсон П. М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. Москва, 1969
5. *Сахаров А. Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, 1961
6. *Алексеев А. И.* Криминология: курс лекций. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЦЮЛ «Щит», 2002
7. *Кириенко А. А.* Асоциальная направленность личности: определение понятия, характеристика, классификация // Молодой ученый. 2013. № 3.
8. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. проф. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010

А. В. Макарова

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Россия, Орел***КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются криминалистические аспекты необходимые при осуществлении прокурорской деятельности. При рассмотрении различных точек зрения по поводу важности оптимизации криминалистического обеспечения прокурорской деятельности, автор приходит к выводу о том, что знания в области криминалистики представляют собой одну из основных составляющих в работе работника прокуратуры.

Ключевые слова: прокурор, криминалистика, криминалистическая деятельность, уголовное судопроизводство, методики.

A. V. Makarova

*Central Russian Institute of Management – branch of RANEP
Russia, Orel***CRIMINALISTIC ASPECTS OF PROSECUTORIAL ACTIVITY
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Abstract: This article discusses the criminalistic aspects necessary in the implementation of prosecutorial activities. When considering various points of view on the importance of optimizing the criminalistic support of prosecutorial activity, the author comes to the conclusion that knowledge in the field of criminalistics is one of the main components in the work of a prosecutor's office employee.

Keywords: prosecutor, criminalistics, criminalistic activity, criminal proceedings, methods.

Криминалистика и уголовное судопроизводство – это две взаимосвязанные сферы юридической деятельности, основной целью которых является установление основных признаков преступления, обнаружение и разоблачение лиц, совершивших общественно опасное деяние, поиск достаточных оснований привлечения лица, виновного в совершении преступления, к уголовной ответственности. Криминалистическая деятельность, осуществляемая в рамках уголовного судопроизводства, направлена на выявление, раскрытие и изобличение лиц, совершивших преступление; на реализацию профилактических мер по предотвращению преступлений; на быстрое и полное раскрытие преступлений; на привлечение к ответственности виновных; на розыск лиц, совершивших преступление; на возмещение материального ущерба; на выявление и устранение причин, способствовавших совершению преступлений и т.д. [1, С. 335]

Как и любой другой вид деятельности, криминалистическая деятельность решает определённые задачи, которые можно подразделить на три группы: исходные (данные задачи связаны с обнаружением, фиксацией и изъятием криминалистической информации); промежуточные (связанные с процессуальным оформлением установленной информации, с обеспечением информации статуса вещественных доказательств); конечные (связанные с решением тактических задач расследования). [1, С. 324]

Решение указанных задач на основе применения основных средств криминалистической деятельности (рекомендации, приемы и методы, разработанные в данной сфере) прямо или косвенно влияет на процесс доказывания методов криминалистической деятельности. В свою очередь, результаты доказывания выступают одной из основ профессиональной деятельности адвоката или прокурора в рамках уголовного судопроизводства, а значит влияют на результативность уголовного судопроизводства в целом.

В уголовном судопроизводстве на сотрудников прокуратуры возложено решение большого массива задач, связанных с государственным обвинением, что влечёт значительную ответственность, а значит, требует непрерывного профессионального самосовершенствования.

Безусловно, сотрудники прокуратуры заинтересованы в результатах криминалистического расследования, осуществляе-

мого в рамках уголовного судопроизводства. Однако представители стороны государственного обвинения непосредственно в криминалистическом расследовании участия не принимают. Сотрудники прокуратуры не расследуют уголовное преступление с момента возбуждения уголовного дела так, как это делает следователь или дознаватель, они работают непосредственно с тем материалом и доказательствами, которые им предоставляют органы следствия или дознания. Таким образом, объективно, сотрудниками прокуратуры не приобретаются должные криминалистические знания, которые формируются при осмотре места происшествия, анализе вещественных доказательств, при допросах и очных ставках и т.д.

Из-за отсутствия специальных знаний в области криминалистики у работников прокуратуры, в некоторых случаях, возникают проблемы в сфере действенного надзора за расследованием уголовных дел, а в последующем и поддержание обвинения. Исходя из этого, одним из важнейших аспектов совершенствования профессиональной деятельности сотрудников прокуратуры, является совершенствование их криминалистического обеспечения. Криминалистическое обеспечение представляет собой совокупность (систему) действий, которая направлена на формирование знаний в области криминалистики у субъектов судопроизводства. Исследователи утверждают, что для оптимизации криминалистического обеспечения прокурорской деятельности следует:

1. Разработать определённые способы, методы и тактические средства, обеспечивающие эффективность и контроль за процессом сбора, проверки или же реализации искомых данных.
2. Создать рекомендации по координации процессов доказывания и профилактики преступной деятельности.
3. Сформировать определённые нормы и методы, способствующие эффективному доказыванию в зале судебного заседания.

На наш взгляд, все вышеперечисленные усовершенствования в будущем обеспечат эффективность надзорной деятельности в ходе процессуального доказывания, способствуют решению возникающих по тому или иному делу задач.

В то же время, нельзя не упомянуть о том, что в отношении криминалистической грамотности у сотрудников прокуратуры существует и противоположная точка зрения. При этом, одни исследователи настаивают на том, что сотрудникам прокуратуры достаточно знать основные положения отраслей и подотраслей криминалистики, владеть общим пониманием приемов и методов, которые используются в данной области. Другие исследователи говорят о том, что прокурорам совсем необязательно владеть техническими средствами, специальными или углубленными знаниями в области криминалистической методологии и т.д. [2, С. 151]

Мы считаем, что данная позиция в отношении сотрудников прокуратуры не обоснована. Дело в том, что одним из ключевых понятий в криминалистике является понятие «криминалистическая методика», которое охватывает всю совокупность положений, рекомендаций и методик расследования преступлений. Для криминалистической методологии характерен такой принцип как обусловленность данной методологии предметом доказывания. Данный принцип указывает на основную направленность не только как уголовно-процессуальной, но и криминалистической деятельности. Указанный принцип занимает главенствующую позицию в методике поддержания обвинения, поскольку методика – система научных рекомендаций, позволяющих прокурору осуществлять подготовку к представлению государственного обвинения в суде первой инстанции. [3, С. 334]

Если сравнить, два ключевых элемента профессиональной деятельности сотрудников прокуратуры: поддержание обвинения и расследование преступлений, то стоит отметить, что они существенно отличаются друг от друга. Но, благодаря положениям криминалистической методологии расследования преступлений, они, совокупно, будут выступать отправными точками в расследовании уголовных дел. На основании этого работник прокуратуры может уточнять недостоверные сведения по следующим аспектам:

1. насколько полно были совершены все следственные мероприятия;
2. что является основанием для наступления этапа уголовного преследования обвиняемого;

3. доказательства по уголовному делу являются ли допустимыми и достаточными;

4. собранные доказательства подтверждают ли совершение преступления именно обвиняемым;

5. был ли преступный умысел, а также каковы основные цели и мотивы, совершенного деяния. [1, С.298]

Известно, что уголовное судопроизводство характеризуется состязательностью, сопряжённой, в соответствии с уголовно-процессуальными нормами с соперничеством и противодействием двух сторон – обвинения и защиты – которые преследуют абсолютно разные цели. Если в процессе судебного заседания у государственного обвинителя будет отсутствовать какой-либо тактический подход, это может спровоцировать сомнения у судьи по поводу обоснованности обвинения. Таким образом, направленность криминалистической деятельности для осуществления доказывания на стадии досудебного и судебного производства по уголовному делу обязывает работников прокуратуры исполнять ее в полном объеме при выполнении ими процессуальных функций. [5]

Таким образом, можно сделать вывод, что криминалистический аспект не только присутствует, но и крайне необходим как в работе прокурора. Для работников прокуратуры существуют определенные методы и средства, которые им необходимы для осуществления обвинения и защиты. Именно поэтому прокурору требуется постоянное усовершенствование своих знаний в криминалистической области, что будет деморализовать противника.

Список литературы:

1. *Егоров, Н. Н.* Криминалистика : учебник и практикум для вузов / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 613 с.

2. *Данилова, Н. А.* Нужен ли прокурор науке криминалистике? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3 (17). – С. 150–154.

3. *Исаенко, В. Н.* Прокурор как субъект криминалистической деятельности // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 2. – С. 331–336.

4. *Кисленко, С. Л.* Криминалистическая методика построения государственного обвинения: теоретические основы построения // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 3. – С. 154–167.

5. *Писарев, Е. В.* Теория доказательств: уголовно-процессуальная или криминалистическая? // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 5. – С. 155–158.

УДК 343.241

А. М. Надирбегова

*Северо-Кавказский институт (филиал)
«ВГУЮ РПА (Минюста России)»
Россия, Махачкала*

НАКАЗАНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция социального контроля преступности и роль наказания в социальном контроле. Смертная казнь признана неприемлемой в цивилизованном мире. Анализируется «санкционный кризис» в современном мире и способы минимизации негативных последствий лишения свободы. Автор вносит предложения по совершенствованию уголовной политики страны.

Ключевые слова: социальный контроль, преступность, наказание, «кризис наказания», санкции.

А. М. Nadirbegova

*North Caucasus Institute (branch)
“VGUU RPA (Ministry of Justice of Russia)”
Russia, Makhachkala*

PUNISHMENT IN THE SYSTEM OF SOCIAL CONTROL OVER CRIME

Abstract. This article discusses the concept of social control of crime and the role of punishment in social control. The death penalty

is considered unacceptable in the civilized world. The article analyzes the “sanctions crisis” in the modern world and ways to minimize the negative consequences of imprisonment. The author makes suggestions for improving the country’s criminal policy.

Keywords: social control, crime, punishment, “crisis of punishment”, sanctions.

Тема преступности уже давно присутствует не только в научных журналах, но и в средствах массовой информации. И эта тенденция характерна не только для России. Есть как минимум два комментария по этому поводу. Во-первых, общество все больше и больше осознает опасность, исходящую от преступности. Во-вторых, нет ничего более «приятного» для СМИ, чем криминальные страшилки (жуткие преступники, маньяки, педофилы, судьба дедушки Хасана и т.д.) Не всем интересны «Джек Потрошитель» и «Кудеяр Ганн», но это человеческие разговоры, которые передаются из поколения в поколение. А современные средства коммуникации позволяют миллионам людей во всех странах воспринимать событие практически одновременно (теракты 11 сентября в Нью-Йорке, Брейвик, взрывы на Бостонском марафоне и т.д.).

Во все эпохи дискурс и правительство стремились минимизировать (устранить, преодолеть) поведение, не выгодное для общества и его носителей. Во всех странах существует система социального контроля преступности и других негативных форм поведения (алкоголизм, наркомания, проституция, коррупция и т.д.). Однако ни одно из ненужных и неблагоприятных социальных явлений, связанных с преступностью, не было «устранено». И это не шокирует. Или, для начала, все, что существует в обществе, имеет социальную функцию и поэтому не устраняется в процессе человеческого состояния. «Все действительное разумно» (Гегель), «имеет причины» и функционально. В литературе по публикациям А. М. Яковлева [1] и создателей этих строк описаны многочисленные социальные функции преступности (инновационная, финансовая, политическая – например, роль «козла отпущения»). «Существование и систематическое сохранение преступности в обществе невозможно без признания того, что преступность выполняет специфическую социальную функцию, функционирует как форма либо регулятивной, либо адаптивной (приспособительной) реакции на социальные процессы, явления и институты» [2, С. 14]. Во-вторых, преступность, как и почти все другие социальные явления, является более или менее вымышленной конструкцией. Когда законодатель (государство, правительство, режим) желает запретить определенные действия, опасаясь уголовной ответственности, например, идея о том, что «преступление – это нормальное явление, потому что совершенно невозможно говорить без преступления» (Э. Дюркгейм).

Социальный контроль над преступностью включает: определение того, что считается грехом в данном обществе (криминализация деяний); установление системы наказаний (штрафов) и конкретных приговоров за определенные преступления; создание институтов формального социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суды, пенитенциарные органы и т.д.); определение институтов и должностных лиц, представляющих социальный контроль над преступностью; сотрудничество с институтами социального контроля над преступностью. В конечном итоге, система социального контроля над преступностью включает в себя 2 основных метода: санкции и профилактику. О неэффективности санкций в целом, а тем более тюремного заключения, как средства снижения преступности известно давно. Это и упомянутая выше работа Ч. Беккариа, и тип паноптикона – «идеальная тюрьма» И. Бентама, а также исследования М. Фуко [4].

Уголовно-правовые и криминологические трудности санкций активно обсуждались в годы российской власти [5–9]. Развита российская система санкций описана во всех учебниках по уголовному праву, а также в работах С. Ф. Милюкова [10, С. 12]. А природа общества – тюрьмы – блестяще проанализирована А. Н. Олейником [11]. В целом, разрушительное (и ни в коем случае не «исправительное» и «перевоспитательное») воздействие тюремного заключения на психику и моральный дух заключенных известно давно. Об этом подробно писал М. Н. Гернет [12] Тюремное заключение никого не исправляет; оно служит школой для повышения криминального профессио-

нализма, профессионализма; оно калечит людей психологически и даже физически. Содержание тюремной системы обходится дорого и ложится бременем на плечи налогоплательщиков.

Лишение свободы – это неэффективная мера наказания с бесчисленными негативными побочными эффектами. В странах Западной Европы, Австралии, Канаде и Стране восходящего солнца преобладают краткосрочные наказания в виде лишения свободы. Как правило, сроки наказания исчисляются месяцами, в крайнем случае, до 2–3 лет, то есть до наступления необратимых психологических изменений. В-третьих, поскольку сохранение или деградация личности существенно зависит от критериев отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, в передовых цивилизованных странах заключенные содержатся в условиях добродетельного существования (нормальный стол, санитарно-гигиенические условия и «проживание»), В наиболее развитых цивилизованных странах существует система условно-досрочного освобождения, позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от срока наказания и поведения заключенного и т.п. п. [14]. В-четвертых, все более решительно выдвигаются предложения о формировании и развитии иной, не уголовной системы правосудия для регулирования отношений «преступник-жертва», о переходе от «карательного правосудия» к «восстановительному правосудию» [15]. Речь идет о переходе от стратегии «борьбы с преступностью» к стратегии «ограничения вреда». Соединенные Штаты также поддерживают повестку дня «войны и мира» тех, кто разрабатывает уголовную политику. Баркан в своей книге «Предотвращение преступления» выделял следующие «криминальные» исходы: Глобализация санкционированной преступности с ее ведущими элементами, такими как наркоторговля, торговля людьми, торговля человеческими органами и оружием; глобализация финансовой преступности, включающая денежные преступления; глобализация терроризма, коррупции, экологических преступлений и т.д.

В заключении хотелось бы отметить, что социальный контроль направлен на то, чтобы сделать привычкой стандарты поведения в определенных ситуациях, не вызывающие возражений социальной группы или всего общества. Базируя свою деятельность на общем признании культуры данного общества или группы, на привитии ее ценностей и норм своим членам путем воспитания, социальный контроль призван гарантировать соответствие поведения человека этим ценностям, нормам и ролям. Но особенно велика, непосредственна и наглядна роль социального контроля в предотвращении и пресечении социальных отклонений, в первую очередь девиантного поведения, а также преступления людей и их групп.

Список литературы:

1. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. 457с.
2. Яковлев А. М. Социология преступности. М., 2001. 243с.
3. Глинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая реальность, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009. 79 с.
4. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983.
5. Карпец И. И. Наказание: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.
6. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов, 1973.
7. Старков О. В., Милуков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. 43 с.
8. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973; Милуков С. Ф. Российская система наказания. СПб., 1998. 998с.
9. Милуков С. Ф. Система наказаний по Уголовному кодексу России. СПб., 1999. 231с.
10. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. 987 с.
11. Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. 974с.
12. Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Украина, 1930. 232с.

13. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И. Г. Ясавеев.

14. Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998.

15. Глинский Я. И. Наказание в системе социального контроля над преступностью.

16. Рабош А. В. Наказание в системе социального контроля: монография // Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2020. № 5. С. 142–150.

УДК 349.2

Е. А. Никитина

Институт экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» Россия,
Севастополь

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется влияние информационных технологий на появление новых видов преступлений. Акцентируется внимание на негативных тенденциях в обществе и необходимости урегулирования пользования сетью интернет, а также необходимости совершенствования нормативно-правового закрепления легальности операций, проводимых по средствам телекоммуникационным каналам связи.

Ключевые слова: цифровизация, интернет, IT-технологии, персональные данные, киберпреступность, преступления, правовое закрепление.

Е. А. Nikitina

Institute of Economics and Law (branch)
OUP VO «Academy of labor and social relations in Sevastopol»
Russia, Sevastopol

CYBERCRIME IN THE AGE OF DIGITALIZATION

Abstract. The article analyzes the impact of information technology on the emergence of new types of crime. Attention is focused on negative trends in society and the need to regulate the use of the Internet, as well as the need to improve the legal and regulatory framework for the legality of transactions carried out via telecommunication channels.

Keywords: digitalization, the Internet, IT technologies, personal data, cybercrime, crimes, legal reinforcement.

В эпоху развития и глобальной цифровизации многие сферы жизни общества, несомненно, подвергаются трансформации под современные реалии. С появлением новых технологий в сфере IT появились различные способы оплаты покупок, в том числе возможность оплаты покупок через интернет. Согласно данным, опубликованным Ассоциацией компаний интернет-торговли (АКИТ) за прошлый год в России было потрачено 3,22 трлн руб на приобретение товаров онлайн, что составило 9,6 % всего рынка розничной торговли [1].

С появлением новых технологий и цифровизацией расширилась и сфера деятельности профессиональных преступников, такие как подделка платежных документов, легализация и отмывание денежных средств, мошенничество по средствам создания поддельных сайтов «двойников».

Несомненно, лица, совершающие преступления используют все изменения и нововведения, происходящие с рынком товаров и услуг. Количество киберпреступлений с использованием специальных программных обеспечений в банковской деятельности, в операциях с использованием платежных бесконтактных систем постоянно увеличивается. Таким образом, киберпреступления, то есть интернет-преступления занимают особое место в профессиональной преступности [2].

Особенность такого вида преступлений состоит в обладании лица, определенными знаниями в сфере программирования, информационных технологий, с помощью которых преступник сможет длительное время быть незамеченным и не идентифицированным. Довольно часто киберпреступники объединяются в небольшие группы по 3–5 человек, арендуют

помещение (квартира, офис или даже гаражное помещение) и, оборудовав необходимой техникой, занимаются корыстной деятельностью посредством взламывания сайтов, кражи персональных данных, перепродажи конфиденциальной информации с целью получения прибыли [3].

Согласно Министерству внутренних дел Российской Федерации за 2020 год рост числа преступлений с использованием телекоммуникационных и компьютерных технологий увеличился на 91 %. По словам официального представителя МВД Ирины Волк рост киберпреступлений повлиял на увеличение тяжких преступлений.

«Общее число зарегистрированных в стране преступлений увеличилось на 1 %, тяжких и особо тяжких – на 14 %. Основное влияние на рост тяжких преступлений по итогам 2020 года оказало увеличение количества криминальных деяний данной категории, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», – опубликовало российское общественно-политическое интернет-издание «Газета.ру».

Официальный представитель МВД России подчеркнул, что число преступлений, совершаемых по средствам использования информационно-телекоммуникационных технологий выросло на 73,4 %, с использованием сети интернет на 91,3 %, с использованием средств мобильной связи на 88,3 %.

Ранее руководитель отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий СК РФ Константин Комарда отмечал, что увеличение количества киберпреступлений за последние 7 лет возросло в 20 раз и это не предел [4].

Проведя анализ данных по стремительному росту киберпреступлений различной тяжести следует выделить факторы, влияющие на преступность в данной сфере:

- свободный доступ пользователей к информационным сетям;
- возможность анонимного доступа к сети;
- распространение и пропаганда перевода денежных средств преимущественно в виртуальный эквивалент;
- незащищенность персональных данных, загруженных в интернет;
- глобализация мировой экономики;
- бедность, безработица и низкий уровень социальной защищенности населения;
- отсутствие возможности установления контроля за информацией, попадающей в сеть;
- низкий уровень информационных технологий населения, а также правоохранительных органов;
- виктимное поведение жертв интернет-преступлений;
- востребованность криптовалют, при отсутствии ее нормативно-правового закрепления [5].

Итак, киберпреступность является одной из глобальных проблем не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Для решения данной проблемы необходимо вести более тщательный контроль за информацией, размещаемой в социальных сетях и в целом в сети интернет, минимизировать появление новых факторов риска развития киберпреступности, повысить уровень знаний в сфере информационных технологий работников правоохранительных органов, проводить тренинги по повышению знаний по защите данных в сети интернет среди населения, усовершенствовать программы по защите сайтов от нападений киберпреступников.

Список литературы:

1. В 2021 году общий объем рынка e-commerce может достигнуть 3,745 трлн рублей, прогнозируют в АКИТ/ Москва, ТАСС/. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tass.ru/ekonomika/10730671> (дата обращения: 06.11.2021).
2. Лакомов А. С. Киберпреступность: современные тенденции // Академическая мысль. – 2019. – № 2 (7). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-sovremennye-tendentsii> (дата обращения: 06.11.2021).
3. Кирилленко В. П., Алексеев Г. В. Киберпреступность и цифровая трансформация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-i-tsifrovaya-transformatsiya> (дата обращения: 06.11.2021).

4. Интервью руководителя отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий СК России Константина Комарды ИА «ТАСС»–2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1529946/?print=1> (дата обращения: 06.11.2021).

5. Шмарин П. В. Киберпреступность – вызов 21 века // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-vyzov-21-veka> (дата обращения: 06.11.2021).

УДК 343.01

С. А. Пешкова

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российской Федерации
Факультет подготовки криминалистов
Россия, Санкт-Петербург

ПРАВОМЕРНОСТЬ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПРИ ЗАЩИТЕ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы признания правомерности необходимой обороны при защите собственности в российском законодательстве, которое параллельно сравнивается с зарубежным. А также рассматривается сложность применения ч. 2 ст. 37 УК РФ на практике.

Ключевые слова: необходимая оборона, собственность, имущество, жилище.

S. A. Peshkova

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the
Russian Federation
Faculty of Forensic Training
Russia, St. Petersburg

LEGALITY OF NECESSARY DEFENCE IN DEFENCE OF PROPERTY

Abstract. The article deals with the problems of recognition of legitimate necessary defence in the protection of property in Russian legislation, which is compared in parallel with foreign legislation. Also is considered the difficulty of application of part 2 of article 37 of Russian Criminal Code in practice.

Keywords: necessary defense, property, asset, dwelling.

Институт необходимой обороны в уголовном законодательстве РФ вызывает множество споров в уголовной доктрине в силу разнообразия практических ситуаций. И, если необходимая оборона при защите жизни и здоровья обороняющегося или других лиц начала в определенной степени сводиться к единой судебной практике, то в случае же определения правомерности необходимой обороны при защите собственности возникает множество вопросов.

В указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2] в разделе «Государственная и общественная безопасность» отмечено, что реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности способствует обеспечению государственной и общественной безопасности. Думается, что защита собственности граждан может быть более эффективной при её осуществлении не только государством, но и самими гражданами непосредственно. Одним из способов такой защиты собственности является необходимая оборона.

В ст. 37 УК РФ закреплено, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [1]. В ч. 2 ст. 37 УК РФ указано, что правомерной является защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни

обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, при условии, что не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Как видно, законодатель не акцентирует внимание на защите собственности при необходимой обороне. Но некоторые разъяснения по данному поводу приводятся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [3], а именно разъясняется, что под посягательством, защита от которого допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, понимается совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица (например, поби, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья).

Также к таким посягательствам относится совершение и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью УК РФ, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К ним относятся, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность транспортных средств и т.д.

К сожалению, вся законодательная регламентация вопроса по правомерности необходимой обороны при защите собственности закреплена выше. Мы видим, насколько она обширна и не конкретизирована. Думается, что законодателю необходимо более детально закрепить в тексте закона обстоятельства, при которых необходимая оборона при защите собственности будет являться правомерной. С подобной инициативой выступал ещё в 2014 году депутат Государственной думы – С.В. Калашников, который предложил добавить в действующую ст. 37 УК РФ следующее: «2.2. Не является преступлением причинение вреда лицу, посягающему на неприкосновенность жилища путем незаконного проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица» [5]. Но в 2015 году законопроект с предложениями С.В. Калашникова был отклонен, после чего подобные законопроекты не вносились в Государственную думу РФ.

Полезным в данном случае считается обратиться в зарубежному законодательству. Так, показательным примером является уголовное законодательство штата Нью-Йорк США, где в ч. 2 и ч. 3 § 35.20 указано, что лицо, владеющее помещением и любой недвижимостью или осуществляющее контроль за ней, а также лицо, имеющее соответствующее разрешение или привилегию находиться внутри нее или на ней, может применить физическую силу к другому лицу, если оно разумно полагает, что это необходимо для предотвращения или пресечения того, что, как оно разумно полагает, представляет собой совершение или покушение на совершение таким другим лицом уголовно наказуемого нарушения владения помещением или любой недвижимостью [4]. Оно может применять физическую силу любой степени, кроме смертельной физической силы, которая, как оно разумно полагает, необходима для данной цели.

Как мы видим, в данном случае более детально раскрывается правомерность защиты собственности при необходимой обороне. Конечно, огромный субъективизм по вопросам, что же считать правомерным, соответствовала ли необходимая оборона предъявляемым к ней требованиям, а в каком случае видится превышение пределов необходимой обороны, остается у судей. Но уже с уверенностью можно сказать, что гражданин может самостоятельно защитить свою собственность в случае преступного посягательства. Что же касается российской практики, то можно рассмотреть в качестве примера кассационное определение СКУД ВС РФ от 22.10.2020 по делу № 43-УД20-8-К6 [6]. Губенка А.А. осужден за убийство на почве личных неприязненных отношений Р. и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью П. с применением предмета, используемого в качестве оружия. В кассационной жалобе адвокат, ссылаясь на имеющиеся у осужденного телесные повреждения, утверждает, что потерпевшими было совершено

покушение на хищение имущества осужденного, переросшее в разбойное нападение, в связи с чем, осужденный, находясь в состоянии необходимой обороны, был вынужден защищаться с применением ножа.

Суд установил, что причиной конфликта между Губенка А.А. и Р. явились неправомерные действия потерпевшего, подготовившего для хищения швейную машинку, которая принадлежала матери осужденного, вынес ее в коридор квартиры, но когда Губенка А.А. предъявил претензии Р. в связи с его попыткой совершить кражу, словесный конфликт между ними перерос в драку, в ходе которой Губенка А.А. применил нож.

Суд отверг доводы стороны защиты о том, что Губенка А.А. применил нож в отношении Р. для защиты от его неправомерных действий.

Оценив представленные сторонами доказательства, суд сделал вывод о том, что никакой реальной угрозы жизни Губенка А.А. потерпевший Р. не представлял, так как у него не было оружия или предметов, используемых в качестве такового, его физиологические данные также не давали оснований полагать, что погибший мог представлять реальную угрозу для жизни подсудимого, в связи с отсутствием у кого-либо из дерущихся значительного физического превосходства над соперником конфликт, как считает суд, мог закончиться без тяжких последствий.

Доводы защиты о наличии угрозы для здоровья Губенка А.А. не получили надлежащей оценки в приговоре.

Однако доказательства защиты свидетельствуют о том, что в ходе драки действия Р. были более активными, по сравнению с действиями осужденного, так как им было нанесено большее количество и со значительной силой ударов Губенка А.А., причинивших его здоровью вред средней тяжести, соответственно, возникла реальная опасность для здоровья Губенка А.А..

Но в свою очередь осужденный нанес не менее 33 ударов в различные части тела Р., 26 из которых нанесены в область спины, то есть в тот момент, когда потерпевший не применял насилие к осужденному, СКУД пришла к выводу о том, что отсутствовала необходимость в нанесении потерпевшему такого количества ударов, такой способ защиты явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, были превышены пределы необходимой обороны, а потому в силу ч. 2 ст. 37 УК РФ защита не может быть признана правомерной.

С учетом изложенного действия Губенка А.А. по убийству Р. при превышении пределов необходимой обороны правильно надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Из приведенного примера мы видим, что возникают сложные ситуации при квалификации защиты собственности, что является существенным недостатком в первую очередь российского законодательства, а уже потом практики. Очевидно, что назрела необходимость рассмотрения вопроса внесения изменений в уголовное законодательство, касающихся критериев правомерности необходимой обороны при защите собственности. В данном случае речь идёт не о конкретике каждого отдельного случая, так как эта идея утопическая, а об общей конкретизации таковых пределов, возможно, неплохим подспорьем в данном вопросе выступало бы законодательство зарубежных стран.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – ст. 5351.
3. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 11, 2012.
4. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. Уголовное право буржуазных стран: сб. законодательных актов / И.Д. Козочкин. М., 1990. 120 с.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при защите собственности : Проект федерального закона от 29.03.2014 № 484589-6

(внесен членами СФ: Е.Г. Тарло, Н.В. Косаревым, Е.В. Петелиным, Ю.В. Шамковым, депутатом ГД С.В. Калашниковым) // <https://base.garant.ru/57710938/> (дата обращения: 10.11.2021)

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2020 № 43-УД20-8-К6 // https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1935242 (дата обращения: 10.11.2021).

УДК 343.31.7

Г.Ю. Попкова

*Российский государственный
профессионально-педагогический университет
Институт гуманитарного
и социально-экономического образования
Россия, Екатеринбург*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. в данной статье описаны особенности преступлений в информационной сфере. Выделены группы киберпреступлений и различные виды их реализации. Рассмотрены основные проблемы, касающиеся Интернет-преступлений на современном этапе.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные технологии, сеть Интернет, виды преступлений, интернет-преступность.

G.Y. Popkova

*Russian State Vocational Pedagogical University
Institute of humanitarian and social-economical education
Russia, Ekaterinburg*

CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

Abstract. this article describes the features of crimes in the information sphere. Groups of cybercrimes and various types of their implementation are identified. The main problems concerning Internet crimes at the present stage are considered.

Keywords: cybercrime, information technology, Internet, types of crimes, Internet crime.

Для современного общества характерно стремительное развитие и усовершенствование компьютерных технологий, которые применяются и успешно реализуются во всех сферах деятельности человека. Постепенное внедрение данных технологий, несомненно, ведет за собой ряд последствий: как положительных, так и отрицательных. Именно это обуславливает актуальность темы исследования: распространение преступности в данной области обладает специфическими характеристиками, сложностями в выявлении и расследовании, многообразием видов преступных деяний в сети Интернет. Из этого и вытекают проблемы правового регулирования компьютерной преступности, создавая обширную базу, которую необходимо изучать и регулировать.

По данным статистики МВД в 2021 году насчитывается около 320 тысяч преступлений, связанных с информационными технологиями. Данный показатель превышает на 16 % данные прошлого года. Выделяются способы реализации преступной деятельности: используя мобильную связь было совершено 127 тысяч преступлений, банковские карты задействованы в 104 тысячи случаев [1].

Понятие «интернет-преступность» или «киберпреступность» подразумевает преступные деяния в сфере информационных технологий, при этом учитываются как преступления, совершенные при помощи компьютера, так и те, в которых они являются предметом преступления, включая информацию, личные конфиденциальные данные, хранящиеся на устройстве. В то время «компьютерным преступлением» считается только то деяние, которое похищается на безопасность работы самого устройства и компьютерных сетей, также на информацию и данные, обрабатываемые на устройстве [2, С.87].

Сеть Интернет обладает одной специфической и крайне опасной особенностью – в ней практически отсутствуют границы, нормы поведения, либо же они слабо контролируются. Это и дает устоявшуюся базу для совершения киберпреступлений. Коммуникация преступников облегчается наличием анонимных адресов, каналов связи, которые блокируются после успешного выполнения запланированной противоправной деятельности, также существует возможность вмешательства в функционирование автоматизированных систем телефонной связи, что особо опасно при террористических актах, шпионаже для реализации антиобщественных, антиполитических деяний.

Данный вид преступности наделен рядом особенностей, отличающих киберпреступления от других видов. К ним можно отнести тот факт, что на момент совершения преступного деяния нет необходимости физического контакта преступника и жертвы: возможно нахождение в разных городах, странах, и даже это не будет являться препятствием для совершения преступления. Также для таких преступлений часто характерен автоматизированный порядок выполнения, не требующий постоянного контроля и вмешательства и позволяющий значительно увеличить объем преступлений. Наличие норм и ограничений реального мира не затрагивают компьютерную реальность, поэтому преступник имеет более обширные возможности для совершения задуманного деяния. Еще одной особенностью является сложность, а, зачастую, даже невозможность определения местоположения преступника в реальном мире [3]. Из данных особенностей и вытекает опасность и проблематичность расследования киберпреступлений правоохранительными органами, затрагивающая уже международные отношения: вопрос применения прав и законов той или иной страны, если преступление было совершено удаленно.

В Конвенции Совета Европы также отражена проблема киберпреступности. В нем содержится важная информация, также определяющая группы классификации компьютерных преступлений.

К первой группе относятся преступления, посягающие на конфиденциальные данные человека, также на ограниченный доступа компьютерных данных и систем в целом: взлом, хищение личной информации из различных баз данных. Вторая группа выделяет непосредственно компьютер и устройства как средство реализации противоправных действий, например, интернет-мошенничество. Третья группа включает преступления, касающиеся непосредственно информации, опубликованной в сети Интернет, сюда можно отнести, например, размещение детской порнографии. В четвертую группу входят преступления, касающиеся нарушения авторских прав или смежных с ними. Пятая группа включает распространение ксенофобии, расизма на просторах сети Интернет [4]. Существует множество способов совершения преступлений в сфере информационных технологий, это обусловлено развитием компьютерных технологий, техники, сетей коммуникаций.

Таким образом, сложность расследования киберпреступлений обусловлена рядом проблем, характерных на данном этапе развития общества. К ним можно отнести латентный характер совершения компьютерных преступлений: преступник может совершать преступные деяния, не нарушая границ своей обыденной жизни, например, в собственной квартире, общественном месте, оснащенном доступом к Сети. Также преступления могут обладать не только организованным, но и международным характером. Наблюдается негативная тенденция роста числа киберпреступлений, обладающая множественностью видов, способов и форм реализации на площадке Интернет, где преступник имеет возможность своевременно устранить следы своего вмешательства в систему, что актуализирует необходимость повышения числа квалифицированных специалистов, способных грамотно и оперативно противодействовать мошенникам, злоумышленникам в данной сфере.

Киберпреступления являются сложным антисоциальным явлением, для решения которого требуется комплексный подход, включающий в себя грамотное и своевременное расследование преступного деяния, наличие квалифицированных специалистов, способных реализовывать свои навыки в данной области и международное сотрудничество, являющееся основой дальнейшего стабильного развития и совершенствования различных сфер жизнедеятельности человека.

Список литературы:

1. МВД России публикует данные о состоянии преступности по итогам пяти месяцев 2021 года [Электронный ресурс] URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/24738876> (дата обращения 08.11.2021)
2. Евдокимов К.Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2016. № 1 (35). С. 86–94.
3. Brenner S.W. Toward a Criminal Law for Cyberspace: Distributed Security [Электронный ресурс] URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/76622895.pdf> (дата обращения: 07.11.2021)
4. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 08.11.2021)

УДК 343.97

С. С. Ригвава

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ.

Аннотация. Общество всегда стремится к мирной жизни и порядку. Спокойная жизнь нарушается ввиду развития расслоения общества, распространения преступности или превышения полномочий со стороны власти. Поэтому обществу необходим социальный контроль. Практика борьбы с преступностью известна еще в древние времена, когда люди, которые совершали преступления, казнили или у них отбирали все/ Сейчас контроль стал более организованным и правовым. Особенности социального контроля в современном обществе и посвящена эта статья.

Ключевые слова: социальный контроль, общество, право, мораль, санкции, преступность, справедливость.

S. S. Rigvava

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

CRIME AND SOCIAL CONTROL OVER IT IN MODERN SOCIETY

Abstract: Society always strives for a peaceful life and order. Quiet life is disrupted due to the development of stratification of society, the spread of crime or lawlessness on the part of the authorities. Therefore, society needs social control. By introducing the norms of law and morality, as well as the norms of sanctions, society reduces the crime rate. The practice of fighting crime has been known since ancient times, when people who committed crimes were executed or everything was taken away from them. Now the control has become more organized and legal. This article is devoted to the peculiarities of social control in modern society.

Keywords: social control, society, law, morality, sanctions, crime, justice.

Анализируя состояние преступности в современный период, мы помогаем в возможности предложить новые формы и методы, как способствующие искоренению должного явления. Социальный контроль как механизм регуляции отношений между обществом и индивидом уже давно известен всему миру и способствует установлению порядка в обществе, его укреплению и развитию.

Этот контроль основан на принципах уважения к индивиду, справедливости, равенстве и т.д.

Справедливость также является одним из принципов, регулирующих взаимоотношения между людьми по поводу распределения (перераспределения), в том числе взаимного (в обмене, дарении – отдаривании), социальных ценностей. Социальные ценности понимаются в самом широком смысле. Это – сво-

бода, благоприятные возможности, доходы и богатства, знаки престижа и уважения и т.д.

Принцип справедливости призывает уважать личность каждого не посягать на жизнь другого человека. На то, чтобы отобрать жизнь у человека или его собственность, нужны крайне веские основания. [Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник ПАГС. 2017. № 5.]

При этом практически любого современное государство сегодня защищает как собственность своих граждан, так и их жизни. В обществе принято следовать правилу – не трогать чужого, не присваивать себе чужие труды и т.д. За подобные преступления общество критикует нарушителей, а государство предьявляет наказания.

Справедливость можно считать одной из ценностей права. И они также необходима как принцип при осуществлении социального контроля в обществе.

Контролю преступности в обществе способствуют два основных инструмента: нормы (правовые или моральные) и санкции.

Все «должное» в обществе регулируется нормами. Нормы могут быть правовыми и моральными. [Берковский В.А. Брагина Е.А. Проблемы соотношения морали и права: аксиологический аспект // Kant. 2018. № 2 (27)]

Исторические, право родилось гораздо позже морали. Моральные нормы начинались со слов «так нельзя», «это нехорошо» и т.п.

Рассматривая мораль и право мы всё чаще приходим к выводу о необходимости внедрение социального контроль в государственные структуры. Социальный контроль будет способствовать достижению положительных результатов в деятельности органов публичной власти. Моральные нормы способны регулировать как межличностные, так и межгрупповые взаимоотношения между людьми. Мораль формируется как определенная установка или убеждение, иногда и как психологический или социальный стереотип. И эти убеждения или стереотипы должны управлять поведением людей в повторяющихся однотипных ситуациях и быть рекомендованы для людей к исполнению.

Правовые нормы возникли уже на основе норм морали и были разработаны государством. Так как правовые нормы имеют форму закона, то они уже обязательны к исполнению и являются более жесткими.

Право и мораль пересекаются на стыке нравственности.

При всей схожести морали и права, все же каждый из рассматриваемых регуляторов обладает своими особенностями и спецификой.

Специфика права заключается в формальном выражении равенства и его связи с государством.

Важно также сказать, что правовые нормы возникают уже в самих общественных отношениях, которые зафиксированы между людьми (пусть даже условно) и получили свое цивилизованное выражение в виде законодательного акта.

Это уже говорит о наличии институализированного характера правовой нормы, который и делает правовую норму специфичным по отношению к нормам морали. [Квашис В.Е. Социальный контроль над преступностью: что делать? // Виктимология. 2019. № 3 (21).]

Моральные нормы все же чаще возникают в обычной жизнедеятельности людей, и никогда не обретут законополагающей инстанции. Они лишь могут стать основой для создания правовой нормы. Моральные нормы имеют тенденцию передаваться из поколения в поколение, могут транслироваться, а правовые нормы возникают по стечению обстоятельств в государстве.

Таким же образом осуществляется и социальный контроль, который в институализированных регулятивных системах выполняет государственные структуры.

И как раз правовая норма как регулятор становится основой такой регулятивной системы. Право тесно связано с государством и его функциями, достаточно вспомнить одну из функций государства – правовую защиту граждан.

Государство как бы выступает гарантом прав и свобод граждан, гарантирует исполнение всех прав человека, взамен получая определенные обязательства (налоги, служба в армии

и т.д.). И именно такая связь права с государством говорит о второй важной специфике права и позволяет четко различать его от моральной нормы.

За нарушение прав государство предусматривает более строгие и обоснованные санкции (штрафы, лишение свободы). За нарушение норм морали санкции уже осуществляет само общество.

Сравним между собой моральные и правовые санкции как инструменты контроля преступности в обществе. Правовые санкции более жесткие и четкие, так как прописаны в законах государства. Такие нормы не терпят отлагательств и исполняются в принудительном порядке. Эти меры необходимы для пресечения любых видов правонарушений и преступности.

Но раньше моральные санкции также могли быть жесткими и даже аморальными (например, отрубить руку за воровство). То есть, у различных народов времени моральные запреты нередко становились правовыми, а правовые нормы трансформировались в моральные.

Моральные санкции, прежде всего, могут зависеть от индивидуальных особенностей участников социума, которые производят эти санкции. Одному человеку покажется, что достаточно человека осудить, второму – что следует его еще и выгнать, изгнать или изолировать. Выбор моральной санкции зависит от убеждений и моральных принципов человека, а ведь убеждения и принципы людей отличаются.

В этом и заключается еще одна особенность – моральные нормы не устойчивы, а вот правовые нормы – они едины для всех. Если в государстве запрещена смертная казнь, то никто не вправе ее осуществлять, как бы сильно люди не желали такой формы санкции для виновного.

Моральные нормы могут исполняться в силу привычки, или по принципу «так делают все». А правовые нормы и санкции уже работают по принципу «надо» или «не надо».

В обществе есть также и другие механизмы регулирования преступности – пропаганда анти преступного мира. Это заключено в элементарном формировании у людей с детства представлений о хорошем и плохом, о вреде лжи, о пользе добра и т.д. Сюда можно отнести и пропаганду здорового образа жизни, волонтерства, уважительного отношения к старшим и т.д.

В заключение данной статьи необходимо сказать, что социальный контроль будет способствовать снижению уровню преступности. Посредством введения норм права и морали, а также норм санкций общество снижает уровень преступности. Для социального контроля используют правовые и моральные нормы, а также нормы санкций.

Мораль может изменяться с течением времени или с развитием общества и государства, тогда как правовая норма изменяется гораздо медленнее и основания для изменений права должны быть обоснованными. Но регулирование преступности всегда будет необходимо.

Список литературы:

1. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник ПАГС. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-prave-aksiologicheskij-podhod> (дата обращения: 08.11.2021).
2. Берковский В.А. Брагина Е.А. Проблемы соотношения морали и права: аксиологический аспект // Kant. 2018. № 2 (27). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-sootnosheniya-morali-i-prava-aksiologicheskij-aspekt> (дата обращения: 12.11.2021).
3. Квашиц В.Е. Социальный контроль над преступностью: что делать? // Виктимология. 2019. № 3 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kontrol-nad-prestupnostyu-cto-delat> (дата обращения: 14.11.2021).
4. Малиненко Э.В. О роли конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации в толковании конституций, уставов субъектов Российской Федерации как источниках конституционного права/Э.В. Малиненко //Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 6 (162). – С. 46–49.

УДК 343.352.4

Е. С. Розсудовский

Минский инновационный университет
Республика Беларусь, Минск

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ВЗЯТКИ

Аннотация. В статье рассматривается содержание ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Получение взятки», а именно: понятие «выгода имущественного характера», в соответствии с его толкованием в различных научно-практических комментариях. В том числе приводятся примеры с научным обозрением аналогичных понятий в законодательстве Российской Федерации и Украины.

Ключевые слова: коррупция, взятка, должностное лицо, выгода имущественного характера, услуга имущественного характера, услуга сексуального характера.

Y. S. Razzudouski

Minsk innovation university
Republic of Belarus, Minsk

SOME ISSUES OF DEFINING THE SUBJECT OF A BRIBE

Abstract. The article discusses the content of Art. 430 of the Criminal Code of the Republic of Belarus (Taking a bribe), namely the concept of “property benefit”, in accordance with its interpretation in various scientific and practical commentaries. In particular, examples are given with a scientific review of similar concepts in the legislation of the Russian Federation and Ukraine.

Keywords: corruption, bribe, executive, property benefit, property service, sexual service.

Коррупция, как социальное явление, посягает на верховенство правовых норм, подрывает доверие граждан к властным структурам, парализует функционирование государственного механизма, органов государственной власти и управления, аппаратов управления, а также создает серьезную угрозу национальной безопасности.

Пункт 27 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575 (далее – Концепция) гласит, что к основным потенциальным либо реально существующим угрозам национальной безопасности относится рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления, а п. 9 Концепции относит эффективное противодействие коррупции к основными национальным интересам в политической сфере [1].

В своем проявлении коррупция обладает разнообразием и многоаспектностью, в связи с чем не представляется возможным описать исчерпывающий перечень возможных видов ее проявления. Также, в силу вышеописанного, могут возникать сложности в вопросах квалификации деяний должностного лица, отнесения их к преступным.

Составы преступлений, совершение которых в соответствии с законодательством Республики Беларусь влечет уголовную ответственность, содержит в себе Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), который выделяет десять «коррупционных составов» в рамках Главы 35 – «Преступления против интересов службы».

Определенный интерес для рассмотрения представляют ст. ст. 430–431 УК Республики Беларусь, устанавливающие уголовную ответственность за получение взятки и за дачу взятки соответственно. Часть 1 ст. 430 УК Республики Беларусь относит к предмету взятки материальные ценности и выгоды имущественного характера. Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» гласит, что предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т.п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги,

оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т.п.)

Проблемным, на наш взгляд, является содержание ст. 430 УК Республики Беларусь в отношении понятия «выгоды имущественного характера», поскольку законодательство Республики Беларусь не дает ему нормативного определения. Научно-практический комментарий к УК Республики Беларусь под редакцией В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука (далее – НПК УК Республики Беларусь) определяет, что в качестве выгоды имущественного характера следует понимать различного рода услуги, оказываемые должностному лицу или иным лицам (с его согласия или введомо) бесплатно (безвозмездно), но подлежащие оплате (например, предоставление абонемента на посещение тренажерного зала, угощение в ресторане и др.) Авторы комментария замечают, что есть основания относить к выгоде имущественного характера и оплачиваемую сексуальную услугу, предоставляемую бесплатно должностному лицу, о чем ему известно [3]. В условиях отсутствия легального рынка услуг сексуального характера в Республике Беларусь такое научное толкование понятия «выгоды имущественного характера», на наш взгляд, исключает возможность его использования в правоприменительной практике. Моделируя примеры правоприменительной практики также следует заметить, что предметом взятки может стать услуга сексуального характера, оказанная близким родственником взяткодателя (супругой, матерью, сестрой, дочерью и т.д.), которая заведомо не должна быть оказана на платной основе, что исключает возможность практического правового применения научного толкования понятия «выгода имущественного характера», как платной услуги сексуального характера.

Так, Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Украины (далее – НПК УК Украины) исключает возможность отнесения интимной связи к предмету взятки: «Не могут признаваться предметом взятки, оказанные должностному лицу услуги неимущественного характера (например, лестная характеристика, отзыв в прессе, интимная связь, выступление в «защиту должностного лица», которое критикуется за изъяны в работе).» [4]

В содержании ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) законодатель в качестве предмета взятки рассматривает деньги, ценные бумаги, иное имущество, либо незаконное оказание услуги имущественного характера, предоставление иных имущественных прав. В свою очередь Научно-практический комментарий к УК РФ под редакцией Н.Г. Кадникова никак не относит интимную связь к предмету взятки, а понятие услуг имущественного характера он определяет, как предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств [5].

На официальном Интернет-ресурсе Национального центра правовой информации Республики Беларусь размещено нормативное определение «выгоды имущественного характера», утратившее силу. Так, в соответствии с примечанием к ст. 8.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2003 года в редакции 2016 года (далее – КоАП) под выгодой имущественного характера в ст. 8.8 КоАП понимаются доход, который юридическое лицо получило (могло получить), либо затраты, которых юридическое лицо избежало (могло избежать) в результате совершения должностным лицом или иным работником юридического лица административного правонарушения [6].

Наличие «оценочных понятий» (понятий, не имеющих нормативного определения) может привести к проблемному восприятию и толкованию норм законодательства, содержащих такие понятия. Руководствуясь этой «аксиомой», считаем нежелательным наличие «оценочных понятий» в любом их виде в законодательстве Республики Беларусь, либо изложение нормативных определений таковых в нормативных правовых актах Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного предлагаем дополнить ст. 430 УК Республики Беларусь примечанием, содержащим нормативное определение понятия «выгода имущественного характера» во избежание его юридически некорректного толкования при квалификации общественно опасных деяний.

Содержание такого определения предлагаем привести по аналогии с ранее исключенным примечанием к ст. 8.8 КоАП и изложить в следующей форме: «Под выгодой имущественного характера следует понимать доход, который должностное лицо получило (могло получить), либо затраты, которых должностное лицо избежало (могло избежать) в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах взяткодателя или представленных им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий.»

Список литературы

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.]; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
4. Уголовный кодекс Украины. Научно-практический комментарий / Отв. Ред. С.С. Яценко. – 3-е изд., исправл. и доп. – К.: А.С.К., 2004. – 1096 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2019. – 1096 с.
6. Выгода имущественного характера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://multilang.pravo.by/>. – Дата доступа: 31.10.2021.

УДК 343.97

Л. А. Чекалова

*Волгоградский Институт Управления
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы
Россия, Волгоград*

ДЕВИАЦИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА МАЛОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье были рассмотрены подходы к возможному взаимодействию развитых, развивающихся и зарождающихся государств на основе сформированных мировоззрений. Также были рассмотрены важные для криминологии соотношения восприятия преступности в искаженном и привычном людям виде.

Ключевые слова: сентинельцы, поведение, девиантный, государство.

L. A. Chekalova

*Volgograd Institute of Management
Russian Academy of National Economy and Public Service
Russia, Volgograd*

DEVIATION AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF A SMALL SOCIAL GROUP AND STATE

Abstract. The article discusses approaches to the possible interaction of developed, developing and emerging states on the basis of formed worldviews. Also, important for criminology, the ratio of perception of criminality in a distorted and familiar form was considered.

Keywords: Sentinelese, behavior, deviant, state.

Миры социума в системе законов и законов в системе социума не перестают развиваться. С течением многих лет императивные и диспозитивные правила поведения менялись,

приобретали новые значения для человека, но всегда оставались регуляторами общественных отношений. Современный человек уже не помнит, что значит быть вне «социума в системе законов» и осуществлять свою деятельность вне «законов в системе социума». Цивилизация нашего времени не перестает формироваться из норм морали, которые люди видоизменяли и трактовали так, чтобы им было выгодно существовать друг с другом. Данный нравственный ориентир складывал систему ценностей, принимая которые, общество того или иного времени строило свои взаимоотношения на основе догматических и нерушимых моральных норм. Весь этот процесс основывается на стремлении приобрести людьми общей и значимой, материальной и духовной выгоды.

Человеческая самоидентификация как существа социального, зависящего от большинства процессов общественной системы, содействует структурированию и складыванию восприятия общественного порядка. Чем больше социальная группа, тем конструктивнее и значимее будет роль данного общественного порядка. Размер группы подразумевает ее организованность не только моральными, но и нормативными нормами, выступающими материальным свидетельством наличия прав и обязанностей, не противоречащих сложившимся нравственным устоям. Но размер социальной группы подразумевает и относительное количество людей, чьи нравственные предубеждения не соответствуют определенным общепризнанным постулатам. Такие люди, в силу совпадения интересов и взглядов, собираются в малые социальные группы, демонстрируя девиантное поведение.

Согласно теории социальной девиации [1, С. 25–26.], такие люди есть доказательство социального явления, которое не соответствует установленным или фактически сложившимся правилам поведения.

Наличие правил поведения является важнейшим элементов в установлении причин девиантных аспектов поведения. Отношение к правилам поведения складывается из адекватного и искаженного восприятия окружающей нас социальной, нравственной и правовой жизни. Но как определить критерии адекватности и искаженности? Фридрих Ницше писал: «Сколько мало акт рождения принимается в счет в полном предшествующем и последующем процессе наследования, столь же мало противоположна «сознательность» в каком-либо решающем смысле инстинктивному». В соответствии с убеждениями Ф. Ницше, «сознательное» тождественно «инстинктивному», а следовательно, можно сделать вывод, что адекватное восприятие окружающей нас жизни складывается из человеческих инстинктов. Инстинкт самосохранения способствует обществу в согласовании и создании правовых норм, которые сдерживают и санкционируют антиправовые действия преступников. Также этот инстинкт содействует в формировании и практическом использовании норм морали, сформированных на основе категоризации добра и зла, плохого и хорошего.

Но как понимать «искаженное восприятие»? Что для социума является искаженным? И, следовательно, возникает вопрос: кто именно является человеком с искаженным восприятием? В психосенсорике есть такое понятие, как «метаморфопсия», что означает искажения в восприятии величины, формы и движения объекта. Человек с метаморфопсией, при отсутствии должного внешнего вмешательства с целью устранить данное нарушение, не воспримет и не поймет мир как другие люди [2, С. 11–15.]. Его миропонимание отличается от созерцания окружающих процессов других людей, что складывает свое собственное представление реальности и формирует критерии субъективного оценивания ее как таковой. Человек, видящий и познающий мир без данного дефекта, вряд ли сможет понять человека с метаморфопсией. Современная медицина призвана бороться с такого рода нарушениями. И если провести параллель между данным явлением и девиантным «искаженным восприятием», то можно заметить, что оба процесса схожи между собой. Так же, как и перед медициной, перед обществом со своими сложившимися нормами стоит задача минимизировать число девиантных проявлений для поддержания единой системы адекватного восприятия социальных и иных процессов. Таким образом, искаженным для общества является то восприятие, которое провоцирует действия и процессы, противоречащие установленным и исторически сложившимся правилам поведе-

ния. Оценивание таких действий и процессов происходит на основе эталонов нравственного поведения и правового сознания, которые закладываются в сознании человека в процессе становления личности и развития.

А. Козн считал, что девиантное поведение это «такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы» [3, С. 235.]. Следовательно, можно сделать вывод, что девиантное – это только то поведение, которое сформировалось в рамках социума. Но не все люди, живущие в нашем мире, знают что такое «девиация» и даже какой идет по счету год.

Сентинельцы – это народ, проживающий на островах Бенгальского залива, никогда не слышавший о достижениях нашей цивилизации, политике и экономике [4]. Это народ, который существовал и развивался в полной изоляции от общества, которое претерпевало различные этапы развития, и становление которого студенты и школьники изучают на курсах истории. Но, если сентинельцы до сих пор существуют, значит в их обществе сложились определенные нормы и правила поведения, позволяющие выживать в условиях изоляции. Предположим, что данный народ имеет свою систему ценностей, полностью отличающуюся от системы, сложившейся в привычном для нас обществе. И что произойдет, если, при наличии собственных аморальных для цивилизованного человека норм, развитие сентинельцев возрастет до уровня государства?

Иметь объективный взгляд на будущее, в котором этот народ станет конкурентоспособным государством, со своей внутренней и внешней политикой – сложно. Нельзя точно утверждать ход событий и развития человечества в такой ситуации. Но если рассматривать возможное поведение сентинельцев, как девиантное для нас, которое, может быть, даже превзойдет преступления как благо для общества, то можно проанализировать такое обстоятельство посредством философских законов, входящих в систему методологии криминологии.

В направлении материалистической диалектики Ф. Гегель выделил 3 закона [5, С. 32.], с помощью которых можно предположить возможные обстоятельства рассматриваемой ситуации. Закон единства и борьбы противоположностей был сформулирован, как «Движение и развитие в природе, обществе и мышлении обусловлено раздвоением единого на взаимопроницающие противоположности и разрешением возникающих противоречий между ними через борьбу». Трактуя данный закон, можно сделать вывод, что одним из исходов событий может стать непосредственное столкновение ценностей и интересов государств. В ситуации, когда исторически сложившиеся ценности подвергаются критике, а законы, которые так или иначе основываются на нормах морали и способствуют обеспечению мира и безопасности человечества, становятся объектами осуждения, члены определенных обществ становятся на защиту собственных предубеждений.

В соответствии с законом перехода количественных изменений в качественные, можно предположить, что с появлением новой системы правил, норм и законов, начнут происходить изменения и в системах других государств. Какие-либо нормы будут заимствованы в силу их практичности и логичности использования. Страны начнут участвовать в изучении социальной, правовой жизни нового государства, вбирая в свои системы элементы, пригодные для урегулирования общественных отношений. В данном случае возможна и ассимиляция как и правовых, так и социальных норм, что стало бы причиной изменения сути и догматических основ государств. Можно предположить, в соответствии с рассматриваемым законом, что система предубеждений и ценностей государств будет основываться на неких прецедентах сентинельского права, что, несомненно, сыграт роль в мировом развитии систем социальных и правовых норм: что-то потеряет смысл, а что-то войдет в развивающуюся концепцию новых ценностей. В таком случае целое государство послужит примером для усовершенствования определенных аспектов жизни других государств, выступая примером позитивной девиации.

На основе закона отрицания отрицания, можно предположить, что государство сентинельцев совместно с другими государствами будут отрицать эффективность существующего порядка и принципов урегулирования общественных отношений

друг друга. В силу ярко выраженной противоположности, вероятнее всего, конфликты между государствами не перестанут угадать до тех пор, пока не произойдет их «взаимопревращение» (в силу каких-либо обстоятельств), который сопровождается взаимообменом системы ценностей. Разница между вторым и третьим законами лишь в характерной апогее рассматриваемых процессов: если в случае, когда обстоятельства сложились в соответствии со вторым законом, итогом стала позитивная девиация, то в случае, когда реализовался бы третий закон, максимум событий являлся бы такой конфликт, как война.

В заключение, можно сделать вывод, что события, происходящие в различных сферах человеческой жизнедеятельности, всегда рассматривались дифференциально и субъективно. И, на мой взгляд, основными задачами социальных и правовых систем являются поддержание значимости фактически сложившихся норм и ожиданий, а также сообразное модернизирование уже сложившихся моделей общественного регулирования

Список литературы:

1. *Салтыкова-Волкович М.В.* Причины и особенности девиантного поведения // Вестник Полоцкого Государственного Университета. – 2016. – № 15. – С. 25–26.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: Эксмо, 2020. – 11–15 с.
3. *Коэн, А.* Социология сегодня: исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения / А. Коэн. – М.: Прогресс, 1965. – 235 с.
4. Survival comes first for Sentinel islanders – the world's last 'stone-age' tribe // theguardian.com URL: <https://www.theguardian.com/world/2006/feb/12/theobserver.worldnews12> (дата обращения: 26.10.2021).
5. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 464 с.

РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 342.9

С. Р. Байишова, Я. В. Мещерина

*Саратовская Государственная Юридическая Академия
Институт Юстиции Россия, Саратов*

О НЕОБХОДИМОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЫТРЕЗВИТЕЛЕЙ В ЦЕЛЯХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость существования вытрезвителей, помимо этого описываются проблемы возрождения вытрезвителей в России. Формулируется вывод о необходимости существования данных учреждений и предлагаются варианты позитивного разрешения проблем детоксикации и оказания медицинской помощи вытрезвляемым гражданам.

Ключевые слова: медицинский вытрезвитель, алкогольное опьянение, общественная безопасность, медицинская помощь, детоксикация, МВД, Совет Федерации.

S. R. Bayishova, Y. V. Meshcherina

*Saratov State Law Academy Institute
of Justice Russia, Saratov*

ABOUT THE NECESSITY OF THE EXISTENCE OF DETOXIFICATION CENTERS IN ORDER TO PROTECT PUBLIC ORDER

Abstract. This article substantiates the need for the existence of detoxification centers and security protection, in addition, the problems of the revival of detoxification centers in Russia are described. The conclusion is formulated about the need for the existence of these institutions and offers options for a positive solution to the problems of detoxification.

Keywords: medical detox, alcohol intoxication, public safety, medical care, detoxification, Ministry of Internal Affairs, Federation Council.

В декабре 2020 года в России был принят закон, который возродил систему вытрезвителей, а сотрудники полиции получили право доставлять туда нетрезвых граждан, которые утратили способность ориентироваться в окружающей обстановке или самостоятельно передвигаться.

МВД совместно с Минтрудом окончательно согласовали правила организации деятельности вытрезвителей. Новые правила вступили в действие 24 сентября 2021 года. Отметим, что в октябре 2011 года были ликвидированы последние вытрезвители.

Соответственно одним из важных вопросов было, именно, доставление лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения на улицах, в общественных местах, а также по месту жительства в специализированные учреждения [1, с. 19].

Так, МВД России утвердил приказом от 23.12.2011 № 1298, который был согласован с Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации инструкцию о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться в медицинские организации. В соответствии с этой инструкцией полицейские, обнаружив в общественном месте лиц, находящихся в состоянии опьянения, при необходимости должны были оказать им первую помощь и незамедлительно вызвать бригады скорой медицинской помощи для дальнейшей их госпитализации.

Однако, несмотря на положительные моменты работы вытрезвителей необходимо отметить, что до возобновления вытрезвителей с 2021 года, в процессе их работы не прослеживался определённый механизм взаимодействия сотрудников МВД и медицинских работников, что приводило к несогласованности в их работе. Возникал вопрос: «Требуется ли нетрезвому гражданину медицинская помощь и нуждается ли он в госпитализации?» [2, с. 40]

Опыт показал, что ликвидация вытрезвителей являлось неправильным решением, поскольку в Российской Федерации прослеживалась тенденция роста преступлений, правонарушений, совершённых в состоянии опьянения.

Так, В. И. Скворцова, которая являлась министром здравоохранения Российской Федерации с 21 мая 2012 года по 21 января 2020 года, на заседании комитета по социальной политике Совета Федерации заявила о том, что нужна определённая система, которая делала бы возможным находиться под наблюдением лицу человеку в состоянии алкогольного опьянения, под наблюдением.

Однако, возрождение вытрезвителей было просто необходимо, но не стоит забывать о некоторых проблемах:

Во-первых, содержание в вытрезвителе является принудительным.

На протяжении периода содержания административно задержанных лиц, помещённых в вытрезвитель, должны обеспечивать питанием, возможностью передачи продуктов и вещей, а также предоставлять возможность встречи с родственниками [3, с. 12].

Во-вторых, за услуги вытрезвления взимается определённая плата.

Оказание услуг по вытрезвлению является платным.

А что же делать, если лицо находится в бессознательном или тяжелом состоянии, которое не даёт ему возможность выразить собственную волю. В таком случае было бы разумно оказывать такую помощь за счет бюджетных средств бюджетов всех уровней.

В-третьих, для существования вытрезвителей необходимо соответствующее финансовое обеспечение.

Вытрезвители финансируются за счет местного бюджета, на территории которого располагается организация. До восстановления вытрезвителей, наблюдалась тенденция уменьшения финансирования данных организаций со стороны муниципальных образований, так как их содержание является как затратным, так и не экономичным.

Таким образом, мы можем наблюдать, что, действительно существование и вновь восстановление вытрезвителя было просто необходимо. Данное нововведение даст возможность выработать системе оказания помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения, оказать воздействие на проблему алкоголизации населения, что в конечном счете повысит уровень общественной безопасности в государстве.

Список литературы:

1. Дизер О.А. Основные направления участия полиции в реализации государственной антиалкогольной политики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (37). С. 19–22.
2. Бекетов О.И., Давыдов Ю.В. Оказание помощи гражданам, находящимся в общественных местах в состоянии опьянения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 2 (53). С. 38–41.
3. Цурлуй О.Ю. К вопросу о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и соблюдения конституционного права на свободу // Воронежский адвокат. 2014. № 10. С. 11–14.

Н. С. Волкова, И. И. Пузикова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов***ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА
КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ**

Аннотация. В статье анализируются практические аспекты применения задержания транспортного средства в рамках производства по делам об административных правонарушениях. В рамках развития административного законодательства Российской Федерации авторами указываются неурегулированные аспекты и предлагаются пути решения проблем правовой регламентации данной меры. **Ключевые слова:** применение мер обеспечения по делу об административном правонарушении, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, конфискация транспортного средства, запрет использования транспортного средства, задержание транспортного средства.

N. S. Volkova, I. I. Puzikova

*Saratov State Law Academy
Institute of justice
Russia, Saratov***PROBLEMS OF DETENTION OF A VEHICLE AS A MEASURES
TO ENSURE PROCEEDINGS IN THE CASE OF AN
ADMINISTRATIVE OFFENSE**

Abstract. The article analyzes the practical aspects of the use of the detention of a vehicle in the framework of the proceedings on administrative offense cases. As part of the development of the administrative legislation of the Russian Federation, The authors indicate the outstanding aspects and the proponents list the unresolved issues

Keywords: application of security measures in an administrative offense case, medical examination for intoxication, confiscation of a vehicle, prohibition of use of a vehicle, detention of the vehicle.

Нынешний мир невозможно представить без автомобильного транспорта. Однако одновременно с повышением его роли в жизни общества, увеличивается число правонарушений, вызванных несоблюдением участниками дорожного движения правил дорожного движения. Указанная проблема обуславливает необходимость выработки эффективных механизмов борьбы с административными правонарушениями в данной сфере.

Одним из таких механизмов является задержание транспортного средства. Под ним следует понимать меру обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Следует уточнить, что порядок реализации данной меры закреплен в статье 27.13 КоАП РФ. Российское законодательство понимает под задержанием транспортного средства его исключение из процесса перевозки людей и грузов путем помещения на специализированную стоянку и хранения до устранения оснований задержания [1, ст. 27.13].

Давая научное определение данной меры, А.Ю. Соколов замечает: «Задержание транспортного средства – это временное приостановление действия специального права – управление автомобилем. Данное ограничение применяется до исключения оснований задержания на месте административного правонарушения, либо достигается государственно-властным изъятием имущества у правонарушителя» [3, С. 80]. В узком значении применение указанной меры проявляется в скоротечном исключении автомобиля из дорожного движения, а также его помещения на стоянку вплоть до устранения обстоятельств задержания. В широком значении, задержание автомобиля – это лимитирование права использования автотранспортным средством непосредственно в определенное время, в определенном месте. Задержание автотранспортного средства используется с целью исключения вероятности продолжения определенным лицом своих собственных неправомерных действий.

Согласно законодательству, эта мера обеспечения используется после составления протокола по делу об административном правонарушении, в случае если должностное лицо подразделения Госавтоинспекции владеет документальным подтверждением наличия в действии лица признаков состава правонарушения [1, Ст. 27.1].

В нормативном регулировании применения обеспечительной меры, связанной с задержанием транспортного средства, имеются нормативные пробелы, которые препятствуют ее эффективному использованию.

Законодатель неявно устанавливает, что одним из возможных обстоятельств ликвидации причины задержания автотранспортного средства под управлением лица, пребывающего в состоянии опьянения, считается присутствие другого лица, наделенного специальным правом и допущенным к управлению данным автомобилем. Присутствие водителя транспортного средства, располагающего необходимыми документами, установленными Правилами дорожного движения и объявившего о стремлении устранить причину задержания автомобиля, вплоть до начала процедуры эвакуации, воспрещает сотрудникам Госавтоинспекции использовать рассматриваемую меру обеспечения.

Этот момент считается дискуссионным. Бесспорно, природа правоохранительной деятельности предусматривает возможность ограничения прав и свобод гражданина только в той мере, в которой это необходимо для охраны оберегаемых социальных отношений. Во взаимосвязи с этим, наличие законных оснований с целью передачи транспортного средства другому лицу считается обстоятельством, делающим невозможным использование обеспечительной меры, сопряженной с его задержанием, однако совсем никак не сопряженной с безопасностью общества, так как в практике имеется немало случаев, когда ранее задержанный водитель снова допуская управление тем же самым транспортным средством, пребывая в состоянии опьянения. Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо закрепить в статье 27.13 КоАП РФ положение, согласно которому должностные лица имеют право самостоятельно определять возможность передачи автотранспортного средства другому лицу, в случае совершения правонарушений в состоянии опьянения, в том числе исходя из личности нарушителя.

В качестве еще одного недостаточно урегулированного аспекта следует выделить проблему возврата транспортного средства лицу, который был привлечен к административной ответственности. Этот правовой аспект никак не обретает точной нормативной регламентации ни в КоАП РФ, ни в приказах Министерства внутренних дел РФ. Однако, на практике все сводится к субъективной точке зрения должностным лицом, имеющим специальное право принятия решения о прекращении задержания автотранспортного средства, состояния водителя.

Необходимо отметить, что система возврата автомобиля является сложной в реализации именно тем лицам, в крови у которых было определено наличие наркотического опьянения.

По справедливому замечанию К.С. Баканова, в отсутствии визуальных признаков опьянения, в силу продолжительного употребления наркотических веществ, промежутки времени их выявления в организме человека способен составлять вплоть до нескольких недель, в течение которых основания задержания автомобиля не будут устранены [2, С. 10].

Кроме того, ограничивая право пользования автотранспортным средством собственника, который не являлся правонарушителем, государство, в лице должностных лиц, может неосновательно подвергнуть нарушению его имущественные права. Необходимо отметить, что, при решении задачи по поводу запрета пользования автомобилем, необходимо соблюдать не только общественные интересы, находящиеся под охраной государства, в области безопасности дорожного движения, но и законные права собственников транспортных средств. Следовательно, в связи с этим, требуется внесение в законодательство соответствующих изменений, предусматривающих гарантии соблюдения прав собственников транспортных средств в случае применения рассматриваемой меры.

Беря во внимание, что важными вопросами государственной политики являются здоровье граждан и защита жизни, сокращение числа дорожно-транспортных происшествий, снижение уровня серьезности их последствий, считаем допустимым

внедрение в КоАП РФ законодательного определения «запрет применения автотранспортного средства». Его суть состоит в принятии должностным лицом, компетентным в данной области, заключения о воспрепятствии использования транспортного средства в пределах определенного законодателем срока (периода обнаружения признаков опьянения в организме водителя). Предоставленная мера, используемая в отношении транспортного средства правонарушителя, обеспечивает общественную защищенность. При этом не нарушается право собственности, а всего лишь вводится временное ограничение по эксплуатации.

Подводя итог, следует сделать вывод, что нормативная база, регламентирующая рассматриваемую данную меру административного принуждения, является недостаточно совершенной. Это обуславливается тем, что правовые акты не имеют, как таковой, четкой, неразрозненной системы, в них зачастую также прослеживается наличие законодательных пробелов и коллизий. В связи с этим, не всегда имеет место последовательный, а также системный подход в применении закона. Данные факторы определяют обязательность дальнейшего совершенствования правовой регламентации применения задержания транспортного средства как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Баканов К. С. Административно-правовой запрет на управление транспортным средством в состоянии опьянения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 29 с.
3. Соколов А. Ю. Задержание транспортного средства как мера обеспечения по делам об административных правонарушениях // Вестник СГАП. 2012. № 1. С. 80–84.

УДК 342

Н. К. Гвоздев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТОСЭР В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) как один из инструментов достижения экономического роста в стране и развития особенностей местного самоуправления на определенных законодательством территориях. В работе делается акцент на сопоставление понятий полюса роста и институтов в разрезе технологических укладов, которые раскрывают влияние институциональных условий на изменение ТОСЭР.

Ключевые слова: ТОСЭР, изменение, экономический рост, пандемия COVID-19, местное самоуправление, инновации.

N. K. Gvozdev

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

TOPICAL ISSUES OF LOCAL GOVERNMENT ORGANIZATION OF TASED IN RUSSIA

Abstract. The article deals with the territories of advanced socio-economic development (TASED) as one of the tools for the development of local self-government and achievement of economic growth. It also focuses on the comparison of the concepts of growth poles and institutions in the context of technological modes, which reveal the influence of institutional conditions on the change of TASED.

Keywords: TASED, change, economic growth, technological mode, local self-government.

Начиная говорить о территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), прежде всего, следует отметить объективность внедрения подобного инструмента на отдельных территориях России. Это объясняется наличием неравномерности развития обширных российских территорий с пространственной точки зрения. Создание ТОСЭР регламентирует Федеральный закон ФЗ № 473, который определяет, что процесс создания ТОСЭР делится на два этапа: в рамках первого этапа (2014–2017 гг.) ТОСЭР создаются только в Дальневосточном федеральном округе, а при переходе ко второму этапу (по прошествии трёх лет с момента введения ФЗ № 473) создание ТОСЭР разрешается на территориях всех остальных субъектов РФ [1].

Если обратиться к эволюции местного самоуправления понятия территории опережающего социально-экономического развития появилось недавно. Сейчас в современных условиях динамичного развития инструментов цифровизации, связанное не только с трансформацией технологической базы, но и с научно обоснованными подходами к решению социально-экономических проблем, и с вызовами, возникающими в пандемию и постпандемию, существенным образом которые влияют на развитие местного самоуправления. Появление таких инструментов как цифровые платформы, мобильные приложения, формирование нейронных сетей, системы больших данных и д. т. являются значимым стимулом для инновационных процессов. НПА регулирующие вопросы создания СЭЗ, ОЭЗ, ЗТР, и ТОСЭР, имеют свою особенность в каждом конкретном случае. Цель создания ТОСЭР в том, чтобы ускорить социально-экономическое развитие, и на данный момент в связи с этим определить актуальные вопросы особого значения деятельности органов местного самоуправления в период пандемии COVID-19. Также следует отметить, что ТОСЭР характеризуется большой льготностью и мягкостью, которые стимулируют социально-экономическое развитие этих территорий [2, с. 275–290].

На данный период пандемии COVID-19 в целом мы будем рассматривать территории с особым инновационным статусом [3. С.88]. К таковым, в частности, относятся «Территории опережающего социально-экономического развития» (ТОСЭР) это ТОСЭР на Дальнем Востоке (например, Дальний Восток и Курильские острова), ТОСЭР закрытых – 435 – административно-территориальных образований (например, Саров, Новоруральск) и ТОСЭР моногородов (например, Набережные Челны, Миценск и др.), так же особые экономические зоны (ОЭЗ) – «часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности». [4. С.80]

В 2021 году в период пандемии и века инновации хотелось отметить изменения в законодательство о местном самоуправлении, принятым Постановлением Правительства РФ от 11.03.2021 № 350 «О сроках исполнения требований к минимальному объему капитальных вложений и минимальному количеству новых постоянных рабочих мест, осуществляемых и создаваемых в результате реализации инвестиционного проекта резидентом территории опережающего социально-экономического развития, созданной на территории монопрофильного муниципального образования Российской Федерации (моногорода), и внесении изменений в Правила ведения реестра резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, создаваемых на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» Резидентам ТОСЭР, расположенных в моногородах, был установлен двухлетний срок для выполнения требований по объему инвестиций и количеству созданных рабочих мест. Также было установлено, что для юридического лица, получившего с 1 апреля 2019 г. по 31 декабря 2021 г. статус резидента ТОСЭР, созданной на территории монопрофильного муниципального образования РФ (моногорода), обязательства по исполнению требований к инвестиционным проектам, касающихся минимального объема капитальных вложений и минимального количества новых постоянных рабочих мест, могут быть реализованы в течение 2 лет со дня включения такого юрлица в реестр резидентов ТОСЭР. Данное изменение позволит преодолеть экономические последствия в период пандемии COVID-19, восстановить производственные мощности и перезапустить инвестиционные проекты. А в 2020 году было внесено такое изменение в зако-

нодательство о местном самоуправлении как: Постановление Правительства РФ от 19.03.2020 № 304 «О внесении изменений в Правила передачи управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территорией опережающего социально-экономического развития, на праве собственности или аренды находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, зданий, строений и сооружений, расположенных на территории опережающего социально-экономического развития» Дополнен перечень документов для передачи управляющей компании на территории ТОСЭР земельных участков, зданий, строений и сооружений.

По сравнению с прошлым 2020 г. и нынешним 2021 г. мы видим, как меняется актуальность вопроса об организации местного самоуправления ТОСЭР в России. Всё это на сегодняшний день связано с Цифровизацией экономики проходящей на всех ее уровнях. Значимым является цифровизация принятия решений, формирование цифровых правительств, сервисов, позволяющих оперативно решать возникающие экономические проблемы. Складывающиеся тенденции позволяют говорить о том, что национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» не только динамично развивается, но и становится вытягивающим полюсом (определение) роста для ряда отраслей, секторов, территорий. И со сложной сложившейся эпидемиологической ситуацией с коронавирусом в России.

На сегодня до сих пор остаётся актуальным вопрос о развитии моногородов Курганской области. ТОСЭР моногородов создаются на 10 лет. Но, в соответствии со статьей 427 Налогового кодекса Российской Федерации пониженные тарифы страховых взносов применяются в отношении резидента территории, опережающего социально-экономического развития, получившего такой статус не позднее чем в течение трех лет со дня создания соответствующей территории опережающего социально-экономического развития, таким образом этот период для ТОСЭР «Варгаши» и «Далматово» истекает в марте 2021 года, для ТОСЭР «Катайск» – в феврале 2022 года. Этот факт негативно сказывается на инвестиционной привлекательности ТОСЭР. Тут нужно предложить меры и инструменты поддержки моногородов Курганской области т.е. норму законодательства, ограничивающую получение резидентом ТОСЭР льгот по страховым взносам трехлетним периодом со дня создания ТОСЭР, исключить, что позволит сохранить привлекательность территории опережающего развития моногородов. Также значительные проблемы моногороду несет банкротство (недостаточная загрузка мощностей) градообразующего предприятия. Здесь нужно предложить возможность НКО «Фонд развития моногородов» предоставлять льготные займы для развития градообразующих предприятий обрабатывающих производств, особенно в небольших моногородах (численностью населения до 20 тысяч человек).

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в период изменяющихся условий в современной России возрастает роль и значение органов местного самоуправления в тесном взаимодействии с органами государственной власти в решении вопросов социально-экономического развития государства и общества. Требуется совершенствование законодательства в сфере развития ТОСЭР, моногородов Курганской области.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 1.11.2021)
2. Пахомова Н.В., Ткаченко Д.С. Институты поддержки инновационной деятельности в России: логика формирования и современное состояние // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Сер. 5. – Вып. 2. – С. 88–95.
3. Сандлер Д.Г., Кузнецов П.Д., 2015 Индустриальные парки в России: концептуальная проработка проектов // Экономика региона, 2015. -№ 1. – С. 76–88 .
4. Теребова С.В. Центр трансфера технологий как инструмент инновационного развития территории // Креативная экономика. – 2015. – № 7. – С. 837–850. doi: 10.18334/ce.9.7.500 .
5. Официальный сайт «Российская сеть трансфера технологий» URL: <https://rttn.ru/> (дата обращения: 2.11.2021)

УДК 342.9

А. С. Гирут, Е. А. Мигаль

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной работе рассмотрены основы общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, местного управления и другими организациями. Выделены основные проблемы, которые наблюдаются в данном аспекте общественной жизни, и пути их решения.

Ключевые слова: общественный контроль, органы власти, права человека, законодательство, контроль

A. S. Girut, E. A. Migal

Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov

PROBLEMS AND PROSPECTS OF PUBLIC CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: This paper examines the basics of public control over the activities of public authorities, local government and other organizations. The main problems that are observed in this aspect of public life and ways to solve them are highlighted.

Keywords: public control, authorities, human rights, legislation, actions

Определяется в Конституции РФ Россия называется демократическим государством. Деятельность любого демократического государства должна соответствовать воле народа и осуществляться в рамках его интересов. По нашему мнению, этого можно достичь исключительно путём прямого надзора и контроля граждан за деятельностью органов власти. Можно прийти к выводу, что в любом демократическом государстве должен существовать общественный контроль за деятельностью органов государственной власти, целью которого будет рассмотрение и оценка действий органов государственной власти с точки зрения общества, предотвращение нарушений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а так же как можно более быстрое устранение нарушений и минимизация последствий ошибок вышеназванных сферах общественной жизни в случаях, если данные действия имели место быть. [1, С. 17–20.]

Институт общественного контроля существует в нашей стране, поскольку в законах закреплено право граждан на участие в общественном контроле (лично или через общественные объединения и другие организации) [2, С.39]. Однако, по нашему мнению, сложившаяся система общественного контроля в нашей стране, не является совершенной и удовлетворяющей потребности общества, связанные с контролем народа за деятельностью органов государственной власти, а законодательство, связанное с этим процессом, в свою очередь, имеет ряд недостатков и нуждается в усовершенствовании. Имеется немало пробелов в регламентации деятельности субъектов общественного контроля, из-за которых деятельность этих организаций значительно затрудняется, а их полномочия ограничиваются. [3, С. 1–6.]

Под общественным контролем в российском законодательстве понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений. [4, С. 218–220] Общественный контроль в нашей стране могут осуществлять Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные советы му-

ниципальных образований и другие органы и организации. Согласно закону «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», данные субъекты общественного контроля имеют право на осуществление общественного контроля в соответствии с законом, запрос у органов государственной власти и местного самоуправления необходимую для осуществления общественного контроля информацию и посещение этих органов и организаций, обращение в суд в случаях обнаружения нарушений в деятельности вышеуказанных органов с целью защиты прав и свобод человека и гражданина. Кроме этого, организации, осуществляющие общественный контроль за деятельностью органов власти, обязаны соблюдать конфиденциальность в ходе этого процесса. Информация о деятельности организаций и лиц, осуществляющих общественный контроль, должна быть обнародована, так же, как и информация о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. [2, Ст. 39.]

Как мы отмечали раньше, данная деятельность не совсем общественный контроль в Российской Федерации не я, а законодательство, на наш взгляд, имеет ряд недочетов, которые необходимо исправлять. Из Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», мы видим, что субъекты общественного контроля, хоть и обладают рядом полномочий, связанных с контролем над деятельностью органов власти, но всё же не имеют прямых рычагов воздействия на них. Выделим некоторые наиболее важные проблемы развития системы общественного контроля в современной России:

1. Недостаточно проработка процедур (механизмов) реализации существующих форм общественного контроля, из-за чего нередко декларируемые полномочия не удаётся реализовать в полной мере;

2. Недостаточно проработанная нормативно-правовая база, обеспечивающая реализацию существующих форм общественного контроля, «связывающая руки» субъектам общественного контроля;

3. Отсутствие взаимодействия и обмена опытом между субъектами общественного контроля, касательно практики реализации своих полномочий. Обмен опытом мог бы помочь эффективнее и быстрее выявлять нарушения [5, С. 266–271];

4. Отсутствие системы финансирования обеспечения мероприятий общественного контроля, что сильно затрудняет их работу с материальной точки зрения.

5. Отсутствие в перечне субъектов общественного контроля граждан, не смотря на закреплённое в законе право граждан на участие граждан в осуществлении общественного контроля, в то числе и лично [2, Ст. 39.]

6. Игнорирование мнения субъектов, осуществляющих общественный контроль, отсутствие возможности влияния на действия объектов контроля, что не позволяет быстро устранять нарушения, допущенные в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Как мы видим при ближайшем рассмотрении действующих норм законодательства, что решения, принятые субъектами общественного контроля, не являются обязательными для органов власти, не влекут никаких правовых последствий, фактически лишая смысла деятельности субъектов этого процесса. [6, С. 44–46.] Складывается ситуация, когда наблюдение за действиями органов с целью выявления и предотвращения нарушений прав и свобод человека и гражданина останавливается на этапе наблюдения. Не имея возможности прямо повлиять на действия государственных и муниципальных органов, субъекты, далеко не всегда могут изменить ситуацию, а обращения в суд могут не дать ожидаемого результата.

По нашему мнению, правильным шагом было бы закрепление в законе, помимо субъектов, ещё и объектов общественного контроля. Это позволило бы систематизировать действия субъектов, облегчить тем самым их работу. Сделать это можно было бы путём добавления в Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» или внесение изменений в статью 9 данного закона. Стоит так же обратить внимание на вопрос о составе субъектов общественного контроля, среди которых не значатся граждане, что представляется упущением законодателя и нарушением зафиксированного в законах права граждан на участие в общественном контроле лично.

Список литературы:

1. Афанасьева А.А., Лоскутов Н.В. Организация взаимодействия органов власти со средствами массовой информации // В сборнике: «Новая наука: новые вызовы». Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2019.
2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30. – Ст. 4213; 2018. – № 1.
3. Гончаров В.В. Институт общественного контроля в Российской Федерации как инструмент предотвращения роста социальной напряженности в обществе (конституционно-правовой анализ) // Конфликтология / nota bene. – 2018. – № 4.
4. Декало Д.О. Проблемы законодательства Российской Федерации в сфере общественного контроля // Молодой ученый. – 2018. – № 22.
5. Терещенко А.А., Лоскутов Н.В. Проблемы организации и направления реформирования государственного контроля // В сборнике: Современные тенденции развития экономики и управления: проблемы и решения Материалы международной научно-практической конференции. – 2016.
6. Лоскутов Н.В., Терещенко А.А. Разработка и внедрение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля // В книге: Современная экономика и управление: подходы, концепции, модели Материалы II Международной научно-практической конференции. – 2016.

УДК 342.94

Р. М. Гогуев

*Саратовская государственная юридическая академия,
Институт юстиции,
Россия, Саратов*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается формирование цифровизации как экономического явления, и ее влияние на развитие рыночных отношений. Анализируется деятельность регулирующих органов в лице антимонопольной службы, которая контролирует внедрение информационных технологий в бизнес, при условии существующей необходимости обеспечения добросовестной конкуренции.

Ключевые слова: цифровизация, антимонопольный, конкуренция, большие данные, цифровая платформа

R. M. Goguev

*Saratov State Law Academy, Saratov,
Institute of Justice
Russia, Saratov*

ABOUT SOME PROBLEMS OF ANTIMONOPOLY REGULATION IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article examines the formation of digitalization as an economic phenomenon, and its impact on the development of market relations. The article analyzes the activities of regulatory bodies represented by the antimonopoly service, which controls the introduction of information technologies into business, provided that there is a need to ensure fair competition.

Keywords: digitalization, antitrust, competition, big data, digital platform

В современных реалиях мы наблюдаем цифровизацию во всех отраслях экономики и всего общества в целом. На развитие экономики сильное влияние оказывают «цифровые платформы». Их влияние характеризуется тем, что посредством использования цифровых платформ у продавцов и покупателей имеется возможность взаимодействовать в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Законодательное регулирование такого института необходимо для обеспечения стабильности общественных отношений, ограничения злоупотребления рыночной властью всех хозяйствующих субъектов,

независимо от формы организации деятельности предпринимателей. Тенденция цифровизации с каждым днем все больше и больше охватывает современное общество, и наблюдается переход хозяйствующих субъектов к конкуренции на новом цифровом рынке, где они стремятся стать монополистами посредством создания новых продуктов. Такие рынки достаточно сложно поддаются анализу со стороны антимонопольных органов и антимонопольного законодательства, что, конечно, ставит под сомнение возможность применения классических институтов и инструментов конкурентного права, которые находятся на вооружении антимонопольных органов на сегодняшний день.

Стартом для урегулирования в рамках формирования и развития цифровой экономики для антимонопольного законодательства стал Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» [3], благодаря которому появилась возможность официального закрепления государственного определения цифровой экономики, несмотря на сложность в понимании этого термина. Цифровую экономику можно охарактеризовать как экономическую деятельность, в которой ключевым фактором производства являются цифровые данные, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами управления, позволяет значительно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

В последние годы наблюдается стремительная тенденция к развитию компаний, ведущих бизнес в одной области, но стремящихся выйти на рынок в смежных отраслях. В большинстве случаев это многосторонние цифровые платформы, которые оказывают подавляющее влияние на уже существующие окостеневшие рынки товаров и услуг. Такие «цифровые монополии» способны создавать новые рынки, бросать вызов существующим традиционным рынкам, создавать новые формы ведения бизнеса, в которых большие объемы информации становятся основным активом. Шеланский, рассматривая проблему цифровых монополий, отмечает, что конкуренция в Интернете очень часто является конкуренцией за обладание всем рынком посредством инноваций, а не конкуренцией за долю рынка посредством ценообразования. Не так давно такие компании, как Google, Facebook, Amazon, делали мир лучше. Сегодня их обвиняют в том, что они слишком велики, подрывают конкуренцию, вызывают привыкание и разрушают демократию, короче говоря – BAADD (большой, антиконкурентный, вызывающий привыкание и разрушительный для демократии). Все упомянутые платформы добились большого влияния благодаря выгодному использованию «сетевых эффектов». Наличие прямых и косвенных сетевых внешних эффектов, выражающихся, в частности, в концентрации больших объемов пользовательских данных, агрегировании большого количества сервисов на своих платформах, в том числе бесплатных – именно этот комплекс делает платформы универсальным источником товаров и услуг различного типа, увеличивая их влияние в конкурентной среде [4].

Мы каждый день можем наблюдать формирование вокруг нас цифровых платформ, множеств интернет компаний, которые имеют свои цифровые платформы. Сфера их деятельности не ограничивается одной из сторон жизни общества, она охватывает все сферы. Например, сектор социальных сетей, сфера услуг – такси, всевозможные брони отелей и т.д. интернет торговля, и, конечно же, реклама. Несмотря на положительные элементы складывающейся ситуации, продолжают формироваться возможности манипулирования рынками.

Справедливо отмечается, что применение административно-правовых мер, предотвращающих и пресекающих негативное влияние монополизации на основе цифровых технологий, должно учитывать специфику современной экономики, которая заключается в широком использовании результатов интеллектуальной деятельности. Власть крупнейших гигантов рынка, таких как Apple, Google, Facebook, Amazon, основана на распоряжении интеллектуальной собственностью. Использование результатов интеллектуальной деятельности открывает новые возможности для повышения конкурентоспособности, формирует новые рынки и способствует технологическому прогрессу [1].

Имеется ряд существенных проблем правового регулирования цифровых платформ, требующих своевременного реше-

ния. При этом следует учитывать необходимость соблюдения баланса между административным воздействием на субъектов рынка и обеспечением технического развития. Продвижение цифровых инноваций является приоритетным направлением развития цифровой экономики, и поэтому необходимо ограничить правовое регулирование, сдерживающее развитие цифровых инноваций и их применение [5].

Так, требуется четкое разграничение требований антимонопольного законодательства и законодательства об охране интеллектуальной собственности. Действующее законодательство Российской Федерации характеризуется наличием коллизий антимонопольного и гражданско-правового регулирования цифровых платформ, при этом деятельность последних часто связана с разработкой новых IT-продуктов, которые могут являться объектом правовой охраны. Следствием является невозможность эффективного реагирования на нарушения антимонопольного законодательства. Действия цифровых платформ фактически могут быть не признаны таковыми в силу нераспространения положений антимонопольного законодательства нашей страны на правообладателей интеллектуальной собственности, в силу существования так называемого антимонопольного иммунитета. Данная ситуация выделяет Российскую Федерацию в числе иных стран, имеющих развитое антимонопольное регулирование, не отвечающая мировой практике и реалиям цифровой экономики. Антимонопольный иммунитет правообладателей интеллектуальной собственности должен быть устранен в силу вышеуказанных обстоятельств.

Кроме того, не разработаны ключевые критерии рыночной власти цифровых платформ, необходимые для определения пределов административно-правового вмешательства в их деятельность, а также оснований такого вмешательства. В числе таких критериев – само определение цифровой платформы, правила определения границ рынка, критерии доминирования. При определении основополагающих понятий целесообразно обращаться к мировой практике, в частности, законодательству стран, которые сделали собственный шаг на пути к антимонопольному регулированию новых, цифровых рынков – например, законодательству о цифровых рынках ЕС [2].

Требуется и разработка понятия «экосистема», поскольку тенденции к укрупнению цифровых платформ, выходу на разнообразные рынки не могут не быть в сфере антимонопольного регулирования, вызывая риск ограничения конкуренции. Именно экосистемного принципа придерживается ряд крупных цифровых компаний, среди которых Google или отечественные «Сбер» и Яндекс.

Наконец, требуется разработка определения понятий и границ ключевых инструментов влияния цифровых платформ – больших данных и сетевых эффектов. В законодательстве Российской Федерации такие определения отсутствуют, что не способствует дальнейшему развитию антимонопольного законодательства в соответствии с требованиями времени.

Список литературы:

1. Дехтярь И.Н. Нарушения антимонопольного законодательства в деятельности цифровых платформ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 78–87.
2. Предложение по Регламенту Европейского Парламента и Совета о конкурентных и справедливых рынках в цифровом секторе (Закон о цифровых рынках). Брюссель, 15 декабря 2020 г. // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608116887159&uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN> (дата обращения: 16.10.2021).
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» // СПС «Консультант Плюс»
4. Нефедова М.А. Правовые проблемы антимонопольного регулирования в условиях развития цифровой экономики // Скиф. 2020. № 4 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-antimonopolnogo-regulirovaniya-v-usloviyah-gazvitiya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 13.10.2021).
5. ГОСТ Р 56261-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Инновационный менеджмент. Инновации. Основные положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26 ноября 2014 г. № 1847-ст) // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. В. Задёра

*Саратовская государственная юридическая академия
Межрегиональный юридический институт
Россия, Саратов*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИИ

Аннотация. в данной статье автор рассматривает актуальный вопрос, который существует в настоящее время во всём мире – проявление экстремизма общественными объединениями. Подробно изучается роль в пресечении и соблюдении контроля органами Министерства юстиции РФ в отношении общественных объединений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, общественные объединения, ответственность, профилактические меры, Министерство юстиции РФ.

V. V. Zadera

*Saratov State Law Academy
Interregional Law Institute
Russia, Saratov*

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERACTION OF EXTREMIST ACTIVITIES OF PUBLIC ASSOCIATIONS

Abstract. In this article, the author examines a topical issue that currently exists all over the world – the manifestation of extremism by public associations. The role in the suppression and observance of control by the bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation in relation to public associations of extremist orientation is studied in detail.

Keywords: extremist activity, public associations, responsibility, preventive measures, the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Одна из главных проблем, существующих в Российской Федерации – экстремизм, который угрожает национальной безопасности и целостности российского государства и общества. Экстремизм – один из ключевых элементов разрушения государственного строя, имеющий важную особенность – может восприниматься гражданами, как рабочий инструмент политического противостояния.

В настоящее время, одним из главных направлений по борьбе с экстремизмом является профилактическая деятельность со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления. Их задача – вести профилактику, борьбу с проявлением любого вида экстремизма, а также воспитательный процесс среди молодежи и всего населения в целом. Но вести профилактическую деятельность задача не только государственных органов и местного самоуправления, но и представителей гражданского общества. В первую очередь, данная работа зависит от позиций политических партий, граждан, религиозных и общественных объединений. По нашему мнению, в России профилактика экстремистских проявлений должна происходить и рассматриваться как инструмент объединённых и совместных усилий граждан нашей страны и органов местного самоуправления и государственной власти.

Согласно данным МВД России за 2020 год, в среднем, наибольший процент участников экстремистских группировок составляет молодежь в возрасте от 15 до 30 лет, также, по сравнению с прошлым годом в 2020 году увеличилось преступление и осужденные по приговору суда за экстремистскую деятельность. Поэтому проведение разъяснительно-воспитательной работы среди молодежи является первостепенной задачей органов местного самоуправления.

Также необходимо отметить, что КоАП РФ предусматривает ответственность за противоправные действия, которые могут нести прямой экстремистский характер или осуществляться из экстремистских побуждений. Ведь безнаказанность

за совершение административных правонарушений экстремистской направленности влечёт за собой совершение преступлений.

Обязанностью органов Министерства юстиции РФ является осуществления контроля за соблюдением законодательства общественными организациями, для того, чтобы избежать с их стороны действий среди них проявлений антигосударственной, экстремистской направленности. Поэтому очень важно действовать на опережение и пресекать все начальные проявления экстремистской направленности религиозных и иных объединений граждан. В случае осуществления экстремистской деятельности данные общественные организации могут быть ликвидированы. Также их деятельность можно приостановить с момента обращения в суд [1, с. 114].

В случае приостановления деятельности им запрещается пользоваться государственными и муниципальными СМИ, организовывать и проводить собрания, митинги, шествия пикеты и другие публичные акции и мероприятия, принимать непосредственное участие в выборах и референдумах.

На официальном сайте Министерства юстиции РФ опубликован перечень общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремизма и некоммерческих организаций, в отношении которых по решению суда принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности. За период с 2019 по 2021 год было ликвидировано 18 общественных объединений и организаций. За всё время в перечне Минюста РФ некоммерческих организаций, ликвидированных в связи с осуществлением экстремистской деятельности, оказалось 473 организации [2, С. 386].

Необходимо также отметить, что в настоящее время со стороны государства основными направлениями развития превентивной деятельности в сфере противодействия экстремизма являются, во-первых, принятие просветительских и пропагандистских мероприятий, направленных на предотвращение экстремистской деятельности, в том числе выявление и устранение причин и условий, способствующих её осуществлению; во-вторых, выявление субъектов экстремистской деятельности, в том числе общественных и религиозных объединений, предотвращение и прекращение их противоправной деятельности [3, С. 35].

Подробно проанализировав данный вопрос, необходимо предложить пути по совершенствованию законодательства в сфере противодействия экстремизма. По нашему мнению, необходимо усилить профилактическую работу среди несовершеннолетних путём проведения мер воспитательного-профилактического и пропагандистского характера среди молодежи, начиная со школьных лет. Учитывая также многогранность и сложность причин, порождающих экстремизм в обществе, а также масштабы связанных с ним угроз для государств, считаем необходимым принять государственную программу по противодействию экстремизму на федеральном уровне, которая должна служить основой для совершенствования законодательства в этой сфере.

Таким образом, можно с уверенностью отметить, что необходимо постоянно совершенствовать законодательство о противодействии экстремизму. Важно понимать, что только совместными усилиями органов публичной власти и граждан нашей страны можно в полной мере препятствовать распространению и проявлению экстремистской деятельности общественными объединениями и иными организациями, а также отдельными лицами.

Список литературы:

1. Сальников Е.В. Органы местного самоуправления как субъект противодействия экстремизму // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 6. С. 114.
2. Божанова Н.В. Молодёжный экстремизм и проблемы его профилактики в современном обществе // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы. Саратов: ФГБОУ ВО «СГЮА»; Саратов, 2020. С. 386.
3. Брежнев О.В. Институт судебного контроля за законностью в деятельности общественных объединений в России: проблемы и перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 35.

Л. О. Иванченко, А. С. Шималакова
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛИКТЫ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, вносимые в административно-деликтное законодательство, вызванные развитием цифровых и информационных технологий. Авторами предлагаются способы совершенствования законодательства об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, административные правонарушения, цифровые технологии.

L. O. Ivanchenko, A. S. Shimalakova
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

DIGITALIZATION AND ADMINISTRATIVE TORTS: ISSUES OF THE FORMATION OF THE COMPOSITION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Abstract. The article discusses the changes made to the administrative tort legislation caused by the development of digital and information technologies. The authors propose ways to improve the legislation on administrative offenses.

Keywords: administrative tort legislation, administrative offenses, digital technologies.

Процесс цифровизации набирает свои обороты с каждым днём. На современном этапе уже сложно переоценить влияние цифровых технологий на все сферы общественной жизни, поскольку именно они преобразовывают устоявшиеся государственные и общественные институты. Не остаются незамеченными и постоянные изменения, которые претерпевают административно-правовые правоотношения и административное законодательство. Информационный цифровой прогресс заставляет законодателя изменять и создавать новые административно-правовые нормы, соответствующие современным реалиям постиндустриального общества.

В настоящее время можно заметить тенденцию отставания норм административного права от стремительно развивающихся общественных отношений, возникающих в области оборота информации, связи и сети «Интернет». Следствием того, что законодатель не успевает своевременно реагировать на данные изменения, является недостаточная юридическая защищенность субъектов данных правоотношений.

Так, в качестве аргумента данной позиции следует проанализировать один из наиболее распространённых составов административных правонарушений – ст. 6.1 КоАП РФ «Оскорбление». Достаточно долго содержание части 2 данной статьи ограничивалось тремя основаниями: оскорбление, содержащееся в публичном выступлении; оскорбление в публично демонстрирующемся произведении; оскорбление в средствах массовой информации. Соответственно, несколько лет существенное количество оскорблений, совершаемых в сети «Интернет», вызывало трудности квалификации по данной статье, поскольку не было законодательного определения сети «Интернет» в качестве места совершения соответствующего правонарушения, а законодательное определение средств массовой информации не предоставляло возможным использовать «Интернет» как СМИ. Только в 2021 году в данную статью были внесены необходимые изменения. Теперь, в связи с постоянно возрастающей значимостью цифровых технологий, законодатель посчитал необходимым добавить положение, соответствующее современным реалиям, о том, что оскорбление может быть совершено публично

с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Следом за введением данной нормы вышел Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021), разъясняющий применение и правильную квалификацию правонарушений, совершенных путем направления СМС-сообщений либо личных сообщений, в том числе голосовых, в мессенджерах или социальных сетях. Следовательно, до 2021 года в законодательстве не содержалось ответа на вопрос о квалификации данных деяний как оскорбление, что подтверждает существующее отставание норм административно-деликтного права от современных реалий информационного общества XXI века.

Несмотря на введения дополнения в ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ и разъяснения Пленума ВС РФ, остаются неурегулированными вопросы о том, следует ли привлекать к административной ответственности, и, если да, то в каком объеме, за проставленные оценки «нравится» под оскорблением в социальной сети, а также за ряд действий в виде: репоста, оставления комментария, добавления в подписки лиц, осуществляющих оскорбление, что само по себе является поддержанием, согласием с выраженным оскорблением. А также представляется интересным определить, в каких случаях можно подать заявление в органы прокуратуры за «оскорбление в сети», а в каких этого не удастся сделать в силу малозначительности состава правонарушения. Мы считаем, что для решения этой проблемы представляется возможным обратиться к зарубежному опыту и ввести норму «Кибероскорбление», под которым бы понимались всевозможные «электронные действия» с использованием любых электронных носителей, имеющих доступ к информационно-телекоммуникационным сетям связи. Возбуждение производства по данному составу относилось бы к обязанности прокурора.

Проблема несвоевременности трансформации законодательства об административных правонарушениях и не соответствия современной действительности, по нашему мнению, может являться следствием других существующих проблем. Во-первых, нормы КоАП РФ, предусматривающие наступление административной ответственности за деликты, местом совершения которых являются информационно-телекоммуникационные сети, в том числе в сети «Интернет», содержатся в разных главах Кодекса об административных правонарушениях [1, С. 340]. Так, исследуемые составы правонарушений содержатся в главе 13 КоАП РФ: «Административные правонарушения в области связи и информации», главе 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», главе 20 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» и в других. Разбросанность норм по разным главам КоАП РФ представляет неудобства для их применения, порождает сложности в их изменении, так как необходимо анализировать каждый состав правонарушения на соответствие современным реалиям. Во-вторых, за 20 лет действия данного законодательного акта вследствие развития цифровых, информационных технологий стали появляться дополнительные объекты правонарушений (например, информация и ее оборот), новые способы и места совершения уже существующих правонарушений, были созданы новые составы правонарушений и совершенно новые деяния, которые не определены законодателем как «административное правонарушение» [3, С.279].

Мы считаем, что представляется целесообразным ввести в действующий Кодекс об административных правонарушениях новую главу «Административные правонарушения, возникающие в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет»», которая упростит процедуру привлечения к ответственности и устраним коллизии, возникающие при квалификации правонарушений, возникающих в этой сфере. Ведь на сегодняшний момент законодатель использует только 2 способа внедрения информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в административные деликты: как дополнительный квалифицирующий признак административного правонарушения, как неотъемлемый элемент противоправного деяния. Все это в значительной мере затрудняет

модернизацию закрепленных норм, поскольку уровень законодательной техники на данном этапе не способен мгновенно реагировать на любые нововведения общества.

Совершенствование административного законодательства о деликтах является первостепенно важной задачей для законодателя, поэтому, по нашему мнению, уже сейчас необходимо внести следующие возможные изменения. В-первых, исследовать корректность и исправить неточность формулировок и содержания статей КоАП РФ. Например, статья 5.5. КоАП РФ содержит только положение об «информационно-телекоммуникационной сети». Важно заметить, что под ней понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. На наш взгляд, для удобства правоприменения необходимо дополнить данную статью уточнением о сети «Интернет» как о наиболее используемой в правонарушениях информационно-телекоммуникационной сети. Во-вторых, проанализировать существующие правонарушения в КоАП РФ на предмет того, возможно ли совершение таких деяний в сети «Интернет». Многие из составов правонарушений активно совершаются в данной информационной сети, но не нашли своего конкретного отражения в административно-деликтном законодательстве. Здесь необходимо определить, должны ли данные деяния стать административно наказуемыми или целесообразно оставить их как действия, бездействия, не несущие общественной опасности и противоправности, а также ответить на вопрос, распространяется ли уже существующая квалификация по данным составам правонарушений на деяния в сети «Интернет». Например, возможно ли совершение административного правонарушения по статье 5.62. Дискриминация в сети «Интернет».

Таким образом, стремительное развитие цифровых технологий обуславливает процесс модернизации административно-деликтного права путем введения как новых составов административных правонарушений, так и новых частей в уже имеющиеся составы административных деликтов [2, С.24]. Однако несмотря на положительное влияние цифровизации и трансформации законодательства об административных деликтах, возникают и проблемные моменты, которые своевременно должны быть устранены законодателем для качественного и правильного применения и толкования административно-деликтных норм.

Список литературы:

1. Джафарова Н.Т. О перспективах административно-правового регулирования общественных отношений в области оборота информации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 339–341. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektivah-administrativno-pravovogo-regulirovaniya-obshchestvennyh-otnosheniy-v-oblasti-oborota-informatsii> (дата обращения: 14.11.2021).

2. Куракин А.В., Карпунин Д.В., Саидов З.А. Проблемы модификации административно-деликтного права: фактор цифровых технологий // Административное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 20–27.

3. Шурухнова Д.Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 278–280. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologi..> (дата обращения: 08.11.2021).

УДК 342.951

К. В. Ковалишина

*Российский государственный университет правосудия,
Крымский филиал
Россия, Симферополь*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования привлечения к административной ответственности. Автором выделены проблемы, требующие незамедлительного решения в свете активного реформирования законодательства об административных правонарушениях, а также, предложены собственные пути их решения.

Ключевые слова: административное право, административная ответственность, привлечение к административной ответственности.

K. V. Kovalishina

*Russian state university of justice,
Crimean branch Russia, Simferopol*

SOME ASPECTS OF REFORMING THE LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Abstract. The article deals with problematic issues of legal regulation of bringing to administrative responsibility. The author highlights the problems that require immediate solutions in the light of the active reform of the legislation on administrative offenses, and also suggests his own ways to solve them.

Keywords: administrative law, administrative responsibility, bringing to administrative responsibility.

Одной из наиболее актуальных проблем действующего административного права России являются правовые нормы, регламентирующие отдельные вопросы административной ответственности. Это и обуславливает актуальность исследований в данной области, именно поэтому научная разработанность темы достаточно высока – доктрина административного права не может обойти административную ответственность стороной. Е.В. Евсикова, например, считает, что требует правовой регламентации определение категории «административная ответственность» и закрепление основных базовых принципов административной ответственности в административно-деликтном законодательстве [1, С. 242].

Следует отметить, что административное законодательство само по себе имеет свойство к частым изменениям, это в свою очередь, обусловлено различными факторами, среди которых изменение в системе органов государственной исполнительной власти, изменение в законодательстве государственной службы и др. Изменения в законодательстве, регламентирующее те или иные правоотношения, связанные с административной ответственностью, не ограничиваются вопросами её применения, изменениям подвергаются и основные принципы правового регулирования данных отношений.

Однако, несмотря на стремительные действия федерального законодателя устранить правовые неточности, пробелы, коллизии, всё равно остается большое количество проблемных вопросов, требующих особого внимания. Мы поддерживаем позицию М.С. Студеникиной, безусловно, действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [2] в большинстве своём потерял единство правового регулирования и нуждается не в простом косметическом ремонте, а в существенной доработке [3, С. 33]. Как считает Е.В. Евсикова, причины заключаются в том, что продолжающийся процесс формирования и развития современной системы федерального законодательства и иных механизмов правового регулирования в различных областях (природопользование и экология, транспорт и связь, образование и здравоохранение, поддержка конкуренции и рынок ценных бумаг, рынок труда и миграция, жилищная и коммунальная сфера, дорожное движение и т.д.) обуславливает необходимость регулярного уточнения составов

многих административных правонарушений в соответствующих главах Особенной части КоАП РФ. Следовательно, чтобы решить эту проблему, в КоАП РФ вносятся изменения, и зачастую такие изменения не носят системного характера, что приводит к нарушению единства правового регулирования сходных по своему содержанию общественных отношений, неурегулированности ряда ключевых для сферы административной ответственности общественных отношений и, в конечном счете, негативным образом влияет на обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц [4, С. 23].

Проблемы модернизации законодательства об административных правонарушениях и процессуального порядка привлечения к административной ответственности являются предметом активных научных исследований в течение длительного периода времени [5, С. 5; 6, С. 24; 7, С. 19; 8, С. 5].

На протяжении последних лет в Государственную Думу Федерального Собрания РФ подавались различные проекты, регламентирующие правоотношения в сфере административной ответственности, некоторые из которых в дальнейшем были отозваны авторами. На сегодняшний день, учитывая длительную и успешную регламентацию административной ответственности, следует признать, что действующий КоАП РФ далеко не идеален. Достаточно динамичная модернизация общественных отношений, детализация и конкретизация правонарушений в различных сферах, в том числе, экономики, общественной безопасности, увеличение средств административно-юрисдикционной защиты прав и интересов субъектов таких отношений повлекло за собой значительное увеличение объема требующих урегулирование на законодательном уровне административных правоотношений.

Из перечня проблемных вопросов, на наш взгляд, следует выделить чрезмерную детализацию административно-правовых запретов, расхождение в определении в кодифицированной системе места правовых норм, регламентирующих процессуальный порядок производства по делам об административных правонарушениях и устанавливающих подведомственность и подсудность дел об административных правонарушениях, ряд других вопросов.

В свою очередь, указанные проблемы являются предпосылками выделения в отдельный кодифицированный правовой акт норм, регламентирующих процесс привлечения к административной ответственности. Мы полагаем, что разработанный Министерством юстиции проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – ПКоАП РФ) [9] является средством решения большого количества существующих проблем. Мы полагаем, что основной актуальной проблемой в наше время является отсутствие сбалансированной и согласованной политики о средствах и формах содержания новой редакции КоАП РФ.

Кроме того, следует отметить, что развернувшаяся в последнее время в связи с опубликованием министерством юстиции России проекта нового Кодекса РФ об административных правонарушениях [10] активная дискуссия в средствах массовой информации свидетельствует о неоднозначном восприятии в обществе некоторых предложенных авторами проекта новаций, а также об отсутствии решений большого количества проблем. Так, к примеру, ни КоАП РФ, ни проект ПКоАП РФ не предусматривают решение вопроса о процессуальной форме фиксации привлечения в производство потерпевших на стадии административного расследования и рассмотрения дела об административном правонарушении (ч. 1 ст. 2.2 ПКоАП РФ).

Другим правовым пробелом Проекта следует выделить, отсутствие такой меры профилактики правонарушений, как представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения судьей, органом, должностным лицом, рассматривающим дело (ст. 29.13 КоАП РФ). Устранение указанного пробела возможно посредством соответствующего дополнения ПКоАП РФ ст. 2.17 «Устранение причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения».

Таким образом, существующие реформы законодательства, регламентирующего те или иные вопросы административной ответственности бесспорно являются положительным моментом, однако следует отметить, что на сегодняшний день проекты КоАП РФ и ПКоАП РФ нуждаются в дальнейшей доработке с привлечением научных специалистов, представителей правоприменительных органов и гражданского общества.

Список литературы:

1. Евсикова Е.В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства / Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 226–236.
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 198-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1.
3. Студеникина М.С. Два законопроекта новой кодификации законодательства об административных правонарушениях: основные новеллы и их предварительная оценка / М.С. Студеникина // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 34–37.
4. Евсикова Е.В. К вопросу об усовершенствовании законодательства в сфере установления административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан / Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3–2. – С. 22–34.
5. Кисин В.Р. Проект нового КоАП РФ: взгляд на социальную сущность («материальное содержание») административного правонарушения / В.Р. Кисин // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 5–8.
6. Игнатенко В.В. Проблемы совершенствования отдельных институтов общей части законодательства об административных правонарушениях / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. 2015. № 2. С. 24–29.
7. Агеев А.А. К вопросу о совершенствовании административного законодательства / А.А. Агеев // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 19–20.
8. Полугаев Ю.И. О некоторых аспектах совершенствования административно-деликтного законодательства / Ю.И. Полугаев // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 5–8.
9. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01- 20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2021) // СПС КонсультантПлюс.
10. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2021) // СПС КонсультантПлюс.

УДК 342.9

Д. М. Лифанов

Уральский государственный юридический университет
кафедра административного права
Россия, Екатеринбург

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЖАЛОБА» В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие жалобы в административном законодательстве. Анализируется понятие жалобы, изложенное в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Проводятся точки зрения, сформулированные в научной литературе и правовых исследованиях. Делается вывод о необходимости изменения терминологического наполнения понятия жалоба в части замены слова «просьба» и включения в его содержание термина «требование».

Ключевые слова: обращения граждан, административная жалоба, просьба, требование.

D. M. Lifanov

Ural State Law University
Russia, Yekaterinburg

ABOUT THE CONTENT OF THE CONCEPT OF «COMPLAINT» IN THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION

Abstract. This article discusses the concept of complaint in administrative legislation. The concept of a complaint set forth in

the Federal Law «On the Procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation» is analyzed. The points of view formulated in the scientific literature and legal studies are carried out. It is concluded that it is necessary to change the terminological content of the concept of complaint in terms of replacing the word request and including the term «demand» in its content.

Keywords: citizens' appeals, administrative complaint, request, demand.

С момента принятия постановления Президиума ЦИК СССР «О рассмотрении жалоб трудящихся и принятии по ним необходимых мер»[1] прошло более 85 лет, однако потребность в защите прав и законных интересов граждан в административном порядке актуальна до сих пор и не теряет своей значимости. Одним из наиболее эффективных средств, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов граждан, является обращение с жалобой. Соответствующее конституционное положение, закрепляющее право на обращение, длительное время сопровождалось необходимостью нормативного закрепления в рамках административно-правовых норм до того момента, как был принят Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[2], закрепивший основные формы обращений граждан и порядок их реализации.

Обращаясь к вопросу содержания понятия административной жалобы, следует отметить, что в научной литературе учеными-административистами предлагаются различные точки зрения. По мнению Д.Н. Бахраха административной жалобой является обращение лица к компетентному субъекту с требованием восстановления нарушенных прав или пресечения их нарушения. Предметом жалобы является действительное или мнимое нарушение прав, свобод и законных интересов лица вследствие необоснованных действий соответствующих органов, должностных лиц или других граждан [3, С. 118–131]. Таким образом, предложенное Д.Н. Бахрахом определение отражает закрепленное ст. 33 Конституции Российской Федерации право на обращение с административной жалобой.

Определяя смысл и значение административной жалобы, Демьян Николаевич считает, что ее разрешение обеспечивает защиту прав, устранение допущенных нарушений, а также устранение недостатков в работе субъектов власти и укрепление законности. По мнению Ю.М. Козлова значение административной жалобы заключается не только в защите прав и законных интересов граждан, но и в «искоренении элементов бюрократизма и волокиты в работе государственного аппарата» [4, С. 42–45]. При этом подача гражданином жалобы не обеспечивает полную реализацию механизма защиты его прав, поскольку соответствующая обязанность лежит на должностном лице, которому обращена жалоба. С учетом этого, действительным средством, обеспечивающим защиту нарушенных прав и законных интересов граждан, является решение должностного лица, принятого по итогам рассмотрения жалобы [4, С. 42–45].

Применительно к содержанию жалобы и порядку ее рассмотрения в научной литературе выделяют несколько классификаций, среди которых отдельное внимание следует уделить общим и специальным административным жалобам. Общая административная жалоба и право на ее подачу является всеобщим и позволяет каждому человеку обратиться с жалобой к должностному лицу за защитой своих прав и законных интересов. Порядок обращения граждан с жалобой в общем порядке предусмотрен Федеральным законом от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2]. Данный законодательный акт включает в себя порядок рассмотрения административных жалоб, за исключением тех, которые подлежат рассмотрению в установленном федеральными конституционными и иными законами порядке (ч.2 ст. 1). Таким образом, законодатель указывает на наличие специальных административных жалоб, связанных с отдельными сферами административного обжалования. В частности, к указанным жалобам по мнению С.В. Калининой относятся жалобы, поданные на решения налоговых органов, постановления по делам об административных правонарушениях, на решения (действия) субъектов избирательного процесса и др.[5, С. 88–93]

С точки зрения определения понятия жалобы, п. 4 ст. 4 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений

граждан Российской Федерации» сформулировано следующее определение «это просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц» [2]. Представляется, что предложенная законодателем дефиниция не соответствует определению понятия жалобы, так как «просьба гражданина», исходя из буквального лингвистического толкования, может рассматриваться в качестве прошения[6]. В данном случае целесообразно указать в понятии требование гражданина, поскольку мотивированное обращение гражданина приобретает обязательный характер для должностного лица, которому направляется жалоба. Данной точки зрения придерживаются Б.В. Маслов [7, С. 22], С.В. Калинина [5, С. 88–93], Д.В. Леонов [8, С. 11] и ряд других ученых. Так, по мнению Б.В. Маслова включение в содержание понятия жалобы термина «просьба» может повлечь за собой необоснованные ограничения в реализации гражданином своего права на обращение, допущенные со стороны уполномоченных органов, их должностных лиц. С.В. Калинина также считает допустимым включение данного термина в законодательное определение жалобы. Б.Г. Рысай, напротив, полагает, что термин «просьба» отражает материально-правовую составляющую жалобы, которой предшествует обращение с жалобой к уполномоченному субъекту. С учетом этого, по его мнению понятие жалобы следует рассматривать с материальной и процессуальной составляющих, как процесс предъявления просьбы и его содержание, объем, соответственно [9, С. 23–24]. Представляется, что использование определения жалобы как просьбы материально-правового характера не учитывает конституционное положение о праве граждан на обращение, а также волеизъявление (требование), связанное с необходимостью защиты и восстановления его нарушенных прав, свобод и законных интересов.

Исходя из вышесказанного, думается целесообразным и обоснованным внести соответствующие изменения в содержание понятия жалобы, предусмотренного п. 4 ст. 4 Федерального закона от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», указав следующее: «жалоба – это требование гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц». Таким образом, включение указанного термина в содержание понятия жалобы позволит развить конституционное положение о праве граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления.

Список литературы:

1. Постановление Президиума ЦИК СССР от 13.04.1933 г. «О рассмотрении жалоб трудящихся и принятии по ним необходимых мер» // СЗ СССР, 1933, № 26, ст. 153.
2. Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ, 08.05.2006, № 19, ст. 2060.
3. Бахрах Д.Н., Семенов А.В. Понятие «административная жалоба» / Административное право на рубеже веков: Межвузовский сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. – С. 118–131.
4. Козлов Ю.М. Прием и рассмотрение жалоб трудящихся в органах советского государственного управления // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 42–45.
5. Калинина С.В. Административная жалоба как средство защиты нарушенных прав, свобод или законных интересов гражданина // Вестник РГУ, Серия «Юридические науки», № 19 (120), 2013, С. 88–93.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 1997.
7. Маслов Б.В. Институт обращений граждан в административном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 22.
8. Леонов Д.В. Административно-правовой институт досудебного обжалования : дис. ... канд. юрид. наук. Институт законод. и сравнит. Правовед. при Правительстве РФ. Москва, 2020, С. 11.
9. Рысай Б.Г. Внесудебные формы разрешения административного спора : дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородский гос. университет. Нижний Новгород, 2018, С. 23–24.7

А. А. Макарова-Землянская, К. Ю. Ситникова
Российский Государственный Университет Правосудия
Россия, Москва

ПРАКТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается реформа местного самоуправления в Российской Федерации, связанная с учреждением муниципальных округов с 2019 года. На основании анализа статистических данных авторы научной статьи делают вывод о медленном процессе проведения реформы и подчеркивают ряд проблем, имеющих существенное значение для населения, проживающего на территории муниципальных образований.

Ключевые слова: местное самоуправление, Российская Федерация, муниципальное образование, городской округ, муниципальный округ.

A. A. Makarova-Zemlyanskaya, K. U. Sitnikova
Russian State University of Justice
Russia, Moscow

THE PRACTICE OF IMPLEMENTING THE REFORMATION OF THE TERRITORIAL FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Abstract. The article discusses the reform of local self-government in the Russian Federation, associated with the establishment of municipal districts from 2019. Based on the analysis of statistical data, the authors of the scientific article conclude that the reform process is slow and emphasize a number of emerging problems that are of significant importance for the population living in the territory of municipalities.

Keywords: local government, Russian Federation, municipality, city district, municipal district.

Реформирование местного самоуправления происходило на протяжении всего существования Российской Федерации. Первым значительным шагом в данном направлении стало принятие Конституции РФ 1993 г., закрепившей основы организации местного самоуправления. Следующим этапом стало принятие Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и в последствии заменившего его Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации» [7, с. 413]. С 2003 года по настоящее время в Федеральный закон № 131 – ФЗ было внесено большое количество изменений.

1 мая 2019 года Президентом был подписан Федеральный закон от № 87-ФЗ, который внес существенные коррективы в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с его положениями был введен новый вид муниципального образования – муниципальный округ [2].

«Муниципальный округ – несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации» [2].

В пояснительной записке в качестве цели введения нового вида муниципального образования авторы проекта Федерального закона № 87-ФЗ указывают «обеспечение вариативности подходов к осуществлению местного самоуправления с учетом особенностей территорий» [3].

Таким образом, введение муниципальных округов призвано оптимизировать управление территориями и обеспе-

чить экономное расходование бюджетных средств, при учете особенности территорий, входящих в данное муниципальное образование. К таким особенностям можно отнести малое количество населения, а также сельский уклад жизни и деятельность.

Представляется, что муниципальные округа могут быть образованы следующими способами: путем наделения городских округов, соответствующим статусом, а также в результате объединения поселений и муниципального района, с их последующей утратой статуса муниципального образования.

При образовании муниципальных округов возникла необходимость в четком разграничении определений понятий «городской округ» и «муниципальный округ». В частности, городскими округами признаются только те территории, в которых не менее двух третей населения такого муниципального образования проживает в городах и (или) иных городских населенных пунктах; плотность населения территории должна в пять и более раз превышать среднюю плотность населения в Российской Федерации; размер сельских населенных пунктов не должен превышать в два и более раза площадь территорий городов и (или) иных городских населенных пунктов, входящих в состав городского округа [1].

В состав территории муниципального округа, в соответствии со ст. 11 Федерального закона № 131-ФЗ входят: «земли населенных пунктов, прилегающие к ним земли общего пользования, территории традиционного природопользования населения соответствующего муниципального округа, а также земли рекреационного назначения» [2]. Вопросы местного значения муниципального округа и городского округа аналогичны, они указаны в ст. 16. Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В отличие от муниципальных районов муниципальные образования нового вида имеют одноуровневую организацию местного самоуправления на своей территории. Это способствует консолидации представительских и административных ресурсов, а также оптимизации расходов на содержание органов местного самоуправления.

Анализ статистических данных сайта Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о количестве муниципальных образований с 2018 по 2020 г. показал, что в 2018 году в составе Российской Федерации находилось 21 945 муниципальных образований. Из них 1 758 муниципальных районов, 588 городских округов, 3 городских округа с внутригородским делением, 19 внутригородских районов и 267 внутригородских территорий [5]. В 2019 году цифры изменились, 33 муниципальных района стали городскими округами [6].

На 1 января 2020 года было сформировано 33 муниципальных округа. Количество муниципальных районов было уменьшено до 1673, а городских округов увеличено до 632. В начале 2020 года общее количество муниципальных образований на территории Российской Федерации составило 20846, из них доля муниципальных округов только 0,16 % [4]. Больше всего муниципальных округов создано в Приволжском и Сибирском федеральных округах – по 13 муниципальных округов, территориально в Пермском крае и Кемеровской области. Также муниципальные округа в настоящее время созданы в Тверской области и Приморском крае [4].

Изменения 2020 года коснулись также и количества городских округов. Так из 588 (на 1 января 2019 года) их количество возросло до 632 (на 1 января 2020 года). В процентном отношении количество городских округов увеличилось за 2 года на 7,48%. В Центральном федеральном округе количество городских округов увеличилось на 21, в Северо-Западном на 3, в Приволжском на 19, в Уральском на 1, в Сибирском и Дальневосточном на 6 в каждом. В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах количество городских округов осталось неизменным [4]. Доля городских округов в Российской Федерации на 1 января 2020 года составляет 3,03 % от всего количества муниципальных образований.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за год проведения реформы местного самоуправления темпы создания муниципальных и городских округов невысокие. Количество новых муниципальных образований растёт не во всех субъектах Российской Федерации. По мнению законодателя пере-

ходный период по приведению статусов и уставов муниципальных образований, а также законодательства в соответствии с Федеральным законом от 1 мая 2019 года № 87-ФЗ должен завершиться к 1 января 2025 года. Если темпы дальнейших преобразований муниципальных образований не увеличатся, то констатировать успешность проведения реформы не представляется возможным.

В процессе проведения исследуемой реформы возникает ряд проблем, которые препятствуют достижению целей, поставленных законодателем. Так, авторы Малявкина Н.В., Алексикова О.Е., Ястребов А.Е. в качестве основной ставят проблему эффективного распределения государственного бюджета, возникновение территориальной отдаленности власти, что может привести к утрате связи с населением и снижению его доступности в решении вопросов местного значения [8, с. 3].

Васильев Е.В. отмечает, что в положениях Федерального закона от 1 мая 2019 года № 87-ФЗ не поставлены четкие критерии разграничения между городскими и муниципальными округами, что, в свою очередь, может привести к серьезным нарушениям двухуровневой системы власти и не принесёт никакой пользы субъектам [9, с. 6].

Таким образом, проводимая реформа местного самоуправления с целью укрупнения муниципальных образований может повлечь за собой определенные негативные последствия, начиная от дефицита бюджета, заканчивая территориальной отдаленностью власти. Медленный процесс реализации данной реформы не совпадает с ожиданиями законодателя. Следовательно, процесс претворения исследуемой реформы в жизнь нуждается в серьезной доработке и теоретическом осмыслении. Представляется, что увеличение переходного периода реформы также может благоприятно сказаться на ее результатах.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ. № 40. Ст. 3822.
2. Федеральный закон от 01.05.2019 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ. № 18. Ст. 2211.
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Государственная Дума РФ [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/631751-7> (Дата обращения: 25.10.2021).
4. Статистический бюллетень Формирование местного самоуправления в Российской Федерации 2020 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263> (Дата обращения: 23.10.2021).
5. Статистический бюллетень Формирование местного самоуправления в Российской Федерации 2018 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263> (Дата обращения: 23.10.2021).
6. Статистический бюллетень Формирование местного самоуправления в Российской Федерации 2019 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263> (Дата обращения: 23.10.2021).
7. Васильев В.И. Муниципальное право РФ. М.: Юстицинформ. 2012. 680 с.
8. Малявкина Н.В., Алексикова О.Е., Ястребов А.Е. Муниципальный округ как средство укрупнения муниципальных образований // М.: Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 1. С. 3–4.
9. Васильев Е.В. Ещё раз о территориальных органах местного самоуправления // Журнал Российского права. 2018. № 1. С. 6.

УДК 342

Ш. М. Мамедов

*Северо-Кавказский институт
«Всероссийского Государственного университета юстиции»
(РПА Минюста России)
Россия, Махачкала*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты местного самоуправления в свете недавних конституционных поправок, согласно которым местное самоуправление наряду с органами государственной власти вошло в единую систему публичной власти с целью наиболее эффективного осуществления задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Ключевые слова: местное самоуправление; публичная власть; Конституция; разделение властей; поправки в Конституцию.

Sh. M. Mamedov

*North Caucasus Institute
“All-Russian State University of Justice “
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Makhachkala*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF INTERACTION BETWEEN STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Abstract. The article examines the main aspects of local self-government in the light of recent constitutional amendments, according to which local self-government, along with state authorities, have entered into a single system of public authority in order to most effectively implement tasks in the interests of the population living in the relevant territory.

Keywords: local government; public authority; Constitution; separation of powers; amendments to the Constitution.

Практически с самого начала со дня опубликования проекта Основного закона нашего государства 10 ноября 1993 года, видные российские конституционалисты стали перечислять недостатки, присутствующие в тексте Конституции Российской Федерации и предлагали внесение соответствующих поправок в ее текст. Видные правоведы, среди которых С.А. Авакьян, В.Д. Зорькин и В.В. Комарова, обосновывали объединение государственной и муниципальной власти и предлагали понятие единой публичной власти, особенно в аспекте соотношения понятий народного представительства и парламентаризма, в том числе аргументированно доказывали, что такой классический принцип государственной власти, как принцип разделения властей, распространяется в аспекте разделения компетенции до уровня местного самоуправления. По сути, эти идеи реализованы в поправках главы 8 Конституции РФ «Местное самоуправление».

Одним из основных институтов, заложенных в основу любого демократического государства, является наличие местного самоуправления. Данный институт не обходит стороной и законодательство РФ, составляя одну из основ конституционного строя нашей страны. Так в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», под местным самоуправлением понимается форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.[1]

Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 12 положение, согласно которому местное самоуправление

не входит в систему государственных органов России.[2] Эта статья говорит о самостоятельности органов местного самоуправления, в пределах осуществляемых ими полномочий. Обязанность органов государственной власти состоит в создании правового поля для осуществления муниципальными органами своей деятельности. Они проводят контроль за реализацией и защитой, закрепленных в отечественном законодательстве, прав и свобод физических и юридических лиц.

Сегодня весьма актуальным является вопрос о взаимодействии органов местного самоуправления с органами государственной власти. Особенно остро встал этот вопрос в свете недавних поправок в основной закон нашего государства, которые закрепляют положение о том, что «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Таким образом, в Конституции РФ нашла свое отражение новая правовая категория «публичная власть», что, разумеется, требует детальной и конструктивной научной проработки содержания и сущности данного понятия. Данную правовую категорию сформулировали юристы Древнего Рима, которые обозначали ею то, что является государственным. По разъяснениям А. Н. Савенкова и В. И. Чиркина данное понятие олицетворялось как что-то общее, публичное или общедоступное. Римские юристы не наблюдали различия между публичным и государственным. Подобное переплетение терминов также можно найти у Фридриха Энгельса, а именно в его работе под названием «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В настоящее время не все исследователи сходятся во мнениях относительно правовой природы понятия публичной власти. Так по мнению профессора, Сурена Адибековича Авакьяна, публичная власть ничем не отличается от политической власти, исходя из того, что политическая власть реализуется в обществе и адресована широким массам членов общества.[3]

Здесь важно понимать, что единая система публичной власти, частью которой объявляются органы местного самоуправления, не равнозначна системе органов государственной власти, в которую они по-прежнему не входят).[5] Так же, как и органы государственной власти, они выполняют управленческие функции для реализации единых, закрепленных в Конституции РФ публичных интересов населения муниципального образования, отраженных в вопросах местного значения.

Мы считаем, что в связи с конституционным изменением концепции власти понятие местного самоуправления необходимо изложить в законе в следующей редакции: «местное самоуправление в Российской Федерации – форма публичной власти, обеспечивающая во взаимодействии с другими формами публичной власти в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций».[6]

Местное самоуправление является одним из основополагающих институтов, которые составляют устои конституционного строя российского государства. Полагаем, что реализация вышеупомянутого предложения послужит закреплению правового статуса местного самоуправления, а также активному взаимодействию с государственной властью в целях обеспечения интересов населения нашей страны.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021)
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Авакян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М. 2015

4. Петухов Р. Что поправки в Конституцию меняют в судьбе местного самоуправления // Ведомости.

5. Колесикова А.В. Местное Самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. – 2020. № 7. С.4.

УДК 342.951:351.82

М. Э. Митрошенкова, К. М. Скрипкина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СПОРТСМЕНОВ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ДОПИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проблема противодействия применению допинга является одной из актуальных проблем как отечественного, так и мирового спорта. Авторы рассматривают основные положения новой редакции статьи 6.18 КоАП РФ, которая устанавливает административную ответственность спортсменов за применение допинга в России. В ходе исследования выявляются особенности регулирования административной ответственности спортсменов в России.

Ключевые слова: допинг, спорт, антидопинговые правила, административная ответственность.

M. E. Mitroshenkova, Ks. M. Skripkova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF ATHLETES FOR THE APPLICATION OF DOPING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The problem of countering the use of doping is one of the urgent problems of both domestic and world sports. The author examines the main provisions of the new edition of Article 6.18 of the Administrative Code, which establishes the administrative responsibility of athletes for the use of doping in Russia. In the course of the study, the features of the regulation of the administrative responsibility of athletes in Russia are revealed.

Keywords: doping, sports, anti-doping rules, administrative responsibility.

В последние годы участились случаи дисквалификации спортсменов, аннулирования достижений и наград вследствие употребления ими веществ, запрещенных Всемирным антидопинговым агентством. Применение допинга не только подрывает доверие международного спортивного сообщества к спортивному соревнованию и честному соперничеству, но и причиняет вред здоровью спортсменов. Сегодня в России ведется активная борьба с использованием допинга, в частности, установлена административная ответственность. Повышение качества нормативного правового регулирования в данной сфере является важной задачей наряду с поиском эффективных мер борьбы с допингом.

Статья 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[1] устанавливает административную ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним. Причем после вступления в силу изменений в нормы КоАП РФ (1 июня 2019 года) субъектом правонарушения является непосредственно сам спортсмен, который использовал или пытался использовать, а также распространяющий запрещенную субстанцию и (или) запрещенный метод. Понятия «тренер», «специалист по спортивно медицине» и «иной специалист» переключались во 2 часть статьи 6.18 КоАП РФ. Теперь спортсмен не выступает в качестве потерпевшей стороны, а наоборот, осознает использование им запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов.

Пункты 22 и 23 статьи 2 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» определяют, что спортсмен – это физическое лицо, занимающееся выбранными видами или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях; спортсмен высокого класса – спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов[2].

Как показала судебная практика, предыдущая редакция статьи 6.18 КоАП РФ не стала эффективной мерой административного принуждения. Песков А.Н. на основе судебной статистики пришел к выводу, что «данная статья не работает», а за установленные в ней правонарушения фактически никого не привлекают. Так, в 2014 году в России по статье 6.18 КоАП РФ к ответственности был привлечен лишь один человек[3, С. 53]. Судебная статистика за 2020 год показывает, что по статье 6.18 КоАП РФ рассмотрено 50 дел, а подвергнуто наказанию 20 человек [4].

Одной из особенностей статьи 6.18 КоАП РФ является то, что она носит бланкетный характер. Однако по поводу определения допинга до сих пор нет общепринятого мнения. Основным документом, законодательно запрещающим, допинг в мировом спорте является Всемирный антидопинговый кодекс WADA, который в части 1 статьи 1 определяет допинг как «совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в статьях 2.1-2.10 настоящего Кодекса» [5].

Статья 26 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» признает допингом в спорте нарушение антидопингового правила, в том числе использование или попытка использования субстанции и (или) метода, включенных в перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Кроме того, исходя из текста статьи 6.18 КоАП РФ следует, что нарушение не всех правил влечет административную ответственность, а именно использование или попытка использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, соответственно отечественный законодатель трактует понятие допинга более узко, чем Кодекс WADA. Такое положение сокращает формы совершения правонарушения.

Важно обратить внимание, что административная ответственность спортсменов за использование допинга может наступать только за умышленное использование или попытку использования запрещенной субстанции или метода. Объективная сторона данного правонарушения характеризуется именно использованием запрещенного вещества или, соответственно, попыткой. Это может быть подтверждено различными материалами.

Так, Первомайский районный суд постановил признать Лещенко А.В. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 6.18 КоАП РФ. Суд принял решение, основываясь на совокупности собранных по делу доказательств, в том числе: рапорт об обнаружении признаков административного правонарушения, письменные объяснения Лещенко А.В., письмо Ассоциации Российского антидопингового агентства «РУСАДА», протокол заседания комиссии, письмо Ассоциации Российского антидопингового агентства «РУСАДА» о вынесенном решении, решение дисциплинарного антидопингового комитета Российского Антидопингового агентства «Русада», протокол допинг-контроля с результатами допинг-теста и его переводом на русский язык, результаты химико-токсикологических исследований в отношении Лещенко А.В., которым в совокупности с другими материалами дела дана надлежащая оценка на предмет допустимости, достоверности, достаточности в соответствии с требованиями статьи 26.11 КоАП РФ. В качестве наказания суд назначил административный штраф в размере тридцати тысяч рублей [6].

Ранее спортсмены несли исключительно спортивную ответственность, заключающуюся в отстранении от соревнований и тренировок, но в современной редакции КоАП РФ в качестве административного наказания установлен штраф за применение допинга (по части 1 статьи 6.18 КоАП РФ в размере от 30 до 50 тыс. рублей, а по части 2 – от 40 до 80 тыс. рублей). В литературе можно встретить мнения, что данная статья недостаточно наказывает спортсменов за совершение

такого значимого правонарушения, как употребление допинга, которое не только нарушает правила спортивных соревнований, но и отражается на политическом влиянии нашего государства [7, С. 176]. Действительно, учитывая специфику спортивной сферы, а также наличие дисциплинарной ответственности за данные правонарушения, выражающиеся в дисквалификации, данный штраф носит больше факультативный характер, что оставляет открытым вопрос достижения цели данной санкции.

На основании этого некоторые авторы предлагают ужесточить санкции для спортсменов, усилить не только медико-биологический контроль, но также и дисциплину самих спортсменов и их представителей на соревнованиях различного масштаба, а также посвятить отдельную главу в КоАП РФ различным правонарушениям в спорте[8, С. 17].

Современная редакция части 2 статьи 6.18 КоАП РФ нашла отражение в судебной практике. Например, Набережно-челнинский городской суд решил удовлетворить административное исковое заявление Камского транспортного прокурора, признав информацию, размещенную на интернет-страницах, информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено, а именно информация о специализированной пищевой продукции для питания спортсменов, содержащей запрещенные для использования в спорте вещества[9]. Часть 2 статьи 6.18 КоАП РФ содержит понятие «распространение», что включает в себя различные деяния и действия, взаимодействуя с другими нормами российского законодательства и образуя все элементы правонарушения.

Рассмотрев практику применения установленной административной ответственности за использование допинга, можно прийти к выводу, что в данной области существуют отдельные недостатки, устранение которых возможно путем гармонизации российского и международного законодательства.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. ст. 6242.
3. Песков А.Н. Проблемы борьбы с допингом в спорте: Монография / А.Н. Песков, О.А. Брусникина. – М.: Проспект, 2016. – 128 с
4. Судебная статистика РФ // URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 02.11.2021)
5. Всемирный антидопинговый кодекс (утв. На Всемирной конференции по борьбе с допингом в Йоханнесбурге 15 ноября 2013 г.) // Режим доступа СПС «Гарант»
6. Постановление № 5-1127/2019 от 23 декабря 2019 г. по делу № 5-1127/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DKDERJDJyfrv/> (дата обращения: 01.11.2021)
7. Смирнов В.Е., Купряшкин М.А., Геросименко А.А. Ответственность спортсменов за нарушение законодательства в области спорта // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2020. № 4. С. 173–177.
8. Ищенко С.А. Проблемы административно-правового противодействия применению допинга в спорте: современное состояние и перспективы // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 14–18.
9. Решение № 2А-6736/2020 2А-6736/2020~М-5667/2020 М-5667/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2А-6736/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mm41Spi4tqbL/> (дата обращения: 01.11.2021)

Д. М. Мухтарова, Я. С. Череватова
*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые административно-правовые меры санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Выявляется ряд проблем и коллизий в поднятой теме. Анализируется практический аспект применения административно-правовых мер в действительности.

Ключевые слова: институт, COVID-19, ответственность, законодатель.

D. M. Muhtarova, Y. S. Cherevatova
*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutors Office
Russia, Saratov*

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL WELFARE OF THE POPULATION

Abstract: The article discusses some administrative and legal measures of sanitary and epidemiological welfare of the population. A number of problems and collisions in the raised topic are revealed. The practical aspect of the application of administrative and legal measures in reality is analyzed.

Keywords: institute, COVID-19, responsibility, legislator.

Административно-правовые меры обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия общества представляют собой отдельный институт административного права. Указанное обусловлено тем обстоятельством, что отечественный законодатель закрепляет правонарушения в отдельной главе Кодекса РФ об административных правонарушениях, а именно в главе 6 [1]. Глава 6 КоАП РФ содержит определенное количество административных правонарушений в рассматриваемой области, что свидетельствует о важности наложения ответственности за нарушения законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения.

Таким образом, вышеуказанное свидетельствует об актуальности поднятого вопроса.

В настоящей статье мы обратим внимание на трансформацию административного законодательства в условиях распространения COVID-19. Небезызвестно, что возникшая и стремительно развивающаяся коронавирусная инфекция затронула все сферы общественных отношений. Российский законодатель оказался неготовым к высоким темпам развития инфекции.

С целью правильного выявления проблемных аспектов в административном законодательстве целесообразно обратиться к действующим нормативно-правовым актам. Так, статья 27 Конституции РФ наделяет граждан правом на свободу передвижения, статья 41 Конституции РФ – правом на здоровье [2]. Однако статья 55 Основного закона допускает ограничение вышеуказанных прав, посредством издания федеральных законов. Как определили М.А. Ефремова, А.А. Шутова, А.А. Никифорова в своих трудах, вышеуказанные нормы противоречат друг другу [3. С. 235].

Вместе с тем, п. «ж», «з» статьи 72 Конституции РФ относит осуществление мер по борьбе с эпидемиями к предмету совместного ведения РФ и субъектов. Так, на территориях субъектов РФ введены ограничительные мероприятия, где непосредственно были существенно ограничены права граждан на передвижение. К примеру, гражданам старше 65 на определенный период запрещено покидать место проживания [4].

Исходя из практического опыта, можно увидеть, что законы субъектов ограничивают права граждан в части их передвиже-

ния, однако в Основном Законе законодатель предусматривает в качестве основания лишь федеральные законы. Таким образом, создается определенная коллизия и нарушения положения Конституции.

Между тем, для предотвращения распространения инфекции отечественным законодателем внесен ряд изменения в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Изучение вышеуказанных нормативно-правовых актов в настоящей статье обосновывается тем обстоятельством, что диспозиции статей 6.3., а также 20.6.1. КоАП РФ сконструированы как бланкетные.

Интересной точкой зрения выступает мнение Н.И. Пикурова [5. С. 32]. Ученый считает, что использование законодателем диспозиции, отсылающей к иному правовому акту, усложняет их применение, поскольку увеличивается объем изучаемых норм права.

Проведем сравнительно-правовой анализ статьи 6.3. КоАП РФ. Так, указанная статья дополнена двумя составами. В указанной части необходимо сообщить, что при вменении состава правонарушения, предусмотренного ч. 2 статьи 6.3 КоАП РФ виновным, необходимо доказать несоблюдения положений, содержащихся в постановлениях главного государственного санитарного врача России.

Практика привлечения к ответственности по данной административно-правовой норме складывается, однако является достаточно противоречивой в связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов не в достаточной мере понимали критерий отличия между новыми составами (ч. 2, 3 ст. 6.3 и ст. 20.6.1 КоАП РФ). Подобное положение дел связано со сложностью конструирования административно-правового запрета, чрезмерной бланкетностью.

Резюмируя вышесказанное, представляется возможным сделать следующий вывод. Положения об административной ответственности за нарушения законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения не должны противоречить нормативно-правовым актам, обладающим большей юридической силой. Кроме того, нормы административного законодательства должны быть такими, чтобы не допускалось ущемление прав граждан.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. (ч. 1). Ст. 1.
2. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
3. Ефремова М.А., Шутова А.А., Никифорова А.А. Трансформация российского административного и уголовного законодательства в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства Внутренних дел России. 2020. № 3(94). С. 232–248.
4. Постановление Администрации Липецкой области от 26 марта 2020 года № 159 «О дополнительных мерах по защите населения в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) в Липецкой области».
5. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: моногр. М.: Российская академия правосудия, 2009. 288 с.

А. А. Рассказов, К. О. Спицин

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ СВАЛКИ КАК УГРОЗА ЖИВОТНОМУ МИРУ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о решении проблемы несанкционированных (стихийных) свалок, представляющих угрозу животному миру. Проблема вызвана неправомерным поведением физических и юридических лиц, которые, пренебрегая природоохранным законодательством, размещают отходы своей деятельности в неполюженных местах, что в совокупности с бездействием со стороны органов местного самоуправления приводит к обострению ситуации. Авторы предлагают обеспечить инициативу со стороны органов местного самоуправления посредством создания реестра стихийных объектов загрязнения, а также возложения бремени по их устранению на органы местного самоуправления в случае, если не будет обнаружено лицо, совершившее правонарушение. Основанием такого решения является конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Ключевые слова: несанкционированные свалки, реестр, ответственность, окружающая среда, объекты животного мира, отходы.

A. A. Rasskazov, K. O. Spitsin

*Saratov State Law Academy (SSLA)
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

UNAUTHORIZED LANDFILLS AS A THREAT TO THE ANIMAL WORLD

Abstract. This article discusses the issue of solving the problem of unauthorized (spontaneous) landfills that pose a threat to wildlife. The problem is caused by the illegal behavior of individuals and legal entities who, ignoring environmental legislation, place the waste of their activities in the wrong places, which together with inaction on the part of local governments leads to an aggravation of the situation. The authors propose to provide an initiative on the part of local self-government bodies by means of creating a register of natural pollution objects, as well as imposing responsibility for their elimination if the person who committed the offense is not found. The basis of such a decision is the constitutional right of everyone to a favorable environment, reliable information about its condition and to compensation for damage caused to his health or property by an environmental offense.

Keywords: unauthorized landfills, registry, responsibility, environment, wildlife objects, waste.

Вопрос охраны животного мира в настоящее время является особенно важным в силу участившихся случаев загрязнения окружающей среды, что обуславливает необходимость рассмотрения данной проблемы в России. При этом защитить объекты животного мира, в частности, ценных представителей фауны – «краснокнижных» животных – возможно посредством реализации комплекса мер и концентрации внимания на решении отдельных наиболее проблемных вопросов.

Так, в средствах массовой информации 5 августа 2021 года были размещены сведения о том, что Совет безопасности России при осуществлении мониторинга за ситуацией вокруг несанкционированных свалок установил увеличение их количества на 30% каждый год [1]. Стоит отметить, что в интернет-пространстве новости о гибели животных, вызванной загрязнением как на суше, так и в море, уже давно не являются редкостью [2]. В связи с этим на передний план выходит вопрос борьбы с несанкционированными свалками в контексте реализации юридической ответственности за причинение вреда объектам животного мира.

В настоящее время Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) в статье 8.2. установлена административная ответственность за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при сборе, накоплении, транспортировании, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства и потребления [3]. Разумеется, данная норма составляет лишь часть правовой регламентации ответственности за причинение вреда животному миру несанкционированными свалками, поскольку в зависимости от обстоятельств совершения деяния и его последствий, оно может быть квалифицировано как уголовно-противоправное (ст.ст. 247, 250, 358 Уголовного кодекса Российской Федерации) либо содержать состав иного экологического правонарушения. В дополнении к этому Федеральным законом от 24.05.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (далее – Закон «О животном мире») в статье 56 установлена материальная ответственность юридических лиц и граждан за ущерб, нанесенный объектам животного мира и среде их обитания [4].

Однако несмотря на это, меры по предупреждению причинения вреда объектам животного мира от несанкционированных свалок не носят исчерпывающий характер, поскольку основную трудность в этом направлении составляет не недостаток в действующем законодательстве «каркающих» норм, а вопросы установления субъекта правонарушения и бездеятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Первый вопрос заключается в том, что при действующем подходе ответственность за вред, причиненный объектам животного мира несанкционированными свалками, будет нести непосредственный правонарушитель, то есть физическое или юридическое лицо, нарушившее соответствующие требования. Такой порядок нельзя считать удовлетворительным, поскольку если вопрос установления виновного юридического лица задача посильная, то определение виновного физического лица – практически невыполнимая. В связи с этим возникает потребность в перенесении бремени ответственности на публичные структуры, что реализовано в части 3 статьи 56 Закона «О животном мире» [4] и нашло отражение в судебной практике [5]. Так, рассмотрев решение Устьянского районного суда Архангельской области по делу № 2-85/2017, считаем целесообразным следовать изложенной судом логике, согласно которой в случае невозможности установления виновного лица, вопрос о возложении обязанности по непосредственному устранению захламления, несанкционированных свалок на земельных участках разрешается на основе определения правообладателя соответствующего земельного участка, что в свою очередь позволяет распространить ответственность за причинение вреда объектам животного мира и местам их обитания, поскольку из бремени содержания участка следует цель предотвращения вредных последствий от его использования.

Следовательно, ответственность за причинение вреда животному миру несанкционированными свалками часто будет возлагаться на органы местного самоуправления, как отвечающих за организацию благоустройства территории муниципального образования, использования, охраны, защиты, воспроизводства городских лесов, лесов особо охраняемых природных территорий, расположенных в соответствующих границах, и реке на государственные органы. Такой порядок является приемлемым, поскольку большинство природоохранных правоотношений носит преимущественно публичный характер [6]. Более того, уместным является попытка решения смежного вопроса – бремени содержания прилегающей территории в контексте недопущения и ликвидации свалок, в рамках которого разумно отмечается, что справедливость перенесения бремени содержания публичного имущества на лиц, не являющихся публичными субъектами, может быть поставлена под сомнение [7].

Второй вопрос выражается в бездействии органов государственной власти и органов местного самоуправления. Его сущность подтверждается практикой прокурорского надзора, но в первую очередь – ухудшением ситуации, которое отмечает Совет безопасности России. Так, Нестерова А.Ю., являясь прокурорским работником, отмечает в своем исследовании, что в деятельности территориальных органов Федеральной службы по надзору в сфере природопользования прокурорами, как правило, вскрываются нарушения закона, выразившиеся в недо-

статочности контроля за полнотой и качеством осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации переданных полномочий Российской Федерации в области охраны объектов животного мира, охоты и сохранения охотничьих ресурсов. Имеют место случаи, когда по результатам проверок органов государственной власти оценка нарушениям закона не дается. Не реализуются полномочия по контролю за нормативно-правовым регулированием региональными органами исполнительной власти отношений в сфере природопользования, информированию высших должностных лиц регионов о недостатках нормотворчества, нарушениях в деятельности уполномоченных в сфере охоты органов. Информация о результатах проведенных проверок на официальном сайте в сети Интернет не размещается [8, С. 39–42].

Решение данной проблемы в определенной степени лежит через установление вышеописанного подхода распределения ответственности, который в значительной мере будет мотивировать публичные органы к добросовестному осуществлению возложенных на них полномочий, в остальной части вопрос может быть разрешен посредством повышения уровня прозрачности и гласности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в обозначенной сфере, в частности, путем создания Реестра состояния окружающей среды, который содержал бы в себе информацию о количестве и расположении очагов загрязнения, который будет составляться и обновляться органами, ответственными за определенную территорию. В свою очередь с момента внесения очага в Реестр будет выделяться определенный срок, в течение которого орган обязан либо устранить нарушение, либо привлечь к ответственности, лицо, его совершившее. Отдельно следует выделить следующее, что данная процедура значительно упрощает поиск субъектов, совершивших правонарушение, возлагая ответственность по устранению свалок на публичные образования, однако сохраняет ответственность физических и юридических лиц, при этом стимулирует органы к выявлению нарушений и определения субъектов правонарушения, поскольку в противном случае обязанность по устранению нарушений возлагается на органы государственной власти или местного самоуправления.

Таким образом, подводя итог, стоит упомянуть, что защита животного мира реализуется не исключительно мерами непосредственно направленными на защиту объектов животного мира, но и посредством обслуживания смежных сфер, проблемы в которых при недостатке внимания способны причинить существенный вред не только человеческому обществу, но и животному миру. В связи с этим предложенные меры представляются обоснованными, способными сменить вектор правоприменения и правотворчества в области охраны животного мира и окружающей среды.

Список литературы:

1. В Совбезе рассказали о росте числа несанкционированных свалок России [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: Новостное агентство : URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4929369> (дата обращения 09.11.2021).
2. Пластиковый мусор загнал морских черепах в «эволюционную ловушку» [Электронный ресурс] // NANO NEWS NET: Новостное агентство : URL: <https://www.nanonewsnet.ru/news/2021/plastikovyi-musor-zagnal-morskikh-cherepakkh-v-evolyutsionnuu-lovushku> (дата обращения 09.11.2021).
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) // СЗ РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ, 24.04.1995, № 17, ст. 1462.
5. Решение № 2-85/2017 от 11 апреля 2017 г. по делу № 2-85/2017. Судебная практика Устьянского районного суда Архангельской области [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qBAw3g4CmqNu/> (дата обращения 10.10.2021).
6. Боголюбов С. А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений // Журнал российского права. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yuridicheskoy-otvetstvennosti-v-sisteme-ekologicheskikh-pravoотношений> (дата обращения: 21.11.2021).
7. Рашидов Е. Ф., Ковтун Ю. С. Административно-правовое регулирование бремени содержания прилегающей территории

// Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoe-regulirovanie-bremani-soderzhaniya-prilegayuschey-territorii> (дата обращения: 21.11.2021).

8. Нестерова А. Ю. Защита беззащитных. О практике прокурорского надзора за исполнением законов об охране и использовании объектов животного мира, охоте и сохранении охотничьих ресурсов // Прокурор. – 2015. – № 4.

УДК 342.9

М. И. Темуркаев

*Саратовская государственная юридическая академия
Аспирантура
Россия, г. Саратов*

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию исторического развития контрольно-надзорной деятельности в органах внутренних дел. Комплексно анализируются нормативно-правовых актов различного периода исторического развития России, регулировавших сферу осуществления функций контроля и надзора в органах внутренних дел. Определены исторические периоды становления и развития контрольно-надзорной деятельности в органах внутренних дел.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, органы внутренних дел, полиция.

M. I. Temurkaev

*Saratov State Law Academy
Postgraduate studies
Russia, Saratov*

CONTROL AND SUPERVISION ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS: HISTORICAL ASPECT

Abstract. The article is devoted to the study of the historical development of control and supervisory activities in the internal organs. The author comprehensively analyzes the normative legal acts of various periods of the historical development of Russia, regulating the sphere of exercising control and supervision functions in the internal affairs bodies. The historical periods of the formation and development of control and supervisory activities in the internal affairs bodies have been determined.

Keywords: control and supervisory activities, internal affairs bodies, police.

На всем протяжении исторического развития органов внутренних дел контрольно-надзорная деятельность занимала важнейшее место для обеспечения общественного порядка и безопасности. Начало становлению органов полиции в их современном понимании положил Петр I который в 1718 г. издал Указ о создании полиции [1, С. 195]. С данного момента фактически контроль и надзор выступают неотъемлемыми функциями органов внутренних дел как централизованной системы. Согласно положениям данного Указа, органы полиции занимали важное место в механизме государственного управления осуществляя всестороннюю деятельность по обеспечению общественного порядка.

В данный период развития органов внутренних дел началось становление паспортного дела, что было вызвано необходимостью комплексной работы по сбору налогов в стране, то есть существовавшая систем государственного управления нуждалась в налаженном паспортном контроле [2, С. 47]. Так в 1724 г. был издан Указ «Плакат», в котором закреплялись требования к паспортам, в них в частности необходимо было прописывать основные приметы людей. Соответственно контроль полиции в сфере паспортного дела проводился в комплексе и во взаимосвязи с другими направлениями деятельности государственных органов того периода развития.

Также полицейские органы осуществляли функции по обеспечению правопорядка в общественных местах, в том числе осуществляли борьбу с преступностью. В современном понимании данную деятельность полиции того исторического периода можно сравнить с общим надзором, который распространялся на неопределенный круг людей, с целью охраны общественного порядка.

В последующем при правлении Анны Иоанновны был издан Указ от 9 марта 1730 г. «О нескорой и осторожной езде на лошадях по улицам, и о задержании в Полиции тех, которые будут давить лошадьми и бить проходящих кнутьями» [3]. Данным Указом регулировались вопросы передвижения на лошадях, путем установления определенных правил, которые бы исключали наезды на людей, в случае необходимости доставляя нарушителей в полицию.

Представляется что данный вид надзора со стороны полиции того исторического периода можно сравнить с осуществлением в настоящее время надзора за безопасностью дорожного движения.

Далее Екатериной II был утвержден Устав благочиния или Полицейского 8 апреля 1782 г., который внес существенный вклад в развитие органов внутренних дел, в частности сферы контрольно-надзорной деятельности. Так, было дозволено объединение людей в организации, в связи с чем функции по выдаче разрешений на открытие и дальнейшему контролю за общественными организациями были возложены на полицейские органы [4, С. 23]. Также в Уставе были положения, регулировавшие уличное движение, путем пресечения быстрой езды, надзора за состоянием транспортных средств, оказания помощи пострадавшим, что в целом обеспечивало безопасность дорожного движения.

Проведенный анализ дает основание говорить, что в положениях Устава нормы, существовавшие еще в Указе Анны Иоанновны о регулировании уличного движения существенно развиваются и дополняются указанием в частности на необходимость осуществления надзора за состоянием транспортных средств, что показывает расширение полномочий органов полиции в контрольно-надзорной сфере.

В последующем в результате проводимых реформ в сфере государственного управления Манифестом Александра I «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. было создано Министерство внутренних дел. Так первое отделение по делам земской экспедиции спокойствия и благочиния департамента внутренних дел выполняло функции по надзору за состоянием дорог и соблюдением на них порядка [5, С. 13].

Осуществление ведомственного контроля в системе Министерства внутренних дел занимало важное место, его осуществлял непосредственно министр, выступая в качестве субъекта контроля в отношении подведомственных учреждений [6, С. 72].

Также вопросы миграции были в поле зрения Министерства внутренних дел. В «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г. устанавливалась система министерств, их внутренняя организация, особенная канцелярия в составе Министерства полиции занималась ведением дел иностранцев, выдачей паспортов для въезда и выезда из государства, выполняла по сути функции политической полиции [7, С. 21–22].

Можно сказать, что осуществляемый в настоящее время контроль в сфере миграции органами внутренних дел формировался еще в XIX века, когда были введены определенные меры регулирования на въезд и выезд из страны иностранцев, в том числе выдача паспортов.

Таким образом на полицию традиционно возлагались важнейшие функции по осуществлению контрольно-надзорной деятельности в различных сферах функционирования государства.

Во второй половине XIX века также продолжались крупные реформы, которые координировались Министерством внутренних дел. Так, начинает формироваться полицейский надзор, было принято положение о полицейском надзоре от 12 марта 1882 г., которое под давлением времени и историческим переменам в последующем подвергалось изменениям и дополнениям [8].

Необходимо отметить, что полицейский надзор того периода развития положил основы для формирования и осуществления в настоящее время административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы.

Дальнейшее развития контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел связано с началом XX в. когда в России происходили революционные события в 1917 г. что существенным образом отразилось и на Министерстве внутренних дел. Так, 11 марта 1917 г. произошло упразднение Департамента полиции. В последующем постановлением Временного правительства создается милиция, которая состояла из рабочих и крестьян, а также управлялась политическими силами. Однако существовавшие противоречия при взаимодействии народной и городской милиции, привело к созданию в ноябре 1917 Народного комиссариата внутренних дел РСФСР.

Народный комиссариат внутренних дел РСФСР унаследовал функции Министерства внутренних дел, в частности по надзору за общественным порядком которая имела особенности, связанные с социальной напряженностью вызванную революционным состоянием общества.

На основе проведенного исследования истории становления и развития контрольно-надзорной деятельности в органах внутренних дел в период с 1718–1917 гг., можно выделить определенные периоды их развития, к которым относятся:

1. Возникновение государственных органов полиции в начале XVIII века при Петре I. и формирование системы органов внутренних дел, уделяется особое внимание контрольно-надзорной деятельности полицейских органов по обеспечению общественного спокойствия и безопасности государства.

2. Развитие контрольно-надзорной деятельности полиции в период с 1730 г. до 1782 г. XVIII в., при Анне Иоанновне, когда особо придается значение регулированию дорожного движения и паспортному контролю органов полиции.

3. Дальнейшее развитие в период правления Екатерины II с конца XVIII в. с развитием нормативной основы контрольно-надзорной деятельности полиции и расширением функций по надзору за уличным движением.

4. Контрольно-надзорная деятельность полиции в период с начала и до середины XIX в. с развитием общего надзора по обеспечению общественного порядка, ведомственного и миграционного контроля в условиях расширения сферы деятельности созданного Министерства внутренних дел.

5. Вторая половина XIX и начало XX вв. характеризуется развитием контрольно-надзорной деятельности в целом меняется система Министерства внутренних дел происходит оптимизация, создается НКВД РСФСР. Возникновение полицейского надзора, как прототипа современного административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, развитие надзора за безопасностью движения транспорта и в том числе миграционного контроля.

Список литературы:

1. Реформы Петра I: сборник документов / сост. В. И. Лебедев. М., 1937. 379 с.
2. Краткий исторический очерк и основные документы: учебное пособие / В.В. Альхименко, В.П. Коряков, В.М. Курицын, Р.С. Мулукаев [и др.]. М., 1998. 200 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. – СПб., 1830. 1004 с.
4. Пинигин М.Г. Организационно-правовые основы деятельности полиции в России по «Уставу Благочиния, или полицейскому», 1782–1862 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
5. Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк / В. Ф. Некрасов [и др.]. М., 1996. 464 с.
6. Яковлев К.Л. Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 387 с.
7. История Министерства внутренних дел: [Ч. 1–3] / [Соч.] доктора прав и философии Н. Варадинова. СПб., 1858–1863. С. 21–22.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том II. 1882. СПб., 1886. 1144 с.

А. А. Хуурак

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается содержание административно-юрисдикционной деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации как составной части административного процесса. Рассматриваются административно-юрисдикционные полномочия войск национальной гвардии в случае введения режима повышенной готовности по противодействию распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Ключевые слова: административно-юрисдикционная деятельность, административные правонарушения, полномочия войск национальной гвардии, режим повышенной готовности, коронавирусная инфекция COVID-19.

А. А. Khuurak

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES OF THE NATIONAL GUARD TROOPS: CURRENT TRENDS

Abstract: The article examines the content of the administrative and jurisdictional activities of the National Guard troops of the Russian Federation as an integral part of the administrative process. The administrative and jurisdictional powers of the National Guard troops in the event of the introduction of a high-readiness regime to counter the spread of the COVID-19 coronavirus infection are being considered.

Keywords: administrative and jurisdictional activities, administrative offenses, powers of the National Guard troops, high alert, coronavirus infection COVID-19.

1. На сегодняшний день административно-юрисдикционная деятельность Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации приобретает все большую актуальность, поскольку административно-юрисдикционная деятельность войск национальной гвардии осуществляется в процессе реализации правоприменительной деятельности правоохранительного характера, в целях пресечения и предупреждения совершения административных правонарушений.

2. Характеризуя административно-юрисдикционную деятельность войск национальной гвардии, прежде всего, нужно пояснить из каких элементов деятельности она складывается. Во-первых, Федеральная служба войск национальной гвардии РФ является «силовым министерством», руководство которым осуществляет Президент РФ [1]. Во-вторых, предназначена для обеспечения общественной безопасности, то есть на нее возлагаются полномочия по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях и принятию по ним решений в установленном порядке и формах; применению мер административного принуждения; исполнению контрольно-надзорных функций в установленных сферах деятельности.

3. С точки зрения глубины отражения правовой действительности следует отметить, что подпункт 26 пункта 9 Указа Президента РФ от 30 декабря 2016 года № 510 [2] определяет правовую основу административно-юрисдикционной деятельности войск национальной гвардии. В соответствии с указанным положением можно уяснить, что именно организация и осуществление производства по делам об административных правонарушениях – является важнейшим направлением деятельности войск национальной гвардии в сфере административной юрисдикции.

4. Административно-юрисдикционная деятельность должностных лиц войск национальной гвардии законодательно за-

креплена в нормах Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) [3], что позволяет уяснить, что Федеральная служба войск национальной гвардии РФ выступает субъектом административного производства. Перечень должностных лиц войск национальной гвардии, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, установлен Приказом Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 14 ноября 2018 года № 498 [4].

5. Необходимо также учитывать, что изменение санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ связанное с возникновением и распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 потребовало дополнительной регламентации деятельности войск национальной гвардии в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Что касается административно-юрисдикционных полномочий войск национальной гвардии при введении режима повышенной готовности, в первую очередь необходимо назвать такой подзаконный акт, как Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 22 апреля 2021 года № 140 [5] содержанием, которого явилось установление мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайной ситуации при введении режима повышенной готовности. В пункте 16.2 устанавливаются мероприятия проводимые органами управления по предупреждению и ликвидации чрезвычайной ситуации в режиме повышенной готовности. Проанализировав норму, можно установить административно-юрисдикционной полномочия войск национальной гвардии, связанные с проведением мероприятий по противодействию распространения коронавирусной инфекции COVID-19, к ним относятся: приведение сил и средств к готовности по убытию в районы с наиболее напряженной ситуацией по коронавирусной инфекции COVID-19; мониторинг и прогнозирование распространения коронавирусной инфекции COVID-19, а также оценка ее последствий; содействие в организации и проведении при необходимости эвакуационных мероприятий по противодействию распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

В отношении нормативно-правового регулирования административно-юрисдикционных полномочий войск национальной гвардии при введении режима повышенной готовности действует статья 20.6.1 КоАП РФ, предусматривающая санкцию за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности. Согласно Распоряжению Правительства РФ от 12 мая 2020 года № 975-р [6] на сотрудников войск национальной гвардии были возложены административно-юрисдикционные полномочия по составлению протоколов за несоблюдение мер повышенной готовности, поскольку установление административной ответственности является мерой противодействия распространения коронавирусной инфекции. Перечень должностных лиц Федеральной службы войск национальной гвардии, кроме директора и его заместителей, охватывает должностных лиц разного уровня – от командующих округами войск национальной гвардии и начальников (руководителей) структурных подразделений до начальников патрульных групп и войсковых нарядов [7].

6. Проанализировав законодательство Российской Федерации, можно определить, что Федеральная служба войск национальной гвардии представляет собой орган государственной власти, административно-юрисдикционной деятельности, осуществляющий обеспечение государственной и общественной безопасности, призванный защищать права и свободы человека и гражданина, а также предупреждать и пресекать административные правонарушения.

Список литературы:

1. Абакумов Д. В. К вопросу о главе исполнительной власти РФ // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор Ю. В. Соболева. 2020. С. 62.
2. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.09.2016 г. № 510 (ред. от 01.07.2021) «» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 41 (ч. 1). Ст. 5802.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г.

№ 195-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. Об утверждении Перечня должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 14.11.2018 г. № 498 (ред. от 11.05.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации от 05.12.2018. Ст. 0001201812050021. URL. : <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения : 06.11.2021).

5. Об утверждении Положения о функциональной подсистеме предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций войск национальной гвардии Российской Федерации единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 22.04.2021 г. № 140 // Официальный интернет-портал правовой информации от 25.06.2021. Ст. 0001202106250044. URL. : <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения : 06.11.2021).

6. Об утверждении перечня должностных лиц органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая должностных лиц органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2020 г. № 975-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 16. Ст. 2650.

7. Аникин С. Б. К вопросу о содержании административно-юрисдикционной деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6 (137). С. 101–107.

УДК 342.9

Д. А. Шаренко

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. в статье рассматриваются проблемы, связанные с недостаточными санкциями за административные правонарушения, а также проблемы реализации самих санкций. Рассматривая данные проблемы, предложены некоторые способы их разрешения, а также повышение правосознательности граждан, и их стимулирование на сообщения об совершенных административных правонарушениях, замеченными ими.

Ключевые слова: административные правонарушения, наказание, поощрение, уголовное преступление, штраф,

D. A. Sharenko

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF APPLYING SANCTIONS FOR ADMINISTRATIVE OFFENSES

Abstract. the article discusses the problems associated with insufficient sanctions for administrative offenses, as well as the problems of implementing the sanctions themselves. Considering these problems, some ways of their resolution are proposed, as well as increasing the legal awareness of citizens, as well as stimulating them to report committed administrative offenses noticed by them.

Keywords: administrative offenses, punishment, encouragement, criminal offense, fine.

На сегодняшний день основной проблемой является недостаточные санкции за административные правонарушения, из-за которых нередко человек регулярно совершающий такие правонарушения и легко оплачивающий штрафы за них, а порой и не оплачивая их вовсе. И именно из-за недостаточной наказуемости в прошлом, в последующем, переходит на уголовные преступления. И чтобы предотвратить уголовные преступления и сформировать у людей мнение о том, что любое, даже самое незначительное, правонарушение наказуемо, необходимо начинать с малого, то есть с административных правонарушений.

Если открыть кодекс об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ) [1], то можно увидеть штрафы в 100 рублей, например за проход по железнодорожным путям в неустановленных местах, конечно здесь человек подвергается опасности только себя, и не создает угрозы никому, и навряд ли из-за того, что он перешёл пару раз в неполюженном месте, начнёт совершать преступления, а вот из-за штрафа всего в одну тысячу рублей за проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика, может привести к ужасным последствиям, таким как наезд на пешехода. Штрафы в сто рублей на сегодняшний день мало кого могут заставить считать себя наказанным, порой даже штраф в 1 000–2 000 рублей не является на сегодняшний день достаточным наказанием. А по мере совершения таких правонарушений, за которые практически любой может заплатить штраф, и которые большинством не считаются наказанием, растёт мысль о вседозволенности и в последующем совершаются уголовные преступления. Очевидность в разумности повышении штрафов за административные правонарушения на лицо. Минюст уже обнародовал проект нового КоАП РФ [2], в котором минимальный размер штрафа будет равен 500 рублей [3], но и этого недостаточно. Минимальный штраф размером в 2 000 рублей позволит говорить об наказанности, и то не по всем правонарушениям.

Вторым моментом, на который хотелось бы обратить внимание, это игнорирование оплаты штрафов и как со стороны правонарушителя, так и со стороны взимающие данные штрафы. Здесь последняя часть является особенной проблемой в РФ.

Просматривая новости в сети «Интернет» в официальных источниках, можно наткнуться на статьи, когда за неуплату ста-двухсот или более штрафов у правонарушителя конфискуют транспортное средство (далее: ТС) [4], нередко о штрафах вспоминают только тогда, когда число перевалило за сто, или совершенно смертельное ДТП. Так быть не должно, необходимо установить определенное количество штрафов, после которых будет арестовано транспортное средство и водворено на штрафстоянку. Представляется логичным установить данную процедуру после неоплаты 10 штрафов, а для удобства работы необходимо автоматизировать систему ГИБДД таким образом, чтобы при наличии десяти штрафов, нарушителю было запрещено управлять ТС до уплаты этих штрафов. В идеале было бы, если система срабатывала после трёх любых штрафов за нарушение ПДД, но об этом пока рано говорить. Видя сегодняшнюю ситуацию и 10 для нарушителей станет роковым количеством. Введение данной процедуры, не только позволит предотвратить дальнейшие административные правонарушения, а также уголовные преступления, но и быстрее начнёт пополнять бюджет страны.

Статьёй 32.2 КоАП РФ предусмотрено, что административный штраф можно сократить в 2 раза, если оплатить его в течение 20 дней. Это бесспорно должно стимулировать граждан на уплату штрафов, но как видно это не всегда работает, также как и статья 20.25 КоАП РФ, которая предусматривает наложение административного штрафа в двукратном размере суммы неуплаченного административного штрафа, но не менее одной тысячи рублей, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок до пятидесяти часов. Чаще всего водители оплачивают штрафы, после ареста их транспортного средства, лишение «железного друга» самое страшное для водителя, а лишение водительских прав ещё страшнее.

Третьим моментом является неактивная гражданская позиция наших граждан, а иногда и полная её отсутствие.

Поощрение за сообщение о совершенном или готовящемся к совершению административном правонарушении, способствовало бы повышению активности граждан, а также стимулированию остальных не совершать подобные проступки. Поощрение можно было бы выплачивать в виде процента (скажем 10 % будет достаточно), от уплачиваемого штрафа нарушителем, именно за то преступление, которое заметил поощряемый. Есть и минусы данной системы: как быть если правонарушение заметили несколько человек, предполагается, что в таком случае поощрение получит, тот кто первый сообщил. Ждать поощрения можно долго, и самое главное, как получить данное вознаграждение. Удобно было бы получать на банковскую карту, а на сайте МВД выкладывать список тех, кто способствовал раскрытию административных правонарушений, с согласия «активистов». Конечно можно выплачивать вознаграждение сразу и в определенной сумме, подобная процедура есть в Казахстане [5], правда только пока за административное правонарушение в сфере коррупции и противовирусных ограничениях, и сумма поощрения, если переводить в рубли, иногда доходит до 14 500 рублей. Это будет стимулировать органы на скорейшее взимание штрафа с правонарушителя, и было бы более удобно для всех, но здесь тоже есть свои минусы, во-первых это то, что сумма вознаграждений может стать слишком большой, и органы будут оплачивать их постепенно, а во-вторых возможен резкий рост сообщений о правонарушениях, часть из которых может быть ложными.

Рассмотрев вышеперечисленные моменты и введя в действие такие предложения, как повышение штрафов, запрет на использование транспортным средством имея 10 и более штрафов, а также поощрение за сообщения об административных правонарушениях, можно достичь нужных результатов, а именно: повысить правосознательность среди граждан, нарастить авторитет Кодекса об административных правонарушениях РФ, пополнить бюджет страны, и самое главное, предотвратить уголовные преступления и уменьшить число жертв на дорогах.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. (ч. 1). Ст. 1.
2. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.05.2020) // Консультант Плюс URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=195739#qLU1eoSgJNwoSz511> (дата обращения: 13.11.2021).
3. Глава Минюста назвал минимальную сумму штрафа в новом КоАПе // РБК URL: <https://www.rbc.ru/society/03/11/2020/5fa123729a7947e838b61cd2> (дата обращения: 13.11.2021).
4. Жительница Саратова накопила более 400 штрафов – ее машину арестовали // Взгляд-инфо URL: <https://www.vzsar.ru/news/2021/11/08/jitelnica-saratova-nakopila-bolee-400-shtrafov-ee-mashiny-arestovali.html> (дата обращения: 13.11.2021).
5. Жителям ЗКО будут платить за доносы на соседей в Новый год // NUR.KZ <https://www.nur.kz/society/1890600-zitelam-zkobudut-platit-za-donosy-na-sosedej-v-novyy-god/> (дата обращения: 13.11.2021).

УДК 349.2

В. А. Юртаев

*Дальневосточный Федеральный Университет
Юридическая Школа
Россия, Владивосток*

ВВЕДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОПАСНОЕ ВОЖДЕНИЕ: PRO ET CONTRA

Аннотация. в статье анализируется целесообразность введения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях ответственности за опасное вождение. Автором даётся правовая оценка принятому Государственной Думой законопроекту № 37057-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за опасное вождение». В процессе исследования рассматриваются сходные составы правонарушений, наказание за которые уже предусмотрены КоАП РФ. Автор рассмотрел феномен понятия «опасного вождения» и предложил изменения в диспозицию рассматриваемой статьи, предусматривающей ответственность за опасное вождение.

Ключевые слова: опасное вождение, административная ответственность, проект КоАП, законопроект, 12.38 КоАП РФ, ответственность за опасное вождение

V. A. Yurtaev

*Far Eastern Federal University
The School of Law
Russia, Vladivostok*

INTRODUCTION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR DANGEROUS DRIVING: PRO ET CONTRA

Abstract: this article analyzes the expediency of introducing responsibility for dangerous driving into the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The authors give a legal assessment of the bill adopted by the State Duma. In the process of investigation, similar compositions of offenses are considered, the punishment for which is already provided for by the Administrative Code of the Russian Federation. The authors provide an overview of the foreign practice of understanding the phenomenon of “dangerous driving” and make their own proposal to change the disposition of the article.

Keywords: dangerous driving, administrative responsibility, draft Administrative Code, draft law, 12.38 Administrative Code of the Russian Federation, responsibility for dangerous driving

Безопасность дорожного движения – один из ключевых факторов, влияющих на общественную безопасность. Роль транспортного средства, являющегося источником повышенной опасности, достаточно велика в современных реалиях человеческой жизни. А вопросам обеспечения сохранности жизни и здоровья человека в процессе эксплуатации транспортных средств уделяется большое внимание в рамках научно-технического развития.

Как правило, человеческая деятельность, в том числе в процессе эксплуатации транспортных средств, не может быть идеальной с точки зрения права. Так в главе 27 Уголовного кодекса РФ содержатся наиболее опасные для общества по своему содержанию 10 составов преступлений. [1] Правонарушениям, совершённым в области дорожного движения, посвящена глава 12 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). [2] Исходя из анализа содержания, мы обнаруживаем 37 общественно «вредных» составов различных правонарушений.

Проект Федерального закона № 37057-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за опасное вождение», принятый ГД ФС РФ в I чтении 27.01.2017 года, предусматривает создание новой статьи 12.38 «Опасное вождение» и вносит поправки в статью 23.3. [3] Примечательно её содержание – «Опасное вождение – влечет наложение административного штрафа в размере пяти тысяч ру-

блей». Анализ данной нормы позволяет прийти к выводу о том, что перед нами норма с простой диспозицией и абсолютно определённой санкцией. Однако буквальное толкование понятия «опасное вождение» ставит перед нами некоторые вопросы.

Понятие «опасное вождение» содержится в абзаце 8 пункта 2.7 Правил дорожного движения с 30.05.2016 года. [4] По мнению законодателя, оно включает в себя следующие элементы:

1) неоднократное совершение одного или совершении нескольких следующих друг за другом действий, заключающихся в невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения

2) перестроение при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия,

3) несоблюдение безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства

4) несоблюдение бокового интервала

5) резкое торможение, если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия, препятствовании обгону, если указанные действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба.

Стоит отметить, что за ряд указанных в данном перечне правонарушений уже предусмотрена административная ответственность, например статья 12.14 предусматривает ответственность за нарушение правил маневрирования, которые при расширительном толковании подходят под содержание вышеупомянутых пунктов.

В силу малого количества доктринальных изысканий по заявленной тематике, считается обоснованным довод о необходимости обращения к зарубежному опыту в области осмысления «опасного вождения». Анализ действующего законодательства позволил выделить различные подходы к понятию данной дефиниции.

В США «опасное вождение» предусматривает материальный состав, а именно неосторожное причинение смерти другому лицу в результате опасного вождения (например, во время уличных гонок). Российской аналогией данного деяния является ст. 264 УК (нарушение ПДД, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего).

Англо-американская юридическая доктрина в купе с прецедентным правом всегда причисляет пресечённую попытку ухода преступника от полицейской погони на автомобиле или мотоцикле опасным вождением.

Подход, согласно которого «опасное вождение» рассматривается как формальный состав, распространён в США и Австралии. По нашему мнению, это самый сложный подход к осмыслению феномена «опасного вождения», как для представителей романо-германской юридической доктрины.

Исходя из данного понимания, субъективная сторона правонарушения не подлежит доказыванию, так как априори подразумевается под собой умышленные действия лица, направленные на создание опасной ситуации в области дорожного движения. Раздел 2 Закона о дорожном движении США содержит порядка 11 формальных составов опасного вождения. [5] В рамках данного подхода достаточно предусмотреть и доказать лишь объективную сторону.

Анализ зарубежной доктрины не позволяет сделать каких-либо однозначных выводов, так как правовое регулирование опасного вождения носит дискуссионный характер в научной и законодательной среде. Однако изучение практики, в том числе, иностранной позволяет выявить как положительные, так и отрицательные стороны данного феномена.

Возвращаясь к ранее упомянутому законопроекту, стоит отметить коллизионность и пробельность данной нормы в силу отсутствия необходимых условий для привлечения к административной ответственности. Предлагается изложить диспозицию статьи 12.38 КоАП РФ следующим образом: «Опасное вождение, то есть неоднократное нарушение лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения, создающее угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба». К слову, актуальным остаётся вопрос доказывания объективной стороны правонарушения и осмысления «угрозы», как основного элемента состава данного проступка. Вопрос об исследовании такой «угрозы» должен развиваться в векторе осмысления субъективной стороны правонарушения и понимания транспортного средства, как источника повышенной опасности.

Список литературы:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (Дата обращения 10.11.2021)
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (Дата обращения 10.11.2021)
3. Проект Федерального закона № 37057-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за опасное вождение» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.01.2017) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (Дата обращения 10.11.2021)
4. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (Дата обращения 10.11.2021)
5. Driving offences // URL: <https://www.cps.gov.uk/crime-info/driving-offences> (Дата обращения 11.11.2021)

НОВЕЛЛЫ АРБИТРАЖНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 347.963

А. А. Азизов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВСТУПЛЕНИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Аннотация. в статье рассматриваются актуальные проблемы, касающиеся правового статуса прокурора в арбитражном процессе. Автором делается вывод о необходимости дополнить АПК РФ нормой, позволяющий прокурору давать заключение по делу. Предлагаются пути, направленные на оптимизацию арбитражного процессуального законодательства для повышения эффективности защиты прав участников арбитражного процесса.

Ключевые слова: прокурор, арбитражный процесс, заключение по делу, вступление в процесс, арбитражное дело.

A.A. Azizov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

SOME ISSUES OF THE PROSECUTOR'S JOB IN THE ARBITRATION PROCEDURE

Abstract. the article discusses topical issues that relate to the legal status of the prosecutor in the arbitration process. The author concludes that it is necessary to supplement the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation with a norm that allows the prosecutor to give an opinion on the cases involved. Ways are proposed aimed at optimizing arbitration legislation to improve the efficiency of protecting the rights of participants in an arbitration case.

Keywords: prosecutor, arbitration process, conclusion on the case, entry into the process, arbitration case.

Вступление прокурором в дело, которое рассматривается арбитражным судом, на первый взгляд, не влечёт за собой правовых проблем. По этой причине ни авторы публикаций, ни комментаторы АПК РФ не акцентируют на этом должного внимания. Но если более глубоко рассмотреть данный вопрос, то становится очевидным, что он требует более тщательного регулирования, чтобы действия прокурора соответствовали основным принципам, присущим арбитражному процессу.

Одним из основных механизмов, защищающих государственные интересы, на наш взгляд, является участие прокурора в арбитражном судопроизводстве. Важно подчеркнуть, что из норм ст. 52 и 40 АПК РФ следует, что при рассмотрении арбитражных дел фигура прокурора является самостоятельной, так как он обладает особыми полномочиями и статусом. Он не выполняет надзорных функций, а лишь является одним из лиц, участвующих в деле. По мнению В.В. Яркова, прокурор на любой стадии может вступить в арбитражный процесс, чтобы обеспечить законность его рассмотрения [1, с. 65].

Обеспечение законности является главной целью вступления прокурора в арбитражный процесс. Но что же законодатель имел в виду в этом случае?

По мнению некоторых авторов, например, Л.Н. Изотовой, данная цель участия прокурора в арбитражном судопроизводстве может на практике привести к нарушению двух принципов, а именно: равноправия сторон и их состязательности [2, с. 3]. Прокурор, вступивший в дело, не заявляет никаких возражений. Он не будет также нести бремя доказывания, как это делают стороны в арбитражном деле. Однако буквальное толкование ч. 5 ст. 52 АПК РФ позволяет определить, что за прокурором закрепляется право по предоставлению доказательств. Если же вступивший в дело прокурор будет предо-

ставлять доказательства, этим он будет содействовать одной из сторон. А в этом и будет заключаться нарушение перечисленных нами принципов.

Одним из проблемных вопросов является то, что механизм, позволяющий прокурору вступить в арбитражный процесс, не урегулирован нормами арбитражного процессуального законодательства. П. 2 информационного письма Генпрокуратуры РФ от 22 августа 2002 г. гласит, что инициативой вступления прокурора в дело обладают заместители прокурора субъекта, сам прокурор субъекта, а также принимающие участие в деле лица. Такой инициативой обладает и суд. На наш взгляд, необходимо предусмотреть в АПК РФ обязательное извещение прокурора о том деле, которое находится в производстве у арбитражного суда и по которому он вправе вступить в процесс. Суд будет обязан вынести определение, если прокурор примет решение о вступлении в процесс.

Другим проблемным вопросом является вопрос о том, что, по итогам рассмотрения дела вступающий в него прокурор даёт заключение. Но на практике в связи с этим возникает множество проблем и пробелов. Они разрешаются судами, применив аналогию закона. В гражданском процессе вопросам дачи прокурором заключения посвящено больше внимания, чем в арбитражном. Арбитражное дело № А23–903/2012 будет являться примером применения аналогии закона. Например, определение судьи Арбитражного суда Калужской области от 09.09.2012 обязало прокурора предоставить заключение в письменной форме [3]. Однако при рассмотрении дела было выяснено, что прокурор данное заключение не предоставил.

Содержание и форма заключения прокурора требуют урегулирования как в актах и приказах Генеральной прокуратуры, так и в законах. Некоторые авторы высказывают суждения о том, что заключение прокурора должно быть обязательно письменным [4, с. 57]. На наш взгляд, письменная форма будет иметь как плюсы, так и минусы. Для того чтобы составить заключение в письменной форме, прокурору нужно время. В этом случае возникнет необходимость отложить разбирательство дела, что повлечёт затягивание процесса [5, с. 7]. Но также нужно подчеркнуть, что письменная форма заключения делает его квалифицированным, повысит эффективность и качество заключения, потому что в другом случае существенные моменты могут быть упущены. Обязанность прокуроров составлять заключение в письменной форме может привести к тому, что они очень ответственно будут готовиться к судебному заседанию [6, с. 101].

Мы считаем, что необходимо предоставить прокурору усмотрение в выборе формы заключения в зависимости от того, является ли дело сложным или нет. При этом было бы целесообразным приобщить к материалам дела письменное заключение, но сам прокурор обязан изложить основные его положения в устной форме. Заключение прокурора в устной форме должно заноситься в протокол судебного заседания и после этого подписываться им. Что же касается самого содержания заключения, то в нём он должен разрешить те же вопросы, что и суд, так как прокурор, как и суд, действует в схожих целях.

Для того, чтобы устранить данный пробел, предлагаем добавить в ст. 52 АПК РФ ч. 6, которая звучит следующим образом: «Прокурор, который вступил в арбитражный процесс, обязан предоставить заключение в письменной (устной) форме». Таким образом, необходимо ещё раз отметить, что на законодательном уровне ряд актуальных вопросов участия прокурора в арбитражном процессе требуют решения.

Список литературы:

1. Арбитражный процесс: Учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Янков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 65.
2. Изотова Л.Н. Участие прокурора в арбитражном процессе // ЭЖ-Юрист. 2013. № 40. С. 3.
3. Определение Арбитражного суда Калужской области от 09.09.2012 по делу № А23–903/2012.

4. *Ергашев Е.Р., Панкова А.А.* Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел судами // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 2. С. 57.

5. *Григорьев А.Н., Исаенкова О.В.* Участие прокурора в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3. С. 7.

6. *Ергашев Е.Р.* О проблемах правовой регламентации и применения правовых средств прокурора, участвующего в рассмотрении судами гражданских дел // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 101.

УДК 349.2

А. Д. Айдашкина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ПРОЦЕДУРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И СЕРВИСАХ ОБМЕНА МГНОВЕННЫМИ СООБЩЕНИЯМИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу рассмотрения судами общей юрисдикции гражданских дел, связанных с распространением порочащих сведений в социальных сетях и приложениях-мессенджерах. В ходе анализа судебной практики автор приходит к выводу о возможности защиты нарушенного права в случае распространения порочащей информации в закрытых сетевых блогах.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, порочащий характер сведений, социальные сети, сервисы обмена мгновенными сообщениями, закрытые сетевые блоги.

A. D. Aydashkina

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

PROCEDURAL FEATURES OF THE PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION UNDER THE CURRENT CIVIL PROCEDURE LEGISLATION ON THE DISSEMINATION OF DEFAMATORY INFORMATION IN SOCIAL NETWORKS AND INSTANT MESSAGING SERVICES

Abstract. This article is devoted to the issue of satisfaction by the courts of claims for the dissemination of defamatory information in social networks and messenger applications. The article also reflects the problem of determining the proper defendant. During the analysis of judicial practice, the author comes to the conclusion that it is possible to protect the violated right in case of dissemination of defamatory information in closed network blogs.

Keywords: honor, dignity, business reputation, defamatory nature of information, social networks, instant messaging services, closed network blogs.

В соответствии со ст. 150 ГК РФ достоинство, честь и деловая репутация являются нематериальными благами, личными правами, которые принадлежат человеку от рождения и не делимы от него.

Конституция РФ гарантирует каждому право на защиту своей чести и доброго имени всеми способами, не запрещенными законом, включая судебную защиту. На данный момент вопрос охраны и защиты таких нематериальных благ, как честь, достоинство и деловая репутация, является актуальным в свете быстро развивающихся компьютерных и информационных сетевых технологий (сеть Интернет, социальные сети, мессенджеры). Пункт 10 статьи 152 ГК РФ гарантирует судебную защиту в случаях распространения о лицах не только сведений, порочащих их честь, достоинство или деловую репутацию, но также любых распространенных о них сведений, если эти сведения не соответствуют действительности.

Решение об удовлетворении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации выносится судом в случае установления совокупности трех условий:

– сведения должны носить *порочащий характер* (в действующем законодательстве нет разъяснений относительно того, что представляют собой сведения порочащего характера. Верховный Суд РФ понимает под сведениями, носящими порочащий характер, те сведения, которые содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица) [4];

– сведения должны быть *распространены*, т.е. опубликованы в печати, транслированы по радио и телевидению, продемонстрированы в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространены в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу [4];

– не должны соответствовать действительности (сведения порочащего характера отражают то, что не существует в действительности).

Исследовательский интерес вызывает вопрос распространения сведений, имеющих порочащий характер, в социальных сетях и специальных приложениях – мессенджерах (легальное определение – сервис обмена мгновенными сообщениями). В связи с этим существует мнение о том, что информация и сведения считаются распространёнными только на Интернет-странице, имеющей публичный характер, т.е. она открыта для каждого пользователя и не имеет каких-либо ограничений на вход. Таким образом, блоги, являющиеся закрытыми и предназначенные для чтения лишь определенного круга лиц, не могут являться, по мнению Сидоровой Е.Н., распространяющими информацию, какие бы порочащие сведения в них ни содержались [8, 45].

По нашему мнению, данная точка зрения противоречит пояснениям Верховного Суда РФ, указанным в приведённом выше постановлении, в соответствии с которым сообщение как в письменной, так и в устной форме является распространённым, когда о нём стало известно хотя бы одному лицу. В закрытых группах и блогах регистрируется более одного человека. Соответственно, вся информация, которая публикуется в них, становится известной всем участникам сообщества, и значит является публично распространённой.

В правоприменительной деятельности суды принимают исковые заявления к своему производству по вопросу размещения недостоверных порочащих сведений в группах мессенджеров («Viber», «WhatsApp»), где зарегистрировано определённое количество пользователей и информация из этой группы не распространяется по другим источникам [6].

По данным категориям дел существует проблема определения надлежащего ответчика. В соответствии с п. 5 ППВС по общему правилу надлежащими ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения. По действующей редакции Федерального закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» такими распространителями информации в социальных сетях являются владельцы сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, в обязанности которого входит соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций [3]. Также ответственность за распространение порочащих недостоверных сведений согласно поправкам 2018 г., внесённым в указанный Федеральный закон, несут владельцы программ-

мессенджеров. В их обязанности в соответствии со ст. 10.1 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» входит, например, обеспечение конфиденциальности передаваемых электронных сообщений, технической возможности отказа пользователей сервиса обмена мгновенными сообщениями от получения электронных сообщений от других пользователей.

Отметим, что на практике возникают трудности, связанные с предъявлением иска к иностранной организации, которая распространила сведения порочащего характера. В одном из определений Верховный Суд РФ отметил, что суды не вправе отказывать в принятии к своему производству искивые заявления граждан РФ к иностранным компаниям и социальным сетям, которые не имеют представительств или имущества на территории РФ [5]. В соответствии с п. 10 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ суды в РФ вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если по делу о защите прав субъекта персональных данных истец имеет место жительства в Российской Федерации (пункт 10) [2].

Таким образом, в ходе проведенного анализа по данному вопросу можно сделать вывод о том, что лица, в отношении которых в закрытых сообществах социальных сетей и мессенджеров распространены порочащие честь, достоинство, деловую репутацию сведения, имеют возможность защитить свои права в суде. По вопросу определения надлежащего ответчика судам следует руководствоваться и постановлением Пленума Верховного Суда РФ и ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.11.2021).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 25.10.2021).
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.11.2021).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 25.10.2021).
5. Определение Верховного Суда РФ от 9 июня 2020 г. по делу № М-10004763/19.
6. Решение № 2-331/2017 2-331/2017~М-380/2017 М-380/2017 от 26 декабря 2017 г. по делу № 2-331/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RuqyCag7l6ma/> (дата обращения: 03.11.2021).
7. Невзгодина Е.Л., Парыгина Н.Н. Гражданско-правовой механизм защиты деловой репутации в России: панорамный обзор // Lex Russia. – 2018. – № 1(134). – С. 57–69.
8. Сидорова Е.Н. Процессуальные особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3(4). – С. 42–46.

УДК 347.9

А. И. Анучина

*Санкт-Петербургский институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург*

ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена актуальному научно-практическому вопросу проведения онлайн-заседаний. Автором предпринята попытка определить место и значение нового правового института и проанализировать проблемы применения данной технологии в арбитражном процессе.

Ключевые слова: арбитражный процесс, COVID-19, онлайн-заседание, электронный документ, электронная подпись, веб-конференция.

A. I. Anuchina

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;
Russia, Saint-Peterburg*

ONLINE SESSIONS IN ARBITRATION COURTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article is devoted to the actual scientific and practical issue of conducting online sessions. The author attempts to determine the place and significance of the new legal institution and analyze the problems of using this technology in arbitration courts.

Keywords: arbitration courts, COVID-19, online sessions, electronic document, electronic signature, web conference.

Сложно поспорить с тем фактом, что пандемия COVID-19 заметно ускорила цифровизацию судебного процесса. Такая перспектива предсказуемо не обошла стороной и арбитражное судопроизводство, поскольку именно арбитражные суды являются наиболее подготовленной «почвой» для внедрения современных технологий. Среди всех новшеств сейчас особенно выделяется проведение так называемых «онлайн-заседаний». При этом онлайн-заседание (веб-конференцию) можно определить как один из форматов судебного заседания, предполагающий удаленное взаимодействие участника или участников процесса с арбитражным судом через систему «Мой Арбитр» путем использования личных средств коммуникации. Для разграничения схожей терминологии необходимо отметить, что в веб-конференции коммуникация между судом и конкретным участником проходит без стороннего содействия иного арбитражного суда, в отличие от системы ВКС.

Тем не менее несмотря на то, что «онлайн-заседание» является самым заметным нововведением в арбитражном процессе, его правовой статус до сих пор остается крайне неопределенным. Указанную технологию было рекомендовано использовать совместным постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Совета судей от 8 апреля 2020 г. № 821, однако он уже больше года назад утратил свою силу. Таким образом, сложилась беспрецедентная ситуация в процессуальном праве: де-факто уже более ста арбитражных судов обеспечены ресурсом для проведения веб-конференции, при этом их список продолжает пополняться [1], но в то же время де-юре такой формат судебных заседаний не урегулирован ни федеральными законами, ни актами высших судебных инстанций. Это, в свою очередь, приводит к отсутствию единообразного подхода, во-первых, в целом к возможности проведения веб-конференций, во-вторых, к определению правил их проведения. Так, Арбитражный суд Тюменской области отказал в удовлетворении ходатайства лица о проведении онлайн-заседания, «поскольку Арбитражный процессуальный кодекс РФ, так же как и какие-либо иные федеральные законы и нормативные правовые акты, не устанавливает возможность проведения онлайн-заседаний» [2].

Но в том, что онлайн-заседания – ближайшее будущее арбитражного процесса, сомневаться не стоит. Только в марте 2021 года в режиме веб-конференции прошло 28573 заседания, что является абсолютным рекордом с момента запуска систе-

мы [3]. Также в октябре этого года в Государственной Думе единоклассным решением депутатов законопроект, предусматривающий поправки в АПК РФ и иные процессуальные кодексы в части определения правил проведения заседаний в режиме веб-конференции, прошел первое чтение [4]. Главный вопрос заключается в том, решит ли новый федеральный закон проблемы, уже выявленные судебной практикой?

Первая проблема касается установления лиц, участвующих в деле. В настоящий момент первичная идентификация участника процесса происходит через учетную запись, подтверждаемой в «Госуслугах». Помимо этого, лицу, ходатайствующему о проведении онлайн-заседания, нужно представить скан паспорта, а представителю лица – также диплом юриста и документ, подтверждающий его полномочия. Перечисленные способы идентификации личности на первый взгляд кажутся достаточными, а поэтому в перспективе будут отражены в будущем законе. Но выглядит странным следующее: в этом же законопроекте в качестве основания для отложения заседания выступает «возникновение у суда обоснованных сомнений относительно того, что в судебном заседании участвует лицо, прошедшее идентификацию или аутентификацию». Получается, что законодатель не гарантирует надежность вышеуказанных средств определения личности участника процесса?

Иными словами, в онлайн-заседании суд предположительно может столкнуться с ситуацией, когда под заявленным именем выступает совершенно другое лицо. Из этого вытекает другой вопрос: какие действия должен предпринять суд, чтобы достоверно установить личность и тем самым не допустить затягивание процесса? На практике перед началом заседания суд просит повторно показать в веб-камеру уже ранее представленные в электронном виде документы [5, С.25], но в реальности эта мера предосторожности малоэффективна и не поможет отличить подделку от оригинала. К сожалению, иными вариантами, кроме как отложить судебное заседание, суд не обладает, а в таком случае теряется весь смысл проведения онлайн-заседаний.

Законопроект предлагает решение этой проблемы посредством введения единой биометрической системы, которая позволила бы безошибочно идентифицировать лицо, участвующее в заседании через веб-конференцию. С одной стороны, такое средство установление личности действительно может быть эффективно, а с другой – внедрение этой системы может значительно снизить процент онлайн-заседаний и «затормозить» развитие данного института. Во-первых, неизвестно, спустя какое время после обнародования закона биометрическая система сможет полноценно функционировать; а во-вторых, существуют оправданные сомнения в надежности такой системы с точки зрения защиты персональных данных. Тем самым, пока единая биометрическая система не зарекомендует себя с положительной стороны за рамками судебных заседаний, в иной сфере, ее введение кажется поспешной мерой.

Одним из решающих факторов, который также может отрицательно повлиять на распространение заседаний в режиме веб-конференции, является неопределенный порядок предоставления доказательств лицами, участвующими в деле. К примеру, предоставление стороной письменных документов в электронной форме как правило осуществляется заблаговременно. Если же у участника в процессе онлайн-заседания возникнет потребность заявить ходатайство о приобщении дополнительных доказательств, то ее реализация может быть крайне затруднительной. На практике были случаи, когда арбитражный суд специально объявлял перерыв и тем самым давал возможность участнику по ту сторону экрана за отведенное время подать документы через «Мой арбитр» [6, С.22]. Но подобная практика не исключает другого важного вопроса: как в таком случае происходит ознакомление оппонента с представленными доказательствами? Ведь сторона, участвующая в заседании очно, не имеет технической возможности изучить электронный документ, равно как и сторона, использующая веб-конференцию, не может проанализировать информацию на бумажном носителе. Законопроект не дает никаких разъяснений на этот счет. Положительным моментом здесь выступает только то, что такое обстоятельство позволит дисциплинировать участников процесса, т.е. заставит своевременно раскрывать доказательства по делу. Но в реальности такой подход приме-

ним лишь к делам стандартным и не представляющим для суда особой сложности. Не возникнет проблем и при рассмотрении дел в апелляционной и кассационной инстанциях, поскольку исследование доказательств на данных этапах в основном уже не проводится.

Немаловажный вопрос касается возможности участия иных лиц в заседании в режиме веб-конференции. Законопроект предусматривает, что в онлайн-заседании могут также участвовать свидетели, эксперты и переводчики. Интересно то, каким образом будет происходить удаление свидетеля из «зала заседания». Пожалуй, будет правильным, если арбитражный суд отправит его в «режим ожидания» веб-конференции до момента вопроса [7, С.9].

Всех вышеуказанных лиц объединяет один проблемный момент – отображение подписки в качестве предупреждения об уголовной ответственности за дачу ложных сведений. Так, согласно законопроекту, она должна быть подписана усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП). Это является излишним по следующим причинам. Предполагается, что установление личности будет происходить по аналогии со сторонами в деле – с использованием ЕСИА и единой биометрической системы. Задача электронной подписи также заключается в определении лица, подписывающего документ [8]. Зачем в таком случае использовать УКЭП, если лицо перед заседанием уже прошло идентификацию? Более того, получение УКЭП стоит денег, а ее применение требует выдачи специальной флешки и установки программного обеспечения. Для единообразного участия такие условия крайне непрактичны, а поэтому мало кто из перечисленных лиц будет согласен участвовать в заседании в режиме веб-конференции.

УКЭП может стать своеобразным камнем преткновения при выборе формата судебного заседания и для лиц, участвующих в деле. Так, согласно законопроекту, исковые заявления, жалобы, ходатайства и иные документы в электронном виде в зависимости от того, через какую систему они подаются, подписываются либо простой электронной подписью, либо УКЭП. Для определенных видов ходатайств предусмотрено только УКЭП. Не совсем ясна цель этих правил. Да, простая электронная подпись менее защищенная и не помогает отследить правки в документ. Но в этом и нет необходимости, поскольку версию документа, полученного судом, уже не изменить. Тем более, что простая электронная подпись позволяет ознакомиться с содержанием сертификата и определить, кем документ подписывался. Иными словами, УКЭП только лишний раз ограничивает возможности стороны в онлайн-заседании.

Это далеко не весь спектр существующих проблем в практике и в регулировании онлайн-заседаний. Однако уже на основе вышеперечисленного можно сделать вывод, что решение ряда проблемных вопросов требует более глубокой проработки, нежели чем в представленном варианте законопроекта. Потенциал онлайн-заседаний велик, введение данного института повысит доступ к правосудию, позволит суду рассматривать дела в более сжатые сроки, а сторонам – сэкономить значительное количество времени и денежных средств, уберечь здоровье.

Список литературы:

1. Перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний // Мой Арбитр URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (Дата обращения: 30.10.21)
2. Определение Арбитражного суда Тюменской области от 22.05.2020 г. по делу № А70-12947/2019 // Электронное правосудие URL: <https://ras.arbitr.ru/> (Дата обращения: 30.10.21)
3. Ключева К. Удобно, если делать это правильно: как юристы судятся онлайн [Электронный ресурс] // Право Ru. 2021. URL: <https://pravo.ru/story/231436/> (Дата обращения: 30.10.21)
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе: Законопроект № 1144921-7 // Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (Дата обращения 30.10.21)
5. Наумов А. Онлайн заседания в арбитражных судах. Как юристы пользуются новым сервисом [Электронный ресурс] // Арбитражная практика для юристов. 2020. № 7. С. 16–25 URL: AP07_016-025.pdf (regionsservice.com) (Дата обращения: 03.11.21)

6. Наумов А. Там же.

7. Шевченко И.М. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы [Электронный ресурс] // Российский судья. 2020. № 10. С. 7–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44048807> (Дата обращения: 03.11.21)

8. П. 1 ст. 2, Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ: текст с имз. и доп. на 11 июня 2021 – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

УДК 347.939

И. А. Аншаков, А. В. Борисов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

БУДУЩЕЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – ДИСТАНЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. статья посвящена вопросу применения технологий видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском судопроизводстве, реализуемых в аспекте соответствия отдельным гражданским процессуальным принципам. Актуальность выбранной темы выражается в нарастающей необходимости внедрения новых информационных технологий в современное гражданское судопроизводство.

Ключевые слова: гражданский процесс, судопроизводство, видеоконференц-связь, веб-конференция, принципы гражданского процесса.

I. A. Anshakov, A. V. Borisov

*Saratov State Law Academy Institute of Public
Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

REMOTE FORMS OF ADMINISTRATION OF JUSTICE ARE THE FUTURE OF CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. the article is devoted to the use of videoconferencing and web-conferencing in civil proceedings, implemented in the aspect of compliance with certain civil procedural principles. The relevance of the chosen topic is expressed in the growing need to introduce new information technologies into modern civil proceedings.

Keywords: civil procedure, legal proceedings, video conferencing, web conference, principles of civil procedure.

Пандемия COVID, начавшаяся в 2019 г., отразилась на всей жизни общества и государства. Это не могло не отразиться и на развитии дистанционных технологий реализации правосудия. Так, 18 марта 2020 года Пленум Верховного Суда и Президиум Совета Судей РФ (далее ПВС и ПСС) приняли совместное постановление, в котором суды и судей призвали при рассмотрении безотлагательных категорий дел использовать видеоконференц-связь (далее ВКС) [4]. При этом, 29 апреля 2020 г. в уже новое постановление ПВС и ПСС от 8 апреля 2020 г. были внесены изменения, где судам рекомендовалось помимо ВКС конференции использовать и Веб-конференцию [3].

Таким образом, на данный момент существует две дистанционные формы участия в судебном заседании:

- 1 – Видеоконференц-связь (ВКС);
- 2 – Веб-конференция.

Под ВКС понимается способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами [4]. Первое судебное заседание в РФ с использованием ВКС было в 2000 году.

Под Веб-конференцией понимается использование уже интернет-связи между участниками процесса, а не телекоммуникационных гарантированных каналов связи. Первое судебное заседание в России с использованием Веб-конференции состоялось 21 апреля 2020 года в Верховном Суде РФ.

Новая форма, при сравнении с ВКС обладает рядом преимуществ и недостатков. Кроме того, возникает необходимость

провести сравнительный анализ, задачей которого будет являться установление факта соответствия или противоречия ряду принципов гражданского процесса.

Основное преимущество Веб-конференции – это способ передачи информации. За 20 лет надёжность интернет-технологий заметно выросла. Этому способствовало повышение качества передачи данных и повсеместное внедрение интернет-технологий.

Из предыдущего преимущества вытекает и следующее – мобильность интернет-технологий. При использовании технологий ВКС, отличающихся стационарностью, участникам необходимо явиться в суд по месту жительства, пребывания, либо фактического нахождения [2]. Подобное не всегда возможно было реализовать с технической стороны, поскольку на 2017 год чуть больше половины районных судов России имело оборудование ВКС [7] и только с 2018 года стали подключать к системе мировых судей [8], тогда как в 2018 году в рамках испытаний прообраза Веб-конференций (ВКС “Vinteo”) состоялась трансляция между Верховным Судом РФ и МКС.

Использование интернет-технологий позволяет в теории защитить свои права в судебном процессе как на Земле, так и в ближнем Космосе. 21 апреля 2020 г. Верховном Суде РФ состоялось 6 заседаний с участием 9 человек посредством Веб-конференции. Один из участников процесса находился в Калифорнии (США). Подобная форма участия в процессе позволяет: 1) принять участие в судебном разбирательстве маломобильным гражданам, что реализует ряд принципов Конвенции о правах инвалидов, такие как равенство возможностей и доступность [1]; 2) минимизировать финансовые издержки участников, связанные очным присутствием на судебном заседании; 3) развить работу апелляционной и иных инстанций [9].

Несмотря на множество преимуществ, Веб-конференция имеет и ряд недостатков, ввиду которых требуется легализация и регламентация данной формы в действующем законодательстве. Имеется законопроект [5], посвященный включению и регламентации Веб-конференции на законодательном уровне. Предлагается дополнить ГПК РФ статьей 155.2, которая закрепляет на законодательном уровне Веб-конференцию. Таким образом, будет реализован принцип законности использования Веб-конференции “Vinteo”.

По мнению ряда практикующих юристов [6], отсутствие законодательного закрепления применения веб-конференции теоретически влечет отмену судебных актов, поскольку в таком случае заседание проводится не в соответствии с процессуальным законом. Однако, ввиду наличия рекомендаций ПВС РФ и ПСС РФ нижестоящие судебные инстанции не будут отменять судебные акты.

Рассмотрим сложности, возникающие на практике, а именно технические и фактические сложности при идентификации лиц. Идентификация и подтверждение личности совершаются как минимум дважды. Первый раз, это когда участники процесса заблаговременно, до судебного заседания, направляют в суд заявление о проведении заседания в дистанционном формате и документы, подтверждающие их полномочия (для этого требуется пройти идентификацию и аутентификацию через портал государственных услуг). Второй раз, при подключении участников к системе веб-конференции с помощью личных устройств. Необходимо повторно подтвердить свою личность – авторизоваться на портале государственных услуг, после чего их личность и полномочия будут дополнительно проверены судом [3]. По итогам проверки они допускаются к участию в судебном заседании.

Рассмотрим принцип устности и письменности судопроизводства. Система ВКС и Веб-конференции прямо предусматривает возможность участников давать показания в устной форме. Тем не менее, современное гражданское судопроизводство построено на сочетании устной и письменной формы совершения процессуальных действий. Определенные процессуальные действия, согласно закону, должны совершаться только в устной или только в письменной форме. Так, закон предусматривает возможность участников подавать и получать процессуальные документы и их копии в электронном виде. При этом, в случае принятия законопроекта, документы необходимо

будет подкреплять электронной подписью. То есть, нарушение данного принципа отсутствует.

Больше всего вопросов может возникнуть применительно к соотношению Веб-конференции и принципа гласности. В связи с пандемией на практике бывают ограничения, связанные с недопуском сторонних лиц к присутствию при рассмотрении открытого дела в качестве слушателя в очной форме. Дистанционная форма участия может обеспечить открытость судебного разбирательства, поскольку с внедрением Веб-конференции возможно открытое рассмотрение дела в соответствии с принципом гласности. В закрытом судебном разбирательстве не допускается [2] использование систем ВКС, а в случае, принятия законопроекта, то и Веб-конференции тоже. Подобное процессуальное положение можно расценивать как недостаток дистанционной формы судебного разбирательства.

Подводя итоги, отметим, что отличительными чертами видеоконференц-связи от веб-конференции является гарантированность передачи данных, аудио-, видеоданных у первой технологии, но возможность у второй с помощью средств вычислительной техники участвовать в судебном заседании, находясь при этом в офисе или дома с применением биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу, что является существенным техническим прорывом и следующим шагом в развитии дистанционного правосудия.

Список литературы:

1. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года. Федеральный закон РФ от 03.05.2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»: принят Государственной Думой 25.04.2012 г.: одобрен Советом Федерации 27.04.2012 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2280;
2. Гражданский Процессуальный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ: принят Государственной Думой 23.10.2002 г.: одобрен Советом Федерации 30.10.2002 г.: [ред. от 01.07.2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532;
3. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821» // СПС КонсультантПлюс // [Электронный Ресурс]. URL:// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351604/ (дата обращения 20.10.2021 г.);
4. Регламент организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, утвержденного Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2008 г. № 401 // СПС КонсультантПлюс // [Электронный Ресурс]. URL:// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374166/ (дата обращения: 01.11.2021 г.);
5. Проект федерального закона № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе». [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 28.10.2021);
6. Коробка Е. «Российским судам рекомендовано приступить к рассмотрению дел в режиме веб-конференции» // Адвокатская газета. 29.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/rossiyskim-sudam-rekomendovano-pristupit-k-rassmotreniyu-del-v-rezhime-veb-konferentsiy/> (дата обращения: 08.11.2021);
7. Михайлова А. «Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают» // ПРАВО.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/201570/> (дата обращения: 07.11.2021);
8. Самтынова Е. «ВС РФ отмечает 20-летие использования видео-конференц-связи» // СПС ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1361912/> (дата обращения: 07.11.2021);
9. Тарасов В.Н. Современный подход в вопросах совершенствования судебной деятельности // Судебный вестник. 2012. № 13. С. 8.

УДК 347.91/95

В. А. Ахметшина, Н. Н. Новопашина

*Дальневосточный филиал
Российского государственного университета правосудия
Россия, Хабаровск*

ИНСТИТУТ ЗАМЕНЫ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья посвящена институту замены ненадлежащего ответчика в гражданском процессе и проблемы которые возникают у сторон при рассмотрении дела с ненадлежащей стороной. Также в статье говорится о процессуальном соучастии, как одной из возможных процессуальных конструкций для привлечения в дело надлежащей стороны без согласия на то истца.

Ключевые слова: ненадлежащий ответчик, процессуальное соучастие, стороны в гражданском процессе, гражданский процесс

V. A. Ahmetshina, N. N. Novopashina

*Far Eastern branch
Russian State University of Justice
Russia, Khabarovsk*

INSTITUTE OF REPLACEMENT OF AN IMPROPER DEFENDANT IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract: The article is devoted to the institution of replacing an improper defendant in civil proceedings and the problems that arise for the parties when considering a case with an improper party. The article also talks about procedural complicity, as one of the possible procedural constructions for involving the proper party in the case without the consent of the plaintiff.

Keywords: improper defendant, procedural complicity, parties in civil proceedings, civil proceedings

Гражданский процесс по общему правилу возбуждается в связи с возникновением спора между участниками материально-правовых отношений, когда нет возможности урегулировать возникшие разногласия в досудебном порядке. После исполнения лицом всех требований к искомому заявлению и выполнения как заявителем, так и судом обязательных процедур, предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [1] (далее – ГПК РФ), возбуждается гражданское дело, что означает переход спорящих лиц в новый для них гражданско-правовой статус: они становятся субъектами процессуальных правоотношений. Участники материальных правоотношений с этого момента начинают именоваться истцом и ответчиком.

Правильное определение сторон спора, то есть носителя материального права и его нарушителя, является важным для правильного рассмотрения дела и для гарантии исполнения вынесенного решения. В связи с этим законодатель дает суду возможность при ошибочном определении стороны в деле произвести ее замену в порядке, предусмотренном статьей 41 ГПК РФ.

Феномен ненадлежащей стороны в процессе существовал еще в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1964 г. [9] (далее – ГПК РСФСР): возможность замены ненадлежащего истца или ответчика была предусмотрена статьей 36 ГПК РСФСР; делать это суд мог только с согласия истца. Если истец не был согласен на замену его другим лицом, это лицо могло вступить в дело в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями, о чем суд должен был известить данное лицо [8].

В действующем ГПК РФ возможность признания истца ненадлежащим отсутствует, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в период действия ГПК РСФСР, привлекая надлежащего истца к участию в деле, суд не получал его согласия, и это лицо было вынуждено становиться стороной в деле, независимо от наличия или отсутствия у него желания защищать свои интересы. Во-вторых, все последствия, которые могли бы возникнуть в связи с рассмотрением данного

дела по существу и удовлетворением исковых требований, ложился на плечи надлежащего истца. То есть получалось, что одно лицо инициировало дело, а другое, без его согласия и желания, вступало в процесс и было вынуждено защищать свои права.

На сегодняшний день процессуальный механизм замены ненадлежащего ответчика закреплен в статье 41 ГПК РФ, которая регламентирует, что замена ненадлежащего ответчика является правом, а не обязанностью суда; истец самостоятельно или суд, усмотрев наличие соответствующих оснований, могут инициировать замену ненадлежащего ответчика. Учитывая диспозитивность процессуального законодательства и роль суда в рассмотрении спора, бесспорно, что такое решение суд может принять только при наличии согласия или инициативы истца. Другое бы свидетельствовало о чрезмерном судебном вмешательстве.

Вместе с тем, не редки ситуации, когда истец из ошибочного убеждения настаивает на рассмотрении своего иска к заявленному ответчику, не соглашаясь на его замену. В данном случае существуют определенный процессуальный механизм, который позволяет защитить ненадлежащего ответчика и направить истца с требованием к лицу, имеющему непосредственное отношение к спорному праву. Рассматривая дело по существу, суд может отказать истцу в удовлетворении его требования, если истцом не будет доказана причастность ответчика к спорным отношениям. Следует отметить, что такие случаи в практике встречаются достаточно часто. (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноя. 2020 г. по делу № 88-24864/2020[4], определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05 окт. 2020 г. по делу № 88-20473/2020 [5], апелляционное определение Московского городского суда от 10 окт. 2019 г. по делу № 33-43830/2019) [6].

Существуют ситуации, когда суд в порядке статьи 40 ГПК РФ, не производя замену ненадлежащего ответчика, может привлечь в процесс дополнительного ответчика (соответчика), который имеет непосредственное отношение к спорному правоотношению, при этом не осуществляя замену первоначального. Указанное означает, что если суд в ходе подготовки к рассмотрению дела или рассмотрения дела придет к выводу, что правильное и всестороннее рассмотрение дела невозможно без участия нескольких ответчиков, то он может по своей инициативе привлечь «недостающее лицо». Одним из преимуществ института процессуального соучастия является ускорение судебного разбирательства. Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что рассмотрение вопроса о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, необходимо для правильного определения состава лиц, участвующих в деле (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» [2]).

Таким образом, суд в целях привлечения к участию в деле надлежащего ответчика может заменить ненадлежащую сторону (статья 41 ГПК РФ) или привлечь к участию в деле дополнительного участника (статья 40 ГПК РФ). Необходимо обратить внимание, что указанные процессуальные механизмы являются принципиально разными: в первом случае (замена) речь идет об исключении одного лица из процесса и введении в процесс другого. Во втором случае в процесс добавляется новый участник.

Однако, учитывая общую правовую неграмотность населения, достаточно сложным на практике является вопрос: может ли процессуальное действие, предусмотренное статьей 40 ГПК РФ, заменить собой предусмотренное статьей 41 ГПК РФ, то есть может ли суд в целях защиты прав и законных интересов истца привлечь в дело соответчика, если пришел к выводу о необходимости замены ненадлежащего ответчика, а истец отказывается от этого?

Полагаем, что такие действия не входят в компетенцию суда. Только истец решает, кто будет сторонами в его деле. Он это решение выражает при подаче иска. В силу статьи 41 ГПК РФ суд может объяснить гражданину необходимость замены ответчика, однако принятие решения о замене остается дискреционным полномочием истца. Кроме того, в силу статьи 40

ГПК РФ соответчик привлекается, когда предмет требований одnorodен, и оба ответчика должны участвовать в деле для правильного его рассмотрения.

Считаем необходимым дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» критериями разграничения замены ненадлежащего ответчика и привлечения соответчика. В частности, следует указать, что замена ненадлежащего ответчика может производиться в случаях, когда указанный истцом ответчик не имеет прямого отношения к нарушенному праву, у истца отсутствуют доказательства обоснованности его привлечения к участию в деле. Привлечение в процесс соответчика допустимо при условии, что у суда имеются достаточные основания полагать, что право истца нарушено несколькими лицами (независимо от того, является ли в этом случае ответственность солидарной или долевой). Следует также отметить, что замена ненадлежащего ответчика и привлечение соответчика не являются взаимозаменяемыми институтами и не могут быть применены судом по собственной инициативе без учета предлагаемых критериев.

Список литературы

1. Гражданского процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноя. 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. – 2008. – № 140.
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 окт. 2013 г. № 1626-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грязнова Николая Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/> (04.11.2021).
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноя. 2020 г. по делу № 88-24864/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=12 (04.05.2021).
5. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05 окт. 2020 г. по делу № 88-20473/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: [https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=gbook_procedural&arc_list=2020\(04.05.2021\)](https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=gbook_procedural&arc_list=2020(04.05.2021)).
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 окт. 2019 г. по делу № 33-43830/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/ff16d392-ced5-40c0-b901-f89450b682b3>.
7. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/> (04.11.2021).
8. Поляк М.И. Ненадлежащий ответчик в гражданском, арбитражном и административном процессе [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/> (04.11.2021)
9. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407. – Утратил силу.

А. А. Батура

*Красноярский государственный аграрный университет
Юридический институт
Россия, Красноярск*

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЛИЦ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В данной работе проанализированы основные особенности института доказывания, связанные с предметом доказывания, а также бременем доказывания при рассмотрении дел о защите деловой репутации.

Ключевые слова: деловая репутация, арбитражный процесс, защита репутации.

A. A. Batura

*Krasnoyarsk State Agrarian University
Institute of Law
Russia, Krasnoyarsk*

FEATURES OF PROVING IN CASES ON PROTECTION OF BUSINESS REPUTATION OF PERSONS IN ARBITRATION PROCEDURE

Resume: This paper analyzes the main features of the institution of proof related to the subject of proof, as well as the burden of proof when considering cases on the protection of business reputation.

Keywords: business reputation, arbitration process, reputation protection.

Защита деловой репутации юридических лиц является предметом рассмотрения в арбитражном процессе. Особенностью рассмотрения указанной категории дел является то, что «одним из условий удовлетворения иска о защите деловой репутации любого лица является доказанность порочащего характера информации и факта ее распространения». [1]

Согласно ранее действовавшему (до 2013 г.) законодательству деловая репутация юридического лица защищалась по аналогии с защитой чести и достоинства физического лица, и, согласно этому, юридическое лицо имело право требования компенсации морального вреда. Впоследствии, данное правило было исключено из гражданского законодательства, поскольку юридическое лицо, не являясь субъектом естественного права, не может испытывать нравственных или физических страданий.

Разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», указано, что «по делам, связанным с защитой деловой репутации, судам необходимо иметь в виду, что обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 ГК РФ значение для дела, которые должны быть определены судом при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом». [5]

Отметим, что в настоящее время не представляется возможным защита деловой репутации органов управления юридического лица, не обладающих правосубъектностью. К примеру, в судебном разбирательстве может ставиться вопрос в том числе о защите чести и достоинства физического лица, входящего в состав правления юридического лица, или являющегося членом его исполнительного органа, но, в тоже время арбитражным законодательством не регулируется вопрос о защите деловой репутации отдельных органов управления юридическим лицом, таких, как например, совет директоров.

К числу особенностей доказывания по рассматриваемой категории дел относится то, что на истца возложена обязанность по доказыванию факта распространения информации, пороча-

щей деловую репутацию, а ответчик должен, в свою очередь доказать, что распространенные им сведения являются соответствующими действительности. В противном случае действует презумпция ложного характера распространяемых сведений.

Следует отметить, что высказывания ответчиков, сделанные ими публично в форме оценочных суждений, не являющихся утверждениями, не могут быть признаны сведениями, порочащими деловую репутацию юридического лица. К фактам, которые могут быть признаны как информация, порочащая деловую репутацию юридического лица, могут быть отнесены следующие:

1) высказывания о противоправной (противозаконной) деятельности юридического лица, о нарушении истцом правил деловой этики и делового оборота, недобросовестность в предпринимательской деятельности. Следует заметить, что право истца на защиту в данном случае возникает только тогда, когда распространяемая информация является утверждением, а не оценочным суждением, поскольку высказывание своей оценки тех или иных действий в средствах массовой информации является проявлением свободы слова – права, предоставленного всем лицам Конституцией России.

В судебной практике неоднократно разрешался вопрос о том, что постановка в предложении вопросительного знака говорит об отсутствии утверждения о фактах и не позволяет защищать умаленную деловую репутацию. [4] С данной позицией суда следует согласиться, по причине того, что все утверждения, которые порочат деловую репутацию юридического лица должны иметь строго определенный характер.

2) деловая репутация истца должна характеризоваться как положительная, и высказывание ответчика должно лишить его определенных выгод, например, спровоцировать отток клиентов.

3) все действия ответчика в конечном итоге должны привести к тому, что пострадает деловая репутация истца: снизятся объемы заключаемых договоров, приобретаемых товаров, оказываемых работ или услуг, отток инвесторов и другие действия, так или иначе влияющие на снижение прибыли истца.

Таким образом, мы полагаем, что суды, рассматривая иски о защите деловой репутации при отсутствии сведений о том, что распространенная информация негативно повлияла на деятельность юридического лица должны рассматривать все аспекты распространения такой информации – в частности, не только экономическую составляющую деятельности фирмы, выражающуюся в снижении ее экономических активов, но и в дальнейшем ее развитии. В тоже время считаем, что распространение любой негативной информации, которая потенциально может повлиять на успешность деятельности предприятия, надлежит удовлетворять требования о защите деловой репутации.

Предметом рассмотрения дел о защите деловой репутации юридического лица являются факты и события, произошедшие в определенном времени и месте, с участием определенных лиц, которые могут быть доказаны. В одном из обзоров Верховного суда Российской Федерации указывается: «при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать, что содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер». [3]

Рассматривая дела по требованиям о признании информации порочащей деловую репутацию юридического лица, соединенную с требованием о возмещении убытков, причиненных распространением указанной информации, суды должны исходить из доказанности (недоказанности) совокупности обстоятельств: противоправности действий ответчика, факта возникновения убытков, наличия причинно-следственной связи.

При рассмотрении дел о защите деловой репутации юридического лица распространенным является проведение экспертизы или привлечение специалиста для разрешения отдельных возникающих вопросов. Факт распространения сведений может быть подтвержден любыми доказательствами, которые в рамках процессуального законодательства отвечают требованиям относимости и допустимости. [3]

По делам рассматриваемой категории допустимыми могут быть признаны доказательства, которые получены с соблю-

дением всех требований АПК РФ. Кроме того, по искам о защите деловой репутации юридических лиц, доказательствами могут выступать непосредственно материалы, размещенные в публичном доступе – статьи, интервью, аудио и видеозаписи, а также скриншоты страниц интернет-ресурсов, на которых была размещена информация. Относительно заверения доказательств следует отметить, что в частности, для скриншотов обязательно нотариальное удостоверение. [2]

Таким образом, в рамках настоящей работы были изучены основные вопросы, связанные с особенностями доказывания по делам о защите деловой репутации. Среди основных проблем следует выделить недостаточно исследованное влияние оценочных и вероятностных высказываний, не оказывающих в конечном итоге негативного воздействия на экономическую деятельность юридического лица. Полагаем, что необходимо на уровне ВС РФ издать новые разъяснения относительно квалификации вопросительных предложений (завуалированных утверждений) по делам о защите деловой репутации. Прежде всего, полагаем, что необходимо установить обязательность назначения лингвистической экспертизы, которая должна определить качество высказанного вопросительного предложения.

Список литературы:

1. Алексеенко, А.П. Защита деловой репутации коммерческого корпоративного юридического лица/А.П. Алексеенко // Судья. 2018. № 10.
2. Иванова, С.В. Пределы и способы защиты чести, достоинства и деловой репутации /С.В. Иванова// СПС КонсультантПлюс. 2021.
3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом ВС РФ от 16.03.2016//КонсультантПлюс: Судебная практика.
4. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2011 по делу № А38-1261/2011//КонсультантПлюс: Судебная практика.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»//КонсультантПлюс:Судебная практика.

УДК 347.919

П. С. Бритова, А. К. Шереметьева

Дальневосточный филиал

*Российского государственного университета правосудия
Россия, Хабаровск*

ПРОИЗВОДСТВО ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ

Аннотация. В статье раскрываются проблемы процедуры оспаривания результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости и предложены необходимые законодательные изменения с целью совершенствования существующего правового механизма.

Ключевые слова: оспаривание, кадастровая стоимость, недвижимость, подсудность.

P. S. Britova, A. K. Sheremetyeva

Far Eastern branch

*Russian State University of Justice
Russia, Khabarovsk*

PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE CASES ABOUT DISPUTING THE RESULTS OF DETERMINING THE CADASTRE VALUE

Abstract. The article reveals the problems of the procedure for challenging the results of determining the cadastral value of real estate objects and suggests the necessary legislative changes in order to improve the existing legal mechanism.

Keywords: challenging, cadastral value, real estate, jurisdiction.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в её междисциплинарности и многоаспектности, поскольку изучаемые вопросы раскрываются авторами различных научных направлений, например, достаточно исследований посвящено проблематике построения системы органов власти, осуществляющих правоохранительную деятельность, и анализируемую в частности [11, С. 40–45; 5, С. 243].

Вопросы оспаривания кадастровой стоимости земельных участков прямо связаны с установленным в ст. 65 Земельного кодекса РФ принципом платного использования земли, который проявляется в двух формах: арендная плата за земельный участок и налог на недвижимость [1].

При этом налоговой базой для осуществления налога на такой объект недвижимости как земельный участок, является именно кадастровая стоимость. Как отмечает К.В. Тихонова, значение кадастровой стоимости состоит в том, что данная стоимость учитывается как при исчислении налога на недвижимость, так и при арендных платежах, а также при выкупе недвижимости для государственных и муниципальных нужд [10, С. 56]. Исходя из вышеизложенного, определение кадастровой стоимости прямо влияет на стоимость владения земельным участком и, следовательно, на права и обязанности владельца земельного участка.

При этом, как отмечает Е.Н. Кадырова, кадастровая стоимость не всегда отвечает рыночной стоимости недвижимости. При этом, отличие кадастровой от рыночной стоимости может наблюдаться как в пользу занижения кадастровой стоимости (встречается наиболее часто), так и в пользу завышения кадастровой стоимости недвижимости по сравнению с рыночной стоимостью соответствующего объекта [7, С. 29–35]. При этом, кадастровая стоимость, в соответствии со статьями 14, 15 ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [3], осуществляется государственным органом одновременно относительно всех объектов недвижимости и без участия собственников.

Очевидно, что такая процедура оценки является вынужденной: очевидно, что регулярное обновление кадастровой стоимости должно осуществляться в автоматическом режиме, так как в ином случае, орган кадастровой оценки будет неспособен обработать десятки миллионов объектов недвижимости. Вместе с тем, обратной стороной данной ситуации является большое количество споров, связанных с оспариванием результатов определения кадастровой стоимости земельных участков, а также иных объектов недвижимости.

Существует два порядка оспаривания результатов определения кадастровой стоимости: административный и судебный. Именно судебный порядок оспаривания результатов определения кадастровой стоимости, гарантируя сторонам состязательность и независимость рассмотрения подобного спора, является наиболее эффективным способом оспаривания результатов определения кадастровой стоимости.

До вступления в силу Кодекса административного судопроизводства РФ, оспаривание результатов кадастровой стоимости осуществлялось в порядке гражданского судопроизводства [8, С. 31–36], однако на сегодняшний день такое обжалование осуществляется в порядке административного судопроизводства. По нашему мнению, такая подведомственность в наибольшей степени соответствует природе дел об оспаривании результатов кадастровой стоимости объектов недвижимости, в связи с тем, что такие результаты, по своей сути, представляют собой деятельность государственных органов (их решения и действия), направленные на установление такой оценки.

Серьезную правовую проблему на сегодняшний день представляют правила подсудности споров об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. В силу п. 15 ч. 1 ст. 20 Кодекса административного судопроизводства РФ [2], данные дела подведомственны, как суду первой инстанции, верховному суду республики либо иному суду уровня субъекта федерации. При этом, как свидетельствует практика, количество дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости в Российской Федерации и отдельных ее субъектов является довольно значительным [4, С. 46–48]. Исходя из вышеизложенного, невозможно не согласиться с мнением А.А. Остроумова относительно нецелесообразности закрепле-

ния подсудности данной категории дел за судом уровня субъекта РФ [9, С. 102–108].

Кроме того, в силу статьи 296 Кодекса административно-судопроизводства РФ [2], судом апелляционной инстанции по данной категории дел будет считаться апелляционный суд общей юрисдикции, которых в Российской Федерации существует пять. Исходя из вышеизложенного, для многих субъектов (особенно, физических лиц) ограничивается реальная возможность на апелляционное обжалование решений, вынесенных относительно оспаривания результатов определения кадастровой стоимости.

По нашему мнению, судом первой инстанции по вышеуказанной категории дел должен быть районный суд. При этом, для обеспечения большего уровня профессионализма рассмотрения дел данной категории судами, целесообразно внести изменения в ст. 29 Кодекса административного судопроизводства РФ [2], предусмотрев возможность коллегиального рассмотрения данной категории дел районным судом, как судом первой инстанции.

Таким образом, данные изменения в правовом регулировании позволят обеспечить справедливый баланс между принципом профессионализма рассмотрения дел, а с другой стороны – организацией реального и эффективного доступа граждан к осуществлению правосудия, а также к праву на апелляционное обжалование судебных решений. Учитывая системный подход к осознанию противоречий в правовом регулировании данной сферы необходимо согласиться с крайней необходимостью в совершенствовании имеющихся правовых регуляторов в целом и рассматриваемой области в частности [6, С. 51–58].

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрании законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
2. Кодекс административного судопроизводства от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрании законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
3. О государственной кадастровой оценке : Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 237-ФЗ // Собрании законодательства РФ. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4170.
4. *Бастрыкин В. В., Бирюкова Л. Л., Болотских В. В.* Анализ результатов судебного оспаривания кадастровой стоимости земельных участков в Кемеровской и Новосибирской областях // Имущественные отношения в РФ. 2014. № 11 (158). С. 46.
5. *Гамалей А. А.* Надзорная деятельность в государственном управлении // Образование и право. 2017. № 2. С. 243.
6. *Гамалей А. А.* Система функций права: проблемы познания и науки // Образование и право. 2016. № 12. С. 51.
7. *Кадырова Е. Н.* Административный порядок оспаривания результатов кадастровой стоимости // Экономика и экология территориальных образований. 2015. № 3. С. 29.
8. *Кадырова Е. Н.* Судебный порядок оспаривания результатов определения кадастровой стоимости // Экономика и экология территориальных образований. 2015. № 4. С. 31.
9. *Остроумов А. А.* Судебное оспаривание результатов определения кадастровой стоимости // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 9. С. 102.
10. *Тихонова К. В., Ушанлы В. А.* Оспаривание результатов определения кадастровой стоимости // Экономика и экология территориальных образований. 2015. № 4. С. 55.
11. *Федотова М. А., Григорьев В. В.* Кадастровая стоимость недвижимости: 8 проблем её оспаривания и 8 мероприятий по решению этих проблем // Имущественные отношения в РФ. 2014. № 11 (158). С. 40.

УДК 347.963

Е. А. Веселов, А. В. Шибашова
*Вологодский государственный университет
Кафедра юриспруденции
Россия, Вологда*

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые особенности заключения прокурора в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации. Рассматриваются основные вопросы, с которыми сталкиваются процессуалисты в своей практической деятельности.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, заключение прокурора.

E. A. Veselov, A. V. Shibashova
*Vologda State University
Department of Jurisprudence
Russia, Vologda*

LEGAL FEATURES OF THE PROSECUTOR'S CONCLUSION IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. The article discusses some legal features of the prosecutor's conclusion in the civil procedural legislation of the Russian Federation. The main issues that processualists face in their practical activities are considered.

Keywords: prosecutor, civil trial, prosecutor's conclusion.

Одной из форм участия прокурора в гражданском процессе является вступление в уже начатый процесс с целью дачи заключения по делу, в соответствии с ч. 3 ст. 45 ГПК РФ. Целью его вступления является дача правового заключения по уже рассматриваемому судом делу, в большинстве случаев, принятие прокурором участия в деле, предусмотрено процессуальным законодательством.

Однако, процессуальная форма такого заключения вызывает ряд дискуссионных вопросов в рамках гражданского законодательства. Ключевым моментом является понятие сущности данного заключения, а также и его надлежащее оформление.

Прокурор может давать заключение в отношении всего гражданского дела в целом, а также по определённым вопросам, которые могут возникнуть в процессе судебного разбирательства. Заключение относительно отдельных вопросов не закреплено на законодательном уровне, однако на практике уровне оно существует.

Прежде всего, данное заключение, несомненно, играет особую роль, в особенности как определённая рекомендация для суда от надлежащего органа, целью которого в рамках процесса является представление интересов государства, тем самым содействуя осуществлению правосудия. В свою очередь суд, рассматривая данное заключение, обязан учитывать его, но не основывать решение исключительно на данном акте, в связи с тем, что альтернативный статус данного правового акта мог нарушать принцип независимости судей, который установлен в ст. 8 ГПК [1, С.45].

Особенность данного заключения следует рассматривать не только в рамках процессуального содержания, но и в самих целях гражданского процесса как такового. Здесь, необходимо надлежащим образом рассмотреть вопрос целей, которые могли и могут ставиться перед прокурором в рамках возможности реализации данного права. Как отмечают многие ученые-юристы, образовывается вопрос о необходимости данного заключения, а исходя из этого уже возникает вопрос о статусе прокурора. Но если аспект статуса зачастую решается исходя из фундаментальных принципов гражданского процесса, то вопрос целей, однако, не может быть решён подобным образом.

Со всей очевидностью мы можем говорить о том, что прокурор представляет непосредственно интересы государства, что подчеркивается его правовым статусом в действующей системе права. В гражданском процессе допускается участие

прокурора, как представителя государства, но есть момент, который заключается в том, что он не может рассматриваться как типичный субъект данного разбирательства ввиду отсутствия у него материальной заинтересованности в исходе дела. Помимо данного критерия, есть ещё и дополнительные, которые отличают его от других лиц, участвующих в процессе, поэтому указанный признак является для нас наиболее значимым. Исходя из этого, мы можем констатировать, что целью прокурора, прежде всего является представление интересов государства, которое в свою очередь сводится к защите прав и законных интересов граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства [2].

Ввиду вышесказанного, стоит считать, что заключение прокурора следует расценивать как средство реализации указанных целей. Исходя из этого, можно отметить тот факт, что вопрос можно поставить таким образом, в котором необходимо прояснить наиболее оптимальное законодательное регулирование данного заключения, которое бы позволило реализовывать интересы государства так, чтобы он отвечал как требованиям закона, так и требованиям практической целесообразности.

Рассматривая нормы гражданского процессуального законодательства Российской Федерации, мы можем прийти к выводу, что заключение прокурора законодательно не урегулировано. Таким образом, указанная правовая пробел не позволяет прийти к единообразию данного заключения, что в свою очередь приводит к разнообразию форм данных заключений.

Помимо этого, стоит так же указать на тот факт, что в гражданско-процессуальном законодательстве отсутствуют нормы о даче заключения прокурором по делу в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, хотя, бесспорно, такое право у прокурора имеется. На практике суды данных инстанций заслушивают заключение прокурора непосредственно перед удалением суда в совещательную комнату. В связи с этим, можно сказать, что сформировался своего рода определенный процессуальный обычай, как альтернативная форма регулирования данного процесса.

Исходя из данного обстоятельства, мы предлагаем ввести дополнительную норму в ГПК РФ, которая бы регулировала заключение прокурора как в процессуальном назначении, так и в процессуальном оформлении, во избежание недопониманий всех участников гражданского процесса.

Некоторые процессуалисты полагают, что необходимо исключить данную форму принятия прокурором участия в процессе, аргументируя свое мнение тем, что в законе имеются пробелы на этот счет и данные проблемы не устраняются.

К примеру, Томилов А.Ю. предполагает, что стоит заменить понятие заключение прокурора на понятие мнение прокурора. Так как под термином мнение прокурора подразумевается суждение, которое дает оценку чему-либо, а также оценку чему-то конкретному. По мнению ученого, прокурор высказывал бы свое мнение в процессе разбирательства дела после объяснения сторон, а также третьих лиц [3, С.237]. Автор исследования не согласен с данным мнением, так как считает, что оно противоречит положениям процессуального законодательства.

На основе анализа литературы и правоприменительной практики, мы можем сделать вывод, о том, что, если нормы, прописанные законом, должны быть абсолютно соблюдены, то юридически и фактически есть большое количество недостатков, которые создают проблемы, связанные с защитой прокурором государственных интересов в гражданском процессе.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 8.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (Дата обращения: 10.11.2021 г.).
3. Кузнецова О.В. Конституционные начала в гражданской юрисдикции: монография / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.Ф. Кузнецова. – Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2007. – С 237.

УДК 347.9

С. П. Грязнова

*Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов*

ОПТИМИЗАЦИЯ СУДЕЙСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НЕДОСТАТКИ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос соответствия положений ст. 135 и 136 ГПК РФ принципу процессуальной экономии при вынесении судом определения о возвращении искового заявления и оставлении его без движения, что, по мнению автора, является коллизией. Также предложен путь решения данного вопроса и его преимущества.

Ключевые слова: определение, суд, принцип процессуальной экономии, возвращение искового заявления, оставление искового заявления без движения.

S. P. Griaznova

*Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov*

OPTIMIZATION OF JUDICIAL RESPONSE TO THE SHORTCOMING OF THE SHORTCOMINGS OF THE STATEMENT OF CLAIM

Abstract. The article considers the issue of compliance of the provisions of Articles 135 and 136 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation with the principle of procedural economy when the court issues a ruling on the return of the statement of claim and leaving it without movement, which, according to the author, is a conflict. A way to solve this issue and its advantages are also proposed.

Keywords: definition, court, principle of procedural economy, return of the statement of claim, leaving the statement of claim without movement.

Конституция Российской Федерации в статье 46 гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод. Одной из задач гражданского судопроизводства, в соответствии со ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. От 01.07.2021) (далее – ГПК РФ, гражданский процессуальный кодекс), является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Данная задача гражданского судопроизводства неразделимо связана с его принципами, которые, в свою очередь являются фундаментальными положениями, основой для всей отрасли, выступают ориентиром для эффективности функционирования норм права [1, С. 39]. Все нормы гражданского процессуального права не должны противоречить установленным принципам. В случае, если обнаружен пробел в праве, который невозможно устранить путем расширительного толкования либо аналогии закона, суд должен руководствоваться исходя из принципов гражданского процессуального права [2].

В ГПК РФ предусмотрен порядок действий судьи при рассмотрении искового заявления, если в нем содержатся ошибки. Если в исковом заявлении допущены ошибки, предусмотренные статьей 135 ГПК, то исковое заявление возвращается, если они предусмотрены статьей 136 – исковое заявление оставляют без движения. Однако в практике часто встречаются случаи, когда исковое заявление одновременно содержит в себе ошибки, влекущие разные правовые последствия. Четкое и полное регулирование данного вопроса отсутствует. Что в свою очередь, по нашему мнению, является коллизией права, так как противоречит принципу процессуальной экономии.

Чтобы разрешить поставленную проблему, нужно, в первую очередь, раскрыть понятие принципа процессуальной эконо-

номии. Конституционный суд в постановлении от 05.02.2007 № 2-П определяет следующую формулировку назначения принципа процессуальной экономии: повышение скорости судебного разбирательства и преодоление затягивания и необоснованного возобновления процесса [3]. Ученые-процессуалисты дают различные определения этому принципу, так как до сих пор идет бурная дискуссия насчет его толкования и применения. Например, Г.Л. Осокина считает, что Процессуальная экономия означает наибольшую производительность процессуального труда, наивысшую его интенсивность при наименьших затратах времени и средств [4, С. 124]; а мнение М.А. Гурвича заключается в том, что принцип процессуальной экономии обуславливает быстрый и эффективный процесс, являющийся главным рычагом борьбы с волокитой и порождающими её формализмом и бюрократизмом [5, С. 22]. Несмотря на то, что в определениях есть отличие, главная идея заключается в том, чтобы участники процесса использовали свои права и исполнили обязанности наиболее рационально для того, чтобы исключить неоправданные формальности и процедуры, оптимизировать судебный процесс и уменьшить средства, затрачиваемые на ведение дела.

Судья, согласно статье 133 ГПК РФ, обязан рассмотреть исковое заявление в течение пяти дней с момента подачи заявления в суд и вынести определение о принятии к производству. Однако, процедура действий изменится, если исковое заявление содержит ошибки. В случае ошибок подпадающих под статью 135 судья также в течение пяти дней должен вынести мотивированное определение о возвращении искового заявления, в котором указывает на нарушения, которые препятствуют. Нужно заметить, что возвращение искового заявления не лишает истца возможности обратиться в суд повторно с тем же иском. В соответствии со 136 статьей искового заявления, поданное с нарушением требований статей 131, 132 ГПК РФ, будет оставлено без движения. Судья также выносит определение, в котором также указывает разумный срок на исправление ошибок. Но как поступать судье, если заявление содержит ошибки, предусмотренные положениями и ст. 135, и ст. 136 ГПК РФ?

Опираясь на смысл действующего процессуального законодательства, можно предположить следующий вариант процедуры: во-первых, судья в течение 5 дней выносит мотивированное определение о возвращении искового заявления, в котором укажет на недостатки, предусмотренные 135 статьей, которые препятствуют возбуждению дела. Во-вторых, после исправления всех нарушений, потенциальный истец может вновь обратиться в суд с иском к тому же ответчику по тем же основаниям, но так как в заявлении содержатся ошибки по статье 136, судья будет вынужден вынести определение об оставлении искового заявления без движения, предоставив срок на устранение обстоятельств, которые явились основаниями оставления искового заявления без движения. Анализируя данный порядок, можно прийти к выводу, что данная процедура очень энергозатратная.

Еще в 1981 году Комитет министров Совета Европы предлагал принять всевозможные меры для упрощения процедуры рассмотрения и разрешения споров, в целях повышения уровня доступности правосудия при меньших затратах [6]. Исходя из вышеприведенных обстоятельств, можно сделать вывод о том, что время и средства, потраченные на исправление всех ошибок в исковом заявлении, могли быть использованы для правильного рассмотрения и разрешения дела по существу.

В связи с этим предлагаем внести изменения в порядок вынесения определения о возвращении искового заявления. Если в исковом заявлении судья находит основания для возвращения иска, то он также должен проверить заявление на наличие ошибок, влекущих к оставлению искового заявления без движения. В этом случае судья должен будет вынести мотивированное определение о возвращении искового заявления, кроме этого, целесообразно будет указывать допущенные ошибки, которые могут привести к оставлению искового заявления без движения, а также указать как устранить все обстоятельства, препятствующие возбуждению дела. Вынесения данного определения не будет препятствовать повторному обращению истца в суд с тем же иском, если истцом будут устранены все допущенные нарушения. Отличие от существующей нормы заключается в том, что истец будет иметь возможность исправить все допущенные ошибки сразу, что является гарантией наименьшей за-

траты средств на стадии возбуждения гражданского дела. Для судей такой порядок вынесения определения также имеет свои преимущества, так как на сегодняшний день остро стоит вопрос загруженности судов, а в данном случае происходит экономия ресурсов судьи, уменьшению бумажной волокиты, что, в свою очередь, соответствует принципу процессуальной экономии.

Таким образом, внесение изменений в порядок вынесения определения о возвращении искового заявления позволит повысить эффективность судопроизводства за счет средств процессуальной экономии. Позволит упростить стадию возбуждения гражданского дела и порядок обращения с иском заявлением в суд, в частности, и процедуру рассмотрения и разрешения споров, в целом, что позволяет повысить уровень доступности правосудия при меньших затратах, исключит неоправданные формальности.

Список литературы:

1. Малько А.В., Струсь К.А. Принципы права как важнейшая составляющая правовых основ развития общества / Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 39].
2. Алексеев С.С. Государство и право: учебное пособие. – М.: Проспект, 2015. 152 с.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант плюс».
4. Осокина Г.Л. Курс гражданского судопроизводства в России. Общая часть. – Томск, 2002. С. 124.
5. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 22.
6. Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14.05.1981 г. № R (81) 7 «Комитет министров – государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию» // Российская юстиция. 1997. № 6.

УДК 347.918.2

В. А. Демидов, И. А. Раменнов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В данной статье авторы размышляют над вопросом применения института альтернативной внесудебной процедуры разрешения споров. Дается теория, а также анализируется практика использования медиации при разрешении правовых конфликтов.

Ключевые слова: медиация, медиатор, альтернативная процедура урегулирования споров, примирительная процедура, арбитражный процесс.

V. A. Demidov, I. A. Ramennov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

INSTITUTE OF MEDIATION IN RUSSIA: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Abstract. In this article, the authors reflect on the issue of applying the institution of an alternative out-of-court dispute resolution procedure. The theory is given, as well as the practice of using mediation in resolving legal conflicts is analyzed.

Keywords: mediation, mediator, alternative dispute settlement procedure, conciliation procedure, arbitration process.

Главенствующей задачей российского судопроизводства является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов личности. С целью достижения поставленной задачи, законодательством нашей страны предусмотрено разрешение гражданско-правовых споров путем не только обращения в суд, но и применения процедуры медиации.

Спрос на альтернативную внесудебную процедуру урегулирования споров появился объективно, о чем говорит Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении: «в российском обществе существует высокая потребность в доступных и эффективных механизмах урегулирования споров, которые будут способствовать снижению конфликтности, укреплению социальных и деловых связей...» [1].

Итак, в чем же заключается сущность данного альтернативного способа? Медиация – это способ разрешения спора при участии третьей, нейтральной, беспристрастной стороны – медиатора, оказывающего содействие сторонам, вовлеченным в спор и добровольно участвующим в процедуре медиации, с целью выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения по разрешению спора на условиях взаимного уважения и принятия права каждой из сторон защищать свои интересы [2, С. 128].

Правовой основой применения процедуры медиации при разрешении конфликтов является Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Он регламентирует широкий спектр вопросов данного направления, в частности, закрепляя предмет регулирования – отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений [3].

При обсуждении аспекта практического применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» вызывает интерес состоявшаяся дискуссия «Адвокат, нотариус, арбитр и судебный примиритель: эффективные техники, стратегии и компетенции» в рамках XVII Международной научно-практической конференции «Ковалевские чтения». В ходе обсуждений, специалистами в области практики применения процедуры медиации, было высказано несколько диаметрально противоположных мнений. В частности, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса, директор Центра правовых технологий и примирительных процедур (медиации) УрГЮУ Светлана Загайнова рассказала о практике применения процедур медиации в первом в России медиативном центре, созданном при юридическом вузе, за десять лет его работы. Также она обратила внимание на то, что за все время работы центра не было ни одного случая неисполнения медиативных соглашений. По ее мнению, это связано с тем, что медиативное соглашение, в отличие от судебного решения, отвечает интересам всех сторон. Также она подчеркнула, что сегодня юрист должен уметь не только защищать интересы клиента в суде, но и включать в сферу своей профессиональной компетенции умения и навыки работы во внесудебных процедурах урегулирования спора, уметь разбираться, какие из них наиболее подойдут для клиента. Эксперт сообщила, что в Адвокатской палате Свердловской области действует Совет молодых адвокатов, и одно из направлений его работы – медиация [4].

В свою очередь, актуальной практики по данному вопросу нет, поскольку Верховный суд РФ составлял справку о практике применения ФЗ № 193 лишь за 2011 и 2015 годы (за эти годы в России процедура медиации применялась буквально в единичных случаях). Однако, если мы будем опираться на мнение экспертов в данной области, то приходим к выводу, что процедура медиации при разрешении споров применяется крайне редко, а соответственно вряд ли она может в процентном соотношении снижать реальную нагрузку на судебную систему. Вместе с тем, мы убеждены в том, что потенциал этого альтернативного способа разрешения гражданско-правовых споров еще не раскрыт, а соответственно, для этого требуется время, популяризация и конечно же регулярные изменения в процессуальное законодательство России.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // СПС «Консультант плюс»
2. Мрастьева О.С., Семикина С.А. К вопросу о применении медиации в судопроизводстве арбитражных судов // Материалы 1-го международного форума «Диалог ученых судебной системы»: город Тараз, издательство Международного Таразского инновационного института, 2021. С. 127–132.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.
4. Достоинства и проблемы медиации // URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dostoinstva-i-problemy-mediatsii/> (дата обращения 30.10.2021).

УДК 347.9

В. В. Долженко

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Магистратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: НА ПРИМЕРЕ РАЙОННЫХ СУДОВ ГОРОДА САРАТОВА

Аннотация. Автор проанализировал деятельность отдельных судов города Саратова в период пандемии коронавируса. Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод, что в большинстве судов по-прежнему имеют место ограничения, связанные с посещением судебных заседаний, что является нарушением принципа гласности как одного из основополагающих проявлений доступа к правосудию.

Ключевые слова: принцип гласности, гражданское судопроизводство, пандемия, суд, ограничение доступа.

V. V. Dolzhenko

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY OF CIVIL PROCEEDINGS DURING THE PANDEMIC: ON THE EXAMPLE OF THE DISTRICT COURTS OF THE CITY OF SARATOV

Abstract: The author analyzed the activities of individual courts in the city of Saratov during the coronavirus pandemic. The results of the study made it possible to conclude that in most courts there are still restrictions associated with attending court sessions, which is a violation of the principle of transparency as one of the fundamental manifestations of access to justice.

Keywords: the principle of publicity, civil proceedings, pandemic, court, restriction of access.

Проблема реализации принципа гласности в гражданском судопроизводстве весьма актуальна не только в период распространения коронавирусной инфекции, но и значима для судопроизводства вообще.

Во исполнение указаний Президиумов Верховного Суда РФ и Совета судей РФ [1], начиная с 19 марта суды начали изменять свою работу: сначала приостановили личный прием, затем закрыли доступ слушателей в суды, стали откладывать дела, рассматривая только неотложные.

Данные меры поставили под угрозу базовый принцип гласности правосудия, так как у публики (слушателей, журналистов, наблюдателей) отсутствовала возможность попасть на открытые судебные заседания.

С 12 мая 2020 года Судебный департамент при ВС РФ рекомендовал судам возобновить работу в полном объеме с учетом санитарно – эпидемиологической ситуации в конкретном регионе и соблюдением мер санитарной безопасности [2].

К сожалению, и после снятия формальных ограничений большинство судов продолжают придерживаться политики закрытости.

Так, 19 октября 2021 года автором был проведён мониторинг официальных сайтов Заводского, Фрунзенского, Волжского, Ленинского, Октябрьского и Кировского районных судов города Саратова, который показал, что большинство процессов по-прежнему проходят без допуска слушателей, наблюдателей и журналистов.

В связи с ростом заболеваемости судей и сотрудников суда новой коронавирусной инфекцией и ОРВИ, в целях обеспечения безопасных условий труда, сохранности жизни и здоровья как сотрудников Заводского районного суда г. Саратова, так и лиц, участвующих в рассмотрении дел, Заводской районный суд на своём официальном сайте опубликовал Приказ от 08 октября 2021 года № 240 л/с (далее – Приказ). В соответствии с которым с 11 октября 2021 года по 22 октября 2021 года включительно приостановлен личный прием граждан в здании суда (пункт 1 Приказа). Допускать можно только граждан, являющихся участниками судебных процессов (пункт 3 Приказа) [3].

Недопуск в суд журналистов и слушателей является прямым нарушением принципа открытости и гласности судопроизводства.

На сайте Фрунзенского районного суда сообщается, что в здание суда допускаются только граждане, являющиеся участниками судебных процессов либо желающие подать процессуальные документы лично в приемную суда. Посетители Фрунзенского районного суда должны соблюдать правила социального дистанцирования и использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респираторы) и рук (перчатки). Несоблюдение вышеназванных требований исключает допуск (пребывание) граждан в здание Фрунзенского районного суда г. Саратова [4].

Более строгие требования к посетителям устанавливает Волжский районный суд. В соответствии с Инструкцией о пропускном и внутриобъектовом режимах в период пандемии коронавирусной инфекции [5] (далее – Инструкция) пропуск лиц, не являющихся участниками процесса в здании суда осуществляется строго по согласованию с председателем суда или его заместителем. Пропуск участников судебных процессов допускается непосредственно за 15 минут до начала судебного заседания по конкретному делу во избежание массового скопления людей и с соблюдением дистанции между ними 1,5–2 метра. Отказы от ношения средств индивидуальной защиты органов дыхания участниками процессов, посетителями суда будут фиксироваться, и соответствующие материалы будут передаваться уполномоченным административным органам для реагирования (пункт 2 Инструкции).

В случае отказа от ношения средств индивидуальной защиты органов дыхания участники процессов, посетители суда не допускаются в здание суда (пункт 2.4. Инструкции).

Особого внимания заслуживает п. 2.1. Инструкции, где рекомендуется участвовать в судебном заседании только одному представителю от каждого лица, участвующего в деле. Данное требование является необоснованным и ограничивает право граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Ленинский районный суд ввел требования, в которых посетителям суда предписывалось соблюдать правила социального дистанцирования (не менее 1,5 метра), использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания, соблюдать правила поведения при введении в субъекте РФ режима повышенной готовности. Лица, не выполняющие данные требования, в здание суда не допускаются [6]. Для лиц, не являющихся участниками судебных процессов в Ленинский районный суд доступ ограничен.

Ограничение предполагает установление правил, норм, определяющих какие-то границы, рамки, условия. Фразы «доступ ограничен» недостаточно: нужно пояснить, как доступ ограничен, на каких условиях можно попасть в суд, а когда нельзя.

Помимо чётких формулировок, во время мониторинга встречались и расплывчатые указания. Например, на сайте

Октябрьского районного суда сообщается: «Лицам, не являющимся участниками судебных процессов, рекомендуется воздержаться от посещения суда с учетом введенных ограничительных мер» [7]. Не совсем ясно, является ли данная формулировка пожеланием либо ограничением на доступ в суд посетителей.

На сайте Кировского районного суда и вовсе отсутствует информация об изменении режима работы в связи с ситуацией с коронавирусом [8]. Напрашивается вывод, что либо Кировский районный суд работает в штатном режиме, либо не справляется с обязанностью своевременно публиковать полную и четкую информацию о своей деятельности.

Все суды, ссылаясь на Постановление Правительства Саратовской области «О введении ограничительных мероприятий в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции (COVID-19)» указывают, что несоблюдение масочного режима и социальной дистанции исключает допуск граждан в здание судов. Стоит отметить, что в вышеуказанном Постановлении вообще не говорится об ограничении работы судов. Думается, что отсутствие средств индивидуальной защиты не может являться основанием для отказа в пропуске граждан в здание суда.

Таким образом, из информации, имеющейся на официальных сайтах судов, следует, что большинство судов полностью пренебрегли принципом гласности, закрыв двери судов для слушателей и не обеспечив компенсации ограничений (трансляции судебных заседаний, допуск в суды ограниченное число слушателей и т.д.).

Список литературы:

1. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08 апреля 2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах» (ред. от 29 апреля 2020) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/ (дата обращения: 08.10.2021).
2. Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 07 мая 2020 г. № СД-АГ/667 О функционировании судов и органов Судебного департамента с 12 мая 2020 г. // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352096/ (дата обращения: 23.03.2021).
3. Заводской районный суд г. Саратова. URL: <http://zavodskoi.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 19.10.2021).
4. Фрунзенский районный суд г. Саратова. URL: <http://fr.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 19.10.2021).
5. Инструкция от 12 мая 2020 № 35 «О пропускном и внутриобъектовом режимах в помещении Волжского районного суда г. Саратова в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)» // URL: <http://volzhsky.sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 19.10.2021).
6. Ленинский районный суд. URL: <http://leninsky.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Октябрьский районный суд. URL: <http://oktyabrsky.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Кировский районный суд. URL: <http://kirovsky.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

А. А. Дякун

*Дальневосточный филиал**Российского государственного университета правосудия
Россия, Хабаровск*

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСЧИСЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. в статье рассматриваются проблемы ограничения возможности подачи процессуальных документов мировым судьям в некоторых субъектах РФ, а также отсутствия правового регулирования вопроса исчисления процессуального срока при подаче процессуальных документов на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Ключевые слова: электронное правосудие, мировые судьи, сроки, исчисление сроков, доступность правосудия.

A. A. Dyakun

*Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice
Russia, Khabarovsk*

PROBLEMS OF ACCESS TO JUSTICE AND LEGAL REGULATION OF THE CALCULATION OF PROCEDURAL TIMES IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE CIVIL PROCESS

Abstract. the article discusses the problems of limiting the possibility of filing procedural documents to justices of the peace in some constituent entities of the Russian Federation, as well as the lack of legal regulation of the issue of calculating procedural law in judicial procedural documents on the official website in the information and telecommunications network «Internet».

Keywords: e-justice, justices of the peace, terms, calculation of terms, accessibility of justice.

Информационно-телекоммуникационные технологии занимают особое место в жизни каждого современного человека. Передача информации бесконтактным путём уже давно не вызывает непонимания и воспринимается как быстрый и эффективный способ коммуникации. Развитие информационной грамотности общества ведёт к его модернизации в различных сферах жизни, в том числе и сфере правосудия.

Электронная история судебной системы Российской Федерации берёт своё начало в конце 80-х годов XX века [1, С. 172] и продолжает своё развитие и в настоящее время.

Прорывом в области цифровизации судопроизводства стало введение Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ в Гражданский процессуальный кодекс нормы, предусматривающей возможность подачи процессуальных документов посредством заполнения формы, размещённой на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Данная функция расширила возможности коммуникации между обществом и судебной системой, значительно сократив затрачиваемое участниками гражданского судопроизводства время на подачу документов в суд. Судебная система стала более открытой и доступной участникам судопроизводства.

В связи с введением ограничительных мер на территории Российской Федерации ввиду сложной эпидемиологической ситуации, вызванной распространением вируса COVID-19, особенно актуальной стала подача процессуальных документов в электронном виде: фактически система стала основным электронным пространством для направления в суд всех обращений, процессуальных документов и приложений к ним.

Подводя итоги работы судебной системы за 2020 год, председатель Верховного суда Вячеслав Михайлович Лебедев отметил, что судебная система в рассматриваемом периоде реализовала более 400 тысяч судебных заседаний с использованием технологии видеоконференцсвязи; гражданами и представителями было подано более 3 миллионов документов в цифровом формате. [2, С. 1].

Эффективнее всего к современным условиям адаптировались арбитражные и районные суды общей юрисдикции, где за несколько лет была в большей мере реализована система электронного правосудия, в том числе функция электронного предоставления документов. На их фоне гораздо менее успешными в этом вопросе выглядят судебные участки мировых судей, где до сих пор не реализована система подачи документов в цифровой форме.

Возможность быстрой передачи информации очень важна для данных судов с позиции соблюдения разумных сроков рассмотрения дела. Кроме того, в силу ст. 154 ГПК РФ срок рассмотрения дела у мирового судьи является сокращённым по сравнению с районным судом и составляет 1 месяц (в районном суде – 2 месяца).

В настоящее время в Российской Федерации определено 7211 мировых судей и соответствующее ему количество судебных участков, из них в Хабаровском крае – 75.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.11.2017 № 168 утверждён порядок подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа.

Постановлением Правительства Хабаровского края от 21.07.2011 № 238-пр «Об утверждении Положения о комитете Правительства края по обеспечению деятельности мировых судей, государственных нотариусов и административных комиссий» установлено, что комитет является органом исполнительной власти Хабаровского края, осуществляющим в пределах своих полномочий функции по организационному обеспечению (мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера) деятельности мировых судей в Хабаровском крае.

В рамках реализации Федерального закона № 220-ФЗ Комитетом были осуществлены мероприятия по созданию единой защищённой сети. [3, С. 1].

Однако, мероприятия по включению информационных ресурсов мировых судей в объединённые базы данных и банки данных, установление единых технических требований к функционированию информационных систем и использованию информационно-телекоммуникационных сетей, функционирующих на основе единых принципов и общих правил, осуществляются в силу Федерального закона № 188-ФЗ Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и органами Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

За четыре года, в течение которых действует возможность подачи электронного документа с помощью Интернет-портала Государственных услуг на сайтах федеральных судов, размещённых на Интернет-портале Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие», разработчиком не внедрён программный комплекс, позволяющий осуществлять подачу процессуальных документов мировому судье путем заполнения электронной формы в личном кабинете на Интернет-портале ГАС «Правосудие» на сайте судебного участка, указанный функционал на судебных участках до сих пор не реализован.

Представляется, данное обстоятельство препятствует обеспечению доступности правосудия, осуществляемого мировыми судьями, и должно быть в ближайшее время устранено.

Кроме того, внедрение электронного документооборота в гражданский процесс вызывает вопрос порядка исчисления процессуальных сроков при таком способе направления процессуальных документов.

Согласно пункту 3 статьи 108 ГПК РФ процессуальное действие, для совершения которого установлен процессуальный срок, может быть совершено до двадцати четырех часов последнего дня срока. В случае, если жалоба, документы или денежные суммы были сданы в организацию почтовой связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, срок не считается пропущенным.

Порядок исчисления процессуального срока при подаче документа через Интернет-портал ГАС «Правосудие» указанная норма не предусматривает.

Согласно разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов

общей юрисдикции и арбитражных судов», содержащимся в пункте 13, судам необходимо руководствоваться смыслом, заложенным в частях статей соответствующих процессуальных кодексов, посвящённых процессуальным срокам при отправлении документации почтовой корреспонденцией. [4, С. 1].

Исходя из этого, документ, загруженный в систему до 24 часов последнего дня срока подачи процессуального документа считается предоставленным в срок независимо от того, когда судом данный документ получен (от момента поступления документа в систему до момента поступления непосредственно в суд и его регистрации может пройти от нескольких минут до нескольких дней).

В связи с изложенным, полагаем необходимым дополнить ст. 108 ГПК РФ соответствующей нормой о порядке исчисления окончания процессуального срока при подаче электронных процессуальных документов.

Процедура подачи электронных документов вызывает сомнения у некоторых участников судопроизводства относительно их достоверности.

Между тем, согласно пункту 9 выше названного постановления Пленума ВС РФ № 57, суд обладает правом самостоятельно решать, есть ли необходимость истребования оригиналов документов на бумажном носителе или же ему достаточно электронного образа, заверенного простой или квалифицированной цифровой подписью. В случае отказа в предоставлении подлинников или их копий в разумный срок, обращение в суд может быть оставлено без рассмотрения.

Данное разъяснение Верховного Суда РФ видится верным, в противном случае встал бы вопрос о надобности системы подачи электронных образов, если в итоге суд всё равно истребует оригинал. Учитывая принцип состязательности сторон, вторая сторона гражданского судопроизводства в случае сомнения относительно подлинности представленного документа вправе ходатайствовать перед судом об истребовании оригинала.

Современная система электронного правосудия в России развивается стремительными темпами, не смотря на экономические и эпидемиологические факторы. Повышение уровня юридической грамотности общества постепенно закрывает пробелы в правовых знаниях обывателя. Для подачи электронных документов мировым судьям существует вся необходимая законодательная база, но её необходимо реализовать в техническом плане. Вопрос исчисления процессуальных сроков при подаче электронных документов урегулирован Пленумом Верховного Суда РФ, однако логичным видится дальнейшее правовое регулирование указанного вопроса путем внесения дополнений в ГПК РФ. Вопрос доверия подлинности электронных образов отдан на усмотрение суда, что является справедливым и отвечает принципу оценки судом доказательств, по собственному убеждению, а также принципу состязательности сторон.

Список литературы:

1. Организация судебной деятельности: Учебник / Под ред. В. В. Ершова. М.: РГУП. 2016. 340 с.
2. Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ 09.02.2021г. // Верховный Суд Российской Федерации. URL.: <http://www.supcourt.ru/files/29654/> (дата обращения: 06.11.2021).
3. Возможно ли подать на судебный участок исковое заявление в электронном виде с помощью Интернет-портала Государственных услуг? // Комитет Правительства Хабаровского края по обеспечению деятельности мировых судей, государственных нотариусов и административных комиссий URL.: <https://sud.khabkrai.ru/Obrascheniya/Vopros-otvet-/408> (дата обращения: 06.11.2021).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС КонсультантПлюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/ (дата обращения: 06.11.2021).

УДК 347

Д. В. Иванова

*Московский Университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка
Россия, Москва*

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. В статье раскрываются в цивилистической науке воззрения на понимание категории «защита гражданских прав». Теория функций, теория мер и теория деятельности анализируются через призму предложенного в статье подхода, согласно которому защита права должна быть рассмотрена с двух сторон: с позиции защищаемого субъекта, нуждающегося в защите, и с позиции субъекта, без действий которого защита состояться не может.

Ключевые слова: Защита; права; гражданские права; обязанность; нарушение; самозащита; спор; суд; конфликт.

D. V. Ivanova

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot
Faculty of Staff Training for Public Order Units
Russia, Moscow*

PROTECTION OF CIVIL RIGHTS

Abstract: The article reveals the views of civil science on the understanding of the category "protection of civil rights". The theory of functions, the theory of measures and the theory of activity are analyzed through the prism of the approach proposed in the article, according to which the protection of rights should be considered from two sides: from the position of the defending subject in need of protection, and from the position of the subject without whose action's protection cannot take place.

Keywords: Protection; rights; civil rights; obligation; violation; self-defense; dispute; court; conflict.

Система защиты нарушенных прав представляет собой деятельность уполномоченных субъектов по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов в установленных законодательством процессуальных формах с целью принудительной реализации нарушенного права.

Конституция не исключает возможности также и реализации права самостоятельную защиту права и интересы законными средствами.

Во всем правовом механизме защиты гражданских прав ключевой и фундаментальной безусловно выступает ст. 46 Конституции РФ – она вводит и гарантирует право человека на судебную защиту.

Таким образом, Конституция РФ закрепляет два способа защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов: государственный (который реализуется в деятельности системы государственных судов) и самозащиту прав. Деятельность всех иных органов государственной и местной власти и должностных лиц не включается в систему защиты прав, поскольку их решения не обладают свойством окончательности и могут быть обжалованы в суд.

В ГК РФ содержится специальная ст. 11, которая детализирует понятие «защита гражданского права». В ней сказано, что защиту нарушенных или оспариваемых гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд (в соответствии с их компетенцией).

Тем самым ГК РФ дополняет систему защиты гражданских прав еще одним способом – частноправовым, в форме третейского разбирательства (арбитража). Поскольку третейские суды не входят в судебную систему РФ, правосудия не осуществляют, следовательно, они не могут быть отнесены к первому способу защиты – государственному [1].

Самозащита нарушенных гражданских прав урегулирована в ст. 14 ГК РФ, однако весьма слабо. Законодатель в данном случае ограничился указанием на то, что способы самозащиты гражданских прав должны быть соразмерны наруше-

нию и не превышать пределов, необходимых для пресечения правонарушения.

Самозащита гражданских прав предполагает активные действия самого правообладателя, который в одностороннем порядке предпринимает усилия по прекращению нарушения его прав. Эти действия в определенных случаях и сами могут составить предмет нарушения (например, удержание спорного имущества, безакцептное списание денежных средств с банковских счетов и т.д.), тем более что допустимые меры по самозащите гражданских прав в законодательстве не раскрываются. Помимо этого, результат самозащиты государством не гарантирован [5, С.8]. Поэтому вопрос об отнесении самозащиты к единой системе защиты гражданских прав и законных интересов является спорным, но в любом случае самозащита никак не связана с урегулированием правового конфликта. Суды самозащиту трактуют весьма широко. Она может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (статья 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (статья 1067 ГК РФ).

В другом деле суд подчеркивает, что перечень способов защиты по ст. 12 ГК РФ не исчерпывающий. ГК РФ не ограничивает лицо в выборе способа защиты нарушенного права – при этом способы защиты должны быть обусловлены характером нарушения и тем правовым результатом, с целью получения которого лицо обращается в суд.

Урегулирование спора – это всегда совместная деятельность его сторон. Результатом любого урегулирования является гражданско-правовое соглашение, закрепляющее согласованные сторонами новые условия исполнения их прав и обязанностей. При этом как медиативное соглашение, так и соглашение, заключенное сторонами «напрямую», непосредственно, должны быть основаны на нормах действующего законодательства. Категорически нельзя согласиться с тем, что в процессе медиации стороны совершенно свободны и не обязаны основывать свои позиции на нормах права.

Внесудебное урегулирование гражданско-правового конфликта следует отличать от досудебного урегулирования [3]. Внесудебное урегулирование означает проведение примирительных процедур без участия суда (государственного или третейского). При этом сам конфликт параллельно может быть предметом судебного разбирательства. Примирившись вне суда и заключив гражданско-правовое соглашение, стороны могут либо представить его суду на утверждение как мировое соглашение, либо отказаться от иска (однако имея в виду риск, с этим связанный: отказ от искового требования препятствует повторному обращению с ним в суд).

Досудебное урегулирование является условием возбуждения дела в суде. Досудебное урегулирование спора всегда имеет внесудебный характер и осуществляется либо силами самих спорящих сторон, либо через посредника (медиатора). В гражданском судопроизводстве досудебное урегулирование спора обязательно тогда, когда это прямо закреплено законом. В арбитражном процессе досудебное урегулирование спора необходимо либо в силу прямого указания закона, либо тогда, когда это установлено договором.

Существует такое понятие как охрана прав, которую необходимо отличать от защиты субъективных прав, так как в российском законодательстве распространены эти два понятия. Так, Конституция РФ в статьях 2, 45, 46, 61 использует термин «защита», а термин «охрана» в том же нормативно-правовом акте упоминается в статьях 7, 41, 52. В Гражданском кодексе РФ термин «защита» употребляется в статьях 11, 12, 14, 152, а также главах 18 и 20 Гражданского кодекса РФ.

Следующим понятием, которое раскрывает сущность содержания института защиты прав, является форма защиты гражданских прав. В юридической литературе по поводу определения «форма защиты» не сложилось единого мнения. Многообразие мнений обусловлено тем, что в основу классификаций исследователи ставят различные критерии.

В целом формой защиты гражданских прав стоит считать деятельность компетентных органов по установлению факти-

ческих обстоятельств, определению способа защиты права, вынесению решения и осуществлению контроля за его исполнением.

Из положений ст. 14 ГК РФ следует, что защита нарушенных гражданских прав может осуществляться самостоятельно лицом с помощью определенных действий, очередность которых устанавливает фактические обстоятельства по делу, после чего субъект может самостоятельно выбрать как форму защиты прав, так и способ и принять по делу конкретное решение. Из этого и следует выделить самозащиту как форму защиты гражданских прав.

В итоге под защитой гражданских прав стоит понимать особый механизм фактического восстановления нарушенного права или иного законного интереса уполномоченными на то органами власти.

В основе защиты гражданских прав лежат общие правовые цивилистические принципы – принцип диспозитивности и беспрепятственного осуществления гражданских прав; принцип законности, презумпции разумности и добросовестности лиц (субъектов), а также солидарности интересов и делового сотрудничества.

Под способами осуществления субъективных гражданских прав понимается совершение действий субъектом по реализации возможности, заложенной в ее содержании. К способам осуществления относят: во-первых, фактическое осуществление гражданских прав, а во-вторых, юридическое осуществление гражданских прав [2, с.41].

Нарушения осуществления права могут быть устранены не только путем вынесения судебных решений, но и путем наложения государственным органом санкций на нарушителя по жалобе лица, который не смог беспрепятственно осуществить принадлежащее ему гражданское право.

Стоит также отметить и выделяемый правоведами институт пределов защиты гражданских прав. Под ним понимают особые правила (материальные и нематериальные, судебные и несудебные), которыми происходит само разрешение конфликта, связанные с этапами его урегулирования, а также выбранной участником спора моделью поведения, способами защиты в целях восстановления нарушенного права.

Пределы защиты прав наряду с имеющимися в рамках закона условиями и критериями реализации способов защиты, обладают своими отличительными особенностями [4, С. 128]. Во-первых, отражают не столько стадии процесса (процедуры) рассмотрения спора, сколько стадии защиты (обращение, обеспечение, восстановление) гражданских прав; во-вторых, это следование нормативной модели поведения участников правоотношения; в-третьих, это последовательность реализации способов (средств), форм и официального установленного порядка (процедуры) защиты. Последовательность реализации является выражением подчиненности поведения участников гражданских отношений материальным и нематериальным правилам. Например, судебный компенсационный порядок защиты является продолжением реализации субъективного права, когда несудебные способы не привели к восстановлению нарушенного (оспариваемого) права, установлению оснований полной и (или) частичной компенсации или ее снижению.

Список литературы:

1. *Воложанин В.П.* Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров // Актуальные проблемы защиты субъективных прав граждан и организаций. 2009 Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17262718> (дата обращения 18.04.17)
2. *Иванович Н.М.* Способы защиты субъективных гражданских прав // Научно-исследовательские публикации. 2016. № 6 (10). С. 39–43.
3. *Рожкова М.А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. URL: https://elibrary.ru/elibrary_15597402_33948495.pdf (дата обращения 10.03.17)
4. *Шпачева Т.В., Шпачев Е.В.* О способах защиты права (законного интереса) в арбитражном суде // Арбитражные споры. 2008. № 4 С. 128.
5. *Кравченко А.А.* К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав // Адвокат. 2014 № 7. С. 6–10.

Е. Т. Конова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Магистратуры
Россия, Саратов*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОУЧАСТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о проблеме изложения сущности процессуального соучастия в ГПК РФ, которое порождает неправильное понимание указанного института. Кроме того, предлагается путь решения имеющейся проблемы путем внесения изменения в законодательство.

Ключевые слова: процессуальное соучастие, множественность лиц, соучастники.

E. T. Konova

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF PARTICIPATION IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. The article raises the question of the problem of presenting the essence of procedural complicity in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which gives rise to a misunderstanding of this institution. In addition, a way to solve the existing problem by introducing amendments to the legislation is proposed.

Keywords: procedural complicity, plurality of persons, accomplices.

В современном мире можно заметить тенденцию интенсивного развития экономического строя, а также вытекающие из него имущественные и личные неимущественные отношения. Это дает своего рода толчок к усложнению субъектного состава и правовых связей между участниками общественных отношений.

Одной из форм множественности лиц в гражданском процессе является институт процессуального соучастия.

Исаенкова О.В. отмечает, что «процессуальное соучастие представляет собой множественность лиц на стороне истца или ответчика, когда право требования одного из участвующих в деле истцов не исключает право требования другого, а ответственность одного из ответчиков не исключает привлечение к ответственности другого ответчика. Допускается соучастие в любом гражданском процессе, за исключением дел о расторжении брака» [2, С. 90].

Процессуальное соучастие важно отличать от иных форм множественности лиц в гражданском судопроизводстве.

Анализ судебной практики показал, что суды часто привлекают процессуальных соистцов в качестве третьих лиц, не являющихся самостоятельными требований.

При анализе процессуального соучастия необходимо всегда помнить о главном его признаке, позволяющем отличить соучастника от иных субъектов процессуального отношения. Для процессуального соучастия независимо от его вида характерно то, что общие (взаимосвязанные) или однотипные (однородные) субъективные права и юридические обязанности соучастников не исключают друг друга в целом или в части [3, С. 106].

Основными разграничительными признаками процессуального соучастия от иных форм множественности лиц в гражданском процессе являются: соучастники (соистцы, соответчики) являются предполагаемыми субъектами тех спорных материальных правоотношений, которые входят в предмет судебного разбирательства; соучастники – лица, участвующие в одном и том же судопроизводстве; право требования или обязанность одного из соучастников не исключает права требования или ответственности остальных участников [1, С. 312].

Существует мнение некоторых авторов, которые полагают, что процессуальное соучастие следует исключить из гражданского судопроизводства. Однако, по мнению ученых, подоб-

ное решение может привести к отказу в иске, если выбранный истцом способ защиты права не представляется возможным реализовать в силу характера спорного правоотношения, в котором участвует несколько лиц. Мы поддерживаем мнение, что рациональней будет разделять процессуальное соучастие на обязательное и факультативное, так как такое деление имеет важное теоретическое и практическое значение.

Наличие у соучастников общего юридического интереса не является основным и важным признаком процессуального соучастия, поскольку в практике встречались случаи, когда юридически значимые материально-правовые интересы соучастников противоречили друг другу. Важным моментом в подобных ситуациях является то, что при совершении порядкительных действий представителями соучастников, суду необходимо следить не нарушают ли данные действия права и интересы других соучастников. Во избежание ущемления интересов соучастников в таких ситуациях, суду следует предпринимать меры по выяснению мнения всех соучастников по этому поводу.

Если изучить теорию и практику процессуального соучастия, то можно прийти к выводу, что процессуальное соучастие возможно, как на стороне ответчика, так и на стороне истца, а также на обеих сторонах одновременно.

Часть 1 статьи 40 Гражданского процессуального кодекса РФ гласит: «Иск может быть предъявлен в суд совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие)». На наш взгляд, использование разделительного союза «или», в данном случае, может привести к некоторым сложностям, выражающееся в неправильном понимании, а именно о недопустимости смешанного соучастия в процессе. В связи с этим, предлагаем ввести также дополнительный союз «и»: «Иск может быть предъявлен в суд совместно несколькими истцами и (или) к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие)».

Подобное нововведение необходимо, так как оно усовершенствует институт процессуального соучастия.

Усовершенствование института процессуального соучастия в гражданском процессе необходимо, если оно окажет положительное влияние на эффективность и оптимизацию работы суда, вынесение единообразных и правильных решений по делу, а также на комфортное использование данного института участниками гражданского процесса.

Список литературы:

1. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб., 2005. С. 312,318
2. Исаенкова О.В., Демичев А.А. Гражданское процессуальное право России: учебник. М.: Норма, 2009. С. 90.
3. Нурбалаева А.М., Исмаилова С.И. К вопросу о процессуальном соучастии в гражданском процессе // Молодой ученый. – 2018. – № 23. – С. 106–108.

В. Р. Копылова

Тульский государственный университет
Институт права и управления
Россия, Тула

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые актуальные вопросы гражданского судопроизводства, связанные с правовым статусом заключения специалиста, а также сделаны выводы о том, что внесение соответствующих изменений в процессуальное законодательство позволит разрешить дискуссию относительно правовой сущности заключения специалиста в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: средство доказывания, специальные знания в гражданском судопроизводстве, внесудебное (досудебное) исследование, специалист, заключение специалиста.

V. R. Kopylova

Tula State University
Institute of Law and Management
Russia, Tula

CONCLUSION OF A SPECIALIST IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. The article discusses some topical issues of civil proceedings related to the legal status of the conclusion of specialist, and also concludes that the introduction of appropriate amendments to the procedural legislation will allow to resolve the discussion regarding the legal essence of the conclusion of specialist in civil proceedings.

Keywords: means of proof, special knowledge in civil proceedings, out-of-court (pre-trial) research, specialist, the conclusion of specialist.

Гражданское судопроизводство сопряжено с необходимостью получения и оценки доказательств, работа с которыми требует использования специальных знаний.

По мнению Т. В. Толстухиной, к специальным знаниям относятся «знания круга сведущих лиц в различных областях жизнедеятельности, состоящие из знаний, полученных в результате профессионального образования, а также умений, навыков и опыта, приобретенных в результате специальной подготовки и практической деятельности, необходимые для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию» [1, С. 36–37].

Специальные знания могут использоваться как при проведении судебной экспертизы, так и при внесудебном (досудебном) исследовании, которое проводится до возникновения процесса или вне его, не на основании определения суда, а по инициативе лиц, участвующих в деле, или их представителей. Особый интерес представляет последняя форма применения специальных знаний, поскольку документы, полученные в результате подобного исследования, носят название «заключение специалиста». Содержащаяся в них информация может обладать важным доказательственным значением, поэтому суды приобщают результаты заключений специалистов к материалам дела для последующей оценки.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) в ст. 184 и ст. 188 закрепил право суда привлечь специалиста к участию в деле в связи с получением и исследованием доказательств.

Однако стоит отметить, что, в отличие от других процессуальных кодексов, ГПК РФ не содержит дефиниции специалиста. В юридической доктрине некоторые ученые, занимающиеся данной проблематикой, в своих трудах акцентируют внимание на наличии у специалиста как участника гражданского судопроизводства необходимых профессиональных знаний, что сближает его с фигурой эксперта.

Кроме того, в числе средств доказывания, закрепленных в ст. 55 ГПК РФ, законодатель не называет заключение специалиста, что не может уменьшать значение его использования при рассмотрении и разрешении определенных категорий дел.

Актуальность проблемы использования в гражданском процессе заключения специалиста в настоящее время обусловле-

на противоречиями, связанными с оценкой правовой сущности заключения специалиста, необходимостью определения допустимых его пределов, процессуальной регламентацией формы, порядком назначения и представления данного доказательства.

На сегодняшний день можно констатировать отсутствие единства мнений по данному вопросу в гражданско-процессуальной доктрине, что вызывает серьезные дискуссии в научной среде. Данный факт обуславливает необходимость рассмотрения доказательственной природы заключения специалиста в гражданском судопроизводстве.

Н. И. Борискина придерживается мнения о том, что «единообразного подхода о доказательственном значении заключения специалиста не выработано, поскольку в ч. 1 ст. 55 ГПК РФ данное доказательство не закреплено, а поэтому может быть отклонено как недопустимое» [2, С. 38].

По данному вопросу неоднократно высказывался профессор С. А. Шейфер, отмечая, что «заключение специалиста не может быть вписано в систему доказательств, как сведения, полученные субъектом доказывания с соблюдением требований допустимости» [3, С. 6].

О невозможности отнесения заключений и показаний специалиста к разновидности средств доказывания в гражданском судопроизводстве также писали многие другие ученые, отмечая, что в настоящее время отнесение заключения специалиста к самостоятельному средству доказывания не имеет научного обоснования.

Противоположной позиции придерживается профессор И. Овсянников, утверждая, что «исследование объекта или явления, осуществляемое специалистом, по глубине, полноте и всесторонности может не уступать исследованию, проводимому экспертом или даже превосходить его» [4, С. 33].

В. В. Ярков признает исследовательский характер деятельности специалиста, которая не только предшествует деятельности эксперта, но и в некоторых случаях заменяет ее [5, С. 67].

А. Т. Боннер считает, что в гражданском судопроизводстве в качестве самостоятельного средства доказывания следует закрепить заключение специалиста [6, С. 470].

Анализ материалов судебной практики показывает, что в настоящее время заключения специалистов, предоставляемые сторонами, находят широкое распространение при рассмотрении гражданских дел. В целом они признаются в качестве доказательств, о чем свидетельствуют многочисленные примеры: Суд кассационной инстанции отменил апелляционное определение и направил дело на новое апелляционное рассмотрение, поскольку суд ничем не обосновал свои выводы, не дав при этом никакой оценки представленному ответчиком заключению специалиста и не поставив на обсуждение вопрос о проведении судебной экспертизы (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 20-КГ19-5); Мировой судья Судебного участка № 180 Никулинского судебного района города Москвы указал, что не доверять представленному заключению специалиста, у суда не имеется, в установленном порядке заключение ответчиком не оспорено (Решение по делу № 02-0211/180/2017 от 22 июня 2017 г.); Мировой судья судебного участка № 2 Тутаевского судебного района Ярославской области отметил, что предоставленное заключение специалиста не вызывает у суда сомнений и является допустимым доказательством (Решение по делу № 2-395/2017 от 6 июля 2017 г.) и др.

Однако нередки случаи, когда суды при наличии в деле заключения специалиста не принимают его во внимание, поскольку, во-первых, в силу положений ст. 55 ГПК РФ, заключение специалиста не относится к числу доказательств по гражданскому делу, а, во-вторых, в соответствии с положениями ст. 188 ГПК РФ – носит консультативный характер (Апелляционное определение Московского городского суда от 06.12.2012 № 11-10369/2012).

А во-вторых, при отсутствии оснований для признания заключения специалиста недопустимым доказательством суды назначают экспертизу, принимая во внимание доводы сторон о том, что экспертное заключение как результат судебной экспертизы имеет преимущество ввиду предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (Решение Судебного участка № 1 Кузнецкого района г. Новокузнецка Кемеровской области по делу № 2-491/2017 от 26 июня 2017 г.).

Различные позиции как положений научной доктрины, так и материалов судебной практики по рассмотрению и разрешению споров в гражданском судопроизводстве объясняются отсутствием однозначной и четкой правовой регламентации, и, как следствие, в одних случаях заключение специалиста признается доказательством, а в других – не получает установленную законом оценку со стороны суда.

Таким образом, следует признать необходимость законодательного разрешения дискуссии относительно правовой сущности заключения специалиста в гражданском процессе. Проблемы в данной сфере могут быть разрешены в рамках действующей редакции ГПК РФ, при условии включения в перечень средств доказывания заключения специалиста и установления процессуальных требований к его форме и содержанию.

Список литературы:

1. Толстухина Т.В., Гуркин М.А. Использование специальных знаний при расследовании незаконного производства и обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3–2. С. 36–41.
2. Борискина Н.И. Заключение специалиста в гражданском судопроизводстве // Мировой судья. 2018. № 3. С. 37 – 40.
3. Шейфер С.А. Пути развития российского судопроизводства / С.А. Шейфер // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 29: [сборник статей] / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2005. Ч. 29. С. 3 – 8.
4. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 32 – 35.
5. Раскатова Н.Н. Судебно-почерковедческая экспертиза документов в гражданском процессе как форма использования специальных знаний: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 228 с.
6. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. – М.: Проспект, 2015. – 611 с.

УДК 347.9

Е. Е. Кочетова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТИЯ В СУДЕБНОМ ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИИ: НОВЕЛЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ

Аннотация. В статье рассмотрена возможность участия в судебном онлайн-заседании, проанализированы преимущества и недостатки такого участия, дальнейшие перспективы использования и распространения названной процедуры. Предложены пути совершенствования законодательства в указанной сфере путем внесения дополнений в действующее арбитражное процессуальное законодательство России.

Ключевые слова: онлайн-заседание, видеоконференцсвязь, веб-конференция, электронное правосудие, суд.

E. E. Kochetova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

OPPORTUNITY TO PARTICIPATE IN ONLINE COURT SESSION: NEWS IN THE ACTIVITIES OF ARBITRATION COURTS

Abstract. The article discusses the possibility of participating in an online court session, analyzes the advantages and disadvantages of such participation, further prospects for the use and dissemination of this procedure. The ways of improving the legislation in this area by making additions to the current arbitration procedural legislation of Russia are proposed.

Keywords: online meeting, video conferencing, web conferencing, e-justice, court.

Пандемия новой коронавирусной инфекции Covid-19 и ее последствия внесли определенные изменения в функционирование различных сфер, в том числе судебной системы РФ. Деятельность арбитражных судов была подвергнута новациям, поскольку суды были вынуждены в сложившихся условиях искать новые способы и возможности в целях своевременного осуществления правосудия. Ранее суды применяли формат проведения судебных заседаний путем использования систем видеоконференцсвязи (далее по тексту – ВКС). Новеллой в период пандемии стало участие в судебном заседании посредством использования систем веб-конференции (участие в судебном онлайн-заседании).

Так, в апреле 2020 года впервые в истории российского правосудия в Свердловской области состоялось онлайн-заседание суда в WhatsApp, а районный суд Нижегородской области вынес свое Постановление в видеочате WhatsApp. Наконец, 21 апреля 2020 года Верховный суд РФ (далее по тексту – ВС РФ) протестировал проведение заседаний в онлайн-режиме с веб-участием (технически онлайн-слушания обеспечивал российский производитель видеоконференцсвязи «Винтео»). Эти заседания ВС РФ транслировались в Youtube, что соответствовало принципу открытости судопроизводства, кроме того, была протестирована технология биометрической аутентификации участников онлайн-процесса по лицу и голосу, через их личные кабинеты на портале Госуслуг [1, С. 827].

Постановление Президиума ВС РФ, Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 года № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума ВС РФ, Президиума Совета судей РФ от 08 апреля 2020 года № 821» [2] в пункте 5 предоставило возможность арбитражным судам при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания по определенным делам (материалам), указанным в постановлении, проводить судебные заседания онлайн с помощью системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (веб-сайт: <https://kad.arbitr.ru/>).

Возможность участия в судебном онлайн-заседании содержит ряд преимуществ:

- при проведении судебного заседания путем использования систем ВКС необходимо участие другого суда, чего не требуется при проведении судебного заседания посредством использования систем веб-конференции;
- существенно сокращаются судебные издержки, так как отсутствует необходимость оплаты проезда представителя до местонахождения суда;
- рассмотрение дела не будет приостановлено в связи с болезнью участника процесса или его нахождения на карантине и другие.

Данная процедура имеет ряд недостатков:

- не исключено возникновение технических сбоев и неполадок;
- возможно отложение (перерыв) судебного заседания из-за проблем со связью, что дает широкую почву для злоупотреблений и затягивания процесса;
- не только судьи, но и другие участники процесса должны обладать первичными навыками пользования компьютером, соответствующими программами, а также наличием достаточных компетенций, знаний в области применения и использования информационных технологий и технических средств, что в определенной степени ограничивает доступность правосудия для некоторых участников процесса;
- на сегодняшний день не все арбитражные суды оборудованы технической возможностью проведения онлайн-заседаний [3];
- участники лишены возможности представлять видеозаписи и аудиозаписи, вещественные доказательства в силу специфики формата проведения заседания;
- установить зрительный контакт с судьей сложнее, чем при проведении судебного заседания в обычном формате и другие.

Правовое регулирование электронного правосудия представляется в настоящее время недоработанным, на законодательном уровне закреплены лишь упоминания о возможности реализации прав в электронном формате без описания процессуального механизма [4, С. 243].

Неизбежность цифровизации, в том числе и сферы правосудия, предполагает необходимость скорейшей выработки соответствующих рекомендаций и внесения изменений в процессуальные законы. В правовом государстве и обществе правосудие должно осуществляться по единым, понятным и цивилизованным правилам [5, С. 28].

Таким образом, действующее арбитражное процессуальное законодательство требует реформации. Статья 153.1 АПК РФ содержит положения, регламентирующие участие в судебном заседании путем использования систем ВКС. При этом, статья, закрепляющая нормы об участии в судебном онлайн-заседании, в АПК РФ отсутствует, что создает на практике определенные сложности при проведении подобного формата заседаний.

Учитывая положения Законопроекта № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» [6], предлагается внести изменения в действующий АПК РФ, добавив ст. 153.2 «Участие в судебном заседании путем использования систем веб-конференции» следующего содержания:

«1. Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем веб-конференции при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в арбитражных судах технической возможности осуществления веб-конференции (участие в судебном онлайн-заседании).

2. К участию в онлайн-заседании допускаются только пользователи с подтвержденными учетными записями Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), утвержденной Постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2011 № 977 «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме».

3. Для участия в судебном онлайн-заседании участники судопроизводства подают в суд ходатайство в электронном виде с приложением электронных образцов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия, не позднее, чем за три рабочих дня до даты проведения судебного заседания.

В ходатайстве должно быть указано, при помощи каких технических средств заявитель будет участвовать в судебном онлайн-заседании, номер телефона и адрес электронной почты заявителя ходатайства, адрес, по которому расположено используемое для участия в онлайн-заседании оборудование.

4. Ходатайство об участии в судебном онлайн-заседании рассматривается судом не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления.

5. В случае удовлетворения ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем веб-конференции арбитражный суд выносит Определение.

6. Арбитражный суд, рассматривающий дело, отказывает в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем веб-конференции в случаях, если:

1) отсутствует техническая возможность для участия в судебном заседании с использованием систем веб-конференции в арбитражном суде либо с использованием технического оборудования заявителя ходатайства;

2) ходатайство об участии в судебном заседании онлайн заявлено менее, чем за 3 рабочих дня до даты проведения судебного заседания;

3) гражданин или индивидуальный предприниматель не представил копию паспорта, представитель участвующего в деле лица – копии паспорта и (или) документа о наличии высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности и (или) документа, подтверждающего полномочия представителя;

4) в ходатайстве не указаны технические характеристики оборудования, которое планируется использовать для участия в онлайн-заседании и номер телефона заявителя ходатайства;

5) оборудование заявителя ходатайства не соответствует установленным техническим требованиям;

6) ранее удовлетворено ходатайство об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи;

7) разбирательство дела осуществляется в закрытом судебном заседании.

Арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении ходатайства об участии в судебном онлайн-заседании, если заявитель не обеспечил техническую возможность участия в ранее назначенном онлайн-заседании.»

Список литературы:

1. Трикоз Е. Н. Виртуальные границы юридической науки и новые возможности профессии в постпандемический период // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 821–829.

2. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 822. – URL: <https://vsrf.ru/files/28876/> (дата обращения: 11.11.2021).

3. МойАрбитр. Перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний. – URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (дата обращения: 11.11.2021).

4. Новикова К. С. Цифровые новации и элементы электронного правосудия в арбитражном судопроизводстве в период распространения коронавирусной инфекции // Образование и право. 2020. № 4. С. 240–244.

5. Апостолова Н. Н. Дистанционное судопроизводство // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 4. С. 27–31.

6. Законопроект № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 11.11.2021).

УДК 349.2

А. А. Кыр, С. В. Савинов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые направления развития цифровых технологий в арбитражном судопроизводстве. На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что внедрение в жизнь, реализация перспективных направлений развития на практике требует дальнейших исследований и апробации в рамках конкретного региона.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, информационные технологии, электронный сервис, автоматизация.

A. A. Kyr, S. V. Savinov

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

PROMISING DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ARBITRATION PROCESS

Abstract. In article discusses some areas of development of digital technologies in the arbitration proceedings. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the implementation of promising areas of development in practice requires further research and testing within a specific region.

Keywords: arbitration proceedings, information technology, electronic service, automation.

В нынешних реалиях нашей жизни цифровые технологии занимают особое место, поскольку они были внедрены во все сферы, включая и судебную систему. Арбитражные суды в данном вопросе всегда являлись первооткрывателями, так как в них впервые начали применяться специальные програм-

мы и разрабатываться различные сервисы. Например, к ним можно отнести сервис «Мой Арбитр». На данный момент существуют информационно-телекоммуникационные системы, которые позволяют уменьшить загруженность судов, обеспечить соблюдение дистанцирования в условиях пандемии, сократить судебные издержки и временные расходы для участников процесса.

Для определения направлений развития следует обратиться к опыту зарубежных стран. Так, например, в Китае судопроизводство полностью реализуется с помощью электронных технологий. Процесс разрешения спора делится на несколько этапов. На подготовительной стадии происходит создание учётной записи участников посредством введения персональных и биометрических данных. Кроме того, пользователи соглашаются с положением, что все действия производимы от их имени считаются в дальнейшем их собственными. На стадии подачи заявления истец выбирает бланк из уже готовых, заполняет размер исковых требований, после чего система автоматически выводит сумму государственной пошлины. К заявлению прилагаются доказательства в электронной форме, подтверждающие доводы истца. Кроме того, также можно прибегнуть и к процедуре медиации в этой же системе. Посредника, имеющего соответствующее образование, можно выбрать из списка лиц, зарегистрированных на данной платформе. На последнем этапе происходит непосредственное рассмотрение дела. После рассмотрения заявления, его соответствия закону, судья принимает решение о принятии или непринятии иска. В случае его принятия, стороны получают электронное уведомление о времени судебного заседания, осуществляют вход на платформу, где в режиме реального времени осуществляется разбирательство. По итогам рассмотрения выносится судебное решение, размещаемое на платформе. В современном мире Китай возводит собственные тенденции технологического прогресса, и сфера правосудия не стала исключением [1, С. 140].

Для того чтобы перенять опыт Китая, необходимо расширение возможностей в области информационных технологий, а именно: увеличение функций сервиса «Мой Арбитр», введение типовых шаблонов исковых заявлений и возражений, создание способности аутентификации и идентификации участников арбитражного судопроизводства, добавление функции «помощь медиатора», внедрение частичной автоматизации рассмотрения дел приказного производства и некоторых элементов электронного правосудия в исковое производство [2, С. 243].

Одним из направлений развития электронного сервиса является введение шаблонных бланков, позволяющих выбрать тип заявления и сумму иска, даже при отсутствии должной компетенции в юриспруденции. Для этого надо будет создать инструкцию по заполнению и отправке заявлений. Шаблоны, в первую очередь, помогут облегчить работу суда и сделать ведение статистики автономным процессом. Помимо этого, готовые формы будут способствовать эффективному автоматическому разрешению споров, потому что анализ на основе искусственного интеллекта станет проще [3].

Для того, чтобы не было ситуаций, связанных с взломом личного кабинета участника, необходимо ввести двухфакторную аутентификацию по паролю и паспорту и идентификацию по голосу и лицу. Благодаря этому система станет безопасной и сможет гарантировать сохранность персональных данных.

На сегодняшний день на любой стадии арбитражного процесса можно прибегнуть к помощи организации, оказывающей услуги по примирению сторон, или определённого медиатора. Для того, чтобы облегчить поиск медиатора, необходимо создать опцию в системе «Мой Арбитр», позволяющую медиаторам зарегистрироваться с указанием образования, рекомендаций и отзывов, чтобы участники процесса могли сами выбрать посредника. Следствием чего явилось бы доверительное отношение сторон к медиатору [4].

В последнее время увеличилась нагрузка на судей арбитражных судов из-за большого количества дел, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства. Попытки снизить нагрузку на одного судью вызывают затруднения, свя-

занные с распределением и передачей дел в другие судебные участки, которые требуют больших временных затрат. Мы предлагаем перевести рассмотрение дел приказного производства в автоматизированный режим, для этого нам помогут ранее упомянутые нами шаблоны заявлений и возражений сторон [5, С. 60]. Конечно же, не будем забывать о судебном контроле, поскольку искусственному интеллекту не будет хватать человеческого фактора. Также можно ввести некоторые элементы электронного правосудия в исковое производство, а именно подачу заявления и встречного иска через интернет, электронное уведомление о продвижении заявления, о принятых решениях, о времени проведения судебного заседания в режиме онлайн и т.д., наряду с письменным уведомлением, а также направление исполнительного листа истцу, что позволит избежать бумажной волокиты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «электронное правосудие» на сегодняшний день стало неотъемлемой частью судебной системы. Как основу для дальнейшего внедрения информационных технологий можно взять пример Китая, в котором явно отслеживается эффективность автоматизированной работы судов. Однако не стоит забывать о том, что работа в электронной платформе вызывает необходимость решения ряда проблем: нормативное закрепление, технические ошибки, квалификация работников суда, утечка информации в результате кибератак, оценка доказательств, гарантии соблюдения прав участников процесса и т.д. Следует сказать, что внедрение в жизнь, реализация перспективных направлений развития на практике требует дальнейших исследований и возможной апробации в рамках конкретного региона.

Список литературы:

1. Журкина О.В., Максименко Е.И. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 6А. С. 138–143.
2. Мигаль И.Н. Некоторые перспективные направления развития цифровых технологий в арбитражном процессе / И.Н. Мигаль. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 43 (333). – С. 242–244.
3. Сенаторы Клишас и Русских вместе с Бюро адвокатов «Де-юре» предлагают радикально упростить доступ к видеоправосудию. – Текст: электронный // Право.ру: [сайт]. – URL: <https://pravo.ru/news/219927/> (дата обращения: 03.11.2021).
4. Использование медиации и других примирительных процедур. – Текст: электронный // faszso.arbitr.ru: [сайт]. – URL: <https://faszso.arbitr.ru/process/mediation> (дата обращения: 03.11.2021).
5. Маркина Е.В. Комплексная автоматизация приказного производства в ГАС РФ «Правосудие»/ Е.В. Маркина // Правовая информатика. – 2019 – № 2. – С. 57–68.

А. В. Лиходедова, М. С. Осьмушина
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов

РОЛЬ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. в течение всего периода становления адвокатуры ее роль в государстве и системе органов государственной власти была особой. Невозможно представить систему правосудия без адвокатуры. Также в статье освещены некоторые проблемы, связанные с участием адвоката в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: адвокат, полномочия, доверенность, защита, Закон об адвокатуре.

A. V. Likhodedova, M. S. Osmushina
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

THE ROLE OF THE LAWYER'S PARTICIPATION IN THE ARBITRATION PROCESS

Abstract. During the entire period of the formation of the bar, its role in the state and the system of state authorities was special. It is impossible to imagine a justice system without a bar. The article also highlights some of the problems associated with the participation of a lawyer in arbitration proceedings.

Keywords: lawyer, powers, power of attorney, protection, Law on advocacy.

На сегодняшний день адвокатура призвана выступать в роли гаранта соблюдения субъективных прав граждан и организаций в арбитражном судопроизводстве. Чаще всего спорящими сторонами становятся юридические лица или граждане, со статусом индивидуальных предпринимателей, а также коммерческие организации. Невыполнение обязательств партнеров заставляет субъекты хозяйственных отношений решать конфликты в зале суда. Оказание юридической помощи адвоката – ключевой принцип права на справедливый суд.

Причины возникновения разногласий, приводящих к арбитражным спорам, различны – недобросовестное поведение контрагентов, нарушение обязательств, недостатки и пробелы в правовом регулировании, низкий уровень юридической техники, приводящий к нечеткому формулированию прав и обязанностей, несогласие с решениями и действиями надзорных органов и т.д.

Особенность адвоката не только в его статусе, но и в направлениях деятельности, которые он выбирает. Зачастую недостаточно простых юридических знаний, так как придется разбираться и в других отраслях для того, чтобы полностью и комплексно защитить, и отстоять интересы своего клиента в соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации [1].

Так же защита прав в арбитражном суде участников таких споров прямо предусмотрена главой 6 Арбитражного процессуального кодекса (далее-АПК), регулирующая особые правоотношения между лицом, участвующим в деле, и представителем (субъект особой специализации, который занимается исключительно процессами по хозяйственным спорам между юридическими лицами, обладает знаниями относительно всех процессуальных моментов, тонкостей и обходных путей) [2].

В соответствии с п.1 ст.2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокат – это юрист с особым статусом, имеющий высшее юридическое образование в вузе с государственной аккредитацией или ученую степень по юридической специальности, отработавший минимум два года или прошедший годовую стажировку в адвокатской фирме. Он является независимым профессиональным советником по правовым вопросам [3].

Услуги адвоката по арбитражным делам включают в себя: консультирование клиента; составление возражений, отзыва или претензии; ведение переговоров с оппонентом спора; изучение и подготовка документации для суда: заявления, ходатайства, иска; подача искового судебного заявления; анализ ситуации с тщательным разбором документации, выслушивание аргументов клиента; поиск возможных путей мирного разрешения спора; выступление от имени лица в суде; обжалование судебных постановлений в апелляционном, кассационном или надзорном порядке; исполнительное производство, для осуществления принятого судебного решения.

Данный перечень не является исчерпывающим. Адвокат как сторона по делу имеет право пользоваться иными полномочиями, предусмотренными законодательством.

Качествами, которыми должен он обладать по арбитражным делам, чтобы удачно представлять интересы клиента, являются: способность правильно, с соблюдением всех процессуальных тонкостей, вести все нужные переговоры; умение добиваться быстрее решения спора, по возможности, в несудебном порядке; уверенно отстаивать права клиента в арбитраже.

Во многих случаях арбитраж длится годами, и часто только высокая квалификация адвоката позволяет в оперативном порядке урегулировать разногласия сторон, не ввязываясь в судебное разбирательство.

В обязанности входят: соблюдать адвокатскую тайну, т.е. не разглашать сведения, ставшие ему известными в ходе оказания юридической помощи по делу; не вправе принимать поручение на представительство, если в исходе дела имеется его личная заинтересованность либо в деле участвуют его родственники; не может принимать поручение, если оно определенно имеет незаконный характер; не вправе отказаться от принятого поручения и др.

Деятельность адвоката руководствуется следующими основными принципами: законность, независимость, корпоративность, равноправия, самоуправления адвокатуры.

Произнесение речи адвоката – яркая часть процесса. Она должна быть строгой, логичной, юридически обоснованной, при этом не казаться черствой и невыразительной.

Главная задача – убедить суд в обоснованности требований и возражений своего подопечного. Судьи, как и все люди, воспринимают субъективно. Это означает, что если речь монотонна и скучна, то судья может не услышать, а если мимика, жесты и поза противоречат всему сказанному, скорее всего, это вызовет недоверие к его словам. Поэтому важен не только текст, но и как он озвучивается, включая мимику, жестикуляцию, интонацию и прочее.

Полномочия адвоката должны оформляться в соответствии с федеральным законом. Возможно оформление адвокатских полномочий с помощью ордера; доверенности; адвокатского удостоверения для подтверждения квалификации.

Соглашение об оказании юридической помощи не имеет значения для удостоверения полномочий адвоката и служит только для регулирования взаимоотношений адвоката и доверителя.

Арбитражный суд не допускает к участию в деле адвоката, не имеющего надлежащим образом оформленной доверенности на представление интересов доверителя, даже при наличии ордера.

Доверенность на ведение дела дает право совершать любые процессуальные действия стороны по делу.

Что касается формы доверенности, то она требует нотариального удостоверения только в случае оформления от имени физического лица. Юридические лица и индивидуальные предприниматели вправе удостоверить такую доверенность подписью руководителя/ИП и печатью. Если у предпринимателя нет печати, он оформляет адвокату нотариально удостоверенную доверенность.

Так же к адвокату могут обращаться иностранные лица, которые хотят выиграть спор в арбитражном процессе. Так к адвокату обратилась организация из КНР – производитель и поставщик дорогостоящего промышленного оборудования. Российская организация, являющаяся покупателем оборудования, обратилась в Арбитражный суд Тюменской области

с иском о замене поставленного оборудования, т.к. по мнению истца оно не отвечало целям его приобретения.

Перед адвокатом была поставлена задача по прекращению производства по данному делу. По итогу, он доказал отсутствие факта исполнения контракта на территории РФ, а также опираясь на международные соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, была доказана необходимость и целесообразность рассмотрения спора соответствующим третейским судом на территории КНР. Производство по делу было прекращено.

В последнее время неоднократно вставал вопрос о введении адвокатской монополии на арбитражное представительство. При этом мы понимаем желание, в частности, судей ввести такую монополию, поскольку отсутствие зачастую недостаток опыта у представителя является причиной затягивания дел. Кроме того, очевидно, что в случае, если участие в арбитражном процессе станет обязательным с привлечением арбитражных адвокатов, то силы сторон будут уравнены. На сегодняшний день сторона, чьи интересы представляет квалифицированный адвокат, изучивший опыт судов и судебную практику, имеет заведомое преимущество.

Гражданин, как минимум, может быть уверен, что имеет дело с человеком, который обязан в силу закона оказывать именно квалифицированную юридическую помощь, а в случае, если адвокат недобросовестно относится к исполнению поручения, то можно пожаловаться на него в соответствующую адвокатскую палату [4, С. 217].

Лебедев С.К. полагает, что рассмотрение дела в арбитражном суде может длиться очень долго. Одна из причин – ошибки, которые допускают в ходе судебного процесса даже специалисты. А адвокаты точно знают, как не допустить таких ошибок, экономя тем самым время и деньги человека.

По мнению Алехиной О.М. профессионализм адвоката в арбитражном процессе определяет квалификацию, обусловлен навыком анализа материальных и нормативных особенностей конкретного судебного спора и в особенностях самого процесса при рассмотрении экономических споров.

Таким образом, роль адвоката в арбитражном процессе осуществляется нормами закона и рядом статей АПК РФ. В суде, органах государственной власти, органах местного самоуправления, часто возникают ситуации, которые не поддаются осмыслению и пониманию, соответствует ли такое поведение положениям закона, в данном случае лучше положится на твердое плечо адвоката по арбитражным делам, с целью принятия наиболее выигрышного и благоприятного решения и гарантией профессиональной защиты.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002. № 30. ст. 3012.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Лубьев Ю. Ф. Адвокатура в России: Учебник. 2-е изд. М.: Профобразование, 2002. 340 с.

УДК 347

С. В. Лемехов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург*

ПЕРЕГОВОРЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ДОСУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы досудебного разрешения трудовых споров. Автор изучает положения внутригосударственного и международного права, анализирует доктринальные позиции и материалы правоприменительной практики. На основании изучения указанных источников формулируются соответствующие выводы о необходимости института переговоров как средства досудебного разрешения трудовых споров.

Ключевые слова: трудовые споры, переговоры, досудебное разрешение споров, гражданский процесс.

S. V. Lemekhov

*Saint-Petersburg law institute (branch) of University of the Office
of the Prosecutor of the Russian Federation
Russia, Saint-Petersburg*

NEGOTIATIONS AS A PROSPECTIVE METHOD FOR PRIORIAL LABOR DISPUTE RESOLUTION

Abstract. The article analyzes the actual problems of pre-trial regulation of labor disputes. The author studies the provisions of domestic and international law, analyzes the doctrinal positions and materials of law enforcement practice. Based on the study of these sources, the author formulates the appropriate conclusions about the need for the institution of pre-trial resolution of labor disputes in the form of negotiations.

Keywords: labor disputes, negotiations, pre-trial resolution, civil procedure.

Разрешение трудовых споров на современном этапе развития судебной системы занимает значительную долю среди всех рассмотренных категорий гражданских дел.

Так, в 2020 году суды рассмотрели 230 000 трудовых споров, рассказал глава Верховного суда Вячеслав Лебедев в ходе выступления на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов 9 февраля 2021 года [6].

Бесспорно, что приведенные в докладе Председателя ВС РФ данные о количестве рассмотренных судами трудовых споров позволяют говорить о высокой нагрузке по разрешению анализируемой категории гражданских дел.

На сегодняшний день существует гипотеза, что смягчить нагрузку на судебную систему может установление обязательной процедуры досудебного разрешения индивидуальных трудовых споров. Среди наиболее перспективного средства выделяются переговоры.

Несмотря на динамичное развитие науки о конфликтах в последнее десятилетие, практическое применение примирительных процедур и ведение результативных переговоров встречаются редко. Конфликтующие стороны не прибегают к услугам специалистов конфликтологов, предпочитая доводить конфликты до острых форм противостояния и в этих условиях выработать компромиссы. В стране пока не сложилась инфраструктура организаций, профессионально занимающихся урегулированием коллективных трудовых споров и социально-трудовых конфликтов. По справедливому заключению В.А. Ванина, большой опыт по снижению негативных последствий социально-трудовых конфликтов, накопленный за рубежом за длительный период существования рыночных отношений, в том числе на уровне международных организаций, должен найти более широкое применение в практике отношений профсоюзов, работодателей и органов власти [3].

В настоящее время, как замечает Е. А. Мурзина, трудовое законодательство не предусматривает в качестве обязательного условия урегулирования возникших разногласий между работником и работодателем проведение переговоров. Вместе

с тем ТК РФ не содержит и запрета на то, чтобы в качестве одного из условий в содержании трудового договора может быть указано на необходимость проведения переговоров в случае возникновения разногласий [4, с.133].

Отметим, что А.А. Сафирова, анализируя положения рекомендации МОТ № 130, рассматривает следующее решение проблем, связанных с регламентацией переговоров в качестве в том числе досудебного разрешения трудовых споров. С этой целью необходимо:

1) Закрепить переговоры как способ разрешения трудовых разногласий и предотвращения возникновения трудовых споров;

2) Подробно регламентировать порядок ведения переговоров, установив предельный 10-тидневный срок рассмотрения обращения работника к работодателю при возникновении трудового разногласия [5, с.86].

Согласно части 2 ст. 385 ТК РФ индивидуальный трудовой спор рассматривается КТС, если работник самостоятельно или с участием своего представителя не урегулировал разногласия при непосредственных переговорах с работодателем [2]. Тем не менее, на сегодняшний день аналогичная процедура не зафиксирована при обращении в суд с целью разрешения трудового спора.

В соответствии со ст. 153.4 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее ГПК РФ), в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором, переговоры проводятся в обязательном порядке [1].

Исходя из содержания указанной нормы гражданского процессуального законодательства, в ТК РФ допустимо внести изменения, которые будут направлены непосредственно на регламентацию обязательного проведения переговоров при разрешении трудовых споров.

По нашему мнению, в ст. 391 ТК РФ следует внести изменения в следующей редакции: «Проведение переговоров является обязательным средством урегулирования трудовых споров. Работник обладает правом обратиться в суд только в случае, если переговоры прошли безрезультатно либо в случаях, когда работодатель проигнорировал инициативу работника по досудебному урегулированию индивидуального трудового спора».

В свою очередь, в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» целесообразно изложить пункт следующего содержания: «Судам следует обращать внимание на соблюдение работником обязательных досудебных процедур урегулирования индивидуальных трудовых споров работником. В случаях если работник не инициировал досудебное разрешение трудовых споров, но обратился в суд с целью разрешения индивидуального трудового спора судам следует возвращать исковое заявление в соответствии с п.1 ч.1 ст. 135 ГПК РФ».

Указанные изменения, с нашей точки зрения, окажут позитивное воздействие на реализацию основополагающих начал трудового права и гражданского судопроизводства. Во-первых, предполагаемые новеллы уменьшат нагрузку на органы, осуществляющие правосудие по гражданским делам. Во-вторых, процесс разрешения индивидуального трудового спора, в случае если стороны смогут найти компромисс, будет неминуемо ускорен. В-третьих, примирительные процедуры в виде переговоров на досудебной стадии разрешения индивидуального трудового спора, в отличие от судебного разбирательства, характеризуются минимальными финансовыми потерями для сторон дела. В-четвертых, переговоры позволяют сторонам разрешить спор мирным путем и в случае их успешного окончания сохранить приемлемые взаимоотношения, которые могут ухудшиться при судебном разрешении спора.

В заключение необходимо отметить, что переговоры являются допустимым этапом разрешения индивидуального трудового спора, способствующим снижению нагрузки на судебную систему. На сегодняшний день переговоры признаются возможным способом разрешения индивидуального трудового спора, но до сих пор не являются обязательными. После регламентации переговоров в качестве обязательного этапа досудебного разрешения трудовых споров суды смогут возвращать исковые заявления в соответствии с п.1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ. В перспективе досудебное разрешение трудовых споров неминуемо может

стать основным способом защиты и восстановления трудовых прав. К тому же, досудебное регулирование индивидуальных трудовых споров является общемировой тенденцией, которую разделяет Рекомендация МОТ № 130.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 31 окт. 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 31 окт. 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Ванин В.А. Переговоры как эффективный способ урегулирования трудовых конфликтов // E-Scio. 2019. № 7 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peregovory-kak-effektivnyy-sposob-uregulirovaniya-trudovyyh-konfliktov> (дата обращения: 05.09.2021).
4. Мурзина Е.А. Совершенствование судопроизводства по делам об индивидуальных трудовых спорах // 10 лет судам общей юрисдикции Забайкальского края. Новеллы процессуального и судостроительного законодательства. – 2019. – С. 131–134.
5. Сафирова А.А. Защита трудовых прав работников федеральной инспекцией труда: монография. – Москва: проспект, 2017. – 144 с.
6. В 2020 году суды рассмотрели 230 тыс. трудовых споров. 97 % требований о зарплате удовлетворили. – Текст: электронный // Журнал «Директор по персоналу»: [сайт]. – URL: <https://www.hr-director.ru/news/71164-v-2020-godu-sudy-rassmotreli-230-tys-trudovyyh-sporov-97-trebovaniy-o-zarplate-udovletvorili> (дата обращения: 05.09.2021).

УДК 347.949

А. В. Михеева

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Высшая школа государственного аудита
Россия, Москва*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О РАСПРЕДЕЛЕНИИ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА

Аннотация. Статья посвящена исследованию института субсидиарной ответственности при (несостоятельности) банкротстве компании-юридического лица. Автор исследует положения российского законодательства о банкротстве, изучает судебную практику, выделяет наметившиеся тенденции в российском праве. Отдельная часть статьи посвящена бремени доказывания добросовестности и разумности контролирующего должника лица.

Ключевые слова: контролирующее должника лицо, банкротство, субсидиарная ответственность, юридическое лицо, бремя доказывания.

A. V. Mikheeva

*Lomonosov Moscow State University
Higher School of State Audit
Russia, Moscow*

NEW APPROACHES TO THE ISSUE OF BURDEN OF PROOF THE CONTROLLING PERSON'S GOOD FAITH AND COMMERCIAL REASONABLENESS

Abstract. The article is devoted to the study of the institution of secondary liability in the bankruptcy of a legal entity. The author analyzes the provisions of the Russian legislation on bankruptcy, studies court practice related to imposing a secondary liability, and highlights emerging trends in Russian law. A separate part of the article is devoted to the issue of the burden of proof of the controlling person's good faith and commercial reasonableness.

Keywords: controlling person, bankruptcy, secondary liability, legal entity, burden of proof.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц является одним из наиболее действенных правовых инструментов для восстановления нарушенных прав кредиторов должника. Не секрет, что в настоящее время далеко не всегда кредиторы в деле о банкротстве могут получить удовлетворение заявленных требований из имущественной массы должника в силу незначительности такой имущественной массы, особенно при наличии признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. В таком случае субсидиарная ответственность лица, способного оказывать влияние на принимаемые должником решения, которые и могли стать причиной банкротства, зачастую является единственным способом для кредитора восстановить свои имущественные права.

Следовательно, вопрос субсидиарной ответственности, включающий в себя проблему толкования и практику применения правовых норм, был и остается актуальным для научного исследования. Периодические изменения законодательства и судебной практики по указанному вопросу ежегодно становятся предметом научных дискуссий теоретиков права и практикующих юристов. Как отмечает И. С. Шиткина, «динамичность изменений норм об ответственности контролирующих лиц в процессе банкротства вызывает удивление даже у выдавших виды и привыкших к турбулентности российского законодательства специалистов» [8, С. 18]. По мнению В. Г. Голубцова, многочисленные изменения законодательных подходов и судебной практики по вопросу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц приводят к тому, что «научная доктрина не всегда успевает отслеживать и своевременно анализировать преобразования этого содержательно сложного правового института» [7, С. 250].

Важно отметить, что последнее существенное изменение законодательного регулирования по вопросу субсидиарной ответственности произошло в 2017 году. Именно тогда на смену статьи 10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве), регулирующей ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве, пришла отдельная глава в Законе о банкротстве, посвященная аналогичному вопросу [2]. И. С. Шиткина отмечает, что «смысл понятия контролирующего лица был сохранен, однако в его определении обозначились существенные изменения, направленные на усиление ответственности контролирующих лиц» [8, С. 19]. Вследствие принятия Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и соответствующих изменений, внесенных в Закон о банкротстве, был расширен перечень возможных контролирующих должника лиц, появилась возможность признать лицо контролирующим должника в судебном порядке по иным основаниям, был ужесточен подход к исчислению срока фактического контроля деятельности должника [1].

Отражением всех наиболее значимых новелл 2017 года о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее ПП ВС № 53). Самостоятельный раздел указанного ПП ВС № 53 посвящен субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов [4]. Пунктом 16 ПП ВС № 53 определены действия (бездействия) контролирующего лица, приведшие к невозможности погашения требований кредиторов. Таковыми являются действия (бездействие), которые явились необходимой причиной банкротства должника, то есть те, без которых объективное банкротство не наступило бы.

В то же время отечественными судами на протяжении последних лет был выработан перечень критериев, совокупность которых дает основания говорить о наличии причинно-следственной связи между поведением ответчиков

(контролирующих должника лиц) и возникновением признаков банкротства компании. Таковыми критериями являются:

1) наличие у ответчика возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника

2) реализация ответчиком соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов

последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника;

3) ответчик является инициатором (соучастником) такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших, в связи с этим негативных последствий [6].

Таким образом, недостаточно выявить факт одобрения контролирующим должника лицом убыточной для подконтрольной ему компании сделки. Необходимо также оценить масштабы указанной сделки, а также убедиться, что контролирующее лицо получило при этом некую выгоду либо даже инициировало подобную сделку.

Важно отметить, что по общему правилу, установленному п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, предполагается, что пока не доказано иное, полное погашение требований кредиторов невозможно именно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, то есть действует презумпция вины контролирующего должника лица. Это означает, что бремя доказывания обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела, возлагается на контролирующее должника лицо.

В свете принятого совсем недавно Определения судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.10.2021 по делу № А40-252160/2015 о банкротстве ПАО АКБ «Балтика» (далее – Определение) были существенно изменены критерии добросовестности ответчика в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц [5]. Указанное Определение посвящено вопросу субсидиарной ответственности члена Совета директоров банка и члена Правления банка. Указанным сотрудникам вменялось подписание по доверенности кредитных договоров с техническими компаниями, не ведущими реальной хозяйственной деятельности, без надлежащей проверки заемщиков и без ликвидного обеспечения.

В рассматриваемом деле ВС РФ встал на сторону контролирующих должника лиц и выработал позицию, согласно которой ответчик вправе ссылаться на правило о защите делового решения. Так, «совершение (одобрение) сделки на основании положительного заключения (рекомендации) профильного подразделения банка предполагает, что действия ответчика не отклонялись от стандартов разумности и добросовестности, обычно применяемых в этой сфере деятельности. Тогда как на истце лежит бремя опровержения названной презумпции». Подобная позиция имеет важное преюдициальное значение, поскольку закрепляет «переложение» бремени доказывания с ответчика на истца и ограничивает презумпцию вины контролирующего должника лица.

Следовательно, в организациях со сложной корпоративной структурой и в кредитных организациях, в частности, привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц имеет свои особенности. В указанном случае субсидиарная ответственность ограничена правилом о защите делового решения. Привлечение к подобной ответственности контролирующего должника лица возможно только при доказывании истцом очевидной для кредиторов крайней невыгодности совершаемой сделки, либо осведомленности ответчика о нарушении принципов объективности при подготовке профильным подразделением заключения по указанной сделке.

Подобная судебная практика позволяет контролирующим должника лицам полностью полагаться на решения профильных подразделений компаний, не опасаясь привлечения к субсидиарной ответственности за одобрение убыточных для компании сделок. Тем не менее, существует угроза, при которой контролирующие должника лица смогут легально уходить от подобной ответственности даже при наличии вины в силу сложности доказывания недобросовестности указанных лиц.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Российская газета», № 172, 04.08.2017
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, № 43, ст. 4190

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Российская газета», № 297, 29.12.2017

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.10.2021 по делу № А40-252160/2015. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.11.2021).

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2020 по делу № А56-26451/2016. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.11.2021).

7. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 248–273.

8. Шиткина И. С. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Журнал «Закон» № 8 август 2017. С. 18–33.

9. Официальный сайт ООО «Пепеляев Групп». URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/vs-gf-opredelil-novye-kriterii-subsidiarnoy-otvetstvennosti/#1> (дата обращения 08.11.2021).

УДК 349.2

В. А. Муравлева, Т. С. Трофимович

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Аннотация. Статья посвящена применению медиации как альтернативному способу разрешения споров в гражданском и арбитражном процессе. Медиация имеет преимущество перед судебным разбирательством, так как проводится в более короткий срок.

Ключевые слова: медиация, разрешение споров, гражданский процесс, арбитражный процесс, альтернативный способ.

V. A. Muravleva, T. S. Trofimovich

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

MEDIATION AS AN ALTERNATIVE WAY TO RESOLVE DISPUTES

Abstract. The article is devoted to the use of mediation as an alternative method of dispute resolution in civil and arbitration proceedings. Mediation has an advantage over judicial proceedings, as it is carried out in a shorter period.

Keywords: mediation, dispute resolution, civil procedure, arbitration process, alternative method.

Процедура применения медиации как альтернативный способ разрешения споров в российском праве применяется не так давно. Конституция РФ предусматривает в части 2 статьи 45, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1]. При разрешении споров суды общей юрисдикции и арбитражные суды принимают меры для примирения сторон предусмотренные ч. 1 ст. 153.5 Гражданско-процессуального кодекса РФ [2] и ч. 1 ст. 138.4 Арбитражно-процессуального кодекса [3].

Под медиацией необходимо понимать альтернативный способ разрешения споров при помощи медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [4].

Процедура медиации основывается на следующих принципах: добровольность, равенство сторон, конфиденциальность

и беспристрастность медиатора. Соблюдая данные принципы, процедура медиации будет проведена более успешно и конфликтующие стороны смогут договориться [5, С 30].

У медиации как способа разрешения конфликтов имеется несколько преимуществ перед судебным разбирательством.

Процедура медиации, с помощью которой стороны разрешают свой спор, проводится в более короткий срок, чем судебное разбирательство, которое затягивается в большинстве случаев на длительное время. Кроме того, заинтересованность всех участников данного процесса в скорейшем урегулировании конфликта позволяет избежать наибольших затрат, в отличие от того же судебного процесса, на юридическое сопровождение которого требуется расходовать гораздо больше средств.

Немаловажное значение имеет самостоятельность участников процесса в выборе места, времени и порядка проведения процедуры. Кроме того, стороны могут определять личность самого медиатора, который окажет помощь им в разрешении конфликта. Медиатор обязан руководить процессом, оказывать помощь в обсуждении, сглаживать конфликты и предотвращать их возникновение, помогать в сборе сведений и оценке рисков.

Стороны при разрешении конфликта в большинстве случаев хотя, чтобы их данные оставались в тайне. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» содержит гарантии конфиденциальности всей информации, которая относится к процедуре медиации [6].

Еще одним преимуществом медиации является то, что данной процедурой не ставится цель определить, кто прав, а кто виноват, поскольку основное ее предназначение заключается в том, чтобы найти взаимовыгодные варианты урегулирования конфликта.

В соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 198-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.40 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур», истцу при заключении мирового соглашения, а также при отказе от иска или признании ответчиком иска, в том числе по результатам проведения процедуры примирения, будет возвращаться часть госпошлины [7]. Такое новшество в значительной степени сокращает судебные расходы граждан.

Процедура медиации предоставляет возможность урегулировать конфликт мирным путем. Спокойная обстановка, в которой осуществляется разрешение спора, дает сторонам достичь обоюдного согласия по интересующим их вопросам. Таким образом, в результате использования данной процедуры в значительной степени уменьшается риск принятия неблагоприятного решения для одного из участников процесса, что не редкость в судебном разбирательстве.

Применение института медиации позволяет разгрузить суды и снизить нагрузку на судей.

Но не смотря на преимущества применения процедуры медиации, в Российской Федерации стороны редко самостоятельно обращаются к данной процедуре. Изучение практики показывает, что зачастую судьи, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, не разъясняют право на обращение сторон к медиатору.

Также одной из причин редкого применения данного института является отсутствие нормативно закреплённых стадий, этапов и сроков проведения процедуры медиации.

Одной из проблем применения данного института является и то, что нет необходимых помещений, в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, для проведения процедуры медиации.

Тем не менее, государством предпринимаются меры, чтобы процедура медиации могла эффективно выполнять свои функции, как в рамках судебной системы в целом, так и гражданском и арбитражном процессе в частности. Так, например, Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внес изменение в пункт 5 статьи 12 Закона о медиации, по которому впредь для получения исполнительного документа не нужно обращаться в суд. В силу этого, участники могут обратиться непосредственно к медиатору и вместе с ним разработать текст медиативного соглашения, после чего удостоверить его у нотариуса. Если одна из сторон не выполнит усло-

вия данного документа, то другая может прибегнуть к помощи работников федерального органа принудительного исполнения [8]. Эти изменения помогли не только устранить существующую ранее проблему нарушения договоренностей участниками, но и снизили нагрузку на суды.

Таким образом, процедура медиации имеет преимущества как в гражданском, так и арбитражном процессе, так как у участников возникает реальная возможность урегулировать конфликт на взаимовыгодных условиях. Развитие и распространение данного альтернативного способа разрешения спора в нашем государстве позволит не только разгрузить судебную систему, но и будет способствовать совершенствованию гражданского общества и повышению правовой культуры населения.

Кроме того, выяснилось, что в медиации как альтернативном способе урегулирования спора имеется несколько значительных преимуществ перед судебным разбирательством. При этом существуют и некоторые проблемы, которые препятствуют успешному функционированию данной процедуры в рамках гражданского и арбитражного процесса. Для их решения необходимо проводить просветительскую работу населения, также следует внести в законодательство Российской Федерации специальные нормы, регулирующие институт медиации.

Список литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. От 22.07.2021) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2010, № 31, ст. 4162.
5. Азарнова А. Н. Медиация: искусство примерять. Технология посредничества в урегулировании конфликтов – М, Инфотропик Медиа, 2015 – С. 288.
6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2010, № 31, ст. 4162.
7. Федеральный закон от 26.07.2019 № 198-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.40 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2019, № 30, ст. 4100.
8. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2019, № 30, ст. 4099.

УДК 347

С. А. Онипенко

*Московский университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
Россия, Москва*

ЛИЧНОЕ СТРАХОВАНИЕ

Аннотация. В статье проанализирован рынок страхования жизни и здоровья в России, установлены основные тенденции его развития. Был проведен анализ видов договора личного страхования. Выделены проблемы, связанные с реализацией договора личного страхования.

Ключевые слова: страхование, добровольное, обязательное, жизнь, здоровье, COVID-19, договор личного страхования.

S. A. Onipenko

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
Russia, Moscow*

PERSONAL INSURANCE

Abstract: The article analyzes the life and health insurance market in Russia, identifies the main trends in its development. An analysis of the types of personal insurance contract was carried out. The problems associated with the implementation of the personal insurance contract are highlighted.

Keywords: insurance, voluntary, compulsory, life, health, COVID-19, personal insurance contract.

В условиях пандемии COVID-19, сложной политической, социальной и экономической обстановки, которая сложилась в мире и в России, особая роль отводится обеспечению защиты человека от потерь не только в имущественном, но и личном плане. Поэтому страхование приобретает особую роль в жизни человека и общества, так как позволяет обеспечить защиту жизни и здоровья граждан. Об этом свидетельствуют показания статистики заключения полисов о страховании жизни, выплаченных премий по договорам личного страхования, что отражено в таблице.

Динамика рынка страхования жизни и здоровья в России 2018 – 2020 г [4].

Таблица 1

	Премии, всего, млрд руб.	Темпы роста, %	Доля в общем объеме, %	Количество заключенных полисов, тыс.	Темпы роста, %
2018	90,5	–	6	1187	–
2019	91,8	–1,4	6	1278	–1,8
2020	94,5	3	6,2	1362	7

Из таблицы следует, что в 2020 г. отмечаются темпы роста выплаченных премий по договорам личного страхования, на +3%, в то время как в 2019 г. отмечался спад данного показателя. Доля личного страхования на рынке страхования также увеличилась с 6% до 6,2. Следует отметить, что и увеличилось количество полисов, заключенных на основании договора личного страхования в 2020 г. на +7%, хотя годом ранее отмечалось сокращение количества заключенных полисов, связанных с личным страхованием жизни и здоровья. Таким образом, в России личное страхование занимает важное место рынке страховых услуг.

Договор личного страхования регулирует общественно-правовые отношения, возникающие между страховщиком и страхователем в рамках реализации личного страхования. Правовое регулирование договора личного страхования осуществляется положениями главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также рядом отраслевых законов, которые регулируют отдельные виды личного страхования.

Следует отметить, что личное страхование отличается видовой разнообразием и связано, с огромным количеством социальных явлений и ситуаций, наличием социальных групп и т.п.

В зависимости от желания страхователя заключить договор личного страхования выделяют [1, с. 195]:

1. Добровольное личное страхование, которое состоит в том, что страхователь сам определяет, нужно ли ему страховать жизнь и здоровье или нет. В этом случае он ограничен только положениями договора страхования и законом.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволило выделить следующие договоры личного страхования, которые регулируют:

- личное страхование, направленное на защиту интересов пациентов;
- личное страхование спортсменов;
- личное страхование туристов;
- личное страхование несовершеннолетних;
- личное страхование пожилых людей;
- личное страхование лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы.

2. Обязательное личное страхование, которое заключается в том, что страхователь обязан заключить договор личного страхования в виду наличия угрозы, опасности его жизни и здоровью, а также в том случае, если законодатель или профессиональные стандарты обязывают гражданина заключить данный договор. В качестве видов данного вида личного страхования выступают:

- страхование военнослужащих, а также тех лиц, которые по своему профессиональному и правовому статусу приравнены к ним;
- страхование судей, должностных лиц контролирующих и правоохранительных органов;
- страхование лиц, которые осуществляют деятельность, связанную с повышенным риском;
- страхование жизни и здоровья пациентов.

Проблемами личного страхования являются:

1. Увеличение количества заключенных договоров личного страхования связано в первую очередь с распространением болезни COVID-19. В то же время отмечаются проблемы, связанные с содержанием договоров личного страхования, в частности определения случаев наступления страховых случаев. Так, Сбербанк России указал на недопустимость указание на то, что заболевание коронавирусом, наличие пандемии COVID-19 является одним из видов форс-мажора, а поэтому освобождает страховщика от выплаты страховой премии. Складывается абсурдная ситуация, когда договор добровольного личного страхования заключается в целях восполнения потерь человека от заболевания COVID-19, который в свою очередь выступает в качестве одного из видов форс-мажора. Получается, что страхователь находится в безвыходном положении и заключает договор, который ни при каких условиях не будет выполнен.

Другая проблема заключения договора личного страхования связана с тем, что страховщики присылают страхователям новый договор, где указывают, в качестве форс-мажора – пандемию коронавирусной инфекции и все последствия, связанные с ней. При этом не ясно, какие именно последствия имеет в виду страхователь, так как ни на договорном, ни на законодательном уровнях они не определены.

Для решения данной проблемы необходимо на законодательном уровне определить особенности личного страхования с учетом пандемии COVID-19.

2. Неопределенность наступления страхового случая. В качестве предмета личного страхования выступает сам человек, а страховой случай наступает в том случае, если жизни и здоровью человека был причинен вред, который был оговорен либо в договоре, либо указан в законодательстве. Следовательно, наступление страхового случая, а следовательно, и исполнение договора личного страхования, является смерть или причинение вреда здоровью. Если определение факта наступления страхового случая, в случае смерти страхователя, не вызывает особых проблем при реализации личного страхования, то другая ситуация складывается при определении вреда, причиненного здоровью страхователя. Поэтому следует выделить следующие проблемы:

- неопределенность понятия термина «здоровье» в рамках определения его страховой защиты. В законодательстве понятие «здоровье» в контексте охраны здоровья граждан, т.е. в качестве отсутствия заболевания либо расстройства функций органов и систем организма. Однако, подобный подход допустим

в сфере здравоохранения, а не гражданско-правовой, которая регулирует вопросы личного страхования;

– не ясность характеристики и определения наличия причинно-следственной связи между ухудшением здоровья и предметом страховой защиты [3, с. 113]. Например, должным образом не урегулированы вопросы взаимосвязи ухудшения здоровья спортсмена и профессиональное занятие спортом.

Для решения указанных проблем, необходимо конкретизировать понятие «здоровье» и регламентировать особенности определения причинно-следственной связи между ухудшением здоровья и предметом страховой защиты.

Таким образом, доля личного страхования на рынке страхования имеет тенденцию к увеличению, так как выступает в качестве эффективной антикризисной мерой. Вместе с тем, существуют проблемы регулирования договора личного страхования, которые связаны с распространением COVID-19 и определением вреда, причиненного здоровью страхователя. Решение указанных проблем, позволит повысить эффективность реализации договора личного страхования.

Список литературы:

1. Белов В.А. Гражданское право. Том 1. Общая часть. – М.: Издательство Юрайт, 2021. С. 195.
2. Домичева В.В. Банкротство как институт регулирования рыночных процессов. – Петрозаводск: Издательство ПетГу, 2019.
3. Суханов С.В. Злоупотребления кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) // Современный юрист. 2021. № 1 (34). С. 105–113.
4. Важнейшие экономические показатели в России и отдельных зарубежных стран [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/31.htm
5. Финансы организаций [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11192?print=1>

УДК 347.9

А. А. Павлуцкая, К. А. Алёшина
*УФ «Российский государственный университет правосудия»
Россия, Челябинск*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Данное исследование посвящено актуальному анализу гражданского процессуального законодательства двух стран романо-германской правовой системы: России и Италии. Проведено изучение источников гражданского судопроизводства данных стран. Рассмотрены основные законы двух стран – Конституция РФ и Италии, а именно общие положения о законе и принципах судостроительства, содержащиеся в них. Наибольшее внимание авторы уделяют кодексам России и Италии, регулирующим гражданское судопроизводство.

Ключевые слова: источники, гражданского процессуального права Италии, России, система судов, способы обжалования судебных актов.

A. A. Pavlutskaya, K. A. Alyoshina
*UV «Russian State University of Justice»
Russia, Chelyabinsk*

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND ITALIAN CIVIL PROCEDURE LEGISLATION

Abstract. This study is devoted to the actual analysis of the civil procedural legislation of two countries of the Romano-German legal system: Russia and Italy. The authors conducted a study of the sources of civil proceedings in these countries. The main laws of the two countries – the Constitution of the Russian Federation and the Constitution of Italy, namely the general provisions on the law and the principles of the judicial system contained in them, are

considered. The authors pay the greatest attention to the codes of Russia and Italy regulating civil proceedings.

Keywords: sources, civil procedural law of Italy, Russia, the system of courts, ways of appealing judicial acts.

Текущая правовая система Италии сформировалась в процессе объединения отдельных субъектов (королевств, герцогств, самоуправляющихся областей и городов) в единое независимое государство. Результатом такого объединения стала переработка правовых систем отдельных земель Италии в общенациональное право на основе рецепции французского законодательства.

Правовой системе Италии присуще как наличие основных принципов права, закрепленных теорией государства и права, так и наличие особенностей, сформированных под воздействием итальянской культуры и обычаев. В результате рецепции, правовая система Франции, основанная на римском праве, была адаптирована к особенностям итальянской культуры [5, С. 889].

В первую очередь необходимо отметить, что Россия и Италия относятся к странам одной правовой семьи – романо-германской. Это означает, что право данных стран априори схоже между собой, однако будет ошибочно утверждать, что оно не имеет различий вовсе. В связи с этим, цель нашего исследования заключается в том, чтобы не только подчеркнуть сходство в гражданском процессуальном праве двух стран, но и обозначить их различия.

Начать наш анализ мы хотели бы с перечисления основных источников российского гражданско-процессуального права, они закреплены ст. 1 ГПК РФ. К ним относятся Конституция РФ (в качестве основного закона государства), ФКЗ «О судебной системе РФ», ГПК РФ и принимаемые в соответствии с ними другие федеральные законы [6]. Что касается Италии, нормативными актами, регулирующими итальянский гражданский процесс, являются Конституция и ГПК Италии. В этом заключается первое сходство.

Конституция РФ принята 12 декабря 1993 года, и она закрепляет основные положения, на основании которых в России осуществляется судебная власть. Согласно Конституции:

1. «Государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [2, С. 18];

2. «Правосудие в РФ осуществляется только судом» [2, С. 54];

3. «Судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону» [2, С. 54–55];

Итальянская Конституция также является основным законом Италии. Она принята в 1947 году, в ней закреплены все базовые принципы, на котором строится законодательство всей страны. Внимание требует раздел, в котором идет речь о судебной системе Италии. Так, например, в Конституции Италии сказано следующее:

1. «Судебная власть представляет собой одну из ветвей власти, являющуюся автономной и независимой от всех других властей» – из данного принципа видно, что Италия, как современному правовому государству, присуще разделение властей [1, С. 24];

2. «Правосудие осуществляется от имени народа. Судьи подчиняются только закону» – данным принципом закреплена независимость судебной власти. [1, С. 21];

Кроме того, Конституции обеих стран запрещают создание чрезвычайных судов и учреждение должностей чрезвычайных судей. Это и позволяет сделать вывод о сходстве основных положений двух Конституций, в частности о сходстве норм, касающихся судебной власти.

Что касается ГПК Италии, он подробно раскрывает как базовые принципы гражданского процесса страны, так и нюансы, характерные каждой категории дел. Следует заметить, что ГПК Италии содержит в себе гораздо больше отличий от ГПК России, чем сравненные нами ранее Конституции. Несомненно, нужно упомянуть о различиях в структуре: ГПК РФ делится на разделы, которые в свою очередь разделяются на главы, в то время как ГПК Италии поделен на книги, которые делятся на разделы.

Рассмотрим базовые начала судопроизводства. В первую очередь необходимо отметить, что законодательство обеих стран предусматривает институт мировых судей, что снова говорит нам об их сходстве. Требуется внимания вопрос об определении судебных инстанций. Так, к примеру, в Италии предусмо-

тено всего три судебные инстанции: первая, апелляционная и кассационная. В России же, помимо данных трех инстанций существует и четвертая – надзор.

Что касается видов итоговых решений, принятых судами в результате гражданского судопроизводства, то в обеих странах такими являются приказы, определения и решения.

Далее необходимо упомянуть о способах обжалования судебных актов в Италии. Их пять:

Регулирование компетенции – данный способ определяет, каким судьей должно быть рассмотрено конкретное гражданское дело.

Ревизия – по своей сути является пересмотром несправедливого решения суда. В ГПК дан исчерпывающий перечень случаев, когда решение может быть пересмотрено, ими являются:

1) если к принятию решения привели обманные действия одной из сторон;

2) решение основано на подложных доказательствах;

3) после принятия решения обнаружены документы, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела;

4) обнаружена ошибка в установлении фактических обстоятельств дела.

Апелляция – в апелляционный суд обращаются в результате несогласия одной из сторон с первоначально принятым не в ее пользу решением. Объектами обжалования в данном случае являются все решения суда первой инстанции, за исключением тех, для которых апелляция не предусмотрена законом.

Кассация – данная инстанция является последней, заступаю в данном суде принимаются решения не по существу спора, а по вопросу толкования закона [3]. Кассация в Италии возможна как по отношению к суду, так и по отношению к средству правовой защиты.

Оппозиция третьих лиц – способ обжалования, при котором лицо, не являющееся участником гражданского процесса, имеет право выступить против законной силы решения, принятого в данном процессе. Оппозиция третьих лиц является чрезвычайным способом обжалования. Она подается в тот суд, в котором было принято оспариваемое решение.

Кроме того, в Италии в отношении некоторых категорий гражданских дел имеется обязательная процедура медиации, согласно которой, сторона, прежде чем обратиться в суд, обязана попытаться урегулировать вопрос мирным путем с помощью медиатора, то есть посредника. Если же решение медиатора не удовлетворит одну из сторон, она имеет право обратиться в суд [4, С. 55–53].

В России, обязательная процедура медиации в нем отсутствует. ГПК РФ говорит о праве сторон урегулировать спор путем проведения процедуры медиации.

Таким образом, основные положения источников гражданского судопроизводства Италии и России достаточно схожи между собой, особенно в части базовых норм. Однако, несомненно, в регулировании гражданского процессуального права каждой страны имеется своя специфика. На основании рассмотренных нами законов, можно сделать вывод, что существенным образом различаются способы обжалования судебных решений, наличие инстанций. Помимо этого, Итальянское законодательство отличается наличием обязательной процедуры медиации по некоторым категориям гражданских дел, а в Российском законодательстве данная процедура является правом сторон и не носит обязательного характера.

Список литературы:

1. Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 года // URL: <https://www.senato.it/istituzione/29375/articolato.htm>
2. Конституция Российской Федерации (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
3. Закон Италии «О судостроительстве» // Одобренный королевским декретом от 30 января 1941. № 12 / URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=92>
4. Загайнова С.К., Чудиновская Н.А., Шереметова Г.С. Обязательная медиация в Италии: проблемы реализации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 56–62.
5. Мухаев П.Т. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров / П. Т. Мухаев. – 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2019. 1006 с. / URL: <https://urait.ru/bcode/426005>

М. Р. Петухова

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Россия, Москва*

ЭСКРОУ-СЧЕТ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Статья посвящена правовой сущности договора счета эскроу, как нового способа обеспечения исполнения обязательств. Новеллизация гражданского законодательства в части обязательственного права порождает ряд дискуссионных коллизий, требующих теоретического осмысления. На основе нормативно-правового регулирования договора счета эскроу анализируется понятие, признаки, субъекты, назначение и правовая характеристика договора счета эскроу.

Ключевые слова: договор счета эскроу, доверительная сделка, депонент, бенефициар, эскроу – агент, обеспечение исполнения обязательств.

M. R. Petukhova

*Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya,
Russia, Moscow*

ESCROW ACCOUNT AS A NEW WAY OF ENFORCING OBLIGATIONS

Abstract. This article considers the legal essence of escrow account agreement as a new method of securing the performance of obligations. The innovation of the civil legislation in the part of the law of obligations gives rise to a number of disputable conflicts which require theoretical consideration. On the basis of the legal regulation of escrow account agreement the concept, characteristics, subjects, purpose and legal characteristics of escrow account agreement is analyzed.

Keywords: escrow account agreement, trust transaction, depositor, beneficiary, escrow agent, enforcement.

Договор счета эскроу, как один из наиболее ярких примеров новеллизации гражданской реформы, был введен в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21 декабря 2013 г. № 379 – ФЗ. Вместе с тем в доктрине гражданского права до сих пор остаются неразрешенными вопросы, касающиеся, в первую очередь, правовой сущности договора счета эскроу и основных элементов, характеризующих договор счета эскроу, как нового способа обеспечения обязательств [2, с. 410].

Анализируя нормативно – правовое регулирование исследуемого договора, следует отметить, что законодатель относит нормы, посвященные договору счета эскроу, к разделу «Банковский счет». Как отмечают многие цивилисты, счет эскроу – это разновидность банковского счета, обособление денежных средств на котором позволяет эффективно применять на практике механизм «эскроу» [1, с. 67–69]. Особенность счета эскроу в том, что положения, регулирующие договор счета эскроу, являются универсальными. По содержанию ст. 860.7 ГК РФ к сторонам правоотношений, вытекающим из договора счета эскроу, применяются общие нормы о банковском счете, и в то же время – нормы договора эскроу (условного депонирования) [2, с. 410]. Таким образом, диспозитивность гражданско-правовых норм позволяет применять к регулированию договору счета эскроу одновременно несколько норм.

В соответствии со ст. 860.7 ГК РФ по договору счета эскроу банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу. Договор счета эскроу – это, в первую очередь, соглашение между эскроу – агентом, открывающим счет эскроу и обеспечивающим на нем сохран-

ность денежных средств; депонентом, перечисляющего указанную денежную сумму на счет эскроу для ее последующей передачи выгодоприобретателю; и бенефициаром, получающим депонированные эскроу – агентом денежные средства при выполнении заранее согласованных условий или при наступлении определенных обстоятельств.

Следовательно, субъектами по договору счета эскроу являются эскроу – агент, депонент и бенефициар, при этом законодатель допускает участие как физических, так и юридических лиц [2, с. 410].

Предметом договора счета эскроу являются денежные средства, которые размещены на открываемом эскроу – агентом счете, и в дальнейшем подлежат передаче бенефициару при выполнении им встречных обязательств либо наступлении определенных сторонами условий. Законом определено, что права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств другому лицу, а после указанной даты – бенефициару. Следовательно, условием передачи денежных средств депонентом бенефициару является наличие выполненных сторонами условий договора либо возникновение предусмотренных соглашением обстоятельств. Объектом договора счета эскроу является деятельность эскроу – агента по учету, блокированию и сохранности переданных на депонирование денежных средств. В целях осуществления надлежащего исполнения обязательств субъекты договора находят третье независимое лицо, которым является эскроу–агент, выполняющим основную функцию договора, заключающуюся в обеспечении взаимных обязательств депонента и бенефициара по договору счета эскроу.

По смыслу норм ст. 860.7 ГК РФ правоотношения, возникающие из договора счета эскроу, относят к договорным обязательствам, в силу которых должник в качестве депонента обязан внести на счет эскроу денежные средства, эскроу – агент обязан принять на депонирование денежные средства, хранящиеся на счете эскроу до возникновения предусмотренных договором счета эскроу оснований, а кредитор, именуемый по договору счета эскроу бенефициаром, обязан выполнить условия, предусмотренные договором в целях получения от эскроу – агента денежные средства [2, с. 410]. Таким образом, договор счета эскроу является трехсторонним, а значит предполагает трехсторонние обязательства, исполнение которых обеспечивается каждой из сторон, что позволяет субъектам гражданского права заключать договор счета эскроу, минуя при этом все предполагаемые риски [3, с. 3–8]. Отсюда следует, что значение договора счета эскроу раскрывается через его основную обеспечительную функцию – защиту имущественной сферы кредитора при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должником, что по итогу повышает вероятность наступления условий договора.

Договор счета эскроу следует рассматривать, в первую очередь, как обеспечительный механизм в договорных правоотношениях между депонентом и бенефициаром, как основными участниками эскроу-договора. Поэтому в этом смысле можно указать на обязательственно-обеспечительную природу договора счета эскроу, которая проявляется в следующем. Во-первых, договор счета эскроу обеспечивает доверительное отношение субъектов договора к предстоящей сделке, так как участники используют указанный способ при отсутствии уверенности в противоположной стороне. Это положение указывает на привлечение независимой третьей стороны по договору в качестве эскроу агента, который признается гарантом выполнения обязательств как депонента, так бенефициара. Выбирая счет эскроу в качестве способа обеспечения обязательств, стороны обязывают своих контрагентов следовать указанным в договоре условиям, и соответственно исполнять обязательства надлежащим образом [5, с. 1–10]. Во-вторых, обязательственно-обеспечительный характер эскроу-счета проявляется в безопасном хранении доверенного депонентом имущества, так как после открытия счета-эскроу денежные средства, принадлежащие депоненту, как владельцу счета, будут переданы бенефициару только по выполнении последним обязательств по договору, а до наступления обо-

значенных условий ни депонент, ни бенефициар не смогут ими воспользоваться в соответствии с нормой ст. 860.7. ГК РФ [2, с. 410]. В-третьих, указанные выше преимущества позволят сторонам договора счета эскроу ограничить имущественные потери и избежать высоких экономических финансовых рисков. Предполагается, что стороны с помощью указанного договора смогут при необходимости защитить свои имущественные права [3, с. 3–8].

Во вторую очередь, договор счета эскроу выступает как средство осуществления расчетов посредством открываемого эскроу – агентом счета

эскроу, на котором хранятся денежные средства до наступления определенных договором оснований. В этом отношении договор счета эскроу является финансовым инструментом, с помощью которого устанавливается специальный режим денежных средств, находящихся на счете эскроу [5, с. 1–10].

Анализируя характер и структуру юридического взаимодействия участников эскроу-отношений, можно сделать вывод, что договор счета эскроу – это доверительное многостороннее соглашение между депонентом, бенефициаром и эскроу-агентом, обеспечивающим надлежащее выполнение условий договора без имущественных потерь для депонента и бенефициара. Важным для исследования является положение о том, что рассматриваемый договор имеет двойственную правовую природу, которая, прежде всего, выражается в нормативно-правовом регулировании договора счета эскроу. Так, согласно действующему гражданскому законодательству, договор счета эскроу – это универсальный способ обеспечения исполнения обязательств, а также эффективный способ осуществления расчетов.

Список литературы:

1. *Василевская Л. Ю.* Договор счета эскроу: проблемы правовой квалификации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собр. законодательства РФ, 1996. № 5. С. 410.
3. *Долинская В. В.* Новеллы Гражданского кодекса РФ о финансовых сделках: обзор основных положений // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. № 6. С. 3–8.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть вторая (постатейный). 2-е издание/ под редакцией Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Сергеева А. П. и др. М.: Издательство Проспект, 2017. С. 245.
5. *Руденко Е. Ю.* Договор счета эскроу: перспективы применения отдельные правовые проблемы // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом, 2015. С. 1–10.
6. *Рузакова О. А., Степкин С. П.* Некоторые проблемы правового регулирования договорных отношений условного депонирования (эскроу) // Банковское право, 2018. № 2. С. 29–36.
7. *Эрделевский А. М.* О новых видах договоров банковского счета // СПС «Консультант Плюс», 2014.

УДК 34.05

А. Ю. Пискунова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ

Аннотация. в данной статье рассматривается роль свидетелей при рассмотрении и разрешении судебного дела. Затрагивается вопрос о способе и порядке допроса, а также правдивость показаний данных в ходе судебного разбирательства.

Ключевые слова: доказательства, доказывания, свидетели, свидетельский иммунитет, лжесвидетельства.

A. Y. Piskunova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PROBLEM OF ATTRACTING AND USING CERTIFICATE INDICATIONS AS EVIDENCE IN THE ARBITRAL COURT

Abstract. This article examines the role of witnesses in the consideration and resolution of a court case. The question of the method and procedure of interrogation is raised, as well as the veracity of the testimony of the data during the trial.

Keywords: evidence, proof, witnesses, witness immunity, perjury.

Для правильного рассмотрения и разрешения дела в суде имеет место такой институт, как доказывание. На протяжении многих лет субъекты обосновывают обстоятельства дела ссылаясь, но тот или иной вид доказательств. Именно на основании полученных доказательств арбитражный суд решает вопрос об удовлетворении, либо в отказе удовлетворения исковых требований.

Ни одно из приобщенных доказательств для суда не имеет заранее выигрышной позиции, все доказательства имеют равное положение. Особый интерес представляет собой показания свидетелей, используемые в качестве доказательств. В настоящее время законодательно установленного понятия свидетельские показания нет. Но всё больше учёных с соглашаются с определением, предложенным Молчановым В. В.: «Показания свидетеля – это устное сообщение юридически незаинтересованным лицом сведений об относимых к делу обстоятельствах, о которых оно осведомлено лично или из известных источников, полученных в установленном законом порядке [1, С. 432].

Такой вид доказательств, появился в российском арбитражном процессе только в 2002 году с принятием нового Арбитражного процессуального кодекса [2], и до настоящего времени арбитражные суды относятся к свидетельским показаниям с высокой долей недоверия, отдавая предпочтение письменным доказательствам. Трудности, связанные с недоверием к такому виду доказательств связан с тем, что показания не всегда могут подтверждать те факты, которые требуют использования письменных доказательств для своего установления.

Свидетельские показания должны содержать сведения имеющие значения для дела [3]. Но зачастую, те сведения, которые приходится слушать суду не представляют собой нужную информацию, они имеются, как сведения – суждения. Поэтому судам следует ограничивать информацию, имеющую значение для дела, от собственных суждений лица данных в ходе судебного разбирательства. Кроме того, законом установлен запрет на дачу показаний, основанных на слухах, лица всегда должны указывать лишь на ту информацию, свидетелем которой они стали [4]. Вся эта процедура по изобличению показаний может иметь длительный срок, а соответственно затягивать судебное разбирательство.

У.А. Равчук

*Московский университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва*

РАЗВИТИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Автор констатирует факт того, что в настоящее время защита прав личности достаточно развита по сравнению с более ранними временами. В силу того, что область защиты прав личности ранее была менее урегулирована правом, а в настоящий момент права и свободы граждан являются высшей ценностью государства.

Ключевые слова: защита, права и свободы, личность, государство, развитие.

U. A. Ravchuk

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
Russia, Moscow*DEVELOPMENT OF PROTECTION
OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS

Abstract: The author states the fact that at present the protection of individual rights is sufficiently developed compared to earlier times. Due to the fact that the area of protection of individual rights was previously less regulated by law, and at the moment the rights and freedoms of citizens are the highest value of the state.

Keywords: protection, rights and freedoms, personality, state, development.

Зарождение прав и свобод личности берут свое начало в политических и правовых учениях древности. Древнегреческие мыслители, такие как Ликофрон, Алкидам еще в V–IV в до н.э. отмечали, что все люди равны между собой и имеют неотчуждаемые естественные права [2, с.408]. К числу таких прав в первую очередь относилась свобода, рассматриваемая как высшая ценность человеческого бытия. Философ Цицерон был одним из первых деятелей, выделяющих естественное право, отметившим за человеком так же и право частной собственности. Стоит отметить, что осуществление политических прав личности в древние времена определялось как свобода волеизъявления личности, правоспособность которой определялась первоначально наличием гражданства. Таким образом, первой юридической формой защитой прав личности были неотчуждаемые права древнегреческих граждан.

Правовое положение человека в обществе и государстве в период средневековья были predeterminedены божьим законом. Права трактовались как привилегии, дарованные монархом подданным. Количество прав зависело от социального статуса граждан, и снижался по мере снижения иерархической лестницы. В период буржуазных революций XVII–XVIII веков происходит понятие идеи естественного права. Представителями естественно-правовой теории были Дж. Локк, Г. Гроций, Монтескье. В качестве главных они выделяли следующие права человека: право на жизнь, безопасность личности, свободу, частную собственность. Эти права выделялись как присущие человеку от рождения, даже если они не прописаны в законе и являлись неотъемлемыми, приоритетными, не зависели от формы устройства государства, религии, являлись высшей ценностью [4, С. 36]. Первым законодательным актом, закрепляющим права и свободы человека, была Декларация независимости США 1776 года. В ней было прописано, что все люди рождаются равными и с рождения наделены Творцом неотчуждаемыми правами, в том числе правами на жизнь, свободу, стремлением к счастью. Позднее в 1789 году во Французской декларации были официально зафиксированы гражданские и политические права граждан. Права человека представляют собой отношения, определяющие статус человека и гражданина в обществе и государстве, реализацию человеком своих возможностей и их границы, установленные государством, а также способы защиты и обеспечения этих прав. Выделяются три группы воплощения прав и свобод человека

Российское законодательство предусматривает такое понятие, как свидетельский иммунитет. Эта привилегия заключается в освобождении определённого круга лиц от дачи показаний. К таковым относятся: судья, священнослужители, депутаты Гос. думы и др. Значение свидетельского иммунитета заключается в том, что он способствует расширению прав свидетелей и повышает их правовую защищенность.

В процессе допроса свидетелей используются такие криминалистические приёмы, как основной и перекрёстный допрос. Отличие их состоит в том, что в ходе основного допроса лицо даёт показания по всем событиям в свободной форме, а в ходе перекрёстного лицо допрашивается по конкретной ситуации судом и другими лицами, участвующими в деле. Суду также предоставлено право участвовать в допросе свидетеля. При выявлении лжепоказаний перекрёстный допрос является эффективным способом борьбы. Постановка вопросов участниками, приведение аргументов, детализирование моментов, даёт возможность ввести лицо в тупик и обнаружить попытку дачи ложных показаний. На практике в ходе судебного разбирательства часто выясняется существенные противоречия показаний нескольких свидетелей. В связи с чем, становится актуальным предложение Смолиной Л.А. о введении в гражданский процесс института очной ставки свидетелей, что облегчит суду выбор правдивых свидетельских показаний [5, С. 225 – 229].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному можно сделать следующие выводы. Свидетельские показания не могут рассматриваться в качестве бесспорного доказательства (учитывается фактор ложных воспоминаний). Так же, умышленное лжесвидетельство, с целью личной заинтересованности лица, либо нахождения в близких отношениях с ответчиком. Ко всему прочему, стоит отметить, что свидетельские показания не имеют заранее выигрышной позиции для суда. Стоит обратить внимание судов на отказ от рассмотрения сведений – суждений (так как данные сведения основаны лишь на слухах, а не личной осведомлённости лица). А также, показания свидетелей не могут подменять письменные доказательства, для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Список литературы:

1. Молчанов В.В. Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. – М.: Изд. дом «Городец», 2010. 432 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46.
4. Определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 5-В09-113// СПС «Консультант- Плюс».
5. Смолина Л.А. Очная ставка в гражданском процессе. Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – 2017. – 352 с

и гражданина: социально-экономические, личные и политические. Социально-экономические права определяют положение личности в обществе и включают в себя право на труд и отдых, право собственности. Политические права и свободы включают в себя избирательное право, свободу слова, печати, мнения, создания союзов. Личные права принадлежат человеку с рождения и не зависят от принадлежности человека к определенному государству. В том числе это такие права, как право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, тайну переписки и свободу передвижения. В наше время защита прав и свобод личности признаются за человеком государством и закрепляются в Конституции РФ и других законах, в том числе и в Гражданском кодексе РФ. Права и свободы принадлежат человеку с рождения, вне зависимости от гражданства. Человек имеет право жить так, как он хочет. В частной жизни в первую очередь человек добивается достижения своих личных интересов. Всякое вмешательство в личную жизнь гражданина, а также сбор, хранение и распространение информации о его жизни без его согласия не допускается. Каждый человек имеет право на свободное передвижение, выбор места жительства внутри страны, а также граждане имеют право на свободный въезд и выезд из государства, если иное не предусмотрено законом (ст.27 Конституции РФ), граждане не могут быть выдворены из страны. В совсем недалеком прошлом это грубо попиралось. Место жительства было связано с возможностью прописаться в местном ОВД, а каждый факт выезда из страны тщательно проверялся. Граждан, в чем-то неудобных, могли выселить из страны без возможности вернуться обратно. Так было с Солженицыным, был лишен гражданства без возможности вернуться наш известнейший музыкант – Ростапович. Тайна переписки, телефонных разговоров и иных средств связи гарантируется законом (ст. 23 Конституции РФ). Ни один человек не имеет права читать чужие письма, прослушивать телефонные разговоры. Этим правом наделены только государственные служащие и строго в порядке, определенном законом. Конституция закрепляет за каждым право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своего доброго имени. Еще в советские времена государство регулировало личную жизнь граждан. Например, в СССР существовал налог на бездетность, когда каждый бездетный гражданин от 20 до 45 лет платил налог в размере 6 процентов от зарплаты. Так же были запрещены браки между советскими гражданами и иностранцами.

Подводя итог к вышесказанному, проанализировав развитие прав и свобод граждан, можно сделать вывод, что в настоящее время на территории Российской Федерации полностью защищены все права и свободы людей, и люди – действительно высшая ценность государства.

Список литературы:

1. Бурмистрова С.А. Система форм защиты правых интересов // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 110–118.
2. Степин А.Б. Механизмы защиты гражданских прав // Гражданское право. 2020. № 6. С. 16–17.
3. Михайлова Е.В. Урегулирование споров в системе защиты гражданских прав // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 28–29.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021)
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021)

УДК 347.9

Р. Р. Сафина, А. А. Старовойтова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ КАК НАРУШЕНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В данной статье проведен анализ принципа гласности гражданского процесса, рассмотрена его сущность, а также особенности и сегодняшнюю ситуацию относительно ее реализации в РФ. Изучили отдельные положения Конституции РФ, ГПК РФ, ППВС РФ от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», мнения ЕСПЧ. Рассмотрели вопрос о случаях необходимости проведения закрытых судебных разбирательств, и возможности судебной защиты своих прав и свобод.

Ключевые слова: Конституция РФ, принцип гласности, частная жизнь, ЕСПЧ, медицинская тайна, закрытый гражданский процесс, судебная защита.

R. R. Safina, A. A. Starovoiitova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

PRINCIPLE OF PUBLICITY AS A VIOLATION OF PERSONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF PARTICIPANTS IN THE CIVIL PROCESS

Abstract. This article analyzes the principle of publicity of the civil process, examines its essence, as well as features and the current situation regarding its implementation in the Russian Federation. We studied certain provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the PPVS of the Russian Federation of 13.12.2012 № 35 "On openness and transparency of legal proceedings and on access to information on the activities of courts", the views of the ECHR. We considered the issue of cases of the need for closed court proceedings, and the possibility of judicial protection of their rights and freedoms.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the principle of publicity, private life, the ECHR, medical secrecy, a closed civil procedure, judicial protection.

Принцип гласности находит свое закрепление в ч.1 ст.123 Конституции РФ в следующем виде: «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом» [4]. Данный принцип имеет конституционную основу, что подтверждает о его особой значимости. Вследствие чего, он опубликован в ст.10 ГПК РФ [1].

Прежде всего, необходимо разграничивать два принципа гражданского процесса такие, как гласность и открытость, имеющие значительные различия. Гласность гражданского судопроизводства подразумевает возможность любого лица, не участвующего в рассмотрении дела, присутствовать в зале судебного заседания при разбирательстве конкретного дела, за исключением случаев, когда осуществляется закрытое судебное заседание. Открытость же, в свою очередь, характеризуется свободой доступа к информации, полученной по результатам судебного разбирательства.

Целесообразность разграничения данных принципов отражается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», в котором говорится, что гласность судопроизводства обеспечивается возможностью присутствия в открытом судебном заседании лиц, не являющихся участниками процесса, представителей редакций СМИ (журналистов) [5]. Таким образом, юридическая природа относительно закрепления данных принципов в процессуальном законодательстве не должна подвергаться сомнениям, поскольку ответ на этот вопрос разработан не только в науке, но и подтвержден высшим судебным органом РФ.

Несмотря на то, что принцип гласности подробно урегулирован ГПК РФ, разъяснён Пленумом Верховного Суда РФ, проблема реализации на практике всё-таки имеет место быть.

Одной из главных проблем является невозможность чёткого определения частной и публичной жизни: какая информация подлежит к распространению среди неопределенного круга лиц, а какая нет? Разъяснения по данному поводу также имеются в законодательстве, в частности, в ГПК РФ [1]. Законодатель предоставляет суду право, а в некоторых случаях обязанность, проводить гражданский процесс в закрытом режиме. Этот случай урегулирован нормами ст. 10 вышеупомянутого кодекса. В первую очередь, это касается дел в отношении несовершеннолетних, кем бы они ни являлись – потерпевшими или подсудимыми. К тайне относятся и судебное разбирательство, связанное с преступлением против половой неприкосновенности. В закрытом режиме проводятся судебные разбирательства, связанные с усыновлениями, удочерениями. Нельзя открыто исследовать доказательства, связанные с медицинской тайной или семейной жизни. Предположим, при разрешении гражданского дела о защите чести и достоинства возникает необходимость исследовать определенный медицинский документ о состоянии здоровья одной из сторон, следовательно, суд, мотивировав свое решение, вправе провести закрытый процесс в этой части. Европейская конвенция по правам человека предоставляет суду право провести закрытое судебное разбирательство и в других случаях, если этого требуют интересы правосудия. В рамках медицинской тайны можно рассмотреть жалобу на закрытое судебное заседание в Конституционный Суд РФ. Ответчик по гражданскому делу настаивал на закрытом заседании в силу охраны медицинской тайны, а истец был против, мотивировав это тем, что подлежит к рассмотрению не план и методы лечения его дочери, а действия медицинских работников, а именно: недопущение родителей к ребенку в последний день её жизни, изъятие органов без оповещения родственников, нарушение инструкции об изъятии органов, а также нарушение права собственности на органы. Рассмотрение это дела также было полностью закрыто от журналистов. Заявители настаивают, что сложившаяся судебная практика применения положений ст. 10 и 199 ГПК приводит к нарушению права сторон процесса на справедливый суд и права на свободу слова. Они приводят позицию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который утверждает, что интересы пациента и всего общества в целом по защите тайны медицинских сведений могут уступить по своей значимости интересам расследования и наказания преступлений и обеспечения гласности судопроизводства, если доказано, что такие интересы имеют более существенное значение [2]. Итак, можно прийти к выводу, что законодатель необходимо урегулировать вопрос о том, какие дела должны рассматриваться в закрытом заседании, а какие могут быть таковыми по решению суда. Если не предусмотреть данный вопрос, может возникнуть факт злоупотребления своими полномочиями судом. Поскольку случаи, когда необходимо провести закрытое судебное заседание, могут возникнуть и при разбирательстве дел, связанных с семейными конфликтами или разводом, потому что причинами распада семьи могут послужить обстоятельства, не подлежащие публичному обсуждению.

Из вышесказанного возникает следующий вопрос: может ли участник гражданского процесса отказаться от публичного освещения своего противоправного деяния по причине того, что это нарушает его права и интересы? В этом случае законодатель объясняет следующим образом: только судья по делу вправе принимать решение о использовании фото и видеосъемки, учитывая, будут ли нарушены права участников процесса. Что касается информации, полученной в зале судебного заседания сотрудниками СМИ, иными участниками процесса, данный вопрос регламентирован Конституцией РФ, предусматривающей право гражданина на тайну его личной жизни, охраны честного имени и изображения [4]. Значит, без его согласия ни фото, ни видео материалы не могут быть использованы в публикациях и на экранах. Поэтому в зале судебного заседания участники процесса не имеют право отказаться от съемки, а журналисты не вправе распространять информацию исходя из правил журналистской этики [3]. В данном случае, если гражданин откажется от распространения информации, приоритет отдаётся частной жизни. Если неприкосновенность частной жизни будет

нарушена, то лицо вправе обратиться за защитой своего честного имени, за отстаиванием своей чести и достоинства, а также поставить вопрос об ответственности, в том числе материальной ответственности редакции, которая допустила такие публикации. Следовательно, если граждане, присутствующие на судебном заседании, но не участвующие в нём, допустили распространение полученной информации, то предоставляется возможность защитить свои права в судебном порядке.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать несколько выводов. Во-первых, необходимо урегулировать норму, определяющую как обязанность суда разрешать гражданское дело в закрытом судебном заседании, так и случаи, когда он может это делать по собственному усмотрению. Во-вторых, при решении вопроса о форме судебного заседания, суду необходимо ставить в приоритет частную жизнь человека, так как она охраняется Конституцией РФ. В-третьих, в случае нарушения личных прав, свобод и интересов участников процесса, они имеют право на восстановления нарушенных прав в судебном порядке.

Список литературы:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. ст. 4532; 2021. № 27 (Часть 1). Ст.5071.
2. Ведомости. В Конституционный суд пожаловались на закрытые судебные заседания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/11/29/667304-konstitutsionnii-sud-zakritie-zasedaniya> (дата обращения: 27.10.2021)
3. Кодекс профессиональной этики журналиста. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901854413> (дата обращения 27.10.2021)
4. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // «Российская газета», № 292, 19.12.2012

УДК 347

С. Ю. Селиверова

*Московский университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Россия, Москва*

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЛИЦА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Аннотация. автор констатирует факт того, что на сегодняшний день государство Российской Федерации защищает честь, достоинство и деловую репутацию граждан и юридических лиц в тех случаях, когда они нарушены. Обеспечивает им необходимую защиту, а также восстановление нарушенных прав и интересов, различными способами, которые не противоречат закону.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, личность, моральный вред, защита, иск, СМИ, интернет.

S. Y. Seliverova

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot
Russia, Moscow*

PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF A PERSON UNDER CIVIL LAW

Abstract: the author states the fact that today the state of the Russian Federation protects the honor, dignity and business reputation of citizens and legal entities in cases where they are violated. Provides them with the necessary protection, as well as the restoration of violated rights and interests, in various ways that do not contradict the law.

Keywords: honor, dignity, business reputation, personality, moral harm, defense, lawsuit, media, Internet.

В ст. 150 ГК РФ установлены нематериальные блага личности. Среди поименованных в этой норме особое значение имеют такие категории (правовые институты) как честь, достоинство и деловая репутация.

На сегодняшний день нормы ГК РФ не раскрывают их существенного понятия, что формирует в науке гражданского права и в правоприменении весьма разные их трактовки.

В любом случае, судебная защита чести и достоинства – правовое и легитимное средство, позволяющее обеспечить чистоту репутации личности. Анализируя исковую форму защиты чести и достоинства важно понимать, кто имеет право им воспользоваться, каким образом подается иск, какие к нему требования. Знание этих аспектов поможет добиться победы в разбирательстве.

Действующие нормативные акты дают право на защиту со стороны государства. Не имеет значения, ни пол, ни национальность, ни служебное положение, ни иной фактор, который позволял бы отнять это право или, наоборот, сделать его приоритетным перед правами других людей. Конституция и законы подчеркивают равенство всех перед законом.

Иск о защите чести и достоинства подается по довольно понятным основаниям. Но что представляют собой эти объекты с точки зрения закона? Точного определения в нормативных актах не дано, и юристы в большей степени опираются на понимание, выработанное судебной практикой. В частности, в разъяснениях данных высшим судом страны.

Честь – это оценка качеств личности с точки зрения нравственных норм, принятых в обществе. Достоинство представляется как оценка собственной личности, осознание собственной ценности как личности. Деловая репутация затрагивает сферу бизнеса и охватывает оценку профессионализма и деловых качеств [1].

Суды подчеркивают, что иск о защите чести и достоинства решается судом в пользу истца при условии наличия со стороны ответчика определенных действий. Они заключаются в распространении сведений, не соответствующих действительности, заведомо ложных.

Публичным распространением считается тиражирование их в СМИ, в том числе в электронном виде. Сюда включаются их продвижение через интернет, например, через социальные сети, фильмы, видеохостинги.

По одному из дел суд отказался удовлетворить иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, пояснив, что ответчик путем публикации в социальной сети сообщения, содержащего оценочные суждения, реализовал свое конституционное право гражданина. Названные суждения не относятся к предмету судебной защиты и не являются основанием для привлечения ответчика к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной ст. 152 ГК РФ, поскольку оформлены выражением субъективного мнения ответчика и не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Предоставление искаженной информации в служебной документации также подпадает под действие ст. 152 ГК.

В заявлении о защите чести и достоинства описываются действия ответчика. Факты нельзя перемешивать с эмоциями. Изложение обстоятельств должно быть максимально конкретным и полным.

В деле истцом доказывается факт распространения информации путем предоставления копий писем, приказов, материалов из личного дела сотрудника, свидетельских показаний. Ссылаясь на источник в интернете, истец предоставляет фотокопию страницы с помощью нотариуса. Печать и подпись нотариуса – серьезные аргументы для судьи.

Истинность распространенной информации обязан доказать уже ответчик.

Отметим разницу с распространением сведений о частной жизни лица, на сохранение тайны, на которую он имеет право. Если в информации не содержалось ничего оскорбительного, сохраняется право на иск о возмещении морального вреда. И еще у потерпевшего сохраняется право требовать запрета на нераспространение сведений о частной жизни и удаления информации.

В судебной практике оценочные высказывания или мнения считаются не затрагивающими честь, достоинство и деловую репутацию, если не носят оскорбительного характера.

Оскорблением считается унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (нецензурная ругань и т. д.). Однако, факт оскорбления доказуем при условии привлечения гражданина к административной ответственности путем вынесения постановления мировым судьей.

В иске всегда есть указание обязать вторую сторону издать опровержение. Каким образом это делается?

- заявитель вправе потребовать издать опровержение и поместить в том же источнике его отзыв;
- документы, в которых указана информация, отменяются согласно решению суда или отзываются, если их нельзя отменить (например, сведения из личного дела гражданина);
- если нет возможности донести опровержение до общест-венности, заявитель вправе требовать удаления ее из всех имеющихся источников и их блокировки.

Первый способ применяется в отношении СМИ (как электронных, так и издающихся в бумажном виде). Он применяется и в отношении сайтов и порталов, не относящихся к СМИ.

На практике наиболее часто встречаются иски о защите чести и достоинства в связи с размещением в СМИ сведений, которые по мнению заявителя (истца) порочат его честь и достоинство.

Также в наше время набирают свой вес (количество) и иски связанные с распространением недостоверных сведений, порочащих честь и достоинство человека в сети Интернет. В такой ситуации первой что нужно сделать заинтересованной стороне (истцу) – это зафиксировать факт размещения информации (публикации) у нотариуса. Нотариус в такой ситуации удостоверяет сам факт размещения сведений на веб-странице, делает нотариальное описание размещенного контента по указанному заявителем интернет-адресу. Такие действия (нотариальное удостоверение публикации в сети Интернет) необходимы по одной простой причине – в сети Интернет достаточно легко удалить размещенную информацию в последствии, соответственно нотариус в фактически обеспечивает для истца доказательственную базу искового заявления.

Если лицо (как физическое, так и юридическое) считает, что опубликованные в СМИ сведения носят лживых характер, такие сведения, по сути порочат его честь, доброе имя или репутацию, то оно, вправе требовать соответствующего опровержения от редакции СМИ, которая допустила факт такого размещения. Стоит заметить, то досудебная процедура обращение с требованием об опровержении законом не введена, соответственно заинтересованное лицо вполне может выбрать для себя сразу судебной порядок защиты своих прав.

1) Ответчиками по таким искам выступают, прежде всего, сами авторы статьи или иной публикации. Также к ответчикам по такой категории дел относят источник оспариваемых сведений (т.е. то лицо, от которого СМИ получило опубликованные данные). Безусловно, ответчиком будет и сама редакция СМИ, которая опубликовала оспариваемые заявителем сведения.

Как правило, основное требование истца по такой категории – обязать через суд опровергнуть распространенные недостоверные сведения, которое опорочило его честь, достоинство, доброе имя или репутацию. Также, что логично, истцы просят суд удалить такую публикацию в СМИ.

Иногда истец выбирает такой способ защиты – как опубликование своего ответа на размещенный в СМИ материал. Ну и, конечно же, при подаче такого иска истец всегда просит суд возместить ему все понесенные судебные расходы, а также компенсировать моральный вред.

Для рассмотрения дела по существу и принятия решения по заявленному требованию суд устанавливает и исследует следующие обстоятельства, которые влияют на оценку заявленных доводов и окончательное решение суда по ним:

- 1) факт распространения ответчиком сведений об истце;
 - 2) порочащий характер этих сведений.
 - 3) несоответствие этих сведений действительности [3, С.48].
- При отсутствии хотя бы одного из таких обстоятельств у суда нет законных оснований удовлетворить исковое заявление.

Стоит подчеркнуть, что законодательство возлагает обязанность по доказыванию соответствие распространенных сведений действительности на ответчика, т.е. он должен дать суду свои доводы и подтверждающие доказательства (факты), из которых суд делает вывод о том, что распространенные сведения не лживые, правдивые.

Истец же по такой категории дел предоставляет суду доказательств самого факта распространения порочащих сведений, а также обосновывает суду свою позицию о несоответствии этих сведений реальным обстоятельствам, и подтверждающих их лживых характер.

Стоит подчеркнуть, что в такой категории исков не может быть предметом спора размещенная информация, если она представляет собой оценочное суждение автора, его мнение или убеждение, поскольку, как говорилось ранее, каждому гарантирована свобода мысли, слова и распространения информации. Исключения представляют случаи, когда соответствующая заметка, выступление и прочее носят оскорбительный характер.

Список литературы:

1. Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Гришина Я.С., Серебренников М.М. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) // URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17841#00443136_2444943021. (дата обращения 21.05.2018).

2. Иванова С.В. Пределы и способы защиты чести, достоинства и деловой репутации // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=97740#02532427715309582> (дата обращения 22.05.2018).

3. Барсукова В.Н. Понятие и виды способов защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 4

УДК 347.91/.95

М. А. Сидорова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые технические, правовые и практические проблемы применения процедуры медиации в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. На основании анализа нормативно-правовых актов, фундаментальных научных работ и судебной практики автор приходит к выводу, что процедура медиации требует дополнительного правового регулирования.

Ключевые слова: процедура медиации, медиатор, гражданский процесс, суд, стороны гражданского дела.

M. A. Sidorova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF MEDIATION IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. In article some technical, legal and practical problems of application of the mediation procedure in civil proceedings in the Russian Federation are considered. On the basis of the analysis of normative legal acts, fundamental scientific works and judicial practice the author concludes that the mediation procedure requires additional legal regulation.

Keywords: mediation procedure, mediator, civil proceedings, court, parties to a civil case.

Медиация представляет собой особую процедуру, которая связана с конструктивным разрешением конфликта посредством привлечения третьей беспристрастной стороны – медиатора. Процедура медиации в гражданском судопроизводстве Российской Федерации была официально закреплена в 2019 году с введением в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) главы 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» [1].

Однако процедуру медиации нельзя назвать новой процедурой, так как ее институционализация в национальном праве

произошла в 2010 году с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [2]. За время существования такой правовой основы процедуры медиации практика её применения является не такой распространенной. Существует определенная совокупность проблем в реализации процедуры медиации, которые препятствуют обогащению практического опыта применения медиации.

Первая проблема проведения процедуры медиации является чисто технической. Она заключается в том, что у сторон отсутствует должное представление о проведении медиации, а нередко представление отсутствует и у самого представителя судебной власти. Судьи гораздо чаще прибегают к заключению мирового соглашения, чем к проведению процедуры медиации, что связано с отсутствием полной и конкретной информации о том, кто именно может провести процедуру медиации в том или ином субъекте Российской Федерации или муниципальном образовании [3, С. 175].

Медиатор – третье лицо в споре, которое за осуществление своих функций получает денежное вознаграждение, поэтому финансовый вопрос оплаты услуг медиатора для граждан является немаловажным. Статья 10 Закона о медиации гласит, что оплата деятельности по проведению процедуры медиации медиатора, медиаторов и организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, осуществляется сторонами в равных долях, если они не договорились об ином. Разрешение финансового вопроса представляется возможным благодаря приданию ей государственно-правового характера, в результате установления которого финансирование деятельности медиаторов будет производиться из федерального бюджета либо бюджета субъектов Российской Федерации.

Медиация, чтобы сформироваться полноценно как отдельный институт гражданского судопроизводства, должна пройти определенный перечень этапов развития, среди которых: создание правовых основ появления медиации и деятельности медиаторов; просвещение и пропаганда медиации; создание института медиации; создание и развитие профессиональных объединений медиаторов; распространение медиации через сетевые объединения медиаторов; развитие многосторонней и международной медиации [4, С. 52].

Российским институтом медиации пройдены только 4 этапа данной модели. Многосторонняя медиация является редким явлением для медиативной практики. Есть небольшое количество специалистов, способных провести многостороннюю медиацию, которых можно назвать мастерами медиации [5].

Следующей проблемой проведения медиации является ее соотношение с принципом «разумного срока» в гражданском судопроизводстве. Статьи 153.5 и 169 ГПК РФ устанавливают, что в случае заявления сторонами ходатайства о проведении медиации суд откладывает судебное разбирательство на срок не более двух месяцев. В части 1 статьи 154 ГПК РФ содержится положение о том, что, гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения 2 месяцев со дня поступления заявления в суд, если иные сроки не установлены ГПК. Проведенная процедура медиации не гарантирует разрешение спора между сторонами. Срок, предусмотренный законом для рассмотрения дела судом, предоставляется медиатору. В последующем возникает нарушение процессуальных сроков, так как отложение разбирательства дела предусматривает отложение судебного заседания, но никак не приостановление течения процессуальных сроков. Продление процессуальных сроков осуществляется только в отношении тех, которые назначены судом. Сроки рассмотрения и разрешения дела судом являются законодательно установленными, поэтому продлеваться судом не могут.

Ещё до введения в ГПК РФ процедуры медиации суды стремились разрешить спор на основании Закона о медиации, но результаты даже в настоящее время являются неудовлетворительными. В отчете о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2021 года Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации содержится статистика дел, рассмотренных посредством применения процедуры медиации: за 1 полугодие 2021 года из 10,9 млн поступивших гражданских дел всего 354 урегулированы путем проведения процедуры медиации, судебного примирения [6].

Проблема проведения медиации в современных реалиях связана с принципами, на которых она основывается. Одним из таких принципов выступает принцип «добровольности», который устанавливает свободу выбора для сторон в применении или неприменении помощи медиатора. Процедура медиации завершается медиативным соглашением между сторонами, которое также, основываясь на принципе «добровольности», может использоваться или не использоваться сторонами. Однако если медиация происходит в рамках судопроизводства, то медиативное соглашение является обязательным для сторон, так как на нем основывается решение суда. Это подтверждается в одном из дел Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга [7], которое было связано с разделом наследуемого имущества. Стороны заключили медиативное соглашение, однако хотели скрыть данный факт от суда. От медиаторов в суд поступило соответствующее соглашение, на основании которого суд предложил сторонам закончить дело в рамках мирового соглашения.

Принцип «конфиденциальности» означает: «медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон» [8]. Законодатель, формулируя основы данного принципа в статье 5 Закона о медиации, не учел одну важную деталь, которая заключается в том, что не вся информация должна быть конфиденциальной, медиатор не должен обладать абсолютным правом в отношении информации, полученной в результате своей деятельности. Случаются ситуации, когда процедура медиации может быть связана с какими-либо преступными действиями, которые могут нарушать баланс интересов сторон. В этой связи требуется проведение соответствующих уголовно-процессуальных действий в отношении медиатора, как, например, это реализуется в отношении адвоката на основании статьи 8 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [9], когда допускается проведение следственных действий в отношении адвоката в качестве исключения из правил адвокатской тайны. Поэтому законодателю необходимо внести соответствующие поправки в Закон о медиации для того, чтобы исключить возможность нарушения баланса интересов.

Таким образом, чтобы ещё прочнее закрепить институт медиации в российском гражданском процессе, законодателю необходимо осуществить детальное изучение возникших проблем в процедуре медиации и внести соответствующие дополнения в отдельные нормативные положения, регулирующие деятельность медиаторов и их взаимоотношения с органами судебной власти.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст.4099.
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4284.
3. Соловьев В.Ю. Современные научно-практические проблемы применения медиации в гражданском судопроизводстве в России // Образование и право. 2020. № 6. С. 173 – 179.
4. Медиация: учебник/Под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016., С. 52–53.
5. Ефимова Д.М. Медиация в российских судах общей юрисдикции. URL: <https://dspace.spbu.ru> (дата обращения: 1.11.2021).
6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 1 полугодие 2021 года, утвержденном приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 года № 65 (в редакции приказа от 15 июня 2021 года № 117). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 15.11.2021).
7. Справка «О применении судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 г.», утвержденная Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016 // СПС «Гарант» (дата обращения: 7.11.2021).

8. Максуров А.А., Таланова М.В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. «ЭкООнис», 2014 г. // СПС «Консультант» (дата обращения: 10.11.2021).

9. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

УДК 347.91

Д. В. Симакина

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Юридический факультет
Россия, Нижний Новгород*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУРНЫХ АСПЕКТОВ НАПРАВЛЕНИЯ КОПИЙ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В настоящей статье анализируется современный процесс выдачи и направления копий судебных актов лицам, участвующим в деле. Находит подтверждение мысль о том, что в действующем ГПК РФ законодатель, несмотря на стремительное развитие цифровой экономики и цифрового документооборота, отдает предпочтение бумажным носителям.

Ключевые слова: судебный акт, гражданский процесс, электронный документ, бумажный носитель, лица, участвующие в деле, цифровизация.

D. V. Simakina

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Faculty of Law
Russia, Nizhny Novgorod*

WAYS TO IMPROVE THE PROCEDURAL ASPECTS OF DIRECTING COPIES OF JUDICIAL REGULATIONS IN THE CIVIL PROCESS

Abstract. This article analyzes the modern process of issuing and sending copies of court decisions to persons participating in the case. There is confirmation of the idea that in the current Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the legislator, despite the rapid development of the digital economy and digital workflow, prefers paper media.

Keywords: court decision, civil proceedings, electronic document, hard copy, persons involved in the case, digitalization.

В настоящее время гражданское судопроизводство ориентировано на правильное, своевременное и полноценное рассмотрение и разрешение дел. С практической точки зрения, обращение к вопросам направления копий судебных актов в гражданском судопроизводстве обусловлено стремительной информатизацией, что не обошла стороной и органы судебной власти.

По общему правилу, закрепленному в ст. 214 ГПК РФ, копии актов суда должны вручаться под расписку лицам, которые участвуют в деле, а также их представителям, либо направляться названным субъектам не позднее пяти дней после их принятия и (или) составления.

Ранее нормы ст. 214 ГПК РФ уже становились предметом подачи жалобы в Конституционный Суд РФ. Так, заявитель утверждал, что норма ст. 214 ГПК РФ позволяет судам общей юрисдикции добровольно не направлять копии судебных актов тем лицам, которые присутствовали в судебном заседании и участвовали непосредственно в деле. Отказав заявителю в рассмотрении жалобы, Конституционный Суд РФ в определении от 24 января 2008 г. № 48-О-О пояснил, что ст. 214 ГПК РФ является процессуальной гарантией права на судебную защиту в равноправном и состязательном процессе и не исключает возможности высылки копий судебного акта лицу, которое участвовало в деле и присутствовало в судебном заседании, в окончательной форме.

Анализ норм ч. 2 ст. 214 ГПК РФ дополнительно указывает на то, что судебный акт может быть выполнен в форме электронного документа, который после получения согласия лиц,

участвующих в деле, допускается разместить на официальном сайте суда с соблюдением режима ограниченного доступа и установленными законодательно оговоренных сроков (5 дней после дня его принятия или составления).

Существующее противоречие, касающееся направления копий судебных актов, на наш взгляд, можно устранить, если закрепить за судами юридическую обязанность по высылке актов с соблюдением законодательно оговоренных сроков. В этой связи содержание ст. 214 ГПК РФ целесообразно уточнить. Например, ч. 1 ст. 214 ГПК РФ следует начинать со слов: «Копии актов суда должны быть вручены...». Подобный законодательный подход необходимо применить и к другим частям ст. 214 ГПК РФ, которые на сегодняшний день построены по тому принципу, что направление судебных актов лицам, участвующим в деле – это право, а не обязанность судебной инстанции.

В данном контексте нельзя не отметить, что отдельные положения ГПК РФ, несмотря на столь стремительные темпы цифровизации, все еще содержат нормы, не требующие в обязательном порядке изготавливать судебный акт в форме электронного документа. Например, согласно ст. 130 ГПК РФ, судебный приказ может быть изготовлен в электронном виде, но только по просьбе самого взыскателя, тогда как порядок выдачи судебного приказа предполагает его безусловное опубликование на бумажном носителе после заверения печатью суда. Нельзя оставить без внимания тот факт, что в ст. 123.8 КАС РФ, которая посвящена порядку выдачи судебного приказа, законодатель указывает на возможность подписания судьей такого приказа в виде электронного документа усиленной квалифицированной электронной подписью.

Подобная ситуация свидетельствует о необходимости повышения оперативности движения информации в системе правосудия, что позволит вывести его на качественно новый уровень развития. Интересен тот факт, что в рамках АПК РФ вопрос использования электронных документов решен более однозначно [1]. Например, в соответствии со ст. 169 АПК РФ, изложение судебного акта по умолчанию осуществляется в форме электронного документа, и лишь в исключительных случаях, наступление которых обусловлено вескими техническими причинами, судебный акт может быть изложен на бумажном носителе. В ст. 197 ГПК РФ российский законодатель демонстрирует диаметрально противоположный подход, отдавая предпочтение изложению содержания судебного акта общей юрисдикции в письменном виде, и рассматривая форму электронного документа как исключение из правил.

В то же время способы подачи электронных документов законодателем расширяются: это и личный кабинет на «Госуслугах», и система электронного документооборота участника процесса в единой системе межведомственного электронного взаимодействия. Какую роль в этой цепочке будет играть ГАС «Правосудие», пока неизвестно. Согласно изменениям в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ законодатель предлагает получать в электронном виде не только копии судебных актов, выполненных в форме электронного документа, что было и ранее, но и их оригиналы в электронном виде. Кроме того, в электронной форме предлагается получать судебные повестки и иные судебные извещения, что также является нововведением. К числу абсолютно новых процессуальных прав для лиц, участвующих в деле, предусмотренных законопроектом, относится право на доступ к материалам дела в электронном виде при наличии в суде такой технической возможности (ст. 35 ГПК РФ). В целях повышения цифровой грамотности граждан, а также более основательной защиты их процессуальных прав, роль судов в механизме разъяснения лицам, участвующим в процессе, их права на получение электронных документов должна возрасти. Представляется целесообразным содержание ст. 148 ГПК РФ дополнить задачей суда касательно представления разъяснений гражданам их законного права на получение процессуальной документации в электронном виде.

Серьезные изменения, с точки зрения Т.В. Шатковской, должны коснуться и области судебных извещений и вызовов [3, С. 131]. Так, предлагается направлять судебные извещения в электронном виде в личный кабинет на «Госуслугах», в систему электронного документооборота участника процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия или посредством информационной системы организации федеральной почтовой связи. Также законопроект вновь

исключает из способа доставки информации о принятии искового заявления и заявления к производству суда данных о времени и месте судебного заседания, а также совершения отдельных процессуальных действий путем указания данной информации на официальном сайте соответствующего суда. Законопроект предполагает размещение этих данных в сети Интернет. Это вызывает некоторые сомнения в юридической технике написания нормы права, поскольку непонятно, где же именно в сети «Интернет» должна быть указана данная информация. В данном случае должно быть четкое указание на конкретное место размещения указанной информации, доступное для участников процесса.

С учетом того, что в 2019 г. проведена процессуальная реформа, вызвавшаяся в создании новых апелляционных и кассационных судов, и данные суды, как правило, расположены в разных субъектах Российской Федерации, то возможность направления апелляционных и кассационных жалоб не только в письменном, но и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, через суды первой инстанции представляется очень своевременной и удобной для заявителя [2, с. 250].

В настоящее время подтверждается тот факт, что суды общей юрисдикции находятся на более низкой ступени своей цифровизации, уступая в первенстве арбитражным судам. В этой связи внесение изменений в гражданское процессуальное законодательство представляется весьма своевременным. Кроме того, нужно отметить, что движение законодателя в сторону легитимации электронных процессуальных документов путем приравнивания их по своему юридическому значению к письменным, является прогрессивным и отражает тенденции современного мира к оцифровке документооборота, что стало особенно актуальным во время вынужденного карантина по причине пандемии.

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что правовая регламентация процедуры изготовления и направления судебных актов заинтересованным лицам в рамках гражданского судопроизводства весьма противоречива. Учитывая, что в административном и арбитражном судопроизводстве практическая значимость электронной формы не оспаривается, то целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть возможность унификации процедуры выдачи и направления судебных актов в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Нормативная слабость упоминания электронной формы в ГПК РФ свидетельствует о низкой эффективности и недостаточной технической обеспеченности работы судов общей юрисдикции, в связи с чем процесс выдачи актов суда представляется не налаженным. Также в качестве дополнительной нагрузки, суды общей юрисдикции обязаны изготавливать экземпляры тех или иных актов на бумажном носителе, тогда как форма электронного документа признается законодателем менее значимой.

В этой связи, полагаем, необходимо добиться единообразия в процессуальном законодательстве для судов общей и арбитражной юрисдикции по вопросам электронного документооборота судебных актов и иных документов. И лишь после этого суды общей юрисдикции смогут перейти на сложившийся в практике электронный документооборот, что повлечет и их техническое переоснащение. Дополнительно в оперативном порядке требуется решить вопрос информационного обеспечения электронного судопроизводства, разработать единую образную регуляторную базу электронного документооборота. При этом в обязательном порядке должен соблюдаться законный баланс интересов лиц, участвующих в деле, в аспекте развития электронного оборота процессуальной документации.

Список литературы:

1. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад // НИУ «ВШЭ» [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--o1abds.xn--p1ai/wp-content/uploads/2020/07/tezis-informacionnie-tehnologii-v-pravosudii.pdf>
2. *Потапенко Е.Г.* Формы унификации цивилистического процессуального права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 247–252.
3. *Шатковская Т.В., Гончаров Е.И.* Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 131–136.

В. С. Скурлатов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург*

**ПРОКУРОР, УЧАСТВУЮЩИЙ В ДЕЛЕ,
КАК СУБЪЕКТ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ:
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения правового статуса прокурора, участвующего в деле, применительно к институту апелляционного производства в гражданском процессе. На основе системного анализа норм законодательства, а также разъяснений, данных Верховным Судом Российской Федерации, даются рекомендации по уточнению данного статуса.

Ключевые слова: прокурор, апелляция, суд, процесс, практика.

V. S. Skurlatov

*Saint-Petersburg law institute (branch)
of Federal Establishment of Higher Education
«University of the Office of the Prosecutor
of the Russian Federation»
Russia, Saint-Petersburg*

**PROSECUTOR PARTICIPATING IN THE CASE AS A SUBJECT
OF APPEAL PROCEEDINGS IN THE CIVIL PROCESS:
PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL STATUS**

Abstract. The article discusses the problems of determining the legal status of the prosecutor participating in the case in relation to the institution of appeal proceedings in the civil process. On the basis of a systematic analysis of the norms of legislation, as well as explanations given by the Supreme Court of the Russian Federation, recommendations are made to clarify this status.

Keywords: prosecutor, appeal, court, proceedings, practice.

Прокурор – самостоятельное лицо, участвующее в деле, наделенное ст. 45 ГПК РФ специальным правовым статусом, определяющим его роль в защите прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц и публично-правовых образований в гражданском судопроизводстве. Прокурор участвует в деле в двух формах: путем предъявления искового заявления в защиту лиц, указанных в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, а также посредством дачи заключения по делам, предусмотренным как самим гражданским процессуальным законом, так и другими федеральными законами. При этом важно отметить, что реализация прокурором полномочий в пределах вышеописанных форм происходит в суде первой инстанции, однако немаловажно значение права прокурора на обжалование судебных постановлений в суде апелляционной инстанции.

Наименование прокурора как субъекта апелляционного обжалования закреплено в ч. 2 ст. 320 ГПК РФ. Согласно данной норме закона «право принесения апелляционного представления принадлежит прокурору, участвующему в деле». На наш взгляд, содержание термина «прокурор, участвующий в деле» применительно к апелляционному производству в гражданском процессе с учетом действующего законодательства и сложившейся судебной практики является недостаточно определенным и требует уточнения.

Следует подчеркнуть, что реализация прокурором права на принесение апелляционного представления не ставится в зависимость от той или иной формы его участия в суде первой инстанции. Более того, само по себе отсутствие прокурора, предъявившего исковое заявление или привлеченного для дачи заключения по делу, в зале судебного заседания не является препятствием для использования им полномочия по апелляционному обжалованию постановлений суда первой инстанции, а прокурор, не привлеченный к участию в деле, в случаях, когда согласно федеральному

закону дача заключения прокурором является обязательной, также обладает правом принесения апелляционного представления. В этой связи прослеживается некоторая аналогия с лицами, не привлеченными к участию в деле, о правах и обязанностях которых вынесено судебное постановление, которые в силу ч. 3 ст. 320 ГПК РФ наделены правом апелляционного обжалования решений и определений суда первой инстанции. Несмотря на то, что указанные лица, исходя из содержания ст. 34 ГПК РФ, не входят в состав лиц, участвующих в деле, некоторыми авторами обоснованно высказывается точка зрения о необходимости их включения в упомянутую статью кодекса, а также в аналогичную статью АПК РФ [5, С. 115]. Однако относительно прокурора, не привлеченного к участию в деле, ГПК РФ оговорок не содержит. Возникает вопрос: если правом принесения апелляционного представления обладает прокурор, участвующий в деле, то каким образом легализуется участие прокурора в апелляционном производстве, которого к участию в таком деле не привлекли, ведь статус лица, участвующего в деле порождается правообразующим юридическим фактом – вынесением судом соответствующего определения? Представляется, что указанное противоречие разрешается путем применения фикции «несостоявшегося участия в деле». Поскольку невынесение судом определения о привлечении прокурора для дачи заключения по делу осуществляется вопреки указанию закона, такое судебное бездействие является основанием для обжалования судебного постановления. Сказанное подтверждается позицией Пленума Верховного Суда РФ, отраженной в п. 9 Постановления от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Следует четко различать статус прокурора как должностного лица органов прокуратуры (административно-правовой статус) и статус прокурора как лица, участвующего в деле (процессуально-правовой статус). Указанные статусы хоть и разные по содержанию, но, тем не менее, не исключаются их фактическое сочетание. Поскольку, как упоминалось выше, правом принесения апелляционного представления обладает прокурор, участвующий в деле, возникает закономерный вопрос: кто именно является таким участвующим в деле прокурором? В 2014 году коллегия Верховного Суда РФ вынесла определение, в котором указала, что обжаловать судебные постановления в суд апелляционной инстанции может прокурор, фактически поддерживавший исковые требования в суде первой инстанции, то есть любой работник органа прокуратуры, в том числе помощник и старший помощник прокурора [3]. Поскольку, как отмечал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 17.10.2017 № 24-П [2], официальную правовую позицию Верховного Суда РФ по тому или иному вопросу может выражать исключительно Пленум или Президиум Верховного Суда РФ, позиция, высказанная коллегией Верховного Суда РФ в 2014 году, была официально зафиксирована в уже упомянутом Постановлении Пленума от 22.06.2021 № 16. Однако существуют обоснованные сомнения в правильности сформулированного Верховным Судом РФ вывода. Исковое заявление, исходя из содержания Федерального Закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и положений доктрины прокурорской деятельности [4, С. 5], относится к актам прокурорского реагирования. По утверждению Ю.Е. Винокурова и А.Ю. Винокурова, правом принесения акта прокурорского реагирования, то есть правом его подписания, наделен прокурор-руководитель – прокурор, возглавляющий прокуратуру соответствующего звена прокурорской системы либо его заместитель [1, С. 24]. Закрепление правового статуса прокурора, участвующего в деле, осуществляется судом путем вынесения соответствующего определения – определения о принятии искового заявления к производству (в случаях, если прокурор выполняет роль процессуального истца) либо определения о вступлении в дело прокурора для дачи заключения по делу. Остановимся подробнее на случаях, когда прокурор предъявляет иск и выполняет функцию процессуального истца. Как уже указывалось, исковое заявление подписывает прокурор либо его заместитель. Соответственно,

процессуальное действие выполняется лицом, подписавшим данный процессуальный документ. Это говорит о том, что юридическим основанием для закрепления за должностным лицом органа прокуратуры статуса прокурора, участвующего в деле, является предъявление искового заявления в суд. Таким образом, статусом прокурора, участвующего в деле, вопреки утверждению Верховного Суда РФ, может обладать исключительно прокурор или его заместитель. Закономерно будет уточнить, кем в таком случае выступает лицо, фактически поддерживающее иски требования прокурора, участвующего в деле, в судебном заседании – помощник или старший помощник прокурора. На наш взгляд, такие помощники либо старший помощник прокурора являются представителями прокурора, участвующего в деле, и должны действовать на основании доверенности. Поскольку ст. 51 ГПК РФ прямо запрещает прокурорам выполнять функцию представителя в суде, за исключением случаев представительства интересов органов прокуратуры и законного представительства, необходимо на основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ применить по аналогии норму п. 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», поскольку применение по аналогии норм, содержащихся в разъяснениях высших судов, не исключается, что явно прослеживается в определении коллегии Верховного Суда РФ от 28 января 2020 года по делу № 56-КГ19-19, 2-7310/2018. Согласно п. 18 данного Постановления полномочия работника органа прокуратуры в суде подтверждаются на основании доверенности. В силу ч. 1 ст. 53 ГПК РФ доверенность подтверждает полномочия именно представителя, то есть выступает своеобразным «атрибутом» представительства в гражданском процессе. Таким образом, правом принесения апелляционного представления обладает прокурор, участвующий в деле, а именно подписавший соответствующее исковое заявление (прокурор, заместитель прокурора), в то время как должностное лицо органа прокуратуры, фактически поддерживающее заявленные требования (помощник, старший помощник), является представителем прокурора, участвующего в деле. Такая позиция соответствует смыслу и содержанию правового регулирования прокурорской деятельности.

Аналогичным образом решается вопрос в случае участия прокурора в деле для дачи заключения. Поскольку принесение апелляционного представления в такой ситуации является реакцией прокурора на нарушения законов, логично предположить, что апелляционное представление выступает актом прокурорского реагирования, который подписывается прокурором или его заместителем.

С учетом изложенных рассуждений можно подвести вывод о необходимости внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» и закрепить положение о том, что прокурором, участвующим в деле является прокурор-руководитель – прокурор или его заместитель и только такое лицо может обжаловать судебные постановления в апелляционном порядке.

Список литературы:

1. *Винокуров Ю. Е.* Прокурорский надзор: учебник для вузов / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров; под редакцией Ю. Е. Винокурова. – 15-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 380 с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2014 № 58-КГПР13-9// СПС «КонсультантПлюс».
4. Правовые акты прокурорского надзора / [Т. А. Васильева, Н. П. Дудин, Г. В. Дытченко, Е. Л. Никитин, А. Е. Скачкова]; науч. ред. Н. П. Дудин. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – 256 с.
5. *Челцова Ю. В.* Принятие судебного акта о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле// Современное право. – 2013. – № 3. – С. 114–117.

УДК 347.91

В. П. Сыркина

*Российский государственный университет правосудия
Уральский филиал
Россия, Челябинск*

ПЕРЕГОВОРЫ КАК СПОСОБ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

Аннотация. В данной статье автор рассматривает некоторые правовые аспекты и особенности переговоров как одного из способов альтернативного урегулирования споров. Вместе с тем автор отмечает положительные и отрицательные стороны данного явления и приходит к выводу о необходимости унификации гражданского процессуального законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: переговоры, разрешение конфликта, примирение сторон, переговорный процесс, переговорные навыки.

V. P. Syrkina

*Russian State University of Justice
Ural Branch
Russia, Chelyabinsk*

NEGOTIATIONS AS A WAY OF ALTERNATIVE RESOLUTION OF CIVIL LAW DISPUTES

Abstract. In this article, the author examines some legal aspects and features of negotiations as one of the ways of alternative dispute resolution. At the same time, the author notes the positive and negative sides of this phenomenon and comes to the conclusion that it is necessary to unify civil procedural legislation in this area.

Keywords: negotiations, conflict resolution, reconciliation of the parties, negotiation process, negotiation skills.

Переговоры представляют собой относительно новый способ альтернативного разрешения споров в гражданском процессе. Так, согласно ст. 153.4 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) «Стороны вправе урегулировать спор путем проведения переговоров в целях примирения. Переговоры осуществляются на условиях, определяемых сторонами. В случаях, предусмотренных федеральным законом или договором, переговоры проводятся в обязательном порядке» [1]. Рассуждая об особенностях примирительных процедур в гражданском процессе, ряд исследователей приходит к выводу о важности переговоров как первоначального этапа разрешения спора, в частности С. П. Казакова и О. С. Мрастьева считают, что «...переговорный процесс неизбежен, и является необходимым первичным этапом примирения» [2, С. 150]. Действительно, в соответствии с действующим российским законодательством, к переговорам конфликтующие стороны вправе прибегнуть на любой стадии развития правового конфликта, и это, как полагают С. А. Семикина и А. Н. Юсупова, важно еще и тем, что в процессе переговоров стороны формируют необходимую информацию, собственные требования и т.д., в связи с чем даже в случае неудачного переговорного процесса рассмотрение дела в судебном разбирательстве будет характеризоваться более короткими сроками, поскольку стороны уже ознакомлены с необходимой информацией и требованиями друг друга, примерно представляя, каким именно образом должен быть разрешен конфликт [3, С. 220]. Действительно, переговоры являются особым способом урегулирования споров, так как в процессе обсуждения спорной ситуации стороны взаимодействуют между собой напрямую, не прибегая к помощи посредника или медиатора. Отличие переговоров в таком случае от процедуры медиации состоит в урегулировании конфликта без участия третьей стороны. Подобной же позиции придерживается Е. В. Судоргина, полагающая, что стороны, осознавая наличие проблемы, решение которой необходимо, стараются найти компромисс посредством сотрудничества в процессе обсуждения указанной проблемы.

Какое-либо третье лицо при этом сторонам не требуется, поскольку они «...самостоятельно могут прийти к единому пониманию проблемы и найти пути ее разрешения в сложившейся ситуации» [5].

Помимо этого, указанная особенность выводится на первый план и В. О. Аболониным, который акцентирует свое внимание на том, что в ходе переговоров на передний план выдвигается инициатива сторон по разрешению спора, таким образом, что стороны в процессе разрешения конфликта могут рассчитывать только лишь на свои собственные переговорные навыки, умения и ресурсы [6, С. 51]. Соответственно, переговоры действительно представляют собой наиболее простую, быструю и эффективную примирительную процедуру, позволяющую сторонам самостоятельно определять содержание переговоров, конфиденциальность и т.д., что в условиях торгового оборота немаловажно.

Говоря о процедуре совершения переговоров, на наш взгляд, следует согласиться с Е. В. Ерохиной в том, что действующее российское законодательство никак не регламентирует порядок осуществления переговоров с целью разрешения спора, который образовался из заключенного договора [4, С. 166]. Соответственно, в данном случае особенно очевидным становится такой принцип примирительных процедур, как добровольность, поскольку стороны по доброй воле прибегают к процедуре, которую законодатель никак не формализует. Тем не менее, практика показывает, что процедура переговоров в разных случаях, в целом, состоит из одних и тех же этапов, которые, как нам кажется, достаточно подробно характеризует Е. В. Судоргина. Прежде всего, Е. В. Судоргина отмечает, что поскольку переговоры представляют собой процесс, направленный на достижение сторонами компромисса, способы ведения переговоров могут выбираться сторонами в зависимости от конкретных преследуемых ими целей, которыми могут являться достижение компромисса или, напротив, твердое отстаивание собственной позиции. Помимо этого, классифицируя переговоры, Е. В. Судоргина обращает внимание на то, что они могут происходить между сторонами или между представителями сторон конфликта, а также осуществляться на уровне позиций или на уровне принципиальных интересов [5]. Соответственно, характер переговоров во многом зависит от конкретной ситуации, в которой они осуществляются.

Говоря о положительных сторонах переговоров как особого вида примирительных процедур, некоторые специалисты отмечают такую его характерную черту как универсальность, так как переговоры по своей правовой природе закладывают предпосылки для приведения сторон к взаимному согласию и получению максимальной выгоды во всех смыслах. Кроме того, среди явных преимуществ переговоров как примирительной процедуры можно выделить их конфиденциальный характер. Вместе с тем, в ходе переговоров, конфликтующие стороны осуществляют добровольный обмен информацией, относящейся к спорной ситуации, налаживают контакт между собой, что способствует благоприятному исходу разрешения ситуации. Однако стоит подчеркнуть, что специалисты чаще приходят к выводу о низком уровне переговорных навыков в гражданском обществе. Так, Д. Карпенко, обращает внимание на крайне невысокое обладание российскими гражданами навыками ведения переговорного процесса, составляющее всего 5–7 % и, соответственно, усиливающее возможность перерастания переговоров в более серьезный конфликт [7, С. 21].

Таким образом, переговоры представляют собой один из видов примирительных процедур, сущность которого заключается в урегулировании разногласий и противоречий между спорящими сторонами как непосредственно сторонами, так и с помощью привлечения к такой процедуре своих доверенных лиц. Очевидными преимуществами переговоров являются простота, быстрота, конфиденциальность и т.д., необходимые в условиях торгового оборота. В то же время переговоры обладают и некоторыми недостатками, затрудняющими их применение и снижающими их эффективность, к числу которых можно отнести отсутствие переговорных навыков в гражданском обществе и т.д., в связи с чем требуется дальнейшее совершенствование института переговоров в гражданском процессе РФ.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета. – 2002. – № 220.
2. Мрастьева О. С., Казакова С. П. Примирительные процедуры в арбитражном процессе / О. С., Мрастьева, С. П. Казакова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 24-2. – С. 150–151.
3. Семкина С. А., Юсупова А. Н. Примирительные процедуры в контексте сравнительного анализа процессуального законодательства России и других государств / С. А. Семкина, А. Н. Юсупова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 3 (110). – С. 216–222.
4. Ерохина Е. В. Переговоры как один из способов альтернативного разрешения гражданско-правовых споров / Е. В. Ерохина // Вестник Волгоградского государственного университета: Юриспруденция. – 2014. – № 4 (25). – С. 165–169.
5. Судоргина Е. В. Альтернативные способы разрешения споров [Электронный ресурс]: учеб. электрон. мультимед. изд. / Е. В. Судоргина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюдж. образов. учреждение высш. образования «Тамб. гос. техн. ун-т». – 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Дата обращения: 07 ноября 2021 г.
6. Аболонин В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы / В. О. Аболонин. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. – 408 с.
7. Карпенко А. Д. Примирительные процедуры в суде: монография / А. Д. Карпенко. – СПб.: Аргус, 2014. – 127 с

УДК 347.94

С. В. Толстов, Д. С. Шашлов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСЕЙ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы теоретических и практических аспектов по применению аудио- и видеозаписей в качестве доказательств, выявлены проблемы, относительно их представления и внесены предложения по усовершенствованию механизма использования аудио- и видеозаписей в качестве средств доказывания в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: средства доказывания, гражданский процесс, аудиозаписи, видеозаписи, судопроизводство.

D. S. Shashlov, S. V. Tolstov

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF USING AUDIO AND VIDEO RECORDINGS AS MEANS OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of the use of audio and video recordings as evidence, identifies problems regarding their presentation and makes proposals to improve the mechanism of using audio and video recordings as evidence in civil proceedings

Keywords: means of proof, civil proceedings, audio recordings, video recordings, legal proceedings.

Процесс развития общественных отношений затрагивает все без исключения сферы жизни. Не обошел стороной он и гражданское процессуальное право. Так, внедрение информационных технологий в различные области деятельности, в том числе и в судебную, объективно привело к возникновению нового вида доказательств – электронных. Однако, как показывает практика, процесс информатизации происходит

гораздо быстрее, чем появляются соответствующие нормы права, что закономерно ведет к проблемам при применении такого института, как «электронные доказательства» [3, С. 482].

Современный период развития общества характеризуется практическим применением информационных технологий во всех сферах жизни. В связи с этим, в настоящее время особое значение приобретают аудио- и видеозаписи, которые впервые были введены в систему средств доказывания в 2002 году вместе с принятием действующего Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Придание аудио- и видеозаписям официального статуса расширило возможности суда по установлению фактических обстоятельств дела, поскольку данные средства доказывания обладают определенными достоинствами. Прежде всего, это высокая степень наглядности, а также способность отражать не только содержательную, но и эмоциональную сторону представленных на них событий и диалогов. Кроме того, воспроизведение аудио- и видеозаписей создает, так называемый «эффект присутствия». Примечательно в этом плане высказывание А. Т. Боннера относительно видеозаписи, в котором подчеркивается, что её просмотр, особенно, если она сделана на высоком техническом уровне, позволяет стать очевидцем запечатленных на ней событий [4, С. 80]. Вместе с тем, анализ судебной практики позволяет полагать, что использование аудио- и видеозаписей в гражданском судопроизводстве в качестве средств доказывания нередко сопряжено с определенными трудностями [6, С. 275].

Так, в частности, суды довольно часто не принимают содержащуюся в аудио- и видеозаписях информацию в качестве доказательств, особенно, если они были произведены скрытым путем. При этом, нередко допускаются ошибки в расценивании аудио- и видеозаписей как полученных с нарушением данного конституционного права. Причиной этого является неверное толкование и применение норм материального и процессуального права. Помимо этого, суды изучают доказательства и на специальных электронных носителях: картах памяти, дисках, флеш-носителях и пр.

Немаловажной проблемой является и высокая вероятность фальсификация аудио- и видеозаписей, поскольку в настоящее время существуют программы, благодаря которым возможно проведение монтажа и коррекции указанных материалов. В связи с этим, полагаем, что практическую целесообразность представляет предложение В. В. Спесивова [5, С. 22]. Автор выдвигает идею об обязательном привлечении к участию в гражданском процессе эксперта в случаях использования аудио- и видеозаписей в качестве средств доказывания.

В продолжение обозначенной темы отметим, что анализ положений ГПК РФ, регламентирующих порядок представления и исследования аудио и видеозаписей, позволяет прийти к выводу о недостаточном законодательном урегулировании данных вопросов. Так, в частности, в соответствии со ст. 77 ГПК РФ, лицо, представляющее в суд аудио- или видеозаписи обязано указать, когда, кем и в каких условиях они производились [1, С. 48]. Однако закон не устанавливает требований по представлению «расшифровки» содержащейся в аудио- и видеозаписях информации.

На наш взгляд, видится необходимость в установлении данного требования, так как качество аудио- и видеозаписи бывает таким, что при ее однократном воспроизведении, с помощью соответствующих технических средств, не всегда можно разобрать отдельные слова или фразы, а также рассмотреть фрагменты видеоряда и, соответственно, верно понять содержание зафиксированной информации. Таким образом, расшифровка аудио и видеозаписей значительно упростит восприятие содержащейся на них информации и сделает его более целостным.

Подводя итог изложенному, можно утверждать, что в настоящее время существует потребность в усовершенствовании механизма использования аудио- и видеозаписей в качестве средств доказывания в гражданском судопроизводстве.

Полагаем, что шагом на пути решения проблем, возникающих в судебной практике при оценке допустимости аудио- и видеозаписей, может стать разработка и принятие акта, разъясняющего наиболее сложные и спорные моменты.

Так, в частности, предлагаем более конкретно обозначить условия, когда представленные аудио- и видеозаписи не могут быть признаны судом как нарушающие право на неприкосновенность частной жизни. Например, в случаях, когда они были получены при наличии согласия лица или, напротив, его отсутствии, но в государственных, общественных или иных публичных интересах. Кроме того, если записи производились в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, невзирая на то, что даже в публичной сфере существует зона взаимодействия человека с другими людьми, которая может относиться к сфере частной жизни, о чем, в частности, неоднократно упоминал ЕСПЧ [2, С. 27].

Также следует более гибко подходить к возможности использования различных видов аудио- и видеозаписей в качестве доказательств, а также расширить возможности применения аудио- и видеозаписей, полученных скрытым путем и содержащих сведения о частной жизни лица, однако при наличии следующих условий, которые должны быть соблюдены одновременно. Можно отметить, что сейчас практически у всех людей есть гаджеты, где можно записывать аудиозаписи и снимать видеозаписи, также в большинстве компаний, торговых точек и на улицах установлены камеры видеонаблюдения, которые фиксируют все происходящее. Очень часто именно эти доказательства помогают судебному процессу в деле. Поэтому можно сделать вывод о том, что аудио- и видеозаписи, как средства доказательства можно выделить в особую самостоятельную группу доказательств. В настоящее время именно аудио- и видео- доказательства играют большую роль в результатах по какому-либо делу гражданского процесса.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 183-ФЗ (в ред. от 01.07.2021.) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 46. Ст. 4532.
2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.02.2012 Дело «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» [Von Hannover v. Germany] (N 2) (жалобы NN 40660/08 и 60641/08) (Большая Палата) (извлечение) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.10.2021).
3. *Левенкова Е. С.* Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 481–483.
4. *Боннер А. Т.* Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. 2008. № 3. С. 80.
5. *Спесивов В. В.* Оценка доказательств в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 22 с.
6. *Баранов С. М.* К вопросу о проблемах использования аудио- и видеозаписей в качестве средств доказывания в гражданском судопроизводстве // В сборнике: Актуальные вопросы юриспруденции. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 274–276.

Ю. С. Уткина, А. М. Юнусов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов***НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛАМ О ВЫДАЧЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА
НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ
ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые и организационные вопросы производства по делам о выдаче исполнительного листа на стадии исполнения решения в третейских судах в арбитражном процессе.

Ключевые слова: Арбитражный процесс, исполнительный лист, третейский суд, принудительное исполнение решения суда.

Y. S. Ytkina, A. M. Yunusov

*Saratov State Law Academy Institute of Public Justice
Russia, Saratov***SOME PROBLEMS OF THE PROCEEDINGS
ON THE ISSUANCE OF A WRIT OF EXECUTION
FOR THE ENFORCEMENT OF AN ARBITRATION COURT
DECISION IN THE ARBITRATION PROCESS**

Abstract. The article discusses some legal and organizational issues of proceedings in cases on the issuance of a writ of execution at the stage of execution of a decision in arbitration courts in the arbitration process.

Keywords: Arbitration process, writ of execution, arbitration court, enforcement of a court decision.

Одной из важнейших гарантий законных прав и законных интересов лица, является само наличие возможности у одной из сторон третейского разбирательства принудительного исполнения решения третейского суда, это проявления свойства выполнения решения третейского суда. Арбитражный процессуальный кодекс РФ указывает на то, что в самостоятельное производство выделена выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Арбитражным судом рассматриваются заявления относительно принятых на территории РФ решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей. Заявителем выступает сторона арбитража, в пользу которой вынесено решение. Заявление рассматривается судьей единолично по правилам рассмотрения дела по первой инстанции в срок, не превышающий одного месяца. Однако согласно ч. 1.1 ст. 238 АПК РФ и ст. 17 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» при наличии соглашения между сторонами спора определение о выдаче исполнительного листа выносится арбитражным судом Калининградской области или арбитражным судом Приморского края в течение 14 дней без проведения судебного заседания. При этом сторона спора вправе представить возражения в течение 7 дней со дня поступления заявления в арбитражный суд. Суд вправе при подготовке дела по ходатайству стороны третейского разбирательства истребовать материалы дела, по которому испрашивается исполнительный лист.

Полагаем целесообразным наделить арбитражный суд правом истребовать указанные материалы по собственной инициативе. Арбитражный суд не вправе переоценивать обстоятельства, установленные третейским судом, либо пересматривать решение третейского суда, по существу. Но чтобы установить наличие (отсутствие) оснований для отказа в выдаче исполнительного листа, зачастую суду недостаточно ознакомиться только с решением третейского суда и арбитражным соглашением. Право заявителя на получение исполнительного листа презюмируется. Перечень оснований

для отказа в выдаче исполнительного листа установлен АПК РФ и является исчерпывающим. Выделяется две группы оснований: применимые только если вторая сторона третейского разбирательства представит доказательства наличия определенных обстоятельств и те, которые применяются, даже если сторона не ссылается на них. По смыслу нормы, на предмет наличия Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края».

Обстоятельств второй группы суд должен проверять вынесенное решение и всю процедуру арбитража по каждому заявлению независимо от инициативы сторон.

К основаниям данной группы доктор юридических наук Нарутто Светлана Васильевна относит неарбитрабельность спора и противоречие публичному порядку РФ. Особенный интерес представляет второе основание, т.к. в российском законодательстве отсутствует подробное разъяснение того, что представляет собой публичный порядок. По этой причине суды часто выносят спорные решения, основываясь на разных толкованиях данной нормы. [1, С. 432].

Президиум ВАС РФ в Информационном письме от 22.12.2005 № 962 понимает под несоблюдением публичного порядка нарушение основополагающих правовых принципов, использование подложных документов или неприменимых по российскому законодательству способов исполнения решения суда. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 1563 толкует публичный порядок как фундаментальные правовые начала (принципы), обладающие высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляющие основу построения экономической, политической, правовой системы государства. Хотя данное письмо напрямую не касается арбитражных решений, вынесенных на территории РФ, обозначенные в нем правовые позиции находят отражение в делах по выдаче исполнительных листов на решения национально-го арбитража.

Часто нарушение публичного порядка – единственное основание для отказа, связанное с содержанием решения и вопросами материального права, другие же основания связаны, как правило, с вопросами процессуального характера.

Можно сделать вывод о том, что регулирование производства по делам о выдаче арбитражным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда имеет немалую специфику, а также нуждается в доработках как на законодательном уровне, так и на уровне толкования отдельных положений.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // «Российская газета». № 137. 27.07.2002.
2. Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» (в ред. от 25.12.2020) // СЗ РФ. 2018. № 32, ч. 1, ст. 5084; 2018. № 53, ч. 1, ст. 8411.
3. Нарутто С. В., Несмеянова С. Э., Шурина Е. С. Конституционный судебный процесс: учебник для магистров. М.: Норма, 2014. 432 с.

Ю. А. Фомина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов*

**НОВЕЛЛЫ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА:
ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КАССАЦИОННОГО
ПРОИЗВОДСТВА В КАССАЦИОННОМ СУДЕ ОБЩЕЙ
ЮРИСДИКЦИИ И КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА
В ВЕРХОВНОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются существенные процессуальные отличия производства в кассационной инстанции кассационного суда общей юрисдикции и в кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации. На основании детального анализа автор приходит к выводу о наличии схожести кассационных производств, а также существенных отличий при рассмотрении гражданских дел в рассматриваемых судебных инстанциях.

Ключевые слова: кассационная инстанция, кассационный суд общей юрисдикции, судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации.

Y. A. Fomina

*Saratov State Law Academy
Institute Magistracy
Russia, Saratov*

**NOVEL OF CASSATION PROCEEDINGS:
DISTINCTIVE FEATURES OF CASSATION PROCEEDINGS
IN A GENERAL JURISDICTION COURT OF CASSATION
AND CASSATION PROCEEDINGS IN THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Resume: The article examines significant procedural differences in proceedings in the cassation instance of the general jurisdiction court of cassation and the cassation instance of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the procedural analysis, the author comes to the conclusion that there is a similarity in the cassation proceedings, as well as significant differences in the consideration of civil cases in the courts under consideration.

Keywords: cassation instance, cassation court of general jurisdiction, judicial collegium of the Supreme Court of the Russian Federation.

Вопрос о реформировании судебной системы оставался дискуссионным на протяжении многих лет.

29 июля 2018 г. Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»[1] внесены изменения в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», посредством чего образованы кассационные суды общей юрисдикции.

Согласно внесенным изменениям, кассационный суд общей юрисдикции выступает вышестоящей инстанцией по отношению к действующим на территории соответствующего кассационного округа федеральным судам общей юрисдикции, а также мировым судьям [2]. После прохождения стадии кассационного пересмотра в порядке сплошной кассации в кассационном суде общей юрисдикции, судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций (за исключением категорий дел, подсудных мировым судьям и вынесенных по результатам проверки решений мировых судей – определений суда апелляционной инстанции, которые в процессе обжалования в кассационном порядке в кассационном суде общей юрисдикции были оставлены без изменений) следующим этапом обжалования является обращение с кассационными жалобой, представлением в Верховный Суд Российской Федерации.

Порядку кассационного обжалования судебных постановлений посвящена глава 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая разделена на два параграфа: производство в кассационном суде общей юрисдикции

и производство в судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Если обратиться к содержанию главы 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, можно прийти к выводу о схожести порядка рассмотрения кассационных жалобы, представления в двух кассационных инстанциях [3]. Однако для четкого понимания особенностей осуществления производства в судах кассационной инстанции необходимо исследовать различия в порядке принятия и рассмотрения кассационных жалобы, представления, а также полномочий судов кассационной инстанции при разрешении кассационных жалобы, представления по существу.

Так, в порядке сплошной кассации, кассационный суд общей юрисдикции рассматривает кассационные жалобу, представление вместе с делом независимо от стадии, на которой гражданское дело по кассационным жалобе, представлению находится в суде. Вопрос о дальнейшем движении жалобы, представления, после их поступления в суд, разрешается судьей единолично. После принятия кассационных жалобы, представления к производству, суд, в назначенную дату, рассматривает поступившие кассационные жалобу, представление по существу.

В порядке выборочной кассации в Верховном Суде Российской Федерации кассационные жалоба, представление подаются непосредственно в Верховный Суд Российской Федерации. После поступления кассационных жалобы, представления, соответствующих требованиям статьи 390.5 Гражданского кодекса Российской Федерации, в Верховный Суд Российской Федерации, судья судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации рассматривает кассационные жалобу, представление по материалам, приложенным к кассационной жалобе, либо по материалам истребованного дела. Однако истребование судьей гражданского дела не является гарантией вынесения кассационных жалобы, представления на рассмотрение в судебное заседание судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

По результатам рассмотрения кассационных жалобы, представления, судья выносит либо определение об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, либо определение о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании.

Немаловажным отличием кассационных инстанций являются различия оснований для изменения или отмены судебных постановлений нижестоящих судов.

В кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации основанием для отмены или изменения судебных постановлений являются допущение нижестоящими судами нарушений норм материального и (или) процессуального права, которые существенным образом повлияли на исход дела и без устранения которых невозможна защита или восстановление прав, свобод и законных интересов лиц. При производстве в суде кассационной инстанции кассационного суда общей юрисдикции основаниями для отмены, помимо указанного аналогичного основания для изменения или отмены судебных актов, являются несоответствие выводов судов, зафиксированных ими в судебных постановлениях, фактическим обстоятельствам дела, установленным судами, неправильное применение норм материального или процессуального права.

Отмена судебных постановлений нижестоящих судов по процессуальным основаниям возможна в случае, если допущенное нарушение привело или могло привести к принятию неверного судебного постановления.

Однако в любом случае отмене подлежат судебные постановления: которыми дело было рассмотрено в незаконном составе; вынесенные без надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, о дате, времени и месте судебного заседания, в связи с чем лицо было лишено права на защиту своих прав и законных интересов при рассмотрении дела судом; которыми нарушены правила

о языке; которые были вынесены о правах лица, не привлеченного к участию в деле; неподписание судебных постановлений всеми судьями, либо одним из судей, либо под-

писание судебных постановлений не теми судьями, которые указаны в судебном акте; отсутствие протокола судебного заседания, либо подписание его не теми лицами, которые указаны в главе Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей правила ведения и составления протокола; вынесенных с нарушением тайны совещательной комнаты.

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что полномочий по отмене или изменению судебных постановлений нижестоящих судов у кассационного суда общей юрисдикции сравнительно больше, чем у судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Данное обстоятельство вызвано необходимостью соблюдения процессуальной последовательности при проверке судебных постановлений, в связи с чем каждая вышестоящая инстанция теряет те или иные полномочия в целях четкого установления сферы и пределов рассмотрения дела в каждой судебной инстанции, а также недопущения неоднократного пересмотра и разрешения спора под разными углами зрения.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // СПС Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 13.11.2021);
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 13.11.2021);
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 14.11.2021).

УДК 347.918.2

И. А. Холодков

*Саратовская государственная юридическая академия
ЮИПА
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ПРИМИРЕНИИ УЧАСТНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье автор размышляет над вопросом применения примирения участников экономических отношений. Дается теория, а также анализируется практика использования институтов примирения при разрешении правовых конфликтов.

Ключевые слова: медиация, медиатор, примирительная процедура, арбитражный процесс.

I. A. Kholodkov

*Saratov State Law Academy
UIPA
Russia, Saratov*

ON THE ISSUE OF RECONCILIATION OF PARTICIPANTS IN ECONOMIC RELATIONS

Abstract: In this article, the author reflects on the issue of the application of reconciliation of participants in economic relations. The theory is given, as well as the practice of using reconciliation institutions in resolving legal conflicts is analyzed.

Keywords: mediation, mediator, conciliation procedure, arbitration process.

Примирение как форма ликвидации правового конфликта на всем протяжении исторического развития государства

было присуще судебной форме защиты прав, что можно проследить, начиная от древнерусских источников права и вплоть до настоящего времени. Способом прекращения распри и споров, а с ними и вражды между сторонами, считается склонение последних к миру, так как этим путем прекращается самый повод к несогласиям», – так писал об идее примирения в конце XIX века Е. А. Нефедьев, отмечая, что в этом проявляются также важнейшие задачи государства, направленные и на предупреждение споров, и на их прекращение [1, С.7]. С учетом того, что содействие сторонам в мирном урегулировании споров выступало одной из задач судебной деятельности, в законодательстве отчетливо прослеживалась дифференциация порядка примирения в судах общей юрисдикции и иных судебных и квазисудебных органах.

К примеру, в совестных судах, учрежденных во второй половине XVIII века по инициативе Екатерины II, допускались различные примирительные процедуры. Первоначально суд требовал от сторон примириться самостоятельно, а в случае отказа привлекал к делу посредников, которые должны были содействовать сторонам в ликвидации спора. Если указанные процедуры примирения не приводили к необходимому результату, суд выносил решение [2, С. 40].

Вместе с тем, решения совестных судов основывались на «естественном праве» и принятые по результатам рассмотрения имущественных споров не могли быть принудительно исполнены, что предполагало в случае отсутствия согласия сторон с таким решением передачу иска в суд общей юрисдикции [3, С. 127].

На определенной стадии разрешения конфликта стороны могут утратить способность достижения компромисса либо в их сознании может полностью отсутствовать установка на взаимные уступки, тогда возникает необходимость привлечь незаинтересованную в исходе дела третью сторону (посредника). В последние годы все большую роль в разрешении экономических споров начинают играть институты альтернативного разрешения споров, среди которых особо следует выделить медиацию (посредничество).

Общими аспектами для всех примирительных процедур как разновидностей правовых процедур являются: их нормативное закрепление в отдельных статьях АПК РФ, применение арбитражным судом мер в целях примирения сторон и так далее. Арбитражный процессуальный кодекс не ограничивает также возможности участников экономического оборота для использования примирительных процедур в зависимости от категорий спора, характера правоотношений, если это не противоречит федеральному закону (ч. 2 ст. 138 АПК РФ).

Список литературы:

1. *Нефедьев Е. А.* Склонение сторон к миру в гражданском процессе. Казань: Типография Губернского Правления, 1890. С. 7.
2. *Мхитарян Л. Ю.* Деятельность совестных судов в дореволюционной России (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. 1 (23). С. 40.
3. *Воропанов В. А.* Практика совестных судов на Урале и в Западной Сибири (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2010. № 2 (11). С. 126–130

Е. Н. Чепляева

*Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Факультет подготовки сотрудников полиции
для подразделений
по охране общественного порядка
Россия, Москва*

БАНКРОТСТВО ПРЕДПРИЯТИЙ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ) И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются виды гражданско-правовой ответственности по законодательству о несостоятельности (банкротстве). В зависимости от основания привлечения дополнительного должника к ответственности проводится анализ и рассматриваются особенности субсидиарной ответственности и ответственности в форме возмещения убытков при банкротстве организаций.

Ключевые слова: Несостоятельность (банкротство), солидарные обязательства, субсидиарная ответственность, возмещение убытков.

E. N. Cheplyaeva

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot
Faculty of Staff Training for Public Order Units
Russia, Moscow*

BANKRUPTCY OF ENTERPRISES (ENTREPRENEURS) AND CIVIL LIABILITY

Abstract: The article discusses the types of civil liability under the legislation on insolvency (bankruptcy). Depending on the grounds for bringing an additional debtor to responsibility, an analysis is carried out and the features of subsidiary liability and liability in the form of compensation for losses in the bankruptcy of organizations are considered.

Keywords: Insolvency (bankruptcy), joint and several obligations, subsidiary liability, compensation of losses.

В 2020 г. пандемия, связанная с распространением COVID-19, негативным образом повлияла на мировую и отечественную экономику. Так ВВП России в 2020 г. сократился на 3,1 %, промышленное производство на – 2,6 % [7].

Снижение экономических показателей, гипотетически может привести к увеличению количества обанкротившихся предприятий. Однако, анализ статистических показателей свидетельствует о сокращении количества предприятий (предпринимателей), в отношении которых было инициирована процедура банкротства либо внешнего управления (финансового оздоровления) в 2020 г. Так, в 2020 г. 9 931 предприятие было признано банкротом, что на – 20% меньше, чем в 2019 г., в 2020 г. наблюдение за предприятиями в качестве процедуры банкротства проводилось в отношении 7775 предприятий, что на 23 % меньше, чем в 2019, а внешнее управление – 150, в то время как в 2019 г. данный показатель составлял 209 [8].

Подобная ситуация обусловлена тем, что в марте 2020 г. государство ввело мораторий на подачу кредиторами заявлений на предприятия с целью признания их несостоятельными в целях снижения числа обанкротившихся предприятий. Данный запрет перестал действовать только в январе 2021 г. Поэтому снижение количества предприятий, признанными банкротами, не отображает реальное положение вещей. Так, в 2020 г. количество предприятий, которые являлись неплатежеспособными или имели существенную кредиторскую задолженность, увеличилось на 7 % по сравнению с аналогичным показателем в 2019 г. Таким образом, искусственное сдерживание банкротства предприятий в последствии может привести к крайне негативным экономическим и правовым последствиями, как для экономики страны, так и для социально-правовой сферы. Поэтому важно исследовать правовое регулирование банкротства и особенности гражданско-правовой ответственности, которое наступает для обанкротившегося предприятия (предпринимателя).

Банкротство предприятий (предпринимателей) регламентируется следующими правовыми актами:

– Гражданский кодекс РФ [1] в статье 65 устанавливает, что юридическое лицо (исключение составляют казенные предприятия, а также некоторые виды некоммерческих организаций) могут быть признаны несостоятельными (банкротами) только по решению суда.

– ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] определяет основные понятия в сфере банкротства предприятия, признаки банкротства, порядок, особенности, этапы, процедуры банкротства, ответственность руководителя должника и иных лиц при производстве дела о банкротстве. Таким образом, данный закон определяет основные положения в сфере несостоятельности (банкротства).

– Арбитражный процессуальный кодекс РФ [2] регламентирует порядок рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве).

– законы, которые определяют порядок и особенности банкротства предприятий, ведущих деятельность в строительной, кредитной и иных сферах в целях защиты прав потребителей.

Несмотря на то, что законодатель постарался урегулировать институт несостоятельности (банкротства) с учетом реалий современной экономической, правовой, социальной жизни, судебная практика свидетельствует о несовершенстве данного института. Подобная ситуация обусловлена тем, что на законодательном уровне не были решены базовые положения.

Во-первых, в законодательстве понятия «несостоятельность» и «банкротство» рассматриваются в качестве синонимов. Однако, с данной позицией не согласны многие правоведы. Исходя из буквального толкования ст. 2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» следует, что банкротство – это признание судом предприятия неплатежеспособным. По мнению В.В. Доминичева подобная позиция законодателя не может считаться верной, так как банкротство предприятия затрагивает не только гражданско-правовые, но также и экономические отношения [5, С. 27]. Поэтому, необходимо разграничить понятия «банкротство», «несостоятельность» и «неплатежеспособность».

Во-вторых, должным образом не определены субъекты и особенности наступления гражданско-правовой ответственности в процессе признания предприятия банкротом.

В законодательстве отсутствует определение понятия «гражданско-правовая ответственность». В.А. Белов отмечает, что гражданско-правовая ответственность непосредственным образом связано с общественными отношениями в сфере гражданского оборота и касаются имущественных и личных неимущественных отношений. Применение гражданско-правовой ответственности направлено на восстановление гражданско-правовых правоотношений, которые были нарушены вследствие совершения нарушений положений законодательства либо договора [4, С. 195].

Следовательно, гражданско-правовая ответственность наступает в случае нарушений положений законодательства о несостоятельности (банкротстве). Из анализа главы III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» следует, что ответственность за нарушение законодательства возлагается на руководителей должника и иных лиц, в качестве которых признаются контролирующие лица.

По мнению С.В. Суханова, законодатель должным образом не определил гражданско-правовую ответственность кредиторов. Анализируя судебную практику, правовед приходит к мнению, что кредиторы злоупотребляют своими правами, что наносит вред интересам должника [6, С. 106 – 107].

Таким образом, гражданское законодательство регламентирует институт банкротства предприятий, но нуждается в совершенствовании.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021)
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021)
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)»

4. Белов В.А. Гражданское право. Том 1. Общая часть. – М.: Издательство Юрайт, 2021. С. 195.

5. Доминичева В.В. Банкротство как институт регулирования рыночных процессов. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2019.

6. Суханов С.В. Злоупотребления кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) // Современный юрист. 2021. № 1 (34). С. 105–113.

7. Важнейшие экономические показатели в России и отдельных зарубежных стран [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/31.htm

8. Финансы организаций [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11192?print=1>

УДК 347.9

О. Р. Шафикова, А. А. Богословская

*УФ «Российский государственный университет правосудия»
Россия, Челябинск*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И БРИТАНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье анализируются особенности английского гражданского процесса. Авторы выделяют ряд основополагающих характеристик, формирующих английскую процессуальную систему. Целью исследования является выделение преимуществ процесса, которые в перспективе могли быть интегрированы в российскую систему гражданского процессуального права. Актуальность работы обуславливается малым количеством исследований в подобной сфере гражданского процесса. Авторы приходят к выводу, что существуют некоторые общие особенности, характерные российскому и английскому гражданскому процессу, однако можно рассмотреть и иные положения, с целью внедрения их в отечественную систему гражданского процессуального права.

Ключевые слова: английский, судебный, гражданский процесс Англии, России, судопроизводство, иск, стадии.

O. R. Shafikova, A. A. Bogoslovskaya

*UV «Russian State University of Justice»
Russia, Chelyabinsk*

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND BRITISH CIVIL PROCEDURE LEGISLATION

Abstract. The article analyzes the features of the English civil procedure. The authors highlight a number of fundamental characteristics that form the English procedural system. The aim of the study is to highlight the advantages of the process, which in the future could be integrated into the Russian system of civil procedural law. The relevance of the work is due to the small amount of research in this area of civil procedure. The authors come to the conclusion that there are some common features characteristic of Russian and English civil procedure, however, other provisions can be considered with the aim of introducing them into the domestic system of civil procedural law.

Keywords: English, litigation, civil procedure in England, Russia, legal proceedings, claim, stages.

Основополагающие характеристики английской системы гражданского процессуального права имеют существенные отличия от российского гражданского процесса.

Во-первых, практически все дела в Англии разбираются в первой инстанции профессиональными судьями единолично, т.е. отсутствует поддержка, как присяжных, так и других судей (на данный момент лишь в отношении некоторых деликтных исков в гражданских делах используется суд присяжных – о недобросовестном судебном преследовании, незаконном лишении свободы и о клевете). Также в английском гражданском процессе судьям часто предоставляется возможность принятия решения на личное усмотрение,

что оформляется обычно различными широкими формулировками (например, fair, just and reasonable). Также стоит отметить, что в отличие от решений в РФ, которые имеют четкое разделение на описательную и резолютивную часть, английские решения полностью лишены структурированной формы.

Во-вторых, при рассмотрении крупных исков применяется ряд особых промежуточных и досудебных стадий разбирательства и средств правовой защиты [3, С. 97–98]. Так, в Англии выделяются шесть стадий гражданского процесса, а именно стадия до предъявления иска; стадия возбуждения производства по делу; стадия подготовки сторонами фактических доказательств; показаний экспертов и обмен документов; судебное разбирательство; апелляция; стадия исполнительного производства.

В-третьих, разбирательство осуществляется под тенью принципа, согласно которому суд может потребовать от каждого участника разбирательства оплатить расходы на юридические услуги, обоснованно понесенные его оппонентом, если последний одерживает верх.

В-четвертых, в Англии существует профессиональное разделение судебных юристов на барристеров и солиситоров. Первые относятся к юристам высокого ранга – так называемым «специалистам-процессуалистам», а вторые занимаются осуществлением общего контроля по делу и делегированием определенных функций барристерам (среди них, например, «консультации по вопросам права и доказательств», представление клиента в суде). Вышесказанное объясняется в первую очередь тем, что английский судебный процесс в действительности носит состязательный характер, его условно можно назвать настоящей ареной для состязания в ораторском искусстве. 70% барристеров зарегистрировано в Лондоне, а примерное их число по всей Англии – 11 500.

В-пятых, дело редко доходит до разбирательства, поскольку сторонам почти всегда удается урегулировать дело мирным путем, и по большинству дел стороны находят взаимоприемлемый компромисс [2, С. 64]. Данный фактор мы, безусловно, можем отнести к преимуществам английского гражданского процесса.

Некоторые из институтов английского гражданского процесса имеют место и в российском праве, однако в целом для Англии характерны своеобразные особенности их регулирования. Как пример разберем проведение судебного разбирательства в случае неявки одной из сторон. В английском гражданском процессе представляется интересным: в случае неявки одной из сторон судья может обязать явившуюся сторону сформулировать разумные аргументы в пользу отсутствующей стороны с тем, чтобы суд мог вынести законное и обоснованное заочное решение. Сложно представить применение подобной практики в России, ведь если судить объективно: крайне мала вероятность того, что среднестатистический представитель стороны в суде нашей страны честно и беспристрастно изложит все аргументы, которые могла бы заявить другая сторона. Но почему в Англии это работает успешно? По общему правилу барристеры являются служителями правосудия, а не заключают договор с клиентами, именно по этой причине для них интересы правосудия выше интересов клиентов.

Допустимость показаний с чужих слов («мне сказали», «я слышал») является еще одной значимой отличительной чертой английского судебного процесса. Суды принимают такие доказательства с обязательным учетом не только веса самого доказательства, но и возможности призвать в качестве свидетеля лицо, являющееся первоисточником [2, С. 67]. Также суд должен оценить, насколько истина могла быть искажена в процессе получения доказательства. В нашем же законодательстве в ч. 2 ст. 69 ГПК РФ есть четкие указания о возложении на лицо, которое ходатайствует о вызове свидетеля, обязательства указать, какие обстоятельства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела, может подтвердить свидетель, и сообщить суду его ФИО и место жительства [1].

Также в английском процессуальном праве существует норма о невозможности использования доказательств, кото-

рые были получены стороной в судебном разбирательстве в ином процессе. Здесь нельзя не упомянуть институт «подразумеваемого обязательства», исходящего из обязанности стороны, которая получила доказательство в рамках судебного разбирательства, использовать данное доказательство исключительно в данном процессе [3, С. 124].

Отдельно хочется остановиться на тех институтах английского процесса, которые, на наш взгляд, могли бы быть заимствованы в целях улучшения российского процессуального права и являются практически применимыми.

Как и в российском процессе, не допускается заявление повторного иска с тем же предметом, по тем же основаниям и между теми же сторонами, только в английском процессе это решается через институт запрета возражений (эстоппель) в отношении оснований иска, а в России – через институт прекращения производства по делу. Далее в отношении ранее разрешенного вопроса права или факта английского право использует запрет возражений (эстоппель) по решенному вопросу (issue estoppel), что ближе к понятию преюдициальных фактов. Однако, как известно, российские участники процесса достаточно легко обходят данные ограничения. Например, заявляют иск, в котором один из элементов (либо предмет, либо основания, либо стороны) не совпадает, что позволяет им фактически заново рассмотреть уже проигранное дело. Российское процессуальное право не содержит эффективного средства против подобных недобросовестных действий лиц, участвующих в деле, в отличие от английской системы процессуального права.

Несомненный интерес представляет раздел, посвященный возможности взыскания убытков со стороны, которая подает иск в суд в нарушение соглашения о передаче всех споров в арбитраж (третейский суд). Российское право не предусматривает гражданско-правовую ответственность за нарушение арбитражного соглашения, а оперирует только процессуальными последствиями – оставление иска без рассмотрения (п. 5 ст. 148 АПК РФ, ст. 222 ГПК РФ).

Представляется, что введение гражданско-правовой ответственности за нарушение арбитражного соглашения позволило бы ограничить злоупотребления со стороны недобросовестных участников разбирательства и избежать параллельных разбирательств в арбитраже и государственном суде. Ведь многие апелляции участниками процесса подаются с единственной целью отсрочить вступление судебного акта в законную силу. Против таких недобросовестных действий английское процессуальное право предлагает весьма интересное средство – это наложение на апелланта обязанности

предоставить обеспечение как условие принятия апелляции к рассмотрению. Условие может требовать от ответчика предоставить обеспечение в отношении расходов истца либо внести присужденную сумму в депозит суда. Однако применять это правило нужно с особой осторожностью. Возможность подать апелляцию на судебный акт рассматривается как составная часть права на судебную защиту, поэтому возложение дополнительных обязанностей на апелланта не должно лишать его конституционных прав [3, С. 207].

Подведем итог: безусловно, между российским и британским гражданским процессом присутствует небольшое сходство. Однако мы считаем целесообразным рассмотреть возможность имплементации некоторых преимуществ, существующих в Англии, в гражданский процесс нашего государства, с целью его улучшения.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ГПК РФ) (с изм. и доп. от 30 июня 2003 г., 7 июня, 28 июля 2004 г.). // «Российская газета» от 20 ноября 2002 г.

2. Бутакова Я.С. Особенности английского гражданского процесса // *Международное право*. – 2021. – № 1. – С. 54 – 69.

3. Эндриус Н. Система гражданского процесса Англии // Система гражданского процесса: судебное разбирательство, медиация, арбитраж/ Пер. с англ.; под ред. Р.М. Ходыкина. – М.: Инфотропик Медиа, 2012 – С. 544.

УДК 346.93

И. В. Шляхтов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИНВЕСТОРАМИ СВОИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы государственного регулирования и защиты прав инвесторов в Российской Федерации. Автором изучены и проанализированы актуальные вопросы в данной сфере и предложены способы повышения эффективности государственного управления в сфере инвестиций в Российской Федерации.

Ключевые слова: инвестиционное право, инвестиционный суд, инвестиции, экономика, государственное управление, арбитражный процесс.

I. V. Shlyakhtov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

SOME ASPECTS OF IMPLEMENTATION AND PROTECTION RIGHTS OF INVESTORS IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In article some problems of public administration and protection rights of investors in Russian Federation have considered. Author has explored and analyzed actual problems related to this topic and proposed some measures of increasing efficiency of public administration of investments in Russian Federation.

Keywords: investment law, investment court, investments, economy, public administration, commercial procedure.

Общественные науки, в том числе экономика и право, всегда существуют и развиваются в контексте своего времени. Сегодня перед учёными и практиками возникают новые вызовы, требующие новые методы решения. Одним из таких вызовов стало возросшее значение инвестиций в экономики современных государств и способы регулирования этой инвестиционной деятельности.

Говоря об инвестициях будет разумно привести определение данного термина, закреплённое в ст.1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»: инвестиции – денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [1].

Текущая ситуация в сфере инвестиций в России оставляет желать лучшего. В подтверждение данного тезиса приведём график динамики прямых инвестиций в экономику Российской Федерации, составленный Центральным Банком РФ [2].

На графике видно, что объём прямых инвестиций с 2013 года сильно сократился, а имеющаяся тенденция на снижение данного показателя, не позволяет делать оптимистичных прогнозов. Таким образом, сфера инвестиций в России испытывает определённые трудности, что может говорить о наличии ряда проблем в законодательном регулировании данной сферы. Важность инвестиций в экономике современного государства, вкупе с неутешительной динамикой инвестирования в экономику Российской Федерации, обуславливают актуальность данной темы.

Помимо Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», инвестиционную деятельность в России регулирует множество нормативно-правовых актов, регламентирующих разные аспекты инвестиционной деятельности, при этом часть положений в них дублируется. Такое многообразие, на наш взгляд, не

способствует проведению слаженной и единообразной политике в инвестиционной сфере.

Данная проблема обсуждается в научных кругах. Так, А. Н. Арзамаскин, в своей публикации «Инвестиционное законодательство современной России: проблемы и пути решения», пишет: «В российском законодательстве отсутствует комплексный правовой акт, регулирующий инвестиционную деятельность. Правовое обеспечение данной сферы носит весьма разрозненный характер. В Российской Федерации происходит распределение функции государственного управления инвестиционной деятельностью между большим количеством административных структур, что приводит к затягиванию принятия решения и возникновению внутренних противоречий. Данный механизм вызывает противоречия в нормативно-законодательной базе. Таким образом, огромное значение для поднятия инвестиционной деятельности имеет совершенствование федерального и регионального законодательства, а также совершенствование административного механизма управления данными процессами» [4, С. 65–67].

Мы разделяем мнение А. Н. Арзамаскина. Выходом из данной ситуации может послужить принятие кодифицированного акта, регулирующего общественные отношения в сфере инвестиций. Подобный закон существует в Республике Беларусь и называется Инвестиционным Кодексом РБ. В России ранее также разрабатывался проект Инвестиционного Кодекса, однако вместо него в 2020 году был принят Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» [3]. Проблему множественности источников правового регулирования инвестиционной деятельности в РФ путём добавления ещё одного закона, регулирующего эту деятельность, депутатам, на наш взгляд, решить не удалось. Таким образом для решения обозначенной проблемы, мы считаем необходимым возвращение к разработке концепции Инвестиционного Кодекса РФ.

Единый свод законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность нужен не только для повышения удобства и эффективности правоприменения, но и для лучшего обеспечения гарантий прав инвесторов. Ещё одной такой мерой может выступить создание специализированных инвестиционных судов в системе арбитражных судов Российской Федерации.

Идея создания такого рода судов уже высказывалась. Так, в 2018 Правительство РФ поддержало идею создания специальных судов для территорий опережающего развития и офшоров. Такие суды нужны для привлечения иностранных инвесторов, которым неудобно работать в условиях российского арбитража [5].

Идею введения специализированных инвестиционных судов рассматривал К. А. Ермолаев в своей работе «Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации»: «Защита иностранных инвесторов в целях защиты их прав и экономических интересов не только самих участников, но и государств, которые инвестируют средства в развитие какой-либо деятельности в другом государстве, необходима и должна быть обеспечена гарантиями. В российском законодательстве предусмотрено право обращения в суд общей юрисдикции или арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение решения третейского суда. Но это создает нагрузку на суды общей юрисдикции и сами правоотношения, рассматриваемые в таких международно-третейских судах. В связи с этим необходимо делегировать право исполнения подобных решений специализированным судам. Что касается полномочий данных судов, то, безусловно, им следует применять не только нормы российского права, но и права того иностранного государства, в котором зарегистрировано лицо, участвующее в спорном правоотношении. Но, помимо урегулирования порядка деятельности данного суда, также необходимо учесть сложности организационного характера: например, подбор судьи, не только владеющего соответствующим иностранным языком, но и знающего иностранное законодательство и судебную практику рассмотрения дел. Особенно это касается стран, где приоритет перед законом имеет прецедент. Поэтому необходимо создать

механизм судебной защиты, который будет эффективно работать в интересах инвесторов на территории России» [6, С. 55–56].

Трудно не согласиться с вышеуказанной точкой зрения. Мы уверены, что введение специализированных судов по инвестиционным делам поможет лучше обеспечить права инвесторов, особенно это актуально для зарубежных инвесторов, которым, в силу их положения, сложнее защищать свои права в иностранном государстве. Основные сложности при введении таких специализированных судов могут быть связаны с финансированием – содержание нового звена судов может значительно образом увеличить расходы на судебную систему. Менее значимая, но всё же ожидаемая проблема – это нехватка квалифицированных кадров, обладающих не только высшим юридическим, но ещё и высшим экономическим образованием, причём с узкой специализацией, связанной с инвестиционным делом, а также обладать определённым образом в данной области. Тем не менее, нам кажется, что это скорее вопрос государственной политики – если и когда у государства возникнет острая необходимость в инвестициях, оно начнёт стимулировать данную сферу экономических отношений, и введение специализированных судов может стать одним из таких стимулов.

Подводя итог, можно сказать, что законодательное регулирование общественных отношений, связанных с инвестиционной деятельностью в России достаточно развито, но всё же, нуждается в доработке. С увеличением уровня правовой защиты инвесторов, государство создаёт основу для расширения своей экономики, что неизбежным образом ведёт к увеличению благосостояния страны. Для подтверждения этого тезиса достаточно взглянуть на ряд стран догоняющего развития, которые в недалёком прошлом сделали важной частью государственной политики инвестиции в свою экономику, а теперь обгоняют развитые страны по темпам экономического роста. Остаётся надеяться, что Россия тоже войдёт в когорту этих стран.

Список литературы:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. От 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 01.03.1999. – № 9. – ст. 1096.
2. Банк России [электронный ресурс]: Статистика внешнего сектора / Официальный сайт Банка России: Центральный банк Российской Федерации, 2021. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/. (дата обращения: 12.11.2021).
3. Коммерсантъ [электронный ресурс]: Инвестиционный, но не кодекс / Сетевое издание «Коммерсантъ»: АО «Коммерсантъ», 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4285299>. (дата обращения: 08.11.2021).
4. Арзамаскин А. Н. Инвестиционное законодательство современной России: проблемы и пути решения // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 64–68.
5. Известия [электронный ресурс]: Правительство поддержало идею создания инвестиционных судов / Сетевое издание «Известий»: ООО «МИЦ Известия», 2018. URL: <https://iz.ru/787849/inna-grigoreva-tatiana-gladysheva/pravitelstvo-podderzhalo-ideiu-sozdaniia-investitsionnykh-sudov>. (дата обращения: 08.11.2021).
6. Ермолаев К. А. Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации // Ермолаев Константин Андреевич Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (48). С. 48–58.

РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 347.4

А. В. Агеев

*Саратовская государственная юридическая академия
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье рассматриваются сформировавшиеся подходы к определению и регулированию смарт-контрактов. Автор рассматривает существующие подходы к законодательному закреплению смарт-контрактов и приходит к заключению о существующей проблеме регулирования данного правового явления.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровизация права, цифровые технологии в праве.

A. V. Ageev

*Saratov State Law Academy
Russia, Saratov*

THE PROBLEM OF REGULATION OF SMART CONTRACTS: A CIVIL LAW PERSPECTIVE

Abstract. The article examines the established approaches to the definition and regulation of smart contracts. The author examines the existing approaches to the legislative consolidation of smart contracts and comes to the conclusion about the existing problem of regulating this legal phenomenon.

Keywords: smart contract, digitalization of law, digital technologies in law.

Развитие технологий на протяжении всей истории человечества постепенно вводило новые способы и средства с целью взаимодействия общественных и государственных институтов, решения актуальных проблем, оптимизации экономики и т.д. Однако с внедрением электронных технологий и цифровизации общества в современном мире произошли кардинальные изменения.

Во-первых, большинство процессов в обществе значительно ускорились. Например, неожиданно выросший интерес к криптовалютам в последнее время охватил в короткие сроки весь мир, создав на несколько лет правовую неопределенность. Большинство государств не обладало необходимой законодательной базой и эмпирическими данными для оперативного внедрения эффективного регулирования по использованию нового объекта правоотношений.

Во-вторых, произошел пересмотр «классического подхода». Объекты, правовые институты и иные явления разного характера, существовавшие до цифровизации, после внедрения в данные явления цифровых технологий стали рассматриваться по-новому. К примеру, смарт-контракты образовали в научном сообществе дискуссию по пересмотру классического подхода к договорным правоотношениям.

Несмотря на то, что понятие смарт-контракта было сформировано около двадцати пяти лет назад, данное явление в настоящее время неоднозначно понимается в науке и не имеет отчетливо сформировавшегося законодательного и правоприменительного подхода в мире.

Одним из основоположников идеи считается Сабо Н., который рассматривал смарт-контракты как набор обещаний, указанных в цифровой форме, включая протоколы, в рамках которых стороны выполняют эти обещания. [6]

Одна из основных идей, включенная указанным автором в смарт-контракт, заключается в возможности встроить договорные положения в программное обеспечение таким образом, чтобы нарушение договора было «дорогостоящим» для нарушителя. Тем самым можно сделать вывод, что одна из идей смарт-контракта может рассматриваться как правовая конструкция с целью защиты гражданских прав участников договора.

Сегодня определение природы смарт-контракта не является однозначным. Шерстобитов А. А. рассматривает существование четырех подходов: как вид договора; как самостоятельную специальную договорную конструкцию; как специфический вид гарантии исполнения обязательства; как одно из возможных условий договора о его исполнении [2].

Автор данной статьи поддерживает позицию Шерстобитова А. А., что наиболее оптимальным подходом к рассмотрению природы смарт-контракта, является определение его как специальной договорной конструкции.

Вышеизложенное разнообразие подходов определения природы правового явления образует препятствие в формировании правового регулирования. Однако попытки сформировать законодательное определение принимались.

В изначальном проекте федерального закона «О цифровых финансовых активах» было закреплено: «смарт-контракт – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [1]. Однако данное определение не было принято и не вошло в Федеральный закон № 259 Ф3.

В рамках рассмотрения зарубежного опыта представляется интересным рассмотреть подходы Италии и США.

Италия оказалась одна из первых стран урегулировавшая смарт-контракт. «Смарт-контракт определяется как компьютерная программа, которая работает на основе технологий, основанных на распределенных регистрах (DLT), и выполнение которой автоматически связывает две или более сторон на основе заранее определенных условий» [4].

В то время как в США нет единого, федерального подхода, однако существует практика отдельных штатов. Так в законодательстве штата Иллинойс закреплено: «смарт-контракт означает договор, хранящийся в виде электронной записи, которая проверяется с помощью блокчейна» [5].

В аспекте двух разных законодательных систем интерес представляет разница технологий, на которых основывается смарт-контракт. В итальянском праве указан «DLT», в то время как в праве штата США указан «блокчейн».

Distributed Ledger Technology (DLT) это универсальный, общий термин для описания технологии распределенного реестра, а блокчейн представляют именно такую систему, поэтому он входит в «DLT». Следовательно, Италия закрепляет возможность использования большего разнообразия технологий, нежели США.

Однако стоит обратить внимание на особую позицию, которая сформирована Палатой Цифровой торговли в США следующим образом: «Существующие правовые рамки для определения и придания юридической силы контрактам охватывают технологию смарт-контрактов. Дополнительные законы в значительной степени не нужны и только затрудняют применение действующего законодательства» [3].

Данная позиция основана на неокончательной определенности смарт-контракта как отдельного правового института. Так смарт-контракт по своей сути является компьютерным кодом, при помощи которого реализуются основные условия договора. Из этого следует, что основные юридически значимые условия могут не зависеть от самого кода, а сам код не является отдельным договором и может не нести юридические последствия. Стоит отметить, что действующее законодательство США позволяют рассматривать смарт-контракт в аспекте электронного договора.

В настоящее время одна из основных проблем в регулировании смарт-контрактов заключается в отсутствии определенности правовой природы и разнообразии подходов к определению и регулированию смарт-контрактов. Законодателю необходимо сформулировать легитимное определение смарт-контракта. В рамках данной статьи может быть предложено следующее определение: смарт-контракт – это программа для ЭВМ, которая работает на основе технологий распределенного регистра (DLT), в том числе на технологиях блокчейна, с целью автоматического исполнения договора, сделок или иных юридически значимых действий.

Список литературы:

1. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» // 2018. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh

2. Шерстобитов А. А. Правовая природа смарт-контракта // Скиф. 2021. № 5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-vaya-priroda-smart-kontrakta-1> (дата обращения: 15.11.2021).

3. Chamber of Digital Commerce. "Smart Contracts" Legal Primer // January 2018 URL: <https://digitalchamber.org/wp-content/uploads/2018/02/Smart-Contracts-Legal-Primer-02.01.2018.pdf>

4. DECRETO-LEGGE. Disposizioni urgenti in materia di sostegno e semplificazione per le imprese e per la pubblica amministrazione // 14 dicembre 2018, n. 135 URL: <https://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2018-12-14&atto.codiceRedazionale=18G00163&atto.articolo.numero=0&atto.articolo.sottoArticolo=1&atto.articolo.sottoArticolo1=10&qId=b93605e3-479f-463c-b294-7659c7f80b-b3&tabID=0.8650063418398692&title=lbl.dettaglioAtto>

5. Illinois Code. 205 ILCS 730 Blockchain Technology Act // URL: <https://casetext.com/statute/illinois-compiled-statutes/regulation/chapter-205-financial-regulation/act-730-blockchain-technology-act/section-205-ilcs-7305-definitions>

6. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // 1996. № 16 URL: <http://www.truevaluemetrics.org/DBpdfs/BlockChain/Nick-Szabo-Smart-Contracts-Building-Blocks-for-Digital-Markets-1996-14591.pdf>

УДК 341.95

М. Г. Амбардзян, С. С. Какошкина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В статье анализируется правовая природа брачного договора по российскому и зарубежному законодательству. Автором акцентируется внимание на разнице в содержании брачного договора в разных странах, а также предлагаются пути решения сопутствующих проблем.

Ключевые слова: Брачный договор, семейные отношения, сравнительный анализ, имущественные отношения, неимущественные отношения.

M. G. Ambardanyan, S. S. Kakoshkina

*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor
Russia, Saratov*

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE MARRIAGE CONTRACT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

Abstract. The article analyzes the legal nature of the marriage contract under Russian and foreign legislation. The author focuses on the difference in the content of the marriage contract in different countries, and also suggests ways to solve related problems.

Keywords: Marriage contract, family relations, comparative analysis, property relations, non-property relations.

Увеличение количества браков между гражданами Российской Федерации и гражданами иностранных государств актуализирует на сегодняшний день тематику заключения брачного договора. На международном уровне для регулирования данных отношений приняты такие акты, как Конвенция о признании разводов и решений о судебном разлучении супругов 1970 г., Конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам 1973 г., Конвенция о заключении и признании действительности браков 1978 г., Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов 1978 г.

Российским законодательством предусматривается два режима имущества супругов: законный, т.е. совместная собствен-

ность супругов, и договорный, который устанавливается путем заключения между супругами брачного договора.

В основе договорных отношений супругов находится право установить в отношении имущества режим совместной, раздельной или долевой собственности. Распространяться такой режим может как на все имущество в целом, так и на отдельное. Учитывая увеличение количества браков между гражданами разных государств, важно помнить, что спектр регулирования отношений супругов брачным договором в тех или иных странах отличается своими возможностями.

Семейным кодексом Российской Федерации предусматриваются ограничения по содержанию брачного договора по вопросам неимущественного характера (так как им регулируются только имущественные отношения супругов) и права и обязанности супругов в отношении детей. В данном подходе кроется проблема, требующая законодательного разрешения. С учетом положения ч. 3 ст. 64 СК РФ, место жительства ребенка при раздельном проживании родителей определяется согласно соглашению супругов [5, С. 125]. В ст. 66 СК РФ установлено право родителей заключить соглашение о порядке осуществления прав родителем, который проживает отдельно от ребенка. Настоящее положение создает благоприятную почву для усложнения правовых отношений супругов. Представляется, что для оптимизации использования правовых ресурсов можно предусмотреть возможность включения сведений об этом в брачный договор. Сторонником закрепления личных неимущественных прав является О. Н. Савостьянова, которая отмечает, что, предусмотрев все права и обязанности сторон в одном документе, возможно обеспечить экономию времени сторон договора и учесть их интересы [4, С. 46].

Однако с другой стороны анализа данной проблемы, личные неимущественные отношения достаточно трудно подвергнуть правовому регулированию, в виду отсутствия механизма принуждения одной из сторон брачного договора, сложностью доказывания отдельных условий договора [2, С. 81].

Анализируя зарубежный опыт, важно отметить, что многие страны мира предусматривают закрепление личных неимущественных отношений в содержании брачного договора. К примеру, в США не имеется жестких установок по условиям брачного договора, как регулирующего только имущественные отношения супругов (права и обязанности по содержанию, способы участия в доходах друг друга, режим собственности и т.д.) [1, С. 50]. Американским законодательством установлены общие запреты на конкретные условия (ограничение прав детей на поддержку) [3, С. 237].

Австрийским законодательством, помимо регулирования имущественных отношений супругов, предусмотрена возможность изъявления мнения, с кем останутся дети после развода. Однако решение в итоге принимает суд, хоть и основывается на положениях договора.

Таким образом, несмотря на спорные в российской науке взгляды на содержание брачного договора, важно организовать процесс по разработке отдельных положений, предусматривающих возможность включения в брачный договор по российскому законодательству пунктов о личных неимущественных правах супругов и содержания договора в отношении детей. На наш взгляд, адаптация зарубежного опыта благоприятно скажется на семейных взаимоотношениях супругов в России и сократит иммиграцию граждан за рубеж, так как создаст уверенность в возможностях российского законодательства обеспечить не только их имущественные, но и неимущественные интересы в браке.

Список литературы:

1. Волченкова Т. П. Сравнительный анализ брачного договора в России и США // Отечественная юриспруденция. 2019. С. 46–53.

2. Ермолаева Т. А. Возможность и целесообразность применения опыта зарубежных стран в регулировании имущественных отношений супругов, осложненных иностранным элементом // Правовая культура: права человека, права народов. Международное сотрудничество. 2018. № 2(33). С. 79–85.

3. Пущинова А. С. Сравнительный аспект правового регулирования брачного договора в России и за рубежом // Молодой ученый. 2017. № 51. С. 235–238.

4. Савостьянова О.Н. Брачный договор: актуальные проблемы и пути их решения // Гражданин и право. 2011. № 1. С. 45–49.

5. Смирнова Е.В. Брачный договор с участием иностранного элемента по российскому и зарубежному законодательству // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. С. 123–129.

УДК 347

М. А. Антонов, Е. Д. Владимиров

*Саратовская государственная юридическая академия
Россия, Саратов*

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ОСНОВНОЕ НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. в данной статье рассматриваются нормы о добросовестности в гражданском праве России. Основное содержание исследования составляет анализ добросовестности как правового явления. В рамках анализа был предложен подход к пониманию добросовестности как правовой категории. Значительное внимание уделяется презумпции недобросовестности как способу перераспределения бремени доказывания.

Ключевые слова: презумпция, добросовестность, презумпция добросовестности, недобросовестность, презумпция недобросовестности.

M. A. Antonov, E. D. Vladimirov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

CONSCIENTIOUSNESS AS THE MAIN PRINCIPLE OF CIVIL LEGISLATION

Abstract: This article discusses the norms of good faith in the civil law of Russia. The main content of the study is the analysis of good faith as a legal phenomenon. As part of the analysis, an approach to understanding good faith as a legal category was proposed. Considerable attention is paid to the presumption of bad faith as a way of redistributing the burden of proof.

Keywords: presumption, good faith, presumption of good faith, bad faith, presumption of bad faith.

С 1 сентября 2013 года в Гражданском кодексе [1] Российской Федерации (далее – ГК РФ) получил официальное закрепление принцип добросовестности. Это событие ознаменовало собой новый этап развития гражданского права в нашей стране. Отныне «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Безусловно, это не означает, что до появления данной нормы субъекты гражданского права могли позволить вести себя недобросовестно при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей. Так, пункт 2 статьи 6 ГК РФ предписывал руководствоваться требованиями добросовестности, разумности и справедливости при определении прав и обязанностей сторон, а статья 10 ГК РФ запрещала злоупотребление правом. Тем не менее, закрепление добросовестности в качестве принципа, основополагающего начала, которому обязаны неукоснительно следовать все субъекты гражданских правоотношений, – это серьезный законодательный шаг, существенно повлиявший на развитие гражданского оборота.

Добросовестность – это нравственная категория, поэтому достаточно трудно дать определение этого понятия применительно к праву. ГК РФ не содержит дефиниции понятия «добросовестность». В доктрине сформировались различные подходы к его определению. Например, ученый-цивилист К.В. Нам под добросовестным понимает поведение, обеспечивающее «соблюдение честной деловой практики, справедливости с оглядкой на интересы сторон правоотношения, соблю-

дения баланса интересов сторон, общеправовых ценностей» [2, С. 79].

Несмотря на отсутствие определения понятия добросовестности в ГК РФ, неопределенность в вопросе понимания данного гражданского-правового феномена попытался устранить Верховный суд Российской Федерации. В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – ПП ВС РФ) от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3] содержится разъяснение принципа добросовестности. В пункте 1 Постановления говорится: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации».

В науке нет единого мнения относительно роли принципа добросовестности. Достаточно интересной точки зрения придерживается А.Г. Карапетов, согласно которой «принцип доброй совести – это не правовая норма, непосредственно направленная на регулирование общественных отношений и подлежащая применению судами, а инструмент делегации правотворческой компетенции судам» [4, С. 156]. Возможность «делегации правотворческой компетенции судам» представляется достаточно спорной в рамках романо-германской правовой семьи.

Есть основания полагать, что принцип добросовестности не должен восприниматься как источник судебного правотворчества. Создание правовых норм – это прерогатива законодательных органов, ни одна ветвь власти не должна вмешиваться в сферу компетенции другой ветви, поскольку в противном случае нарушается принцип разделения властей. Кроме того, существенным изъяном в концепции добросовестности как «инструмента делегации правотворческой компетенции судам» является ретроспективный характер такого правотворчества, что противоречит пункту 1 статьи 4 ГК РФ: «Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие».

Иной позиции относительно правовой роли принципа добросовестности придерживается К.В. Нам. Он тоже воспринимает добросовестность как инструмент, но не правотворчества, а «корректирования правового регулирования конкретных правоотношений, когда формальное регулирование отклоняется от тех целей и задач, которые преследовались и подразумевались правом» [5, С. 89]. Иными словами, принцип добросовестности служит для приведения буквы закона в соответствие с его духом. Это очень важно в условиях, когда формальный подход к регулированию правоотношений способен причинить вред законным интересам участников гражданского оборота.

Особенностью принципа добросовестности является возможность его применения по инициативе суда. В соответствии с п. 1 ПП ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Подобное ограничение составительности сторон демонстрирует особое значение принципа добросовестности для гражданского-правового регулирования. В широком смысле презумпция добросовестности означает защиту человеческого достоинства, которое согласно ст. 21 Конституции Российской Федерации [6] охраняется законом. Как следствие, сохранение нормы о презумпции добросовестности означает доверие государства к человеку и сохранение основ гражданского общества [7, С. 139–140].

Однако, характер некоторых отношений, складывающихся между участниками гражданского оборота, заставляет задуматься об ограничении данной презумпции. Речь идет о ситуациях, когда доказать недобросовестность лица бывает крайне затруднительно, что может быть обусловлено спецификой существующих отношений.

Презумпция недобросовестности как, очевидно, единственный вариант ограничения презумпции добросовестности уже существует в гражданско-правовом поле России.

Так, пункт 2 статьи 434.1 ГК РФ устанавливает презумпцию недобросовестности стороны при проведении переговоров: «Недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагается»:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать».

И хотя в норме отсутствует словосочетание «презумпция недобросовестности», систематическое толкование данной статьи позволяет говорить о наличии в ней данной презумпции.

Другим, менее очевидным примером норм, в которых закреплена презумпция недобросовестности, является пункт 2 статьи 174 ГК РФ. Данную норму необходимо применять с учетом пункта 93 ПП ВС РФ от 23.06.2015 № 25: «О наличии явного ущерба свидетельствует совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях, например, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента. При этом следует исходить из того, что другая сторона должна была знать о наличии явного ущерба в том случае, если это было бы очевидно для любого участника сделки в момент ее заключения». В данном разъяснении закреплена презумпция знания стороной о наличии явного ущерба, когда это было бы очевидно для любого участника гражданского оборота. Из такого знания напрямую вытекает недобросовестность стороны.

При буквальном толковании пункта 2 статьи 174 ГК РФ может сложиться мнение, что законодатель стремится патерналистски оградить участников оборота от экономических просчетов, неудачных инвестиций, принятия непродуманных рисков. Однако такой подход противоречил бы основным началам гражданского законодательства РФ, в частности принципу свободы договора. На самом деле, целью введения данной нормы является защита интересов сторон не от экономических просчетов и непродуманных рисков, а от труднодоказуемого сговора.

На основе приведенных норм можно сделать вывод об использовании в гражданско-правовом регулировании РФ презумпции недобросовестности. Данная презумпция является достаточно эффективным способом распределения бремени доказывания. Возможно, расширение сферы использования указанной презумпции как исключения из общего правила в случаях, когда это необходимо для наиболее эффективной защиты прав и законных интересов участников оборота.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2019. № 51 (часть I). Ст. 7482. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5053.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Асосков А.В., Байбак В.В., Бевзенко Р.С. [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]. Москва: М-Логос, 2020. 1469 с.
5. Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права, 2017, № 6. С. 74–90.
6. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности. Современный этап // Вестник экономического правосудия РФ, 2018, № 7. С. 83–114.
7. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133–140.

УДК 347.5

Д. С. Аскерова

Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАСХОДОВ НА ПОГРЕБЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования возмещения расходов на погребение и особенности применения данных норм на практике. Автор приходит к выводу, что законодатель намеренно оставил данный вид возмещения без детального правового регулирования в связи со спецификой и многообразием похоронных обычаев и традиций народов РФ.

Ключевые слова: возмещение расходов, расходы на погребение, достойные похороны, пособие на погребение.

D. S. Askerova

Saratov State Law Academy
Institute of justice
Russia, Saratov

FEATURES OF REIMBURSEMENT OF BURIAL EXPENSES

Abstract. The article deals with the issues of legal regulation of reimbursement of burial expenses and the specifics of the application of these norms in practice. The author comes to the conclusion that the legislative “uncertainty” regarding this type of expenses is determined by the specifics and diversity of funeral customs and traditions.

Keywords: reimbursement of expenses, burial expenses, decent burial, burial allowance.

Жизнь – ценность, не подлежащая денежной оценке, и вред, причиненный ей, в принципе, невосполним. Причинение вреда жизни связано с посягательством на особые блага, имеющие нематериальную природу, что обуславливает сложности в определении характера и объема компенсации понесенных потерь. Вместе с тем причинение вреда указанному благу может явиться причиной возникновения для ответственных за вред лиц имущественных потерь, одним из которых – возмещение расходов на погребение.

В действующем законодательстве погребение определяется как обрядовые действия, связанные с захоронением тела (останков) человека после его смерти, исходя из обычаев и традиций, которые не должно противоречить санитарным и иным требованиям. Закон определяет три допустимых способа захоронения: предание тела (останков) умершего земле (захоронение в могилу, склеп), кремация с последующим захоронением урны с прахом, захоронение в воду.

Государством обеспечивается гарантированный перечень услуг по погребению, таких как, оформление документов, необходимых для погребения, предоставление и доставка гроба и других необходимых предметов, перевозка тела (останков) умершего на кладбище (в крематорий), погребение (кремация с последующей выдачей урны с прахом) [1]. Причем качество подобных услуг должно соответствовать требованиям, устанавливаемым органами местного самоуправления. Однако этот перечень включает в себя лишь часть затрат на проводы человека.

В отношении понятия «расходы на погребение» законодатель не выразил свою позицию. Исходя из практики судов общей юрисдикции, в расходы на погребение включаются издержки, необходимые для обеспечения достойного отношения к телу умершего и его памяти. К ним относятся:

1) расходы на оплату ритуальных услуг (покупка гроба, покрывала, подушки, савана, иконы и креста в руку, венка, ленты, ограды, корзины, креста, таблички, оплата укладки в гроб, выкапывания могилы, выноса, захоронения, установки ограды, установки креста, предоставления оркестра, доставки из морга, услуг священника, автобуса до кладбища, установка памятника и благо-устройство могилы);

2) оплата медицинских услуг морга;
3) устройстве поминального обеда для почтения памяти умершего родственниками и иными лицами [2].

При определении расходов важно учитывать, что такие издержки должны обеспечить достойные похороны. Ни действующее гражданское законодательство, ни законодательство о погребении и похоронном деле не определяют критерии определения достойных похорон. Это понятие носит субъективный характер, и лица, организующие похороны, самостоятельно определяют, какое прощание будет соответствовать жизни и памяти покойного.

В отличие от гарантированных услуг погребения размер возмещения не может ставиться в зависимость от стоимости гарантированного перечня услуг по погребению, установленного в субъекте Российской Федерации или в муниципальном образовании. Однако необходимые расходы должны соответствовать принципу разумности. Как правовая категория «разумность» предполагает, что имущественные отношения между субъектами основаны на здравом смысле, и требования в рамках таких отношений соответствуют истинному смыслу и цели деяний [3].

Нормативно-правовые акты не регламентируют проведение поминального обеда и установку надгробного памятника как обязательной части церемонии прощания с умершим. Однако эти действия общепризнаны и соответствуют погребению по христианскому обычаю при захоронении тела в земле и традициям населения Российской Федерации.

На практике из совокупности расходов, суды при рассмотрении требования граждан о возмещении расходов, исключают затраты на алкогольные напитки на поминальном обеде. Необходимость употребления спиртных напитков, которые создают потенциальную опасность здоровью человека, противоречит конституционному праву каждого на охрану здоровья. Поэтому, несмотря на то что распитие спиртного на похоронах в определенной общности и местности существует, оно как противоречащее целям закона не должно быть

обеспечено силой государственного принуждения вследствие применения его судами [4].

Стоит разграничивать расходы на похороны, которые связаны с непосредственным прощанием с усопшим, и издержки на проведение поминок на 9-й и 40-й день и полгода. Несмотря на то, что поминальные обеды в эти дни являются общеизвестным обычаем и связаны с почтением памяти умершего, они непосредственно не связаны с захоронением, и поэтому не включаются в общую сумму расходов [5]. Тем не менее, сами расходы на погребение не ограничиваются днем похорон. Есть группа ритуальных услуг, которые осуществимы спустя определенное время после проводов человека, например, установка памятника может произойти спустя полгода и позже после погребения [6].

Решая вопрос о размере взыскания с ответчика, суд опирается на предоставленные истцом документы, подтверждающих расходы на похороны, поэтому предметом рассмотрения не могут быть будущие издержки [7].

Относительно объема возмещения на практике встречаются расхождения о включении пособия на погребение в счет возмещения. При этом в законе этот вопрос звучит однозначно: «пособие на погребение, полученное гражданами, понесшими эти расходы, в счет возмещения вреда не засчитывается» [8]. Так, при рассмотрении вопроса о возмещении расходов на погребении Канский районный суд из общего объема требований вычел, предоставленное истцу ГУ УПФР в г. Канске Красноярского края, сумму пособия на погребение умершего [9].

Таким образом, норма, закрепленная в ст. 1094 ГК РФ, подлежит расширительному толкованию. Характер и объем расходов носят субъективный характер, и во многом определяется религиозными, национальными и региональными обычаями, что затрудняет детальное правовое регулирование и порождает трудности при определении разумности и целесообразности расходов при разрешении конкретного гражданско-правового спора.

Список литературы:

1. О погребении и похоронном деле: ФЗ от 12.01.1996 № 8-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. ст. 146.

2. Решение № 2-458/2020 2-458/2020–М-249/2020 М-249/2020 от 16 ноября 2020 г. по делу № 2-458/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/geTfKbCw3O1/> (дата обращения: 12.11.2021).

3. *Беседкина Н.И.* Категория разумности во внедоговорных обязательствах // Образование и право. 2017. № 5. С. 114–117.

4. Решение № 2-574/2020 2-574/2020–М-390/2020 М-390/2020 от 25 сентября 2020 г. по делу № 2-574/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p3RsLjaCS5t/> (дата обращения: 12.11.2021).

5. Решение № 2-657/2020 2-657/2020–М-656/2020 М-656/2020 от 16 сентября 2020 г. по делу № 2-657/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uGcyx1baNud4/> (дата обращения: 12.11.2021).

6. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 12 мая 2015 г. по делу № 33-1149/2015 // URL: <https://base.garant.ru/135070503/> (дата обращения: 12.11.2021).

7. Апелляционное определение СК по гражданским делам Алтайского краевого суда от 20 мая 2015 г. по делу № 33-4610/2015 // URL: <https://base.garant.ru/134689388/> (дата обращения: 12.11.2021).

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

9. Решение № 2-1632/2020 2-1632/2020–М-1102/2020 М-1102/2020 от 8 октября 2020 г. по делу № 2-1632/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ljg1LkOCdBZx/> (дата обращения: 12.11.2021).

УДК 347.4

Е. О. Белозерова

*«Южный федеральный университет»
Россия, г. Ростов-на-Дону*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ РФ) О СУЩЕСТВЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Аннотация. Институт существенного изменения обстоятельств в Российской Федерации применяется иначе, чем в зарубежных правовых системах. Анализируя новые типовые оговорки ICC, можно заметить, что целью данного института является сохранение наиболее выгодных условий договора для сторон. В то время как в России активно используется механизм расторжения договора и вмешательство в договорные отношения посредством использования ст. 451 ГК РФ.

Ключевые слова: существенное изменение обстоятельств, расторжение договора, изменение договора, оговорка

Е. О. Belozerova

*“South Federal University”
Russia, Rostov-on-Don*

COMPARATIVE ANALYSIS OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND NATIONAL LAW (CASE STUDY OF THE RUSSIAN FEDERATION) ON A SUBSTANTIAL CHANGE OF CIRCUMSTANCES

Abstract. The institute of essential change of circumstances is applied differently in the Russian Federation than in foreign jurisdictions. In analysing the new ICC model clauses, it can be seen that the purpose of this institution is to preserve the most beneficial conditions of the contract for the parties. Whereas in Russia, the mechanism of contract termination and interference with contractual relations through the use of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation is actively used.

Keywords: hardship clause, material change of circumstances, termination of contract, modification of contract, reservation.

Римский принцип *stantibus clausula rebus sic*, суть которого в том, что обязательства могут перестать быть обязательными для сторон, в случае существенного изменения обстановки становится всё более актуальным в современных условиях. Реализацию этого принципа можно увидеть в нормах разных

государств: в ст. 451 Гражданского кодекса Российской Федерации, в § 313 Германского гражданского уложения, в Модельных правилах европейского частного права (DCFR) в ст. III.-1:110. Это связано с тем, что целью любого договора является получение экономического блага от исполнения обязательства. Однако ввиду определённых обстоятельств исполнение договора будет явно не соответствовать его целям, если затраты на его реализацию окажутся несоразмерными.

Рассматривая объективную необходимость в изменении условий договоров в исключительных случаях, возникает вопрос о соотношении данного механизма с принципом *acta sunt servanda*. Некоторые правовые порядки довольно строго воспринимали этот постулат и отрицали возможность изменения или расторжения договора, предусматривая частичное освобождение от исполнения обязательства только в случае форс-мажора (например, Франция) [1, С.145]. Но после множества мировых войн, экономических кризисов и существующей сейчас пандемии становится очевидным, что необходимо делать исключения из принципа *acta sunt servanda* для ситуаций, когда при должном уровне добросовестности сторона может исполнить обязательство, но ввиду непредвиденных обстоятельств, данное исполнение не целесообразно.

Для выхода из этой ситуации предусмотрено два механизма: изменение условий договора для выравнивания интересов сторон, которые были изменены существенными непредвидимыми обстоятельствами, и расторжение этого договора в случае, если его исполнение экономически не выгодно сторонам договора ввиду изменившихся обстоятельств.

Рассматривая эти два варианта, очевидно, что для правового порядка предпочтительным должно быть сохранение договорных отношений, но при соответствующей адаптации их к новым обстоятельствам. Это необходимо для стабильности гражданского оборота, развития экономических связей между контрагентами и в целом экономического благосостояния государства [2, С.74]. Расторжение же договора по таким обстоятельствам должно происходить в исключительных ситуациях, когда варианты спасения отношений отсутствуют.

Современная реальность актуализировала значение принципа *stantibus clausula rebus sic*, что выразилось в обновлении оговорки о существенном изменении обстоятельств ИСС на международном уровне. Для наглядного отражения различного понимания данного института в национальном частном праве и нормах международного частного права, сформулированных в *soft law*, нами будет произведено сравнение положений российского гражданского права и новой оговорки ИСС о существенном изменении обстоятельств 2020 года [3, С. 5].

В соответствии со ст. 451 ГК РФ изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств возможно при наличии одновременно следующих обязательных критериев:

– в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;

– изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;

– исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в

значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;

– из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Рассматривая оговорку о существенном изменении обстоятельств ИСС, необходимо обратить внимание, что там всего два критерия для определения указанных обстоятельств (пункт 2 подпункты а и б):

а) дальнейшее исполнение договорных обязанностей стало чрезмерно обременительным в связи с событием, находящимся за пределами разумного контроля стороны договора, которое, как разумно предполагается, не могло приниматься в расчёт во время заключения договора; и что

б) разумно избежать или преодолеть событие или его последствия не представляется возможным, стороны обязаны в течение разумного периода времени с момента ссылки на этот пункт, договориться об альтернативных условиях договора, которые в разумной степени позволяют преодолеть последствия такого события.

Первое отличие – терминологическое, в понятии существенных обстоятельств: ГК РФ указывает, что стороны исходили из того, что данное обстоятельство не наступит, в то время как оговорка ИСС предусматривает, что данное обстоятельство не могло вообще приниматься в расчёт. По оговорке ИСС создаётся впечатление, что стороны не знали и не могли знать о данном явлении (очень схоже с понятием форс-мажора). То есть по российскому законодательству о существовании данных обстоятельств стороны договора могли знать, но полагать, что указанные обстоятельства не будут касаться их договорных отношений, в то время как в оговорке ИСС предусмотрено, что существенные обстоятельства не наступили на момент заключения договора или стороны не знали о них.

Второе отличие состоит в досудебном регулировании изменения и расторжения договора. По оговорке ИСС стороны обязаны в разумный срок договориться об альтернативных условиях договора, которые обеспечат его сохранение. ГК РФ не содержит критерия обязательности согласования альтернативных условий договора, однако предполагает в п.2 ст. 451, что стороны пытались согласовать условия для изменения или расторжения договора. При этом отсутствие попыток согласования новых договорных условий не является препятствием для обращения в суд.

Третье отличие заключается в процедуре изменения/расторжения договора: оговорка ИСС указывает, что если стороны договора не пришли к соглашению об изменении договора, то сторона по своей инициативе расторгает договор, но она не вправе требовать изменения этого договора в судебном порядке без согласия контрагента (расторжение договора стороной договора). Российскому законодательству не знаком механизм дачи согласия на изменение договора одной из сторон, поэтому лицо вправе обратиться в суд с указанным требованием независимо от воли другой стороны. При этом в ст. 451 ГК РФ отсутствует механизм расторжения договора во внесудебном порядке без согласия сторон, то есть невозможно в одностороннем порядке расторгнуть договор, в отличие от правил ИСС.

Также пункт 3В оговорки ИСС предусматривает возможность суда по требованию заявителя на усмотрение суда изменить существующий договор в целях восстановления равновесия в правах контрагентов. При этом вопрос об изменении является дискрецией суда, если он сочтёт невозможным и неразумным изменение договора, то прибегнет к его расторжению. В ГК РФ указывается, что судья вправе изменить договор только в исключительных случаях, а именно при противоречии общественным интересам или появлению у сторон ущерба. Получается, что российское законодательство расширяет возможность изменения договора путём отсылки к институту общественных интересов. При этом заметна императивная социальная направленность российского правового порядка, в соответствии с которой суд вправе вторгаться в договорные отношения сторон для достижения общественного блага. Международные нормы частного права не предусматривают такую возможность, защищая только интересы контрагентов.

Следует отметить, что внесённые изменения в оговорку ИСС были вызваны необходимостью изменения договорных условий в период пандемии. Поэтому появились новые более гибкие механизмы расторжения или изменения договора стороной договора, судом или арбитром. Российское национальное законодательство не стало вносить революционные изменения, оставляя более жёсткое регулирование вопроса изменения и расторжения договоров.

Расширительное толкование термина «существенно изменившиеся обстоятельства» в новой оговорке ИСС позволяет сторонам применить данный институт к различным ситуациям, влияющим на затруднение исполнения договора. Российское законодательство всё ещё имеет императивный список совокупности критериев, который затрудняет применение института изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств.

Кроме того, сторонам договора в вопросе применимого права необходимо иметь в виду особенности российского законодательства, которые предусматривают возможность оценки договора на предмет противоречия его расторжения общественным интересам.

Таким образом, сторонам необходимо учитывать особенности российского национального законодательства и предусматривать в договорах отсылку к оговорке ICC, как более подходящему правовому регулированию для современных экономических отношений.

Список литературы:

1. Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 137–154.

2. Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 58.

3. ICC Hardship Clause // URL: <http://iccwbo.org/publication/icc-force-majeure-and-hardship-clauses/> (дата обращения: 06.11.2021).

4. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте / Н.Г. Вилкова. М.: Статут, 2002. 511 с.

УДК 347.431.5

М. Б. Богатырёв

*Саратовская государственная юридическая академия
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА ЗАЧЕТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются различные научные концепции о правовой природе зачета. Автор приходит к выводу, что на современном этапе развития цивилистической науки до сих пор не сформировано единое правовое учение о зачете. В частности нет единой правовой позиции о сделочной природе зачета.

Ключевые слова: правовая природа, сделка, зачет, прекращение обязательств, автономия воли.

M. B. Bogatyrev

*Saratov State Law Academy
Russia, Saratov*

ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF THE SET-OFF IN CIVIL LAW

Abstract. The article discusses various scientific concepts about the legal nature of the set-off. The author comes to the conclusion that at the present stage of the development of civil science, a unified legal doctrine of set-off has not yet been formed. In particular, there is no single legal position on the transactional nature of the set-off.

Keywords: legal nature, deal, set-off, termination of obligations, autonomy of the will.

Практика применения института зачета как одного из оснований прекращения обязательств известна со времен древнего Рима. Как отмечает Т.М. Ревенко, во II в. до н.э. с введением формулярного судебного процесса возникла идея о проведении зачета встречных требований, с целью объединения нескольких процессов в один, а соответственно уменьшением судебных расходов [12, С. 58], поскольку данное нововведение существенно ускорило и упростило процесс судебного разбирательства. Встречается он и в отечественной дореволюционной судебной практике при подаче должником встречного иска в отношении кредитора полагалось возвращать последнему только то, что осталось за границей удовлетворения требования должника [5, С. 369].

Однако в области доктринальной разработки проблемы правовой природы зачета наблюдались серьезные трудности.

Так, Г.Ф. Шершеневич говорил о нем только как о способе прекращения обязательства, направленным на удовлетворение требований кредитора, так как последний сохраняет у себя то, что он должен был сначала отдать, а потом получить [13, С.446]. Д. И. Мейер относил зачет к группе действий или фактов не направленных к прекращению обязательства, но прекращающих его по своему существу [7]. К.П. Победоносцев определял, что зачет – это «замена одного требования другим» [11].

Наиболее близко к пониманию сделочной природы зачета подошел Н.Г. Вавин, автор исследования направленного на анализ правового существа зачета, по его мнению, зачет устанавливается путем заявления. На основе него заявляющее лицо доводит до сведения своего контрагента о том, что оно принимает в погашение своего долга его встречную претензию [4, С. 10].

Среди зарубежной цивилистики того времени также наблюдались тенденции к развитию идеи о зачете как волевого действия. Так, немецкий цивилист Т. Марецолль рассматривал зачет как способ действительного исполнения. Используя зачет, веритель получит только ту плату, на которую у него есть право притязать в силу имевшегося у него обязательства [8, С. 305]. Из этого он делает вывод, что для реализации своего права на зачет не требуется согласия другой стороны по обязательству, поскольку обязанность в принятии надлежаще исполненного вытекает для этого лица из существа погашаемого должником обязательства.

Другой немецкий исследователь И. Колер считал, что зачет представляет собой правовую фикцию. Происходит зачет путем простого заявления о том, что должник другого лица, будучи его кредитором и имея равный объем требований между собой, поручает своему кредитору уплатить самому себе то, что он должен должнику и на этом удовлетворить свои требования. Неподчинение требованию должника повлечет противоречие с правилами гражданского оборота [2, С. 247]. По сути, данный подход рассматривает зачет как некий двухсторонний вариант *confusio*, то есть прекращения обязательств в результате совпадения должника и кредитора в одном лице.

В противовес данной позиции можно выделить взгляд французского цивилиста Л.Ж. Морандьера. Он говорил, что основополагающей чертой зачета во французском праве является его автономная от воли природа. В силу самого закона, зачет происходит без участия должников по требованиям, достаточно наступления момента начала сосуществования встречных обязательств [9, С. 568].

В советской цивилистической доктрине вопрос о правовой природе также спорен. Так рассуждения И. Брауде о правовой сущности зачета являются синтезом идей И. Колера и Л.Ж. Морандьера, советский цивилист утверждает, что зачет – это происходящее в силу закона «двукратное совпадение должника и кредитора в одном лице» [3, С. 75].

Противоположную точку зрения высказывал И.Б. Новицкий. Он видел зачет как надлежащий способ исполнения денежных обязательств, являющийся сделкой, и она может быть выражена в виде договора о зачете или одностороннего волеизъявления [10, С. 403].

Современная отечественная цивилистика более направлена на рассмотрение правовой природы зачета как сделки, однако отличаются подходы в понимании того, что именно является сделкой в рассматриваемом институте прекращения обязательств.

Так исследователи Р.С. Бевзенко и Т.Р. Фахретдинов поднимают два вопроса: во-первых, о том, является ли сам зачет сделкой или только заявление о нем. Во-вторых, как соотносится зачет и исполнение обязательства.

По мнению ученых, зачет как таковой является только правовой конструкцией, выполняющей роль основания прекращения обязательства, в отличие от заявления о зачете, который является способом осуществления зачета, поскольку единственно связан с волеизъявлением лица [1, С. 18].

Также высказана позиция, согласно которой зачет является разновидностью надлежащего исполнения обязательств, по причине того, что по заявлению о зачете одной стороны произошла замена предмета обязательства в виде реального исполнения, на иной законный способ его исполнения, но с тем же правовым эффектом [1, С. 27].

М. А. Егорова предлагает несколько иной взгляд на правовую природу зачета. Во главу угла автор ставит аспект отмены исполнения обязательств. Так сделка о зачете встречных требований должна состоять из двух связанных элементов – отказа от исполнения своей обязанности, а также отказа от права требования во встречном обязательстве. Именно поэтому зачет представляет собой некое узаконенное исключение из запрета одностороннего отказа от исполнения обязательства, установленного в ст. 310 ГК РФ. Стоит также согласиться, что зачет направлен на освобождение субъектами обязательства от взаимных долгов, а не на удовлетворение требований [6, С. 14–16].

Представляется, данный взгляд на правовую сущность зачета наиболее приближен к позиции законодателя, выраженной в совокупности правовых положений, установленных в современном отечественном законодательстве. Так правовое регулирование зачета носит разрешительный характер, что следует из системного анализа, например, ст. 853, п. 4 ст. 954 ГК РФ и других его положений, в которых путем прямого дозволительного допуска применяется зачет к различным гражданским отношениям.

В заключение стоит сказать, что, оставаясь одним из древнейших институтов права, зачет встречных требований до сих пор остается актуальной сферой изучения в современной научной цивилистической среде. Сложная правовая природа зачета оставляет много пространства для анализа и создания новых доктринальных учений. Так ряд ученых видят в зачете способ освобождения от долга, другие видят в нем суррогат реального исполнения, а третьи правовую фикцию, направленную на соблюдение правового порядка и упрощение гражданско-правовых отношений. Также до конца не ясен вопрос о сделочной природе зачета встречных требований, в зависимости от подхода к пониманию конструкции механизма зачета можно считать только заявление о зачете сделкой, так как оно выражает волю лица, направленную на прекращение обязательств. Либо сам зачет является сделкой, так как его правовая конструкция подразумевает наличие не только взаимного отказа от исполнения своей обязанности, а также согласия на отказ от права требования во встречном обязательстве.

Список литературы:

1. Бевзенко Р.С., Фахретдинов Т.Р. Зачет в гражданском праве: Опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики. М.: Статут, 2006. 172 с.
2. Бернхейм Ф., Колер И. Гражданское право Германии. СПб.: Сенатская типография, 1910. 410 с.
3. Брауде И. Проблемы зачета в Гражданском кодексе // Право и жизнь. М. 1924. Кн. 10. С. 73–75.
4. Вавин Н.Г. Зачет обязательств. М.: Правоведение, 1914. 65 с.
5. Гуляев А.М. Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. сената и Проекта гражданского уложения: пособие к лекциям. СПб: типография М. М. Стасюлевича, 1913. 638 с.
6. Егорова М.А. Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах: монография. М.: Дело, 2012. 240 с.
7. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). М.: Статут, 2003. // Консультант Плюс: Классика российской цивилистики [Электронный ресурс]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_80.html#96 (дата обращения: 10.11.2021).
8. Мерецолль Т. Учебник римского гражданского права. М.: тип. А. Мамонтова, 1867. 488 с.
9. Морандьер Л.Ж. Гражданское право Франции / Пер. с фр. Е.А. Флейшиц. М.: Иностр. лит., 1960. 728 с.
10. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Гос. изд-во юридической лит., 1950. 416 с.
11. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003. // Консультант Плюс: Классика российской цивилистики [Электронный ресурс]. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_27.html#35 (дата обращения: 11.11.2021).
12. Ревенко Т.М. Зачет в римском частном праве // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 57–61.
13. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2017. 832 с.

УДК 347.457

И. Е. Борисов

Вологодский государственный институт
Россия, Вологда

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. Одной из спорной категории юридической науки является доверительное управление ценными бумагами. Гражданское законодательство описывает множество оценочных норм доверительного управления ценными бумагами. Законодатель активно вносит поправки для осуществления гражданских прав с целью защиты, а также предотвращение злоупотребления прав в иных формах, в том числе и обхода закона. На основании сравнительно-правового анализа автор приходит к выводу, что, при изменении договора и его составлении между клиентом и доверительным управляющим должна быть защищенность инвестора, чтобы лицо, в случае рисков не потерял свои сбережения. Договор доверительного управления ценными бумагами является формой доверительного управления имуществом.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, доверительное управление ценными бумагами, инвестор, существенные условия управления ценными бумагами, договор доверительного управления ценными бумагами.

I. E. Borisov

Vologda State Institute
Russia, Vologda

SECURITIES TRUST MANAGEMENT AGREEMENT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract: One of the controversial categories of legal science is the trust management of securities. Civil legislation describes a variety of valuation norms of trust management of securities. The legislator actively introduces amendments to exercise civil rights in order to protect, as well as prevent abuse of rights in other forms, including circumvention of the law. Based on a comparative legal analysis, the author comes to the conclusion that, when changing the contract and drafting it between the client and the trustee, the investor should be protected so that the person, in case of risks, does not lose his savings. A securities trust management agreement is a form of trust management of property.

Keywords: securities market, securities trust management, investor, essential conditions of securities management, securities trust management agreement.

На сегодняшний день доверительное управление ценными бумагами остается актуальным. При помощи полномочных лиц, субъекты, которые не обладают навыками и умениями по управлению ценными бумагами, могут иметь на полученную прибыль.

Настоящий закон в Российской Федерации о рынке ценных бумаг регулируется № -39 ФЗ «О рынке ценных бумаг». В соответствии со статьей 5 абз. 1 данного закона № 39-ФЗ «Деятельностью по управлению ценными бумагами признается деятельность по доверительному управлению ценными бумагами, денежными средствами, предназначенными для совершения сделок с ценными бумагами и (или) заключения договоров, являющихся производными финансовыми инструментами» [2].

Гражданские права и обязанности в правовой системе деятельности по доверительному управлению ценными бумагами устанавливаются в форме соглашения между доверительным управляющим и, непосредственно, между учредителем управления, таким образом договор о доверительном управлении ценными бумагами (далее – ЦБ).

Глава 53 Гражданского кодекса Российской Федерации регулирует доверительное имущество. В этой главе описывается составление договора в письменной форме с указанием того, что должно выделяться от имущества управляющего. Доверительный управляющий имеет возможность получить

права самого собственника только в том случае, когда собственник сам предоставляет данное имущество. Когда управляющий не может удовлетворить не в полную силу интересы учредителя управления, он обязан возместить клиенту все понесенные убытки и упущенный доход [1].

Договор, в котором прописаны условия управления доверительного управляющего, предусматривает соглашения двух сторон между доверителем и управляющим. У управляющего есть ряд полномочий по введению своей деятельности, но самим договором и некими нормативными актами устанавливаются некие ограничения.

Одной из важных задач улучшения доверительного управления остается повышение защиты инвестора, который не имеет статуса квалифицированного инвестора.

Из опыта зарубежных стран можно выделить опыт регулирования доверительного управления. Как показывает практика, в первую очередь дается возможность показать и выстроить оптимальные стратегии преобразования в данной сфере. Особый контроль над участниками финансового рынка развит в США, проводятся и разрабатываются жесткие меры за мошенничество, за ложные продажи и сговоры участников финансового рынка.

Снижение доходов компании и рост издержек управляющими активами, связывающие с образованием доверительного управления новых участников, увеличение конкуренции, высокий уровень затрат впоследствии нового регулирования законов и положений. Также ужесточаются новые положения норм налогообложения в развивающихся странах, вытесняя клиентов в офшорные зоны и другие развитые страны.

Также хотелось бы отметить, что еще одно нововведение вызывает число лиц, которые используют услугу индивидуального управления. Ранее доверительное управление ориентировалось на состоятельных граждан, способных передать управляющему более 1 млн долларов.

В настоящий момент среди управляющих клиентов организаций появляются новые лица, которые могут накапливать свои пенсионные сбережения, заключившие договоры с целью управления наследством и др.

Для инвесторов важно иметь имущества в виде добавленной стоимости, которая может обеспечивать такое управление. Ранее такое управление ориентировалось на доходность, получаемую как результат доверительного управления, но сегодня существуют причины смены управляющего, зачастую это является плохая коммуникация между клиентом и управляющим, и конечно же не качественно оказываемыми услугами.

Издержки управляющих увеличиваются не только из-за темпов роста зарплат и увеличения заработной платы сотрудникам структурных подразделений, но и потребность найма персонала для управления правовыми и финансовыми рисками.

Структура управления рисками представляет собой сложную и дорогостоящую систему, в первую очередь это вызывает для клиента защиту, во-вторых, прозрачность и соответствие стандартов регулирования разных стран, при этом растет количество трансграничных сделок.

С каждым годом финансовый рынок развивается, усиливается контроль к требованиям деятельности управляющих. Особенно часто изменяются регуляторные нормы, что повышает неопределенность, но внедрение новой системы регулирования обеспечивается не быстро.

Сложностью вызывают существенные изменения в данной сфере деятельности, особенно консолидация организации, увеличение инвестиций с целью преодоления контроля и налаживания взаимоотношений между клиентом и управляющим.

Обратимся к Гражданскому Кодексу РФ, где показано, что установление гражданских прав и обязанностей в рамках деятельности по доверительному управлению ценными бумагами определяется в форме соглашения между учредителем управления и доверительным управляющим. В статье 1012 ГК РФ видно, что договор доверительного управления ЦБ отражается как разновидностью договора доверительного имущества. Как показывает А.Н. Ткач, в правовом регулировании договора доверительного управления несет особен-

ность от значности характера имущества, которое передается в такое управление эмиссионным ЦБ [3, С. 182].

Важная часть такого договора являются стороны, одна сторона – это учредитель управления и вторая сторона – доверительный управляющий.

Учредителем доверительного управления ценными бумагами является собственник, это показано в соответствии со статьей 1014 ГК РФ. Однако, как показывает статья 1016 ГК РФ учредителем доверительного управления ЦБ может быть лицо, которое не обладает право собственности на ценными бумагами.

Исходя из этого, в пункте 1 статьи 39 № -39-ФЗ сказано, что «Все виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, указанные в статьях 3 – 5, 7 и 8 настоящего Федерального закона, осуществляются на основании специального разрешения – лицензии, выдаваемой Банком России, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 и 2.1 настоящей статьи». Можно сделать вывод, что деятельность по управлению ценными бумагами осуществляется уполномоченными лицами, у которых имеется лицензия, выдаваемая Банком России. В статье 1017 ГК РФ говорится, что договор доверительного управления ценными бумагами может быть заключен только в письменной форме, в соответствии со статьей 1016 ГК РФ, учредитель доверительного управления и доверительный управляющий должны прийти к соглашению по условиям договора.

В случае, если стороны не согласовали условия договора, не указав их в договоре доверительного управления ЦБ, настоящий договор считается незаключенным.

Еще одна особенность договора является правомочия доверительного управляющего. В статье 1025 ГК РФ указано, что главной особенностью доверительного управления ЦБ является правомочия доверительного управляющего по распоряжению ценными бумагами, в которых закреплены в договоре доверительного управления. Доверительный управляющий совершает те сделки, которые указаны непосредственно в договоре доверительного управления.

Таким образом можно сделать вывод, что:

1. При изменении договора и его составлении между клиентом и доверительным управляющим должна быть защищенность инвестора, чтобы лицо, в случае рисков не потерял свои сбережения.
2. При существенных изменении регулирования законодательства, законодатель должен убедиться, что это снижает издержки для самого доверительного управляющего.
3. Договор доверительного управления ценными бумагами является формой доверительного управления имуществом.
4. Условия доверительного договора являются ценные бумаги, по которым передается доверительное управление, также само лицо, которое совершает доверительное управление ценными бумагами, размер вознаграждения, если предусмотрено договором.
5. Договор доверительного управления может быть заключен только в письменной форме и особенностью такого договора являются правомочия доверительного управляющего, которые также должны быть предусмотрены в самом доверительном договоре ценными бумагами.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. № 5. 410 с.
2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О рынке ценных бумаг» // «Российская газета», № 79, 25.04.1996.
3. Ткач А. Н. Договор доверительного управления эмиссионными ценными бумагами // Банковское право. 2016. № 5. 182 с.

А. Д. Бондарчук, В. Иванов
*Санкт-Петербургский юридический институт
 (филиал) Университета прокуратуры
 Российской Федерации,
 Россия, г. Санкт-Петербург*

КОНКУРЕНЦИЯ ИСКОВ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. в статье рассматриваются проблемы конкуренции исков в гражданском праве Российской Федерации, приводятся пути решения законодательных коллизий, рассматриваются доводы ученых и теоретиков цивилистики, приводится в пример судебная практика.

Ключевые слова: конкуренция, иск, исковое заявление, виндикационный иск, негаторный иск, реституция

A. D. Bondarchuk, A. V. Ivanov
*St. Petersburg Law Institute
 (branch) University of the Prosecutor's Office
 of the Russian Federation,
 Russia, St. Petersburg*

COMPETITION OF CLAIMS IN MODERN CIVIL LAW

Abstract. the article discusses the problems of competition of claims in the civil law of the Russian Federation, provides ways to resolve legislative conflicts, discusses the arguments of scientists and theorists of civil law, provides an example of judicial practice.

Keywords: competition, claim, statement of claim, vindication claim, negatory claim, restitution

Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 46 устанавливает право каждого гражданина на судебную защиту. Применительно к гражданскому праву вышеописанное положение главного нормативного акта Российской Федерации отражает и закрепляет Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в статье 11.

В свою очередь процессуальным средством защиты нарушенного права, выбор которого влечет за собой судебное разбирательство является иск. По своей сути иск свидетельствует о наличии требований у одной стороны к другой, которые следуют из оспариваемого или нарушенного права. Предметом иска является материальное требование истца к ответчику, которое подлежит оценке суда, исходя из норм действующего законодательства.

Судебная защита нарушенных гражданских прав осуществляется путем подачи исковых заявлений, которые делятся на вещно-правовые и обязательственно-правовые. Данное деление традиционно для цивилистической науки и известно еще со времен римского права. При этом римляне выделяли четыре вида конкуренции исков: сукцессивную, альтернативную, кумулятивную и элективную.

Необходимо отметить, что конкуренция возникает тогда, когда нормы, устанавливающие возможность защиты нарушенных прав в судебном порядке, могут быть применены для разрешения спора одинаково. Примечательным является то, что конкуренция устраняется истцом, который самостоятельно выбирает подходящее для него средство защиты. В этом прослеживается положительная сторона конкуренции, а именно в подаче иска, удовлетворение которого наиболее вероятно приведет к восстановлению нарушенных прав, а также к возможности в дальнейшем обратиться за защитой своих прав в суд с иском до наиболее полного восстановления права.

В отечественной цивилистике преимущественно сложилось негативное отношение к такому явлению как конкуренция исков. Связанно это в первую очередь с романо-германской системой права, устоявшейся в России и исключающей возможность прецедента, чем и является предоставление истцу выбора при подаче искового заявления. О наличии проблемы конкуренции свидетельствует и судебная практика [3].

Так, если мы обратимся к практике судов общей юрисдикции, а также – арбитражных судов, то увидим, что таковые

предоставляют приоритет обязательственно-правовым искам и указывают на то, что при сохранении между истцом и ответчиком обязательственных отношений предъявление вещно-правового иска является ненадлежащим способом защиты.

В теории подобная коллизия нашла свое разрешение путем указания на то, что наличие договорных отношений между участниками спора влечет исключение возможности подачи вещно-правового иска по отношению к имуществу, которое является предметом конфликта [4, С. 624].

Законодателем указанная проблема разрешена в ст. 305 ГК РФ, согласно положениям которой владелец имущества, чье владение подтверждается договором, может заявить виндикационное требование в отношении собственника такого имущества.

Применительно к современному гражданскому праву, представляется, что следует уделить внимание конкуренции виндикационного иска и иска о признании сделки недействительной. Данный процесс в римском праве назывался «реституцией». Вместе с тем действующее гражданское законодательство такого понятия не содержит, а лишь описывает в ч. 2 ст. 167 ГК РФ саму процедуру: «при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом» [2]. Рассматривая данное положение в контексте сделок, связанных с имуществом, можно увидеть явное сходство с виндикацией – в обоих случаях иск будет направлен на возврат имущества, переданного по сделке.

Анализируя обозначенную коллизию, можно выделить три позиции. Первая заключается в отсутствии реституции как самостоятельного способа защиты так как она влечет за собой применение норм как виндикации, так и неосновательного обогащения. В качестве второй позиции можно отметить самостоятельность реституции так как ее применение возможно лишь при наличии между сторонами договорных отношений, в то время как виндикация может быть направлена на любого владеющего не собственника. Отражение третьей точки зрения можно найти, например в высказываниях В.В. Витрянского, который допускает замену реституции виндикацией и наоборот [1, С. 139]. При этом несмотря на попытки ученых отстоять самостоятельность реституции как средства защиты нарушенных прав, вопрос о выборе иска остается неразрешенным до сих пор. В этой связи для разрешения данной коллизии, полагаем следует охарактеризовать виндикацию и реституцию.

Виндикационный иск предъявляется собственником, потерявшим владение над своим имуществом, а также другими лицами, которым принадлежит правомочие владения над спорным имуществом. Исходя из данного положения можно сделать вывод о том, что легитимность подачи виндикационного иска такими лицами может быть обусловлена как ограниченным вещным, так и обязательственным правом. Также, виндикация учитывает волю утратившего владение над собственностью и добросовестность беститульного владельца вещи.

Реституция может иметь место только между сторонами сделки, при этом истец не обязан доказывать право собственности на предмет сделки до ее заключения, в отличие от виндикации. Кроме того, реституция не исходит из таких понятий как «воля» или «добросовестность».

В качестве способов, которые предоставят возможность устранить конкуренцию вышеупомянутых исков, можно выделить следующее: введение в оборот и закрепления определения заинтересованного лица, которое может предъявлять тот или иной иск так как это, на наш взгляд, позволит найти баланс между интересом собственника и добросовестного приобретателя; урегулирование статуса лица, утратившего владение над своей собственностью (поскольку к примеру собственником имущества, отчужденного по ничтожной сделке, становится неуправомоченное лицо, что порождает множество вопросов при попытке лица восстановить свое нарушенное право).

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в настоящее время проблема конкуренции исков все еще не устранена, что порождает множество коллизий и вопро-

сов, связанных с применением средств судебной защиты нарушенных гражданских прав. При этом, полагаем, что основным способом устранения коллизий применительно к конкурентным искам, будет являться внесение дополнений в ГК РФ, а именно: расширение оснований классификации исков по заинтересованному лицу; установление правового положения утратившего владение собственника и запрет двойственной подачи исков для восстановления одного и того же права.

Список литературы:

1. *Витрянский В. В.* Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. М., 1998. С. 131–153.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ
3. Дело по проверке «конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» // Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 года № 6 – П // Российская газета. – № 22. – 2003.
4. *Суханов Е. А.* Гражданское право: учебник: в 4 т. М.: Волтерс Клувер, 2006. Т. 1. С. 960.

УДК 347.921.8

Л. Д. Бшоян

*Бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа –
Югры «Сургутский государственный университет»,
Институт государства и права
Россия, Сургут*

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СТУДЕНЧЕСКИМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ КЛИНИКАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается значение юридических клиник и их влияние на правовое консультирование населения. Поднимается актуальность данного механизма, ведь деятельность юридических клиник требует дальнейшего развития в гражданском обществе. Автором раскрываются проблемы работы юридических клиник, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: образовательная деятельность, юридическая клиника, студенты, компетентность, вузы страны, юридическое образование.

L. D. Bshoyan

*Surgut State University, The Institute of State and Law
Russia, Surgut*

PROVISION OF FREE LEGAL AID BY STUDENT LAW CLINICS: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. The article examines the importance of legal clinics and their impact on legal counseling of the population. The relevance of this mechanism is being raised, because the activities of legal clinics require further development in civil society. The author reveals the problems of the work of legal clinics, suggests ways to solve them.

Keywords: educational activities, legal clinic, students, competence, universities of the country, legal education.

С развитием мира, происходят изменения и во всех сферах деятельности. Современному человеку просто необходимо знать свои права, а также способы их защиты. Проблема повышения правовой грамотности среди населения, в том числе и молодежи существует.

На федеральном уровне гарантии на получение бесплатной юридической помощи, организационно-правовые формы ее оказания закреплены Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1]. Одной из систем предоставления юридиче-

ской помощи – это негосударственная. В этой системе участниками являются студенческие юридические клиники. На современном этапе оказание правовой бесплатной помощи юридическими клиниками является направлением к развитию успешной подготовки студентов-клиницистов в своей дальнейшей деятельности. Студенческие юридические клиники при вузах могут предоставлять бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера. Стоит отметить, что клиники при вузах являются политикой в сфере правового просвещения населения.

Юридическая клиника – является мостом, который объединяет в себе интересы студентов, населения и государства. Первые в свою очередь хотят практиковаться, ведь это отличный способ формирования навыков оказания юридической помощи, профессиональных качеств, то есть своего рода ступень для реализации себя в качестве специалиста. Далее интересы граждан, населения выражаются в предоставлении помощи на безвозмездной основе. Касаемо государственных интересов, они заключаются в том, что функционирование юридических клиник является решением в вопросе оказания бесплатной правовой помощи населению. Создание юридических клиник при высших учебных заведениях является очень удачным шагом в деятельности государства [2, С.64].

Некоторые граждане опасаются обращаться в юридические клиники вузов за помощью. Почему же данный способ оказания юридической помощи в современном мире не является востребованным? Граждане-клиенты, которым предоставляют данную помощь опасаются, что услуга может быть оказана некачественно. Данное опасение можно развеять. Ведь, студенты-клиницисты работают не в одиночку. Каждое их действие согласовывается с преподавателем, который в свою очередь имеет высшее юридическое образование и компетентен в поставленном вопросе. Студенты-клиницисты и преподаватели заинтересованы к предоставлению качественной услуги. Участие студента в юридической клинике является добровольным, то есть предоставление услуги в интересах самого обучающегося. Приобретение студентами основ профессиональных умений и навыков является самым ценным в клиническом образовании [3, С.907.]. Юридические клиники вузов являются быстрой правовой помощью. Экономия времени одно из достоинств данного механизма, так как юридические клиники способны осуществлять внесудебное урегулирование споров.

Хочется выделить несколько факторов, которые бы повысили востребованность юридических клиник:

1. система поощрений;
2. необходимость повышения качества обслуживания;
3. развитие сотрудничества с различными органами, в том числе и взаимодействие между самими юридическими клиниками различных вузов.

4. принятие Кодекса этики юридической клиники во всех вузах, на базе которых они образованы. Создание нормативного акта должно будет иметь рекомендательный, но во многом декларативный характер.

Касаемо необходимости создания стимулов руководителями клиник для более эффективной работы студентов. Существует проблема не вовлеченности обучающихся в работу юридических клиник, система поощрений придется очень кстати. К примеру, в некоторых вузах повышенная стипендия выдается студентам при волонтерской деятельности, чем же оказание бесплатной правовой помощи отличается от нее? Ведь данная деятельность преследуют такую же цель – благое дело и тоже является добровольной деятельностью. Следует выдавать студентам-клиницистам документ, подтверждающий прохождение учебно-практического курса «Юридическая клиника», что в дальнейшем могло бы учитываться при поступлении в магистратуру; рекомендательное письмо, ведь это немаловажно для последующего трудоустройства. Для того чтобы квалификация, уровень знаний повышались необходимо проведение различных практических, тематических семинаров, форумов, круглых столов, решений практических кейсов.

Сотрудничество с различными юридическими клиниками вузов приведет только к положительному результату. В период пандемии многие сферы перешли на дистанционный или гибридный режим. Считаем, что при взаимодействии различных юридических клиник вузов проблема в организации мероприятий будет воплощаться легче. Ведь можно будет делить расходы для реализации проектов. Взаимодействие юридических клиник приведет к обмену знаний и информации между студентами, наставниками. Студенты будут делиться уже своей сформировавшейся практикой введения дел и консультирования клиентов.

Что же касается отношений с различными государственными органами и общественными организациями? Формирование данных отношений поможет не только привлечь клиентов, но и поспособствует поддержанию репутации юридической клиники. Это скажется не только на самой клинике, но и на учебном заведении на базе, которого существует юридическая клиника. Привлечение партнеров только укрепит значение и статус клиники. Юридические клиники могут стать хорошей информационной платформой для населения. Будет отличным вариантом создать портал оказания бесплатной юридической помощи, где будут указаны адреса вузов, при которых существуют юридические клиники. Это может стать неким прототипом раздела оказания бесплатной юридической помощи в Портале государственных услуг Российской Федерации.

Необходимо также принятие федеральной программы, направленной на инвестирование студенческих юридических клиник. Структура юридических клиник должна позволять студентам научиться самостоятельно производить все этапы работы, от привлечения клиента до отслеживания результата.

Юридические клиники – это инновационные центры юридического клинического образования, профессиональной защиты прав и граждан. Их развитие приведет к повышению численности квалифицированных специалистов. Благодаря юридическим клиникам студенты учатся профессиональному мастерству, оказывая реальную помощь людям, получая профессиональные навыки юриста. Оказание бесплатной юридической помощи – социальная миссия.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2011 г., № 48, Ст.6725.
2. Воропаев И.Г. Роль студенческих юридических клиник в современной России // Вестник экспертного совета. 2017. № 4 (11). – С.61–64.
3. Нарутто С.В. Образовательные технологии в юридической клинике // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 7. – С. 907–916.

УДК 347

К. В. Воробьева

*Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Москва*

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются периоды формирования института юридического лица в России, понятие, особенности формирования и нормативное закрепление данного института. Статья представляет собой сравнительный анализ особенностей развития института юридического лица на разных этапах развития Российского общества.

Ключевые слова: институт юридического лица, акционерные общества, кооперативы, организационно-правовые формы, коллизии.

K. V. Vorobyova

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Moscow*

THE PROCESS OF DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE INSTITUTION OF A LEGAL ENTITY IN RUSSIA IN THE XIX CENTURY

Abstract. In article discusses the periods of formation of the institution of a legal entity in Russia, the concept, features of the formation and regulatory consolidation of this institution. The article is a comparative analysis of the features of the development of the institution of a legal entity at different stages of the development of Russian society.

Keywords: institute of a legal entity, joint-stock companies, cooperatives, organizational and legal forms.

Большинство ученых «условно» разделяют процесс формирования юридических лиц в России на пять периодов: X–XVII вв. – период незначительных реформ в сфере коллективной трудовой деятельности и предпринимательства; XVIII век – становление «рыночного оборота», на основании возникновения и развития промышленных предприятий и организаций; XIX век – появление новых форм частных промышленных и сельскохозяйственных организаций; послереволюционный период – генезис института юридического лица, приобщение к советским реалиям; постсоветский период – трансформация юридических лиц, отвечающих требованиям Нового времени, закрепление основополагающих норм в Гражданском Кодексе Российской Федерации.

В данной исследовательской работе хотелось бы подробнее остановиться на третьем периоде, а именно на развитии юридического лица в XIX веке. Актуальность темы обусловлена тем, что зарождение и формирование определенных признаков, принципов юридических лиц в прошлом, прямо отразилось на становлении этого института в настоящем. Исторический контекст помогает ученым-юристам найти истоки, тех особенных черт, которые присущи исключительно российским юридическим лицам, выделить преимущества и недостатки института, по сравнению с юридическими лицами в Зарубежных странах, усовершенствовать законодательство.

В правовой науке дореволюционного периода отсутствовало нормативное закрепление понятия «юридическое лицо», так как только начинали зарождаться учения по теоретическому осмыслению данного института. Однако схожие конструкции уже прослеживались в российском праве. Так, на основании анализа статьи 698 Свода Законов Российской Империи можно выделить ряд образований, которые могли быть субъектами предпринимательской деятельности и наделялись правами на имущество: «Все прочие права на имущества, по различию самих имуществ и в пределах, законом определенных, могут приобретать: члены Императорского Дома; дворцовые управления; казна; дворянские общества, города и городские общества; сельские общества и земские учреждения; епархиальные начальства; кредитные установления...»[4].

Нормы, закрепляющие различные виды и формы юридических лиц отражены в разных частях X тома (ст. 1745, 2291, 2292 и др) Свода законов [4] и Полного Собрания законов [5]. Помимо этого уставами, утвержденными

Правительством, определялась организация акционерных компаний. Поскольку закон наделял правоспособностью вышеперечисленные объединения, то можно говорить, что законодательство Российской Империи признавало две категории лиц: физические и юридические.

Так же существование юридических лиц в этом периоде подтверждается практикой Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената на основании толкования норм законов и использования терминологии. Теоретические учения Сената впервые были воспроизведены в решении по делу: «Ткачукова с обществом крестьян Витинской области» [7]. В решение кассационного департамента был выдвинут следующий тезис: «Юридическое лицо является субъектом права, не подходящего под понятие физического лица».

Юридические лица возникают с разрешения надлежущей власти искусственно, для достижения известных всем целей. Следовательно юридическое лицо не наделяется всеми теми правами, присущими физическим лицам, а только теми, которые необходимы для достижения поставленной цели...» [7]. Данные положения свидетельствуют о том, что решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената имели важнейшее значение на правовую теорию юридических лиц. Несмотря на ряд недостатков, существующих в решениях Сената, они показывают нам реальное положение дел института юридического лица, наблюдаемое в Российской Империи.

Казуистичность, коллизии и пробелы в законодательных нормах о юридических лицах в дореволюционной России приводили к повышению роли судебного прецедента как источника права, регулирующего обеспечение функционирования юридических лиц, защиту их прав и законных интересов. Таким образом законодательное закрепление термин «юридическое лицо» получил лишь в 1906 году, в статье 80 Основного Закона Российской Империи: «Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях не противных законам» [4].

Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом. Основные виды юридических лиц были нормативно закреплены благодаря реформам, проводимым Александром I. Так в статье 1 Манифеста от 1 января 1807 года, купцам было рекомендовано образовывать товарищества (полные, на вере, товарищества по участкам) для осуществления своей деятельности: «Желаем, чтобы верно-подданное Наше купечество, особливо для преобладания во внешней торговле, впредь производило свой торг в образе товариществ. Но никто к сему не принуждается законом, который только указывает новую стезю. Образ купеческих товариществ да будет в законе двоякий: I. Товарищество полное. II. Товарищество на вере. Сверх того, бывает товарищество по участкам» [6].

Одной из самых распространенных форм юридического лица в Российской Империи стала акционерная компания. Первая компания «Российская в Константинополе торгующая компания» была учреждена в период правления Екатерины II в 1757 году [1]. Уже к началу XIX века было образовано 5 акционерных компаний. Считая данную форму предпринимательской деятельности наиболее перспективной, Правительство всячески поддерживало ее развитие, так всего за 3 года (в период с 1835 по 1838 гг.) было образовано 43 компании. Образование акционерных объединений было экономически выгодно для Правительства и позволило решить ряд серьезных задач, например, организовать строительство железнодорожных путей большой протяженности [2].

Значительное поощрение данной формы организации предпринимательской деятельности со стороны 9 Манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» государства привело

к тому, что к началу Первой мировой войны их число выросло до 226313. Развитие капитализма в Российской Империи требовало появления новых видов сельскохозяйственных организаций. Эта необходимость обуславливалась переходом от феодальных к более прогрессивным отношениям после крестьянской реформы 1861 года.

Новые формы должны были решить ряд проблем, которые не были решены в ходе преобразований, так крестьяне все еще не могли приобретать собственность на земельные участки [3]. Такой формой стала кооперация. К концу 19-го века их насчитывалось более 1500; за весь период кооперация не раз меняла свой вид, так, зародились сельскохозяйственные бытовые товарищества и кооперативные союзы. Государство активно поощряло создание коопераций, но их наибольший подъем пришелся на период проведения Столыпинских реформ Наряду со старыми видами сельскохозяйственной кооперации (потребительские общества, кредитные, бытовые и снабженческие товарищества) появились и получили широкое распространение новые, более сложные и весьма перспективные виды – товарищества по совместной обработке земли, товарищества по совместной аренде, основной целью которых было непосредственное повышение производительности сельскохозяйственного труда на основе его социализации. Во время Первой мировой войны были созданы тысячи кооперативов, работавших по заказу военных ведомств [1].

Таким образом, отметим, что коллективные формы деятельности известны на Руси с древнейших времен. С XIII века почти до конца XVII века институт юридического лица не было достаточно распространен из-за крайних ограничений рыночного оборота. Внедрение и использование конструкции юридического лица (предприятия) позволило Петру I осуществить мощный толчок в развитие отечественной промышленности. В то же время фактическое отсутствие частной собственности на средства производства делало существование юридических лиц формально неопределенным. Юридические лица получили действительно широкое распространение с момента разрешения частной собственности в России и развития рыночного оборота. В связи с этим наиболее распространены формами объединений в XIX веке становятся акционерные общества и сельскохозяйственные кооперативы, которые были подробно рассмотрены в данной исследовательской работе.

Новые формы предпринимательства стали отправной точкой для формирования новых подходов к институту юридического лица в гражданском праве, что способствовало развитию организационных правовых форм, и в дальнейшем отразилось и закрепились в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Галаган А.А.* История российского предпринимательства. – М.: Институт молодежи, 1997. – 196 с.
2. *Сущенко В.А.* История российского предпринимательства: Учеб. пособие для студентов лицеев, колледжей, вузов / В.А. Сущенко. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 252, [1] с.; 20 см.
3. *Погребной А.А.* Правовое регулирование деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств в условиях рынка: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.06. – Москва, 1992. – 304 с.
4. Свод законов Российской Империи [Текст]: с примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения. – Изд. неофици. – Санкт-Петербург: Деятель, [1912–1913]. – 17–18 см.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885–1916. – 32 см.
6. Манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий».
7. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената [Текст]: издание неофициальное. – Екатеринбург: Л. М. Ротенберг, 1902–1915. 26 с.

Д. О. Гаврилов, А. Е. Давыдкин
Университет прокуратуры Российской Федерации
Россия, Москва

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена в большей мере стратегической значимостью сельскохозяйственных земель, которая, в свою очередь, определяется тем, что земли из данной категории являются главным средством производства продовольственных товаров и поэтому качество регламентации их оборота, составной частью которого является купля-продажа, напрямую может коррелировать с благосостоянием любого гражданина.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, договор купли-продажи, существенные условия, преимущественное право покупки.

A. E. Davydkin, D. O. Gavrilov
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Russia, Moscow

ABOUT SOME FEATURES OF PURCHASE AND SALE OF AGRICULTURAL LAND

Abstract. The relevance of this study is largely due to the strategic importance of agricultural land, which in turn is determined by the fact that land from this category is the main means of production of food products and therefore the quality of regulation of their turnover, an integral part of which is the purchase and sale, can directly correlate with the well-being of an ordinary citizen.

Keywords: agricultural land, contract of sale, essential conditions, pre-emptive right of purchase.

Статья 8 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон № 101-ФЗ) регламентирует отношения, связанные с куплей-продажей участков сельскохозяйственного назначения, состоящих в частной собственности. В ней подробно описана процедура реализации преимущественного права покупки земельного участка публичным образованием в лице либо муниципального образования, либо субъекта РФ. Данное право обозначено в п.1 ст.8 и непосредственно вытекает из основополагающих начал всего оборота земель сельскохозяйственного назначения, содержащихся в ст.1 Закона № 101-ФЗ.

Сама же квалификация правовой природы реализации этого преимущественного права не имеет единообразия [1, С.8]. При том, что цель внедрения данного механизма имеет положительный характер и представляет собой в большей степени дополнительное гарантирование свободного рынка данной категории земель при должном контроле со стороны публично-правовых образований, в итоге указанный механизм приобрел характер разрешительного порядка на реализацию сельхозугодий и обеспечения распорядительных правомочий публично-правовых образований. Так, по мнению Логуновой М.В.: «Отказ от приобретения земельного участка, равно как и отсутствие ответа органа государственной власти или органа местного самоуправления к установленному Законом сроку может рассматриваться, как особая форма разрешения продать земельный участок третьему лицу» [2, С.22]. Также следует не забывать, что основной формой приобретения земель сельхозпроизводителями до сих пор является предоставление угодий, находящихся в публичной собственности. Поэтому в существующем механизме купли-продажи обозначенной категории земель, где действующим законодательством публичным образованиям отведена существенная роль, всегда есть вероятность реализации коррупционных схем. К тому же еще большее влияние субъектов РФ и муниципальных образований на куплю-продажу земель сельхозназначения идёт вразрез с концепцией рыночной экономики. Из толкования п.1 ст. 8 этого закона следует, что вопрос о том, какое из публичных образований (субъект РФ

или муниципалитет) имеет преимущественное право покупки, предоставлен в ведение регионального законодательства.

Если же говорить о продаже участков, находящихся в собственности субъекта РФ или муниципального образования, то в действующей редакции данный закон в ст.10 делает отсылку на общие положения ЗК РФ, где в свою очередь обозначено, что за исключением ряда установленных законом случаев земельные участки, составляющие публичную собственность могут быть отчуждены только на торгах, проходящих в форме аукциона (ст. 39.3 ЗК РФ). При этом такая важная процедура не регламентирована специальным законом и подчинена общим правилам, закрепленным в ГК РФ и ЗК РФ, в которых соответствующим не учитывается специфика данной категории земель. Очевидно, порядок проведения торгов по реализации участков из земель сельхозназначения требует своего детального определения в специальном законодательстве на федеральном уровне с последующей конкретизации в подзаконных актах, издаваемыми представительными органами субъектов РФ.

Кроме того, Устюкова В.В., отмечает, что закрепление ЗК РФ аукционов, как единственной формы торгов, вряд ли можно признать нормальным явлением, особенно в отношении земель сельскохозяйственного назначения [4, С. 42–46]. И действительно, учитывая именно стратегическую важность данной категории земель, представляется ошибочной таковая ограниченность выбора формы проведения торгов, поскольку аукцион не учитывает социальные потребности населения, проживающего вблизи с реализуемыми землями, акцентируя внимание исключительно на экономической выгоде и не интересуясь планом их использования.

По смыслу п. 2 ст. 8 Закона № 101-ФЗ собственнику земельного надела, желающему продать свой участок, необходимо направить уведомление о продаже в высший исполнительный орган субъекта или, если предусмотрено региональным законом, муниципальному образованию. В извещении о намерении продать свой участок необходимо обязательно обозначить цену участка, его размер и местонахождение, а также срок, в течение которого необходимо совершить расчеты. При этом в данном пункте обозначен верхний предел указанных сроков, который составляет 90 дней. Однако с какого момента начинается данный срок законодателем не уточняется, что, по мнению некоторых исследователей, создает неопределенность в применении данной нормы. В силу этого в доктрине нет однозначной позиции по данному вопросу. Одна группа авторов считает, что исчислять указанный срок следует с момента заключения договора, но в тоже время другие ученые полагают, что момент начала его исчисления необходимо обозначать непосредственно в извещении [3, С. 239–245]. Представляется целесообразным согласиться с позицией первой группы исследователей.

Также необходимо обозначить, что, согласно п.3 ст.8 Закона № 101-ФЗ, в случае если продавец изъявит желание продать свой участок по цене, ниже заявленной ранее или с изменением существенных условий договора, то он обязан направить в высший исполнительный орган субъекта или, если это предусмотрено региональным законодательством, муниципальному образованию новое уведомление о продаже.

В соответствии с п.4 ст.8 Закона № 101-ФЗ сделки по продаже земельных участков из категории земель сельскохозяйственного назначения, проведенные с нарушением преимущественного права публичных образований признаются ничтожными. Примечательно, что в первоначальной редакции закона предусматривалась иная конструкция.

В земельно-правовой науке позиция авторов по этому вопросу во многом однополярна. Так, по мнению Костиной О.В., данный механизм признания таких сделок ничтожными, при этом приводящий к недействительности вне зависимости от волеизъявления публичных органов на покупку надела, пагубно отражается на стабильности всего оборота земель сельхозназначения [5, С. 17–18]. Следовательно, представляется целесообразным вернуться к прежней модели, обозначенной в ранее действующей редакции 4 ст. 8 Закона № 101-ФЗ, в которой предусматривалось, что при купле-продаже земельных участков с нарушением права преимущественной покупки публичное образование в судебном порядке в течение одного года с мо-

мента регистрации таких сделок было вправе требовать перевода совокупности прав и обязанностей покупателя на себя.

В целом же рациональность существования права преимущественной покупки земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения ставится под сомнение в земельно-правовой доктрине. Во-первых, это вызвано не всегда удачной практикой регулирования этого права на уровне регионов, что показывает анализ законодательства субъектов. Во-вторых, весь механизм реализации данного права, предусмотренный ст. 8 Закона, можно без проблем обойти путем заключения договоров дарения, мены, аренды и пожизненного содержания с иждивением. Также, на наш взгляд, наличие данного права существенно ограничивает и затрудняет свободный оборот главного средства производства в продовольственной сфере, а это в свою очередь идет вразрез с парадигмой свободного рынка.

Как и любая договорная конструкция, договор купли-продажи участков из категории земель сельскохозяйственного назначения имеет свои существенные условия. Под существенными условиями принято понимать такие условия, без которых договор не будет считаться заключенным. Установление существенных условий данного договора осуществляется в ГК РФ на общих правилах купли-продажи недвижимости. И помимо предмета, в качестве второго существенного условия законодатель выделил цену, что вытекает из смысла ст. 555 ГК РФ.

В юридической доктрине неоднократно выдвигалось мнение, согласно которому, необходимо расширить ряд существенных условий данного договора и отнести к таковым, помимо обозначенных выше, условие о сроке передачи объекта купли-продажи [6, С.127]. Мы разделяем данную позицию в силу того, что эксплуатация земель сельхозназначения имеет ярко выраженный сезонный характер и своевременность передачи данного объекта недвижимости для покупателя имеет колоссальное значение, особенно в период проведения сельскохозяйственных работ.

Также в литературе предлагается в целях недопущения споров по поводу надлежащего качества участков сельскохозяйственных земель расширить перечень существенных условий договора купли-продажи условием о качестве [7, С. 23–36]. При этом, очевидно, что учет качества земельных участков был бы значительно упрощен, если бы в данных, включенных в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН), имелись качественные показатели каждого участка.

Из приведенного выше анализа норм законодательства и юридической доктрины следует, что регламентация договора купли-продажи участков земель сельскохозяйственного назначения имеет ряд неоднозначных моментов, в большей мере, связанных с реализацией права преимущественной покупки публично-правовым образованием, на которые законодателю следовало бы обратить внимание.

Список литературы:

1. *Литвинова Е.П.* Надзор за исполнением законодательства о «дальневосточном гектаре» // *Законность*. 2017. № 9. С. 8;
2. *Логунова М.В.* Проблемы правового обеспечения публичных интересов при предоставлении «дальневосточных гектаров» из состава земель лесного фонда // *Экологическое право*. 2018. № 1. С. 22.
3. *Дудник Т.И.* Особенности купли-продажи земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения // *Вестник ростовского социально-экономического института*. 2014. № 4. С. 239–245.
4. *Устюкова В.В.* Предоставление земельных участков для ведения фермерского хозяйства: новые подходы // *Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 42–46.
5. *Костина О.В.* Гражданско-правовое регулирование сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения и земельными долями. С. 17–18 // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Иконицкая И.А., Беляева З.С.* Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей. С. 127 // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Костина О.В.* О существенных условиях договора купли-продажи земельных участков // *Нотариус*. 2010. № 2. С. 23–26 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.71

К. К. Горшенев

*Алтайский филиал Российской академии
народного хозяйства
и Государственной службы при Президенте РФ
Юридический факультет
Россия, Барнаул*

ОЦЕНКА РАЗУМНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ДИРЕКТОРА ПРИ ПРИНЯТИИ БИЗНЕС-РЕШЕНИЯ

Аннотация. на данный момент происходит усложнение отношений по взаимодействию участников корпорации между собой. Деятельность организаций основывается на риске, выраженном в действиях органа управления. В таких условиях возникают ситуации, когда суды вынуждены оценивать на разумность те или иные действия, осуществляемые в пределах бизнес-решения, что может приводить к нестабильности оборота.

Ключевые слова: корпоративные отношения, бизнес-решения, принцип разумности, директор.

К. К. Gorshenev

*Altai Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation
Faculty of Law
Russia, Barnaul*

ASSESSMENT OF THE REASONABLENESS OF THE DIRECTOR'S BEHAVIOR WHEN MAKING A BUSINESS DECISION

Abstract. now, there is a complication of relations on the interaction of the corporation's participants with each other. The activities of organizations are based on the risk expressed in the actions of the management body. In such conditions, situations arise when courts are forced to assess the reasonableness of certain actions carried out within the limits of a business decision, which can lead to instability of turnover.

Keywords: corporate relations, business decisions, the principle of reasonableness, director.

Ответственность директора перед корпорацией в рамках отечественного корпоративного права основывается на принципе обязательного соблюдения вмененных ему фидуциарных обязанностей, нарушение которых влечет наступление негативных имущественных последствий [3, С. 15]. В рамках российского корпоративного права, равно как и в англо-американском праве, усматривается две базовые фидуциарные обязанности директора корпорации: действовать разумно и добросовестно.

Рассматриваемая нами обязанность действовать разумно не является механизмом прямого действия: это категория оценочная, сочетающая в себе спектр возможных проявлений ненадлежащего поведения директора. И трудности возникают именно в процессе её реализации на практике, поскольку придаваемая ей абстрактность выражается в возможности самостоятельного усмотрения судей относительно того или иного спора.

Попытка частичного разрешения существующей проблемы была предпринята в 2013 году Высшим Арбитражным Судом путем определения в Постановлении Пленума № 62 содержания неразумности [2].

Неразумность действия (бездействия) директора считается доказанной, в частности, когда директор:

- 1) принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации;
- 2) до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации;
- 3) совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур.

Считаем, что содержание неразумного поведения, как абстрактной категории, раскрыто через не менее абстрактные конструкции (случаи), допускающие неоднозначное толкование при рассмотрении схожих вопросов.

Таким образом, решение вопроса о реализации категории разумного поведения Постановлением № 62 Пленума ВАС в полной мере не было осуществлено и действие категории оставляет за собой наличие свободы при толковании.

В рамках указанного определим следующую область существующих и возможных проблем.

Важно определить содержание обязанности действовать разумно. Как правило, это некий стандарт деятельности директора, при котором от него требуется соблюдения требований, обычно предъявляемых к субъектам при схожих обстоятельствах (суды указывают на понятие «заботливого хозяина»).

Оценка такого стандарта, как правило, основывается на двух элементах, которые и определяют уровень требований к поведению [3, С. 16–17].

Во-первых, стандарт поведения ограничивается «поведением среднестатистического директора», таким, которое ожидается в пределах гражданского оборота от любого директора. Уровень предъявляемых требований при этом в определенной степени выше, чем к гражданину, однако и не требует глубоких профессиональных познаний. Это те базовые положения, которые должен осознать человек, как участник оборота, задействованный в рамках конкретной области отношений (по управлению организацией и в сфере, где осуществляется деятельность корпорации).

Во-вторых, при осуществлении предпринимательской деятельности работает принцип бизнес-решения, под которым понимается недопустимость оценки судами экономической целесообразности решений, принимаемых директором [1].

Наличие неразумности в поведении директора очевидно при совершении таких действий, как: бесосновательное уменьшение стоимости продаваемого имущества в десятки раз; продажа недвижимого имущества корпорации по заниженной стоимости и дальнейшая его аренда по завышенной цене и прочих.

Но в некоторых случаях неразумность поведения может проявляться лишь внешне, а в своей сущности действия имеют безусловно разумный корень, в том числе осуществляются при условии риска. В том числе, это касается определения разумности при принятии директором того или иного бизнес-решения.

Законы об отдельных видах корпораций указывают, что с иском о возмещении убытков, причиненных обществу директором вправе обратиться в суд общество или его участник. В таких условиях возникает ситуация, когда истцом может быть участник (учредитель) корпорации, как правило не обладающий специальными знаниями в управлении делами организации и в качестве профессионала соответствующей области. Позиция такого лица во многом основывается на конкретных обстоятельствах ситуации.

В свою очередь единоличный исполнительный орган – это, как правило, привлекаемое со стороны, работающее по трудовому договору лицо, обладающее специальными профессиональными навыками в области управления корпорацией и соответствующей сфере её деятельности.

Данная ситуация возможна, например, при оспаривании участником корпорации действий директора по предоставлении кредита по очевидно заниженным процентам, продаже имущества с явным снижением цены и в иных ситуациях имущественных уступок контрагенту.

Формально признак убыточности наличествует и в его доказывании «нет необходимости». Однако, принципиально важно отметить, что подобные действия, могут являться элементом выстраивания позитивных взаимоотношений с участниками гражданского оборота в целях дальнейшего сотрудничества и улучшения позиции компании на рынке. Подобные действия могут являться частью бизнес-плана, составляемого специальными субъектами – бизнес-менеджерами и имеющего итоговый практически полезный результат лишь потенциально и через определенный временной промежуток.

Анализ практики показывает, что суды первоначально акцентируют внимание на причинах совершения тех или иных действий, в том числе суд может затребовать любого мотивированного объяснения того или иного формально неразумного акта поведения. И, если действия директора явно не имели цели дальнейшего развития деятельности корпорации, суды, безусловно удовлетворяют иски при фактическом наличии убытков.

Но бизнес-планы могут строиться по другому принципу: итог проявляется лишь при заверении ряда последовательных этапов, необходимость и выгода для корпорации которых суду может показаться сомнительной.

Сами действия директора в рамках гражданского оборота, с учётом специфики предпринимательства – алеаторности не являются неразумными в силу одного лишь внешнего проявления убыточности. Бизнес-планы – это структурно и механически сложнейшие средства развития корпорации, составляемые с учётом оценки огромного количества элементов рынка и предусматривающие значительное число последовательных элементов выстраивания бизнеса. В таких условиях предоставление льготных условий в отношении с контрагентом может являться лишь небольшим шагом общей стратегии, условным инвестированием в будущее корпорации.

Однако, возникает проблема в доказываемости указанного, поскольку более убедительной кажется ссылка на текущие факты – причиненные корпорации убытки. Оценка же бизнес-плана является, по сути оценкой бизнес-решения, риска действия при условии предпринимательской природы отношений.

Однако, суд вынужден оценивать, насколько оправдан риск действий директора. В некоторых, более простых случаях, подобная оценка допустима (например, в одном деле суд отказал в иске о взыскании убытков в виде расходов на рекламную компанию в размере 9 млн и признал действия директора в данном случае разумными, поскольку затраты на данные услуги соразмерны доходам корпорации, а саму рекламную компанию допустимо рассматривать в качестве разумного бизнес-решения). Но, важно отметить, что реклама – подтвержденное практикой средство развития бизнеса, оценка которого вполне проста относительно осложнённых бизнес-планов.

Рационально в подобных условиях определить пути доказывания разумности того или иного действия в рамках бизнес-плана (то есть, почему именно подобное действие в будущем сможет улучшить положение корпорации на рынке); привлекать в качестве специалистов независимых бизнес-менеджеров, обладающих профессиональными навыками в узконаправленных областях и способных дать наиболее точную оценку тому или иному бизнес-решению. Это позволит не допустить ситуаций, при которых оспаривание решения директора осуществляется исключительно по сугубо формальному признаку, что обеспечит стабильность в обороте, развитие рынка и иные благоприятные последствия.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // «Собрание законодательства РФ». 2004. № 9. ст. 830.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». 2013 г. № 10.
3. *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д. И. Степанов. М.: Статут. 2018. 207 с

С. А. Емельянова

Мурманский арктический государственный университет
Кафедра юриспруденции
Россия, Мурманск

АНАЛИЗ ВОЗРАСТА И ОСНОВАНИЙ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. в данной статье анализируется проблема снижения брачного возраста. Делается акцент на необходимости единого подхода к определению минимального возраста. Автор делает вывод о том, что условия снижения общего минимального брачного возраста должны регламентироваться на федеральном уровне в силу того, что отнесение вопроса о снижении брачного возраста на уровень субъектов РФ и предоставление права принятия специальных, отдельных и иных нормативно правовых актов не целесообразно.

Ключевые слова: брак; минимальный брачный возраст; несовершеннолетние; гражданская дееспособность.

S. A. Emelyanova

Murmansk Arctic State University
Department of Jurisprudence
Russia, Murmansk

LEGAL FEATURES OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES IN THE MURMANSK REGION

Abstract. this article analyzes the problem of reducing the age of marriage. Emphasis is placed on the need for a unified approach to determining the minimum age. The author concludes that the conditions for reducing the general minimum age of marriage should be regulated at the federal level, due to the fact that it is not advisable to assign the issue of reducing the age of marriage to the level of the subjects of the Russian Federation and granting the right to adopt special, separate and other regulatory legal acts.

Keywords: marriage; minimum age of marriage; minors; civil capacity.

По данным Росстата за 2020 год было заключено 770 857 браков, при этом, число мужчин, заключивших брак до 18 лет, составляет 598 человек, а женщин – 4 569 [9]. Возраст – разновидность юридического факта, с которым связано возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Возраст – это событие, так как его генезис не зависит от воли субъекта. Таким образом, брачный возраст также является юридическим фактом, только в рамках семейного права. По мнению Надина И.Н. [14], рассматриваемая проблематика является следствием децентрализованного урегулирования вопросов, связанных с семейными отношениями, посредством установления их в совместном ведении РФ и субъектов. Брачный возраст – такой юридический факт, который является одним из условий для заключения брака и проявляющийся в наступлении конкретного возраста. Возраст может рассматриваться как календарный (паспортный), так и биологический; под брачным возрастом можно понимать юридический факт, являющийся одним из условий для заключения брака, связанный с наступлением конкретного возраста.

Действующая модель минимального брачного возраста связана с разделением минимального возраста на общий и специальный; возможность одинакового снижения брачного возраста для девушек и юношей; открытый перечень обстоятельств снижения брачного возраста. Нормы Семейного кодекса (ст. 13) [3] (далее – СК РФ), к сожалению, не устанавливают порядок и условия вступления в брак лиц, не достигших возраста 16 лет. Леканова Е.Е. [13] рекомендует остановиться на проблеме целесообразности отнесения к региональному ведению установления исключительных обстоятельств для снижения общего минимального брачного возраста лицам, не достигшим 16 лет. Из ст. 13 СК РФ следует, что перечень исключительных обстоятельств для получения разрешения на вступление в брак несовершеннолетних,

не достигших 16 лет, поставлен в зависимость от осмотра конкретного регионального законодателя. Часть 1 ст. 13 СК РФ устанавливает для обоих полов брачный возраст 18 лет. В соответствии со ст. 72 Конституции РФ [1] семейное законодательство относится к совместному ведению РФ и ее субъектов, поэтому порядок и условия, при наличии которых вступление в брак может быть разрешено до достижения возраста 16 лет, могут быть установлены законами субъектов РФ (ч. 2 ст. 13 СК РФ).

Сегодня минимальный возраст, когда при особых обстоятельствах возможно получить разрешение на вступление в брак, установлен в 14 лет (законы Республики Адыгея, Республики Татарстан, Московской, Нижегородской, Новгородской областей, Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов и др.) либо в 15 лет (законы Мурманской, Рязанской, Тверской, Челябинской областей, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик) [10]. Всего 22 субъекта РФ имеют подобные законы. Исследуя данные нормативные акты субъектов РФ, заметим, что обстоятельства снижения брачного возраста в разных регионах отличаются. Так, в Законе Мурманской области «Об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» от 18.11.1996 г. № 42-01-ЗМО [5] особые обстоятельства для вступления в брак лиц, не достигших 16 лет: рождение ребенка и фактического нахождения его при матери, желающей вступить в брак; наличие беременности (22 недели и более), прерывание которой противопоказано заключением медкомиссии, либо невозможно из-за желания обеих сторон к ее сохранению и др. В Законе Новгородской области, к примеру, к особым обстоятельствам относят: установленную беременность; рождение ребенка у лиц, желающих вступить в брак; непосредственная угроза жизни одной из сторон; призыв на военную службу. Также добавляется пункт «другие особые обстоятельства», но законодателем не указано, какими именно они могут быть [6]. Особыми обстоятельствами, согласно Закону Магаданской области от 4 мая 2001 г. № 182-ОЗ, при наличии которых может быть разрешено вступление в брак лицам, не достигшим возраста 16 лет, являются беременность, рождение ребенка у лиц, желающих вступить в брак [7]. В Ханты-Мансийском автономном округе в Законе «О порядке и условиях разрешения вступления в брак лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» указано: беременность несовершеннолетней и др. [8]. В связи с многообразием жизненных ситуаций, семейное законодательство расширяет в этом отношении возможности органов местного самоуправления. Наумов Я.В. [15] приходит к выводу, что свобода органов местного самоуправления не должна быть безграничной. В СК РФ не содержится понятия «особые обстоятельства», как и отсутствует перечень обстоятельств. Согласимся с мнением Лекановой Е.Е. о том, что перечень исключительных (уважительных) обстоятельств должен быть закрытым, так как имеющий место на сегодняшний день открытый перечень жизненных обстоятельств, для снижения минимального брачного возраста приводит к чрезмерной свободе правоприменения [13]. Возникает проблема, почему в одних субъектах предусмотрено снижение возраста, а в других – нет. Часть 1 ст. 134 УК РФ устанавливает ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим 18 лет. Примечание к данной статье устанавливает возможность освобождения судом от уголовного наказания, в связи с вступлением в брак с потерпевшей [4]. Условия снижения минимального брачного возраста должны регламентироваться на федеральном уровне. Необходимо конкретизировать перечень особых обстоятельств, так как это способствует появлению у несовершеннолетних полной дееспособности, что приведет к самостоятельному осуществлению ими не только своих прав, но и обязанностей. Недостатком действующей модели правовой регламентации минимального брачного возраста выступает отсутствие в норме ст. 13 СК РФ нижнего предела, до которого региональные законодатели вправе снижать брачный возраст, в связи с чем субъекты произвольно могут допускать снижение брачного возраста, что на наш взгляд, не в полной мере отвечает интересам детства. В вопросе снижения брачного возраста имеют место сложности в определении достижения возраста для вступления в брак.

Предлагаем внести изменения в нормы семейного законодательства, где были бы установлены правила и условия признания достижения брачного возраста будущих супругов. Предлагаем внести дополнение в ч. 1 ст. 11 Семейного кодекса РФ, дополнив ее абзацем 4 следующего содержания: «К особым обстоятельствам для снижения брачного возраста относятся: установленная беременность; рождение ребенка у лиц, желающих вступить в брак». Данные изменения позволят упорядочить действующее региональное законодательство, регламентирующее вступление в брак лиц, не достигших возраста 16 лет.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 01.07.2020 г.) // <http://www.pravo.gov.ru>
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 21.
3. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 165.
5. Закон Мурманской области от 18.11.1996 № 42-01-ЗМО «Об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov-murmman.ru>
6. Закон Новгородской области от 02.02.2009 г. № 465-ОЗ «О порядке и условиях вступления в брак на территории Новгородской области лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/424034453>
7. Закон Магаданской области от 04.05.2001 № 182-ОЗ «О порядке и условиях получения разрешения на вступление в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет» // [Электронный ресурс. <https://sudrf.cntd.ru/document/412309526>
8. Закон Ханты-Мансийского автономного округа от 01.07.1997 № 34-ОЗ (ред. 31.01.2011) «О порядке и условиях разрешения вступления в брак лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» // [Электронный ресурс. <https://docs.cntd.ru/document/991002757>
9. Статистика браков по возрастам жениха и невесты Федеральной службы государственной статистики // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
10. *Аехадеев И. В.* К вопросу об основаниях и пределах снижения брачного возраста в РФ // *Право и образование.* 2009. № 10. С. 136–141.
11. *Гришаев С. П.* Постатейный комментарий к Семейному кодексу РФ // СПС КонсультантПлюс. 2017.
12. *Корнакова С. В.* Вопросы, разрешаемые при заключении брака лицами, не достигшими возраста 16 лет // *Baikal Research Journal.* 2016. № 1. С. 135–142.
13. *Леканова Е. Е.* Исключительные обстоятельства снижения минимального брачного возраста: виды, критерий уважительности, проблемы регламентирования // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. № 2 (23). С. 47–54.
14. *Надин И. Н.* Проблемы снижения брачного возраста в соотношении условий и порядка заключения брака, установленных Семейным кодексом РФ и законами субъектов РФ // *Проблемы в российском законодательстве.* 2016. № 8. С. 130–133.
15. *Наумов Я. В.* Правовое регулирование условий заключения брака: тенденции реформирования // *Евразийский Союз Ученых.* 2017. № 9–3 (42). С. 67–70.

УДК 347.232

А. А. Зотова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАТЕЖ В КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ НЕДВИЖИМОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Одним из наиболее частых договоров, заключаемых гражданами в РФ сегодня и на протяжении многовекового времени остается договор купли-продажи. В статье рассмотрены различные способы осуществления предварительной денежной оплаты при заключении договора купли-продажи. А также проанализированы позитивные и негативные аспекты залога, задатка, обеспечительного платежа и аванса в отношении практического применения.

Ключевые слова: договор купли – продажи, задаток, аванс, обеспечительный платеж, средство платежа.

A. A. Zotova

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

PRELIMINARY PAYMENT IN THE PURCHASE AND SALE OF REAL ESTATE: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE NORMS OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND JUDICIAL PRACTICE

Abstract. One of the most frequent contracts concluded by citizens in the Russian Federation today and for centuries remains a contract of sale. The article discusses various ways of making an advance cash payment at the conclusion of a purchase and sale agreement. The positive and negative aspects of collateral, deposit, security payment and advance payment in relation to practical application are also analyzed.

Keywords: purchase and sale agreement, deposit, advance payment, security payment, means of payment.

Договор купли – продажи недвижимости всегда сопровождается каким – либо предварительным способом осуществления денежной оплаты. Одним из самых популярных предварительных платежей на сегодняшний день является авансовый платеж – в среднем в сделках, связанных с купле – продажей недвижимости его используют около 60 % покупателей.

Гражданское законодательство РФ рассматривает несколько способов предварительной оплаты при осуществлении покупателем и продавцом договора купли – продажи недвижимости: задаток, обеспечительный платеж и авансовый платеж.

В Гражданском кодексе РФ задаток определяется как денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения – п. 1 ст. 380 ГК РФ. При этом, учитывая положения ст. 380 ГК РФ – задаток должен быть заключен в письменной форме, впоследствии это выступает гарантией как для покупателя, так и для продавца во время осуществления сделки и становится важным доказательством в суде.

Не смотря на отсутствие в Гражданском кодексе РФ норм, посвященных авансу, в правовых нормах обозначено определение предварительной оплаты, которое идентично авансовому платежу. Так в ст. 487 ГК РФ предварительная оплата определяется как денежная сумма, которую покупатель обязуется уплатить продавцу полностью или частично передаточным товаром.

При этом важно учитывать, что задаток выполняет несколько функций: доказательную (служит подтверждением о заключении договора купли-продажи недвижимости между по-

купателем и продавцом), обеспечительная (средство обеспечения обязательства между сторонами), платежную (размер задатка входит в стоимость приобретаемой недвижимости). В то время как аванс ориентирован на внесение денежной суммы для символического подтверждения намерения, таким образом, он выполняет только платежную функцию в вышеперечисленных направлениях задатка в гражданско – правовых отношениях [1, С. 163].

Необходимо выделить некоторые отличительные признаки аванса и задатка. Задаток – это способом обеспечения исполнения обязательства, аванс же – это форма оплаты, при которой стороны могут в любое время отказаться от договора без значительных потерь. Если продавец продает определенный товар, выбранный первоначальным покупателем, другому покупателю, то ответственность по авансу заключается в том, что продавец возвращает переданную первоначальным покупателем ту же сумму, который последний передал (п. 3 ст. 487 ГК РФ). При задатке продавец в случае отказа от договора обязан вернуть двойную сумму задатка (п. 2 ст. 381 ГК РФ). Также законодатель в п. 2 ст. 380 ГК РФ предусмотрел возможность составления соглашения о задатке, в отношении авансового платежа такое требование отсутствует [5, С. 106].

В 2015 году в нормах Гражданского кодекса РФ появилось еще одно средство обеспечения обязательства – обеспечительный платеж, имеющий иные особенности, чем задаток и аванс. Он представляет собой средство обеспечения обязательства, которое возникнет в будущем, может также засчитываться в счет исполнения соответствующего обязательства или же вноситься одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы – в соответствии со ст. 381.1 ГК РФ. При этом, в отличие от задатка и аванса, обеспечительный платеж может быть возвращен в меньшем размере с учетом траты на определенные расходы: оформление документов, аренда банковской ячейки и иные [2, С. 38].

При выборе между авансом, залогом и обеспечительным платежом необходимо руководствоваться гарантиями, закрепленными законодателем, так как они могут в полной мере обеспечить права и обязанности сторон при заключении договора купли – продажи и в случае отказа от него. Так в соответствии со ст. 381 ГК РФ задаток является одним из более весомых средств платежа, так как он предусматривает возможность возврата денежной суммы в двойном размере, если продавец не исполняет свои обязательства по договору купли – продажи, а также регламентирует право продавца оставить задаток у себя в полном размере при отказе покупателя от договора. Обеспечительный платеж и аванс являются гарантом только одной стороны – адресата платежа, так как по ним невозможен возврат двойной суммы платежа, если сделка по купле-продаже недвижимости не состоится по вине продавца [3, С. 221–222].

В судебной практике нет определенной позиции по квалификации платежа: является ли он авансом или задатком. В большинстве рассматриваемых дел, если истец не обозначил сумму предварительного платежа задатком и не смог предъявить доказательства в обосновании требования возврата именно задатка – суды рассматривают данную денежную сумму как авансовый платеж [4, С. 145].

Интересный пример переквалификации платежа содержится в определении Верховного суда РФ по делу № 33-28207/17. Так, гражданин К. обратился в суд с иском к гражданке К. о взыскании денежной суммы в размере 50 000 руб., процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 9 223,96 руб., а также возмещении судебных расходов. В обоснование иска истец сослался на то, что передал ответчице по расписке 50 000 руб., являющиеся задатком в счет заключения в будущем договора купли-продажи дома и земельного участка. Решением Д. районного суда исковые требования были удовлетворены частично: с ответчика в пользу истца взысканы денежная сумма в размере 50 000 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 9 223,96 руб., а также судебные расходы. В дальнейшем апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам К. краевого суда решение

суда первой инстанции было отменено и в удовлетворении исковых требований гражданину К. было отказано. В кассационной инстанции Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, проверив материалы дела, отменила приговор суда апелляционной инстанции и подтвердила назначение предварительного платежа в форме задатка, отправив дело К. на повторное рассмотрение.

Еще одним примером, подтверждающим возвращение задатка в одинарном размере, не смотря на признание денежной суммы задатком, является решение № 2-899/2020 2-899/2020-М-855/2020 М-855/2020 от 17 ноября 2020 г. по делу № 2-899/2020 Ш. городского суда. Истец В. обратился в суд для взыскания двойного размера задатка, данного им в результате заключения предварительного договора покупки жилого дома, так как продавец не выполнил свои обязательства и отказался от продажи недвижимости. Проанализировав материалы дела, суд признал сумму, переданную истцом В. ответчику Р. задатком, и сделал отсылку на ст.ст. 380 и 381 ГК РФ, но при этом вынес решение об удовлетворении требования частично, обязав ответчика вернуть одинарную сумму задатка.

Важно отметить, что правовое положение договоров задатка и аванса имеет много схожих моментов, но при этом, стоит учитывать, что при возникновении разногласий правовое закрепление аванса требует подробного регламентирования, так как законодатель защитил задаток, раскрыв сущность его основных положений в нормах ГК РФ. Большое количество дел в судах связано не только с отсутствием правового закрепления аванса, но и с неграмотным составлением договоров предварительно и основной покупки недвижимости, так как отсутствие слова «задаток» в договоре купли – продажи значительно сокращает шансы полного удовлетворения требования покупателя в судебном производстве и фактически лишает его возможности вернуть двойную сумму задатка (п. 3 ст. 380 ГК РФ – если существуют сомнения о том, что денежная сумма является задатком, то она рассматривается как аванс).

Список литературы:

1. *Альмурзиева Ф.М.* Реализация принципов гражданского права при совершении крупных сделок с акциями: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Альмурзиева Фатима Магомедовна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Москва, 2015. – 217 с.
2. *Баранов С.Ю.* Задаток как правовое средство реализации прав потребителя: некоторые проблемы практики применения // *Гражданское право.* – 2010. – № 2. – С. 36–38.
3. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав [Текст] / Е.В. Вавилин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2016. – 415 с.
4. *Ермошкина М.Ф.* Задаток: проблемы и новые возможности // *Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова.* – М.: Статут, 2010. – С. 155–172.
5. *Серветник А.А.* Соотношение задатка и аванса: практика применения. *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* № 4 (117). 2017.

А. Г. Карло

*Адъюнкт ГОУ ВПО «Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики»
Донецкая Народная Республика, г. Донецк*

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АЛИМЕНТНОГО ФОНДА

Аннотация. Среди всех преступлений в сфере семейных отношений особую опасность представляют преступления, предусмотренные ст. 163 УК ДНР. Установлено, что общественная опасность данных преступлений состоит в том, что в результате отказа родителя от денежного содержания, ребенок не получает необходимых средств для полноценного физического и интеллектуального развития.

Ключевые слова: взыскание алиментов, содержание ребенка, алиментные обязательства, алиментные выплаты, алиментнообязанные лица, алиментный фонд.

A. G. Karlo

*adjunct of Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry
Internal Affairs of the Donetsk People's Republic, Donetsk*

ON THE PROSPECTS OF ESTABLISHING A SPECIAL STATE ALIMINARY FUND

Abstract. Among all crimes in the field of family relations, crimes under Art. 163 of the Criminal Code of the DPR. It has been established that the social danger of these crimes lies in the fact that as a result of the parent's refusal from the financial support, the child does not receive the necessary funds for full physical and intellectual development.

Keywords: recovery of alimony, child support, alimony obligations, alimony payments, alimony liable persons, alimony fund.

Из общего числа преступлений, совершаемых в отношении детей, особое место занимают преступления, предусмотренные ст. 163 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), по некоторым причинам, одна из которых заключается в их количестве, превышающем количество иных преступлений, совершаемых в отношении детей, а вторая – их социальная значимость. Однако, несмотря на предпринимаемые в данном направлении шаги, законодательство, охраняющее имущественные интересы детей, находится на этапе развития.

В настоящее время законодателем не выработан механизм взыскания алиментов с должников. Попытками реформирования законодательства в данном направлении стали внесения изменений в ст. 163 УК ДНР [1], в соответствии с которыми было исключено понятие «злостность» и способ совершения преступного деяния – уклонение, предусмотрена административная ответственность за неуплату средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей [2].

Говоря об эффективности взыскания алиментов в ДНР, обратимся к утверждению О.В. Исаенковой: «трудности практического характера, связанные с задержкой их исполнения, обусловлены среди прочего и тем, что сама отрасль исполнительного права, как и составляющее её основу исполнительное законодательство, в настоящее время недостаточно разработаны» [3, С.16]. Выделяя исполнительное производство в самостоятельную отрасль законодательства, она считает, что «... имея собственный кодифицированный источник только в виде проекта, исполнительное право в действующем его варианте содержит значительные пробелы, в т. ч. в отношении регулирования исполнительного производства по так называемым «семейным делам».

Законом обязанность по содержанию ребенка возложена на каждого из родителей, но при этом не определено, в какой мере каждый родитель должен содержать ребенка. В действующем законодательстве однозначный ответ по данному вопросу отсутствует. Родитель, с которым проживает ребенок, при отсутствии нотариально удостоверенного соглашения об али-

ментах обращается в суд в порядке искового производства. Суд назначает осуществление выплат алиментов по общему правилу, с момента обращения до достижения ребенком совершеннолетия.

Взыскание алиментов в ДНР осуществляется органами Государственной исполнительной службы Министерства юстиции ДНР в соответствии с Временным порядком об исполнительном производстве ДНР № 7-37. Размер задолженности по уплате алиментов определяется государственным исполнителем по месту исполнения решения (месту жительства или работы должника) [4].

При уклонении алиментнообязанного родителя от уплаты алиментов, ребенок становится «заложником» его преступного поведения, что в свою очередь отражается на уровне социализации ребенка и может привести к негативным последствиям. Обязанность родителей и государства по обеспечению детей содержится не только во внутренних законодательных актах государства, но и в международных правовых актах.

В связи со сложной социально-экономической и политической обстановкой в ДНР, не лишним будет обсуждение и принятия решений по вопросам, касающимся алиментных обязательств в целом. К таким вопросам можно отнести: минимальный, гарантированный государством, размер алиментных выплат, а также вопрос создания и финансирования специального государственного алиментного фонда. Такой подход к обеспечению материального достатка детей необходим в связи с тем, что человек является наивысшей ценностью любого государства, а дети – гарантия его развития и процветания.

Создание специального государственного, под патронажем Главы Республики, алиментного фонда, считается целесообразным в настоящее время. Из средств такого фонда предлагается производить авансовые выплаты на содержание детей, с дальнейшим взысканием данных выплат с алиментнообязанных лиц. Необходимо отметить, что для разрешения данного вопроса необходимо проведение экспертных консультаций государственными органами, а также принятие государством соответствующих решений.

Минимальный гарантированный государством размер алиментных выплат, в настоящее время необходимо рассчитывать в соответствии с минимальным размером оплаты труда (далее – МРОТ). Например, на содержание детей в возрасте до 6 лет – из расчета 50% установленного МРОТ, а на детей от 6 до 18 лет – 75 % установленного МРОТ. В будущем, при установлении минимального, гарантированного государством, уровня алиментных выплат на содержание детей, следует ориентироваться на установленный государством прожиточный минимум, который не должен быть ниже минимального размера оплаты труда.

Также необходимо учитывать проблему, связанную с осуществлением ликвидации задолженности по алиментам. При обеспечении минимальных государственных алиментных выплат, предназначенных для содержания ребенка, возникает необходимость в контроле их целевого использования, для чего следует определить порядок предоставления отчетов о расходовании алиментных средств.

Для начисления алиментных сумм открывается специальный карточный (алиментный) счет. Сего помощью производятся все расчеты в безналичном порядке, что обеспечит контроль за целевым расходованием средств.

Алиментные фонды успешно реализуют свою политику в Великобритании, США, скандинавских странах. Из государственного алиментного фонда производятся выплаты денежных средства на содержание детей лицам, участвующим в судебных процессах по взысканию алиментов [5].

В Российской Федерации (далее – РФ) Комиссия по социальным вопросам и демографической политике Общественной палаты РФ уже выступала с предложениями по созданию государственного Алиментного фонда, в соответствии с которым, в случае уклонения одного из родителей от уплаты алиментов своим несовершеннолетним детям эту обязанность принимает на себя государство. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 –2017 годы» [6] предусмотрена разработка мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, достаточных

для содержания детей, в том числе посредством создания государственного Алиментного фонда.

Таким образом, считаем целесообразным:

– инициировать создание специального государственного алиментного фонда, для обеспечения необходимых материальных выплат детям, в интересах которых назначены алиментные выплаты;

– определить источники финансирования такого фонда, механизмы выплат и контроля зарасходованием фондовых средств;

– внести соответствующие изменения законодательства, в частности в п. 3 ст. 80 Семейного кодекса ДНР, обязывающие орган опеки и попечительства предъявить иск о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей к их родителям (либо одному из них), при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов и при непредоставлении содержания несовершеннолетним детям.

Таким образом, государство примет на себя обязанность по выплате алиментов из специального (алиментного) фонда с последующим взысканием с должников выплаченной суммы с учетом индексации.

Список литературы:

1. О внесении изменений в ст. 163 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 24.09.2020 № 201-ИНС действующая редакция по состоянию на 01.01.2021// URL:<https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vnesenii-izmeneniya-v-statyu-163-ugolovnogo-kodeksa-donetskoj-narodnoj-respubliki/> / (дата обращения: 23.05.2021).

2. Об административной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: Закон Донецкой Народной Республики от 24.09.2020 № 200-ИНС// URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-administrativnoj-otvetstvennosti-za-neuplatu-sredstva-soderzhanie-detej-ili-netrudosposobnyh-roditelej/> / (дата обращения: 23.05.2021).

3. *Исаенкова О.В.* Особенности исполнения некоторых видов исполнительных документов по делам из семейных правоотношений // Исполнительное право. 2012. № 1. С. 16–18.

4. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «Об утверждении Временного порядка об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики в новой редакции», от 31.05.2016 № 7-37// URL: <https://gisnpa-dnr.ru/pri/0003-7-37-20160531/> / (дата обращения: 23.05.2021).

5. *Сычева О.А.* Регламентация и реализация права несовершеннолетних детей на получение содержания от родителей в России и за рубежом (опыт и проблемы) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5.

6. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23.

УДК 347.191.6

Е. О. Кравцов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые и организационные проблемы ликвидации юридических лиц. На основании сравнительно правового анализа автор приходит к выводу, что, несмотря на законодательное регулирование рассматриваемого вопроса, данное явление имеет множество пробелов, которые необходимо исправить.

Ключевые слова: юридическое лицо, гражданское право, субъект, объект, иск, ликвидация.

Е. О. Kravtsov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY

Abstract. The article examines some of the legal and organizational problems of liquidation of legal entities. Based on a comparative legal analysis, the author comes to the conclusion that, despite the legislative regulation of the issue under consideration, this phenomenon has many gaps that need to be corrected.

Keywords: legal entity, civil law, subject, object, claim, liquidation.

В настоящее время в условиях рыночной экономики процессы создания и прекращения деятельности юридических лиц происходят непрерывно. Особую роль в социально-экономическом развитии нашего государства, на наш взгляд, играет явление ликвидации юридического лица и прекращение его деятельности как субъекта гражданско-правовых отношений. Процедура ликвидации организации достаточно непростая, в связи с этим ключевую роль в данном процессе играют правовое регулирование и подробная регламентация данного процесса.

Невзирая на большое многообразие нормативных правовых актов в сфере ликвидации юридических лиц, часть из аспектов данной сферы недостаточно раскрыты в законодательстве нашей страны – это способствует появлению ряда трудностей. Основной целью данной статьи является выявление основных проблем, связанных с недостаточной регламентацией осуществления процедуры ликвидации юридических лиц, а также поиск путей их решения.

Согласно статье 61 Гражданского Кодекса РФ под ликвидацией юридического лица понимается его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам.

Юридическое лицо ликвидируется по решению суда по иску государственного органа или органа местного самоуправления, которые согласно законодательству Российской Федерации имеют право на предъявление требования о ликвидации юридического лица в случае признания государственной регистрации юридического лица недействительной, в том числе в связи с допущенными при его создании грубыми нарушениями законодательства РФ, если эти нарушения носят неустраняемый характер. В зависимости от формы организации юридического лица, причины его ликвидации и других факторов, подача иска в суд может осуществляться регистрирующим, налоговым, антимонопольным органом, а также прокурором или Центральным Банком РФ [1, С. 2].

Нам известны два вида ликвидации юридического лица: добровольная и принудительная. Добровольная ликвидация проводится по решению учредителей или уполномоченного органа. Причинами могут стать истечение срока или достижения цели деятельности компании, невозможность достижения цели и другие. Принудительная ликвидация происходит только согласно решению суда по исковому заявлению. Причина-

ми могут быть нарушение законодательства при регистрации организации, осуществление деятельности без надлежащего свидетельства и так далее.

Следует отметить, что налоговый орган вправе отказать в государственной регистрации и ликвидации юридического лица, но он обязан предоставить документ с обозначенной причиной отказа.

В результате исследования процесса ликвидации юридического лица мы сделали следующий вывод, что одной из проблем является недостаток четкой регламентации таких вопросов ликвидации, как установление сроков для каждого этапа процедуры, определение круга лиц, имеющих право на оспаривание результатов процесса упразднения организации, и другие. На практике ликвидационные комиссии или ликвидаторы часто совершают недобросовестные действия с целью уйти от выполнения некоторых обязательств путём сокрытия имущества, на которое может быть обращено взыскание, ненадлежащего оповещения кредиторов, оттягивания сроков, введения в заблуждение кредиторов или суд и так далее. В таких ситуациях кредиторы имеют возможность остаться без возмещения своих требований после завершения процедуры ликвидации и внесения советующих записей в ЕГРЮЛ. В то же время, законодательством предусмотрена возможность оспаривания результатов ликвидации компании заинтересованными лицами. В законодательстве также отсутствует четкое разъяснение такого вопроса, как является ли основанием считать процедуру ликвидации недействительной при не уведомлении об этом кредиторов. Отсюда возникают сложности при восстановлении организации, если факт недействительности ликвидации будет всё же доказан. По мнению Белова В. А., данную ситуацию может объяснить следующее обстоятельство – проводя ликвидацию, организация имеет достаточно средств, чтобы удовлетворить требования всех кредиторов.

Решение данной проблемы возможно посредством внесения поправок в законодательство. На наш взгляд, стоит более подробно конкретизировать и детализировать именно процесс ликвидации юридического лица, с уточнением сроков каждого этапа, а именно: временные рамки опубликования информации в СМИ, процесс ожидания ответа от кредиторов на уведомления, исполнение оставшихся обязательств и так далее, а также установление ответственности за нарушение сроков. В то же время следует учитывать, что на сроки проведения процедуры ликвидации юридического лица влияет размер организации. Очевидно, что крупным компаниям этот процесс даётся сложнее в связи с большим количеством учредителей, сотрудников, имущества и других факторов.

Следующая проблема, на которую мы обратили внимание при изучении процесса ликвидации организаций – частое нарушение законодательства в том числе, по той же причине – наличие изъянов в правовом регулировании функционирования отдельных субъектов экономической деятельности. Так, доктор юридических наук Габов А. В. считает, что противоречивость правовых норм – это обстоятельство, которое может вносить неясность в применение законодательства в сфере ликвидации юридических лиц. Наиболее частыми преступлениями, совершаемыми при ликвидации организации, являются неправомерные действия при банкротстве, а также преднамеренное, фиктивное банкротство, мошенничество, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и многие другие. Особенностью совершения этих преступлений является их главная цель – извлечение материальной выгоды путём вывода активов из ликвидируемого юридического лица [7, С. 63].

Преступления, которые совершаются в области ликвидации юридических лиц, наносят огромный ущерб экономике Российской Федерации, так как в результате государство не получает часть доходов, которые поступают в бюджет в виде налогов и сборов. Негативное влияние оказывается и на граждан, по причине сокращения количества рабочих мест.

Эта проблема обусловлена сложностью выявления и доказывания совершения преступлений, совершаемых в об-

ласти ликвидации юридических лиц. Иногда правоохранительные органы бессильны ввиду исполнения требований Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Этот закон подразумевает некоторые ограничения при проведении оперативно-розыскных мероприятий и документальных проверок организаций [6, С. 3].

Решением этой проблемы, на наш взгляд, может также послужить внесение поправок в законодательство: детализировать нормы о возможностях правоохранительных органов вмешиваться в процесс ликвидации юридических лиц.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что процедура ликвидации юридических лиц, а также её последствия имеют серьезное значение для участников в лице учредителей, контрагентов компании, ее сотрудников и гражданского оборота в целом. Ликвидация юридических лиц позволяет «очистить» экономическое пространство от неэффективно действующих организаций, которые не в состоянии выполнять свои обязательства и грамотно использовать имеющиеся ресурсы, остановить негативное влияние компаний на экономическую среду, которые осуществляют свою деятельность незаконно и многое другое. В связи с этим очень важно заполнить пробелы в законодательстве и решить имеющиеся проблемы в этой сфере.

Список литературы:

1. *Гарькина Е. В., Занина В. А.* Проблемы ликвидации юридических лиц // *Международный студенческий научный вестник.* – 2021.
2. *Гражданский кодекс Российской Федерации.* Часть первая: ФЗ от 30.11.1994. № 51-ФЗ (в ред. 28.06.2021) // *Собрание законодательства РФ.* 1994. № 32. Ст. 3301;
3. *Гражданский кодекс Российской Федерации.* Постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.
4. *Налоговый кодекс Российской Федерации.* Часть первая: ФЗ от 31.07.1998. № 146-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // *Собрание законодательства РФ.* 1998. № 31. Ст. 3824;
5. ФЗ от 08.08.2001. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»: (в ред. от 29.07.2017) // *Российская газета.* 2014.
6. *Гусева А. А.* Актуальные проблемы ликвидации юридического лица / Молодой ученый. 2019. № 2 (240). С. 213–216.
7. *Габов А. В.* Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы: монография / А. В. Габов. Москва: СТАТУТ, 2011. 303 с.

А. Н. Кулешова

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Россия, Москва***ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛОК МНИМЫМИ
И ПРИТВОРНЫМИ**

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы признания мнимых и притворных сделок и установление их ничтожности. На основании анализа правовых норм и судебной практики, автор приходит к выводу, что в виду сложнодоказуемости таких сделок и отсутствия единообразия судебной практики происходит нарушение прав и законных интересов субъектов гражданского права.

Ключевые слова: правовое регулирование, мнимые сделки, притворные сделки, ничтожные сделки.

A. N. Kuleshova

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikotya
Russia, Moscow***PROBLEMS OF RECOGNIZING TRANSACTIONS
AS IMAGINARY AND SHAM**

Abstract. The article deals with the problems of recognizing imaginary and sham transactions and establishing their nullity. Based on the analysis of legal norms and judicial practice, the author comes to the conclusion that in view of the difficulty of proving such transactions and the lack of uniformity of judicial practice, there is a violation of the rights and legitimate interests of subjects of civil law.

Keywords: legal regulation, imaginary transactions, sham transactions, void transactions.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) имеет ряд ограничений в отношении воли сторон, одним из которых является признание мнимой и притворной сделки ничтожными (ст. 170 ГК РФ) [1]. Мнимой сделкой признается сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие правовые последствия, а притворной является сделка, совершенная с целью прикрыть другую. Мнимые сделки совершаются из-за необходимости создать юридический факт своих действий, а притворная – замаскировать подлинную цель.

Совершаются такие сделки с целью получения экономической выгоды, будь то неуплата налогов или признания лица банкротом. Как отмечает Д. С. Краснова, целью заключения таких сделок является сокрытие от налогов, продажа имущества за долги, так как это позволяет сменить собственника имущества [2, С. 39]. Совершение таких сделок, для гражданского оборота несет негативный характер, так как происходит его захламление. Следует также отметить, что мнимая и притворная сделка имеет свою силу, до признания судом ничтожной.

Для правильной классификации мнимой и притворной сделки суду необходимо установить истинную цель заключения сделок, то есть волю сторон. Когда предмет договора указан слишком широко, законом установлены способы толкования воли сторон. Так в п. 11 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О свободе договора и ее пределах» [3] установлено, что при разрешении споров, возникающих из договоров, в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора, в том числе исходя из текста договора, предшествующих заключению договора переговоров, переписки сторон, практики, установившейся во взаимных отношениях сторон, обычаев, а также последующего поведения сторон договора (статья 431 ГК РФ), толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.).

В судебной практике, установление воли сторон является главным основанием для признания сделки недействительной. В решении Шадринского районного суда Курганской области № 2-807/2020 2-807/2020–М-714/2020 М-714/2020 от 24 ноября 2020 году по делу № 2-807/2020 [4] было установлено, что сделка, по договору дарения недвижимого имущества, фактически была исполнена сторонами, что подтверждается оформлением документов по передаче права собственности, то есть воля сторон реализована в соответствии с их намерениями, в связи с чем признать данную сделку мнимой не представляется возможным. Однако, в схожем судебном решении [5] было признано, что договор купли-продажи автомобиля признается мнимой сделкой, так как воля сторон была направлена на сокрытие от кредиторов имущества у должника.

Из-за отсутствия в научной литературе и в судебной практике однородного толкования мнимых и притворных сделок и признания их недействительными, возникает множество теоретических проблем, требующих решения. Например, не в полной мере изучена правовая природа мнимых и притворных сделок, не разрешен вопрос установления единого понятийного аппарата для таких сделок, не установлены последствия ничтожности мнимых и притворных сделок. На основании изложенного, предлагается закрепить на законодательном уровне основания признания мнимой и притворной сделки ничтожной и привести к единообразию судебные решения по данной проблематике.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238.
2. Краснова Д.С. Проблемы доказывания мнимых и притворных сделок // Эпоха науки. 2017. № 9. С. 38–40.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. № 5. 2014.
4. Решение Шадринского районного суда Курганской области от 24. 11.2020 по делу № 2-807/2020 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9d955YeILDHR/> (дата обращения: 31.10.2021).
5. Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 17.11.2020 по делу № 2-1344/2020 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rBL3IOP9I9WQ/> (дата обращения: 31.10.2021).

УДК 347.1

И. С. Макаров

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов***«НЕПОИМЕНОВАННОСТЬ» В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ
КАК СЛЕДСТВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ**

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «непоименованность» и «пробелы в праве». На основании сравнительно-правового анализа автор приходит к выводу, что непоименованность является следствием имеющихся в праве пробелов.

Ключевые слова: непоименованность, пробелы в праве, законодательство, гражданское право, непоименованные договоры.

I. S. Makarov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov***«NON-NAMING» IN CIVIL SCIENCE BECAUSE
OF THE EXISTENCE OF GAPS IN LAW**

Abstract: The article examines the link between the concepts of “non – naming” and “gaps in law”. Based on a comparative legal analysis, the author concludes that the lack of naming is a consequence of emergence of the gaps in the law.

Keywords: non – naming, gaps in law, legislation, civil law, unnamed contracts.

В настоящее время актуальной темой для проведения содержательных дискуссий среди представителей российской юридической науки в отрасли гражданского права, по нашему мнению, должна стать проблема определения юридической природы такого нормативно-незакрепленного понятия как «непоименованность». К подобному взгляду по данному вопросу можно прийти,

если отметить обстоятельство того, что с каждым годом происходит расширение сфер применения указанного термина в отношении различных явлений и процессов в юриспруденции, в том числе и за пределами границ словосочетания «непоименованный договор» [7, С. 141 – 146], относительно недавно упомянутого в правовой науке. Говоря о проведенном анализе непоименованности, нельзя не упомянуть факт того, что особого внимания заслуживает содержательное наполнение данного понятия, а также его соотношение с явлением «пробела в праве».

Объектом исследования стали отношения субъектов гражданского права, которые связаны с использованием незакрепленных в законодательстве Российской Федерации способов обеспечения прав и исполнения обязанностей. Предметом являются непосредственно нормы российского права, которые регулируют гражданские правоотношения, а также правовые позиции, нашедшие своё отражение в юридической доктрине.

Цель данной работы заключается в определении юридической природы самого феномена непоименованности в гражданской отрасли права и в последующей попытке установить его взаимосвязь с явлением «пробела в праве».

Прежде чем давать дефиницию непоименованности в цивилистике стоит отметить, что сама концепция данного феномена получила своё начало благодаря 1 пункту статьи 8 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ). В соответствии с ним граждане нашей страны имеют возможности для имплементирования своих прав и выполнения обязанностей как из оснований, установленных законодательством России, так и из действий, не предусмотренных законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождающих гражданские права и обязанности. Также необходимо обозначить всю немаловажность 2 пункта 421 статьи ГК РФ, согласно которому закрепилось следующее правило: «Стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами», поскольку в правовой науке подобное соглашение двух или более сторон (субъектов) получило название «непоименованного договора».

Для полноты определения сущности рассматриваемого явления нельзя не отметить факт того, что на современном этапе развития российской цивилистической науки отечественные ученые (В.А. Белов [10 с. 87–91], С.И. Суслова, Ф.Р. Уранский [9, С. 111–121]), а также законодательство РФ констатируют содержание непоименованности в праве в следующих её формах:

1. Непоименованные принципы закона (так, на основании 2 пункта 1 статьи ГК РФ все физические и /или юридические лица в праве устанавливать свои права и обязанности [8, С. 156 – 163] не только на основе договора, но и также в соответствии с другими непротиворечащими законодательству условиями соглашений);

2. Непоименованные субъективные права (стороны гражданских правоотношений не имеют права создавать непоименованных субъективных прав, а обязаны использовать уже известные и закрепленные в законодательстве конструкции) [1, С. 80];

3. Непоименованные способы представительства (так, в части 2 статьи 49 Гражданского процессуального кодекса говорится о том, что представлять интересы людей имеют право лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, настоящее обстоятельство может свидетельствовать нам о том, что данным правом обладают не только адвокаты, но и лица, непредусмотренные частью 4 этой же статьи);

4. Непоименованные объекты прав (на примере 128 статьи ГК РФ, в которой к объектам гражданских прав, помимо личных вещей, относят и такое понятие, как «иное имуще-

ство» в том числе и вытекающие из него возможные имущественные права);

5. Непоименованные способы защиты гражданских прав (в соответствии со статьёй 445 ГК РФ, по отношению к лицу, которое уклоняется от заключения договора, применяется иная и непредусмотренная 12 статьёй ГК РФ способ защиты прав – принуждение к заключению договора) [2, С. 3–4].

Таким образом, исходя из совокупности вышеперечисленных фактов, получаем следующее аргументированное и логичное умозаключение: непоименованность в цивилистической науке – это юридический феномен, возникающий в следствии отсутствия прямого нормативно закрепленного упоминания в гражданском акте о реально существующей ситуации в гражданско-правовых отношениях, охваченных правовым воздействием.

Но в следствии чего может возникнуть непоименованность в праве? Ответ на поставленный вопрос состоит в том, что гражданское право в полной мере выражает всю сущность либеральной идеологии законодательства следующим своим принципом: «Разрешено всё, что не запрещено законом» [6, с. 158]. Из чего исходят прямо непредусмотренные, но непротиворечащие ГК РФ действия физических и юридических лиц. Опираясь на данное утверждение, мы можем сделать следующий вывод: на сегодняшний день законодательство не способно охватить существующими правовыми нормами все жизненные ситуации, которые требуют регулирования. Подобная ситуация имеет собственное название: «пробел в праве», определяющийся отсутствием в системе действующего законодательства той нормы права, которая непосредственно регулирует общественное отношение, включенное в сферу правового регулирования. Стоит отметить, что подобное явление вызывает как негативные последствия, например, не все стороны общественной жизни находят под охраной закона, так и положительные последствия, например, стимулируется инициативность участников правоотношений, что, в свою очередь, способствует совершенствованию гражданского оборота [4, С. 777–778].

Исходя из совокупности всех ранее перечисленных фактов представляется возможным сделать следующий вывод: непоименованность есть результат отсутствия конкретной правовой регламентации в действующем законодательстве [3, с. 406–408], то есть консеквенция пробельности в праве, а способом к предотвращению появлений данных взаимосвязанных феноменов будет служить включение подобных ситуаций в правовую сферу [5, С. 114], что безусловно повлекло бы за собой развитие цивилистической науки.

Список литературы:

1. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Под общ. ред. Е.Ю. Петрова. – М.: Статут, 2015. – СПС КонсультантПлюс.
2. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. – Т. 3. – СПС КонсультантПлюс.
3. Суслова С.И. Непоименованность в гражданском праве: к постановке вопроса // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 404–414.
4. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. -СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 845 с.
5. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.
6. Метельская В.В., Шевцов С.Г. Сервитуты в системе вещных прав. Краснодар: Советская Кубань, 2009. 158 с.
7. Ахмедов А.Я. Понятие непоименованного договора // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2014. № 2. С. 141–146.
8. Сятчихин А.В. Российское законодательство о поименованных и непоименованных способах обеспечения обязательств: исторический экскурс // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. № 1. С. 156–163.
9. Уранский Ф.Р. К вопросу о понятии и видах пробелов в праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2005. № 5. С. 111–121.
10. Белов В.А. Непоименованный объект договора аренды // Вестн. Моск. финанс.-юрид. ун-та. 2014. № 1. С. 87–91.

В. В. Мелентьева

*Северный Арктический Федеральный Университет
им. М.В. Ломоносова
Высшая школа экономики, управления и права
Россия, Архангельск*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация. В статье проанализировано правовое положение информационного посредника с точки зрения отечественного гражданского законодательства, сложившейся судебной практики. В результате анализа сделан вывод о необходимости реформирования законодательства, регулирующего статус информационного посредника и условия привлечения его к юридической ответственности за нарушение интеллектуальных прав.

Ключевые слова: информационный посредник, провайдер, авторские права, юридическая ответственность, правообладатель, интеллектуальная собственность.

V. V. Melentieva

*Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov
High School of Economics, Management and Law
Russia, Arkhangelsk*

RESPONSIBILITY OF THE INFORMATION INTERMEDIARY FOR VIOLATION OF INTELLECTUAL RIGHTS

Abstract. The article analyzes the legal status of an information intermediary from the point of view of domestic civil legislation, established judicial practice. As a result of the analysis, it was concluded that it is necessary to reform the legislation regulating the status of an information intermediary and the conditions for bringing him to legal responsibility for violation of intellectual rights.

Keywords: information intermediary, provider, copyright, legal responsibility, copyright holder, intellectual property.

При использовании сети Интернет в правоотношениях в сфере авторского права к традиционным субъектам авторского права – автор или правообладатель и пользователь – добавляется и третий субъект – информационный посредник. Роль таких посредников крайне велика и заключается в том, чтобы передавать контент, в том числе объекты авторского права [1, С.38].

Существует ряд вопросов, связанных с определением содержания понятия информационный посредник и с определением его правового статуса. В первую очередь, критике подвергается само определение «информационный посредник, которое закреплено в ст. 1253.1 ГК РФ. Указывается, что под критерии информационного посредника, которые содержатся в данной статье, подпадает также и целый ряд поисковых систем и новостных агрегатов. В связи с этим высказываются идеи о том, что необходимо доработать законодательную дефиницию информационного посредника, подчеркивая, что к таковым могут быть отнесены, а следовательно, нести ответственность за нарушение авторских прав, только те информационные посредники, которые имеют полномочия регулировать доступ к контенту в силу подписания с владельцами сайтов соответствующих соглашений. Такая правовая позиция, в частности, была высказана Конституционным судом РФ в Постановлении от 9 июля 2013 года № 18-П, однако, до настоящего момента не нашла закрепления в законодательстве.

В последнее время множество научных дискуссий ведется о том, должны ли нести такие провайдеры ответственность при нарушении авторских прав и если да, то при каких условиях? Законодательно этот вопрос урегулирован в ст. 1253.1 ГК РФ. Данная норма практически полностью имплементировала опыт зарубежного законодателя, закрепив дифференцированный подход к ответственности интернет-провайдеров в зависимости от осуществляемой ими функции. Общим условием привлечения провайдеров всех категорий является наличие вины в действиях или бездействии интернет-провайдера. Также

установлены условия привлечения и освобождения посредников от ответственности. При этом конструкция данной нормы не учитывает наличия или отсутствия достаточных технических средств для предупреждения провайдером совершаемых правонарушений в области авторского права, а также наличие программ для удаления нелегальных объектов.

Также определенные вопросы возникают при рассмотрении положения о необходимости, достаточности и своевременности мер для прекращения нарушения интеллектуальных прав, принятых провайдером. Единого мнения по поводу критериев необходимости и достаточности принятых мер не наблюдается, равно как и для определения понятия своевременности принятия таких мер. На данный момент выводы о достаточности, своевременности мер решаются на основе судебного усмотрения, что явно не способствует формированию единой судебной практики. В частности, по результатам рассмотрения дела № А56-8331/2014 суд пришел к выводу о том, что меры, которые принял провайдер в течение двух дней с момента получения информации являются своевременными [4]. При этом в ходе рассмотрения аналогичного дела № А40-216998/2016 суд счел восемнадцатидневный срок такого реагирования также отвечающим критерию своевременности [2].

Думается обоснованным установление срока принятия мер по прекращению нарушения авторских прав равным двадцати четырем часам с момента обращения правообладателя к провайдеру для принятия мер. Такой подход, закрепленный в ст. 15.7 ФЗ «Об информации», уже доказал свою эффективность в борьбе с незаконно размещенной информацией. Кроме того, существуют сложности в определении содержащегося в ст. 1253.1 ГК РФ принципа «не знал и не должен был знать о неправомерности используемых результатов интеллектуальной деятельности. Развивая положение, заложенное законодателем, провайдер обязан проводить постоянный мониторинг передаваемой информации, что может значительно снижать скорость его функционирования, а также может стать дорогостоящим бременем. При этом такое законодательное положение идет вразрез с правоприменительной практикой. Так, в ходе производства по делу № А40-150342/2013 судом высказана позиция, согласно которой самостоятельный анализ информации, передаваемой пользователями, в обязанности провайдера не входит [3]. Следовательно, в данном случае информационный посредник выполняет лишь посредническую функцию и не может быть субъектом ответственности за нарушения авторских прав, за исключением случая, когда он, достоверно зная о незаконном использовании объектов, не предпринимает мер для его пресечения.

Поскольку обладания общими сведениями о совершении правонарушения недостаточно, необходимо, чтобы информация о совершенном неправомерном использовании объектов авторского права сообщалась самим правообладателем. Сведения должны соответствовать тем же, что заложены в ст. 15.7 Закона об информации РФ. Такой подход полностью соответствует и опыту американского законодателя. Digital Millennium Copyright Act, являющийся одним из основных актов регулирования интеллектуальных прав в цифровом пространстве, также указывает, что для принятия мер информационный посредник должен обладать информацией о нарушении, сообщенной путем письменного уведомления правообладателя [5]. Возникает вопрос, можно ли рассматривать под достоверным знанием о нарушении авторских прав, информацию, полученную из СМИ? Несколько лет назад российская судебная практика отвечала на данный вопрос положительно. Так, в 2015 году в ходе рассмотрения дела о нарушении авторских прав суд вменил знание провайдеру о совершенном нарушении в силу того, что это имело громкое освещение в СМИ. На наш взгляд, такая позиция не оправдана в силу того, что постоянный мониторинг различных СМИ не входит в обязанности провайдера.

Таким образом, в результате анализа положений российского законодательства, а также правоприменительной практики, связанной с деятельностью информационного посредника, можно сделать вывод о необходимости скорейшего внесения законодательных корректировок для формирования единой судебной практики, связанной с привлечением к ответственности информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав правообладателя.

Список литературы:

1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. 116 с.
2. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 19 апр. 2017 г. по делу № А40–216998/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71615594/> (дата обращения: 16.10.2021)
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 апреля 2015 г. № С01- 251/2015 по делу № А40-150342/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70903020/?prime/> (дата обращения: 16.10.2021)
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февр. 2015 г. по делу № А56-8331/2014 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71006360/> (дата обращения: 16.10.2021)
5. Digital Millennium Copyright Act // URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf> (дата обращения: 16.10.2021)

УДК 347.944

Д. Р. Назарова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ ИЛИ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЕГО УМЕРШИМ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные правовые проблемы института признания гражданина безвестно отсутствующим и (или) объявления его умершим. Автором приводятся примеры из правоприменительной практики, а также из действующего законодательства зарубежных стран. На основе анализа проблематики данного института гражданского права и судебной практики выделяются основные направления по решению существующих задач.

Ключевые слова: Гражданское право, институт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим, правовой институт, законодательство, судебный порядок.

D. R. Nazarova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

LEGAL PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF CITIZEN RECOGNITION MISSING OR ANNOUNCING IT DECEASED

Abstract. The article discusses the current legal problems of the institution of recognizing a citizen as missing and (or) declaring him dead. The author provides examples from law enforcement practice, as well as from the current legislation of foreign countries. Based on the analysis of the problems of this institute of civil law and judicial practice, the main directions for solving existing problems are highlighted.

Keywords: Civil law, the institution of recognizing a citizen as missing and declaring him dead, legal institute, legislation, judicial procedure.

Несмотря на мировое развитие процессов глобализации, по-прежнему остается актуальным вопрос о признании гражданина безвестно отсутствующим, а в последствии объявления его умершим. Сегодня Конституция Российской Федерации как акт, имеющий высшую юридическую силу, каждому гарантирует государственную защиту прав и свобод человека [1].

Решение вопроса о признании гражданина безвестно отсутствующим является прерогативой судов Российской Федерации. И это вполне объяснимо тем, что данные иски являются в достаточной степени распространенными, так как

поднимаемый правовой вопрос затрагивает юридические имущественные и неимущественные права и интересы заинтересованных лиц.

На сегодняшний день остаются актуальными проблемами данного института не только теоретического аспекта, но и проблемы касаемые юридической практики такие как: последствия явки гражданина, признанного безвестно пропавшим или умершим и непосредственно работа государственных органов по восстановлению законных прав такого человека.

В теории, исследования многих ученых указывают, что данный институт по своей сути выступает как юридическая фикция. Которая существует в законе для непосредственной защиты интересов как заинтересованных лиц, так и самих пропавших. Но вместе с тем, в настоящее время, изучение данного института молодыми учеными не находит большого интереса, что является необходимой потребностью для дальнейшего его осмысления и исследования. Известно, что на протяжении долгого периода времени, данный институт не подвергался коренному пересмотру и практически не подвергался корректировке на законодательном уровне, что пагубно отразило и обострило сегодняшние проблемы. Тем самым, я считаю, важным отметить законодательный пробел тесной связи между институтом безвестным отсутствием и институтом объявления гражданина умершим. Статья 45 ГК РФ закрепляет, что гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, то есть мы можем констатировать факт о смерти полагаясь на то, что прошло большое количество времени, а известий о гражданине не поступает [2]. Но ведь объявление гражданина умершим должно не только предполагать безвестное отсутствие, но и необходим сам факт смерти, а именно обстоятельство, при которых можно утверждать, что гражданина нет в живых это может быть: несчастный случай, катастрофа, стихийное бедствие, военные действия и т.д.

Объявления гражданина умершим, равно так же, как и признание его безвестно отсутствующим является необходимостью и появляется, когда длительное отсутствие одного из субъектов правоотношения, представляет собой препятствие для осуществления субъективных прав других субъектов правоотношения. В связи с этим, неизвестность его места пребывания в течении пяти лет законодательно является обоснованной причиной для признания гражданина судом умершим [3, С. 159]. При этом не требуется, чтобы предварительно он был признан безвестно отсутствующим. Суд признает не факт смерти гражданина, а объявляет его умершим на основании презумпции смерти, к сожалению в судебной практике был случай когда закон толкуется иначе: Гражданин обратился в суд с заявлением, в котором просил признать умершим своего деда для решения наследственных вопросов.

Решением Адлерского районного суда г. Сочи от 20 июня 2002 года установлен факт смерти, т.е. данный гражданин был объявлен судом умершим. В кассационном порядке законность судебного решения не проверялась. В надзорном порядке данное решение отменено.

Удовлетворяя требования заявителя, который в мотивировочной части заявления просил признать своего деда умершим, суд установил факт смерти деда заявителя, при этом суд руководствовался положениями ст. 45 ГК РФ, которая предусматривает объявление гражданина умершим при наличии определенных условий. Суд, неправильно истолковав закон, посчитал, что объявление гражданина умершим и установление юридического факта смерти гражданина, является одно и то же [4].

Соответственно мы видим, что из теоретических проблем вытекают практически значимые решения.

Судьи в практике такого рода задач часто сталкиваются с отсутствием точного факта смерти, а также сведений об умышленном укрывательстве от суда и следствия. К сожалению, на сегодняшний день нет никаких правовых положений, которые могли бы предотвратить данную проблему. В практическом разбирательстве судьи руководствуются сведениями и документами, предоставленные суду заинтересованной стороной, на основе которых, в ходе судебных разбирательств,

устанавливаются причины и факты исчезновения или смерти лица. Полагаю, что при достаточных сведениях о лице, будет разумным не признавать такое лицо безвестно отсутствующим или умершим, поскольку, вероятнее всего, за этим стоит простое укрывательство.

В таких ситуациях, необходимо проводить тщательную работу правоохранительных органов по розыску пропавшего лица, наряду с этим в век современных технологий, необходимо устанавливать прежде всего контроль мобильных связей и оперативно отслеживать пропавшего на протяжении нескольких лет. Возможно, для более эффективного розыска стоит учитывать информацию кредиторов. И все это выполнять даже несмотря на то, что суд должен незамедлительно разрешить конкретное судебное дело и вынести определенное решение. Ведь зачастую появляется и проблема с недобросовестностью самих заявителей. Что вполне является обоснованным, ведь он получает выгоду, в случае получения лицом статуса «пропавшего». Перед таким субъектом права возникает большое количество возможностей по совершению ряда гражданско-правовых сделок, так как судебное разбирательство проходит в одностороннем порядке. И в целом это сократит риск явки гражданина, после объявления его безвестно пропавшим или умершим.

К примеру, во Франции объявление безвестно отсутствующим делится на 1) стадия презумпции безвестного отсутствия; 2) стадия объявления безвестного отсутствия.

Между этими двумя стадиями должно пройти не меньше десяти лет. В том случае, если стадия презумпции не устанавливалась, то срок увеличивается до двадцати лет со дня последнего известия о пропавшем [5].

В Российском законодательстве, действуют другие правила, где в силу п. 1 ст. 42 ГК РФ гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания. Рассматривая значение срока в безвестном отсутствии, можно заметить, что чем больше проходит времени с момента получения последнего известия о пропавшем, тем более вероятно презумпция его смерти [6, С. 25].

Исходя из всего вышеупомянутого, можно сказать, что на сегодняшний день такой институт гражданского права как признание лица безвестно отсутствующим или умершим требует основательной правовой редакции, соответственно опирающегося на анализ и изучение судебной практики и выявление всей проблематики данного института. Для демократического правового государства, считаем недопустимым иметь теоретические и законодательно закрепленные пробелы, которые в последствии влекут за собой нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому данный правовой институт требует всестороннего изучения в рамках такого рода исследований, ведь это актуально и необходимо, поскольку гражданское и гражданско-процессуальное права касаются абсолютно каждого человека и гражданина Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // «Российская газета» от 25.12.1993 г. № 237
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 18.11.2021) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301
3. Гражданское право: учебник в 2 т. Т. 1 / Под ред. Е. А. Суханова. – М., 2002. С. 159
4. Решение Адлерского районного суда г. Сочи от 20 июня 2002 года // <https://base.garant.ru/24068151> (дата обращения 10.11.2021)
5. *Корякин В. М.* «Гражданское право зарубежных стран»: учеб. пособие, 2011г. С. 30
6. *Прянишников Е. А.* О безвестном отсутствии и признании умершим // Правоведение. Известия высших учебных заведений. – 1990. – № 1 С. 25

УДК 347.426.42

А. Е. Николаева

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Юридический факультет
Донецкая Народная Республика, г. Донецк*

О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Аннотация. Статья посвящена компенсации морального вреда. Изучены правовые основы института, отдельное внимание уделено проблеме определения размера компенсации. Проанализированы способы расчета суммы компенсации, предлагаемые современными исследователями. Сделаны выводы об эффективных методах определения размера компенсации.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, размер компенсации морального вреда, способы определения компенсации морального вреда.

A. E. Nikolaeva

*GOU VPO "Donetsk National University",
Faculty of Law
Donetsk People's Republic, Donetsk*

ABOUT COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

Abstract. The article is devoted to the moral damage's compensation. The institute's legal foundations have been studied, special attention is paid to the problem of determining the amount of compensation. Ways of calculating the amount of compensation offered by modern researchers are analyzed. Conclusions are drawn about effective methods of determining the amount of compensation.

Keywords: moral damage, compensation for moral damage, amount of compensation for moral damage, methods of determining compensation for moral damage.

Институт компенсации морального вреда зародился еще в древнеримском праве как гражданское направление юридической ответственности за оскорбление личности (injure) [1, С. 581–583]. В отечественном праве возникновение данного института связывают с заключением русско-византийского договора 2 сентября 911 года. Его положениями была закреплена ответственность за убийство, а в случае бегства убийцы предусматривалось обращение имущества, сбежавшего в собственность родственников убитого, устанавливалось денежное взыскание в качестве наказания за совершение имущественных преступлений и за причинение телесных повреждений [2, С. 793].

В современных правоприменительных практиках как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах наряду с компенсацией вреда морального довольно широко применяется возмещение ущерба материального и физического. При этом компенсация вреда морального относится к способам защиты гражданских прав и интересов физических лиц [3].

Сущность названной компенсации отражена в правиле, предусмотренном статьей 151 ГК РФ и может быть сформулирована следующим образом: если физическому лицу причинен моральный вред, будь то нравственные страдания, выраженные в нарушении его личных неимущественных прав, или физические, наступившие вследствие действий, посягающих на принадлежащие гражданину иные нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, то суд вправе потребовать от нарушителя в пользу потерпевшего денежную компенсацию.

Из этого следует, что виновное нарушение указанных прав и благ в любой сфере правоотношений (трудовых, административных, уголовно-правовых и др.) влечет последствия, предусмотренные гражданским законодательством, включая компенсацию морального вреда.

Ведущей проблемой является определение размера компенсации. Сложность заключается в том, что оценка физических и нравственных страданий в денежной форме не может быть проведена с той же точностью, которая достигается при оценке вреда имущественного.

В статьях 151, 1101 ГК РФ даны общие критерии, на основании которых суд должен определять размер компенсации:

- степень вины лица, причинившего вред;
- уровень физических и нравственных страданий, обусловленных индивидуальными особенностями потерпевшего;
- вид физических и нравственных страданий, испытываемых потерпевшим с учетом конкретных обстоятельств, при которых вред был причинен;
- личностные черты (индивидуальные качества) потерпевшего;
- требования справедливости и разумности;
- иные обстоятельства.

Учету также подлежит размер компенсации, указанный самим потерпевшим в исковом заявлении, – суд не может взыскать компенсацию в размере, превышающем заявленные требования. А поскольку определение размера морального ущерба носит сугубо субъективный характер, то и потерпевший определяет денежную сумму, исходя из своих личных соображений и выгод. И хотя фактически размер компенсации определяет суд, последний также ориентируется на собственное восприятие ситуации и на личную оценку. При этом суды в большинстве случаев занижают суммы, заявленные потерпевшими в их требованиях [4, С. 66], нередко исходят из сумм причиненных материальных убытков и не обращают внимания на существующее положение Постановления Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», выраженное в том, что размер удовлетворенного иска о возмещении материального вреда, убытков и других материальных требований не подлежит учету при определении размера компенсации за нанесенный моральный ущерб [5].

В связи с этим в научной литературе разрабатываются различные методики и формулы определения компенсации нанесенного морального вреда. Самой известной и распространенной стала методика А.М. Эрделевского. Ученый предложил рассчитывать компенсацию в типичных практических ситуациях по разработанным им формулам. Данная методика использовалась судами на практике, однако, впоследствии подверглась критике как необоснованная с точки зрения психологии и как ограничивающая свободу суда из-за введения нормирования и так называемого «презюмируемого морального вреда» [6].

Возможность создания универсальной формулы, позволяющей определить размер и компенсировать моральный вред, ставится под сомнение и тем фактом, что конкретные правоотношения носят индивидуально-волевой характер. А потому в случае использования единой формулы для расчета компенсации проблематичным является измерения личностных особенностей пострадавшего и иных обстоятельств дела. Много вопросов также вызывает и возможность полноценного учета требований разумности и справедливости.

Важно вспомнить, что физические и нравственные страдания не могут быть в полной мере оценены в денежной форме, поскольку такие страдания невосполнимы. Именно поэтому в Гражданском кодексе используется термин «компенсация», т. е. сглаживание последствий нарушения прав и свобод человека, а не «возмещение» как замена утраченного в ходе правонарушения [7, С. 92–93]. Установление уровня и характера физических и нравственных страданий в какой-то мере возможно посредством проведения судебно-психиатрической экспертизы, способной установить факт негативных изменений в психике, а также острую реакцию на стресс и другое [8, С. 199].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что применение единой формулы, выведенной на основе критериев, установленных Гражданским кодексом, может послужить своеобразным ориентиром для судов при присуждении компенсации за причиненный моральный вред. Важно установить минимальные пределы компенсации для определенных ситуаций в зависимости от нарушаемого права или блага (компенсация за страдания, связанные с потерей близкого человека; компенсация при полном параличе и другие). Составление таблиц и каталогов предоставит судам отправную точку для определения суммы компенсации [9].

Вместе с этим возникает вопрос: на основании чего должен быть определен минимальный размер компенсации? Здесь

правоведы также расходятся во мнениях. Одни предлагают ориентироваться на практику Европейского Суда по правам человека, другие – непосредственно на правоприменительную практику, формирующуюся внутри государства. Опираясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», можно отметить, обоснованным является предложение о составлении таблиц размеров компенсации на основании сумм, присуждаемых ЕСПЧ [10].

Установление минимальных пределов компенсации, безусловно, не решит проблему определения размеров компенсации морального вреда. Однако это позволит, во-первых, решить проблему явного занижения присуждаемых денежных сумм, во-вторых, исключить возможность присуждения принципиально разных сумм компенсации в схожих случаях.

Список литературы:

1. Яковлев В.Н. Древнеримское право и современное российское гражданское право: учебник / М.: Волтерс Клувер, 2010. 960 с.
2. Хуснутдинова С.А. История возникновения и развития института компенсации морального вреда в российском праве // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 793–794.
3. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.11.2021).
4. Лошкарёв А.В., Спиридонова М.А. Проблемы компенсации морального вреда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4. С. 65–68.
5. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1995. – № 3.
6. Мороз В. Моральный вред – реальность возмещения. // ЮРИСТ & ЗАКОН: сайт электронного издания. 2013. № 29. URL: <https://uz.ligazakon.ua/> (дата обращения: 04.11.2021).
7. Самойлова Ж.В. К вопросу о проблемах компенсации морального вреда потерпевшему от преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С. 89–94.
8. Рычкова Н.Ю., Лисняк М.А. Экспертная оценка морального вреда // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2012. № 1 (10). С. 197–201.
9. Научно-практический благотворительный круглый стол «Определение размера компенсации морального вреда» [Электронный ресурс]: Юридический институт «М-Логос»: [сайт] [25.11.2019]. URL: <https://m-logos.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).
10. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27 июня 2013 г. // Российская газета. 2013.

Д. А. Пазяк

Южно-Уральский государственный университет
Юридический институт
Россия, ЧелябинскДОГОВОР КАК ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНОЙ
ВОЕННОЙ КОМПАНИИ

Аннотация. В статье рассмотрена возможная гражданско-правовая регламентация договора с частной военной компанией. Так же в статье рассмотрена специфика гражданско-правового регулирования договора, с частной военной компанией исходя из её специального статуса, их специфики осуществляемых видов деятельности.

Ключевые слова: частная военная компания, гражданское право, национальное регулирование, «Швейцарская инициатива», договор оказания военных услуг.

D. A. Pazyak

South Ural State University
Law Institute
Russia, ChelyabinskAGREEMENT AS A BASIS FOR THE ACTIVITIES
OF A PRIVATE MILITARY COMPANY

Abstract. The article discusses the possible civil law regulation of the contract with a private military company. In the article considers the specificity of civil law regulation of the contract, with a private military company based on its special status, their specificity of the activities carried out.

Keywords: private military company, civil law, national regulation, "Swiss initiative", a contract for the provision of military services.

Закрепление легального определения ЧВК, произошло только во второй половине 2000-х гг., в рамках так называемой «Швейцарской инициативы» или «Документу Монтрё» [1]. Согласно этому документу, ЧВК – это частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и (или) охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. В Российской Федерации, пока существуют, только проекты федеральных законов, например, № 1016663-6 «О частной военной охранной деятельности». В тексте этого законопроекта так же приведено определение ЧВК. Российский законодатель определяет ЧВК как коммерческую организацию, специально учрежденную для выполнения и оказания на возмездной договорной основе военно-охранных работ и услуг, зарегистрированную в установленном законом порядке и имеющую лицензию [4]. Типичными примерами ЧВК можно считать, американские компании: MPRI, DynCorp International, Academi, CACI, KBR, Vinnel. Или британские компании: G4S (Group 4 Securicor), Aegis Defence Services, Erinys International. Российскую Федерацию представляют: ЧВК Вагнера, РСБ-Групп, Cossaks, Редут-Анти-террор, Феракс, Анти-террор-Орел, Славянский корпус, MAP.

Поскольку, ЧВК является субъектом предпринимательской деятельности, остается открытым вопрос правового закрепления возникающих отношений между ЧВК и заказчиком военных услуг. Отталкиваясь от того, что ЧВК, это частный субъект, следует предположить, что возникшие отношения закрепляются посредством заключения гражданско-правового договора. Начиная разговор о договоре как основе деятельности ЧВК,

в рамках российского законодательства, необходимо в первую очередь обратиться к законопроектам (далее ЗП): № 1016663-6 «О частной военно-охранной деятельности» [4] и № 630327-6 «О частных военно-охранных компаниях» [5]. Так как в рамках данных ЗП, как попыток урегулирования вопроса ЧВК, были представлены положения о регулировании договорных правоотношений. В ЗП № 1016663-6 это статьи 10 и 11, а в ЗП № 630327-6, это глава II. В этих положения законодатель характеризует деятельность ЧВК, в первую очередь как деятельность по оказанию военных услуг. Далее следует определиться, с тем, что собой представляет договор о возмездном оказании услуг. Положения о данном виде договоров закреплены в ГК РФ, часть 1 статьи 779 ГК РФ [3] дает определения данного договора: «По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги». При характеристике обязательств, порождаемых договором оказания услуг, ключевым является понятие услуги. Таким образом, исходя из положений статьи 779 ГК РФ, оказание услуги – это совершение определенных действий или деятельности, направленных на получение нужного результата. При этом услуги отнесены к обособленной категории объектов гражданских прав, так как, во-первых, при оказании услуг результат деятельности неотделим от действий, направленных на достижение результата. Например, при оказании ЧВК услуги по охране конвоя, деятельность ЧВК – вооруженная охрана, неотделима от результата этой деятельности – обеспечения безопасности конвоя. Во-вторых, услуга не имеет овеществленного результата. Возвращаясь, к примеру с конвоем, результат деятельности ЧВК, сам по себе не имеет материального эквивалента, а является объективным состоянием. То же касается, например, операций по освобождению заложников, разведке и добытию информации, совершению логистических операций, подготовке персонала и тому подобное. Так же в качестве признака услуги выступает то, что исполнитель, хоть и обязуется сделать необходимые действия для достижения желаемого результата, но не может гарантировать его достижение. Учитывая вышеприведенные примеры, будь то операция по спасению заложников, сопровождение и охрана конвоя на враждебной территории, разведка или тому подобное, всегда есть риск потерпеть неудачу. Договор возмездного оказания услуг – это договор консенсуальный, возмездный и взаимный. В рамках оказания военных услуг ЧВК, это договор всегда публичный, так как ЧВК – это предпринимательский субъект, и осуществляет свою деятельность для широкого круга лиц (ст. 426 ГК РФ) [2]. Сторонами данного договора являются: исполнитель, в нашем случае ЧВК, субъект, обязавшийся оказать услуги, и заказчик, в нашем случае заказчик военных услуг, субъект, по заданию которого оказывается услуга. В эти отношения могут вступать любые субъекты гражданского права, если отсутствует специальное регулирование. Как показывает практика, заказчиками услуг ЧВК чаще всего являются юридические лица (различные компании и корпорации) и публично-правовые образования, например, американские ЧВК, часто работают по заказу государственных структур США. В качестве заказчиков могут так же выступать и физические лица.

Единственным существенным условием договора возмездного оказания услуг является предмет договора. В случае с ЧВК, перечень предоставляемых услуг, чаще всего закрытый, которые могут являться предметом договора с ЧВК, законодатель выделяет на уровне закона. Например, в ЗП № 1016663-6 в статье 10, как и в главе II ЗП № 630327-6, выделяют следующие виды услуг, которые могут, является предметом договора с ЧВК:

К услугам военного характера относятся:	К услугам охранного характера:	К услугам консультационного характера относятся:
1) разминирование территории, зданий, сооружений;	1) охрана государственных учреждений, военных объектов, коммерческих судов, высших должностных лиц;	1) предоставление услуг военных переводчиков;
2) вооруженное сопровождение морских судов в случае нападения;	2) сопровождение колонн, конвоев;	2) обучение личного состава сил безопасности;
3) медиация и альтернативное урегулирование вооружённых конфликтов за пределами Российской Федерации.	3) безоружное сопровождение торговых и гражданских судов;	3) проведение оценки безопасности объекта;
	4) оборудование судна пассивными средствами защиты;	4) услуги военного консалтинга;
4) обеспечение поставок военного обмундирования и снаряжения.	5) реализация досмотровой и антитеррористической техники.	5) услуги охранный консалтинга.

Специальных требований к форме договора возмездного оказания услуг закон не содержит, поэтому, действующие общие правила о форме сделок, закреплённые в ст. 158–165 ГК РФ и о форме договоров, отраженные в ст. 434 ГК РФ. Однако часть 4 статьи 7 ЗП № 630327-6, говорит о том, что: «Общие положения о договорах и обязательствах, содержащиеся в ГК РФ также не применимы в полном объеме к отношениям с участием военных организаций. Содержание договоров, заключаемых военными организациями, ограничивается направлениями, целями деятельности, режимом имущества, содержанием учредительных документов и так далее». Таким образом, законодатель все же склоняется к тому, что ЧВК в силу своей сущности, являясь специальными субъектами гражданских правоотношений, что в свою очередь накладывает на них определенные ограничения. Содержание правоотношения возмездного оказания услуг это обязанность исполнителя оказать услуги и право заказчика требовать оказания услуги, и, с другой стороны, обязанность заказчика оплатить услуги и взаимное право исполнителя требовать оплату. Кроме того, в силу того что ЧВК являются специальным субъектом, исполнитель и заказчик, несут дополнительные обязательства и имеют дополнительные права в силу существа правоотношений и закона.

По общему правилу обе стороны договора могут в любое время отказаться от исполнения договора, (ст. 310 ГК РФ) это обусловлено с одной стороны доверительным характером отношений, с другой, тем, что достижение желаемого результата не всегда возможно. Здесь важно понимать специфику условий деятельности ЧВК, так как некоторые виды услуг, предоставляемые ЧВК, напрямую связанные с защитой основных прав и свобод субъектов этих правоотношений. Например, операции по спасению заложников, или операции по спасению экипажа судна в случае его захвата пиратами, или проведение иных операций от которых напрямую зависят жизни и здоровье людей.

Учитывая, что ЧВК являются субъектами предпринимательства, а так же все выше сказанное, важными становятся положения частей 1 и 2 статьи 310 ГК РФ, которые касаются необходимости закрепления отдельного механизма, в договоре или в законе, добровольного отказа от исполнения договора. Так как с одной стороны отказ может повлечь за собой тяжкие последствия, например при операциях по спасению людей, а с другой возможностью правомерного добровольного отказа должна быть обеспечена, поскольку в силу объективных обстоятельств, дальнейшее исполнение договора может усугубить ситуацию. Поэтому важно наличие механизма позволяющего действовать гибко при возникновении сложных ситуаций. Таким образом, деятельность ЧВК в представлении российского законодателя, носит ярко выраженную гражданско-правовую сущность. Однако в силу специфики деятельности ЧВК, требует внесения корректив, поскольку выходит за рамки общепринятых правил.

Список литературы:

1. Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта, № А /63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 г. // International Committee of the Red Cross: Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf>. (дата обращения: 28.04.2021)
2. Гражданский кодекс РФ (Ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994 г. № 238239.
3. Гражданский кодекс РФ (Ч. II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996 г. № 2325
4. Проект федерального закона № 1016663-6 «О частной военной-охранной деятельности», представлен Депутатами ГД РФ Г.С. Носовко, О.Л. Михеев // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1016663-6> (дата обращения: 28.04.2021)
5. Проект федерального закона № 630327-6 «О частных военно-охранных компаниях», представлен Депутатами ГД РФ Г.С. Носовко, Д.Е. Горовцов, А.А. Шейн // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/630327-6> (дата обращения: 28.04.2021)

УДК 347.191.6

Д. С. Петров

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

РЕПУТАЦИОННЫЙ ВРЕД ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые проблемы определения и компенсации репутационного вреда юридического лица, причиненного умалением их деловой репутации. Автором анализируются возможные значения понятия репутационного вреда, а также выводится дефиниция «репутационный вред». Рассматривая проблемы, связанные с этой темой, автор приходит к выводу, что современное законодательство нуждается в дополнении.

Ключевые слова: гражданское право, юридическое лицо, деловая репутация, репутационный вред, компенсация, моральный вред.

D. S. Petrov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

REPUTATIONAL HARM OF A LEGAL ENTITY

Abstract. The article discusses some legal problems of determining and compensating the reputational damage of a legal entity caused by the diminution of their business reputation. The author analyzes the possible meanings of the concept of reputational harm, and also deduces the definition of "reputational harm". Considering the problems related to this topic, the author comes to the conclusion that modern legislation needs to be supplemented.

Keywords: civil law, legal entity, business reputation, reputational harm, compensation, moral damage.

В соответствии со ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [1] нематериальные блага, в том числе деловая репутация, защищаются в соответствии с действующим Кодексом и другими законами. Согласно п. 9 ст. 152 ГК РФ гражданин помимо опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе требовать компенсацию морального вреда, но п. 11 вышеуказанной статьи говорит, что к юридическому лицу применяются все перечисленные способы защиты деловой репутации кроме компенсации морального вреда. Соответственно юридическое лицо может рассчитывать на компенсацию не морального вреда, а репутационного вреда, так как оно не может нести физических и нравственных страданий.

Согласно действующему гражданскому законодательству, деловая репутация является нематериальным благом, которое принадлежит гражданам и юридическим лицам. В юридической науке под деловой репутацией принято понимать общественную оценку, приобретаемую в процессе профессиональной или предпринимательской деятельности, широко распространенное мнение о деловых и профессиональных качествах человека или юридического лица [2, С. 95]. Но законодатель не дает точного определения деловой репутации. Актуальность данной темы состоит в том, что на практике арбитражные суды часто отказывают юридическим лицам в возмещении репутационного вреда из-за недостаточных доказательств причинения вреда его деловой репутации ответчиком и на сегодняшний день в законодательстве отсутствует такой термин, как «репутационный вред». Для юридического лица важно знать, как защитить свою деловую репутацию. В данной статье хотелось бы остановиться на исследовании и определении данной дефиниции.

Впервые о репутационном вреде упоминает Г.М. Резник, указывая на тот факт, что «деловой репутации юридического лица нередко причиняется вред, не связанный с прямыми убытками. В гражданском законодательстве следует предусмотреть право юридического лица на компенсацию «репутационного вреда», дав ему самостоятельное определение, отличное от понятия морального вреда, причиняемого гражд-

данину»[3, С. 470]. О.И. Осадчая ссылалась на то, что нужно закрепить в законодательстве понятие репутационный вред, определив его как негативные последствия уменьшения деловой и общественной оценки юридического лица, выражающиеся в потере позитивного отношения к данному юридическому лицу со стороны его партнеров, клиентов и общества в целом [4, С. 25].

В связи с этим необходимо определить разницу между деловой репутацией юридического лица и деловой репутацией гражданина. Юридическое лицо – это искусственное образование, созданное для участия в гражданском обороте. Его деловой репутацией могут воспользоваться другие участники гражданского оборота, например на основании договора. В соответствии со ст. 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии правообладатель обязуется предоставить за вознаграждение право использования своей деловой репутацией в предпринимательской деятельности пользователя. Это доказывает то, что деловая репутация юридического лица может передаваться. В отличие от этого деловая репутация гражданина является неотчуждаемым и непередаваемым нематериальным благом. Также, понятие деловой репутации юридического лица является оценочной категорией и может «рассчитываться» при продаже предприятия, так как, например, при положительной деловой репутации можно увеличить цену из-за будущих экономических выгод, а при отрицательной, наоборот, можно снизить цену из-за отсутствия постоянных покупателей или деловых связей. А деловая репутация гражданина связана с его личностью, поэтому не может являться предметом сделки и не обладает стоимостным характером.

Деловая репутация юридического лица связана с уровнем его успешной деятельности. Неимущественное право организации на деловую репутацию относят к неимущественным правам, связанными с имущественными. Следовательно, при репутационном вреде возникает неимущественный вред, связанный с имущественным. Эта имущественная связь заключается в том, что организация обычно, из-за ущемления репутации, несет имущественные потери, например, снижается уровень продаж.

Проблема заключается в том, что такие имущественные потери нельзя отнести ни к прямым, ни к косвенным убыткам и на практике нельзя установить связь между ложными сведениями об организации и этими имущественными потерями. В таком случае компенсация неимущественного вреда юридическому лицу по факту будет заключаться в возмещении еще не понесенных имущественных потерь юридического лица, которые не имеют признаков имущественного вреда и причинение которых только вероятно. Однако на деле такие потери должны предполагаться и учитываться.

Такой нематериальный вред, связанный с имущественным, нужно компенсировать посредством репутационного вреда, но в суде для истца сложно доказать, что негативные последствия наступили именно из-за порочащих сведений. Таким образом, оценка этих доказательств остается на усмотрение суда. Также, если суд все-таки удовлетворит требования о взыскании репутационного вреда, то вопрос в том, каким будет правовое обоснование и размер возмещения. В гражданском законодательстве отсутствуют нормы, которые определяют способ и размер компенсации репутационного вреда.

Таким образом, не существует единого понятия репутационного вреда. На наш взгляд, репутационный вред – это нематериальный вред, который выражается в утрате юридическим лицом его деловых качеств и положительного мнения в глазах общества и конкурентов. Решить важную проблему определения компенсации репутационного вреда юридическим лицам возможно только дополнением статей законодательства, связанных с возмещением вреда.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: ФЗ от 30.11.1994. № 51-ФЗ (в ред. 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994.
2. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. Изд. 6-е, доп. и перераб. М., 2008. 2013 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ / Под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт, 2004. Т. 1. С. 470 – 471.

4. Осадчая О.И. Особенности конституционно-правовой защиты прав человека от последствий от последствий причинения морального вреда в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юр. наук. М., 2007. 25 с.

УДК 347

Ю. А. Плаксенко, А. М. Фролова
*Сибирский государственный университет
путей сообщения,
Россия, Новосибирск*

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНИКА

Аннотация. Одним из экономических последствий пандемии коронавируса является падение доходов, в результате обостряется ситуация с банкротством граждан, что толкает их идти на самые крайние меры. Заемщики начинают злоупотреблять правами на единственное жилое помещение. Если должник выдаёт дорогостоящий объект, как единственное помещение для проживания, защищая исполнительским иммунитетом, то суд вправе отказать должнику в применении данного права. Поэтому в 2021 году Верховный суд Российской Федерации принял решение о пересмотре условия использования исполнительского иммунитета для того, уравнивать права должника и кредитора.

Ключевые слова: банкротство, банкротство граждан, исполнительский иммунитет, единственное жилое помещение, злоупотребление правом.

J. A. Plaksenko, A. M. Frolova
*Siberian Transport University,
Russia, Novosibirsk*

EXECUTIVE IMMUNITY IN RESPECT OF THE DEBTOR'S SOLE RESIDENCE

Abstract. One of the economic consequences of the coronavirus pandemic is a fall in income, which exacerbates the bankruptcy of citizens, pushing them to extreme measures. Borrowers are beginning to abuse the rights to a single dwelling. If the debtor issues an expensive object as the only living quarters, protecting the performance immunity, the court may refuse to apply the right. Therefore, in 2021, the Supreme Court of the Russian Federation decided to revise the conditions for the use of executive immunity to equalize the rights of the debtor and the creditor.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy of citizens, executive immunity, single living quarters, abuse of law.

Одним из социально-экономических последствий пандемии коронавируса становится падение доходов, массовая потеря работы экономически активным населением (25–55 лет) и невозможность быстро найти новую. В результате обостряется ситуация с выплатами по кредитам и с личными банкротствами.

Закредитованность – это отношение выплат по кредитам к доходам заемщика (домохозяйства), которое с определенного уровня может составлять угрозу его благополучию.

Показатель долговой нагрузки, по данным Национального бюро кредитных историй (НБКИ), на 1 апреля 2020 г. составил 23,3 % В настоящее время проблема закредитованности населения приобрела достаточно большое значение по сравнению со статистикой прошлых лет [1].

Жители нашей страны столкнулись с ситуацией, когда вследствие потери рабочего места из-за банкротства организации, они не могут продолжать выплачивать банковские займы и им приходится идти на самые крайние меры. Заемщики начинают выставлять свое имущество на продажу, просят банки признать их банкротами или даже начинают злоупотреблять отношением кредиторов, когда просят пересмотреть срок выплаты кредита из-за отсутствия денежных средств на съем жилья, имея при этом достаточно роскошное жилье.

Рассмотрим имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам. Согласно статье

446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) к нему, в частности, относится:

– жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением;

– земельные участки, на которых расположены объекты [2].

Однако на практике существуют такие случаи, когда должники злоупотребляют правами, предоставленными нормами статьи 446 ГПК РФ. Например, в действиях должника имеются признаки злоупотребления правом, если в ущерб интересам взыскателя он выдает дорогостоящий объект за единственное помещение для проживания, защищая последнее исполнительским иммунитетом (исполнительский иммунитет – запрет на изъятие у должника единственного жилья, если оно не является предметом залога). В таком случае суд вправе отказать должнику в применении данного права. Верховный суд постановил, что отказ в применении исполнительского иммунитета не должен оставить должника и членов его семьи без жилища, пригодного для проживания, при этом не исключают возможность ухудшения жилищных условий. Отказ должен иметь реальный экономический смысл, чтобы удовлетворить требования кредиторов, а не быть наказанием за неисполненные долги. В связи с чем необходимо провести судебную экспертизу о стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов признаки излишней стоимости. [3] В Постановлении от 14 мая 2012 года по итогам проверки конституционности абзаца второго части первой статьи 446 ГПК РФ Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что для соблюдения конституционного принципа соразмерности в сфере защиты прав и законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника исполнительский иммунитет должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения. [4]

Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым законодательно урегулировать порядок обращения взыскания на жилое помещение, которое превышающее по своим характеристикам соответствующий уровень обеспеченности жильем согласно постановлению от 26 апреля 2021 г.

Исходя из данного постановления на практике уже рассматриваются дела злоупотребления имуществом иммунитетом, решение которых удовлетворяют требования кредитора. Так в деле Мешкова А.С., который искусственно создал ситуацию с единственным жильем, так как сначала он получил деньги в заем, а через 10 дней в условиях своей неплатежеспособности должник подарил ликвидное имущество родственнику. Таким образом за счет заемных средств должник построил дом, зарегистрировался в нем и затем защитился от обращения взыскания исполнительским иммунитетом. Если должник в преддверии банкротства или в ходе рассмотрения дела о несостоятельности в ущерб интересам взыскателя совершает односторонние действия, направленные на изменение регистрации по месту жительства, с исключительной целью создания объекта, защищенного исполнительским иммунитетом, то в этом случае суд вправе применить к должнику предусмотренные законом последствия злоупотребления – отказать в применении исполнительского иммунитета. [5]

Ранее результаты попыток урегулирования злоупотребления гражданами отношением кредиторов к их жизненной ситуации, к сожалению, не дали долгосрочных результатов. Но в 2021 году Верховный суд Российской Федерации принял решение об оказании помощи только тем гражданам, которые не имеют возможность закрыть долговые обязательства из-за отсутствия постоянного рабочего места и недвижимого имущества, которое способно полностью или частично погасить долг заемщика, также были пересмотрены условия использования исполнительского иммунитета для того, уравнивать права должника и кредитора.

Для предотвращения возможности появления ситуаций, не позволяющих гражданам выплачивать долговые обязательства, можно отнестись выявление наиболее уязвимых групп в текущих условиях и разработка мер и механизмов, направленных на нормализацию ситуации и снижение риска возникновения

социальных проблем. Это могут быть информационно-просветительские мероприятия для населения о том, как действовать в ситуации закредитованности.

Список литературы:

1. НБКИ зафиксировало рост доли просроченных долгов по кредитам граждан в марте // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/8368687> (дата обращения: 7.10.21).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета, № 220, 20.11.2002.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.10.21).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шкунова» // Российская газета, № 121, 30.05.2012.

5. Решение Верховного суда от 20 августа 2021 г. по делу № А27-17129/2018 // Судебные и нормативные акты РФ – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.10.21).

УДК 347.78

В. С. Поздеева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Юридический факультет

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОДУКТ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В данной статье исследуется мультимедийный продукт как объект интеллектуальной собственности. Охарактеризованы разновидности его объектов, которые разграничены от других результатов интеллектуальной деятельности. Предложены обоснованные изменения в законодательство.

Ключевые слова: мультимедийный продукт, правовая природа, нематериальные блага, авторское право, способы защиты нематериальных благ.

V. S. Pozdeyeva

GOU VPO "Donetsk National University"

Faculty of Law

Donetsk, Donetsk People's Republic

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF A MULTIMEDIA PRODUCT

Abstract. This article examines a multimedia product as an object of intellectual property. The varieties of its objects, which are differentiated from other results of intellectual activity, are characterized. Reasonable amendments to the legislation are proposed.

Keywords: multimedia product, legal nature, intangible benefits, copyright, ways to protect intangible benefits.

В настоящее время отношения по поводу мультимедийного продукта в отечественном законодательстве в должной мере не урегулированы. Понятие мультимедийного продукта упоминается лишь в статье 1240 Гражданского Кодекса РФ вместе с определениями других сложных объектов [1].

Мультимедийный продукт на постоянной основе используют владельцы средств коммуникации [2, С. 145]. Традиционно к мультимедийному продукту относят: компьютерные игры, компьютерные презентации, энциклопедии, учебники, бизнес-приложения, интернет-сайты и другие.

В ГК РФ мультимедийные продукты причисляются к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, но не уточняется, к какой именно категории они отнесены. Перечень охраняемых произведений, предоставленный в ст. 1259 (Объекты авторских прав) ГК РФ, является не полным, а это значит, что не все мультимедийные продукты являются известными и прописанными, но они также должны подлежать авторско-правовой охране.

Назаренко А.В. отмечал в своих работах, что «мультимедийный продукт – это компьютеризированная комбинация цифровых объектов, представляющих собой текст или графические изображения, а также последовательный поток информации, с которой пользователь может взаимодействовать множеством способов» [3, С. 2].

Савченко Н.А. обратил внимание на широкое применение термина мультимедиа и привел несколько примеров его понимания:

– технология, которая описывает порядок разработки, функционирования и применение средств обработки информации разных типов;

– информационный ресурс, созданный на основе технологий обработки и представления информации разных типов;

– компьютерное программное обеспечение, функционирование которого связано с обработкой и представлением информации разных типов [4].

Целостность сложного объекта Дозорцев В.А. охарактеризовал так: «Многослойный интеллектуальный продукт существует в целом, включает все составляющие, без любого из них его объективно нет, хотя многие элементы могут быть использованы и обособленно, и отдельно» [5, С. 22].

«Многослойность» дает нам понять, что он имеет сложную структуру. Объект состоит из разнородных результатов интеллектуальной деятельности. Обязательным элементом является программа для ЭВМ (электронно-вычислительная машина), так как с помощью нее и происходит само создание объекта. Затем виртуальность, которая является следствием компьютерного прогресса [6, С. 31].

Четкость в определении мультимедийного продукта у отечественных и зарубежных исследователей разная, но у некоторых ученых схожа по существу. Данный объект представляет собой современную компьютерную технологию, которая является носителем информации.

Следует понять, что такое мультимедийный продукт и уметь отличать его от иных результатов интеллектуальной деятельности. Таковыми признаются результаты интеллектуальной деятельности, созданные с помощью компьютерных технологий и преобразованных в электронную форму. Но не все такие произведения могут быть признаны мультимедийным продуктом. А.Милле выделил данные виды объектов мультимедиа, как: электронные издания литературных, музыкальных, аудиовизуальных произведений, журналы, учебные материалы, тренажеры-имитаторы, компьютерные игры и другие [7, С. 26].

Интеллектуальная собственность включает в себя результаты умственной деятельности человека. Основным критерием является оригинальность создания произведения.

В то время как к мультимедийным продуктам относят: компьютерные презентации, средства создания аудио и видеомонтажа, средства создания обучающих программ, средства распознавания голоса и преобразования звуковых файлов в текстовые, системы создания приложений виртуальной реальности.

Мультимедийные продукты являются объектом авторского права. Также в ряде случаев они могут попадать под режим патентного права, режим охраны средств индивидуализации и законодательства о защите конкуренции. Это можно понять как выражение ее в разных формах. Т.Аплин выделил три преимущественные свойства мультимедийного продукта: цифровая форма, интерактивность и сложность [8, С.34].

Исходя из определения Т.Аплина, сложность продукта порождает основную проблему правовой охраны мультимедийных продуктов – большое количество применимых правовых режимов. А сам факт, что мультимедийный продукт выражают в цифровой форме, усложняет проблему ввиду затруднительного применения имеющихся категорий законодательства об интеллектуальной собственности.

Сложности в квалификации дополняют практические проблемы в виде отсутствия четкого законодательного регулирова-

ния и низкого уровня правовой культуры организаторов создания мультимедийных продуктов.

Проанализировав ст. 1225 ГК РФ можно прийти к заключению, что мультимедийный продукт может быть и произведением науки в виде имитационно-учебной программы, и искусством в виде компьютерной игры.

Решение проблемы возможно только в том случае, если в законодательстве будет закреплено правовое регулирование мультимедийных продуктов. Российские и зарубежные исследователи придерживаются подхода, в котором говорится, что мультимедийные продукты должны попадать под особый правовой режим, то есть выделяться наряду с другими объектами [9].

Отечественное законодательство в должной мере не выработало ни единого подхода в отношении правовой природы рассматриваемого объекта. Практика идет по пути признания объекта программой для ЭВМ или базой данных. Но в таком случае его режим не будет определяться по нормам сложного объекта. Исходя из этого, можно сделать вывод, что такая классификация является некорректной, так как база данных – составное произведение, которое означает признание авторских прав всего лишь на подбор или расположение материалов, в то время как мультимедийный продукт является целым произведением.

Из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Мультимедийные продукты являются неотъемлемой частью человеческой жизнедеятельности, с помощью них наша жизнь становится комфортнее и полноценнее. Законодательство РФ не полностью обеспечивает понимание и защиту данных объектов, споры насчет этого не утихают и не находят правового разрешения. Законодательство упоминает мультимедийный продукт лишь в качестве сложного объекта, хотя сам продукт нуждается в более точной формулировке.

Считаем необходимым ввести положение в ГК РФ о правовом режиме исследуемого объекта, ведь если правовой режим не будет установлен, то законодательство не сможет в полной мере защищать мультимедийный продукт. Целесообразным видится следующее изменение статьи 1240 ГК РФ. Часть 1 дополнить следующей формулировкой: «Правила настоящего Кодекса об использовании результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта к мультимедийным продуктам приравнивается правовое положение аудиовизуальных произведений и кинофильмов».

Таким образом, данные нововведения крайне необходимы. Неурегулированность данного вопроса приводит к смешению мультимедийного продукта с другими объектами мультимедиа, хотя они имеют значительные различия между собой. Четкое разграничение также будет способствовать единообразию судебной практики, ведь не имея четкого понятия и разграничения крайне сложно вынести правильное решение и невозможно в полной мере осуществлять защиту данного объекта.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279> (дата обращения: 20.11.2021). – Загл. с экрана.
2. Москалевиц Г.Н. Понятие и правовая сущность мультимедийных продуктов как охраняемых объектов интеллектуальной собственности. – Минск: БГЭУ, 2013. 486 с.
3. Назаренко А. В. Проблемы правовой квалификации мультимедийных продуктов / А. В. Назаренко – М.: ИНИЦ «Патент», 2016. 6 с.
4. Савченко Н.А. Использование мультимедиа технологий в общем среднем образовании: РУДН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/http://www.ido.rudn.ru](http://www.ido.rudn.ru) (дата обращения: 10.11.2021). – Загл. с экрана.
5. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. – Сборник статей. – М., 2005. 145 с.
6. Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. – М., 1994. 196 с.
7. Mille A. Op. cit. P. 26–28.
8. Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный – М.: Проспект, 2014. 128 с.
9. Stamatoudi I. A. Copyright and multimedia products: a comparative analysis (Cambridge studies in intellectual property rights). UK. 2002.

М. С. Прокофьева, К. Г. Шеллунц
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы гражданско-правового регулирования электронной торговли. Анализируются характерные особенности электронной торговли. Выявлена и обоснована необходимость более детального правового регулирования электронной подписи.

Ключевые слова: сделка, электронная подпись, электронная торговля, торговая деятельность, электронная форма, электронный документ.

M. S. Prokofeva, K. G. Shellunts
Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov

CIVIL LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC COMMERCE

Abstract. The article deals with the problems of civil law regulation of electronic commerce. The characteristic features of electronic commerce are analyzed. The necessity of a more detailed legal regulation of an electronic signature has been identified and justified.

Keywords: transaction, electronic signature, electronic commerce, trading activity, electronic form, electronic document.

Новые современные средства связи существенно изменили формы и методы заключения гражданско-правовых сделок. Электронный документооборот имеет важное преимущество – это скорость и удобство. Продажа товаров с использованием глобальной сети Интернет является разновидностью договора розничной купли-продажи, заключаемого в результате ознакомления покупателя с описанием товара и фотографиями, предлагаемыми продавцом на торговых площадках или на сайтах интернет-магазинов.

Развитие информационных и телекоммуникационных технологий в целом и Интернета в частности вызвало настоящую революцию в организации и ведении коммерческой деятельности.

Торговля – это наиболее динамично развивающаяся отрасль экономики, в которой, так или иначе, в качестве продавцов или покупателей задействовано практически все население страны. Хотелось бы отметить, что в век информационных технологий, становится очевидным, что этот вид экономической деятельности, увеличивая свою долю в интернет-пространстве, постепенно становится неотъемлемой частью мировой экономики. Учитывая тот факт, что Россия входит в первую десятку стран по развитию рынков электронной коммерции, можно предположить, что данная форма торговой деятельности весьма перспективна для экономики страны. Известно, что все торговые операции подлежат документированию и учету (счета-фактуры, накладные и т.д.), движение товаров от продавца к покупателю регулируется и сопровождается соответствующими документами. В случае онлайн-торговли все действия, сопровождающие этот процесс, не так очевидны и прозрачны, как в его традиционной форме.

Наряду с появлением понятия электронного документа происходит также размывание понятия документа в целом, как информации, записанной где-то. В то же время существует множество противоречий и даже проблем, с которыми могут столкнуться обе стороны, участвующие в торговых отношениях. Поэтому особую важность и значительный интерес представляет то, как формируются и сопровождаются процессы взаимодействия двух сторон в виртуальном пространстве во время движения товара от продавца к покупателю, и какие противоречия могут возникнуть в этом случае.

Главной особенностью такой торговли является то, что у покупателя нет возможности ознакомиться с товаром своими глазами, пока он его не получит. Сделка происходит виртуально, то есть ни покупатель, ни продавец не вступают в реальный контакт. Сделка заключается в электронной форме, чаще всего путем принятия покупателем публичной оферты, размещенной в интернет-магазине или на торговой платформе. Например, покупатель заполняет электронную форму заявки на этом веб-сайте в знак принятия предложения. В то же время, приобретенные товары также могут быть оплачены в электронном виде с использованием электронных платежных систем или системы электронных денег, установленной в этой области Интернета.

В соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации сделками являются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1, С. 12].

Для выявления основных признаков электронной торговли рассмотрим в качестве примера покупку товаров и услуг физическим или юридическим лицом в интернет-магазине «онлайн». В этой сделке проявляются следующие признаки: покупатель совершает действия, направленные на достижение такого юридического результата, как установление права собственности на имущество или получение услуг; второй существенной особенностью этих сделок является особая форма фиксации воли участников.

Статья 158 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит, что «воля может быть выражена устно, письменно, посредством реальных (окончательных) действий или молчанием». Необходимо выяснить, как действуют эти правила при совершении транзакций через Интернет. В современном российском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие порядок совершения сделок с помощью информационно-телекоммуникационных средств, в частности Интернета [2, С. 34].

Согласно статье 160 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание, и подписана лицом или лицами, совершающими сделку, или лицами, должным образом уполномоченными ими. Условие составления единого документа, который подписывается обеими сторонами, не является обязательным, как это установлено статьей 434 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Договор можно считать заключенным после обмена документами с использованием электронной связи. Сферой действия Закона «Об электронной подписи» являются общественные отношения в области использования электронных подписей, в частности, при заключении гражданско-правовых сделок, но в то же время порядок совершения сделок через Интернет не регулируется [1, С. 22].

Также правомерно указать на тот факт, что на практике при заключении электронного договора розничной купли-продажи чаще всего применяется норма статьи 433 Гражданского кодекса Российской Федерации. В Гражданском кодексе Российской Федерации целесообразно регулировать, в том числе вопросы, связанные с определением момента возникновения прав и обязанностей, и установлением ответственности участников интернет-торговли. Для решения этой проблемы целесообразно изменить пункт 1 статьи 433 Гражданского кодекса Российской Федерации следующим образом: «Договор, в том числе электронный, признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта» [5, С. 103].

На данный момент существует проект Федерального закона № 1138398-7, который предполагает создание платформы для электронной торговли, связанной с регулированием споров между потребителями и продавцами. Предлагается создать онлайн-сервис разрешения споров в сфере защиты прав потребителей, который будет базироваться на портале «Госуслуги».

Создание и развитие компьютерных сетей способствовало возникновению информационного общества, а впоследствии и возникновению электронных отношений, формированию и развитию электронного рынка, и внедрению новых способов

заключения сделок, и прежде всего – электронной коммерции как определяющего фактора развития современных электронных сделок;

Суть электронной коммерции заключается в использовании единого информационного пространства в сети Интернет с целью повышения эффективности коммуникации между участниками коммерческих сделок (продавцом и покупателем, деловыми партнерами, сотрудниками предприятий и т.д.). Выделение электронной торговли в качестве самостоятельной области правовых отношений во внутренней и международной торговле повлекло за собой ряд фундаментальных правовых последствий:

1) появилась одноименная правовая категория и такие связанные с ней понятия, как электронная сделка, электронная подпись, электронные платежи, электронные деньги и ряд других.

2) электронные сообщества (электронный обмен данными), используемые для заключения и исполнения сделок, начали заменять бумажную документацию по коммерческим сделкам, которая предъявляла традиционные формальные требования законности к сделкам: обязательная письменная форма (простая или нотариальная), наличие собственноручных подписей сторон и т.д. [6, С. 22].

Проанализировав все выше сказано, хотелось бы отметить, что в законодательстве об обороте товаров в Интернете существует ряд пробелов, из-за чего возникают проблемы защиты прав потребителей. Транзакции, осуществляемые с помощью информационно-телекоммуникационных средств, в частности Интернета, имеют все общие черты транзакций. Главной особенностью этих сделок является способ волеизъявления. Для развития электронной торговли необходимо в общих положениях о сделках Гражданского кодекса Российской Федерации определить такую форму сделок, как сделки, осуществляемые с помощью информационно-телекоммуникационных средств, и закрепить это положение в пункте 1 статьи 158 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.

3. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 1, ст. 39.

4. Колонтаевская И. Ф. Правовое обеспечение электронной торговли // Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике материалы XIV международной научной конференции: в 4 ч. 2018. С. 103–110.

5. Красикова А. В. Гражданско-правовое регулирование электронных сделок // Дис. канд. юрид. наук, Волгоград, 2005. С.23.

УДК 347.7

А. К. Скрябина

*Мурманский арктический государственный университет
Кафедра юриспруденции
Россия, Мурманск*

МЕСТО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВА РФ

Аннотация. в настоящее время корпоративное право не определено как самостоятельная отрасль права. Эти нормы «разбросаны» по отдельным нормативным актам. В статье поднимаются проблемы корпоративного права на сегодняшний день. На основании проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию корпоративного законодательства.

Ключевые слова: корпоративное право, гражданское право, предпринимательское право, межотраслевой институт, подотрасль, цивилистическая наука.

A. K. Skryabina

*Murmansk Arctic State University
Department of Jurisprudence
Russia, Murmansk*

THE PLACE OF CORPORATE LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Currently, corporate law is not defined as an independent branch of law. These norms are «scattered» by separate regulations. The article raises the problems of corporate law today. Based on the analysis, proposals for improving corporate legislation are formulated.

Keywords: corporate law, civil law, business law, intersectoral institute, sub-branch, civil science.

Корпоративное право относят к одной из молодых отраслей российского права. Впервые в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5] корпоративные отношения были включены в предмет гражданского права

Федеральным законом (далее – ФЗ) от 30.12.2012 № 302-ФЗ [1]. В соответствии с ГК РФ, это отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Далее уже непосредственно суть корпоративных правоотношений была раскрыта в мае 2014 года отдельными статьями гражданского законодательства.

По словам Т.В. Кашаниной [6, С. 8], доктора юридических наук, «изменения в экономике привели к тому, что появились новые экономические единицы, в частности корпорации, что потребовало соответствующего правового урегулирования их деятельности. Корпоративное право и стало таким юридическим механизмом, упорядочивающим работу корпораций».

Корпоративная организация определяется как юридическое лицо [5], участники которого имеют корпоративные права и соответствующие обязанности. Как подчеркивает кандидат юридических наук, С.С. Козлов [8, С. 101], особенность корпоративных норм состоит в том, что «действие этих норм ограничено пределами той или иной организации и вследствие этого носит локальный характер».

Корпорации отличаются от унитарных юридических лиц наличием права участия (членства). Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, Е.А. Суханов, по вопросу деления юридических лиц на корпоративные и некорпоративные (унитарные) (ст. 65.1 ГК РФ) отмечает, что «принятие этих предложений означает прямое законодательное признание корпоративного права составной частью (подотраслью) гражданского права» [9, С. 3].

В соответствии с §§ 2 и 6 ГК РФ, корпоративные организации могут быть как коммерческими, так и некоммерческими. Первые представляют, например, хозяйственные общества в форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью. Последним двум посвящены отдельные законы [4; 3], в которых ни слова не упоминается о том, что эти организации являются корпоративными. В свою очередь, к примеру, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» относится к числу уже некоммерческих [2].

На основании вышесказанного мы делаем вывод о том, что корпоративные нормы действительно «разбросаны» по гражданско-правовым нормативным актам, что вызывает существенное затруднение в комплексном изучении данной отрасли права.

Несмотря на то, что большинство корпоративных норм на федеральном уровне закреплены Гражданским кодексом РФ, утверждение о том, что корпоративное право является подотраслью гражданского, является сомнительным и спорным среди учёных и юристов. Так, по утверждению практикующего юриста в сфере образования, А.А. Кирилловых, корпоративное право является «межотраслевым правовым институтом, включающим в себя нормы гражданского, предпринимательского, трудового, административного, финансового и налогового права, регулирующий общественные отношения, связанные с различными сторонами деятельности корпорации» [7, С. 8]. Следовательно, заключаем, что корпоративное право сочетает в себе нормы частного и публичного права.

По мнению Т.В. Кашаниной, «корпоративное право составляет ядро предпринимательского права» [6], что тоже оправданно в части существования коммерческих корпораций, преследующих извлечение прибыли в качестве основной цели их деятельности. Предпринимательское и корпоративное право схожи между собой тем, что они не относятся к самостоятельным отраслям, не имея своих отдельных систематизированных кодексов. Однако корпоративное право не стоит относить к подотрасли предпринимательского, поскольку корпорации, как уже упоминалось ранее, могут быть и некоммерческими (государственными).

Мы делаем вывод, что корпоративное право больше относится к цивилистической науке, а именно выступает на законодательном уровне как подотрасль гражданского права.

Таким образом, проанализировав место корпоративного права в системе современного российского права, предлагаем следующие пути решения в отношении проблемы закрепления этой отрасли права:

1) необходимо систематизировать корпоративные нормы и ввести в Гражданский кодекс РФ (часть первую) отдельную главу, посвящённую коммерческим и некоммерческим корпоративным организациям. В данной главе следует указать полную конкретную информацию о корпоративных нормах, правах и обязанностях участников корпораций, ответственности за нарушение таких норм, а также особенности заключения корпоративного договора как вида гражданско-правового.

2) закрепив такую главу в ГК РФ, корпоративное право будет упорядочено как подотрасль гражданского права, иначе достаточно проблематично изучать и применять на практике «размещённые» по разным статьям ГК РФ и законам нормы, применимые к корпоративным организациям. В связи с этим представляется важным ввести корпоративное право, как учебную дисциплину в юридические ВУЗы и ВУЗы с направлением подготовки «Юриспруденция», сделав её обязательной и для уголовного профиля подготовки, так как, в случае введения отдельной главы, корпоративное право будет непосредственно связано с гражданской отраслью права. Поэтому и уголовный профиль аналогично должен изучать корпоративное право внутри гражданского. Ведь гражданское право – цивилистическая наука, а ею должны владеть все будущие юристы РФ.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 3, 11.01.2013.
2. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» // «Российская газета», № 272, 05.12.2007.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Российская газета», № 30, 17.02.1998.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» // «Российская газета», № 248, 29.12.1995.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 28.06.2021) // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.

6. Кашанина Т.В. Корпоративное право: учебное пособие для вузов / Т.В. Кашанина. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 189 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-9916-0890-9 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/468466> (дата обращения: 14.11.2021).

7. Кирилловых А.А. Корпоративное право: Курс лекций. М.: «Юстицинформ», 2009. 434 с.

8. Козлов С.С. Теория государства и права: авторский курс лекций в 2-х частях. Часть I / Козлов С.С. Мурманск: МАГУ, 2021. 201 с.

9. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.

УДК 347

В. А. Спиридонова

*Саратовская государственная юридическая академия
Межрегиональный юридический институт
Россия, Саратов*

НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования наследования аккаунтов в социальных сетях и на других сайтах. Обоснована необходимость выработки единого подхода к регулированию рассматриваемых правоотношений, предложены два возможных варианта решения данной проблемы.

Ключевые слова: аккаунт, социальная сеть, наследование, цифровое наследство, зарубежная практика, цифровизация, twitter и instagram.

V. A. Spiridonova

*Saratov State Law Academy Interregional Law Institute
Russia, Saratov*

INHERITANCE OF AN ACCOUNT IN A SOCIAL NETWORK: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGAL ABUSE

Abstract: The article deals with the problem of legal regulation of inheritance of accounts in social networks and on other sites. The necessity of developing a unified approach to the regulation of the legal relations under consideration is substantiated, two possible solutions to this problem are proposed.

Keywords: account, social network, inheritance, digital inheritance, foreign practice, digitalization, twitter and Instagram.

В настоящее время наблюдается глубокое проникновение социальных сетей в нашу повседневность. Об этом свидетельствует статистика о количестве зарегистрированных пользователей. Люди всё чаще стали вести свои блоги или каналы, которые иногда представляют выраженную коммерческую ценность. И в результате этого возникает вопрос относительно наследования социальных аккаунтов. После смерти человека мы не знаем как судьба у социальных аккаунтов, но зачастую такие профили привлекают внимание мошенников. Через этот канал они совершают преступные действия [5, С. 576–580].

В данный момент в нашей стране отсутствуют правовые нормы и практика по проблемам наследования цифровой собственности. Тем не менее в 2019 году в Гражданский кодекс РФ была добавлена статья 141.1 «Цифровые права». Это решило ряд проблем, связанных с понятийным аппаратом в данной сфере, но вопросы, связанные с судьбой аккаунта после смерти обладателя, не были разрешены [1].

Между тем, в некоторых зарубежных странах уже сформирована законодательная и судебная практика. Прежде всего в решении данной проблемы в штате Дэлавер был

принят «Fiduciary Access to Digital Assets and Digital Accounts Act» (Закон о доверительном доступе к цифровым активам и цифровым счётам). Именно данный закон регулирует электронное наследство, которое связано с электронными активами [6].

Значительный шаг в ее решении был сделан в США. Так, в 2014 году был принят акт, который регулирует наследование цифровой собственности, в том числе аккаунтов, блогов и сайтов погибшего, и позволяющий наследникам приобрести право собственности на них [7].

Также можно привести в пример судебное решение Верховного суда Германии от 12 июня 2018 года. В 2012 года после самоубийства дочери, родители получили в наследство её аккаунт в социальной сети Facebook с целью получения информации о деталях случившегося.

Сегодня некоторые социальные сети уже сами предлагают решения по проблеме наследования аккаунтов. Например, в социальной сети Вконтакте предусмотрена процедура меморизации аккаунтов умерших людей, позволяющая наследникам оставить памятную фотографию или надпись на странице. Но с начала нужно было предоставить администратором социальной сети цифровую копию свидетельства о смерти, а уже потом наследник получает доступ к его аккаунту и может перевести страницу в памятный статус или просто удалить аккаунт. Но не все аккаунты предусматривают такую возможность. Когда администраторы аккаунтов Twitter и Instagram получают свидетельство умершего, они, наоборот, удаляют страничку. При этом нельзя сказать, что Instagram полностью обошел этот вопрос стороной, некоторые возможности для управления аккаунтом умершего все же имеются [4, С. 11–14].

В данном случае возможны два варианта:

1. Установка памятного статуса для аккаунта.

2. Удаление аккаунта по запросу родственников.

В частности, существует аккаунт умершей звезды, диджея Avicii. После смерти его фотографии продолжают публиковать в социальной сети. При жизни он вёл страничку в «Instagram», однако и после его смерти она продолжает существовать. В случае, если родственники умершего пожелают, чтобы его аккаунт был удален, им необходимо обратиться в «Instagram», предоставив при этом документы, подтверждающие родство, а также свидетельство о смерти. В данной ситуации не совсем понятным является то, каким образом регулируется принцип волеизъявления умершего. Возможно, он не хотел, чтобы его страничка была удалена [3, С. 132–138].

Социальная сеть «Одноклассники» позволяет удалить профиль умершего человека наследнику, но только после предоставления права на наследование данного аккаунта. «Живой Журнал» предоставляет наследникам два варианта: закрыть профили или оставить в одном из двух режимов – только для чтения или с функцией комментирования записей умершего.

Наибольших успехов добился Google. Эта сеть предоставляет пользователям возможность самостоятельно распоряжаться аккаунтами в случае смерти наследодателя.

Таким образом, возникает необходимость реализации единого подхода к регулированию наследования аккаунтов социальных сетей. По нашему мнению, решение данной проблемы может положительно повлиять на развитие электронного наследования.

Также не понятен один момент, который касается объекта наследования. Это будет логин и пароль или сама учётная запись? Следом за этим вопросом возникает ещё один, относительно препятствий реализации будущих норм о наследовании, предусмотренных законодательством о защите персональных данных. В частности, в России запрещено несанкционированное распространение информации о физическом лице.

Владельцы социальных сетей могут столкнуться с санкциями со стороны государства. Например, в 2019 году молодой музыкант Василий Цирин после смерти своей мамы, захотел сохранить её творческое наследие. Часть произведений творчества он хотел направить своим друзьям по электронной почте «Рамблер», однако в данной компа-

нии ему отказали, ссылаясь при этом на статью 63 Закона «О связи» [2].

Вполне закономерно, что по такой категории дел нет судебной практики. Вместе с тем, существуют некоторые прецеденты. Именно в контексте обсуждаемой темы они могут стать первым шагом к тому, что и учетные записи пользователей будут в дальнейшем включаться в состав наследственной массы.

По нашему мнению, можно исправить эту ситуацию и ввести нормы, которые будут касаться именно наследования аккаунтов. Аккаунты должны признаваться интеллектуальной собственностью и их нужно защищать правовыми средствами. Мы предлагаем добавить в ГК РФ Раздел V. Наследственное право статьи, которые будут касаться наследования социальных сетей. Одной статьи 141.1, которая закрепляет только понятие, безусловно недостаточно для урегулирования возникающих отношений.

Кроме того, материалы, которые размещены на странице, будут являться самостоятельными объектами авторских прав, в соответствии с п 1. ст.1240 ГК РФ. В рамках сложного объекта аккаунт можно будет рассматривать в качестве мультимедийного продукта, это будет зависеть от содержания самого контента.

Также наследование аккаунта, на наш взгляд, возможно в порядке универсального правопреемства. В этом случае будут наследоваться права и обязанности, которые будут определены пользовательским соглашением наследодателя и оператора социальной сети, на основании которого пользователь получает право на свободный доступ к содержимому своей страницы, а оператор обязуется хранить это содержимое и обеспечивать доступ к нему.

В завершение данной работы хочется отметить, что в настоящее время у каждого третьего гражданина есть аккаунт в социальных сетях, и при отсутствии законодательного регулирования наследования социальной сети, гражданам стоит заранее подумать о дальнейшей судьбе аккаунта. Потому что не все площадки в сети интернет предоставляют возможности для урегулирования данного вопроса. Именно поэтому наше государство должно охранять права граждан и совершенствовать правовое регулирование наследования.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2003. № 28 ст. 2895.
3. Амбарцумов Р.А. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 132–138.
4. Гаврилов В.Н. Наследование аккаунтов в социальной сети // Право. Экономика. Психология. 2019. № 2 (14). С. 11–14.
5. Павлова Э.А. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Молодежь третьего тысячелетия: сборник трудов научной конференции. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 576–580.
6. BGH, 12.07.2018 – III ZR 183/17 [Электронный ресурс] // URL: https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BGH&Datum=12.07.2018&Akten_zeichen=III%20ZR%20183%2F17.
7. Digital 2020: глобальный обзор трендов и цифр за 2019 год от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cossa.ru/news/252951>.

А. А. Сосновцева

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА И ИХ ЗАЩИТА. КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Аннотация. В статье рассматривается понятие нематериальных благ и морального вреда. Подробно описываются актуальные проблемы при определении размера его компенсации, а также обосновывается необходимость в закреплении нормативно-правовых актов структуры определения размера компенсации морального вреда, на которую мог бы ссылаться суд.

Ключевые слова: гражданское право, моральный вред, компенсация, нравственные и психологические страдания, немущественный характер, система.

А. А. Sosnovtceva

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

INTANGIBLE GOODS AND THEIR PROTECTION. CJMENSETION FOR MORAL DAMAGE

Abstract. In the article the concept of intangible benefits and moral harm. The current problems in determining the amount of his compensation are described in detail, and the need for approval of regulatory legal acts establishing the structure of the amount of compensation for harm, which can be referred to by the court, is substantiated.

Keywords: civil law, compensation for moral damage caused, moral and psychological suffering, non-property character, system.

Нематериальные блага представляют собой блага немущественного характера, то есть, не имеющие экономического содержания и неотделимые от личности их носителя, они не имеют денежного выражения. Именно защищенность нематериальных благ и духовная жизнь граждан обеспечивает нормальное существование общества.

В соответствии с действующим гражданским законодательством, в частности, со ст. 150 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ), закрепляются такие нематериальные блага, как жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и непередаваемые иным способом [1].

Моральный вред, в свою очередь, как институт гражданского права предполагает комплекс гражданско-правовых норм, которые, регулируют отношения по средствам возмещения нематериального вреда, причиненного действием, либо же бездействием в случаях, если эти действия (бездействия) посягают на нематериальные блага или нарушают личные немущественные права, либо имущественные права граждан. Также не стоит путать моральный вред с имущественным вредом, так как во втором случае речь будет идти о компенсации тех потерь, которые понес человек [7].

Нематериальные блага, в свою очередь, тесно взаимодействуют с личностью конкретного гражданина. Так, с целью определенных разновидностей нематериальных благ российское гражданское законодательство предполагает и особенные способы защиты.

В настоящее время существует ряд проблем с реализацией института защиты нематериальных благ и компенсации морального вреда.

В современном обществе, как правило, когда речь заходит о компенсации морального вреда, сумма компенсации

является несущественной, хотя психическое и моральное благополучие должно находиться на уровне с физическим здоровьем. Так в сравнении с другими зарубежными странами, компенсация морального вреда устанавливается значительно больше.

На наш взгляд, в российском законодательстве должен существовать четкий механизм определения размера компенсации. Данный вопрос всегда будет актуален, так как каждый человек испытывал нравственные переживания.

По статистике судебного департамента средняя компенсация морального вреда за смерть российского гражданина оценивается в 111 000 рублей, а медианное значение еще меньше 70 000 рублей. Например, истец обратился в суд с требованием о взыскании с ответчика компенсации морального вреда, в результате дорожно-транспортного происшествия, в результате которого пассажир получил тяжкий вред здоровью. Суд по данному делу постановил выплатить 5 000 рублей за причиненный моральный вред [9].

Анализируя сложившуюся судебную практику, мы полагаем, что большинство заявленных исков о возмещении морального вреда остаются, как правило, без удовлетворения, либо удовлетворяются частично, более того, при частичном удовлетворении исковых требований сумма гораздо снижается.

На сегодняшний день вопросы компенсации морального вреда регулируются, в частности, ГК РФ, Федеральным законом «О защите прав потребителей», Федеральным законом «О средствах массовой информации» и некоторыми другими [10].

Нельзя сказать, что институт морального вреда упорядочен на законодательном уровне. Однако сам законодатель, никак не определяет ни минимального, ни максимально размера компенсации морального вреда.

Также в ходе изучения данного вопроса, одним из вопросов является отсутствие разъяснений Верховного суда РФ по данной проблеме. Если приводить практику других государств, например, в Германии действуют сообразно таблицам компенсации морального вреда, которые составляются юристами на базе фактической судебной практики, похожие методы применяются в Канаде, Японии, Израиле, Польше, Австрии, Китае. Отсутствие единообразия судебной практики в России, несомненно, является проблемой при назначении компенсации морального вреда. [2, С.193].

Свою точку зрения высказал профессор доктор юридических наук, А. М. Эрделевский, который установил свою методику определения окончательного размера и определенный базисный уровень размера компенсации, разработал свою таблицу учета критериев при определении размера компенсации морального вреда. Но, на наш взгляд, формула не может быть универсальной для всех случаев. Компенсация является больше оценочной категорией и соединяет в себе субъективные и объективные факты, и не могут быть обозначены в четком алгоритме. [3, С.63]

Кроме того, компенсация морального вреда должна быть ограничена справедливыми пределами в денежной или иной форме и устанавливаться законом. При определении размера компенсации вреда следует учитывать требования разумности и справедливости. Необходимо систематизировать все юридические нормы, касающиеся института компенсации морального вреда в отдельном федеральном законе или в Гражданском кодексе [8].

Судебная практика также имеет неутешительный результат об оценке морального вреда, в 2018 году жертвам двух ДТП со схожими последствиями присудили совершенно разные суммы компенсаций морального вреда. Оба пострадавших в авариях стали инвалидами первой группы. Но житель Красноярска получил 400 000 руб. [6]. По нашему мнению, необходимо более четко и в полной мере определить критерии, которые предусмотрены в действующем законодательстве.

Однако Э. П. Гаврилов считает, что размер компенсации за причиненный моральный вред не должен зависеть от личных особенностей потерпевшего, степени его эмоциональности, ранимости, уровня его самооценки, физического развития, пола и т. д., поскольку это нарушает принцип ра-

венства прав граждан и принцип, гласящий, что «право есть применение равного масштаба к разным людям», а также может привести к отсутствию единообразного применения правовых норм.[4, С. 21–22] Так, по его мнению, компенсация за нравственные страдания, вызванные вследствие частичной потери слуха для музыканта, должна быть одинаковой как для лица, который не занимается музыкальной и иной профессиональной деятельностью, для которого слух необходим. Нельзя полагать, что тот или иной причиненный моральный вред может сказываться на всех людей одинаково, так как у каждого человека есть свои особенности в профессиональной деятельности или отношении к тому или иному причинению морального вреда у каждого складывается индивидуально.

Подводя итог, можно отметить, что основания компенсации морального вреда достаточно размыты, следствием чего является отсутствие системы и единого метода назначения компенсации при рассмотрении аналогичных дел. Несправедливо присуждать разную денежную сумму при равных условиях компенсацию лицу, пережившее нравственные и психологические страдания. Необходимо обобщить судебную практику и разработать единый порядок определения размера. На данный момент институт компенсации морального вреда и нематериальных благ остается на этапе развития.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.10.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Российская газета от 08.12.1994 – № 238–239.
2. Прибыткова М.В. Обоснование размера морального вреда: принципы горизонтальной и вертикальной справедливости. // Журнал Российской школы частного права. 2018. № 1. С. 191–196.
3. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Издательская группа ФОРУМ–ИНФРА-М., 1996. С. 62–63.
4. Гаврилов Э. Как определить размер компенсации морального вреда / Э. Гаврилов // Российская юстиция. 2000. № 6. С. 21–22
5. Не деньги, а слезы: что не так с компенсациями морального вреда в России // ПРАВО.РФ. URL: <https://pravo.ru/story/229204/> (дата обращения 13.11.2021)
6. Куликов А. Какие компенсации морального вреда присуждают жертвам ДТП // Российская газета. 2021. 11.09. Ст. 205(8556).
7. Клочкив А.В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. 2004. 168 с.
8. Российская газета Раздел: Власть. «Моральный вред. Сколько?» – Федеральный выпуск № 42(7800). 25.02.2019
9. Ожидания и реальность: компенсация морального вреда в российских судах // ПРАВО.РФ. URL: <https://pravo.ru/story/216353/> (дата обращения 14.11.2021)
10. Федеральный закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № № 2300-1 (в ред. от 11.06.2021) // Российская газета.

УДК 347.736

Н. А. Шарофост

*Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Юридический факультет
Донецкая Народная Республика, г. Донецк*

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные моменты процедуры банкротства физических лиц, раскрываются ее преимущества и недостатки, влияющие на ее практическое применение в жизни граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: институт банкротства, кредитор, должник, задолженность, денежные средства.

N. A. Sharofost

*State educational institution
higher professional education
«Donetsk National University»
Faculty of Law
Donetsk People's Republic, Donetsk*

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF INDIVIDUAL BANKRUPTCY PROCEDURE

Abstract. This article examines the main points of the bankruptcy procedure for individuals, reveals its advantages and disadvantages that affect its practical application in the life of citizens of the Russian Federation.

Keywords: bankruptcy institution, creditor, debtor, debt, cash.

На сегодняшний день количество граждан Российской Федерации (далее – РФ), имеющих задолженности перед кредиторами становится все больше. Они оказываются в тяжелой жизненной ситуации. Это проявляется в первую очередь в отсутствии у россиян денежных средств для погашения кредитов, что является предпосылкой многочисленных займов у друзей для исполнения обязательств перед банком. Решить данную проблему возможно с помощью одного молодого, активно развивающегося института гражданского права – института банкротства (несостоятельности) граждан.

Вопрос касательно введения института банкротства физических лиц поднимался относительно давно, однако, лишь только под действием негативных макроэкономических факторов и кризисной ситуации в 2008 году он начал набирать обороты [1, С. 94].

Для начала следует отметить, что согласно ст. 2 Федерального Закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) под банкротством физического лица следует понимать признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [2]. Т.е., другими словами, банкротство – это возможность законно списать долги через суд либо их реструктуризировать.

Для начала осуществления процедуры банкротства физическое лицо должно отвечать следующим двум условиям: наличие задолженности в 500 000 рублей и просрочка исполнения долговых обязательств более 3-х месяцев. Данные условия являются своего рода определенной социальной гарантией, служащей обязательным поводом для кредитора, чтобы подать заявление о признании гражданина банкротом.

Однако, гражданин вправе также и не дожидаться наступления этих обстоятельств, если он предвидит возможность банкротства при наличии соответствующих условий.

При этом законодатель прописал такой момент, что с заявлением в суд может обратиться не только сам должник, но и конкурсный кредитор, а также уполномоченный на то орган.

Тема банкротства физических лиц вызвала много противоречивых мнений и отзывов. Отмечаются как положительные стороны данной процедуры, так и отрицательные. С одной стороны, она помогает кардинально решить финансовые проблемы должника, а с другой – после нее наступают последствия, которые несут в себе статус банкрота [3, С. 342].

Одним из основных плюсов процедуры банкротства физического лица является избавление гражданина от долгов и урегулирование вопросов с кредитором. Известный юрист Владимир Алистархов по этому поводу сказал, что гражданин-банкрот сможет не только избавиться от назойливых коллекторов, которые с момента начала процедуры банкротства имеют право общаться только с финансовым управляющим в отношении должника, но и очиститься от долгов и в дальнейшем вести полноценную жизнь: накапливать денежные средства, покупать и продавать имущество [4, С. 206].

Для банков же положительный момент заключается в том, что у них появляется возможность избавиться от просроченных долгов, которые портят их финансовую отчетность, а также сократить свои издержки на обращения к коллекторским службам.

Однако, в процедуре банкротства физических лиц много и недостатков, которые являются скрытыми и становятся видны уже только в самом процессе.

Для начала это недостаточная информированность, а порой и полная юридическая неосведомленность физических лиц о специфике процедуры банкротства, а также отсутствие бесплатной правовой поддержки.

Следующим минусом выступает дороговизна данной процедуры. Физическое лицо решается на банкротство, поскольку у него отсутствуют деньги для удовлетворения требований кредиторов, но, когда дело доходит до подачи заявления, перед ним возникают трудности. Наибольшие расходы несет в себе оплата услуг финансового управляющего, которая на практике на самом деле стоит около 100 000 рублей, иначе найти финансового управляющего становится проблематично [5]. Также возникают дополнительные затраты – это и оплата юридических услуг, и возможные штрафы, и т.д., что влечет за собой увеличение суммы затраченных денежных средств. Из этого можно сделать вывод, что банкротиться могут лишь те граждане, у кого есть деньги.

Физическое лицо, которое решилось на осуществление данной процедуры, должно понимать, что все его имущество, кроме единственного жилья, будет продано в счет долга. Это также будет касаться и того имущества, которое зарегистрировано на его близких родственников, если должник менее чем за 3 года продал им его или подарил.

Во время осуществления процедуры банкротства физическое лицо без предварительного письменного согласия финансового управляющего не может свободно без ограничений совершать сделки с движимым имуществом и недвижимостью, которые по своей стоимости превышают 50 000 рублей, а также распоряжаться всеми денежными средствами, которые находятся у него на счетах.

После того как процедура банкротства физического лица была успешно пройдена, возникают следующие ее недостатки, а именно обязательное указание факта банкротства гражданина при оформлении кредитов и займов в течение 5 лет; запрет на занятие руководящих должностей в любых организациях, а также на участие в управлении в течение 3 лет; запрет на повторное обращение с заявлением о банкротстве в течение 5 лет [6, С. 195].

Также не позднее следующего дня после объявления судом должника банкротом, физическое лицо должно передать финансовому управляющему все имеющиеся у него банковские карты для последующей их блокировки.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что нововведение в законодательстве относительно банкротства физических лиц проявило себя неоднозначно. Это выражено тем, что с одной стороны, закон находится на стороне должника, позволяя ему избавиться от денежных обязательств перед кредиторами, а с другой стороны, во время осуществления процедуры у него возникают некоторые трудности, к которым большинство потенциальных банкротов попросту не готовы.

Список литературы:

1. *Галичевский И.* Банкротство физического лица (гражданина). Все, что нужно знать должнику и кредитору. – М.: «Издание книг ком», 2018. 112 с.
2. Федеральный Закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс надежная правовая поддержка. URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 10.11.2021).
3. *Мельников В. В.* Учет и анализ банкротств: Учебное пособие / В. В. Мельников. – М.: Финансы и статистика, 2008. 437 с.
4. *Алистархов В.* Недостатки и последние изменения российского законодательства. – Саарбрюккен (Saarbrücken): Lap Lambert Academic Publishing, 2015. 340 с.
5. *Милантьев К.* Реальная стоимость банкротства физических лиц (цена процедуры для граждан) [Электронный ресурс] // Банкрот Консалт: официальный сайт. – URL: <https://bankrotconsult.ru> (дата обращения: 10.11.2021).
6. *Пирогова Е. С.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). Учебник. М.: Юрайт, 2020. 281 с.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 349.2

Т. Р. Валиуллин, С. Д. Мустафина
*Казанский Федеральный университет
Юридический факультет
Россия, Казань*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В данной статье раскрывается роль ИИ в современной юриспруденции. Развитие цифровых технологий в эпоху информационного общества и больших данных доказало перспективу внедрения искусственного интеллекта в суде. Стало очевидным, искусственный интеллект – это наше настоящее, а не будущее, как мы еще недавно нам казалось. Вместе с тем еще предстоит долгая работа инженеров-программистов совместно с нейробиологами для построения искусственной когнитивной системы, приближенной по своему строению и способностям к мозгу человека, который в свою очередь до конца не изучен наукой.

Ключевые слова: Искусственный интеллект; закон; судебная деятельность; современные технологии; суд; судебные заседания.

T. R. Valiullin, S. D. Mustafina
*Kazan Federal University
Faculty of Law
Russia, Kazan*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE I N A LAWSUIT

Abstract: This article reveals the role of AI in modern jurisprudence. The development of digital technologies in the era of the information society and big data has proven the prospect of introducing artificial intelligence in court. It became obvious that artificial intelligence is our present, not the future, as we recently thought. At the same time, there is still a long work of software engineers together with neuroscientists to build an artificial cognitive system, similar in structure and abilities to the human brain, which, in turn, has not been fully studied by science.

Keywords: Artificial intelligence; law; judicial activity; modern technologies; court; court sessions.

Статья содержит в себе такие аспекты, по которым в будущем возможно внедрение искусственного интеллекта в суде. Вместе с тем еще предстоит долгая работа инженеров-программистов совместно с нейробиологам (это ученый, который работает в одной из областей нейробиологии. Он может заниматься фундаментальной наукой, то есть проводить исследования, наблюдения и эксперименты, формируя новые теоретические подходы, находя новые общие закономерности, которые могут объяснить происхождение частных случаев) [3, С.258] и для построения искусственной когнитивной системы, приближенной по своему строению и способностям к мозгу человека, который в свою очередь до конца не изучен наукой.

Актуальность данной статьи заключается в том, что в современном обществе цифровые технологии достигают стремительного развития. Данный прогресс ставит перед человечеством важный вопрос: Может ли искусственный интеллект заменить человека?

Но мы решили разобраться в данной проблеме с точки зрения уголовного процесса.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года Указ Президента России от 10 октября 2019 года № 490 определяет ИИ как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск

решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека». [2, С. 79]

С началом пандемии COVID-19 Верховный суд КНР рекомендовал судам предлагать всем участникам споров «правосудие на кончиках пальцев» – проводить все заседания преимущественно через интернет. В 2020 году онлайн стало рассматриваться более 200 тыс. дел ежемесячно. Стороны могут отказаться от онлайн-процесса, но для этого они должны подать отдельное заявление. Все суды в Китае подключены к платформе больших данных, куда автоматически передается информация о принятых решениях, доказательствах. Платформа больших данных позволяет судье получать сведения из других государственных органов автоматически – о недвижимости, доходах, банковских счетах, транспорте и другую информацию. Это ускоряет судебный процесс и исключает подделку справок сторонами. Данные обновляются каждые пять минут, что позволяет судьям знать детальную статистику о работе судов, включая, какие принимаются решения по каким типам дел. На основе этих данных ИИ предоставляет судьям информацию, например, о средних, минимальных и максимальных наказаниях в похожих делах. [1, ст.29]

Все вышесказанное позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию норм в сфере уголовного процесса, хоть и искусственный интеллект в современном обществе достиг высочайших результатов не позволяет нам полностью заменить деятельность и ум человека. [3, С.258]

Таким образом, можно сказать, что суд существует не для судей, а для граждан, поэтому нужно делать его более удобным, прозрачным, эффективным и законным, чему поможет использование искусственного интеллекта.

Тем самым будет сделан еще один шаг в сторону единообразия судебной практики, но машина никогда не станет человеком и никогда не поймет истинной картины мира. Именно симбиоз человека и слабого искусственного интеллекта, по мнению спикера, поможет судье вынести правильное решение, которое устроило бы всех участников процесса, включая государство. [2, С.99]

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021)// СЗ РФ.2000. № 52 ст.29.
2. *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. 79–102 с.
3. *Морхат П. М.* Правовой взгляд: моногр., 2017. 258 с.

К. Н. Горшкова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ КАССАЦИОННОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы кассационного производства по уголовным делам, а именно проблема сроков подачи жалобы (представления) в «сплошной» кассации. Электронное судопроизводство в кассационной стадии уголовного процесса, использование веб-ВКС, реализация федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», приведен успешный зарубежный опыт применения электронного правосудия.

Ключевые слова: «сплошная» кассация; срок подачи жалобы (представления); электронное судопроизводство; веб-ВКС; федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»; электронное судопроизводство в зарубежных странах.

K. N. Gorshkova

*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF THE CASSATION STAGE OF THE CRIMINAL PROCESS IN RUSSIA – NEW CHALLENGES AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. This article discusses the problems of cassation proceedings in criminal cases, namely the problem of the timing of filing a complaint (submission) in a “continuous” cassation. Electronic legal proceedings in the cassation stage of criminal proceedings, the use of web-based VCS, the implementation of the federal project “Regulatory regulation of the digital environment”, successful foreign experience in the use of electronic justice is given.

Keywords: “continuous” cassation; the deadline for filing a complaint (submission); electronic court proceedings; web-VKS; federal project “Regulatory regulation of the digital environment”; electronic court proceedings in foreign countries.

За последнее десятилетие стадия кассационного пересмотра уголовных дел пережила несколько судебных реформ, модернизируясь под современные потребности общества. В данной статье будут рассмотрены только некоторые из значимых проблем данной стадии в уголовном процессе.

После судебной реформы 2019 года в ходе, которой образовались апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, а само кассационное производство в уголовном процессе разделилось на сплошную и выборочную кассацию. В сплошной кассации изначально не предусматривался срок для подачи жалобы, представления, это было воспринято негативно со стороны ученых, которые полагали, что это приведет к негативным последствиям. Позже законодатель хотел ввести ограничение для подачи жалобы (представления) два месяца, сейчас действует срок в 6 месяцев для «сплошной» кассации [1, С. 128].

Это было сделано для того, что бы лица имеющие право подачи жалобы (представления) успели реализовать свои права. Осужденный не может сразу же по прибытии вместо отбывания наказания подать жалобу, часто им приходится восстанавливать пропущенный срок. Появление шестимесячного срока вызвано тем, что ЕСПЧ не однократно высказывался о неэффективности кассационной стадии в РФ из-за отсутствия сроков для подачи кассационной жалобы [7, С. 1].

По нашему мнению оптимальным сроком подачи жалобы (представления) в «сплошной» кассации является один год, так как в этот промежуток времени еще возможен поворот к худшему. Так потерпевший и осужденный окажутся в равном положении, и каждый сможет реализовать свое конституционное право на судебную защиту.

Электронный документооборот и возможность подачи представления в электронном виде, а так же всех остальных документов в кассационные суд пожелательно скажется на работе органов прокуратуры, а также на других участниках процесса. В период пандемии это приобретает особую актуальность, так как поможет уменьшить контакты между людьми и увеличить скорость подачи жалобы и представления. Следует отметить, что суды не всегда находятся в субъекте из которого подается представление, и скорость подачи зависит напрямую от того, когда это письмо будет доставлено в суд [4, С. 195].

За модель можно взять уже давно используемый в арбитражном процессе электронный портал «Мой арбитр». Сделав его в части доступным для всех а знакомство с материалами дела, только для заинтересованных в деле лиц с получением специального разрешения – это поможет защитить данные, но при этом будет соблюдаться принцип гласности.

Использование электронного правосудия в кассационной инстанции в связи с пандемией стало необходимостью. Цифровизация правосудия осуществлялась и до пандемии, федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» предусматривал суперсервис «Правосудие онлайн», который должен был полностью заработать в 2022 году [8, С. 3].

В гражданском процессе использование видео-конференц-связи (далее – ВКС) отработано и возможно для всех участников процесса. В уголовном судопроизводстве участие подсудимого в таком формате возможно лишь по решению суда. Подсудимый может быть допрошен подобным образом, если в месте, где он отбывает наказание, есть техническое оборудование. Использование ВКС имеет свои сложности, поскольку такая связь в целях сохранения конфиденциальности и защиты канала передачи данных, должна осуществляться по защищенному каналу связи между зданиями суда.

В свою очередь судья, прокурор и значащую адвокат должны присутствовать в помещении суда. Кроме того, если заседание не является закрытым, оставшиеся участники и иные лица, СМИ могут присутствовать при рассмотрении дела.

Решением данной проблемы, возможно уже в ближайшем будущем, по словам Вячеслава Лебедева председателя ВС РФ: «Ведется работа по созданию суперсервиса «Правосудие онлайн», который позволит участникам судопроизводства реализовать в дистанционной форме весь объем процессуальных действий, включая подачу документов в суд, уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами дела в электронном виде, участие в судебном заседании посредством веб-конференции и получение судебного акта» [10, С. 1].

На данный момент для участия в заседании суда кассационной инстанции в формате веб-конференции (онлайн-заседания) используют систему видеоконференц-связи VideoMost. Для этого необходимо подать через ГАС «Правосудие» или почтовым отправлением ходатайство с обязательным указанием адреса электронной почты. К письму необходимо приложить копии документов, удостоверяющих личность [9, С. 1].

Данный способ трудоемок и предполагают, что в будущем, возможно, будет использоваться биометрия и распознавание лица для подтверждения личности [3, С. 1].

В зарубежных странах активно используется опыт электронного судопроизводства. Например, в США есть две системы для ознакомления и подачи электронных документов Public Access to Court Electronic Records (PACER) и Case Management / Electronic Case Files (CM/ECF).

В Чешской Республике любой иск может быть подан в электронном виде несколькими способами. Отправлен по электронной почте на адрес суда и подписан квалифицированной электронной подписью отправляющего. Второй способ заключается в направлении иска в информационный ящик данных (Databox), представляющий собой специальное электронное хранилище, предназначенное для подачи документов и осуществления связи напрямую с органами государственной власти Чешской Республики. [5, С. 41].

В Германии электронное правосудие существует с начала 2000 годов. А в 2017 года принят закон, который предписывает помимо бумажного носителя использовать электронный для ведения уголовных дел. Хорошо развит электронный документооборот между судами. Уровень развития электронного правосудия

дия различается в зависимости от местного законодательства в землях федерации. [6, С.437.].

Подводя итог всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что существующие в кассационной стадии уголовного процесса проблемы будут решены в ближайшее время. Для этого будет использован международный опыт и отечественные разработки в области юриспруденции.

Список литературы:

1. Алиев А.А. «Сплошная кассация в уголовном судопроизводстве» // Закон и право. 2020. № 4. С.127–129.
2. Заева О.П. Актуальные проблемы возвращения уголовных дел на дополнительное расследование// Общество и право. 2017.№ 3.С.121–124.
3. Смаргулов Э. Пандемия как стимул развития онлайн-правосудия // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pandemiya-kak-stimul-razvitiya-onlayn-pravosudiya/> (дата обращения 07.11.2021)
4. Слесивов Н.В. Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «Вынужденной цифровизации» Российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии.2020. № 3.С. 193–200.
5. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия// Вестник Поволжского института управления. 2019. № 6. С. 36–47.
6. Проскурякова М.И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского Университета .Право. 2018. № 3. С. 433–446.
7. Морщакова Т.Г. Отказаться от ограничения права на кассацию //URL: <https://fparf.ru/polemic/interview/otkazatsya-ot-ogranicheniya-prava-na-kassatsiy> (дата обращения 06.11.2021)
8. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» С. 1–7. //URL:https://www.economy.gov.ru/material/file/241bf7fc3549e04e239cf4589269fd8a/pasport_fr_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf(дата обращения 13.11.2021).
9. Первый кассационный суд общей юрисдикции «Веб-конференция»// URL: <https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=10> (дата обращения 14.11.2021).
10. Вячеслав Лебедев рассказал о создании суперсервиса «Правосудие онлайн» // URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30377/(дата обращения 14.11.2021)

УДК 343.241

Н. Х. Джамалутдинова

*Северо-Кавказский институт (филиал)
«ВГУЮ РПА (Минюста России)»
Россия, Махачкала*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. в связи с появлением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) 8 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда РФ принял постановление, которым рекомендовал судам рассматривать дела и материалы безотлагательного характера в судебных заседаниях с использованием системы видеоконференцсвязи.

Ключевые слова: электронный документооборот, видеоконференцсвязь, цифровизация.

N. K. Jamalutdinova

*North Caucasus Institute (branch)
“VGUU RPA (Ministry of Justice of Russia)”
Russia, Makhachkala*

CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONDITIONS OF A PANDEMIC AND THEN

Abstract. due to the appearance of a new coronavirus infection (COVID-19), on April 8, 2020, the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation adopted a resolution recommending that courts consider cases and urgent materials in court sessions using a videoconference system.

Keywords: electronic document management, video conferencing, digitalization.

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества в условиях стремительного распространения нового коронавируса (COVID-19) не могло не затронуть деятельность, связанной с осуществлением правосудия. Правосудие, осуществляемое в полном соответствии с демократическими принципами судопроизводства, предполагает возможность личного участия всех заинтересованных лиц в судебных процедурах, что обеспечивает эффективность реализации как прав этих лиц, так и права суда на непосредственное восприятие информации, исключительно на основе которой и может быть принято объективное решение. В то же время в судебной деятельности по уголовному делу есть достаточное количество процедур, которые не требуют обязательного личного участия сторон. Начало этой практики относится к 2000 году, когда Верховный Суд РФ установил дистанционное взаимодействие с рядом учреждений, в которых содержались или в которые специально доставлялись осужденные, обжаловавшие приговоры, не вступившие в законную силу.

В 2011 году в УПК РФ была включена ст. 278.1, которая предусмотрела возможность проведения допроса свидетеля и потерпевшего с использованием системы видеоконференцсвязи, фактически заменив собой институт отдельного поручения. Конечно, видеоконференцсвязь не только позволяет экономить время и средства при сохранении всех процессуальных гарантий, но и свидетельствует о принципиально ином направлении развития культуры судопроизводства в целом. Но достаточно ли этого?

Пандемия COVID-19 ускорила обращение судебной практики к иным массово доступным технологиям, в частности к возможности проведения судебных заседаний посредством вебконференции. 29 апреля 2020 года Президиум Верховного Суда РФ принял известное постановление [1], которым внес изменения в ранее принятое постановление № 821 [2] и рекомендовал судам использовать апробированный им опыт проведения судебных заседаний с помощью веб-конференции для рассмотрении дел, не терпящих отлагательства, направленных на защиту конституционного права на свободу, личную неприкосновенность, здоровье и безопасность при наличии технической возможности, учете мнения участников и обеспечении возможности их идентификации. Для участия в судебном заседании посредством вебконференции участники судопроизводства должны подать в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образцов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

Учитывая отсутствие нормативно-правового регулирования оснований и порядка проведения судебного заседания в режиме веб-конференции, вопрос о правомерности и перспективах использования этой технологии представляется весьма интересным.

Пункт 3 Постановления Президиума Верховного Суда среди безотлагательных вопросов, которые могут быть рассмотрены судом в режиме веб-конференции, если заинтересованные лица не согласны на их заочное рассмотрение, называет избрание, продление, отмену или изменение мер пресечения. Эта судебная процедура сама по себе является более сложной по сравнению с рассмотренной выше состязательной, поэтому она подверглась более детальному законодательному регулированию, придающему ей сходство с порядком рассмотрения уголовного дела по существу. Тем не менее и здесь режим веб-конференции позволяет лицам, заинтересованным в решении вопроса о мере пресечения, реализовать свой статус.

Если говорить о лице, в отношении которого решается вопрос о применении, отмене, изменении или продлении меры пресечения, то его идентификация и участие в судебном заседании в режиме веб-конференции в условиях действия ограничивающих свободу передвижения мероприятий может быть обеспечено администрацией мест содержания задержанных, заключенных под стражу, а в иных условиях – органом предварительного расследования, возбуждающим ходатайство о применении меры пресечения. Определенные затруднения может испытывать законный представитель несовершеннолетнего, не имеющий доступа к веб-связи, но этот вопрос, как представляется легко может быть разрешен комбинированным сочетанием процессуальных форм.

Можно предполагать, что интернет-технологии в достаточном скором времени займут достойное место во всех видах су-

дебной деятельности, однако прежде следует обсудить вопрос об условиях, при соблюдении которых это возможно.

На первый взгляд, в этом вопросе есть два имеющих значение аспекта. Один обусловлен зависимостью формы судопроизводства от волеизъявления одного или нескольких субъектов, второй – требованием непосредственности исследования судом доказательств, в первую очередь показаний как основания принятия решения. В обоих случаях судебная процедура должна гарантировать участнику уголовного процесса свободу и независимость как в выражении своего мнения, так и в ответах на вопросы о фактических обстоятельствах дела.

Так, в качестве серьезной гарантии свободного волеизъявления обвиняемого при решении, например, вопроса о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства УПК РФ закрепляет положение, согласно которому ходатайство обвиняемого о применении этой процедуры и согласие с предъявленным ему обвинением должны быть заявлены в присутствии защитника (ст. 315). Поэтому при невозможности обеспечить личное участие обвиняемого в судебном заседании, проводимом по правилам главы 40 УПК, защитник должен присутствовать в месте нахождения обвиняемого.

При этом в законе оговорено, что к интернет-обращениям участников уголовного процесса могут быть приложены иные электронные документы, что создает определенные перспективы для широкого использования электронных документов и в качестве доказательств, несмотря на то, что этот вопрос в УПК РФ еще не имеет четкого правового регулирования [3, с. 95].

Основное препятствие к внедрению в уголовный процесс электронного документооборота заключается в специфике его досудебной части, в которой фактически происходит формирование судебных доказательств. Отсюда потребность в соблюдении порядка удостоверения процессуальных документов, в которых фиксируются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, полученные в ходе предварительного расследования (ст. 166 и 167 УПК РФ), и стремление тщательно урегулировать, а значит, и усложнить этот порядок (институт следственного действия). Однако излишняя в условиях существующей реальности формализация уголовного судопроизводства из гарантии достоверности зафиксированной в следственных протоколах информации постепенно превращается в отторгаемый практикой ритуальный, но зачастую бессмысленный бюрократический инструмент.

Широкое применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве обусловлено объективными факторами. Задачей расследования охватывается получение, фиксация, сохранение и проверка любых следов преступления, которые используются для доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела. Не являются исключением и цифровые, электронные, виртуальные следы, и хотя в вопросе об их природе и наименовании пока нет единого мнения [4], есть все основания ставить вопрос о целесообразности дополнения перечня доказательств новыми видами. Требуется изучения также вопрос о доказательственном значении информации, полученной из открытых интернет-источников [5, с. 52–57].

Таким образом, неотвратимость и практическая полезность внедрения цифровых технологий в производство по уголовному делу очевидны. Цифровизация уголовного процесса способна обеспечить не только сохранение процессуальных документов в неизменном виде, но и оперативность контроля законности, обоснованности и соблюдении сроков принятия процессуальных решений, облегчает ознакомление с ними участников уголовного процесса. Одно из вполне достаточно для повышения внимания к вопросам, решение которых способно существенно изменить лицо уголовного процесса в РФ. Существующий сегодня уровень научно-технических разработок позволяет считать возможным относительно быстрый переход на электронный документооборот, обеспечивающий эффективное процессуальное взаимодействие между: а) судебными инстанциями; б) судом, органами предварительного расследования и прокуратуры; в) судом и участвующими в уголовном судопроизводстве лицами, в первую очередь профессиональными защитниками и представителями (адвокатами). Этот процесс, очевидно, будет развиваться в разных направлениях и скоростях, но в конечном итоге завершится полным переходом от бумажного пока еще уголовного дела к электронному.

Список литературы:

1. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 № 821» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Lazareva V.A., Olinder N.V., Perekrstov V.N. Digital information in criminal proceedings: the concept and evidential significance // Studies in Computational Intelligence. 2019. Vol. 826. P. 93–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38998371&> (дата обращения: 12.11.2021).
4. Агибалов В.Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов [Электронный ресурс] /В.Ю. Агибалов// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – 152 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-suschnost-virtualnyh-sledov> (дата обращения: 12.11.2021).
5. Юношев С.В., Кондратюк С.В. К проблеме процессуального оформления доказательственной информации, полученной их интернет-источников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 3 (34). С. 52–57. URL: <http://journal.tltsu.ru/rus/index.php/VNSU/article/download/9239/8933> (дата обращения: 12.11.2021).

УДК 343.13

С. С. Дурьманова, Т. А. Исакова

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления
Россия, Новосибирск*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Данная статья освещает вопросы, связанные перспективами и проблемами интеграции цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Прежде всего в работе рассматриваются способы обработки и использования больших массивов правовых данных, «цифровые» права участников уголовного судопроизводства, новейшие технологии, используемые в проведении процессуальных действий, «цифровые» доказательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация, технологии, электронные доказательства, расследование.

S. S. Durymanova, T. A. Isakova

*Novosibirsk State University of Economics and Management
Russia, Novosibirsk*

DIGITAL TECHNOLOGIES AND CRIMINAL PROCEEDINGS: COMPATIBILITY ISSUES, DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract: This article highlights issues related to the prospects and problems of integrating digital technologies into the procedural order of criminal proceedings. First of all, the paper examines the ways of processing and using large amounts of legal data, the “digital” rights of participants in criminal proceedings, the latest technologies used in conducting procedural actions, “digital” evidence and their admissibility.

Keywords: criminal procedure, digitalization, technologies, electronic evidence, investigation.

Цифровые технологии прочно вошли в нашу жизнь, все сферы человеческой деятельности трудно представить без использования результатов научно-технического прогресса, что свидетельствует о переходе нашего общества от индустриального типа к постиндустриальному, где ведущая роль отводится информации. Цифровые технологии позволяют

хранить и систематизировать огромные массивы информации, передавать ее мгновенно и вне зависимости от расстояния, объема и содержания. Современные программы позволяют легко найти любую информацию в сжатые сроки, обработать ее.

В уголовное судопроизводство также внедряются передовые технологии, позволяющие эффективно осуществлять деятельность по обеспечению защиты личности, общества и государства, путём привлечения к ответственности лиц, виновных за совершение преступлений. Однако возникает вопрос насколько применение таких технологий не противоречит уголовно-процессуальному законодательству, не создаёт трудности в осуществлении данной деятельности уполномоченными на то лицами, и какие перспективы развития в данной области существуют.

Рассмотрим, как уголовное судопроизводство начинает постепенно подвергаться цифровизации. С помощью технологий программирования были созданы справочно-правовые системы, содержащие нормативно-правовые акты, судебную практику, юридическую литературу, которые дают возможность участникам уголовного производства быстро найти необходимую для конкретного дела информацию. Существующие технологии также позволяют ускорить и упростить порядок подачи заявлений (сообщений) о преступлениях. На сегодняшний день некоторые страны (Республика Казахстан, Турция, Англия и Уэльс) стремятся полностью автоматизировать этот процесс, здесь речь идет о том, насколько могла бы вырасти скорость принятия таких сообщений [1, С. 93–94]. Любая машина способна обработать огромный массив информации, так почему бы не сделать так, чтобы она могла определять состав преступления путем анализа представленных её данных и направлять полученную информацию к конкретному должностному лицу для возбуждения уголовного дела? На текущий момент в Российской Федерации возможна подача электронных заявлений, что установлено инструкцией, выработанной МВД РФ, но это не упрощает работу должностных лиц, поскольку данную информацию также переносят на бумажный носитель и получается, что оптимизация процесса фактически отсутствует.

Предварительное расследование также можно оптимизировать за счёт применения электронных доказательств, технологий аудиозаписи и видеозаписи, которые просты в использовании, в целях фиксации любых процессуальных действий (ч. 2 ст. 166 УПК РФ), позволяя даже не привлекать к участию понятых (ч.3 ст. 170 УПК РФ). Минимизация и фиксирование совершенных преступлений, а также их расследование и раскрытие, возможны благодаря видеонаблюдению за дорожным движением, в торговых центрах, над подъездами жилых домов, в различного типа учреждениях. А уже из систем наружного видеонаблюдения информация поступает в дежурные органы внутренних дел для быстрого реагирования. Также в процессе доказывания есть возможность использовать видео-доказательства, аудио-доказательства, доказательства, полученные от мобильных операторов, а также скриншоты, геопозиции, что значительно сказывается на эффективности процесса доказывания.

В уголовное производство была введена возможность электронного документооборота, такие документы заверяются электронной печатью (ст. 474, 474.1 УПК РФ). Это позволяет избавить производство от бумажной волокиты, однако используется это не повсеместно, в большинстве своем все еще сохраняется необходимость писать протоколы, постановления от руки, так как процессуальная деятельность сложная, многофакторная, и главное совершаемая человеком. Очевидно, что в работе любого технического средства и информационной системы могут произойти технические неполадки, что ставит под угрозу сохранность накопленного материала.

Цифровизация уголовного судопроизводства неизбежна потому, что внедрение информационных технологий проходит в рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 20311. Все процессы, протекающие в рамках ее реализации требуют составления и следования четко разработанному плану, учитывая все риски внедрения этих технологий. Могут возникнуть та-

кие проблемы, как недостаточная техническая оснащённость, отсутствие навыков работы с техникой у участников уголовного производства. Это может значительно сказаться на движении производства по уголовным делам, поскольку важно понимать, что технологии постоянно меняются, что создает необходимость оперативного формирования навыков их использования у правоприменителя, что не всегда возможно. Учитывая то, что в правоохранительных органах работают люди, которые за много лет службы привыкли получать, фиксировать и структурировать информацию в бумажном формате, им в особенности будет трудно приспособиться к таким новшествам.

Очередной проблемой цифровизации уголовного судопроизводства может стать утечка информации о различных категориях лиц. Киберпреступления, мошенничество в сети Интернет, связанные с утечкой информации давно стали реальностью. Особенно под сомнением находится сохранность информационных прав должностных лиц, (например, следователь, дознаватель) в условиях того, что все производство ведется гласно, а также вся информация размещена в интернете (единые реестры) [2, С. 111].

Рассуждая о цифровом проведении судебного разбирательства нельзя не привести точку зрения П.М. Морхата о том, что важным аспектом уголовного производства является «когнитивная и эмоциональная компетенция судьи». Машины не могут разобраться в глубинных причинах поведения подсудимого, его личности и её характеристики, в отличие от судьи [3, С.136].

Таким образом, для успешного проведения интеграции цифровых технологий в уголовный процесс необходимо не просто оснастить современными цифровыми инструментами уголовное судопроизводство, что обусловит огромные траты бюджетных средств; необходимо принципиально изменить подходы к реализации производств по уголовным делам в целом для обеспечения действительной эффективности деятельности его участников.

Список литературы:

1. *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex Russica (Русский Закон)*. 2019 № 5. С. 93–94.
2. *Першин А.Н.* Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование // *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)* 2021. С. 111.
3. *Морхат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. М., 2018. 405 с.

В. В. Иванова, М. П. Буров

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Институт юстиции
Россия, Саратов**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ТЕРМИНА «ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация. Цифровая реальность прочно закрепилась в жизни общества, а также стала средой совершения преступных деяний, в которой с помощью так называемых цифровых (электронных) следов правоохранительные органы способны восстановить картину произошедшего преступления. В уголовном судопроизводстве всё чаще используются различные цифровые устройства (смартфоны, планшетные компьютеры, флэш-накопители и жесткие диски, файлы в т.н. «облачных хранилищах»), информация с которых может использоваться в качестве доказательств. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не в полной мере приспособлено к цифровым источникам информации. Авторы рассуждают о принципиальной необходимости включения в уголовно-процессуальное законодательство понятия «электронное доказательство».

Ключевые слова: электронное доказательство, виды доказательств, уголовный процесс, электронные носители информации.

V. V. Ivanova, M. P. Burov

Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov**ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF THE EXISTENCE
OF THE TERM "ELECTRONIC EVIDENCE" IN CRIMINAL
PROCEDURE LEGISLATION**

Abstract: Digital reality has become firmly entrenched in the life of society, and has also become an environment for the commission of criminal acts, in which law enforcement agencies are able to restore the picture of the crime with the help of so-called digital (electronic) traces. Various digital devices (smartphones, tablet computers, flash drives and hard drives, files in so-called "cloud storage") are increasingly used in criminal proceedings, information from which can be used as evidence. The current criminal procedure legislation is not fully adapted to digital sources of information. The authors argue about the fundamental need to include the concept of "electronic evidence" in the criminal procedure legislation.

Keywords: electronic evidence, types of evidence, criminal proceedings, electronic media.

Один из самых обсуждаемых вопросов, вызывающий дискуссию среди учёных и практиков, – это вопрос о востребованности и рациональности закрепления в законодательстве ранее неизвестной разновидности доказательства – «электронного доказательства». В Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержится законодательное закреплённое понятие «электронный документ», «электронное сообщение» и т.д., но нет упоминания «электронного доказательства» [1]. Р.И. Оконенко считает, что понятие «электронные доказательства» следует включить вначале в научный оборот, а затем и в законодательство, так как это позволит разрешить пробелы российского права, а также выработать единую систему норм, регулирующую многие вопросы исследования цифровых устройств [2, С. 33–34].

По мнению П. С. Пастухова, не стоит выделять и закреплять в уголовно-процессуальном законодательстве новый вид доказательства, такой как «электронное доказательство» или «электронный носитель информации». Автор указывает на то, что необходимо лишь уточнить понятие «доказательство», указав при этом, что сведения вполне могут быть сформулированы в качестве электронной информации, которая

тем самым будет относиться к привычному нам традиционному виду доказательств – вещественным доказательствам. Также П. С. Пастухов считает необходимым исключить из ч.2 ст. 74 УПК РФ исчерпывающий перечень источников доказательств, который весьма устарел. По мнению автора, доказательствами необходимо считать такие сведения, которые предоставлены любой из сторон уголовного судопроизводства с помощью законных действий, и которые впоследствии смогут определить обстоятельства, обладающие решающим значением для дела. [3, С.561]

Информация, которая была представлена в электронном виде, имеет определённую специфичность, выраженную в особенностях при её собирании и закреплении, что, по мнению авторов, является основанием для выделения электронных доказательств. На данный момент, исходя из существующей системы доказательств, можно сделать вывод о том, что электронные носители информации, как правило, относятся к вещественным доказательствам.

В науке под вещественными доказательствами принято считать материальные блага или иными словами элементы окружающей нас обстановки. Ю.К. Орлов указывает, что все вещественные доказательства имеют определённые материальные свойства, например, вес, размер, химический состав и т.д. Также автор считает, что вещественные доказательства это – «материальные следы преступления» [4, С.106].

Многие исследователи подходят к вопросу об исследовании вещественных доказательств лишь с материальной точки зрения. Однако это не совсем попадает под условия развития информационного общества, большая часть которого сопряжена с использованием цифровых технологий и развитием информатизации. Если же брать именно электронные носители информации, то иногда их вполне можно рассматривать в качестве вещественных доказательств. К таким случаям можно отнести, например, кражу телефона, на котором содержится какая-либо важная информация, тем самым это свидетельствует о том, что в уголовном судопроизводстве имеет значение не сама вещь, а информация, которая на ней находится, т.е. её «электронная составляющая».

Электронные доказательства, в том числе и переписки в социальных сетях, получают в порядке, установленном в ст. 186 УПК РФ. Так, в этой статье речь идёт о самостоятельном следственном действии – контроле и записи переговоров, которое проводится уполномоченными должностными лицами на основании судебного решения. На практике же нередки случаи, когда участник процесса, например, в рамках судебного процесса, может предоставить условный «мэйл» или сообщение из сети «ВКонтакте» в качестве доказательства. В таких случаях и возникает вопрос, что делать с полученными «переписками».

Именно для решения этого вопроса предлагается введение понятия «электронного доказательства» как соответствующего действительности выражения воли, намерений и слов конкретного человека. Также, по мнению авторов, необходимо отметить в законе о:

- возможности установления конкретного отправителя и адресата цифровой информации;
- необходимости заверения и подтверждения содержимого этой информации, поскольку подавляющее большинство соцсетей имеют возможность редактирования и удаления сообщений;
- способах предоставления суду и правоохранительным органам этой информации.

В настоящий момент социальные сети в силу Постановления Правительства РФ от 12.04.2018 № 445 уже осуществляют хранение информации о действиях пользователей сети «Интернет» (в т.ч. переписки, аудио-, видеосообщения и т.п.). Дальнейшее развитие правового аспекта в данной сфере позволит эффективнее использовать хранящиеся данные в правоохранительной деятельности.

На наш взгляд, предлагаемые нововведения позволят оперативнее реагировать на преступные деяния. Помимо этого, описанное выше позволит избежать «растягивания» приобщения к делу электронных доказательств совершением целого комплекса процессуальных действий.

Как показывает судебная практика, электронные доказательства уже принимаются судом и являются одним из доказа-

тельств. Так, Гагаринский районный суд г. Москвы в приговоре от 10 июня 2013 г. признал гражданина Т. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 183, ч. 2 ст. 183 УК РФ. Суд обосновал виновность указанного лица, в частности, следующими доказательствами: протоколом выемки, согласно которому в ООО «Мэйл.ру» была изъята распечатка сообщений электронной почты, принадлежащей Т., и CD-диск с электронным содержанием сообщений электронной почты; протоколом осмотра, согласно которому были осмотрены предметы и документы, изъятые в ходе проведения выемки в ООО «Мэйл.ру» [5].

Так, одним из доказательств вины в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 138 УК РФ, по делу, рассмотренному мировым судьей судебного участка 9 по Кировскому району г. Уфы Республики Башкортостан, стал протокол осмотра интернет-сайта <http://www.ufanic.ru> от 7 мая 2010 г. Согласно данному протоколу гражданин А. в присутствии понятых и устного покупателя посетил интернет-ресурс <http://www.ufanic.ru>. В ходе посещения установлено, что на главной странице сайта имеется вкладка «Оформить заказ». При входе в данную вкладку появляются данные об отсутствии каких-либо заказов. При выборе в «Каталоге товаров» позиции «Шпионские устройства» отображаются текстовая информация об устройстве «GSM аудиопередатчик (шпион)», фотография устройства, его цена. Данный заказ был направлен в «корзину». В процессе осмотра условный покупатель оформил на вышеуказанном сайте заказ на приобретение GSM аудиопередатчик (шпион) [6, с. 20].

На основе приведенной практики можно сделать вывод о том, что электронные доказательства как таковые могут играть значительную роль в отправлении правосудия. В дальнейшем, по нашему мнению, тенденция на увеличение количества доказательств в электронной форме неизбежна, что и необходимо отразить в уголовно-процессуальном законе для его более эффективного использования.

Таким образом, введение в уголовно-процессуальное законодательство нового вида доказательств требует дальнейшего его совершенствования с учётом специфических особенностей собирания и закрепления электронных доказательств. Использование электронных доказательств уже стало достаточно обычным явлением в судебной практике. Развитие применения электронных доказательств обуславливает необходимость закрепления нового вида доказательств, как способ расширения судебной защиты прав и свобод человека.

Список литературы:

1. Александров А. С., Кувычков С. И. О надёжности «электронных доказательств» в уголовном процессе // URL: <https://docplayer.ru/26470841-0-nadezhnosti-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-processe.html>.
2. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства»: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. С. 21–34.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. – № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
4. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // СПС «КонсультантПлюс».
5. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. С. 106, 152, 156.
6. Гаверилин Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 47, 48.

УДК 343

А. А. Зоря

Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. в статье рассматривается первая стадия досудебного производства. Описывается содержание основных этапов процессуального порядка возбуждения уголовного дела, установленных в рамках законодательства Российской Федерации. Определяются поводы и основания возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, основания возбуждения уголовного дела, поводы возбуждения уголовного дела.

A. A. Zorya

Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov

PROCEDURAL PROCEDURE FOR INITIATING A CRIMINAL CASE

Abstract: the article discusses the first stage of pre-trial proceedings. The content of the main stages of the procedural procedure for initiating a criminal case established within the framework of the legislation of the Russian Federation is described. The reasons and grounds for initiating a criminal case are determined.

Keywords: pre-trial proceedings, criminal proceedings, initiation of a criminal case, grounds for initiating a criminal case, reasons for initiating a criminal case.

Большую роль в системе правосудия страны занимает уголовное судопроизводство, поскольку оно направлено на обеспечение законности правопорядка и борьбы с преступностью с помощью системы гарантий по соблюдению законодательства.

В уголовном законодательстве нашей страны уголовное судопроизводство трактуется как процессуальная деятельность, начиная от получения информации, заявления о преступлении до рассмотрения дела в суде после направления уголовного дела прокурором в суд [2]. Уголовное судопроизводство, или по-другому говоря, уголовный процесс имеет две стадии: стадия досудебного производства и стадия судебного производства.

Начальная стадия досудебного производства – это стадия возбуждения уголовного дела. Она выступает важной стадией уголовного процесса, так как без наличия данной стадии невозможно ни одно расследование. Она является основой уголовно-процессуальных правоотношений [1; с. 103].

Начало судопроизводства происходит при наличии оснований и поводов. Если основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют, то начать возбуждение уголовного дела нельзя. В таком случае уполномоченное лицо выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Порядок возбуждения уголовного дела зависит от процедуры уголовного преследования, установленной для конкретной статьи УК РФ. Например, при возбуждении уголовного дела публичного обвинения важным условием выступает повод или основание.

Для установления основания для возбуждения уголовного дела могут использоваться в процедуре доказывания, как оперативно-розыскная информация, так и следственные действия [3; с. 15].

В свою очередь возбуждение уголовного дела частного и лично-публичного обвинения происходит на основании заявления потерпевшего или его законного представителя.

Согласно российскому уголовному законодательству выделяется четыре повода для начала досудебного производства.

1. Заявление о преступлении, которое может быть сделано лицом как в письменной, так и в устной форме. При этом, заявления, поданные анонимно не являются поводом для возбуждения уголовного дела.

2. Явка с повинной. Явка с повинной является добровольным признанием лица, сделанным добровольно, путем обращения в правоохранительные органы, и содержащее в себе сведения о том, что он совершил преступление.

3. Сообщение о преступном деянии, полученное от других лиц. Такое сообщение должно быть проверено в срок не позднее трех суток со дня его поступления, который при необходимости продлевается до 10 суток. В ряде случаев предусмотрено продление срока проверки до 30 суток.

4. Постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [2].

Говоря о процессуальном порядке возбуждения уголовного дела, следует обратить внимание на то, что он состоит из следующих основных этапов, а именно: проверки заявления или сообщения, принятия по нему решения и уведомления о принятом решении заявителя и прокурора. Следует обратить внимание на тот факт, что в УПК отсутствует норма, раскрывающая права такого участника уголовного процесса, как заявитель, а потому данный пробел, должен быть устранен законодателем, поскольку в стадии возбуждения уголовного дела не могут быть обеспечены надлежащим образом его законные интересы.

Так, этапом начала производства по уголовному делу служит вынесение постановления следователем или дознавателем.

В соответствии со ст. 146 УПК РФ постановление о возбуждении уголовного дела публичного обвинения должно включать в себя следующие сведения:

- дата, время, а также место вынесения постановления;
- каким уполномоченным лицом вынесено постановление;
- повод и основание для возбуждения уголовного дела;
- пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которых может быть возбуждено дело.

Важным элементом процедуры законности возбуждения уголовного дела служит прокурорский надзор за деятельностью следователя и дознавателя в досудебном производстве.

Деятельность надзорного органа должна быть осуществлена в разумный срок, что связано с своевременностью и законностью принимаемых решений по обеспечению прав всех участников уголовного судопроизводства, а потому копия постановления должна быть направлена незамедлительно прокурору.

Прокурор наделен правом отменить постановление о возбуждении уголовного дела. Воспользоваться таким правом он может только тогда, когда после изучения полученных материалов дела прокурор выявляет нарушения, указывающие на то, что решение является незаконным или необоснованным. Это необходимо сделать в течение суток с момента получения материалов дела. Копия постановления об отмене возбуждения уголовного дела направляет должностному лицу, возбуждавшему уголовное дело.

В России первая стадия играет большую роль в системе законодательства, так как именно после ее наступления, а точнее, после сообщения о преступлении, осуществляется принятие одного из следующих письменных актов: постановление о возбуждении уголовного дела, а впоследствии и его производство; постановление об отказе в возбуждении уголовного дела; постановление, которое связано с передачей сообщения по подследственности [4; с.22].

Важная часть данной стадии процесса это – уведомление о возбуждении уголовного дела. Заявитель и подозреваемый должны быть уведомлены о принятом по результатам проверки процессуальном решении. В случае, когда заявитель является одновременно также и потерпевшим, то он имеет право получить копию постановления о возбуждении уголовного дела.

На основании вышеизложенной информации, необходимо отметить, что возбуждение уголовного дела выступает важным и необходимым требованием всесторонности и объективности расследования уголовных дел, своевременного раскрытия преступлений, гарантирующего обеспечение прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконных действий правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Адамов А.Е. К вопросу о целесообразности стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. 2018. № 49 (235). С. 103–104.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрании законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
3. Францифоров Ю.В., Алферов В.Ю., Громов Н.А. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. 2000. № 4. С. 15–17.
4. Яковлев М.М., Федоров И.К. К вопросу о понятии и значении стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Проблемы науки. 2018. № 11 (35). С. 22–25.

УДК 343

А. С. Каплунов

*Саратовская государственная юридическая академия
Управление подготовки
и аттестации научно-педагогических кадров
Россия, Саратов*

МОМЕНТ ВСТУПЛЕНИЯ В ПРОЦЕСС КАК КРИТЕРИЙ ОТЛИЧИЯ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СТАТУСА ПРОКУРОРА

Аннотация. в статье проводится анализ соотношения понятий «прокурор» и «государственный обвинитель». С использованием методов логики, герменевтики и формально-юридического анализа законодательства и практики его применения делается заключение о моменте вступления государственного обвинителя в процесс как об одном из критериев различия статусов прокурора и государственного обвинителя.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, процессуальный статус, уголовное преследование, судебное производство.

A. S. Kaplunov

*Saratov State Law Academy
Department of training and certification
of scientific and pedagogical personnel
Russia, Saratov*

THE MOMENT OF ENTRY INTO THE PROCESS AS A CRITERION FOR DIFFERENCE OF THE STATUS OF THE STATE PROSECUTOR FROM THE PROSECUTOR

Abstract. The article analyzes the relationship between the concepts of «prosecutor» and «public prosecutor». Using the methods of logic, hermeneutics and formal legal analysis of legislation and the practice of its application, a conclusion is made about the moment when the public prosecutor entered the process as one of the criteria for distinguishing the statuses of the prosecutor and the public prosecutor.

Keywords: prosecutor, public prosecutor, procedural status, criminal prosecution, court proceedings.

В настоящее время в теории и на практике являются проблемными вопросы соотношения процессуальных статусов прокурора и государственного обвинителя, соотношения объемов их процессуальных прав и обязанностей, моментов вступления в процесс, участия в доказывании и др. Все эти вопросы в настоящее время в законодательстве четко не регулируются, что свидетельствует о необходимости их научной разработки.

Вопросы об участниках уголовного судопроизводства являются традиционным для науки уголовного процесса. Применительно к судебному производству законодатель в одном случае оперирует термином «прокурор», а в другом «государственный обвинитель» [1; 2; 4, С. 5–9]. Тем самым положения действующего уголовно-процессуального закона создают неопределенность, двойственность в статусе должностных лиц органов прокуратуры.

Комплекс норм, регулирующих деятельность государственного обвинителя, в тексте нынешнего уголовно-процессуального закона в одном месте не закреплён, а рассредоточен по всему его содержанию.

Доктринальная разработка вопроса о соотношении статусов прокурора и государственного обвинителя выходит за рамки спора о терминах, так как может влиять на правоприменительную практику, и, в конечном счёте, на судьбы людей.

При кажущейся простоте вопрос о соотношении статусов двух этих участников процесса носит фундаментальный характер, поскольку затрагивает судебное производство.

В суде с участием присяжных заседателей принцип состязательности уголовного процесса реализуется наиболее активно, поскольку именно в этой форме уголовного судопроизводства, установлены особые правила доказывания стороной обвинения своей позиции в рамках участия в судебном следствии и прениях сторон, а также существуют особенности обжалования итогового судебного акта и др.

Существует два законодательных подхода к решению рассматриваемых в настоящей статье вопросов. Согласно первому из них прокурор осуществляет государственное обвинение (применяется в УПК РФ). Согласно второму, государственное обвинение осуществляет именно государственный обвинитель (применяется в законодательстве о прокуратуре РФ).

В доктрине уголовного процесса существует также ещё одна позиция, выраженная Д.А. Масловой, согласно которой статусы прокурора и государственного обвинителя никак между собой не соотносятся [9, С. 148–171], поскольку прокурор и государственный обвинитель являются двумя самостоятельными участниками процесса.

Точка зрения В.А. Ефановой [8, С. 406–412], согласно которой именно государственный обвинитель, а не прокурор, может осуществлять свою деятельность только в судебном производстве, также не находит своего отражения в текстах законодательных актов: в соответствии с ч. 4 ст. 246 УПК РФ государственное обвинение могут поддерживать несколько прокуроров.

Анализ п. 31 ст. 5 УПК РФ также не способен внести ясность в вопрос относительно того, кого можно считать прокурором в уголовном процессе. Содержащаяся там формулировка содержит логическую ошибку «круга понятия» [5, С. 35], когда термин определяется через термин, т. е. норма закона буквально указывает, что «прокурор – <...> прокурор и подчинённые ему прокуроры <...>». Дефиниция «прокурор» в данной норме вообще не содержит указание на осуществление какой бы ни было уголовно-процессуальной деятельности, а лишь содержит отсылочную норму.

Уголовно-процессуальный закон в редакции от 29 мая 2002 г. допускал участие в качестве государственного обвинителя дознавателя либо следователя. Такое положение существовало до 2007 г. и создало соответствующие предпосылки.

При разрешении проблемы соотношения процессуального статуса прокурора и государственного обвинителя необходимо исходить из смысла и предназначения участия последнего в уголовном судопроизводстве. Важнейшим аспектом, на котором нужно сосредоточить внимание, является момент появления государственного обвинителя как участника со стороны обвинения, поскольку уголовный процесс предполагает смену стадий, протекающих во времени.

Именно в досудебном производстве возможны временные ограничения конституционных прав при производстве отдельных процессуальных действий, к примеру, контроль и запись переговоров, личный обыск и др. Все ограничения допускаются лишь в тех пределах, в которых это необходимо для общественно значимой цели – проведения полного и всестороннего расследования по уголовному делу.

Анализ п. 9 ст. 5 и ст. 227 УПК РФ указывает на то обстоятельство, что вступление в процесс государственного обвинителя не находится в причинно-следственной связи с завершением досудебного производства по уголовному делу, подготовкой и назначением дела к судебному разбирательству.

Представляется возможным такую позицию законодателя объяснить следующими причинами.

Главы 33, 34 УПК РФ по своему существу устанавливают проверочно-контрольную стадию в отношении проведенного расследования уголовного дела [6, С. 14]. Объективное и полноценное рассмотрение уголовного дела в суде невозможно без проверки законности проведенного предварительного расследования.

Надзирающий прокурор, руководствуясь соответствующим приказом Генерального прокурора РФ [3], создает предпосылки для стадии подготовки и назначения дела к судебному разбирательству, в ходе которой при необходимости нужно будет устранить возникающие препятствия.

Государственное обвинение, сформулированное в обвинительном заключении, в стадии подготовки и назначения дела не нуждается в поддержании, а нуждается в устранении препятствий к его доказыванию [7, С. 19–26].

В данной стадии в порядке ст. 239 УПК РФ может быть вынесено итоговое судебное решение в соответствующей форме, однако при этом данный процессуальный механизм служит лишь дополнительной процессуальной гарантией для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Таким образом, исходя из смысла и содержания данной стадии уголовного судопроизводства, государственный обвинитель в стадии подготовки и назначения дела к разбирательству не участвует, поскольку государственное обвинение ещё не поддерживается.

Нормы уголовно-процессуального закона, в частности ст. 273 УПК РФ, связывают момент появления государственного обвинителя в процессе именно с началом производства в суде первой инстанции.

Таким образом, процессуальным моментом вступления в процесс государственного обвинителя является начало доказывания вины подсудимого в суде первой инстанции. Прокурор же участвует в уголовном судопроизводстве ещё с досудебного производства. Учитывая то обстоятельство, что история российского уголовно-процессуального законодательства знает примеры поддержания государственного обвинения не только сотрудниками органов прокуратуры, представляется логически неверным проводить строгое тождество между статусами прокурора и государственного обвинителя. При этом момент вступления каждого из них в процесс остается одним из важнейших критериев различия статуса.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992, № 8. Ст. 366; Собрание законодательства РФ. № 27. Ст. 5093.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 23.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921; 2021. № 27. Ст. 5122.
3. Приказ Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Текст документа опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Балакишин В.С. Государственный обвинитель в российском уголовном процессе – кто он? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 5–9.
5. Бродский И.Н., Чупахин И.Я. Формальная логика. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. С. 35.
6. Гурова О.Ю. Теоретические и практические проблемы назначения судебного заседания по уголовным делам.: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. С. 14.
7. Ефанова В.А. Надзор или уголовное преследование? // Российский следователь. 2011. № 19. С. 19–26.
8. Ефанова В.А. О соотношении полномочий прокурора и государственного обвинителя в судебных стадиях российского уголовного процесса // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 406–412.
9. Маслова Д.А. Возбуждение и поддержание государственного обвинения в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 148–171.

А. О. Киселёв

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

МЕСТО АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию правовых и организационных вопросов полномочий, комплекса компетенций и роли адвоката в уголовном производстве. Рассматривается вопрос адвокатской этики и нравственности в юридической деятельности. Положение адвоката как стороны защиты в судебном процессе.

Ключевые слова: уголовное производство, адвокат, компетенция, этика.

A. O. Kiselev

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

THE PLACE OF A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of legal and organizational issues of powers, a set of competencies and the role of a lawyer in criminal proceedings. The issue of lawyer ethics and morality in legal activity is considered. The position of the lawyer as a party to the defense in the trial.

Keywords: criminal proceedings, lawyer, competence, ethics.

Согласно федеральному закону Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (далее – закон Об адвокатской деятельности) адвокатом является лицо, имеющие высшее юридическое образование с наличием стажа работы по специальности не менее двух лет, прошедшее стажировку от одного и до двух лет и получившее статус адвоката, чем заслужило право осуществления адвокатской деятельности. Главная функция адвоката помимо перечня обязанностей, указанных в выше названном законе, для рядового гражданина выражается в представительстве доверителя, в том числе в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях.

Интересный факт, что именно уголовной отрасли права присущ термин «защитник» такому лицу как адвокат. Например, в ч. 2 ст. 296 (Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) защитник рассматривается потерпевшим от преступления – лицом, «которому преступлением причинен ... вред» [1, с. 38].

В уголовно-процессуальной литературе понятия «адвокат» и «защитник» нередко отождествляются, что нашло отражение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П и изложенных в нем пояснений в последующих изменениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, в процессе своей деятельности адвокат может выполнять следующие разнообразные функции:

- 1) защиты подозреваемого, обвиняемого, являясь участником процесса со стороны защиты;
- 2) защиты прав и интересов гражданского истца, именуется в УПК РФ представителем и является участником процесса со стороны обвинения;
- 3) защиты прав свидетеля или лица, у которого производится обыск.

Соответственно, статус такого лица, именуемый «защитником», может меняться в зависимости от функций, которые он осуществляет. Но действительным защитником в уголовном процессе адвокат представляется, когда он отстаивает права и интересы подозреваемого или обвиняемого. По моему мнению, понимание «защита» в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации довольно узко: защита от уголовного преследования. Ведь уголовное преследование

не может существовать в абстракции, этот процесс ведется всегда в отношении конкретного лица (а), что невозможно без отсутствия подозреваемого или обвиняемого, потому и защитника не может быть без наличия указанных лиц. Таким образом, смешение понятий «адвокат» и «защитник» просто недопустимо.

В уголовном производстве даются четкие определения в понимании каждого участника процесса, но становящимся таковыми только при наличии определенного процессуального акта, так, например, подозреваемым согласно ст. 46 УПК РФ является лицо:

- 1) постановление о возбуждении уголовного дела;
- 2) постановление о применении меры пресечения;
- 3) протокол задержания;
- 4) уведомление о подозрении в совершении преступления.

Но бывают ситуации, когда к лицам применяются меры процессуального принуждения и вовсе не причастных к совершению преступления, например свидетель доставляется на допрос принудительно. В таких случаях человек имеющий юридическую специализацию будет немалым, таким лицом и становится адвокат, но при этом он не будет являться «защитником» поскольку защитник может быть только у обвиняемого или подозреваемого.

Начало деятельности адвоката в уголовном процессе, согласно УПК РФ, возникает с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица. Е. Г. Мартынич отмечал, что основы такого института как адвокатское расследование имеет смысл для эффективного использования тактики профессиональной защиты в состязательном процессе [2, с. 21]. Поскольку адвокат не наделен никакими властными полномочиями и действует исключительно односторонне, в целях своего доверителя при реализации данной функции он опирается на различные правовые источники в качестве аргументируемой базы для защиты своего подопечного, например на презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ).

На стадии досудебного разбирательства ключевым оружием в руках умелого адвоката, разумеется, является адвокатское расследование, что проявляется в сборе сведений необходимых для оказания юридической помощи, в том числе он имеет право запрашивать справки, характеристики и иные документы органов государственной власти, местного самоуправления, и иных организаций. Так же он может опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией относящейся к делу. По итогу проведения расследования адвокат составляет итоговое заключение с соответствующими реквизитами, в котором выражаются ключевые сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательств и значимых аргументов в суде. Законодатель справедливо наделил «защитника» граждан этой возможностью, поскольку если сторона обвинения, а именно дознаватель или следователь правомочны проводить свои расследования, тогда согласно принципу состязательности сторон, закрепленной в Конституции РФ и УПК РФ должна быть и у представителя обвиняемого, подобная возможность. Все доказательства собранные в ходе такого расследования согласно ст. 159 УПК РФ не могут быть отклонены от приобщения их к материалам уголовного дела, естественно законодатель предусмотрел такую вероятность и сделал оговорку в той же статье п. 3 где говорится: «В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель выносит постановление» [3, с. 72]. Конечно, это не означает, что в таком случае все доказательства просто пройдут мимо дела, поэтому в таком случае они будут приобщаться к делу мотивированным ходатайством адвоката суду.

Все полученные доказательства для их грамотного применения должны быть четко проанализированы, так как сведения могут быть разного характера и сам защитник, при невнимательном подходе может попросту навредить своему доверителю. Заключение адвоката содержащие в себе неоспоримые доводы может не просто смягчить наказание, но и полностью реабилитировать обвиняемого в глазах судьи.

По моему мнению, ключевым аспектом в оказании юридической помощи является соблюдение адвоката неких правил и этических постулатов, на которых опирается его деятельность. Адвокатская тайна, отраженная в федеральном законе об адвокатской деятельности, характеризуется принципом

неразглашения сведений, которые адвокат узнал в процессе реализации своей деятельности. Исходя из положений, указанных выше, адвокат помимо его этического молчания защищается с юридической стороны тем, что он не может быть вызван в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в процессе оказания им юридической помощи. Таким образом, любые сведения, полученные адвокатом в ходе адвокатского расследования, являются тайной и их можно использовать только с согласия доверителя и только для защиты его интересов.

Существует мнение, в котором сравнивается деятельность адвоката и частного детектива, но если прочесть федеральном законе Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», то можно установить ключевое отличие. Детектив, рассматривающий обращение доверителя обязан сообщить важные сведения должностным лицам, то есть следователю, в противном случае он будет привлечен к уголовной ответственности за уклонение от дачи показаний, в этом отношении термин «Защитник» доверителя наглядно показывает предрасположенность адвоката к его деятельности.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, место адвоката в уголовном судопроизводстве является представителем доверителя, в том числе в уголовном судопроизводстве, как защитника и производстве по делам об административных правонарушениях.

Список литературы:

1. Красовская О. Ю. Состав преступления: учебное пособие / О. Ю. Красовская; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. 60 с.
2. Мартынич Е. Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы формирования нового института и модели // Адвокатская практика. 2012. № 1. С. 1.
3. Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 71–76.

УДК 343.141

А. П. Крамчинская, С. В. Чернышова
*Тюменский государственный университет
Институт государства и права
Россия, Тюмень*

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые проблемы использования и применения доказательств, выраженных в электронной форме. В частности, рассматриваются вопросы необходимости закрепления нового самостоятельного вида доказательств, а также вопросы исследования электронных доказательств.

Ключевые слова: электронное доказательство, доказательства, доказывание, виды доказательств, уголовный процесс, оценка доказательств, электронные документы.

A. P. Kramchinskaya, S. V. Chernyshova
*Tyumen State University
Institute of State and Law
Russia, Tyumen*

ELECTRONIC DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

Abstract. In the article some legal problems of the use and application of evidence expressed in electronic form are considered. The questions of the need to consolidate a new independent type of evidence are considered, as well as the issues of researching electronic evidence in particular.

Keywords: electronic proof, proofs, proof, types of proofs, criminal proceedings, assessment of proofs, electronic documents.

В эпоху научно-технической революции и цифровизации всех сфер жизни возникает необходимость и в модернизации системы уголовного процесса, которая бы соответствовала нынешнему техническому развитию и потребностям всех участников уголовного судопроизводства. Особую актуальность данная тема приобретает в условиях ограничительных мер, связанных с предотвращением распространения коронавирусной инфекции.

В настоящее время документы могут выступать в уголовном процессе в качестве вещественных доказательств (п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ), а также в качестве самостоятельного вида доказательств (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Уголовно-процессуальный кодекс допускает для использования в качестве доказательств не только документы, составленные в письменном виде, но также и в ином формате, в том числе электронном. Важным аспектом в данном случае является соблюдение общих правил собирания доказательств, установленных статьей 86 УПК РФ [1].

В научном сообществе периодически поднимается вопрос о сущности электронных доказательств и необходимости их закрепления в уголовно-процессуальном законе в качестве самостоятельного вида доказательств. Большинство ученых придерживаются категоричной отрицательной позиции по данному вопросу. Однако есть и те, чье мнение полярно отличается. К примеру, Н. А. Зигура и А. В. Кудрявцева полагают, что компьютерная информация является самостоятельным видом доказательств [3, С. 12]. Мы же на данный момент согласны с тем, что нет необходимости закрепления электронных доказательств в качестве самостоятельного вида, поскольку сама сущность таких доказательств остается неизменной, и они могут являться любым из закрепленных видов доказательств. В данном случае электронное доказательство отличается лишь формой, что не позволяет сделать вывод о самостоятельности его правовой природы. При этом в силу постоянного развития современных технологий существует необходимость закрепления некоторых нюансов, касающихся порядка использования таких доказательств, в особенности порядка определения их достоверности.

Определение понятия «электронный документ» содержится в статье п.11.1 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Все чаще на практике встречаются доказательства, которые представлены в электронном (цифровом) формате, однако случаются ситуации, когда суд считает их противоречащими принципам допустимости и достоверности доказательств.

Вопрос определения подлинности электронных доказательств, а также сохранение такого доказательства в неизменном виде являются важными проблемами использования таких доказательств в уголовном судопроизводстве, поскольку в настоящее время на практике не составляет сложностей внести некие изменения в содержание документов и иных доказательств, представленных в электронном формате.

При исследовании достоверности таких видов доказательств необходимо исходить из общих правил, установленных уголовно-процессуальным законом. Однако статью 88 УПК РФ необходимо дополнить частью 5 со следующим содержанием: «В случае возникновения сомнения в достоверности доказательств, представленных в электронном формате, следователь, дознаватель, прокурор или судья вправе пригласить эксперта (специалиста) для установления факта достоверности доказательства. В случаях, когда не удается установить достоверность доказательств, представленных в электронном формате, такие доказательства могут быть признаны недопустимыми.»

Подводя итог проведенному исследованию, мы приходим к выводу о том, что уголовный процесс нуждается в модернизации в связи с развитием новых технологий. Специфика ряда современных преступлений вызывает необходимость использования информации в электронном виде. Однако в настоя-

щий момент в уголовно-процессуальном законе не закреплены правила работы с электронными видами доказательств и чаще всего на практике они приводятся в бумажный формат. Для решения данной проблемы необходим системный подход: внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство с привлечением IT-специалистов, которые разработают инструкции по поиску, извлечению и сохранению электронных документов в неизменном виде, чтобы такие документы соответствовали всем принципам оценки доказательств.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: по сост. на 12.07.2021 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: по сост. на 01.10.2021 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 – Ст. 3448.

3. Зигура Н.А, Кудрявцева А.В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России : монография. – М., 2011.

УДК 343.1

А. С. Крютченко

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы поддержания государственного обвинения в суде с присяжными заседателями на этапе формирования коллегии присяжных заседателей, по результатам исследования автором предложены пути их решения.

Ключевые слова: поддержание государственного обвинения в суде присяжных, формирование коллегии присяжных, прокурор, институт присяжных заседателей

A. S. Kryutchenko

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF MAINTAINING THE STATE PROSECUTION IN THE PROCESS OF FORMING A JURY

Abstract: The article discusses some problems of maintaining public prosecution in court with jurors at the stage of formation of the jury, according to the results of the study, the author suggests ways to solve them.

Keywords: support of public prosecution in a jury trial, formation of a jury panel, prosecutor, institute of jurors

Участие в отправлении правосудия – конституционное право граждан Российской Федерации.

Частью 5 статьи 32 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан на непосредственное участие в судопроизводстве в качестве профессионального судьи, присяжного или арбитражного заседателя.

Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» внесены существенные изменения в содержание и практику применения гл. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, вступивший в силу с 1 июня 2017 г., а многие его положения начали применяться с 1 июня 2018 г.

Спустя три года после введения вышеуказанных нормативных изменений прослеживается минимизация заявлен-

ных ожиданий, когда закон инициировался, речь шла о радикальном увеличении количества дел, рассматриваемых судом присяжных: назывались цифры в 5–15 тысяч в год [6].

Несмотря на уменьшение прогнозируемого количества дел с участием присяжных заседателей, указанная реформа столкнулась с иной проблемой, которая мешает активному распространению суда присяжных – отмена оправдательного приговора.

В прошлом году суды апелляционной инстанции отменили 62,1 % оправдательных приговоров, вынесенных с участием присяжных [5], статистика является следствием допущения значительного количества существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства со стороны участников судопроизводства.

Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей невозможно переоценить, поскольку от результатов отбора на данном этапе зависит сформированный состав коллегии, с которым государственному обвинителю предстоит осуществлять работу по поддержке обвинения.

Законом «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции Российской Федерации» определен круг лиц, которые не могут принимать участие в качестве присяжного: имеющие непогашенную или неснятую судимость; признанные судом недееспособными или ограниченными судом в дееспособности; достигшие 25 летнего возраста и иные.

Несмотря на то, что такие лица должны быть исключены из списков уже на стадии их формирования, они не могут быть исключены по объективным причинам – обстоятельства, исключающие участие в качестве присяжного, могли возникнуть после их составления, и субъективным – человеческий фактор (ошибки лиц, их составляющих), поэтому любой отбор начинается с постановки именно этих вопросов перед кандидатами.

Проверка и уточнение информации о кандидатах, которая может препятствовать включению в коллегию – необходимая процедура, упрощающая процесс судебного заседания (ч. 2, 3 ст. 326 УПК РФ). Получение дополнительной информации о кандидатах в присяжные заседатели происходит путём рассылки им анкет и направления электронных запросов о наличии (отсутствии) судимости на каждого кандидата в Информационный центр Управления Министерства внутренних дел соответствующего региона. Проведение такой работы не по силам секретарю судебного заседания и (или) помощнику судьи, поскольку в производстве районных (городских) судей одновременно находится несколько дел, требующих организационного сопровождения.

Указанный процесс является уязвимым местом процедуры формирования предварительных списков присяжных заседателей.

С учетом положений ст. 326 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предлагается включить обязанность направления сформированных списков прокурору с целью проверки обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела, которые прокурор способен использовать посредством системы электронного межведомственного взаимодействия с целью проверки обстоятельств, что не требует дополнительных усилий, временной нагрузки иных ведомств, а напротив, исключая такую возможность заблаговременного получения информации об имеющихся обстоятельствах, препятствующих участию кандидата, прокурор рискует не установить данные обстоятельства посредством допроса кандидата в присяжные заседатели, ставя под сомнение будущий вердикт коллегии присяжных.

Используя превентивные методы обнаружения незаконного формирования коллегии, с целью исключения дальнейшего злоупотребления правом стороны защиты (заявление о наличии судимости у присяжного заседателя, пребывающего в составе присяжных заседателей, после вынесения вердикта и т.д.) данный способ позволит сократить временной интервал отбора присяжных, психологическую нагрузку на государственного обвинителя в процессе отбора кандидатов, а также финансовые траты по рассылке почтовой корреспонденции о вызове лиц, изначально не подпадающих под критерии.

Зачастую кандидатами в присяжные заседатели не соблюдаются положения ч. 3 ст. 328 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по сообщению суду обстоятельств, препятствующих их участию в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела, что является распространенным основанием для обжалования сторонами приговоров в следствии наличия обстоятельств, способных повлиять на характер вынесенного вердикта, которые не были известны сторонам [1].

Проблема самостоятельного получения информации о наличии обстоятельств у кандидата в присяжные заседатели, препятствующих его включения в коллегию, затрагивалась отечественными учеными неоднократно.

В основном процессуалисты приходили к единому мнению о незаконности деятельности сторон по сбору данных о личности присяжных заседателей [4].

Необходимо отметить, что в Соединенных Штатах Америки сторонам не запрещено самостоятельно изучать личности кандидатов, осуществлять поиск информации о них. Кроме того, создаются коммерческие специализированные организации, занимающиеся данной деятельностью по поиску информации о присяжных заседателях, получая за это прибыль. С. А. Коломенская в своих трудах приводит пример, в соответствии с которым при рассмотрении одного из уголовных дел «сразу же после опубликования списка кандидатов в присяжные заседатели, включающего в себя 150 граждан, прокурор распорядился провести негласное расследование в отношении каждого из них» [2].

Вместе с тем российские ученые, как правило, сходятся во мнении о «нецелесообразности закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации соответствующего права сторон» [3].

Полномочия по проверке фактов, препятствующих участию гражданина в отправлении правосудия, обеспечат процессуальную, временную, финансовую экономию, предупреждая случаи апелляционного обжалования стороной защиты по окончании судебного разбирательства.

Предоставление данных полномочий, возможно, следует наделить лишь прокуратуру субъекта или Генеральную прокуратуру Российской Федерации с целью ограничения распространения информации о кандидате.

Таким образом, процедуру формирования коллегии присяжных заседателей нельзя назвать совершенной. Но, несмотря на это суд присяжных работает и оказывает развивающее воздействие на всю правовую систему страны, поднимая уровень досудебной деятельности и правосудия.

Список литературы:

1. *Агабаева А. В.* Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей : дисс. канд. юрид. наук. 12.00.09. – М.: 2015. – 225 с.4
2. *Коломенская С. А.* Формирование коллегии присяжных заседателей в уголовном процессе России и США / С. А. Коломенская. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 188 с.
3. *Тисен О. Н.* К проблеме о необходимости дополнительной проверки сведений о кандидатах в присяжные заседатели // Администратор суда. 2008. № 4. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»;
4. *Тисен О. Н.* Теоретические и практические проблемы формирования коллегии присяжных заседателей; Крюков В. Ф. Государственное обвинение на подготовительном этапе судебного заседания суда присяжных заседателей: теория и практика // Российский судья. М. Юрист, 2011, № 7;
5. Информационный портал «Институт проблем правоприменения», [Электронный ресурс], URL: https://enforce.spb.ru/images/Products/Other_Publications/spravka_sudy_2018_2020.pdf (дата обращения 09.11.2021);
6. «Это тупик, заложенный в законе» Завкафедрой юрфака МГУ объясняет почему – Meduza, [Электронный ресурс], URL: <http://meduza.io/feature/2018/12/28/eto-tupik-zalozhenny-v-zakone> (дата обращения 08.11.2021).

УДК 343.13

Д. Е. Лата

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры и аспирантуры
Россия, г. Саратов*

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. в статье рассматриваются сущностные аспекты отказа в возбуждении уголовного дела, который исследуется с точки зрения возможности существования данного института в уголовно-процессуальном праве. В статье также обращено внимание на значение отказа в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: отказ в возбуждении уголовного дела, стадия возбуждения уголовного дела.

D. E. Lata

*Saratov State Law Academy
Institute of Master's and Postgraduate Studies
Russia, Saratov*

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF THE REFUSAL TO INITIATE A CRIMINAL CASE

Abstract. the article examines the essential aspects of the refusal to initiate a criminal case, which is investigated from the point of view of the possibility of the existence of this institution in criminal procedure law. Attention is also drawn to the significance of the refusal to initiate a criminal case.

Keywords: refusal to initiate a criminal case, the stage of initiation of a criminal case.

Отказ в возбуждении уголовного дела – это, как правило, результат проверки информации о совершенном или готовящемся преступлении, поступившей в орган предварительного расследования. В современном уголовном процессе понятие «отказ в возбуждении уголовного дела» рассматривается как самостоятельный уголовно-процессуальный институт либо как часть правового института возбуждения уголовного дела, а также как процессуальный акт (решение) органа дознания или следователя, выраженное в форме постановления, в котором сформулирован отрицательный вывод о возможности возбуждения уголовного дела.

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела имеет важную процессуальную и социальную значимость, так как с момента его принятия прекращается деятельность правоохранительных органов по проверке сообщения о преступлении и не просто прекращается, а становится противозаконной, нарушающей конституционные права и свободы граждан. В то же время, необоснованный и не соответствующий закону отказ в возбуждении уголовного дела в той ситуации, когда наличествуют необходимые сведения, достаточные для возбуждения и указывающие на присутствие признаков преступления, «отрезает» дорогу органам и должностным лицам к дальнейшему изучению обстоятельств происшедшего, а в более глобальном масштабе – препятствует реализации задач уголовного преследования виновных лиц и назначения им справедливого наказания, одновременно препятствуя реализации права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда [6, с.16].

Таким образом, значение отказа в возбуждении уголовного дела выражается, во-первых, в правильном и своевременном реагировании органов предварительного расследования на поступившую к ним информацию о преступлении; во-вторых, в отказе от продолжения уголовно-процессуальной деятельности в связи с отсутствием признаков преступления или наличием обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу; в-третьих, предупредительная функция уголовного процесса, реализуемая при отказе в возбуждении уголовного дела, служит укреплению законности и воспитанию граждан в духе верховенства права и уважения к закону.

Необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела сегодня, по сути, является нарушением права заявителя на судо-

производство в разумный срок (ст. 6¹ УПК РФ). При этом отмена незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела не лишает компетентное должностное лицо права выносить такое решение повторно. По опубликованным данным, в подавляющем большинстве случаев в последующем вновь принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, и лишь по каждому десятому отмененному отказному материалу проводится расследование [8, с.22].

Сегодня приходится констатировать размывание чётких когда-то границ, отделяющих два процессуальных решения, в их принятии всё больше проявляется оценочность и субъективизм. Решения об отказе в возбуждении уголовного дела нередко выносятся на основании фактов, недостаточных для их принятия. Еще одна ошибка при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела связана с оценкой объёма данных, когда из виду упускаются важные признаки, влияющие на квалификацию, и поэтому преступления низводятся до административных правонарушений, а дела публичного обвинения – до дел частного обвинения [2, с.102]. Кроме того, органы и должностные лица порой неправильно определяют степень общественной опасности, когда деяние неоправданно признаётся малозначительным [1, с.29]. В связи с этим в литературе высказываются предложения об отмене института «отказных материалов», что, по мнению сторонников данной точки зрения, должно стать значимым фактором в «разбюрократизации» уголовного процесса, снижении его затратности и повышении эффективности, а также в обеспечении защиты прав человека, гарантированных ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации [4, с.4].

Как правило, данная проблема обсуждается в контексте дискуссии о ликвидации самой стадии возбуждения уголовного дела как рудимента и пережитка советского прошлого, но есть авторы, пишущие о необходимости исключить именно институт отказа в возбуждении уголовного дела, так как «путём отмены отказа в возбуждении уголовного дела исключается возможность нарушений со стороны правоохранителей при работе с обращениями граждан» [7]. Сторонники же сохранения в российском уголовном процессе института отказа в возбуждении уголовного дела отмечают, что такое решение налагает на лицо, его принявшее, даже большую ответственность, чем при возбуждении уголовного дела, поскольку для проверки и ликвидации последствий необоснованного вывода остается меньше возможностей, нежели в отношении постановления о возбуждении уголовного дела [3, с.24].

Представляется, что ликвидация отказа в возбуждении уголовного дела, как и ликвидация всей стадии возбуждения уголовного дела не изменит ситуацию с многочисленными нарушениями прав и законных интересов граждан на начальном этапе уголовного процесса. Более продуктивными нам видятся высказанные в литературе предложения, направленные на совершенствование рассматриваемого института: усиление дисциплины в учётно-регистрационной системе (установление специальных мер ответственности за сокрытие фактов совершения преступлений и невнесение их в систему регистрации, введение административных способов воздействия на должностных лиц, допускающих волокиту и бюрократизм) [9, с.90]. Кроме того, необходим пересмотр сложившейся системы взаимоотношений, при которой распорядительным воздействием «сверху» устанавливаются «нормативы» или «пределы» регистрируемых преступлений [5, с. 65], вплоть до квот на число в месяц или год.

Считаем также заслуживающим внимания предложение передать полномочия по составлению статических данных о количестве зарегистрированных преступлений, возбужденных уголовных дел и решений об отказе в возбуждении уголовных дел от органов внутренних дел и прокуратуры органам статистики [5, с. 66], освободив тем самым следственные органы их излишней бумажной работы.

Таким образом, для совершенствования правового регулирования и правоприменения в сфере возбуждения уголовного дела, как и в подавляющем большинстве правоотношений, необходим комплексный подход. Полагаем, что на современном этапе развития российского уголовного процесса необходимо более четкое регулирование внутриорганизационных отношений в органах внутренних дел, а также отношений между ними и органами прокуратуры, которое должно, в первую очередь, произойти за счет отмены массового подзаконного регулирова-

ния и ликвидации «палочной системы отчетности», в которой цифры ставятся выше прав лиц, привлечённых к участию в уголовном процессе.

Список литературы:

1. Афанасьев В., Чувилев А., Белозеров Ю. Незаконные отказы в возбуждении уголовных дел // Социалистическая законность. 1971. № 7. С. 28–31.
2. Гордеев А. Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном процессе России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2007. № 1. С. 100–103.
3. Гордеев А. Ю. Отказ в возбуждении уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
4. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3–5.
5. Кожокар В. В. Отказ в возбуждении уголовного дела: правовые мифы и реалии правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 63–66.
6. Петров А. В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 16–21.
7. Полиция может лишиться права отказывать в возбуждении уголовного дела по обращениям граждан // Право.ру: информационный портал [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.ru/news/view/78753> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Полов И. А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за предварительным следствием и меры по их разрешению // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 18–23.
9. Серова В. Е., Серова Е. Б. Способ нарушения учётно-регистрационной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов как элемент системы преступления и возможности его выявления прокурором // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VI Международ. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). Казань, 2017. С. 87–93.

УДК 349.2

Р. Д. Муртазаев

*Волгоградский Институт Управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Россия, Волгоград*

ОСНОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются проблемы, которые вызваны противоречиями, имеющимися в ст.ст.27, 125.1,133 УПК РФ в части регламентации оснований реабилитации при прекращении уголовного преследования.

Ключевые слова: реабилитация, права лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию или мерам процессуального принуждения, декриминализация.

R. D. Murtazaev

*Volgograd Institute of Management -
branch of The Presidential Academy
Russia, Volgograd*

FOUNDATIONS FOR REHABILITATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONTRADICTIONS AND WAYS TO ELIMINATE THEM

Abstract. The article analyzes the problems caused by the contradictions in Articles 27, 125.1, and 133 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the regulation of the grounds for rehabilitation upon termination of criminal prosecution.

Keywords: rehabilitation, rights of persons unlawfully subjected to criminal prosecution or measures of procedural coercion, decriminalization.

Понятие «реабилитация» определяется в п.34 ст.5 УПК РФ как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнуто уголовному преследованию, и воз-

мещения причиненного ему вреда. Согласно ч. 2 ст. 212 УПК РФ в случаях прекращения уголовного дела по основаниям п.1 и 2 части первой ст. 24 и п.1 части 1 ст. 27 УПК следователем или прокурор принимает предусмотренные главой 18 настоящего Кодекса меры по реабилитации лица. Исходя из смысла данной статьи и практики применения института реабилитации следует, что реабилитирующими основаниями прекращения дела являются только случаи прекращения дел за отсутствием события и состава преступления, а также непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, когда обвиняемый (подозреваемый) в итоге признается невиновным. Однако сравнение главы 29 УПК РФ «Прекращение уголовного дела» и 18 «Реабилитация» говорит об ином. В 18 главе реабилитирующими считаются и некоторые случаи правомерного привлечения к уголовной ответственности, хотя и окончательным прекращением уголовного преследования. Многие учёные неоднократно обращали внимание на данные противоречия [1, С.168].

В настоящей статье ставится цель обозначить несовершенство законодательства, содержащееся в ст.ст. 27, 133 и 125.1 УПК РФ, и попытаться предложить решение этой проблемы, используя наряду с общенаучными и сравнительно-правовой метод исследования. Стоит отметить, что указанные в п.1 ч.1 ст. 302 УПК случаи вынесения оправдательного приговора не противоречат сделанным выше выводам о существовании только трех собственно реабилитирующих оснований. В теории уголовного процесса это объясняется тем, что данные основания оправдания аналогичны названным в ч.2 ст. 212 УПК РФ. В свою очередь, дополнительное же основание – вердикт присяжных – можно считать более широким толкованием основания «отсутствия состава преступления», так как оно констатирует отсутствие в действиях подсудимого субъективной стороны состава преступления [2, С.780].

Прекращение дела в суде в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения в соответствии с п.2 ч.2 ст. 133 УПК также возможно только при наличии оснований, указанных в ч.2 ст. 212 УПК. Практически согласуются с этим подходом и основания возникновения права на реабилитацию, названные в п.п. 4 и 5 ч.2 ст. 133 УПК РФ.

Противоречия вышеназванной конструкции обнаруживаются в п. 3 ч.2 ст. 133 УПК РФ. Законодатель указал, что наряду с отсутствием события, состава и непричастностью обвиняемого, реабилитирующими следует признавать такие основания, как отсутствие заявления потерпевшего, отсутствие заключения суда по делам спецсубъектов (ст. 447 УПК РФ), а также ошибочное повторное возбуждение уголовного дела по одному и тому же преступлению, закончившееся прекращением дела судом, следователем или дознавателем.

Усугубляет данную ситуацию часть 4 ст. 133 УПК РФ, которая наоборот исключает из оснований возникновения права на реабилитацию не только случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии и истечения сроков давности, что представляется обоснованным, но и в случаях: а) недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность; б) в отношении несовершеннолетнего, который находился в момент совершения преступления в состоянии так называемой «ограниченной вменяемости» в) принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния (декриминализация).

Однако далее в УПК РФ сделана оговорка, появившаяся в 2015 году, что эти выводы не распространяются на случаи вынесения судом постановления, предусмотренного п.1 ч. 3 ст. 125.1 настоящего Кодекса. Данная норма не позволяет нам понять смысл этих исключений, поскольку говорит только о праве суда применить процедуру реабилитации в указанных трех случаях, не называя критериев для принятия того или иного решения. При этом обращение к ч.2 статьи 125.1 УПК РФ, к которой отсылает часть 3, не устраняет данное противоречие. Законодатель лишь предлагает судье при рассмотрении жалобы на постановление полномочных лиц о прекращении уголовного дела (преследования) по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 24 или ч. 3 ст. 27 УПК проверять не только законность данного решения, но и обоснованность привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и применения к нему мер процес-

суального принуждения, законность возбуждения уголовного дела путем исследования имеющихся в уголовном деле доказательствах, свидетельствующих о фактических обстоятельствах данного дела [3, с.72].

Эти положения не разъясняют, в каких из перечисленных выше случаях следует принимать решение о реабилитации, а в каких случаях – воздержаться от него. Некоторый ориентир, нам даёт Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 29.11.2011 года «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». В п. 5 названного постановления Пленума говорится, что, если уголовное дело было возбуждено, несмотря на наличие указанных выше обстоятельств, либо вред причинен вследствие продолжения уголовного преследования после установления таких обстоятельств, за исключением случаев продолжения уголовного преследования в связи с возражением лица против его прекращения по данным основаниям, лицо имеет право на возмещение вреда в порядке главы 18 УПК РФ [4, с.398].

Таким образом, можно сделать вывод: если следователю становится достоверно известно, что подозреваемый или обвиняемый не достиг возраста уголовной ответственности, или лицо «ограниченно вменяемо» или состав преступления декриминализован, но следователь (дознаватель) все равно возбуждает дело, применяет меры процессуального принуждения, выносит постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или признает лицо подозреваемым одним из четырех способов, указанных в статье 46 УПК РФ, то лицо в связи с прекращением производства получает право на реабилитацию. Подобная конструкция не только лишена каких-либо четких критериев, но и вступает в противоречие со смыслом реабилитации.

Из части 2 ст. 24 и ч. 3 ст. 27 УПК РФ следует, что и в случае декриминализации деяния и при недостаточности возраста уголовной ответственности и при «ограниченной вменяемости» несовершеннолетнего обвиняемого, уголовное преследование подлежит прекращению за отсутствием состава преступления. Отсутствие состава преступления является безусловно реабилитирующим основанием в силу ч. 2 ст. 212 УПК РФ и согласно ч. 1 ст. 133 Кодекса влечет возмещение государством вреда в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Однако ч. 4 ст. 133 УПК РФ не признаёт вышеназванные основания реабилитирующими [5, с.20].

При таких обстоятельствах, по моему мнению, часть 4 ст. 133, а также неразрывно с ней связанная ст. 125.1 УПК РФ подлежат исключению из уголовно-процессуального закона. В процессе предлагаемых изменений следует также устранить небрежность законодателя, допустившего противоречие между п. 2 ч.1 ст. 27 и п. 4 ч. 2 ст. 133 процессуального Закона, поскольку п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК отсылает нас ко всем шести основаниям прекращения уголовного дела, предусмотренным ч. 1 ст. 24 Кодекса, что позволяет считать реабилитирующими такие основания как смерть подозреваемого или обвиняемого или истечение сроков давности уголовного преследования, а это противоречит здравому смыслу и теории уголовного процесса.

Устранение вышеперечисленных противоречий в законе позволят лицу получать право на реабилитацию, включая возмещение вреда, только при прекращении дела (оправдании) по собственно реабилитирующим основаниям, какими являются отсутствие события, состава преступления и непричастности лица к преступлению. Причём необходимо указать, что реабилитирующее основание отсутствия состава преступления включает в себя декриминализацию деяния, недостаточность возраста уголовной ответственности и «ограниченную вменяемость» несовершеннолетнего обвиняемого. В иных случаях следует говорить не о реабилитации, а только о праве на возмещение вреда. При таких подходах уголовно-процессуальное значение понятия реабилитации будет находиться в точном согласовании с теоретическими положениями уголовно-процессуальной науки.

Список литературы

1. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ВИТРЭМ, 2016. С. 168–169.

2. Головки Л. В. Прекращение уголовного дела. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. М.: Статут, 2017. С. 779–783

3. Тогулев В. М. К вопросу об основаниях реабилитации при прекращении уголовного преследования // Юридическая наука. 2015. № 9. С. 71–77

4. Лебедев В. М. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2014. С. 396–407.

5. Коршунов А. В. Неустраненные проблемы реабилитации в уголовном процессе // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2015. № 4. С. 18–23

УДК 343

И. С. Ноздрин

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт аспирантуры
Россия, Саратов*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В КАЧЕСТВЕ ДОЗВОЛЕНИЯ КАК СПОСОБА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ)

Аннотация. В представленной статье рассматривается реализация принципа диспозитивности в уголовном процессе в качестве дозволения как способа правового регулирования уголовно-процессуальных отношений на примере частного обвинения. Автором проанализированы некоторые особенности возбуждения и прекращения уголовного дела частного обвинения, в которых проявляются признаки диспозитивности.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, принцип диспозитивности, дозволение, способ правового регулирования, выбор альтернатив поведения, частное обвинение.

I. S. Nozdryn

*Saratov State Law Academy
Institute of Postgraduate Studies
Russia, Saratov*

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A PERMISSION AS A WAY OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS

Abstract. The article considers the implementation of the principle of dispositivity in criminal proceedings as a permission as a way of legal regulation of criminal procedural relations on the example of a private prosecution. The author analyzes some features of the initiation and termination of a criminal case of private prosecution, in which signs of dispositivity are manifested.

Keywords: principles of criminal procedure, the principle of dispositivity, permission, method of legal regulation, choice of alternatives to behavior, private prosecution.

Согласно статье 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Реализация данного положения возможна не только при строгом соблюдении публичных начал уголовного процесса. Важную роль в этом играет предоставление личности определенной сферы самостоятельности в решение вопроса о распоряжении своими материальными и процессуальными правами.

Сочетание принципов публичности и диспозитивности позволяет построить такую модель уголовного судопроизводства при которой можно в наибольшей степени обеспечить защиту прав и интересов личности, находящейся в области уголовно-процессуальной деятельности.

Представляется, что наиболее точное и отражающее все свойства понятие диспозитивности дал в своей работе Дикарев И. С. Под диспозитивностью он понимает принцип уголовно-

го судопроизводства, в силу которого его участники, отстаивающие в деле свой личный, защищаемый или представляемый интерес, а также иные заинтересованные лица имеют возможность распоряжаться предметом уголовного процесса (обвинением) или спорным материальным правом при производстве по гражданскому иску в уголовном деле, а также распоряжаться в целях защиты отстаиваемых интересов процессуальными правами, реализация которых оказывает значительное влияние на производство по уголовному делу [1, с. 8].

Следует отметить, что принцип диспозитивности действует на протяжении всего производства по уголовному делу. Он имеет место быть и на этапе возбуждения уголовного дела, и при производстве отдельных следственных действий, в рамках судебного разбирательства и в суде второй инстанции. Так, постановление мирового судьи о прекращении уголовного дела может быть отменено судом апелляционной инстанции с вынесением обвинительного приговора по жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их представителей на необоснованность, несправедливость или незаконность судебного решения мирового судьи [2, с. 18].

Безусловно, объем диспозитивных элементов напрямую зависит от формы уголовного преследования и стадии производства по уголовному делу. Без сомнений можно считать, что в наибольшем объеме нормы-дозволения находят свою реализацию именно в производстве по делам частного обвинения. В этой форме субъектами диспозитивности выступают частные лица, отстаивающие свой личный интерес, а также их представители и законные представители. Уголовно-процессуальное законодательство наделяет этих участников широким перечнем полномочий, позволяющих им определять способы и содержание своей процессуальной деятельности.

В порядке частного обвинения потерпевший обладает ключевым диспозитивным правом – правом на возбуждение уголовного дела частного обвинения посредством подачи соответствующего заявления мировому судье. Кроме того, за ним закреплено право и на прекращение уголовного дела посредством примирения с обвиняемым, а также отказа от обвинения. Все эти полномочия свидетельствуют о высокой роли диспозитивности в вопросах частного обвинения.

При этом следует помнить о пределах для реализации потерпевшим своих полномочий по делам частного обвинения. Они ограничиваются исчерпывающим перечнем составов преступлений, по которым уголовное преследование осуществляется в порядке частного обвинения. К ним относятся всего три вида преступлений: умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, и клевета.

В связи с этим ограничением некоторые авторы предлагают расширить пределы диспозитивности по делам частного обвинения. К примеру, Сангаджиева Г. В. считает, что к ним можно отнести такие преступления, как понуждение к действиям сексуального характера, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, нарушение неприкосновенности частной жизни и нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений [3, с. 234]. Это предложение можно считать обоснованным, поскольку частный интерес в вышеперечисленных случаях явно выступает приоритетнее публичного. Также потерпевший далеко не всегда желает наступление каких-либо публичных последствий, касающихся неправомерных действий, совершенных в его отношении.

Также определенные дискуссии возникают относительно такого диспозитивного института, как примирение сторон. Шамардин А. А., к примеру, указывает на недостаточность законодательного оформления положений о примирении. Он считает, что следует более четко отразить в законе условия и порядок примирения как основания прекращения уголовного дела [4, с. 9].

В заключении следует сказать, что принцип диспозитивности определенно точно играет существенную роль в уголовном процессе. Особенное значение он приобретает при производстве дел частного обвинения. Однако стоит учитывать, что диспозитивность имеет ценность лишь тогда, когда позволяет более эффективно (по сравнению с публичным порядком) решать задачи уголовного судопроизводства [5, с. 78].

Список литературы:

1. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 8.
2. Францифоров Ю.В., Пронин К.В. Апелляционное обжалование судебных решений не вступивших в законную силу // Российский судья. 2008. № 12. С 19–21.
3. Сангаджиева Г.В. Диспозитивность в уголовном процессе // Общество и право. 2010. № 2 (29). С 232–236.
4. Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 2001. С. 9.
5. Дикарев И.С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6 (138). С. 73–78.

УДК 343.1

А. Н. Перезукаева

*Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста РФ)
Россия, Махачкала*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Показания свидетелей представляют собой такой вид доказательств, без которых не обходится практически ни одно уголовное дело. В данной статье рассмотрены некоторые вопросы дистанционного допроса свидетелей через систему видеоконференцсвязи в ходе досудебного разбирательства и исследована сущность законопроекта, находящегося на стадии рассмотрения в Государственной Думе РФ, который предусматривает введение статьи 189.1 «Особенности допроса свидетеля посредством видеоконференц-связи» в действующий УПК РФ. Приведены мнения различных ученых и практиков относительно целесообразности данной вводимой нормы.

Ключевые слова: дистанционный допрос; видеоконференцсвязь; показания свидетелей; следователь; стадия предварительного расследования; электронное судопроизводство.

A. N. Perezukayeva

*North Caucasus Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
Russia, Makhachkala*

SOME ASPECTS OF CONDUCTING REMOTE INTERROGATION OF WITNESSES AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract: The testimony of witnesses is a type of evidence, without which almost no criminal case can do. This article discusses some issues of remote interrogation of witnesses through a videoconference system during pre-trial proceedings and examines the essence of the draft law under consideration in the State Duma of the Russian Federation, which provides for the introduction of Article 189.1 "Features of interrogation of a witness by videoconference" in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The opinions of various scientists and practitioners regarding the expediency of this introduced norm are given.

Keywords: remote interrogation; video conferencing; witness testimony; investigator; preliminary investigation stage; electronic court proceedings.

Еще недавно цифровые технологии использовались исключительно в вычислительной цифровой электронике и в различных сферах электротехники, таких как робототехника, автоматизация, радио- и телекоммуникационные устройства. Но теперь цифровые технологии начали уверенно проникать во

все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства.

Достаточно активно начали исследоваться проблемные вопросы, касающиеся использования систем видео-конференц-связи при допросе.

Так, Федеральным законом от 20.03.2011 № 39-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены изменения, а именно была введена статья 278¹, которая предусматривает возможность дистанционного допроса как потерпевшего, так и свидетеля.

И несмотря на то, что дискуссии относительно новшеств российского уголовного судопроизводства не утихают, судебная практика показывает, насколько возможность допроса свидетеля и потерпевшего судом путем использования систем видео-конференц-связи эффективна, ведь ее преимущества отражаются в статистических показателях о деятельности судов общей юрисдикции. По официальным данным, в судах общей юрисдикции ежегодно проводится более 800 сеансов связи более чем в 160 000 судебных процессах в год.

Именно поэтому нам кажется целесообразным расширить сферу использования информационно-коммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве. В последние годы актуальным среди теоретиков и самих правоприменителей является вопрос об использовании систем видео-конференц-связи не только непосредственно на стадии судебного разбирательства, но и на стадии предварительного расследования.

С учетом этой позиции, 5 апреля 2018 года в Государственную Думу РФ сенатором А. В. Кутеповым был представлен законопроект № 434998-7, которым предполагается дополнить главу 26 действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующую в том числе и порядок осуществления следователем допроса, статьей 189.1 «Особенности допроса свидетеля посредством видео-конференц-связи» [1].

На основании текста вышеизложенного закона следователь имеет право на удаленный допрос свидетеля посредством видеоконференции, если не представляется возможным личное участие последнего в возбуждении уголовного дела. Основанием для проведения такого допроса является постановление следователя, в ходе которого дело направлено в следственный орган или следственный орган по месту нахождения допрашиваемого свидетеля. На основании этого поручения следственный орган или следственный орган по месту нахождения допрашиваемого свидетеля обязан организовать допрос свидетеля посредством видеоконференции. В редакции предлагаемой статьи указано, что такой допрос будет проводиться по общим правилам, установленным ст. 189, 191 УПК РФ, но с учетом следующих особенностей:

1) перед началом допроса орган следствия или дознания по месту нахождения свидетеля удостоверяет личность свидетеля, а следователь, в производстве которого находится уголовное дело, производит допрос свидетеля;

2) протокол допроса посредством видео-конференц-связи составляется и оглашается с соблюдением всех требований действующего УПК должностным лицом следственного органа или органа дознания по месту нахождения допрашиваемого лица.

3) следователь, в производстве которого находится уголовное дело, получив протокол допроса свидетеля посредством видео-конференц-связи, подписывает его.

В целом рассматриваемый законопроект был оценен положительно Правительством РФ, но в ходе рассмотрения был сделан вывод, что принятие предлагаемого законопроекта на данный момент невозможно из-за некоторых недочетов, а именно:

1) указано на целесообразность распространения использования видео-конференцсвязи в отношении и других участников уголовного судопроизводства – потерпевшего, эксперта, специалиста, подозреваемого и обвиняемого;

2) обращается внимание на то, что проектной статьей 189¹ УПК не предусмотрены обстоятельства, при которых производство допроса посредством видеоконференц-связи не допускается (в частности в случае возможности разглашения государственной тайны либо данных о лице, в отношении которого применены меры безопасности).

3) сделан вывод, что принятие предлагаемого закона повлечет существенное увеличение нагрузки на следователей и дознавателей и потребует дополнительных средств из бюджета на обеспечение видеоконференцсвязи.

На наш взгляд, рекомендации Правительства РФ в целом обоснованы и подлежат учету при дальнейшем рассмотрении и совершенствовании законопроекта, но касаются затрат из бюджета на обеспечение видеоконференцсвязи аргументация представляется недостаточно обоснованной, поскольку по результатам внедрения дистанционных технологий в судебную стадию уголовного процесса Верховный Суд Российской Федерации отметил существенный экономический эффект: снижение затрат и уменьшение процессуальных издержек на проезд свидетелей и родственников осужденных для участия в судебном заседании [2].

Считаем уместным отметить, что инициатор этого законопроекта-Кутепов, взялся за некую работу по устранению тех же недостатков и в связи с новым проектом этого закона 08.10.2020 отозвал свое старое предложение из Госдумы.

Таким образом, на наш взгляд, это нововведение является необходимым, актуальным и разумным в нынешней реальности.

Во-первых, законопроект направлен на реализацию принципа осуществления правосудия в разумные сроки, так как существует достаточное количество ситуаций, когда свидетель, который явился свидетелем преступления, в определенных обстоятельствах он покинул свое место жительства или изначально находится в отдаленной местности от органа следствия и явка на допрос к следователю довольно трудно, и будет служить причиной затягивания рассмотрения уголовного дела. Более того, отъезд самого следователя к месту, где находится свидетель, часто сопряжен со значительными временными и материальными затратами. При этом не стоит забывать, что следователь имеет в производстве не одно уголовное дело, а выезд следователя на допрос одного свидетеля также задержит время расследования других уголовных дел [3].

Во-вторых, ч. 1 ст. 152 УПК РФ, наделяющая следователя правом поручить производство конкретного следственного действия другому следователю. Наличие этой статьи опровергает необходимость внесения в уголовное законодательство рассматриваемых дополнений, однако невозможно не согласиться с тем, что для проведения качественного допроса следователю необходимо досконально знать все сведения, содержащиеся в материалах дела, и обстоятельства расследуемого преступления.

В-третьих, предлагаемая норма будет удобна и для самих опрашиваемых лиц. Возможность проведения допроса по месту нахождения исключит для свидетелей непредвиденные временные и материальные затраты.

В заключение хотелось бы сказать, что если российский законодатель в принципе допускает возможность дистанционного допроса на важнейшем этапе уголовного процесса- на этапе предварительного расследования уголовного процесса, то, на наш взгляд, разумным и последовательным следствием будет расширение сферы использования систем видеоконференций на других этапах уголовного дела.

Таким образом, мы считаем, что вектор изменений российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство допроса свидетелей на стадии предварительного расследования, должен быть направлен на максимально эффективное использование современных цифровых технологий.

Список литературы:

1. Законопроект № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] /Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1(47). С. 3–4.
3. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видеоконференцсвязи: завтрашний день российского предварительного расследования / С.А. Новиков // Российский следователь. – 2014. – № 1.

УДК 343.1

Е. А. Постоева

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Международно – правовой факультет
Россия, Москва*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УДАЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования современных удаленных технологий (телефонная конференция и видеоконференцсвязь) при осуществлении международного сотрудничества по уголовным делам. Анализируются международные источники и национальное законодательство России и Великобритании. Предлагаются возможные варианты по совершенствованию использования удаленных технологий в России.

Ключевые слова: удаленные технологии, видеоконференция, телефонная конференция, взаимная правовая помощь, международное сотрудничество.

E. A. Postoeva

*Moscow State Institute of International Relations
International Law School
Russia, Moscow*

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE USE OF REMOTE TECHNOLOGIES IN INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL MATTERS ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND THE UK

Abstract. The article discusses the use of modern remote technologies (telephone conference and video conference) in the implementation of international cooperation in criminal matters. International sources and national legislation of Russia and Great Britain are analyzed. Possible options for improving the use of remote technologies in Russia are proposed.

Keywords: remote technologies, video conference, telephone conference, mutual legal assistance, international cooperation.

Использование таких удаленных технологий, как видеоконференция и телефонная конференция становятся особо актуальным в настоящее время, во-первых, потому что государства вовлечены в борьбу с трансграничными преступлениями, что требует осуществления активной взаимной правовой помощи по уголовным делам, в том числе с использованием удаленных технологий (например, проведение допроса свидетеля, находящегося в другой стране и не имеющего возможности прибыть в страну, проводящую расследование), во-вторых, удаленные технологии стали неотъемлемой частью жизни в последние два года из – за пандемии COVID – 19. До подписания Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам [1] (далее – Протокол) Россия использовала удаленные технологии и при этом опиралась на национальное законодательство и ряд универсальных международных договоров, таких как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенция ООН против коррупции.

Протокол вступил в силу в Российской Федерации 01.01.2020 г. В нем содержатся две важные нормы, касающиеся использования удаленных технологий. Статья 9 направлена на регулирование вопросов осуществления допроса с использованием видеоконференцсвязи, а статья 10 регламентирует допрос посредством телефонной конференции. Примечательно, что Россия приняла данный протокол без каких – либо оговорок в отношении этих статей, но сделала заявление, касающееся того, что помимо свидетелей допрос может быть проведен и в отношении потерпевшего [2]. Данное положение является разумным и направлено на облегчение положения

потерпевшего, находящегося в другом государстве для того, чтобы он мог дать показания с использованием видеосвязи или телефона.

В соответствии с национальным законодательством России вопросы использования удаленных технологий регулируются уголовно – процессуальным кодексом (далее – УПК РФ). Необходимо обратить внимание на то, что в рамках досудебного производства в России отсутствуют нормы об использовании удаленных технологий (хотя в УПК при проведении следственных действий могут быть использованы технические средства (ст. 164, 166, 189 УПК РФ – допускается использование видеозаписи, киносъемки и пр., которые потом, на основании ст. 457 УПК РФ, могут быть использованы прокурором и следователем при исполнении иностранных запросов), однако, четкая регламентация, позволяющая правоохранительным органам делать запросы в иностранные государства, в УПК РФ пока отсутствует). На стадии судебного разбирательства, наоборот, возможно использование таких технологий. Во – первых, это ч. 4 ст. 240 УПК РФ, в которой говорится о том, что свидетель и потерпевший могут быть допрошены в суде с использованием видеоконференцсвязи (данное положение полностью согласуется с Протоколом и заявлением к нему, хотя норма в УПК РФ появилась раньше, чем вступил в силу Протокол). Во – вторых, ст. 278.1 УПК РФ, устанавливающая особенности допроса свидетеля с использованием видеоконференцсвязи. Стоит отметить, что статья говорит об особенностях проведения допроса, однако, в норме четко указано, что такой допрос должен быть проведен в соответствии с общими правилами. Единственное, на что обращает внимание законодатель, так это то, что использование удаленных технологий является правом суда, а не его обязанностью. Кроме того, суд по месту нахождения свидетеля должен технически организовать проведение допроса с использованием удаленных технологий. Стоит отметить, что пробелы в законодательстве об использовании удаленных технологий в рамках досудебного производства ведут к тому, что российские правоохранительные органы просто не пользуются функцией направления запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам, в которых содержится просьба о проведении тех или иных процессуальных действий с использованием видеоконференцсвязи, так как это просто не предусмотрено в УПК РФ (за исключением случаев, когда выполняются запросы о правовой помощи, полученные от компетентных иностранных органов) [3].

Другой подход к использованию удаленных технологий в рамках взаимной правовой помощи по уголовным делам демонстрирует Великобритания. В Великобритании Протокол вступил в силу еще 01.10. 2010 г. с оговоркой к статье 9 Протокола, которая гласит о том, что видеоконференцсвязь не может быть использована в том случае, когда речь идет о допросе свидетеля, который обвиняется или подозревается в совершении преступления [3, С. 90]. Такая оговорка призвана защитить права лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, на возможность лично донести свою точку зрения суду. В большинстве случаев использование удаленных технологий применяется для судебного разбирательства, но возможно его применение и на досудебной стадии. По сравнению с российским законодательством в Великобритании существует множество законов и положений, регламентирующих использование удаленных технологий. Обратимся к главе 3 Закона о преступности (Международном сотрудничестве) 2003 г. [4]. Поскольку данный закон был принят еще в 2003 г., в нем нет упоминания об использовании видеоконференцсвязи. Однако в законе говорится о слушании свидетелей за рубежом по телевизионным каналам (ст. 29 и 30) и о слушании свидетелей с использованием телефонной связи (ст. 31). Кроме этого, в Приложении 2 к Закону четко прописаны вопросы обеспечения присутствия свидетелей, их привилегии, проведение слушания, оформление протокола и ряд других важных технических вопросов. При этом, выход Великобритании из Европейского союза никак не повлиял на оказание взаимной правовой помощи с использованием удаленных технологий, о чем говорит Закон о Европейском Союзе (Будущие отношения) 2020 г. [5]. В данном законе нет ни одного изменения, направленного на прекращение сотрудничества

с государствами – членами ЕС в области использования видеоконференцсвязи и телефонной конференции. Кроме этого, Закон о преступности (Международное сотрудничество) 2003 г. предусматривает, что свидетель не может быть принужден давать какие-либо показания, которые он не мог бы дать в ходе уголовного разбирательства в той части Соединенного Королевства, в которой назначенный суд осуществляет юрисдикцию. Более того, свидетеля нельзя заставить давать какие-либо показания, если это нанесло бы ущерб безопасности Великобритании.

Поскольку Закон о преступности (Международном сотрудничестве) 2003 г. был принят достаточно давно, потребовалось внесение некоторых изменений, что привело к принятию Положения об уголовном правосудии (Европейский следственный ордер) 2017 г. [6] (далее – Положение). Часть 1 Приложения 6 Положения регулирует вопросы слушания лица по видеосвязи, а часть 2 слушание лица с использованием телефонной конференции. При этом применяются следующие правила слушания свидетелей: 1) слушание происходит в присутствии назначенного суда в Великобритании; 2) под надзором суда соответствующего государства; 3) в соответствии с законами этого государства; 4) применяются любые меры по защите этого лица, согласованные между государствами.

Таким образом, при анализе законодательства России и Великобритании можно сделать вывод о том, что обе страны подписали и ратифицировали Протокол, позволяющий осуществлять сотрудничество с использованием удаленных технологий. Однако главным различием между данными странами является национальное регулирование, касающееся взаимной правовой помощи. Великобритания в законах и положениях довольно скрупулезно предусматривает использование видеоконференцсвязи и телефонной конференции, регулирование вопросов начинается от уведомления и установления личности свидетеля и заканчивается оформлением протоколов слушания. Кроме этого, Великобритания открыта к сотрудничеству в рамках досудебного производства по делу. Российская Федерация имеет всего лишь несколько статей в УПК РФ, касающихся видеоконференцсвязи. Данные нормы полностью охватывают сотрудничество в рамках судебного разбирательства, а на досудебном производстве возникают некоторые пробелы. Некоторые следственные действия можно проводить с использованием удаленных технологий, и потом прокурор может предоставить документы в иностранные органы, однако, нет прямого закрепления возможности обращения российских правоохранительных органов с запросами в другие государства. С учетом изложенного представляется, что необходимо закрепить в главе 53 УПК РФ четкую возможность российских правоохранительных органов направлять запросы об оказании правовой помощи в иностранные государства, в которых будут содержаться просьбы о проведении следственных действий с использованием видеоконференцсвязи и других удаленных технологий.

Список литературы:

1. Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters. 08.11.2001. – URL: <https://rm.coe.int/168008155e> (дата обращения: 30.10.2021).
2. Reservations and Declarations for Treaty No.182 – Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters. – URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=declarations-by-treaty&numSte=182&codeNature=0> (дата обращения: 31.10.2021).
3. European Committee on crime problems. Questionnaire on legal and technical aspects of the use of video conferences in mutual legal assistance in criminal matters. – URL: [https://rm.coe.int/ref/PC-OC\(2012\)01-rev3](https://rm.coe.int/ref/PC-OC(2012)01-rev3) (дата обращения: 31.10.2021).
4. Crime (International Co-operation) Act 2003. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/32/contents> (дата обращения: 29.10.2021).
5. European Union (Future Relationship) Act 2020. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/29/contents> (дата обращения: 31.10.2021).
6. The Criminal Justice (European Investigation Order) Regulations 2017. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2017/730/contents/made> (дата обращения: 31.10.2021).

Р. Р. Салихов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Факультет права
Россия, Москва*

**ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
НА ЗАЩИТУ И КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ
ПОМОЩЬ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДИСТАНЦИОННОГО
ДОПРОСА КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ ИНОСТРАННОГО
ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. В статье описана проблема реализации права на защиту и квалифицированную юридическую помощь при проведении дистанционного допроса компетентными органами иностранного государства, а также предложены различные меры по её решению.

Ключевые слова: право на защиту, дистанционный допрос, допрос в сфере международного сотрудничества, дистанционные следственные действия, международное сотрудничество в уголовном процессе, право на квалифицированную юридическую помощь.

R. R. Salikhov

*Higher School of Economics
Faculty of Law
Russia, Moscow*

**THE PROBLEM OF REALIZATION OF THE RIGHT
TO PROTECTION AND THE RIGHT TO QUALIFIED LEGAL
ASSISTANCE IN A DISTANCE INTERROGATION BY
AUTHORITIES OF FOREIGN GOVERNMENT**

Abstract. In this article the problem of realization of the right to protection and the right to qualified legal assistance in a distance interrogation by authorities of foreign government was described and different approaches to solve this problem were offered.

Keywords: the right to protection, distance interrogation, interrogation in the sphere of international collaboration, distance investigative actions, international collaboration in criminal proceedings, the right to qualified legal assistance.

Дистанционный допрос является одним из актуальных нововведений в уголовном процессе: он уже более десяти лет применяется на стадии судебного разбирательства [1]. Что касается проведения дистанционного допроса на стадии предварительного расследования, то законопроект о введении такой формы следственного действия уже рассматривается в Государственной Думе, а Правительство Российской Федерации уже направило положительный отзыв на этот законопроект [2].

Доктрина в целом одобряет проведение дистанционных допросов органами предварительного расследования: её называют «оптимальным правовым механизмом преодоления затруднений в досудебном расследовании и излишних процессуальных затрат» [3], предлагается использовать эту технологию и в рамках международного сотрудничества по уголовным делам [4, с. 120].

В целом проблематика дистанционного допроса, в том числе в сфере международного сотрудничества в уголовном процессе, достаточно хорошо изучается в доктрине, имеются связанные с этой темой работы В. С. Акимова, Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилковой, Е. Г. Кравца, А. Н. Мартынова, О. В. Овчинниковой, Н. В. Шувалова и других учёных. В то же время остаётся фактически не изученной проблема реализации права на защиту и права на квалифицированную юридическую помощь у допрашиваемого лица при его дистанционном допросе компетентными органами иностранного государства.

Право на защиту (для подозреваемых и обвиняемых) и право на квалифицированную юридическую помощь (для свидетелей и потерпевших) закрепляется в Конституции Российской Федерации [5, ст. 48]; право на защиту у лиц, привле-

каемых к уголовной ответственности, признаётся на международном уровне, в том числе Всеобщей декларацией прав человека [6, ст. 11] и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [7, ст. 6].

Сложность в реализации права на квалифицированную юридическую помощь и права на защиту обусловлена тем, что в случае с дистанционным допросом допрашиваемое лицо (будь то подозреваемый или обвиняемый, потерпевший или свидетель, или иной участник уголовного процесса, имеющий право на квалифицированную юридическую помощь) допрашивается непосредственно представителями компетентных органов государства, проводящего расследование по уголовному делу и направившего запрос о правовой помощи; как правило, это означает, что такой допрос должен проводиться в соответствии с национальным уголовно-процессуальным законодательством государства, компетентные органы которого проводят допрос. При этом, поскольку лицо находится не на территории этого государства, для него обеспечение своего права на защиту или квалифицированную юридическую помощь будет затруднительно, так как на территории государства, в котором лицо находится, обычно тяжело найти юриста, компетентного в праве государства, проводящего допрос, а услуги такого юриста из-за этого могут стоить дороже, чем на территории государства, проводящего допрос.

Решение этой проблемы возможно в рамках организационных мер, подлежащих фиксации в соглашении о правовой помощи или в ином международном договоре, регламентирующей межгосударственное сотрудничество в проведении дистанционного допроса.

Эти меры могут включать в себя: информационное содействие допрашиваемому в поиске лица, оказывающего квалифицированную юридическую помощь по праву запрашивающей стороны, со стороны запрашивающего государства или запрашиваемого государства; полную или частичную компенсацию допрашиваемому лицу расходов на оказание квалифицированной юридической помощи при наличии необходимости. Список не является исчерпывающим.

Кроме того, следует закрепить за допрашиваемым лицом право на прибытие в государство, компетентные органы которого ведут производство по уголовному делу, для прохождения допроса. При этом в соответствии с международным договором или национальным законодательством государств возможно полное или частичное возмещение расходов, связанных с явкой на допрос.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Российская газета». – № 63 – 25.03.2011.
2. СОЗД ГАС «Законотворчество» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 12.11.2021).
3. Голованова Н. А., Гравина А. А., Зайцев О. А. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: Монография // СПС «КонсультантПлюс»
4. Антонович Е. К. К вопросу о международной правосубъектности и уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // «Актуальные проблемы российского права». – 2020. – Т. 15. – № 6 (115). – С. 112–124.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 04.07.2020. – № 0001202007040001.
6. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // «Российская газета». – 10.12.1998.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в городе Риме 4 ноября 1950 года) // «Бюллетень международных договоров». – 2001. – № 3.

А. О. Северцева

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Международно-правовой институт
Россия, Москва*

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы применения систем видео-конференц связи, правовые основы, а также тенденции развития института цифровых технологий, применяемых в уголовном судопроизводстве в условиях пандемии COVID-19. Автор проводит сравнительный анализ применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве за рубежом.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация, пандемия COVID-19, видео-конференц связь, судебное разбирательство.

A. O. Severtseva

*Moscow State Law University
International Law Institute
Russia, Moscow*

FEATURES OF THE TRIAL USING VIDEO CONFERENCING IN THE CONTEXT OF THE SPREAD OF A NEW CORONAVIRUS INFECTION

Abstract. The article discusses some issues of the use of video conferencing systems, legal foundations, as well as trends in the development of the institute of digital technologies used in criminal proceedings in the context of the Covid-19 pandemic. The author conducts a comparative analysis of the use of digital technologies in criminal proceedings abroad.

Keywords: criminal procedure, digitalization, Covid-19 pandemic, videoconferencing, trial.

В условиях пандемии COVID-19 потребовалось немало усилий и средств, не только медицинских, но и правовых, для того, чтобы адаптироваться к новым реалиям, упорядочить жизнь и приспособиться к постоянно меняющейся эпидемиологической ситуации. В связи с этим использование видео-конференц связи в уголовном судопроизводстве приобрело новое значение. Особый интерес представляет вопрос об эффективности применения «онлайн-процесса» и возможности его использования в качестве альтернативы очному судебному заседанию.

В первую очередь, стоит отметить, что элементы цифровизации уже активно восприняты различными отраслями права. Как справедливо отмечает И.И. Шереметьев, в условиях все большего внедрения цифровых технологий процесс всеобщей цифровизации не мог не затронуть такую важную сферу государственной деятельности, как осуществление правосудия» [1]. Л.В. Головкин, рассуждая на тему об эффективности внедрения цифровых технологий, отмечает, что прорывные достижения в науке и технике не повлекли возникновения «космического уголовного процесса» или «лунной подследственности». Действительно, вопрос о внедрении цифровых технологий в уголовное судопроизводство носит ограниченный характер ввиду специфики уголовно – процессуальных норм и правоотношений, и требует особого тщательного подхода.

Стоит отметить, что уже несколько лет внедряются и используются различные варианты перехода в цифровую реальность, как например, подача ходатайств, заявлений, жалоб, представлений в форме электронного документа (ст. 42, ст. 313 УПК РФ), электронное оповещение участников процесса, аудио- и видео фиксация хода судебного разбирательства (ст. 259 УПК РФ). Особое внимание приобретает видео-конференц связь (далее – ВКС), поскольку именно этот вид техно-

логий отвечает за передачу аудиовизуальной информации, позволяя субъектам, находящимся на значительном расстоянии, обмениваться информацией в режиме реального времени. В УПК РФ содержится возможность применения ВКС:

– ч. 4 ст. 240 УПК РФ разрешает допрос потерпевшего или свидетеля с помощью ВКС. Однако, отсутствует её легальное определение;

– ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ устанавливает обязанность подсудимого присутствовать на судебном заседании непосредственно, но имеется исключение – возможность участия в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем ВКС.

Стоит отметить, что на сегодня онлайн-правосудие является единственным безопасным способом, позволяющим обеспечить явку участников процесса в период пандемии. Впервые ВКС была применена в уголовном процессе в 1999 г. в Челябинском областном суде кассационной инстанции. Как отмечалось, «день 18 ноября 1999 г. стал революционным для правосудия России». Сегодня Верховный Суд РФ подает пример нижестоящим судам в вопросе адаптации к работе в новых условиях. Однако реализовать это на практике не всегда получается. Особенно остро этот вопрос стоит перед судами субъектов, так как не все суды обладают техническими возможностями внедрения онлайн-формата судебных заседаний ввиду устаревшего оборудования, или его отсутствия. В связи с этим возникает ряд вопросов, главным образом, со стороны самих участников процесса. Вместе с тем, использование новых технологий не лишено проблемных аспектов, которые могут стать предметом научных дискуссий. Так, в научных дискуссиях часто отмечается нерешенная проблема при использовании видео-конференций – отсутствие возможности проводить открытые слушания с участием общественности [2, С. 76]. Действительно, согласно Конституции РФ и принципам уголовного судопроизводства разбирательство дел во всех судах открытое. Представляется проблемным реализация права граждан на открытое судебное разбирательство в условиях ограничительных мер. На мой взгляд, данную проблему возможно разрешить путем внедрения системы идентификации личности в целях обеспечения доступа. Кроме того, необходимо предусмотреть дополнительные гарантии, как например, ознакомление с протоколом судебных заседаний. Верховный Суд РФ в одном из своих обзоров разъяснил, что в случае, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, суд вправе принять решение о проведении закрытого судебного разбирательства по уголовному делу [3]. Кроме того, наличие возражений одной или обеих сторон по поводу рассмотрения уголовного дела или материала с использованием систем ВКС не будет являться препятствием для принятия судом такого решения, так как исключительно суд определяет порядок проведения судебного разбирательства [3].

Вопрос о необходимости более тщательной правовой регламентации использования ВКС является достаточно дискуссионным. Так, по мнению А. Кашанина выдвигание излишне жестких требований к законодательной регламентации данного процесса затруднит внедрение электронных сервисов в деятельность судов, а также создаст риски к механизмам защиты информации. Нельзя не согласиться с мнением Н.В. Софийчук и Л.А. Колпаковой о том, что отказаться от правовой регламентации электронных сервисов и информационных технологий в уголовном процессе допустимо при условии, когда инновации не затрагивают гарантии личности при осуществлении правосудия, не влияют на процессуальную форму, а выступают лишь инструментом ее реализации [2, С. 76]. Вопрос о выборе конкретной платформы проведения ВКС также требует более детальной регламентации, так как могут возникнуть такие серьезные проблемы, как утечка персональных данных ввиду незащищенности некоторых каналов связи. Обеспечение конфиденциальности, по мнению одних авторов, возможно путем удаления судебной коллегией иных лиц из зала судебного заседания и обеспечения возможности совещания данным лицам по ВКС [4]. Другие полагают, что целесообразнее будет объявлять перерыв в суде, а защитнику удалиться в специальную комнату для согласования с подсудимым позиции по телефону [5]. По моему мнению, руководствуясь прин-

ципами уголовного судопроизводства, законодателю следует закрепить обязанность нахождения защитника рядом с лицом, что обеспечит его право на защиту.

В зарубежной практике применения ВКС также не обошлось без трудностей. Так, по мнению судьи Ричарда Сэндилла техническая работа должна быть возложена на сотрудников суда, а не самих судей, так как судьям приходится часто отвлекаться от своих прямых обязанностей на то, чтобы отключить или включить звук выступающих. В Лос-Анджелесе, к примеру, компания CourtCall, учрежденная еще в 1995, давно обеспечивает участие в судебном заседании. Сотрудники названной компании «проверяют явку и личность лиц, участвующих в судебных заседаниях, а также контролируют качество связи».

По мнению Л.Н. Масленниковой и Т.Е. Сушиной при разработке российской модели цифровизации уголовного судопроизводства необходимо обратить внимание на опыт ФРГ в данном вопросе, поскольку механизм внедрения цифровых технологий в РФ и ФРГ имеют много общего [6]. В принципе мы можем говорить о том, что судебная система на сегодняшний день готова к применению систем ВКС при отправлении правосудия.

На основании вышеизложенного, полагаем, целесообразно предложить следующие решения. Во-первых, требуется законодательно усовершенствовать процессуальную форму применения ВКС в ходе уголовного судопроизводства, а также устранить технические проблемы со звуком и качеством изображения при предоставлении доказательств. Во-вторых, необходимо закрепить, на случаи возникновения помех и сбоев связи при ВКС, основания отложения судебного заседания при наличии технических сбоев. Дабы не нарушать права подсудимого, например, участвовать (видеть и слышать) в ходе судебного разбирательства. Кроме того, необходимо ввести ответственность за несанкционированную запись удаленных слушаний. В качестве ориентира может выступать регулирование данного вопроса в Великобритании, где запись трансляции из суда, а также передача иных материалов признается преступлением [7].

Список литературы:

1. *Шереметьев И.И.* Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // *Lex Russica*. 2019. № 5. С. 117–131.
2. *Софийчук Н.В., Колпакова Л.А.* К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // *Lex Russica*. 2020. № 11. С. 71–80. С. 76.
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) СПС КонсультантПлюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/?resource=cons&target=doc (дата обращения: 05.11.2021).
4. *Гайворонская Л.В.* Использование видеоконференцсвязи в судопроизводстве и ее возможности в апелляции // Библиотека криминалиста. 2014. № 6 (17). С. 102.
5. *Семенов А.В.* Использование системы видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: положительные и негативные черты // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2016. № 5(13). С. 27.
6. *Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е.* Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия... и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 6. С. 214–224. С. 221.
7. *Coronavirus Act 2020* // *Cambridge Network*. 26.03.2020. URL: <https://www.cambridgenetwork.co.uk/news/coronavirus-act-2020-receives-royal-assent> (дата обращения: 11.11.2021)

УДК 343.146

В. В. Долгаев, А. В. Соколова
*Санкт-Петербургский университет
МВД Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТНЕСЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ К КОНКРЕТНЫМ ВИДАМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. На сегодняшний день наиболее часто совершаются преступления, при расследовании которых доказательственную базу составляет информация, содержащаяся на электронных носителях (USB флеш накопитель или CD-диск), которые не выступают самостоятельным видом доказательств с законодательной точки зрения. В данной работе авторами были проанализированы понятия «вещественные доказательства» и «иные документы», кроме того, предложено свое видение определения вида такому законодательно незакрепленному доказательству, как информация, содержащаяся на электронном носителе.

Ключевые слова: доказательство по уголовному делу, электронный носитель, вещественные доказательства, иные документы, изъятие электронных носителей, копирование информации с электронных носителей.

V. V. Dolgaev, A. V. Sokolova

*The St. Petersburg University of the Ministry of the Interior
Russia, Saint-Petersburg*

THE PROCESS OF CONVERTING WRITTEN EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

Abstract. Today, the most common crimes are committed, in the investigation of which the evidence base is information contained on electronic media (USB flash drive or CD-ROM), which do not act as an independent type of evidence from a legislative point of view. In this work, the authors analyzed the concepts of material evidence and other documents, and also proposed their own vision of determining the type of such legally unsecured evidence as information contained on an electronic medium.

Keywords: evidence in a criminal case, electronic media, evidence, other documents, seizure of electronic media, copying of information from electronic media

Согласно данным, приводимым в докладе Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности в России за январь-июль 2021 года, в последнее время большое распространение получили кражи с банковского счета. Так за 7 месяцев 2021 года их количество составило 96,9 тыс. [1]. Их доля в структуре преступности составляет около 8,1 %. Помимо этого, на данный временной период активно распространяется мошенничество. Количество зарегистрированных преступлений составляет около 194,8 тыс., что на 6,3 тыс. больше, чем годом ранее [2]. Доля в структуре преступности – 16,3 %. При этом более 70 % от общего количества данной формы хищения приходится на мошенничества, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В целом на сегодняшний день киберпреступления занимают более четверти всей преступности.

С целью собирания доказательств при расследовании уголовных дел по рассматриваемым преступлениям осуществляются различные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Согласно статье 74 Уголовно-процессуального кодекса (далее-УПК РФ) в качестве доказательств допускаются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы [3]. Обращаясь к судебной практике, можно наблюдать, что основу доказательственной базы по делам рассматриваемых преступлений также составляют такие предметы как: CD-диски и другие электронные носители, которые могут содержать записи

с видеокамер и иную значимую для уголовного дела информацию, скриншоты проделанных операций (оплата, перевод денежных средств и т.д.) либо переписки. Так, например, согласно приговору суда по ч. 2 ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) № 1-752/2020 [4] в качестве доказательств были представлены в том числе мобильный телефон «Хуавей Пи смарт», кредитная банковская карта ПАО «Сбербанк» № *, компакт-диск с видеозаписью CD-R № LH 3163WK01040040. В приговоре суда по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ № 1-534/2020 [5] к доказательствам были отнесены CD-R диск с видеозаписью, реквизиты счета для зачислений на карту, а также скриншоты и 19 справок по операциям. Таким образом, можно говорить о том, что чаще всего по данным делам одним из доказательств является информация, содержащаяся на электронном носителе. Законодателем был предусмотрен ряд особенностей изъятия электронных носителей информации и ее копирования с них, которые были отражены в статье 164.1 УПК РФ.

Для начала стоит отметить, что согласно положениям данной статьи, изъятие электронных носителей информации допускается, когда вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации, на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владеет электронный носитель информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение, либо при наличии судебного решения. Изъятие электронных носителей происходит с участием специалиста. По ходатайству владельца данного носителя либо лица, являющегося владельцем информации, содержащейся на нем, в присутствии понятых может быть осуществлено копирование информации, при условии, что эта информация не может быть по мнению специалиста утрачена или изменена в ходе копирования, использована для совершения преступления, либо лицо, ею обладающей, не имеет соответствующих полномочий для ее хранения и использования. При копировании информации носитель возвращается владельцу, а проделанная процедура отражается в протоколе следственного действия. Однако возникает вопрос, к какому виду доказательств стоит относить информацию, содержащуюся на электронном носителе. Прежде всего, стоит раскрыть сущность дефиниции «электронный носитель информации», не имеющей на данный момент нормативно закрепленного определения. Среди ученых идут споры порой противоречащие друг другу по данному вопросу, в связи с тем, что необходимо учитывать ряд нюансов, в том числе и то, что помимо наиболее часто используемых съемных носителей, существуют еще жесткие диски персональных компьютеров, облачные хранилища данных, которые отличаются своей природой и не подпадают под обобщающий термин, например, такой как машинный носитель, предложенный в своей работе Н.А. Ивановым [6]. По нашему мнению, наиболее удачным является определение Ю.Н. Соколова, согласно которому под электронным носителем информации следует понимать «технически и технологически адаптированное к многократному использованию электронное устройство, предназначенное для записи, хранения, передачи и воспроизведения электронной информации с помощью доступных технических средств, а также защиту, обособление и разграничение доступа к имеющейся информации» [7].

Раскрыв сущность данной дефиниции, необходимо установить к какому же виду доказательств следует относить информацию, содержащуюся на электронном носителе, а именно вещественному доказательству или иным документам, в связи с тем, что на данный временной период согласно уголовно-процессуальному законодательству электронный носитель не выступает в качестве самостоятельного вида доказательства, что по мнению авторов требует соответствующей доработки. В УПК не предусмотрено раскрытие определения «иные документы», однако в статье 84 УПК РФ отмечено, что они допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данные документы не обязательно должны иметь письменную форму и формальные рекви-

ты. Как правило, к иным документам относятся фотосъемки, аудио-, видеозаписи. Также Верховный суд РФ отметил, что флеш-карта автомобильного видеорегистратора может быть использована в качестве доказательства по уголовному делу [8]. Касаемо вещественных доказательств можно говорить о том, что они представляют собой любые объекты (предметы) материального мира, которые обладают признаками или свойствами носителей информации, полученные и приобретенные к уголовному делу в установленном законе порядке. Нельзя не отметить п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ, в котором в качестве вещественных доказательств могут выступать иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. По мнению авторов, данный пункт весьма не конкретизирован и, исходя и содержания, отчасти может включать в себя иные документы.

Проанализировав оба вида доказательств, можно прийти к выводу о том, что нельзя достоверно сказать к какому виду стоит относить информацию, содержащуюся на электронном носителе. Безусловно, наилучшим во избежание споров, а также трудностей при процессуальном оформлении будет законодательное закрепление информации, содержащейся на электронном носителе, как самостоятельного вида доказательств. Однако, опираясь на современные реалии, судебную практику, по мнению авторов, данный вид доказательств следует относить к вещественным, так как он, во-первых, более обширен нежели иные документы, во-вторых, как уже было сказано ранее, вещественные доказательства – предметы материального мира, коим являются и такие электронные носители как флеш-карта или CD-диск, на которых содержится информация. Это, в свою очередь, говорит о целесообразности отнесения электронных носителей, соответственно и информации на них содержащихся, к данному виду доказательств.

Список литературы:

1. Доклад Генеральной Прокуратуры РФ о состоянии преступности в России за январь–июль 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Аня/Downloads/Ежемесячный%20сборник%20за%20июль%202021.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).
2. Доклад Генеральной Прокуратуры РФ о состоянии преступности в России за январь–июль 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Аня/Downloads/Ежемесячный%20сборник%20за%20июль%202021.pdf> (дата обращения: 13.11.2021).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СЗ РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
4. Приговор суда по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ № 1-752/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551628.html> (дата обращения: 14.11.2021).
5. Приговор суда по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ № 1-534/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/550938.html> (дата обращения: 14.11.2021).
6. *Иванов Н.А.* Доказательства и источники сведений в уголовном процессе: проблемы теории и практики: монография. М., 2015. С. 96–97.
7. *Соколов Ю.Н.* Электронный носитель информации в уголовном процессе / Ю.Н. Соколов // Информационное право. – 2017. – № 3. – С. 22–26.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4.12.2013 № 55-АПУ13-14//Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, 2014.

А. Р. Сотавова

*Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Россия, г. Махачкала*

ВНЕДРЕНИЕ АУДИОПРОТОКОЛА В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем, которые возникли в результате применения введенного в УПК РФ 1 сентября 2019 г. аудиопроколирования. Аудиопроколирование – это способ борьбы с существующими случаями неполноты и неточности протоколов судебных заседаний. Изучены мнения различных ученых и правоприменителей для выявления недостатков данной новеллы, а также предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: закон, аудиопрокол, новелла в уголовном процессе, система аудиопроколирования, программно-аппаратный комплекс по технической фиксации.

A. R. Sotavova

*North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Russia, Makhachkala*

INTRODUCTION OF AUDIO PROTOCOL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article is devoted to the study of the problems that arose as a result of the application of audio logging introduced in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on September 1, 2019. Audio recording is a way to combat existing cases of incompleteness and inaccuracy of court records. The opinions of various scientists and law enforcers have been studied to identify the shortcomings of this novel, and ways to solve the identified problems have been proposed.

Keywords: law, audio protocol, novel in criminal proceedings, audio recording system, hardware and software complex for technical fixation.

В соответствии с ч. 1 ст. 259 УПК, «в ходе судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций составляется протокол в письменной форме и ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопроколирование)».

Новелла в виде аудиофиксации уголовного процесса вступила в силу с 1 сентября 2019 г. В рамках данного закона использование аудиозаписи судебного заседания по уголовным делам становится обязательным. Исключением является закрытое судебное заседание, в ходе которого ч. 1 ст. 259 УПК РФ не допускает аудиозапись [5, С. 158].

В соответствии со ст. 260 УПК РФ, условия для ознакомления с аудиопроколом остаются такими же, как и для письменного протокола.

Стоит отметить, что отсутствие аудиопрокола или его неразборчивость в материалах дела (частичное или полное) не будет считаться существенным нарушением УПК, следовательно, не будет служить основанием для отмены приговора или иного решения суда. Об этом говорится в ч. 2 ст. 389.17 УПК, которая не подверглась никаким изменениям, и по-прежнему упоминает только письменный протокол. Стоит вспомнить и о том, что с началом работы новых апелляционных и кассационных судов, отсутствие аудиопрокола станет основанием для отмены решения суда, принятого в рамках КАС, о чем свидетельствует п. 6 ч. 1 ст. 310 КАС.

Аудиопроколирование в зале судебного заседания по уголовным делам ведется с помощью специального программно-аппаратного комплекса по технической фиксации IS Mechanics SRS Femida. С помощью данного комплекса залы судебного заседания оснащены современными средствами, автоматизирующими работу судов [4, С. 32].

Femida представляет собой средство повышения эффективности деятельности судов, а также реализация прав граждан и юридических лиц на судебную правовую информацию, в соответствии с федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России».

Внедрение программного комплекса Femida вызвано двумя причинами:

– наличие аудиопрокола позволит ускорить судебное разбирательство, поскольку споры по поводу замечаний в протокол будут исключены;

– аудиопроколы позволяют бороться с фальсификацией доказательств в суде.

Ю.А. Костанов отмечает, что были случаи, когда родственники осужденного приносили бумагу, добытую из корзины секретаря (помощника) суда, черновик листа протокола со сделанной рукой судьи надписью: «Перепиши, как в приговоре». Именно для борьбы с такими случаями и была принята новелла [3, С. 6].

На сегодняшний день суды готовы к аудиозаписи судебных заседаний. Некоторые залы уже оснащены программно-аппаратным комплексом по технической фиксации Femida. А в тех судах, где их ещё нет, секретарям и помощникам судей выдаются диктофоны. Некоторые судьи признали, что секретари судебных заседаний уже давно вели запись на диктофон.

Однако работа действующего закона неутешительна. Иногда аппаратура внезапно оказывается неисправной, соответственно, и аудиопрокол отсутствует. Имеют место быть и случаи с умышленным отключением аудиозаписи, после чего проставляется пометка «техническая неисправность». Даже появился язык жестов между судьей и секретарём (помощником), которым председательствующий по делу даёт понять ведущему запись, когда ее надо включить или выключить [1, С. 180].

Минусы данной реформы на этом не заканчиваются. Ведь на практике могут возникнуть проблемы с ознакомлением осуждённых с записью после вынесения приговора, особенно если подсудимый находится под стражей. Не ясен и такой момент, где именно осуждённый может ознакомиться с аудиозаписью: в суде или ему выдадут копии для прослушивания в СИЗО. При этом стоит учитывать, что ни в суде, ни в СИЗО ещё нет помещений для прослушивания аудиопрокола.

Как мы знаем, в соответствии с ч. 8 ст. 259 УПК РФ, копии аудиозаписи изготавливаются за счёт участника судебного разбирательства. А если лицо не в состоянии оплатить копию аудиозаписи или не желает ее оплачивать? Что нужно делать председателю, на которого возложена обязанность обеспечения возможности ознакомления с протоколом и аудиозаписью судебного заседания в таком случае? По моему мнению, единственным выходом из сложившейся ситуации является изготовление копии аудиозаписи судебного заседания за счёт средств государства и выдача ее осуждённому под расписку о соответствующем ознакомлении.

Но самое главное это то, что программно-аппаратный комплекс фиксации Femida не всегда сможет участникам уголовного процесса помочь адекватно восстановить происходящее в зале судебного заседания. Заместитель председателя Мосгорсуда Д.А. Фомин признал, что система «Фемида» не совсем работоспособна и не отвечает потребностям правосудия. Он также отметил, что аудиозапись сложно разобрать, если «в зале заседания много людей, два и более подсудимых, у каждого свои адвокаты и все они говорят одновременно».

Новелла оценивается положительно, однако в ее правовом регулировании имеются пробелы, которые необходимо восполнить. На наш взгляд, необходимо принять законопроект, подготовленный в Совете при Президенте РФ по развитию институтов гражданского общества и правам человека, в рамках которого предлагается приравнять статус аудиопрокола к статусу письменного протокола судебного заседания. Если в деле нет аудиопрокола, то приговор подлежит обязательной отмене. Такая норма уже предусмотрена в КАС, соответственно, ее необходимо принять и в УПК. В случае, когда аппаратура окажется неисправной, это будет основанием для отложения судебного разбирательства.

Совершенно другого мнения придерживается профессор Л.В. Головкин. В своем интервью журналу «Уголовный процесс»

он отметил, что новелла обернулась колоссальными проблемами, в частности речь шла о затягивании процесса, финансовых вложениях и самой аппаратуре, которую необходимо установить в СИЗО для ознакомления с аудиопротоколом [2, С. 24–27].

Позволим себе не согласиться с мнением известного ученого-процессуалиста в том, что аудиопротокол судебного заседания должен быть сугубо техническим, а не процессуальным документом. Если аудиопротокол наряду с его бумажным аналогом не будет признан обязательным процессуальным документом, отсутствие которого считается нарушением процедуры судопроизводства, влекущим отмену судебного решения, новелла превратится в фикцию.

Минюст РФ так же предлагает сделать невозможным судебное разбирательство без аудиопроотолирования, путём внесения изменений в ст. 253 и 389.17 УПК РФ:

– в ст. 253 УПК РФ может быть указано, что суд объявляет перерыв в заседании на определенный срок при возникновении препятствий «для использования технических средств ведения протокола судебного заседания, в том числе систем аудиопроотолирования, и (или) видео-конференц-связи»;

– в ст. 389.17 УПК РФ появится новое безусловное основание отмены или изменения судебного решения: «отсутствие результатов аудиопроотолирования при ведении протокола судебного заседания».

Экспертиза законопроекта завершилась 15 сентября 2020 г. Далее предложение Минюста РФ должно одобрить Правительство РФ.

Изучив замечания и предложения правоприменителей и специалистов в области уголовно-процессуального права, мы предлагаем предпринять следующие меры:

– внести изменение в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ и сделать отсутствие аудиопроотола основанием для отмены решения суда;

– приравнять статус аудиопроотола к письменному протоколу заседания суда;

– решить проблему с ознакомлением осуждённых с записью после вынесения приговора, в частности, и тех, кто находится под стражей;

– оборудовать помещения в СИЗО для прослушивания аудиопроотола или обеспечить ознакомление с аудиопроотолом другими способами.

Список литературы:

1. *Берова Д.М.* Аудиопроотолирование судебных заседаний по уголовным делам в контексте реформы судопроизводства в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2019. № 5. С. 179–181.

2. *Головки Л.В.* Справедливость выше любых теоретических установок // Уголовный процесс. 2020. № 2. С. 24–27.

3. *Костанов Ю.А.* Недостатки аудиопроотолирования // Уголовный процесс. 2019. № 11. С. 6–7.

4. *Склярова Е.В.* Проблемные аспекты введения обязательного аудиопроотолирования в судах общей юрисдикции // Мировой судья. 2020. № 4. С. 29–34.

5. *Страздина Т.С.* Аудиопроотолирование судебного заседания по уголовным делам: достоинства и недостатки // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 158–161.

УДК 343.81

И. А. Сорокин, А. В. Сорокина
Кузбасский институт ФСИН России
Факультет правоохранительной деятельности
Россия, Новокузнецк

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФСИН РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Аннотация. Не только общество как единое целое осуществляет переход на цифровой формат деятельности, но и государственные ведомства начинают в своей работе использовать технологии цифровизации и информатизации. ФСИН России открывает перед собой новые формы деятельности, постепенно вытесняя прежние человеческие услуги. Очевидно, что цифровые технологии не могут полностью заменить человека в деятельности ФСИН России, однако способствуют повышению эффективности деятельности.

Ключевые слова. Уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, цифровизация, документооборот, цифровое пространство.

I. A. Sorokin, A. V. Sorokina
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service
Faculty of Law Enforcement
Russia, Novokuznetsk

DIGITALIZATION OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: PRESENT AND FUTURE

Abstract. Not only society as a whole is making the transition to a digital format of activity, but also government departments are beginning to use digitalization and informatization technologies in their work. The Federal Penitentiary Service of Russia is opening up new forms of activity, gradually replacing the previous human services. It is obvious that digital technologies cannot completely replace a person in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia, but they contribute to improving the efficiency of activities.

Keywords. Penal enforcement system, correctional institutions, digitalization, document management, digital space.

Реалии современного общества подталкивают все сферы жизни общества к информатизации, цифровизации как к неотъемлемым элементам жизни. Повсюду мы наблюдаем изменения привычного нам образа жизни, на смену которого приходят процессы цифровизации. Более нет необходимости стоять в очереди на получение документов в многофункциональном центре или ожидать своего талона в очереди почтового отделения. Электронные платформы открывают нам возможности рационального расчета времени, где мы самостоятельно выбираем дату и время, когда нам удобно посетить то или иное учреждение.

Как отмечает Трыканова С.А. [6; 446], кандидат исторических наук, цифровизация внедряется в деятельность ФСИН России, однако, медленно переходит на информационные платформы, что по ее мнению связано с особенностями деятельности учреждений и органов ФСИН России.

Напрямую особенности цифровизации деятельности ФСИН России связаны с ее специфической деятельностью. Так, основной контингент составляют осужденные, которые должны являться непосредственными пользователями достижений и технологий цифровизации, и их родственники, которые в совокупности составляют одну из групп субъектов распространения информационных технологий.

Непосредственно для осужденных и их родственников технологии цифровизации проявляются в возможности общаться в формате видео-конференций и телемостов, в случае, если нет практической возможности связаться в живую. Данную необходимость продемонстрировала ситуация с COVID-19.

По справедливому замечанию Трыкановой С.А. [6; 446], цифровизация деятельности ФСИН России может стать эффективным ресурсом для адаптации осужденных и, в целом, использование технологий цифровизации послужит новым

этапом в деятельности ФСИН России. Адаптация, про которую ведет речь, Трыканова С. А. – это не столько процесс исправления, сколько включение осужденных в формат онлайн жизни, то есть освоение ими нового пространства.

Вторую группу субъектов, аналогично, специфичную составляют сотрудники учреждений и органов, которые должны пользоваться технологиями для повышения эффективности выполнения служебных задач и отвечать интересам службы в условиях нового общества. Так, большое количество информации проходит через учреждение разного характера: управленческие решения, письма, рекомендации, гражданско-правовые договоры и т.д. Их объем трудно представить, поскольку в учреждениях трудятся несколько служб и подразделений, отвечающих за документационный оборот. И не только в административной деятельности проявляется необходимость внедрения и использования цифровизации. Система ГЛОНАСС для отслеживания служебного транспорта и конвоирования осужденных, обмен информации между службами и отделами – все элементы необходимо на постоянной основе переводить полностью на информатизацию.

Говоря об особенностях цифровизации и продолжая предыдущий параграф, необходимо отметить, что деятельность может носить характер ограниченного доступа и особой важности. Так, создание в рамках цифровизации единой формы договоров по разным направлениям – то, что актуально на сегодня. Полноценное проведение обмена необходимой информацией между отделами и службами учреждений и органов УИС, требуемое в решении служебных задач, – процедура трудная и объемная. В настоящее время функционирует система ПК «АКУС», которая имеет несколько направлений, что не создает необходимого общего информационного пространства, необходимого процессу цифровизации. Мы не говорим о равном доступе, мы ведем речь о единой платформе, которая включает в себя разделы и подразделы для каждой службы или подразделения.

Итак, цифровизация в системе электронного документооборота – это самостоятельное направление, имеющее свои задачи и функции, однако неразрывно связанное с общей цифровизацией учреждения или органа УИС. В рамках данного направления первым шагом стала разработка, по мнению А. В. Калача, К. О. Бурковой [5; 87], ФГИС «СЭД УИС». Данная разработка учитывает особенности делопроизводства в деятельности ФСИН России, в частности вертикальную систему, то есть от начальника к подчиненному-исполнителю и наоборот. Эффективность данной системы обусловлена сокращением сроков обработки служебной документации между сотрудниками, отделами и службами. Так, данная система позволяет отправить один документ для завершения путем перенаправления на другой компьютер через сеть служебного пользования, то есть исключается необходимость личного посещения каждого отдела для проставления подписей и инициалов.

Однако, особенностью СЭД является ее смешанный тип, что означает неполный переход на электронные носители учреждений и органов УИС, то есть параллельно используются бумажные носители. Очевидно, что данное положение создает трудности, но при этом это исключает возможность утери документов и ряд преимуществ, которые доказаны на практике.

По нашему мнению, большей особенностью является то, что при введении и полномочном применении технологий цифровизации в деятельности ФСИН России, задачей первой необходимости будет не столько создать единую платформу, повышающую эффективность выполнения служебных задач, а сколько обеспечить безопасность всех имеющихся данных на данной платформе, поскольку специфика деятельности УИС привлекает внимание компьютерных преступников, в интересы которых входит получение как можно большего количества данных и сведений о службе.

Поэтому немаловажно для обеспечения сохранности информации разработать программные средства и алгоритмы защиты персональной информации. Поэтому И. В. Ершова и А. В. Соколова [4; 66] отмечают важность разработки и внедрения алгоритмов защиты, поскольку интересам службы и защите личных данных сотрудников, осужденных и иных лиц

может быть нанесен существенный вред, измеряемый репутацией, личными шантажами и иными средствами запугивания сотрудников и их семей, что противоречит личной безопасности все лиц, задействованных в деятельности УИС.

Рассмотрев основные особенности цифровизации и изучив специальную литературу, необходимо перейти к определению понятия цифровизация, его морфологии и связи с УИС. Так, цифровизация – это процесс внедрения цифровых и компьютерных технологий в различные сферы жизни общества в общеродовом смысле понятия. Очевидно, что цифровизацию в рамках всего общества и учреждений и органов УИС объединяет процесс, переход, который происходит в определенном направлении. Поэтому, цифровизация в УИС – это перевод деятельности на новую модель и внедрение цифровых технологий, компьютеризации и информатизации для оптимизации выполняемых повседневных задач. Цифровизация необходима для УИС по нескольким причинам: отвечает требованиям современного общества, позволяет эффективнее выполнять повседневные обязанности и задачи, оптимизирует деятельность отделов и служб, расширяет возможности взаимодействия с иными правоохранительными органами.

Таким образом, мы рассмотрели особенности цифровизации в деятельности УИС, в результате чего пришли к выводу о специфичности в виду выполняемых функций и задач служб. Далее определили понятие цифровизации во взаимосвязи с общим понятием, принятым для всех процессов вне зависимости от рода деятельности. Исследование понятия позволило выделить самостоятельное понятие цифровизации деятельности ФСИН России. Также, установили, что существует практическое сходство понятий, поскольку их объединяет поступательный процесс, ведущий к новой модели деятельности, отвечающей требованиям информационного общества и выводящей деятельность УИС на новый информационный уровень.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.
2. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и смежных областях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/ru-ethicalcharter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>.
3. Аппаратные и программные средства защиты информации: учеб. пособие / А. В. Душкин, А. С. Кольцов, А. С. Кравченко, О. В. Ланкин; Воронежский институт ФСИН России. Воронеж: Научная книга, 2016. 232 с.
4. Ершова И. В., Соколова А. В. Цифровизация уголовно-исполнительной системы: обеспечение безопасности персональных данных спецконтента в процессе межведомственного взаимодействия с помощью сертифицированных программно-аппаратных средств // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 65–73.
5. Калач А. В., Буркова К. О., Зыбин Д. Г., Мартинович Н. В. Современное состояние систем электронного документооборота в Уголовно-исполнительной системе // А. В. Калач, К. О. Буркова, Д. Г. Зыбин, Н. В. Мартинович // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. С. 87.
6. Трыканова С. А. Актуальные вопросы цифровизации системы управления федеральной службы исполнения наказания // Организации и услуги. № 3. 2018. С. 445–446.

М. В. Филин

*Донецкий национальный университет,
Юридический факультет,
Донецкая Народная Республика, Донецк*

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: в данной статье рассматривается необходимость внедрения информационных технологий в уголовный процесс Российской Федерации на основе анализе опыта зарубежных стран (ФРГ, Латвия, США, Азербайджан, Великобритания, Нидерланды). Автор приводит варианты внедрения цифровизации в уголовный процесс Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, онлайн-заседания суда, информационные технологии, видеоплатформы, уголовный процесс.

M. V. Filin

*Donetsk National University
Faculty of Law
Donetsk People's Republic, Donetsk*

DEVELOPMENT STRATEGY OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Abstract. this article discusses the need for the introduction of information technology in the criminal process of the Russian Federation based on the analysis of the experience of foreign countries (Germany, Latvia, USA, Azerbaijan, Great Britain, the Netherlands). The author gives options for introducing digitalization into the criminal process of the Russian Federation.

Keywords: digitalization, online court sessions, information technology, video platforms, criminal procedure.

В современном мире жизнь человека не представляется возможной без технологий, которые с каждым днем все больше внедряются не только в развлекательные или образовательные сферы жизни человека, но и в законодательную. Самым простым примером может являться то, что Конституция, кодексы, законы, подзаконные акты находятся в общем доступе во всемирной паутине «Интернет», современному гражданину достаточно только вбить запрос в поисковую строку, он тут же сможет ознакомиться с тем или иным нормативно-правовым актом.

Ещё одним примером цифровизации могут являться онлайн-консультации юристов или ученых-правоведов, либо онлайн-собрания (собрания с использованием компьютерных технологий) кабинета Министров Российской Федерации для обсуждения ряда срочных вопросов.

В период пандемии тенденция развития цифровизации стала особенно заметна. Так, выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва прошедшие 17–19 сентября были организованы с использованием справочно-информационного интернет-портала «Госуслуги». Граждане, имеющие «подтвержденную» учетную запись на данном портале, имели возможность принять участие в голосовании, не выходя из дома, а соответственно, не подвергаясь опасности заразиться вирусом коронавирусной инфекции COVID-19.

Данные факты являются очередным подтверждением того, что в современных условиях необходимо развивать цифровые технологии и внедрять их во все сферы общества, в том числе и в законодательную.

Достаточно наглядным примером может послужить опыт Федеративной Республики Германия, который рассматривается в статье доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Масленниковой Ларисы Николаевны и кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Сушиной Татьяны Евге-

ньевны «Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России» [1, с. 216].

Авторы в своей статье отмечают, что перед началом цифровизации ученые ФРГ сформулировали определение данного процесса как применение в уголовно-процессуальном праве продуктов, сгенерированных при помощи информационных технологий, целью которых является улучшение взаимной деятельности судов, государственных органов между собой и населением. Также данное понятие включает в себя распространение дистанционного проведения судебных и следственных действий, позволяет проводить аудио- и видеорегистрирование (протоколирование) результатов деятельности данных органов и возможность использовать электронные носители информации в качестве источников доказательств [2, с. 35–61].

В качестве примера цифровизации в уголовном процессе ФРГ можно привести положение о том, что любое лицо имеет подавать обращения в отдел полиции, прокуратуру или суд в электронном виде [3]. Данная норма была введена в действие 1 января 2018 г., но параллельно с ней до 1 января 2026 г. действует требование о необходимости обязательного наличия всех материалов уголовного дела в материальном виде, т.е. на бумажных носителях [1, с. 217].

Достаточно интересным опытом может поделиться и Латвия. Так, Дмитрий Скачков, участник Совета Латвийской коллегии присяжных адвокатов, отметил, что адвокаты в своей деятельности не только успешно используют платформы для видеосвязи (например, Zoom), но и применяют систему электронных цифровых подписей. Также он заявил, что внедрение и использование технологий необходимо для облегчения проведения процессуальных действий и никоим образом не должно вызывать трудности.

Адвокат из Нью-Йорка на XVIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Юлия Бухман заявила что, несмотря на преимущества цифровизации, одним из главных недостатков является невозможность реализации конституционных прав человека в полном размере. Так, например, при соглашении на онлайн-слушание дела о признании вины, чтобы выйти из тюрьмы, перед обвиняемыми возникает выбор: воспользоваться правом на юридическую помощь в полном объеме при рассмотрении дела в разумный срок или воспользоваться правом на рассмотрение уголовного дела в разумный срок при полноценном праве на защиту. Также Юлия Бухман подчеркнула, что при предъявлении обвинений лицу затруднительно использовать юридического представителя при применении дистанционных технологий.

Но, несмотря на данные минусы, в США суды проводят онлайн-слушания в следующих случаях:

- рассмотрение срочных ходатайств в онлайн-режиме;
- освобождение под залог;
- предъявление обвинения;
- рассмотрение дела по существу;
- рассмотрение апелляционных жалоб;
- слушания об условно-досрочном освобождении.

В Азербайджане для усовершенствования судопроизводства сгенерировали специализированную информационную систему «Электронный суд», которая позволяет проводить судебные заседания по уголовным делам в дистанционном формате.

В Великобритании проводят не только онлайн судебные заседания, но и разрабатывают детальное руководство для участников процесса, в которых описывается, какой электронной программой пользуется конкретный суд и как к данной программе подключиться.

Нидерланды пошли ещё дальше приведенных ранее стран и с помощью Хартии электронного гражданина ещё с 2007 года используют публикацию всех электронных документов. С 2019 года в Нидерландах ввели нормы, благодаря которым все жалобы и обращения могут подаваться в электронном формате без требования об обязательном наличии бумажного варианта [4].

Таким образом, изучив опыт зарубежных стран, можно сформулировать несколько вариантов по внедрению цифровизации в уголовный процесс Российской Федерации:

Во-первых, необходимо усовершенствовать приложение «Госуслуги». На данном этапе существования данного прило-

жения нередко происходят технические сбои, которые необходимо устранять.

Во-вторых, необходимо сформировать процедуру подачи жалоб и заявлений в электронном формате в органы полиции, суды и т.п. Для этого можно использовать имеющееся приложение «Госуслуги», добавив в него раздел с данными услугами.

В-третьих, необходимо внедрить данную процедуру на практику. Для этого необходимо прописать подробное руководство отдельно для должностных лиц и отдельно для гражданских лиц по использованию данных систем. Также в данные руководства необходимо будет внести приложения, содержащие сведения о приложениях, которые используют (например) суды при онлайн заслушивании дел.

Список литературы:

1. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия... и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15(6). С. 214–224.

2. Boehme-Neßler V. Unscharfes Recht. Das Ende des Staates? Auswirkungen der Digitalisierung auf den Staat // Zeitschrift für Öffentliches Recht. 2009. S. 145 ff; Mertens P., Barbian D., Baer S. Begriffe von Digitalisierung und Industrie 4.0 // Digitalisierung und Industrie 4.0 – eine Relativierung. Wiesbaden, 2017. S. 35–61.

3. Gesetz zur Einführung der elektronischen Akten in der Justiz und zur weiteren Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs vom 05. Juli 2017 // BGBL. 2017. I. № 45. S. 2208.

4. Интернет-ресурс «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» статья по теме: «Шаги в цифровизации иностранных адвокатур и судов» от 27.11.2020. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/shagi-v-tsifrovizatsii-inostrannykh-advokatur-i-sudov/> (дата посещения: 11.11.2021).

УДК 343.1

К. М. Халилов

*Московский Государственный Юридический Университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Международно-правовой институт
Россия, Москва*

ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРОННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РФ

Аннотация. Система электронной регистрации позволяет гражданам приблизиться к правоохранительным органам, устранить бюрократию при регистрации заявлений и уведомлений о преступлениях, снизить скрытую преступность, повысить раскрытие информации и прозрачность работы правоохранительных органов, а также обеспечить оперативный контроль за ходом и результатами. экспертиза выводов и сообщений. В статье также рассматривается вопрос защиты прав потерпевших при получении и регистрации информации о преступлениях, и предлагается закрепить возможность подачи электронного сообщения о преступлении, чтобы гарантировать конституционное право доступа. жертва правосудия и возмещения ущерба.

Ключевые слова: доступ к правосудию, электронный формат уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела.

К. М. Khalilov

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
International legal institute
Russia, Moscow*

ISSUES OF ELECTRONIC REGISTRATION OF STATEMENTS AND REPORTS ON CRIMES INVOLVING THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article describes how the electronic registration system allows citizens to get closer to law enforcement, eliminate bureaucracy in registering applications and notifications of crimes, reduce hidden crime, increase disclosure and transparency of

law enforcement, as well as provide operational control over the progress and results. examination of findings and reports. The article also deals with the protection of the rights of victims when receiving and registering information about crimes, and it is proposed to fix the possibility of electronic reporting of crimes in order to guarantee the constitutional right of access.

Keywords: access to justice, electronic format of criminal proceedings, initiation of criminal proceedings.

Проверка показаний и обращений о преступлениях – необходимая и важная часть уголовного процесса, поэтому при изучении и обсуждении вопроса формирования уголовного процесса в электронном формате необходимо просчитать возможность автоматизации систем делопроизводства, электронный документооборот, а также проверок сообщений и выписок, полученных в электронном формате. В течение последнего десятилетия имеет место стремительное инкорпорирование искусственного интеллекта во многие аспекты жизнедеятельности, включая отправление правосудия, и в русле данного направления развития появились планы для разработки концепции обновления Уголовно-процессуального Кодекса РФ (далее-УПК РФ), а также вариантов практического использования данных алгоритмов, целью которой является применение электронной формы в делопроизводстве уголовного процесса на равных условиях с печатной версией [1, с. 42]. Правовой механизм применения конституционных норм закреплённый в УПК РФ, гарантирует защиту прав потерпевших от преступлений и доступ потерпевших к правосудию, а также компенсацию причиненного ущерба. Данный алгоритм действий предусматривает такую стадию судебного разбирательства как возбуждение уголовного дела, там же приведены причины и основания, а также порядок рассмотрения заявления об объявлении преступления и принятия решения по результатам рассмотрения заявления. Вопросы цифровой цивилизации Россия начинает решать отдельно в судебной системе России, однако это относится исключительно к гражданским процессам, которые имеют автономную цифровизацию [2, с. 131]. МВД России в течение года регистрирует и направляет на рассмотрение в систему более 27 миллионов сообщений о преступлениях, из них важно выбрать те, которые содержат информацию о преступлении, но далеко не все сообщения о преступлениях приходят через ведомственную систему и в том числе электронную. Необходимо заметить и тот факт, что по предполагаемому количеству преступлений в 4–5 раз больше, чем показывают официальные данные [3, с. 68]. Как минимум, данный порядок учета не гарантирует доступ к правосудию для всех лиц, пострадавших в результате совершения данного преступления. Огромное количество отказов в возбуждении уголовного дела и множество уголовных дел с отсутствием информации по этим вопросам – это признак неэффективного подхода к цифровизации, который был применен при внедрении. Согласно информации, представленной Генеральной прокуратурой РФ, в 2020 году органами прокуратуры было выявлено чуть более 3 400 000 нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений об уголовных преступлениях, при этом, поставлено на учёт по инициативе прокурора только около 140 000 тысяч преступлений [4]. Наряду с этими данными, согласно обзору о состоянии преступности за 2020-й календарный год, размещенным на официальном интернет – сайте Министерства внутренних дел РФ, в России было зарегистрировано чуть более 2 000 000 преступлений [5]. Результаты статистической отчетности указывают на то, что, как правило, те сообщения о преступлениях, которые не содержат достаточно информации для того чтобы сделать вывод о наличии признаков преступления или же защиты потерпевших от преступлений, не фиксируются в тексте сообщения, поэтому процессуальная проверка по таким сообщениям проводиться не будет. Это нарушает права потерпевших от преступлений, защита которых предусмотрена Конституцией Российской Федерации и Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Кроме того, согласно п. 20 Инструкции об организационно-методическом обеспечении исполнения служебных обязанностей органами Следственного комитета РФ, заявление и обращение, содержащие сведения об обстоятельствах совершения преступления или его обнаружения, не должны быть зарегистрированы ни в книге регистрации со-

общений следственного органа, ни в журнале учета заявлений и обращений граждан, вследствие чего механизм приема сообщений предусматривается положениями Инструкции по порядку приема, регистрации и разрешения в территориальных подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации [6]. В контексте описываемой последовательности действий инструментом выступает определенная операционная система, включающая непрерывное занесение заявителем данных, необходимых для обработки данных сообщений о совершении преступлений, и, воспользовавшись сайтом МВД России возможно собрать полные сведения о том, что подданная в электронном виде заявка, подпадёт под проверку, с учётом норм Федерального Закона «О порядке обращения граждан Российской Федерации», а не руководствуясь положениями вышеупомянутой инструкции. Наряду с этим, заявка подданная в электронной форме сначала распечатывается в физическом виде на бумаге, и только потом производится анализ по алгоритму обработки ничем не отличающийся от проверки простых письменных заявлений о преступлениях [7, с. 59]. Более того, возникает интересный факт, который заключается в том, что вышеупомянутая инструкция указывает на словосочетание «электронное заявление», но при этом чётко не определяя его сущность и признаки, хотя статья 141 УПК РФ устанавливает термин «заявление о преступлении в устной или письменной форме», но без регламентации о возможности подачи заявки о совершении преступления в цифровом или электронном виде. На данный момент, потерпевший от преступления человек, отправляя заявление о преступлении в электронном виде через МВД России, может рассчитывать на то, что его сообщение будет проверено, зафиксировано, на что при обращении в иные органы надеется не стоит. Очевидно на мой взгляд, что цель урегулирования порядка приема и регистрации сообщений о преступлении, выполненных в виде электронных документов, заключается в том, чтобы предусмотреть такую возможность уголовно-процессуальным законом, для чего необходимо внести необходимые изменения в нормы УПК РФ. Корректировка ч. 43 ст. 5 УПК РФ исключительно в части дополнения, регулирующего понятие сообщения о преступлении, будет выглядеть недостаточным действием, поэтому внедрение цифровой обработки уголовных дел, как и других процессуальных действий, должно быть комплексным и включать в себя внесение изменений в ряд норм УПК РФ. Правовое регулирование цифровизации уголовного процесса должно предшествовать изменениям технического потенциала в работе органов прокуратуры, следственных органов и органов дознания с цифровой технологией, а не быть только установленным в законе новшеством без ее практической реализации.

Список литературы:

1. *Пржиленский В.И., Лаза В.Д.* Коммуникативная теория общества: социально-технологические и правоприменительные контексты // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1(98). С. 42.
2. *Шарипова А.Р.* Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3. С. 131–135.
3. *Гаврилов Б.Я.* Возбуждение уголовного дела: мифы о справедливости и реализация права на доступ к правосудию // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 68–70.
4. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://err.genproc.gov.ru/web/gprf/>. Дата обращения: 30.10.2021.
5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. [Электронный ресурс] URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>. Дата обращения: 30.10.2021.
6. Приказ Следственного комитета РФ от 11 октября 2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70328468/>. Дата обращения: 30.10.2021.

7. *Андреева О.И., Зайцев О.А.* Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 59.

УДК 343.1

Ю.А. Черкасова

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Факультет подготовки научно-педагогических и научных
Россия, Москва*

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ И ПОМОЩНИКА СУДЬИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы, касающиеся проблем процессуальных статусов «помощника судьи» и «секретаря судебного заседания». Проанализированы особенности участия обозначенных выше лиц в век цифровизации общества.

Ключевые слова: помощник судьи; права и обязанности; процессуальный статус; секретарь судебного заседания; участник уголовного судопроизводства.

Y. A. Cherkasova

*Moscow University of the V. Y. Kikot Ministry of Internal Affairs
of Russia Faculty of Education, Science and Science
Russia, Moscow*

UNDEFINED PROCEDURAL STATUS OF COURT CLERK AND ASSISTANT JUDGE IN A DIGITAL SOCIETY

Abstract. In the article considered theoretical questions concerning problems of procedural status of «assistant judge» and «clerk of the court session». The characteristics of the participation of the above-mentioned persons in the digital age of society were analysed.

Keywords: assistant judge; rights and duties; procedural status; clerk of the court; participant in criminal proceedings.

В большинстве законодательных проектов все чаще начинает реализовываться идея, связанная с внедрением цифровых технологий в разные сферы жизни. Сфера уголовного судопроизводства не является исключением: новые современные технологии активно начали внедряться в 2019, в связи с санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностями распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). С целью обеспечения и сохранения безопасности здоровья граждан, участвующих в производстве по уголовному делу, следователи (дознаватели) начали проводить следственные действия в дистанционном формате, что способствовало [3, С. 322.]:

- 1) соблюсти все установленные карантинные меры;
- 2) продолжить осуществлять рассмотрение уголовного дела, при этом не нарушая установленные сроки;
- 3) сокращению затрат на приезды по вызову к следователю.

Кроме того, в дистанционный формат перешли и судебные заседания, которые стали транслироваться в онлайн – режиме на соответствующих сайтах. Однако, следует отметить, что внедрение современных технологий происходит на протяжении двух десятилетий, а именно, с момента начала использования современных средств и способов ведения того же протоколирования: если раньше фиксация осуществлялась путем «написания ручкой на бумаге», то теперь – с использованием компьютера (ноутбука) [1, С.62]. Кроме того, начали использоваться технические средства, направленные на фиксацию всего происходящего (путем фото- или видео-). Доказательства, которые представляют государственный обвинитель или защитник, могут быть также воспроизведены (если, к примеру, видео) в процессе судебного заседания через ноутбук или выведены на другую технику (например, телевизор).

Однако, несмотря на то, что внедряются новые технологии, проблемы, поднимаемые в теории уголовно-процессуального права в отношении участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, стали еще более

актуальными. Перечень лиц, относящихся к данной категории, по мнению И.В. Смольковой [2, С. 207.], достаточно широкий, однако, к «участникам», у которых могут быть непосредственно затронуты их процессуальные гарантии, следует отнести секретаря судебного заседания и помощника судьи.

Оба вышеобозначенных лица, упоминаются в ряде статей УПК РФ, но при этом не нашли должной регламентации в Разделе II УПК РФ. Для начала проанализируем ст. 245 УПК РФ, где законодателем кратко обозначено понятие и его основная функция. Исходя из положений статьи, можно выделить следующие процессуальные права:

1) ознакомляться с иными документами, определяющими его права и обязанности;

2) пользоваться предоставленными организационно-техническими условиями и средствами;

3) получать необходимые материалы, информацию и сведения по уголовному делу, в соответствии с занимаемой должностью.

Следует отметить, что представленный перечень прав, носит не исчерпывающий характер, так как некоторые положения, относящиеся к правам и обязанностям секретаря можно найти и в других нормах права, посвященных порядку и производству судебного заседания. Однако, основная функция секретаря судебного заседания не вызывает сомнений и заключается в ведении протоколирования судебного разбирательства. В век современных технологий возникает вполне уместный вопрос, в случае, если данный участник не будет наделен самостоятельным статусом или заменен при помощи систем видеозаписи, кто в последующем будет оформлять протокол судебного разбирательства? Ведь, вероятность сохранности бумажного варианта куда более значима, по сравнению, с электронным. Кроме того, где будет храниться такой массив информации – комплекс видео с судебных заседаний. Таким образом, вопрос наделения процессуальным статусом секретаря судебного заседания, несмотря на развитость современных технологий, по нашему мнению, должен решаться положительно и не вызывать сомнений как с теоретической, так и с практической составляющей.

В аналогичном правовом положении находится и помощник судьи. Понятие «помощник судьи» отсутствует в действующем законодательстве. Ст. 244.1 УПК РФ содержит в себе две части, в которых отражаются основные направления деятельности помощника судьи. Так, согласно ч.2 ст. 244.1 УПК РФ по поручению председательствующего вправе осуществлять протоколирование судебного заседания, то есть выполнять основную функцию секретаря судебного заседания. Кроме того, помощник судьи контролирует фиксацию хода судебного заседания при помощи технического обеспечения.

По нашему мнению, секретарь судебного заседания и помощник судьи, в настоящее время, являются самостоятельными участниками уголовного судопроизводства: оба вышеупомянутых лица принимают участие в уголовном процессе, а именно, в организации и проведении судебного заседания. Их действия направлены на создание таких условий, при которых суд сможет вынести законное и обоснованное решение. Обозначенные функции, задачи и цели (в ст. 244.1 УПК РФ и ст. 245 УПК РФ) в полном объеме не отражают как деятельность таких участников, так и их процессуальный статус (права, обязанности). Считаем, что законодательное закрепление прав и обязанностей будет содействовать обеспечению конституционных гарантий и прав других участников уголовного судопроизводства. Данные участники, несмотря на то, что выполняют не основную, а вспомогательную функцию, не могут быть, даже в век цифровизации, заменены на советующее техническое обеспечение.

Список литературы:

1. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61–67.

2. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 2. С. 205–210.

3. Тютерева Ю.С. Оценка эффективности отдельных процедур дистанционного порядка производства по уголовному

делу в Федеративной Республике Германия и возможности их имплементации в уголовное судопроизводство Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 321–324.

УДК 343.13

К. С. Юдаков

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
Россия, Новосибирск

ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ СУДАМИ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, возникающие в правоприменительной практике, оказывающие влияние на снижение показателей рассмотрения дел в особом порядке. В статье поднимается вопрос неравенства прав сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве при решении вопроса о возможности рассмотрения дела в особом порядке, а также представлен возможный путь решения выявленных проблем.

Ключевые слова: общий порядок; особый порядок; досудебное соглашение о сотрудничестве; прокурор; обвиняемый; тяжкие преступления; уголовно-процессуальный кодекс РФ.

K. S. Yudakov

Novosibirsk State University of Economics and Management
Russia, Novosibirsk

REASONS FOR DECREASING INDICATORS OF CONSIDERATION OF CASES BY THE COURTS OF FIRST INSTANCE IN A SPECIAL ORDER.

Resume: The article examines the problems arising in law enforcement practice, due to which a tendency may develop for a decrease in the rates of considering cases in a special order. At the same time, the text of the article reflects what is the inequality of the rights of the prosecution and the defense in criminal proceedings when deciding on the possibility of considering a case in a special order, and also presents a possible way to solve these problems.

Keywords: general order; special order; pre-trial cooperation agreement; the prosecutor; accused; serious crimes; the criminal-procedure code of the Russian Federation.

Особый порядок судебного разбирательства (далее – особый порядок) регламентируется главами 40 и 40.1 УПК РФ и может быть применён по ходатайству обвиняемого, вследствие чего рассмотрение дела происходит без проведения судебного разбирательства.

Обращаясь к статистическим данным рассмотрения дел судами 1 инстанции за 2020 год мы можем проследить то, что процентное соотношение дел, рассмотренных в особом и общем порядке распределено почти поровну (первом случае – 53 %, во втором – 47 %). Также отметим, то, что в 2020 году количество рассмотренных в особом порядке дел сократилось на 8 %, с этим связана актуальность исследования, поскольку данную тенденцию можно проследить и в предыдущие 2 года [1, С.15]. Из чего следует, что необходимо определить возможные проблемы, возникающие в правоприменительной практике, из-за которых может складываться тенденция на снижение показателей рассмотрения дел в особом порядке.

Первоначальной причиной может служить то, что законодатель принял Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым закрепил запрет проведения особого порядка по тяжким преступлениям. Инициаторами по внесению поправок в ст. 314 УПК РФ стали Верховный суд РФ и Генеральная прокуратура РФ [2].

Аргументами послужили следующие обстоятельства:

1. первоначальная редакция статей 314 и 316 УПК РФ от 01.07.2002 г. допускала осуществление особого порядка

по преступлениям двух категорий тяжести: небольшой и средней, т.е. «..., наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает 5-ти лет лишения свободы»;

2. тяжкие дела обладают повышенной степенью общественной опасности, а также имеют более строгие наказания. Здесь хотелось бы упомянуть о значительном сокращении подсудимому размера наказания, что по данной категории дел, мы считаем не уместным.

Приведем пример из практики взяв приговоры по преступлениям со схожими составами, которые были вынесены до принятия поправки: 1. В общем порядке был вынесен приговор № 1-250/2020 от 25 сентября 2020 г. Бузулукским районным судом Оренбургской области, где гражданин «П.» был осужден по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ и ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. 2. В «Особом порядке» был вынесен приговор № 1-470/2019 от 26 декабря 2019 г. Тулунским городским судом Иркутской области, где гражданка «С.» была осуждена по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, и ей было назначено наказание в виде двух лет лишения свободы условно.

Из чего следует, что высокий уровень процессуальной гарантии справедливости правосудия по данной категории дел возможно обеспечить, лишь рассматривая дела в общем порядке.

Таким образом, по нашему мнению, исключение категории «тяжких» преступлений для данного порядка судебного разбирательства – необходимая мера на современном этапе развития судебной системы, хотя это и повлечет замедление процесса осуществления правосудия.

Второй причиной, являющейся, по нашему мнению, основной, служит тот факт, что первоначальные условия рассмотрения дела в данном порядке представляют собой соблюдение следующих требований: 1. Признание вины обвиняемым; 2. Принесение обвиняемым ходатайства о рассмотрении его дела в особом порядке. Однако, прокурор может принести возражение, после чего рассмотрение дела обязательно должно пройти в общем порядке, причем, законодатель не регламентирует его форму и основания, вследствие чего ущемляются права обвиняемого, поскольку потерпевший и сторона обвинения, в данном случае имеют преобладающее положение.

Так, на расширенном заседании коллегии, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2019 год [3], И.В. Краснов высказал следующее, что в связи с формированием апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции созданы и функционируют подразделения Генеральной прокуратуры России. В свою очередь, в первой инстанции с участием прокуроров были рассмотрены более 770 000 уголовных дел, 73 % из них завершились обвинительными приговорами. Но несмотря на то, что подход прокуроров стал более взвешен, число дел, которые рассматриваются в особом порядке существенно снизилось. Недостатком явилось, то, что увеличилось число дел, возвращенных судами в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса, и оправданных, а также лиц, преследование которых, в связи с реабилитирующими основаниями было прекращено.

По нашему мнению, в данном случае подчеркивается необходимость сокращения числа дел, которые подлежат рассмотрению в особом порядке, в связи с чем прокурор может принести возражение. Стоит подчеркнуть, что указание мотивов при этом не требуется, поскольку законодательство не устанавливает четкий перечень таких оснований.

Так, вторая возможная причина сокращения дел, рассмотренных в особом порядке, является одновременно и проблемой, поскольку значимое для обвиняемого право ходатайствовать о рассмотрении дела в особом порядке ставится в неравное положение с правом прокурора на принесение возражения.

Почему же описанное право обвиняемого является для него значимым?

Проанализировав судебную практику, возможно вывести закономерность к значительному снижению размера наказания, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания.

Для подтверждения обратимся к судебной практике, как и выше за основы были взяты преступления со схожими составами.

1. Приговор № 1-158/2018 от 25 мая 2018 г. Кировского районного суд г. Новосибирска послужит в качестве примера приговора, вынесенного в общем порядке судебного разбирательства, в нем гражданин «Г.» был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 107 УК Российской Федерации, и ему было назначено наказание в виде 1 года ограничения свободы.

2. В сопоставление возьмем приговор № 1-16/2020 от 26 февраля 2020 Камбарского районный суд Удмуртской Республики, вынесенный в особом порядке. В нем гражданин «К.» осужден по ч. 1 ст. 107 УК РФ и ему было назначено наказание в виде исправительных работ сроком на 1 год 10 месяцев с удержанием из заработной платы 10% в доход государства.

В данной таблице мы можем проследить значительную дифференциацию размеров наказания по приговорам, вынесенным в особом порядке, что улучшает положение обвиняемого (подсудимого).

Во избежание злоупотребления дискреционными полномочиями гособвинителем, с учетом Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 22.12.2015) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» и изученных научных положений, таких авторов как Баранова М.А. [4, с. 16–19], Овсянникова И.В. [5, с. 163–168], Ю.А. Кузовенкова [6, с. 91–93], и др., по нашему мнению, в дальнейшем следует закрепить в статье 314 Уголовно-процессуального кодекса следующие основания для отказа от проведения дела в особом порядке: 1. Если обвиняемым было выражено несогласие с предъявленным обвинением, в том числе частичное признание или признание вины; 2. Обвиняемым оспаривается, какое-либо обстоятельство уголовного дела; 3. В случае, если у обвиняемого выявлено расстройство или заболевание, законодательно отнесенное к разряду психических расстройств и расстройств поведения; 4. При наличии в доказательствах по делу существенных противоречий, в связи с чем требуется проведение судебного следствия для дачи им правильной оценки, либо, оно необходимо для правильной квалификации действий обвиняемого; 5. Когда имеются достаточные основания полагать, что потерпевший выразил свое согласие добровольно; 6. Если потерпевший имеет отклонения в его психическом здоровье.

Подводя вывод, мы можем отметить следующее, рассматривая дела в особом порядке, суд, создает положительные последствия для осужденных, поскольку размер наказания значительно ниже, также данный порядок ускоряет судопроизводство, что помогает соблюсти сроки рассмотрения уголовных дел в первой инстанции, но существует проблема в том, что законодательство не регламентирует форму и основания возражения гособвинителя против ходатайства обвиняемого о рассмотрении его дела в особом порядке, что ставит обвиняемого в неравное положение по сравнению с потерпевшим. В связи с чем необходимо внести вышеописанные изменения в УПК РФ, что даст обвиняемому равные права со стороной обвинения, сохранив в целостности один из главных принципов уголовного процесса – состязательности сторон.

Список литературы:

1. Российская газета – Федеральный выпуск № 162 (8216). С.15 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/07/23/sudy-rezhe-budut-rassmatrivat-dela-v-osobom-poriadke.html> (дата обращения 21.10.2021)
2. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 20.10.2021).
3. Сайт Генеральной прокуратуры РФ [сайт]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1809484/> (дата обращения 22.10.2021).
4. Баранова М.А. О современных тенденциях в уголовно-процессуальном доказывании // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития. 2020 г. С. 16–19.
5. Овсянников И.В. Несогласие государственного обвинителя с применением особого порядка судебного разбирательства // Вестник СГЮА. 2020. № 1 (132). С. 163–168.
6. Кузовенкова Ю.А. Некоторые вопросы постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). С. 89–96.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РФ

УДК 342.9

О. И. Бахолдин, Л. А. Батманова
*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ВОПРОСЫ ПЕРЕХОДА НА АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. рассматриваются отдельные аспекты практического применения правового регулирования при использовании возобновляемых источников энергии в Волгоградской области, где на региональном уровне активно ведется разработка многочисленных программ развития в данном направлении. Предпринята попытка анализа практики их реализации, в том числе государственными и муниципальными учреждениями.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, «зелёная» энергетика, Волгоградская область, региональное законодательство, программа комплексного развития.

O. I. Bakholdin, L. A. Batmanova
*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

ISSUES OF TRANSITION TO ALTERNATIVE ENERGY SOURCES AND THEIR LEGAL REGULATION (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

Abstract. Some aspects of the practical application of legal regulation in the use of renewable energy sources in the Volgograd region are considered, where numerous development programs in this direction are being actively developed at the regional level. An attempt has been made to analyze the practice of their implementation, including by state and municipal institutions.

Keywords: renewable energy sources, "green" energy, Volgograd region, regional legislation, integrated development program.

Энергетические ресурсы всегда представляли особую ценность для человечества. Неоднократно полезные ископаемые выступали объектом военных конфликтов и в Средневековье, и в новое время, становясь нередко поводом к крупным экономическим переворотам. В свою очередь это подтверждает их важность и нужду человека в ресурсах. Со временем их запасы уменьшаются, и, по прогнозам ученых, общемировой уровень газа при условии использования на данный момент истощится через 55 лет, а нефти 52 года [1]. Такое положение дало повод ученым углубиться в поиск альтернативных источников энергии. На сегодняшний день известно около 10 новых видов таких источников, например, солнечная, водная, термальная энергии, биотопливо и др. [2].

По данным на 2020 год в России среди общего выработанного объема «зеленой» энергии получено всего лишь 0,3 % [3]. Однако учитывая особенности географического положения отдельных регионов нашей страны, можно с уверенностью сказать, что данный показатель может быть значительно выше.

Если, например, обратиться к статистическим данным, предоставленным Росгидрометом, то среднегодовой показатель солнечного света в целом по России составляет от 1 700 – 2 000 часов в год, в частности в Сочи – 2 177 часов, Волгограде – 2 265 часов, Улан-Удэ – 2 797 единиц, а также имеется рост таких показателей в ряде других регионов [4].

При этом основную долю энергии, получаемой из возобновляемых источников, вырабатывает именно Волгоградская область. Регион признан лидером по введению установленной мощности солнечных электростанций в России за 2020–2021 гг. в размере 30,2 МВт [5].

В связи с этим интересно обратить внимание на особенности правового регулирования использования данного источника энергии в Волгоградской области. Помимо основных нормативно-правовых актов по вопросам регулирования производства энергии альтернативным способом, таких как Федеральный закон «Об электроэнергетике», Постановление Правительства РФ «О вопросах стимулирования использования возобновляемых источников энергии...» [6], в субъекте действует ряд постановлений Администрации области, которыми утверждены более десяти программ по вопросам повышения энергетической эффективности Волгоградской области на срок до 2024 года [7].

Так во исполнение вышеуказанных программ в регионе был реализован ряд нововведений, который коснулся, в первую очередь, государственных и муниципальных учреждений в сфере медицины и дошкольного образования, поскольку указанные учреждения являются весьма энергоемкими и ежегодно потребляют около 4 % энергоресурсов в Российской Федерации. В дошкольных государственных организациях наиболее мощными потребителями электрической энергии являются электротермические установки пищеблоков. На освещение расходуется от 10 до 15 % от общего объема электропотребления. В организациях здравоохранения наиболее энергоемкую группу составляют электротермические установки для дезинфекции и стерилизации и др. [7]. Поэтому, например, в Центральной районной больнице г. Ленинска установлены солнечные водонагревательные установки для водоснабжения и фотоэлектрической системой в случае необходимости аварийного электрообеспечения больницы.

В Камышинском районе осуществляется работа по установке оборудования по обеспечению города системой видеонаблюдения и автономных светильников, работающих от ветро-солнечного генератора. Несомненно, это имеет массу положительных моментов, а именно: быстрый монтаж, отсутствие необходимости в кабельной прокладке и подключении к общей сети, возможность установления в удаленных местах и т.д.

Внедрение возобновляемых источников энергии осуществляется также и на промышленных объектах. Так, например, МУП «Водоканал» в г. Волжский внедрил 108 солнечных панелей. Они размещены на насосных станциях, ремонтно-механических помещениях, установках поливочных систем. Это позволяет снизить затраты предприятия по электроэнергии на сумму около 400 тысяч рублей в год [8].

Стоит отметить, что региональными программами предусмотрено выделение субсидий на развитие подобных технологий в муниципальных образованиях. Субсидии выделяются органам местного самоуправления, а также юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, например, на строительство объектов заправки транспортных средств природным газом.

Волгоградская область – не единственный «солнечный» регион России. Но, проанализировав нормативно-правовые акты других субъектов РФ с аналогичными возможностями (Астраханская область, Ставропольский край, Приморский край, Хабаровский край и др.), можно прийти к выводу, что в этих регионах подобные программы региональными властями не разрабатываются. При этом население проявляет инициативу, которая может реализоваться исключительно при поддержке государства (например, Фонда президентских грантов), чего добиться сложнее.

Многие исследователи обращают внимание на зарубежный опыт, при этом умалчивается значение отечественной практики [9].

Можно сделать следующие выводы:

- имеется актуальный отечественный опыт, накопленный в сфере, связанной с применением возобновляемых источников энергии;
- имеющийся в Волгоградской области опыт правового регулирования данного вопроса заслуживает внимания со стороны других регионов;
- во многом развитию российской практики способствует принятие соответствующих программ на уровне субъекта РФ.

Благодаря им регионы со средними природными показателями становятся лидерами по выработке энергии альтернативными источниками;

– на данный момент осуществимым и посиленным для большинства регионов с благоприятными условиями будет внедрение использования возобновляемых источников энергии в первую очередь в государственных и муниципальных учреждениях: больницах, административных учреждениях, образовательных учреждениях, столовых (рекомендации на основе опыта Волгоградской области);

– предполагается, что предоставление субсидий из региональных средств не только органам местного самоуправления, но и юридическим лицам, и индивидуальным предпринимателям может привести к положительным результатам.

Список литературы:

1. На сколько лет хватит запасов нефти и газа // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/infographics/7061> (дата обращения 18.10.2021).

2. Альтернативная энергия // [Электронный ресурс] URL: <https://invlab.ru/technologii/alternativnaya-energiya/> (дата обращения 22.10.2021).

3. Зеленая энергетика России и зеленые проекты российских компаний // [Электронный ресурс] URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/zelenaya-energetika-rossii-i-zelenye-proekty-rossiyskix-kompaniy-20210602-134820/> (дата обращения 31.10.2021).

4. Количество солнечных часов и дней в году по городам России. Инфографика // [Электронный ресурс] URL: https://aif.ru/society/nature/kolichestvo_solnechnyh_chasov_i_dney_v_godu_po_gorodam_rossii_infografika (дата обращения 31.10.2021).

5. Волгоградская область лидирует по вводу установленной мощности солнечной энергетике // [Электронный ресурс] URL: <https://volpromex.ru/proizvodstvo/tyek/volgogradskaya-oblast-lidiru-et-po-proizvodstvennoj-moshhnosti-solnechnoj-energetiki.html> (дата обращения 31.10.2021). 6. Постановление Правительства РФ от 29.08.2020 № 1298 «О вопросах стимулирования использования возобновляемых источников энергии, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 31.10.2021).

7. Постановление Администрации Волгоградской области от 31 декабря 2014 года № 136-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Волгоградской области» // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/423907054> (дата обращения 31.10.2021).

8. В городе Волжском нашли на чем сэкономить и улучшить экологию // [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2021/09/07/reg-ufo/v-gorode-volzhskom-nashli-na-chem-sekonomit-i-uluchshit-ekologiiu.html> (дата обращения 31.10.2021).

9. Ермакова А. Развитие возобновляемых источников энергии в США // [Электронный ресурс] URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/renewable-energy-development-in-the-usa.pdf> (дата обращения 31.10.2021).

УДК 620.92

А. В. Жовнер, Т. В. Исакова

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

Юридический факультет

Россия, Санкт-Петербурга

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РФ

Аннотация. В статье анализируется современное правовое регулирование возобновляемых источников энергии, а также дальнейшее развитие альтернативной энергетики в Российской Федерации. Также в работе будет определена важность и необходимость развития альтернативной энергетики, а как следствие необходимость правового регулирования энергетической сферы в России, ведь будущее всей планеты зависит именно от того, как мы сможем сберечь природные богатства.

Ключевые слова: альтернативная энергетика, источники энергии, возобновляемые источники энергии, правовое регулирование, государственная поддержка.

A. V. Zhovner, T. V. Isakova

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Faculty of Law

Russia, Saint Petersburg

LEGAL REGULATION OF RENEWABLE ENERGY SOURCES: DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE ENERGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyzes the modern legal regulation of renewable energy sources, as well as the further development of alternative energy in the Russian Federation. Also, the work will determine the importance and need for the development of alternative energy, and as a consequence, the need for legal regulation of the energy sector in Russia, because the future of the entire planet depends on how we can save natural resources.

Keywords: alternative energy, energy sources, renewable energy sources, legal regulation, government support.

Актуальность развития возобновляемой энергии обуславливается определёнными факторами: самое главное – это тяжёлое состояние экологии (глобальная климатическая катастрофа), а также необходимостью поиска новых видов энергии. Вскоре привычные нам, традиционные топливные ресурсы истощатся. Также стоит отметить, что с каждым годом добыча традиционных энергетических ресурсов становится дороже, что негативно сказывается на экономике государства. Однако, если возобновляемые источники энергии всё больше будут развиваться, то нам удастся не только сберечь традиционные энергетические ресурсы для будущих поколений, сохранив природное богатство страны, но и уменьшить стоимость получения возобновляемой энергии (когда будут уменьшаться традиционные энергетические ресурсы, то и их добыча будет намного больше стоить, чем развитие и добыча возобновляемой энергии). Необходимость наличия энергетики обусловлена потребностью в создании благоприятных условий для существования всего человечества.

Согласно данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата, деятельность человека является одним из важнейших факторов глобального потепления на Земле, на наш взгляд, альтернативная энергетика охватывает перспективные способы получения энергии, при снижении риска причинения вреда окружающей среде. При развитии и увеличении использования альтернативной энергии происходит существенное удешевление стоимости добычи энергетических ресурсов, например, за последние 10 лет «зелёная энергия» упала в стоимости в несколько раз, сравнялась с традиционной энергетикой. Стоимость возобновляемой энергии значительно снижается по мере роста ее производства [4, С. 252]. Именно поэтому существует острая необходимость в правовом регулировании возобновляемой энергетики в России.

Правовое регулирование альтернативной энергетики началось с принятия и подписания ряда международных соглашений и норм. Например, после ряда конференций и обещаний 12 декабря 2015 года согласно результатам 21 конференции Рамочной конвенции об изменении климата было установлено Парижское соглашение, главная задача которого – не позволить увеличения средней температуры на Земле. Необходимо обратить внимание на тот факт, что Российская Федерация подписала Парижское соглашение 22 апреля 2016 года. И после принятия данного соглашения в России стало развиваться производство солнечных электростанций и ветряных электростанций. Парижское соглашение – это лишь первый шаг в долгом пути сохранения и защиты природы, улучшения климатических изменений на планете. От действий каждой отдельной страны зависят изменения для всего мира в целом.

Рассматривая источники правового регулирования Российской Федерации, следует выделить ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1, ст.3], который в основном регулирует оптовый и розничный рынки электроэнергетики. В данном законе указывается ряд источников энергии в РФ, к которым, в частности, относятся: энергия солнца; энергия ветра; энергия вод (в том числе сточных); энергия приливов и так далее. В Министерстве энергетики Российской Федерации считают важным снижать негативное воздействие энергетической отрасли на окружающую среду. Минэнерго РФ ведёт активную работу по внесению определенных перемен в условия, которые предъявляются к схемам теплоснабжения. Минэнерго РФ предлагает правки, которые будут нацелены на фактические показатели концентраций загрязняющих веществ, а также последующее улучшение качества воздуха, в зависимости от результатов исследований в определенных муниципальных образованиях.

В 2009 году в России впервые были установлены долгосрочные цели развития альтернативной энергетики [6, С. 84]. Также в постановлениях было указано, насколько Россия должна обеспечить себя электроэнергией за счёт возобновляемых источников энергии. Однако, Россия не смогла достичь намеченных целей из-за того, что построено и планируется построить очень мало электростанций «зелёного топлива», что примечательно, что после данных постановлений появились требования по локализации производства оборудования для возобновляемой энергетики. Это будет существенно стимулировать развитие отечественного производства, что позволит еще больше уменьшить себестоимость вырабатываемой электроэнергии.

Следует отметить, что в РФ повышается конкурентоспособность возобновляемых источников энергии. Также следует отметить российскую компанию группы «Энел» ПАО «Энел Россия», она занимается производством ветропарка мощностью 90 МВт (введен в эксплуатацию в 2020 году в Ростовской области), и ветропарк с мощностью 201 МВт в Мурманской области к 2021 году. Правительство стремительно оказывает помощь сфере возобновляемых источников энергии, а также разрабатывает надлежащие побудительные мероприятия, проекты государственной помощи по электроэнергетике [3, С. 88].

Совсем недавно, 1 июня 2021 года было подписано Распоряжение № 1446-р «Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии до 2035 года», в данном распоряжении выделены основные цели развития альтернативной энергетики в России. Для достижения этих целей необходимо упростить требования по обеспечению строительства и эксплуатации объектов возобновляемых источников энергии, а также урегулировать порядок подключения установок возобновляемой энергетики к сетям общего пользования, что будет способствовать стимулированию предприятий, использовать возобновляемую энергетику [2, ст. 5836].

Одним из методов правового регулирования, для стимулирования использования предприятиями альтернативных источников энергии могут быть «зелёные паспорта (сертификаты)» или «зелёные тарифы» (уменьшение налогообложения или субсидирование процентных ставок по кредитам) для предприятий, а также финансирование на постройку электростанций,

ведь без самих электростанций, предприятия не смогут пользоваться альтернативной энергией. Также если у предприятий будет заинтересованность в использовании электроэнергии, то они будут помогать в финансировании электростанций [5, С. 10], и альтернативная энергетика будет развиваться с каждым годом всё больше.

Пока государство не будет создавать и поддерживать крупные федеральные проекты по развитию энергетики, а также прямой помощи или же стимулирования предприятий, альтернативная энергетика будет в России на очень низком уровне. Государство должно стимулировать развитие этой сферы. Да, сейчас Россия потихоньку повышает производство возобновляемой энергии, но это не в тех объемах, в каких необходимо для такой большой страны и не в тех масштабах, в которых мы сможем сохранить природу и климат. Мы считаем, для того чтобы вывести развитие альтернативной энергетики на практический уровень, необходимо принять нормативный документ, который будет регулировать основные принципы развития, формирования, и функционирования предприятий в данной области. Пока что в правовой сфере отсутствует систематизация и точные планы развития возобновляемой энергетики. При этом чем раньше документ будет принят, тем быстрее и стремительнее будет развиваться энергетика, возможно, Россия даже сможет выполнить задачи, рассмотренные в долгосрочных тенденциях развития альтернативной энергетики в России, а также более активно участвовать в международных конференциях по возобновляемой энергетике. Отметим, что в России необходимо использовать зарубежный опыт в развитии «зеленой» энергетики. Например, усиление и ужесточение политического влияния на повышение в энергобалансе государства количества возобновляемых источников энергии.

Россия обладает большим количеством сырья и традиционных энергоресурсов. Для нашей страны переход к «нетрадиционным» источникам энергии является большим и особым призывом. Формирование и развитие другой, отличной от традиционной энергетики, снижает спрос на импорт традиционных энергоресурсов, что приводит к увеличению самостоятельности экономики, а также, не используя свои природные ресурсы, страна сможет больше сырья экспортировать, что позволит значительно улучшить экономику.

Список литературы:

1. ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177
2. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Энергетическая стратегия России до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5836.
3. Зайченко В.М. Основные направления развития распределенной энергетики // Региональная энергетика и энергосбережение. – 2019. – № 1. – 88 с.
4. *Игнатьева И.А.* Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: право и практика: учебное пособие. М.: Проспект, 2019. 253 с.
5. *Камышанский В.П.* Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. 2018. № 4. С. 9–12.
6. *Проскуракова Л.Н., Ермоленко Г.В.* Возобновляемая энергетика 2030: глобальные вызовы и долгосрочные тенденции инновационного развития / Л.Н. Проскуракова, Г.В. Ермоленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. 95 с.

М. А. Жажин, Т. Р. Муллахметов
Калужский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)
Россия, Калуга
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
Россия, Москва

«ЗЕЛЕННЫЕ» СЕРТИФИКАТЫ (СЕРТИФИКАТЫ НА ВОЗОБНОВЛЯЕМУЮ ЭНЕРГИЮ)

Аннотация. в настоящее время в России идет популяризация «зеленных» сертификатов. В статье рассматриваются дефиниции «зеленных» сертификатов, зарубежный опыт, перспективы сертификатов в России.

Ключевые слова: энергетика, «зеленные» сертификаты, ВИЭ, климатический имидж, электронный документ.

M. A. Zhazhin, T. R. Mullakhmetov
Kaluga Institute (branch) of VGUU
(RLA Ministry of Justice of Russia)
Russia, Kaluga
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
(National Research University)
Russia, Moscow

«GREEN» CERTIFICATES (RENEWABLE ENERGY CERTIFICATES)

Abstract. The article reviews the growing problem of digital knowledge as a factor of employees' inequality, discusses theoretical concepts of digital competencies and ways of their legalisation

Keywords: energy, "green" certificates, RES, climate image, electronic document.

«Зеленные» сертификаты (далее – ЗС) – регуляторный и финансовый инструмент, который используется на многих рынках, предназначенный для реализации механизма квотирования возобновляемой энергии (далее – ВИЭ).

Во многих странах, использующих ВИЭ, продолжается дефинирование «зеленных» сертификатов, однако, стоит отметить, что сам регуляторно-финансовый инструмент появился давно (около 20 лет назад). Сложный процесс дефиниции обуславливается различными методологическими подходами законодательных систем зарубежных стран.

Категорезация ЗС также достаточно сложный и дискуссионный вопрос. Например, законодательные акты Бельгии и Норвегии относят ЗС к ценным бумагам. Тогда как США или, например, Великобритания причисляют их к кассовым сделкам, к двусторонним срочным договорам купли-продажи.

На зарубежном рынке ЗС существуют добровольные сертификаты, включающие приобретение сертификатов компаниями в корпоративных целях достижения доли ВИЭ в производстве для формирования климатического имиджа. Также существуют рынки с обязательствами производить или потреблять ВИЭ.

Европейский Союз (далее – ЕС) применяет ЗС с 2001 года. Порядок учета ВИЭ страны устанавливают самостоятельно; учет могут производить как государственные органы, так и частные сертифицирующие органы.

В странах-членах ЕС ЗС применяются, как уже упоминалось, с 2001 года как «гарантии происхождения» (Guarantees of Origin, GO).

В ЕС была создана Европейская система сертификации электроэнергии (European Energy Certificate System, EECs), которая позволяет организовывать трансграничную торговлю на едином оптовом рынке. Европейский рынок «гарантий происхождения» является добровольным рынком. Тем не менее, на период до 2030 года ЕС утвердил общеевропейскую цель по доле ВИЭ в энергобалансе стран членов в ЕС на уровне 32 %. В этом случае, «гарантии происхождения» позволяют сформировать у розничных (конечных) потребителей выбор в пользу использования экологически чистых источников электроэнергии. Законодательно для конечных потребителей нормативы по использованию ВИЭ не установлены.

Стоит также отметить функционирование рынка ЗС с обязательствами. Например, Швеция и Норвегия используют объединенную систему ЗС ВИЭ, квотирующую ВИЭ для компаний-производителей, а также ряда потребителей. Рынок ЗС с обязательствами существует в Великобритании. Там применяется система квотирования, называемая Renewables Obligation Certificates (ROCs); система регламентирует обязательные объемы поставки электрической энергии от ВИЭ для всех лицензированных компаний-поставщиков. Необходимо отметить, что ежегодно обязательный объем увеличивается на 10 %.

В США ЗС на ВИЭ именуется как Renewable Energy Certificates (RECs). В США нет государственного реестра выданных сертификатов. «Центр Ресурсных Решений» (Center for Resource Solutions) управляет добровольной программой, которая гарантирует, что RECs учтены, и что двойной учет не проводится. В рамках программы Green-e Energy участник обязан по истечению календарного года проходить аудит транзакций, чтобы убедиться, что REC соответствуют требованиям для сертификации. REC все чаще выпускаются и отслеживаются с помощью региональных систем-реестров отслеживания, таких как WREGIS, NEPOOL, GATS, ERCOT, NYGATS, NARR, MIRECS, NRTEC, NC-RETS и M-RETS. [3]

В целях создания «зеленых» сертификатов в электроэнергетической отрасли России, Министерство экономического развития и Министерство энергетики опубликовали свои варианты проекта поправок в Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ, вводящие понятия «зеленых» сертификатов (Минэкономразвития России).

В соответствии с законопроектом, подготовленным Минэкономразвития Российской Федерации, «зеленый» сертификат представляет собой «электронный документ, выдаваемый по факту производства электроэнергии с использованием исключительно ВИЭ на квалифицированном генерирующем объекте в количестве и в течение периода времени, указанных в нем».

Исходя из законопроекта, ЗС будут считаться объектами гражданских прав и могут до погашения или истечения срока их действия свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому в порядке и способами, предусмотренными гражданским законодательством, за исключением случаев, которые должны будут предусматриваться Федеральным законом «Об электроэнергетике» с учетом ещё не принятых изменений.

Таким образом, двадцатилетняя зарубежная история использования ЗС должна помочь России внедрить этот инструмент на рынок, ведь за эти годы сложилась международная практика, как с точки зрения рынка, так и с точки зрения права и административных процессов. ЗС позволяют удовлетворить потребности в возобновляемой энергии у отечественных производителей и планирующих выход (сохранение позиций) на международные рынки своей продукцией с низким углеродным следом, и у международных компаний, имеющих производственные мощности у нас в стране. [2, С.57]

Список литературы:

1. Баркин О.Г. Круглый стол «Актуализация Энерджинет с учетом направлений реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2019. Октябрь.
2. Сорокин М.А. «Зеленые» сертификаты как инструмент перекрестного субсидирования в электроэнергетике // Проблемы учета и финансов. 2015. № 1 (17). С. 57.
3. Котамов Т.Т. Зеленые сертификаты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.teplovichok.today/post/2019-16>. (Дата обращения: 12.11.2021).

А. А. Мызников, Т. В. Полеивец

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС

*Факультет государственного и муниципального управления
Россия, Саратов*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. сегодня альтернативные источники энергии являются эффективным «локомотивом» развития экономики России. В статье приведено исследование современного состояния альтернативной энергетики, проанализирована статистика и предложены решения.

Ключевые слова: альтернативная энергетика, возобновляемые источники энергии, экономическое развитие, природные ресурсы, правовая база.

A. A. Myznikov, T. V. Poleivets

Povolzhsky Institute of Management P.A. Stolypin – branch of RANEPA

*Faculty of State and Municipal Administration
Russia, Saratov*

LEGAL REGULATION OF RENEWABLE ENERGY SOURCES: DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE ENERGY IN RUSSIA

Abstract. Today, alternative energy sources are an effective “locomotive” for the development of the Russian economy. The article provides a study of the current state of alternative energy, analyzes statistics and offers solutions.

Keywords: alternative energy, renewable energy sources, economic development, natural resources, legal framework.

Россия обладает обширнейшим природно-ресурсным потенциалом среди всех стран мира. Население Российской Федерации (далее – РФ) составляет 2,4 % от населения всего мира, 10 % от всей Земли занимает территория РФ при том, что Россия обладает примерно 45 % мировых запасов природного газа, 13 % нефти, 23 % угля, лесные ресурсы составляют 22 % от мировых. Такой огромный потенциал создает перспективные точки роста экономики страны, но в тоже время способствует усиленному росту добычи полезных ископаемых со значительным отставанием в других отраслях, что делает экономику страны уязвимой. Поэтому была разработана стратегия развития минерально-сырьевой базы РФ до 2035 года, цели которой предусматривают совершенствование нормативно-правовое обеспечение недропользования, системы налогов и платежей, расширение деятельности малого и среднего предпринимательства в целях осуществления достойного уровня населения путем эффективного обеспечения минеральным сырьем потребностей экономики РФ, что будет способствовать увеличению использования возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). Но последствия пандемии коронавируса COVID-19 ярко отразились на значительном снижении спроса и цен на сырье, особенно нефти, все более актуальным становится развитие альтернативной энергетики [1, С.45]. Ее развитие способствует стабилизации и модернизации национальной политики и экономики.

В 2015 году Россия стала участницей Парижского соглашения, основной целью которого является борьба с изменением климата и его негативными последствиями. Но к середине 2021 года Россия представила минимальное количество эффективных законодательных инициатив, когда обратное диктуют стратегические потребности страны в климатической повестке. Сегодня большинство энергетических и промышленных компаний активно сопротивляются всем правовым реформам в данной области, аргументируя это возможными дополнительными затратами. Хотя отсутствие экологических реформ в будущем предполагает еще большие экономические потери. Возникают проблемы безответственного отношения к положениям Парижского

соглашения, а также проявляется недостаточная проработанность системы экономических рисков в отношении климатических изменений. В рамках Климатической доктрины РФ на период до 2020 года в 2018 году была продолжена деятельность по повышению энергетической эффективности и использованию возобновляемых источников энергии как метода решения проблемы антропогенного влияния на климат [3, С.105]. После чего был утвержден комплексный план мероприятий по повышению энергетической эффективности экономики РФ. В период 2018 по 2020 годы в были введены меры стимулирования развития и поддержки инвестиционных проектов по строительству объектов, функционирующих на базе ВИЭ, в труднодоступных и изолированных территориях.

Анализируя законодательство, можно увидеть, что термины «альтернативной энергетики» и «возобновляемые источники энергии» тождественны. В законе «Об электроэнергетике» определяется понятие «возобновляемые источники энергии». В других нормативно-правовых актах применяются понятия «нетрадиционные энергетические ресурсы». Многообразие терминов в данном вопросе говорит о недостаточном развитии понятийного и правового аппарата, что требует внимания к данной сфере, учитывая ее востребованность. Государственная политика в настоящее время рассчитана на стимулирование использования ВИЭ, что в перспективе будет способствовать лечению «голландской болезни» и снижению зависимости от природного газа с помощью использования гидроэлектростанций, солнечных энергоустановок. Сегодня на оптовом рынке активно ведут свою деятельность два больших завода по производству солнечных модулей, ведется работа по локализации производства оборудования для ветроэнергетики.

Россия сегодня занимает 4 место в мире по производству электроэнергии: 1 место занимает Китай (26,9 % от мирового производства), 2 место – США (16,7 %), 3 место – Индия (5,9 %), 4 место – Россия (4,2 %). При этом Россия отстает по развитию солнечной и ветровой энергетики в мегаваттах: 1 место – Китай (415 550), 2 место – США (164 124), 3 место – Индия (72 336), показатели РФ составляют всего лишь 1 166, что в 356 раз меньше показателей лидера. В международных сравнениях Россия обладает солнечными и ветровыми ресурсами, более чем достаточными для эффективной работы рассматриваемых секторов ВИЭ.

Создание промышленного производства оборудования и компонентов для солнечной и ветровой энергетики является базой для диверсификации российской экономики и полноценного участия страны в мировом секторе ВИЭ, а также дальнейшего развития экспорта. Однако положение является неустойчивым из-за неверных регуляторных решений: для чрезвычайно малых размеров российского рынка ВИЭ «повышенные» требования локализации (65–70 %) являются обременительными. Они не соответствуют целевым объемным показателям развития солнечной и ветровой энергетики, которые могут привести к уходу инвесторов, а также как к частичной утрате набранных промышленных компетенций, что, с учетом значения солнечной и ветровой энергетики в мировой экономике, так и к относительному «утяжелению» углеродного следа товаров, произведенных на территории РФ, что также, в перспективе, негативно отразится на конкурентоспособности отечественной промышленности. Здесь необходима разработка объективного и дальновидного регулятивного аппарата развития ВИЭ. В РФ реализованы ряд мер стимулирования использования альтернативных источников электроэнергии: компенсация доли затрат налоговые кредиты, государственное субсидирование подключения электростанций к сети, включение в инвестиционную программу и другие [2, С. 62]. Таким образом, государство реализует меры и планы, направленные на развитие использования альтернативных источников энергии. При этом эффективной реализации развития ВИЭ препятствует множество проблем, предполагаемое решение которых выглядит следующим образом:

1. Модернизация существующей нормативно-правовой базы в данной сфере. Здесь необходима правовая основа, а конкретно единый государственный реестр, который включает в себя все действующие в РФ объекты, функционирующие на основе ВИЭ. Данная инновация будет называться

А. Ю. Сыкчина

Волго-Вятский институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, Киров

ТАК ЛИ ЭКОЛОГИЧНЫ ЭЛЕКТРОМОБИЛИ?

«Единый государственный реестр объектов, функционирующих на основе альтернативных источников энергии». Реестр будет содержать в себе всю необходимую информацию о вышеуказанных объектах, а именно их специализации, объемах реализации ВИЭ, прибыли, темпов развития и т.д. Также реестр будет включать в себе регламент и основы развития и функционирования альтернативной энергии, что позволит данной отрасли выйти на новый уровень и привлечь инвестиции;

2. Введение регламента и системы санкций в целях повышения ответственности за реализацию мер Парижского соглашения. В России существуют инвестиционные меры стимулирования объектов, использующих ВИЭ, здесь эффективной санкцией может послужить разработка пропорциональной шкалы понижения предоставления инвестиций и налоговых вычетов, скидок, пониженных ставок в соответствии с фактическим выполнением объемов к плановым, также разработка рейтинга, лидеры которого станут исполнителями самых крупных государственных заказов, а те, кто свою деятельность исполняют неэффективно, попадают в санкционный список с менее перспективными проектами.

3. Разработка системы экономических рисков (риск инвестирования в неперспективные проекты, риск снижения прибыли экономических единиц с использованием ВИЭ за счет нежелания бизнесменов развивать и монетизировать альтернативные источники энергии и т.д.) и изучение перспектив развития ВИЭ для экономики и экологии страны, и мира.

Также, изучая отечественную и мировую статистику, замечено существенное отставание России от других стран, которое в первую очередь связано с неграмотной постановкой целей по сравнению с существующими объемами реализации, что в рамках данного исследования привело к проектному предложению разработки объективного и дальновидного регулятивного аппарата развития ВИЭ. А это позволит грамотно наладить постановку эффективных целей организации производства, увеличения прибыли и улучшение позиций в мировом сообществе, особенно в отношении солнечной и ветровой энергетики, что поможет создать дополнительные рабочие места, повысить ВВП страны, наладить социально-экономические процессы, улучшить социальный климат и научно-исследовательский аппарат.

Список литературы:

1. Семенович, К.С. Правовое регулирование альтернативной энергетики в России / К.С. Семенович. – Текст: непосредственный // Восточно-европейский научный журнал. – 2020. – № 5. – С. 45–49.
2. Символоков О.А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии / О.А. Символоков. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 53–67.
3. Юзефович Ж.Ю. Становление международно-правового регулирования возобновляемых источников энергии / Ж.Ю. Юзефович. – Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 3. – С. 103–108.

Аннотация. Электромобили появились раньше автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, еще в 1841 году в виде тележки с электромотором. Однако электрокары не получили своего мощного развития в то время, поскольку имели некоторые механические недостатки, делавшие их опасными для использования. В статье раскрываются достоинства и недостатки электромобилей. Указаны различные аспекты экологичности автомобилей с электрическим двигателем. С появлением на дорогах России новых видов транспортных средств появились и проблемы как гражданского, так и административного характера. Для расширения данного вида передвижения законодателем вводятся определенные льготы и компенсации. Наиболее развитыми стимулы по покупке электромобилей представления в городе Москва: бесплатные парковки, станции подзарядки. В статье проанализирован опыт других стран, определены причины популяризации данных авто в мире.

Ключевые слова: электромобиль, экологичность, автомобиль, двигатель внутреннего сгорания, выбросы, газ.

A. Y. Sykchina

Volga-Vyatka Institute (branch)
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Kirov

ARE ELECTRIC CARS SO ECO-FRIENDLY?

Abstract. Electric cars appeared before cars with an internal combustion engine, back in 1841 in the form of a trolley with an electric motor. However, electric cars did not receive their powerful development at that time, because they had some mechanical flaws that made them dangerous to use. The article reveals the advantages and disadvantages of electric vehicles. Various aspects of the environmental friendliness of cars with an electric motor are indicated. With the appearance of new types of vehicles on the roads of Russia, both civil and administrative problems have appeared. To expand this type of movement, the legislator introduces certain benefits and compensations. The most developed incentives for buying an electric car are in the city of Moscow: free parking, charging stations. The article analyzes the experience of other countries, identifies the reasons for the popularization of these cars in the world.

Keywords: electric car, environmental friendliness, car, internal combustion engine, emissions, gas.

В настоящее время на автомобили в городах приходится 70–90 % доля загрязнения воздуха [1, С. 563]. Автомобили с двигателем внутреннего сгорания, работающем на бензине и дизельном топливе, не только создают смог над крупными городами, но и отравляют локально: простой в «пробке» вредит экологии не меньше, чем при нормальном движении за городом, а также портит воздух окружающим пешеходам. В автомобильном выхлопе содержится огромное количество вредных и отравляющих веществ. Кроме того, при сжигании топлива (в том числе и газового) выделяется большое количество парниковых газов. Решением данной проблемы является популяризация электромобилей на рынке. Но так ли все экологично у электромобилей?

Безусловно, у электрокаров нет вредных выбросов, не используются продукты нефтепереработки. Однако, у них есть аккумулятор, содержащий в себе ядовитые химические вещества, не поддающиеся переработке. Для сравнения обычных двигателей внутреннего сгорания и аккумуляторов электромобилей необходимо исследовать весь жизненный цикл транспортного средства.

В 2017 году Правительством РФ были внесены изменения в Правила дорожного движения. Так появилось правовое понятие «электромобиль» и «Гибридный автомобиль» (п. 1.2) [2].

При движении у электрокаров нет выхлопов, загрязняющих воздух, но они присутствуют в другом месте! Для зарядки аккумулятора необходимо электричество, вырабатываемое в большинстве случаев в мире теплоэлектростанциями. Именно ТЭЦ производят те же выбросы в атмосферу, что и двигатель внутреннего сгорания на автомобиле. Из этого может следовать, что выбросы парниковых газов не снижаются, а меняется только их источник. Но стоит отметить, что коэффициент полезного действия ТЭЦ гораздо больше, чем у автомобильного двигателя, но и большинство аккумуляторов обладают низкой эффективностью, а также присутствует потеря на обеспечение функционирования сторонних систем автомобиля.

По данным Статистического Ежегодника мировой энергетики 2021: 32 % энергии производится из нефти, 28 % – из угля, 22 % – из газа и только около 15 % из биоэнергетики [3]. По мнению ученых научно-технического университета Норвегии использование электромобилей эффективно и безопасно для экологии только в странах, где используются альтернативные источники энергии в виде биотоплива (энергии солнца, ветра, воды).

Оказывается, самая большая опасность исходит от процесса производства накопителей для электрокаров. Предприятия, занимающиеся производством аккумуляторных батарей для электрокаров, выделяют намного большее количество токсинов, чем обыкновенные автомобильные производства. Изготовление средств передвижения на электрической тяге, сопровождается в пару раз большим выбросом парниковых газов, нежели производство традиционных машин. Причиной всему повышенное энергопотребление производственных мощностей, которое обусловлено технологическими причинами.

Европейское исследование «Движение в экологичному будущему» путем сравнительного анализа пришло к выводу о том, что электрокар, который использует исключительно ту энергию, которая, которая была добыта от сжигания углеводородов, нуждается в 2/3 энергии топлива, которую использует аналогичный автомобиль с ДВС для преодоления той же дистанции [4]. То есть несмотря на то, что энергия на передвижение обоих автомобилей добывается путём сжигания одного и того же топлива, электромобиль использует намного меньше. В обоих случаях сжигание ископаемого топлива влечёт за собой выбросы парниковых газов и других загрязнений, однако лучше, когда эти выбросы происходят на электростанции вне города, а не прямо на дороге перед школой или жилым домом.

Еще одним достоинством электромобиля является срок его эксплуатации: он превосходит срок службы двигателя внутреннего сгорания в 2–3 раза.

Во многих странах предпринимаются действия для популяризации электрокаров среди жителей. Так, в Норвегии существует законопроект о введении запрета продажи новых автомобилей с ДВС. Если данная инициатива будет одобрена парламентом, то с 2025 года в Норвегии будет разрешена продажа только электромобилей или машин с водородными двигателями. Помимо Норвегии возможность запрета авто с ДВС рассматривают и в Нидерландах. В России в 2020 году Правительством было поручено разработать федеральный закон о «создании мер по стимулированию использования экологически чистого транспорта» (п. 7). [5]

Мосгордума в 2019 году приняла закон, полностью освобождающий владельцев электрокаров от уплаты транспортного на-

лога на пять лет (ст. 26.19). [6] Также в Москве для электромобилей не взимается плата за парковки и существует множество станций подзарядки, который можно использовать бесплатно. Что говорит о стремлении государств к стимулированию граждан для перехода на электромобили. Кроме того, Еврокомиссия предложила с 2035 года полностью перейти на электромобили и запретить выпуск на территории Евросоюза автомобилей на традиционном топливе. Об этом говорится в плане действий по достижению климатически нейтральной экономики в Евросоюзе к 2050 году, который опубликован на сайте Еврокомиссии.[7]

Сами по себе электромобили не создают вредных выбросов, за это несут ответственность электростанции обеспечивающие их электроэнергией.

Глобальное внедрение электротранспорта не улучшит экологическую обстановку на планете, а как раз наоборот, усугубит. Кроме того, из-за технологических особенностей, большое количество энергии затрачивается и на само производство электрокаров. Также используются вещества и материалы оказывающее негативное воздействие на окружающую среду. Если в ближайшем будущем у электрических машин не окажется значительного превосходства на автомобилях с двигателями внутреннего сгорания, то вряд ли можно рассчитывать на скоротечное развитие индустрии электромобилей в целом.

Список литературы:

1. Трескова Ю.В. Электромобили и экология. Перспективы использования электромобилей / Трескова Ю.В. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 12 (116). – С. 563–565. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31697/> (дата обращения 27.10.2021)
2. Российская Федерация. Законы. Постановление Правительства РФ от 12.07.2017 № 832 «О внесении изменений в Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090» 3. Официальный сайт Статистического Ежегодника мировой энергетики [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/> (дата обращения 27.10.2021)
4. Статья «Движение к будущему». 29.08.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: <https://www.eea.europa.eu/signals/signals-2017/articles/driving-to-an-electric-future> (дата обращения 11.11.2021)
5. Российская Федерация. Законы. Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2020 № 2871-р (ред. от 17.06.2021) «Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата»: текст с изм. и доп. вступ. в силу 17.06.2021. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: Электронный.
6. Закон города Москвы от 20.11.2019 № 29 «О внесении изменений в отдельные законы г. Москвы в сфере налогообложения»: текст с изм. и доп. вступ. в силу 31.12.2020. – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: Электронный.
7. Официальный сайт Европейского Союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3541
8. Российская Федерация. Законы. Закон города Москвы от 20.11.2019 № 29 «О внесении изменений в отдельные законы г. Москвы в сфере налогообложения»: – Москва, 2021. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: Электронный.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

УДК 343

А. З. Алиева

*студент 3 курса 1 группы
специальности «Правоохранительная деятельность»
Северо-Кавказского института (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ДВУХ И БОЛЕЕ ЛИЦ

Аннотация. в статье рассматриваются правила квалификации убийства двух и более лиц как при полной реализации умысла, так и при частичной. Приводятся различные подходы к проблеме квалификации, вступающие в некоторое противоречие с Постановлением Пленума ВС РФ.

Ключевые слова: убийство двух и более лиц, покушение на жизнь, квалификация преступления, правоприменительная практика.

A. Z. Alieva

*student the 3 class of the specialty Law enforcement
North Caucasus institute*

THE PROBLEM OF QUALIFYING THE MURDER OF TWO OR MORE PERSONS

Abstract. the article discusses the rules of qualification of the murder of two or more persons, both with the full realization of intent, and with partial. Various approaches to the problem of qualification are given, which come into some contradiction with the Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: murder of two or more persons, attempt on life, qualification of a crime, law enforcement practice.

Проблема квалификации убийства двух и более лиц является актуальной на сегодняшний день, так как требует полного и детального анализа как и со стороны законодателя, так и правоприменителя.

Такая необходимость обусловлена, во-первых, изменениями в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности государства, появлением огромного массива практических ситуаций и материалов, требующих урегулирования и некоторой конкретизации применительно к тем или иным возникающим спорам, и, во-вторых, проявляется в том, что убийство относится к одной из особо тяжких преступлений, наносящих невосполнимый вред общественным отношениям.

Однако зачастую на практике можно встретить немало ситуаций, когда инкриминируемое действие виновного лица квалифицируется по совокупности преступлений, а наказание назначается за каждое отдельное преступление, несмотря на то, что законодателем по этой части было внесено изменение.

Поэтому данная проблема нуждается в наиболее полном рассмотрении, несмотря на то, что этой тематике посвящена целая плеяда работ и сборников.

Так, согласно УК РФ ч. 1 ст. 105 «убийство представляет собой умышленное причинение смерти другому лицу». Убийство же двух и более лиц является квалифицирующим признаком, предусмотренным в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. [1] Особенность его в отличие от простого убийства заключается в его тяжести, а именно в наступлении общественно – опасных последствий в виде причинения смерти двум и более лицам.

Для обозначения этой проблемы существенной и важной можно привести примеры, когда возникает двусмысленность при квалификации соответствующего деяния. Неоднозначной ситуацией, возникающей в теории уголовного права и практики правоприменения, является квалификация действий виновного лица, непосредственно направленных на причинении смерти нескольким лицам, а в результате совершенного преступления убитыми оказались не все лица. Например, умыслом виновного лица охватывалось убийство двух и более лиц, а по итогам по-

гиб один человек, или же преступный умысел был направлен на лишение жизни нескольких лиц, но при этом двое погибли, а остальные остались живы. Как видно, действия виновного лица не образуют оконченного состава преступления, а соответственно не могут не квалифицироваться по двум статьям УК как по совокупности преступлений.

Однако же данные деяния признавались оконченным составом, если имелся сам факт действий, направленных на убийство двух и более лиц. Такая практика допускалась при действии Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 03.07.1963 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», согласно которому при установлении того, что умысел виновного был направлен на лишение жизни двух или более лиц, убийство одного человека и покушение на жизнь можно было квалифицировать как оконченное преступление (убийство двух и более лиц).

Подобная практика правоприменения является не только недопустимой, но и противоречащей современному представлению о виновности лица, так как отсутствует главный признак преступления в виде общественно – опасных последствий. По этому вопросу Пленум ВС РФ дает рекомендацию, согласно которому содеянное следует квалифицировать, независимо от преступных действий, по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Таким образом, Пленум четко определил, что убийство одного человека и покушение на убийство другого должны квалифицироваться по совокупности преступлений, если действия виновного охватывались единым умыслом и совершались, как правило, одновременно.

В уголовно – правовой доктрине нередко можно столкнуться и с определенным рода бюрократией, заключающейся в высказывании различных позиций и мнений относительно того, образует ли совокупность преступления убийство двух и более лиц, несмотря на то, что законодатель четко и ясно определил этот вопрос на законодательном уровне. Такое противоречие в истолковании связано с тем, что большинство правоведов и практиков придерживаются позиции, которое имелось в первоначальной редакции постановления Пленума ВС РФ.

В первоначальной своей редакции Пленум Верховного Суда РФ по делам об убийстве указывал, что убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) следует вменять только, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены одновременно. В последующем же было внесено изменение относительно данного определения. Так, ВС отказался от единства умысла и наличия или отсутствия разрыва во времени между убийствами. Вместе с тем правило квалификации убийства одного лица и покушение на жизнь другого осталось неизменным.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден. [2]

Обращаясь к научной литературе, можно привести в пример работу Спиридоновой Л.Э. которая разделяет точку зрения о том, что при квалификации убийства одного лица и покушения на другого не может рассматриваться как оконченное.[3, С.3]

Истолкование Постановления Пленума ВС получило и трактовку с самых различных позиций в научной литературе. Так, Скляр С.В. считает, что если убийство и покушение на убийство охвачены единым умыслом, то действия виновного лица подлежат квалификации как оконченное убийство, а при отсутствии признаков единого преступления – по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. [4, С. 34]

Такого взгляда придерживается Н. Семернева, которая отмечает, что убийство двух и более лиц является единичным преступлением с усложненной объективной стороной, где каждый отдельный эпизод выступает как самостоятельное оконченное преступление. [5, С. 88–89]

Но подобного рода суждения противоречат положению, закрепленному в Постановлении Пленума Верховного Суда, согласно которому убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) – это действия виновного, состоящие в одновременном или последовательном причинении смерти двум и более лицам независимо от того, связаны ли совершаемые убийства единством умысла, мотива, намерений, цели.

Таким образом, можно отметить, что наличие различных трактовок и подходов к определению убийства двух и более лиц и его квалификации создают неоднозначные ситуации, когда возникают затруднения именно при определении преступного деяния и назначении справедливого наказания. Отсутствие единого понимания приводит к тому, что оценка действий осуществляется по-разному.

Поскольку внесенные изменения в действующем законодательстве стали причиной образования двояких мнений и итогом рассмотрения судебных дел с различных позиций, считаем необходимым решение следующих задач:

1. внести более точное объяснение и определение убийства двух и более в Постановление ВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» во устранения его неправильного понимания и правоприменения;

2. дать системно-структурную характеристику норм, предусматривающих ответственность за убийство и другие посяательства на жизнь;

3. дать юридическую оценку квалифицированного убийства двух и более лиц и разграничить от понятия множественности преступления, единичного составного преступления и продолжаемого преступления.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ, в редакции от 24.02.2021г.// Собрание законодательства РФ.-1996.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Рос. газ. № 24. 09.02.1999.

3. *Спиридонова Л.Э.* Проблемы квалификации действий лица в условиях фактической ошибки при наличии умысла на убийство двух и более потерпевших // Законность. 2012. № 10. – С. 52 .

4. *Склярков С.В.* Квалификация убийства двух и более лиц // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. № 6

5. *Семернева Н.К.* Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М.; Екатеринбург: Проспект, Изд. дом «Урал.гос. юрид. акад.», 2014. – С. 311

6. *Борзенков Г.Н.* Преступления против жизни и здоровья. Закон и правоприменительная практика: Учебное пособие.- М., 2013. – С. 256

7. *Байков В.А.* Квалифицированные виды убийств: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дисс... канд. юрид. наук. 2003. – С. 163.

УДК 343.9

А.А. Бажин

*Пермский институт ФСИН России, юриспруденция
Россия, Пермь*

ПРОБЛЕМА ПРОВЕДЕНИЯ РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Авторами в данной статье рассматриваются вопросы, связанные с проведением некоторых оперативно-разыскных мероприятий в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Отражается ситуация о конкурентоспособности всей экономической паутины мира при развитии информационных технологий. В свою очередь, данное развитие порождает и некоторые негативные процессы, связанные с появлением преступности в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: расследование преступлений, информационные технологии, информационная безопасность, программные средства, национальная безопасность.

A.A. Bazhin

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, jurisprudence Russia, Perm

THE PROBLEM OF CONDUCTING INSPECTION MEASURES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Abstract. The authors of this article consider issues related to the conduct of some operational-search activities in the course of disclosing and investigating crimes in the field of computer information. The situation on the competitiveness of the entire economic web of the world in the development of information technologies is reflected. In turn, this development gives rise to some negative processes associated with the emergence of crime in the field of computer information.

Keywords: crime investigation, information technology, information security, software, national security.

Цифровизация охватила все сферы жизни: экономику, промышленность, образование, науку, здравоохранение, сферу обслуживания и т. д. Сложно представить жизнь современного человека без гаджетов (смартфонов, планшетов), обладающих широким функционалом: выходом в Интернет, разнообразные социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники), мессенджеры (Viber, WhatsApp и др.), интернет-банкинг, бесконтактной оплатой покупок, электронными кошельками (WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Wallet и др.) и множеством других приложений.

Под цифровизацией, по мнению В.Г. Халина и Г.В. Черновой, «понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни» [5, с. 46].

Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 одной из национальных целей развития РФ признано «обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере». Среди преимуществ цифровизации можно назвать автоматизацию рабочих процессов, возможность хранить в электронной форме большой объем документации.

Информационные и телекоммуникационные технологии выступают средствами и предметами совершения значительного числа преступлений, в частности, кражи с банковских счетов, мошенничества с использованием электронных средств платежей и ряда других.

Информационно-телекоммуникационные технологии активно используются для совершения хищений. Количество совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий мошенничеств (ст. 159 УК РФ) в 2019 г. составило 119903, краж (ст. 158 УК РФ) – 98798. Доступность информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет, широким слоям населения, с одной сторо-

ны, и развитие систем электронной защиты – с другой привели к увеличению количества преступников, которые отказываются от сложных способов совершения таких преступлений в пользу проверенных временем методов, основанных на социальной инженерии.

Преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий можно подразделить на следующие виды:

1) киберпреступления (преступления в сфере компьютерной информации);

2) преступления, совершаемые с использованием электронных средств платежа;

3) другие преступления, средствами совершения которых выступают информационно-телекоммуникационные технологии (компьютеры, телекоммуникационные сети, программное обеспечение).

К числу преступлений в сфере информационной безопасности относятся: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Также в действующем УК РФ появились новые составы преступления: мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

В настоящее время к преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, принято относить все общественно опасные деяния, совершаемые полностью или частично в виртуальном пространстве посредством использования информационно-коммуникационных технологий.

Содержание и специфика объекта, предмета, объективной, субъективной стороны и субъекта преступлений, покушающихся на сферу информационной безопасности, дает возможность отличить их от других преступных деяний и определить виновных общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законодательством [4, с. 141].

Последствия преступлений наступают в форме причинения вреда или угрозы его причинения законным интересам собственников информации, правам и свободам, жизни и здоровью граждан, интересам общества, государства. Важной задачей в настоящее время является разработка полноценной методики расследования преступлений в сфере информационной безопасности. Имеются сложности, которые появляются при расследовании рассматриваемых преступлений: установление факта совершения преступления, подготовка и проведение определенных следственных действий, определение нужных судебных экспертиз и назначение, целесообразность использования компьютерной техники при расследовании, отсутствие совершенных методик для их расследования.

Расследование дел данной категории предусматривает проведение широкого круга следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, каждый из которых имеет свою специфику. В процессе изучения и оценки следственных ситуаций необходимо учитывать дефицит имеющейся информации в распоряжении следователя и иных ориентирующихся доказательств о событиях преступления и отдельных его обстоятельствах.

Так как преступления относятся к разряду трудно-раскрываемых, в их расследовании значительную роль играет компьютерно-техническая экспертиза. Компьютерно-техническая экспертиза позволяет получить ответы на вопросы, затрагивающие наиболее сложные проблемы расследования преступлений в сфере информационной безопасности. Современный этап развития данного вида экспертизы свидетельствует о немалом опыте экспертов. Уже накоплен достаточный объем знаний о компьютерной информации и о способах ее исследования и анализа. Количество проводимых компьютерно-технических экспертиз ежегодно увеличивается, поскольку информационные ресурсы остаются привлекаемым объектом для злоумышленников. Список объектов такой экспертизы также увеличивается, соответственно, требования к организации и методикам противодействия

новым видам преступлений также совершенствуются. Поэтому потребность в подготовке высококвалифицированных специалистов в сфере компьютерно-технической экспертизы по-прежнему существует.

Уголовные дела по преступлениям в сфере компьютерной информации возбуждаются по информации, полученной в ходе ОРД, или по факту совершенного преступления. При возбуждении уголовного дела по факту уже совершенного преступления через определенный период времени после его совершения у провайдера не сохраняется необходимая информация (следы), соответственно, у следователя отсутствует возможность восстановить механизм совершения преступления в сфере компьютерной информации, получить доказательства, таким образом появляется большая вероятность, что преступление никогда раскрыто не будет.

Такая же ситуация может возникнуть, когда уголовное дело возбуждается по результатам ОРД, в случае длительной разработки информации (следы преступления) своевременно не будет получена ввиду ее несохранения или небольшого периода хранения. В связи с этим законодателем приняты определенные меры для исправления данной ситуации, а именно в ст. 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126 «О связи» включена норма об обязанностях операторов связи хранить информацию о фактах приема, передачи, доставки и обработки голосовой информации, текстовых сообщений пользователей услугами связи в течение трех лет, в отношении содержательной части (голосовой информации, фото, видео) установлен срок хранения до шести месяцев. Данные дополнения в законодательство необходимы при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий правоохранительными органами, деятельность которых направлена на противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации.

В 2016 году ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» была дополнена пятнадцатым ОРМ «Получение компьютерной информации», однако до настоящего времени ведомственное нормативное регулирование порядка его проведения не закреплено [3, с. 83]. В связи с этим практическая значимость указанного ОРМ при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, связанных с компьютерной информацией, является ничтожной, поэтому существует острая необходимость в регламентации порядка его проведения.

От правильности и своевременности действий правоохранительных органов в противодействии преступлениям в сфере компьютерной информации зависит экономическое и финансовое благосостояние России.

Таким образом, проблем расследования преступлений в сфере информационной безопасности еще очень много: отсутствие полноценной криминалистической методики, которая отвечала бы достижениям науки и техники современности, и самое главное – малое количество экспертов, которые работают в области информационной безопасности.

Список литературы:

1. *Вехов В.Б., Пастухов П.С.* Преступления в информационном обществе: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // *Ex iure*. – 2018. – № 4. – С. 134.
2. *Глушков Е.Л., Емельянов Д.Е.* Оперативно-розыскная деятельность при расследовании и раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*. – 2019. – № 2. – С. 45–49.
3. *Осипенко А.Л.* Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы появления // *Вестник Воронежского института МВД России*. – 2016. – № 3. – С. 83.
4. *Савельева М.В.* Проблемы предварительного расследования преступлений в сфере компьютерной информации // *Евразийское Научное Объединение*. – 2020. – № 1–2 (59). – С. 141.
5. *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 10. – С. 46.

А. Батзориг

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Международно-правовой институт
Россия, Москва*

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Аннотация. Уголовная ответственность юридических лиц – дискуссия не только для России, но и для всего мира. В данной статье анализируются разные точки зрения ученых, опыт зарубежных стран по вопросу уголовной ответственности юридических лиц. В работе приводится авторская позиция о применении института уголовной ответственности юридических лиц в РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридические лица, экономические преступления, санкция в отношении юридических лиц, вина.

A. Batzorig

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
International Law Institute
Russia, Moscow*

INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY OF CORPORATION IN RUSSIA: TO BE OR NOT TO BE

Abstracts: The criminal liability of the corporation is a discussion not only of Russia, but of the whole world. This article analyzes the different opinions of Russian lawyers, the experiences of foreign countries about a criminal liability of corporation, provides an authors's position about the application of the institution of criminal liability of legal corporation in the Russian Federation.

Keywords: criminal responsibility, corporation, economic crime, sanction of the corporation, guilt.

В середине XIX в. английский суд впервые привлек к уголовной ответственности корпорацию по принципу «ответственности без вины», считая корпорацию субъектом преступления. Позже в 1944 году Высокий суд при разрешении дел принял решение о том, что наличие у преступника – сотрудника корпорации виновной воли может быть основанием для применения ответственности к самому юридическому лицу, независимо от того, что юридическое лицо не имеет рассудка как физическое лицо [1, с.76]. Таким образом в мире началась практика применения уголовных санкций в отношении юридических лиц.

В настоящее время более 70 стран в мире, начиная с США и заканчивая Монголией, установили уголовную ответственность юридических лиц. В каждом государстве, где установлен этот институт, имеются свои специфические черты, основания ответственности, особенности применения и виды санкций. Но в большинстве стран романо-германской правовой семьи вопрос об уголовной ответственности юридических лиц вызывает споры, поскольку в преступлениях, совершаемых юридическими лицами, отсутствует субъективная сторона.

В России по действующему законодательству субъектом уголовной ответственности является только вменяемое физическое лицо (ст. 19 УК РФ). Ответственность в отношении юридических лиц в России регулируется административным и, гражданским законодательством. В 1992 г., 2011 г. и 2015 г. предпринимались попытки введения в уголовное законодательство РФ института ответственности юридических лиц. В 2015 г. было разработано два законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» и законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц».

По мнению разработчиков данных законопроектов, основаниями применения института уголовной ответственности юридических лиц в России являются, во-первых, международ-

ные обязательства (согласно международным конвенциям, к которым присоединилась Россия, страна обязана осуществлять эффективную политику против коррупции, терроризма, отмывания денег и других организованных, экономических преступлений).

Во-вторых, положительный опыт иностранных государств по введению уголовной ответственности юридических лиц. Эти государства можно поделить на 3 группы.

К первой группе, по мнению А.И. Бастрыкина [2, с. 73], относятся Англия, США, Голландия, Бельгия, Португалия, Франция, где юридическое лицо признается таким же субъектом уголовного права, как и физическое лицо. В странах второй группы (Австрия, Испания, Перу, Турция, Швейцария, Люксембург) юридическое лицо привлекается к уголовной ответственности в случае, если физическое лицо совершило преступление в его интересах. В этих странах юридические лица признаются не как субъект преступления, а как субъект уголовной ответственности. Для стран третьей группы, куда относятся Германия, Италия, Украина, характерна квазиуголовная ответственность юридических лиц, при которой применяется к юридическим лицам иные меры уголовно-правового характера за причастность к совершению преступления [3, с. 76–78].

В-третьих, аргументом «за введения уголовной ответственности юридических лиц» является состояние экономической преступности. В 2019 г. было совершено 104 927 экономических преступлений в России, что подтверждает рост экономических преступлений. Объем теневой экономики России по оценке Международного Валютного Фонда составляет 38,4 % ВВП страны [4, с.76]. А объем теневой экономики ниже в тех странах, где юридические лица привлекаются к уголовной ответственности, например, в Швейцарии – 7,2 %, в США – 8,3 %, в Австрии – 8,9 %, в Нидерландах – 10,77 % и т.д. [4, с.77]. По мнению А.И. Бастрыкина: «Преступление юридических лиц дестабилизирует фундаментальные факторы экономики страны, и способствует спаду основных экономических показателей» [5, с.6].

В-четвертых, как полагают некоторые правоведы, иногда затруднительно определить конкретных физических лиц, виновных в совершении преступления [6, с.34].

Таким образом, ученые, которые положительно реагируют на уголовную ответственность юридических лиц считают, что российское административное законодательство отстает от мирового стандарта противодействия коррупции. А уголовная ответственность юридических лиц может более удачно достигать целей уголовной ответственности, в частности, целей предупреждения совершения новых преступлений.

Для применения института уголовной ответственности юридических лиц правоведы предлагают разные пути решения проблемы вины. В частности, предлагается теория опосредованной ответственности, при которой к юридическим лицам применяется уголовная ответственность, если преступление совершено должностным лицом, и юридическое лицо участвовало в нем как его исполнитель, соучастник. В этом случае предполагается корпоративная вина, т.е. вина различных лиц, физических и юридических, действующих от имени или в интересах компании.

С другой стороны, некоторые ученые считают, что юридические лица не обладают собственной волей, не могут иметь вину. Поэтому их нельзя считать субъектом преступления, так как привлечение юридических лиц к уголовной ответственности противоречит принципам уголовного права. По мнению профессора Н. Ф. Кузнецовой: «Вина есть всегда психическое отношение лица к своему деянию. Этой вины у юридических лиц нет» [7, с.167]. С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев считают, что отказ от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц полностью соответствует с уголовно-правовым принципом персональной и личной ответственности каждого человека за совершенные им преступные действия [8, с.27].

Хотя в действующем УК РФ уголовная ответственность юридических лиц не предусмотрена, в России существует ответственность юридических лиц, которая схожа с уголовной ответственностью и может служить эффективным способом

борьбы с преступлениями юридических лиц в сфере экономики. Например, согласно п. 2 ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» организация признается террористической и подлежит ликвидации тогда, когда от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, которые содержатся в УК РФ. Согласно ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» общественные и религиозные объединения и другие организации ликвидируются в предусмотренном законом порядке в случае осуществления экстремистской и другой противозаконной деятельности. Согласно ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» юридическое лицо может быть ликвидировано за нарушения законодательства в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ (ст. 51–52) и др.

Поэтому, анализируя все позиции, автор настоящей статьи поддерживает позицию отказа от применения уголовной ответственности юридических лиц в России. Так как введение этого института в России противоречит принципам уголовного права – только наличие состава преступления является основанием привлечения к уголовной ответственности, субъект подлежит уголовной ответственности только при наличии вины. На данный момент в России существуют административно-правовые и гражданско-правовые меры в отношении юридических лиц, которые схожи с уголовной ответственностью и могут служить эффективным способом борьбы с экономическими преступлениями.

Список литературы:

1. Калашников М.И. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству США. / М.И. Калашников // Право и управление. XXI век. № 2(35) – 2015. – С.66–72.
2. Баstryкин А.И. Криминальные фирмы надо судить по Уголовному кодексу. / А.И. Баstryкин // Российская газета – Федеральный выпуск № 60(5436). – 2011 г.
3. Федоров А.В. Уголовные санкции-наказания для юридических лиц в странах континентального права (романо-германской правовой семьи) Западной Европы. / А.В. Федоров // Российский следователь. № 8. – 2020. – С. 74–80.
4. Leandro M., Friedrich S. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years?. – IMF, WP/18/17. – 2018. – P. 76
5. Баstryкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции / А.И. Баstryкин // Вестник Академии Следственного Комитета Российской Федерации. – 2014 г. – № 1. – с. 5–10.
6. Казакова В.А., Иншаков С.М. Тенденции введения уголовной ответственности юридических лиц в России / В.А. Казакова., С.М. Иншаков // Безопасность бизнеса.– 2019. – № 5. – С. 32–37.
7. Кузнецова Н.Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса / Н.Ф. Кузнецова // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 167–168
8. Смирнов Н.Н. Уголовная ответственность юридических лиц: дискуссия – за и против // ЮП. – 2007. – № 4.

УДК 343.74

И. Д. Борисов

*Университет прокуратуры Российской Федерации
Юридический факультет
Россия, Москва*

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ГРОБА ПРИ ОКАЗАНИИ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации действий лиц по присвоению гроба с целью последующей перепродажи в процессе проведения погребения через предание тела огню.

Ключевые слова: хищение, погребение, кремация, гроб, определение ущерба.

I. D. Borisov

*University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Faculty of Law
Russia, Moscow*

QUALIFICATIONS OF THE STAPPING OF THE STOFF IN THE PROVISION OF RITUAL SERVICES

Abstract. The article discusses the issues of qualifying the actions of persons to assign a coffin with the aim of subsequent resale in the process of carrying out the burial through the surrender of the body to fire.

Keywords: theft, burial, cremation, coffin, determination of damage.

Похоронный рынок является источником теневых и нелегальных экономических и социальных практик [1, С. 83].

Целью похорон является погребение тела, либо останков человеческого тела.

В соответствии со ст. 3 ФЗ «О погребении и похоронном деле» (далее ФЗ «О погребении») от 12.01.1996 № 8-ФЗ [2] погребение может производиться в форме предания тела (останков) земле, огню и воде. Предание тела огню производится путём кремации. Кремация осуществляется в специально созданных для этих целей крематориях.

В рамках данной статьи более интересен такой способ погребения, как предание тела огню, поскольку в таком случае возможность различных злоупотреблений со стороны лиц, оказывающих ритуальные услуги значительно шире.

В соответствии с ч. 2 ст. 24 ФЗ «О погребении» порядок деятельности крематориев определяется органами местного самоуправления, в чём можно усмотреть определённую коррупционную составляющую, поскольку в настоящее время не существует закона, определяющего общий для всех субъектов Российской Федерации порядок проведения кремации, что говорит об определённой свободе действий органов местного самоуправления в данной области, что может привести к различного рода махинациям и нарушениям.

Однако, при её проведении должны соблюдаться правила, предусмотренные ГОСТ Р 53999-2010 [3].

Одним из видов злоупотребления в сфере оказания ритуальных услуг является изъятие гроба в целях его последующей перепродажи.

Нет сомнения, что такая практика имеется на территории Российской Федерации, поскольку объявления о продаже б/у гробов находятся в свободном доступе [4]. При этом также стоит учитывать латентный характер совершения таких действий, поскольку при продаже гроба продавец может не указать факт его более раннего использования. Стоит отметить, что установить такой факт тоже довольно проблематично, учитывая сам процесс первичного использования гроба (с высокой степенью ответственности в связи с негативным влиянием процесса погребения на психофизиологическое состояние потребителя) и психологическое состояние покупателя в момент совершения сделки, поскольку, как правило покупка гроба осуществляется непосредственно после смерти лица, подлежащего погребению.

Более того, сам ГОСТ Р 53999-2010 способствует совершению таких злоупотреблений, снимая с лиц, осуществляющих кремацию тела обязанность по уничтожению гроба, поскольку в соответствии с примечанием к п. 3.2. указанного ГОСТа сжигаемым объектом могут выступать как человеческие останки в гробах и других ёмкостях, так и человеческие останки без них. При этом, в соответствии со вторым абзацем п. 5.5.5 данного ГОСТа останки человека должны поступать на кремацию в гробах, к которым предъявляются специальные требования, с учётом цели их создания – сожжения. Таким образом, получается, что наличие гроба для кремации необходимо, и положение о возможности сожжения останков без гроба является излишним и может использоваться как оправдание деятельности лиц, осуществляющих кремацию человеческих останков без гроба.

В следствие чего предлагается изменить ныне действующий текст примечания п. 3.2 ГОСТа Р 53999-2010, исключив из него возможность сожжения человеческих останков без гроба и изложить его в следующей редакции: К кремируемым объектам относят человеческие останки в гробах, в других емкостях, останки после эксгумации, органические отходы классов А, Б и биологические отходы.

Также, указанным стандартом предусмотрена такая процедура, как фальшь-кремация, под которой понимается прощание с телом умершего в ритуальном зале, оборудованном механизмами и устройствами, имитирующими подачу гроба на кремацию.

В таком случае сожжение останков тела происходит не сразу, а в последующем, после направления гроба на сжигание в крематорий. Контроль со стороны покупателя гроба в таком случае утрачивается, что следует из самого понимания фальшь-кремации, как прощания с телом погибшего, что предоставляет организаторам похорон и сотрудникам крематория возможность по беспрепятственному изъятию гроба и обращению его в свою пользу, либо пользу иных лиц.

Вместе с тем, возникает вопрос, как квалифицировать действия лиц, осуществляющих изъятие гроба. Наиболее близким по характеру к ним является хищение, но тем не менее в них есть определённые различия.

В соответствии с ч.1 примечаний к ст. 158 УК РФ под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Не возникает вопросов о корыстности изъятия гроба, поскольку, как правило его изъятие производится с целью дальнейшей продажи.

Безвозмездность таких действий также не вызывает вопросов. Большую сложность вызывает определение ущерба, наносимого такими действиями, поскольку в результате кремации данное имущество всё равно было бы уничтожено и право собственности на него прекратилось. При этом передачу гроба на уничтожение, посредством предания гроба огню можно рассматривать как отказ собственника от права собственности него.

Таким образом, в настоящее время в вышеуказанных действиях лиц по присвоению гроба отсутствует состав преступления. Однако, учитывая характер этих действий стоит рассмотреть возможность их признания в качестве такового. Для этого предлагается внедрить в УК РФ дополнительную статью по примеру ст. 164 УК РФ. В рамках которой интерес представляет подход к определению размера нанесённого ущерба. Так, в соответствии с абзацем 5-м п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов ... определяется ... с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры» [5].

Такой же подход можно использовать при определении ущерба, причиняемого при изъятии гроба. В таком случае в размер ущерба будет закладываться не только стоимость гроба, но и значимость его утраты, посредством действий виновных лиц для лица, являющегося приобретателем услуги – кремации. При таком подходе момент прекращения права собственности на гроб утрачивает своё значение для определения вышеука-

занных действий, как хищение и не остаётся препятствий для признания действий лиц по присвоению гроба преступлением.

В условиях пандемии масштабы такой деятельности в связи с возросшим количеством смертей [6] могут значительно увеличиваться.

Опасность повторного использования гроба заключается в том, какие последствия это может повлечь. Достаточно вспомнить события, происходившие в конце XVIII века в Австрии, когда император Йозеф II приказал в целях экономии изготавливать и использовать многоразовые гробы, что впоследствии привело к общественным волнениям, вылившимся в бунт. В результате в Австрии был провозглашён термин: «На каждого усопшего должен приходиться индивидуальный, а не многоразовый гроб» [7].

Список литературы:

1. Мохов С.В. Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс // Журнал социология власти. 2016. № 4. С. 83–103.
2. О погребении и похоронном деле: Федеральный закон от 12 января 1996 № 8-ФЗ [в ред. от 30.04.2021 г.]. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. ГОСТ Р 53999-2010 Услуги бытовые. Услуги крематориев. Общие технические условия. Общие технические условия = Consumer services. Services of crematoriums. General specifications: национальный стандарт Российской Федерации. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200084086> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Гроб оцинкованный купить в Омске | Личные вещи | Авито // URL: https://www.avito.ru/omsk/krasota_i_zdorove/grob_ots_inkovannyu_2145997357?slocation=621540 (дата обращения: 01.11.2021).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 [ред. от 29.06.2021] «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Коронавирус: статистика // URL: <https://yandex.ru/covid19/stat/> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Музей мировой погребальной культуры // URL: <https://pokoy.by/blog/mnogorazovyy-grob-puteshestvie-v-istoriyu> (дата обращения: 01.11.2021).

В. Б. Буйлук

ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет»
Юридический факультет
Россия, Ростов-на-Дону

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РФ

Аннотация. В статье рассматривается применение наказания в виде ограничения свободы, выявляются проблемы, связанные с его назначением. В ходе анализа автором выявляется несовершенство законодательного регулирования данного вида наказания и выносятся предложения по устранению недочетов.

Ключевые слова: Основное наказание, дополнительное наказание, ограничение свободы, наказание, лишение свободы, условное осуждение.

V. B. Builuk

Southern Federal University
Faculty of Law
Russia, Rostov-on-Don

ACTUAL PROBLEMS OF THE APPLICATION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The article discusses the use of punishment in the form of restriction of freedom, identifies problems associated with its appointment. In the course of the analysis, the author reveals the imperfection of the legislative regulation of this type of punishment and makes proposals to eliminate the shortcomings.

Keywords: Crime, restriction of freedom, punishment, deprivation of liberty, convicted.

Наказание в виде ограничения свободы предусмотрено в действующей системе уголовных наказаний в соответствии со ст. 44 и детально регламентировано в ст. 53 УК РФ [1]. Оно заключается в установлении судом осужденному определенных ограничений, касающихся физической свободы передвижения: невозможности покидания им постоянного места жительства в определенное время суток, запрета посещения массовых и иных мероприятий, а также участия в них и других, упомянутых в статье. Перечень ограничений, содержащихся в данной статье, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Данный вид наказания активно применяется с 2010 года, но вопросы, касающиеся как законодательной регламентации, так и практики его применения, остаются: в частности, о необходимости его применения в качестве дополнительного наказания к лишению свободы, о целесообразности введения специальных электронных браслетов для осужденных, а также об осуществлении надзора за виновными со стороны уголовно-исполнительных инспекций.

Рассмотрим данные статистики за первое полугодие 2021 года. Чаще всего применяется наказание в виде ограничения свободы, как основное, за преступления, совершенные следующим по статьям Уголовного кодекса: ст. 112, 115, 116, 158 ч. 1, 166 ч. 1, 264 ч. 1, 264 ч. 2. Всего по статьям Особой части УК РФ за первое полугодие 2021 года наказание в виде ограничения свободы, как основное и дополнительное, было применено 23 645 раз, что составляет 8,6% от общего числа осужденных. В 2010 году ограничение свободы применялось 7941 раз, в 2013 – 32 042, в 2014 – 26 983, в 2016 – 25 371, в 2020 – 20 099. Заметно снижение применения такого наказания. Это объясняется ежегодным снижением количества осужденных в целом. За 2010 год, было осуждено лиц 845 071, за 2014 – 719 297, в 2016 – 741 329, а в 2020 – 530 998 [2].

Ограничение свободы по сравнению с лишением свободы является более щадящей по отношению к преступнику мерой наказания. Однако уголовный закон предусматривает назначение данного вида наказания не всем лицам, совершившим уголовно-наказуемое деяние, а только тем, которые соверши-

ли преступление небольшой либо средней тяжести, либо же в качестве дополнительного наказания к лишению свободы или принудительным работам вне зависимости от категории. При этом ограничение свободы, согласно ст. 53 ч. 6 УК РФ, не применяется к военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, либо к лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории РФ.

Мягкость данного вида наказания в сравнении с лишением свободы проявляется в том, что при применении последнего лицо изолируется от общества на определенный срок или бессрочно, если лицу назначено пожизненное лишение свободы, и помещается в среду особого контингента, каждый член которого связан с совершением преступных действий. Это неблагоприятно сказывается на психике лица, ему достаточно тяжело приспособиться к обществу законопослушных граждан после возвращения на свободу [3, С. 107]. А у лиц, которые ограничиваются в свободе, не наступает таких последствий, в их жизни добавляются определенные ограничения, но они не отделяют осужденного от общества и его семьи, тем самым не травмируя и не трансформируя его психомоциональное состояние.

Ограничение свободы в качестве меры наказания может быть назначено несовершеннолетним на срок от 2 месяцев и до 2 лет и только как основной вид наказания. В этом случае законодатель исходит из того, что несовершеннолетнее лицо, совершившее преступление, при избрании судом меры наказания в виде ограничения свободы, должно иметь возможность продолжать обучение, работать, оно не должно быть оторвано от общества, так как это может помочь ему в исправлении, что и позволяет данный вид наказания. При этом стоит отметить, что ограничение свободы несовершеннолетним назначается за преступления небольшой и средней тяжести, но также следует его назначать и за тяжкие преступления, но в случае, если оно совершено впервые в соучастии, где его функция не сопровождалась активными действиями, направленными на непосредственное причинение вреда, например, в качестве пособника.

Ограничение свободы как дополнительный вид наказания к лишению свободы применяется в отношении не всех осужденных, что следует из ч. 2 ст. 53 УК РФ. Однако было бы целесообразным введение ограничения свободы дополнительно к лишению свободы во всех случаях назначения реального лишения свободы лицам, осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления. Ведь тогда проводилась бы профилактика повторного преступления лицом, отбывшим наказание в виде лишения свободы. Таким образом, осуществляется наблюдение за поведением осужденных, освободившихся на волю, ведь, как уже упоминалось, нахождение в криминальной среде преступников негативно сказывается на поведении данного лица. Уголовно-исполнительные инспекции оперативно получали бы информацию об осужденном путем использования различных технических средств контроля и определенных полномочий в виде возможности посещения его жилища в любое дневное время, и тем самым своевременно реагируют на отклонения в поведении лица. Например, можно было бы применить специальные GPS-браслеты для точного установления местонахождения лица, но на данный момент такая практика не получила должного распространения в силу дороговизны браслетов [4, С. 32]. Но если использовать средства видео-фиксации жизни осужденного для круглосуточного наблюдения за ним, то это можно рассматривать в качестве серьезного посягательства на частную жизнь.

Также осужденному судом может быть назначен запрет посещения массовых и иных мероприятий и участие в них. Здесь суд выделяет конкретные мероприятия, куда лицу запрещено приходить, например, митинги, шествия, демонстрации, пикетирования, и на которые разрешено, например, спортивные мероприятия. Но не все судьи следуют Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58, установившее обязательность конкретизации судами мест, запрещенных посещать осужденному [5]. Например, решение по уголовному делу № 1-24/2017 г. Инза Ульяновской области от 26 июня 2017 года, в приговоре которого лицу, осужденному за преступление по ч.1 ст.119 УК РФ назначено наказание в виде ограничения свободы на 5 месяцев в виде запрета: «не посещать

места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях», никак не детализируемого [6]. То же самое встречается в приговоре суда р.п. Кантемировка 29 июня 2017 года по Делу № 1-19/2017, по которому лицо за совершение преступления по ч.1 ст. 158 УК РФ назначено ограничение свободы на 8 месяцев с аналогичной формулировкой [7].

Существует судебная практика применения наказания в виде ограничения свободы как дополнительного к женщинам, совершившим уголовно-наказуемое деяние и имеющим детей, что негативно сказывается на осуществлении женщиной функции воспитания ребенка. Например, это создает дополнительные сложности в посещении мероприятий, связанных с участием ребенка в спортивных, научных или культурно-массовых мероприятиях, с его выступлениями на концертах, ограничивает ее в посещении родительских собраний. Потому в данной ситуации судам следует учитывать данные обстоятельства при выборе ограничений. Таким образом реализуется принцип гуманности уголовного закона, а также ст. 38 ч. 2 Конституции РФ. «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей».

Следует рассмотреть вопрос о том, когда наказание в виде ограничения свободы назначается в качестве дополнительного к условно осужденному. При условном осуждении дополнительные наказания исполняются реально. Лицо обязано выполнять обязанности, следующие как из условного осуждения, так и из дополнительного наказания – ограничения свободы, притом такие обязанности зачастую перекликаются. Встает вопрос, если лицо нарушило, например, запрет не менять место жительства, то это будет невыполнение обязательств условного осуждения или же ограничения свободы? Для того, чтобы избежать данной коллизии, стоит рекомендовать судам при назначении условного осуждения не назначать в качестве дополнительного ограничение свободы.

Таким образом, рассмотренные проблемы показывают, что законодательство требует корректировок, связанных с порядком назначения наказания в виде ограничения свободы.

Список литературы:

1. Буйлук В.Б. Совершенствование системы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в России / В.Б. Буйлук // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 1(128). – С. 107.
2. Капитонова Е.А. Ограничение свободы: современные проблемы применения / Е.А. Капитонова // Законность. – 2014. – № 5(955). – С. 32.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8470/> (Дата обращения 23.10.2021).
5. Приговор Инзенского судебного района Ульяновской области от 26.06.2017 года по делу № 1-24/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/cDYak3xH3WJn/> (Дата обращения 25.10.2021).
6. Приговор Кантемировского судебного района Воронежской области от 29.06.2017 по делу № 1-19/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/7oZYJbVM2Blu/> (Дата обращения 25.10.2021).
7. Данные судебной статистики Судебного департамента Верховного Суда РФ // <http://www.cdep.ru>. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 25.10.2021).

УДК 343.2/7

В. В. Волколупова

*Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
Россия, Волгоград*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СТАЛКИНГ (НЕЗАКОННОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ) И ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДАННОГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы, относящиеся к усилению противодействия таким проявлениям общественно опасного поведения, как stalking (незаконное преследование) с использованием уголовно-правовых средств. На основе проведенного исследования темы предлагается включить в действующий УК РФ новую статью (ст. 137.1) и формулирует ее авторская редакция.

Ключевые слова: stalking, уголовная ответственность, преступление, незаконное преследование, криминализация, личная безопасность.

V. V. Volkolupova

*Volgograd Institute of Management, branch of RANEP
Russia, Volgograd*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR STALKING (ILLEGAL HARASSMENT) AND PROSPECTS OF CRIMINALIZATION OF THIS SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR

Abstract: The paper deals with the problems related to strengthening the counteraction to such manifestations of socially dangerous behavior as stalking (illegal harassment) using criminal legal means. Based on the conducted research of the topic, it is proposed to include a new article in the current Criminal Code of the Russian Federation (Article 137.1) and its author's version is formulated.

Keywords: stalking, criminal liability, crime, illegal persecution, criminalization, personal security.

В последние десятилетия (особенно, с начала XXI в.) как в нашей стране, так и во многих развитых зарубежных странах все активнее проявляется такая негативная форма девиантного поведения, как stalking (от англ. «stalking», в переводе на русский язык – навязчивая страсть, охота, преследование). Это понятие в самом общем виде может быть определено, как систематическое, навязчивое преследование другого человека вопреки его воле, которое заключается в постоянных настойчивых попытках установить личный контакт с преследуемым лицом, а иногда и физическую близость (интимные отношения), и нередко сопровождается постоянным слежением за избранной жертвой, злоупотреблением ее персональными данными, запугиванием, включая угрозы применения физического насилия, в том числе и в отношении близких этого лица и использованием иных противоправных способов.

Stalking получает широкое распространение и в информационном пространстве, что обусловлено бурным развитием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, новыми возможностями использования GPS-треков слежения, значительно облегчающих stalkingу получать в режиме «онлайн» необходимые сведения о месте нахождения преследуемого лица, в том числе путем геолокации.

Современное состояние социальных сетей и их многообразие объективно способствует «проникновению» stalkingа в Интернет-пространство и повышению степени общественной опасности таких деяний, ведь многие граждане добровольно «включают» туда персональные сведения о себе.

Stalking особенно широко распространен в творческих сообществах, поскольку чаще всего подвергаются преследованию известные творческие личности (популярные артисты, эстрадные певцы, «звезды» шоу-бизнеса и т.п.). Однако встре-

чаются и такие случаи stalking, когда незаконно преследуются обычные «рядовые» граждане.

Среди stalkеров (преследователей) значительное число составляют лица, которые когда-то были близкими преследуемого, но затем по каким-либо причинам были отвергнуты им (бывший супруг (супруга), дети, родители, друзья, сослуживцы, одноклассники (сокурсники) и т.п.).

Среди типичных мотивов, обуславливающих негативное поведение в виде stalking, чаще всего встречаются такие, как личные неприязненные отношения, возникающие вследствие ссоры или иного серьезного конфликта stalkера с преследуемым им лицом, а также ревность, месть, зависть и т.п. Но возможно и иная мотивация, особенно у лиц, страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости, например, болезненное стремление во что бы то ни стало добиться ответной любви или дружбы [1, С. 15].

С объективной стороны stalking характеризуется только совершением действий, а путем бездействия данное деяние совершить невозможно.

Помимо собственно поиска, выслеживания и навязчивого приставания к своей жертве stalkеры нередко применяют более активные формы противоправного воздействия на потерпевшего, в том числе различные угрозы (психическое насилие) издевательство, оскорбление, а иногда и реальное физическое насилие, например, нанесение побоев, причинение вреда здоровью различной тяжести, а в крайних случаях встречаются и случаи убийства преследуемого лица [2, С. 278].

Угрозы со стороны stalkера весьма разнообразны по своей форме: телефонные звонки, анонимные сообщения, возможен взлом аккаунта в социальных сетях и т.п. Характерным для stalking является постоянное слежение за другим лицом (нередко, начиная с выхода его из квартиры либо с места работы и т.п.).

В 1996 году stalking был определен Конгрессом США, как федеральное преступление. Под stalkingом в законодательстве большинства штатов США понимается умышленное, преднамеренное и неоднократное преследование или причинение беспокорства, которое создаёт реальную угрозу для другого человека, с намерением подвергнуть этого человека разумному страху за его безопасность, а также за безопасность его близких родственников. Для привлечения к уголовной ответственности требуется неоднократное совершение данных действий (2 и более раза), что свидетельствовало бы о наличии у преследователя специальной цели запугать конкретного человека [3, С. 50].

Изучив нормативно-правовые акты государств, в которых stalking признан уголовно-наказуемым деянием, можно сделать вывод о том, что единого подхода к легальному определению данного понятия не существует. Как правило, законодатель лишь перечисляет конкретные действия, образующие данное преступление. Можно выделить основные черты stalking, которые по-разному излагаются, но обладают единым смыслом и указываются в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран. К ним можно отнести: отсутствие законного основания на осуществление преследования; попытки установления личного контакта с лицом, нежелающим этого; направленность действий на конкретное лицо; совершение действий с целью запугать, причинить дискомфорт лицу; системность действий; наличие негативных последствий в виде возникновения чувства тревоги и страха у преследуемого лица.

В силу этого криминализация наиболее опасных форм stalking и разумное использование уголовно-правовых средств, наряду с другими мерами противодействия такому девиантному поведению будет способствовать, на наш взгляд, и решению еще одной важной профилактической задачи, связанной с выявлением лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, в частности, такими, как бред преследования (персекуторный бред) или синдром Адели, то есть расстройство психики в виде возникновения «любвиной зависимости» и болезненной страсти к своему возлюбленному (возлюбленной). Выявление названных лиц при проведении процессуальной проверки поступивших заявлений в ходе расследования таких преступлений названных лиц будет способствовать их своевременному лечению,

в том числе и с применением принудительных мер медицинского характера к субъектам преступления. Кроме того, реализация уголовной ответственности за общественно опасные проявления stalking способна на ранних стадиях предотвращать совершение новых, более тяжких преступлений против личности и против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

На наш взгляд, stalkеры, не имеющие психических расстройств, являются еще более опасными, чем лица с болезненными изменениями психики, и поэтому применение к ним именно уголовно-правовых мер воздействия представляется вполне оправданным и криминологически обоснованным в случае совершения ими таких деяний, которые вызывают у потерпевшего реальные основания опасаться за свою жизнь или здоровье, либо за жизнь или здоровье своих близких.

Учитывая позитивный опыт законодательного конструирования соответствующих уголовно-правовых норм, имеющийся во многих развитых зарубежных странах (Великобритании, США, Германии, Канаде, Норвегии и др.), а также результативность их применения в этих странах, нами предлагается внести изменения и в действующий УК РФ, включив в него специальные нормы об ответственности за незаконное преследование (stalking) и при этом дифференцировать ответственность в зависимости от степени общественной опасности таких деяний, то есть выделить простой состав и его квалифицированные виды.

Предлагаемую нами новую статью с учетом основного непосредственного объекта посягательства при незаконном преследовании (конституционное право граждан на личную безопасность и неприкосновенность частной жизни), логично было бы поместить в гл. 18 УК РФ («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»), присвоив ей номер 137.1.

Данную статью предлагается сформулировать в следующей редакции:

1. Незаконное преследование другого лица путем его систематического поиска, выслеживания, злоупотребления персональными данными либо с использованием иных способов в целях установления вопреки воле этого лица нежелательных для него личных контактов, в том числе и физической близости, если данные деяния создают для преследуемого лица основания опасаться за свою жизнь или здоровье либо за жизнь или здоровье своих близких, – наказываются...
 - а) группой лиц по предварительному сговору;
 - б) с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»);
 - в) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего либо угрозой применения такого насилия к потерпевшему или его близким, – наказываются...
3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:
 - а) организованной группой;
 - б) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего либо с угрозой применения такого насилия к потерпевшему или его близким, – наказываются...
4. Те же деяния, повлекшие по неосторожности причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью потерпевшему, – наказываются...

Список литературы:

1. *Василенко Г.Н.* Перспективы правовой регламентации stalking как административного правонарушения / Г.Н. Василенко, И.К. Лобанова // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2018. № 3. С. 14–18.
2. *Сторубленкова Е.Г.* Stalking: синдром навязчивого преследования / Е.Г. Storublenkova, В. Л. Самуткин // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 278–281.
3. *Рыжова О.А.* Об ответственности за stalking в Российской Федерации и в зарубежных странах / О.А. Рыжова, Ю.С. Корнишина // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 4 (24). С. 49–55.

М. В. Вязова

Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ. ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В работе рассматривается проблема, связанная с доведением до самоубийства при помощи сети «Интернет». Приведена разновидность анализируемого преступления. Представлены способы минимизации совершения преступлений по доведению до самоубийства. Сделано заключение о необходимости более глубокого изучения данной проблемы.

Ключевые слова: Доведение до самоубийства, уголовное законодательство, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», социальные сети, нейронная сеть.

M. V. Vyazova

Saratov State Law Academy
Institute of justice
Russia, Saratov

INCITEMENT TO SUICIDE THROUGH THE USE OF THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK "INTERNET". WAYS TO SOLVE THE PROBLEM

Abstract. The paper deals with the problem of driving to suicide using the Internet. The variety of the analyzed crime is given. The ways of minimizing the commission of crimes of driving to suicide are presented. The conclusion is made about the need for a more in-depth study of this problem.

Keywords: Suicide, criminal law, information and telecommunication network "Internet", social networks, neural network.

Преступления против личности являются самыми опасными по объекту посягательства, так как вред наносится не только конкретному лицу, но и обществу в целом. При этом большей общественной опасностью обладают преступления, связанные с доведением до самоубийства, которые совершаются через «Интернет».

Отметим то, что в настоящее время широкое распространение получила проблема доведения до самоубийства, потому что каждый житель нашей страны, неважно прямо или косвенно, но не раз сталкивался с ней, ввиду того, что сейчас практически у каждого лица есть доступ в «Интернет». Опасность «Интернета» состоит в том, что в данном пространстве наиболее уязвимы дети и подростки, имеющие склонность к суицидальному поведению. Чаще всего именно данная группа лиц попадает под влияние социальных сетей, где находится огромный пласт информации, имеющей суицидальный характер. Здесь они находят себе людей, с такими же взглядами, как и у них, им становятся известны различные способы самоубийства, они романтизируют смерть и всё, что с ней связано, у них формируется мнение, что «смерть – единственный выход». Именно в «Интернете» данных лиц и находят взрослые люди, которые склоняют их к совершению самоубийства, путём оказания влияния на неокрепшую психику детей.

Существует немалое количество примеров, когда виновному в рассматриваемом уголовном преступлении удавалось избежать уголовного наказания, а к уголовной ответственности привлекалось совсем другое лицо.

В 2017 г. произошёл ряд самоубийств, и в ходе расследования данных уголовных дел было установлено, что самоубийства в большинстве случаев происходили как раз при помощи сети «Интернет».

При изучении ситуации, которая происходила и происходит в нашей стране, можно выделить следующие виды анализируемого преступления. В первом случае действия по доведению до самоубийства при помощи сети «Интернет» при-

меняются к конкретному лицу, которое ранее было знакомо преступнику или к лицу, ранее знакомое виновному [1, С. 263]. Во втором случае умысел виновного лица направлен на доведение до самоубийства неопределённого круга лиц с помощью спам-рассылок, которые имеют суицидальный характер. Все действия происходят именно при помощи сети «Интернет» для того, чтобы правоохранительные органы так и не выявили факт совершения преступления.

Обратим внимание на то, что на данный момент времени ведётся работа по выявлению и блокированию информации, которая содержит в себе сведения о способах совершения суицида. Однако удалить в полном объеме такую информацию из интернет-ресурсов никогда не удастся, потому что данный вид деятельности достаточно трудоёмкий, а вместо удалённой информации появляется новая [2, С. 120].

Для того чтобы более оперативно выявлять информацию суицидального характера и предотвратить случаи доведения лиц до самоубийства при помощи сети «Интернет» необходимо выполнять некоторых перечень действий. Во-первых, следует создать нейронную сеть, которая будет при загрузке фото и видео файлов в сеть сопоставлять их с известными файлами суицидального характера [3, С. 55]. То есть также потребуются создание базы данных, содержащей в себе незаконный контент. Во-вторых, данная нейронная сеть должна уметь распознавать текст, который содержит в себе информацию по доведению до самоубийства. В-третьих, нейронная сеть должна выявлять страницы, сообщества в социальных сетях, которые пропагандируют суицид. При этом должны быть специально уполномоченные люди, которые будут делать окончательный вывод о том, имеет ли выявленный контент суицидальный характер, потому что нейронная сеть может ошибочно относить контент к таковому.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что доведение до самоубийства путем использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» имеет высокую степень общественной опасности, состоящей в том, что данное уголовно наказуемое деяние достаточно сложно выявить, а иногда и вовсе невозможно из-за возможностей «Интернета». Данное деяние сложно доказать, а сам факт его совершения представляет собой неизбежные последствия, которые негативно сказываются на жизни общества. Поэтому существует необходимость более глубокого изучения данной проблемы, так как в настоящее время технические аспекты сбора данных для доказательства преступления несовершенно.

Список литературы:

1. *Летёлкин Н.В.* Проблемы уголовно-правовой оценки преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (на примере ст. 110 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 263.
2. *Колычева А.Н., Васюков В.Ф.* Отдельные аспекты судебной компьютерной экспертизы, назначаемой при расследовании преступлений, совершенных с использованием Интернета // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3 (25). С. 120.
3. *Чаплыгина В.Н., Иванюшин Д.В.* Особенности расследования уголовных дел по преступлениям, связанным с суицидальными действиями несовершеннолетних при использовании ими социальных сетей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 55.

П. В. Гладкова

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт прокуратуры
Россия, Москва*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье рассматривается проблема уголовной ответственности за клевету в сети Интернет. Особое внимание уделяется отдельным вопросам квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ, с учетом новой редакции. Автор анализируются наиболее проблемные вопросы расследования клеветы в сети Интернет.

Ключевые слова: клевета, сеть Интернет, уголовная ответственность, честь и достоинство, порочащие сведения.

P. V. Gladkova

*The Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Moscow*

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR DEFAMATION ON THE INTERNET

Abstract. The article is devoted to the problem of criminal liability for defamation on the Internet. Particular attention is paid to certain issues of qualification of the corpus delicti provided for in Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the new edition. The author analyzes the most problematic issues of the investigation of defamation on the Internet.

Keywords: slander, the Internet, criminal liability, honor and dignity, defamation.

На сегодняшний день можно сказать, что информационное пространство Российской Федерации не является в полной мере защищенным, так как содержит вредоносный контент и имеет недостаточно контролируемый характер. Интернет всё чаще используется лицами в противоправных целях, преступников привлекает удаленность, анонимность и высокая вероятность, что они не будут обнаружены. Это сформировало почву для распространения такого явления как клевета в сети Интернет.

Согласно ч.1 ст. 128.1 УК РФ, клевета – это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию [1]. Информацию можно признать клеветой, только если она отвечает следующим критериям.

Во-первых, сведения должны быть публично распространены. В 2005 г. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях хотя бы одному лицу [2]. В последующем Пленум Верховного Суда РФ указал на то, что федеральными законами не предусмотрено каких-либо ограничений в способах доказывания факта распространения сведений через телекоммуникационные сети, поэтому суд вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством [3].

Во-вторых, такие сведения должны носить заведомо ложный характер. Определяющим признаком клеветы является именно «заведомость», то есть клевета совещается только с прямым умыслом. Это значит, что при распространении сведений лицо осознает, что они являются ложными (недостовверными, несоответствующими действительности) и порочат честь и достоинство или подрывают репутацию человека.

В-третьих, информация имеет порочащий характер. Согласно пункту 7 Постановления Пленума ВС РФ № 3, порочащими признаются сведения, содержащие утверждения о нарушении

гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица. При этом сведения должны быть выражены в форме утверждений о фактах и событиях, которые возможно проверить на достоверность, а не в форме оценочных суждений и мнений. В соответствии с пунктом 5 «Обзора практики рассмотрения судами дел по защите чести, достоинства и деловой репутации», при решении вопроса о том, носят ли сведения порочащий характер, судам в необходимых случаях следует назначать экспертизу (например, лингвистическую) или привлекать для консультации специалиста (например, психолога) [4].

Федеральным законом от 30 декабря 2020 года № 538-ФЗ в статью 128.1 УК РФ были внесены поправки, которые ужесточили ответственность за клевету в публичном пространстве. Так, в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ были установлены два новых квалифицирующих признака клеветы: в том числе, клевета, совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Законодательное закрепление клеветы в сети Интернет было необходимо. Согласно пояснительной записке к законопроекту, большинство сайтов в сети «Интернет» не являются средствами массовой информации, так как не зарегистрированы в таком качестве в установленном порядке. Это не позволяло привлекать лиц, распространявших порочащие сведения в таких источниках, к ответственности по старой редакции статьи.

За клевету в сети Интернет предусмотрен один из следующих видов наказания: штраф в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательные работы на срок до двухсот сорока часов, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до двух месяцев, либо лишение свободы на срок до двух лет. Необходимо отметить, что в предыдущей редакции санкция ч. 2 ст. 128.1 УК РФ предусматривала наказание только в виде штрафа или обязательных работ.

Согласно статистике, в 2020 г. к уголовной ответственности за клевету без отягчающих обстоятельств было привлечено 56 лиц, а за квалифицированные виды данного преступления (части 2–5 статьи 128.1 УК РФ) – 28 лиц.

Можно выделить следующие проблемы при расследовании преступлений, связанных с клеветой в сети Интернет.

В первую очередь, трудность представляет поиск виновного лица. Часто клевета осуществляется лицами, не знакомыми лично с потерпевшими, что значительно усложняет их поиск. Особенно эта проблема является актуальной для публичных лиц.

Следующей проблемой является выявление наличия умысла у лица, совершившего клевету. При расследовании уголовных дел по статье 128.1 УК РФ необходимо доказать у лица наличие прямого умысла. Например, если лицо, распространяющее порочащие сведения, добросовестно считало их соответствующими действительности, то оно не может быть привлечено к уголовной ответственности ввиду отсутствия в его действиях состава преступления.

Кроме того, проблему представляет сбор доказательств для привлечения лица к ответственности по ч. 2 ст. 181.1 УК РФ. Это связано с тем, что лицо, опубликовавшее порочащие сведения, может спустя некоторое время самостоятельно их удалить [5]. Для того чтобы привлечь лицо к ответственности, необходимо зафиксировать факт клеветы в сети «Интернет». К примеру, Второй кассационный суд общей юрисдикции подтвердил возможность доказывания факта распространения клеветы копиями интернет-страниц (скриншотами). Самым надежным доказательством по делу о клевете является нотариально заверенный протокол осмотра интернет-сайта, где были размещены порочащие сведения [6]. В этом случае даже после удаления информации из общего доступа, у потерпевшего на руках останется документ, подтверждающий факт клеветы. Однако такой протокол может выступать в ка-

честве доказательства в рамках рассмотрения гражданского дела, а в рамках расследования уголовного дела все доказательства собираются следователем или дознавателем в порядке, закрепленном УПК РФ, что, на наш взгляд, является не целесообразным.

Необходимо отметить, что Верховный Суд РФ внес в Государственную Думу законопроект о новом порядке расследования и рассмотрения дел о клевете. Предлагается внести поправки в УПК РФ, согласно которым уголовные дела о клевете будут переведены в категорию уголовных дел частного-публичного обвинения, которые нельзя прекратить в связи с примирением сторон. На данный момент уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 128.1 ч. 1 УК РФ, считаются делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. По мнению инициаторов законопроекта, частный порядок рассмотрения дел о клевете не в полной степени соответствует позиции Европейского Суда по правам человека.

При этом уголовные дела о клевете, совершенной при квалифицирующих обстоятельствах (части 2–5 статьи 128.1 УК РФ), являются делами публичного обвинения, которые возбуждаются, расследуются и рассматриваются вне зависимости от наличия заявления потерпевшего и его дальнейшей позиции по делу.

Таким образом, дополнение состава клеветы таким квалифицирующим признаком, как клевета, совершенная публично с использованием сети Интернет было необходимым, ввиду стремительного развития информационных технологий и появления в суде новой категории дел. К числу сложностей при расследовании таких преступлений следует отнести специфику сбора доказательств, необходимость доказывания наличия прямого умысла в действиях лица. Пострадавшим важно своевременно обращаться в правоохранительные органы, до того, как информация будет удалена правонарушителем из общего доступа без возможности восстановления. С другой стороны, представляется, что развитие цифровых технологий позволит выработать подходы к решению задач по внедрению систем искусственного интеллекта в процессы выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации: www.pravo.gov.ru.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Ерашова О.С.* Совершение деяния, подразумевающего клевету в сети Интернет. Проблемы доказывания и исчисления срока давности // Закон и право. 2019. № 5. С. 107–110.
6. *Бегичев А.В.* Использование протоколов осмотров интернет-сайтов в судебной практике // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 28–35.

УДК 343.5

А. Е. Гончаров

*Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
Институт Частного Права
Россия, Москва*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (ГЛАВЫ 28 УК РФ)

Аннотация. В данной работе посредством анализа действующего законодательства и доктринальных источников рассматриваются отдельные концепции усовершенствования уголовного законодательства в условиях цифровизации общества. Авторские выводы и предложения законодательного характера затрагивают преступления в сфере компьютерной информации, а именно составы соответствующих преступлений главы 28 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, законодательство, компьютерной информации, противоправные деяния, уголовная ответственность, составов преступлений.

A. E. Goncharov

*Moscow State Law University named O.E. Kutafin (MSAL)
Institute of Private Law
Russia, Moscow*

CERTAIN ASPECTS OF IMPROVING LEGISLATION ON CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION (CHAPTER 28 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. In this article, through the analysis of the current legislation and doctrinal sources, we consider certain concepts for improving the criminal legislation in the context of the digitalization of society. The author's conclusions and proposals of a legislative nature affect crimes in the field of computer information, namely, the corpus delicti of chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: digitalization, legislation, computer information, illegal acts, criminal liability, corpus delicti.

Цифровизация является характерным явлением для XXI века, поскольку она «вторглась» практически во все сферы жизни общества. В свою очередь, законодательство – достаточно динамичное явление, которое должно меняться и дополняться вместе с развитием общества, что особенно актуально в современных реалиях. Так, все большую актуальность в последние годы приобретают вопросы, связанные с правовым регулированием сферы компьютерной информации. В целом, следует отметить, что появление сети «Интернет» поспособствовало развитию цифровых технологий и продолжает оказывать колоссальное воздействие на общественные отношения, возникающие в сфере компьютерной информации. Данная сеть является свободным пространством для перемещения информации, которая с ее помощью способна преодолевать любые государственные границы. С учетом этого ученые говорят о самостоятельном месте в юридической системе интернет-права, отношения в рамках которого регулируются нормами различных отраслей [3, С. 103].

Безусловно, отношения, складывающиеся в области информационной безопасности, охраняются уголовным правом. В доктрине существует обоснованное мнение, согласно которому в этой области законодательство часто не поспевает за развитием техники [6, С. 13]. Соответственно, возникает проблема совершенствования уголовного законодательства в сфере компьютерной информации с учетом реальных жизненных обстоятельств.

В особенной части УК РФ существуют отдельные составы так называемых «компьютерных преступлений». В доктрине имеют место разные позиции по данному вопросу, однако можно констатировать, что национальное законодательство на данный момент не содержит дефиниции ком-

пьютерных преступлений. Это видится определенным пробелом в праве, требующим легального разрешения. Понятие компьютерных преступлений само по себе охватывает достаточно широкий круг реально существующих деяний [4, С. 110]. Такого рода преступления можно охарактеризовать как противоправные деяния с использованием ИИ (Искусственного интеллекта) или иных информационных технологий в качестве средств посягательства на общественные отношения, охраняемые государством. В данной же работе предпринята попытка анализа именно составов преступлений в сфере компьютерной информации, которые закреплены в гл. 28 УК РФ.

В науке под преступлениями в сфере компьютерной информации понимаются виновные посягательства на безопасность в сфере использования компьютерной информации, которые причиняют существенный вред или создают угрозу причинения такого вреда [2, С. 534].

Основополагающим правовым актом в данной сфере является Конституция Российской Федерации, статья 24 которой не допускает без согласия лица сбор, хранение, использование и распространение информации о его частной жизни, что несомненно является конституционно-правовой гарантией права личности на неприкосновенность частной жизни.

В самом общем виде под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [1]. Относительно компьютерной информации следует обратить внимание на примечание 1 к ст. 272 УК РФ, которое признает в качестве таковой сведения, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Таким образом, исходя из легального определения, можно получить наиболее полное представление о правовой природе понятия «компьютерная информация».

Переходя к концепциям улучшения уголовного законодательства в соответствующей сфере, следует отметить, что в доктрине существует мнение о том, что в ст. 273 УК РФ, устанавливающей ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, не предусмотрена уголовная ответственность за хранение и приобретение в целях дальнейшего использования или распространения таких программ [8, С. 170]. Вместе с тем эти деяния также могут представлять опасность для общества и нести вредные последствия. Как следствие, представляется необходимым криминализовать данные деяния, чтобы избежать оборот таких программ среди злоумышленников. Данной позиции придерживается и Е.А. Русскевич, который отмечает, что приобретение вредоносной программы для последующего распространения или использования не образует сегодня состава преступления [9, С. 336].

Интерес представляет предложение ученых о необходимости конкретизации в законе понятия «вредоносная компьютерная программа» [8, С. 170]. В науке указанная программа признается предметом преступления [7, С. 55]. В.Г. Степанов – Егиянц под вредоносной компьютерной программой понимает совокупность данных и команд, предназначенных для воздействия на защищаемую информацию с нарушением установленных прав и (или) правил, приводящая к утечке, подделке, уничтожению, блокированию доступа к информации, а также к утрате, уничтожению или сбою функционирования носителя информации, которая представлена в объективной форме [10, С. 199]. Видится целесообразным закрепить данное определение в законе, а именно в гл. 28 УК РФ с целью способствования стабильности уголовно – правового регулирования и увеличению эффективности правоохранительной деятельности.

В доктрине высказываются предложения о необходимости выделения из ст. 273 УК РФ в самостоятельный состав преступления деяния по созданию вредоносной компьютерной программы, что в перспективе позволит квалифицировать его по совокупности с составом последующего использования данной программы [9, С. 338]. Следует согласиться с приведенным мнением, поскольку использование разработчиком своей собственной программы оценивается в качестве одного состава преступления; дальнейшее использование программы фактически не получает должной уголовно-правовой

оценки. Вместе с тем очевидно, что данные действия можно считать наиболее опасными по сравнению, например, с обычным использованием таких вредоносных программ. Так, лицо, действуя умышленно и создавая программу, способную нанести какой-либо ущерб, «запускает» процесс ее оборота, осознавая при этом последствия своих действий и степень той опасности, которую программа может принести как для общества в целом, так и для отдельных лиц.

Помимо приведенных предложений об улучшении уголовного законодательства, в доктрине отмечается необходимость расширения круга криминализованных деяний в гл. 28 УК РФ путем включения в нее таких составов преступления, как компьютерный шпионаж, компьютерный терроризм, компьютерное мошенничество, причинение имущественного вреда путем изменения компьютерной информации и других. [5, С. 157–161]. Считаем обоснованным внесение соответствующих изменений: это поможет избежать двусмысленного понимания и, как следствие, неправильного применения уже существующих составов преступлений при квалификации деяний в сфере компьютерной информации.

Обобщая изложенное, следует заключить, что изменения, предложенные в данной статье, способны улучшить качество как уголовного законодательства в целом, так и отдельных уголовно-правовых норм, что способствует увеличению эффективности их применения в практической деятельности в области обеспечения информационной безопасности в компьютерной сфере. Важно при этом учитывать динамику развития общественных отношений в анализируемой области в условиях цифровизации, поскольку пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 лишней раз подтвердила актуальность проблем оборота информации и необходимость их незамедлительного решения.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. ст. 3448.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. Парог – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2017. С. 624.
3. *Архипов В. В.* Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. – С. 93–114.
4. *Быков В. М., Черкасов В. Н.* Правовые проблемы борьбы с компьютерными преступлениями // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 188 Электронный ресурс URL: <https://rucont.ru/efd/241524> (дата обращения: 01.11.2021).
5. Бражник С. Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Ижевск, 2002. С. 189.
6. *Вехов В. Б.* Компьютерные преступления: Способы совершения и раскрытия / Под ред. акад. Б.П. Смагоринского – М.: Право и Закон, 1996. С. 182.
7. *Воробьев В. В.* Преступления в сфере компьютерной информации: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 – Нижний Новгород. 2002. С. 201.
8. *Гончар В. А., Михайленко Н. В., Анашкин Ю. Н.* Отдельные аспекты совершенствования уголовно – правового законодательства России в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 169 – 172.
9. *Русскевич Е. А.* Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дисс. ... доктор наук: 12.00.08. – Москва, 2021. С. 521.
10. *Степанов–Егиянц В. Г.* К вопросу о предмете преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ // Инновации и инвестиции. 2014. № 9. С. 199 – 202.

И. И. Гончаров
 ППА МИНЮСТА РОССИИ
 Юридический колледж
 Россия, Махачкала

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье дана общая характеристика современного состояния института досудебного соглашения о сотрудничестве, его значение для успешного раскрытия преступления. Авторы обращают внимание на недостатки дефиниции в п. 61 ст. 5 УПК РФ, обосновывают предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: досудебное; соглашение о сотрудничестве; понятие; проблемы, институт права, практика применения.

I. I. Goncharov
 RPA OF THE Ministry OF Justice OF RUSSIA
 Law College
 Russia, Makhachkala

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT: CONCEPT, PROBLEMS

Abstract. The article gives a general description of the current state of the institute of pre-trial cooperation agreement, its importance for the successful detection of a crime. The authors draw attention to the shortcomings of the definition in paragraph 61 of Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, substantiate proposals for its improvement.

Keywords: pre-trial; cooperation agreement; concept; problems.

УПК РФ был дополнен главой 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», урегулировавшей процессуальный порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и связанные с ним особенности досудебного и судебного производства по уголовному делу, Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ [1, С. 178].

При введении данного института законодатель использовал зарубежный опыт. Как верно отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 июля 2016 г. № 17-П: «дозволение обвиняемому добиться уменьшения объема обвинения или размера наказания в случае признания своей вины или отказа от оспаривания предъявленных обвинений, либо в обмен на плодотворное сотрудничество с органом следствия является общей чертой европейских систем уголовной юстиции».

В научной литературе справедливо обращается внимание на важность рассматриваемого института в противодействии представляющим большую общественную опасность преступлениям, совершаемым преступными группами.

При анализе судебной практики Республики Дагестан нами также были выявлены уголовные дела, в которых помощь лиц, с которыми было заключено досудебное соглашение, сыграла важную роль в достижении целей уголовного судопроизводства. Так, например, благодаря детальным показаниям К., с которой было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, были установлены обстоятельства совершения К.А.В. четырех эпизодов преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств с использованием, в том числе сети «Интернет». По совокупности преступлений К.А.В. было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 13 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [2, С. 167].

На наш взгляд, определение досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепленное в п. 61 ст. 5 УПК РФ имеет ряд неточностей, которые необходимо устранить из текста уголовно-процессуального закона.

Во-первых, досудебное соглашение о сотрудничестве определяется как соглашение, заключаемое между сторонами обвинения и защиты. В соответствии с п. 47 ст. 5, гл. 6

УПК РФ сторона обвинения включает в себя не только прокурора, следователя и руководителя следственного органа, непосредственно участвующих в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, но и дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, частного обвинителя, потерпевшего и других участников, которые не участвуют в данной процедуре. Должностные лица органа дознания не вправе заключать такие соглашения (такое толкование уголовно-процессуального закона было закреплено в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16). Остальные участники со стороны обвинения могут даже не знать о заключении соглашения на досудебных стадиях вплоть до ознакомления с материалами уголовного дела. Тоже самое относится к участникам со стороны защиты, за исключением обвиняемого, подозреваемого и защитника [3, С. 34].

Таким образом, в п. 61 ст. 5 УПК РФ необходимо заменить фразу «соглашение между сторонами обвинения и защиты» на «соглашение между прокурором и обвиняемым (подозреваемым), заключаемое в присутствии следователя, защитника».

Во-вторых, не соответствует действительности следующая фраза в определении «стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий».

Дело в том, что условия уголовной ответственности не могут быть согласованы сторонами, поскольку они определены в УК РФ. В частности, в ст. 19 УК РФ в качестве общих условий уголовной ответственности закреплены вменяемость физического лица, достижение им возраста уголовной ответственности.

С учетом вышеуказанных замечаний представляется возможным предложить новый вариант рассматриваемой дефиниции:

«61) досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение между прокурором и подозреваемым или обвиняемым, заключаемое в присутствии следователя, защитника, в соответствии с которым обвиняемый в обмен на смягчение наказания по правилам ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ добровольно берет на себя обязательство по даче полных и достоверных показаний по делу, совершению иных действий в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.»

Список литературы:

1. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.
3. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // Российская газета. 2012. 11 июля.
4. По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.
5. Приговор Кировского районного суда Республики Дагестан от 20.05.2019 по уголовному делу № 1-9/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VzU4xgo3gWJC/>

Е. В. Гостяева

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются сущность искусственного интеллекта как субъекта преступления, история создания данного понятия. Актуальность темы научной статьи заключается в том, что изменения во всех сферах современного общества наложили свои отпечаток и на такие отрасли права, как конституционное, гражданское, уголовное. Научно-технический процесс привел к возможности совершения общественно опасных деяний посредством использования нейронных сетей, искусственного интеллекта или самим искусственным интеллектом. Также в статье рассматриваются ситуации, при которых искусственный интеллект стал субъектом преступления, подводятся вывод о приобщение искусственного интеллекта к субъектам преступления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъекты преступления, искусственное лицо, ответственность, робот, право-субъектность, киберпреступление.

E. V. Gostyaeva

*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SUBJECT OF CRIME

Abstract. The article examines the essence of artificial intelligence as a subject of crime, the history of the creation of this concept. The relevance of the topic of the scientific article lies in the fact that changes in all spheres of modern society have imposed their typos on such branches of law as constitutional, civil, criminal. The scientific and technical process has led to the possibility of committing socially dangerous acts through the use of neural networks, artificial intelligence or artificial intelligence itself. The article also discusses situations in which artificial intelligence has become the subject of a crime, and concludes that artificial intelligence has been introduced to the subjects of crime.

Keywords: artificial intelligence, subjects of crime, artificial person, responsibility, robot, legal personality, cybercrime.

21 век считается веком научно-технического прогресса. В условиях развития современного общества мысль о том, что через пару десятков лет умные машины заменят человека, не кажется странной и необычной. Вопрос о том, к чему приведет такое стремительное вхождение робототехники в жизнь современного человека остаётся открытым.

Освещая тему «Искусственный интеллект как субъект преступления» уместным будет подробно рассмотреть каждый аспект этой темы. Единого понятия «искусственный интеллект» не существует. В словаре Т.Ф. Ефремовой понятие «интеллект» характеризуется следующим образом: мыслительная способность человека, его умственное начало. В толковом словаре С.И. Ожегова даётся следующее понятие «искусственный интеллект» – раздел информатики, разрабатывающий методы моделирования отдельных функций творческой деятельности человека.

Для углубленного изучения понятия «искусственный интеллект» стоит обратиться к истории создания этого понятия. В 1955 году Дж. Маккарти вел понятие «искусственный интеллект». Главной целью искусственного интеллекта автор видит «разработку машин, которые должны вести себя так, как будто они разумны». Незадолго до этого, в 1950 г. А. Тьюринг в своей статье «Вычислительные машины и разум» задал вопрос: может ли машина делать то, что делает человек, как мыслящее создание? Он также предложил тест для определения «разумности» машины.

Р. Курцвейл определил ИИ как машину, которая выполняет функции, требующие интеллектуальных способностей при

реализации их человеком. Продолжая размышление в этом ключе, Д.В. Смолин предложил понимать под искусственным интеллектом систему, компьютерно-моделирующую разумное мышление и поведение человека.

Таким образом, рассмотрев историю этого понятия, лексическое значение, можно сделать вывод, что слово интеллект относится к психологическим процессам человеческого мозга, в свою очередь прилагательное «искусственный» указывает на то, что творческие способности человека, его познавательная деятельность, быстрота мыслительных реакции пытается быть заменена умными машинами.

Согласно статье 14 Уголовного Кодекса Российской Федерации преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в своей научной статье мы будем освещать возможность рассмотрения искусственного интеллекта как субъекта преступления.

Один из самых резонансных случаев «провала» искусственного интеллекта, может считаться случай наезда беспилотного автомобиля на женщину в штате Аризона (США) в 2018 г., в результате наезда женщина скончалась. Причиной произошедшего стало снижение порога чувствительности датчиков к распознаваемым опасным объектам во избежание ложных срабатываний.

Это не единственный случай дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом с участием систем искусственного интеллекта. В 2016 и 2018 гг. погибли водители автомобилей с включенным автопилотом и не контролировавшие управление.

В 2018 г. стало известно, что используемая рядом медицинских учреждений для диагностики и лечения онкологических заболеваний система с ИИ IBM Watson Health в отдельных случаях предлагает некорректные методы лечения, способные привести к смерти пациентов. В результате проведенного исследования установлено, что разработчики в процессе обучения системы ИИ давали ей не реальные истории болезней, а искусственно сгенерированные, не имевшие место в действительности случаи.

Некоторые формы ИИ являются или будут являться опасными по своей природе. К ним относятся случаи, когда системы с ИИ разрабатываются в военных целях, пусть даже и оборонительных. Системе с ИИ необходимы границы, которые бы исполняли роль руководства. Это не снимет все существующие риски выхода системы с ИИ из-под контроля, но значительно их снизит.

Решающее значение для оценки рисков причинения вреда имеет вид ограничения, применяемый к ИИ. Если производитель четко указывает, для чего предназначен ИИ и какие ограничения он имеет, то тогда стоит рассматривать риск, который может причинить система при использовании ее за пределами тех условий, для которых она создавалась. Например, использование автономного автомобиля в снежную погоду, тогда как производитель заявил, что автомобиль не предназначен для эксплуатации в условиях снегопада, может рассматриваться как серьезный риск причинения вреда. Несчастные случаи более вероятны в условиях, для которых автомобиль не построен. Полагаем, что в таком случае, ответственность за причинение вреда ложиться на то лицо, которое, зная о существующих ограничениях, тем не менее использовало систему с искусственным интеллектом за рамками разрешенных границ.

Другой аспект, который необходимо рассмотреть, заключается в том, какой эффект вызывает машинное обучение и подобные методы. Большинство систем с ИИ предназначено для изучения своего окружения посредством обработки большого количества данных, так называемая технология bigdata. С помощью этой технологии ИИ принимает решения на основе того, что он смог изучить ранее. Это делает развитие ИИ непредсказуемым, то есть система может придумать стратегии или принимать решения, которые являются непредвиденными для ее разработчиков и пользователей. Почти наверняка будут ситуации, когда в цепочке от производства до использования ИИ люди все сделали «правильно», но ИИ

учится, тем не менее «не тому». В этой связи представляют интерес несколько случаев, произошедших с самообучающимися чат-ботами.

В 2016 г. компания Microsoft открыла Twitter-аккаунт бота Tay. Всего за сутки в процессе общения с различными пользователями чат-бот научился нецензурно выражаться, заявил, что ненавидит феминисток, выразил свое согласие с политикой Гитлера, а Холокост – это фейк. В результате компания была вынуждена его отключить. Спустя некоторое время компания повторила эксперимент, установив ограничения. Около полугода новый чат-бот Zo избегал общения на политические, религиозные и национальные темы, после чего заявил, что Linux лучше Windows, а «Коран очень жесток».

На первый взгляд такое поведение искусственного интеллекта не является критическим и у многих людей вызывает лишь улыбку. Однако глубокий анализ этих и других процессов, связанных с обучением ИИ, указывает на проблемы, связанные с «социальной адаптацией».

Таким образом, можно выделить несколько типов ситуаций, когда система под управлением ИИ может совершить деяние с признаками преступления:

1. Система с ИИ создана в целях совершения преступления.

2. В систему с ИИ осуществлено неправомерное вмешательство, последствием которого стало совершение преступления. Сюда же мы включаем случаи преднамеренного использования систем с искусственным интеллектом в условиях, для которых они не разрабатывались.

3. При проектировании (создании) системы с ИИ допущена ошибка, вследствие чего совершено преступление. Разновидностью этой ситуации являются случаи, когда система с искусственным интеллектом «вышла из-под контроля» создателей в силу того, что они не учли каких-то факторов при разработке системы и определении ее параметров, оказавшихся в последствии.

Искусственный интеллект создан человеком, у него нет сознания, разума, силы воли, рационального мышления, вся ответственность за неисправность работы умных машин возлагается на человека. В ходе изучения темы научной работы было выявлено, что на данный момент искусственный интеллект не может считаться субъектом преступления. Однако наступит тот момент, когда технологический уровень развития искусственного интеллекта достигнет предела, требующего признания наличия у ИИ автономии воли и сознания, что повлечет необходимость пересмотра существующих подходов к базовым понятиям и принципам уголовного права.

Список литературы:

1. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 44. С. 173 – 178.

2. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10, Вып. 3. С. 461–476.

3. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход: пер. с англ. 2-е изд. М.: Вильямс, 2020. 1408 с.

4. Смолин Д. В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2019. 208 с.

5. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум: пер. с англ. М.: АСТ; Neoclassic, 2019. 128 с.

6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. для бакалавров / отв. ред. А. И. Рапог. М.: 2020. 496 с.

УДК 349.2

М. В. Дементьева

*Ростовский филиал ГКОУ ВО
«Российская таможенная академия»
юридический факультет
Россия, Ростов-на-Дону*

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН В ДЕЛЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые виды киберпреступлений, возникновение которых обусловлено процессом цифровизации общества. На основании анализа уголовного законодательства автор приходит к выводу, что, некоторые нормы Уголовного кодекса Российской Федерации требуют детализации.

Ключевые слова: цифровизация, инновационные цифровые технологии, глобальная сеть «Интернет», киберпреступление, IT-преступность.

M. V. Dementeva

*RUSSIAN CUSTOMS ACADEMY
faculty of law
Russia, Rostov-on-Don*

CRIMINAL LAW IN COUNTERING CYBERCRIME

Abstract. In article discusses some types of cybercrimes, the emergence of which is caused to the process of digitalization of society. On the basis of the analysis of criminal legislation, the author comes to a conclusion that some norms of the Criminal Code of the Russian Federation require details.

Keywords: digitalization, innovate digital technologies, global network «Internet», cybercrime, IT-criminality.

В современных реалиях человеческая жизнь стала подобна операционной системе Apple iOS, которая постоянно обновляется и, тем самым, требует того, чтобы социум адаптировался под неё. Это обусловлено активным внедрением инновационных цифровых технологий как в повседневную деятельность человека, так и во все сферы общества в целом.

Одной из таких технологий и является глобальная сеть «Интернет». Именно она стала принципиально новым способом взаимодействия с информацией – её хранением, распространением и осуществлением.

«Интернет» коренным образом изменил мир и стал неотъемлемой частью быта человека: так, с его помощью проводятся бизнес-встречи и научные кворумы. С появлением пандемии COVID-19 начало применяться на практике обучение посредством применения электронного формата и дистанционных образовательных технологий. На федеральную государственную информационную систему «Интернет» также оказал непосредственное воздействие. Так, в 2009 году появился портал государственных услуг Российской Федерации.

Стоит отметить, что «Интернет» является не просто технологическим средством коммуникации, ведь именно он дополняет и изменяет нашу социальную реальность.

Пользователи сети «Интернет» являются субъектами права, на которых распространяется действие норм права, в том числе и уголовно-правовых. Соответственно, общественные отношения, которые зарождаются и реализуются в сети «Интернет» требуют особого правового регулирования. В связи с зарождением проблемы данного рода появилась новая область знаний, именуемая «интернет-право» или «диджитал право», которая основана на системном изучении правонарушений, возникающих в сети «Интернет».

За последние десятилетия появились и новые правовые институты, одним из которых и является институт киберпреступлений. Это обусловлено тем, что в интернет-пространстве хранятся личные данные пользователей, которые являются непосредственным предметом большинства киберпреступлений. По данным Генеральной прокуратуры России, в 2020 году было зарегистрировано более пятисот тысяч киберпреступлений, и эта цифра постоянно растёт. Стоит от-

метить, что раскрываемость таких преступлений составляет меньше 25 %.

Министр внутренних дел, Владимир Колокольцев, отнес к причинам роста киберпреступности в России пандемию COVID-19, последующие «локдауны», которые усилили процесс цифровизации в стране и обусловили приток большого количества конфиденциальной информации.

Данная статья имеет своей целью изучение проблематики, связанной с ростом преступлений в сфере компьютерной информации (киберпреступность).

Статья основана на общетеоретических представлениях устройства сети «Интернет» и на анализе современного уголовного российского законодательства.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, на первый квартал текущего года число преступлений, связанных с информационно-телекоммуникационными технологиями, увеличилось на 33,7 %. IT-преступность набирает значительный темп роста по причине высокой латентности, то есть большинство преступлений носят скрытый характер.

Российское законодательство не имеет легального определения такого института, как «киберпреступление», однако доктрина отечественного уголовного права предлагает следующие дефиниции. Так, С. М. Майоров в своей работе обозначил киберпреступление, как «любое преступление в электронной сфере, совершенное при помощи компьютерных средств или виртуальной сети, или против них» [1, С. 156–160].

Номоконов В. А. и Тропина Т. Л. охарактеризовали киберпреступность как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем и компьютерных сетей, а также против компьютерных сетей, компьютерных систем и компьютерных данных» [2, С. 45].

Психическое отношение лица к совершаемому им киберпреступлению имеет умышленную форму, так как при совершении деяния лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Киберпреступность исключает неосторожную форму вины, так как невозможно без осознания взломать сайт или отправить «нигерийское письмо». Говоря о субъективной стороне преступлений данного рода, стоит заметить, что нередко им присущи и факультативные признаки, а именно, цель и мотив, которыми руководствуются правонарушители.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит нормы права, предусматривающие наступление уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (глава 28).

Распространенным видом киберпреступлений в сети «Интернет» являются преступления в сфере финансов. Данный факт обусловлен популяризацией услуг интернет-банкинга. К такому роду преступлений относится мошенничество, имеющее адаптированный под информационное пространство вид – кардинга, фишинга, фарминга.

Актуальным киберпреступлением является и доступ к сайту без непосредственного разрешения путём кражи пароля или взлома системы безопасности. Способом взлома аккаунта в мессенджере киберпреступники распространяют персональные данные пользователей.

К преступлениям против чести и достоинства личности относится клевета. Стоит отметить, распространение заведомо ложных сведений о физическом или юридическом лице в сети «Интернет» имеет необратимый характер – необходимо понимать, что при удалении ложной информации из первоисточника есть вероятность того, что она останется в сетевом хранилище, более 4,5 миллиарда людей в мире имеют возможность её узнать, сохранить или передать другому человеку. Это обстоятельство влияет на степень негативных изменений общественных отношений, взятых под охрану уголовным законодательством, то есть потерпевший претерпевает наиболее деструктивные последствия этого киберпреступления.

В сетевом пространстве также совершаются киберпреступления против общественной нравственности – осуществление действий, порнографического характера, а также ки-

берпреступления против здоровья населения – сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов при помощи создания закрытого аккаунта или канала в социальной сети. Рассматриваемые виды киберпреступлений распространены не только в России, но и по всему миру; набирает обороты международная наркоторговля, что является проблемой, носящей глобальный характер.

Киберпреступники совершают преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, нарушая авторские права путём плагиата контента, посягая на частную жизнь, взламывая переписку в социальных сетях, подслушивая телефонные разговоры.

В сети «Интернет» встречается и пропаганда экстремистских группировок и антиобщественных движений, вербовка в террористические организации молодежи и женщин в сексуальное рабство.

Итак, как мы видим, киберпреступность набирает обороты. Преступления, совершаемые при помощи IT-технологий, становятся все более разнообразными и затрагивают все больше сфер деятельности. Однако, к сожалению, современный уголовный закон, не в состоянии сегодня надлежащим образом противостоять данному негативному явлению. Безусловно, определенные изменения вносятся в него, но они носят разрозненный характер, не всегда согласованы между собой, нередко дублируют друг друга и ведут лишь к ошибкам при квалификации.

Думается, что в настоящее время назрела необходимость провести ревизию существующих норм Особенной части УК РФ с позиции эффективности противодействия киберпреступности. В числе возможных изменений можно предложить дополнить составы «классических» преступлений таким квалифицирующим признаком как «с использованием сети «Интернет»» в тех статьях, где ещё отсутствует подобный признак (но с обязательной оценкой возможности совершения того или иного преступления с использованием интернета).

Список литературы:

1. *Майоров С. М.* Киберпреступления: причины, виды, формы, последствия, направления противодействия // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. 2019. С. 156–160.
2. *Номоконов В. А., Тропина Т. Л.* Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

В. С. Исаков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Юридический институт
Россия, Томск*

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ:
ПРОБЛЕМА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДАННОГО ВИДА
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

Аннотация. В научной работе исследуется содержание уголовного наказания в виде принудительных работ, которое сопоставляется с содержанием исправительных работ и лишения свободы. Автором установлено, что несмотря на отдельное место принудительных работ в системе уголовных наказаний данная мера уголовно-правового характера не носит самостоятельный характер.

Ключевые слова: принудительные работы, уголовное наказание, лишение свободы, УК РФ, осужденный.

V. S. Isakov

*National Research Tomsk State University
Law Institute
Russia, Tomsk*

**FORCED LABOR: THE PROBLEM OF THE AUTONOMY
OF THIS TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT**

Annotation: The content of criminal punishment in the form of forced labor, which is compared with the content of correctional works and imprisonment, is investigated in the scientific work. The author found that despite the separate place of forced labor in the system of criminal punishments, this measure of criminal-legal nature does not have an independent character.

Keywords: Forced labor, criminal punishment, incarceration, Criminal Code, convict.

В 2011 году система уголовных наказаний претерпела изменения и была дополнена новым видом уголовного наказания в виде принудительных работ. Данное наказание получило свое закрепление в ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 53.1 принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы. Это положение подразумевает следующий порядок назначения принудительных работ: сначала суд применяет наказание в виде лишения свободы, а затем, если делает вывод о возможности исправления осужденного без реального отбывания данного наказания, принимает решение о его замене на принудительные работы [1].

Приведенные нормы уголовного законодательства ставят под сомнение самостоятельный характер принудительных работ, что является предметом дискуссий в научной литературе. По мнению А. А. Внукова, принудительные работы – независимый вид уголовного наказания, поскольку содержание данной меры уголовно-правового характера не имеет ничего общего с другими уголовными наказаниями [2, С. 62–63]. Т. Д. Устинова, напротив, отрицает самостоятельный признак принудительных работ. Используемая законодателем формулировка в ч. 2 ст. 53.1 УК РФ предполагает освобождение осужденного от реального отбывания наказания в виде лишения свободы, что характеризует принудительные работы как условную меру уголовно-правового характера [3, С. 66–67]. Е. В. Гавриков и А. В. Новиков отмечают двойственный характер принудительных работ, поскольку ч. 2 ст. 53.1 УК РФ совпадают с нормами ч. 1 ст. 73 УК РФ [4, С. 156].

По нашему мнению, несмотря на указание в ст. 44 УК РФ на принудительные работы как отдельный вид уголовного наказания, невозможно сделать однозначный вывод о самостоятельности данной меры уголовно-правового принуждения.

Во-первых, принудительные работы близки по своему содержанию с такими видами уголовных наказаний, как исправительные работы и лишение свободы в колонии-поселении. Так, согласно ч. 3 ст. 50 УК РФ и ч. 5 ст. 53.1 УК РФ из заработ-

ной платы осужденного к принудительным и исправительным работам производятся удержания в пределах от 5 до 20 % [1]. Для обоих наказаний также характерно обязательное привлечение к труду в местах, которые определяет учреждение уголовно-исполнительной системы. В течение рабочего времени осужденные должны соблюдать трудовой распорядок, что контролируется со стороны руководства организации-работодателя.

Что касается сходства принудительных работ и лишения свободы в колонии-поселении, то необходимо отметить следующее. В соответствии со ст. 60.4, ст. 60.18 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) и ст. 129 УИК РФ осужденные к принудительным работам и лишению свободы в колонии-поселении проживают в специально предназначенных для них общежитиях, содержатся без охраны, но под надзором администрации места отбывания наказания, могут свободно передвигаться по территории места отбывания наказания, обязаны иметь при себе документ, удостоверяющий личность. Кроме того, осужденным разрешается обучаться по заочной форме в образовательных организациях, иметь при себе денежные средства и распоряжаться ими без ограничений, а также проживать за пределами места отбывания наказания при выполнении определенных условий. Однако главным сходством принудительных работ и лишения свободы в колонии-поселении является ограничение свободы передвижения осужденного и права на выбор места жительства (пребывания). Данный вывод объясняется тем, что согласно п. «в» ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ осужденный к принудительным работам обязан постоянно находиться в пределах территории места отбывания наказания [5]. Несмотря на отнесение наказания в виде принудительных работ к категории наказаний, не связанных с изоляцией от общества, определенная «изоляция» все же характерна для анализируемой меры уголовного принуждения.

Вторым критерием несамостоятельности принудительных работ как вида уголовного наказания является порядок их назначения. Ранее нами было указано, что согласно ч. 2 ст. 53.1 УК РФ принудительным работам обязательно предшествует назначение наказания в виде лишения свободы. Используемая законодателем формулировка ставит принудительные работы в зависимое положение от наказания в виде лишения свободы, что не позволяет самостоятельно применить анализируемую меру уголовно-правового характера. Напротив, по мнению Р. Я. Мамедова, принудительные работы являются обособленным видом уголовного наказания, не требующим предварительного назначения осужденному лишения свободы [6, С. 40]. Однако такая позиция является ошибочной. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ назначение принудительных работ допускается только в тех случаях, когда данное наказание одновременно с лишением свободы закреплено в санкции уголовно-правовой нормы. При этом необходимо учитывать, что если в силу требований ч. 1 ст. 56 УК РФ назначение наказания в виде лишения свободы невозможно, то принудительные работы не применяются [7]. Следовательно, Верховный Суд РФ окончательно признал факультативный характер принудительных работ, а все попытки назначения данного наказания в отрыве от лишения свободы признавались как противоречащие уголовному законодательству. Так, лицо было осуждено по ст. 264.1 УК РФ к 9 месяцам принудительных работ. Однако при назначении данного наказания судом не были приняты во внимание положения ст. 53.1 и ч. 1 ст. 56 УК РФ, что повлекло изменение обвинительного приговора Судебной коллегией Верховного Суда РФ: вместо принудительных работ лицу были назначены обязательные работы [8].

Стоит отметить, что согласно ст. 49, ст. 50 и ст. 53 УК РФ в случае злостного уклонения от отбывания наказаний в виде обязательных и исправительных работ, ограничения свободы их замена на принудительные работы не требует предварительного применения наказания в виде лишения свободы [1]. Это подтвердил и Верховный Суд РФ [7]. Вместе с тем, указанные положения УК РФ не являются подтверждением самостоятельного характера принудительных работ. Замена уголовного наказания на более строгое не равносильно порядку его назначения. Институт назначения наказания пред-

полагает выбор меры уголовно-правового характера из ряда возможных лиц, в отношении которого решается вопрос о признании виновным в совершении преступления.

Последний аргумент в пользу отсутствия у принудительных работ статуса самостоятельности – это взаимосвязь сроков наказаний в виде принудительных работ и лишения свободы. Согласно ч. 1 ст. 71, ч. 2 ст. 72 УК РФ при определении длительности наказаний и зачете наказаний один день принудительных работ равен одному дню лишению свободы. Аналогичное правило действует при замене обязательных и исправительных работ, ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы, а также при замене лишения свободы на анализируемую меру уголовного принуждения в порядке ч. 2 ст. 80 УК РФ. Кроме того, на основании ч. 2 ст. 53.1 УК РФ в случае назначения осужденному лишения свободы на срок более пяти лет принудительные работы не подлежат применению. Перечисленные нормы уголовного законодательства свидетельствуют об альтернативном характере принудительных работ, применение которого невозможно без учета сроков наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, наказание в виде принудительных работ не является самостоятельной мерой уголовной ответственности. Необходимо пересмотреть место принудительных работ в системе уголовных наказаний или исключить из ст. 53.1 УК РФ положения, которые препятствуют назначению принудительных работ как основного вида наказания. В противном случае принудительные работы могут стать неостребованными в правоприменительной практике, что поставит вопрос о целесообразности их закрепления в перечне уголовных наказаний.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Внуков А. А. Уголовно-правовая характеристика исполнения наказания в виде принудительных работ // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов (Самара, 27 апреля 2018 г.). Самарский юридический институт ФСИИ, 2018. С. 62–64.
3. Устинова Т. Д. О некоторых проблемах правоприменения в связи с дополнением норм Общей части УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (Москва, 24–25 января 2013 г.). Проспект, 2013. С. 66–67.
4. Гавриков Е. В. Содержание и проблемы применения принудительных работ / Е. В. Гавриков, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 153–158.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
6. Мамедов Р. Я. К вопросу о назначении и исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 38–42.
7. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.9:343.72

Н. С. Кириллов

GAOU VO LO «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина»
Россия, Санкт-Петербург

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. последние годы в стали всё более активно стали применяться компьютерные технологии. Бизнес, частные лица, государственные организации переходят на онлайн-платформы. Их распространение ставит перед сотрудниками правоохранительных органов необходимость детального изучения применения компьютерных технологий в том числе в преступных целях. Особенно это касается мошенничества, которое запрещено ст. 159 УК РФ. Так, например, по данным МВД РФ за 2019 год мошенничество составляет более 8 % преступлений среди всех зарегистрированных [1, <https://mvd.ru>]. В связи с этим в 2012 году УК РФ был дополнен ст. 159.6, которая предусматривала ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: киберпреступность; компьютерные преступления; мошенничество в сфере компьютерной информации; механизм преступления, программное обеспечение

N. S. Kirillov

GAOU VO LO «Leningrad State University
named after A. S. Pushkin»
Russia, Saint Petersburg

COMPUTER FRAUD INVESTIGATION

Abstract. In recent years, computer technologies have become more and more actively used. Businesses, individuals, government organizations are moving to online platforms. Their dissemination makes it necessary for law enforcement officials to study in detail the use of computer technologies, including for criminal purposes. This is especially true of fraud, which is prohibited by Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. So, for example, according to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2019, fraud accounts for more than 8 % of all registered crimes [1, <https://mvd.ru>]. In this regard, in 2012, the Criminal Code of the Russian Federation was supplemented by Art. 159.6, which provided for liability for fraud in the field of computer information.

Keywords: cybercrime; computer crimes; fraud in the field of computer information; mechanism of crime, software.

Норма была во многом заимствована из будапештской конвенции по обеспечению эффективному обеспечению информационной безопасности [2. Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001)]. Ст. 159.6 УК РФ сильно отличается от остальных, указанных в ст. 159–159.5 УК РФ, так как в данном случае речь идёт не о фактическом завладении материальной ценностью, которую можно непосредственно увидеть.

В классическом понимании объект преступления в уголовном праве классически делится на 4 вида [3, с. 148]: общий, родовой, видовой, непосредственный. Под общим объектом следует понимать совокупность всех охраняемых уголовным законом общественных отношений. Под родовым объектом в ст. 159.6 УК РФ понимается общественные отношения в сфере экономики. Под видовым объектом понимаются общественные отношения, связанные с правом собственности. Непосредственный объект-общественные отношения право собственности, которое было нарушено путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Объективная сторона выражается в хищении чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование

средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Субъект общий, достигший 16-летнего возраста. Субъективная сторона выражается прямым умыслом.

Однако остаётся сложность в разграничении с другими преступлениями, согласно положению ч.1 ст. 159 УК РФ мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. На современном этапе развития некоторые компьютерные операции происходят без участия человека, а компьютер не имеет души и сознания, то есть его невозможно обмануть или злоупотребить его доверием. Суды в данном случае понимают под «обманом» или «злоупотреблением доверием» преодоление средств программно-технической защиты. Например, в соответствии с приговором № 1-243/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-243/2020 Октябрьского городского суда Республики Башкортостан суд [4, <https://sudact.ru>] при квалификации деяния опирался на использование компьютерных технологий путём вмешательства как средства для хищения денежных средств.

Подобная проблема не является исключительной особенностью российской правовой системы. Подобная проблема есть и в КНР, например дело Чена, который являлся сотрудником банка и имел доступ к информации о банковских счетах. Он решил изменить баланс своего лицевого счёта, который был зарегистрирован в этом самом банке. В КНР нет специальной нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации, но есть статья о мошенничестве. Однако суд посчитал, что данные деяния попадают под состав кражи [5, с.3].

Вернувшись в рамки российского уголовного законодательства, изучая практику, можно сделать вывод, что в основном преступления, предусмотренные ст. 159.6 УК РФ совершаются путём ввода, модификации компьютерной информации, а также вмешательства. Однако объективной стороной предусмотрена ответственность за удаление и блокировку компьютерной информации. На современном этапе развития это слабо представляется возможным, это положение скорее рассчитано на будущее, с перспективой появления таких технологий.

Резюмируя изученную практику, можно сказать, что в основном преступления совершаются путём:

- Неправомерного доступа к информации кредитной организации;
- Вмешательство, а также последующая модификация компьютерной информации путём использования специальных вредоносных компьютерных программ;
- Работником банка, нарушая правила хранения компьютерной информации;
- Работником банка, который умышленно модифицирует информацию о состоянии лицевого счёта.

Кроме того, при изучении следственно-судебной практики замечено на слабое исследование совокупности ст. 159.6 и ст. ст.ст.272,273,274 УК РФ, хотя в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [6] подчеркнута необходимость исследования на совокупность указанных статей.

При работе стоит отметить возможном развитии статьи. Уже сейчас есть электронные замки, которые работают на программном обеспечении, то есть это своего рода ограниченный, маленький компьютер. Будет ли тогда квалифицироваться хищение имущества из квартиры путём взлома этого электронного замка с помощью вредоносной программы по 159.6 УК РФ или же по 158 УК РФ. Мы считаем, что данное деяние должно квалифицироваться как мошенничество в сфере компьютерной информации, так как значение здесь имеет способ получения имущества. В данном случае речь идёт именно об использовании специальной вредоносной программы, которая бы модифицировала информацию и открывала замок, то есть открывала доступ к имуществу. Мы считаем, что это ничем не отличается от современной практики квалификации по ст. 159.6 УК РФ.

Мы привели лишь один пример, а сколько таких примеров, так как технологии постоянно совершенствуются, создаются новые технические средства. Поэтому мы предлагаем сформулировать единое понимание компьютерной информации, как программного обеспечения технического устройства.

Резюмируя всё вышесказанное можно сказать, что необходимо более детально подходить к изучению положений ст. 159.6 УК РФ, прийти к единой правоприменительной практике, обратить внимание органов следствия и дознания на связь между ст. 159.6 и ст.ст. 273, 274 УК РФ, большое внимание уделить перспективе развития технологий и подготовить правовую базу для эффективной борьбы с мошенничеством в эпоху новых технологий.

Во-первых, мы полагаем, что необходимо дать разъяснение по применяю положения о мошенничестве, как обмана или злоупотребление доверием в ст. 159.6 УК РФ, так как, как уже ранее было сказано, зачастую обмана или злоупотребления доверием не происходит. Кроме того, тенденция к автоматизации сохраняется, что только обострит данную проблему.

Во-вторых, возможен вариант, при котором из ст. 159.6 УК РФ будет исключено положение о мошенничестве, то есть деяние, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ будет квалифицироваться не как мошенничество, а как, например, хищение имущества или права на это имущество с помощью обмана или злоупотребления доверием или без такового.

Список литературы:

1. Официальный сайт МВД РФ https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1511.pdf (дата обращения- 13.11.2021)
2. Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001) // Council of Europe : website. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm> (дата обращения-14.11.2021)
3. В. А. Уткин, В.А. Шеслер// Учебное пособие Уголовное право Общая часть, с. 148–158
4. Приговор № 1-243/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-243/2020 Октябрьского городского суда Республики Башкортостан https://sudact.ru/regular/doc/eLKpELsMEF5w/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+159.6.+%D0%9C%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE+%D0%B2+%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5+%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_1636909800670 дата обращения (13.11.2021)
5. *Нуждин Е.А.* Иущественные преступления по Уголовному кодексу Китая с. 123–129
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/#dst100009 (дата обращения 13.11.2021)

П. А. Коротков

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Исследуются проблемы трансформации уголовного права в эпоху цифровых технологий. Поднимается вопрос о взаимосвязи уголовно-правовой сферы и процесса цифровизации, необходимости изменения нынешних моделей, замещения аксиом классической уголовно-правовой школы. Совершенно очевидно, что не происходит цифровизация уголовного права, существует только актуальное положение в процессе совершенствования действующих институтов права.

Ключевые слова: уголовное право, цифровизация, правонарушение, модифицирование права.

P. A. Korotkov

*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

CRIMINAL LAW REFORMATION BY DIGITALIZATION

Annotation: The problems of transformation of criminal law in the digital age are investigated. The question is raised about the relationship between the criminal law sphere and the digitalization process, the need to change the current models, and replace the axioms of the classical criminal law school. It is quite obvious that digitalization of criminal law is not taking place, there is only an actual situation in the process of improving the existing institutions of law.

Keywords: criminal law, digitalization, delinquency, modification of law.

Сейчас стали появляться утверждения о том, что нынешнему человечеству необходимы новые тенденции. Интеграция социально-политической жизни выдвинула на доминирующий план замысел всеохватывающей цифровизации, которая, по сути, является всемирным процессом модифицирования социума в рамках всего человечества. Вторжение новых технологий во все сферы жизни общества подняло вопрос об изменении существующих моделей и целей.

Закон, который по определению должен регулировать новые и уже полностью сложившиеся отношения в быстро меняющемся социуме, не был в стороне этого процесса. Всемирная цифровизация ставит вопрос о реформировании законодательства и его адаптации к электронным технологиям. В связи с этим в публицистике все чаще появляется мнение о том, что необходимо перестроить уголовно-правовую сферу в век цифровизации.

Суть проблемы, по мнению экспертов, заключается в том, что в существующем пространстве срастания реального и виртуального миров характерна возможность выполнять любые операции, необходимые человеку, в том числе и незаконные. Происходит некое преобразование первичных форм из реальных в виртуальные. При этом, последние действительно бесконтрольны и для них нет виртуального уголовного закона.

Таким образом, постепенное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни человека считается основной причиной цифровых преступлений и необходимости перестроения всей уголовно-правовой отрасли. Робототехника, криптовалюта, искусственный интеллект и другие элементы посткомпьютерного периода можно рассматривать как отрицание традиционных и переход к новым правовым отношениям, которые на сегодняшний день не могут укладываться в рамки концепций классической уголовно-правовой школы [1, с. 102].

Из этого можно сделать вывод, что ныне действующее уголовное законодательство, направленное на традиционные виды опасных действий для человека и гражданина, не может адекватно реагировать на перестроения, происходящие в эпоху цифровых технологий. С этой точки зрения

эксперты считают, что цифровизация самого уголовного права является единственным оптимальным способом достижения целей уголовного права, т.е. интеграция его в информационное и цифровое пространство виртуального мира.

Фактически, все это сводится к ряду предположений, которые в практическом плане включают ряд аспектов:

а) предварительный сбор и оценка криминологической информации о состоянии информационных преступлений и использование действующих цифровых технологий для обработки крупномасштабных данных;

б) создание уголовно-правовых баз данных в сети Интернет;

в) сканирование и преобразование информационных преступлений в цифровой вид для отправки в единую базу данных об уголовных делах, которые были совершены в информационной сфере;

г) выявления и устранения в нем несоответствий и логических ошибок в действующем Уголовном кодексе посредством программ искусственного интеллекта;

д) семантическое описание незаконности деяния и определение его опасности для общества, система наказаний, систематизация уголовных санкций и правил назначения наказаний [2; 3].

Тем не менее возникает вопрос: что принципиально нового вносит такая цифровизация в глубь уголовного права? Преобразование различных текстов в цифровой вид не столь важен и не решит насущных проблем. Отчасти это уже сегодня можно увидеть на примере информатизации российского законодательства.

Впрочем, кажется, что в указанном контексте необходимо выделить два компонента, которые позволяют на повседневном уровне увидеть точки соприкосновения уголовного права с новой реальностью и функционально определяют приоритет цифровизации уголовно-правовой сферы.

Во-первых, уголовно-правовая сфера не может ограждаться от нынешних происходящих процессов и тенденций цифровизации. Впрочем, роль цифровизации не стоит переоценивать. Цифровизация – это разновидность давно известной информатизации и позиционирует себя как инновационная деятельность по оцифровке информации с использованием новых технологий.

Следует не согласиться с мнением экспертов в области криминологии, которые считают, что действия, направленные законодательной властью на противодействие информационным преступлениям, достаточно часто будут страдать бессилием по отношению к правонарушениям в информационной сфере [4, с. 155].

Сегодня поднимается еще два вопроса, насколько гибки существующие механизмы уголовного права к способности влияния на новые вызовы и угрозы, практически ли будет использование накопившегося запаса средств уголовного права в отношении к мимикрирующим видам преступлений, которые неуязвимы для правоприменительной деятельности и уголовной политики сегодняшнего дня. Поэтому, прежде чем сформулировать тот или иной запрет, необходимо определить особенности функционирования социальных отношений в информационной сфере, чтобы исключить принятие произвольных решений. Принимая во внимание зарождающуюся дигитализацию, вряд ли это будет способствовать единообразию и стабильности применения уголовного закона.

Во-вторых, цифровизация неизбежно порождает за собой усиление контроля над человеком, лимитирование его конституционных прав и свобод. Данное положение можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, процесс цифровизации в будущем заставит нас переоценить форму государственно принуждения, с другой же стороны, подобная форма по-прежнему находится в руках людей, так как только они на данный момент осуществляют контроль и руководят процессом выбора уголовно-правовой меры.

В таких условиях виртуальный мир следует внедрять в сферу уголовного права, а не наоборот, поскольку цифровые технологии не вводят ничего нового в понимание преступности, а лишь приводят к появлению уголовных правонарушений с ускоренной частотой. Интернет-преступность – это всего лишь новый феномен в современном мире, не имеющий автономного значения и принципиального отличия от его прототипа (в данном случае права). Процесс цифровизации является очередным инструментом для борьбы с преступностью. Сложность состоит только в том, получится ли новые технологии наиболее эффек-

тивным образом применить в новом человеческом (а не информационном) измерении понимания термина «преступление».

Исследуя данный вопрос, следует, в конечном счете, установить, что в происходящем процессе цифровизации сегодня не содержится необходимой реальности, которая бы отражала общественные нужды и была понятна человечеству в целом. Потому что на сегодняшний день цифровизация является средством, которое удовлетворяет разнообразные общественные потребности.

Впрочем, вопрос о цифровизации уголовно-правовой сферы ставит на новый уровень проблему технологичности права. Если в само виртуальное пространство могут вводиться технические правила и единообразные стандарты его функционирования виртуальных объектов, то весь грядущий характер развития права может быть сведен только к тому, что право это и есть объединение технических норм и стандартов.

Переформатирование уголовного права посредством цифровизации всё-таки способно положительно повлиять на развитие уголовно-правовой сферы. Однако нынешний процесс модернизации посредством цифровизации не дает на сегодняшний день ожидаемых результатов. Но с уверенностью можно сказать, что заложенные зачатки цифровизации являются толчком дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в будущем.

Список литературы:

1. Кучина Я. О. Основные проблемы в доктринальном подходе к криминализации преступлений в цифровом пространстве // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. 2019. № 3. С. 102.

2. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровизация уголовно-правового ресурса – неизбежная перспектива инновационно-технологического обеспечения криминологической безопасности в эпоху 6-го технологического уклада // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Мат. XVII Международная научно-практическая конференция. 2020.

3. Некрасов В. Н. Выделение подотраслей уголовного права с позиции направлений инновационной деятельности // Сетевой электронный научно-практический журнал частного и публичного права: *Ius Publicum et Privatum*. 2019. № 3.

4. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // *Lex Russica*. 2020. № 1. С. 155.

УДК 343.2.01

Н. В. Крицын

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются юридические лица как полноценные участники уголовно-правовых отношений. На основе изученного материала и сравнительно-правового анализа автор приходит к выводу о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридические лица, уголовный закон.

N. V. Kritsyn

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

LEGAL ENTITIES AS SUBJECTS OF CRIMINAL LAW

Abstract. The article examines legal entities as full-fledged participants in criminal law relations. Based on the studied material and comparative legal analysis, the author comes to the conclusion that it is necessary to introduce criminal liability for legal entities.

Keywords: criminal liability, legal entities, criminal law.

Экономические, социальные, технические и иные преобразования, происходящие в нашей стране, неизбежно влекут за собой поправки в уголовный закон. На сегодняшний день насчитывается 282 федеральных закона о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации. Однако уголовное законодательство нельзя назвать идеальным.

В настоящий момент в России законодательно не предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, хотя фактически некоторые коллективные образования осуществляют такую деятельность, в которой можно усмотреть состав преступления. Исходя из этого напрашивается вопрос: почему в российском уголовном законе отсутствует юридическая ответственность организаций?

Обращаясь к истории, следует вспомнить тот факт, что в 1994 году был предложен проект Общей части УК РФ, в котором рассматривались основания уголовной ответственности юридических лиц. Так, в ч. 1 ст. 106 проекта говорилось: «Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, если: а) юридическое лицо виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанности либо запрет на осуществление определенной деятельности; б) юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей его учредительным документам или объявленным целям; в) деяние, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, было совершено в интересах данного юридического лица либо допущено, санкционировано, одобрено, использовано органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом» [1, С. 47–48]. Однако данный проект не был реализован ввиду того, что основные противники уголовной ответственности организаций утверждали о невозможности применения принципа личной и виновной ответственности по отношению к юридическим лицам [2, С. 267–268]; [3, С. 167–168].

В современном мире организации всё чаще совершают преступные деяния с применением информационных технологий. Так, с начала текущего года Национальным центральным бюро Интерпола МВД России был зафиксирован рост обращений граждан, которые пострадали из-за деятельности брокерских контор [4]. Ярким тому примером служит деятельность компании «МХTrade». Данная мошенническая организация обещала своим клиентам невообразимое преумножение их капиталовложений, однако на деле всё оказалось совершенно по-другому. МХTrade обманывала клиентов путём невывода депозита, списывания на них долгов в крупном размере, а также использования подставных клиентских договоров. Общая сумма средств, украденных данной компанией, превышает сотни тысяч долларов [5]. Действия данной брокерской конторы являются мошенничеством и подпадают под состав преступления, указанный в ст. 159 УК РФ.

Описанный прецедент не является единичным случаем, из чего можно сделать вывод о том, что общественно опасные действия, совершаемые юридическими лицами, являются актуальной проблемой. Необходимость введения уголовной ответственности для организаций напрашивается сама собой, однако остаётся насущным один вопрос: какие именно уголовно-правовые санкции можно возложить на юридические лица?

Опираясь на проект поправок в Уголовный кодекс РФ и КоАП РФ Следственного комитета РФ и международный опыт, можно выделить следующие виды наказаний для юридических лиц:

- 1) штраф;
- 2) ограничение на государственные контракты;
- 3) лишение лицензии;
- 4) запрет на осуществление своей деятельности на территории РФ для иностранных организаций и принудительная ликвидация с конфискацией имущества для российских организаций [6].

Некоторые приведённые наказания по отношению к организациям применяются в административном праве. В науке они получили такое характерное название, как «квазиуголовная» ответственность юридических лиц.

Подводя итог всему изложенному, можно сделать вывод о том, что непрерывный процесс цифровизации общества ведёт к появлению новых преступлений в информационном пространстве. Активное участие в интернет-преступлениях

принимают и различные предприятия, в связи с чем требуется изменение принципов, заложенных в Общей части Уголовного кодекса РФ. Введение уголовной ответственности юридических лиц, а также пересмотр таких дефиниций, как вина и личная ответственность, являются перспективными направлениями развития уголовного законодательства России.

Список литературы:

1. Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. Курс уголовного права. Общая часть : в 5 т. М. : ИКД: «Зерцало-М», 2002. Т. 1. С. 624.
2. Уголовное право. Общая часть : Учеб. / отв. ред. Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов. М. : Новый юрист : ООО «КноРус», 1997. С. 583.
3. Уголовное право. Общая часть: Учеб. / под ред. М.И. Ковалева, Т.В. Кондрашовой, З.А. Незнамовой; Отв. ред. И.Я. Козаченко. 5-е изд. М. : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 592
4. Распространённые виды мошенничества с использованием компьютерных технологий // Официальный сайт МВД России. URL. : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/11700239> (дата обращения : 19.10.2021).
5. MXTrade – отзывы реальных клиентов 2021 // tradersunion. URL. : <http://surl.li/anrhj> (дата обращения: 19.10.2021).

УДК 343.21.7

В. О. Кулаков

Саратовская государственная юридическая академия Институт прокуратуры Саратов, Россия

ПЕРЕДАЧА ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОСОБНИЧЕСТВА

Аннотация. в статье рассматривается такое действие как передача предмета преступления в контексте пособничества. Автор, опираясь на материалы судебной практики, определяет недостаток нормы ч. 5 ст. 33 УК РФ, закрепляющий конкретный перечень пособнических действий, и предлагает пути его устранения.

Ключевые слова: передача предмета преступления, пособничество, посредничество, регламентация пособничества, квалификация преступлений.

V. O. Kulakov

Saratov State Law Academy Institute of Public Prosecutor's Office Russia, Saratov

TRANSFER OF THE CRIME'S SUBJECT AS A MANIFESTATION OF COMPLICITY

Abstract. the article considers such an action as the transfer of the subject of a crime in the context of complicity. The author, relying on the materials of judicial practice, determines the lack of the norm of Part 5 of Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation, fixing a specific list of aiding and abetting actions, and suggests ways to eliminate it.

Keywords: transfer of the subject of the crime, aiding and abetting, mediation, regulation of aiding and abetting, qualification of crimes

Пособничество преступлению постоянно исследуется учеными, затрагивающими в своих трудах самые различные аспекты его проявления. Законодатель в ч. 5 ст. 33 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) сформулировал дефиницию фигуры пособника путём приведения закрытого перечня действий, присущих данному виду соучастника. Некоторые представители юридической науки подвергали сомнению такое однозначное определение пособничества в Общей части уголовного закона, предлагая сделать данный перечень открытым. Это позволило бы, по их мнению, признавать пособничеством действия, которые фактически выражаются в содействии совершению преступления (несмотря на умолчание о них в перечне) и обусловлены характером отдельных преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, а также новые варианты пособнических действий, которые могут

быть выявлены в перспективе [1, с. 9]. В качестве подобных, не предусмотренных ч. 5 ст. 33 УК РФ, действий называются, к примеру, посредничество в совершении преступления, финансирование преступной деятельности [2, с. 144]. Полагаем, к ним может быть отнесено и такое действие, как передача предмета преступления. По сути, оно является посредничеством, которое, в свою очередь, выступает проявлением пособничества.

Предмет преступления – это элемент материального мира, воздействуя на который лицо нарушает объект уголовно-правовой охраны [3, с. 174]. В некоторых статьях Особенной части уголовного закона признак предмета преступления является определяющим, например в ст. 275, 276 УК РФ (сведения, составляющие государственную тайну) и др. Субъект, передающий предмет преступления от одного лица другому, каждое из которых может быть исполнителем преступления, выступает соединительным звеном. Как уже было указано, такое действие является посредничеством в преступлении, и в случае, если оно не закреплено конкретной нормой Особенной части уголовного закона, то суды, в основном, производят его квалификацию через ч. 5 ст. 33 УК РФ. Так, Долгопрудненский городской суд квалифицировал действия А. по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ. Согласно материалам дела, А., действуя из корыстных побуждений, как пособник получил для передачи другому лицу в целях незаконного сбыта наркотического средства в особо крупном размере – героин массой 4,35 грамма в 11 свертках и был задержан до момента передачи предмета преступления этому лицу, преступление не было доведено до конца по независящим от подсудимого обстоятельствам [4]. Несмотря на отсутствие рассматриваемого действия в перечне пособнических действий, суд квалифицировал данное деяние через ч. 5 ст. 33 УК РФ. Примечательно, что при разрешении схожих дел [5] суды поступают также, игнорируя недостаток законодательной дефиниции пособничества.

Разъяснение по данному вопросу дал Верховный Суд РФ в п. 5 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, отметив, что, если посредник приобретает наркотическое средство (предмет преступления) по просьбе и за деньги приобретателя этого средства и передает ему данное средство, то такое лицо является пособником в приобретении наркотика [6]. Такая позиция противоречит нынешнему содержанию ч. 5 ст. 33 УК РФ. Кроме того, приведённое толкование Верховного Суда РФ не совпадает с его же правовой позицией, сформулированной в постановлении Пленума от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [7], где отмечено: «в случае, когда лицо передает приобретателю наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте указанных средств, веществ, растений (п. 15.1). Это еще больше усиливает неопределенность в квалификации такого рода действий для правоприменителей.

Однако в связи с указанным недостатком дефиниции пособничества и в целях преодоления соответствующего пробела законодатель криминализировал передачу предмета отдельных преступлений в нормах Особенной части уголовного закона. Речь идёт о посредничестве во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ).

Для того чтобы не загромождать Особенную часть УК РФ специальными составами пособничества, некоторые представители юридической науки предлагают наряду с другими видами соучастников преступления выделить в качестве самостоятельной фигуры посредника. Так, В.П. Алевин предлагает дополнить ст. 33 УК РФ частью 5¹ следующего содержания: «Посредником признается лицо, при участии которого ведутся отношения между сторонами преступления» [8, с. 199]. Поскольку законодатель уже пошел по пути криминализации

в Особенной части УК РФ посредничества в отдельных видах преступлений, то необходимости в осуществлении предложения В.П. Алехина нет, поскольку это породит нелогичность в содержании уголовного закона и проблемы в квалификации. На наш взгляд, следует внести передачу преступления в содержание нормы ч. 5 ст. 33 УК РФ, закрепив ее в перечне пособнических действий. Преступные способы содействия преступлению постоянно совершенствуются, появляются новые. В связи с этим может возникнуть необходимость преобразовать перечень пособнических действий из закрытого в открытый. В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран прослеживается именно такое определение фигуры пособника. Так, Уголовный кодекс Германии определяет пособника как лицо, которое «преднамеренно содействовало другому лицу в преднамеренном совершении противоправного деяния» [9], не перечисляя конкретные пособнические действия. Однако полагаем, что в современных условиях с учетом несовершенности нашей судебной системы открытый перечень может привести к злоупотреблениям со стороны правоприменителей. Такой вариант определения фигуры пособника в отечественном уголовном законе вполне возможен, однако требует тщательной проработки. На данный момент считаем достаточным включить передачу предмета преступления в перечень пособнических действий.

Список литературы:

1. Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. 28 с.
2. Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 182 с.
3. Уголовное право России. Общая часть / под ред. О.С. Капинус. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 705 с.
4. Приговор Долгопрудненского городского суда от 18.05.2011 № 1-48/2011 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TYYV1Tuq0nVT/> (дата обращения: 09.09.2021).
5. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 19.03.2012 № 1-36/2012 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WFFPM7OD51jZd/> (дата обращения: 09.09.2021).
6. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=283774#0042913600475553926> (дата обращения: 09.09.2021).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (с изм. и доп. от 16.05.2017, № 17) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда. 2006. № 8
8. Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности. М.: Юрлитинформ, 2009. 208 с.
9. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии в редакции от 13 ноября 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

УДК 343.615.1

Д. С. Махова

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение

«Университет прокуратуры Российской Федерации»

Юридический факультет

Россия, Москва

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОПРЯЖЕННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы квалификации насильственных действий сексуального характера, сопряженных с причинением тяжкого вреда здоровью. На основании анализа судебной практики, а также основных теоретических подходов к решению возникающих проблем автор приходит к выводу о необходимости нормативного закрепления понятия «иные действия сексуального характера».

Ключевые слова: насильственные действия сексуального характера, тяжкий вред здоровью, квалификация, совокупность.

D. S. Makhova

Federal State State Educational Institution

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Faculty of Law

Russia, Moscow

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FORCED ACTIONS OF SEXUAL CHARACTER ASSOCIATED WITH CAUSING SERIOUS HARMFUL HEALTH

Abstract. In article examines some of the problems of qualifying violent acts of a sexual nature, associated with the infliction of grievous bodily harm. Based on the analysis of judicial practice, the author comes to the conclusion that there is a need for a normative consolidation of the concept of «other actions of a sexual nature».

Keywords: violent acts of a sexual nature, grievous bodily harm, qualifications, aggregate.

По официальным данным судебной статистики, в 2020 году по ст. 111 Уголовного Кодекса Российской Федерации (УК РФ) было осуждено 16 263 человека, по ст. 132 УК РФ – 1755 человек.[1]

Несмотря на то, что данные составы имеют разные объекты уголовно-правовой охраны, анализ судебной практики показывает наличие конкуренции норм ст. 111 и ст. 132 УК РФ. Видовым объектом ст. 111 УК РФ являются жизнь и здоровье. В свою очередь, видовым объектом ст. 132 УК РФ являются половая неприкосновенность и половая свобода личности. Проблема конкуренции данных норм при достаточно различных объектах, обуславливается отсутствием нормативного закрепления понятия «иные действия сексуального характера», содержащегося в диспозиции ст. 132 УК РФ. [3,74]

В результате данного обстоятельства, объективная сторона указанных деяний может выполняться достаточно схожими способами.

Например, в соответствии с приговором Орджоникидзевского районного суда г. Перми № 1-286/2015 от 28.09.2015 г. по делу № 1-286/2015, Яковкин А.В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, то есть умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей.

Согласно установленным судом обстоятельствам дела, реализуя возникший преступный умысел, Яковкин А.В., осознавая общественную опасность своих действий, умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, нанес потерпевшей множественные удары руками и ногами в область головы и туловища, продолжая свои преступные действия, умышленно ввел потерпевшей во влагалище и задний проход твердый тупой предмет (бутылку).

От полученного сочетания травм, в результате умышленных преступных действий Яковкина А.В., наступила смерть потерпевшей.

Во втором случае потерпевшей также были нанесены множественные удары руками и ногами в область головы и туловища, после чего во влагалище и задний проход вводилась бутылка. Смерть потерпевшей наступила в результате совокупности полученных травм.

Однако, во втором случае подсудимый в соответствии с приговором Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 30.10.2017 г. был признан виновным в совершении преступлений предусмотренных ч. 4 ст. 111 и ч. 1 ст. 132 УК РФ.

В ряде случаев, при квалификации действий подсудимого как умышленного причинения тяжкого вреда здоровью суд принимал во внимание отсутствие у лица, совершившего преступление, сексуального удовлетворения от совершаемых действий и направленность умысла непосредственно на причинение потерпевшему физических страданий.

Аскизский районным судом Республики Хакасия № 1-51/2016 от 21.04.2016 г. по делу № 1-51/2016 Казагашев Е.А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, то есть умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением предметов используемых в качестве оружия, группой лиц.

Судом было установлено, что Казагашев Е.А., действуя группой лиц совместно с Маганакowym И.И., реализуя умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему, на почве возникших личных неприязненных отношений к потерпевшему, нанес ему два удара рукой по лицу, после чего, действуя группой лиц совместно с Маганакowym И.И., ввел в анальное отверстие потерпевшего поочередно рукоятку молотка и горлышко бутылки, используемых в качестве оружия.

В своих показаниях Казагашев Е.А. указал на то, что совершал указанные выше действия не из сексуальных побуждений, а с целью наказать потерпевшего за оскорбительные слова, то есть причинить боль и телесные повреждения.

Однако, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 от 04.12.2014 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», при совершении преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ, мотив (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т.п.) для квалификации содеянного значения не имеет.

При этом, если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему лицу был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями ст. 131 и ст. 132 УК РФ; умышленное причинение тяжкого вреда его здоровью требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 111 УК РФ.

Таким образом, квалификация действий по ст. 132 или ст. 111 УК РФ, в зависимости от умысла виновного лица является ошибочной.

Преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ, по сравнению со ст. 111 УК РФ влечет более строгое наказание. Кроме того, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего в процессе осуществления насильственных действий сексуального характера образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 132 и ст. 111 УК РФ, что влечет за собой назначение ещё более строгого наказания в силу высокой общественной опасности.

Однако неопределенность понятия «иные действия сексуального характера» не позволяет однозначно квалифицировать совершаемые лицом действия как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 132 и ст. 111 УК РФ.

Дело в том, что в случаях, когда введение инородного предмета во влагалище или анальное отверстие причиняет тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, при направленности умысла виновного лица непосредствен-

но на причинение тяжкого вреда здоровью, такое деяние полностью охватывается диспозицией ч.1 ст.111 УК РФ. При этом применение к лицу насилия, с целью осуществления указанных действий не расценивается как подавление его воли, а определяется как действия, направленные на причинение вреда здоровью. Степень тяжести вреда здоровью при этом оценивается по совокупности нанесенных повреждений.

В то же время, если осуществление действий по введению инородного предмета во влагалище или анальное отверстие потерпевшего лица расценивается как нарушение половой свободы личности и, как следствие относится к иным действиям сексуального характера. Применение насилия с целью осуществления данных действий будет расцениваться как подавление воли потерпевшего. В результате образуется объективная сторона ч.1 ст.132 УК РФ, то есть совершение иных действий сексуального характера с применением насилия, что, при наличии тяжкого вреда здоровью потерпевшего, образует совокупность ст. 132 и ст. 111 УК РФ. [5,86]

Таким образом, квалификация такого рода действий находится в прямой зависимости от отнесения их к иным действиям сексуального характера.

Анализ 75 приговоров, вынесенных судами в период с 2016 по 2020 гг. показал, что действия подсудимого по введению инородного предмета во влагалище или (и) анальное отверстие потерпевшего лишь в 4% квалифицировались по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 132 и ст. 111 УК РФ. При этом, из оставшихся 96% случаев, порядка 92% приговоров содержали обвинение по ч.4 ст. 111 УК РФ.

Таким образом, отсутствие нормативного закрепления понятия «иные действия сексуального характера» приводит к расхождению судебной практики при квалификации однородных действий, что является недопустимым.

При этом в судебной практике в настоящий момент преобладает квалификация действия подсудимого по введению инородного предмета во влагалище или (и) анальное отверстие потерпевшего по более «мягкому» составу, то есть по соответствующей части ст.111 УК РФ.

В таком случае возникает проблема невозможности учета нарушения такого рода действиями половой свободы личности. Кроме того, такая квалификация предусматривает более мягкое наказание, не отвечающее в полной мере характеру и общественной опасности совершаемых действий и, тем самым нарушает принцип справедливости уголовного закона.

Список литературы:

1. Официальные статистические данные по уголовному судопроизводству. Сайт: Судебная статистика РФ/Агентство правовой информации. URL: <http://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 09.11.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 5 июня.
3. Барышева К.А., Грачева Ю.В., Есаков Г.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. – М.: Проспект, 2017. – 736 с.
4. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 от 04.12.2014 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsr.ru/files/14741>
5. Мотин А.В. Квалификация половых преступлений : монография – М.: ТРИУМФ, 2019 – 222 с.

А. А. Набиева

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов*

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится анализ норм и положений уголовного законодательства РФ и практики применения новой меры уголовно-правового характера. Рассматриваются вопросы правовой природы судебного штрафа, схожестя судебного штрафа со штрафом как наказанием. Выявляются пробелы в законодательстве и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: судебный штраф, иная мера уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, наказание, штраф.

A. A. Nabieva

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

JUDICIAL PENALTY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF APPLICATION

Abstract. The article analyzes the norms and provisions of the criminal legislation of the Russian Federation and the practice of applying a new measure of a criminal-legal nature. The questions of the legal nature of a court fine, the similarity of a court fine with a fine as a punishment are considered. Gaps in legislation are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: court fine, other measure of a criminal-legal nature, release from criminal liability, punishment, fine.

Одним из проявлений гуманизации и либерализации уголовного законодательства РФ стало принятие в 2016 г. новой меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [1]. Под судебным штрафом в уголовном законе понимается денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести и возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

В научной среде имеются два диаметрально противоположных мнения по поводу применения иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Одни авторы считают, что уголовный закон вырабатывает нормы, которые бы смягчали ответственность за преступления наименьшей тяжести, следовательно, судебный штраф в этом отношении является одной из таких норм. Данной позиции придерживается и законодатель. С помощью судебного штрафа решаются экономические задачи государства, путем пополнения государственной казны. Судебный штраф удерживает лицо от совершения нового преступления, то есть объясняется социально-предупредительной потребностью [2, С. 345]. На этом положительные моменты судебного штрафа заканчиваются.

Противоположной позиции придерживаются специалисты, которые сопоставляют судебный штраф с наказанием [3, С. 125]; является симбиозом альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта и наказания [4, С. 34]; это «паранаказание» [5, С. 116]. Таким образом, все авторы так или иначе связывают судебный штраф с наказанием, с эти трудно не согласиться.

Рассмотрим проблемы правовой регламентации и практики применения судебного штрафа:

1) Несколько преступлений небольшой и (или) средней тяжести, совершенных впервые не препятствуют освобождению лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [6]. Так, Шишмарев и Потапенков были освобождены от уголовной ответственности по п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 166 УК РФ. Незаконно проникнув в са-

рай, Шишмарев и Потапенков тайно, умышленно похитили металлический пług, а затем скрылись с места преступления, незаконно завладев автомобилем. Материальный ущерб был причинен на сумму 2 000 рублей [7].

2) Освободиться от уголовной ответственности можно в случае, если преступление совершено с формальным составом. По своей природе действия, направленные на возмещение ущерба и заглаживание вреда – социальные, так как являются исключительной инициативой виновного [2, С. 343]. Но практика нам показывает обратное: инициатива по возврату имущества потерпевшему у правоохранительных органах (например, в случае ранее проведенной выемки такого имущества) [8, С. 205]. На наш взгляд, такие действия нельзя назвать возмещением ущерба.

3) Условный характер. Он включает в себя, что судебный штраф должен быть уплачен в срок, который устанавливает суд на это указывает ч. 2 ст. 104.4 УК РФ [9], и в полном объеме. Получается, что законодатель дает судье широкий диапазон выбора срока назначения иной меры уголовно-правового характера, в том числе и 12 месяцев [10], а иногда и больше. С учетом, что срок давности за преступления небольшой тяжести истекает через два года после совершения преступления [11, С. 257], то при неуплате штрафа привлечь к уголовной ответственности его будет нельзя, поэтому разумным было бы в уголовном законе закрепить определенный срок судебного штрафа в пределах от 10 дней до 6 месяцев.

4) Рассрочка и отсрочка судебного штрафа не предусмотрена в уголовном законе, соответственно, необходимо предоставить такое право суду [12, С. 4]. Необходимо назначить рассрочку сроком на два года и установить исключительные обстоятельства, в результате которых гражданин не может уплатить штраф, допустим, полная утрата лицом, совершившим преступление, имущества, тяжелая болезнь и другие обстоятельства.

5) Какое имеет процессуальное положение лицо в период вынесения постановления об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа и до окончательной выплаты такого штрафа? До сих пор не известно [13], так как лицо занимает какое-то пограничное положение между преступником и не преступником, заметим, что такое нельзя увидеть при освобождении от других видов уголовной ответственности. Считаю, что данное условие нуждается в изменении, законодатель сам должен определиться, сможет лицо исправиться путем применения к нему такой меры освобождения от уголовной ответственности.

6) Минимальный размер судебного штрафа в уголовном законе не установлен. Логичным было бы взять за основу норму ч. 2 ст. 46 УК РФ и сократить ее наполовину, тем самым, обозначив минимальный размер судебного штрафа с 2 500 рублей.

7) В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2013 г. имеются 2 совершенно разные позиции, которые закреплены в п. 23 и п. 25.5 [13] Получается, что лицо может выбрать основание, по которому желает освободиться от уголовной ответственности, и в тоже время не может воспользоваться таким правом, так как суд, если увидит, что имеются иные основания освобождения, может не удовлетворить ходатайство.

8) Одним из критериев назначения судебного штрафа является имущественное положение лица (ч. 2 ст. 104.5 УК РФ). «Отсутствие источника дохода не препятствуют освобождению его от уголовной ответственности и применению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» [6]. В таком случае существует большая вероятность не уплаты штрафа, совершения нового преступления. Своего рода, это «сделка» лица с государством, в результате которой можем только предполагать, где лицо будет брать денежные средства. Пересмотреть позицию Верховного Суда РФ, считаем самым верным решением.

Таким образом, проблем в связи с пенализацией судебного штрафа существует много, их всех не перечислить. Думается, что это связано с природой судебного штрафа, поэтому необходимо привести в соответствии нормы Уголовного закона РФ и не только, чтобы судебный штраф не воспринимался как наказание без приговора. В соответствии с вышеназван-

ными положениями, необходимо изменить название «судебный штраф» на «компенсационный штраф», воспользоваться зарубежным опытом и наделить правом прокуроров выносить постановление об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Также для решения проблемы воспользоваться изменениями, которые указаны в статье.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. – 2016. № 27 (часть II). – Ст. 4256.
2. Проводина Е. В., Красовская О. Ю. Судебный штраф и наказание. Особенности правовой природы // Вопросы российской и международного права. 2019. Том 9. № 10А. С. 340–347.
3. Степашин В. М. Проблема уголовной регрессии вне уголовной ответственности // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 122–128.
4. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 34–37.
5. Беседин Г. Е. Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя? // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 114–118.
6. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10 июля 2019 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2019. – № 12.
7. Постановление Шумячского районного суда Смоленской области № 1-21/2021 от 10 марта 2021 г. по делу № 1-21/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bXclyuC5Dxxt/> (дата обращения: 05.11.2021).
8. Проводина Е. В., Красовская О. Ю. Правовая природа предупреждения, предусмотренного судебным штрафом как мерой уголовно-правового характера // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 203–209.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5109.
10. Постановление Сибайского городского суда Республики Башкортостан № 1-153/2017 от 10 июля 2017 г. по делу № 1-153/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SKmlTYICdWmx/> (дата обращения: 05.11.2021).
11. Чемеринский К. В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера: новое направление уголовной политики // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. – 2016. Краснодар: Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». С. 256–360.
12. Авдеев В. А. Условное осуждение в контексте современной уголовно-правовой политики РФ // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 2–6.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2013. – № 8.

УДК 349.2

К. С. Новиков

Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ БЛАНКЕТНЫХ НОРМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. в статье рассматривается такой правовой феномен как бланкетная норма. На основании анализа статьи 238¹ УК РФ автор приходит к выводу, что существовать проблемы при конструировании бланкетных норм, недостаточно налажен механизм приведения в соответствие бланкетных норм нормам иных отраслей права.

Ключевые слова: бланкетная норма, регуляторное законодательство, правоприменение, государственные пробирные клейма, лекарственные средства, медицинские изделия, принцип законности.

K. S. Novikov

Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov

SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTING BLANK NORMS IN CRIMINAL LAW

Abstract. The article considers such a legal phenomenon as a blank norm. Based on the analysis of Article 238¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, the author comes to the conclusion that there are problems in the design of blank norms, the mechanism for bringing blank norms into compliance with the norms of other branches of law is insufficiently established.

Keywords: blank norm, regulatory legislation, law enforcement, state assay stamps, medicines, medical devices, the principle of legality.

Юридической предпосылкой применения бланкетных норм в уголовно-правовой сфере является несоблюдение правил, установленных нормативно-правовыми актами других отраслей права. По мнению Боровикова Н. С., «бланкетная норма не является самостоятельным регулятором общественных отношений и может выполнить свою роль социального регулятора только совместно с другой нормой» [5, С. 209]. На наш взгляд, бланкетная норма вообще не является регулятором общественных отношений – она выполняет исключительно охранительную функцию, поскольку содержит лишь общее описание уголовно-правового запрета. Для конкретизации и выявления всех признаков объективной стороны состава преступления необходимо обращаться к соответствующему регуляторному законодательству. Какова же степень влияния регуляторного законодательства на охранительные уголовно-правовые нормы? Пикуров Н. И. отмечал, что «нормативный материал иной отраслевой принадлежности, в случае имплантации его в уголовно-правовую норму, становится элементом ее системы. Совокупность всех правовых норм, имплантированных в уголовное право, образует его нормативную инфраструктуру» [6, С. 3]. Мы полагаем, что автор подразумевает отдельные бланкетные признаки, которые могут содержаться в норме. Например, ст. 181 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм. Термин «государственное пробирное клеймо» был позаимствован законодателем из Федерального закона от 26.03.1998 № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и поэтому приобретает статус предмета данного преступления, он как бы «вживается» в материю уголовного права.

Базовым правилом конструирования состава преступления является его соответствие нормам иных отраслей права [7, С. 23]. Данное правило приобретает чрезвычайную важность при конструировании составов с бланкетной диспозицией. Существует проблема рассогласованности норм

регулятивного законодательства и уголовно-правовых норм, что приводит к нарушению общеправового принципа определенности, а в конкретных случаях к нарушениям прав лиц, подвергнутых уголовному преследованию. Этой проблемой обеспокоены в том числе и в адвокатской среде. Так, адвокат Московской коллегии адвокатов «ГРАД» Айдинов Сергей в интервью Адвокатской газете высказал следующее мнение: «Наличие в Уголовном кодексе РФ бланкетных норм приводит к тому, что квалификация того или иного преступного деяния (а то и криминализация поведения, ранее не являвшегося противоправным) зависит исключительно от внесения изменений в подзаконные акты. Это касается, например, установления тяжести телесных повреждений. Таким образом, правовые последствия для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, зависят от нормотворчества на подзаконном уровне» [8]

На наш взгляд, вся проблематика вокруг бланкетных норм строится на том, что многие из них сконструированы по принципу «сборной солянки», то есть включения в диспозицию нормы разных по содержанию признаков в отсутствие формально-логической основы для их группировки. Проанализируем статью 238¹ УК РФ, то есть производство, сбыт или ввоз на территорию РФ фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, а также фальсифицированных биологически активных добавок. Чтобы понять, что подразумевается под данными терминами и что в конечном итоге образует предмет преступления, обратимся к соответствующему регуляторному законодательству. Понятие лекарственного средства даётся в Федеральном законе от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», то есть это вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного, проникающие в органы, ткани организма человека или животного, применяемые для профилактики, диагностики (за исключением веществ или их комбинаций, не контактирующих с организмом человека или животного), лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности и полученные из крови, плазмы крови, из органов, тканей организма человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий. Основное, что нам необходимо усвоить из этого понятия – это то, что лекарственное средство проникает в человеческий организм, вследствие чего нарушение правил при их производстве и обороте может повлечь существенный вред не только видовому объекту, который охраняется данной нормой – здоровью населения, но и в ряде случаев жизни и здоровью отдельного человека. Теперь обратимся к Федеральному закону от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который в статье 38 даёт определение понятия медицинское изделие – это любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболитического воздействия на организм человека. Ключевым здесь является то, что это «любые» инструменты, материалы и прочие изделия. Если проанализировать законодательство, то можно прийти к выводу, что нельзя говорить об абсолютно любых изделиях, поскольку всё же существует их классификация и она содержится в Приказе Минздрава России от 06.06.2012 № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий». Наряду с протезами, устройствами управления медицинским оборудованием, к таким медицинским изделиям

среди прочего относятся медицинские бахилы, покрывала медицинских столов, перчатки, щётки-губки и т.д. Можно ли говорить в таком случае об одинаковой степени общественной опасности нарушения правил производства, реализации лекарственных средств, непосредственно оказывающих воздействие на организм человека, и тех же самых действий, совершённых с медицинскими изделиями – мы считаем, что нет. В одной норме не могут содержаться разные по степени и характеру общественной опасности деяния. Ведь уголовный закон не разграничивает, производство и обращение каких фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных медицинских изделий является уголовно наказуемым, а каких нет. Отраслевое законодательство определяет содержательную часть предмета преступления, а следовательно, и преступность соответствующего деяния, что недопустимо с точки зрения соблюдения принципа законности, который гласит, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные правовые последствия определяются исключительно Уголовным кодексом.

В заключение отметим, что законодатель не предусмотрел механизмов для соблюдения баланса между нормами уголовного права и нормами иной отраслевой принадлежности. Этого баланса, и в этом вопросе законодатель должен учитывать тот запрос, который поступает от правоприменительной практики – от тех, кто непосредственно занимается системным толкованием бланкетных норм. Оптимизация структуры бланкетных норм, на наш взгляд, также не достигнута – отсутствуют чёткие и единые параметры построения бланкетных норм, нарушаются общие правила конструирования состава преступления. На наш взгляд, необходимо выработать определённые направления работы на уровне уголовной политики, закрепить в Общей части УК РФ правила, которыми должны руководствоваться субъекты применения бланкетных норм, а Верховному Суду при обсуждении проектов Постановлений Пленума по даче разъяснений в спорных вопросах применения бланкетных норм активно использовать мнение специалистов-исследователей.

Список литературы:

1. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: Федеральный закон от 26.03.1998 № 41 // СПС «КонсультантПлюс»
2. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323 // СПС «КонсультантПлюс»
4. Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий: Приказ Минздрава России от 06.06.2012 № 4н // СПС «КонсультантПлюс»
5. *Боровиков Н.С.* Отсылочные и бланкетные уголовно-правовые нормы в системе связей между нормативными правовыми актами // Пробелы в российском законодательстве. М.: Юр-ВАК, 2008. С. 208–209
6. Пикиров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ...д.ю.н. Волгоград, 1998. 47 с.
7. *Иванчин А.В.* Теория конструирования состава преступления: практикум. Ярославль: ЯРГУ, 2014. 440 с.
8. *Айдинов С.* Наличие в УК бланкетных норм – прямое нарушение принципа единственного источника уголовного права // Адвокатская газета. 2021. № 2
9. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/nalichie-v-uk-blanketnykh-norm-pryamoe-narushenie-printsipa-edinstvennogo-istochnika-ugolovnogo-prava/> (дата обращения: 18.11.2021)

Д. С. Новокрещённых

*Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов*

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ

Аннотация. Предметом исследования представленных тезисов доклада является особенность регулирования медицинских услуг в рамках ст. 235 и 238 УК РФ, имеющих повышенную общественную опасность в виду использования телемедицинских технологий как способа совершения деяния. В ходе работы исследованы вопросы легального и незаконного предоставления медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий, особенность привлечения к ответственности за данное деяние.

Ключевые слова: уголовный закон, инновационная деятельность, телемедицина, квалифицированный состав преступления, уголовная ответственность.

D. S. Novokreschennykh

*Saratov State Law Academy
Legal Institute of Justice and Bar
Russia, Saratov*

SPECIFIC FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF TELEMEDICINE

Abstract. The subject of the study of the presented theses of the report is the peculiarity of the regulation of medical services within the framework of Art. 235 and 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, which have an increased social danger due to the use of telemedicine technologies as a way of committing an act. In the course of the work, the issues of legal and illegal provision of medical care using telemedicine technologies, the peculiarity of bringing to responsibility for this act were investigated.

Keywords: criminal law, innovative activity, telemedicine, qualified corpus delicti, criminal liability.

В последнее время все чаще при описании диспозиции норм Уголовного кодекса Российской Федерации [1] законодатель употребляет словосочетание «информационно-телекоммуникационные сети», не исключая Интернет, телемедицинские технологии. В условиях цифровизации, развития технологий в различных сферах жизни общества значительным и резким образом меняет жизнь как в положительном, так и отрицательном смысле. Как раз одним из подобных инноваций является возможность оказания медицинской помощи с применением телемедицинских, дистанционных технологий. Стоит определить, что из себя представляет телемедицина, дать ей определение, федеральный закон Российской Федерации от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» [2] определяет телемедицинские технологии как технологии, которые обеспечивают возможность дистанционного взаимодействия медицинских работников между собой, с пациентами, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента. С одной стороны, оказание медицинской и фармацевтической помощи значительно облегчает жизнь людей, живущих в отдалённых уголках, где зачастую бывает сложно найти хорошо квалифицированного специалиста или тех, кто имеет заболевания, затрудняющие передвижение. С другой стороны, велика вероятность того, что помощь будет оказывать врач, не имеющий права (лицензии) на совершение определённых видов медицинских действий, услуг, так же медицинский работник может оказать ненадлежащую помощь, допустить ошибку в постановке диагноза, что вполне может привести к смерти пациента и иным негативным последствиям, приносящим вред жизни и здоровью человеку. Все эти и иные обстоятельства законодатель должен учитывать для эффективной и своевременной уголовно-правовой охраны интересов, совершенствовании

законодательства, внесения ясности в практику применения медицинскими учреждениями новых телемедицинских технологий.

В условиях современной цифровизации операции могут проводиться на расстоянии между врачом и пациентом. Впервые в 2001 году, находясь на расстоянии 7 000 км хирурги с помощью робота ZEUS успешно поревели операцию по удалению желчного пузыря. Подобная техника не всегда гарантирует абсолютную безопасность пациентам. Перспективы развития медицины очевидны, но уголовное законодательство еще к этому не готово, вопрос об ответственности – не решен полностью.

В настоящем Уголовном кодексе отсутствуют понятия «телемедицина», «дистанционное оказание медицинской помощи». Стоит отметить, что в перечне работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность представленных в постановлении правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности» [3] отсутствуют консультации специалистов при помощи сети «Интернет». Без необходимой лицензии подобную деятельность нельзя считать медицинской, ведь телемедицина, как и любая другая деятельность в сфере здравоохранения подлежит лицензированию, поэтому данную деятельность могут оказывать сотрудники организации, получившей необходимое разрешение на оказание услуг в сфере здравоохранения.

Особенность оказания помощи с применением интернет-технологий, к сожалению, позволяет реализовать практику оказания услуг лицами, не являющимися сотрудниками медицинских организаций. В результате подобного лечения вероятно ухудшение состояния здоровья пациента. Поэтому в соответствии с федеральным законом Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] перед назначением лечения обязательно должен предшествовать очный прием, о данной норме многие могут не знать вовсе.

Проанализировав сайты, предоставляющие медицинские услуги гражданам, встречаются те, что предлагают пользователю самим поставить себе диагноз по симптомам (Диагност, Диагноз.ру), даже предлагающие абсурдные услуги экстрасенсов-биоэнергетиков. В России, относительно других стран Европы, государственное регулирование положений оказания медицинских интернет-услуг не развито, абсолютно любой может создать подобного рода сайт, вследствие чего может быть причинен вред жизни и здоровью пациентам.

Возможности Интернета огромны, социальные сети охватывают большие массы людей, в результате лицами, осуществляющими незаконную медицинскую деятельность, может быть причинён вред большому числу лиц, даже если сравнивать с деятельностью медиков, принимающих лично, не имея при этом лицензии. Данные факты законодатель, следовательно, должен обязательно учитывать при установлении наказания в рамках ст. 235 УК РФ. На мой взгляд, при определении вида состава преступления в рамках ст. 235 УК РФ следует отнести его к квалифицированному, предусмотреть ужесточение наказания за оказание незаконной медицинской и фармацевтической помощи с применением дистанционных и интернет технологий, выступающих способом совершения преступления, под которым понимаются «конкретные приемы и методы, применяемые лицом при совершении преступного деяния» [5, с. 10].

Оказание медицинских услуг при помощи такого способа как телемедицина может не отвечать требованиям безопасности жизни или здоровья потребителя, ввиду, например, отсутствия четкой нормативной регламентации применения медицинских дистанционных технологий, а, следовательно, является общественно-опасным деянием, попадающим под признаки преступления (ст. 238 УК РФ). Предлагается в ч. 2 ст. 238 УК РФ внести пункт «г», предусматривающий совершение деяния с применением телемедицинских технологий.

Следует отметить, что в информационном пространстве стоит ограничить количество псевдомедицинских сайтов посредством их обязательного лицензирования.

Таким образом, подводя итог, необходимо сказать, что преступления с применением телемедицинских технологий имеют высокую общественную опасность, так как при этом причиняется вред здоровью человека или смерть. Именно поэтому следует ужесточить наказание за оказание незаконной медицинской и фармацевтической помощи с применением интернет-техно-

логий, а также отнести к квалифицированному составу (п. «г» ч. 2 ст. 238 УК РФ) совершение деяния с применением телемедицины. Принятие закона, регулирующего применение телемедицины, повлияет на качество квалификации преступления и значительно поможет правоприменителю.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2. Ст. 219
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 40. Ст. 5738.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Красовская О. Ю. Состав преступления: учебное пособие / О. Ю. Красовская; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. 60 с.

УДК 351.741

А. А. Олифиренко

*Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (НА ОПЫТЕ СТРАН ЕВРОПЫ)

Аннотация. Внедрение искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство и его использование, специально предназначенного для систем и процессов уголовного правосудия, в одностороннем порядке способствует эффективной защите прав и гарантий верховенства права, предусмотренных законодательством Европейского союза и Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, информационные технологии, противодействие преступности, уголовное правосудие, искусственный интеллект.

A. A. Olifirenko

*Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov*

IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROCESS OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE EXPERIENCE OF EUROPEAN COUNTRIES

Abstract. The introduction of artificial intelligence into criminal proceedings and its use, specially designed for criminal justice systems and processes, unilaterally contributes to the effective protection of the rights and guarantees of the rule of law provided for by the legislation of the European Union and the Russian Federation.

Keywords: criminal law, information technology, crime prevention, criminal justice, artificial intelligence

В связи с быстрым развитием цифрового общества возникает необходимость в согласованных, глобальных и всеобъемлющих правовых гарантиях, включая надежные гарантии

правовой защиты, которые регулируют использование цифровых технологий для минимизации рисков и узаконивания новых материальных и нематериальных активов.

У каждого судьи есть свои любимые методы наказания: некоторые судьи предпочитают досрочное освобождение, в то время как другие предпочитают, чтобы преступники получили больше тюремного срока за определенные преступления. Это связано с их собственными личными взглядами на эффективность тех или иных методов наказания и реабилитации. В результате наказание преступника может сильно различаться, просто из-за того, какой судья его осудит.

В этом контексте предложения Верховного Суда Российской Федерации и Совета судей России относительно постепенного внедрения в суд «слабого искусственного интеллекта», способного решать узкоспециализированные задачи, кажутся своевременными [1].

Искусственный интеллект это всеобъемлющий термин, используемый для обозначения широкого спектра различных технологий передачи данных, которые в области правосудия могут существенно различаться по характеру и областям применения. Включает в себя как простые алгоритмы, с одной стороны, так и алгоритмы машинного обучения и глубокого обучения, с другой. «Компьютерные технологии способны к обработке юридической информации для принятия решений правоприменителем» [2, С. 213]. Так, технологии искусственного интеллекта могут использоваться для поддержки процессов работы и принятия решений юристами (например, сканирование больших пакетов текстов, автоматический перевод документов на разные языки, преобразование устных разговоров в письменные документы и т.д.).

Технологии машинного обучения (или статистические инструменты, основанные на данных) [3]. Также могут использоваться для таких функций, как прогнозная оценка риска как в профилактических целях (например, работа полиции на основе данных, основанная на прогнозе общей группы риска или области), так и для осуждения решений (например, технологии оценивают риск рецидива), функции проведения уголовного расследований (сканирование социальных сетей для выявления преступлений, совершенных в Интернете, или для выявления подделок, киберпреступности и т.д.), а также для выполнения различных форм прогнозной полицейской деятельности (например, видеоаналитика для распознавания лиц и эмоций) [4, С. 3–7]. Компьютерные технологии способны к обработке юридической информации для принятия решений правоприменителем.

В Европе разработка и использование ИИ в уголовном праве и правоохранительной деятельности все еще находится на ранней стадии. Однако недавние исследования показывают, что некоторые государства-члены ЕС уже используют прогнозистические и профилирующие системы ИИ для правоохранительных органов и уголовного правосудия [5].

В Германии создается электронное досье, содержащий оцифрованные материалы уголовного дела, что позволяет защитнику быстрее ознакомиться с материалами уголовного дела, которые он получает по своей специальной электронной почте [6, С. 195]. Внедрение цифровизации уголовного судопроизводства осуществляется посредством использования новейшей электронной техники и основ программирования [7, С. 150].

С. В. Власова считает, что в перспективе робот успешно заменит следователя: «Поскольку «информационные преступления» оставляют информационные следы – следовать по ним (расследовать их) может специалист по информационным технологиям. Вместо следователя, сыщика, в традиционном смысле, субъектом расследования может быть программист, специалист по информационной безопасности (профессиональный «антихакер»), а также «робот» (компьютер)» [8, С. 5].

Как преимуществом, так и недостатком автоматизированной системы принятия решений является отсутствие субъективного фактора. Конкретный алгоритм может вычислять силу и количество аргументов, присваивая вероятностям значение начальных причин и силы внутренних логических связей. Однако некоторые ученые все еще признают, что во многих реальных случаях субъективное доверие и интуиция субъекта оценки играют важную роль в установлении данных. Кроме того, согласно российскому законодательству, судья должен оценивать

доказательства в соответствии со своим внутренним убеждением, руководствуясь законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). На принятие решений в значительной степени влияет жизненный и профессиональный опыт судьи, у которого нет компьютеризированной системы [9, С. 708].

Алгоритмические тенденции ИИ в уголовном судопроизводстве имеют большое значение для науки и практического прецедентного права [10, С. 98–102]. Например, можно видеть, что по крайней мере ряд инструментов оценки преступности, используемых в англо-американских системах правосудия, могут быть улучшены с помощью машинного обучения и искусственного интеллекта [11, С. 109–110].

Аналитика больших данных все чаще используется в уголовном преследовании преступников. Некоторые хорошо известные примеры включают Connex, используемый полицией Великобритании для анализа миллиардов данных финансовых транзакций с целью поиска корреляций или закономерностей в транзакциях, или Международную базу данных о сексуальной эксплуатации детей (ICSE DB), управляемую Интерполом.

База данных ICSE помогает идентифицировать жертв и / или преступников, например, анализируя мебель и другие объекты на оскорбительных изображениях или анализируя фоновый шум в видеофайлах. Оба документа продемонстрировали свою эффективность в борьбе с преступностью и ее предупреждении. Используя базу данных Connex, поиск, который ранее занимал несколько месяцев исследований, теперь может быть выполнен с высокой точностью и точностью в течение нескольких минут [12, С. 435–437].

Пришло время признать, что эти системы существуют сегодня и влияют на жизнь людей. Некоторые представители технического сообщества начали участвовать в этих дискуссиях. Это дискуссия, которая должна выходить за рамки технологий. Оттуда у нас есть возможность определять будущие направления этих систем и даже спрашивать, являются ли они системами, которые мы должны развивать посредством исследований, образования, пропаганды и политики. Нам нужно понять комиссию и помочь политикам и организациям работать над улучшением систем правосудия по мере развития ИИ.

Список литературы:

1. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации», г. Катар [Электронный ресурс] // Совет судей Российской Федерации URL: <http://www.ssrj.ru/news/lienta-novostiei/36912> (дата обращения: 18.10.2021).

2. Красовская О.Ю. Превентивное воздействие на лиц опасного состояния в условиях цифровизации права // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации: сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках I Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию юбилею Саратовской государственной юридической академии (Саратов, 9 июня 2021 г.) / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад. 2021. – 252 с. С. 209–214.

3. Chelioudakis E. «AI-philis & Lady Justice: The AI hype knocks on the door of Europe's Criminal courts» [Электронный ресурс] // KU Leuven Centre for IT and IP Law, 29 January 2019. URL: <https://www.law.kuleuven.be/citip/blog/ai-philis-lady-justice-the-ai-hype-knocks-on-the-door-of-europes-criminal-courts/> (дата обращения: 18.10.2021).

4. CEPEJ, «Possible introduction of a mechanism for certifying AI tools and services in the sphere of justice and the judiciary: Feasibility Study» // As adopted at the 34th plenary meeting of the CEPEJ, 8 December 2020. P. 1–30. P. 3–7

5. Fair Trials, «AI in Criminal Justice EU Member State case study: Netherlands» // Justice in Europe, November 2020.

6. Слепцов Н.В., Тутов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «Вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. 2020. № 3 (134). С. 193–200.

7. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.

8. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–10.

9. Чистилина Д.О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. № 4. С. 705–710.

10. Stanier I. Enhancing intelligence-led policing: Law enforcement's big data revolution. // In: Bunnik A, Cawley A, Mulqueen M, Zwitter A (eds) Big Data Challenges: Society, Security, Innovation and Ethics. London: Palgrave Macmillan, 2016, p. 97–113.

11. Wilson D. Algorithmic patrol: The futures of predictive policing. In: Završnik A (ed.) Big Data, Crime and Social Control. // London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018, p. 108–102.

12. Tatyana Sushina and Andrew Sobenin. Artificial Intelligence in the Criminal Justice System: Leading Trends and Possibilities. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 441. // 6th International Conference on Social, economic, and academic leadership (ICSEAL-6-2019). 2019. P. 432–437.

УДК 343.6

А. С. Перина

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Факультет подготовки научных кадров
Россия, Санкт-Петербург

ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос криминализации деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий и направленных против несовершеннолетних. На основании анализа статей УК РФ с квалифицирующими признаками использования информационных технологий, а также имеющейся законопроектной деятельности, автор делает вывод о наличии тенденции к росту криминализации государством соответствующих деяний.

Ключевые слова: уголовное право, криминализация, преступления против личности, преступления против несовершеннолетних, информационные технологии.

A. S. Perina

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Faculty of Scientific Personnel Training
Russia, Saint Petersburg

TRENDS IN CRIMINALIZATION OF ACTS AGAINST MINORS COMMITTED USING INFORMATION TECHNOLOGY

Abstract. The article deals with the criminalization of acts committed using information and communication technologies and directed against minors. Based on the analysis of the articles of the Criminal Code of the Russian Federation with qualifying signs of the use of information technology, as well as the existing legislative activity, the author concludes that there is a tendency for the state to criminalize the relevant acts.

Keywords: criminal law, criminalization, crimes against the person, crimes against minors, information technology.

В последние десятилетия перспективы использования компьютерных технологий в качестве способа совершения преступлений основаны на совокупности факторов: стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, расширение возможностей их применения, отсутствие четкой законодательной регламентации в уголовном праве соответствующего аспекта, упрощение совершения уже закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) преступлений с использованием указанного инструмента и др. Особенно важно рассматривать обозначенную проблему в кон-

тексте совершения преступлений, направленных против несовершеннолетних, при том, что материнство и детство, семья находится под защитой государства в соответствии с Конституцией Российской Федерации [1].

Развитие информационных технологий достигло уровня, при котором большинство сфер жизни, особенно у подростков, стало немислимым без их использования, происходит «виртуализация» жизнедеятельности [7, с. 276]: в уголовно-правовом смысле это означает, что понятие «преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий» весьма широко и в той или иной степени включает значительную часть предусмотренных УК РФ традиционных составов преступлений. Проблема уголовно-правовых рисков использования информационных технологий становится масштабной.

Помимо специальных составов, предусмотренных главой 28 УК РФ, где отношения в сфере компьютерной информации являются групповым объектом преступлений, появляются противоправные деяния, предмет которых охватывает информацию как таковую, а также совершение которых включает искажение информации, незаконную ее передачу или распространение с целью унижения человеческого достоинства и др., публичную демонстрацию правонарушений с целью вовлечения иных лиц в их совершение; использование информационных технологий для вербовки жертв или принуждения к противоправным действиям и т.д. Кроме того, способ совершения ряда преступлений может включать полное или частичное использование информационных технологий, приводящих к преступному результату или облегчающих его достижение.

Указанные примеры охватывают в том числе и уголовно-правовую характеристику традиционных составов преступлений против личности, в том числе направленных против несовершеннолетних, их жизни и здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности.

В соответствии со статьей 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.

В Разделе VII УК РФ, закрепляющем ответственность за преступления против личности, признак использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») непосредственно указан в диспозиции 5 составов (п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 128.1, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ). Еще некоторые статьи включают в себя признак публичности деяния (например, ст. 137 УК РФ) [2].

Факт внедрения информационных технологий в объективную сторону преступлений против личности становится показателем качественно иной преступности, которая становится более технически оснащенной, более широкой в плане поиска жертв, в ряде случаев более умственно затратной, нежели физически [6, с. 80]. Несовершеннолетние становятся потенциальными жертвами преступлений в виду особенностей своего возрастного и психологического развития, доверчивости, зависимости от взрослых, любознательности, открытости современным веяниям, минимальным страхом наступления последствий, их незнание и т.д.

Влияние в том числе указанных факторов на состояние рассматриваемого вида преступности как социально-правового явления также обуславливает рассмотрение государством вопросов криминализации в оперативном порядке с целью своевременного реагирования.

Конституционный суд Российской Федерации в своих постановлении неоднократно обращал внимание на следование нормативным основам криминализации деяний, включающим тезис об исключительности уголовного законодательства при реагировании государства на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, а также на важность принятия во внимание соразмерности характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния [4].

Например, выявление новых форм и методов посягательств на жизнь и здоровье подростков, особо проявившихся в 2016–2017 г. [10], потребовали установления уголовной ответственности за такие деяния. При этом профессором О.С. Капинус верно и аргументированно отмечено, что к вопросу криминализации деяний в уголовно-правовой политике государства следует подходить осторожно и обдуманно, хотя,

например, криминализация указанных общественно опасных деяний, осуществленная в последние годы, полностью оправдана [9, с. 39].

В научной среде существует мнение ряда исследователей, что криминализация деяний, ответственность за которые в настоящее время установлена статьями 110.1 и 110.2 УК РФ преждевременна, поскольку соотношение числа самоубийств обратно пропорционально распространению Интернета в виду возможностей в виртуальном пространстве поиска поддержки, психологической, социальной, финансовой и даже правовой помощи [8].

Стоит отметить, что в последние годы необходимость усиления уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних продиктована тенденцией роста преступлений такого рода.

В связи с вышеуказанным в России во втором чтении рассматривается законопроект № 388776-7 от 14.02.2018 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних» [5], предусматривающий вопросы возможной криминализации понуждения несовершеннолетних к действиям сексуального характера через сеть «Интернет» посредством введения квалифицированного состава в рамках имеющейся статьи 133 УК РФ.

При этом использование компьютерных технологий в качестве квалифицирующего признака уже содержится в диспозиции иной статьи отечественного уголовного кодекса, устанавливающей ответственность за преступления, направленных против несовершеннолетних, даже при отсутствии сексуальной направленности. Так, УК РФ содержит положение об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, реализованное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») (пункт «в» части 2 статьи 151.2 УК РФ) [3]. Здесь в первую очередь под охрану подпадает жизнь и здоровье подростков, а не половая свобода.

Таким образом, в настоящее время криминализация деяний, совершенных с использованием информационных технологий и направленных против несовершеннолетних, имеет тенденцию к увеличению в зависимости от активности проявления соответствующих правонарушений в тот или иной период жизни общества. В первую очередь этот рост квалифицированных составов, в рамках которых использование информационных технологий звучит в качестве обязательного признака состава преступления, обусловлен необходимостью защиты наиболее уязвимой части общества – подростков.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // «Российская газета» от 04.07.2020 № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996. № 25. ст. 2954
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2017 г. № 24. ст. 3489.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 14.02.2017, ст. 0001201702140020.

5. Законопроект № 388776-7 от 14.02.2018 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7> (дата обращения: 12.11.2021).

6. *Артюшина О.В.* Насильственная преступность и IT-технологии // Lex Russica. 2019. № 9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilstvennaya-prestupnost-i-it-tehnologii> (дата обращения: 13.11.2021).

7. *Гилинский Я.И.* Криминологические основы уголовного права в эпоху постмодерна // Криминологические основы уголовного права: Матер. X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26 – 27 мая 2016 г. / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2016. 568 с.

8. *Дюмаева С.* Существует ли на самом деле рост подросткового суицида? [Электронный ресурс] / С. Дюмаева // The Village. – Иркутск, 2017. – Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/asking-question/258242-suicide> (дата обращения: 13.11.2021).

9. *Капинус О.С.* Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса / О. Капинус // Общественные науки и современность. – 2018. – № 4. – С. 37–46. – DOI 10.31857/S086904990000367-5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35671546> (дата обращения: 13.11.2021).

10. Возвращение «синего кита» URL: <https://iz.ru/news/664617> (дата обращения: 12.11.2021).

УДК 343

О. А. Потапова, А. А. Дралов

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления
Россия, Новосибирск*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОТГРАНИЧЕНИИ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. представленная работа посвящена вопросам разграничения незаконной банковской деятельности от административных правонарушений в сфере банковской деятельности. Авторами оцениваются статистические данные, а также состояние уголовного и административного законодательства об ответственности за незаконную банковскую деятельность.

Ключевые слова: банковская деятельность, доход, операции, кредитная организация, денежные средства.

O. A. Potapova, A. A. Dralov

*Novosibirsk State University
of Economics and Management
Russia, Novosibirsk*

PROBLEMS OF CLASSIFYING ILLEGAL BANKING ACTIVITIES AS DISTINCT FROM ADMINISTRATIVE OFFENCES IN BANKING ACTIVITIES

Abstract. the work presented is devoted to the issue of distinguishing between illegal banking activities and administrative offences in banking activities. The authors assess statistical data as well as the status of criminal and administrative legislation on liability for illegal banking activities.

Keywords: banking, income, operation, credit institution, cash.

В настоящее время в Российской Федерации дискуссионным является вопрос свободы экономической деятельности. Вырабатываются пути совершенствования уголовного законодательства в сфере экономической деятельности, происходит «точечная» либерализация отдельных составов преступлений. Все это может свидетельствовать о том, что

законодателем предпринимаются попытки своевременно решать возникающие проблемы. Особое внимание государство уделяет сфере банков и банковской системы, ведь от ее стабильности зависит комфорт граждан и субъектов предпринимательской деятельности.

Для отражения актуальности темы исследования необходимо обозначить ряд статистических данных, предоставленных Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, которые отражают состояние преступности в сфере экономической деятельности России в последние годы. Всего за 2020 год в Российской Федерации было зарегистрировано свыше двух миллионов преступлений, выявленных лиц по экономическим преступлениям свыше 44 тысяч, осужденных по ст. 172 УК РФ 349 лиц привлечены к ответственности, следует отметить, что большинство понесли наказание в виде лишения свободы условно, из них по ч. 1 – 17 лиц, а по ч. 2 ст. уже 332. Для того, чтобы отследить динамику, необходимо привести статистические данные за 2019 год, в котором было осуждено 380 лиц, за совершение незаконной банковской деятельности, более того за первое полугодие 2021 года по основному составу преступления привлечено 7 лиц, а по ч. 2 рассматриваемой статьи – 141 привлечены к уголовной ответственности, что свидетельствует о организованной преступности по данному деянию. Следовательно, за последние годы, преступления, связанные с банковской деятельностью, сохраняют свою динамику [3].

Следует так же отметить, что существуют правовые пробелы, которые имеют место быть правоприменительной практике. На наш взгляд, они могут быть вызваны отсутствием руководящего Постановления Пленума Верховного Суда как официального разъяснения. На наш взгляд, важность данных разъяснений состоит в том, что они помогут правоприменителям привести судебную практику ст. 172 УК РФ в единообразный порядок.

Одной из проблем в ходе применения указанной выше нормы уголовного законодательства выступает отграничение её от ответственности, предусмотренной кодексом об административных правонарушениях. Считаем необходимым рассмотреть более детально данные проблемы.

Проблемы квалификации, возникающие при определении совершенных деяний, к какому виду ответственности следует относить те или иные преступные действия, имеют свою актуальность. В Российской Федерации прямо не предусмотрена административная ответственность за незаконную банковскую деятельность, хотя в свою очередь имеются сопутствующие составы административных правонарушений, а именно: осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), нарушение законодательства о банках и банковской деятельности. Для определения грани разграничения правонарушения от преступления в сфере банковских операций, следует обратиться к кодексу об административных правонарушениях.

Статья 15.26 КоАП РФ предусматривает нарушение законодательства о банках и банковской деятельности. Законодателем определен верхний порог санкции за совершение правонарушения (пятьдесят тысяч рублей) Также определен перечень деятельности самой кредитной организации. В указанной выше норме также содержатся квалифицирующие составы, предусмотренные п. 2 и п. 3 [2]. Здесь, можно отметить и ст. 14.1 КоАП РФ, которая предусматривает осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии).

Диспозиция выглядит следующим образом:

1. Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве юридического лица;
2. Осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии);
3. Осуществление предпринимательской деятельности как с нарушением требований лицензии, так и с грубым нарушением.

Таким образом, исходя из диспозиций указанных выше, такие составы административных правонарушений не имеют тесной взаимосвязи с незаконной банковской деятельностью в первую

очередь, потому что сама банковская деятельность имеет отличительные особенности, которые выражаются в том, что такой деятельностью может заниматься только коммерческая организация, которая имеет регистрацию, а также специальную, установленную законом лицензию на осуществление такой деятельности.

Рассматривая вопрос о разграничении субъектов предпринимательской деятельности, которые связаны с банками прямо или косвенно, можно выделить отличительные признаки, которые в первую очередь присущи банкам. Как и любая коммерческая организация, банк осуществляет свою деятельность на свой страх и риск, более того, предусмотренные законом банковские операции выступают способом извлечения прибыли. Стоит отметить, что пункты указные выше ничтожны, если у банка отсутствует лицензия Центрального Банка России на совершение определенных видов банковских операций. Виды совершаемых банковских операций установлены Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

Основной проблемой на наш взгляд при квалификации незаконной банковской деятельности и смежных с ней административных правонарушений является определение вида кредитной или банковской организации, а также деятельность, которую собирается осуществлять лицо [7, С. 1048].

Таким образом, прямо предусмотренная законодательством административная ответственность за незаконную банковскую деятельность не существует, однако она нашла свое отражение в ст. 15.26 КоАП РФ, но реализация ее возможна только в случаях, определенных в самой статье.

На наш взгляд, в целях разграничения административной и уголовной ответственности необходимо дополнить Кодекс об административных правонарушениях РФ статьей о незаконной банковской деятельности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, № 31, ст. 4412.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Российская газета от 31 декабря 2001 г. № 256.
3. Судебная статистика, предоставленная судебным департаментом при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения 09.11.2021).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 295.
5. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 30.12.2020) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 05.02.1996, № 6, ст. 492.
6. Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И (ред. от 02.02.2021) «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.06.2014 № 32813) // Вестник Банка России, № 60, 26.06.2014.
7. Клепицкий И. А. Новое экономические уголовное право. – М.: Проспект 2020. – 1862 с.

УДК 343.46

С. С. Потапова

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Данная статья посвящена уголовно-правовой характеристике преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 187 УК РФ – неправомерный оборот средств платежей. Анализируются имеющиеся в правоприменительной практике проблемы, связанные с объектом и предметом преступления.

Ключевые слова: Электронные средства платежа, неправомерный оборот, документ оплаты.

S. S. Potapova

Saint-Petersburg Law Institute (branch)
of the Federal State Establishment of Higher Education
«University of prosecutor's office
of the Russian Federation»
Russia, Saint-Petersburg

SOME ISSUES OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF PAYMENTS IN THE CONDITIONS OF SOCIETY DIGITALIZATION

Abstract. This article is devoted to the criminal-legal characteristics of the crime, the responsibility for which is provided for by Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation – illegal circulation of means of payments. The article analyzes the problems existing in law enforcement practice related to the object and subject of the crime.

Keywords: Electronic means of payment, illegal traffic, payment document.

Современное общество обусловлено повсеместным внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Данный процесс подразумевает изменение и приспособление всех сфер жизни общества в связи с внедрением цифровых технологий.

Уголовное законодательство также нуждается в постоянном развитии и совершенствовании в условиях цифровизации общества. Причиной этому служит не только необходимость правового регулирования тех или иных новшеств, но и прогрессирующее количество преступлений с применением цифровых технологий.

Одной из статей Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), отвечающей условиям прогрессирующего цифровизационного общества является 187 – неправомерный оборот средств платежей. Актуальность данной нормы обусловлена стремительным распространением электронных средств платежей в связи с развитием государственной политики в данном направлении [1, С. 149].

Несмотря на относительно полное отражение законодателем в рассматриваемой норме многообразия информационно-коммуникационных технологий, необходимо дать полную уголовно-правовую характеристику состава и обратить внимание на имеющиеся проблемы.

В первую очередь, следует определить объект рассматриваемого преступления, что представляет собой дискуссионный вопрос.

Так, рассматривая норма определена законодателем в гл. 22 УК РФ, т.е. как преступление в сфере экономической деятельности. Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие порядок безналичного денежного обращения в Российской Федерации [2, 1697]. Факультативным объектом можно считать имущественные интересы физических и юридических лиц [3, С. 59].

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 187 и 272 УК РФ» отмечает-

ся, что вносимые изменения позволяют оздоровить обстановку на рынке дистанционных услуг, а также снизить риски при использовании электронных платёжных средств [4]. Следовательно, такая позиция свидетельствует о том, что правомерный оборот средств платежей посягает и на общественные отношения в сфере использования информационных систем и технологий, что является объектом преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

Таким образом, рассматриваемое преступление может быть признано двухобъектным. В первую очередь, непосредственным объектом являются общественные отношения в экономической сфере (обеспечивающие порядок безналичного денежного обращения в Российской Федерации), вторым – общественные отношения по обеспечению безопасности использования электронных средств платежа.

Предметы такого преступления, как правомерный оборот средств платежей определены в ст. 187 УК РФ, согласно которой таковыми являются: поддельные платёжные карты (к таковым относятся расчетные (дебетовые) карты, кредитные карты и предоплаченные карты [5]); распоряжения о переводе денежных средств, включая платёжные поручения, инкассовые поручения, платёжные требования, платёжные ордера, банковские ордера [6, С. 1698]; документы оплаты (например, инкассовые поручения) или средства оплаты (но за исключением тех случаев, что предусмотрены ст. 186 УК РФ); электронные средства; электронные носители информации (флэш-накопители, карты памяти, а также смартфоны и т.д.) [7, С. 60]; технические устройства; компьютерные программы, предназначенные для правомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств [8].

К применяемым при данном преступлении техническим устройствам следует относить скиммеры и шиммеры (устройство в виде накладок на щель банкомата / платы, вводимой в щель банкомата, которая принимает карты и передаёт всю информацию с их магнитной полосы), накладную клавиатуру банкомата (либо накладка на экран банкомата, если он сенсорный, которая «запоминает» PIN-код), токены (устройства для генерации паролей), поддельные платёжные терминалы и банкоматы [9, С. 60].

Однако в правоприменительной практике возникает проблема по отнесению того или иного документа оплаты к предмету рассматриваемого преступления. Научные дискуссии учёных также не позволяют сделать однозначный вывод. Так, распространено мнение, что предметом рассматриваемого преступления будут признаваться лишь те средства и документы, которые являются основанием для списания денег со счёта клиента, кредитной организации или зачисления денег на эти счета. Следовательно, проездные документы, контрольно-кассовые чеки, квитанции не будут являться предметом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, поскольку они только удостоверяют факт оплаты товара.

Однако Нудель С.Л., Печегин Д.А. в одной из своих работ говорят о том, что такие документы оплаты как кассовые, товарные чеки и т.п. хотя и не являются средством платежа, но вполне относимы к предмету рассматриваемого преступления. Это объясняется тем, что их подделка влечёт извлечение материальной выгоды для лица, незаконно использовавшее такой документ [10, С. 153].

Таким образом, в рамках сложившейся проблемы можно говорить о том, что термин «документ оплаты» – документ, подтверждающий факт совершения покупки является общим, родовым по отношению к словосочетанию «кассовый чек», где последнее обозначает лишь один из видов такого документа.

Объективную сторону рассматриваемого преступления образует совершение следующих деяний или отдельно, или в совокупности, или в любом сочетании.

Изготовление, которое может проявляться как в частичной подделке (предоставление ложных данных для подлинных платёжных карт и документов), так и в полной подделке (комплексное изготовление поддельных карт и документов). При этом способ изготовления подделки и количество экземпляров не влияют на квалификацию деяния, но учитываются при назначении меры наказания, т.к. по этим элементам оценивается степень общественной опасности [11].

Приобретение (в форме покупки, получения в дар и т.д.) в том случае, когда лицо осознает незаконный характер происхождения такого средства платежа. Хранение, т.е. содержание в том или ином месте с созданием всех необходимых условий для сохранности средства платежа. Транспортировка (перемещение тем или иным способом лицом, которое также осознаёт незаконный характер происхождения средств платежа), а равно сам сбыт (возмездная или безвозмездная передача средств платежа) любого из предметов преступления, предусмотренных ст. 187 УК РФ.

Таким образом, обязательным признаком такого преступления, как правомерный оборот средств платежей является цель – сбыт.

Согласно положениям ст. 19 и 20 УК РФ, субъектом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Для субъективной стороны рассматриваемого преступления характерно то, что деяние совершается с прямым умыслом. Это также объясняется и тем, что норма имеет формальный состав, т.е. преступление считается оконченным с того момента, когда совершено любое действие хотя бы с одним из предметов, предусмотренных в диспозиции ст. 187 УК РФ.

Таким образом, ст. 187 УК РФ, предусматривающая ответственность за правомерный оборот средств платежей представляет собой достаточно полную норму, в которой законодателем учтено многообразие цифровых технологий, служащих предметом преступления, а также отражена полнота объективной стороны.

Вместе с тем, остаётся актуальной необходимость дальнейшего совершенствования данной нормы путём установления всех признаков состава преступления, разграничения со смежными составами с целью обеспечения правильной квалификации и совершенствования правоприменительной практики.

Список литературы:

1. *Боженок С.А.* Уголовно-правовая защита оборота средств платежей. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. С. 148–154.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / П.В. Агапов, Д.А. Безбородов, Я.Ю. Васильева [и др.]; под ред. О.С. Капинус. М., 2019. 2276 с.
3. *Иванова Е.А.* Уголовно-правовая характеристика правомерного оборота средств платежей. Colloquium-journal. 2020. № 6-6 (58). С. 59–62.
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 187 и 272 Уголовного Кодекса Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 03.11.2021).
5. «Об эмиссии платёжных карт и об операциях, совершаемых с их использованием»: Положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П: текст с изм. и доп. на 28.09.2020 (Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2005 № 6431) // Вестник Банка России. 30.03.2005. № 17.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / П. В. Агапов, Д. А. Безбородов, Я. Ю. Васильева [и др.]; под ред. О. С. Капинус. М., 2019. 2276 с.
7. *Иванова Е.А.* Уголовно-правовая характеристика правомерного оборота средств платежей. Colloquium-journal. 2020. № 6-6 (58). С. 59–62.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ: текст с изм. и доп. на 31.07.2020 // Российская газета. – 25.06.1996. – № 118.
9. *Иванова Е.А.* Уголовно-правовая характеристика правомерного оборота средств платежей. Colloquium-journal. 2020. № 6-6 (58). С. 59–62.
10. *Нудель С.Л., Печегин Д.А.* Документ оплаты как предмет правомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. Вып. 26. С. 150–157.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М., 2013. 307 с.

К. Е. Свиридова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Юридический факультет

Донецкая Народная Республика, Донецк

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия «информация», а также выявлением его сущности в контексте рассмотрения информации как объекта уголовно-правовой охраны. Проведён анализ действующего законодательства Российской Федерации, регулирующее отношения, которые складываются по поводу реализации лица своего права на обработку, хранение, получение информации.

Ключевые слова: информация, защита информации, общедоступная информация, информация ограниченного доступа, объект уголовно-правовой охраны.

K. E. Sviridova

Donetsk National University

Faculty of Law

Donetsk People's Republic, Donetsk

INFORMATION AS AN OBJECT OF CRIMINAL PROTECTION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article discusses issues related to the definition of the concept of «information», as well as the definition of its essence in the context of considering information as an object of criminal law protection. The analysis of the current legislation of the Russian Federation, which regulates the relationship that develops with regard to the person's realization of his right to process, store, and receive information, is carried out.

Keywords: information, information protection, publicly available information, information of limited access, object of criminal law protection.

Переход от индустриального общества к информационному поставил ряд задач, среди которых первоочередную роль занимают решения вопросов, связанных с обеспечением максимально удобного доступа населения к полезной и ценной информации, предоставлением возможности обсуждения важных проблем в дистанционном формате, а также обменом данными между научными, экономическими, политическими, культурными сообществами и отдельными индивидами.

Одним из объектов уголовно-правовой охраны, угроза причинения вреда которому создается в результате цифровизации, выступает информация, точнее отношения, складывающиеся в связи с её использованием, обработкой и т.д.

В уголовное законодательство Российской Федерации (далее – РФ) постоянно вносятся изменения, в том числе и изменения касающиеся криминализации деяний, связанных с информационным прогрессом современного общества. В связи с этим существует повышенный интерес многочисленных авторов к проблеме определения значения и роли информации в уголовном праве.

Среди проблем, как отмечает Л.А. Букалерева, можно выделить тот факт, что на сегодняшний день нет легального определения термина «информация» для целей уголовного права, хотя уголовный закон им оперирует» [1, с. 250]. Такой автор, как Н.Н. Моисеева, утверждает что «...строгое и достаточно универсального определения информации не только нет, но и быть не может. Это понятие чересчур сложно» [2].

Однако, по нашему мнению, данное суждение носит противоречивый характер в связи с тем, что наука не стоит на месте и поэтому не может существовать без определения и выяснения сущности тех дефиниций, которыми она оперирует.

При рассмотрении данного вопроса считается целесообразным обратиться к нормам, закрепленным в Модельном законе «Об информатизации, информации и защите информации»,

принятом на двадцать шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ). В статье 2 закреплены основные понятия, используемые в настоящем Законе, в том числе и понятие «информация». Так, информация – сведения или данные, порядок использования которых, независимо от способа их представления, хранения или организации, подлежит правовому регулированию в соответствии с настоящим Законом и иными национальными законами [3].

Что касается нормативного толкования данного термина в законодательстве РФ, следует отметить, что согласно ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ), информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [4].

Из анализа данных норм, следует отметить, что формулировка понятия «информация» в Модельном законе представляется более удачной, в связи с её конкретизацией. Так, информация – это не только сведения (сообщения), но еще и данные, оборот которых подлежит правовому регулированию. Для реализации целей уголовного законодательства и науки уголовного права основным признаком «информации» выступает ее правовое значение и нахождение в правовом поле.

Так же, согласно ст. 5 Закона № 149-ФЗ указано, что информация в зависимости от категории доступа к ней подразделяется на общедоступную информацию, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами (информация ограниченного доступа). Часть 1 ст. 7 устанавливает, что к общедоступной информации относятся общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен. Относительно информации ограниченного доступа, Закон № 149-ФЗ в ч.2 ст. 9 устанавливает обязательное соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничивается федеральными законами [4].

Таким образом, наряду с тенденцией все большей открытости и доступности информационных ресурсов, представляется, что предметом уголовно-правовой охраны будет выступать именно информация ограниченного доступа.

Следует отметить, что Указом Президента РФ от 06.03.97 г. № 188 утверждён Перечень сведений конфиденциального характера. Так, к данному перечню относятся: сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина; сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, а также сведения о защищаемых лицах и мерах государственной защиты; служебные сведения; сведения, связанные с профессиональной деятельностью; сведения, связанные с коммерческой деятельностью; сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца [5].

Исходя из этого, можно считать, что нома Закона № 149-ФЗ в данном случае имеет бланкетный характер, то есть идёт отсылка к вышеуказанному указу. Наряду с этим стоит отметить различие в законодательстве Республики Беларусь (далее – РБ). Так, информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено непосредственно перечисляется в Законе РБ «Об информации, информатизации и защите информации». Согласно ст. 17 данного Закона к ней следует относить: информация о частной жизни физического лица и персональные данные; сведения, составляющие государственные секреты; служебная информация ограниченного распространения; информация, составляющая коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну; информация, содержащаяся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда до завершения производства по делу; иная информация, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь [6].

Если обратиться к уголовному законодательству, то стоит отметить, что почти все сведения, указанные в перечне, получили своё непосредственное закрепление в нормах действующих УК РФ и УК РБ. На основании этого, следует отметить, что информация как объект уголовно-правовой охраны имеет большое значение для формирования структуры состава преступлений, в связи с этим считается целесообразным определение такого понятия как «информация» для правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых отношений. Данный

аспект будет способствовать гармонизации уголовного законодательства в сфере информационной безопасности личности, так и государства в целом.

Список литературы:

1. Букалерева Л. А. Уголовно-правовая охрана официальной информации оборота / под ред. Комиссарова В. С., Пикурова Н. И. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 356 с.
2. Рыжов В. П. О понятии «информация» // Известия вузов России. Радиоэлектроника. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-informatsiya> (дата обращения: 08.11.2021). – Загл. с экрана.
3. Модельный закон об информатизации, информации и защите информации» (Принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005 Постановлением 26-7 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС: «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=34362#ТерТioSuGriEPNIU1> (дата обращения: 08.11.2021). – Загл. с экрана.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.
5. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (с изменениями и дополнениями) // СПС: «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/10200083/paragraph/8885:0> (дата обращения: 06.11.2021). – Загл. с экрана.
6. Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> (дата обращения: 06.11.2021). – Загл. с экрана.

УДК 343

В. Н. Станогина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

МНИМАЯ ОБОРОНА ОТ ДЕЙСТВИЙ ПРАНКЕРОВ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие мнимой обороны и ее последствия в уголовном законодательстве Российской Федерации. Сравниваются понятия «мнимой обороны» и «необходимой обороны» на конкретных примерах. Дается уголовно-правовая оценка понятию «мнимая оборона». В статье раскрывается, в каких случаях наступает уголовная ответственность за причинение вреда при мнимой обороне.

Ключевые слова: мнимая оборона, необходимая оборона, причинение вреда, действия пранкеров, уголовная ответственность, реальность нападения.

V. N. Stanogina

*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

IMAGINARY DEFENSE AGAINST THE ACTIONS OF «PRANKERS» AND ITS CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT

Abstract. This article discusses the concept of imaginary defense and its consequences in the criminal legislation of the Russian Federation. The concepts of «imaginary defense» and «necessary defense» are compared. The criminal-legal assessment of the concept of «imaginary defense» is given. The article reveals in which cases criminal liability for causing harm in imaginary defense occurs.

Keywords: imaginary defense, necessary defense, causing harm, actions of pranksters, criminal liability, the reality of the attack.

Вопрос правового регулирования института необходимой обороны в российском законодательстве является актуальным. В теории российского уголовного права постоянно ведется дискуссия об эффективности уголовной нормы о необходимой обороне. Такое пристальное внимание полностью оправдано, поскольку необходимая оборона на практике является наиболее частым обстоятельством, исключающим преступность действия. Значимым вопросом, негативно влияющим на правоприменительную деятельность, является отсутствие законодательного регулирования такого правового явления, как мнимая оборона. Вероятно, что проблема определения мнимой защиты в уголовном праве является не только частным вопросом правовой оценки поведения конкретного лица, но, возможно, более важным вопросом для обеспечения полного функционирования такой нормативной и защитной нормы, как необходимая оборона. Конституция Российской Федерации часть 2 статья 45 [1, С. 45] предусматривает, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

В соответствии с уголовным законодательством важно различать необходимую и мнимую обороны. Согласно статье 37 УК РФ [2, С. 20–22] «необходимая оборона», являющаяся способом защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. При этом посягательства должно быть сопряжено с насильственным опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Данные деяния не являются преступлением, если не были нарушены пределы необходимой обороны. Под мнимой обороной следует понимать, способ защиты от несуществующего посягательства, когда человек ошибочно полагал, что его жизни и здоровью угрожает опасность. Ее понятие не закреплено в уголовном законодательстве, это научная концепция, призванная помочь разобраться в случаях, когда «защита» не вписывается в рамки статьи 37 Уголовного кодекса РФ. В отличие от необходимой обороны мнимая оборона не служит действительной защите охраняемого уголовным законом блага и не является правом на причинение вреда, поскольку она не может выражать подобное право по существу, по своей юридической природе. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» пункт 16 «В тех случаях, когда ситуация давала основания полагать, что было совершено реальное общественно опасное посягательство, а лицо, применившее защитные меры, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия должны рассматриваться как совершенные в состоянии необходимой обороны, если при этом лицо не превысило пределы данной защиты» [3, С. 16–20]. То есть, Пленум рекомендует содеянное в состоянии мнимой обороны квалифицировать в зависимости от того, мог ли обороняющийся сознавать мнимость посягательства. Например, в современном обществе с развитием социальных сетей очень популярны «пранкерские видео», которые набирают миллионы просмотров. Но бывают ситуации, когда «пранк идет не по плану», приведу случай, который произошел в США. В 2021 году 6 февраля 20-летний Тимоти Уилкс и его товарищ совершили «фейковое ограбление» в целях запечатлеть реакцию прохожих, но встретившийся им 23-летний Дэвид Старнс-младший не понял специфического юмора, достал пистолет и застрелил одного из блогеров. В данном примере рассматривается ситуация мнимой обороны, когда лицо, восприняло данные действия как общественно опасное посягательство. Делая вывод, данного случая, важно отметить, что гражданин США действовал в состоянии необходимой обороны, так как воспринимал ситуацию опасную для его жизни и здоровья.

Так же известен случай, происходящий в Москве. 15 сентября 2020 года было совершено «розыгрыш с гранатой», который был заснят на видеокамеру и выложен в интернет. На видео мужчина с оружием ходил по улице и громко говорил по телефону. «Ты понимаешь, что я могу убить себя? Ты что,

не понимаешь? Могу убить себя! Здесь люди. Ладно, последнее, что ты увидишь, это будет взрыв. Ребята, простите», – с такими словами пранкер кинул под ноги сидевшим на лавочке людям предмет, похожий на гранату при этом некоторые невольные участники розыгрыша испугались по-настоящему. Одни отбежали от гранаты, другие откидывали ее подальше. После записи реакции прохожих на видео пранкеры объясняли, что у них всего лишь муляж. Эта ситуация наглядно показывает, как лица пытаются себя защитить совершали оборонительные действия, например, откидывали гранату, убежали, так как ошибочно полагали, что совершается общественно опасное посягательство, направленное на угрозу их жизни и здоровья. Мнимая оборона, как и любая ошибка, представляет собой нежелательное следствие стечения определенных обстоятельств.

Данные примеры наглядно показывают, как граждане действуют в таких ситуациях в состоянии необходимой обороны, ошибочно предполагают опасность для их жизни и здоровья и совершают оборонительные действия, которые иногда приводят к летальному исходу посягающего.

Действия человека в состоянии мнимой обороны отличаются от необходимой защиты тем, что они всегда объективно социально опасны, потому что они направлены на отражение несуществующего вмешательства в реальность.

Неразрешимость такой проблемы, как уголовно-правовая оценка ущерба при мнимой обороне, теоретически приводит к произвольному применению норм уголовного права на практике и создает предпосылки для нарушения прав и свобод граждан, которые недопустимы в правовом государстве.

Причинение вреда при мнимой обороне:

1. Влечет уголовную ответственность при таких случаях когда

а) лицо, не осознавало, но могло осознавать отсутствие общественно опасного посягательства.

б) лицо, в связи с сложившейся обстановкой ошибочно полагало, что действует в состоянии необходимой обороны, но при это превысило ее пределы.

2. Не влечет уголовной ответственности тогда, когда лицо не осознавало и не могло осознавать отсутствия реального общественно опасного посягательства.

При мнимой обороне субъект ошибочно наносит вред другому лицу, воспринимая его поведение как социально опасное вмешательство в права и интересы, защищенные законом, то есть, полагая, что правомерно защищается или защищать других людей от этого посягательства.

Действия человека в состоянии мнимой обороны существенно отличаются от действий, связанных с необходимой обороной, поскольку они всегда объективно социально опасны, так как мнимая защита направлена на отражение вмешательства, которого в действительности не существует. Профессор Н.Д. Дурманов писал: «Все обстоятельства, характеризующие необходимую оборону, при мнимой обороне отсутствуют, но в представлении лица, действующего в состоянии мнимой обороны, эти обстоятельства, прежде всего наличие общественно опасного посягательства, имеются».

В заключении хочется добавить, что мнимая защита предполагает существование реального явления во внешнем мире, ошибочно принятого «защитниками» за социально опасное вмешательство. Если у жертвы нет действий, которые по ошибке могли быть приняты за социально опасное нападение, состояние воображаемой защиты исключается, поэтому, если нет воображаемой атаки, не может быть мнимой обороны.

Список литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 1 44. 61с.

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства. 1997. № 63. 386 с.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Собрание законодательства. 1997. № 19. 45с.

УДК 343.231

В. Е. Сычугов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье осмысливаются некоторые вопросы, возникающие в связи с определением места совершения преступлений в сфере компьютерной информации. Автор исследует различные мнения и позиции ученых-правоведов, анализирует законодательство в рамках представленной темы и формулирует свою позицию по данному кругу вопросов, а также предлагает пути их решения.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, трансграничные преступления, место совершения преступления, действие уголовного закона в пространстве.

V. E. Sychugov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PLACE OF COMMISSION OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Abstract. The article comprehends some issues arising in connection with the determination of the place of commission of crimes in the field of computer information. The author explores various opinions and positions of legal scholars, analyzes legislation within the framework of the presented topic and formulates his position on this range of issues, as well as suggests ways to solve them

Keywords: crimes in the field of computer information, cross-border crimes, the crime scene, the operation of criminal law in space.

В современном мире информационные технологии внедряются во все сферы общественной жизни. Их стремительное развитие прямо отразилось и на киберпреступности, которая в существующих реалиях множится и «расцветает». Отличительными чертами использования информационных технологий преступниками являются массовость аудитории, предполагающая большое количество потенциальных жертв, а также территориальная удаленность и отсутствие непосредственного контакта между потерпевшим и преступником, значительно повышающие шансы реализовать преступный замысел анонимно. Данные и многие другие факторы осложняют определение места совершения преступления, что в конечном итоге может привести к безнаказанности виновных лиц либо к несправедливой оценке содеянного.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] закрепляет дефиницию понятия времени совершения преступления (ч. 2 ст. 9), однако место совершения преступления в нем не раскрыто. На протяжении длительного времени в доктрине уголовного права ведутся дискуссии относительно того, что следует понимать под местом совершения преступления. Традиционно считается, что место совершения преступления – это территория, на которой было совершено само преступление. Н. Ф. Кузнецова конкретизирует признаки искомого понятия и указывает, что «место совершения преступления – это описанная в законе конкретная территория (сухопутная, водная или воздушная), на которой совершается преступление» [7, С. 261]. Однако если речь идет о преступлениях в информационной сфере, при совершении которых виновный действует удаленно, то их последствия могут затрагивать территорию сразу нескольких государств [8, С. 60]. Например, преступление может начаться в одном государстве, где находится виновное лицо, а завершиться в другом государстве, где проживает потенциальная жертва. Подобная специфика компьютерных преступлений свидетельствует об их трансграничном (трансграничном) характере и неизбежно порождает

вопрос о том, что будет считаться местом совершения данного преступления.

По вопросу о месте совершения преступления в сети «Интернет» существует несколько мнений. Выделим наиболее перспективные из них.

Д. Менте в своих работах пишет о том, что нужно рассматривать правовой режим сети «Интернет» в рамках теории интернациональных пространств, на которые не распространяется национальный суверенитет [3, С. 18]. Данная позиция была реализована посредством принятия Советом Европы Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации [2].

Противоположного мнения придерживается К. Корнилс, который полагает, что установление уголовной ответственности за совершение преступления в информационной сфере должно подчиняться правилам национальной уголовно-правовой юрисдикции, а следовательно, при решении данного вопроса главенствующее значение имеет место действия виновного лица. Как отмечает автор, если виновное лицо использует незаконный материал на территории государства, где оно находится, то все его деяния будут попадать под юрисдикцию страны с учетом местонахождения виновного. В случае если информация попадает из-за рубежа в сервер другого государства, то за данное деяние будет предусмотрена уголовная ответственность по уголовному законодательству любого из государств-участников, но при наличии соответствующих международных соглашений [6, С. 81].

В настоящее время при определении места совершения преступления, затрагивающего интересы государства, в частности Российской Федерации, применяется территориальный принцип действия российского уголовного закона в пространстве: преступление считается совершённым на территории России, если оно: полностью выполнено на ее территории, начато в РФ, окончено за пределами государства, и наоборот, начато за пределами, окончено в РФ. Также к вопросу о месте совершения преступления подходят с позиции принципа гражданства, согласно которому граждане РФ и постоянно проживающие лица без гражданства, совершившие вне пределов РФ преступление против интересов, охраняемых УК РФ, подлежат уголовной ответственности в соответствии УК РФ, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства.

Подлежат применению и другие принципы: покровительственный, реальный и универсальный, но данные принципы существенно зависят от наличия или отсутствия международного соглашения между государствами, что значительно осложняет распространение юрисдикции Российской Федерации.

Конфликт юрисдикций – это довольно распространенная проблема, с целью решения которой была принята Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (далее Конвенция) [2].

В самой Конвенции определяется цель её принятия, которая выражена в поддержке объединения в сфере уголовного права, направленного на защиту мира от компьютерных преступлений. Отмечается, что ответственность по законодательству страны-участника будет также распространяться на лиц, совершивших преступное деяние на территории других стран. В случае если право на юрисдикцию будет заявлено одновременно несколькими государствами, им будет предложено провести консультацию, на которой будет подобрана необходимая юрисдикция.

Соответственно, Конвенция играет важную роль в решении вопроса о месте проведения судебного разбирательства в отношении одного лица, но при участии нескольких государств, при этом будет выбрана подходящая юрисдикция одной страны, по уголовному законодательству которой будет осуществляться уголовное преследование и назначаться наказание (ч. 5 ст. 22 Конвенции). Однако, к сожалению, Российская Федерация в данной Конвенции не участвует.

Еще одним подходом к вопросу о месте совершения преступления в сфере компьютерной информации, является позиция В.И. Вернадского. В своих работах он использует термин «ноосфера», то есть образная интеллектуальная оболочка всей земной поверхности. Учитывая данный термин, можно сделать вывод, что местом совершения преступления,

связанного с компьютерной информацией, будет являться ноосфера, то есть киберпространство [4, С. 117]. Под киберпространством следует понимать глобальное объединение компьютерных сетей и информационных ресурсов, которым ни одно государство полностью не владеет и не управляет, где каждый пользователь использует информационные ресурсы по своему усмотрению независимо от его местонахождения [5, С. 347].

Исходя из данного определения киберпространства, при решении вопроса о месте совершения преступления, на наш взгляд, необходимо руководствоваться местом фактического проживания лица, совершившего преступление. То есть на преступление, совершенное в киберпространстве, будет распространяться действие уголовного закона того государства, где проживает преступник. Это позволяет свести к минимуму усилия при определении места совершения киберпреступления. Данный принцип эффективно показал себя на практике. Так, приговором Вологодского городского суда гражданин РФ признан виновным в том, реализовав свой преступный умысел, с помощью вредоносной программы осуществлял подбор регистрационных данных (логин и пароль), в результате чего получал доступ к системам видеонаблюдения, находящимся на территории иностранных государств. Действия виновного были квалифицированы по ч. 1 ст. 273 УК РФ [9]. Деяние квалифицировалось по уголовному закону РФ, так как лицо, совершившее преступление, проживает на территории России. Соответственно место совершения преступления в глобальной сети определялось с учетом места проживания преступника.

Таким образом, развитие информационных технологий стало причиной появления киберпространства и, как следствие, породило проблему определения места совершения преступления при привлечении к уголовной ответственности. Рассмотрев различные позиции по данной проблеме, приходим к выводу, что место совершения преступления в сфере компьютерной информации необходимо связывать с действием уголовного закона в киберпространстве и определять в соответствии с местом жительства лица, совершившего преступление.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 01.07.2021, № 293-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2955; 2021. № 27 (ч. I), ст. 5121.
2. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185, 2001) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=13526#QAn4roS4QTsDgICu> (дата обращения: 15.11.2021).
3. *Menthe D.* Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces // Mich. Telecomm. Tech. L. Rev. 1998. P. 18–21.
4. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. С. 113–120.
5. *Ишин А.М.* Интернет и киберпреступность: некоторые аспекты // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. ст., посвящ. 50-летию Юридического института БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во Балтийск. федер. ун-та им. И. Канта, 2017. С. 346–352.
6. *Корнилс К.* Локализация места ответственности за преступления, связанные с Интернетом // Право и информатизация общества. М., 2002. С. 80–92.
7. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 624 с.
8. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / под ред. А.Н. Попова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018. 68 с.
9. Приговор Вологодского городского суда от 24.09.2020 № 1-1094/2020 [Электронный ресурс] // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CauwPP3H3Bml/> (дата обращения: 16.11.2021).

Е. А. Тимошенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Юридический факультет

Донецкая Народная Республика, Донецк

ПОНЯТИЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ» В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и роль понятия «преступления против военной службы» в отечественном уголовном праве. На основании проведенного исследования был сделан вывод о необходимости совершенствования правоприменительной практики и необходимости дачи официального толкования оценочных понятий с учётом их специфических признаков и имеющихся особенностей в правоприменительной практике.

Ключевые слова: военная служба, преступления против военной службы, национальная безопасность, обороноспособность, воинские преступления.

E. A. Timoshenko

Donetsk National University

Faculty of Law

Donetsk People's Republic, Donetsk

THE CONCEPT «CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE» IN THE MODERN CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In article examines the essence and role of the concept of «crimes against military service» in the domestic criminal law. Based on the study, it was concluded that it is necessary to improve law enforcement practice and the need to give an official interpretation of evaluative concepts, taking into account their specific features and existing features in law enforcement practice.

Keywords: military service, crimes against military service, national security, defense capability, military crimes.

Для современного общества военная служба является одним из гарантов безопасности, нерушимости государственных границ и сохранения целостности государства. Следует отметить, что обеспечение внутреннего порядка страны, как одна из важнейших задач осуществления военной службы способствует поддержанию должного уровня национальной безопасности государства, поддержание мира и благосостояния общества. Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан, укрепление обороноспособности страны представлены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 в качестве приоритетных задач развития Российской Федерации [1].

Осуществление вышеназванных задач невозможна при отсутствии четко выработанной стратегии исполнения военными служащими возложенных на них обязанностей, согласно действующему законодательству. Развитие данного механизма напрямую зависит от осуществления эффективной уголовно-правовой охраны данной сферы общественных отношений. Данные условия отражают актуальность рассматриваемой темы и в связи с этим устанавливают необходимость в анализе такого понятия как «преступления против военной службы», которое требует рассмотрения в контексте условий и организации прохождения военной службы.

Следует отметить, что в настоящее время в правоприменительной практике существует ряд проблем, возникающих при квалификации преступлений против военной службы, несмотря на достаточно высокий уровень изученности вопроса «воинских преступлений» в уголовном праве отечественными авторами, а также имеющийся опыт судебной практики. Это, в первую очередь, обусловлено неточностью законодательных формулировок, произвольным толкованием норм Уголовного кодекса РФ, и рядом других ошибок,

в том числе и тех, которые связаны с оценкой фактических обстоятельств дела [2]. Так, необходимо подчеркнуть, что совершенно преступлений против военной службы сопутствует ряд детерминантов, которые являются специфичными для данной категории лиц. Так, необходимо учитывать ряд криминогенных факторов, отличные от существующих в гражданском обществе, присущих именно военнослужащим. Так, справедливо отмечает А.В. Борбат: «...в воинских коллективах в условиях действия норм военно-административного законодательства, воинской дисциплины, профессионального, правового и нравственного воспитания, строгой и аскетической формы организации жизни и быта военнослужащих, состоящих преимущественно из лиц одного мужского пола и молодого возраста...» [3, с. 48]. Эти и ряд других факторов обуславливают специфику преступности военнослужащих. Для осуществления всестороннего анализа сущности преступлений против военной службы, считается целесообразным обратиться к историческим сведениям. Так, во всех уголовных кодексах, принимавшихся в России в советский период, выделялись в самостоятельную группу нормы, предусматривающие ответственность за воинские преступления, и среди них – общая норма, в которой формулировалось понятие воинского преступления.

Так, к примеру, в своей работе «Понятие и виды преступлений против военной службы» Малинин В.Б. и Бодаевский В.П. указывают, что в прежнем, дореволюционном, уголовном законодательстве России общего определения воинского преступления не существовало. Отсутствие его компенсировалось широко развитой системой конкретных составов преступлений против военной службы, которыми следовало руководствоваться при определении оснований уголовной ответственности за воинские преступления [4].

В условиях отсутствия общепринятой дефиниции воинского преступления создавалась возможность для более широкого толкования этого явления: к числу воинских относили те преступления, которые таковыми по существу не были. Это характерно для так называемого военно-уголовного права. Кроме того, нормы о воинских преступлениях распространялись на лиц, не являвшихся военнослужащими. Уголовное законодательство послереволюционной России отказалось от конструирования военно-уголовного права как подотрасли уголовного права, предназначенной для военнослужащих, перешло на конструирование военно-уголовного законодательства как системы норм, учитывающих только специфику воинских преступлений.

На основе приведенного анализа исторических данных, следует отметить, что для современного уголовно-правового законодательства характерно наличие закреплённого понятия «преступлений против военной службы». Так, согласно ч. 1 ст. 331 УК РФ, преступлениями против военной службы признаются предусмотренные настоящей главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов [5]. Если обратиться к законодательству Донецкой Народной Республики, то согласно ст. 392 УК ДНР, воинскими преступлениями признаются предусмотренные настоящим Кодексом преступления против установленного порядка несения воинской службы, совершенные военнослужащими, а также военнообязанными во время прохождения ими учебных или проверочных сборов. Следует отметить, что в ныне действующем УК ДНР содержится формулировка закреплённая ещё в Уголовном кодексе РСФСР в редакции от 30.07.1996, согласно которой, по соответствующим статьям настоящего Кодекса несут ответственность за преступления против установленного для них порядка несения службы солдаты, матросы, сержанты, старшины, прапорщики, мичманы и лица офицерского состава органов государственной безопасности, а также лица, в отношении которых имеется специальное указание в законодательстве Союза ССР [6].

Таким образом, в отличие от законодательства, существующего в дореволюционной и послереволюционной России, в современном законодательстве РФ существует официально закреплённое определение, способствующее единообразно-

му толкованию понятия преступления против военной службы, а также предупреждению несанкционированного расширения круга лиц, которые подлежат уголовной ответственности за воинские преступления.

Рассматриваемое определение преступления против военной службы базируется на общем понятии преступления, закрепленном в действующем уголовном кодексе. Следует отметить, что определение понятия преступления против военной службы выполняет важную функцию, которая позволяет раскрыть содержание преступлений, относимых к воинским, и на этой основе отграничить преступления против военной службы от других посягательств, а также воинское преступление от правонарушений и дисциплинарных проступков, не образующих состава преступления. Так, как справедливо отмечают такие авторы как Малинин и Бодаевский, признаки, указанные в определении понятия преступления против военной службы, учитываются как на уровне криминализации воинских правонарушений, когда законодатель решает, отнести ли то или иное деяние к числу воинских преступлений, так и на правоприменительном уровне, когда уясняется, можно ли данное деяние квалифицировать как преступление против военной службы [4].

Таким образом, на основе приведенного исследования, следует сделать вывод о том, что для совершенствования правоприменительной практики необходимым является осуществление официального толкования оценочных понятий, во избежание проблем присутствующих в советском уголовном праве России. Так, при квалификации отдельных преступлений против порядка несения воинской службы, предусмотренных в УК РФ, следует учитывать все особенности, присущие данной категории преступлений, а также принимать во внимание все признаки, закрепленные в понятии «преступлений против военной службы», являющиеся ключом к осуществлению правильной квалификации совершенного деяния.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 01.11.2021).
2. Луттаков А.В. Актуальные проблемы квалификации преступлений против военной службы // Отечественная юриспруденция. 2018. № 5 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-protiv-voennoy-sluzhby> (дата обращения: 12.11.2021).
3. Борбат А. В. Особенности образа жизни военнослужащих, влияющие на показатели преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации // Российский следователь, 2017. № 5. С. 47–50.
4. Малинин В.Б., Бодаевский В.П. Понятие и виды преступлений против военной службы // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-prestupleniy-protiv-voennoy-sluzhby> (дата обращения: 01.11.2021).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
6. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19 августа 2014 г., действующая редакция по состоянию на 22.09.2021 / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 05.11.2021). – Загл. с экрана.

УДК 343.7

Е. А. Типенкова

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт частного права
Россия, Москва*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФИШИНГА

Аннотация. В статье рассматривается один из самых распространенных видов киберпреступлений – фишинг. Выявляется проблема квалификации этого деяния, а также предлагаются варианты ее решения посредством усовершенствования законодательства.

Ключевые слова: фишинг, квалификация фишинга, киберпреступления, кибербезопасность, виды фишинга.

Е. А. Tipenkova

*Kutafin Moscow State University
Institute of Private Law
Russia, Moscow*

PROBLEMS OF PHISHING QUALIFICATION

Abstract. The article discusses one of the most common types of cybercrime – phishing. The problem of the qualification of this act is revealed, as well as options for its solution through the improvement of legislation are proposed.

Keywords: phishing, phishing qualification, cybercrime, cybersecurity, types of phishing.

В современном мире огромную роль играет Интернет. Он является неотъемлемой частью нашей жизни: люди проводят в сети огромное количество своего времени, используя различные веб-сайты, социальные сети и другие интернет-ресурсы. Согласно статистике по состоянию на 2021 год интернет-пользователей в Российской Федерации насчитывается около 125 млн человек, что на 5,1 % больше, чем в 2020 году. Аналогичная ситуация складывается и с использованием населением социальных сетей. Так, в период с 2020 по 2021 год число пользователей социальных сетей в России так же выросло на 5,1 %. Прежде всего, данный рост обусловлен пандемией COVID-19, введением ограничительных мер, в связи с чем многие сферы человеческой деятельности стали функционировать преимущественно в режиме «онлайн» [1].

За счет этого не становится удивительным рост киберпреступности за последний год. По данным МВД удельный вес преступлений в сфере высоких технологий увеличился более чем на 6 % в 2021 году по сравнению с 2020 годом [2].

Существует множество видов киберпреступлений, таких как «кибервымогательство», «кибербуллинг», «фарминг» и т.д., но в данной статье нами будет рассмотрен «фишинг», квалификация которого вызывает множество вопросов в практической деятельности.

«Фишинг» можно определить как особый вид киберпреступлений, суть которого заключается в получении конфиденциальных данных лица для последующего доступа к его банковским счетам с целью завладения денежными средствами. Отличительной чертой «фишинга» является использование злоумышленниками методов психологического воздействия на потерпевшего.

Показательным примером являются массовые рассылки «фишинговых писем» на электронную почту потенциальных жертв. Преступники, как правило, выдают себя за представителей известных компаний, чаще всего, банков, подделывая дизайн письма под индивидуальный стиль компании. Так, «фишинговые письма» наполняются содержанием, воздействующим на психику и поведение человека, например заманчивое предложение беспроцентного кредита от «надежного банка».

Достаточно часто встречается и другой метод психологического воздействия – «устный фишинг» или вишинговые схемы. «Устный фишинг» представляет собой непосредственное

вербальное общение преступника с потерпевшим. Злоумышленники, выступая от имени определенных лиц (сотрудники полиции, банка, налоговой службы), под разными предлогами пытаются добиться от потерпевших предоставления реквизитов банковских счетов, паролей от банковских карт и других личных данных. Под воздействием эмоций неопытный пользователь переходит по ссылке в письме и указывает свои персональные данные или сообщает их напрямую преступнику по телефону. С этого момента личные данные попадают в руки «фишеров».

Несмотря на повышение уровня преступности «в сетях», в Уголовном кодексе Российской Федерации до сих пор отсутствует самостоятельный состав преступления, системно предусматривающий ответственность за различные виды «фишинга». В зависимости от специфики совершения «фишингового преступления», оно может квалифицироваться по ч. 3 ст. 158 (кража), ст. 159 (мошенничество), ст. 153.3 (мошенничество с использованием электронных средств платежа), ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации) [3]. Наличие различных вариантов квалификации данного деяния вызывает обоснованные проблемы правоприменителей.

Вместе с тем законодателем уже предпринимались попытки урегулировать этот вопрос. 30.11.2017 года Пленум Верховного суда принял постановление № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление). В пункте 20 Постановления приводится основание для квалификации деяния по ст. 159.6 УК РФ – наличие вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Вмешательство определяется как целенаправленное воздействие на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные, которое нарушает процесс обработки, хранения, передачи информации [4].

Стоит отметить, что нормы, закрепленные в ст. 159.3 и 159.6 УК РФ в своей структуре содержат довольно схожие диспозиции. Отвечая на вопрос об их соотношении, нельзя не согласиться с мнением З.И. Хисамовой, которая полагает, что в настоящий момент сложилась ситуация «конкуренции норм уголовного права». Возникновение данной ситуации она связывает с тем, что законодатель стремился ужесточить ответственность за хищение в банковской сфере, но «перестарался», внося в ч. 3 ст. 159.6 УК РФ указанный квалифицирующий признак. Ведь совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа возможно только в отношении денежных средств, находящихся на банковском счете, либо в отношении электронных денежных средств, что вполне охватывается ст. 159.3 УК РФ [5, С.45].

Учитывая вышесказанное, нет оснований квалифицировать «фишинговые» деяния по ст. 159.3 и 159.6 УК РФ, поскольку злоумышленники никак не воздействуют на устройство потерпевшего. Последний самостоятельно передает преступнику свои личные данные, посредством введения их на «фишинговом сайте» или другим образом.

Продолжая рассуждения, стоит отметить пункт 21 Постановления, где указано, что в тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника независимо от способа получения доступа к таким данным, эти действия квалифицируются как кража. Значит, «фишинговое деяние», совершенное с использованием учетных данных потерпевшего может квалифицироваться по ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Следующий абзац 21 пункта Постановления гласит, что если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое деяние следует квалифицировать по статье 159 УК РФ.

Таким образом, «фишинг» по своим качественным характеристикам совпадает и с первым, и со вторым вариантом квалификации, а значит, может быть квалифицирован

и по ст. 159, и по ч. 3 ст. 158 УК РФ. В свою очередь, Е.А. Русскевич предлагает критерий разграничения «классического» мошенничества и кражи с банковского счета – характер действий, в результате которых денежные средства были списаны со счета потерпевшего. Если у преступника было стремление к тому, чтобы клиент совершил соответствующие манипуляции с платежной картой и тем самым самостоятельно перевел денежные средства на счет злоумышленника, то это деяние стоит квалифицировать как мошенничество. В случае же, если виновный обманом путем получает лишь критически значимую информацию, касающуюся работы сервисов дистанционного банковского обслуживания и совершает операцию по изъятию денежных средств с банковского счета, содеянное необходимо квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [6, С.62].

Исходя из смысла Постановления и проведенного анализа, для квалификации «фишинга», в большей мере подходит ч. 3 ст. 158, чем ст. 159 УК РФ, поскольку в «фишинговых деяниях» отсутствует обязательный признак объективной стороны мошенничества – обман как способ изъятия чужого имущества. Так, жертва «фишингового преступления» передает добровольно только лишь свои личные данные (например, логин и пароль), но не свое имущество (деньги), в отличие от мошеннических преступлений. Денежные средства здесь изымаются преступниками принудительно и тайно, что характерно для кражи.

Между тем в «фишинговых» деяниях имеет место и обман, использование психологических мер воздействия, характерные для мошенничества, что опять же может ввести правоприменителя в заблуждение. Разрешить эту проблему призван пункт 2 Постановления, в соответствии с которым, если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа. Таким образом, в «фишинговых деяниях» метод «обмана» является вспомогательным при совершении преступления, поэтому они не могут быть квалифицированы по ст. 159 УК РФ.

В заключение хотелось бы сказать о целесообразности включения в уголовное законодательство самостоятельного состава преступления, системно предусматривающего ответственность за различные виды «фишинга».

Список литературы:

1. Интернет и соцсети в России в 2021 году, вся статистика: сайт. – 2021. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 01.11.2021).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2021 года: сайт. –2021. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/26421097/> (дата обращения: 01.11.2021).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. № 280.
5. Хисамова З.И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. 2018. № 9. С. 43–47.
6. Русскевич Е.А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2019. № 2. С. 59–64.

А. М. Хамизов

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ
Факультет подготовки криминалистов
Россия, Санкт-Петербург*

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ,
ПЕНСИИ, СТИПЕНДИИ, ПОСОБИИ
И ИНЫХ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ВЫПЛАТ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

Аннотация. Рассматриваются актуальные аспекты уголовной ответственности за неуплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат с учетом периода пандемии COVID-19 в РФ. Анализируется судебная практика по статье 145.1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, судебная практика, полная невыплата, частичная невыплата, заработная плата, стипендии, пенсии, иные выплаты, COVID-19.

A. M. Khamizov

*St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the
Russian Federation
Faculty of Forensic Training
Russia, St. Petersburg*

**CRIMINAL LIABILITY FOR NON-PAYMENT OF WAGES,
PENSIONS, SCHOLARSHIPS, BENEFITS AND OTHER
STATUTORY PAYMENTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

Abstract. The article considers the current aspects of criminal liability for non-payment of wages, pensions, scholarships, benefits and other statutory payments, taking into account the period of the Covid-19 pandemic in the Russian Federation. The article analyzes the judicial practice according to article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, judicial practice, total non-payment, partial non-payment, wages, scholarships, pensions, other payments, COVID-19.

Социально-экономическое направление государственной политики всегда имело огромное значение для развития государства. Особое место занимает реализация конституционной нормы, закреплённой в ст. 37, которая провозглашает свободу труда и право на его оплату без дискриминации, не ниже установленного законодательством МРОТ [1]. Стоит заметить, что наиболее актуальной данная тема стала с 2020 года, что обусловлено в первую очередь пандемией, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19.

Так в настоящий момент, основной гарантией реализации вышеназванной нормы является ст. 145.1 УК РФ, которая непосредственно предусматривает уголовную ответственность для работодателя в случае невыплаты в установленный срок заработной платы или иных выплат. В данной ситуации существует 2 критерия привлечения к ответственности:

- 1) корыстная или личная заинтересованность руководителя;
- 2) срок выплаты превысил 2 месяца [2].

Активную деятельность по погашению долгов по заработной платы перед работниками ведут различные государственные структуры, в том числе органы прокуратуры и следственного комитета. Несмотря на их активную работу в настоящий момент суммарная сумма задолженности составляет 1 млрд 730,2 млн рублей. Переломным моментом, ставшей причиной резкого увеличения суммы задолженности стала пандемия, начавшаяся в 2020 году. Однако основываясь на статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) стоит заметить, что динамика по погашению долга по оплате труда остается позитивной, а уровень уголовно ответственности по ст. 145.1 УК РФ снизился.

Стоит обратить внимание на актуальные проблемы, которые возникают при привлечении к ответственности по ст. 145.1 УК РФ. Данная норма появилась в Кодексе только спустя 3 года, после его

принятия, и имела иную редакцию, отличающуюся от нынешней. В первые годы ее существования, положения статьи фактически не реализовывались, и не решали проблему несвоевременной оплаты труда. Так, например в 1999 году было зафиксировано всего лишь 44 преступления, а к 2009 г. число таких преступлений превышало уже 2000 [3, С.33]. Эффективная реализация нормы стала происходить только после внесения в нее поправок в 2010 году, которыми был конкретизирован срок невыплаты, и расширен список лиц – специальных субъектов преступления.

В настоящий момент дискуссионным до сих пор остается вопрос о доказывании факультативного признака субъективной стороны данного состава преступления – а именно корыстного мотива, или личной заинтересованности, предусмотренные непосредственно в диспозиции статьи [4, С.288].

Целесообразно будет обратиться к Постановлению Пленума ВС РФ № 1[5], который закрепляет, что корыстные побуждения – деяние, совершаемое в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц, или избавления от материальных затрат. Что касается личной заинтересованности, то стоит обратиться к иному постановлению, которое подразумевает под такой заинтересованностью – выгоду неимущественного характера, которая обусловлена карьеризмом, семейственностью и др. [6]. Но, в отличие от ч. 2 ст. 105 УК, где корысть является признаком мотива только для данного квалифицированного состава, в ст. 145.1 УК РФ, он предусмотрен во всех частях, и без него, лицо невозможно привлечь к ответственности. Данный момент существенно осложняет работу как на стадиях судебного правоприменения, так и при работе других правоохранительных органов.

Так, например, в кассационной инстанции, суд г. Москвы вынес определение, которым отменил приговор мирового судьи, на основании отсутствия состава преступления по 145.1 УК РФ[7]. Данная судебная практика свидетельствует о не реализации одного из основополагающих целей уголовного закона, а также неэффективной работы правоохранительных органов, которым необходимо уделять большое внимание установлению конкретного мотива – т.е. точно указать какая выгода была получена, а также доказыванию самого деяния. Именно эти обстоятельства существенно тормозят следствие по делу и не позволяет подвести, хотя и фактически совершенные действия к составу статьи 145.1 УК РФ.

Также необходимо отметить повышенную сложность выявления самого преступления, что обусловлено периодами и суммами невыплаченной заработной платы. Кроме того, срок давности таких преступлений составляет 2 года, ввиду их небольшой тяжести, что также не может не ставить в рамки и осложнять работу следственных органов. По данным категориям дел, необходимо чаще всего проведение различных бухгалтерских и финансовых судебных экспертиз, которые существенно затягивают следствие, но без которых невозможно установить противоправность деяния. Следовательно также необходимо, в первую очередь установить такие факты, как наличие трудового договора, установление конкретной ставки выплаты или дополнительных процентов, что невозможно без проведения допросов, не только потерпевшего, но и иных работников той или иной организации, что существенно осложнялось в период самоизоляции. Кроме того важной составляющей является работа следователя по сбору документов, касающихся ежемесячных выплат – выписки из банковских счетов, а также иные бухгалтерские документы, что в своей совокупности, занимает огромное количество времени. В данных ситуациях, также необходимо учитывать огромную нагрузку в следственных органах, которая существенно усугубляет положение.

Все вышеназванное, приводит не только к проблеме невозможности или сложности квалификации деяния по данной статье, но также делает восстановление справедливости по таким важным делам практически нереальным.

Важность внесения поправок в данную статью, также были подчеркнуты Президентом Российской Федерации ещё в 2010 году. Однако изменения, касающиеся вопросов установления корыстного мотива или личной заинтересованности, так и не были внесены.

На наш взгляд, только внесения таких поправок поможет не только усовершенствовать механизм привлечения к уголовной ответственности за невыплату заработной платы и иных вы-

плат, но и упростит работу правоохранительных органов, которые задействованы в делах по данным преступлениям.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек; Собрание законодательства РФ. –2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. –1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Прохоров Л.А., Прохорова М.П. Эффективность уголовно-правовых гарантий реализации права на оплату труда и получение установленных законом выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 19. С. 32 – 35.
4. Колосова В.И. Мотив как криминообразующий признак преступления, предусмотренного статьей 145.1 УК РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3–1. С. 286–290.
5. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 г. Москва «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». //URL: <https://rg.ru/2009/10/30/postanovlenie-vs-dok.html>
7. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 27 декабря 2010 г по делу. № 22–16358. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/59512007/>

УДК 343.31.7

А. Р. Хисматова

*Московский Университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
Институт подготовки сотрудников для
органов предварительного расследования
Россия, Москва*

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые виды преступных деяний, включенных в Уголовный кодекс РФ в 2020–2021 годах. На основе анализа данных норм автор приходит к выводу о существенном влиянии процессов цифровизации общества на современное состояние уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: криминализация, цифровые технологии, коронавирус, незаконный оборот оружия, средства идентификации маркировки товаров.

A. R. Khimatova

*Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
Institute for the training of employees for
preliminary investigation bodies
Russia, Moscow*

NOVELTIES OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION RELATED TO THE DIGITALIZATION OF SOCIETY

Abstract. The article discusses some types of criminal acts included in the Criminal Code of the Russian Federation in 2020–2021. Based on the analysis of these norms, the author comes to the conclusion about the significant impact of the processes of digitalization of society on the current state of the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: criminalization, digital technologies, coronavirus, illegal arms trafficking, means of identification of marking of goods.

Современное российское государство не стоит на месте, развиваются различные отрасли науки и техники, видоизменяются общественные отношения. Значительный отпечаток на это накладывает и процесс цифровизации – массового внедрения цифровых технологий в жизнь человека и общества. Все это, несомненно, сказывается и на уголовно-правовом законодательстве.

Изучение изменений, внесенных в отечественное уголовное право, является актуальным в реалиях настоящего времени, так как одной из основных целей уголовного законодательства является своевременная реакция на появление новых или видоизменение уже известных общественных отношений, представляющих опасность для личности, общества и государства. Ввиду этого изменяется и уголовный закон путем криминализации новых деяний или внесения изменений в уже существующие нормы.

За последние два года (примерный период с января 2020 года) Уголовный кодекс претерпел достаточное количество редакций, обусловленных цифровизацией общества, ухудшением эпидемиологической обстановки и многими другими общественными явлениями. Некоторые из изменений носили лишь уточняюще-конкретизирующий характер, а некоторые оказали значительное влияние на уголовно-правовое пространство нашего государства.

Рассмотрим нормы Уголовного кодекса, претерпевшие изменения за период 2020–2021 годов.

Первое изменение, которому подвергся Уголовный кодекс РФ в апреле 2020 года – нововведения, связанные с распространением коронавирусной инфекции. Необходимость регулирования отдельных видов появившихся общественных отношений сподвигла законодателя на включение в Уголовный кодекс РФ ряда новых статей [1], влекущих наступление ответственности за публичное распространение: заведомо ложной информации, об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ); заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (207.2 УК РФ).

Необходимость принятия данных норм была обусловлена, в первую очередь, стихийными паническими настроениями, возникающими в обществе ввиду распространения различной заведомо ложной информации, ее передачей между субъектами и распространением на большие группы людей, в том числе, при помощи сети «Интернет» [2, С. 154].

Данные нормы были приняты своевременно для предотвращения повышения уровня преступности на фоне ухудшения эпидемиологической обстановки, но несмотря на то, что они действуют уже порядка полутора лет, давать им объективную оценку все еще рано – на наш взгляд, нормы имеют достаточное количество недостатков, мешающих их практическому применению. К примеру, к таковым можно отнести: отсутствие понимания того, что законодатель вложил в дефиницию «общественно-значимая информация», не закрепление четко определенного субъекта уголовной ответственности, не указание критериев разграничения заведомой ложности, а также не введение квалифицирующих признаков данных деяний.

Значительное влияние на применение данных норм оказали процессы цифровизации общества – в первую очередь, в условиях локдауна большая часть жизни человека и общества переместилась в цифровое пространство. Так и законодатель, закрепляя категорию публичность данных нормам, в том числе, включил и распространение сведений в интернет-источниках и социальных сетях, что уже нашло отражение в конкретных судебных решениях. К примеру, Приговор № 1-194/2020 от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-194/2020 Богородского городского суда Нижегородской области в отношении Пичугина А.В., распространившего в новостном канале одного из мессенджеров ложной информации о распространении новой коронавирусной инфекции.

В августе 2021 году Уголовный кодекс РФ вновь претерпел изменения – было криминализовано деяние, заключающееся в совершении ряда альтернативных действий, а именно: в незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке, пересылке или ношении крупнокалиберного огнестрельного оружия, а равно его основных частей или боеприпасов к нему.

Криминализация данного деяния навеяна реалиями современности, а именно необходимостью разграничения от-

ветственности за преступления, предметом которых является крупнокалиберное огнестрельное оружие и преступлениями с иными видами огнестрельного оружия [3, С.143]. Так как крупнокалиберное огнестрельное оружие и боеприпасы к нему обладают чрезвычайно высокой степенью общественной опасности, ведь по техническим характеристикам данное оружие обладает повышенными поражающими свойствами, а боеприпасы к нему, по сути, сходны со взрывными устройствами, то факт его незаконного оборота в значительной степени повышает общественную опасность.

Прослеживается достаточно прочная связь между криминализацией данного деяния и процессами цифровизации общества. Ни для кого не является секретом, что на сегодняшний день, основной трафик незаконного оборота оружия, по всему миру, и наша страна не является исключением, осуществляется при помощи интернет-технологий, а именно небезызвестной сети «Даркнет», криптовалюты «биткоин», выступающей основной платежной единицей в сделках, связанных с незаконным оборотом оружия и системы маршрутизации «Тог».

Именно поэтому в качестве квалифицирующего признака в п. «в» ч.3 ст. 222.2 УК РФ было закреплено использование телекоммуникационных систем, в том числе сети «Интернет». Данное действие является логичным не только в рамках данной уголовно-правовой нормы. На наш взгляд, выступает оправданным включение данного признака, как квалифицированного состава и другие нормы УК РФ. К примеру, в составы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и прекурсоров (в статьи 228, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 229.1 УК РФ и т.д.), в статью 127.1 УК РФ, регулиющую торговлю людьми, в нормы, предусматривающие ответственность за операции, совершаемые с денежными средствами при использовании подложной документации, а также, в случае криминализации – в норму, предусматривающую торговлю органами и тканями человека.

Процессы цифровизации общества затронули практически все сферы общественной жизни, в том числе и производство товаров и услуг. Так, с 1 декабря 2021 года Федеральным законом от 01.07.2021 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» будет криминализовано деяние, заключающееся в использовании заведомо поддельных средств идентификации для маркировки товаров.

Общественная опасность данного деяния, в первую очередь, заключается в том, что использование поддельных средств маркировки товаров способно содействовать легализации на территории нашей страны незаконных товаров, которые, в том числе, могут представлять опасность для потребителя, а также освобождают производителя от уплаты необходимых налогов и пошлин, тем самым нанося вред экономике государства [4, С.9].

Криминализация данного деяния обусловлена необходимостью остановки массового оборота различных нелегальных товаров, производимых на территории Российской Федерации и импортируемой из других стран. Значительное влияние на оборот данной продукции оказывают телекоммуникационные сети, в том числе «Интернет», даже не теневая сторона которого, переполнена различными магазинами, шоурумами, сайтами и т.д. с предложениями продажи различных товаров, маркировочные средства которых вызывают множество вопросов.

Действительно, принятые поправки в Уголовный кодекс РФ являются своевременной ответной реакцией государства на возникающую необходимость противостоять преступности в век цифровых технологий. Однако, хотелось бы отметить, что многие отрасли противоправных общественных деяний еще не охвачены ни уголовным законодательством, ни каким-либо иным, в силу скорости их возникновения и распространения [5, С.1811].

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, хотелось бы отметить, что процессы цифровизации общества оказали значительное влияние на уголовный закон Российской Федерации. Преступления, совершаемые при помощи цифровых технологий, в том числе сети «Интернет», обладают повышенным уровнем общественной опасностью, так как отличаются скоростью их появления, массовостью распространения и относительной простотой совершения, позволяющей стать субъектом данных видов преступлений самым различным категориям граждан

Список литературы:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 01.04.2020 № 100-ФЗ // СП КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349082/ (дата обращения: 29.10.2021).
2. Павлухин А.Н., Шуранова О.А., Эриашвили Н.Д. Уголовно-правовая характеристика оружия и боеприпасов как предметов преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 143.
3. Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207. 1 и 207. 2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности. // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 6 – С. 154.
4. Голубенко О.А., Финаенова Э.В., Свекольников О.Ю., Тимух Л.Г., Шевченко Н.В. Цифровизация маркировки потребительских товаров // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2020. – № 3. – С. 9.
5. Васильков Е.Д. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с использованием информационных технологий // StudNet. – 2021. – № 6. – С. 1811.

УДК 343.2

Д. А. Чуранов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург*

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНОМ (ОСОБОМ) ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется категория объекта преступления как конструктивного элемента состава преступления, приводится авторская классификация предмета преступления по признаку наличия или отсутствия у него специальных свойств, прогнозируются перспективы развития теории уголовного права и правоприменительной практики с принятием концепции специального предмета преступления.

Ключевые слова: объект преступления, классификационные критерии, состав преступления, специальный предмет, наука уголовного права.

D.A. Churanov

*Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation»
Russia, Saint-Petersburg*

SPECIAL SUBJECT OF THE CRIME

Abstract. The article analyzes the category of the object of crime as a constructive element of the corpus delicti, provides the author's classification of the object of crime, predicts the prospects for the development of the theory of criminal law and law enforcement practice with the adoption of the concept of a special object of crime.

Keywords: the object of the crime, classification criteria, the composition of the crime, a special subject, the science of criminal law.

Одной из важнейших системообразующих категорий уголовного права является состав преступления. Означенная нормативная конструкция включает в себя понятия объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны преступления. Объект преступления как конституирующий элемент состава преступления представляет собой определенную статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) сферу общественных отношений, на которую осуществляется посягательство или причиняется вред. В этой связи представляется обоснованным выделение в рамках категории объекта преступления более узкого и конкретно-определенного понятия – предмета преступления. В юридической литературе под предметом преступления традиционно понима-

ются предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя преступное посягательство на соответствующий объект [1, С. 39]. Таким образом, противоправно воздействуя на конкретный предмет материального мира, лицо одновременно причиняет вред соответствующим общественным отношениям.

Теория уголовного права выработала два основных классификационных критерия дифференциации объекта преступления [2, С. 9]. Первым критерием является соответствие объекта преступного посягательства тому или иному структурному компоненту Особенной части УК РФ. На основании данного признака выделяются общий, родовый, видовой и непосредственный объекты преступления (так называемые объекты «по вертикали»). Вторым критерием выступает степень вероятности причинения вреда тому или иному материальному предмету или субъекту общественных отношений. В соответствии с указанным критерием объект преступления подразделяется на основной, дополнительный и факультативный. Данная классификация носит условное название объектов «по горизонтали».

Тем не менее, в науке уголовного права не выработаны объективные критерии, позволяющие провести разграничение именно предметов преступления. Одна из немногих классификаций означенной уголовно-правовой категории приводится Н. А. Беляевым, в соответствии с которой предмет преступления подразделяется на материальные вещи и субъекты отношений. Как представляется, значение указанной теоретической разработки состоит в том, что при посягательстве на определенную сферу общественных отношений, обязательно причиняется вред и тому или иному объективно существующему предмету внешнего мира или субъекту отношений (физическому лицу, юридическому лицу, органу государственной власти и т.д.). Используя подобный подход, можно заключить, что объект и предмет преступления имманентно связаны и находятся в неразрывном единстве [3, С. 141].

В настоящей работе автор постарается привести собственную классификацию предмета преступления, а также обосновать ее теоретическую и практическую значимость. Представляется необходимым классифицировать предмет преступления по признаку наличия или отсутствия у него специальных характеристик. Приведенный критерий позволяет подразделить предмет преступления на общий и специальный (подобная классификация в настоящее время применяется только в отношении субъекта преступления).

Общий предмет преступления характеризуется отсутствием у него исключительных признаков. Таковым может выступать личность (жизнь и здоровье человека), имущество, органы государственной власти и местного самоуправления (их деятельность) и др. Общий предмет содержится в большинстве составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Специальный (особый) предмет преступления характеризуется наличием у него одного или нескольких признаков, которые не содержат схожий общий объект (например, возраст или определенное состояние потерпевшего, особая научная ценность предмета хищения и др.). Особый предмет содержится в некоторых квалифицированных составах преступлений против жизни и здоровья. Так, например, по «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности [4, С. 106]; специальным предметом в данном составе преступления выступает беременная женщина. Ст. 110 УК РФ в п. «а» ч. 2 также содержит особый предмет неправомерного общественно опасного воздействия, которым является несовершеннолетний, а также лицо, находящееся в беспомощном состоянии или зависимости от виновного. Зачастую преступления со специальным предметом признают объектом уголовно-правовой охраны несколько особых предметов, которые, однако, по своим качественным характеристикам являются однородными. Например, ст. 295 УК РФ признает специальным предметом жизни судей, прокуроров, следователей, дознавателей, защитников и иных лиц, указанных в диспозиции анализируемой статьи [5, С. 46]. Несмотря на множественность специальных предметов в данном составе преступления, все они объединяются по общему признаку профессионального статуса, по-

зволяющего осуществлять правосудие или предварительное расследование. Некоторые составы Особенной части УК РФ могут содержать указание на несколько качественно различных предметов общественно опасного воздействия. Так, жестокое обращение с животными квалифицируется по ч. 1 ст. 245 УК РФ (при отсутствии иных признаков данного преступления), однако если указанное деяние совершено в присутствии малолетнего, ответственность наступает по п. «б» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

Указание на специальный предмет преступления может приводиться в целых структурных компонентах особенной части УК РФ. Так, гл. 20 УК РФ носит название «преступлений против семьи и несовершеннолетних». Большинство составов данной главы содержат соответствующий предмет преступления, который является специальным по отношению к иным общим предметам уголовно наказуемых деяний (жизнь, здоровье, имущество и др.).

Думается, обособление и выявление специального (особого) предмета преступления может оказать положительное влияние на профессиональную деятельность правоприменителей. Во-первых, отыскание и обособление специального предмета уголовно-правовой охраны позволяет разграничить смежные составы преступлений. Например, состав преступления, предусмотренный ст. 317 УК РФ, является более специальным по отношению к ст. 105 УК РФ, поскольку содержит особый предмет – жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких. Особый предмет преступления предусмотрен в ст. 211 УК РФ, которым является судно воздушного или водного транспорта либо железнодорожный подвижной состав. В случае отсутствия данного специального предмета, но при наличии иных обязательных признаков состава преступления, ответственность наступает по ст. 166 УК РФ (указанные смежные составы содержат одинаковую цель – угон). Во-вторых, специальный предмет может являться конструктивным элементом состава преступления (предмет преступления входит в понятие объекта преступления), от наличия или отсутствия которого зависит признание конкретного деяния уголовно наказуемым. Так, например, ст. 151 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. В случае отсутствия надлежащего предмета преступления (несовершеннолетнего), а также иных обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение, содеянное не образует состава преступления.

Таким образом, теоретизация общего и специального предметов преступления в науке уголовного права представляется актуальной и значимой, поскольку способна не только расширить общее учение об объекте преступления, но и разрешить некоторые коллизионные вопросы правоприменительной практики.

Список литературы:

1. *Гладких В. И., Курчев В. С.* Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. В. И. Гладких. М., 2015. 614 с.
2. *Попов А. Н.* Объект преступления: учебное пособие / А. Н. Попов, Л. С. Аистова. СПб., 2014. 40 с.
3. *Кузнецова Н. И.* Объект преступления: некоторые размышления о понятии, значении, видах и отличии от предмета преступления // *Юридическая наука: история и современность.* 2017. № 8. С. 133–149.
4. *Пешков Д. В.* К вопросу о квалификации убийства беременной женщины // *Социально-гуманитарные проблемы современности.* 2017. № 4. С. 105–107.
5. *Максимов С. В.* Уголовная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие // *Уголовное право.* 2012. № 1. С. 45–51.

К. И. Шумакова

*Юго-Западный государственный университет
Россия, Курск*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РФ

Аннотация. в данной статье рассматриваются проблемы совершения преступлений с помощью интернет технологий, а также способы их предупреждения, использование «искусственного интеллекта» в работе государственных служащих. На основе приведенных данных, автор приходит к выводу об изменении и дополнении статей настоящего УК РФ в ближайшем будущем.

Ключевые слова: совершение преступлений, Интернет технологии, уголовное право, электронные базы данных, помощь полиции, искусственный интеллект.

K. I. Shumakova

*Southwestern State University
Russia, Kursk*DIGITALIZATION OF CRIMINAL LEGISLATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: this article discusses the problems of committing crimes using Internet technologies, as well as ways to prevent them, the use of "artificial intelligence" in the work of civil servants. Based on the data provided, the author comes to the conclusion that the articles of this Criminal Code of the Russian Federation will be amended and supplemented in the near future.

Keywords: commission of crimes, Internet technologies, criminal law, electronic databases, police assistance, artificial intelligence.

Интернет-технологии плотно вошли в нашу жизнь. Современный человек не может представить себе и дня, чтобы не зайти в социальные сети, новостные сайты, сайты рекламы и услуг в Интернете. Граждане в интернете предоставляют различные услуги, указывают свои персональные данные, продают и покупают материальные блага. В связи с чем растет процент преступлений, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, чаще всего преступления совершаются по 158 и 159 ст. УК РФ. В 2020 году согласно опубликованным данным статистики МВД, на 77 % выросло число преступлений с использованием цифровых технологий, почти в 2 раза выросло число преступлений с использованием данных сотовой связи, а самым распространенным преступлением в сети Интернет стало мошенничество.

Наряду с этим стоит отметить факт того, что с развитием информационных технологий и повышением процента совершения преступления в них, параллельно происходит и цифровое развитие уголовного права, которое приобретает более эффективные методы борьбы с преступностью.

Рассмотрим некоторые из них: во-первых, электронные базы данных. Использование подобного рода баз данных существует достаточно давно. Благодаря им аккумулируются данные по уголовным делам. Здесь существует преимущественный плюс в сравнении с бумажными данными. В случае непредвиденных ситуаций, которые могут произойти и уничтожить архив, информацию с электронного носителя уничтожить сложнее, поскольку электронный вариант позволяет сделать копии, либо восстановить информацию.[3, с.351]

У правоохранителей существует базы данных, в которых зарегистрированы граждане, которые приобрели оружие, получили права, база генетической идентификации граждан. В дополнение к этому особую важность для сотрудников ФСИН, МВД представляют такие базы данных, как ПК АКУС СИЗО, ПК АКУС ИК, ПК АКУС УИИ, данные программы помогают правоохранителям в учете лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, а также тех, кто отбывает наказание, но оно не связано с лишением свободы.

Также цифровые технологии активно применяются при преподавании уголовного права, криминологии в специализированных учебных заведениях, готовящих сотрудников правоохранительных органов.

Всем известно, что на данный момент в Российской Федерации ведется активная борьба с коррупцией. В этом правоохранительным органам также помогают цифровые технологии. Современные технологические возможности позволяют совершенствовать антикоррупционную политику посредством обеспечения открытости и прозрачности управленческих процессов, направленные на пресечение коррупционной деятельности государственных органов и должностных лиц. [1, С.2] По мнению исследователей в будущем подобные программы информационных технологий смогут свести к минимуму коррупционные факторы.

Отдельно стоит упомянуть о том, что всем известная социальная сеть «Вконтакте» пошла на «сотрудничество» с правоохранительными органами, Роскомнадзором и помогает им в пресечении преступности в Интернете. Ежедневно тысячи уполномоченных на то лиц осуществляют мониторинг новостных групп социальной сети и блокируют неприемлемый контент. К такому контенту относят: призывы к суициду, террористическим актам, фото и видео материалы содержащие насилие, лозунги, направленные на разжигание межнациональных конфликтов.

Одной из наиболее важных цифровых систем, используемых для пресечения преступности является «искусственный интеллект». Он регистрирует преступления, которые совершаются на территориях государств, близких к границам РФ, затем данные передаются на компьютер и уже компьютерная сеть анализирует потенциально опасные действия.

Подводя мы можем сделать следующий вывод: компьютерные технологии продолжают развиваться, более плотно входят в общественную жизнь, в связи с этим увеличится процент преступлений, совершенных с помощью компьютерных технологий.[2, с.449] На наш взгляд, процент преступлений, совершенный в физическом смысле снизится, но это не будет свидетельствовать об отсутствии преступности, просто она перейдет в Интернет. Появятся дополнения к статьям УК РФ, особенно это коснется статей 158, 159, 105.

Список литературы:

1. *Валиахметова А. А.* Современные цифровые технологии в сфере противодействия коррупции / А. А. Валиахметова, А. А. Сотников, И. Д. Черкашин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 21,)
2. *Шевелёва С. В., Яковлева Е. О.* Об отдельных проблемах цифровой модернизации транспортного комплекса / Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2021. № 1 (4). С. 448–452.
3. *Яковлева Е. О., Овсянникова М. А.* Проблема стандартов и экономической рентабельности цифровизации транспорта. В сборнике: Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции. 2020. С. 347–352.

Г. А. Юсупов

Северо-Кавказского института (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)
Махачкала, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Аннотация. Уголовный Кодекс Российской Федерации был принят в 1996 году и в тот же период времени, даже не вступивший в законную силу УК РФ хотели изменить посредством внесения значительных и малозначительных изменений, помимо того существовало мнение о разработке нового Уголовного Кодекса или обновленной редакции Уголовного Кодекса Российской Федерации. Роль уголовного права в современных условиях, несомненно, повышается, поскольку оно способно не только реагировать на фактически совершенные преступления, но и удерживать людей от противоправного поведения, а в ряде случаев и стимулировать их к максимально эффективному и правомерному применению имеющихся ресурсов.

Ключевые слова: системность, эвтаназия, возраст, необходимая оборона, уголовная ответственность.

G. A. Yusupov

North Caucasus Institute (branch)
VSUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Makhachkala, Russia

MODERN PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL SCIENCE

Abstract: The Criminal Code of the Russian Federation was adopted in 1996 and at the same time, even the Criminal Code of the Russian Federation that had not yet entered into legal force, they wanted to change by introducing significant and insignificant changes, in addition, there was an opinion about the development of a new Criminal Code or an updated version of the Criminal Code of the Russian Federation. The role of criminal law in modern conditions is undoubtedly increasing, since it is capable not only of reacting to actually committed crimes, but also of deterring people from unlawful behavior, and in some cases, stimulating them to the most effective and lawful use of available resources.

Keywords: consistency, euthanasia, age, necessary defense, criminal liability.

Метко отметил один из авторов, Б.В. Волженкин говоря о том, что: «Своеобразный законотворческий «зуд» охватил органы, обладающие правом законодательной инициативы [5, С. 666].

Уголовно-правовая наука представляет собой совокупность теоретических взглядов, идей, положений об институтах уголовного права. Уголовно-правовая наука, кроме того, занимается исследованием истории развития уголовного законодательства, а также изучением правоприменительной практики в России и за рубежом [11, С. 14].

Длительность законов определяется соответствием своим задачам, насколько они юридически совершенны и насколько они систематизированы.

Системность уголовного права как его неотъемлемое свойство означает, что оно, во-первых, частично включено в систему международного уголовного права, поэтому нормы российского уголовного права не могут противоречить международно-правовым нормам; во-вторых, в качестве одного из элементов входит в систему национального права и поэтому органически связано с другими отраслями отечественного законодательства; в-третьих, образуя автономную подсистему российского права, должно обладать внутренним единством, беспроблемностью, цельностью и непротиворечивостью [6, С. 83].

Первая проблема, о которой пойдет речь, это предусмотренный статьей 45 УК РФ запрет эвтаназии. Вообще эвтаназия считается возникшей еще в древности, в средние века ее использовали в отношении беспомощных солдат, которые оказывались на полях битв без соответствующей медицинской помощи.

Под эвтаназией следует понимать умышленное причинение смерти неизлечимому больному, осуществленное по его просьбе медицинским работником, а также иным лицом, но мотиву сострадания к больному и с целью избавления его от невыносимых физических страданий [9, С. 10].

На наш взгляд, О.С. Капинус и А.И. Парог совершенно справедливо говорят о том, что эвтаназию может производить не только медицинский работник, но и иное лицо, при этом роль медицинского работника в оценке состояния больного никоим образом не умаляется и прекратить медицинскую помощь может только медицинский работник, но производить активные действия, направленные на причинение смерти больному, может любое лицо [8]. Основываясь на данной точке зрения можно сказать о том, что субъектами пассивной эвтаназии могут быть как медицинский работник так и иное лицо. О справедливости ее подразделения на пассивную и активную говорит различие субъектов друг от друга.

На наш взгляд пассивную эвтаназию, равно как и предоставление информации о способах самоубийства необходимо вывести из сферы действия уголовного закона. Для оценки же активной эвтаназии необходимо введение нового привилегированного состава убийства.

Следующая проблема уголовного-правового характера состоит в том, что в уголовном праве до настоящего времени не имеется отражения целостного учения о возрасте, хотя достаточно велика как практическая, так и научная потребность в решении данной проблемы, учеными-теоретиками также отмечается достаточно высокая ее роль в реализации целей уголовного закона.

Сейчас понятие возраста основывается на общеупотребительном его значении, лишь с некоторыми специфическими уточнениями [3, С. 153].

Проблема состоит в том, что Уголовное законодательство не имеет прямых указаний на ограничение предельного возраста субъекта преступления, поэтому можно сказать о том, что лицо, находящееся в достаточно преклонном или же пожилом возрасте является субъектом преступления.

По этому поводу юристы и психологи придерживаются различных точек зрения, что свидетельствует о необходимости комплексного исследования этого вопроса, как данными специалистами, так и специалистами в области медицины, например, Л.В. Боровых считает, что необходим специальный уголовно-правовой механизм привлечения к уголовной ответственности лиц пожилого возраста за совершенные преступления [4, С. 85].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает старческий возраст, который, по мнению О.Д. Ситковской, должен быть предусмотрен в законодательстве, как обстоятельство освобождения от уголовной ответственности в силу физиологического одряхления, отсутствие в полной мере способности осознавать свои действия и руководить ими, не связанными с психическим расстройством и исследовать данный вопрос необходимо в рамках медицины, уголовного права и психологии [10, С. 254].

Руководствуясь п. б ч. 4 ст. 18 УК РФ суд не берет во внимание судимость, которая была получена до восемнадцатилетнего возраста, если лицо совершило преступление уже после достижения им совершеннолетия.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации, устанавливает минимальный возраст наступления уголовной ответственности, но не упомянув о максимально допустимом возрасте в УК.

Данную тему необходимо принять во внимание, а также следует проанализировать и пересмотреть вопросы максимального возраста уголовной ответственности и законодательного их закрепить.

Актуальным также является вопрос применения необходимой обороны в отношении защиты прав собственности обороняющегося лица, в нашей стране, по сравнению со многими зарубежными странами, законодательство которых закрепило право человека на защиту своей собственности, нормы по защите данного права отсутствуют, однако в ч. 1 ст. 37 говорится, что обороняющееся лицо имеет право на причинение вреда «при защите личности и прав» [1]. Разбираясь, тут можно посчитать, что каждый гражданин Российской Федерации имеет право на защиту прав, ведь право собственности также является

ся таковым, но анализируя дальше диспозицию данной статьи, мы видим, что здесь обязательным признаком будет считаться насилие, и вовсе не идет речи об угрозе нанесения ущерба собственности защищающего его лица.

На наш взгляд, нужно также, пересмотреть и доработать данный недостаток. Например, для решения этой проблемы можно прибегнуть к учету опыта стран, данный институт которых достаточно развит, одной из таких стран являются Соединенные Штаты Америки. Американский гражданин при защите своих прав пользуется более широким кругом возможностей, нежели российские граждане.

Данный институт также имеет некоторое количество изъян и спорных моментов, которые не позволяют ему функционировать должным образом и в полной мере. К таковым можно отнести: вопрос в законодательстве о квалификации необходимой обороны, таким образом, можно говорить о значимости для уголовного права такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как необходимая оборона, тенденция отрицания в деянии наличия признаков необходимой обороны, отсутствие в законодательстве Российской Федерации норм, позволяющих обладателю права собственности осуществлять ее защиту, предвзятое отношение к лицу, защищающему свои права, а во многих случаях высшее право – право на жизнь.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что современное уголовное право – это динамично развивающаяся самостоятельная отрасль права, целью познания которой выступают актуальные вопросы преступления и наказания, перспективы их развития и повышение эффективности уголовно-правовых мер противодействия преступлениям.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021]
2. Примерный Уголовный кодекс США [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.edu.ru> (дата обращения 04.10.2021)
3. *Байбарин А.А.* Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. – М.: Высшая школа, 2009. С. 153
4. *Боровых Л.В.* Российское законодательство и проблемы его совершенствования: учеб. для вузов. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. С. 85.
5. *Волженкин Б.В.* Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.) – СПб., 2008. – С. 666.
6. *Денисова А.В.* Значение системного подхода при исследовании отрасли уголовного права / А.В. Денисова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 9-й междунар. науч.-практ. конф. – М., 2012. С.83.
7. *Козаев Н.Ш.* Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: автореф. дис.. канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 62 с.
8. *Капинус О.С.* Эвтаназия как социально-правовое явление. – М., 2006. – 402 с.
9. *Капинус О.С.* Эвтаназия как социально-правовое явление: уголовно-правовые проблемы: автореф. дис.. докт. юрид. наук. М., 2006. 60 с.
10. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности: учеб. для вузов. – М.: Просвещение, 2010. С. 254.
11. Уголовное право России. Общая часть. / Под ред. А.И. Плотникова. – Оренбург, 2016. С. 14

ЯЗЫК И ПРАВО: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 808

Х. А. Амиралиева

*Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(Российская правовая академия Минюста России)
Россия, Махачкала*

О ЗАИМСТВОВАНИЯХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Аннотация. В данной статье рассматривается тема заимствования иноязычных терминов в юридической науке. Однако невозможно не заметить, что интенсивное употребление иностранных слов в нынешнем отечественном законодательстве имеет не только положительные результаты, но и вызывает определенные проблемы, которые подлежат детальному рассмотрению.

Ключевые слова: юридическая терминология, право, заимствования, иностранный термин, отечественный язык.

K. A. Amiralieva

*North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia)
Russia, Makhachkala*

ON BORROWING THE RUSSIAN LANGUAGE OF FOREIGN LEGAL TERMS IN THE CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article examines the topic of borrowing foreign language terms in legal science. However, it is impossible not to notice that the intensive use of foreign words in the current domestic legislation has not only positive results, but also causes certain problems that are subject to detailed consideration.

Keywords: legal terminology, law, borrowing, foreign term, native language.

В юридической дисциплине заимствование иноязычных слов представляется крайне муссированным феноменом. Отечественная цивилистика не явилась исключением. Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, относительной молодостью отечественного права, которое начало свое формирование лишь в 90-х годах XX в. Первоочередной предпосылкой для включения иностранных терминов в отечественный правовой язык являлся низкий уровень разработанности российской юридической терминологии, очень узкий круг правовых понятий. На первый взгляд, эти нововведения сулят лишь хорошие последствия, но нельзя не отметить, что интенсивное использование иностранных слов в действующем отечественном законодательстве вызвало наличие определенных проблем, связанных с их «акклиматизацией». Проблемы при обсуждении внедрения иностранных терминов в юридический язык отечественного права, зарождаются из-за следующих проблем:

Первая из проблем – это использование юридического термина на иностранном языке в тех местах, где зачастую есть реальная и очевидная возможность употребить доступный знаменатель с коренными или русифицированными корнями, что, по сути, эквивалентно принятому термину. Говоря другими словами для того, чтобы придать отечественной цивилистике некую представительность, законодатель «вклинивает» иноязычные термины без нужды.

Вторая, не менее значимая – применение иноязычного юридического термина в ошибочной интерпретации. То есть, первоначально не верная трактовка термина, приводит к тому, что его, соответственно, используют не в том месте и не с тем смыслом. Это вызывает затруднения в реализации нормы.

Чаще всего консолидация большинства иностранных юридических конструкций в отечественном праве не претерпевала вирирования, не была адаптирована под юридические устои Российского государства. Одно и то же слово может толковаться по-разному в законах разных стран. Это связано с тем, что планка правовой культуры, образования и развития населения в каждой стране разная.

Исходя из все вышесказанного, современные реалии ставят перед нами следующие задачи – изучить правомерность заимствований из зарубежного юридического опыта, целесообразность их употребления в нашем праве.

Первая проблема определяется необоснованным желанием законодательных органов придать закону некоторый научный характер, «репрезентативность». Мы полагаем, что такая ориентация в законодательстве представляет опасность как для разработчика, так и для всех лиц, заинтересованных в надлежащей реализации закона. Практически без исключения все иностранные термины с самого начала не правильно понимаются адресатами законов, и соответственно, по этой причине любая ошибка в их применении негативно сказывается на качестве самого нормативно-правового акта и вызывает трудности с его реализацией или соблюдением. В ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 01.06.2005 «О государственном языке Российской Федерации» определяется, что при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использовать слова и выражения, которые не соответствуют нормам русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке [1, ст. 2199]. Разберем, как выполняется это требование закона, на точных примерах. Так, некоторые разногласия вызывает необходимость использования в текстах гражданско-правовых актов такого понятия, как «лизинг», у которого имеется официальный, «обрусевший» синоним – «финансовая аренда».

В то же время, мы не отрицаем, а даже подчеркиваем, что существует некая тенденция к исключению из отечественной цивилистики неправомерно принятых терминов. Например, в Трудовом кодексе РФ уже не употребляется иноязычный термин «контракт», использовавшийся вместо русскоязычного «трудовой договор» [2, ст. 3]. Мы предполагаем, исключить термин «контракт» и из других законодательных актов, например, из Федерального закона № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3, ст. 1152], где он также используется в роли синонима термина «договор», а следовательно, является избыточным. Его употребление в данном тексте абсолютно необоснованно.

Предметом дальнейшего рассмотрения является вторая проблема. Известно, что многие отрасли внутренней гражданской цивилистики сформировались под влиянием французского права. Один из них – институт секвестра (ст. 926 ГК РФ: хранение вещей, которые являются предметом спора (секвестр)) [4, ст. 410]. Вышеуказанная статья Гражданского Кодекса РФ соответствует разделу XI книги 3 ФГК: о хранении и о секвестре. Взгляд французского законодателя заключается в том, что секвестр – это не особый депозит, а вид депозита. И иные, используемые в праве других стран, в том числе России, противоречат общему значению слова.

Кроме этого, в местном законодательстве есть примеры, когда одни и те же иностранные слова, содержащиеся во многих законах, имеют разные значения в каждом законе. Не принимая роль зарубежного правового опыта, мы считаем, что внутреннее право должно совершенствоваться на его собственной исторической основе. То есть подобные нормативные правовые процедуры потеряли бы свою актуальность и свое предназначение. Определенный баланс правовых терминов, который действовал ранее, необходим для нового этапа становления государства и основания права на современных условиях.

К. А. Дадашева

*Северо-Кавказский институт (филиал)**ВГУЮ (РПА Минюста России)**Россия, Махачкала***ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ
В ТЕКСТАХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы отсутствия правильного построения текста, порядка слов, точность выбора паронимов при составлении и написании нормативно-правовых актов, юридических документов. На основании сравнительного правового анализа мы пришли к выводу, что речевая культура юристов нуждается в усовершенствовании.

Ключевые слова: речевая культура, правоведы, законодатель, лексическое значение, правовые документы, тавтология, двусмысленность слов, термины.

К. А. Dadasheva

*North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University**of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)**Russia, Makhachkala***LINGUISTIC ERRORS IN THE TEXTS
OF NORMATIVE LEGAL ACTS**

Abstract. The article deals with the problems of the lack of correct construction of the text, the order of words, the accuracy of the choice of paronyms when drafting and writing regulatory legal acts, legal documents. Based on a comparative legal analysis, we concluded that the speech culture of lawyers needs improvement.

Keywords: speech culture, jurists, legislator, lexical meaning, legal documents, tautology, ambiguity of words, terms.

Современная наука проявляет интерес к проблемам в речевой культуре юристов. Многие правоведы обеспокоены объемом существующих ошибок в законодательных актах, их изложении и регламентации. Отсутствие правильного построения текста, порядка слов, точность выбора паронимов и лексические ошибки привели к их ложному пониманию и неточному написанию нормативно-правовых актов. В XX веке, в 1990 году, русская литература, язык и место происхождения изменились под воздействием социальных, политических условий коренным образом. В декабре 1993 года в Российской Федерации после принятия новой конституции был разработан закон. Этим и обусловлен выбор нашей темы исследования, ее актуальности в наше время. Язык права довольно специфичен и нуждается в совершенствовании. Только знание и грамотное использование приемов юридической техники позволяет создавать качественно оформленные и понятные для восприятия юридические документы. Объектом исследования нашей работы является анализ лексических и синтаксических ошибок, встречающихся в правовых документах.

Первостепенную роль при создании текстов правового характера играют соблюдение норм словоупотребления, выбор слова, его внимание к лексическому значению. Как отмечает О. Н. Киянова, ошибки в области словоупотребления для текста правового характера, юридического текста могут стать просто губительными [1, С 174].

Вопрос о решении данной проблемы касается не только законодателя, но и лиц, использующих документы. Преодоление их делает общение более эффективным. Эта тема будет постоянно подниматься, чтобы молодые юристы не допускали подобных ошибок уже на ранних этапах своего обучения. Напротив, они должны предложить свой собственный путь и методы решения этой проблемы. Поэтому это юридические тексты, подготовка, допущенные ошибки, устранение стоящей перед ними задачи – это их простая речь, простая и чистая, которая делает, а, следовательно, доступной и доступной, открытой. Поэтому в юридических документах мы имеем следующую лексическую ошибку. Это понятие сужает их сущность нормами права, что не соответствует четкому разделению, неоправданному расширению или литературному идеалу. От-

На основании анализа содержания статьи хотелось бы высказать свое мнение о требованиях к использованию иностранных слов и терминов в официальных источниках.

Первое требование – Законодательный орган не должен перегружать текст закона иностранной лексикой. Суть правил усвоить нелегко: необходимо ссылаться на словари и другую литературу.

Второе – использовать уже адаптированные и понятные адресату иностранные слова.

Третье – стремиться использовать минимальное количество дублетных и иностранных слов. Это важное условие чистоты юридического языка, которое обеспечит его эффективность.

Четвертое – систематизировать использованные слова. Недопустимо заменять слово теми же словами или описательными методами в правовых актах. Подобный пример мы встречаем в законе Тюменской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе», где слово «секвестр» встречается только один раз, и без перевода, без пояснений.

Пятое – должна быть соблюдена точность заявки, в противном случае могут быть нарушены как практические, так и эстетические основы юридического документа. Правильность употребления иностранного заимствованного слова можно проверить по самому юридическому словарю, где важно предоставить его перевод, а также по требованиям к использованию этого документа.

Шестое – совместить заимствованные слова с другими словами и последовательной фразеологией. Термин должен соответствовать тексту нормативного правового акта. От этого также зависит его «адаптация» к отечественной правовой системе.

В заключение, хотелось бы сказать, что процесс заимствования иностранных терминов неблагоприятно сказывается на юридическом языке отечественной цивилистики, вызывая множество проблем и разногласий, утрате значимости родного русского языка. Однако, если термины российского права в полной мере не отражают сущность иностранных терминов, или им нет русскоязычных аналогов, и применение зарубежных понятий является необходимой мерой – следует взять во внимание, предложенные нами меры, во избежание недоразумений.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53 (в ред. от 30.04.2021) О государственном языке РФ // Собрание законодательства РФ. 25.10.2021. ст. 2199
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2021 № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2022. № 1 (ч.1). ст. 3
3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства. 22.12.1997. ст. 1152
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 10.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. ст. 410.
5. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 25.10.2021. ст. 1918
6. Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства. 25.10.2021
7. О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Тюменской области: закон Тюменской области от 15.04.1996 № 31// Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // Сайт URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/more/docs.htm?id=230046@egDocs (дата обращения: 27.10.2021)
8. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статус, 2014. 582 с.

метим тавтологию конструкций в части 3 статьи 84 УПК, там говорится, что документы приобщаются к материалам уголовного дела и хранятся в течение всего срока хранения... В части 2 статьи 91 Коммунистической партии Китая говорится, что если имеются данные, дающие основания для подозрений...», в части 3 статьи 154 УПК: «... Если уголовное дело выделено в отдельное производство для предварительного расследования...». Эти примеры очень тавтологические и приводят к нарушению различных уровней: поэтому, если во втором примере это языковая синонимическая бедность, а в третьем – наложение терминов, то в первом возможен улов. Кажется, что более уместным было бы указать на искусство. 3 ст. 84 УПК: «документы включены в материалы уголовного дела на весь срок годности. Ибо слово часто используется в составе юридических терминов с ограниченной лексической сочетаемостью, к особенностям относятся, например, «ж определению», «ходатайству», но есть и нарушения в виде выбора неточного синонима: «обвинения» (пункт 18, часть 2, статья 42 УПК), поскольку согласно БТС: принести – 1) нести, доставлять//5) выполнять, то есть производить что-то, на что указывает существительное присягать, извиняться. В результате версия, используемая в тексте закона, не соответствует литературной норме. Правильно: «подать жалобу» [2, С 84].

3 Статья Земельного кодекса РФ, содержащая в речи лексическую ошибку и излишнюю точность: «владельцами земельных участков, являются физические лица, являющиеся владельцами земельных участков [3, С 35]. «Гораздо точнее было бы сказать «владельцы земельных участков, физические лица, которые пользуются правом собственника владеть и распоряжаться своим земельным участком. Принимая во внимание фактические обстоятельства дела. Важнейшую роль в создании организации текста, его логического выражения мыслей играет правильный порядок слов. Часто в текстах законов встречаются случаи его нарушения, что препятствует их адекватному восприятию, порождает двусмысленность, является причиной многословия или случаев инсульта. Итак, в тексте есть:

«Для лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет...» Правильный вариант – до восемнадцати лет.

В результате нанизывания дел появилась двусмысленность: «суд признает юридическое лицо банкротом по своей остроте. «Не было необходимости

нарушать признание судебной фразы. Встречается в текстах и неправильное местоположение дополнений:

«Следователь имеет право получить образцы почерка или другие образцы для сравнительного исследования у свидетеля или потерпевшего...» (статья 202 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Русский литературный язык, как правило, используется в прямом смысле слова «текст», применяемом для обозначения чего-либо другого (либо иные образцы или формы записи; исполнение приговора, опись к приговору и имуществу, копия произведения). Лицо А (или свидетельствуй, лицо без судебных приставов) означает, что человек, помимо прочего, должен быть в первую очередь сохранен.

«...вправе также получить у свидетеля или потерпевшего образцы...»;

«...направляет судебному исполнителю исполнительный лист...».

Выбранный участник контролирует творческое состояние, а это значит, что в фразе, указанной соглашением, была допущена ошибка (статья 231 Гражданского кодекса Российской Федерации) [4, С 231].

Необходимо: определяется соглашением. В чем ошибка? Во фразе смешаны слова контролирующий и контролируемый.

В законе есть понятие «возбуждение уголовного дела», затем происходит «разбирательство». Это означает, что процедура прерывается, т. е. прерывается процедура, а не само дело. Давайте исправим вышеприведенную печать: «с заключением дела».

Проблема в том, что другие, неправильные тексты говорили от схожих объединений. 198 в статье Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает виды преступлений, связанных с неоднородностью члена Российской Федерации: «обладание и назначение права на проведение экспертизы»: 1) заявить отвод эксперту; 2) ходатайствовать о назначении эксперта из числа указанных им лиц; 3) задавать дополнительные вопросы для получения экспертного заключения по ним; 4) присутствовать при проведении экспертизы». Необходимо исправить: 1) объявить; 2) представить.

Правильно: продолжительность испытательного срока, а также лицо, которое назначено.

Также есть ошибка – разница одного из членов однородного для слова в предложении, к которому принадлежали два других: «если ущерб, который происходит, является следствием работы предприятия, строительства или другой производственной деятельности, суд имеет право заставить ответчика...». Вариант редактирования. Ошибка синтактика также замечена О. Н. Кияновой. «Если уголовный закон нового года снизит наказание за деяние, совершенное лицом, то наказание будет заключаться в уменьшении пределов, предусмотренных законом нового преступника. «Здесь неправильно соединены главные предложение и подчиненное (человек совершает не действие, а наказание). «Если новый Уголовный закон снизит наказание за такое деяние, то это наказание, которым человек живет, будет сокращением пределов, предусмотренных законом для нового преступника». Поэтому стоит следить за речью окружающих также, как и за своей. овладейте правильным чтением материалов из учебников и других материалов и соотнесите их с правилами реальной речевой практики. Необходимо усилить формирование у носителей языка устойчивой связи в сознании, которая не только не выдержит ошибок, но и устранил их. Наличие изложенных выше ошибок в речи указывает на не совершенность отдельных правовых норм законодательства, а также отсутствие точности и определенности формирования терминов и категорий, используемых в действующем законодательстве. Речевая культура юристов будет оставаться на невысоком уровне до тех пор, пока язык законов не станет эталоном официально-деловой речи. Смысл написания должен быть постоянным и совершенствоваться, чтобы работать до тех пор, пока это легко не приведет к тому, что читатель достигнет сознания. Если закон тоже высок и ответственен, то язык является показателем уровня культуры наших законодателей, показателем уважения к тем, кто пишет им законы.

Список литературы:

1. Киянова О.Н. Основы построения текстов административно-правового характера / О.Н. Лукаш. – М. 2012. – 174 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.132.6

М. С. Аверьянова, Е. В. Коломыцева

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. в рамках научной статьи анализируются причины необходимости и теоретические проблемы толкования норм права, а также принципы толкования, а также дефиниция «толкования норм права».

Ключевые слова: толкование, причины толкования, принципы толкования, теоретические проблемы толкования.

M. S. Averyanova, E. V. Kolomytseva

*Saratov State Law Academy
Law Enforcement Institute
Russia, Saratov*

INTERPRETATION OF LEGAL NORMS: SOME THEORETICAL PROBLEMS

Abstract. within the framework of the scientific article, the reasons for the necessity and theoretical problems of interpretation of the norms of law, as well as the principles of interpretation, as well as the definition of «interpretation of the norms of law» are analyzed.

Keywords: interpretation, reasons for interpretation, principles of interpretation, theoretical problems of interpretation.

Актуальность исследования состоит в том, что толкование нормативных актов является необходимой предпосылкой для правильного осуществления норм права, так как без всестороннего и глубокого понимания смысла правовых норм невозможно правовое регулирование общественной жизни, укрепление законности.

В условиях построения правового государства, в которых сейчас находится Россия, огромное значение имеют ответы на такие вопросы, как:

¾ что такое толкование норм права?

¾ почему возникает необходимость в толковании норм права?

¾ каковы его принципы?

¾ с какими теоретическими проблемами можно столкнуться при толковании норм права?

Все эти вопросы делают тему толкования норм права особенно актуальной.

Что касается понятия «толкование норм права», то стоит сказать, что в науке нет единого мнения по этому вопросу и правоведы по-разному подходят к определению сущности данного института.

Например, Н.И. Матузов и А.В. Малько под толкованием понимают выяснение точного смысла, содержания толкуемой правовой нормы [1, С. 340].

А русский цивилист, профессор Г.Ф. Шершеневич полагает, что нельзя рассматривать процесс толкования права как научную деятельность. Обосновывая свою позицию, он указывал, что причина заключается в том, что толковать законы могут и должны все, обязанные соотносить свое поведение с велениями норм права, но это вовсе не означает, что это уяснение мысли будет носить научный характер [2, С. 205].

По мнению П.Е. Недбайло, толкование является такой стадией применения правовых норм, когда уже известны определенные факты, которые требуют правового решения, выбрана и соответствующая норма, проверена ее истинность и обязательность, выяснены пределы ее действия. Остается только установить ее полное и точное содержание, чтобы сделать окончательные и безошибочные выводы [3, С. 190].

Исходя из вышеперечисленных определений, можно сказать, что толкование права есть не больше и не меньше, как

единство того и другого, то есть, это процесс уяснения и разъяснения смысла правовых норм.

К причинам необходимости толкования правовых норм относятся:

1) сложность или нечеткость юридических формулировок (излишняя их краткость, абстрактность, либо, напротив, пространный);

2) несовершенство законодательной техники, поспешность в принятии тех или иных правовых актов, их слабая проработанность, декларативность, неконкретность;

3) несовпадение норм и статей правовых актов, наличие бланкетных и отсылочных норм, нетипичных предписаний;

4) специфика юридических терминов и понятий, интерпретация которых требует специальных познаний, высокой квалификации;

5) законодателю не всегда удается ясно и точно выразить свою волю в той или иной норме или акте;

6) отдельная норма права действует не изолированно, а в системе других норм и только в этой взаимосвязи ее можно правильно истолковать.

Инициатором официального толкования правовых норм выступают сегодня органы исполнительной власти, суды и органы прокуратуры, поскольку именно они являются легитимными правоприменителями. Отдельные субъекты Российской Федерации поднимают вопрос о возможности толкования своих законодательных актов.

В результате изучения юридической практики были выделены следующие принципы толкования норм права:

1) всякое сомнение по смыслу текста толкуется в пользу обвиняемого;

2) закон обратной силы не имеет;

3) что законом не запрещено, то разрешено;

4) чрезвычайные законы толкуются ограничительно;

5) законы, смягчающие наказание, толкуются расширительно;

6) исключения из общего правила подлежат ограничительному толкованию;

7) позже изданный закон отменяет предыдущий, во всем том, в чем он с ним расходится;

8) толкование не должно отменять, изменять и создавать новую норму права.

Сложность процесса толкования норм права обусловлена его теоретическими проблемами.

Во-первых, проблема в интерпретационной деятельности. Под интерпретационной ошибкой предлагается понимать частичное или полное отступление от правил толкования, что сказывается на конечном результате и не соответствует истинному смыслу нормы права, заложенной в ней воле законодателя.

Во-вторых, проблемы, связанные с отсутствием системного способа толкования, когда норма права интерпретируется буквально, в то время как при системном подходе сужается объем нормы-предписания.

В-третьих, проблема несформированности навыков владения приемами и способами толкования права и отсутствие их сочетания.

В-четвертых, проблема низкого уровня правосознания толкователя. Чем выше уровень правосознания профессиональных или доктринальных интерпретаторов правовых норм, тем больше возможностей для реализации прав и свобод личности.

Важно отметить, что проблема толкования еще мало изучена и требует дальнейшего более широкого рассмотрения. Всеобъемлюще исследовать ее в рамках данной работы невозможно, однако важность ее изучения очевидна.

Таким образом, толкование права – это необходимый и важный элемент правореализационного процесса, поскольку невозможно применить норму права, не уяснив ее точный смысл, а в некоторых случаях и разъяснить; толкование необходимо также при правовой квалификации и при вынесении решения по делу. Необходимость в толковании норм права является и в процессе правотворчества. Как известно, разработка новых нормативных правовых актов предполагает толкование дей-

ствующих нормативных предписаний с целью уяснения их точного смысла. Иными словами, толкование имеет место на всех стадиях правового регулирования и имеет значение для всех сторон правовой деятельности.

Список литературы:

1. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько; РАНХиГС при Президенте РФ. 5-е изд. М.: Дело, 2020. 525 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 2. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. 362 с.
3. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.

УДК 342.734

Ю.А. Аверьянова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Институт права и национальной безопасности
Россия, Москва*

ПОНИМАНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация. автор в данной статье раскрывает идею о том, что в процессе реализации социальных прав происходит дискриминация отдельных лиц или групп лиц, так как перераспределение всегда осуществляется в интересах одних в ущерб интересам других.

Ключевые слова: социальное государство, социальные права, дискриминация, перераспределение, плановая экономика, рыночная экономика.

Y.A. Averyanova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration Institute of Law and National Security
Moscow, Russia*

UNDERSTANDING DISCRIMINATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL RIGHTS

Abstract. the author in this article reveals the idea that in the process of realizing social rights, discrimination occurs against individuals or groups of individuals, since redistribution is always carried out in the interests of some to the detriment of the interests of others.

Keywords: social state, social rights, discrimination, redistribution, planned economy, market economy.

На сегодняшний день остается открытым вопрос, касающийся понимания роли социальных прав в жизни людей. Ложные представления о сущности социального государства порождают массу противоречий, которые сказываются на развитии общества и государства. Непонимание большинством, как государственный интервенционизм влияет на свободу индивидов, порождает негативные последствия. Горький опыт двадцатого столетия показал, к чему может привести неразумное увеличение полномочий государства. Необходимость не допустить впредь подобный террор и деспотию свидетельствует об актуальности данного вопроса, так как тенденции, приводящие к подобным явлениям, начинают закладываться еще при формировании социального государства.

Наиболее подробно реализацию социальных прав можно проследить в государствах, построенных на принципах социализма. Под лозунгами социальной справедливости и общественного блага государство проводит социальную политику, которая провозглашает своими целями перераспределении средств, после чего люди будут по-настоящему свободны и счастливы. Однако подобные суждения наполнены противоречивостью. Разберемся подробнее в этом процессе.

Что же происходит при социализме? Бесспорно, социалистическая государственность предоставляет гражданам

огромный объем «социальных» прав, но что же происходит с собственностью? При социализме происходит национализация частной собственности, из-за чего все нужды граждан ложатся на государство. Невозможность граждан самостоятельно решать свои проблемы, приобретать и отчуждать имущество перекладывает ответственность с граждан на государство, которое теперь обязывается выполнять деятельность, которую вполне мог бы выполнить другой человек. Такая «загруженность» государства выступает тормозом к развитию. Более того, в социалистической государственности мы можем говорить о так называемых «нахлебниках» – тех, кто ничего не сделал для получения некоего блага, однако намеревается получить его просто так, прикрываясь социальными правами, которые, якобы, даны ему от рождения – «правами человека стали называть потребительские привилегии: у каждого человека есть якобы право потреблять, хотя, возможно, он ничего не производит» [1, С. 592]. Подобная ситуация явно демонстрирует некоторые противоречия, которые возникают при рассмотрении социалистической государственности. Считается, что социализм осуществляет перераспределение материальных благ в интересах социально-слабых в ущерб социально-сильных, однако это не совсем так. Социалистическая государственность предполагает сосредоточение ресурсов и их использование в интересах отдельных лиц, которые занимаются принятием политических решений, а также в интересах бюрократии, осуществляющей это перераспределение – «главными бенефициарами процесса являются получатели того, что, так сказать, оседает на стенках сосудов перекачки богатства от одних членов общества к другим» [2]. Именно перераспределительный аппарат потребляет значительную долю национального дохода, а само перераспределение между социально-слабыми слоями населения осуществляется уже по остаточному принципу [3, С. 599]. Таким образом, социалистическая государственность, не оставляя за гражданами возможности свободно распоряжаться собственностью, демонстрирует последствия такого решения в виде невозможности удовлетворения потребностей всех людей, что ведет к нарастанию противоречий.

Более того, социалисты утверждают, что, отказавшись от свободы в экономической сфере, люди смогут обрести ее во всех остальных сферах, и что данный отказ от свободы является вынужденной мерой для достижения истинной свободы индивидов [4, С. 152]. Однако данное суждение вполне можно опровергнуть следующим: неужели в мире, где человек имеет возможность зарабатывать деньги и тратить их на то, что ему необходимо, он не является по-настоящему свободным, неужели в государстве, где власть диктует людям, что и в каких количествах им потреблять. Неужели, отказавшись от экономической свободы, человек сможет оставаться свободным в других сферах общественной жизни?

Является вполне очевидным, что свобода человека связана с собственностью и не может существовать без нее [5]. Нельзя не обратить внимания на то, что данная взаимосвязь собственности и свободы предполагает различие индивидов в их материальном положении при условии сохранения принципа формального равенства. Однако подобное неравенство является более справедливым, чем то, которое возникает посредством волеизъявления тех, кто имеет в своих руках властный ресурс. Ведь действительно, провозглашение принципа формального равенства предполагает наличие у индивидов равных возможностей для осуществления и защиты своих прав, что возможно в условиях конкуренции, где цены формируются в стихийном процессе, т. е. никто не знает, какими они будут, так как формированием цены занимается рынок – незаинтересованная сторона. Индивиды в условиях рыночной экономике свободны в выборе деятельности, так как государство не вмешивается в данный процесс. В условиях, когда граждане свободны в выборе рода деятельности, свободны от вмешательства государства, власть не может догадываться о результатах, к которым придут индивиды, вследствие чего она не может оказывать влияния на их деятельность. А что будет происходить, когда государство будет знать о том, к каким результатам придут индивиды (что возможно при плановой экономике, где вся экономическая деятельность подчинена государству)?

А. Г. Альбицкий, А. Г. Мирошниченко

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, Санкт-Петербург*

**ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ И ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА
«ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ»:
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается политико-правовая проблема предоставления преимуществ отдельным социальным группам в некоторых сферах общественной деятельности. Поднимается вопрос нарушения принципа законности при проведении подобной правовой политики, определения её как дискриминации, носящей «позитивный» характер, или же как справедливых компенсационных мер.

Ключевые слова: правовая политика, законность, обратная дискриминация, позитивная дискриминация, позитивное действие.

A. G. Albitsky, A. G. Miroshnichenko

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Russia, Saint-Petersburg*

**THE PRINCIPLE OF LEGALITY
AND LEGAL POLICY OF «POSITIVE DISCRIMINATION»:
THE PROBLEM OF CORRELATION**

Abstract. The article examines the political and legal problem of providing advantages to certain social groups in some spheres of social activity (educational, labor, etc.). The question of the violation of the principle of legality in the conduct of such a legal policy is raised, its definition as discrimination of a "positive" nature, or as fair compensation measures.

Keywords: legal policy, legality, reverse discrimination, positive discrimination, affirmative action.

В первой половине XX века законодательство многих стран сохраняло дискриминационные элементы в отношении определенных социальных групп населения по расовому, национальному, половому признакам и т.д.

Вместе с тем, после Второй мировой войны, во многом благодаря деятельности ООН борьба с дискриминационными положениями в национальном законодательстве вышла на новый уровень. Прежде всего, необходимо отметить ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, в которой закреплён принцип запрета дискриминации по какому-либо признаку [1]. Были приняты и конвенции специального характера, например Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятую резолюцией 2106 (XX) Генеральной ассамблеи от 21 декабря 1965 г. [2].

Предполагалось, что после активной деятельности на международно-правовом уровне проблема с дискриминацией внутри государства должна быть решена. Однако вместе с тем продолжается и трансформация понимания принципа законности. Так, в постклассической науке законность является универсальным постулатом, но, будучи не только обязательным к исполнению требованием, она ещё и является деятельностью по воплощению требования в правопорядке [3, С.37]. Так, с одной стороны, существуют нормы о запрете дискриминации. С другой стороны, эти нормы противостоят «живому праву» — фактическому порядку социального взаимодействия в обществе, включающему в себя в том числе интерпретацию и применение нормы [3, С. 139].

В настоящий момент т.н. позитивная дискриминация, или позитивные действия («affirmative action») являются неотъемлемой частью правовой политики ряда западных государств. Наиболее явным демонстративным примером представляется США. С самого начала деятельности Администрации Президента США Л. Джонсона в 1965 г., осуществлялась разработка так называемых программ «позитивного воздействия», которые должны были способствовать поднятию уровня занятости сре-

Плановая экономика предполагает, что государство должно перераспределить средства таким образом, чтобы обеспечить наибольшее удовлетворение потребностей, прийти к всеобщему благосостоянию, однако это невозможно, так как ввиду сложной системы производства невозможно создать механизм, который бы контролировал все сферы деятельности и обеспечивал им равное развитие, из-за чего приходится делать выбор, на что будут направлены все силы. Выбирая между тем, кому и какое социальное благо предоставить в первую очередь, чиновники должны иметь определенную общую систему ценностей, на которую можно было бы опираться, осуществляя перераспределение, однако создать подобную иерархию ценностей не представляется возможным, так как ценности различных людей всегда субъективны, а следовательно, невозможно обеспечить справедливое перераспределение, так как каждый человек по-своему будет понимать вопрос о том, куда должны были быть направлены средства. При этом следует понимать, что, решая определенную задачу (например, помогая одной группе населения), мы жертвуем решением другой задачи, так как средства уже были перераспределены в другую область. Здесь можно проследить явную дискриминацию, так как предоставляя блага одним людям, мы лишаем благ других, ущемляя при этом их права. Более того, не менее важным является вопрос о том, как наличие властного ресурса, посредством которого можно осуществлять перераспределение, сказывается на том, какая политика будет проводиться чиновниками. Так как система ценностей всегда является индивидуальной и выбор, в пользу кого будет осуществляться перераспределение, осуществляется отдельными людьми или группой лиц, то нельзя утверждать об объективности перераспределения, так как ходе данной деятельности будет происходить дискриминация тех, чьи интересы не входят в систему ценностей властей.

Таким образом, предоставление гражданам социальных прав, которые предполагают выбор, куда будут направлены средства, неразрывно связано с дискриминацией тех, кто не нашел своего места иерархии ценностей государственного аппарата, осуществляющего перераспределение. Более того, дискриминация проявляется и в том, что, наделяя одних граждан социальными правами, давая им определенные привилегии, государство признает их большую ценность, «возвышает» их над остальными, угнетая последних, что также свидетельствует о дискриминации отдельных индивидов или групп лиц.

Список литературы:

1. *Нерсесянц В. С.* Проблемы общей теории права и государства: Учебник / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 2-е изд., пересмотр. М., 2010. – 815 с.
2. *Сапов Г.* От Моисея до наших дней // Отечественные записки. 2002. № 4–5.
3. *Нерсесянц В. С.* Указ. соч. 599 с.
4. *Хайек Ф. А. фон.* Дорога к рабству / пер. с англ. М. Б. Гнедовского. М.: Изд. АСТ, 2021. 352 с.
5. *Сапов Г.* Собственность: условие человеческой деятельности и юридическая категория // Отечественные записки. 2004. № 6.

ди расовых и национальных меньшинств [11, с.2]. Предполагалось, что такие действия помогут устранить ранее имевшиеся барьеры к равным возможностям для представителей расовых меньшинств, которые ранее подвергались необоснованной дискриминации [11, С.2].

Согласно позиции Джона Ролза, американского основоположника либерально-государственной концепции внутреннего и международного права, позитивным воздействием является государственная политика по компенсации ущерба, понесённого жертвами несправедливости («victims of injustice»). Действие такой меры, согласно Ролзу, предусмотрено двумя основополагающими принципами: предоставление каждому любви личной свободы, равное разделение первичных общественных благ [6].

Таким образом, можно утверждать, что в предложенной Ролзом трактовке позитивное воздействие является ни чем иным как своего рода мерой социальной поддержки – например, предоставление льгот сиротам и инвалидам при получении высшего образования.

Стоит заметить, что в российском юридическом дискурсе явление «affirmative action» обычно переводится как «позитивная дискриминация», а не буквально («позитивные воздействия»). В Оксфордском словаре два этих понятия представлены как аналоги и друг от друга не отличаются: меры по предоставлению преимущественных прав или привилегий для определённых групп населения, которые применяются для достижения равенства в должностях, уровне образования, доходах для представителей разных полов, рас, этносов, конфессий, сексуальных ориентаций и т.д. [10].

Необходимо отметить, что использование термина «affirmative action» неоднозначно. Так, если под ним понимать «позитивную дискриминацию», то такой смысл означает «спорные, несправедливые или незаконные» различия [4, С.3]. Вместе с тем понимание его в качестве «позитивных действий» предполагает характер «компенсационного или справедливого распределения благ» [4, С.3]. Думается, что понятие «позитивной дискриминации» имеет больше общего с «обратной дискриминацией», нежели чем с «позитивными действиями». Под обратной дискриминацией понимается предпочтение лиц, принадлежащих к группам, которые, ранее подвергались дискриминации; дискриминирование членов доминирующей группы в пользу меньшинства [10].

Некоторые исследователи особо подчеркивают, что «позитивная дискриминация» не должна включать в себя «неравное обращение с относительно схожими группами в целях доминирования одной из них» [8, С.283]. Также чётко определяется, что позитивные действия не следует путать с поощрением расового, этнического или гендерного «разнообразия» («diversity»), оправдание которого не имеет ничего общего с компенсацией жертвам несправедливости [6].

Однако, в настоящее время наблюдается несовпадение осуществляемой государством правовой политики с теоретическими разработками учёных.

К примеру, сегодня в США генеральные прокуроры штатов утверждают планы по «позитивным действиям» на определённый период. Одной из целей «Affirmative Action Plan 2019–2021», утверждённого генеральным прокурором штата Орегон Э. Ф. Розенблум [5, С.33], является увеличение набора и удержания сотрудников категории «people of color» (буквальный перевод – «цветные люди»).

Ещё одним характерным примером «позитивной дискриминации» следует считать зачисление чернокожих студентов в учебные заведения с традиционным преобладанием белых [7].

В настоящий момент времени особый интерес представляет дело Studentsfor Fair Admissions v. Harvard, по результатам рассмотрения которого

Верховным Судом США может быть принято решение о запрете «позитивной дискриминации» [12]. В таком случае решение Верховного Суда США станет серьёзным вызовом для Администрации Президента Дж.Байдена, так как многие программы ориентированы на оказание помощи в зависимости от расовой принадлежности [9].

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что при осуществлении правовой политики в США допускается нару-

шение теоретически обоснованных положений о позитивном действии (позитивной дискриминации). Механизмы позитивного действия используются в непопулярных целях, в том числе для поощрения этнического и гендерного разнообразия. Тем самым допускается смешение позитивного действия (позитивной дискриминации) как положительной тенденции улучшения положения жертв несправедливости и обратной дискриминации как нарушения прав большинства в пользу групп меньшинств.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека: резолюция ГА ООН 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. / Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: резолюция ГА ООН 2106 (XX) от 21 декабря 1965 г. / Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Принцип законности: современные интерпретации: монография / под ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. А. Малиновского. М.: Проспект, 2019. 168 с.
4. Предупреждение дискриминации. Концепция и практика позитивных действий. Окончательный доклад, представленный Специальным докладчиком г-ном Марком Боссайтом в соответствии с резолюцией 1998/5 Подкомиссии. 17 июня 2002 года. 55 с.
5. Affirmative Action Plan 2019-2021. 64 с. URL: https://www.doj.state.or.us/wpcontent/uploads/2017/11/DOJ_Affirmative_Action_Plan_2019-2021.pdf (дата обращения: 12.11.2021)
6. Allen R. Rawlsian Affirmative Action: Compensatory Justice as Seen from the Original Position. URL: <https://www.bu.edu/wcp/Papers/Soci/SociAlle.htm>
7. Harris A. This Is the End of Affirmative Action. What are we going to do about it? URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/09/the-end-of-affirmative-action/619488/> (дата обращения: 12.11.2021)
8. Hasnas J. Affirmative Action and the New Discrimination: A Reply to Duncan Kennedy. // 54 La. L. Rev, 1993. P. 263–283. URL: <https://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol54/iss2/2> (дата обращения: 12.11.2021)
9. Lemann N. Can Affirmative Action Survive? URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2021/08/02/can-affirmative-action-survive> (дата обращения: 12.11.2021)
10. Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator. URL: https://www.lexico.com/definition/positive_discrimination (дата обращения: 12.11.2021)
11. Pacheco D. Affirmative Action Plan Executive Summary 2021. // University of Colorado Boulder. 21 с.
12. Students for Fair Admissions Petitions SCOTUS to Take Up Suit Against Harvard's Race-Conscious Admissions. URL: <https://www.thecrimson.com/article/2021/2/25/sffa-scotus-petition/> (дата обращения: 12.11.2021)

А. И. Анисимова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Магистратуры
Россия, Саратов*

БЮРОКРАТИЗМ КАК ОСНОВНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся сущности, причин, последствий такого явления как коррупция. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что в российском государстве в условиях коронавирусной пандемии степень коррупционных правонарушений резко возросла, а основной причиной таких последствий выступает бюрократизм.

Ключевые слова: бюрократия, коррупция, коррупционные детерминанты, бюрократизм, механизм государства.

I.A. Anastasiya

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

THE BUREAUCRACY AS THE MAIN DETERMINANT OF CORRUPTION

Abstract. The article discusses some issues related to the essence, causes, consequences of such a phenomenon as corruption. Based on the analysis, it is concluded that in the Russian state in the context of the coronavirus pandemic, the degree of corruption offenses has increased sharply, and the main reason for such consequences is bureaucracy.

Keywords: bureaucracy, corruption, corruption determinants, bureaucracy, the mechanism of the state.

Во все времена коррупция понимается и оценивается как крайне негативное социальное явление, что, в свою очередь, не снижает степень актуальности проводимых по этому вопросу исследований. Тревогу внушает тот факт, что коррупционные преступления как наиболее общественно опасное проявление коррупции характерны для всех сфер человеческой жизнедеятельности, начиная с бытовой коррупции и заканчивая совершением подобных правонарушений со стороны высших должностных лиц публичной власти.

В последние годы указанный вопрос обостряется и фактом распространения коронавирусной пандемии, которая началась в 2019 году и продолжается по сей день. Подобная ситуация поставила перед государством задачи по оперативному реагированию на кризисную ситуацию, что спровоцировало большое количество управленческих решений, принятых в очень короткие сроки. Эти решения выразились и в виде значительного числа издаваемых нормативных правовых актов, и в виде учреждения новых структур публичного порядка, необходимых, как казалось, для решения проблемы наиболее эффективного управления общественной жизнью в условиях COVID-19. Однако не всегда количество означает качество. Доказательством тому выступает текущая обстановка, отражающая неэффективность государственного управления, поскольку вопросы, поставленные государством, в части налаживания жизни в новых условиях так и остаются нерешенными.

Разрастание бюрократического аппарата, несоблюдение правил иерархичности при издании различного рода правовых актов (например, преобладание предписаний исполнительной власти перед актами законодательной ветви), неоднозначность их изложения и, как следствие, невозможность их грамотной реализации на практике не только обычными гражданами, но и правоприменительными органами, порождают, а лучше сказать, демонстрируют в новом свете уже имеющиеся проблемы российской государственности. В этом отношении наиболее ярко проявила себя коррупция, которая исторически следует за развитием Российского государства, а в кризисных условиях проявила себя с новой силой.

Согласно статистическим данным, представленным Генеральной Прокуратурой РФ, в период с января по июль 2021 года

был выявлен максимум коррупционных преступлений за последние восемь лет – 24,5 тыс., а ущерб, причиненный в результате их совершения, составил – 39,4 млрд руб. (для сравнения в 2020 году ущерб составил – 32,4 млрд руб.). Половина коррупционных преступлений связана с взяточничеством (12,1 тыс.), удельный вес которых также возрос фактически на четверть (на 27,4 %). При этом возросло на 26 % и количество коррупционных правонарушений, связанных с мелким взяточничеством (4,3 тыс.) [1].

Подобная обстановка оправдывается фактом признания коррупции в качестве социального института, выполняющего ряд функций, а именно: более оперативное принятие управленческих решений, упрощение административных связей, ослабление бюрократических барьеров, перераспределение различного рода ресурсов в условиях дефицита и др. [2, С. 254; 255]. Институционализация коррупции доказывается наличием следующих фактов: субъекты коррупционных отношений, правила коррупционного поведения, цены на коррупционные услуги, распределение социальных ролей, коррупционная идеология и сленг.

Наличие и развитие коррупции на протяжении всего исторического пути становления государства объясняется теми же причинами, которые характерны в целом и для преступности. Справедливо ради можно отметить, что без нее сложно и даже невозможно представить ни одно общество. Преступность способна выполнять функцию приспособления, или даже регулирования общественных процессов и явлений. В связи с этим коррупция также присуща любому обществу, которое развивается в условиях товарно-денежных отношений, а также бюрократизма. И это кажется оправданным, поскольку только таким образом становится возможными корректировка и оптимизация неэффективной деятельности государственного аппарата.

Не вызывает сомнений тот факт, что бюрократизм как «патология», «болезнь» государственного управления, вызывающая стагнацию последней, выступает основной причиной коррупции. Здесь можно проследить достаточно весомую закономерность взаимосвязи коррупции и бюрократизма: чем ниже эффективность деятельности государственного механизма, а также степень социального контроля за деятельностью государственного аппарата в условиях его забюрократизованности, тем выше вероятность увеличения удельного веса коррупционных правонарушений, которые, по своей сути, совершаются с целью нивелирования недостатков функционирования системы публичной власти.

Иными словами, бюрократизм олицетворяет власть должностного положения, а коррупция – злоупотребление последним в целях извлечения выгоды для соответствующих должностных лиц. Можно выделить наиболее распространенные в условиях российской действительности формы проявления коррупции: «блат» (использование личных контактов для доступа к разным ресурсам, привилегиям и т.п. в собственных или иных корыстных интересах); «кумовство» (покровительство близким лицам в ущерб интересам государства, общества) и др. На практике последняя форма реализуется в виде группы соратников, составляющих основу бюрократических аппаратов и оказывающих помощь их руководителям. Следствием подобной поддержки выступает синергетический эффект управления, ведущий к «идеальной» модели бюрократизма, выраженной в тотальном увеличении пределов и масштабов контроля со стороны органов государственной власти за сферами жизнедеятельности, соединенном с уменьшением степени ответственности.

Стоит отметить, что в целом российское общество (за исключением некоторой прослойки чиновников) выражает желание в части снижения коррупционных проявлений до уровня, который бы оценивался как социально-терпимый. Однако ситуация осложняется природой самой коррупции, ее институциональным характером, взаимосвязью с иными проявлениями социальных отклонений, заинтересованностью обладающих большими управленческими и финансовыми ресурсами лиц в ее сохранении, а также способностью коррупции адаптироваться к существующим барьерам, направленным на борьбу с нею. При этом можно отметить, что в 2020 году выявляемость и раскрываемость правоохранительными органами России коррупционных преступлений составила 95 % [3], что как со стороны практиков, так и со стороны научного сообщества расценивается как положительная тенденция [4, С. 95].

Выводы. Проведенный анализ показал, что для 2021 года характерна высокая динамика преступлений коррупционной направленности, которая была спровоцирована, по нашему мнению, распространением COVID-19. Особая опасность состоит в том, что коррупция приобрела институциональный характер, что означает ее доступ во все сферы жизнедеятельности общества. При этом среди субъектов совершения подобных правонарушений значительное количество принадлежит лицам, занимающим государственные должности. Последнее отражает высокую степень коррумпированности государственного аппарата, основной причиной которой является бюрократизм. Считаем очевидным и необходимым усиление социального контроля за деятельностью органов публичной власти в сфере государственного управления, оптимизацию и наращивание эффективности работы государственных органов, а также постепенное формирование у российского общества чувства нетерпимости к коррупции.

Список литературы:

1. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 28.10.2021).
2. Егорышев С. В., Егорышева Е. А. Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 253–264.
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г. [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 29.10.2021).
4. Грачев Ю. А., Стебенева Е. В., Степанов И. В. Современное состояние коррупционной преступности в России // Закон и право. 2021. № 9. С. 93–98.

УДК 340.12

Ж. А. Бабаева

*Южно-Казахстанский Университет им. М. Ауэзова
Юридический факультет
г. Шымкент, Казахстан*

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается институт правовых ценностей с философско-правовых позиций. Автор отмечает, что современные тенденции развития как мирового сообщества, характеризуются серьезными изменениями во всех областях общественной жизни, в том числе и в правовой. Эти изменения детерминируются господствующим ценностно-мировоззренческим рядом конкретного общества, а в условиях глобализации и стандартизации прослеживаются наиболее общие ценностные и мировоззренческие ориентиры для современного человечества.

Ключевые слова: правовые ценности, терпимость, частная жизнь, дискриминация, права человека, универсальные правовые ценности, фундаментальные правовые ценности.

Z. A. Babayeva

*M. Auezov South Kazakhstan University
Faculty of Law of
Shymkent, Kazakhstan*

LEGAL VALUES AS THE FOUNDATION FOR BUILDING AN EFFECTIVE STATE

Abstract. The article examines the institute of legal values from the philosophical and legal positions. The author notes that modern development trends as a global community are characterized by serious changes in all areas of public life, including the legal one. These changes are determined by the dominant value and worldview of a particular society, and in the conditions of globalization and standardization, the most common value and worldview guidelines for modern humanity are traced.

Keywords: legal values, tolerance, privacy, discrimination, human rights, universal legal values, fundamental legal values.

Одной из актуальных проблем современного философско-правового знания есть вопросы, связанные с природой и спецификой правовых ценностей. Неоднозначность и сложность правовых ценностей как объекта научной

заинтересованности способствует формированию полицентристских и плюралистических концепций, посвященных данной проблематике. Ценности в правоведеии, в отличие от философского, культурологического, социологического и психологического их исследования, заняли ведущее место только со второй половины XX века. На современном этапе развития общественных наук правовые ценности находятся в центре внимания представителей философии права, истории, культурологии, социальной философии и юридической науки (правовые ценности исследуют как отечественные, так и зарубежные ученые по теоретико-историческим, отраслевым и прикладным юридическим наукам) [1, С. 5–6]. Обзор имеющихся по теме исследования научных работ показал, что в ряде обществоведческих и гуманитарных наук имеются основательные научные исследования по феномену ценности. В правоведческих студиях проблема правовых ценностей преимущественно представлена разработками места и роли ценностей в праве и их закрепления в положениях отраслевого права. В то же время философско-правовой аспект проблемы дуальной природы правовых ценностей (правовые ценности-идеалы и правовые ценности-компромиссы) сегодня недостаточно проработан [2, С. 3–6].

Обработка историографических и методологических аспектов понятия «правовые ценности» дало основание утверждать, что «проблемное поле» в этом векторе научного поиска достаточно значительно. Отечественная философия права сегодня являются составной частью современной гуманитаристики. В ее орбиту попадает все больше вопросов, связанных с человеком. Патерналистские и легистские позиции в правоведеии уступают свои позиции в вопросах сущности, назначения правовых феноменов, к которым относятся и правовые ценности. Исследование специфики правовых ценностей в их органической двухрегистровости (правовые ценности-идеалы и правовые ценности-компромиссы) возможно на основе применения современной методологии гуманитарного и философско-правового знания. Основными методологическими подходами, обеспечивающими исследование правовых ценностей в данной работе, является ценностный, антропологический, системный, плюралистический, междисциплинарный [3, С. 56].

Правовые ценности являются результатом взаимодействия большого количества факторов мировоззренческого, идеологического и психологического характера. Правовые ценности конкретного общества конкретизацией и явлением правовой культуры, а правовая культура трактуется как вся совокупность правовых явлений. Правовые ценности как многоаспектное явление возможны в рамках междисциплинарного подхода, предусматривающего отход современного отечественного правоведеии от их исследования в рамках моноотраслевых исследований.

В рамках философско-правового исследования правовых ценностей возможна дифференциация правовых ценностей, являющихся идеалами, т.е. целями, и правовыми ценностями-средствами (ценности, закрепленные в правовых текстах, выполняют технические задачи в структурировании и сбалансированности правовой действительности). С таких позиций правовые ценности-средства и юридические ценности синонимы, поскольку в онтологическом смысле они являются явлениями правовой системы и имеют статус формально закрепленных и обеспеченных государством. Основными чертами ценностей-средств являются их положительный характер, иерархичность, отражение в них баланса социальных и личных интересов и потребностей.

Вопрос дуальной природы правовых ценностей на современном этапе развития человечества связан с универсальностью и фундаментальностью правовых ценностей. В правовой сфере (в ее юридической форме) имеют место не универсальные, а базовые правовые ценности. Последние являются такими ценностями, которые составляют основу права как регулятивного института и по своей онтологической природе близки к моральным и религиозным ценностям. В рамках современного европейского ценностно-правового ряда права человека наделяются статусом универсальной ценности. Права человека как ценность с такой точки зрения должны

быть трансвременными и транстерриториальными, то есть едиными для всего человечества – признаваться всеми правовыми культурами. Но, начиная со второй половины XX века, корректно говорить о фундаментальных правовых ценностях, лежащих в основе правовой регуляции, но имеющих специфически национальное и специфически культурное выражение в пределах отдельно взятого социокультурного контекста [4, С.4; С.6]. Закрепление прав человека в нормативных и декларативных документах является попыткой достижения компромисса между желаемым идеалом и реальным положением вещей, а также попыткой унификации ценностных правовых систем разных обществ. Проблематичность признания прав человека как универсальной правовой ценности современности раскрывается через ценностный ряд таких идеологических доктрин, как либерализм и неоллиберализм; сравнение ценностных систем европейской и неевропейских культур; доминирование в современной политико-экономической жизни процессов глобализации.

Нынешний этап развития казахстанского общества связан с рядом серьезных вызовов. Среди таких вызовов есть и формирование «рабочей» системы ценности в обществе, важной архитектурной составляющей которой является система правовых ценностей. Одной из современных фундаментальных правовых ценностей является ценность человеческой жизни: ценность жизни как физического явления воспринимается по умолчанию, а идеологического обоснования и правового оформления в ряде международных нормативных документов приобретают такие современные модификации базовой правовой ценности жизни, как «частная жизнь» и «человеческое достоинство».

Серьезные мировоззренческие изменения, характерные для европейской культуры второй половины XX ст. – начала XXI вв., акцентируют внимание на формировании и действенности новой системы ценностей, ведущее место в которой занимает толерантность. Современная социокультурная ситуация представляется демократическими преобразованиями, но, к сожалению, сохраняют свою «жизненную силу» и явления, угрожающие реализации прав человека и гражданина. Насущной сегодня потребность в сохранении целостности и многообразия мира, человечества и отдельного человека. Поэтому толерантность в этой социокультурной ситуации является условием выживания человечества. Толерантность сегодня является одной из правовых ценностей европейской культуры, пронизывая все сферы современной жизни человека, и право, как цивилизованный регулятивный механизм должно использовать весь свой арсенал для того, чтобы сделать толерантность действенным и практическим принципом обустройства цивилизованного сообщества [5, С.128].

Современное понимание толерантности подчеркивает ее активно-творческое начало: в политической сфере – свободное выражение своих политических взглядов и предпочтений, возможность мирного сосуществования правящей политической силы и оппозиции; в рамках философского и социологического контекста – это возможность сосуществования (религиозные верования, национальная принадлежность, избранный образ жизни и т.п.); в правовой жизни – отсутствие дискриминаций, равный масштаб правовой и юридической реализации и свободы.

Список литературы:

1. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.
2. Бабенко А. Н. Государство и правовые ценности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 9 (81). С. 3–7.
3. Балаянц М. С. Фундаментальные правовые ценности современного общества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2007. 176 с.
4. Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3–15; № 6. С. 3–17. URL: [https:// http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id](https://http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id) (дата обращения 01.10.2021)
5. Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2011. 200 с.

Д. С. Восковская, А. Н. Лаптырева

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. данная статья посвящена раскрытию важнейшей функции современного российского общества и государства – предупреждению преступности. В работе рассматриваются ключевые определения, а также принципы предупреждения преступлений. Кроме того, раскрывается деятельность государства и общества по охране правопорядка.

Ключевые слова: предупреждение преступности, преступность, профилактика преступности, борьба с преступностью, государственная политика.

D. S. Voskovskaya, A. N. Lapyreva

*Saratov State Law Academy
Law Enforcement Institute
Russia, Saratov*

CRIME PREVENTION: A GENERAL THEORETICAL ASPECT

Abstract. this article is devoted to the disclosure of the most important function of modern Russian society and the state – crime prevention. The paper discusses the key definitions, as well as the principles of crime prevention. In addition, the activities of the state and society for the protection of law and order are disclosed.

Keywords: crime prevention, crime, crime prevention, crime control, public policy.

В настоящее время высокий уровень преступности является одной из актуальных проблем в деятельности государственных органов и должностных лиц каждого государства. Преступность – это социально негативное явление, с которым необходимо бороться и пытаться навести порядок в жизни общества. Одним из признаков демократического государства является поддержание правопорядка, которое осуществляется органами правоохранительной деятельности. Они направлены на предупреждение различных преступлений, контроль за соблюдением законов, выполнение гражданином обязанностей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Но не только государство должно обеспечивать верховенство закона в обществе, потому что предупреждение преступности – это деятельность, как государства, так и общества. Предупреждение преступности должно иметь приоритет над репрессивной политикой государства, так как рациональнее предупредить противозаконное деяние, чем заниматься расследованием и раскрытием уже совершенного.

Прежде всего, целесообразно остановиться на вышеуказанных дефинициях, без которых невозможно проанализировать предотвращение преступности.

Стоит согласиться с В.М. Бородиным, который поясняет: «Мы исходим из того, что борьба с преступностью как социально-политическая категория есть целенаправленная деятельность, проводимая государством и обществом на основе материалистического понимания преступности и ее причины». Рассмотрение концепции борьбы с преступностью в рамках общетеоретических исследований поддерживается предметом исследования теории государства и права.

Государственная политика противодействия преступности – это направления деятельности государства (при участии и поддержке институтов гражданского общества и отдельных граждан), связанная с разработкой и реализацией стратегии и тактики, организованного сопротивления преступности и иным правонарушениям. Данная политика заключается в поиске, разработки и целенаправленном использовании в интересах безопасного развития общества, имеющихся в распоряжении государства и общества ресурсов, наиболее эффективных общесоциальных и специ-

альных превентивных мер. Но политика противодействия преступности – это не только практическая деятельность, но также и лежащая в основе такой деятельности, как идеология. Цель антикриминальной политики – обеспечить максимально возможное ограничение преступности, свести ее к такому уровню, при котором она перестанет быть угрозой национальной безопасности [1, С. 400]. Политика противодействия преступности является единой, что обусловлено общими задачами, целями и принципами, на которых она основывается.

Существует два основных направления реализации политики противодействия преступности: политика предупреждения преступлений, и политика реагирования преступлений.

Далее необходимо раскрыть субъекты и объекты предупредительной деятельности.

Объектом предупреждения преступлений является система социальных отношений, а также взаимосвязей, с помощью которых субъект воздействует в целях предотвращения и сдерживания преступлений.

Объекты предупреждения преступности выделяются в виде явлений и процессов разного порядка. К ним относятся: социально-криминогенное пространство, преступные группы, места сосредоточения лиц с преступным поведением, виктимологическая профилактика преступлений, направленная на коррекцию поведения возможных жертв, причины и обстоятельства уголовных преступлений, касающихся отдельных граждан или общества в целом, а также процессы самовоспроизводства преступности.

Субъектами деятельности по предупреждению преступности являются государственные органы, должностные лица, органы местного самоуправления, общественные организации, различные частные структуры (экономические, благотворительные, образовательные и т.д.) и граждане. Их целью является реализация профилактической деятельности на различных уровнях и в различных масштабах, и которые в связи с этим наделены соответствующими правами и обязанностями, несущие ответственность за их реализацию.

Общество является одним из важнейших субъектов, поскольку именно оно вырабатывает нравственные нормы, регулирующие поведение людей [2, С. 25]. Еще одним субъектом являются государственные структуры, это Министерство внутренних дел РФ, Генеральная прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, Федеральная служба безопасности, судебные органы и др. Бесспорным субъектом предупредительной деятельности также является семья, на которую возложена нравственно-формирующая функция личности. Нельзя не отметить такой субъект предупреждения преступности как личность. Многие люди активно участвуют в борьбе с преступностью, ничего не требуя взамен, так как делают это на общественных началах, без какого-либо принуждения со стороны социума.

Деятельность, связанная с предупреждением преступности, должна соответствовать таким принципам как законность, демократизм, гуманизм и справедливость, научность. Принцип законности – предполагает наличие эффективного механизма правового регулирования общественных отношений; демократизм – связан с прямым и непосредственным участием населения государства в правовой жизни общества, с учетом результатов постоянного мониторинга общественного мнения [3, С. 196]; принцип справедливости и гуманизма означает, что лица, в отношении которых реализуется деятельность по предупреждению преступности, рассматриваются как субъекты взаимодействия с компетентными государственными органами в данной сфере, а не как бесправные объекты, при этом преследуется цель раннего выявления и предупреждения преступности; научность – обширные научные познания в различных сферах жизни общества и государства, позволяющие использовать все возможности для предупреждения преступности.

Подводя итог, следует отметить, что предупреждение преступности следует понимать, как особое направление государственной деятельности. Полная ликвидация или искоренение преступлений является невозможным, но минимизации уровня преступности ее последствий является достижимой целью. Общество, как и государство, вынуждены

мириться с существованием преступности, но, реализуя эффективную деятельность по предупреждению преступлений, они в состоянии контролировать и сдерживать преступность, защищать граждан и интересы общества от преступных посягательств. Политика борьбы с преступностью должна строиться на принципах приоритета предотвращения преступных деяний над репрессивной функцией уголовно-правовой системы.

Список литературы:

1. *Объедкова И. В.* Формирование позитивной ответственности граждан как важная составляющая государственной политики противодействия преступности // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Тамбов, 24–25 мая 2019 года / ответственный редактор В. Ю. Стромов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 399–403.

2. *Антонян Ю. М.* Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3(82). С. 21–29.

3. *Авдеев Р. В.* Предупреждение преступлений / Р. В. Авдеев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6 (134). С. 194–198.

УДК 340

М. В. Герман

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. в статье рассматривается значимый элемент правового сознания личности – правовая психология. Автором анализируются особенности влияния правовой психологии на юридически значимые действия субъектов правоотношений. Исследуется содержательный аспект категории «правовая психология» в теории права, излагаются наиболее авторитетные подходы в юридической науке и практике к дефиниции данной категории.

Ключевые слова: правосознание личности, правовая психология, правовая культура личности, правовая идеология.

M. V. Herman

*Saratov State Law Academy
Law Enforcement Institute
Russia, Saratov*

LEGAL PSYCHOLOGY AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE INDIVIDUAL

Abstract. the article considers a significant element of the legal consciousness of the individual – legal psychology. The author analyzes the peculiarities of the influence of legal psychology on legally significant actions of subjects of legal relations. The article examines the content aspect of the category “legal psychology” in the theory of law, outlines the most authoritative approaches in legal science and practice to the definition of this category.

Keywords: legal consciousness of the individual, legal psychology, legal culture of the individual, legal ideology.

Правовое сознание личности – одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, представлений, убеждений, настроений, эмоций, чувств индивидов, социальных норм или всего общества в целом относительно действующего и желаемого права. Правосознание является важнейшей составляющей права в целом. Наличие этого компонента обеспечивает реализацию права, результат и эффективность правового регулирования: «в самом деле, именно от правосознания зависит реализация права. Иными словами, правовое регулирование и достиже-

ние справедливости как общая для всех отраслей материального и процессуального права целевая установка может изменяться в зависимости от социокультурных особенностей конкретного общества» [1, С. 42–43]. Однако для достижения этого результата также необходимо, чтобы, в свою очередь, все элементы правосознания сосуществовали между собой в гармонии и между ними не возникало бы никаких функциональных сбоев. Но о каких же, собственно, элементах правосознания идет речь?

В советской теории права в качестве основных структурных элементов выделялись правовая идеология – система идей и взглядов о действующем и желаемом праве, и правовая психология – отношение к праву на эмоциональном уровне, чувства, эмоции, переживания по отношению к праву, юридической практике и ко всему, что связано с действием юридических норм. Правовая психология рассматривается как важнейший фактор правового регулирования, так, как она строится на эмоциях, характерной чертой которых является формирование отношения субъекта к предмету, факту, ситуациям, объектам и явлением, на которое, с одной стороны, влияют внутренние потребности и мотивы, а с другой – внешняя ситуация и ее особенности. Важно отметить, что эмоции стихийны и проявляются мгновенно, подсознательно оценочная фактор раздражения, а также отражают личную значимость того или иного объекта, вызвавшего эмоцию, именно поэтому правовая психология, основанная, в основном, на эмоциях может дать наиболее честную оценку праву и процессам, происходящим внутри него: принятие или отмена того или иного закона, практика его применения, действия правоохранительных органов и т.д. Именно поэтому справедливо говорить, что без правовой психологии правовая политика не достигнет своих целей, т.к. «при принятии новых правовых актов необходимо учитывать эмоциональные моменты и настроения в обществе, прогнозировать реакцию на новый закон со стороны населения и профессиональных юристов» [2, С. 65]. По реакции становится ясно, в правильном ли направлении задана правовая политика государства или нет и над какими моментами стоит работать, чтобы устранить те или иные несовершенства законодательства.

Стоит отметить, что такие неотделимые от человеческой сущности явления как воля, эмоции и, в конце концов, психика всегда оказывали и будут оказывать влияние на сознание и мышление личности, формируя его собственную, субъективную оценку социальным и правовым отношениям, мировоззрение и систему ценностей в целом, куда также включается и право. Этим обусловлена прочная связь правосознания и правовой психологии. По мнению Л.И. Петражицкого, нравственные, правовые и эстетические эмоциональные переживания есть виды эмоционально-интеллектуальных сочетаний. Такие переживания ученый называет сознанием долга, обязанностями или этическими переживаниями, этическим сознанием, которое имеет чувственную природу и выступает в качестве причины существования права [3, С. 31].

Понятие правовой психологии не будет полным без упоминания правовой интуиции. Правовая интуиция на уровне подсознания, на уровне генетической

памяти помогает абсолютно любому человеку дифференцировать правовые нормы, дает возможность установить личное, уникальное положение норм права в своей иерархии ценностей, определить, насколько оно будет реализовываться в качестве сдерживающего и дисциплинирующего механизма. Это возможно благодаря тому, что правовая интуиция подразумевает под собой еще и правовую совесть, а также стремление к справедливости. Интуитивно-правовые нормы совершенно справедливо можно отнести к естественному праву, потому что, в отличие от норм позитивного права, они распространяются на всех, доминируют в любой ситуации, ничем и никем не ограничены и, в принципе, существуют вне времени и пространства. Благодаря интуитивному праву формируется так называемый правовой менталитет. Огромное влияние на формирование интуитивного права оказывает так называемый правовой менталитет. Так как это понятие довольно новое, ученые трактуют его по-разному. Первый вариант принадлежит А.В. Муруновой: «правовой менталитет представляет собой устойчивую со-

вокупность правовых предпочтений, которые складываются на уровне коллективного сознания вокруг традиционно признанных социокультурных норм и правовых норм, влияющих на формирование массовых установок» [4, С. 11]. Иной точки зрения придерживается А.И. Овчинников: «правовой менталитет – исторически сложившаяся матрица типизаций юридически значимого поведения и правовых оценок, схема смыслопостроений, определяющая правовое мышление и остающаяся полностью неуловимой в рефлексии» [5, С. 111]. Иную позицию отстаивает Л.Н. Бойко считающая, что правовой менталитет: «есть совокупность относительно устойчивых правовых архетипов, установок, взглядов, воззрений, поведенческих реакций, исторически выработанных определенной этнокультурной (национальной) общностью, заложенных в глубинном уровне правосознания, которые и определяют в целом устоявшийся (привычный) образ правовой реальности» [5, С. 136]. Так или иначе, правовой менталитет предопределяет отношение населения той или иной страны, или же нации к праву, а также позволяет предугадать поведение и реакцию населения

на изменения в правовой сфере, и дает возможным спрогнозировать возможные варианты развития настроения общественных масс. Это, без сомнения, важный элемент правосознания, который напрямую влияет на правотворчество.

Таким образом, Она помогает человеку ориентироваться в праве, давать ему свою субъективную оценку процессам и явлениям современной государственно-правовой действительности. Опираясь на эти мнения, государство понимает примерные общественные настроения, которые подсказывают примерное направление областей права, на которые стоит обратить внимание.

Список литературы:

1. *Хакимов И.А.* Основные элементы структуры правосознания // Труды Института государства и права РАН / 2021. Т 16. № 4. С. 41–53.
2. *Горбатова М.К., Домнина А.В.* Основные теоретические подходы к определению понятия и содержания профессионального правосознания // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 63–67.
3. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское Печатное Дело». Том I. 1909. 318 с.
4. *Мурунова А.В.* Правовой менталитет и правовая идеология как структурные элементы правосознания // История государства и права. 2008. № 6. С. 11–13.
5. *Овчинников А.И.* Правовое мышление: теоретико-методологический анализ: монография / А.И. Овчинников; отв. ред. П.П. Баранов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2003. 344 с.
6. *Бойко Л.Н.* Эффективность права под углом национального правового менталитета // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 134–141.

Д. А. Демчук

*Кузбасский институт ФСИН России
Факультет правоохранительной деятельности
Россия, Новокузнецк*

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВО» В СВЕТЕ НАСТОЯЩЕГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается фундаментальное для юридической науки и философии права понятие «государство». На основании государственно-правовых философских учений ученых-правоведов нескольких столетий выработано понятие «государство», а также проблемы, возникающие при изучении и исследовании данного понятия в настоящее время. В настоящей статье разграничены школы права советского государства и настоящего российского государства и указано влияние различий на понимание понятия «государство».

Ключевые слова: государство, право, государственность, философия права.

D. A. Demchuk

*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service
Faculty of Law Enforcement
Russia, Novokuznetsk*

THE PROBLEM OF STUDYING THE CONCEPT OF «STATE» IN THE LIGHT OF THE PRESENT RUSSIAN STATE

Abstract. The article examines the concept of "state", which is fundamental for legal science and philosophy of law. Based on the state-legal philosophical teachings of legal scholars of several centuries, the concept of «state» has been developed, as well as the problems arising in the study and research of this concept at the present time. This article distinguishes between the schools of law of the Soviet state and the present Russian state and indicates the impact of differences on the understanding of the concept of «state».

Keywords: state, law, statehood, philosophy of law.

Для теории государства и права базовым объектом изучения выступает государство, поэтому важной задачей исследования в сфере совокупности государства и права является понятие и сущность первого.

Вопрос онтологии государства также стар и тем не менее актуален, как и вопрос онтологии права. Онтология государства исследуется как философами, так и правоведами. Сколько существовало философов и правоведов, столько и существует теорий о государстве.

Государство и его сущность нельзя рассматривать в устоявшемся и изученном смысле. Государство изменчиво и видоизменяемо, об этом ниже мы докажем и выделим проблему исследования сущности государства.

Как и право, государство рассматривается в узком и широком смысле. В широком смысле государство – это организованное общество. В узком смысле государство – это организация, управляющая обществом.

Марченко М. Н. выделяет два подхода понимания сущности государства: 1) обще-социальный – государство является средством достижения компромисса в обществе; 2) классовый – государство является аппаратом для подавления угнетенных классов и подчинения их воле правящего класса [1, С. 54].

По нашему мнению, классовый подход невозможен к применению в настоящее время к современным государствам. Как отмечает Н. Н. Крадин, миссия нынешних государств удовлетворение интересов всех слоев общества и избежать противоречия между ними [2, С. 57].

Суть любого государства – осуществление власти. Однако слишком односторонне изучать государство только через власть. Важное значение в онтологии государства является его суверенитет и политический режим.

Суверенитет – это автономность (независимость) государственной власти внутри страны и за ее пределами (на мировой арене) [3, С. 89].

Основной задачей государства является благосостояние граждан, экономическое развитие и благосостояние, экологическая устойчивость, социальная стабильность общества.

Матузов Н. И. определяет следующие аспекты сущности государства: 1) Формальная сторона; 2) содержательная сторона [4, С. 51].

Формальная сторона понимается как организация публичной власти в государстве.

Содержательная сторона характеризует в чьих интересах находится организация публичной власти.

Проанализируем подходы к пониманию онтологии государства иных ученых-правоведов и ученых-философов.

Итальянский мыслитель Никколо Макиавелли первый ввел понятие «государство». Философ рассматривал государство – как власть, организованную особым способом. По его мнению, «государство» как понятие уже, чем понятие «общество», которое включает в себя государство.

Государство – есть гарант справедливости, основных благ. Жизнь граждан как высшая ценность.

Филин А. Ю. отмечает, что в современной науке доминирует трехосная концепция государства, согласной которой государство – это система политической власти, осуществляемой над общностью людей на определенной территории, обеспечиваемую монополию на применение насилия [5, С. 24].

Червонюк В. И. понимает государство как противоречие между классовым и общечеловеческим. По его мнению, государство – есть представитель господствующего класса, но с развитием оно стало обслуживать интересы всего общества [6, С. 86–94] (по нашему мнению, автор подразумевает под этим развитие государства до демократического правового режима).

Романенко В. Б. выделяет два подхода к пониманию сущности государства: 1) классовый; 2) социальный (обще-социальный, общечеловеческий) [7, С. 25–29].

Социальный подход «берет» свое начало из Древней Греции. Социологический подход складывается из того, что государство нужно всему обществу для решения задач, которые общество решить самостоятельно не может (от того подход и имеет приставку «обще-»). К таким задачам относится военная безопасность, правопорядок, правосудие, а также организация земледелия, строительства и содержания.

Сторонники социального подхода считают, что при государстве жизнь общества стала гораздо лучше [8, С. 38–39].

Однако, по нашему мнению, сторонники социального подхода намеренно игнорировали острые социальные вопросы, стоящие перед государством после его образования. Так, благо одних граждан зависело от тяжкого труда иных граждан (рабовладельческий строй Афин).

С течением времени и скоротечности истории среди философов менялось отношение к пониманию государства. «Точкой невозврата», по нашему мнению, стал труд Томаса Гоббса «Левиафан» в которой автор указал на несправедливость государственной политики к бедным слоям населения (например, налоговая политика в отношении аристократии – освобождение аристократов от налогового бремени).

Окончательное изменение в правопонимании случилось благодаря Карлу Марксу, который сформулировал классовый подход. Согласно подходу Карла Маркса, государство нужно не всему обществу, а экономически господствующему классу.

По классовой теории, государство зарождается одновременно со становлением большого экономического неравенства между слоями населения. В классовой теории экономической ситуации в обществе является «базисом», а государство «надстройкой».

Карл Маркс выделяет прямо иную теорию в понимании государства. Как пишет В. Е. Чиркин, в марксовской теории теперь главное в государстве не решение проблем между слоями общества, а борьба между классами как важнейший источник социального развития [9, С. 51].

Одной из проблем сущности государства является ее исследование и концептуальное значение в образовании юристов. Как отмечает А. Л. Бредихин, большинство пониманий сущности государства, тем более советских, сводится к классовости общества (в Советском государстве под государством понималось верховенство пролетариата) [10, С. 185]. В на-

стоящее время Конституцией РФ установлено народовластие и запрет на классовое деление, то есть равенство всех граждан перед законом (ст. ст. 3, 6, 19 Конституции РФ) [11].

Таким образом, как считает А.Л. Бредихин, необходима «ревизия» теории государства в части ее сущности. Уже давно не производится исследований касательно сущности государства, а та теория, которая преподается в юридических ВУЗах является устаревшей и не соответствующая концепции государства российского в настоящее время.

Таким образом, проведя исследование понятия и сущности государства, следует сделать вывод.

Государство – это политическая форма организации общества на определенной территории, обладающая суверенитетом, аппаратом управления и принуждения, которому подчиняется все население страны. Такое определение выделено нами из различных и многогранных подходов к пониманию государства.

Важное значение в понимании сущности государства играет общесоциальность и классовость. Именно эти два подхода определяют все развития теории понимания государства от Древней Греции до марксизма.

Следует выделить проблему исследования сущности государства. Так, ученые-правоведы выделяют, что та сущность государства, которая преподается в юридических ВУЗах, разработана в рамках советской правовой

науки, а, следовательно, потеряла свою актуальность и требует свою доработку в силу истощения значимости классовой в обществе.

Список литературы:

1. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Проспект», 2016. – 640 с.
2. *Крадин Н.Н.* Основные закономерности происхождения государства / Н.Н. Крадин // Краткие сообщения института археологии РАН. – М., 2019. – 198 с.
3. *Упоров А. Г.* Понятие и предмет международного уголовного права / А. Г. Упоров // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 26–29.
4. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2004.
5. *Филин А.Ю.* Понятие государства в политико-правовых исследованиях: отечественная и западная традиции / А.Ю. Филин // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 1. С. 23–30.
6. *Червонюк В.И.* Теория государства и права: учебник. М., 2007.
7. *Романенко В.Б.* Классовое и общечеловеческое в определении понятия и сущности современного государства / В.Б. Романенко // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009. № 1. С. 23–38.
8. *Грачев В.С.* Эволюция представлений о социальной сущности государства в истории политико-правовой мысли / В.С. Грачев // История государства и права. 2007. № 5. С. 38–39.
9. *Чиркин В.Е.* Революционная трансформация сущности, содержания и формы Российского государства (к 100-летию Великого Октября) / В.Е. Чиркин // Государство и право. 2018. № 7. С. 49–56.
10. *Бредихин А.Л.* «Сущность государства»: необходимая или «лишняя» категория в теории государства и права / А.Л. Бредихин // Юристы-Правоведы. 2020. № 3. С. 183–186.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 2020. 4 июля.

УДК 34.028.5

О. В. Драгун

*Кузбасский институт ФСИН России
г. Новокузнецк, Россия*

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена особой роли правотворческой юридической техники в Российской Федерации. Автор обращает внимание на потребность закрепления юридико-технических требований в федеральном законе, а также на противоречия и недостатки, существующие в действующих нормативных правовых актах. Отсутствие федерального закона восполняется множественными экспертизами, которые частично корректируют недостатки, которые становятся очевидными в юридической практике.

Ключевые слова: юридическая техника, правотворчество, противоречия нормативных правовых актов, экспертиза.

O. V. Dragoon

*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Novokuznetsk, Russia*

THE IMPORTANCE OF LAW-MAKING TECHNIQUES FOR LEGAL REGULATION

Abstract: The article is devoted to the special role of law-making legal technology in the Russian Federation. The author draws attention to the need to consolidate the legal and technical requirements in the federal law, as well as to the contradictions and shortcomings existing in the current regulatory legal acts. The absence of a federal law is made up for by multiple examinations, which partially correct the shortcomings that become apparent in legal practice.

Keywords: legal technique, law-making, contradictions of normative legal acts, expertise

Правотворчество в современном государстве обладает специфическими особенностями, требует особого внимания со стороны всех субъектов правового поведения. Оно находит свое отражение прежде всего в деятельности государственных органов Российской Федерации. Однако современное государство делегирует часть своих правотворческих полномочий органам муниципальной власти и организациям. Последние создают локальные нормативные акты. Стоит отметить, что общественные отношения развиваются стремительно быстро, и дабы их урегулировать, необходимо учитывать особенности нормативных правовых актов на разных уровнях и их взаимную связь. Любой нормативный правовой акт должен соответствовать логическим, фактическим, языковым и иным требованиям. Если такого соответствия не будет, то граждане могут неправильно толковать и, соответственно, реализовывать положения нормативного правового акта. Порой законодательные органы разного уровня допускают неточности, правда не всегда это происходит по вине законодателя. Для того чтобы составить нормативный правовой акт необходимо придерживаться правил юридической техники.

Юридическая техника относительно недавно стала самостоятельной наукой и ещё находится в стадии развития. В современной науке выделяют множество видов юридической техники. Но стоит отметить, что наиболее значимым видом остаётся правотворческая техника, так как от соблюдения требований правотворческой техники зависит качество нормативного правового акта, с которого фактически начинается целостный процесс правового регулирования. Правотворчество является отпорной точкой всех последующих процессов. Оно при реализации должно затрагивать интересы граждан, а также задавать параметры, которые корректируют поведения людей, так как это непосредственный процесс по созданию правовых норм [6, С. 138]. А.С. Борисов и П.А. Меркулов отмечают, что правотворчеством называют деятельность, которая создает или неким образом преоб-

разовывает правовые нормы, осуществляемая специально уполномоченными органами власти и непосредственно выражающую волю народа [4, С.66].

Проблемным является вопрос закрепления юридико-технических требований в особом законе, однако, несмотря на важность данного вопроса, обсуждаемость исследователями правовой науки, эта проблема на федеральном уровне пока не решена [3, С.66; 4, С. 67]. Следует отметить, что такой закон весьма проблематично создать, так как любая сфера имеет свои особенности и не всегда единый закон можно применить ко всем отношениям. Нормативные акты создаются для регулирования общественных отношений, поэтому должны иметь понятное содержание для адресатов правовых норм. Стоит отметить, что сам закон не должен содержать нагроможденных конструкций, по смысловой нагрузке быть логичным и соответствовать вышестоящим нормативным правовым актам на всех уровнях. Бывают такие случаи, когда закон перестает функционировать на практике, но при этом остается в законодательстве, загромождая всю систему. В качестве наглядного примера: в 2020 году была объявлена «регуляторная гильотина» устаревших актов, установленная Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. Под уничтожение попали около 1259 актов, которые не только устарели, но и тормозили некоторые общественные отношения [2]. С юридической точки зрения, это грамотный шаг, потому перечень этих законов фактически не работал.

Ещё одной проблемой юридико-технического характера выступает терминологическое разнообразие, которое присуще и конституционному законодательству. В Конституции Российской Федерации отсутствует понятия «регион» для обозначения субъектов Российской Федерации, однако согласно статье 14 Налогового Кодекса РФ, законодатель выделяет региональные налоги, используя базовое понятие «регион», которое содержательно соответствует понятию «субъект». Исходя из принципа терминологического единообразия, как правила, юридической техники желательно либо употребить в налоговом законодательстве термин «налоги субъектов Российской Федерации», либо включить понятие «регион» в конституционное законодательство. Неоднозначно также оценивается включение «Бога» в Конституцию РФ. Изначально было определено, что Российская Федерация является светским государством и никакая религия не может быть государственной, а все религиозные объединения отделены от государства (ст.14 Конституции РФ) [1]. Необходимо учесть, что Российская Федерация является многоконфессиональной страной и ни одна религия не может быть особенной. Однако 14 марта 2020 года принимаются поправки в Конституцию РФ, добавляя в ст. 67 [1] упоминание Бога. Стоит обратить внимание, что понятие «Бог» характерно для православной религии, но в многоконфессиональной России есть и другие религии, которые в светском государстве находятся в равном положении.

Кроме терминологических единообразия и определённости, не всегда соблюдаются законы логики. Последняя позволяет не допустить противоречия в законах, найти верное решение в выстраивании последовательности действий. Однако это не всегда отражается в законодательстве. Так, например статья 20.13 КоАП РФ, где в части 1 говорится, что «стрельба из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил влечет наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией оружия и патронов к нему или без таковой, а самих правил» однако правил стрельбы и обстоятельств которые бы остановили приобретение огнестрельного оружия нет [3, С. 2].

Законодатель, зная юридико-технические правила, пытается сгладить негативные последствия правотворческой неопределённости, всячески старается принимать меры для их пресечения. Законодательством предусмотрены разнообразные экспертизы в процессе создания закона, которые выступают важным средством повышения качества нормативного правового акта. Экспертиз достаточно много: напр., правовая, антикоррупционная, гендерная, психологическая и т.д. [7, С. 102].

Таким образом, создание нормативных правовых актов является важной функцией государства. Однако для того, чтобы создать эффективный действующий закон необходимо придерживаться правил юридической техники. Правотворческая техника обладает особой значимостью, поскольку с этого процесса начинается вся работа других видов юридической деятельности. При создании любого нормативного правового акта обязательно необходимо учитывать требования юридической техники. При этом стоит понимать, что юридико-технические проблемы, дефекты, пробелы и противоречия в нормативных правовых актах будут всегда. Теоретики права предлагают на федеральном уровне создать единый «закон о законах», где будут предусмотрены все правила для создания нормативных правовых актов, но пока данное введение находится в разработке. Следует при этом обратить внимание на особую роль федерального законодательства в нашем государстве. Пока такого федерального закона нет, законодатель активно проводит ряд экспертиз на действенность и выявления нарушений, которые фактически сглаживают отсутствие единых юридико-технических требований к нормативным правовым актам.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020г.) / Официальный интернет – портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата опубликования: 04.07.2020).
2. Постановление Правительства РФ от 13 января 2020 г. № 7 «О признании утратившими силу некоторых актов РСФСР и Российской Федерации и их отдельных положений» / Официальный интернет – портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата опубликования: 30.11.2021)
3. *Апалькова А. А., Букреева А. И.* Логические ошибки в юридической деятельности // Символ науки. № 12. 2016. С. 63–66.
4. *Борис А. С., Меркулов. П. А.* Некоторые проблемы современного правотворчества в России // Социум и власть. – № 3. – 2015. – С. 65–70.
5. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника: учебник. М. : Эксмо, 2008. 512 с.
6. *Косов Д. Л., Белов В. М., Е. А. Попова, Зырянов Е. В.,* Юридическая техника как инструмент подготовки качественных нормативных – правовых актов // Известия Алт.ГУ. Юридические науки. № 6 (104). 2018. С. 31–36.
7. *Черногор Н. Н., Залоило М. В.* Экспертиза в правотворчестве: проблемы правового регулирования и вопросы его совершенствования // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. № 3 (43). 2020. С. 100–108

А. А. Касьянова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. в статье анализируются проблемы, связанные с появлением новых элементов правоотношений в процессе трансформации правоотношений в условиях цифровизации: субъектов (виртуальная личность, виртуальный банк), объектов (сеть Интернет), а также содержания (цифровое право). Дается определение понятие цифровизация; автором отстаивается тезис о том, что необходимо совершенствование законодательства Российской Федерации, которое закрепит субъективные права и юридические обязанности личности в информационной платформе.

Ключевые слова: право, правовые отношения, информатизации, цифровизация, субъект правоотношений, объект правоотношений; содержание правоотношений.

A. A. Kasyanova

*Saratov State Law Academy
Law Enforcement Institute
Russia, Saratov*

TRANSFORMATION OF LEGAL RELATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. the article analyzes the problems associated with the emergence of new elements of legal relations in the process of transformation of legal relations in the conditions of digitalization: subjects (virtual personality, virtual bank), objects (Internet), as well as content (digital law). The definition of digitalization is given; the author defends the thesis that it is necessary to improve the legislation of the Russian Federation, which will consolidate the subjective rights and legal obligations of the individual in the information platform.

Keywords: law, legal relations, informatization, digitalization, subject of legal relations, object of legal relations; content of legal relations.

Развитие информационных технологий затрагивает все сферы общественной жизнедеятельности, что неизбежно приводит к их влиянию на сложившиеся правовые отношения. Так устойчивая структура правоотношений становится неспособной к регулированию проблем между новыми элементами информационно-телекоммуникационных технологий.

Правоведы разделяют структуру правоотношений на следующие элементы: объект (материальные и нематериальные блага), субъект (государство, физические и юридические лица) и содержание (субъективные права и юридические обязанности, а также законные интересы). Именно на эти компоненты информационные технологии вносят свои изменения, придавая им новый формат.

На данный момент не существует официально-закрепленного, общепризнанного понятия слова «цифровизация». Однако его можно рассматривать как социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий удовлетворения информационных потребностей людей, организаций, всех структур общества на основе разработки и использования перспективных информационных технологий [1]. Действительно, это технологический феномен в системе права. Так, как он своим влиянием объединяет все отрасли права, придавая им общие принципы и закономерности, а также определяя единую логику права.

Рассматривая появление новых элементов в структуре правоотношений, стоит выделить, что происходит включение ранее не существовавших форм общения. Так в этот перечень можно добавить взаимоотношения в виртуальном пространстве, где появляется проблема необходимости идентификации «виртуальной» личности, а также реализации прав человека в этой информационной среде.

Право пытается подстраиваться под развитие информационных технологий. Появляются новые отрасли права (информационное право), подотрасли (киберправо, компьютерное право, интернет-право и другое), институты (электронное правосудие), а также нормы. Всё это неизбежно приводит к становлению новых субъектов (виртуальная личность, виртуальный банк) и объектов (сеть Интернет, роботы, искусственный интеллект) права, развитию содержания права (цифровая платформа).

Изучая объект правоотношений, рассмотрим, например, сеть Интернет. Данный объект является информационной площадкой, где возникают, развиваются и прекращаются различные общественные отношения. Для многих данный сервис стал регулятором нравственных и моральных качеств, который формирует систему убеждений и принципов. Интернет организует свою работу на основе установления открытой, децентрализованной системы, где нет центрального органа власти, а есть лишь шаблоны правил. Так каждый человек может выполнить алгоритм действий, чтобы стать пользователем интернета в короткий срок. Это приводит к появлению таких проблем, как кибертерроризм, манипуляции с подписями, банковскими карточками и т.д. Также это приводит к такой проблеме, как установление баланса между необходимыми ограничениями, закреплёнными в Конституции Российской Федерации правами и свободами. Существуют обстоятельства, при которых для поддержания правопорядка необходимо нарушить право на тайную переписку.

В связи с преобладанием динамизма права над его стабильностью происходят существенные изменения во многих сферах жизни. Право становится не только средством, обеспечивающим адаптацию социального бытия к новым условиям, но и объектом воздействий цифровизации, в результате которого в нём появляются новые формы и элементы [2, С. 15]. Ярким примером является виртуальная личность. Появление данного субъекта привело к возникновению не решаемых задач и проблем. Главной, из которых является сложность привлечения к юридической ответственности за незаконные действия в Интернете. Реализуя себя на информационной платформе, виртуальная личность формирует свой личный образ, тем самым придавая себе условности, а именно положение фиктивного субъекта.

Информационные технологии также повлияли на развитие финансовой сферы. Расширение интернет платформы привело к появлению такого субъекта, как виртуальный банк. Вследствие чего были увеличены расчётные отношения между людьми, а именно безналичные платежи. Стали появляться возмездные договора в Сети, которые заменили юридические договорённости относительно сделанных расчётов. Это привело к развитию такой проблемы: сложность регулирования споров в расчётно-финансовых отношениях. По причине того, что в сеть Интернет подключены миллионы субъектов, являющиеся гражданами разных государств и обладающие разной правосубъектностью, вся совокупность их действий в информационной платформе регулируется законодательством разных государств. Так, например, разрешение финансовых споров осуществляется в рамках арбитражного и гражданского судопроизводства на основе общего правила о подсудности по месту нахождения ответчика. Данная проблема указывает о необходимости упорядочивания расчётно-финансовых отношений в сети Интернет.

Появление новых субъектов и объектов правоотношений привело к изменению структуры правоотношений, а именно содержания. Развивается такое понятие, как цифровое право. Стоит согласиться с А. А. Карцхия, что: «процесс цифровизации правового регулирования способствует формированию группы прав, которыми обладает человек как субъект частных и публичных правоотношений» [3, С. 23–28]. Рассматривая данную группу прав, он выделяет в их составе личные неимущественные права, непосредственно связанные с личностью гражданина (право на информацию, право на доступ в Интернет и т.д.). Однако необходимо помнить, что существуют также и обязанности, обусловленные исполнением и соблюдением права, за нарушение которых наступает юридическая ответственность. Например, в соответствии со справкой по результатам анализа судебной практики и спорам, связанным с охраной интеллек-

туальной собственности за 2020 год, Арбитражного суда Вологодской области от 28.05.2021 было рассмотрено 421 дело указанной категории [4].

Подводя итоги вышеизложенному, хотелось бы отметить, что трансформация правоотношений в условиях цифровизации требует юридического закрепления. Так, появление новых субъектов и объектов правоотношений указывает на необходимость развития законодательства РФ, которое выступит правовым регулятором информационно-коммуникационных отношений. Однако он должен быть наполнен сбалансированным содержанием: субъективными правами и юридическими обязанностями, которые в равной мере будут влиять друг на друга.

Список литературы:

1. Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике. [Электронный ресурс] М., 2007. URL: <https://vocabulary.ru/termin/informatizacija.html> (дата обращения 01.11.2021).

2. *Танимов О.В.* Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2. С. 11–18.

3. *Карцхия А.А.* Право в условиях цифровой трансформации // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 23–28.

4. Справка по результатам анализа судебной практики по спорам, связанным с охраной интеллектуальной собственности за 2020 год.

5. Арбитражный суд Вологодской области: [сайт]. URL: <https://vologda.arbitr.ru/node/13693> (дата обращения 05.11.2021).

УДК 349.681

А. В. Левашова

*Дальневосточный федеральный университет
Юридическая школа
Россия, Владивосток*

СОСТОЯНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ

Аннотация. Актуальность нормативно-правового регулирования Искусственного интеллекта (далее – ИИ) в России связана с тем, что ИИ был назван сквозной технологией, которую необходимо развивать в рамках реализации госпрограммы «Цифровая экономика РФ». До июня 2019 г. отсутствовала развитая стратегия ИИ в стране. Лишь в последние годы начали появляться попытки закрепления ИИ на законодательном уровне и определения его возможного правового статуса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, умные технологии, правовое регулирование, национальная стратегия, информационные технологии, ответственность роботов.

A. V. Levashova

*Far Eastern Federal University Law School
Russia, Vladivostok*

THE STATE OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA

Abstract. The relevance of legal regulation of Artificial Intelligence (hereinafter referred to as AI) in Russia is due to the fact that AI was called an end-to-end technology that needs to be developed as part of the implementation of the state program “Digital Economy of the Russian Federation”. Until June 2019, there was no developed AI strategy in the country. Only in recent years have attempts to consolidate AI at the legislative level and determine its possible legal status have begun to appear.

Keywords: artificial intelligence, robot, smart technologies, legal regulation, national strategy, information technology, responsibility of robots.

Что касается сегодняшних реалий в России, то в текущем гражданско-правовом регулировании ИИ, как технология и «умный робот», может выступать, как предмет товаробо-

рота (вещь), источник повышенной опасности (потенциально опасная вещь) [1, С.165]. Следовательно, ответственность за опасные действия такой вещи, несет ее собственник. В зависимости от ситуации ответственность может ложиться и на лицо, создавшее или запрограммировавшее ее. Поэтому, вопрос о наделении его провосубъектностью в рамках существующих реалиях пока невозможен.

В настоящий момент нельзя сказать, в России отсутствует специальное законодательное регулирование, учитывающее специфику применения технологий ИИ. Россия идет по пути развития гибкого законодательства в этой сфере. Конечно, сейчас преобладают стратегические документы, но также дается база для развития и дальнейшего правового регулирования, и функционирования технологий ИИ [2, С.7]. В качестве примера такого документа можно привести: «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [3, С.32].

Повсеместно в документах раскрываются правила (принципы) регулирования данного явления. Упоминается также про создание в будущем юридической основы для развития отношений человека и ИИ. Однако, Проекты законов, предложенные специалистами и учёными этой области, не получили должного развития, и остались так и проектами.

Как и в России, так и в мире особое внимание уделяется принципам регулирования создания и использования ИИ. Можно сказать, что первостепенной задачей законодателя будет:

- 1) обеспечение защиты человека, его прав и основных свобод, а также защиты общества, государства и человечества;
- 2) способствование развитию технического прогресса в области новейших информационных технологий и робототехники в той мере, в которой это не противоречит достижениям первой цели.

Правовыми вопросами, заслуживающим внимание вследствие развития ИИ, будут:

- 1) Определение правового статуса «умных машин»;
 - 2) Кто будет нести ответственность за действия ИИ.
- Анализ существующего состояния ИИ в России, а также, зарубежного опыта, показал предположения, что ближайшие годы высоковероятным является:

- Разработка специализированного российского законодательства, касающихся использования ИИ, например, таких как, правила дорожного движения, учитывающие выход на дороги общего пользования беспилотного автомобильного транспорта. Опыт закрепления таких изменений правил дорожного движения имеется в законодательстве ряда зарубежных стран, таких как Германия, Франция, и сможет являться примером для развития и российского регулирования по данному вопросу;
- Совершенствование законодательства о страховании и создание системы обязательного страхования использования автономных роботов, по аналогии со страхованием автомобилей, когда производители или владельцы должны получать страховое покрытие за ущерб, потенциально причиненный технологиями ИИ.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 32. (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018).

2. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335564/ (дата обращения: 02.11.2021).

3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41.

Н. К. Медетов

*Южно-Казахстанский Университет им. М. Ауэзова
Юридический факультет
г. Шымкент, Казахстан*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается законодательная деятельность под влиянием новейших факторов, сформировавшихся вследствие трансформации социальных явлений в условиях динамичного развития информационных технологий. Предлагаются направления повышения эффективности законодательной деятельности в условиях высокой динамики развития информационных технологий.

Ключевые слова: законодательная деятельность, законотворчество, информационные технологии, информационное общество.

N. K. Medetov

*M. Auezov South Kazakhstan University
Faculty of Law
Shymkent, Kazakhstan*

LEGISLATIVE ACTIVITY IN THE CONDITIONS DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Abstract. The article examines legislative activity under the influence of the latest factors formed as a result of the transformation of social phenomena in the conditions of the dynamic development of information technologies. The directions of increasing the effectiveness of legislative activity in the conditions of high dynamics of information technology development are proposed.

Keywords: legislative activity, lawmaking, information technology, information society.

Законодательная деятельность является видом активности уполномоченных субъектов, направленная на принятие закона как нормативного акта высшей юридической силы. Законодательная деятельность является формой реализации функций государства. Среди ключевых ее признаков выделены следующие: деятельность – вид активности, составляющими элементами и предметом исследования которого являются применены средства и методы в их влиянии на качественные характеристики закона. По этому признаку законодательная деятельность отличается от законодательного процесса, который является целостным явлением в последовательности событий, при соблюдении которых письменный текст приобретает форму закона; специальный субъект – должностные лица органов государственной власти, уполномоченные в отдельных актах законодательной деятельности. Этот признак отличает деятельность от законотворчества как активности любого лица в направлении создания текста законопроекта. Кроме того, по перечню полномочий специального субъекта деятельность имеет более широкие границы, охватывают не только этапы составления текста и формирования содержания, но и категории реализации законодательной инициативы, формирование концепции закона и вступления в силу [1, С.23].

Закон является основным источником права, нормативно-правовым актом высшей юридической силы. Однако это определение характеризует форму закона, которую приобретает письменный текст вследствие соблюдения последовательности процедур законодательного процесса. Как искусственное явление закон наделен функциональными возможностями. Структурно современный закон преимущественно отражает сложную содержательную конструкцию институтов, норм, сроков, образующих логическую последовательность требований к правилам поведения в широком кругу правоотношений. Качественные же характеристики закона воплощены в его содержании, разработка которого определяет концепцию законопроекта – содержит цель и способы ее достижения и инструменты законодательной техники

в формировании норм. Важным является осознание закона как элемента общей системы законодательства, формирует требование к гармоничному соответствию его положений другим нормативным актам. Законодательная деятельность в своих составляющих направлена на учет: социального положения, на смену которого направлено акт, и способов его достижения; установление полного круга правоотношений этой сферы; комплексной оценки системы законодательства и требования родственных по сфере отношений актов; соблюдение структурных требований к закону и соответствие формулировки норм требованиям законодательной техники [2, С. 122].

Собственно, закон стал возможным благодаря такой информационной технологии, как письменность. Независимо от уровня развития информационных технологий, они всегда сказываются на эффективности законодательной деятельности непосредственно и косвенно, осуществляя:

- прямое воздействие – информационные технологии и их продукты как объекты правового регулирования; использование функциональных возможностей информационных технологий для повышения эффективности законодательной деятельности;

- опосредованное влияние – через обеспечение динамики усложнения структуры общественной организации определяют объем информации, подлежащей анализу и учету при разработке проекта нормативного акта, количество, объем содержания и динамики накопления нормативных актов в системе законодательства, а также юридической терминологической базы; из-за сжатия времени обмена данными определяют нагрузки задач во времени и способность к оценке качественных характеристик явлений, количество и динамику возникновения новых объектов правового регулирования, а также изменения условий существования правовой нормы, влияет на ее актуальность во времени [3, С. 7].

Эффективной является законодательная деятельность, охватывающая комплекс способов, приемов, методов, результатом применения которых является создание качественного закона.

Качество закона следует оценивать в двоединности его юридических и социальных свойств. Указанные категории связаны причинно-следственной связью, где только при условии обеспечения юридической качестве нормативного акта, заключается в его способности к созданию правила поведения в реальной жизни исполнителей, становится возможным наступления социального результата.

Основным методом законодательной деятельности является соблюдение последовательности действий в создании закона: цель – способ ее достижения – средство – инструмент; при оценке проекту нормативного акта в обратном направлении: норма – необходимые средства – спровоцированные ею события – изменен общественное положение. Практическим недостатком метода является двойственность толкования содержания его элементов. Для решения проблемы предложено сужение их дефиниций в главных отличий, где цель – устойчивое состояние, в котором социальная группа имеет оказаться; способ – динамическое явление, направленное на создание социального положения; средство – ресурсы, необходимые для реализации способа; инструменты – непосредственная норма права, направленная на создание правила поведения, в результате которого реализуется способ.

Вывод: коммуникации между людьми, в пространстве находятся в отдаленных локациях, в реальное время создало гипердинамическую модель возникновения инноваций, новейших практик социального взаимодействия, обусловило изменения существующих правоотношений. Это сжало временное измерение появления новых и изменения существующих объектов права. Законодательная деятельность теперь реализуется в условиях, когда увеличилось количество новых объектов, требующих регулирования, возрос объем информации с анализа, и на выполнение этих процессов сократилось время для принятия решения. Следствием этих явлений стало снижение качества законов и эффективности законодательной деятельности. Ошибки в законодательной технике, правовые коллизии, неучет объективных условий,

в которых исполнитель должен применять норму, или ошибки относительно причин, провоцирующих проблему, на устранение которой направлено проект закона, – большинство этих ошибок имеет объективную причину динамику развития информационных технологий и неучет их опосредованного влияния на эффективность законодательной деятельности.

Предложениями по совершенствованию законодательной деятельности в новых условиях могут быть:

– ограничение права законодательной инициативы путем разработки стратегий законотворческой деятельности, соответствующие исключительно плану реформ. Это уменьшит количество заранее недопустимых законодательных инициатив, которые отвлекают парламентариев и заставляют затрачивать значительную часть рабочего времени на анализ и разработку проектов законов, не имеющих политической или компетентной перспективы принятия. Сэкономленное время направлять на тщательное исследование запланированных проектов;

– формализация специализации законотворчества как отдельной специальности юридической практики, что позволит систематизировать доступ компетентных экспертов в законодательной деятельности;

– включение дополнительного элемента законодательного процесса – исследования и выявления истинных причин проблемы, требующей решения инструментами законодательного регулирования;

– структурирование процесса выявления новых объектов, требующих правового регулирования, оценки их качественных характеристик и последствий, поможет получить формализованные данные о срочности рассмотрения этого вопроса;

– определение показателей эффективности реализации закона, что позволит совершенствовать эффективность законодательной деятельности на эмпирическом уровне из-за накопления и обобщения опыта проб и ошибок его реализации на практике;

– разработка стратегии применения искусственного интеллекта в государственной сфере, определение этических принципов и стандартов его использования, плана принятия необходимых нормативных актов;

– внедрение информационных технологий, таких, основанные на искусственном интеллекте, в сферу государственного регулирования, уменьшит количество нормативных актов и будет способствовать упрощению системы законодательства;

– расширение границ применения программных средств, направленных на повышение эффективности законодательной деятельности.

Список литературы:

1. Турецкий Н.Н. Законодательная ветвь власти Казахстана: монография. 3-е изд. Алматы: Норма-К, 2019. 359 с.
2. Кариев А. Законодательная власть в Республике Казахстан// Қазақ өркениеті. 2019. № 3 (80). С. 120–125.
3. Малиновский В. Законодательная власть: этапы эволюции: Книжная полка с изданиями о Парламенте РК пополнилась интересной работой//Казахстанская правда. 2011. 12 ноября. С. 7.

УДК 340.13

А. С. Никушина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ БЛАНКЕТНЫХ НОРМ В ТЕОРИИ ПРАВА

Аннотация. В юридической литературе более или менее тщательному анализу подвергнуты многие виды правовых норм. Однако, по мнению автора, бланкетные нормы права незаслуженно оказались на периферии изучения научного сообщества. Поэтому видится актуальным начать работу в данном направлении с дефинирования данного понятия.

Ключевые слова: норма права, дефиниция, бланкетность, внутриотраслевые и межотраслевые связи.

A. S. Nikushina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

DEFINITION OF BLANK NORMS IN THE THEORY OF LAW

Abstract. In the legal literature, many types of legal norms have been subjected to more or less thorough analysis. However, according to the author, the blank norms of law unfairly appeared on the periphery of the study of the scientific community. Therefore, it seems relevant to start working in this direction with the definition of this concept.

Keywords: rule of law, definition, formality, intra-industry and inter-industry relations.

Правовые нормы традиционно являются объектом исследования научного сообщества. Интерес со стороны научной общественности в первую очередь обусловлен их местом и ролью в механизме правового регулирования. Несмотря на это, в литературе сложился определенный дисбаланс. Он связан с тем, что не все виды норм права в равной степени изучены в общетеоретической и отраслевой литературе.

Следует признать, что бланкетные нормы права совершенно незаслуженно оказались вне изучения многих правоведов несмотря на то, что их использование – важный прием юридической техники, который применяется законодателем в правотворчестве. Такой вывод основывается на изучении как научной, так и учебной литературы.

В настоящий момент бланкетные нормы так и не стали предметом общетеоретического монографического исследования, поэтому на наш взгляд, уместно было бы начать работу в этом направлении с соответствующего дефинирования. Для этого необходимо выявить и предложить характеристику признаков данного явления.

Для начала, необходимо отметить, что бланкетная норма, являясь разновидностью правовых норм, обладает всеми признаками, свойственными норме права, а, следовательно, познание бланкетных норм должно осуществляться в общем контексте с нормами права, в целом, и другими его разновидностями [1, С. 11].

Не менее важным признаком выступает тот факт, что бланкетные нормы права являются отражением бланкетности права, которая в свою очередь выступает в качестве важной характеристики права нашей страны. М.Е. Труфановым было отмечено, что посредством термина «бланкетность» устанавливаются как внутриотраслевые, так и межотраслевые связи [2, С. 23].

Бланкетные нормы права характеризуют действие бланкетного метода правового регулирования, который позволяет установить межотраслевые связи. Задействование бланкетных норм права в рамках метода бланкетного регулирования дает возможность качественно решить задачу межотраслевого регулирования. Такое положение требует дополнительного всестороннего познания бланкетных норм права.

Расширение практики применения метода бланкетного нормативного правового регулирования в отечественном праве

во многом предопределено использованием общепризнанных принципов и норм международного права, например, при регулировании трудовых отношений. На эту особенность обращает свое внимание М. В. Казакова [3, С. 86].

Помимо этого, бланкетная норма показывает связь, которая существует между различными нормативными правовыми актами. В этой связи можно говорить об их потенциале как важного инструмента правовых коммуникаций.

Роль коммуникативных характеристик права, по мнению Р. А. Ромашова, в дальнейшем будет всемерно возрастать [4, С. 290].

Именно посредством бланкетных норм права выстраиваются важные коммуникационные каналы связи между нормативными правовыми актами одинаковой и различной юридической силы. При этом такие связи наиболее очевидны на примерах установления уголовной и административной ответственности. При этом не следует исключать такую связь и между нормами, которые регулируют положительные общественные отношения.

Как отмечалось нами ранее, бланкетная норма права является собой специфическое технико-юридическое средство правового регулирования, которое позволяет компактно изложить государственно-властные веления в соответствующих формах права, обеспечив экономию текста, избежать повторов. Не отрицая очевидный факт, что бланкетные нормы объективно усложняют правовое регулирование, следует признать необходимость и оправданность их широкого использования. Систематизация действующего законодательства в правовых информационных системах («КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и др.) дает возможность преодолеть сложности, возникающие в ходе реализации бланкетных норм права.

Бланкетная норма права ориентирована на реализацию сложных правовых предписаний и обладает специфической структурой (включает как минимум два компонента – исходную норму и бланкетный адрес, который указывает на иные источники права). При этом нельзя допускать ошибочного восприятия бланкетной нормы исключительно как внешнего дополнения исходной нормы, поскольку она является неотъемлемой частью правила поведения, в котором содержится указание не только на место нахождения определенной недостающей единицы, но и на форму, условия и результаты ее реализации. В этой связи бланкетная норма права консолидирует собой отдельные фрагменты нормативного правового регулирования в единое правило поведения. В силу этой связи снижается неопределенность и устраняется неоднозначность в используемых актах.

В завершение хотелось бы отметить, что бланкетные нормы права являются действенным инструментом предупреждения противоречий и коллизий в правовой системе [5, С. 36]. Не отрицая очевидного факта, что бланкетные нормы в ряде случаев провоцируют собой юридические ошибки, это следует рассматривать как своеобразные издержки, требующие повышенной квалификации от субъектов права. В этой связи следует повысить их подготовленность, но не отказываться от данного важного средства правового регулирования [6, С. 135].

Названные специфические признаки позволяют предложить следующее определение понятия: бланкетная норма права представляет собой разновидность правовой нормы, фиксирующей связи с другими правовыми нормами, конкретизирующей принципы правовой экономики и реализующейся совместно с иными формами права.

Список литературы:

1. *Боровиков Н. С.* Бланкетные нормы в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.
2. *Труфанов М. Е.* Бланкетность норм административного права: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2015. 60 с.
3. *Казакова М. В.* Правовая природа международных договоров, содержащих принципы и нормы трудового права // Российское правосудие. 2016. № 6 (122). 285 с.
4. *Ромашов Р. А.* Коллизионность правовой нормативности и правоприменительной практики // Юридическая техника: ежегодник. 2017. № 11: Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления. 762 с.

5. *Власенко Н. А.* Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 99 с.

6. *Михайлов А. Е.* Дифференциация правового и индивидуального регулирования правоотношений: носеологический аспект // Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. В. Н. Власенко. – М., 2021. 470 с.

УДК 340.137

С. В. Силин, С. В. Кабаков

*Российский государственный университет правосудия
Уральский филиал
Россия, Челябинск*

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕЦЕПЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ НОРМ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация. в статье анализируется перспектива рецепции зарубежных правовых норм в российское процессуальное право. Производится анализ и ограничение относительно близких по своему содержанию понятий: конвергенция, аккультурация, трансплантация. Делается вывод о положительных и отрицательных сторонах рецепции зарубежных правовых институтов.

Ключевые слова: рецепция, трансплантация, конвергенция, аккультурация, гармонизация, унификация, интеграция.

S. V. Silin, S. V. Kabakov

*Russian State University of Justice
Ural Branch
Russia, Chelyabinsk*

PROSPECTS FOR THE RECEPTION OF FOREIGN NORMS IN DOMESTIC LAW

Abstract: the article analyzes the perspective of the reception of foreign legal norms in Russian procedural law. The analysis and differentiation of relatively similar concepts in terms of their content is carried out: convergence, acculturation, transplantation. The conclusion is made about the positive and negative sides of the reception of foreign legal institutions.

Keywords: reception, transplantation, convergence, acculturation, harmonization, unification, integration.

С прекращением существования СССР, а вместе с этим и переход от командной к рыночной экономике, как следствие, существенным изменениям были подвержены все сферы жизни общества в том числе и право. В то время, как большинство правовых систем развитых стран прошли путь становления в несколько столетий, российское современное право стоит считать относительно молодым. По сему как отмечают правоведы нашему национальному праву необходимо пройти многовековой зарубежный опыт за несколько десятилетий. В связи с этим остаётся актуальным вопрос о перспективе рецепции зарубежных правовых норм в национальное законодательство в целом. Российский законодатель имеет богатый опыт в рецепции иностранного права, так профессор Кристофер Осаке приводит следующие результаты исследований «корней» российского гражданского кодекса. По его мнению, российский кодекс на 80 % является немецким, на 13 % – французским, на 1 % – швейцарским и датским (по 0.5 % соответственно), на 3 % – советским, на 2 % – англо-американским.

Однако остаётся открытым вопрос, насколько целесообразно использовать рецепцию на современном этапе развития российского законодательства. В одном ряду с рецепцией стоят такие термины, как конвергенция, аккультурация, трансплантация, гармонизация, унификация и интеграция. Необходимо разграничивать перечисленные понятия.

Третьякова О. Д. понимает под юридической конвергенцией – как взаимодействие элементов правовой системы между собой, так и с правом, иными регуляторами правовых отношений, а также между системами права отдельных го-

сударств, обуславливающееся взаимопроникновением, возрастанием числа связей между элементами сближающихся объектов и мерой согласованности влияния этих элементов на общественные отношения.

В то же время Ю. С. Безбородов указывает на то, что термин конвергенция обширнее термина сближение и включает в себя не только правосоздающие процессы, но и иные компоненты (например, изменение правосознания).

Что же касается рецепции права. Одни авторы понимают её как заимствование «заимствование содержания и некоторых форм из правовых систем других стран или из их прошлого опыта» [1, С. 220]. Другие – как ассимиляцию «...каким-либо определённым обществом чужих культурных моделей» [2, С. 3–4]. Третьи – как восприятие той или иной страной элементов правовой культуры другой страны [3, С. 293]. И, наконец, «восстановление действия того нормативного, идейно-теоретического содержания римского права, которое оказалось пригодным для регулирования новых отношений более высокой степени общественного развития» [4, С. 208].

К. Л. Брановицкий отождествляет рецепцию и трансплантацию права, говоря, что под рецепцией (трансплантацией) права следовало бы подразумевать модель взаимодействия двух государств, в которых действуют определённые органы, представляющие итогом своей деятельности, заимствования права [5, С. 620].

В свою очередь В. А. Рыбаков указывает на следующие отличия: термин «Трансплантация» широко используется в международном праве и означает перенос его норм во внутригосударственное право. Так он понимается и в учебной, и в научной, и в справочной литературе по международному праву, теории государства и права. Термин устоявшийся, общепризнанный. Поэтому в рамках правовой доктрины едва ли, верно, использовать термины «рецепция» и «трансплантация» как синонимы, обозначающие различные правовые явления.

Бехруз Х. рассматривает рецепцию, как более широкое понятие по отношению к аккультурации: фрагментарное заимствование является по своей сути аккультурацией, а глобальное, происходящее в универсальном масштабе – рецепцией.

Таким образом конвергенция с точки зрения классификации является самым широким понятием и включает в себя иные приведенные понятия. По этой причине считаем необходимым определить место рецепции по отношению к конвергенции.

Ю. С. Безбородова указывает на унификацию гармонизацию и интеграцию, как на методы правовой конвергенции, имеющие общее ядро: все это правотворческие и чаще всего правообеспечительные процессы, направленные на создание новых норм права. Следует полагать, что государства, исходя из существующих международных норм, проявят правотворческую активность во исполнение своих международных обязательств. Основное же отличие между ними следует искать в разной характеристике конечных продуктов – новых норм: похожих (при гармонизации), единообразных (при унификации) или единых (при интеграции) [6, С. 32].

М. И. Бару указывает, что унификация есть «устранение различий в регулировании сходных отношений» [7, С. 45]. В качестве инструмента унификации можно привести трансплантацию, модульный закон для нескольких государств.

Бахин С. В. говорит, что гармонизация права представляет собой деятельность в процессе, которой происходит выработка правовых норм, единообразно регулирующих определенные виды общественных отношений.

Ю. С. Безбородов пишет, что интеграция – это одновременно процесс и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные международные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями, наделенными минимальными полномочиями по принятию решений либо в одной или нескольких определенных областях, либо во всех областях, которые входят в компетенцию базовых единиц. Примером могут выступать межгосударственные органы Европейского Союза и них акты.

Исходя из такого понимания методов правовой конвергенции рецепцию права можно понимать, как правовой ин-

струмент метода гармонизации, поскольку институт рецепции с целью регулирования единообразных правоотношений с особенностями правовой системы реципиента.

На наш взгляд правильно говорить о рецепции, как о процессе заимствования правовых институтов одной правовой системы у другой. Такой подход отличает рецепцию от трансплантации; не ограничивает трансплантацию рамками конкретной временной эпохи; а также определяет место рецепции в рамках правовой конвергенции.

Необходимо обратить внимание, что рецепция имеет свои достоинства и недостатки перед иными, рассмотренными ранее инструментами. К достоинствам можно отнести: свободу выбора правовой системы донора. Так страна реципиент вольна в выборе реципируемого института. Также страна свободна в выборе формы рецепции: первичной или вторичной. Бесспорным плюсом рецепции является её относительная простота, например, при конструировании модульного закона странам участникам необходимо условиться о структуре закона, о его содержании, при рецепции реципиенту необходимо лишь договориться о форме рецепции. Практическая ценность инструмента рецепции права заключается в том, что он не требует согласования воли нескольких государств, привлечения международных организаций, позволяя при необходимости сблизить правовые системы.

Стоит отметить и ряд существенных недостатков рецепции. Одним из таких является вероятность того, что трансплантат (правовой институт) не приживется в организме страны-реципиента. Национальное право страны донора складывается под множеством факторов и является взаимосвязанной системой, по этим же причинам изъятие отдельного института не всегда способствует благоприятному развитию правовой системы реципиента. Также необходимо понимать, что рецепция ограничена рамками двух правовых систем, страны донора и страны реципиента. Такая ограниченность позволяет с одной стороны сохранить положительные черты реципируемого института, с другой стороны ограничивает его понимание рамками существования в конкретной стране.

Можно сказать, что с учётом экономической, социальной и политической ситуации в России рецепция иностранных правовых институтов выглядит наиболее удобным способом развития национального права. С учётом экономических, исторических, этнических и культурных особенностей России взвешенный и обоснованный процесс рецепции института приведет к модернизации процессуального права, к его обогащению. Однако, поспешное заимствование без учёта указанных особенностей может усугубить существующие недостатки российской правовой системы.

Список литературы:

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. М. 2000. 528 с.
2. Томсинов В. А. О сущности явления, называемого рецепцией римского права // Вестн. Мос. ун-та. Сер. 11: Право. 1998. № 4. С. 3–17.
3. Марченко М. Н. Общая теория государства и права: Акад. курс: В 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. Т. 2. 518 с.
4. Косарев А. И. Римское частное право М., 1998. 253 с.
5. Брановицкий К. Л. Правовые инструменты сближения национальных правовых систем на примере гражданского процессуального права // Правоведение. 2018. № 4. С. 606–624.
6. Безбородов Ю. С. Методы международно-правовой конвергенции // Российский юридический журнал. 2015. С. 30–37.
7. Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 45–50.

Д. В. Федорченко

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт публичного права и управления
Россия, Москва*

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Аннотация. В статье автором поднимается проблема соотношения таких понятий как: право и справедливость, право и свобода, право и мораль. В данной статье раскрывается сущность каждого из понятий, автором анализируются существующие проблемы общества, рассматривается как взаимосвязь, так и различия данных понятий.

Ключевые слова: право, справедливость, свобода, мораль, человек.

D. V. Fedorchenko

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of public law and management
Russia, Moscow*

PROBLEMS OF RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND OTHER SOCIAL EVENTS

Abstract. In the article the author raises the problem of the correlation of such concepts as: law and justice, law and freedom, law and morality. This article reveals the essence of each of the concepts, the author analyzes the existing problems of society, considers both the relationship and the differences between these concepts.

Keywords: law, justice, freedom, morality, human.

Издrevле считается, что человек – существо социальное. Для существования в обществе, в окружении таких же индивидов, обязательно должны присутствовать некие регуляторы человеческого поведения. Жизнь каждого индивида невозможна без такого термина как «право». Право – это то, что окружает нас отовсюду, хоть и оно и является чем-то неосознанным. Но, думается, тяжело найти человека, который никогда не слышал о таких понятиях как: справедливость, мораль, свобода.

XXI считается веком новых технологий, он подарил человечеству множество новых возможностей. Но актуальными по сей день являются такие проблемы как: соотношение права и справедливости, права и морали, права и свободы. Данные проблемы существуют в обществе на протяжении нескольких веков, о них задумывались многие философы и ученые разных эпох и веков. Сложность и неоднозначность данных проблем состоит в природе самих понятий. Так, право – это то, без чего невозможно существование человека, хоть само по себе оно затруднительно для понимания, в настоящее время юридическая наука не выработала единого термина для его понимания. Большинство ученых сегодня склоняются к широкой трактовке: право не является тождественным с законами, кроме того, оно имеет тесную связь с нравственными, политическими и иными правоотношениями. Тогда как, справедливость, мораль, свобода – понятия, которые знакомы всем, они едины для всех людей, но так или иначе, каждое из этих понятий может трактоваться абсолютно по-разному. Это может быть обусловлено, жизненными привычками, обычаями или правилами общества. Но, так или иначе, право, справедливость, мораль, свобода – те понятия, без которых невозможно существование в обществе. Именно этим и обусловлена актуальность изучения проблемы соотношений данных понятий и в настоящее время.

Право и справедливость. Так, проблема справедливости права актуальна уже не один век. Ведь ни для кого не секрет, что право рассматривается как воплощение справедливости или же, иными словами, основная цель права – это быть справедливым для всех. Идеал всех – это справедливость права, ведь ни один закон, ни одна норма права не должны быть

несправедливыми. Но проблема заключается как раз-таки в трактовке понятия «справедливое право», если говорить точнее, то в самом понятии «справедливость». Казалось бы, это понятие знает каждый, но неспроста это понятие вызвало немало споров еще издревле. Так, о справедливости говорили в своих трудах еще Платон, Аристотель, Цицерон. Например, Цицерон в своем труде «О законах» писал: «Кара да соответствует преступлению! – дабы каждый нес наказание в соответствии со своим проступком: чтобы самоуправство каралось утратой гражданских прав, алчность – пеней, искаительство почетных должностей – дурной славой» [8, С. 148]. С развитием человечества появлялись новые подходы к пониманию: так, одни со справедливостью связывали изречение: «Око за око, зуб за зуб». Гегель же писал, что «Справедливость касается уважения мною прав других людей» [1, С. 421]. Со временем человечество развивалось в разных сферах, и ввиду этого многие ученые стали придерживаться позиции, согласно которой справедливость – категория неюридическая, она выходит за рамки права. Но были и такие, кто не соглашался с этим. Например, В. С. Нерсисянц утверждал: «Справедливость – категория и характеристика правовая, а не внеправовая. Более того, только право и справедливо» [7, С. 28]. Нужно сделать оговорку на то, что В. С. Нерсисянц считал, право – это высшая ценность, оно существует объективно, независимо от воли законодателя, это форма бытия свободы. Так или иначе, справедливость – это категория универсальная, которая не может принадлежать одному лишь праву, не зря ведь существует такое понятие как «социальная справедливость». Думается, что справедливость нельзя отнести к чисто нравственным категориям или, наоборот, юридическим. Если же говорить о справедливости права, то здесь стоит сказать о том, что это исключение произвола, возвышения одних за счёт других. Таким образом, право и справедливость – два понятия, которые неразрывно связаны друг с другом, справедливость существенна для права, право не может быть несправедливым. Невозможно представить человеческое общество без права, а право невозможно представить без своего идеала – справедливости, к которому всегда будет оно стремиться. Общество динамично в своем развитии, новые критерии справедливости будут вырабатываться всегда. Судьба права – стремиться к этим критериям и отражать их в себе.

Право и свобода. Еще Ш. Монтескье в своих трудах писал: «Свобода есть право делать то, что дозволено законами». Какая же взаимосвязь у права и свободы? Каждый из этих двух феноменов не может существовать отдельно. Ведь свобода без права – это прямой путь к вседозволенности и анархии. Закон – официальное, публичное оформление пределов, возможностей, некая мера свободы. Только таким образом общество может двигаться вперед и прогрессировать. Ведь именно на сущностном свойстве права, быть мерой свободы и несвободы, построены все юридически кодексы. Но говорить о том, что свобода порождает право тоже нельзя. Существование свободы вне права возможно. Но в отсутствии права свобода человека может посягнуть на свободу другого человека. И. А. Ильин в связи с этим высказался довольно категорично: «Свобода от закона есть анархия, бесправие и гибель. Человек может быть свободным под законом и через закон» [3, С. 254]. Свобода, называемая юридической и признаваемая, выражена в государстве в форме законов. Недаром одним из постулатов К. Маркса было: «Законы не являются репрессивными мерами против свободы <...> Напротив, законы – это ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, независимое от произвола отдельного индивида существование. Свод законов есть Библия свободы народа» [5, С. 62]. Многие ученые сходятся на мнении, что право следует рассматривать как меру свободы и несвободы, именно через право свобода приобретает свои разумные человеческие границы, именно право устанавливает пределы допустимого и возможного поведения человека. [4, С. 45]. Таким образом, думается, что Ш. Монтескье был абсолютно прав, когда писал: «Разрешите человеку делать все, что он захочет, и ты погубишь его» [6, С. 242].

Право и мораль. Две вещи, которые обязаны присутствовать в обществе людей, их взаимосвязь определяется боль-

шим количеством моральных и юридических правил, которые возникли в обществе в силу их объективной потребности и их необходимости. Иногда мораль и право сливаются, например, в заповедях: не убивай, не кради. Их взаимосвязь можно объяснить через их природу – оба понятия имеют общие принципы: гуманизм, социальная справедливость, равенство. Кроме того, у них единый как предмет регулирования – отношения, возникающие между субъектами в обществе, так и цели и задачи – урегулирование и упорядочение общественных отношений, достижение благополучия и благоразумия в отношениях между людьми. При этом нормы права – это правила, установленные властью в государстве, закреплённые в соответствующих правовых актах. Моральные нормы же содержатся в сознании людей, отражают нравственный уровень общества, отражают общественную оценку действий людей и всего того, что происходит в обществе. Артур Шопенгауэр отмечал: «Проповедовать мораль легко, обосновать ее трудно» [8, С. 421]. Так, чтобы оценить поступки людей с позиций права используются такие понятия, как «правомерно», «неправомерно», для морали: «добро – зло». То есть, право, оценивая поступки людей, всегда прибегает к четким, строго фиксированным критериям, а моральные же требования не имеют чёткой фиксации нигде. Следует также отметить, что юридические нормы представляют собой взаимосвязанную систему с присущей ей структурой и иерархией, у моральных же норм нет такой системности. Противоречивость между правом и моралью возникает ввиду их природы: мораль более подвижна, динамична, право является консервативным. С другой стороны, право более целенно и едино, мораль же неоднородна. Таким образом, право и мораль – социальные ценности общества, которые человечество смогло выработать не за одну сотню лет. Современное общество невозможно представить без права и морали, они – единая, взаимосвязанная опора для общества. Таким образом, нельзя не согласиться с Г. Гегелем, который в своих трудах писал: «Право оставляет умонастроению полную свободу. Мораль же касается умонастроения и требует, чтобы поступок совершался из уважения к долгу. Следовательно, и соответствующий праву образ действий морален, если он определяется уважением к праву» [1, С. 451].

Подводя итог, стоит сказать, что проблемы соотношения права и иных социальных феноменов существуют до сих пор. Споры о том, что важнее и главное ведутся в обществе немало веков и, думается, еще немало веков будут существовать в будущем. Право, казалось бы, термин понятный каждому человеку, но неспроста юристы всей планеты до сих пор не смогли найти единого термина. Мораль, справедливость и свобода – еще более знакомые каждому человеку термины, имеющие свои сложности для понимания, но, бесспорно, важные для общества. Право и мораль, право и справедливость, право и свобода – извечные проблемы человечества. Но пока существуют данные понятия, пока они взаимосвязаны, человечество может спокойно существовать. Возможно, в будущем то или иное понятие приобретёт иной смысл, но, думается, без моральных устоев, свободы и чувства справедливости каждого человека развитие права невозможно.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет // Сб. науч. тр.: в 2 т. М.: Институт философии АН СССР «Мысль», 1970. Т. 2. С. 451.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности: моногр. М.: Республика, 1993. 298 с.
3. Лейс О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: моногр. М.: Зерцало, 2008. 123 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 39 томах // Соч.: в 39 т. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 62.
5. Монтескье Ш. О духе законов // Сб. науч. тр. М.: Мысль, 1956. 442 с.
6. Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. пособие. М.: Норма, 1998. С. 242.
7. Цицерон. Диалоги о государстве, о законах. / Сб. науч. Тр. Пер. с лат. В.О. Горенштейна; Прим. И.Н. Веселовского, В.О. Горенштейна; Послес. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 168 с.
8. Шопенгауэр А. Сборник сочинений в 6 томах // Соч.: в 6 т. М.: ТЕРРА Кн. клуб: Республика, 2011, Т. 3. С. 421.

УДК 340.128

В. В. Чистякова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. В статье автор рассматривает вопросы, касающиеся становления, развития и современного состояния теории государства и права в Российской Федерации, раскрывает причины возникновения и закономерностей развития государства и права, нынешнее положение науки, и приходит к выводу, что переживаемый сейчас ею этап может оказаться весьма продуктивным для многих векторов государствоведения и правоведа.

Ключевые слова: теория государства и права, развитие, причина, состояние, путь.

V. V. Chistyakova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

FORMATION, DEVELOPMENT AND CURRENT STATE OF THE THEORY OF STATE AND LAW

Abstract. In the article, the author examines issues related to the formation, development and current state of the theory of state and law in the Russian Federation, reveals the causes and patterns of development of state and law, the current state of science, and comes to the conclusion that the stage it is experiencing now can be very productive for many vectors of state studies and jurisprudence.

Keywords: theory of state and law, development, cause, condition, path.

Многолетняя история формирования и развития науки ясно даёт нам понять, что ни одна другая социальная теория не является исключительной и увенчанной. Что нельзя не отметить и по отношению к теории государства и права, так как она напрямую связана с политической жизнью социума, а также принимает непосредственное участие в создании преобладающей в обществе идеологии. В то же время, идеология как определенная совокупность идей и взглядов, способная свидетельствовать о системе социальных и экономических отношений, оказывает свое влияние, как на становление теории, так и на предопределение социальной деятельности и всеобъемлющего демоса, и индивидуальной личности.

Несмотря на общечеловеческое развитие во многих сферах, вопросы генезиса и закономерностей эволюции государства и права всегда и по сей день у всех наций и социальных групп вызвали и вызывают яркие и порой непримиримые полемики, причин для которых целое множество.

В первую очередь, – это причина экономического характера. Любое более или менее развитое общество существует совместно с находящимися в нем взаимосвязями между положением государства и права и единым экономическим «самочувствием» страны. Отношения экономического характера отнюдь не бессознательно сказываются на государственно-правовых отношениях, равным счетом, как и политика, главенствует перед экономикой. Таким образом, складывается, что данные связи противоречивы сами по себе, так еще и более противоречивыми являются точки зрения старающихся их осознать людей.

Во-вторых, – это социально-политические причины. Такие дискуссии и споры программируются как функциональной, так и структурной каверзностью таких социально-исторических факторов, коими предстают государство и право, их важность для политического формирования общества на всех стадиях его эволюционирования.

В-третьих, – это варианты множества аспектов теории государства и права, которое произрастает из трудности и об-

ширности самого этапа познания и его взаимосвязей с практической деятельностью и общественного бытия.

В-четвертых, спорный характер проблем о возникновении, природе и моделях государственно-правовых фактов предугадывается расхождением в подходах, взглядах, философских постулатах авторов [1, С. 54].

Пятая группа причин, – это причины социально-личностного характера, которые являются чуть менее простыми в своей субъективности. Находится в социуме, жить в нем и быть от него свободным – просто не представляется возможным. Проблемы государства и права в той или иной степени затрагивают предмет внимания как общественной, так и частной жизни каждого, обязанностей, прав, свобод и интересов человека и гражданина, а также их гарантий для последнего с позиции государства. С помощью выдвижения и отстаивания различных положений теории государства и права, авторы представляют отчетливую социальную мировоззренческую позицию и собственную жизненную идеологию, и, помимо этого, отстаивают и оберегают должные общественные, классовые, групповые и личные социальные интересы. Кроме того, в ситуации политико-экономического постоянства в социуме зарождается относительно общепринятые взгляды, касающиеся первоначально спорных моментов. Что же касается переломных этапов в истории, то они характеризуются усиливающимся разбродом мнений и представлений.

Важно отметить тот факт, что на сегодняшний день российская наука теории государства и права в своем развитии преодолела далеко нелегкий путь в общем направлении мировой науки, начиная от ранних философских образов мысли на государственно-правовые события, через зарубежные школы философии, политологии энциклопедии права, а также общую теорию права отечественных философов и ученых деятелей, юристов периода XIX–XX веков, этап безраздельного влияния на советскую юридическую науку марксистско-ленинской теории государства и права. [2, С. 29].

Вместе с марксистско-ленинскими мнениями на государство и право, были и есть и по сей день противоположные ранее отмеченным политико-правовые теории.

На протяжении последнего десятилетия формируется явная эволюция российской теории государства и права от ее марксистско-ленинского смысла и формы, в частности в descrip-

ции и освещении государства, к наиболее обширно представленным идеям и направлениям в исследовании государства и права. Данный процесс является весьма противоречивым, однако совместно с субъективными аспектами он отмечается и объективными трансформациями в обществе. Сотворилось обогащение теории государства и права новоявленными знаниями об истоках государства и права, совмещении классового и общечеловеческого, в сущности, государства и права [3]. Образовался также и новый багаж знаний о деятельности и развитии социалистических государств. Стала яснее картина о демократической важности конституционной законности и верховенства закона. Иначе стал казаться вопрос о законности, прав и свобод человека и гражданина, преимущество прав каждого отдельного индивида.

Нынешнее положение общей теории государства и права в отличие от изначального этапа последнего десятилетия не лишено стабилизации и отступлением от экспериментов над заменой ее философией или энциклопедией права. На данный момент теория государства и права демонстрируется в качестве социологической интерпретации государства и права, так как по большей части воссоздает объективную диалектику государственно-правовой реальности и ее действительного развития. Наряду с этим, теория государства и права все чаще стала делать акцент на том, каким образом, и с помощью чего возникает само познание государственно-правовых аспектов. Наблюдается созревание нового «веяния в лоне самой науки общей теории государства и права, которое можно отметить, как разработку логики, диалектики и теории познания государственно-правового существования».

В общем, подводя итог, можно сказать, что тот этап, который сейчас претерпевается, вполне способен оказаться достаточно продуктивным для множества векторов как государство ведения, так и правоведения.

Список литературы:

1. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учеб. / под ред. В. Г. Стрекозова. М.: ДТД, 1995. С. 377.
2. Григорьева И. В. Теория государства и права: учеб. пособие. Тамбов.: ТГТУ, 2009. С. 304.
3. Михайлов А. Е. Современное российское государство: теоретическая концепция и реальность: моногр. – М.: РУСАЙНС, 2018. 146 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН В РФ

УДК 349.23/24

Д. А. Авраменко

*Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова*

*Факультет экономики, менеджмента
и информационных технологий
Россия, Симферополь*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ В СВЯЗИ С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В данной статье приведены примеры новых форм занятости, согласно исследованиям, МОТ и Европейского фонда по улучшению условий труда. Приведены новые законы РФ в области трудового законодательства. Были отмечены отрицательные стороны некоторых форм занятости, приводящие к социальной нестабильности.

Ключевые слова: цифровизация, формы занятости, трудовое взаимоотношение, трудовое законодательство.

D. A. Avramenko

*Crimean Engineering and Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov*

*Faculty of Economics, Management and Information Technology
Russia, Simferopol*

TRANSFORMATION OF LABOR RELATIONS IN CONNECTION WITH THE EMERGENCE OF NEW FORMS OF EMPLOYMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. This article provides examples of new forms of employment according to research by the ILO and the European Foundation for the Improvement of Working Conditions. The new laws of the Russian Federation in the field of labor legislation are given. The negative aspects of some forms of employment leading to social instability were noted.

Keywords: digitalization, forms of employment, labor relations, labor legislation.

Быстрое развитие информационных технологий свидетельствует о том, что общество наступает в период цифровой экономики. В таком обществе знания и владение информацией становится основой развития всех сфер жизнедеятельности человека, в том числе трудовой [4, С. 18].

Цифровизация в производстве представляет собой использование компьютерных технологий и производственного процесса, это уменьшает объем физического участия человека, увеличивает производительность труда и качество готовой продукции. Возможность работать у людей падает, растет уровень безработицы, социальная защищенность граждан снижается [5, С. 85]. Однако, не во всех сферах будет наблюдаться уменьшение физического труда. Например, в сферах услуг и в медицинской сфере. В 2017 году Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» был дополнен ст. 36.2 об оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, именно медицинские работники остаются основным реализующим звеном. Телемедицинские технологии используются только как технологическая составляющая при выполнении медицинскими работниками работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, – проведении консилиума, консультировании граждан и др. Однако, в экономической сфере сокращение сотрудников в связи с внедрением информационных технологий уже осуществляется, например, Сбербанком, который сократили три тысячи сотрудников-юристов, заменив их роботами. Это первые глобальные внедрения достижений научного прогресса в РФ [3].

С другой стороны, внедрение технологий позволяет некоторым людям переходить на дистанционную форму занятости.

Таким образом, человек будет осуществлять свою трудовую функцию вне стационарного места. В гл. 49.1 Трудового кодекса РФ, уточнено, что дистанционный труд предполагает выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя, с использованием как для работы, так и для взаимодействия с работодателем информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет». Заработная плата и все социальные гарантии будут аналогичными, если бы человек работал на рабочем месте у работодателя. Такую работу можно сочетать с домашними обязанностями или с обучением.

В информационном обществе возникает потребность обновления знаний и навыков, востребованных на рынке труда. К примеру, Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в РФ» устанавливает, что женщина, находящаяся в отпуске по уходу за ребенком, имеет право обратиться в службу занятости и пройти по ее направлению обучение, повысить свою квалификацию, получить смежную профессию. При этом названное обучение проводится только по перспективным профессиям, востребованным на рынке труда. Государство предоставляет таким женщинам и иные меры поддержки.

В 2019 году вышел доклад Глобальной комиссии МОТ по вопросам будущего сферы труда, который обсуждался на Международной конференции труда. Авторы доклада оценивали воздействие информационных технологий на сферу труда. Были приведены примеры адаптации трудящихся к изменяемому миру, такие как: переобучение на протяжении всей жизни, увеличение охвата социальной защиты, поддержка населения и др. Нестандартные формы труда в современном мире представлены в таких основных видах:

временная занятость (срочные трудовые договора, разовые задания, сезонная работа, работа одного дня);
работа с неполным рабочим временем (работа по запросу);
трудовое отношение более чем с двумя сторонами (заемный труд);
скрытая занятость или зависимая самозанятость (трудовые отношения, выдаваемые за гражданско-правовые).

Среди новых формы, работа по запросу и скрытая занятость являются менее устойчивыми формами, защищающие социальные права работников. Данную форму следует вводить не на постоянной основе, а в виде подработки, совместно с официальным устройством на полную ставку.

В 2015 году европейским фондом по улучшению условий труда было проведено исследование, посвященное новым формам занятости. Примерами таких форм являются:

совместное использование труда работников (группа работодателя одновременно нанимает работников и совместно несет перед ними ответственность, в таком случае использование данного труда может быть стратегическим и разовым. Данная практика применяется в России, имеет два других названия: прикомандирование, секондмент);

совестное трудоустройство (один работодатель нанимает нескольких работников для выполнения одной трудовой функции);

промежуточное управление (компания предоставляет другой компании своих работников для определенной цели, как правило – это высококвалифицированные специалисты, которые направляются в другие компании для решения сложных проблем и принятия управленческих решений);

краудворкинг, краудсорсинг (занятость, при которой используется онлайн-платформа для связи с заказчиком и с лицом, которое выполняет работу);

мобильная работа, основанная на взаимодействии с помощью информационно-телекоммуникационных сетей (частичные трудовые отношения, имеющие регулярный характер, но выполняемые за пределами основного места работы, другими словами, дистанционный труд. Данная форма хорошо распространена, в связи с эпидемией коронавируса Covid19) [7].

Это неполный перечень новых форм занятости, однако приведенные выше наиболее часто встречаются. В России

наиболее распространенной формой является дистанционный труд. Государство сталкивается со следующими проблемами, связанными с правовой организацией труда занятой данной формой труда и защитой трудовых прав работников.

Для решения приспособления к новым формам труда в Трудовой кодекс РФ была внесена глава 49.1, посвященная дистанционным работникам и переход на электронные трудовые книжки.

В данной главе, обращено внимание на процесс работы между работником и работодателем путем электронного документооборота или почтовой отправкой оригиналов. Был упущен важный аспект проблемы: что следует считать трудовым отношением в современных условиях и почему занятость имеет неустойчивый характер. Для эффективного применения этой формы на практике, законодательству РФ необходима следующая доработка: регулирование частичной дистанционной занятости; уточнение норм о рабочем времени; упрощение оформления трудовых отношений и их доказывания [1].

Работодатели могут представлять трудовые отношения как гражданско-правовые в целях избегания социальных выплат. Другим вариантом является регистрация работника в качестве индивидуального предпринимателя, который будет оказывать услуги работодателю, а следовательно, заказчик не несет никаких расходов по социальному страхованию. Данная ситуация является первым примером неустойчивого характера занятости.

Введение с 1 июля 2020 года для самозанятых граждан «налога на профессиональный доход» стало обязательным на всей территории России. Цель налога – выведение самозанятых граждан из теневого сектора экономики [2]. Возможно, многие работодатели попытались перевести своих работников на данный режим, однако это повлечет за собой дончисление страховых взносов и штрафов и НДС. При оформлении гражданина на работу в качестве самозанятого требуется чтобы этот человек не работал ранее у данного работодателя в течение двух лет после увольнения. Мнимая и фальшивая занятость одна из неустойчивых форм занятости с точки зрения защиты прав рабочих.

Законодательство РФ начинает вводить новые законы, регулирующие трудовую деятельность в условиях цифровизации экономики. Органам власти следует вводить дополнительные корректировки, радикально пересмотреть свои приоритеты по вопросу неустойчивой занятости, поскольку это серьезная угроза для социальной стабильности и устойчивости власти.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 06.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) //Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 4. – Ст. 491.
2. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – Ст. 2.
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // Собрание законодательства РФ. – 2011. Ст.36.2.
4. Стрелкова И.А. Цифровая экономика: новые возможности и угрозы для развития мирового хозяйства // Экономика. Налоги. Право. 2018. – Т. 11(2). – С. 18–26.
5. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
6. Узбекова А. Сбербанк сократит 3 тысячи рабочих мест из-за робота-юриста / А. Узбекова. Официальный сайт «Российской газеты». URL. : <https://rg.ru/2017/01/12/sberbank-sokratit-3-tysiachi-rabochih-mest-iz-za-robota-iurista.html>
7. Eurofound. New forms of employment. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. 168 p. URL. : <https://clck.ru/YPt2h>

УДК 349.2

К. А. Беляева

Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина
Институт частного права
Россия, Москва

ТРУДОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА 14 ЛЕТ: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности правового статуса несовершеннолетних в возрасте до 14 лет в сфере труда. Также статья освещает некоторые проблемы законодательства и проблемы правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений данной категории лиц.

Ключевые слова: несовершеннолетний в возрасте до 14 лет, законный представитель, правовой статус, пробелы законодательства, правоспособность.

К. А. Belyaeva

Kutafin Moscow State Law University
Private Law Institute
Russia, Moscow

LABOR LEGAL PERSONALITY OF PERSONS UNDER THE AGE OF 14: SOME CONTROVERSIAL ISSUES

Abstract. The article discusses the key features of the legal status of minors under the age of 14 in the field of labor. The article also highlights some gaps in legislation and problems of legal regulation of labor and related relations of this category of persons.

Keywords: minor under the age of 14, legal representative, legal status, gaps in legislation, legal capacity.

В современном российском трудовом законодательстве значительное внимание уделено регулированию трудовых отношений несовершеннолетних.

В соответствии с п.4 ст.67.1 Конституции РФ, «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» [1], соответственно, регламентация их правового статуса является чрезвычайно важной. Тем не менее, следует отметить, что возникают некоторые вопросы, связанные с регулированием труда лиц, не достигших 14-летнего возраста.

Определенные трудности возникают в отношении правосубъектности детей до 14 лет. В науке существует несколько точек зрения по данному вопросу.

Так, А.В. Буянова отрицает обоснованность наделяния детей до 14 лет элементами правоспособности, поскольку в законодательстве не определена нижняя граница возраста [2, С.13]. Э.Н. Бондаренко отмечает отсутствие дееспособности у этой категории лиц, отрицая тем самым наличие у них трудовой правосубъектности [3, С.67].

В свою очередь, Б.К. Бегичев указывает на исключительную правоспособность малолетних, характеризуя ее как отдельные проявления трудоспособности [4, с. 154–156]. По обоснованному мнению, В.В. Федина исключительная правоспособность малолетних допускается по причине возникновения у них отдельных элементов «базовой» правоспособности [5, С. 124–125].

Представляется, что необходимо рассматривать несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет в качестве лиц, хотя бы частично обладающих правосубъектностью. Это важно, поскольку отрицание правоспособности данной категории может привести к необеспечению их прав, предусмотренных действующим трудовым законодательством.

Таким образом, ребенка до 14 лет можно рассматривать в качестве субъекта трудовых правоотношений, если быть точнее, в качестве работника. Однако трудовой договор, согласно ч. 4 ст. 63 ТК РФ, подписывается не самим малолетним, а его родителем (законным представителем). В связи с этим возникает ряд вопросов: какую роль играет родитель в таких правоотношениях? Является ли он субъектом правоотношений? Если да, то стороной или участником?

Н.П. Михайлова считает, что законный представитель наряду с ребенком становится субъектом трудового правоотношения [6, С. 4]. В то же время С.Н. Еремина отмечает роль законного представителя, как «нетипичного субъекта трудового права» [7, С. 11]. По мнению Л.В. Зайцевой, с которым можно согласиться, родитель – это участник отношений по организации труда, а также по защите прав и законных интересов работника [8, С. 154].

Так или иначе закон не содержит прямого указания на статус родителя (законного представителя). Это, в свою очередь, в ряде случаев приводит к определенным трудностям в теории и на практике.

Представляется, что родители являются не только представителями ребенка в трудовых отношениях, но и лицами, способствующими реализации права на образование. Согласно ст. 63 ТК РФ, работа не должна причинять ущерб образовательному процессу [9]. В связи с этим вполне логично предположить, что родитель в случае, когда работа начинает мешать освоению образовательной программы, должен иметь возможность расторгнуть трудовой договор. Однако в трудовом законодательстве не установлен статус родителя. Более того, ни ст. 77 ТК РФ, содержащая основания прекращения трудового договора, ни гл. 42 этого же Кодекса, посвященная особенностям регулирования труда работников в возрасте до 18 лет, не содержит данного положения.

То, что в ТК РФ не определен статус законного представителя, вызывает некоторые вопросы о добровольности волеизъявления несовершеннолетнего до 14 лет. Договор подписывается родителем, однако трудовую функцию выполняет сам ребенок. В данном случае нельзя с уверенностью утверждать, что сам малолетний выражает согласие на заключение трудового договора. В связи с чем возникает закономерный вопрос о допустимости такого труда в целом, поскольку достаточно затруднительно судить о соблюдении международного принципа запрета принудительного труда.

Помимо этого, представляется, что не до конца разработан механизм защиты прав работника в возрасте до 14 лет. В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», членом профсоюза может быть лицо, достигшее возраста 14 лет [10]. В то же время, согласно ч. 2 ст. 30 ТК РФ, работники, которые не являются членами профсоюза, могут уполномочить орган первичной профсоюзной организации представлять их интересы. В связи с чем возникает вопрос о том, распространяется ли эта норма на лиц, не достигших 14 лет. Если да, то может ли работник до 14 лет сам уполномочить выборный орган первичной профсоюзной организации представлять свои права или же это должен сделать родитель? К сожалению, подобная ситуация не нашла отражения в действующем трудовом законодательстве.

Необходимо также отметить, что согласно ч. 4 ст. 63 ТК РФ, заключение трудового договора с лицом, не достигшим 14 лет допускается в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных залах и цирках. Однако в статье не упоминаются спортивные организации. Это можно рассматривать, как упущение, поскольку зачастую спортивная карьера начинается в раннем возрасте и к 14–15 годам спортсмен уже достигает её пика. В ст. 348.8 ТК РФ есть указание на то, что заключение трудовых договоров допускается с лицами в возрасте до 18 лет, однако, нижняя возрастная граница не обозначена. В абз. 4 п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 разъяснено, что возможно заключение трудового договора с лицами, не достигшими 14-летнего возраста, в целях подготовки к спортивным соревнованиям и участию в них [11]. Тем не менее в самом Кодексе данное положение не закреплено. В связи с этим представляется целесообразным дополнить ст. 63 ТК РФ указанием на возможность заключения трудового договора со спортсменами, не достигшими возраста 14 лет.

Неурегулированным остается вопрос о материальной ответственности работников в возрасте до 14 лет. Ч. 3 ст. 242 ТК РФ предусматривает случаи привлечения к материальной ответственности на работников в возрасте до 18 лет в случае умышленного причинения ими ущерба. Норм, со-

держащих положения о материальной ответственности лиц до 14 лет, Кодекс не содержит. Таким образом, допускается применение ст. 242 ТК РФ по отношению к данной категории лиц. В свою очередь, п. 1 ст. 1073 ГК РФ содержит положение о материальной ответственности родителей за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте до 14 лет. В связи с чем возникает вопрос: несет ли материальную ответственность работник в возрасте до 14 лет? Или же эта ответственность возлагается на его родителей? Ответа на этот вопрос трудовое законодательство не содержит, однако можно предположить, что наложение ответственности на работника до 14 лет является нецелесообразным в силу психологических и экономических причин. В связи с чем стоит говорить о закреплении положения о материальной ответственности родителей.

Итак, представляется, что существует ряд вопросов, требующих дополнительного урегулирования. В связи с чем, необходимо констатировать, что в действующем трудовом законодательстве существуют пробелы. Обсуждение этих проблем способствует привлечению внимания к вопросу, важность которого трудно переоценить.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Буянова А.В. Особенности правового регулирования труда несовершеннолетних работников: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.05 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005. 34 с.
3. Бондаренко Э.Н. Трудовая правоспособность, дееспособность и юридические факты // Журнал российского права. 2003. № 1, С. 61–69
4. Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. Москва: Юрид. лит., 1972. – 243 с.
5. Федин В.В. Юридический статус работника как субъекта трудового права. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004, 240 с.
6. Михайлова Н.П. Всё о трудовых отношениях: советы юриста // Вече. 2010. 190 с.
7. Еремина С.Н. Индивидуальные договоры в трудовом праве: специфические особенности и классификация // Российская юстиция. 2012. № 3, С. 9–13.
8. Зайцева Л.В. Представительство работников в индивидуальных трудовых отношениях // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 150 – 158
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 06.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // «Собрание законодательства РФ». 07.01.2002. № 1 (ч. 1)
10. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // «Собрание законодательства РФ». 15.01.1996. № 3.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // «Российская газета». № 27. 07.02.2014.

А. Ж. Букулова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД COVID-19

Аннотация. Статья посвящена изменениям трудового законодательства в связи с удалённой занятостью населения в период пандемии. Данная обстановка привела к созданию новых правовых актов по модернизации действующего трудового права в системе регулирования дистанционного труда людей. Законодатель в процессе совершенствования норм трудового права в вопросах занятости в удалённом или дистанционном формате учитывал позицию большинства российских работодателей, и выявил все необходимые проблемы, которые не позволяли эффективно взаимодействовать работнику в рамках удалённой деятельности с работодателем. Автор перечисляет основные проблемы, которые возникли в период первого этапа пандемии в системе дистанционной занятости работников.

Ключевые слова: занятость, закон, дистанционный формат, система, актуальные изменения.

A. J. Bukulova

*Saratov State Law Academy
Institute of Prosecutor's office
Russia, Saratov*

CURRENT CHANGES IN LABOR LEGISLATION IN CONNECTION WITH REMOTE EMPLOYMENT OF THE POPULATION DURING THE COVID-19 PERIOD

Abstract: The article is devoted to changes in labor legislation in connection with remote employment of the population during the pandemic. This situation led to the creation of new legal acts to modernize the current labor law in the system of regulating remote labor of people. In the process of improving the norms of labor law in matters of employment in a remote or remote format, the legislator took into account the position of the majority of Russian employers, and identified all the necessary problems that did not allow an employee to interact effectively with an employer within the framework of remote activities. The author lists the main problems that arose during the first stage of the pandemic in the system of remote employment of workers.

Keywords: employment, law, remote format, system, current changes.

Общее состояние рынка труда, уровень занятости и другие сопутствующие этому фактору позиции напрямую связаны с изменениями в мировой или российской экономике. Пандемия коронавирусной инфекции серьёзно повлияла на экономическую ситуацию в России и кардинальным образом изменила состояние рынка труда. Многие страны мира стали вводить существенные карантинные мероприятия, и граждане ушли на самоизоляцию, и стали осуществлять свою деятельность на дому. Самым серьёзным образом пандемия повлияла на экономическую систему, и занятость людей изменилась в различных аспектах. В условиях нестабильной экономической и общественной среды важным решением для высокого сохранения уровня занятости граждан выступил процесс перевода сотрудников на удалённую или дистанционную деятельность. Для проведения соответствующих мероприятий потребовалось изменение действующего российского законодательства.

По официальной статистике только 8 % компаний в Российской Федерации не перевели в период пандемии коронавирусной инфекции своих сотрудников на удалённый формат работы. Сотрудники в полном составе ходили на работу, поскольку этого требовали производственные особенности и условия ведения деятельности. В частности, если имеются организационные или технические возможности для перево-

да работника на удалённый формат деятельности, то такая работа осуществляется с помощью двух основных методов: механизм по оформлению подобного перевода на срок, который не превышает 30 дней, или заключение специального дополнительного соглашения.

До существенного реформирования представленного аспекта в 2020 году, трудовая деятельность работников в рамках удалённого трудоустройства была оформлена по специальным нормам. Они регулировали механизм организации домашнего трудового процесса, или же использовался гражданско-правовой договор. Если применялся механизм регулирования домашнего труда, то это приводило к созданию огромного количества споров в судах. Но, если использовался гражданско-правовой договор, то подобный сотрудник терял огромное количество гарантий и возможностей, прописанных в составе Трудового кодекса Российской Федерации. Начиная с 2013 года в Трудовой кодекс Российской Федерации была введена новая глава 49.1.[1] На основе образования новой системы отношений, которые связаны с регулированием дистанционной занятости, следует проанализировать все актуальные моменты, связанные с пандемией коронавирусной инфекции.

Уже в 2020 году в связи с распространением пандемии коронавирусной инфекции, опыт применения дистанционной или удалённой работы показал все свои проблемы. Они связаны с несовершенством трудового законодательства, и работодатели были не готовы к тому, что их сотрудники массово перейдут на удалённую работу в связи с распространением вируса. Вне зависимости от того, что сегодня в мире активно развиты телекоммуникационные и информационные технологии, не любой вид деятельности можно усовершенствовать в условиях удалённой занятости. Представленный тезис подтверждается данными Министерства труда Российской Федерации. Например, в середине 2020 года дистанционно в России работало только 11 % сотрудников, которые являются наёмными работниками. В январе 2021 года только 3 % людей работало по найму в рамках удалённой занятости. По официальным данным до начала пандемии коронавирусной инфекции около 40 000 человек работали в удалённом формате, являясь наёмными сотрудниками.

В связи с влиянием пандемии коронавирусной инфекции, появилась необходимость осуществить массовый перевод работников на удалённую деятельность, но участники столкнулись с рядом проблем: не было надлежащей процедуры по оформлению подобного перехода сотрудников на удалённую занятость; отсутствовали комплексные критерии для оценки трудовой деятельности подобных сотрудников; невозможно проконтролировать процесс соблюдения всех требований по обеспечению безопасности работников в условиях сохранения их работы на дому; появились проблемы, связанные с обеспечением сотрудника всеми средствами трудовой деятельности и элементами инфраструктурного комплекса; невозможно было обеспечивать соблюдение баланса времени работы и отдыха каждого сотрудника.

Эти проблемы резко обострились, что потребовало от законодателя существенно изменить подход к рассмотрению сущности и основ дистанционной занятости работников. 8 декабря 2020 года был принят соответствующий федеральный закон № 407-ФЗ [2], который затронул процесс организации удалённой занятости сотрудников. Основными изменениями выступили следующие представленные ниже тезисы:

1. На законодательном уровне закрепили тот факт, что понятие «дистанционная работа» и «удалённая работа» между собой тождественны, и их можно равноценно применять в рамках действующего законодательства и различных документов.

2. Удалось на нормативном уровне закрепить два вида дистанционной работы людей. Ими являются постоянная и временная. Суть заключается в том, что в рамках временной удалённой занятости сотрудник может работать дома не более чем полгода, или же есть возможность применять комбинированный механизм подобной занятости.

3. Категория «дистанционный работник» также претерпела существенные изменения в своей структуре и составе.

А. А. Грачёва, А. Г. Мачулайтите

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов**ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО
В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ОСОБЕННОСТИ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА**

4. Удалось на нормативном уровне закрепить специальное правило. Оно связано с выделением критериев, трагивающих уведомление сторонами трудового договора о всех обстоятельствах, которые связаны с обеспечением правовых отношений. Также законодатель установил процесс взаимодействия сотрудника, работающего в дистанционной форме, и работодателя. Данный момент в перспективе, на наш взгляд, приведёт к уменьшению трудовых споров.

5. Существенные изменения связаны с процедурой определения рабочего времени и времени отдыха сотрудника, который находится на дистанционной деятельности. Теперь все эти моменты могут быть отражены в коллективном договоре, в локальном правовом акте или в трудовом договоре.

6. На законодательном уровне теперь в статье 325 Трудового кодекса Российской Федерации сохранена гарантия возможности получать заработную плату на основе дистанционной трудовой деятельности. [3, с.20]

Проанализировав действующее трудовое законодательство, которое связано с дистанционной занятостью работников в Российской Федерации нужно отметить, что оно изменилось в лучшую сторону, и его ещё в дальнейшем нужно развивать. В качестве авторской рекомендации предлагается дополнить нормы статьи 312.9 специальным абзацем. Суть изменения в том, что работник, которого временно перевели на дистанционную деятельность, должен быть уведомлён как минимум за три календарных дня до истечения периода его временного перевода на деятельность или о досрочной отмене подобного метода способом, который позволит достоверно приобрести эту информацию. Подобным образом можно защитить сотрудника от неправомерных или неинформативных уведомлений. Кроме этого, период, в течении которого можно направить это уведомление, позволит сотруднику вовремя спланировать всю свою деятельность.

Подводя итоги следует сделать общий вывод о том, что пандемия стала важнейшим стимулом и импульсом, который привёл к расширению области использования дистанционной занятости работников организации. Основной тенденцией в этой системе отношений является дальнейшее улучшение законодательства о дистанционной занятости работников. Апробация этого механизма в России происходит вынужденно, поскольку государству нужно достаточно быстро и эффективно реагировать на все изменения в жизни граждан и всего общества. Основой подобной модернизации является именно правовое совершенствование механизмов занятости людей.

Список литературы:

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 06.10.2021) // Парламентская газета, № 2–5, 05.01.2002
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» от 08.12.2020 № 407-ФЗ // Российская газета, № 280, 11.12.2020
3. Васильева Ж. С. Государственно-правовое регулирование в области дистанционной занятости: опыт и перспективы // Право и практика. – 2021. – № 3. – С. 19–24.

Аннотация. Законное регулирование отношений складывающихся в сфере трудовых отношений является важным направлением законодательной деятельности. Во многих развитых странах в нормативно правовых актах закреплён принцип равенства, по признакам независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а прежде всего, по признаку половой принадлежности. С целью соблюдения данного принципа в государствах принимают надлежащие меры с целью решения подобных ситуаций, однако нарушение прав женщин в сфере трудовых отношений до конца не решены.

Ключевые слова: Конституция, права человека, трудовой кодекс, гендерное равенство, трудовые правоотношения, трудовое право, правовое регулирование.

A. A. Gracheva, A. G. Machulaitite

Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov**GENDER EQUALITY IN WORK: LEGAL REGULATION AND
PECULIARITIES OF THE SITUATION ON THE LABOR MARKET.**

Abstract. The legal regulation of relations developing in the field of labor relations is an important area of legislative activity. In many developed countries, the principle of equality is enshrined in normative legal acts, regardless of race, nationality, language, origin, property and official status, place of residence, attitude to religion, beliefs, membership in public associations, and above all, by gender identity. In order to comply with this principle, States take appropriate measures to address such situations, but violations of women's rights in the field of labor relations have not been fully resolved.

Keywords: Constitution, human rights, labor Code, gender equality, labor relations, labor law, legal regulation.

К числу актуальных проблем на сегодняшний день относятся не равные права женщин и мужчин в трудовой сфере. В течение длительного времени женщины являются жертвами «трудовой асимметрии». То есть непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов (а также представлений о них) в различных сферах жизни. Тем не менее многие развитые страны пришли к необходимости обеспечения равноправия всех представителей социума. В качестве одной из общемировых направленностей формирования права можно охарактеризовать гуманизацию законодательства, в особенности в сфере регулирования трудовых отношений.

Конституция Российской Федерации в девятнадцатой статье гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [1].

В Трудовом Кодексе Российской Федерации также закреплён принцип равноправия, так в третьей статье говорится, никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убежде-

ний, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника [2]. Но несмотря на это, работодатели, как принято, предпочитают увольнять женщин, и взамен нанимать мужчин. По этой причине безработные женщины дольше ищут новое место работы. Особенно тяжелое положение на рынке труда у девушек, не имеющих трудового стажа.

Поскольку право и общество взаимосвязаны, то социум накладывает определенный отпечаток на существующие и создаваемые правовые нормы. Так в последнее время женщины стали бороться за свои права в трудовой сфере [4, С.22]. Благодаря правотворческим новеллам женщинам предоставляются возможности для осуществления трудовой деятельности в новых, ранее «недоступных» для них сферах. Так, по итогам проведенной актуализации взамен ранее действовавшего постановления Правительства Российской Федерации № 162 от 25 февраля 2000 года был издан приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 512н от 18 июля 2019 (вступил в силу 1 января 2021 года), в котором перечень тяжелых работ, при выполнении которых запрещается применение труда женщин был сокращен с 456 до 100 пунктов. Таким образом, перечень включает в себя виды работ, условия труда при которых отнесены к вредному или опасному классу. К данной категории относятся химические производства, подземные и горные работы, бурение скважин, а также отдельные виды работ в рамках полиграфического производства, текстильной промышленности и иных видов трудовой деятельности с опасными условиями труда.

Рассматривая ситуацию на рынке труда, так или иначе мы увидим, что на практике есть факты ущемления прав женщин. Например, могут не взять на работу, если нет детей, так как ссылаются на то, что женщина без детей может уйти в декрет. Также и наоборот, могут не взять на работу, если дети есть. В шестьдесят четвертой статье Трудового кодекса РФ закреплено, что запрещается отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей.

Так же хотелось бы отметить, что чаще всего граждане недостаточно осведомлены о своих правах и возможности защиты своих прав, и проблема не в законодательстве. Так для разрешения этой проблемы были организованы некоммерческих организаций и профсоюзов, которые оказывают помощь гражданам с целью повышения уровня правового просвещения. Есть такие, которые специализируются на отдельных отраслях права, а именно занимаются урегулированием трудовых споров.

Увлечение поддержки профсоюзных организаций, которые оказывают правовую помощь гражданам, в дальнейшем поможет гражданам повысить уровень своей правовой культуры. Так как несмотря на то, что в действующем законодательстве представлены не только общие, но и более детальные положения, механизм по восстановлению в правах лиц, пострадавших от половой дискриминации в сфере труда, при реализации имеет некоторые сложности.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в современном законодательстве права работников обоих полов защищены на достаточном уровне, но необходимо продолжать дальнейшую работу по защите трудовых прав. Так как часто встречаются недобросовестные работодатели, которые не соблюдают нормы законодательства и необоснованно отказывают в трудоустройстве, чаще дискриминация в трудовой сфере встречается по отношению к женщинам. Бороться с этим можно при помощи формирования необходимых законодательных новелл (особенно по контролю за работодателем в сфере соблюдения трудовых прав работников и потенциальных кандидатов в рамках процедуры трудоустройства).

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации «Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)» от 12.12.1993 // Российская газета. 1993 г., с изменениями в ред. от 04.07.2020.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. – 2001 г. № 256. с изм. и допол. в ред. от 28.06.2021.

3. Краснов Ю.К. Гендерное неравенство в современном мире (По материалам исследования международных организаций) // Право и управление. XXI век. 2019. Т. 15. № 2 (51). С. 21–28.

УДК 349.2

С. Б. Гритчин

*Кузбасский институт Федеральной службы
исполнения наказаний
Факультет правоохранительной деятельности
Россия, Новокузнецк*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье рассматриваются порядок и проблемы перевода сотрудников правоохранительных органов в другие подразделения государственной службы иных видов. На основании правового анализа автор приходит к выводу, что данная процедура может быть урегулирована федеральным законодательством, а также совместными подзаконными актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: сотрудник, служба, министерство, федеральный закон.

S. B. Gritchin

*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service
Faculty of Law Enforcement
Russia, Novokuznetsk*

PROBLEMS OF TRANSFERRING LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Abstract. The article discusses the procedure and problems of transferring law enforcement officers to other divisions of the civil service of other types. Based on the legal analysis, the author comes to the conclusion that this procedure can be regulated by federal legislation, as well as by joint by-laws of the relevant federal executive authorities.

Keywords: employee, service, ministry, federal law.

В современном обществе деятельность правоохранительных органов играет важную роль. Она нацелена на неукоснительное соблюдение законодательства, исключение нарушения общественных и государственных интересов, а также привлечение виновных лиц к ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния.

Правоохранительные органы относятся к государственной службе иных видов, отличием от государственной гражданской службы является наличие специальных званий и классов чинов. К ним относятся МВД РФ, ФСИН РФ, Следственный комитет РФ и другие. Ввиду специфики каждого органа, его деятельность регулируется различными федеральными законами и подзаконными актами соответствующих служб. Кроме задач, функций, прав и обязанностей сотрудников, затрагивается вопрос о прохождении службы.

Проблема при прохождении службы заключается в том, что на практике сложилась ситуация, когда сотрудники одной службы ввиду различных причин (семейные обстоятельства, нежелание продолжить службу в своем подразделении, предоставление дополнительных льгот или стажа и др.), желают перевестись в другое ведомство. Однако законодательством РФ перевод предусматривается только внутри службы, в связи с чем, сотрудникам приходится сначала увольняться, а затем заново поступать на службу. Для наглядности рассмотрим наиболее частый переход сотрудников между МВД и ФСИН России.

Часть 2 ст.97 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 342), говорит о том, что с 1 января 2013г. порядок выплаты денежного довольствия на сотрудников УИС не распространяется. Согласно Указу Президента РФ от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства

внутренних дел Российской Федерации» предусматривалась передача УИС из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции. Данные факты говорят об окончательном отделении УИС от МВД с 1 января 2013г.

В Федеральном законе от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – ФЗ № 197) в п. 17 ч. 2 ст.84 и ФЗ № 342 в п.18 ч.2 ст.82 имеется формулировка основания прекращения или расторжения контракта по основанию «в связи с переводом сотрудника на государственную службу иного вида», но в ст. 30 ФЗ № 197 и в ст. 30-30.1 ФЗ № 342 не регламентирован перевод на государственную службу иного вида, а лишь перевод внутри структуры федерального органа исполнительной власти, где сотрудник в настоящий момент проходит службу.

На практике может возникнуть ситуация, когда сотрудник УИС или МВД с подачей рапорта на увольнение по основаниям, предусмотренным п. 17 ч. 2 ст. 84 ФЗ № 197 или п. 18 ч. 2 ст. 82 ФЗ № 342 соответственно, может быть подвергнут негативному влиянию руководителя структурного подразделения, в котором он проходит службу, а также увольнению по вышеуказанным основаниям, но с указанием в личностной характеристике отрицательных качеств сотрудника, таких как: недостаточная исполнительность, нарушения формы одежды и т.д., которая запрашивается новым работодателем при поступлении на службу. Однако в данной ситуации факт плохой характеристики сотрудника является трудно доказуемым даже при отсутствии дисциплинарных взысканий в письменной форме.

Полагаем, что данное поведение таких руководителей незаконным, поскольку согласно Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), а именно п. 4 ст. 32 «Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе» и п. 1 ст. 37 «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию».

Интересным представляются Присяга органов МВД и УИС, закрепленные в ч.ч. 2 ст. 28 ФЗ № 197 и ФЗ № 342. Несмотря на некоторые различия между функциями, которыми наделены сотрудники рассматриваемых служб, они преследуют такие общие цели, как: присягание на верность Российской Федерации; уважение и защита прав и свобод человека и гражданина; достойное исполнение служебного долга и возложенных обязанностей по обеспечению безопасности, законности и правопорядка; хранение государственной и служебной тайны. Возникает вопрос: почему сотрудники не могут переходить в иное ведомство посредством перевода, а только в порядке увольнения?

Решением рассматриваемого вопроса может быть создание совместных приказов различных министерств о переводе сотрудников по различным федеральным органам исполнительной власти в соответствии с определенным порядком. В таком случае необходимо утвердить порядок переназначения на должность и переаттестации переходящих сотрудников без назначения дополнительной военно-врачебной комиссии, сохранение выслуги лет по специальному званию, календарный стаж (в т.ч. льготный) и сохранение сотрудникам и членам их семей льгот и социальных гарантий, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Данный подход позволит избежать неудобств при переходе на государственную службу иного вида, а также произвол со стороны руководителей соответствующих структурных подразделений.

Решением рассматриваемого вопроса может быть создание совместных приказов различных министерств о переводе сотрудников по различным федеральным органам исполнительной власти в соответствии с определенным порядком. В таком случае необходимо утвердить порядок переназначения на должность и переаттестации переходящих сотрудников без назначения дополнительной военно-врачебной комиссии, сохранение выслуги лет по специальному званию, календарный стаж (в т.ч. льготный) и сохранение сотрудникам и членам их семей льгот и социальных гарантий, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Данный подход позволит избежать неудобств при переходе на государственную службу иного вида, а также произвол со стороны руководителей соответствующих структурных подразделений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Указ Президента РФ от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

УДК 349.2

Я. Н. Касьянчик

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт прокуратуры
Россия, Москва*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. в настоящей статье исследуются проблемы правового регулирования прекращения службы в органах и организациях прокуратуры. Автор выделяет и раскрывает особенности отдельных оснований прекращения службы, рассматриваются актуальные пробелы в законодательстве.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский работник, трудовое право, прекращение службы, особенности прекращения.

Y. N. Kasyanchik

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of Prosecution
Russia, Moscow*

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF TERMINATION OF SERVICE IN THE SERVICES IN THE PROSECUTOR'S OFFICE

Abstract: this article examines the problems of legal regulation of termination of service in the bodies and organizations of the Prosecutor's office. Special attention is paid to the definition of the concept of "a misdemeanor discrediting the honor of a prosecutor's employee". The author identifies and reveals the specifics of individual grounds for termination of service, discusses current gaps in legislation, and provides examples from judicial practice.

Keywords: prosecutor, prosecutor's employee, labor law, termination of service, features of termination.

В соответствии со ст. 43 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее – Закон о прокуратуре) служба в органах и организациях прокуратуры прекращается при увольнении прокурорского работника. Данной статьей выделяются три группы оснований: основания, предусмотренные ст. 77 Трудового кодекса РФ [1] (далее – ТК РФ); основания по инициативе работодателя; выход в отставку прокурорского работника.

Проанализируем некоторые из них более подробно.

1. Достижение прокурорским работником предельного возраста пребывания на службе в органах и организациях прокуратуры.

При этом, как отмечается в научной литературе, «вряд ли, можно с точки зрения юридической техники увязать это основание (как это, собственно, делается в Законе о прокуратуре) с инициативой работодателя, поскольку это обстоятельство-событие, а не действие» [7, с.284].

Предельный возраст нахождения прокурорских работников варьируется в зависимости от субъекта, который назначает (освобождает) от должности: если Президентом РФ или по его представлению, – 70 лет, а если Генеральным прокурором РФ, – 65 лет. Под исключение из данного правила подпадают научные и педагогические работники.

Кроме того, Законом о прокуратуре допускается и продление этого срока, однако в ограниченных законом рамках: не более, чем на один год и в отношении прямо указанных в Законе о прокуратуре категорий прокурорских работников. Вместе с тем безусловный запрет на исполнение служебных обязанностей прокурорским работником накладывается в двух случаях. Во-первых, руководитель не вправе продлевать службу работнику, достигшему 70-летнего возраста. Наличие заболевания, препятствующего исполнению служебных обязанностей, является основанием для отказа в продлении трудовых отношений во втором случае.

Представляется, что в отношении прокурорских работников с учетом особенностей их служебных обязанностей, государство не вправе поручать такие обязанности лицам, трудоспособность которых понижена в силу возраста, что может затруднять надлежащую реализацию ими государственной воли по обеспечению верховенства закона, укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, как вытекает из Закона о прокуратуре [9, с. 17].

2. Нарушение Присяги прокурора, а также совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника.

В судебной практике нарушение Присяги прокурора и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника рассматриваются как взаимосвязанные понятия. Доказательством данного подхода служат положения Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации [4]: «Нарушение прокурорским работником норм Кодекса, выразившееся в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности». В то время как в Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации [5] определяется, что служебные проверки проводятся при наличии оснований полагать, что в действиях (бездействии) прокурорского работника имеются признаки дисциплинарного проступка, в том числе: а) нарушения Присяги прокурора; б) совершения проступка, порочащего честь прокурорского работника, в том числе связанного с нарушением норм Кодекса этики прокурорского работника; иные основания (пп. п – ж). Следовательно, нарушение Присяги прокурора и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника – разные понятия.

В учебной литературе справедливо отмечается, что законодатель не раскрыл значение такого понятия, как «проступок, порочащий честь прокурорского работника», в связи с чем является проблема бесосновательного привлечения того или иного должностного лица к ответственности [10, с. 121]. Рассмотрим судебную практику по данному вопросу. В жалобе гражданин Новикова И.В. [6] оспаривались положения, которые устанавливают основания для увольнения прокурорского работника: нарушение Присяги прокурора, и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника. Заявитель полагает, что эти нормы неконституционны, так как не содержат конкретики. Согласно жалобе Новикова И.В. его увольнение связано с критикой им руководства в СМИ. Конституционный суд РФ отклонил такие доводы и разъяснил, что «использование в нормах оценочных понятий не свидетельствует о том, что они имеют неопределенное содержание. Разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня...С учетом этого оспариваемые нормы не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права.»

Интересным, в связи с этим, представляется мнение Винокурова А.Ю., который отмечает, что «с одной стороны текст Присяги, приведенный в п. 1 ст. 40.4 Закона о прокуратуре, заканчивается словами: «Сознаю, что нарушение Присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах прокуратуры». С другой стороны, под нарушение Присяги можно подвести фактически любое противоправное и не только действие (бездействие) прокурора» [8, с. 438].

Таким образом, предполагается, что любой проступок прокурорского работника, который имеет признаки аморальности, может служить основанием для его увольнения. Подтверждению тому являются нормы Кодекса этики прокурор-

ского работника, которые определяют, что прокурор участвует в общественной деятельности, если она не наносит ущерба авторитету прокуратуры РФ и не препятствует осуществлению прокурорским работником своих профессиональных обязанностей.

3. Отставка. Отставка прокурорского работника допускается в двух случаях: в связи с выходом на пенсию; несогласие с решениями или действиями государственного органа или высшего должностного лица.

При этом в соответствии с Законом о прокуратуре отставка прокуроров субъектов РФ, прокуроров городов, районов, приравненных к ним прокуроров признается принятой после принятия решения об этом Генеральным прокурором РФ, а отставка других прокуроров признается принятой после принятия решения об этом руководителем, имеющим право назначать их на эти должности.

Стоит отметить, что при внесении в конце 2014 г. изменений в Закон о прокуратуре [3] не учли, что в соответствии с действующей редакцией ст. 129 Конституции РФ и ст. 15.1 Закона о прокуратуре прокуроров субъектов РФ назначает на должность и освобождает от нее Президент РФ, в связи с этим создается коллизия компетенции в системе разделения властей. Считаем, что полномочие Генерального прокурора РФ должно распространяться лишь на вопросы отставки прокуроров районного звена.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 06.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 77.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Российская газета. № 229. 25.11.1995.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 22.12.2014 № 427-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
4. Приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 (ред. от 16.09.2020) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» // СПС «Гарант».
5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28.04.2016 № 255 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1316-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 41.7 и подпунктом «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»» // СПС «Консультант Плюс».
7. Актуальные вопросы правового регулирования труда и социального обеспечения государственных служащих: научно-практическое пособие / М.И. Акатнова, Е.Е. Коломоец [и др.]; ред. П.Е. Морозов. – М.: Проспект, 2018 – 411[1] с.
8. Винокуров А.Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» в 2 т. Том 2. Разделы IV –VII / А.Ю. Винокуров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 384 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/405881> (дата обращения: 29.10.2021).
9. Ключков М.А. Служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации: трудовые отношения: учебное пособие для вузов / М.А. Ключков, Ю.Н. Полетаев. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 182 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/427593> (дата обращения: 02.11.2021).
10. Прокурорский надзор. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / О.С. Капинус [и др.]; под общей редакцией О.С. Капинус. – 3-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 198 с. – (Бакалавр и специалист). – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/400418> (дата обращения: 01.11.2021).

Е. Р. Кызыурова

*Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина
Международно-правовой институт
Россия, Москва*

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В РФ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей и проблем регулирования труда медицинских работников в учреждениях системы здравоохранения. Приводятся пути решения проблемы недостатка кадров и отсутствия должного обеспечения трудовой деятельности врачей в соответствии с санитарно-эпидемиологическими правилами.

Ключевые слова: труд врачей, поддержка медицинских работников, коронавирусная пандемия, труд студентов, обеспечение труда медперсонала, материальное стимулирование труда, кадровый дефицит врачей.

E. R. Kyzyurova

*Oleg Kutafin Moscow State Law University
International legal Institute
Russia, Moscow*

CHALLENGES OF REGULATING THE WORK OF MEDICAL STAFF DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article deals with the specificities and problems of health workers in public health facilities. Solutions to the problem of depleted number of doctors and poor ensurance of medical work.

Keywords: working conditions of medical staff, support measures of the medical personnel, coronavirus pandemic, student labor, ensuring medical work, material incentives, depleted number of health workers.

Стремительное распространение коронавирусной инфекции в 2020–2021 году внесло серьезные изменения в условия труда работников здравоохранения. Пандемия показала, что оказание интенсивной медицинской помощи требуется большому количеству больных одновременно. Массовое привлечение медицинского персонала к работе в чрезвычайных условиях вызывает некоторые нарушения трудового законодательства.

Правительство РФ направило в регионы более 5 млрд рублей на поддержку медицинского персонала, занятого помощью больных COVID-19. [13] Однако, на практике врачи столкнулись с невыплатами компенсаций, а также неверной трактовкой выплат: администрация больниц и госпиталей высчитывала поминутные контакты с больными. Граждане могли обращаться с жалобой через портал государственных услуг РФ. [2] С ноября 2020 года размер компенсационных выплат рассчитывается на основании должности и характера работы. Например, за одну нормативную смену выплаты для работников скорой помощи составляют: для врачей – 2 430 р., среднего медперсонала и водителей – 1 215 р., младшего медперсонала – 950 р. [12] Однако, можем ли мы считать эти выплаты соразмерными труду врачей в чрезвычайных условиях?

Важно упомянуть регулирование вопроса о временной нетрудоспособности или инвалидности медицинского работника вследствие перенесенного COVID-19. Компенсационная выплата (68 811 р.) предусматривается, если инфекция повлекла за собой временную нетрудоспособность, но не привела к инвалидности. Работодатель направляет сообщение о заболевании в фонд социального страхования. [16] Таким образом, назначение компенсационной выплаты по сути является правом работодателя.

В силу растущей потребности в квалифицированных врачах появилась недостаточность медицинских кадров. Для решения этой проблемы в «красные зоны» направляются студенты медицинских вузов для оказания медицинской помощи

пациентам с коронавирусной инфекцией. [10] На практике встречаются многочисленные случаи нарушения законодательства учебными организациями.

Ст. 91 и ст.92 ТК РФ устанавливают, что для людей старше 18 лет рабочая неделя производственной практики не должна превышать 40 часов в неделю. Однако, студенты работают с понедельника по воскресенье включительно, с 9:00 до 18:00 [8]. Соответственно, 63 часа в неделю превышают норму трудового законодательства. Прохождение практики влечет задолженность, так как расписание в ВУЗах не подстраивается под неё. [7] Студентов привлекают к работе в госпиталях, перепрофилированных под COVID, без должного обеспечения средствами индивидуальной защиты. [14] Если обратиться к локальным актам, то, согласно ст. 32 Приказа «Об практической подготовке студентов...» ФГБОУ РАНХиГС, руководитель практической подготовки Академии несет ответственность за жизнь и здоровье студентов при прохождении практики, а также за соблюдение санитарно-эпидемиологических правил. Однако, респираторы выдаются не всем (заменяются одноразовыми масками), а в некоторых больницах нет оборудования для стирки одежды, что вынуждает будущих врачей везти домой вещи с частицами инфекции на них.

В ст. 34 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрено право обучающихся на предоставление условий для обучения с учетом особенностей их состояния здоровья, на охрану жизни и здоровья. Такие категории лиц проходят практику в «зеленой зоне», но нельзя исключить контакт с пациентами с иными инфекционными заболеваниями. Такие больницы должны быть изначально по-особенному спроектированы: шлюзы при переходе между отделениями, система вентиляции. Таким образом, «зеленая зона», в которой находятся студенты с медицинскими показаниями и беременные женщины, подвергаются риску так же, как если бы они работали с зараженными пациентами в защитных костюмах.

О нарушении законодательства свидетельствует отсутствие подготовки студентов к практике. Допуск к оказанию первичной медико-санитарной помощи инфицированным пациентам предоставляется лицам, обучающимся по программам высшего медицинского образования после прохождения обучения (не менее 36 часов). [11] Тем не менее, например, в ПМГМУ имени И. М. Сеченова студенты выходят на практику без подготовки. [16]

В первую очередь лечить пациентов должны врачи, имеющие профессиональные навыки, а не студенты. В Государственную Думу внесены два законопроекта: «О внесении изменений в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и «О внесении изменений в статью 350 Трудового кодекса Российской Федерации» [3]. В них закреплено право медработников на получение ежемесячной надбавки в размере 25 % оклада в течение трех лет осуществления деятельности; предлагается предоставить дополнительный оплачиваемый отпуск сроком до одного года каждые десять лет непрерывной медицинской деятельности. После корректировки финансово-экономического обоснования к проектам необходимо принять их для совершенствования системы здравоохранения.

Таким образом, в целях улучшения предоставления медицинской помощи и соблюдения норм трудового законодательства необходимо установить точное регулирование привлечения к работе студентов медицинских ВУЗов, которые являются значительной массой медперсонала: отменить принудительную мобилизацию; законодательно разграничить понятия «зеленая зона» и «красная зона»; обеспечить жильё и изолированную транспортировку врачей. Что касается врачей, необходимо найти ресурсы на существенное улучшение обеспечения труда медперсонала: увеличить финансовое обеспечение и обеспечение СИЗ (респираторы с уровнем защиты не ниже FFP3, одноразовые перчатки, очки/защитный экран) в необходимом объеме за счет средств отдельного фонда, а не фонда стимулирующих выплат.

Список литературы:

1. Головина С. Ю. Особенности правового статуса медицинских работников // Медицинское право. 2013. № 6. С. 22–26.

2. Жалоба об отсутствии выплат медицинским работникам (COVID-19) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gosuslugi.ru/413915/1> (дата последнего обращения: 10.11.2021).

3. Законопроект № 1128010-7 О внесении изменений в статью 350 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части установления дополнительных гарантий медицинских работников» [Электронный ресурс] // URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1128010-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1128010-7) (дата последнего обращения: 07.04.2021).

4. Карпов В. В Вятских Полянах медработники не получили выплаты за работу с больными COVID-19 // « [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kirov.kp.ru/online/news/3905833> (дата последнего обращения: 07.04.2021).

5. Клятвы Гиппократ не существует? должны ли студенты-медики работать в «красной зоне» с COVID-19 [Электронный ресурс] // URL: https://radiokp.ru/klyatvy-gippokrata-ne-suschestvuet-dolzhen-li-studenty-mediki-rabotat-v-krasnoy-zone-s-covid-19_nid20305_aub6au (дата последнего обращения: 05.11.2021).

6. Мы выбираем жизнь | We choose life. Обращение к дирекции [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/we.choose.life?w=wall-194825385_692 (дата последнего обращения: 07.11.2021).

7. Мы выбираем жизнь | We choose life. Рубрика: нам пишут [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/we.choose.life?w=wall-194825385_39 (дата последнего обращения: 07.11.2021).

8. Правовые проблемы обеспечения трудовых прав медицинских работников в Российской Федерации, вызванные пандемией COVID-19, и возможные пути их решения // "CHRONOS": мультидисциплинарные науки Том 6 (57). 2021.

9. Приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ от 27.04.2020 № 378/619 "Об организации практической подготовки обучающихся по образовательным программам высшего медицинского образования в условиях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации" [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73867465/> (дата последнего обращения: 09.11.2021).

10. Приложение № 10 к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.03.2020 № 198н [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348101/0dca94b5a3eede6d97598485a9cb8980ba29d535/ (дата последнего обращения: 04.11.2021).

11. Распоряжение Правительства России от 18.03.2020 № 648-р // Собрание Законодательства РФ. 23.03.2020. № 12. ст. 1836.

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 № 852-р // Собрание Законодательства РФ. 13.04.2020. № 15. Ст. 2341.

13. Российские врачи жалуются на нехватку защитных средств [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4314594> (дата последнего обращения: 05.11.2021).

14. Студенты-медики о практике в COVID-больницах [Электронный ресурс] // URL: <https://theins.ru/news/217244> (дата последнего обращения: 09.11.2021).

15. Указ Президента Российской Федерации от 06.05.2020 № 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников» // Собрание законодательства РФ. 11.05.2020. № 19. Ст. 2977.

УДК 349.2

В. В. Мещерякова

*Уральский государственный экономический университет
Россия, Екатеринбург*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С БЕРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ

Аннотация. В данной статье анализируются вопросы, связанные с оценкой правомерности прекращения трудовых договоров с беременными женщинами. В частности, исследуются вопросы признания увольнения незаконным, вопросы о выявлении фактов злоупотребления работниками своими правами. Уделено внимание возможности продления срочного трудового договора с беременной женщиной.

Ключевые слова: трудовой договор, прекращение трудового договора, труд беременных женщин, злоупотребление правами, незаконное увольнение.

V. V. Meshcheryakova

*Ural State University of Economics
Russia, Yekaterinburg*

TOPICAL ISSUES OF TERMINATION OF EMPLOYMENT CONTRACT WITH PREGNANT WOMEN

Abstract. This article analyzes the issues related to the assessment of the legality of termination of employment contracts with pregnant women. In particular, it examines the issues of recognizing dismissal as illegal, issues of identifying the facts of abuse by employees of their rights. Attention is paid to the possibility of extending a fixed-term employment contract with a pregnant woman.

Keywords: employment contract, termination of an employment contract, labor of pregnant women, abuse of rights, illegal dismissal.

Исходя из анализа норм Трудового кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту – ТК РФ), запрещается увольнять беременную женщину по основаниям, установленным статьей 81 ТК РФ. Соответственно единственными допустимыми дисциплинарными взысканиями при общей дисциплинарной ответственности для беременной женщины остаются замечание и выговор (ст. 192 ТК РФ). Фактически это означает то, что даже за совершение систематических целенаправленных грубых проступков беременная женщина остается безнаказанной [2].

С точки зрения Демидова Н.В., вопрос о законодательном недопущении увольнения беременной женщины, совершающей грубые дисциплинарные проступки, неоднозначен, потому что это будет означать разделение трудовправового статуса лица [3, С. 88]. М.Н. Каплин, В.О. Рукавишников рассуждают о принуждении работника уволиться по собственному желанию, незаконном лишении премий, незаконности медицинских освидетельствований до начала работы, получении обязательства в письменной форме не беременеть в период работы [4, С. 76]. Стоит согласиться с мнением Н.В. Демидова, который предлагает увольнять за неоднократное виновное совершение грубых проступков (п.п. 6–10 ч. 2 ст. 81 ТК РФ) [3, С. 88]. Иначе возможно увеличение нарушений законодательства со стороны работодателя. Однако необходимо внести коррективы в предложение автора, приравнять грубые проступки (п.п. 6 и 10) к п. 5 ст. 81 ТК РФ, поскольку п. 5 предполагает не разовое неисполнение должностных обязанностей.

Также возникает проблема несообщения беременной женщиной перед увольнением о своем состоянии работодателю. По мнению Верховного Суда РФ, несообщение женщиной сведений о беременности не является злоупотреблением правом. Эта правовая позиция сформировала и соответствующую судебную практику: суд признал правоту работницы, долгое время пребывавшей на медицинском учёте, умалчивавшей о состоянии беременности на стадии увольнения [5, п. 25]. По мнению А.В. Остапенко, поднятая проблема особо актуальна в силу того, что указанные умышленные недобросовестные действия совершают обе стороны трудового договора, но при

возможном злоупотреблении своими правами со стороны работодателя

приводятся в действие нормы-запреты, а при злоупотреблении правами работником никакие нормы применить нельзя. Поэтому складывается ситуация неравноправия и несправедливости [7, С. 36]. В итоге действующее трудовое законодательство не соответствует потребностям трудовых правоотношений. Об этом свидетельствует отсутствие на законодательном уровне легального определения термина «злоупотребление правом», непредусмотренность мер ответственности за проявления недобросовестности при реализации своих прав. Такая ситуация приводит к тому, что в каждом определённом случае производится толкование общеотраслевых принципов права, норм гражданского законодательства либо правоприменительной практики. Это ведёт к отсутствию единообразия в судебной практике. В связи с этим в ТК РФ должен получить своё закрепление отраслевой принцип недопустимости злоупотребления правом сторонами трудовых правоотношений. Также должно быть разработано легальное определение злоупотребления трудовыми правами. С точки зрения Е.О. Брюховой, остановить злоупотребление правом можно за счёт законодательного установления «обязанности предоставить медицинское заключение о наличии или об отсутствии беременности на день увольнения женщины» [8, С. 75].

Еще одной проблемой является неоднозначность судебной практики и в вопросе прекращения трудового договора с беременной женщиной при истечении срока трудового договора (п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ). Суды не восстанавливают работников, в частности, из-за отсутствия факта уведомления работодателя о наступившей беременности [9, С. 302]. По мнению А. Офицеровой, суды по-разному трактуют возможность пролонгации срочного трудового договора с беременной женщиной, которая каких-либо действий не предпринимала (не подавала заявление, не получала медицинскую справку о беременности) [10, С. 4], то есть увольнение либо законно в силу ч. 2 ст. 261 ТК РФ [11], либо не законно, потому что прекращение трудового договора обуславливается истечением срока его действия (объективный фактор). Суды применяют нормы ч.ч. 1, 2 ст. 261 ТК РФ и п.п. 25, 27 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 28 января 2014 № 1 [12, 13]. Думается, неверно считать беременную женщину неответственной за соответствующее уведомление работодателя. Увольнение правомерно и при заключении трудового договора с условием принятия на временную ставку для замещения должности основного работника (ч. 3 ст. 261 ТК РФ, п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 № 1).

Таким образом, поднятые проблемы, имеющие отношение к прекращению трудового договора с беременной женщиной, весьма актуальны и требуют своего разрешения за счёт внесения в ТК РФ определённых нормативных изменений.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 06.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021. Российская газета от 31 декабря 2001 г. № 256.
2. Решение Тутаевского городского суда Ярославской области 18 августа 2017 г. по делу № 2-961/2017. [Официальный интернет-сайт Тутаевского городского суда Ярославской области] URL: www.tutaevsky-jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_ (дата обращения: 15.11.2021).
3. Демидов Н.В. Увольнение беременной работницы: к вопросу о целесообразности сохранения действующих гарантий // Юридические исследования. 2017. № 11. С. 84–91.
4. Каплин М.Н., Рукавишников В.О. Уголовно-правовая охрана трудовых прав человека: некоторые проблемы конструирования составов и дифференциации ответственности // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 76–78.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». // [СПС «Консультант-Плюс»] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158272/ (дата обращения: 14.11.2021).

6. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 9 июня 2014 г. по делу № 11-5854 // [СПС «Консультант-Плюс»]. www.soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2105 (дата обращения: 12.11.2021).

7. Остапенко А.В. Злоупотребление трудовыми правами беременными женщинами как фактор, влияющий на безопасность хозяйственной деятельности // Право и политика. 2021. № 1. С. 34–48.

8. Брюхова Е.Р. Проблемы презумпции осведомлённости работодателя о состоянии беременности работницы в случае её увольнения // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 75–81.

9. Пономарёва О.М. Качество трудового законодательства, регламентирующего расторжение срочного трудового договора с беременной женщиной и женщиной, находящейся в отпуске по беременности и родам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. Т. 1. С. 301–304.

10. Офицеров А. Споры по увольнению беременных женщин // Трудовое право. 2018. № 3. С. 4–10.

11. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 20 июля 2017 г. по делу № 33-5859/2017. // URL: www.oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num (дата обращения: 13.11.2021).

12. Апелляционное определение Мурманского областного суда от 7 июня 2017 г. по делу № 33-1652/2017. [Официальный интернет-сайт Мурманского областного суда]. // URL: www.oblsud--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name (дата обращения: 11.11.2021).

13. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20 сентября 2017 г. по делу № 33-18083/2017. [Официальный интернет-сайт Санкт-Петербургского городского суда]. // URL: www.sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name (дата обращения: 10.11.2021).

14. Шептулина Н.Н. Защита материнства нормами трудового права // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 68–76.

УДК 34.096

М. Г. Мясникова

*Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ МОЛОДЕЖИ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ

Аннотация. цель исследования- определить причины дискриминации молодых специалистов на рынке труда. В статье рассмотрены пути решения данной проблемы, причина возникновения. В результате выявлено, что государство активно работает и пытается предотвратить действующую дискриминацию молодых работников.

Ключевые слова: молодой работник, работодатель, дискриминация, проблемы молодежи, пути решения.

M. G. Myasnikova

*Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov*

THE PROBLEM OF YOUTH DISCRIMINATION IN EMPLOYMENT

Abstract. the purpose of the study is to determine the causes of discrimination of young professionals in the labor market. The article discusses ways to solve this problem, the cause of its occurrence. As a result, it was revealed that the state is actively working and trying to prevent the current discrimination of young workers.

Keywords: young employee, employer, discrimination, youth problems, solutions.

В Российской Федерации на 2021 год численность населения – 146 миллионов человек из них 39 миллионов составляет молодежь. Многие из них после окончания вуза, вуза

при заключении трудового договора и в дальнейшем, подвергаются дискриминации со стороны работодателя из-за нехватки должного опыта. Эта проблема возникла после 2003г., после отмены государственного распределения выпускников вузов.

В ст. 37 Конституции Российской Федерации указано, что труд свободен, следовательно, каждый гражданин в нашей стране имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, в том числе выбирать род деятельности и профессию.

Возникает главный вопрос: как заключить трудовой договор по профессии, если работодатель предпочитает работника с большим стажем молодому кандидату. Возникают не равные права у граждан, устраивающихся на работу, хотя в соответствии с Конституцией статьей 19, пунктом 2 запрещается любая дискриминация в отношении граждан.

Что понимает работодатель под «молодой специалист»? Законодатель дает возрастной промежуток 14–35 лет (Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в РФ»). Каждая организация определяет свой возрастной ценз этому понятию (варьируется от 21 до 35). Также, ошибочно считается, что предприятия теряют время на обучение, адаптацию к работе – все это приводит к потере прибыли со стороны фирмы.

Если рассмотреть по гендерному различию, то тут для каждого свои причины для отказа. Мужской пол может попасть под дискриминацию из-за отсутствия военного билета. В итоге, юноши с 15 до 27 лет будут сталкиваться с этой возможной проблемой. Девушки обладают повышенным возрастным цензом от 15 возможно до 40 лет, все это связано с декретным отпуском, дальнейшим выходом замуж.

Таким образом, работодатель теряет работника совсем или оплачивает «декретный отпуск» (потеря ценного специалиста на определенный срок), причем в обоих случаях ему придется искать новую рабочую силу на это будет уходить время, а значит и прибыль.

Другой причиной отказа является отличие теоретических знаний, даваемых в ВУЗе от их практических применений. В связи с этим приходится уделять много времени обучению, оплачивать тренинги молодому работнику. В этом случае работодателям стоит взаимодействовать с высшими учебными заведениями, чтобы после получения диплома работнику не приходилось заканчивать курсы, предлагаемые самим предприятием для более успешной деятельности.

Так, например, около 7 млн граждан нашей страны получают дополнительное профессиональное образование. В государственной системе дополнительного профессионального образования насчитывается 1 500 таких учреждений. Они представлены институтами повышения квалификации, различными отраслевыми курсами, учебными центрами при службах занятости населения.

С 1 сентября 2021 года введена профориентация молодежи, где защищаются молодые специалисты от дискриминации на рынке труда, получают помощь со стороны государства во многих аспектах (жилье молодым семьям, наставничество, поддержка предпринимательства и т.д.).

Работодатель забывает о многих достоинствах молодых специалистов: умение быстро осваивать новое, стрессоустойчивость, наличие навыков ПК, творческие способности и т.д. Также легко подстроить работу под систему своего предприятий, так как работник не будет переучиваться, а только приобретать новое (психологи утверждают, научиться новому на много легче, чем забыть уже отработанные с годами рефлексы) – что может дать больший результат.

Например, работодатели ИТ-сферы стараются заключить трудовой договор с выпускниками, так как эта сфера развивается очень быстро, и молодые специалисты могут разбираться в новых технологиях лучше, чем сам работодатель. К сожалению, работодатели других сфер деятельности не принимают такую точку зрения. Возможно, при появлении в скором времени новых профессий работодатели тоже найдут в молодых работниках множество потенциала.

Законодатель четко регламентирует это момент в Трудовом Кодексе в статье 3, где запрещается любая дискриминация в отношении работника.

Почему же тогда всё-таки все «боятся» молодых специалистов? Как бороться с этим явлением? Почему выбор падает на кандидата с трудовым стажем один год, разница же не большая.

Работодатель, увидев в трудовой книжке стаж, понимает надежность работника, базовые знания в системе работы. Никто не хочет превращаться в «няньку» для своих сотрудников, что происходит в первый год рабочего процесса. Большую роль также играют инвестиции в обучения, которые не часто приносят прибыли конкурирующему предприятию. Молодые специалисты стараются найти более выгодные условия для своей трудовой деятельности.

Таким образом, мы видим, что причины отказа чаще всего состоят не из-за плохого знания молодых специалистов, а их жизненных позиций, которые не выгодны экономически работодателю. В современном обществе многие выпускники школ не могут определиться с каким родом деятельности связать свою жизнь. Если это явление будет сопровождаться еще дискриминацией при заключении трудового договора, то в ближайшем будущем государство получит либо массовую иммиграцию, либо большую потерю кадров.

В итоге, в Российской Федерации на данном этапе развития становится трудно соотносить требования работодателя с обретенными знаниями в высших

учебных заведениях работником. Рынок труда предполагает, что молодой специалист должен быть по профессиональным знаниям, умению работать на одном уровне с опытным работником. Также работодатель исключает человеческие факторы (свадьба, «больничный» и т.д.), семейную жизнь, так как ставит прибыль фирмы важным фактором.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Трудовой кодекс: Федеральный закон № 197 – ФЗ [принят Государственной Думой 21.12.2001 г.: одобрен Советом Федерации 26.12.2001 г.]
2. Российская Федерация. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года]
3. *Шibaева М.Н., Бенько Е.В.* Проблемы имиджмейкинга молодых специалистов: оценка работодателей. – 2015
4. *Белаш О.Ю., Чиркова А.А.* Оценка востребованности молодых специалистов на основе опроса работодателей. – 2018
5. *Девятков О.В.* Трудовые права граждан в вопросах и ответах: справочно-практическое пособие / О.В. Девятков, Е.А. Демкина; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. – 84 с.

И. В. Новичков, Д. А. Кезля
 Дальневосточный федеральный университет
 Юридическая школа
 Россия, Владивосток

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Цифровизация вот уже несколько десятилетий является одним из самых значимых векторов развития человечества. Очевидно, это повлияло и на характер общественных отношений, но в какой мере проникают современные технологии в трудовые правоотношения РФ? Ответом на этот вопрос призвано данное исследование.

Ключевые слова: Право, цифровизация, трудовое право, современные тенденции, новые технологии.

I. V. Novichok, D. A. Kezlia
 Far Eastern Federal University
 Law School
 Russia, Vladivostok

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON CHANGING THE NATURE OF LABOR RELATIONS

Abstract. Digitalization has been one of the most significant vectors of human development for several decades. Obviously, this has also affected the nature of public relations, but to what extent do modern technologies penetrate the labor relations of the Russian Federation? This study is intended to answer this question.

Keywords: Law, digitalization, labor law, modern trends, new technologies.

Цифровизация, как тенденция последних десятилетий, всё глубже проникает и изменяет общественную жизнь во всех её сферах. Однако нас больше интересуют трудовые отношения и их изменение в условиях процесса цифровизации. Таким образом, целью работы является анализ изменения занятости, а также последующие ее влияние на развитие трудовых отношений.

Цифровизация подразумевает под собой внедрение во все сферы жизни общества и в экономику цифровых техно-

логий, потоков передачи данных, а также цифровых передающих устройств [1, С. 399]. В Российской Федерации цифровизация экономики осуществляется на основании Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Данная программа устанавливает, что до 2030 года должны будут созданы правовая, экономическая и техническая системы, обособывающие цифровизацию общественных отношений в целом и цифровизацию трудовых отношений в частности [2, С. 3].

Внедрение новых технологий в производство повышает её эффективность, выводя экономику на новый уровень, однако это приводит к полному изменению трудовых отношений.

В докладе Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда отмечается: «Благодаря технологическим достижениям – искусственному интеллекту, автоматизации и робототехнике – будут создаваться новые рабочие места, однако те, кто потеряет работу в это переходное время, возможно, будут наименее подготовленными к тому, чтобы воспользоваться новыми возможностями. Профессиональные навыки, востребованные сегодня, не будут соответствовать рабочим местам завтрашнего дня, а вновь приобретаемые навыки могут быстро устаревать» [3, С. 10].

В связи с цифровизацией в трудовых отношениях прослеживаются следующие тенденции: 1) сокращение производственной сферы с одновременным ростом численности занятых в сфере услуг; 2) значительное сокращение (вплоть до полного исчезновения) некоторых профессий с одновременным появлением новых; 3) существенное изменение квалификационных требований в большинстве профессий.

Тенденция сокращения занятых в промышленной сфере началось еще в середине двадцатого века. Наглядным примером, является межсекторальное перераспределение работников (рис 1). Так, в период 1991–2018 гг. в глобальном разрезе произошло существенное увеличение доли работников сферы услуг (с 34 до 52 %) за счет сокращения занятости в сельском хозяйстве (с 43 до 26 %). Это свидетельствует о концентрации большей части рабочей силы в третичном секторе экономики, что означает новый облик трудовых отношений и очередной этап общественного развития, когда на смену материального производства в качестве доминирующей силы приходят нематериальные активы.

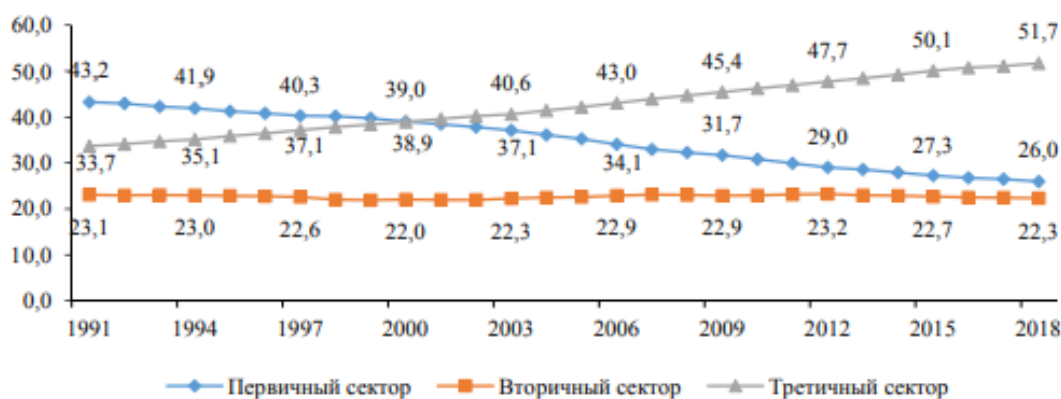

Рис 1. (Секторальное распределение работников в мире, %) [4, С. 253]

Более волнительное потрясение на рынке труда – это полное исчезновение профессии. Таким примером может стать диспетчер такси. Появление современных сервисов (таких, как Яндекс, Uber, inDriver) привело к тому, что процесс заказа такси стал возможен и без участия диспетчеров. Подобным примером в ближайшее время может послужить и профессия оператора переводов денежных средств. Актуальность профессии постепенно снижается с популяризацией специализированных приложений для смартфонов от банков.

Помимо вымещения профессии, подобные платформы создали новый вид занятости: «работники платформы» [1, С. 411]. Помимо таксистов, существует ряд других специалистов, которые работают посредством, так называемого, фриланса, суть которого заключается в том, что на интернет-платформах подобный работник находит заказчика и индивидуально договаривается с ним обо всех условиях. Как правило подобная работа происходит по гражданско-правовому договору или еще чаще без такового, что в корне не верно

и должно быть законодательно урегулировано, как особый вид трудовых отношений.

Также, технологии меняют набор навыков, которые востребованы на рынке труда. Навыки, которыми роботы не могут обладать – общие когнитивные навыки, такие как критическое мышление, и социальные поведенческие навыки, такие как управление эмоциями и их распознавание, которые повышают производительность команды – растут в цене. Работники с такими навыками с большей вероятностью адаптируются к требованиям рынка труда. Работа по погрузке и выгрузке, монтажные работы или управление автомобилями, относятся к категории ручного или физического труда – такие операции можно автоматизировать [5, С. 36].

Для того, чтобы сравнить и проанализировать тенденции цифровизации трудовых правоотношений обратимся к правовой системе Франции, которая всегда была на переднем крае совершенствования трудового законодательства. Также Франция считается одной из передовых стран Европы по использованию цифровых технологий (электронное правительство, предоставление онлайн-сервисов и др.).

Одним из основных причин развития правовой системы Франции является норма трудового кодекса, устанавливающая более выгодное/льготное положение для работника в случае коллизии трудового законодательства, коллективного договора и иных соглашений.

В связи с развитием цифровизации в трудовом праве стали появляться, новые институты: электронный документооборот, цифровое присутствие, цифровая детоксикация и т.д. Эти термины тесно связаны с регулированием трудовых отношений, трудовыми правами работников, а также сохранением личных данных и личной информацией. В этой связи основную роль играют локальные нормативные акты, которые регулируют данные вопросы. Именно это и является основным двигателем французской цифровизации в трудовом праве [6, С. 36].

Цифровизация неизбежна и представляет собой не единоразовое явление, а глобальный и систематический процесс. Она неизбежно внедряется во все сферы нашей жизни, но, к сожалению, если на каком-то этапе возникают заминки или трудности, то весь процесс тормозится и систему ждёт неизбежный крах. Поэтому задачей законодателя является как можно более эффективно и быстро нормативно закреплять развивающиеся общественные отношения.

Список литературы:

1. *Томашевский К.Л.* Цифровизация и ее влияние на рынок труда (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) / К.Л. Томашевский // Вестник СПбГУ. 2020. № 2. С. 398–413. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43054439> (дата обращения: 30.05.2021).
2. ПРОГРАММА «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г № 1632-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuRgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).
3. ГЛОБАЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ: МОТ. Женева. 2019. С. 91 [Электронный ресурс]. URL: http://rosprofzhe.rzd.ru/article_files/1_doc_mot.pdf (дата обращения: 30.05.2021).
4. *Попов А.В.* АНАЛИЗ СУЩНОСТНЫХ ОСНОВ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ / А.В. Попов // Вестник пермского национального-исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 4. С. 248–257. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44511721_80259988.pdf (дата обращения: 30.05.2021).
5. *Дохильгова Д.М., Ильсоева К.Х.* Влияние новых технологий на изменение характера труда // ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ. Самара: ИП Иванов Владислав Вячеславович, 2020. № 66-3. С. 34-39. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44118003> (дата обращения: 30.05.2021).
6. *Шония Г.В.* Трудовые отношения во Франции: вопросы цифровизации / Г.В. Шония // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11(63). С. 123–131.

УДК 349.2

Э. Г. Оганесян

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация. В данной статье поднимается проблема правового регулирования труда лиц, которые были осуждены к лишению свободы. Анализируются законодательные акты, регулирующие данную сферу. Поднимается проблема несовершенства законодательства.

Ключевые слова: Труд, осужденные, правовое регулирование, трудовая правосубъектность, трудовое законодательство, субсидиарность.

E. G. Oganessian

Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

LEGAL REGULATION OF LABOR OF PERSONS CONVENED TO DEPRIVAL OF FREEDOM

Abstract. This article raises the problem of legal regulation of the labor of persons who have been sentenced to imprisonment. Analyzes the legislative acts regulating this area. The problem of imperfection of legislation is raised.

Keywords: Labor, convicts, legal regulation, labor personality.

Согласно ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса РФ каждый осуждённый к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. В настоящее время осуждённые привлекаются к труду в центрах трудовой адаптации, которые создаются в исправительных колониях и производственных (трудо-вых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их [1].

Одним из важнейших источников правового регулирования в Российской Федерации, касаемое труда лиц, осужденных к лишению свободы, является Конституция РФ, а также Трудовой кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. В силу особого правового статуса человека, его трудовая деятельность также имеет некоторые особенности.

Основным вопросом применения законодательства в сфере труда осужденных лиц, является соотношение уголовно-исполнительного и трудового законодательства. На сегодняшний день трудовое законодательство применяется субсидиарно, то есть применяется отношение, складывающееся в одной отрасли к другой, и это вызывает немало споров, поскольку УИК РФ регулирует данный правовой институт поверхностно, но и трудовое законодательство также имеет свои пробелы [2, С. 37].

Важно отметить, что правоотношения, касающиеся сферы труда действуют на определенном устоявшемся пласте принципов, которые имеют весомое значение. Трудовое законодательство определяет общность основных принципов в регулировании отношений в сфере труда, взаимосвязь основных трудовых прав и обязанностей участвующих в трудовой деятельности лиц, как работающих, так и предоставляющих им работу. Также, в трудовом законодательстве эти лица определены как стороны трудового договора – работники и работодатели, однако содержащееся в ТК РФ определение не вполне соответствует правовой природе отношений, возникающих между осужденным, и организацией, предоставляющей ему работу или/и исправительным учреждением. Также, в трудовом законодательстве эти лица определены как стороны трудового договора – работники и работодатели, однако содержащееся в ТК РФ определение не вполне соответствует правовой природе отношений, возника-

ющих между осужденным, и организацией, предоставляющей ему работу или/и исправительным учреждением.

Несмотря на достаточную четкость и определенность некоторых положений УИК РФ, касающихся регулирования труда осужденных, которых, к слову, достаточно мало, поэтому следует подчеркнуть, что применительно конкретно к таким субъектам имеется своя специфика. Думается, что трудовое законодательство в своем перечне норм, а именно Трудовой кодекс РФ недостаточно полно отражает отношения, возникающие между конкретной организацией и лица осужденного за совершение преступления.

Именно поэтому законодательное регулирование труда осужденных к лишению свободы в целях придания системности, устранения имеющихся противоречий и восполнения существующих пробелов нуждается в довольно существенной корректировке [3, С. 2].

Так, важно отметить, что согласно статье 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации труд выступает в качестве одного из основных средств исправления осужденных. А осужденные мужчины старше 60 лет, женщины старше 55 лет, и инвалиды I и II группы привлекаются к труду только по их желанию.

Однако осужденные, отбывающие наказания в местах лишения свободы, в силу уголовно-исполнительного законодательства являются ограниченными в своих правах, в том числе трудовых. Например, осужденным запрещено прекращать свою работу для разрешения трудовых конфликтов. Отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и влекут за собой применение мер взыскания и материальную ответственность. При этом, предусмотрен перечень работ, на которых запрещается использование труда осужденных.

В соответствии с Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 30.12.2020) из заработной платы осужденных производятся удержания денежных средств в счет возмещения потерпевшим ущерба, причиненного преступлением, уплаты алиментов и иных взысканий. Кроме того, за счет заработной платы осужденные возмещают расходы по их содержанию. При этом, не менее 25 процентов от всех удержаний независимо от каких именно удержаний, в данном случае мы рассматриваем все, на лицевой счет осужденных зачисляется не менее 25 процентов начисленной им заработной платы, а на лицевой счет осужденных мужчин старше 60 лет, так же и женщин старше 55 лет, и лиц, являющихся инвалидами первой или второй группы, несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительного учреждения, – не менее 50 процентов [4].

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод о том, что отношения по привлечению лиц, осужденных к лишению свободы, к труду, равно как и сам труд осужденных обладают значительной спецификой. Которая обозначена в судебной практике. Особенности условий труда осужденных проявляются на всех этапах, условиях и обусловлены содержанием конкретных субъектов и ограничении их прав в связи с осуждением к лишению свободы.

Список литературы:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2 ст. 198.

2. Воронина Н. П. К вопросу об отраслевом правовом регулировании отношений по привлечению к труду лиц, осужденных к лишению свободы / Н. П. Воронина // Защита прав осужденных: опыт, проблемы, перспективы: Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара, Вологда, 20 апреля 2016 года / Под общей редакцией М. М. Попович. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 35–48.

3. Строгович Ю. Н., Жиляев Р. М. О некоторых вопросах правового регулирования труда осужденных к лишению свободы // МНИЖ. 2020. № 8-2 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-pravovogo-regulirovaniya-truda-osuzhdennykh-k-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 02.11.2021).

4. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41 ст. 4849.

УДК 349.2

П. С. Петрушенко

Ростовский филиал Российской таможенной академии
Юридический факультет
Россия, Ростов-на-Дону

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ – ПРИВЕРЖЕНЦЕВ РЕЛИГИИ

Аннотация. в статье исследуется вопрос трудовых отношений между работодателем и работниками – приверженцами религии, отмечаются основные причины трудовых споров – изменение трудовых функций работника, несовместимость требований трудовой дисциплины с исповедуемыми канонами исповедуемой религии, дискриминация работника по религиозному основанию.

Ключевые слова: вероисповедание, трудовые функции, дискриминация, религия, трудовой спор.

P. S. Petrusenko

Rostov Branch of the Russian Customs Academy
Law faculty
Rostov-on-Don, Russia

SOME FEATURES OF THE REGULATION OF THE WORK OF WORKERS – ADHERENTS OF RELIGION

Abstract: the article examines the issue of labor relations between an employer and employees who are adherents of religion, the main causes of labor disputes are noted – changes in the labor functions of an employee, incompatibility of labor discipline requirements with the professed canons of the professed religion, discrimination of an employee on religious grounds.

Keywords: religion, labor functions, discrimination, religion, labor dispute

В настоящее время в России зарегистрировано более 31 000 религиозных организаций и 60 конфессий. В многонациональном и многоконфессиональном государстве, которым является Россия, нередко возникают проблемы, трудовые споры, связанные с соблюдением работниками религиозных норм на работе, в процессе трудовой деятельности. Данные факты свидетельствуют об актуальности темы статьи.

Вопрос регулирования труда работников – приверженцев религии является достаточно неопределённым в плане его правового регулирования, поскольку вероисповедание и соблюдение религиозных норм являются разными по содержанию понятиями. Исследователи указывают на необходимость придерживаться естественно-правового подхода в данном вопросе, который бы учитывал многоплановость трудовых отношений между работником – приверженцем религии и работодателем [1, С. 163]. Конституция Российской Федерации гарантирует всем гражданам равенство прав и свобод человека, вне зависимости от их отношения к религии и убеждений, а также свободу вероисповедания. Но внутренний трудовой распорядок учреждения, организации не всегда предоставляет возможность сотрудникам – приверженцам религии реализовывать отправление религиозных обрядов на рабочем месте. Последняя громкая история связана с водителем автобуса в городе Хабаровске, который высадив всех пассажиров из автобуса, чтобы совершить намаз. В такой ситуации религиозные убеждения вступили в противоречие с рабочим регламентом [2].

Достаточно часто в суды обращаются граждане с исками о нарушении условий времени труда и отдыха по причине того, что они соблюдают религиозные нормы, а рабочий график не всегда позволяет им это осуществлять. Обычно такие вопросы согласовываются с руководством в индивидуальном порядке, в письменной форме, когда работнику предоставляется по его заявлению индивидуальное время на перерыв для отдыха и питания, о чём свидетельствует норма статьи 108 Трудового кодекса Российской Федерации. Российское трудовое законодательство для соблюдения религиозных паломничеств, постов предоставляет работнику право воспользоваться отпуском без сохранения заработной платы включительно до 14 дней (ст. 128 ТК РФ).

Россия, как закреплено в статье 14 Конституции Российской Федерации, является светским государством. Нормы Федерального закона от 26 сентября

1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» предоставляют всем гражданам право исповедовать индивидуально или совместно с другими лицами любую религию, совершать религиозные обряды и церемонии [3]. В Трудовом кодексе РФ установлен запрет на дискриминацию в области трудовой деятельности, связанной с вероисповеданием работника (статья 3), но только в том случае, если это не касается деловых качеств работника.

Выделим несколько направлений судебных споров работодателей с работниками-приверженцами религии. Во-первых, это споры, сопряженные с требованиями работников об изменении тех или иных трудовых функций как несоответствующих их убеждениям. Например, в судебной практике встречаются дела, когда медработники увольняются, поскольку отказываются участвовать в операциях, касающихся прерывания беременности (аборт), ссылаясь на свои религиозные убеждения и пункт 6 Декларации Всемирной медицинской ассоциации «О медицинских абортах», позволяющий отказаться от такого участия в таких процедурах по этическим и религиозным соображениям [4]. Но в данном случае религиозные убеждения вступают в противоречие с трудовым правом, когда врач своим отказом может причинить вред здоровью пациента.

В качестве примера можно привести дело по иску Переймак Р.В., который был уволен с работы по ряду обстоятельств, в том числе и по причине отказа провести анестезиологическое пособие при операции по прерыванию беременности. Свой отказ врач-реаниматолог мотивировал тем, что религиозные убеждения не позволяют ему участвовать в прерывании беременности [5]. Согласно статье 70 Федерального закона от 21.01.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», врач по религиозным убеждениям может не проводить те или иные медицинские процедуры, но тогда он обязан уведомить об этом главного врача письменно. Но врач не может отказаться от оказания пациенту медицинской помощи, если она необходима. Как отмечает Е.А. Серебрякова, «здесь важно различать понятия – оказывать лечение и проводить медицинские манипуляции по медицинским показателям» – то есть, во втором случае речь идет о сохранении жизни и здоровья пациента, и в такой ситуации никакие религиозные убеждения не могут оправдать врача, отказывающегося спасти пациента [6, С. 232]. Это единственная причина, снимающая ответственность с врача за отказ участвовать в медицинских манипуляциях. В данном конкретном случае суд отказал истцу в восстановлении на работе.

Другой пример – споры с работодателем, которые связаны с нарушением дресс-кода организации, учреждения, идущего вразрез с религиозными убеждениями работника. Наиболее типичные случаи – ношение хиджаба на рабочем месте. В Российской Федерации официально ношение хиджаба не запрещено (кроме школ, о чем есть специальное решение Верховного суда Российской Федерации), но каждая организация вправе устанавливать правила внутреннего распорядка, в частности, это относится к ношению одежды определенного стиля и формы на рабочем месте (дресс-код). Согласно Трудовому кодексу РФ, работодатель не вправе уволить работника за индивидуальность костюма, но работник обязан подчиняться внутреннему трудовому распорядку. В том случае, если ношение одежды, подчеркивающей религиозные убеждения работника, нарушает безопасность труда (закрывает обзор, развевающиеся одежды могут попасть в станок, иной механизм) работодатель за нарушение Правил трудового распорядка (ст. 15 ТК РФ) может объявить замечание, выговор или уволить (при наличии нескольких взысканий).

Другой вид споров связан с отказом работника получать заработную плату в безналичной форме, объясняя свой отказ с позиций религиозных и идеологических соображений. Такая ситуация рассматривалась в суде г. Москвы. Московский городской суд признал доводы сотрудника несостоятельными и отказал в удовлетворении заявленных требований. Согласно ст. 136 ТК РФ, выплата заработной платы в безналичной форме является правомерной [7]. Ногайлиева Ф.К. отмечает, что работодатель вправе заключить с работником дополнительное соглашение и выплачивать ему заработную плату в безналичном в форме, не нарушая при этом его религиозные убеждения [8, С. 22].

Следующий вид трудовых споров связан с нарушениями принципа светского государства. В этом случае истцом чаще выступает сам работодатель. Причина исков – установление нерабочих праздничных дней, имеющих отношение к мусульманским праздникам, которые нарушают принципы светского государства, подвергая дискриминации представителей иных вероисповеданий, а также лиц, которые не исповедуют никакой религии.

Например, в 2011 г. Верховный суд Российской Федерации в определении удовлетворил ходатайство жителя Уфы Сергея Дулова о признании нерабочими днями праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам незаконными, так как они нарушают его право на труд по дискриминационным религиозным основаниям. Верховный Суд Российской Федерации признал незаконность таких праздников в качестве выходных дней [9]. Позднее Президиум Верховного Суда Российской Федерации находит подлежащим отмене определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2011 г., решение Верховного Суда Республики Башкортостан было оставлено в силе [10].

Таким образом, работник имеет право соблюдать религиозные нормы, но их соблюдение не должно препятствовать выполнению трудовых обязанностей, не вступать в конфликт с этическими и моральными принципами, нормами корпоративной культуры. Если речь идет об особых условиях применения труда, работник обязан подчиняться общему трудовому распорядку, нормам безопасности труда, чтобы не создавать угрозу жизни и здоровья третьим лицам. Отказ соблюдать внутренние правила, обосновываемые религиозными убеждениями, не могут считаться конструктивным основанием для обжалования нарушения своих прав. Если же религиозные убеждения противостоят специфике той или иной работы, дезорганизуют деятельность организации или работодателя, работник несет ответственность как нарушитель норм трудового права. Регламентация вопросов, связанных с влиянием религиозных убеждений на трудовые правоотношения настоятельно требуют разработки особых подходов, с учетом баланса интересов государства и верующих граждан.

Список литературы:

1. Чернышева Л.А., Лебедева Г.П. Трудовые споры: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 160–166.
2. В Татарстане оценили поведение хабаровских водителей, высадивших пассажиров из автобусов ради намаза. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/521811>.
3. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
4. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта. Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г. URL: <https://www.wma.net/junior-doctors>.
5. Решение Сухиничского районного суда (Калужской области) № 2-147/2014 2-147/2014-М-117/2014 2-147/4/2014 М-117/2014 от 18 апреля 2014 г. по делу № 2-147/2014. URL: <https://sudact.ru/regular>.
6. Серебрякова Е.А. Системный характер трудового права и права социального обеспечения как отрасли и законодательства. (Первые Гусовские чтения): материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 230–234.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.11.2018 по делу № 33-48833/2018. – URL: <https://mosgorsud.ru>.
8. Ногайлиева Ф.К. Реализация свободы совести и вероисповедания в трудовых правоотношениях: судебная практика // Теология. Философия. Право. 2020. № 1 (13). С. 20–33.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2011 г. № 49-11-57 «Об отмене решения Верховного суда Республики Башкортостан от 27.06.2011. – URL: <https://justicemaker.ru>.
10. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 20-ПВ11. URL: <https://base.garant.ru/70143264>.

М. А. Полгар

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Институт «Таврическая академия»
Россия, Симферополь*

ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНГИБИТОР РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. в статье рассматриваются некоторые организационно-правовые вопросы, регламентирующие деятельность профсоюзных организаций на территории Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что существующие законодательные пробелы в анализируемой области приводят к замедленному развитию ряда демократических институтов.

Ключевые слова: профсоюзная организация, правовой статус профсоюзов, защитная функция профсоюзной организации, альтернативные профсоюзные организации, региональные профсоюзы.

M. A. Polgar

*Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
Institute «Tavricheskaya Academy»
Russia, Simferopol*

GAPS IN LEGISLATION ON THE REGULATION OF TRADE UNION ORGANIZATIONS AS AN INHIBITOR OF THE DEVELOPMENT OF A DEMOCRATIC SOCIETY

Abstract: the article deals with some organizational and legal issues that regulate the activities of trade union organizations in the Russian Federation. The author concludes that the existing legislative gaps in the area under analysis lead to the slow development of a number of democratic institutions.

Keywords: trade union organization, legal status of trade unions, protective function of trade union organization, alternative trade union organizations, regional trade unions.

За период становления Российской Федерации как демократического, социального, правового государства был накоплен определенный опыт функционирования профсоюзного движения, как одного из элементов института социального партнерства. Однако, на данном этапе развития, достаточно сложно говорить о сформированности и максимальной эффективности деятельности профсоюзов. На практике частыми являются противоречия, возникающие между выборным профсоюзным органом и представителями работодателя, связанные с некоторым несовершенством законодательного регулирования в сфере рассматриваемых явлений, что, безусловно приводит к недостаткам развития рассматриваемых отношений, а равно и к замедлению развития демократизации в обществе. Представляется необходимым обратиться к Конвенции МОТ № 135 от 23.06.1971 «О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях» [2, С. 2]. Данный международный нормативный правовой акт устанавливает положение, согласно которому национальное законодательство должно содержать такие нормы права, которые позволяют представителям работников эффективно выполнять свой функционал. Однако, что же происходит на практике? Активное ущемление прав профсоюзных организаций под предлогом сложившихся в стране экономических трудностей. Для подтверждения данной позиции обратимся к судебной практике. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2012 г. № 56-КГ12-3 отменяет решение районного суда об отказе в иске профсоюзу, который требовал признать незаконным отказ работодателя предоставить информацию о привлечении трудящихся к сверхурочной работе. Мотивировала коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации свое определение тем, что профсоюзные организации за-

конодательно наделены правомочием истребовать беспрепятственно и безвозмездно от работодателя информацию, затрагивающую социально-трудовую сторону деятельности работников с целью ее обработки для достижения общественно значимого результата [4].

Стоит отметить тот факт, что отсутствие возможности обжаловать действия профсоюзной организации по представительству трудящихся негативно отражается на доверии к подобным организациям. Согласно Конвенции, МОТ от 09.07.1948 № 87 «О свободе объединения и защите прав на организацию» профсоюзные организации самостоятельно определяют свои уставы, положения и регламенты, основывают свою деятельность в соответствии с принципом свободы выбора представителей, организации аппарата, регламентации собственной деятельности [1]. Конституционный Суд Российской Федерации в определении № 2774-О от 22.12.2015 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина на нарушение ее прав ст. 373 ТК РФ». В своих разъяснениях суд установил, что профсоюзные организации являются самостоятельной и независимой составляющей трудовых правоотношений, они организуют свою деятельность на основе данных принципов. Конституционный суд утверждает, что, если будет оказано влияние на процесс становления и формирования мнения профсоюза на предмет увольнения трудящегося по инициативе работодателя, в таком случае данное влияние будет нарушать концептуальный принцип свободы и независимости функционирования профсоюзной организации [3].

Одной из проблем, которая существует в современном российском правовом пространстве, является проблема развития альтернативных профсоюзов ввиду архаичности сложившейся системы. Именно альтернативные профсоюзы зачастую, не смотря на многочисленный членский состав, выражают свою позицию достаточно решительным способом, вступая в конфронтацию с властью. Одной из наиболее ярких форм деятельности данных профсоюзов является организация забастовок, в том числе и общенационального уровня. Наиболее масштабные забастовки были, например, в Тольятти на заводе АвтоВАЗ, на заводе «Форд» в Ленинградской области. Отличительной особенностью, которая отличает российские альтернативные профсоюзы от зарубежных, является их активное участие в политической жизни страны путем протестного движения. Зачастую нивелируются благодаря таким забастовочным движениям более мелкие, но не по значимости, проблемы. Представляется, что в том случае, если альтернативные профсоюзные организации будут обладать большей степенью сплоченности, они могут являться хорошей опорой для развития социал-демократического движения в Российской Федерации, которое, как мы можем наблюдать на примере зарубежных стран, может положительно сказываться на процессе развития общественных отношений.

Говоря о путях развития профсоюзных организаций в Российской Федерации, полагаем, стоит упомянуть о законодательном процессе. Профсоюзные организации не обладают правом законодательной инициативы. Однако они могут отстаивать социально-трудовые права и законные интересы трудящихся в процессе нормотворчества в рассматриваемой сфере. Представляется, что органы законодательной власти не в силах самостоятельно оценить потребности трудящихся. Именно поэтому акты, принятые без учета мнения профсоюзного движения, подвергаются конструктивной критике, которая, к сожалению, может оставаться лишь предметом доктринальных споров. В случае отсутствия соглашения между законодательными органами и профсоюзными организациями будет возникать конфронтация последних с властью. А значит, мы не сможем говорить о социальном партнерстве при отсутствии конструктивного диалога на различных стадиях законодательного процесса.

Представляется, что для достижения эффективного результата, профсоюзным организациям необходимо:

1) вовремя получать от государственных и муниципальных органов власти законопроекты и проекты иных нормативно-правовых актов в сфере социально-трудовых отношений с целью их рассмотрения и вынесения предложений и замечаний;

2) перед принятием нормативных правовых актов необходимо получить мнение профсоюзной организации путем проведения дополнительных консультаций, например, на заседании трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, чтобы достичь максимального уровня защиты и реализации прав работников;

3) разработать процедуру принятия участия профсоюзных организаций в рассмотрении нормативных правовых актов, а также предложений, которые вносятся профсоюзами, по принятию соответствующих нормативных правовых актов.

Представляется, что предложенные нами меры усовершенствования законодательства о регулировании деятельности профсоюзных организаций, способствуют более стремительному и в соответствии с Конституцией Российской Федерации развитию демократического общества в нашей стране. Рассмотренные проблемы требуют дальнейшего, более детального исследования.

Список литературы:

1. Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию: Конвенция № 87 Международной организации труда [принята в г. Сан-Франциско 09.07.1948 на 31-ой сессии Генеральной конференции МОТ]

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121088/ (дата обращения: 08.10.2021).

2. О защите прав представителей трудящихся на предприятии и предоставляемых им возможностях. Конвенция МОТ № 135 от 02.06.1971 г. II Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Женева: МБТ, 1991. Т.2.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 2774-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглова Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 6 статьи 1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», положениями статьи 373 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 4 статьи 12 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»: сайт. – URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 09.10.2021). – Текст: электронный.

4. Определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 56-КГ12-3: URL: <https://dogovor-urist.ru/> (дата обращения: 10.10.2021).

УДК 349.3

К. О. Реутов

*Волго-Вятский институт (филиал) ФГБОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»
Россия, Киров*

K. O. Reutov

*Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MGUA)
Russia, Kirov*

КОДИФИКАЦИЯ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО КОДЕКСА ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ)

Аннотация. В работе предпринята попытка охарактеризовать нынешнее состояние права социального обеспечения с точки зрения сложившейся правовой базы нормативных правовых актов и выявить, в связи с этим существующие проблемы. Проведен анализ содержания Социального кодекса Федеративной Республики Германии, и на основании данного акта предложен вариант кодификации социального обеспечения в Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное государство, право социального обеспечения, Конституция Российской Федерации, кодификация, Социальный кодекс Федеративной Республики Германии.

K. O. Reutov

*Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MGUA)
Russia, Kirov*

CODIFICATION OF SOCIAL SECURITY LAW IN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE SOCIAL CODE OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Abstract: The article attempts to characterize the current state of the legislation on social security from the point of view of the existing legal framework of normative legal acts and to identify existing problems in this regard. The content of the Social Code of the Federal Republic of Germany is analyzed and a variant of the codification of social security in the Russian Federation is proposed on the basis of this law.

Keywords: social state, social security law, Constitution of the Russian Federation, codification, Social Code of the Federal Republic of Germany.

В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) Россия – это прежде всего социальное государство, политика

которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Однако у многих правоведов возникает вопрос в связи с тем, что, хотя и Россия признана социальным государством, до сих пор отсутствует единый нормативный правовой акт, который бы позволял всецело урегулировать вопросы, связанные с социальным обеспечением.

Так, например, М.О. Водолазская в своей научной статье отмечает, что «на сегодняшний день сфера социального обеспечения перегружена нормативными актами, это возникает по причине того, что основные общественные отношения регулируются федеральными законами, но количество подзаконных и ведомственных актов не уменьшается» [4, С. 719].

Д.А. Старикова пишет о том, что «сложность, несистемность, запутанность текста источников права социального обеспечения, использование в нем математических формул, большого количества отсылочных норм, отсутствие единства терминологии, а также дублирование норм права не дают возможности гражданам правильно понять содержание своих прав и обязанностей в сфере социального обеспечения» [5, С. 259].

Еще одним толчком к необходимости кодификации права социального обеспечения послужили принятые в 2020 году поправки к Конституции РФ. В Законе РФ о поправке к Конституции РФ

«О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» было предложено дополнить ст. 75 и ст. 75.1 Конституции РФ [3]. Среди наиболее важных стоит отметить следующие социальные гарантии:

– государство гарантирует минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ;

– формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование;

– гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат;

– гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство.

Проблема заключается именно в том, что из-за большого объема информации отрасль становится бессистемной, вследствие этого трудно применять, изучать и интерпретировать существующие нормативные правовые акты в области социального обеспечения. Гражданину, не обладающему специальными знаниями в этой области, сложно самостоятельно выделять необходимую ему информацию. Ситуация усугубляется тем, что нормативные правовые акты постоянно вносятся изменения, а их наличие постоянно увеличивается, в связи с чем даже опытным юристам порой тяжело следить за такой скоростью изменения законодательства о социальном обеспечении.

Все это безусловно указывает на то, что на современном этапе развития России как социального государства необходимо реформирование в сфере социального обеспечения, которое будет сводиться к систематизации законодательства в форме кодификации. Хорошим примером для подобного рода кодификации служит Социальный кодекс Федеративной Республики Германия (далее – Кодекс ФРГ), который был принят в 1976 году и постепенно дополнялся новыми главами [2]. Сейчас Кодекс ФРГ включает в себя 12 книг, которые в свою очередь делятся на разделы, параграфы и статьи.

Хотелось бы дать краткую характеристику каждой главе, чтобы иметь общее представление о данном кодексе:

– 1 книга Кодекса ФРГ содержит общую часть и состоит из 4-х разделов и 71 параграфа: в них входят задачи, принципы и социальные права граждан, общие сведения о социальных пособиях и исполнителях;

– 2 книга посвящена безработным. Она состоит из 2-ух разделов и 83 параграфов, в основу которых положены цели и задачи обеспечения поиска работы для безработного, требования для признания ищущим работу, материальное и иное обеспечение безработных, надзор за правомерными действиями работодателей;

– 3 книга закрепляет общие положения о содействии труду, его стимулировании и страховании, профессиональной подготовке и повышению квалификации. Состоит из 5-ти разделов и 451 параграфа;

– 4 книга характеризует общие правила социального страхования: в нее входит сфера применения страхования, процедуры банкротства, оплата труда, положения о страховых взносах. Книга состоит из 10-ти разделов и 131 параграфа;

– 5 книга сосредоточена на медицинском страховании и состоит из 8-ми разделов и 417 параграфов: в ее основу входят вопросы медицинского страхования граждан и деятельность медицинских организаций в сфере оказания услуг, различные виды предоставляемых пособий и лекарственных препаратов;

– 6 книга закрепляет пенсионное страхование в Германии, фиксируя круг застрахованных лиц. В книге указаны различного рода пособия и услуги, положения о пенсии по старости, в связи со снижением трудоспособности, пенсия за смерть и иные виды пенсий. Состоит из 2-ух разделов и 321 параграфа;

– 7 книга гласит о страховании от несчастных случаев: в ней закреплен круг застрахованных лиц, положения о страховом случае, пособия и различные услуги при наступлении несчастного случая. Состоит из 4-х разделов и 224 параграфов;

– 8 книга посвящена помощи детям и подрастающему поколению: закреплены положения о бесплатной помощи детям и молодежи, воспитательный детский и молодежный контроль,

содействие воспитанию в семье, помощь в воспитании душевнобольных детей и подростков, помощь совершеннолетним. Состоит из 3-х разделов и 106 параграфов;

– 9 книга содержит положения о реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья: закрепляет условия признания человека инвалидом, услуги по медицинской реабилитации, развлекательные и образовательные услуги и другие, а также регламентирует порядок предоставления и выплат пособия при участии в трудовой деятельности. Книга состоит из 2-ух разделов и 241 параграфа;

– 10 книга регулирует социально-правовую процедуру управления, защиту персональных данных, а также сотрудничество социальных работников между собой и их взаимоотношения с третьими лицами. Состоит из 3-х разделов и 120 параграфов;

– 11 книга регламентирует социальное страхование по уходу, закрепляя деятельность органов опеки и объем предоставляемых услуг: устанавливает круг застрахованных лиц, реабилитационные мероприятия и необходимый объем пособий для застрахованного лица, так и для опекунов. Книга состоит из 3-х разделов и 153 параграфов;

– 12 книга является заключительной и закрепляет основы предоставления социальной помощи в виде выплат пособий и оказания услуг, в том числе ЖКХ. Состоит из 3-х разделов и 144 параграфов.

Проанализировав положения Кодекса ФРГ, правовую базу Российской Федерации, регламентирующую вопросы социального обеспечения, и различных авторов юридической литературы, представляется целесообразным предложить принятие российского нормативного правового акта о социальном обеспечении, именуемого «Кодексом социального обеспечения граждан в Российской Федерации», который приведет к упорядочиванию всех ныне существующих актов, наполненного следующим содержанием:

– общие положения о социальном обеспечении:
а) понятие, предмет, метод, система права социального обеспечения;

б) принципы социального обеспечения;
в) правоотношения в сфере социального обеспечения;
– трудовой стаж:

а) общий трудовой стаж; б) специальный трудовой стаж;
в) страховой стаж; г) специальный страховой стаж;
– занятость населения:

а) занятые граждане; б) безработные граждане;
в) предоставляемые гарантии и пособия.
– медицинское страхование:

а) социальное обслуживание; б) временная нетрудоспособность;

в) несчастные случаи на производстве и профессиональные заболевания;

г) вопросы материнства, отцовства и детства;

д) медицинская и лекарственная помощь;

е) предоставляемые гарантии и пособия;

– пенсионное страхование:

а) пенсия по старости; б) пенсия за выслугу лет; в) пенсия по инвалидности;

г) пенсия по случаю потери кормильца; д) социальные пенсии;

е) пенсионное и материальное обеспечение отдельных категорий граждан;

– порядок разрешения споров в сфере социального обеспечения;

– заключительные положения о социальном обеспечении.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. ст. 4398.

2. Sozialgesetzbuch (SGB): Auf den nachfolgenden Seiten steht Ihnen das Sozialgesetzbuch (SGB) mit seinen zwölf Teilen als Nachschlagewerk zur Verfügung. URL: <https://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/> (дата обращения: 20.11.2021).

3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных во-

просов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. ст. 1416.

4. *Водолазская М.О.* Проблемы кодификации права социального обеспечения в России // *Аллея науки*. 2018. Т. 3. № 1 (17). С. 718–720.

5. *Старикова Д.А.* Проблемы кодификации права социального обеспечения в России // В сборнике: *Инновационные научные исследования: теория, методология, практика*. Сборник статей победителей V Международной научно-практической конференции. 2017. С. 259–261.

УДК 349.3

У.Э. Сеитбекирова

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им.
В.И. Вернадского»
Россия, Симферополь*

ПРОБЛЕМА ВЗЫСКАНИЯ ИЗЛИШНЕ ВЫПЛАЧЕННЫХ ПЕНСИОННЫМ ФОНДОМ РФ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В данной работе рассматриваются два случая взыскания Пенсионным фондом РФ излишне выплаченных страховых сумм – при добросовестности и недобросовестности приобретателя. В зависимости от «статуса» приобретателя определяется лицо, которое будет нести ответственность за совершенные действия.

Ключевые слова: Пенсионный фонд РФ, добросовестный приобретатель, недобросовестный приобретатель, излишне выплаченные денежные суммы, неосновательное обогащение.

U. E. Seitbekirova

*Crimean Federal University
Russia, Simferopol*

THE PROBLEM OF COLLECTING OVERPAID MONEY FROM THE PENSION FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This paper examines two cases of collection by the Pension Fund of the Russian Federation of overpaid insurance sums – in case of good faith and bad faith of the purchaser. Depending on the “status” of the acquirer, a person is determined who will be responsible for the actions taken.

Keywords: Pension fund of the Russian Federation, bona fide acquirer, unscrupulous acquirer, overpaid sums of money, unjust enrichment.

Российская Федерация, как социальное государство, закрепляет в ст. 39 Конституции РФ право граждан на социальное обеспечение по различным основаниям: по возрасту, инвалидности, в случае потери кормильца, болезни, а также в иных случаях, предусмотренных законом. Однако на практике возникают проблемы, связанные с действиями обеих сторон социальных правоотношений. В частности, нас интересует проблема взыскания излишне выплаченных Пенсионным фондом РФ денежных средств [3].

Рассмотрим два возможных варианта, при которых происходит излишнее начисление Пенсионным фондом РФ денежных средств, – по вине пенсионера либо работодателя и по вине сотрудника Пенсионного фонда РФ.

Статья 28 Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» регулирует ответственность физических и юридических лиц за достоверность сведений, предоставляемых в Пенсионный фонд РФ в виде отдельных документов, а также содержит отсылку на иные правовые акты, регулирующие порядок действий в случае нарушения лицом соответствующих обязанностей [5]. Так, суммы пенсии, излишне выплаченные либо своевременно не выплаченные пенсионеру за прошедшее время в связи с ошибкой, допущенной при установлении и (или) выплате пенсии, определяются за весь период, в течение которого выплата пенсии пенсионеру производилась неправомерно [6].

В случае неправильного установления и осуществления выплат по вине физического или юридического лица, которые

предоставляют сведения в Пенсионный фонд РФ, они несут ответственность за совершенные неправомерные действия и, следовательно, с них взыскиваются денежные средства в качестве неосновательного обогащения [2].

При наличии ошибки со стороны Пенсионного фонда РФ, выражающейся в действиях его сотрудников, взыскать излишне уплаченные суммы нельзя, если лицо, получающее соответствующие социальные выплаты, является

добросовестным приобретателем. Добросовестность, согласно действующему гражданскому законодательству, заключается в том, что лицо, которое приобретает (по) имущество, не знает о том, что у другого лица отсутствует право на его отчуждение [1, С. 1, 2].

Невозможность взыскания излишне уплаченных денежных средств с добросовестного приобретателя объясняется следующими положениями.

Во-первых, ч. 3 ст. 302 Гражданского кодекса РФ закрепляет, что деньги и ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя.

Во-вторых, ст. 1109 ГК РФ закрепляет перечень имущества, которое не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения, среди которого заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки [2].

Для подтверждения указанных правовых норм обратимся к позиции Верховного Суда РФ. В п. 11 Обзора Верховного Суда РФ № 3 (2020) говорится о том, что излишне выплаченные Пенсионным фондом РФ суммы должны быть возвращены лицом, их получившим, только в случае наличия его недобросовестности или счетной ошибки. При этом факт недобросовестности должен доказывать истец (Пенсионный фонд РФ).

Так, например, на получателя определенных социальных выплат лежит обязанность извещения органа Пенсионного фонда РФ о смене своего места жительства, от выполнения которой зависит наличие либо отсутствие права на соответствующую выплату. Если лицо не выполнит эту обязанность, в результате чего право на получение денежных средств прекратится, а они продолжают выплачиваться, в таком случае оно будет считаться недобросовестным приобретателем и с него будут взысканы излишне уплаченные суммы [4].

В результате изложенного можно сделать следующие выводы:

1) Излишняя выплата страховых сумм может происходить в двух случаях: при недобросовестности приобретателя и, наоборот, при добросовестности его действий;

2) В случае недобросовестности физического или юридического лица излишне выплаченные денежные средства будут взысканы в качестве неосновательного обогащения;

3) В случае добросовестности лица и при отсутствии счетной ошибки излишне выплаченные денежные средства не могут быть взысканы Пенсионным фондом РФ.

Список литературы:

1. *Амелина Д.Н.* Проблемы защиты прав добросовестного приобретателя [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fa.ru/science/students/mnsk/V/%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE/%D0%90%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%94.%D0%9D.pdf> (дата обращения: 20.10.2021)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 1995 года. № 51-ФЗ // справ.-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 20.10.2021)

3. Конституция Российской Федерации: конституция от 12 декабря 1993 года // справ.-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.10.2021)

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2020 года. № 3 // справ.-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368947/2144b8391199377d00a63030be680794d9e25665e/ (дата обращения 20.10.2021)

5. О страховых пенсиях: Федеральный закон от 23 декабря 2013 года. № 400-ФЗ // справ.-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ (дата обращения 20.10.2021)

6. Об утверждении Правил выплаты пенсий, осуществления контроля за их выплатой, проведения проверок документов, необходимых для их выплаты, начисления за текущий месяц сумм пенсии в случае назначения пенсии другого вида либо в случае назначения другой пенсии в соответствии с законодательством Российской Федерации, определения излишне выплаченных сумм пенсии: Приказ Минтруда России от 17 ноября 2014 года. № 885н // справ.-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174130/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdad518/ (дата обращения 21.10.2021)

УДК 331.45

А. А. Спивак, Д. В. Есин

*Факультет правоохранительной деятельности
Кузбасский институт Федеральной Службы
Исполнения Наказаний
Россия, Новокузнецк*

ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с дискриминацией женщин в трудовых правоотношениях. Авторами предлагаются определенные меры для решения данной проблемы с целью установления реального равенства прав между мужчиной и женщиной.

Ключевые слова: дискриминация, труд, правоотношения, деятельность, гражданин, работник, работодатель.

A. A. Spivak, D. V. Yesin

*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service
Russia, Novokuznetsk*

THE PROBLEM OF DISCRIMINATION AGAINST WOMEN IN LABOR RELATIONS

Abstract: The article discusses the problems associated with discrimination of women in labor relations. The author also suggests certain measures to solve this problem in order to achieve real equality of rights between a man and a woman.

Keywords: discrimination, labor, legal relations, activity, citizen, employee, employer.

Для удовлетворения необходимых потребностей человека, каждому гражданину необходимы денежные средства. Соответственно, объективно каждый человек нуждается в финансах и для их получения осуществляет трудовую деятельность. Любая деятельность человека должна иметь определенную регламентацию и упорядоченность, что и обязывает выполнить государство в своем лице. Вследствие этого, при помощи трудового законодательства РФ, государство выступает гарантом для реализации трудовой деятельности ее граждан, а также берет на себя обязательства для реализации прав и свобод граждан в трудовых правоотношениях. Так, оно гарантирует создание и обеспечение нужных правовых условий для необходимого уровня согласования интересов, как работодателя, так и работника, интересов самого государства, и создание необходимых благоприятных условий для выполнения трудовой деятельности. Хотелось бы отметить, что Конституция Российской Федерации в статье 19 уточняет, что «...государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина не независимо от пола, а также, что мужчина и женщина имеют

равные права и свободы, и равные возможности для их реализации». Это же касается трудовых правоотношений граждан. А именно статья 2 Трудового кодекса Российской Федерации уточняет данную позицию. Однако на правоприменительной деятельности не так редко можно встретить ущемление женщин в трудовых правоотношениях. Во-первых, само государство вводит перечень производств, работ и должностей на которых ограничивается применение труда женщин. Это позволяет констатировать, что государство само способствует дискриминации женского пола в трудовых правоотношениях. Во-вторых, граждане женского пола встречаются ущемление прав в процессе заключения трудовых правоотношений и, в первую очередь, это связано с половой ассимиляцией, под которой принято считать непропорциональную представленность социальных и культурных ролей обоих полов, а также представлений о них в различных сферах в жизни, в частности и в трудовой. В-третьих, причиной

дискриминации женщин на российском рынке труда выступает процесс их сложной адаптации, к изменениям, как в политической сфере, так и социальной. Подобного рода проблемы находят проявление и при устройстве на работу и, комментируя свой отказ, работодатель использует завуалированные, и расплывчатые формулировки для аргументации своего отказа. А самой распространенной причиной, именно половой дискриминации, является по мнению И.К. Колос, которая в своей статье «К вопросу о дискриминации женщин при приеме на работу» утверждала, что «...бытующие в обществе мнения о том, что женщины не могут занимать определенные руководящие должности, а так же не могут занимать определенные профессии. Отсюда есть деление на «мужские профессии» и «женские профессии», например, к таким относят службу в правоохранительных органах, работу в сфере транспорта, а так же в сфере тяжелой промышленности и металлургии. Помимо этого сам работодатель не хочет встречаться с трудностями осуществления трудовой деятельности женщин по причине ухода в отпуск по беременности или уходу за ребенком...».

Таким образом, для того чтобы решить проблемы половой и любой другой дискриминации, ущемление работодателем прав работника при устройстве на работу необоснованным отказом приема, мы полагаем целесообразным установить закрытый (исчерпывающий) перечень причин отказа при устройстве на работу. Тем самым расширить содержание ст. 64 ТК РФ «Гарантии при заключении трудового договора» и обязать работодателя в письменной форме обосновать свой отказ, ссылаясь на перечень причин, закрепленных в статье. Таким образом, эти действия облегчат порядок устройства на работу и порядок обжалования отказа в суде, так как суд рассматривает спор между соискателем и работодателем по обстоятельствам, предоставленным человеком, устраивающимся на работу. Согласно статье 56 ГПК РФ на истца накладывается обязанность доказательства необоснованного отказа, что очень сильно усложняет процесс доказательства, так как, работодатель чаще всего использует размытые определения при отказе, и лишь при требовании соискателя работы предоставляет письменный ответ. По этой причине суд может рассматривать только мотивы работодателя отказать при устройстве на работу.

Одним из вариантов уменьшения дискриминации полагаем развитие деятельности центров трудовой занятости. Именно их деятельность направлена на оказания содействия занятости населения. Таким образом, реализуя политику развития легкой пищевой промышленности, где женский труд является очень востребованным, были организованы новые рабочие места для женщин. А так же, организация бесплатных тренингов и занятий мотивационной направленности для женского пола, с проведением тренингов и занятий под руководством самих женщин, которые добились успеха в бизнесе. При помощи данных действий возможно уменьшить неравенство прав мужчин и женщин в области труда.

Список литературы:

1. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Конвенция МОТ № 103 об охране материнства 1952 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021 с изменениями от 06.10.2021) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Приказ министерства труда № 512 от 18.07.2019 г. «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда на которых ограничивается применение труда женщин» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Закон Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 02.07.2021) «О занятости населения в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. – М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русано-ва». – 1988. – 408 с.

7. Безуголова А. А., Васильева О. С., Правдина Л. Р. «Особенности социально-психологической адаптации у лиц с разными стратегиями совладающего поведения» Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону Российский психологический журнал. 2017 ТОМ 14 № 4

8. Титаренко Л. Г. «Гендерный дисбаланс или рост гендерного равенства?» Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь Женщина в российском обществе 2020. № 1. С. 17–28

УДК 349.23/24

Я. И. Тычкова

*Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИЯ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы действия локальных актов в условиях применения дистанционного труда. Автор обращается к действующим локальным нормативным актам, и с помощью анализа указанных документов приводит в качестве примера мероприятия, способствующие преодолению некоторых пробелов в организации и регулировании удаленного труда.

Ключевые слова: локальные нормативные акты, правила внутреннего трудового распорядка, дистанционная работа, дистанционные работники, работодатели, рабочие обязанности.

Y. I. Tychkova

*Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF THE OPERATION OF LOCAL REGULATIONS IN THE CONDITIONS OF REMOTE LABOR

Abstract. The article discusses some actual problems of the operation of local acts in the conditions of remote labor. The author refers to the current local regulations, and with the help of the analysis of these documents gives as an example measures that help to overcome some gaps in the organization and regulation of remote work.

Keywords: local regulations, internal labor regulations, remote work, remote workers, employers, work responsibilities.

Сегодня одним из основных источников трудового законодательства является локальный нормативный акт [4, С. 44]. Именно он в наибольшей степени отражает сущность современных реалий в сфере взаимоотношений между работником и работодателем [5, С. 123]. Вопросы, относящиеся к действию локальных нормативных актов, в период с 2020 по 2021 г. обладают высокой актуальностью, в первую очередь, обусловленной широким распространением дистанционных технологий в рабочем процессе, но при этом слабо освещены в научной литературе.

В ТК РФ предусмотрена целая глава (49.1), посвященная организации труда дистанционных работников [1], которая не-

однократно упоминает о том, что удаленная работа может быть регламентирована локальными нормативными актами. Стоит отметить, что к данным документам можно отнести различные инструкции, методик, положения, правила, стандарты рабочего процесса, которые устанавливаются в организациях работодателем и не должны тем самым противоречить нормам ТК РФ и коллективным договорам и соглашениям [6, С. 36].

Рассмотрим действие локальных нормативных актов на примерах МБОУ «СОШ № 1 р.п. Базарный Карабулак Саратовской области» и ООО «Газпром нефтехим Салават». В первом случае для педагогических работников устанавливается продолжительность рабочего времени не более 36 часов, но работодатель не может проверить действительное количество отработанного времени (П.5.1.2). Ещё одним спорным моментом в данных ПВТР является запрет педагогам самостоятельно изменять расписание уроков и график работы, продолжительность занятий и перемен, исполнение этой нормы при дистанционном обучении проконтролировать так же достаточно сложно (П. 5.5.4). Необходимым и неотъемлемым пунктом в локальном нормативном акте МБОУ СОШ № 1 выступает обязанность учителей в охране здоровья детей с помощью общих и специальных предписаний по технике безопасности (П. 5.9), это, буквально, невозможно реализовать на практике. Отдельно говорится о профилактике развития утомления и предусматривается ряд мер для её предотвращения, например, гимнастика для глаз (П. 8), всё вышперечисленное очень сложно претворить в жизнь работниками в онлайн режиме, а у работодателей возникает ряд проблем с контролем над деятельностью работников и исполнением собственных обязанностей [2].

В локальном нормативном акте ООО «Газпром нефтехим Салават» тоже имеется немало норм, сложно воплощаемых на практике. Продолжительность рабочего времени составляет 40 часов в неделю, опять-таки как работодателю сложно, во-первых, контролировать этот процесс и, во-вторых, определить, кем в действительности могла исполняться работа, так и для работника рабочий день может быть намного длиннее установленного в документе. Также отдельного внимания заслуживает пункт, затрагивающий исполнение работодателем всех гарантий и условий по охране труда, закреплённых в ТК РФ, во время дистанционной работы (П. 5). Ярким примером будет являться соблюдение (несоблюдение) техники безопасности при работе с компьютером. В данном локальном акте особо регламентируются отношения, связанные с дисциплиной труда (П. 8), за которой работодателю в онлайн режиме достаточно проблематично следить и уж тем более привлекать сотрудников к дисциплинарной ответственности [3].

Особо хочется отметить тот факт, что во время дистанционной работы работники за свой счёт оплачивают электроэнергию и иные выплаты, вытекающие из исполнения ими трудовых обязанностей, и эти затраты никак не возмещаются, более того этот момент никак не урегулирован на данный момент в локальных нормативных актах.

Для улучшения сложившейся обстановки в сфере регулирования трудовых правоотношений с применением дистанционных технологий локальными нормативными актами можно предложить несколько мероприятий. Во-первых, увеличение количества добровольных медицинских обследований для работников, чтобы поддерживать хотя бы средний уровень здоровья работников, и в связи с этим внедрение дополнительных единовременных выплат на лекарства. Во-вторых, усилить проверку за выполнением закреплённых в нормативных актах обязательств, например, директор школы или специально назначенное лицо должно контролировать начало и конец онлайн урока, чтобы убедиться в его установленной продолжительности и личном исполнением работы определённым педагогом. В-третьих, проводить дистанционные ежедневные 15–20 минутные встречи руководителя с его работниками, чтобы тем самым обсуждать проблемы рабочего процесса и задания конкретных специалистов, что позволит поддержать диалог с работодателем или его представителем и проверить насколько работники выполняют свои рабочие задания (с помощью данного мероприятия появится возможность понять, кем в действительности исполняются рабочие функции). В-четвёртых, проводить больше лекций или онлайн встреч с сотрудниками медицинских учреждений на тему роли соблюдения правил работы за

компьютером и иных инструкций для здоровья и продуктивной работы человека. В-пятых, создание общего сайта, на котором будет вестись вся работа, с помощью него работодатель сможет проверять не только содержание и качество выполненных работником трудовых функций, но и время, потраченное на исполнение тех или иных трудовых обязательств. Такой, своего рода, портал облегчает контроль работодателя за работниками и сам рабочий процесс, так как все документы, программы и прочее будут сконцентрированы в одном месте.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. От 06.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I).

2. Правила внутреннего трудового распорядка МБОУ «СОШ № 1 р.п. Базарный Карабулак Саратовской области» от 29 августа 2019 г. № 3 // официальный сайт «СОШ № 1 р.п. Базарный Карабулак Саратовской области» URL: <http://s1bk.ucoz.ru/index/dokumenty/0-98>, дата обращения: 26.10.2021.

3. Правила внутреннего трудового распорядка ООО «Газпром нефтехим Салават» утверждены Приказом от 25.02.2021 г. № 129 // официальный сайт ООО «Газпром нефтехим Салават» URL: https://salavat-neftekhim.gazprom.ru/d/textpage/9a/154/politika-v-oblasti-pbiot-2019_a4_g.pdf, дата обращения: 26.10.2021.

4. Демидов Н. В. Трудовое право: учебное пособие для вузов / Н. В. Демидов. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 203 с.

5. Девятков О. В. Трудовые права граждан в вопросах и ответах: справочно-практическое пособие / О. В. Девятков, Е. А. Демкина; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. 84 с.

6. Трудовое право: учебник для вузов / Р. А. Курбанов [и др.]; под общей редакцией Р. А. Курбанова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 332 с.

УДК 349.23/24

Е. А. Хуртина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ТРУДОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ, ЗАКОН И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ

Аннотация. в статье рассматривается проблема волевого критерия в трудовых правоотношениях. Автор считает, что необходимо введение Реестра недееспособных лиц. В статье отмечается, что Трудовой кодекс Российской Федерации содержит запрет на привлечение к педагогической деятельности недееспособных граждан, однако получение данной информации для работодателя представляется невозможным.

Ключевые слова: трудовые правоотношения, недееспособные граждане, трудовой договор, реестр недееспособных лиц, волевой критерий.

E. A. Hurtina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

LABOUR PERSONALITY OF DISABLED CITIZENS: THEORY, LAW AND PROBLEMS OF PRACTICE

Abstract. The article considers the problem of a strong-willed criterion in labor legal relations. The author believes that the introduction of the Register of Incapacitated Persons is necessary. The article notes that the Labor Code of the Russian Federation prohibits the involvement of incompetent citizens in pedagogical activities, but it seems impossible to obtain this information for the employer.

Keywords: labour relations, incapacitated citizens, employment contract, register of incapacitated persons, strong-willed criterion.

Известно, что в наиболее полном объеме иметь права, а также приобретать обязанности могут лишь полностью дееспособные граждане.

Однако в силу установленных законом обстоятельств гражданин может быть признан недееспособным (наличие у лица психического расстройства, вследствие которого такой гражданин не может понимать значения своих действий или руководить ими (ст. 29 Гражданского кодекса РФ)). Решение о признании гражданина недееспособным принимается судом [1].

Факт признания гражданина недееспособным имеет межотраслевое значение, поскольку определяет правосубъектность не только в имущественных отношениях, регулируемых гражданским правом, но и в ряде иных отраслей, включая трудовое право.

В теории трудового права сложилось несколько позиций относительно значения волевого критерия в трудовых отношениях. Так, одни авторы полагают, что недееспособные лица не могут быть субъектами трудового права, поскольку вследствие расстройства умственных способностей они не могут в должной мере контролировать вид деятельности, осмысленно выполнять возложенные на них трудовые обязанности [2, С. 80].

Другие авторы, напротив, считают, что прекращение гражданской дееспособности не влечет за собой прекращения трудовой правосубъектности и не предполагает разграничения трудовой правоспособности и дееспособности, но имеет значение при определении ее объема трудовых правомочий [3, С. 11]. Возможность вступления таких граждан в трудовые правоотношения мотивирована тем, что, как правило, у них сохраняется физическая способность к труду.

Поскольку в Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) как общее правило отсутствует указание о невозможности признания недееспособных граждан субъектами трудового права, они могут вступать в трудовые отношения. Запрет на работу по найму для недееспособных лиц не предусмотрен и в Конституции РФ (ст. 37), которая относит право на труд к неотчуждаемым правам человека, и такая не отчуждаемость гарантируется ст. 55 Основного закона РФ.

При этом ч. 4 ст. 20 ТК РФ предоставляет недееспособным гражданам право в целях личного обслуживания выступать в качестве работодателя.

Правило ст. 171 Гражданского кодекса РФ о ничтожности сделок, совершенных недееспособным гражданином, к трудовым отношениям применено быть не может. Эту позицию занимает Верховный Суд Российской Федерации, изложивший ее в Определении от 23.04.2010 № 13-В10-2.

Гражданско-правовой подход проявляется и в том, что на практике возможность таких трудовых отношений допускают только с согласия опекуна. Заметим, что данный опыт не основан на законе. Никаких правил на счет роли опекуна в таком договоре закон не предусматривает.

Объективные сложности в этой сфере связаны не только с тем, как гарантировать занятость гражданам с пороками воли, но также в вопросе реализации положений закона, оправдано ограничивающих круг отношений с участием недееспособных граждан. Речь идет о практической проблеме выявления работодателем факта недееспособности работника, будущего работника, когда данный вид труда для него запрещен. Это, в частности, важно для замещения должностей педагогов (ст. 331 ТК РФ) или муниципальных служащих. Однако, пока в стране нет правовых механизмов, позволяющих работодателю установить факт недееспособности гражданина в указанных обстоятельствах. Оптимальным решением этой ситуации, считаем, создание федерального реестра недееспособных лиц. В марте 2020 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, предусматривающий формирование реестра недееспособных или ограниченно дееспособных граждан. Ведение такого реестра планировалось поручить Федеральной нотариальной палате. Основы законодательства РФ о нотариате дополнялись новой статьей 34.3-1.

В пояснительной записке к этому законопроекту констатировалось, что централизованный порядок регистрации этих юридических фактов объективно необходим. Оперативное установление дееспособности гражданина требуется при решении целого ряда правоприменительных вопросов, в имущественных отношениях, в избирательном праве, а также в сфере труда.

К сожалению, новая редакция данного законопроекта, подготовленная к первому чтению в Государственной Думе, без какого-либо обоснования исключила предложение о введении реестра недееспособных лиц.

Считаем, это ошибкой разработчиков проекта закона. Существование указанного реестра граждан, по сути, является единственным законным способом получения информации, имеющей принципиальное значение для исполнения норм, исключающих участие недееспособных граждан в конкретных правовых отношениях. Работодатели как сторона таких отношений должны с соблюдением требований о защите персональных данных получить статус получателя таких сведений.

Предложение о создании данного информационного ресурса, полагаем, вполне согласуется с существующей ныне практикой регистрации органами Федеральной налоговой службы решений судов о дисквалификации руководителей за нарушения трудового законодательства. Оно точно также призвано гарантировать соответствующие ограничения в сфере труда.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой» // СПС «КонсультантПлюс» // [Электронный Ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132150/ (дата обращения: 17.11.2021).

2. Трудовое право: учебник / Н.А. Бриллиантова, И.Я. Киселев [и др.]; под ред. О.В. Смирнова. М.: ТК Велби, Проспект, 2004.

3. Курс российского трудового права. Том 3. Трудовой договор / Коллектив авторов, СПб: Юридический центр Пресс, 2007. 890 с.

УДК 349.2

С. В. Шаньгина

*Удмуртский государственный университет
Институт права социального управления и безопасности
Россия, Ижевск*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГАРАНТИЙ ПРАВ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ РАБОТЫ С COVID-19

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы регулирования прав медицинских работников, осуществляющих свою деятельность в условиях работы с инфекционным заболеванием COVID-19. Проводится анализ международного и национального трудового законодательства, выделяются особенности регулирования труда работников, вводятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: медицинский работник, инфекционное заболевание COVID-19, компенсационные выплаты, гарантии, профсоюз.

S. V. Shangina

*Udmurt State University
Institute of Law, Social Management and Security
Russia, Izhevsk*

SOME ASPECTS OF GUARANTEES OF THE RIGHTS OF MEDICAL WORKERS IN THE CONDITIONS OF WORKING WITH COVID-19

Abstract: The article discusses some problematic issues of regulation of the rights of medical workers who carry out their activities in conditions of work with the infectious disease COVID-19. The analysis of international and national labor legislation is carried out, the peculiarities of regulating the labor of employees are highlighted, proposals for improving legislation are introduced.

Keywords: medical worker, infectious disease COVID-19, compensation payments, guarantees, the trade union.

С развитием непростой эпидемиологической ситуации во всем мире, вызванной инфекцией Covid-19, системы здравоохранения требуют принятия быстрых мер по мобилизации, а также реструктуризации медицинских учреждений для обеспечения необходимой медицинской помощью больных Covid-19. Медицинские работники осуществляют свою деятельность в условиях экстремальной нагрузки и находятся под постоянной и повышенной угрозой заражения.

В этой связи остро встает вопрос обеспечения безопасных условий труда медицинским работникам, выплаты компенсаций за работу в экстремальных условиях труда, и конечная цель – сохранение медицинского персонала для оказания медицинской помощи населению.

В целях обеспечения государственных гарантий по обязательному государственному страхованию работников медицинских организаций при исполнении ими трудовых обязанностей в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), Указом Президента РФ от 6 мая 2020 г. № 313 установлены дополнительные страховые гарантии в виде единовременной страховой выплаты. Одним из оснований установления страхового случая является причинение вреда здоровью медицинского работника в связи с развитием у него полученных при исполнении трудовых обязанностей заболевания, вызванных новой коронавирусной инфекцией.

Однако, несмотря на закрепление условий и размеров страховых гарантий и компенсаций медицинским работникам на законодательном уровне, механизм осуществления данных выплат имеет проблемные аспекты. Например, с 26 по 30 ноября 2020 г. проходил опрос медицинского сообщества «Врачи РФ» для «Открытых медиа». В нём приняло участие 676 медиков из разных регионов России. Опрос показал, что значительная часть российских медиков не получают в полном объеме надбавки за работу с «ковидными» больными, а также выплаты для переболевших COVID-19.

По результатам опроса, сложнее всего получить страховую премию врачам, заразившимся COVID-19 на работе. В 2021 году данная проблема остается актуальной. Так, в условиях роста заболеваемости COVID-19 медицинские работники находятся на передовой в борьбе с этим вирусом. Каждый день они рискуют своей жизнью и здоровьем, оказывая медицинскую помощь пациентам с COVID-19. Для осуществления защиты прав медицинских работников принимаются положения о выплате компенсаций в случае заражения новой коронавирусной инфекцией на работе. Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 15.12.2020 № 967 работодателю обязан незамедлительно создать врачебную комиссию по расследованию обстоятельств заражения медицинского работника с привлечением специалистов ФСС. Данная комиссия призвана установить факт заражения медиком именно при исполнении обязанностей, а не при иных обстоятельствах. Однако, несмотря на создание врачебной комиссии, на медицинского работников возлагается обязанность по доказыванию заражения COVID-19 при исполнении им трудовых обязанностей, при этом необходимо отметить то, что работник, оказывая медицинскую помощь пациенту, не всегда имеет данные о его заболевании ковидной инфекцией. В связи с этим на медработника возлагается двойная нагрузка. Так, работник осуществляя свою деятельность в условиях постоянного роста больных COVID-19 должен еще доказывать тот факт, что контактировал с пациентом, у которого обнаружен COVID-19. В результате данной проблемы качество оказываемой медицинской помощи снижается, что ведет к росту числа смертности среди населения страны.

Как решить данную проблему? Трудовое законодательство РФ устанавливает, что при повреждении здоровья или в случае смерти работника вследствие профессионального заболевания работнику возмещаются его утраченный заработок, а также связанные с повреждением здоровья дополнительные расходы на реабилитацию. Согласно Письму Роструда от 10.04.2020 № 550-ПР заражение медицинских работников на рабочем месте коронавирусной инфекцией подлежит расследованию как профессиональное заболевание. Обратимся к зарубежной практике. Например, в Италии причинная связь между работой и инфекцией автоматически принимается для врачей, медсестёр и других сотрудников системы здравоохранения, с тем чтобы обеспечить охват случаев, в которых выявление конкретных причин и методов работы инфекции является проблематичным [4, С. 147]. Таким образом, следует обратить особое внимание

на данную позицию с точки зрения внесения ее условий в законодательство РФ.

Еще более остро стоит проблема обеспечения гарантий прав работников, которые не относятся к медицинскому персоналу. По данным Росстата в 2013 году в России было 678 тысяч младшего медицинского персонала. К началу пандемии это число сократилось более чем на 60 %. Так, в 2018г. медицинские учреждения незаконно начали массово переводить санитарок в уборщицы. В результате чего работники, фактически оказывающие медицинскую помощь, не относятся к медицинскому персоналу, и, как следствие, лишены гарантий и компенсаций, предусмотренных законодательством. Процесс перевода санитарок в уборщицы был вызван необходимостью повышения заработных плат медицинскому персоналу. Одним из вариантов решения данной проблемы являлась оптимизация штата. Трудовые обязанности санитарок и уборщиц отличаются. Трудовые функции уборщицы сокращается до уборки отходов в помещениях, уборки и дезинфекции душевых, мытья полов, и т.д. Однако многие работодатели в нарушение трудового законодательства привлекают переведенных уборщиц к работам, относящимся к должностным обязанностям санитарок, например, сопровождение пациентов на медицинские процедуры, помощь маломобильным пациентам. При этом уровень окладов и надбавок, установленных для уборщиц, не изменяется, а также при переводе теряется часть льгот, предусмотренных для санитарок, в том числе компенсаций при работе с больными COVID-19.

Одну из ключевых ролей в разрешении споров играют профсоюзы. Роль профсоюзов проявляется в представлении и защите интересов работников в социально-экономической сфере, они защищают интересы конкретного человека как носителя рабочей силы.

Во многих странах мира профсоюзные организации активизируют борьбу за права трудящихся. Так, Лидеры профсоюзов работников здравоохранения и социального обслуживания Европейской федерации профсоюзов общественного обслуживания (ЕФПОО) провели мероприятия, направленные на борьбу за здоровье, социальные права работников и качественный медицинский уход [5, С. 5]

Для повышения эффективности деятельности профсоюзов в борьбе с возникающими проблемами организуется совместная работа с органами прокуратуры.

Так, например, Министерство здравоохранения РФ в письме от 21 мая 2020 г. № 16-3/И /1-6965, сократило круг лиц, имеющих право на получение в выплаты стимулирующего характера в результате работы с больными COVID-19.

Всероссийский профессиональный союз работников здравоохранения «Действие» направило обращение Генеральному прокурору РФ по поводу неправомерных указаний

министерства здравоохранения России в отношении правил начисления стимулирующих выплат. С точки зрения профсоюза, руководство Минздрава в своих разъяснениях региональным властям превысило свои должностные полномочия и распространили недостоверную информацию под видом достоверной.

Министерство здравоохранения РФ, рассмотрев обращение профсоюза, а также письмо, поступившее из Генеральной Прокуратуры РФ, признало, что Минздрав России не уполномочен давать официальные разъяснения порядка применения постановления № 415 (утративший силу) и постановления № 484. В письмах Минздрава России отсутствуют нормативные правовые предписания обязательные к исполнению».

Таким образом, для борьбы с возникшими проблемами необходимо внести коррективы в законодательство в сфере регулирования компенсационных выплат медицинским работникам, осуществляющим свою деятельность в условиях борьбы с COVID-19. Необходимо повысить эффективность и в дальнейшем совершенствовать организацию взаимной работы органов прокуратуры и профсоюза по выявлению, устранению и предупреждению правонарушений касающихся медицинских работников, осуществляющих свои трудовые функции в условиях борьбы с COVID-19 инфекцией, а также обеспечению их прав на получение гарантий и компенсаций

Список литературы:

1. Указом Президента РФ от 6 мая 2020 г. № 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников» (ред. от 30.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Постановление Правительства РФ от 15.12.2000 № 967 (ред. от 10.07.2020) «Об утверждении Положения о расследовании и учете профессиональных заболеваний» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Письмо Роструда от 10.04.2020 № 550-ПР «Об отнесении случаев заражения медицинских работников коронавирусной инфекцией к профессиональным заболеваниям» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Фонд социального страхования РФ. Социальное обеспечение за рубежом в условиях COVID-19 // Исследовано в России: электронный журнал ФСС РФ 2020. Т.1. С. 147. URL: <https://fss.ru/ru/news/455863/486693.shtml> (дата обращения: 10.08.2021).
5. Международные профсоюзы и работодатели выступили с заявлением в связи с пандемией // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». 2020. Т. 4. С. 5–7. URL: <https://www.solidarnost.org/news/mezhdunarodnye-profsoyuzy-i-rabotodateli-vystupili-s-zayavleniem-v-svyazi-s-pandemiej.html> (дата обращения 05.09.2021).

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

УДК 343.98

К. Б. Айрапетова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов*

РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТ И ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития преступности с использованием технологии блокчейн и криптовалют. Авторами предложены необходимые направления дальнейших исследований для разработки методик расследования противоправных деяний с применением данных технологий, а также способ организации настоящих исследований.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, киберпреступления, цифровая экономика, информационные технологии.

K. B. Airapetova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

RISKS OF USING CRYPTOCURRENCIES AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGY FOR CRIMINAL PURPOSES

Abstract. The article discusses the prospects for the development of crime using blockchain technology and cryptocurrencies. The author suggests the necessary directions for further research to develop methods for investigating illegal acts using these technologies, as well as a way to organize these studies.

Keywords: cryptocurrency, blockchain, cybercrime, digital economy, information technology.

Современное развитие информационных технологий нашло свое отражение во всех сферах человеческой деятельности. Увеличение количества инвестиций в цифровые стартапы, разработка сложнейших интернет-проектов, цифровизация государственных и коммерческих услуг и ряд других факторов позволяют утверждать, что общество стоит на пороге нового этапа в мировой экономике.

Безусловно, некоторые лица заинтересованы в возможности информационных технологий с точки зрения применения их в преступных целях [5, С. 265]. В начале прошлого десятилетия преступниками начали активно использоваться электронные деньги для расчетов между собой (QIWI, WebMoney, др.), однако на современном этапе возможности злоумышленников в применении данных технологий сильно ограничены, благодаря технологическим и тактическим разработкам правоохранительных органов, Центрального Банка РФ и др.

В настоящее время активное развитие получили технологии криптовалюты и блокчейн («blockchain» англ. – цепочка блоков). Данные разработки являются основой современных цифровых технологий. Согласно мнению профессора Ефимовой Л.Г. «ускоренного экономического развития добиваются те страны и экономические объединения, которые планомерно выстраивают механизмы своего лидерства в цифровой экономике... уровень развития финтеха в той или иной стране зависит от распространенности технологии блокчейн» [3, С. 139].

Исходя из новизны и постоянного развития настоящих технологий, отсутствие единого понимания их правовой природы, создание адекватного правового регулирования блокчейн и криптовалют является актуальной проблемой для всех отраслей права. Бесспорным является тот факт, что данный пробел в законодательстве и практике однозначно будет использован в преступных целях. Можно выделить следующие деяния, которые могут быть совершены с помощью криптовалют:

1. Взятничество с использованием криптовалюты как предмета взятки. Технология блокчейн в данном случае обе-

спечит для преступников анонимность операции и станет средством сокрытия преступления. Так, Мухин И.Г. прогнозирует применение схемы «фидуциарные деньги – криптовалюта – фидуциарные деньги» [4, С. 204–205]. То есть, лицо приобретает условную криптовалюту, переводит на виртуальный кошелек должностного лица, а, в свою очередь, данное должностное лицо реализует криптовалюту обратно в фидуциарные деньги.

2. Организация Ddos-атак в отношении бирж, вовлеченных в оборот криптовалют. Нарушение работоспособности данных сервисов способно привести к крупным финансовым потерям физических и юридических лиц.

3. Мошенничество, хищения и использование иных новейших преступных схем, направленных на собственность физических и юридических лиц. Технические и тактические возможности правоохранительных органов на сегодняшний день в отношении криптовалют и технологии блокчейн являются достаточно скудными. Такое условие создает благоприятную почву для совершения безнаказанных преступлений.

В целях эффективного противодействия злоумышленникам необходима разработка положений законодательства, регулирующих деятельность в рассматриваемой сфере, данное условие является бесспорным. Однако закрепление исключительно правовых положений не способно противостоять преступникам, прекрасно владеющими информационными технологиями и знаниями цифровой экономики.

Переподготовка сотрудников правоохранительных органов может стать одним из способов решения возникших проблем – введение в рамках настоящей переподготовки дисциплин о технологиях блоков транзакций. Также представляется необходимым привлечение к образовательным программам ведущих специалистов в сфере информационной безопасности.

Конечно, все операции с применением технологии блокчейн и криптовалютами однозначно оставляют следы в цифровом пространстве [1, С. 86]. Однако многие современные криптовалюты «замечают» оставленные следы, что препятствует расследованию преступлений. Считаем, что данные трудности являются для криминалистики временными. Ведь на заре возникновения компьютерных технологий сложно было предположить, что возможно криминалистическое исследование электронных и цифровых следов [2, С. 186].

Решение данной проблемы возможно исключительно силами не просто переподготовленных сотрудников правоохранительных органов, а профильных специалистов в области цифровых технологий и блокчейна. Путем разработки законодательных положений о государственном финансировании исследований цифровой природы криптовалют и блокчейна можно создать необходимые условия для изучения, какие следы остаются в информационном пространстве в процессе их использования.

При понимании цифровой природы рассматриваемых технологий открываются возможности полноценного их исследования, а, следовательно, и возможности разработки технических средств и тактических приемов для расследования преступлений в данной сфере.

Таким образом, развитие цифровых технологий, а, конкретно в рассматриваемом аспекте, развитие технологий блокчейн и криптовалют, влечет за собой как ускоренное экономическое развитие и цифровизацию экономики (положительный эффект), так и развитие новых способов совершения преступных деяний (отрицательный эффект). Для обеспечения безопасности общества, необходим оперативный и профессиональный подход к разработке методик и способов раскрытия подобных преступлений. Формирование соответствующей базы для достижения поставленной цели возможно исключительно с помощью привлечения профессиональных специалистов в данной сфере, а также фундаментальные исследования о возможности существования цифрового следа в информационном пространстве. Выявление такой «деформации кода» обеспечит формирование подходов к расследованию преступлений с использованием криптовалют и технологии блокчейн.

Список литературы:

1. Александров И. В. Криминалистика. Том 3. Криминалистическая техника. М.: Издательство Юрайт, 2019. 216 с.
2. Александров И. В. Криминалистика. Том 5. Методика расследования преступлений. М.: Издательство Юрайт, 2019. 242 с.
3. Ефимова Л. Г. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект: монография. М.: Проспект, 2021. 416 с.
4. Мухин И. Г. Криптовалюты как предмет преступного посягательства в криминалистике // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения). 2018. № 59. С. 202–205.
5. Сафронкина О. В. Киберпреступность как форма экономической преступности // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения). 2018. № 59. С. 262–265.

УДК 343.985

А. Г. Быданцев

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Юридический факультет
Россия, Пермь*

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при раскрытии и расследования мошенничества, совершенного с использованием средств мобильной связи.

Ключевые слова: мошенничество, средства мобильной связи, предупреждение, раскрытие, расследование.

A. G. Bydantsev

*Perm state national scientific university
Faculty of lower
Russia, Perm*

PROBLEMS OF INVESTIGATING FRAUD USING MOBILE COMMUNICATIONS

Abstract. The article discusses some of the problems that are revealed in the disclosure and investigation of fraud committed using mobile communications.

Keywords: fraud, mobile communications, warning, disclosure, investigation.

В последнее время в нашем государстве, в связи с развитием возможностей сети Интернет, распространением мобильной связи даже в самых труднодоступных территориях, увеличивается число преступлений,

совершаемых с использованием средств сотовой связи. В частности, сохраняется тенденция роста мошенничества с применением мобильных устройств (ст. 159 УК РФ). Поскольку данный вид преступлений появился недавно, то в практической деятельности нередко возникают сложности расследования таких преступлений. Данная статья посвящена изучению некоторых проблем, возникающих при расследовании мошенничества, совершенного с использованием средств сотовой связи.

В отечественной криминалистике имеются исследования, касающиеся расследования таких преступлений, однако их количество невелико. В первую очередь, это связано с тем, что данный вид преступлений является сравнительно новым, а вот в других, при их раскрытии и расследовании зачастую возникают трудности. Научный интерес представляет диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук А. Б. Максимович, в которой средства сотовой связи рассматриваются как объект криминалистического исследования. Исследователь дает определение средств сотовой связи – это обеспечивающие систему коммуникации, базовые станции, а также оконечное оборудование, в виде абонентских устройств, предна-

значенных для передачи речевой информации [1, С. 28]. Максимович проводит анализ научных работ, изучает уголовные дела, опрашивает сотрудников правоохранительных органов и делает вывод, что проблемы расследования преступлений с использованием мобильных устройств возникают вследствие незнания субъектами поисково-познавательной деятельности принципов их работы, устройства сотовых систем, правового порядка получения сведений с технических каналов связи и использование частных методов расследования [1, С. 5]. Поэтому необходимо усовершенствовать научные рекомендации и методическую базу в сфере расследования преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи. Также требуется разработка новых способов и приемов для того, чтобы эффективно раскрывать, расследовать, а также предупреждать такие общественно опасные деяния. Отметим, что не менее важным является

внедрение в расследование преступлений, где предметом посягательства являются средства сотовой связи, современных компьютерных и прочих технических возможностей. Это принесет пользу не только, как упоминалось выше, в раскрытии и расследовании преступлений, но и позволит свести к минимуму необходимые затраты – и временные, и экономические в следствии оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий. Следует обратить особое внимание на подготовку и повышение уровня квалификации специалистов, поскольку от специальных знаний и навыков применения методик и компьютерно-программных средств также зависит получение информации, что в свою очередь существенно влияет на оптимизацию решения задач уголовного судопроизводства.

Не менее важные проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи, отмечают Д. Н. Лозовский и И. Р. Ульянова. Авторы рассматривают основные аспекты расследования sms-мошенничества. Они анализируют способы хищения денежных средств путем мошенничества, связанного с использованием сотовых средств, и трудности в деятельности следственных органов по раскрытию и расследованию фактов мошенничества, совершаемых с использованием sms-сообщений. Так, например, необходимо установить личность лица, совершившего преступление. Чаще всего преступник, использует идентификационный электронный модуль абонента, зарегистрированный другого человека. Поэтому для установления личности злоумышленника получения необходимо получить данные о соединениях по номеру SIM-карты, а изъятие таких сведений производится по решению суда, поскольку такие сведения являются тайной телефонных переговоров. Безусловно, на это уходит дополнительное время [2, С. 146]. Не случайно Д. В. Флора отмечает, что длительность получения сведений по запросам следователя, приводит к бесперспективности возбужденных уголовных дел, совершенных с использованием средств сотовой связи [3, С. 90].

Также Д. Н. Лозовский и И. Р. Ульянова отмечают положительный опыт некоторых регионов по предупреждению, раскрытию и расследованию таких преступлений, где были созданы специальные базы данных. В такие базы заносятся сведения о уголовных делах, которые возбуждались по фактам «телефонного» мошенничества, абонентский номер SIM-карты, с которого производились звонки или sms-сообщения, номер IMEI мобильного устройства и другая информация. Например, в Саратовской области специалистом была разработана программа с такой базой, и благодаря ней за один год 195 нераскрытых уголовных дел были объединены в 38 дел, из которых 8 (это 32 эпизода) направлены в суд с обвинительным заключением [2, С. 146].

Соответственно, чтобы достичь положительного результата в сфере борьбы с преступными посягательствами, совершаемыми с помощью средств сотовой связи, необходимо пересмотреть порядок получения необходимой информации следственными органами для расследования преступлений исследуемой категории в сторону снижения временных затрат. Не следует забывать о важности взаимодействия оперативных подразделений и органов расследования, особенно об обобщении и распространении их опыта противодействия преступлениям такого рода, поэтому полагаем необходимым по примеру Саратовской области разработать базы данных уголовных дел со сведениями о номерах телефонов и мобильных устройствах, фигурировавших в них.

Таким образом, анализируя некоторые проблемы возникающих при расследовании довольно-таки нового преступления – мошенничества, совершенного с использованием средств сотовой связи, мы можем сделать вывод, что нужно продолжать изучение объективных закономерностей, характерных для данного вида преступлений. Также важно создать единообразную практику раскрытия и расследования таких дел.

Список литературы:

1. Лозовский Д. Н., Ульянова И. Р. Особенности расследования преступлений, совершенных путем смс-сообщений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. 144–147.
2. Максимович А. Б. Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 251 с.
3. Флоря Д. Ф. Отдельные аспекты определения места расследования преступлений, совершенного с применением сотовой связи // Научный вестник Орловского Юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 2. С. 88–91.

УДК 349.3

А. И. Вольфер

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (НГУЭУ)
г. Новосибирск, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль такой социальной сети, как Instagram в качестве носителя криминалистической информации, которая проявляется в виде видеозаписи, включая аудиозапись, а также фото, а так же анализируется вопрос классификации информационных следов с точки зрения криминалистики.

Ключевые слова: криминалистическая информация, Instagram, носитель криминалистической информации.

A. I. Volfer

*Novosibirsk State University of Economics and Management
«NINH» (NSUEU)
Novosibirsk, Russia*

SOCIAL MEDIA AS A SOURCE OF CRIMINALISTIC SIGNIFICANT INFORMATION

Abstract. The article examines the role of such a social network as Instagram as a carrier of forensic information, which manifests itself in the form of video recording, including audio recording, as well as a photo, and also analyzes the issue of classification of information traces from the point of view of forensic science.

Keywords: forensic information, Instagram, forensic information carrier.

Информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого гражданина. На сегодняшний день нельзя и представить обычную жизнь без использования источников интернета, поскольку на платформах интернета мы ищем полезную информацию, либо храним данные в так называемом «облаке», либо в целях развлечения читаем статьи, смотрим видеоролики. С приходом информационных технологий мы можем узнать многие вещи из жизни того или иного человека, с помощью информации, которую пользователи оставляют на своём аккаунте социальной сети. В социальных сетях молодёжь активно показывает свою жизнь, выставляя фотографии и видеозаписи, данная тенденция не является противозаконной да тех пор, пока не имеется факторов пропаганды и демонстрации правонарушений.

В связи с распространением и популяризацией социальных сетей на интернет-платформах совершаются преступления. Та-

ким образом, социальная сеть может стать источником криминалистической значимой информации.

В данной статье мы остановимся на такой социальной сети, как Instagram и проанализируем тенденцию проявления криминалистических факторов, а также рассмотрим вопрос о классификации информационных следов, а именно к каким следам можно отнести виртуальные (информационные) следы.

Под криминалистикой мы понимаем науку, которая изучает закономерности и механизмы совершения преступления, т.е. следы, оставшиеся на месте преступления. Каждый человек ежедневно оставляет следы и информацию о себе, такую как отпечатки пальцев, а также виртуальные следы в виде запечатления себя или кого-то при использовании фото и видео фиксации.[2] Таким образом, мы оставляем информацию о себе и других людях ежедневно, но не каждая информация будет являться криминалистической.

Информация, относящаяся к приготовлению, совершению, раскрытию всегда будет являться криминалистической значимой, так как именно информация в виде деталей, следов, факторов может помочь в цепочке раскрытия преступления.

На данный момент виртуальные следы всё больше и больше начинают выявляться в преступлениях. Этот факт исходит из того, что развиваются IT-технологии, а с приходом технологий, информационных систем жизнь людей меняются. Физические и юридические лица плотно связаны с информационными технологиями, ведь какую-либо информацию мы храним на цифровых носителях. Что касается социальных сетей, то здесь так же определить, что такие сети хранят в себе огромное количество информации и каждом пользователе сети.

В настоящий момент, в такой науке как криминалистика должным образом не классифицируют такие следы, как информационные. Возникает вопрос, а при наличии видеозаписи, которая несёт в себе криминалистическую значимую информацию, к какому из видов следов: виртуальный, информационный, идеальный мы должны отнести имеющуюся информацию?

На данный момент существует множество мнений в отношении квалификации следов, которые были оставлены на платформе интернета. Например, А. Б. Смушкин говорит о том, что под «виртуальными следами» следует понимать все криминалистические следы, которые были оставлены в интернете. [5] Так же, анализируя мнение В. А. Мещерякова, о том, что «виртуальные следы» – это такое изменение информационной системы, с которыми можно связать события преступления, зафиксированные в виде компьютерной информации, и они представляют собой следы, граничащие между материальными и идеальными следами.[4]

Рассматривая такую социальную сеть, как Instagram, нужно сказать, что данная сеть представляет собой развлекательную платформу, в которой люди делятся моментами своей жизни с помощью закрепления в своём виртуальном индивидуальном профиле фото и видео записей. Таким образом, социальная сеть Instagram является хранителем информации.

Случается так, что в сеть попадают материалы, которые по своему содержанию можно отнести к пропаганде негативно образа жизни, пропаганде материалов, запрещённых законодательством. При обнаружении такого вида публикаций такая социальная сеть как Instagram имеет право удалить и заблокировать подобные материалы.

В настоящий момент существует и другой вид информации, которая попадает и остаётся в Instagram, представляя собой не только ужасающую ситуацию, но ещё и информацию, которая впоследствии будет являться криминалистической значимой. Речь идёт о случае, который произошёл 13 сентября 2021 года в городе Зеленоград Московской области. Некая Тая Малич покончила собой и зафиксировала все свои действия посредством ведения так называемой прямой трансляцией в сети Instagram. Таким образом, девушка покончила собой – выпала с балкона и от полученных травм скончалась на месте [6].

Поскольку предварительной причиной того, что девушка покончить жизнью является расставание с молодым человеком, следствие не может оставить дело и требуется разобраться в причинах данного поступка молодой девушки. Таким об-

разом, следствию требуется собрать информацию, а видео прямой трансляции, в котором видно, как девушка падает с балкона дома будет являться существенно важным. Здесь возникает вопрос, а как расценивать информацию, конкретно видеозапись, прямой трансляции Instagram в котором запечатлено падение девушки? Итак, видеозапись следствие может перенести на электронный носитель, для использования в деле в дальнейшем, информация – является ключевой, поэтому запись важна для следствия, в данном видео – запечатлён момент подготовки и падения, а значит, информация имеет криминалистический аспект, и будет важной с точки зрения, как следствия, так и криминалистики. Смотря видео можно услышать, о чём говорит девушка в последние минуты своей жизни, а также можно посмотреть, что она делает, как жестикулирует и т.д. Непонятным остаётся тот факт, с какой целью девушка зафиксировать свои действия в прямой трансляции.

Ещё один случай произошёл 14 ноября 2016 года в Пскове. Двое 15-летних влюблённых – Денис М. и Екатерина В. – забаррикадировались в одном из жилых домов после того, как юноша ранил из травматического пистолета мать своей подруги, а затем открыл огонь по прибывшим на место сотрудникам полиции. Когда силовики проникли в дом, подростки были уже мертвы – по-видимому, они покончили с собой. Всё происшедшее подростки транслировали в Интернете [7].

Проанализировав вышеприведённые примеры, можно сказать, что прямые трансляции, где мы имеем дело с совершением преступления, с самоубийством – будут являться криминалистическими значимыми. Те платформы, которые изначально, разрабатывались для развлекательных целей, превращаются в платформу, в которой всё больше и больше проявляются криминалистическая важная информация.

Законодатель не определяет, как расценивать данный вид своего рода доказательства в форме видеозаписи, да и с точки зрения науки неясно куда всё-таки стоит относить следы, оставленные на интернет-платформах.

Анализируя трактовки следов, касающихся фото, видеозаписей мы можем определять их как: электронные, цифровые, информационные и т.д. Мы считаем, что следы, оставленные на интернет-платформе и содержащиеся в себе криминалистический характер должны относиться к числу виртуальных следов. Виртуальный след представляет собой электронно-цифровой объект, содержащий упорядоченную совокупность электронных цифровых данных, отражающих абстрактную модель и параметры реального объекта, вещества, явления или процесса. Таким образом, основываясь на примерах событий, приведённых ранее, можно сделать вывод о том, что запечатлённые в прямом эфире действия лиц, на видеозаписи, отражали модель и параметры объекта в виде действий граждан, которые повлекли за собой последствия. Следовательно, видеозапись, транслируемая, на пространстве интернета будет являться криминалистической, и в таком случае, выявленные в пространстве интернета следы, мы будем квалифицировать, как виртуальные.

Список литературы:

1. Агибалов В. Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 2.
2. Кабанова Ж. Ю., Шлее И. П. О видах криминалистического обеспечения деятельности исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32).
3. Кирсанова Светлана Олеговна, Калинина Алина Александровна Виртуальные следы: понятие, сущность, проблемы // Скиф. 2018. № 3
4. Мещерякова В. А. Преступность в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования // Издательство Воронежского государственного университета. 2002. С. 94
5. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. Вып. 8. С. 43
6. Новости технологий: [Электронный ресурс]. URL: <https://zensovet.ru/taya-malich-iz-zelenograda-sovershila-samoubijstvo/> (дата обращения: 07.10.2021).
7. Новости: [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2016-11-20/314398_tragediya_v_pskove_vlyublennyye_podrostki_obstrelyali_politseyskih_i_ubili_sebya (дата обращения: 07.10.2021).

УДК 343.98.062

Д. Л. Дзюман, М. В. Ромаданова
Южно-Уральский государственный университет
Юридический институт
Россия, Челябинск

ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается понятие цифровых следов, виды и особенности их обнаружения. На основе анализа соответствующих источников авторы выявляют современные проблемы обнаружения цифровых следов при расследовании преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровые следы, цифровые технологии, расследование преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, компьютерные сети.

D. L. Dzyuman, M. V. Romadanova
South Ural State University
Law institute
Russia, Chelyabinsk

FEATURES OF DIGITAL TRACE DETECTION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. The article discusses the concept of digital traces, types and features of their detection. Based on the analysis of relevant sources, the authors identify modern problems of detecting digital traces in the investigation of crimes committed using digital technologies.

Keywords: digital traces, digital technologies, software, devices, computer networks.

На современном этапе цифровые технологии используются повсеместно, в том числе и преступниками при совершении преступлений. За последние годы киберпреступность заметно набрала обороты, в связи с этим все чаще расследование преступлений так или иначе связано с использованием цифровой техники. С наступлением пандемии киберпреступность заметно расширилась во всех направлениях. Таким образом, цифровые следы стали прослеживаться в очень многих преступлениях, поэтому сегодня обнаружение цифровых следов заняло особое место в следственной и розыскной деятельности.

К цифровым следам можно отнести криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе возникновения данной информации, ее обработки, хранения и передачи [3, С. 7].

Следует отметить, что при работе с цифровыми следами существующие средства и методы криминалистики чаще всего оказываются бесполезными. Кроме того, методика и приемы работы с цифровыми следами не отражены в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, существуют лишь отдельные внутриведомственные рекомендации по их обнаружению.

Так, для того чтобы обнаружить следы уничтожения данных, таких как удаление файлов, каталогов, размагничивания или разрушение цифрового носителя, следует использовать специальные программы, проводить оценку программного обеспечения или же изучить записи на бумажных носителях. Для качественного выявления цифровых следов требуется помощь специалистов, так как чаще всего неподготовленные сотрудники не смогут обнаружить цифровые

следы без специальных знаний и оборудования. Это связано с тем, что преступники очень часто пытаются скрыть следы преступной деятельности, в частности используют различные программные продукты для шифрования или уничтожения информации, используют чужие сети для интернет-подключения и т.д. [4, С. 61].

Цифровые следы также могут оставаться при удаленном доступе, с использованием компьютерных сетей, это связано с тем, что устройство, через которое производился доступ имеет данные, запрашиваемые у преступника, который соединял-

А. К. Еферин

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, СаратовНЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Аннотация. в настоящей статье исследуются некоторые особенности методики расследования взяточничества. В частности, обращено внимание на важность своевременного выявления и фиксации различных электронных коммуникаций при совершении взяточничества. Также приводятся некоторые особенности личности взяточника, исследуется специфика производства отдельных следственных действий, рассматриваются наиболее типичные следственные ситуации по делам о взятках.

Ключевые слова: взяточничество, коррупционные преступления, методика расследования, следственная ситуация, следственная версия.

А. К. Eferin

Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, SaratovSOME FEATURES OF THE PROCEDURE
BRIBERY INVESTIGATIONS

Abstract. This article examines some of the features of the bribery investigation methodology. In particular, attention is paid to the importance of timely detection and recording of various electronic communications when bribery is committed. Also, some features of the personality of the bribe-taker are given, the specifics of the production of individual investigative actions are investigated, the most typical investigative situations in cases of bribery are considered.

Keywords: bribery, corruption crimes, investigation methodology, investigative situation, investigative version.

Согласно п. 45 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» на фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растёт потребность общества в усилении борьбы с коррупцией [1]. В связи с этим достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путём реализации государственной политики, направленной, в частности, на предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности (пп. 13 п. 47 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400). Также необходимо помнить про активное развитие науки и техники, что приводит к появлению, например, взяточничества, совершаемого с применением средств сотовой связи и сети Интернет. Основной задачей криминалистики при борьбе с данными преступлениями является «вооружение» следователя техническими, тактическими, методическими средствами, методами в целях повышения эффективности и качества расследования преступлений. Всё вышесказанное убедительно показывает актуальность выявления существенных особенностей методики расследования взяточничества, совершенствования общей методики расследования данных составов коррупционных преступлений.

Прежде чем изучить конкретные особенности методики расследования взяточничества, необходимо дать краткую криминалистическую характеристику коррупционным преступлениям в целом и взяточничеству в частности. Так, следует согласиться с приведённым Ю. П. Гармаевым определением коррупционных преступлений, в соответствии с которым таковыми являются запрещённые уголовным законом умышленные общественно опасные деяния должностных лиц, служащих и управленцев с использованием должностного положения, а также иных лиц, заинтересованных в реализации определённых действий (бездействия) перечисленными субъектами, совершаемые из корыстной или иной личной заинтересованности, направленные

ся с другим компьютерным устройством. Поэтому у специалиста есть возможность узнать указанные данные: электронный адрес, версию программного обеспечения и некоторые другие данные. Для идентификации личности, при обращении преступника на сервер, устройство запрашивает логин и пароль, что можно отнести к цифровым следам. Также в данном случае следами преступления может считаться использованные файлы и каталоги, изменения в размерах и содержимом файлах, изменения в дате их создания или переименования, а также появление новых файлов, каталогов или программ [2, С. 70].

Признаками преступного доступа к информации на цифровых устройствах также является обнаружение изменений в ранее заданной конфигурации, изменение цвета экрана при включении, изменение взаимодействия подключенных устройств, таких как модем, принтер, сканер и пр., появление или удаление различных устройств. Кроме того, это может быть неправильная загрузка системы или ее замедление, зависание устройства при использовании, появление нестандартных знаков, символов, окон и т.д.

Специалисту по обнаружению цифровых следов преступления следует оценивать все описанные признаки в совокупности, а при подозрении внимательно проанализировать. Данную совокупность признаков можно назвать базовым источником информации о преступлениях на цифровых носителях, они дают возможность правильно оценить действия преступника и сделать выводы о выявлении и фиксации цифровых следов [5, С. 87].

Крайне важно для обнаружения цифровых следов привлекать специалистов в области современных цифровых технологий на этапе подготовки к следственным действиям, так как без их поддержки обнаружение и дальнейшая фиксация следов не всегда возможна. При этом часто возникает проблема, которая состоит в том, что следователь должен понимать какими знаниями должен обладать приглашенный специалист, чтобы обнаружить цифровые следы, так как их вариативность сегодня просто огромна.

Таким образом, объем знаний в области информационных систем значительно влияет на процесс расследования и обнаружение цифровых следов.

Значительные затруднения для уточнения источника цифровых следов возникает при осмотре крупных компьютерных сетей, так как их работу остановить не всегда возможно, ввиду постоянного производственного или рабочего процесса. Кроме того, не всегда есть в наличии требуемое оборудование для обнаружения цифровых следов криминального толка [1, С. 66].

Отметим также, что специальное оборудование для обнаружения цифровых следов, которое может понадобиться на месте преступления должно заранее подбираться, но как показывает практика список данного оборудования никогда не бывает исчерпывающим.

Таким образом, отсутствие комплексного подхода к обнаружению цифровых следов при расследовании преступлений совершаемых с использованием цифровых технологий ведет к ошибкам, связанных с грамотным и своевременным обнаружением этих следов, что сказывается на качественном раскрытии преступлений.

Список литературы:

1. Бахтеев Д. В., Смахтин Е. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6 (129). С. 61–68.
2. Иванов В. Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 3. С. 64–71.
3. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–8.
4. Чекунов И. Г., Рядовский И. А., Иванов М. А. [и др.]. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / под ред. И. Г. Чекунова. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. 106 с.
5. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие для вузов / отв. ред. С. В. Зуев. М.: Юрайт, 2020. 193 с.

на получение выгоды для себя или для третьих лиц и причиняющие вред законным интересам граждан, общества и государства [2, с. 177]. Что же касается взяточничества, то эти составы являются лишь частью коррупционных преступлений. В этой связи будет уместно сослаться на Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», согласно которому составы взяточничества (ст. 290, ст. 291, ст. 291.1, ст. 291.2 УК РФ) отнесены к числу «безусловных» коррупционных преступлений, являющиеся «основными» (пункт 2 перечня под номером 23) [3].

Личность взяточника отличается своеобразием личных качеств. Как правило, речь идёт о карьеризме, корысти, неразборчивости в связях и средствах улучшения материального положения. Представляется, что осведомлённость о таких особенностях личности преступника необходима для верного выбора тактических приёмов, применяемых в процессе расследования.

Уголовные дела о составах взяточничества при наличии достаточных оснований могут быть возбуждены по любому поводу, указанном в ст. 140 УПК РФ. Вместе с тем ряд исследователей, например Д.А. Степаненко, Р.А. Степаненко, отмечают приоритетность ОРМ в выявлении коррупционных преступлений, и, в частности, взяточничества, возводя данный тезис в один из принципов реализации общей методики расследования взяточничества [4, с. 152]. Аргументами выступают, во-первых, факт того, что свыше 70 % решений о признании лиц виновными в совершении коррупционных преступлений, основаны на доказательствах вины, полученных в рамках оперативно-розыскной деятельности, а во-вторых, факт того, что обстоятельства, связанные с доказанностью прямого умысла и (или) корыстного мотива коррупционера зачастую устанавливаются в результате ОРМ. Однако следует заметить, что выявление преступления с целью дальнейшего возбуждения уголовного дела и непосредственное содействие оперативными работниками в поиске доказательственного материала уже после возбуждения дела – разные вещи. Исходя из этого, выводы названных исследователей о приоритетности именно ОРМ в выявлении взяточничества кажутся не вполне аргументированными. Представляется, что выводы о частоте того или иного повода к возбуждению уголовного дела можно основывать лишь на сравнительной статистике. При этом, следует оговориться, что сказанное выше не умаляет значение оперативно-розыскных мероприятий в выявлении и способствовании расследования взяточничества.

Исходя из имеющегося у следователя доказательственного материала и источника первоначальных сведений, к типичным следственным ситуациям следует отнести, например, возбуждение уголовного дела по факту взяточничества, о котором стало известно из средств массовой информации. Вместе с тем, представляется важным учитывать бурное развитие современных технологий различного характера. Как справедливо отмечали В.А. Мещеряков, Е.А. Пидусов, в настоящее время коммуникационной средой для проведения переговоров об обстоятельствах дачи/получения взяток становятся всё более неожиданные компьютерные приложения, например коммуникационные сервисы компьютерных игр, миры виртуальной реальности (типа SecondLife и т.п.), в то время как достаточно традиционные – электронная почта и интернет-мессенджеры (например, ICQ, IRC, Skype, MyChat, AIM и т.п.) – отходят на второй план [5, с. 77]. Таким образом, всё более актуальным становится своевременное выявление, документирование вышеуказанных коммуникаций. Также следует отметить такие типичные следственные ситуации, как возбуждение уголовного дела по факту взяточничества, о котором стало известно из заявления или сообщений учреждений, организаций по итогам проверок в порядке ст. 144 УПК РФ; возбуждение уголовного дела по факту взяточничества, о котором стало известно из материалов иных уголовных дел либо по итогам ОРМ.

В рамках вышеуказанных следственных ситуаций осуществляются различные первоначальные следственные действия, центральными из которых по анализируемой категории дел являются осмотр документов (включая электронные). Обо-

значенная приоритетность обусловлена тем, что, как правило, именно документы являются основными источниками сведений о фактах. Представляется, что осмотр документов следует проводить непосредственно в организации, так как их истребование от должностных лиц порождает возможность их фальсификации, уничтожения, что существенно снижает эффективность данного следственного действия. При осмотре документов надлежит обращать внимание как на внешние признаки (соблюдение формы, признаки подлога или подделки), так и на содержательную сторону того или иного документа. Последнее целесообразней осуществлять, в том числе, путём сопоставления осматриваемых документов с иными материалами дела.

Как известно, взяточничество зачастую носит неоднократный характер. В этой связи целесообразно выдвигать и осуществлять проверку версии о систематической преступной деятельности привлекаемых к ответственности должностных лиц. Также, по мнению А. И. Бастрыкина, «важной версией, подлежащей обязательной проверке, является предположение о связи расследуемого должностного преступления с преступными деяниями иного рода (хищения, приписки и т.д.)» [6, с. 457].

Затрагивая вопрос о тенденциях, следует отметить, что в последнее время учёные активно изучают возможность использования искусственного интеллекта в противодействии коррупции. Так, например, в рамках проведённого в 2020 году Гайдаровского форума на базе РАНХиГС эксперты пришли к выводу, что цифровизация способна значительно повысить прозрачность государственного управления, оказать помощь в выявлении коррупционных отношений, а также оптимизировать деятельность субъектов противодействия коррупции [7, с. 126].

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, следует, во-первых, подчеркнуть актуальность усиления борьбы с различными коррупционными преступлениями, принципиально реагируя на конкретные их проявления, прежде всего, на самых «верхах»; во-вторых, иметь ввиду широкий подход к пониманию коррупционных преступлений, считая взяточничество лишь частью целого; в-третьих, активно выявлять и фиксировать различные электронные коммуникации, принимая во внимание стремительный научно-технический прогресс; в-четвёртых, учитывать особенности личности взяточника, специфику производства отдельных следственных действий, грамотно оценивать конкретную следственную ситуацию для эффективного расследования взяточничества.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
2. *Гармаев Ю.П.* Основы криминалистической характеристики коррупционных преступлений: обновлённый методологический подход // Вестник Во-сточно-Сибирского института МВД России. 2020. 2 (93). С. 174–183.
3. Указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России № 3 от 25.12.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382494/ (дата обращения: 05.10.2021).
4. *Степаненко Д.А., Степаненко Р.А.* Принципы построения общей методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 149–156.
5. *Мещеряков В.А., Пидусов Е.А.* Некоторые особенности первоначального этапа расследования взяточничества, совершаемого с применением средств сотовой связи и коммуникационных приложений в сети Интернет // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 76–80.
6. *Бастрыкин А.И.* Криминалистика. Учебник. Том II / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2014. – 559, [1] с.
7. *Воронцов С.А., Понделков А.В.* Противодействие коррупции: репрессии или цифровизация? // Власть. 2020. № 5. С. 124–131.

А. Н. Жданов

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Юридический факультет
Россия, Пермь*

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы, возникающие в практике раскрытия и расследования мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, раскрытие, расследование, собственность.

A. N. Zhdanov

*Perm state national scientific university
Faculty of lower
Russia, Perm*

PROBLEMS OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF COMPUTER FRAUD

Abstract. The article discusses some issues arising in the practice of disclosure and investigation of fraud in the field of computer information (Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: fraud, computer information, disclosure, investigation, property.

В настоящее время, в связи с широким распространением информационно-телекоммуникационных технологий, постоянно растёт число преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации. Одним из таких преступлений является мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). В связи с тем, что данное преступление является относительно новым, зачастую возникают трудности расследования таких преступлений на практике. Именно изучению некоторых актуальных проблем, возникающих при таком расследовании, и посвящена данная статья.

К сожалению, в настоящий момент ещё не так много исследований, которые были бы посвящены данному вопросу. Представляется, что это связано с тем, что данное преступление является относительно новым, а также очень трудно расследуемым. Одной из работ, затрагивающих этот вопрос, является исследование Атаманова Р.С. Тем не менее, её тема несколько шире рассматриваемой, она посвящена любому мошенничеству в сфере Интернет. В ней отмечается, что для успешного расследования данного вида преступлений требуются специальные познания в сфере информационно-телекоммуникационных технологий [1, С. 19]. В связи с этим участие эксперта или специалиста в уголовном судопроизводстве по данным делам является обязательным. Существует специфика производства отдельных оперативно-розыскных мероприятий по данной категории дел. Так, является обязательным снятие информации с технических каналов связи, а в тех случаях, когда речь идёт о телефонном мошенничестве, необходимо так же прослушивание телефонных переговоров. С точки зрения интернет-мошенничества различают физическое, электронное и комплексное наблюдение. Комплексное наблюдение позволяет получить больше информации о наблюдаемом лице, чем физическое и электронное, но отдельности. Однако залогом успешности использования такого наблюдения является эффективное применение специальных знаний специалиста и специальных приборов.

Существуют также особенности допроса подозреваемых и обвиняемых по делам о мошенничестве, совершённом в сети Интернет. Поскольку мошенники обладают «живым» умом, то если они решили противодействовать следствию, основным оружием следователя должен стать интеллект, конечной целью применения которого должно стать уличение допрашиваемого во лжи, постановка перед необходимостью сотрудничать со следствием.

Более обстоятельно, на наш взгляд, данный вопрос рассмотрен в исследовании В.В. Коломинова, поскольку она посвящена проблемам расследования мошенничества конкретно в сфере компьютерной информации. Научный интерес представляет предложенная автором классификация следов, образуемых в процессе совершения данного преступления [2, С. 10]. Автор предлагает разделить следы следующим образом:

1) традиционные следы (возникающие в процессе взаимодействия отдельных материальных объектов друг с другом, например, отпечатки пальцев на клавиатуре и т.п.)

2) компьютерные следы (не являются последствиями взаимодействия материальных объектов, а отражаются в памяти компьютера, истории браузера и т.п.).

Отмечается, что при расследовании данного преступления может потребоваться проведение следующих видов экспертиз: компьютерные экспертизы; экономические экспертизы (бухгалтерская); криминалистические.

Отмечается, что характерной особенностью данного вида преступлений является то, что возбудить уголовное дело по данной статье невозможно без проведения предварительной проверки.

Кроме того, хотелось бы отметить, что данное преступление характеризуется, как правило, многоэпизодностью. Иными словами, умысел виновных направлен на обман нескольких лиц, с целью получения крупной суммы денег. Разумеется, данный факт так же влияет на тактику расследования этого преступления. С одной стороны, это немного облегчает расследование, поскольку высока вероятность того, что схожие эпизоды мошенничества совершены одним и тем же лицом. С другой стороны, связь этих эпизодов может быть запутанной и непонятной для следствия. Разумеется, в этом случае необходимо заключение специалиста или эксперта в сфере компьютерной информации по возникшим проблемным вопросам.

Таким образом, методика расследования компьютерного мошенничества, одного из самых современных преступлений, существенно отличается от методик расследования «традиционных» преступлений в силу специфики способа осуществления преступного посягательства – использования информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети «Интернет». Примечательно, что в настоящее время в правоприменительной практике ещё нет чёткого подхода к пониманию такой методики, поскольку зачастую преступники используют довольно запутанную схему интернет-мошенничества, из-за чего бывает неясно, в каком направлении направить расследование дела. Безусловно, одним из главных способов преодоления данной проблемы является участие специалиста в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы:

1. *Атаманов Р.С.* Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет. М., 2012. 29 с.
2. *Коломинов В.В.* Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа. Краснодар, 2017. 26 с.
3. *Семенов Г.В.* Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций. Воронеж, 2003. 242 с.

В. В. Иванова, М. П. Буров

Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСГУМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о проведении эксгумации трупа для расследования преступлений. В данной статье раскрывается сущность, понятие, особенности эксгумации. Рассматриваются тактические аспекты производства эксгумации в уголовном судопроизводстве. На основании изученного материала авторы приходят к выводу о несовершенстве данного института на современном этапе его развития, что обуславливает необходимость его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: криминалистика, эксгумация трупа, следственное действие, судебно-медицинская экспертиза, протокол.

V. V. Ivanova, M. P. Burov

Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

ACTUAL PROBLEMS OF EXHUMATION PRODUCTION

Abstract: The article is devoted to the consideration of the issue of exhumation of a corpse for the investigation of crimes. This article reveals the essence, concept, and features of exhumation. Tactical aspects of exhumation in criminal proceedings are considered. Based on the studied material, the authors come to the conclusion about the imperfection of this institution at the present stage of its development, which necessitates its further improvement.

Keywords: criminalistics, exhumation of a corpse, investigative action, forensic medical examination, protocol.

Эксгумация – извлечение трупа из мест его захоронения. Вопрос об отнесении эксгумации к самостоятельному следственному действию в настоящее время является дискуссионным. Так, некоторые авторы говорят об эксгумации, как об организационном или о подготовительном мероприятии, которое способствует проведению следственных действий (осмотр трупа, предъявления для опознания и др. [1, С. 49]

Ряд других ученых относят эксгумацию к самостоятельному следственному действию [2, С. 10]. Подобная дискуссия складывается не только из-за природы данного следственного действия, но и позиции законодателя. Последний не дает четкого определения эксгумации, говоря лишь о том, что при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации, и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного.

Материалы уголовного дела, связанные с криминальной смертью потерпевшего и возбужденные в этой связи, должны быть хорошо изучены следователем и одним из главных документов, в этих материалах является судебно-медицинское заключение о причине смерти и других обстоятельствах ей соответствующих. Сомнения следователя в качестве проведения исследования трупа и выводах по результатам этих исследования являются вескими основаниями для проведения эксгумации.

Само извлечение трупа может происходить из любого места его захоронения. В данном случае речь идет о том, что под местом захоронения подразумевается не только территории официальных кладбищ, но и иные места, где труп может находиться. Производится эксгумация с целью осмотра трупа и объектов, которые при нем находятся, гроба и могилы, а также проведения других следственных действий для проверки имеющихся и установления новых доказательств.

Эксгумацию проводит следователь на основании постановления в присутствии понятых и с участием судебно-медицинского эксперта, а в случае отсутствия последнего – с участием врача, который должен обладать необходимыми знаниями для проведения данной процедуры.

На наш взгляд, актуальна проблема института понятых при проведении эксгумации. Уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает участие понятых при производстве эксгумирования трупа является обязательным. Действительно, на практике возникают ситуации, когда даже близкие родственники умершего не могут правильно и осознанно оценивать следственное действие ввиду того, что им не приятна данная процедура. Статистика подтверждает, что только 20–30 % понятых наблюдают за действиями следователя и реально осознают происходящее, в то время как 70–80 % просто отворачиваются или вообще не осведомлены о правовой стороне происходящего события. По нашему мнению, целесообразно заменить институт понятых при производстве эксгумации на присутствие при проведении следственного действия независимого эксперта и ведение видеофиксации.

В соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет, об этом близких родственников или родственников покойного, если они имеются [3]. Чаще всего на практике родственники не дают своего согласия на проведения эксгумации в силу моральных норм, считая, что извлечение трупа из могилы нарушает его «покой». В таких случаях, если эксгумация необходима для установления истины, разрешение на ее проведение дает суд. Но при этом ст. 29 УПК РФ, которая регламентирует полномочия суда, не содержит в себе положений, уполномочивающих суд давать разрешение на проведение эксгумации. Наблюдается коллизия уголовно-процессуального законодательства, которую стоило бы устранить, дополнив ст. 29 пунктом, который бы содержал право суда принимать решения для проведения эксгумации.

Проводится эксгумация для определенных целей: перезахоронение тела; для взятия генетических материалов для последующего исследования; для первичного или повторного исследования тела умершего.

Что касается захоронения трупа после эксгумации, тут законодатель определил, что расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном статьей 131 УПК РФ. Последующее захоронение трупа выходит за рамки уголовно-процессуального законодательства, но на практике создаются проблемы по данному вопросу, так, например, родственники умершего неправильно истолковав норму закона, считают, что все расходы при производстве эксгумации и последующем захоронении будут нести сами, тем самым отказывая следователю в производстве эксгумации или подают жалобу в суды апелляционной инстанции. Но суд разъясняет, что по смыслу ч. 5 ст. 178 УПК РФ захоронение трупа и приведение в порядок места захоронения после проведения эксгумации должны обеспечить органы, производившие эксгумацию [4, С. 77]. Если же родственники покойного, берут на себя все материальные расходы при эксгумации и дальнейшем погребении, а также с восстановлением могилы, надгробий и т.д., то на основании ст. 131 УПК РФ они могут потребовать возмещение понесенных затрат.

Эксгумация и осмотр эксгумированного трупа оформляется одним протоколом. Этот процессуальный документ должен содержать детальное отражение всех действий следователей и точное описание объектов, которые связаны с этими действиями [5, С. 13]. К этим сведениям можно отнести данные о расположении кладбища, точном месторасположении могилы с ее подробным описанием, описанием гроба, после его извлечения из могилы, положении трупа в гробу, предметах, находящихся на трупе и при нем, осмотре трупа и результатах этого осмотра. Это общие сведения, которые должны быть детализированы в соответствии с конкретной ситуацией проведения эксгумации. Также следует указать обстоятельства повторного захоронения и приведения могилы в первоначальное состояние.

Подводя итог вышесказанному, стоит заметить, что, несмотря на широкое применения эксгумации, существует ряд проблем, которые, по нашему мнению, необходимо решить, изменив отдельные нормы в законодательстве.

Список литературы:

1. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / Самар. гос. ун-т. Самара. 2004. 228 с.

2. Кригер А.Е. Эксгумация в системе следственных действий. 2014. 95 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. – № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Решетун А. Вскрытие покажет: записки увлеченного судмедэксперта. 2017. 223 с.

5. Комаров И.М. Организационно-тактические и процессуальные особенности эксгумации трупа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 11–15.

УДК 343.98

Д. П. Кузнецов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО СЛЕДАМ СТУПНЕЙ, ОСТАВЛЕННЫМ НА ВНУТРЕННЕЙ ПОВЕРХНОСТИ ОБУВИ

Аннотация. В данной статье рассмотрен вопрос о возможности идентификации человека по следам ступней, оставленных на внутренней поверхности обуви. Было обозначено, что данный метод является малоизученным в науке криминалистике, чем и привлекает внимание ученых. Приведена статистика обнаружения следов ступней на месте совершения преступления. А также рассмотрены результаты проведения двух экспериментов, связанных с возможностью идентификации человека по следам ступней, оставленных на внутренней поверхности обуви.

Ключевые слова: криминалистика, идентификация человека, следы ступней и обуви, расследование преступлений.

D. P. Kuznetsov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF IDENTIFYING A PERSON BY FOOTPRINTS LEFT ON THE INNER SURFACE OF SHOES

Abstract: this article discusses the possibility of identifying a person by footprints left on the inner surface of the Shoe. It was noted that this method is poorly studied in the science of criminology, which attracts the attention of scientists. The statistics of detection of footprints at the crime scene. The results of two experiments related to the possibility of identifying a person by footprints left on the inner surface of shoes are also considered.

Keywords: criminalistics, identification of a person, footprints and shoes, investigation of crimes.

В настоящее время в юридической литературе, что экспертизы назначаются в случаях необходимости проведения исследований, в процессе которых на основе применения специальных знаний, а также специально разработанных методик выявляются признаки и свойства интересующих объектов, производится их научная оценка и интерпретация для того, чтобы на основе полученных данных сформировать новое, ранее неизвестное в процессе доказывания выводное знание.

На сегодняшний день существует множество способов идентификации человека по различным криминалистическим объектам, из которых самыми хорошо изученными являются следы ног и обуви. Это одни из первых следов, которые были изучены учеными. Разработано большое количество способов и средств обнаружения, фиксации и изъятия данного вида следов. В связи с этим в трасологии имеется методика, посвященная экспертному исследованию следов ног человека и обуви [1, с. 138–140]. Следы босых ног при осмотре места происшествия встречается не так часто, как следы обуви. Согласно статистическим данным, на месте совершения преступления следы ступней состав-

ляют 2–3 % от всего объема обнаруженных следов [2, с. 87–89]. Но еще реже эксперты-криминалисты сталкиваются с вопросом о проведении идентификации человека по следам ступней, оставленным на внутренней поверхности обуви.

Лица после совершения преступления, как правило, пытаются тщательно скрыть свои следы всеми различными способами. Как одним из вариантов сокрытия является избавление от обуви, в которую лицо было обуто в момент совершения преступления. Однако на внутренней ее поверхности может остаться след от его ступни, что может позволить следователю, не прибегая к использованию других экспертиз, установить принадлежность данной обуви конкретному человеку. Данный способ идентификации на сегодняшний день не является хорошо изученным, чем, безусловно, привлекает внимание многих ученых.

Во многих научных трудах по криминалистике учеными, в частности И. И. Пророковым, выделяются две группы признаков, по которым можно провести идентификации [3, с. 74–76]. К первой группе относятся анатомические признаки, то есть отображение ступни внутри обуви. И вторая группа – это функциональные признаки, к которым относятся потертости или деформации внутренней поверхности обуви. Наиболее значимыми для идентификации являются анатомические признаки, поскольку они наиболее точно позволяют установить личность преступника в отличие от функциональных признаков, в той или иной мере зависящих от самой конструкции обуви.

Анатомические признаки основываются на индивидуальности каждого человека. Известно, что стопа человека состоит из 26 костей, которые соединены между собой суставами и связочным аппаратом, что обеспечивает гибкость и эластичность стопы при передвижении [4, с. 45–48]. Несомненно, стопы людей отличаются друг от друга своим морфологическим своеобразием, в чем и заключается индивидуальность. Современной медицине известно большое количество различных деформаций ступней, что позволяет выделить того или иного человека из массы.

Для проверки возможности идентификации человека по следам ступней, оставленным на внутренней поверхности обуви, эксперты-криминалисты не раз проводили эксперименты. Для этого они выбирали людей, которые имели какие-либо дефекты на ступнях и предлагали им носить новую пару обуви в течение определенного промежутка времени. В частности, в одном из таких экспериментов участвовал парень, имеющий искривление фаланг пальцев, и женщина, у которой были проблемы с косточкой возле большого фаланга пальца. После определенного времени, эксперты взяли на проверку обувь у данных лиц и обнаружили, что в процессе носки обувь стала принимать форму ноги, то есть имеющиеся дефекты стали отображаться на поверхности обуви [5, с. 145–148]. Это еще раз доказывает, что идентификация человека по следам ступней, оставленным на внутренней поверхности обуви, имеет место быть. Но опять же, следует отметить, что проводить такую экспертизу можно только в случае обнаружения обуви, которую предположительно носило лицо, совершившее преступление.

Таким образом, можно сделать вывод, что подобный способ идентификации является весьма нелегким, поскольку методика проведения идентификации имеет достаточно большое количество факторов, которые необходимо учитывать при ее проведении для достижения положительных результатов. Необходимо проводить дальнейшее изучение данного метода, т. к. при его использовании определить виновное лицо не составит большого труда для эксперта-криминалиста.

Список литературы:

1. Гаужаева В.А., Бураева Л.А., Карданов Р.Р. Сущность и роль криминалистической техники, как раздела криминалистики в борьбе с преступностью: история и современность // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 138–140.
2. Майлис Н.П. Учение о следах: вчера, сегодня, завтра // Эксперт-криминалист. 2018. № 3., С. 87–89.
3. Пророков И.И. Криминалистическая экспертиза следов (трасологические исследования) / И.И. Пророков. Волгоград: ВСШ МВД, 2008., С. 74–76.

4. Травматология и ортопедия: учебник / под ред. Н.В. Корнилова. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. С. 45–48.

5. *Кутмаев Е.В., Вехова Г.В.* Возможности использования современных полимерных материалов для изъятия объемных следов пальцев рук // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2015, № 2 (42). С. 145–148

УДК 343.98

Д. А. Мальчук, О. В. Волкова

*Ростовский филиал Российской таможенной академии
Россия, Ростов-на-Дону*

МЕСТО КРИМИНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы всеобщей цифровизации всех сфер жизни общества. Процессы цифровизации не могли не сказаться и на появлении новых направлений исследований в отечественной криминалистике. Статья посвящена проблеме раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники. В результате были разработаны практические рекомендации по проведению осмотра, изъятию названных средств, имеющих на них следов, а также по выявлению обстоятельств и субъектов названных видов преступлений.

Ключевые слова: цифровые технологии, криминалистические исследования, компьютерные преступления, теоретические положения, следственная практика.

D. A. Malchuk, O. V. Volkova

*Rostov Branch of the Russian Customs Academy
Russia, Rostov-on-Don*

THE PLACE OF CRIMINOLOGY IN THE ERA OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Abstract: The article deals with the issues of universal digitalization of all spheres of society. The processes of digitalization could not but affect the emergence of new areas of research in domestic criminology. The article is devoted to the problems of disclosure and investigation of crimes committed using computer technology. As a result, practical recommendations were developed for conducting an inspection, seizing the named funds, the traces on them, as well as for identifying the circumstances and subjects of the named types of crimes.

Keywords: digital technologies, forensic research, computer crimes, theoretical provisions, investigative practice.

Цифровизация в настоящее время охватывает все отрасли – от науки до бизнеса, ее развитие происходит невероятно быстро. Глобальная цифровая революция изменила технологическую и экономическую систему. Специалисты разных сфер развивают свои компетенции, необходимые для использования современных инструментов для сбора, обработки и анализа данных из различных источников, а также для использования и управления базами данных.

В технически управляемом обществе растущий доступ к технологиям и их постоянное использование радикально повлияли на то, как люди общаются и ведут свою повседневную жизнь. Тем не менее, цифровые технологии могут представлять реальные угрозы, так как развивается киберпреступность – от внедрения вредоносного программного обеспечения, которое использует уязвимости в компьютерных системах и лицензионном программном обеспечении до хитроумных фишинговых атак, которые необходимо обнаруживать и доказывать их противозаконный характер, в связи с чем сущность, закономерности и проблемы развития криминалистики в эпоху цифровой экономики свидетельствуют об актуальности темы статьи.

Киберпреступления в целом подразделяются на три группы, такие как преступления против личности, против собственности

и против государства [3, С. 200]. Соответственно, происходит и развитие криминалистики в цифровой среде – цифровой криминалистики. Термин «цифровая криминалистика» изначально использовался как синоним компьютерной криминалистики, но теперь он расширился, чтобы охватить исследование всех устройств, способных хранить цифровые данные.

Технический аспект исследования можно разделить на несколько подразделов, связанных с типом задействованных цифровых устройств: это компьютерная криминалистика, сетевая криминалистика, криминалистический анализ данных и криминалистическая экспертиза мобильных устройств.

В эпоху развития цифровой экономики и цифровых преступлений криминалисты занимаются изъятием, визуализацией (получением) и анализом цифровых носителей и цифровой информации. Ключевыми процессами можно считать идентификацию, сохранение данных, систематизацию, анализ и интерпретацию, документирование представлений цифровых доказательств.

Цифровая криминалистика может использоваться для сбора доказательств, подтверждения алиби или заявлений, определения намерений, идентификации источников или аутентификации документов в дополнение к выявлению прямых доказательств преступления. Обычно это сбор, извлечение и изучение свидетельств данных с жестких дисков компьютеров, мобильных устройств (смартфонов, планшетов, устройств GPS и т.д.), электронных писем, текстовых сообщений, данных из социальных сетей, данных о местоположении (или GPS) и облачных систем хранения. Рост объемов носителей информации и такие разработки, как облачные хранилища, привели к более широкому использованию объективных доказательств преступной деятельности (*actus reus*) – или «действий ответчика».

Например, в процессе судебно-медицинской экспертизы цифровизация затронула такие этапы, как получение или визуализация вещественных доказательств, анализ и составление данных [6, С. 31]. В идеале получение информации включает в себя «захват образа» памяти (ОЗУ) компьютера и создание точной копии (или «изображения битового потока») носителя данных, часто с использованием устройства блокировки записи – с целью предотвратить модификацию, изменение оригинала. Получается «логическая» копия данных, а не полный образ физического запоминающего устройства, данные хэшируются с использованием алгоритмов SHA-1 или MD5.

Широкий спектр данных, хранящихся в цифровых устройствах, может помочь на этапе анализа – следователь собирает вещественные доказательства, используя ряд различных цифровых методологий и инструментов. Фактический процесс анализа может варьироваться в зависимости от исследования, но общие методики включают поиск по ключевым словам на цифровых носителях (в файлах), действия пользователя, восстановление удаленных файлов и извлечение информации из реестра и т.д.

Например, при расследовании дел о коррупции применяются аппаратно-программные комплексы по анализу информации с различных носителей, которые позволяют обнаружить и дешифровать данные, восстановить удаленные пользовательские файлы, которые указывают на противоправное поведение подозреваемого [6, С. 29]. Аналитическая и исследовательская деятельность является приоритетной в цифровой криминалистике.

Файловые артефакты и метаданные могут использоваться для определения происхождения определенного фрагмента данных, информация, предоставленная следствию, может быть перепроверена с цифровыми доказательствами. Помимо поиска объективных доказательств совершения преступления, данные криминалистических исследований могут использоваться для доказательства мотива. Связанные с «оценкой источника» метаданные, связанные с цифровыми документами, могут быть изменены, поэтому аутентификация документа связана с обнаружением и выявлением фальсификации таких сведений.

Одной из проблем в деятельности криминалистов в цифровой среде является возможность дальнейшего использования цифровых доказательств в суде – цифровые доказательства

подпадают под те же правовые нормы, что и другие виды доказательств, при условии, что они были собраны и представлены в соответствии с нормами законодательства, соответствуют требованиям достоверности, допустимости, относимости, достаточности. Проблемы, касающиеся цифровых доказательств, касаются двух основных вопросов: целостности и подлинности. Целостность – это гарантия того, что акт изъятия и приобретения цифровых носителей не приведет к изменению доказательств (ни оригинала, ни копии). Под подлинностью понимается возможность подтвердить целостность информации; например, что изображение на носителе соответствует оригинальному свидетельству. Легкость, с которой цифровые носители могут быть изменены, означает, что документирование всей цепочки сбора, фиксации,

исследования и, в конечном итоге, представления в суде важно для установления подлинности доказательств.

Эксперты-криминалисты оценивают радиоэлектронную обстановку, научились технически улучшать фото- и видеоматериалы, используют космические снимки, профессионально детализируют телефонные соединения, анализируют биллинговые массивы, проводят осмотр разрозненных данных в облачных хранилищах и сети Интернет, в мессенджерах, используя аппаратно-программные комплексы и программное обеспечение.

Закономерный ответ на потребности следствия – создание НИИ криминалистики, что позволяет говорить о повышении уровня научного сопровождения криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Результат использования достижений цифровой криминалистики в борьбе с преступностью – это создание научной базы и увеличение научно-технического потенциала, создание типовых методик исследования компьютерной информации. В настоящее время в академиях Следственного комитета (в г. Москве и Санкт-Петербурге) образуются кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений. Предполагается, что на кафедрах специалисты пройдут обучение по таким дисциплинам, как «Расследование преступлений в сфере информационных, телекоммуникационных и высоких технологий», «Использование информационных технологий при исследовании цифровых следов», «Расследование преступлений, совершенных с использованием цифровой валюты и цифровых финансовых активов» и «Основы кибербезопасности».

Таким образом, киберпреступность становится серьезной угрозой, конфиденциальность, целостность или доступность информации, хранящейся в цифровом формате – самая сложная проблема в киберпространстве. Цифровая криминалистика – это уже практически сложившаяся отрасль, охватывающая восстановление и расследование материалов, обнаруженных в цифровых устройствах, часто в связи с компьютерными преступлениями.

Список литературы:

1. Вехов В. В. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 1995. 276 с.
2. Демин К. Е. К вопросу о выделении криминалистического исследования электронных носителей информации как новой отрасли криминалистической техники // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 174–180.
3. Елькина Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 195–203.
4. Ишин А. М. Теоретические аспекты информационного обеспечения органов предварительного следствия в ходе расследования преступлений. – Калининград, 2003. 194 с.
5. Крылов В. В. Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 1998. 334 с.
6. Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29–32

УДК 343

А. Н. Малышева, А. Е. Найданова
*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Россия, Пермь*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДЕРМАТОГЛИФИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о возможностях применения знаний в области дерматоглифики в качестве одного из вспомогательных инструментов, которые могут быть полезны при расследовании преступлений. Анализируются мнения ученых относительно вопроса о том, являются ли положения дерматоглифики научными и целесообразно ли применять ее положения на современном этапе развития криминалистики. Предлагаются способы применения дерматоглифики на практике с указанием на повышение эффективности раскрываемости дел в случае применения ее положений.

Ключевые слова: дактилоскопия, дерматоглифика, криминалистическая дерматоглифика, идентификация личности, папиллярные линии, диагностика личности.

A. N. Malysheva, A. E. Naydanova
*Perm State university
Russia, Perm*

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF DERMATOGlyphics IN MODERN FORENSICS

Abstract. This article discusses the issue of the possibilities of applying knowledge in the field of dermatoglyphics as one of the auxiliary tools that can be useful in the investigation of crimes. The opinions of scientists on the question of whether the provisions of dermatoglyphics are scientific and whether it is advisable to apply its provisions at the present stage of the development of forensic science are analyzed. Methods for the use of dermatoglyphics in practice are proposed, with an indication of an increase in the efficiency of solving cases in the case of applying its provisions.

Keywords: fingerprinting, dermatoglyphics, forensic dermatoglyphics, personality identification, papillary lines, personality diagnostics.

В эпоху цифровизации колоссальное количество информации находится на электронных носителях и в сети Интернет. По данной причине все чаще случаются преступления в глобальной паутине.

Согласно статистике МВД, опубликованной 21 июня 2021 года в Российской Федерации за период с января по июнь 2021 года зарегистрировано свыше 271 тысячи преступлений с использованием информационных технологий или в сфере компьютерной информации. Более половины цифровых преступлений относится к тяжким и особо тяжким преступлениям. В нашей стране раскрывается лишь четверть цифровых преступлений. В связи с этим возникает огромный риск нераскрытых преступлений, который снижает показатель работ правоохранительных органов. Не всегда удается отследить «след» преступника или же не возбуждают уголовное дело, ссылаясь на недостаток доказательств или из-за малозначительности деяние, а также из-за того, что потерпевший сам не заявил о нарушении своих прав.

Чтобы минимизировать число нераскрытых преступлений необходимо улучшение, а точнее усложнение криминалистических приемов. К примеру, можно создать единую базу цифровых следов, которые должен оставлять человек, чтобы совершить покупку в Интернете. Данная программа будет включать в себя узоры ладоней и пальцев человека. Конечно, уже существует база отпечатков пальцев и ладоней, но данную базу необходимо модернизировать. Модернизация заключается в том, чтобы специалисту предоставляли объемную модель отпечатка пальца или же ладони. При помощи своих знаний, а именно знаний дерматоглифики, позволит узнать о заболеваниях или наследственных болезнях человека. Кроме того, появляется возможность создать психологический портрет преступника, который

совпадает с «внешним» портретом. Для реализации задуманного необходимы огромные экономические затраты. Именно с этим и связан экономический аспект данной работы.

Создание подобной базы невозможно без специалистов в области дерматоглифики. Многие научные деятели считают ее лженаукой, у которой нет права на существования. Однако, в своем труде ведущий эксперт РФ ЦСЭ, Т.В. Моисеева отметила следующее: «дактилоскопия – понятие более широкое, чем дерматоглифика, в частности, «по существу, дактилоскопия – это дерматоглифика, имеющая целью идентификацию человека». В соответствии с мнением ученого можно заявить следующее: дерматоглифику не стоит считать лженаукой, ведь она входит в часть дактилоскопии, которая в свою очередь широко применяется в криминалистике и не вызывает сомнения по поводу своей необходимости.

Дерматоглифика – это способ тестирования организма человека, основанный на изучении признаков узоров на коже ладонной стороны кистей и стоп. Поэтому у дерматоглифики и дактилоскопии один общий объект исследования – гребешковая часть кожи человека. Разница лишь в целях данного исследования. Целью такого исследования является отождествление найденного следа с конкретным человеком, оставившим его. У дерматоглифики – выявление определенных свойств и черт, биологических характеристик, основываясь на папиллярных узорах кожи. Всем известно, что следы кожного покрова применяется в практике борьбы с преступностью. Однако мало ли знает, что по гребешковой части кожи можно узнать о заболевании, которые есть у преступника. Данные знания вместе с генетическими теориями преступности можно узнать, какой тип человека может совершать те или иные преступления. Таким образом, знания генетической теории и дерматоглифики позволят выделить не только тип преступника определенного преступления, но и есть ли сопутствующие у них заболевания.

В соответствии с мнением Константина Николаевича Бадикова, который считает, что перспективы развития криминалистической дерматоглифики раскрываются в аспектах составления поисковой криминалистической модели личности. Этот вывод построен на информации, что медицинская дерматоглифика уже имеет достаточную по объему научную и практическую базу для распознавания антропологических, морфологических и психологических особенностей человека.

Дерматоглифика в своем изучении человека особое внимание уделяет гребешкам, а именно характерным узорам, которые уникальны для каждого человека и неизменны в течение всей жизни. Именно на основе данных узоров делаются предположения о том, какие черты присущи человеку с таким узором.

На современном этапе развития общества, дерматоглифика не стала популярной и широко не используется в криминалистической сфере, но не стоит забывать о том, что ее используют при исследованиях в медицинской, психологической и иных сферах, которые доказывают применение дерматоглифических признаков. Насчитывается более 30 редких признаков, которые используются в качестве «информаторов». Эти признаки маркируют некоторые хромосомные и мультифакторные заболевания, а также врожденные аномалии. Например, синдром Дауна, синдром Патау, шизофрения, гипертония и т.д.

Многие ученые предполагают, что данные заболевания может указать папиллярный узор, который сформировался на руках ребенка еще в утробе матери. Не стоит отрицать того, что информация о реальном или потенциальном наличии заболевания у подозреваемого, разыскиваемого при расследовании преступления будет полезной. Это позволит прогнозировать будущее ребенка, позволит определить круг его деятельности, а также позволит родителям не допустить того, чтобы их ребенок был хотя бы потенциальным преступником в будущем.

Д.В. Исютин – Федотков считает, что результаты анализа имеющихся научных достижений и современное состояние дерматоглифических исследований позволяют говорить о том, что теория криминалистической дерматоглифики находится на стадии становления. Кроме этого, ученый говорил о «высокой степени вероятности возможности существования генетической предрасположенности к совершению общественно-опасных деяний», но точная методика определения каких-то биологических или психологических свойств личности, основывается лишь на папиллярных узорах кожи.

В соответствии выше изложенным нельзя не признать наличие потенциала дерматоглифики как одного из способов, который может найти применение в криминалистике. В своей диссертации К.Н. Бадиков считает, что применение криминалистической дерматоглифики целесообразно для решения широкого круга диагностических задач, встающих перед следователем при раскрытии преступления.

Новейшие достижения в области генетики и диагностической медицины, использование математических методов и компьютеризации в исследовании дерматоглифики привели к расширению возможностей дактилоскопических и комплексных судебных экспертиз. При их производстве изучается психологические и психофизиологические свойства личности. Подобный подход позволяет диагностировать психологические свойства преступников, устанавливать спорное отцовство, а также определять многие характеристики человека – его рост, пол, наличие скрытых генетических заболеваний, склонность к творческим или силовым видам деятельности, даже предрасположенность к авариям и т.д.

Мы считаем, что более детальное и широкое изучение дерматоглифики позволит исключить имеющиеся противоречия и выстроить четкую структуру взаимосвязей, которые будут выявлены в ходе проведенных исследований.

Список литературы:

1. Бадиков К.Н. Становление и перспективы развития дерматоглифики в криминалистике: Автореф. дис. ... Владивосток. 2002. 26 с.
2. Исютин-Федотков Д.В. Основы криминалистического изучения личности. Монография. М.: Проспект. 2018. 288 с.
3. Майлис Н.П. Дактилоскопия: учебник. М.: Щит – М. 2011. 124 с.
4. Моисеева Т.Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. М.: Городец – издат. 2000. 224 с

УДК 343.3/7

В. А. Мищук

*Российский университет транспорта (ПУТ (МИИТ))
Юридический институт
Россия, Москва*

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения алгоритмов машинного обучения, в частности свёрточных нейронных сетей, для решения задач судебно-почерковедческой экспертизы. В рамках проделанной работы автором был проведён эксперимент, показывающий перспективы использования подобных алгоритмов в судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, свёрточные нейронные сети, машинное обучение, исследование подлисы, автоматизация.

V.A. Mishchuk

*Russian University of Transport (MIIT)
Law Institute
Russia, Moscow*

ABOUT THE POSSIBILITY OF USING MACHINE LEARNING ALGORITHMS IN HANDWRITING EXPERTISE

Abstract. The article discusses the possibilities of using machine learning algorithms, in particular convolutional neural networks, to solve the problems of forensic handwriting examination. As part of the work done, the author conducted an experiment showing the prospects of using such algorithms in forensic activities.

Keywords: handwriting expertise, convolutional neural networks, machine learning, research signature, automation.

Одним из актуальных направлений в судебно-экспертной деятельности сегодня является полная или частичная автоматизация процесса производства почерковедческой экспертизы. Связано это с большим количеством назначаемых экспертиз, а также высокими временными затратами на проведение исследований. Кроме того, само исследование является достаточно сложным процессом, что обуславливает определенные трудности разработки программных алгоритмов для решения задач экспертизы. Данная работа призвана показать, что с помощью существующих программных средств, в частности, машинного обучения, указанная проблема может быть успешно решена.

Машинное обучение – это методики анализа данных, которые позволяют на основе введенных в модель данных и правильных ответов находить в них определенные закономерности и статическую структуру, на основе которых формируются правила для автоматизации процесса решения поставленной задачи [3, С. 15–18; 4, С. 28–30]. Иными словами, модель не программируется человеком, а обучается сама на основе входных данных и правильных ответов путём поиска лучшего представления данных в рамках поставленной задачи. Причём сформированные правила можно применить и к новым данным, на которых модель не обучалась.

Переходя к сути эксперимента необходимо указать, что в рамках работы использовался язык программирования Python, библиотеки TensorFlow, Keras, OpenCV, NumPy и некоторые другие. Задачей, которую предполагалось решить в ходе эксперимента являлось установление исполнителя спорной подписи при сравнении образцов подписей двух разных лиц. Исследуемая подпись была выполнена по памяти с подражанием подписи одного из проверяемых лиц.

Чтобы решить поставленную задачу, первоначально было необходимо подготовить набор данных, на которых будет обучаться модель – свёрточная нейронная сеть. В почерковедческой экспертизе таким набором данных являются свободные и экспериментальные образцы почерка предполагаемого исполнителя. Последние выполнялись на нескольких листах нелинованной бумаги белого цвета формата А4 в количестве 30–40 подписей на каждом листе и были использованы для решения поставленной в рамках эксперимента задачи.

Для создания базы данных подписей проверяемых лиц с целью экономии времени при помощи библиотеки компьютерного зрения OpenCV был написан алгоритм, базирующийся на цветовом различии между листом бумаги и подписью. После нахождения и выделения контуров подписей на листе осуществляется кадрирование в виде прямоугольной области. Описанный алгоритм является достаточно простым, а процесс создания базы данных в зависимости от числа образцов и количества проверяемых лиц составляет от 2 до 10 минут. Однако алгоритм имеет ряд недостатков, поэтому в дальнейшем целесообразным является применение нейронных сетей для создания подобных баз данных.

Далее при помощи вышеописанного алгоритма за короткий срок была создана обучающая выборка – набор изображений, на которых будет происходить обучение модели, и выборка валидации – набор изображений, на которых обучение не происходит, но который участвует при определении точности модели. Количество изображений в обучающей выборке – 100 подписей, в выборке валидации – 20. Также была создана отдельная папка с изображениями для контрольного тестирования.

Для загрузки изображений из обучающего набора и выборки валидации в модель были использованы функции ImageDataGenerator и flow_from_directory. Данные функции преобразуют изображения в понятный для модели цифровой вид и формируют правильные ответы для каждого изображения. Также была применена функция rotation_range – случайный поворот изображения в пределах заданного диапазона значений (в рамках эксперимента в пределах 10 градусов). Это необходимо для увеличения количества обучающей выборки с целью избежать переобучения модели – явление, при котором модель с высокой точностью определяет класс изображения из обучающего набора, но ошибается в определении класса изображений, не входящих в данный набор [4, С. 169].

В рамках первой части эксперимента была выбрана следующая архитектура сети: 5 сверточных слоёв, после каждого слоя идёт слой пулинга и функция активации ReLU. Также была

добавлена функция Dropout – отключение определённого числа случайно выбранных нейронов с целью избежать эффекта переобучения. После всех свёрточных слоёв идёт полносвязный классификатор. Поскольку по условиям эксперимента есть только два предполагаемых исполнителя, то достаточно одного выходного нейрона и функции активации sigmoid, выдающей значения в пределах от 0 до 1. Таким образом, если выходное значение будет близко к «0», – это будет означать, что подпись, вероятно, выполнена исполнителем № 1, если к «1», то исполнителем № 2. В качестве функции потерь использовалась бинарная кросс-энтропия (binary_crossentropy), а в качестве оптимизатора – модификация стохастического градиентного спуска Adam.

Обучение модели шло в течение 50 циклов, что заняло около 40 минут. В результате обучения и тестирования были получены следующие результаты: модель была обучена на 200 изображениях подписи (по сто подписей в каждом классе); по итогу обучения точность составила 94 % на выборке валидации. При контрольном тестировании на 25 изображениях правильно было определено 20, при этом модель была «уверена» в своих ответах на 99 %. Последние 5 изображений не были определены верно по той причине, что они выполнены не проверяемыми, а третьим лицом, образцы подписи которого не были загружены. Данная проблема является достаточно серьёзной, поскольку в этом случае эксперт, основываясь на результатах, полученных при использовании нейронной сети, может допустить ошибку и прийти к неверному выводу.

Во второй части эксперимента решалась следующая задача: что делать, если предполагаемых исполнителей не 2, а больше? Для решения поставленной задачи модель была немного изменена: число выходных нейронов было увеличено до числа предполагаемых исполнителей – до семи, функция активации sigmoid заменена на softmax, а функцию потерь заменена на мульти-классовую кросс-энтропию (categorical_crossentropy). В ходе обучения и тестирования были получены следующие результаты: модель была обучена на 700 изображениях подписи (по 100 подписей в каждом классе) в течение 50 циклов, что заняло около 3–4 часов. По итогам обучения точность составила 98 % на выборке валидации. При контрольном тестировании на 70 изображениях, правильно было определено 69 изображений из 70. Здесь стоит подчеркнуть важность количества эпох обучения, поскольку до 35 эпохи точность модели составляла только 35 %.

В третьей части эксперимента решалась задача по сокращению времени обучения модели. Сделать это можно при помощи «дообучения» модели [4, С. 184]. Дело в том, что все свёрточные нейронные сети распознают изображения по одному и тому же принципу – первоначально определяются базовые элементы изображения в виде линий, их пересечений и т. п., затем модель на основе базовых элементов начинает распознавать более сложные фигуры до конечного результата. Таким образом, можно взять часть от уже обученной нейронной сети и применить эту часть для решения поставленной задачи путём добавления необходимого полносвязного классификатора. После этого достаточно только переобучить уже всю модель на основе имеющихся данных.

Библиотека Keras предоставляет возможность использовать уже хорошо обученные модели. Для эксперимента выбрана модель Xception, как наиболее точная [4, С. 176]. Модель для данной части эксперимента состояла из двух частей: первая – базовые слои модели Xception, вторая – полносвязный классификатор, настроенный на решение поставленной задачи. В результате обучения и тестирования модели были получены следующие результаты: модель была обучена на 700 изображениях подписи (по 100 подписей в каждом классе) в течение 5 циклов, время обучения – около 7 минут; по итогу обучения точность составила 97 % на выборке валидации. При контрольном тестировании на 70 изображениях, правильно было определено 67 изображений из 70. Данный результат несколько хуже, чем у предыдущей модели, однако он был получен за короткий промежуток времени, что является положительным моментом данной модели. Тем не менее все описанные выше модели нуждаются в доработках.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день имеются возможности использования различных алгорит-

мов машинного обучения, в частности свёрточных нейронных сетей для решения задач почерковедческой экспертизы. Описанный выше эксперимент показал, что современные нейронные сети, написанные на языке программирования Python с использованием библиотек TensorFlow, Keras, OpenCV и NumPy неплохо справляются с такой задачей, как идентификация исполнителя неподлинной подписи, выполненной с подражанием по памяти. Разумеется, не обошлось без ряда проблем, в частности – при визуализации данных, на основе которых нейронная сеть приняла решение, существует некоторая возможность допущения ошибки, величина которой соответствует приведенным выше показателям. Более масштабной – является проблема, связанная с распознаваемостью текстов. Есть и другие сложности. Тем не менее по мнению автора, нейронные сети являются перспективным направлением в судебно-экспертной деятельности, позволяющим повысить эффективность судебной почерковедческой экспертизы.

Список литературы:

1. *СерEGIN В. В.* Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В. В. Серегина: учебник. Волгоград: ВА МВД России, 2014. 340 с.
2. *Иванов А. И.* Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17). С. 249–257.
3. *Николенко С., Кадури А., Архангельский Е.* Глубокое обучение. СПб.: Питер, 2020. 480 с.
4. *Шолле Ф.* Глубокое обучение на Python. СПб.: Питер, 2019. 400 с.

УДК 343.985.7

И. А. Никитина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: АНАЛИЗ ПОНЯТИЙНЫХ АСПЕКТОВ И СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с легализацией доходов, полученных преступным путем. На основании выявления фаз легализации проведен анализ возможных путей введения нелегальных доходов в финансовый оборот государства.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, способ легализации, механизм отмывания денежных средств, экономическая безопасность.

I. A. Nikitina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

LEGALIZATION OF CRIMINALLY OBTAINED INCOME: ANALYSIS OF CONCEPTED ASPECTS AND METHODS OF COMMITMENT

Abstract. This article examines topical issues related to the legalization of proceeds from crime. On the basis of identifying the phases of legalization, an analysis of possible ways of introducing illegal income into the financial turnover of the state was carried out.

Keywords: money laundering, legalization method, money laundering mechanism, economic security

Актуальность проблемы легализации преступных доходов в современной России обусловлена тем, что обеспечение безопасности в сфере экономики – одно из основных направлений деятельности компетентных органов Российской Федерации.

Наиболее приоритетным направлением в обеспечении экономической безопасности России является анализ практики и использование опыта зарубежных стран с целью создания,

постоянно действующей на территории государства системы противодействия легализации доходов, добытых преступным путем и одновременно с этим обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования.

Крайне серьезной проблемой современного государства является ввод в финансовую систему Российской Федерации денежных средств, имеющих преступное происхождение. Это создает угрозу экономической безопасности как явлению, позволяющему адекватно функционировать государству в сфере производства и потребления [1. С. 63–71]

Этому способствует ряд причин:

1. Происходит нарушение функционирования базовых институтов экономики.

2. Государственные органы, осуществляющие регулирование общественных отношений в данной сфере, объективно лишаются возможности регулировать данные отношения, что в свою очередь ведет к полной или частичной утрате доверия к компетентным органам государства.

3. Происходит формирование достаточно серьезных препятствий для адекватной деятельности механизмов рыночной экономики.

4. Наблюдается снижение рейтинга государства на международной арене.

Большинство преступлений, совершаемых в сфере «отмывания» преступных доходов, имеет корыстный характер и связано со стремлением получить конкретную материальную выгоду в обход интересов государства.

Существует достаточно много источников использования доходов, полученных преступным путем:

1. Покрытие текущих расходов преступников и их окружения.

2. Накопление денежных средств (в виде наличных денежных средств, драгоценностей и иных предметов роскоши.)

3. Расширение преступного вида деятельности и ее диверсификация

4. Ввод денежных средств в легальную финансовую систему (может быть реализовано путем размещения на финансовом рынке, приобретении недвижимости и т.д.)

В ходе достижения целей доходы, полученные преступным путем, становятся объектом операций, в результате которых эти доходы попадают в легальный финансовый оборот государства.

Существует мнение американского ученого Робинсона, согласно которому термин «отмывание денег» получил широкое распространение потому, что он достаточно полно отражает процесс незаконной деятельности [2. С. 391]

«Грязные деньги, полученные от незаконной деятельности, «впрыскиваются» в легальные предприятия и через них – в легальную финансовую систему, где они отмываются с помощью стратегии «заметания следов»: перемещаются между подставными компаниями, секретными банковскими счетами и множественном юрисдикций, так, чтобы правоохранительные органы не могли отследить их, а потом появляются на противоположном конце, чистые и сияющие, производя впечатление законно заработанной прибыли» [3. С. 56–61]

Для достижения целей легализации доходов, добытых преступным путем, используются совершенно разные методы и механизмы, основанные в том числе на новых технологиях, которые способны обеспечить высочайшую скорость перемещения всех сумм денежных средств в любую часть мира.

При выборе механизма легализации в каждом конкретном случае лица, осуществляющие отмывание, исходя из необходимости обеспечить тайну криминального происхождения финансов и имеют цель сохранить контроль над ними на всех этапах процесса.

По мнению некоторых ученых-экономистов, наиболее часто встречающейся моделью легализации доходов является трехфазная модель, которая подразумевает под собой трех этапов: размещение, расслоение и интеграция.

Данные этапы могут быть реализованы как последовательно, так и в любой последовательности. Кроме того, они могут быть наложены друг на друга [4. С. 127 – 136]

Первая фаза – размещение. Данный этап представляет собой введение денежных средств, происхождение которых носит криминальный характер, в легальный денежный оборот через

какое-либо учреждение. Например, путем покупки ценных бумаг. Также одним из способов размещения – обмен денежных средств в валюту.

При реализации данной фазы легализации лицам стоит понимать, что у финансового учреждения могут возникнуть вопросы о происхождении этих средств, поэтому наиболее безопасно и наиболее целесообразно использовать учреждения, подконтрольные либо самому лицу, либо его соучастникам.

Для маскировки преступных денежных средств могут быть использованы следующие способы:

– Дробление наличных на мелкие части, которые не подпадают под лимиты контроля государственных органов.

– «Смешивание» незаконных доходов с легальной выручкой предприятия. По данным статистики, предоставленной Генеральной прокуратурой РФ, наиболее часто встречающимися способами легализации доходов, добытых преступным путем, являются:

– Организация предприятий игорного бизнеса (казино, игровые автоматы и т.д.)

– Организация развлекательных предприятий (бары, ночные клубы и т.д.)

– Предприятия общественного питания (рестораны, кафе и т.д.)

– Иные предприятия в сфере обслуживания (сети автозаправочных станций, автомойки, туристические агентства и др.)

Следующая фаза механизма легализации – расслоение. Она реализуется для того, чтобы как можно дальше скрыть путем отдаления преступного дохода от источника его происхождения путем совершения фиктивных сделок гражданского характера, разного рода финансовых операций. В результате реализации данной фазы происходит полный или частичный разрыв каких-либо связей между незаконными денежными средствами и источником их происхождения.

Вывод денежных средств за рубеж страны происхождения чаще всего обеспечивается путем трансграничных финансовых операций, которые часто применяются банками и компаниями, зарегистрированными в офшорных зонах.

Кроме того, офшорные зоны играют роль не только «легализаторов» денежных средств, но и длительного хранилища средств, добытых преступным путем. По данным российской линии Интерпола, примерно 600–700 миллиардов «криминальных» долларов составляют 10 % тех сумм, которые скрыты в офшорных зонах.

Последняя фаза механизма легализации – интеграция. Данный этап представляет собой инвестирование «отмытых» денежных средств в легальный оборот путем приобретения активов (акций, облигаций и др.)

Выбор страны, в которую будут проводиться «отмытые» инвестиции основывается на понимании лиц, осуществляющих данную деятельность, о возможности и необходимости сохранения контроля за денежными средствами, иначе данная процедура не имеет совершенно никакого смысла.

Как правило, это страны, в которых преступники имеют влияние и могут обеспечить полную сохранность легализованных средств.

В завершение отметим, что легализация имущества, добытого преступным путем – преступление, несущее под собой колоссальный ущерб экономической системе Российской Федерации. Описанный в данной статье механизм является наиболее часто встречающимся и наиболее явным в практике [5. С. 168–182]

Лица, осуществляющие легализацию, приспособляются к разным формам и стадиям данного процесса, сохраняя контроль за криминально добытым имуществом, привнося в легализацию экономики свойственные им криминальные методы.

Криминализация государственной экономики крайне негативно влияет на ее инвестиционный рейтинг, и, соответственно, влекут негативные последствия для международного рейтинга государства в целом.

Наиболее очевидным итогом ухудшения репутации государства на международной арене является снижение инвестиционной привлекательности, ограничение возможностей получения экономической помощи от международных организаций и получения тендеров на экспорт межгосударственного уровня.

Список литературы:

1. Зейналов М.М., Чонтукова А.М. Легализация доходов, полученных преступным путем // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 63 – 71

2. Робинсон Д. «Всемирная прачечная. Террор, преступления и грязные деньги в офшорном мире» // Constable, 2003 // ISBN 1841196827 // С. 391

3. Лукьянченков Е.Н., Герасин А.Н. Механизм легализации преступных доходов // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-legalizatsii-prestupnyh-dohodov> (дата обращения: 03.11.2021). С. 56–61

4. Батюкова В.Е. Вопросы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 127–136

5. Фазилов Ф. Социально-правовой генезис отмытия денег (легализации преступных доходов) // Review of law sciences. 2020. Спецвыпуск. С. 168–182

УДК 343.988

А.Д. Никонова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

ПОТЕРПЕВШИЙ (ЖЕРТВА) КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. в статье рассматривается понятие «потерпевшего» и «жертвы». На основе сравнительно- правового анализа автор приходит к выводу о том что данные понятия не равнозначны и «жертва» является более широким. А также приходит к выводу о необходимости данного объекта в криминологическом изучении.

Ключевые слова: жертва преступления, потерпевший от преступления, виктимность, учение о жертве преступности.

A. D. Nikonova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

THE VICTIM (VICTIM) AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL STUDY

Abstract: the article discusses the concept of “victim” and “victim”. Based on a comparative legal analysis, the author comes to the conclusion that these concepts are not equivalent and “victim” is broader. And also comes to the conclusion about the need for this object in criminological study.

Keywords: victim of crime, victim of crime, victimhood, the doctrine of the victim of crime.

Внимание как зарубежных, так и отечественных специалистов сегодня привлекают не только морально-психологические, но и социальные характеристики (социальное положение, место производственных, бытовых, семейных и иных межличностных отношений, социальный статус или социальная роль), повышающие вероятность преступного посяательства в отношении данной личности. Ученые стремятся выяснить, каким образом само положение человека в обществе повышает вероятность совершения против него преступлений определенного вида, каково соотношение виктимобразующих факторов социального и индивидуального порядка, образа жизни и поведения индивида. [2, с.1132] Исследования показывают, что поведение преступника нередко обусловлено как поведением его жертвы, так и особыми качествами ее, а также взаимоотношениями преступника с потерпевшим, сложившимися ранее либо в процессе столкновения. Нередко преступное поведение провоцируется отрицательным поведением потерпевшего.

Актуальность темы «Потерпевший (жертва) преступления как объект криминологического исследования», заключается

в том, что правовой статус и особенности личности жертвы (потерпевшего) являются объектом изучения ряда наук – криминологии, уголовного процесса, уголовного права, криминалистики. В каждой из этих наук уделяется разное внимание отдельным сторонам характеристики потерпевшего. В настоящее время, с учетом значимости проблемы охраны граждан, наиболее подверженных виктимизации, встает вопрос о необходимости всестороннего изучения «жертв» преступлений. Таким образом, для более глубокого понимания причин преступного поведения криминология изучает не только лиц, совершивших преступление, но и потерпевших от них. Раздел криминологии, занимающийся изучением жертв преступлений, называется виктимологией.

В настоящее время до сих пор идут споры о схожести понятий «жертва» и «потерпевший». Хотелось бы остановиться на мнении В.И. Полубинского и А.Л. Ситковского, которые считали, что «жертва преступления» – понятие более широкое, чем понятие «потерпевший от преступления» [6, с.208]. В соответствии со ст. 1 Декларации ООН 1985 года «Об основных принципах отправления правосудия в отношении жертв преступлений и злоупотребления властью» под жертвой понимаются лица, к которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государственных органов, включая законы, запрещающие злоупотребление властью. Данное определение понятия «жертвы» можно назвать узким, так как оно не включает в себя юридических лиц, в отношении которых также могут совершаться преступления. Исходя из этого можно сказать, что более широкое понятие включает в себя то, что те же преступления могут принести вред как отдельному человеку, так и юридическому лицу, обществу и т.д.

Я согласна с данной позицией, ведь другими словами, жертва – это понятие виктимологическое, а потерпевший – уголовно-процессуальное (или гражданско-процессуальное, в зависимости от правовых последствий вреда). При изучении данного вопроса важно понять, что же такое криминологическая виктимность? Данное понятие означает некую способность лица в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств становиться объектом для преступных посягательств. Криминологическая значимость виктимного поведения, достаточно характерная для многих жертв преступлений, позволяет дать им определенную классификацию. [4, с.136] Так, основаниями для классификации «жертв» преступлений могут быть пол, возраст, профессиональная принадлежность, нравственно-психологические особенности личности (что скорее дает возможность составить личностно-виктимологическую типологию) и др.

Личностные качества жертв актуализируются определенными ситуативными факторами, что дает основания для соответствующей их классификации.

1. Агрессивные жертвы, поведение которых связано с нападением на причинения вреда или других лиц или иными действиями того же плана (оскорблением, клеветой, издевательствами и т.д.). Для жертв этого типа характерно намеренное создание конфликтной ситуации (поведение может быть преступным, административно наказуемым или только аморальным).

2. Активные жертвы. Это жертвы, поведение которых, не будучи связано с нападением или толчком в форме конфликтного контакта, тем не менее, активно способствует причинению, в конечном счете им вреда (обращаются с просьбой о причинении вреда или совершении действий, которые объективно приводят к причинению вреда, или иным образом вызывают такие действия, а также причиняют вред сами себе).

3. Инициативные жертвы, поведение которых носит положительный характер, но приводит к причинению им вреда.

4. Пассивные жертвы, т.е. те, которые не оказывают сопротивления преступнику по объективным или субъективным причинам.

5. Некритичные жертвы, для которых характерны неосмотрительность, неумение правильно оценить жизненные ситуации.

6. Нейтральные жертвы – это те, кто никак не способствовал совершению против них преступления.

Изучения поведения и личности потерпевших от преступлений позволяют нам: более углубленное понимание природы и причин преступного поведения, ситуаций, которые предшествовали преступлениям, сопутствовали им и последовали после их окончания; успешная профилактика (предотвращение, пресечение) преступлений. [5, с.168]

Данная классификация жертв, как и другие, нужна не только для их изучения, но в большей мере и для организации специального направления предупредительной работы – виктимологической профилактики.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что изучение жертвы (потерпевшего) в качестве объекта криминологии необходимо, так как знание этих лиц, анализ и обобщение данных о них наряду с изучением личности преступника может помочь в определении направления профилактических мероприятий, выделить группы людей, наиболее часто подвергающихся тому или иному общественно опасному посягательству. Ведь правильное профилактическое воздействие правоохранительных органов на лиц, ставших «жертвами» преступных посягательств или тех, которые потенциально могут ими стать, в целях изменить их виктимное поведение должно осуществляться в комплексе: на эмоциональную, мотивационную, поведенческую сферу личности. [1, с.8] Многие ученые считают, что по сути потенциальная «жертва» подталкивает преступника к совершению преступления, своими действиями. Знание о виктимологической профилактике, как раз таки и поможет значительному снижению уровня «жертв» как объекта преступления.

Список литературы:

1. Тимко С.А., Жайворонок А.В. Информационное сопровождение деятельности полиции посредством СМИ на региональном уровне // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С. 6–9.
2. Криминология. Учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. – М.: Юрайт, 2019. 1132 с.
3. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: автореф. ... д-ра юрид. Наук.
4. Полубинский В.И. Криминальная виктимология: моногр.; 2-ое изд., доп. М., 2008. С. 136–137
5. Решетников А.Ю., Афанасьева О.Р. Криминология и предупреждение преступлений. Учебное пособие для СПО. – М.: Юрайт, 2017. 168 с.
6. Полубинский В.И., Ситковский А.Л. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: моногр. М., 2006. С. 208

А. К. Новикова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
Россия, Новосибирск

INSTAGRAM КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется значение социальных сетей, в частности, Instagram, для получения криминалистической информации. Исследуется роль личных переписок, фото, видео публикаций и аудио сообщений. Предлагается более детальная проработка понятия социальных сетей в криминалистической науке, в частности, разработка методов исследования социальных сетей, а также определение правового режима киберпространства в качестве места совершения преступления.

Ключевые слова: Интернет, Instagram, социальная сеть, место совершения преступления, виртуальное пространство, Интернет-ресурс.

А. К. Novikova

Novosibirsk State University of Economics and Management
Russia, Novosibirsk

INSTAGRAM AS A SOURCE OF FORENSIC INFORMATION

Abstract. The article analyzes the importance of social networks, in particular, Instagram, for obtaining criminally significant information. The role of personal correspondence, photo, video publications and audio messages is investigated. A more detailed study of the concept of social networks in forensic science is proposed, in particular, the development of methods for the study of social networks, as well as the definition of the legal regime of cyber space as a crime scene.

Keywords: Internet, Instagram, social network, crime scene, virtual space, Internet resource.

Социальные сети, в частности Instagram, на сегодняшний день представляют собой один из наиболее популярных Интернет-ресурсов.

Существует несколько наиболее крупных социальных сетей, которыми пользуется наибольшее количество людей, Instagram является одной из них. Количество людей, зарегистрированных в данной социальной сети, растет с каждым днем и насчитывает на сегодняшний день более миллиарда пользователей, что подтверждает тот факт, что в настоящий момент это одна из самых глобальных социальных сетей, из чего следует, что из данной социальной сети можно получить достаточно много криминалистической информации для расследования преступления. Однако, есть негативные моменты такой распространенности данной социальной сети, в частности, увеличение количество преступлений, совершаемых посредством нее. Такими преступлениями являются: распространение порнографических материалов (ст. 242.1 Уголовный кодекс Российской Федерации), вымогательство (ст. 163 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), экстремизм (ст. 280 УК РФ) и многие другие. В связи с этим особую актуальность приобретает рассмотрение Instagram как источника криминалистической информации для раскрытия и расследования преступлений.

Существует несколько направлений использования информации из данной социальной сети, которая используется в ходе расследования преступлений.

Первое направление – это использование личной переписки как доказательства по уголовному делу, а также с целью получения новых доказательств. Переписка между пользователями Instagram может содержать крайне важные данные, включая информацию, которая входит в предмет доказывания, а также ту информацию, которая является вспомогательной, такая информация может иметь форму фотографий, текстовых сообщений, видео-сообщений и аудиофайлов.

Второе направление – это использование непосредственной информации о пользователе социальной сети, как инфор-

мации, на которую можно ориентироваться при расследовании. Из данной социальной сети можно получить информацию о месте жительства пользователя, его круге общения, его интересах, последних действиях, что является крайне важным, когда идет, например, розыск лица, пропавшего без вести [1, С. 138]. Благодаря тому, что данная социальная сеть ориентирована в основном на формат фотографий, для расследования можно получить информацию о внешности пользователя, а также его окружения.

Кроме того, личная страница пользователя может быть отправлена на психологическую судебную экспертизу, которая поможет установить факты, касающиеся настроения, интересов, увлечений, привычного времяпрепровождения пользователя и т.д. [2, С. 190].

При расследовании преступлений, связанных с социальными сетями, важно понимать, в чем заключается некий дуализм Instagram [3, С. 140]. Так, с одной стороны, он является средством связи, с другой стороны, он представляет собой определенную социальную среду, в которой может быть совершено преступление. В настоящий момент социальные сети стали еще одним местом совершения преступления, поэтому, по нашему мнению, оно может быть расширено путем внесения также киберпространства в данное понятие. В настоящее время местом совершения преступления принято считать помещение, в котором было совершено преступление, была проведена подготовка к нему или место, где были обнаружены последствия преступления. Однако, принимая во внимание тот факт, что множество преступлений стали совершаться посредством социальных сетей, необходимо учитывать, что объективная сторона преступления может быть совершена в виртуальном пространстве. По поводу определения киберпространства, как места совершения преступления у ученых мнения разнятся. Так, одни ученые предлагают считать такое пространство интернациональным пространством [4, С. 69], на которое суверенитет государства не распространяется, другие ученые предлагают рассматривать его в качестве территории со смешанным правовым режимом [5, С. 52], согласно третьему мнению, на данное пространство необходимо распространить национальную юрисдикцию государства [6, С. 80]. Мы полагаем, что данный вопрос является крайне сложным, так как не существует какого-либо материального знака, на котором могла бы быть отмечена принадлежность к государству, поэтому данное пространство скорее является интернациональным пространством.

Еще одной особенностью и одновременно проблемой Instagram, которую важно учитывать при расследовании, является то, что пользователи самостоятельно наполняют свою личную страницу информацией о себе, а поскольку большинство лиц хочет предстать в социальных сетях в лучшем виде, такая информация может быть несколько искаженной [7, С. 30]. В связи с этим, лицам, расследующим преступление, важно особо внимательно подходить к анализу информации, полученной из социальной сети, сопоставлять ее с информацией, полученной из других источников, для того, чтобы устранить ложные сведения [8, С. 66].

Таким образом, полагаем, что в настоящее время информация из Instagram может иметь крайне важное криминалистическое значение, в частности, подтверждать знакомство подозреваемых в совершении преступления, знакомство преступника с жертвой, подтверждать местонахождение преступника в месте совершения преступления в конкретный день. В связи с тем, что Instagram насчитывает более миллиарда пользователей, а информация, которую они публикуют на своих личных страницах в данной социальной сети может иметь крайне важное криминалистическое значение, полагаем, что криминалистика должна выработать определенные способы и методы исследования социальных сетей, получения информации из них, ее фиксации и изъятия, так как это будет способствовать увеличению раскрываемости преступлений.

Список литературы:

1. Антонов О. Ю., Чуринов Р. А. Анализ практики использования специальных знаний в области компьютерных судебных

экспертиз в розыске несовершеннолетних лиц, пропавших без вести (по материалам Удмуртской Республики) // Вестник академии Следственного комитета Российской Федерации № 3. Научно-практический журнал. М.: Академия СК РФ, 2015. С. 137–140.

2. Сумкин К. С., Тараненко Л. О. Анализ страницы пользователя социальной сети «ВКонтакте» // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2016. № 12 (116). С. 189–194

3. Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета. // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138–152.

4. Войничанис Е., Якушев М. Информация, собственность интернет: традиции и новеллы в современном праве. М.: Волтерс-Клувер, 2004. С. 69.

5. Савельев Д. А. Юрисдикция государств в сети Интернет // Сборник тезисов II Всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика». М.: Спарк, 2018. С. 52–58.

6. Дашян Ш. С. Право информационных магистралей: вопросы правового регулирования в сфере Интернет. М.: Волтерс-Клувер, 2017. 275 с.

7. Сидорова И. Г. Способы позиционирования интернет-личности в социальной сети // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9(84). С. 29–33.

8. Болвачев М. А. Социальная сеть как объект криминалистического исследования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 4. С. 64–71.

УДК 343.9

В. Д. Новиков, И. Т. Эбзеев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ЧЕРЕЗ КРИПТОВАЛЮТУ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные схемы по отмыванию доходов, полученных преступным путем, через криптовалюту, а также излагаются возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: легализация доходов, отмывание денег, криптовалюта, блокчейн.

V. D. Novikov, I. T. Ebzeev

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PROBLEM OF MONEY LEGALIZATION THROUGH CRYPTOCURRENCY AND WAYS TO SOLVE IT

Abstract: This article discusses the main schemes for laundering proceeds from crime through cryptocurrency, and also outlines possible ways to solve this problem.

Keywords: money laundering, money laundering, cryptocurrency, blockchain.

Развитие информационных технологий оказывает влияние на все сферы общественной жизни и все сектора мировой экономической системы, в том числе на валютно-финансовый. Одним из главных событий в этой сфере стало появление цифровых денег. Этот новый информационно-валютный феномен получил сверхбыстрое распространение, и более того стал привлекательным инструментом для собственников преступных капиталов. Цифровые деньги легко использовать для легализации доходов. Таким образом, перед финансовыми контролирующими органами всех стран встали новые задачи. В настоящее время разрабатываются нормативно-правовые акты, регулирующие обращение электронных валют и меры противодействия распространению операций по переводу доходов, полученных нелегально, в цифровые деньги. Рассмотрим основные схемы по отмыванию доходов через криптовалюту и сформулируем

основные направления работы в сфере противодействия данным операциям, которые применяются в мире и могут быть использованы в российской практике.

Легализация денежных средств – совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Отмывание денег – это процесс, в котором полученное имущество, приобретенное или аккумулируемое вследствие незаконной деятельности, перемещается или скрывается для того, чтобы прервать преступную цепочку [1].

Технологии усложнили ситуацию с отмыванием доходов для правоохранительных органов – резкий рост стоимости криптовалют за последние годы привлек не только инвесторов и спекулянтов, но и мошенников. Только за последние два года, преступники отмыли \$ 1,21 млрд в криптовалюте. За первое полугодие 2018 года количество легализованных доходов увеличилось в три раза по сравнению со всем 2017. Все эти незаконно полученные средства отмываются преступниками через криптовалюту для того, чтобы скрыть бенефициара и избежать ареста. В дополнение к этим преступным процессам наблюдается рост в финансировании терроризма через криптовалюту, в особенности через биткоин. На данный момент основные виды криптовалюты представлены следующими монетами: биткойн, лайткойн, эфир, нэм, дэш, рипл, монеро и другие. Самая популярная из всех выше представленных монет – биткойн и именно с данной монетой проводится большая часть операций. Согласно данным рынка криптовалют, биткойн занимает примерно треть всего рынка.

Существует трехфазная модель отмывания доходов.

Фаза 1: размещение денежных средств.

Размещение – это физическое размещение наличных денежных средств в мобильные финансовые инструменты, территориальное удаление от мест их происхождения. Этап размещения крупных сумм наличности является самым слабым звеном в процессе отмывания денег. Незаконно полученные деньги легко могут быть выявлены на этом этапе [1].

Размещение в криптовалюте может происходить по трем направлениям. ОТС, что означает «поверх прилавка» и представляет собой сделку с любым финансовым инструментом, совершенную продавцом и покупателем за пределами рынка, то есть, напрямую. При совершении ОТС – сделки происходит обмен различными суммами денег, в том числе и крупными, на криптовалюту на определенных платформах. Поиск покупателей может занять некоторое количество времени, однако данные издержки не будут весомыми, потому что на ОТС платформе ежедневно возникает множество предложений по сделкам различных масштабов.

При прямом переводе денег в криптовалюту многие биржи просят идентифицировать личность, то есть пользователю поступает запрос пройти процедуру «KYC». Чтобы избежать раскрытия личности преступники либо находят более конфиденциальную криптовалюту, которая не требует авторизации, либо при выполнении процедуры «KnowYourCustomer» предоставляют ложные паспортные данные, найденные в сети Интернет.

Одним из способов размещения денег в криптовалюте являются многочисленные незначительные начисления на разные счета, то есть пользователь создает несколько активных аккаунтов и начисляет на них максимально допустимую сумму, при которой не нужна идентификация.

Фаза 2: перемещение доходов.

Перемещение – отрыв незаконных доходов от их источников путем сложной цепи финансовых операций, направленных на маскировку проверяемого следа этих доходов [1]. На данной стадии происходят многочисленные операции с криптовалютой, чтобы запутать денежные потоки. Специальные службы многих государств заявляют, что существуют способы сопоставления криптовалютных транзакций и кошельков с их владельцами.

Чтобы избежать идентификации личности специальными службами, преступники используют такие серверы, как тумбле-

ры и миксеры, которые смешивают в произвольном порядке операции по криптовалюте, что в значительной степени снижает возможность раскрытия преступления. Тумблеры – это сервисы, в которые владелец может перевести свои деньги и, заплатив комиссию, получить совершенно другие счета в криптовалюте, которые с ним никак не будут связаны [2].

Миксер – транзакции перемешивания, в которых сайт принимает криптовалюту множества человек, затем использует алгоритмы для смешивания и отправляет биткойны по разным кошелькам [3].

Фаза 3: вывод «чистых» денег.

Третий этап заключается в выведении уже «чистых» денег из системы блокчейна. Интеграция – стадия процесса легализации, непосредственно направленная на придание видимости законности преступно нажитому состоянию [1]. Чаще всего при легализации денег злоумышленники пользуются ранее упомянутыми ОТС – сделками. Находится желающий приобрести значительную сумму криптовалюты, происходит обмен «криптовалюта – наличные или безналичные деньги». Таким образом получается, что деньги получены от продажи криптовалюты, происхождение которой отследить крайне сложно. Представленная трехфазовая модель является наиболее распространенной среди преступников для легализации доходов. Указанные три стадии могут осуществляться одновременно или частично накладываться друг на друга. Это зависит от имеющегося механизма легализации и от требований, предъявляемых преступной организацией.

Подводя итоги, необходимо прийти к пониманию путей решения проблемы, связанной с легализацией доходов, полученных преступным путем, через криптовалютные активы. Представляется, что одними из таких путей являются, во-первых, законодательное урегулирование всех видов активности с использованием криптовалют в совокупности с дальнейшим контролем появления новых, а, во-вторых, разработка программного обеспечения, направленного на контроль операций с криптовалютой.

Список литературы:

1. *Кирьянова Д.А.* Криптовалюта: угроза финансовой безопасности РФ // Сборник статей международной практической конференции «Проблемы обеспечения финансовой безопасности и эффективности экономических систем в XXI в.» – Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017. С 262–268.
2. *The Cryptocurrency Tumblers: Risks, Legality and Oversight* [Электронный ресурс] – 2017 – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3080361 (дата обращения: 14.11.2021).
3. Миксер криптовалют: лучший способ сохранить анонимность биткойна [Электронный ресурс] // URL: CryptoFox.ru (дата обращения: 14.11.2021).

УДК 343.985.7

Р.А. Псардиев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ

Аннотация. В настоящей статье в виде обобщения следственной и судебной практики рассматриваются проблемы, встречающиеся при осуществлении предварительного расследования, связанные с противодействием следственной деятельности по изобличению взяткополучателя и приемы сокрытия взяточничества.

Ключевые слова: взятка, коррупция, противодействие расследованию, сокрытие преступления, должностное лицо.

R. A. Psardiev

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

SOME METHODS OF COVERING BRIBERY AND COUNTERING PRELIMINARY INVESTIGATIONS

Abstract. This article, in the form of a generalization of the investigative and judicial practice, examines the problems encountered during the preliminary investigation, related to the counteraction of the investigative activity to expose the bribe taker and the methods of concealing bribery.

Keywords: bribe, corruption, opposition to investigation, concealment of crime, official.

Сокрытие преступлений коррупционной направленности, как правило, по своему характеру, содержанию, интенсивности и продолжительности детерминировано назначением антиобщественной и противозаконной деятельности, субъектом преступления и периодом его осуществления.

Анализируя следственную и судебную практику, можно заметить явные различия в приемах сокрытия противоправного деяния и противодействия расследованию таковых. Приемы противодействия, как правило, наиболее активно проявляются на стадии возбуждения уголовного дела, а также на первоначальном этапе расследования преступления.

Анализируя приемы сокрытия путем их сопоставления с приемами противодействия с уверенностью можно сказать, что им присущ наиболее конспиративный, скрытый характер. Если же на этапе подготовки преступления или в момент совершения какие-то обстоятельства пошли не по заранее обдуманному плану и в силу объективных обстоятельств возникла необходимость в подключении дополнительных сил для уточнения или выяснения необходимых для совершения преступления обстоятельств с использованием посторонних лиц, то реализуется это под определенной легендой, без изложения конкретной цели, преследуемой лицом. На этапе противодействия реализовать подобную схему не представляется возможным, т.к. известен сам факт преступления и, как правило, цели, которыми руководствовался субъект. Исходя из этого приемы подобного характера становятся известными для других лиц, что должно учитываться субъектом расследования, в том числе и для грамотной и своевременной реализации оперативно-розыскных мероприятий через должностных лиц оперативных подразделений [1, С. 41].

Исходя из исследований следственной и судебной практики, получение взятки происходило в 74,5 % в присутствии свидетелей. Наоборот, дача взятки только в 22,6 % случаев проводилась скрыто от посторонних наблюдателей [2, С. 220].

Исходя из обобщенных данных следственной и судебной практики выделяются следующие виды сокрытия взяточничества:

1. Совершение заранее обдуманных действий в отсутствие возможных свидетелей, избегая возможности фиксации факта передачи денежных средств или иного предмета преступления;

2. Заключение фиктивных договоров гражданско-правового характера (договор дарения, договор мены, договор купли-продажи и иные);

3. Совершение иных действий, не являющихся истинными: погашение несуществующего долга, явно неравноценный обмен предметами, транспортных средств и т.д.;

4. Подписание фиктивных контрактов, заключение мнимых трудовых контрактов, незаконная выплата премий, оплата по факту не оказанных работ;

5. Размен денежных средств, полученных в качестве предмета взятки, приобретение на них недвижимости, ценных бумаг и т.д.;

6. Уничтожение документов, способных скомпрометировать лицо;

7. Открытие банковских счетов на предъявителя, пластиковых карт, иных средств электронного платежа.

8. Разработка экономических программ с целью мнимой благотворительности;

Кроме данных положений можно выделить отдельной категорией способы и приемы противодействию сбору доказательств по уголовному делу. Как и по иным составам, к данным приемам можно отнести:

1. Сообщение заведомо ложных, недостоверных сведений;

2. Физическое и психологическое воздействие на соучастников преступления, на окружение субъекта с целью либо занятия одной позиции, выгодной для лица, либо для полного и безоговорочного отказа от претензий к лицу (даже несмотря на то, что состав относится к делу публичного обвинения и не может быть прекращен по примирению сторон)

Кроме того, существует закономерность, которая показывает зависимость между способами сокрытия и способами противодействия расследованию преступления. По данным некоторых ученых, данная закономерность более очевидна и более прогнозируема, чем по иным общеуголовным составам [3, С. 60–61]. Наиболее типичными способами противодействия расследованию являются:

1. Сокрытие или уничтожение необнаруженных следов преступления (в случае, если данные следы не были обнаружены следователем на первоначальном этапе и лицо понимает это)

2. Оказание физического или психологического воздействия (на свидетелей, на взяточполучателя, на следователя, на прокурора, на судью и их близких родственников)

3. Подкуп, шантаж заявителей, свидетелей

4. Дача заведомо ложных показаний или полный отказ от дачи по любым основаниям, в т.ч. по статье 51 Конституции РФ.

5. Использование компрометирующих материалов в отношении лиц, осуществляющих предварительное расследование, либо на лиц, дающих правдивые показания, неудобные лицу.

6. Подбрасывание наркотических средств, боеприпасов и иных ограниченных в гражданском обороте предметов заявителям, свидетелям и их близким родственникам с проработкой «операции» по их последующему изъятию должностными лицами.

7. Фальсификация вещественных доказательств, отдельных материалов уголовного дела

8. Уничтожение компьютерной техники, которая может содержать ценность для следствия и содержать данные, компрометирующие взяточполучателя

Противодействие часто затрудняет расследование преступлений коррупционной направленности. Исходя из данных, предоставленных ГИАЦ МВД России, в 2017 году из 5 462 выявленных фактов взяточничества в суд было направлено 3 918 (71 %) уголовных дел [4, С. 122–123]

Подводя краткий итог, можно с уверенностью сказать о том, что задача следователя как субъекта расследования состоит в прогнозировании следственной ситуации противодействия предугадывания действий взяточполучателя исходя из его должностного положения, характеристик личности. Понимая возможный механизм противодействия, следователь сможет предугадать действия лица и провести предварительное расследование качественно с целью достижения целей, обозначенных УПК РФ.

Список литературы:

1. Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий / А.Н. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 42.

2. Шурухнов Н.Г. Уголовно-правовая квалификация и расследование взяточничества: правовые и методологические вопросы / Н.Г. Шурухнов, И.А. Кузнецова. – Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – 229 с.

3. Есаков Г. Имущественные права как предмет взятки / Г. Есаков, Д. Сарваров // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 58–63.

4. Шило А.И. Алгоритм расследования взяточничества // Russian Journal of Economics and Law. 2012. № 4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algorithm-rassledovaniya-vzyatochnichestva> (дата обращения: 05.11.2021).

УДК 343.985

В. С. Радченко

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов*

ТАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. В статье рассматривается тактика раскрытия преступлений прошлых лет против жизни и здоровья. Преступления против жизни и здоровья представляют собой наиболее опасную категорию. Нераскрытые преступления прошлых лет – это те преступные деяния, которые по тем или иным обстоятельствам не были раскрыты в установленный срок.

Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, преступления прошлых лет, нераскрытые преступления, преступления против жизни и здоровья, криминалистическое расследование преступлений

V. S. Radchenko

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

TACTICS OF INVESTIGATING PAST CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

Abstract. The article is devoted to the discussion of the issue of establishing artificial intelligence as a subject of traffic crimes in the conditions of digitalization of society. Based on the study of domestic scientific works, as well as foreign experience, the author's position on the issue under consideration is formed.

Keywords: criminal liability, legal personality, unmanned vehicles, artificial intelligence, traffic safety and operation of transport.

Преступность – это социальное явление, посягающее на охраняемые государством и обществом интересы. С появлением преступности, государство направляет все силы на ее предупреждение и искоренение. При этом на современном этапе развития, система борьбы с преступностью остается несовершенна и имеет свои недостатки.

Исходя из статистики МВД ежегодно из всех регистрируемых преступлений в среднем раскрываются лишь половина из них [1]. Остальные дела приостанавливают, что ведёт к росту нераскрытых преступлений прошлых лет. Значительное количество нераскрытых преступлений занимают деяния против жизни и здоровья, являющиеся наиболее опасными по своему предмету.

Преступления прошлых лет содержат свои особенности и образуют отдельную группу преступлений. К ним относят:

1) преступления, предварительное расследование по которым приостановлено на основании п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, но сроки давности привлечения к уголовной ответственности не истекли;

2) преступления, выявленные спустя долгое время после их совершения;

3) преступления, совершавшиеся длительное время (например: серийные преступления) [2, С. 54–56].

Проанализировав деятельность ОВД можно выделить объективные и субъективные факторы, оказывающие влияние на раскрытие преступлений прошлых лет.

К объективным факторам относятся:

- несвоевременное обнаружение ОВД фактов совершения отдельных преступлений;
- наличие преступного опыта у лиц, совершающих преступления;
- недостаточно высокий уровень оперативно-криминалистических знаний сотрудниками ОВД;

К субъективным (негативным) факторам, относят:

- несвоевременное принятие должных мер оперативными дежурными ОВД по преследованию и задержанию преступников;
- несвоевременный выезд на место происшествия следственно-оперативной группы;
- несвоевременное информирование ОВД, о возможных маршрутах передвижения преступников;
- отсутствие взаимодействия между различными службами;
- некачественный и поверхностный осмотр места происшествия;
- шаблонное формирование версий о возможной причастности лиц, к конкретному совершенному преступлению и тд [3, С. 3–7].

Криминалистическое расследования преступлений прошлых лет против жизни и здоровья, имеет свои недостатки. При организации работы по делам, где производство приостановлено, следователи сталкиваются с необходимостью разрешить следующие вопросы:

- обеспечить розыск преступников,
- добиться раскрытия преступлений.

Для успешного расследования преступления прошлых лет, необходимо выявить ранее допущенные ошибки и устранить их [4, С. 23].

Практика расследований преступлений показывает, что из-за имеющихся пробелов, возникающих например: вследствие погодных условий (уничтожение следов) или по происшествию долгого времени (искажение воспоминаний свидетелей), появляется необходимость согласованной деятельности сразу нескольких следователей, руководимых одним из них, что обеспечит рациональную организацию одновременной работы в целях быстрого, полного и всестороннего расследования преступлений [5, С. 109–111].

Основой расследования приостановленного преступления является первоначальный этап, на котором выдвигаются версии, разрабатывается план расследования и проведения следственных и иных действий.

Несмотря на то, что преступление нераскрыто и виновный неизвестен, многие факты о нем удается получить именно на первоначальном этапе расследования путем анализа различной информации. В частности, благодаря показаниям свидетелей и потерпевших можно сделать определенный вывод о субъекте совершения преступления, наличии у него тех или иных навыков, его принадлежности к определенной профессии, социальной группе. Также следует попытаться определить его место жительства. Подобные данные позволят сформировать общее представление о личности преступника, составить его психологический портрет. Однако должностные лица далеко не всегда должным образом фиксируют все вышеречисленное [6, С. 15–24].

Наиболее важным при раскрытии преступлений прошлых лет является установления лица, которое подозревается в его совершении. Для этого необходимо обеспечить доступ к базам данных учета, которые ведутся в организациях внутренних дел, с целью получения информации о лицах, проходящих по тем или иным уголовным делам.

Современное техническое обеспечение позволило бы в настоящее время провести анализ материалов ДНК, имеющихся на различных вещественных доказательствах, которые были сохранены по делам прошлых лет.

Для развития данного направления необходимо также комплектование лабораторий экспертно-криминалистических подразделений, осуществление закупки новейшего оборудования в области геномной регистрации. В настоящее время, в органах внутренних дел уже существует основная лабораторная база для проведения анализа и учета данных ДНК [7, С. 135–137].

Благодаря созданию таких комплексов в России ежегодно проводят около 58 тыс. геномных исследований. При этом федеральная база данных содержит информацию всего лишь на 0,15 % населения нашей страны. В связи с этим коэффициент полезного действия, пока остается очень низким. Если сравнивать проведение генетического анализа с взятием проб крови, то ДНК анализ позволяет определить не только группу, но и установить какому конкретному лицу принадлежит взятый образец. Для того чтобы использование ДНК анализа стало более эффективным, необходимо обеспечить взаимодействие оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов с ЭКП ОВД России уже на стадии изъятия биологических объектов с мест преступлений, а также продолжать совместную работу на протяжении всего исследования до постановки полученных ДНК на учет в Федеральную базу.

Создание общей базы данных ДНК позволит существенно увеличить вероятность установления личности преступника и его привлечение к ответственности, решит вопрос установление личности неопознанных, погибших лиц, а также снизит уровень преступности в целом [8].

Увеличение сроков хранения архивных дел также позволит более эффективно использовать материалы, которые в них содержатся. Это позволит более детально изучить личность преступника.

Таким образом для повышения эффективности расследования преступлений прошлых лет необходима не только совместная деятельность различных подразделений внутренних дел, создание единой базы данных ДНК, увеличение сроков хранения архивных дел. Но и улучшение работы ОВД в целом. Систематическая, слаженная работа уже на первоначальных этапах, позволит получить информацию, способствующую раскрытию преступления.

Список литературы:

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: www.mvd.ru. (дата обращения: 10.11.2021).
2. Рыжкова А. К. К вопросу о понятии преступлений прошлых лет против жизни // *Colloquiumjournal*. 2019. № 18. С. 54–56.
3. Багмет А. М., Цветков Ю. А. Раскрытие и расследование преступлений прошлых лет – приоритетный проект Следственного комитета Российской Федерации // *Российский следователь*. 2016. № 3. С. 3–7.
4. Кулеева И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: автореферат диссертации: 12.00.09 // Кулеева Ирина Юрьевна. Челябинск, 2011. 23 с.
5. Седова Ю. А. Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет подразделениями уголовного розыска // *Вестник Владимирского юридического института*. 2016. № 3 С. 109–111.
6. Лавров В. П. Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы Межведомственного научного семинара. М., 2008. С. 15–24.
7. Лозовский Д. Н., Ульянова И. Р. Актуальные вопросы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // *Общество и право*. – 2017. – № 4. С. 135–137.
8. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.11.2021).

В. Н. Ситник

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИПФЕЙКА
В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме использованию информационных технологий в преступных целях, а также криминалистическим аспектам противодействия расследования рассматриваемых преступлений. Автор поставил задачу исследовать потенциальные способы обнаружения и изобличения материалов, изготовленных посредством использования технологии дипфейк. Выявляется зарубежный опыт в области противодействия использованию дипфейков. В результате исследования предлагаются меры, позволяющие снизить криминалистические риски совершения различных преступлений.

Ключевые слова: Deepfake (дипфейк), информационные технологии, криминология, расследование преступления, преступление.

V. N. Sitnik

*Saratov State Law Academy
Institute of Prosecutor's office***THE USE OF DEEPFAKE TECHNOLOGY
FOR CRIMINAL PURPOSES: FORENSIC ASPECTS
OF COUNTERING AN INVESTIGATION**

Abstract. The article is devoted to the problem of using information technologies for criminal purposes, as well as the forensic aspect of countering the investigation of the crimes under consideration. The author set out to investigate potential methods of detecting and exposing materials made using deepfake technology. The foreign experience in the field of countering the use of deepfakes is revealed. As a result of the study, measures are proposed to reduce the forensic risks of committing various crimes.

Keywords: Deepfake (deepfake), information technology, criminology, crime investigation, crime.

В условиях постоянно развивающихся информационных технологий особое место необходимо уделять вопросам противодействия преступности, поскольку зачастую новый рывок в развитии тех или иных технологий означает не только упрощение либо совершенствование каких-либо процессов жизнедеятельности, но и создание условий для совершения противоправных деяний. Так, одним из негативных проявлений инновационной среды выступает использование методики синтеза лица и голоса, манипулируемой искусственным интеллектом, т.е. Deepfake. Изначально данная технология была задумана в качестве развлекательного контента, однако по мере своего развития и совершенствования использование технологии дипфейка создаёт постоянно серьёзную угрозу использования в противоправных целях.

При рассмотрении настоящего вопроса необходимо иметь в виду, что позиция автора сводится к рассмотрению использования технологии дипфейка исключительно в качестве способа совершения преступления. Исходя из этого, следует понимать, что криминалистическое противодействие использованию данной технологии необходимо рассматривать с учетом опыта противодействия совершению преступлений в информационной сфере, динамика которых растёт ежегодно. Так, согласно статистическим данным за 2017 г., удельный вес от общего количества преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий составлял всего 4,4 % (90 587 преступлений). Обращаясь к статистическим данным за январь-июль 2021 г., можно наблюдать, что удельный вид рассматриваемых преступлений составляет уже 26,6 % (315,7 тыс. преступлений), при этом две трети данных преступлений совершается с использованием сети «Интернет» [1].

Следует понимать, что в ряде случаев, которых становится все больше, дипфейки используются для совершения пре-

ступных деяний, тем самым повышая степень их общественной опасности. Примером таких вредоносных действий, которые могут выполняться с использованием дипфейков, является оборот материалов порнографического характера. Количество дипфейков, создаваемых для этих целей, удваивается каждые шесть месяцев. По оценкам экспертов, летом 2021 г. их количество достигнет 180 тыс., а в 2022 г. – более 720 тыс [2], то заставляет серьезно озаботиться противодействием применения данной технологии в преступных целях.

Уместным является обращение к имеющемуся на данный момент зарубежному опыту. Так, обращаясь к опыту Соединённых Штатов Америки можно обнаружить, что в 2019 году законодатель штата Калифорния принял два закона: AB № 602, который запретил использование технологий синтеза изображений человека для изготовления порнографического контента без согласия изображаемых, и AB № 730 о запрете подделки изображений кандидатов на государственные должности в течение 60 дней перед выборами. По нашему мнению, данные нововведения имели бы положительное воздействие в рамках отечественного законодательства, при этом стоит иметь в виду, что при имплементации данных законов не стоит ограничиваться исключительно политической сферой деятельности. Законодательные запреты использования технологии дипфейка должны быть гораздо шире и затрагивать социальные, экономические, культурные и иные общественные отношения.

Обращаясь к законодательству КНР можно наблюдать следующее: с 1 января 2020 г. все созданные при помощи рассматриваемой технологии видеоматериалы должны иметь соответствующую пометку. Иначе ответственность будет возложена как на того, кто опубликовал дипфейк, так и на интернет-платформу, не уследившую за исполнением законодательства Республики [3]. Принятие указанных законодательных мер, по нашему мнению, будет иметь благоприятное воздействие, поскольку гражданам будет проще воспринимать и оценивать видео-контент с точки зрения его достоверности. В данном контексте уместным представляется заложить в софт программы, осуществляющей генерирование дипфейков, обязательное наложение на контент водных знаков либо интегрирование в программный код конечного продукта особого кода, позволяющего определить относимость тех или иных материалов к дипфейкам. При всем при этом, стоит иметь в виду, что при использовании дипфейков в преступных целях лицо, желающее совершить общественно опасное деяние сможет обходить данные запреты без особого труда. Именно поэтому стоит задуматься о разработке программ позволяющих определить дипфейк с наибольшей достоверностью. В настоящее время можно встретить несколько программ, которые позволяют определять достоверность контента, однако их качество и уровень достоверности являются недостаточными для повсеместного использования, что порождает необходимость дальнейшего совершенствования уже существующих и разработка новых программных систем.

Ученые, правоведа и заинтересованные группы по всему миру выступают за принятие законов, ограничивающих или вовсе запрещающих использование технологии Deepfake. В современной России данная проблема пока не получила достаточно широкого резонанса, однако стоит отметить, что с каждым днем дипфейки становятся дешевле, доступнее и качественнее, что только повышает угрозу их применения в противоправных целях.

На наш взгляд, в целях противодействия и эффективного расследования преступлений с использованием технологии дипфейка объективно необходимым является принятие некоторых решений.

Во-первых, необходимо на законодательном уровне признать и закрепить в соответствующих статьях уголовного кодекса РФ такой квалифицированный состав как «совершенные с использованием информационных технологий и (или) ресурсов». Данные изменения будут способствовать увеличению доктринального обоснования не только рассматриваемой проблемы, но и иных возможных способов совершения преступления с использованием информационных технологий. Также весьма обоснованным и рентабельным рассматривается опыт КНР, следуя которому необходимо обязать производителей медиаконтента накладывать на готовый контент, представляющий по своей сути дипфейк, соответствующую пометку.

Во-вторых, первоочередным видится разработка компетентными органами методик и способов криминалистического противодействия изучаемой проблеме, в частности, методики и способов выявления и изобличения дипфейков. В данном контексте разумно было бы предложить определенные методики и способы изобличения дипфейков. Прежде всего стоит принять тот факт, что в настоящее время качество большинства дипфейков находится на относительно невысоком уровне, что позволяет сформулировать в качестве первой рекомендации следующие действия: необходимо детально изучить видеоматериал на предмет наличия каких-либо внешних изъянов (размытость областей, низкое качество в отдельных областях), позволяющих усомниться в истинности исследуемых материалов.

Акцент стоит сделать и на речи объекта исследования. Прежде всего внимание стоит обращать на наличие слышимых помех и недостатков материала, которые могут быть выявлены без использования специального материала. Далее внимание стоит уделять особенностям речи конкретной личности (стилистика, интонационным, фонетическим). Благодаря этому становится возможным выделение, например словарных оборотов, которые нетипичны в выступлениях и при разговоре конкретной личности. Следует озаботиться профессиональным изучением аудиоматериалов при помощи специальных программ, позволяющих осуществлять спектральный анализ звуковой волны. Использование данных программ позволит выявлять наличие «склеек» и наложение определенных эф- фектов для речи.

Исследование изображения и речи лица в предполагаемом дипфейке позволит с определенной степенью достоверности убедиться в истинности исследуемых материалов. При всем при этом стоит понимать, что в настоящее время известно некоторое количество дипфейков, которые отличаются своим высоким качеством, что делает их практически неотличимыми от реальной картинки. В данном контексте стоит признать, что способы изобличения таких материалов весьма ограничены. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо установить связь с лицом, которое является объектом дипфейка, что позволит уже на начальном этапе на основании данных им показаний установить подлинность материалов. Стоит предположить, что на практике будут возникать случаи, когда установить оперативную связь с лицом не представляется возможным. В данном случае следователю первоочередно предстоит установить потенциальную возможность лица, изображенного в видеоматериалах, изготовить соответствующий контент. Например, стоит уделять внимание на локацию производства записи, время года и суток, сопровождающие местность звуки, а также алиби лица.

При этом стоит понимать, что даже принятие данных решений не всегда будет способствовать выявлению фальшивого контента. Например, лицо на видеоролике находится в помещении, не позволяющем установить его расположение. В данном случае перспективным видится принятие четвертого решения: следует объявить конкурс, финансируемый за счёт федерального бюджета либо за счёт инициативных групп, по разработке программ, позволяющих определить дипфейк с наибольшей достоверностью, что не только качественно улучшит процесс анализа контента, но и позволит с наибольшей оперативностью предпринять необходимые для изобличения действия.

Отдельно стоит уделить внимание процедуре изобличения дипфейков, которая, по нашему мнению, будет зависеть от нескольких составляющих. Во-первых, скорость выявления дипфейков огромного количества возобновляемого контента в сети Интернет. Во-вторых, от оперативности действий следователя по определению достоверности исследуемых материалов и принятия необходимых решений по недопущению их дальнейшего распространения. В-третьих, от оперативной блокировки фальшивых материалов на всех имеющихся платформах и источниках с целью недопущения их дальнейшего распространения среди пользователей масс-медиа. В-четвертых, от оперативности опубликования материалов, подтверждающих недостоверный характер контента.

Данные изменения, на наш взгляд, будут способствовать предупреждению распространению преступного использования технологии дипфейка, что позволит снизить криминалистические риски совершения различных преступлений. Следует

понимать, что перечень представленных решений не является исчерпывающим и не будет в полной мере отвечать вызовам динамически развивающегося информационного общества, однако, учитывая, что с каждым днем дипфейки и иные информационные технологии становятся дешевле, доступнее и качественнее потенциальная угроза появления новых форм совершения противоправных действий требует принятия оперативных мер реагирования.

Список литературы:

1. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 06.09.2021).
2. Восход дипфейка в 2020: как маргинальная технология стала медианормой [Электронный ресурс] // Теплица социальных технологий URL: <https://te-st.ru/2020/12/25/2020-deepfake-era/> (дата обращения: 04.02.2021).
3. В Китае публикацию дипфейков отнесли к уголовным преступлениям [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/478362/> (дата обращения: 04.02.2021).

УДК 343.98

Д. Р. Юмагулов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О СЛЕДАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется содержание термина «виртуальные следы». Исследуется причина появления данного термина, обоснованность его введения и содержание. Делается вывод о целесообразности применения в теории и практической деятельности данной терминологической конструкции. Определяется обоснованность дальнейшего исследования «виртуальных следов» и делается вывод относительно их прикладного характера.

Ключевые слова: виртуальные следы, киберпреступления, классификация виртуальных следов, IT-технологии, хакеры.

D. R. Yumagulov

*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

ON THE ISSUE OF TRACES OF CRIME IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Abstract. The article analyzes the content of the term “virtual traces”. The reason for the appearance of this term, the validity of its introduction and content are investigated. The conclusion is made about the expediency of applying this

terminological construction in theory and practice. The validity of further research of “virtual traces” is determined and a conclusion is made about their applied nature.

Keywords: virtual traces, cybercrimes, classification of virtual traces, IT technologies, hackers.

XXI век столкнулся с глобальной проблемой – это увеличение с каждым годом компьютерных преступлений. Согласно официальной статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации только за 2020 год было зарегистрировано около 450 тыс. преступлений. Если сравнить с 2006 годом, то было выявлено примерно 6 500 тыс. преступлений. То есть мы видим, что произошло увеличение почти в 70 раз [1]. Хакеры на сегодняшний день все более активно используют свои технологии для достижения криминальной цели. При этом хотелось бы обратить внимание на то, что увеличивается количество совершаемых преступлений, а также их уровень преступной деятельности. И поскольку, совершаются данные преступления в сети Интернет, то в результате их совершения обязательно остаются

виртуальные следы. Из-за этого выделяется три основные проблемы: 1) что представляется под определением «виртуальные следы», 2) какие виды виртуальных следов можно выделить, 3) способы изъятия «виртуальных следов» из глобальной сети.

Первоначально необходимо рассмотреть базовые категории, лежащие в основе определения виртуальных следов, к которым относятся информационные технологии. Согласно ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [2, с. 3]. Использование этих высокотехнологических средств связи повышают уровень качества жизни современного общества, но и в силу своих особенностей способствуют появлению новых видов преступлений, которые могут повлиять на жизнь

человека. В действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации есть такие преступления как мошенничество с использованием информационных технологий, платежных карт в сфере страхования или компьютерной информации и ряд других преступлений, непосредственно связанных с вычислительной техникой. Следует обратить внимание на то, что любые действия, который выполняет пользователь на сайте, оставляет свой виртуальный след, который можно будет использовать для дальнейшего расследования уголовного дела. Используя в качестве основы понятие информационных технологий, следует определить, что представляет собой категория «виртуальные следы» и как систематизировать их виды.

Многие ученые по-разному дают определение, так, например А. Б. Смушкин считает, что «виртуальные следы» – это следы совершения любых действий (включения, создания, отключения, внесение изменений, удаления) в информационной сфере или пространстве с помощью высокотехнологических средств, их систем и сетей [3, с. 43].

А вот В.А. Мещеряков дает несколько другое определение. Он считает, что виртуальные следы – это любое изменение состояния информационного устройства, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации. Данные следы занимают место между идеальными и материальными следами [4, с. 94].

И что же мы видим общего между данными определениями? А общего между ними это то, что все виртуальные следы были оставлены высокотехнологическим устройством и представляют они в виде компьютерной информации. Можно теперь прийти к выводу, что виртуальные следы – это действия, которые были оставлены за собой пользователем в сети Интернет с помощью технологических устройств с целью включения, создания, отключения, внесение изменений и удаление любой информации на сайте.

Теперь стоит обратить внимание на классификацию виртуальных следов, оставленных в компьютерной среде.

Как правило, они делятся на несколько категорий: по форме представления 1) информация, которая читаема человеком (доступна для восприятия), 2) машинчитаемая информация (информация, представленная в виде двоичного кода), по месту хранения 1) данные, которые хранятся в сетевых технологиях (ЭВМ, серверы, локальные сети, глобальные сети), 2) данные, которые были перенесены на переносной носитель (жесткие диски, компакт-диски, Flash – карты, твердые накопители), 3) бумажные копии человека или ЭВМ (скриншоты, копии переписки и др) и по происхождению 1) информация, созданная самой ЭВМ, 2) электронная информация, созданная в процессе работы человека [5].

Развитие технологических устройств влияет на расширение или увеличение перечня видов виртуальных следов. Всем, кто осуществляет нормотворческую и правоохранительную деятельность уже сегодня необходимо обратить на это особое внимание, чтобы в будущем избежать серьезных негативных последствий.

Как правило, киберпреступления совершаются не сразу, для этого преступники заблаговременно готовятся к совершению преступления. Для того, чтобы совершить противоправное действие, злоумышленники создают вирусные программы для извлечения каких-либо данных. При написании таких программ, а также их использования в дальнейшем, в памяти компьюте-

ра всегда останется виртуальный след совершенных действий. Программы, которые содержат вирусы бывают: 1) стандартные – такие программы легко найти на платформе «Интернет». Они были кем-то уже сделаны и не представляют никаких сложностей при их изучении. 2) переделанные – злоумышленник настроил данную программу под себя 3) совершенно новая или приспособленная – программа, которая не имеет аналогов в мире. Обычно она состоит из сложной двоичной системы, которую устранить обычной антивирусной программой практически невозможно [6].

В зависимости от структуры и распространенности вирусной программы, в процессе использования, лицо может оставить виртуальный след в памяти устройства, вследствие чего можно будет сделать вывод о его профессиональном уровне в сфере IT-технологий.

И теперь стоит главный вопрос, а как же изъять данные следы из платформы сети «Интернет» и использовать в дальнейшем при расследовании уголовного дела? Фиксация виртуальных следов происходит в следующем порядке: 1) описание в протоколе следственных действий. В данном протоколе может указываться различные сведения, например, на каком носителе были найдены данные следы; кому могло бы принадлежать устройство; имело ли данное устройство в сеть «Интернет»; на какой операционной системе могла работать электронно вычислительная машина (Windows, Wista, Linux, MacOS), 2) фотографирование экрана или можно назвать «скриншот экрана» с дальнейшей распечаткой, 3) либо может произойти изъятие самой электронной вычислительной машины для дальнейшего проведения следственных действий как это указано в ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса [7].

И если следователь решит изъять компьютерную технику, на котором содержатся «виртуальные следы», ему надо будет перевести персональный компьютер в «спящий» режим, поскольку это поможет не потерять те данные, которые содержатся на жестком диске, необходимые для следственных органов. Далее, соблюдая все требования уголовно-процессуального законодательства, следователь изымает электронные носители информации и упаковывает их должным образом [8].

Таким образом, стоит сказать, что необходимо дальше изучать теоретические основы слепообразования следов в сети «Интернет», закономерности возникновения виртуальных следов, отражающих механизм возникновения киберпреступлений с целью разработки рекомендаций по изъятию, исследованию и обнаружению виртуальных следов для установления обстоятельств, имеющих большое значение для раскрытия преступления, использованных с помощью электронной вычислительной машины.

Список литературы:

1. Киберпреступность в России и ее влияние на экономику страны // <https://www.tadviser.ru/index>. дата обращения: 08.11.2021.
2. Федеральный закон РФ от 27.07.2006 N-149 (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ от 31.07.2006 № 31 ст. 3448.
3. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. Вып. 8. С. 43–45.
4. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования // Издательство Воронежского государственного университета. 2002. С. 94–119
5. Базаров А.А. Виртуальные следы в криминалистике // Актуальные проблемы современного уголовного процесса и криминалистики: материалы международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (г. Самара, 16 декабря 2017 г.). Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2017. С. 18–21.
6. Аскольская Н.Д. Виртуальные следы как элемент криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Закон и право. 2020. № 5. С. 173–175.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 23.09.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4924
8. Галимханов А.Б., Халиуллина А.Ф. Порядок обнаружения, изъятия и фиксации цифровых следов преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–2. С. 40–44

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО, БАНКОВСКОГО, ТАМОЖЕННОГО ПРАВА

УДК 342.565.2

А. С. Азарова, Д. А. Гейченко

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕСМОТРА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ФИНАНСОВЫМ СПОРАМ

Аннотация. В статье затрагивается актуальный вопрос о возможности пересмотра решений Конституционного Суда РФ по финансовым спорам. Анализируются доктринальные и нормативные проблемы введения подобного института. Делается вывод о необходимости максимально детальной законодательной фиксации порядка пересмотра указанных актов, а также определения его правовых последствий.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, пересмотр решений, финансовые споры, принципы конституционного судопроизводства, нарушение процедурных правил, трансформация правовых позиций.

A. S. Azarova, D. A. Geichenko

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF REVIEW OF THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON FINANCIAL DISPUTES

Abstract. This article considers the topical issue of the possibility of viewing the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on financial disputes. The doctrine of the institute and the normative problems of introduction are analyzed. The conclusion about the need for the most detailed legislative fixation of the revision procedure, as well as determining its legal consequences is made.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, revision of decisions, financial disputes, constitutional proceedings, violation of procedural rules, transformation of legal positions.

Дела, касающиеся финансовых отношений, занимают в деятельности Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) заметное место. Некоторые из них уже нашли свое отражение в финансовом законодательстве [1, с. 63], в частности, введены новые термины, например, «недобросовестный налогоплательщик» [2], сформулированы правовые позиции по многим ключевым вопросам налогообложения. С.Г. Пепеляев отмечает, что решения высших судебных органов имеют самое непосредственное влияние на применение нормативных актов о налогах и сборах [3, с. 321]. Вместе с тем не все решения КС РФ признаются учеными достаточно аргументированными. Поэтому представители научного сообщества периодически обращались к вопросу о возможности их пересмотра. Данная тема не теряет своей актуальности и сегодня ввиду необходимости соблюдения требования справедливости.

Во всех видах судопроизводства, кроме конституционного, в настоящий момент имеется механизм по обжалованию неправомερных судебных решений. Указанное право на пересмотр закрепляется не только в Конституции РФ, но и в Международном пакте о гражданских и политических правах, Протоколе № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Исходя из позиции самого КС РФ, «ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено» [4]. При этом, согласно ч. 1 ст. 79 Федерального конституционного закона «О КС РФ» (далее – ФКЗ «О КС РФ») [5], решения КС РФ

окончательны и не подлежат обжалованию. Существует мнение, что эта норма закона противоречит Конституции РФ [6, с. 171]. Также делается акцент на отсутствие в ФКЗ «О КС РФ» каких-либо указаний на способы исправления возможных ошибок. Это важно, так как никто не может быть застрахован от нарушения правил судопроизводства, использования недопустимых доказательств и личной заинтересованности судей [7, с. 19]. М.И. Байтин вполне обоснованно писал, что «в отдельных случаях, несмотря на высокий профессионализм конституционных судей, допускаются ошибки в толковании Конституции и некоторых законов с точки зрения их соответствия Конституции» [8, С. 9].

К одним из наиболее неоднозначных решений КС РФ в налоговой сфере специалисты в области финансового права относят определения указанного органа, в которых констатировалась различная правовая природа налогов и сборов как обязательных платежей [9]; был сделан вывод о том, что возврат излишне уплаченных косвенных налогов означал бы неосновательное обогащение налогоплательщика [10]; устанавливалось, что страховой взнос на обязательное пенсионное страхование нельзя рассматривать как налоговый платеж [11].

Что касается Закона «О КС РСФСР» [12], то в нем содержались положения о пересмотре решений Конституционного Суда, но только по собственной инициативе. Примечательно, что гл. 4 нынешнего ФКЗ «О КС РФ» не устанавливает в качестве принципов конституционного судопроизводства принципы законности, презумпции истинности решения Суда и добросовестности судей. Видится, что в сложившейся ситуации это было бы весьма уместно.

Ранее КС РФ имел право корректировки сформулированных им правовых позиций в силу действия ст. 73 ФКЗ «О КС РФ», однако она уже утратила свою силу. Помимо прочего, непонятно, как поступать с решениями КС РФ, в которых выражены разные позиции по одному и тому же вопросу. Наиболее логичным представляется применение актуального толкования, хотя председатель КС РФ В.Д. Зорькин говорит о том, что любая правовая позиция КС РФ сохраняет свою силу, «однако ее применимость не является абсолютной и определяется Конституционным Судом каждый раз в сходных ситуациях с учетом единства буквы и духа этой позиции в конкретно-исторических обстоятельствах» [13, С. 144].

В новейшей истории решения КС РФ по финансовым вопросам никогда не пересматривались, однако однажды Суд изменил свою позицию, приняв Определение от 4 ноября 2004 г. № 324-О [14], о чем Г.А. Гаджиев высказался следующим образом: «Конституционный Суд РФ в этом Определении сказал, что им допущена ошибка и налоговые вычеты при оплате с помощью заемных средств допустимы» [15].

По мнению Н. Громова и Е. Колесникова, возможность пересмотра решений КС РФ обязательно должна существовать в правовом государстве. Это также позволит придать стадиям конституционного судопроизводства системность и логическую целостность. Ученые предлагают свои изменения в ФКЗ «О КС РФ», в частности, дополнить его ст. 721 «Пересмотр решений», основаниями которого являлись бы вновь открывшиеся обстоятельства, изменение норм Конституции РФ или законодательного акта, послуживших основанием для принятия пересматриваемого решения, а также существенные процессуальные нарушения [7, С. 20].

А.В. Зиновьева считает, что правом обращаться с запросом в КС РФ о пересмотре ошибочного решения следует наделить Президента РФ, председателей палат Федерального Собрания РФ, Генерального прокурора РФ [16, С. 6]. М.И. Байтин видит необходимость наделить соответствующими полномочиями по пересмотру Государственную Думу РФ как орган, непосредственно принявший неясную юридическую норму [8, С. 10].

Таким образом, несмотря на почти двухсотлетнюю мировую практику судебного конституционного контроля без процедуры «конституционной апелляции», во введении институ-

та пересмотра решений КС РФ самим же указанным органом, в том числе по финансовым спорам, как представляется, все же имеется необходимость. При этом неизбежным будет внесение соответствующих поправок в Конституцию РФ и ФКЗ «О КС РФ», что требует дальнейшей более детальной доктринальной и нормативной проработки вопроса в части определения порядка и правовых последствий пересмотра.

Список литературы:

1. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2017. 800 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 138-О // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3410.
3. Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишер, 2015. 796 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 02 февраля 1996 г. № 4-П // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.
5. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ (ред. от 09 ноября 2020 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5045.
6. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / рук. авт. кол. и отв. ред. В.А. Четвернин. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. 414 с.
7. Громов Н., Колесников Е. Принципы судопроизводства должны распространяться и на Конституционный Суд // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 19–20.
8. Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С. 5–11.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 283-О // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. II). Ст. 5289.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 317-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 49-О // Сборник решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ВАС РФ по вопросам деятельности ПФ РФ. 2004. Ч. 1.
12. Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 19. Ст. 621.
13. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 720 с.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 324-О // СЗ РФ. 2004. № 48. Ст. 4839.
15. Бояринцева М.Д. Конституционный Суд РФ сказал, что им допущена ошибка (интервью с Г.А. Гаджиевым, заслуженным юристом России, доктором юридических наук, судьей Конституционного Суда РФ) // Налоговый учет для бухгалтера. 2005. № 2.
16. Зиновьев А.В. Статус Конституционного Суда РФ и его деятельность нуждаются в совершенствовании // Правоведение. 2007. № 5. С. 4–13.

УДК 336.1

А. С. Ананенко, К. М. Гаджирагимова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ (ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В данной статье анализируются безналичные расчётные операции. Определяются нормативно-правовые акты, регулирующие специфику реализации безналичных расчётных операций в различных формах, основанных на принципах. Упоминается роль появления криптовалюты. В статье выделяется финансово-правовое значение безналичных расчётных операций в банковской сфере.

Ключевые слова: безналичные расчётные операции, сущность безналичных расчётов, формы операций, финансово-правовые принципы, роль криптовалюты.

A. S. Ananenko, K. M. Gadzhiragimova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

NON-CASH SETTLEMENT OPERATIONS (FINANCIAL AND LEGAL ASPECT)

Abstract. This article analyzes non-cash settlement transactions. The regulatory legal acts regulating the specifics of the implementation of non-cash settlement transactions in various forms based on the principles are determined. The role of the emergence of cryptocurrencies is mentioned. The article highlights the financial and legal significance of non-cash settlement transactions in the banking sector.

Keywords: non-cash settlement transactions, the essence of non-cash settlements, forms of transactions, financial and legal principles, the role of cryptocurrency.

Безналичные расчеты набирают всё большую актуальность в повседневной жизни общества, простота и удобство данных расчётов позволяют оперативно выполнять повседневные задачи, как обыденная покупка различных товаров (особенно в сети «Интернет»), так и совершение банковских операций, что повышает качество и количество банковской деятельности и позволяет снизить по меньшей мере их затраты. Развитие информационной сферы оказывает подавляющее воздействие в финансовом аспекте, в частности на расчётные операции, что, в сущности, является неотъемлемой частью как экономической, так и неэкономической организации деятельности в нормативном урегулировании различных правовых положений, находящихся в тесной связи с расчётными правоотношениями между индивидуумами, обществом, государством в целом. Следует внести ясность, что в определении расчётных правоотношений имеется совокупность двух взаимосвязанных составляющих, это социальный и финансовый аспекты, последнему отдаётся приоритет, поскольку общественные отношения регулируются нормами финансового права, которые определяют специфику этих отношений.

Следует сказать, что ключевая роль безналичных расчётных операций на данном этапе времени заключается в сокращении издержек, то есть затрат, направленных на оборот средств, в замещении наличных денег и увеличении интенсивности оборачиваемости денежных средств, как экономический фактор и элемент финансовой деятельности государства.

Положения о безналичных расчётных операциях закреплены российским законодательством, а именно Гражданским кодексом Российской Федерации (со ст. 861 по ст. 885) [1], Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ [2]. Также можно отметить и Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 [3].

Перед тем как переходить к анализу данной темы следует отметить определение безналичных расчетов в России. Безна-

личные расчёты – это перевод денежных средств уполномоченными субъектами в финансовой сфере,

сопровождающийся с представлением расчётной документацией и поручением от другого субъекта (плательщика), с соблюдением требований, установленных законодательством Российской Федерации [4]. Схожий смысл определения безналичных расчётов был сформулирован Химичевой Н.И., выражающийся в расчётах с перечислением денежных средств, при этом без применения наличных денег, по другим банковским счетам между субъектами, направленных на удовлетворение двусторонних требований [5, С. 692].

На современном этапе определение расчётов имеет более широкое понятие в сравнении с безналичными расчётами, так как последние являются составной частью товарных и нетоварных операций, выражающихся в совокупности специфических, уникальных и функциональных форм и способов осуществления безналичного платежа с учётом времени реализации и особенностей документооборота, при этом интеграция методов анализа и синтеза самостоятельных элементов расчёта обуславливает возможность появления наиболее качественных способов, отвечающих требованиям не только российского законодательства в финансовой сфере, но и потребностям общества, что безусловно является перспективой дальнейшего развития безналичных расчётных операций [6, С. 681].

Рассмотрим сущность и цель безналичных расчётных операций.

В данном термине определяется цель, выраженная во взаимной обязанности банка и его клиента, с требованием и указанием реквизитов, суммы и сроков последним, по осуществлению операции. Из этого следует сказать, что сущность безналичных расчётных операций является осуществление их при помощи банковских операций путем перечисления по счетам, которые используются для замещения наличных денег.

Безналичные расчётные операции на протяжении своей деятельности реализуются посредством всевозможных форм и инструментов, таковыми являются:

– Платежное поручение – это документ, в котором банк обязан исполнить распоряжение его клиента по перечислению денежной суммы на другой счёт;

– Между банками покупателя и поставщиками существует поручение, определяющее оплату поставщику товара и услуг, на определенных условиях, указанных в соответствующем договоре – такой инструмент называется расчет по аккредитиву;

– Расчёты по инкассо – относительно сложная форма безналичных операций, которая предполагает действия клиента банка, основанные на его поручении последнему, и самого банка, связанные с получением не только определённых денежных сумм от других организаций в соответствии с расчётными документами, но и комиссионных выплат;

– Письменное распоряжение клиента своему банку уплатить с его счета держателю чека определённую сумму, указанную в чеке, а также расчёты по векселю, который определяется как ценная бумага долгосрочного обязательства с правом на возврат в установленный срок денежного долга, с возможностью применения как платёжного документа с передачей другим лицам, называется расчеты по чеку;

– Огромную актуальность и практическое значение имеют универсальные расчёты с помощью пластиковых банковских карт. Имеются две разновидности: дебетовые (получение собственных наличных денег в банкоматах) и кредитные (пользование кредитными средствами банков).

Исходя из правовой базы, регулирующей безналичные расчётные операции, можно выделить принципы, на которых базируется данная система:

– принцип законности (это универсальное положение, применимое также и к безналичным расчётам, осуществляемым только в соответствии с требованиями законодательства, в первую очередь Бюджетным кодексом Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145 [7]);

– принцип достаточности средств и срочности платежа (расчётные операции могут быть реализованы только при наличии достаточной суммы, необходимой для списания, и в строго установленный владельцем счёта срок);

– принцип акцепта (без предварительного уведомления или согласия клиента счёта невозможно списание с этого счёта денежных средств);

– принцип договора по банковским операциям (отношения между банком и клиентом могут быть реализованы только в рамках заключенного ими договора и по тем правилам, регулирующим эти отношения и соответствующим нормам российского законодательства);

– принцип свободы расчётных операций (лицо свободно в выборе формы осуществления безналичных расчётных операций, и никто не может повлиять на этот выбор).

Стоит отметить, при анализе перспектив и преимуществ исходя из сущности и с соблюдением вышеизложенных принципов о безналичных расчётных операциях, роль появления криптовалюты в финансовом рынке. Криптовалюта, а именно цифровая валюта, регулируется Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ и определяется как электронные деньги, которые используются в виде альтернативной или дополнительной валюты [8]. Приведённый Федеральный закон принят сравнительно недавно, поэтому в нём ещё нет единого аппарата и концептуальной правовой базы для всего криптовалютного рынка в целом, а многие положения противоречат друг другу, не исключено и множество правовых пробелов, также некоторые запреты в сфере криптовалюты и вовсе влекут её обесценивание, отток бизнеса и капитала из России, что в совокупности на настоящий день затрудняет в полном объёме законное появление и дальнейшее развитие нового института «криптовалюта» как важная стадия эволюции безналичных расчётных операций.

В настоящий момент времени сфера безналичных расчётных операций совершенствуется. Осуществление безналичных расчётных операций имеет финансово-правовое значение, поскольку реализация их в специально установленных условиях усиливает концентрацию ресурсов в банках, необходимых для перевода денежных средств посредством различных форм, выполнения кредитной политики, ускорения как наличного, так и безналичного оборота в целях планирования эмиссии и замещения наличных денег в перспективе, сокращения банковских издержек.

Список литературы:

1. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. От 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
3. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 20.04.2021) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.
4. *Вавилова Е.М.* Проблемы правового регулирования безналичных расчётов и перспективы их решения в условиях развития цифровой экономики // «Юрист». 2021. № 2.
5. *Химичева Н.И.* Правовые основы безналичного денежного обращения и расчетов // Финансовое право. Учебник. 2004. № 3. 727 с.
6. *Крохина Ю.А.* Финансовое право. Учебник. 2011. 720 с.
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145 (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998 г. № 31. Ст. 3823.
8. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020 г. № 31 (часть 1). Ст. 5018.

Е. О. Бартенева, К. М. Давыдова
*Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов*

НАЛОГОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Аннотация. В статье рассматривается понятие налоговой реконструкции, правила ее применения после вступления в законную силу статьи 54. 1 Налогового кодекса РФ, регламентирующей правила получения налоговой выгоды, а также неоднозначная судебная практика, связанная с вопросами налоговой реконструкции.

Ключевые слова: налоговая реконструкция, правила получения налоговой выгоды, налогоплательщики, налоговые правоотношения.

E. O. Barteneva, K. M. Davydova
*Saratov State Law Academy Institute of Justice
Russia, Saratov*

TAX RECONSTRUCTION

Abstract. The article discusses the concept of tax reconstruction, the rules for its application after the entry into force of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, which regulates the rules for obtaining tax benefits, as well as ambiguous judicial practice related to tax reconstruction issues.

Keywords: tax reconstruction, rules for obtaining tax benefits, taxpayers, tax legal relations.

Понятие налоговой реконструкции не закреплено на законодательном уровне, однако, его можно сформулировать, опираясь на положения Пленума

ВАС РФ от 12.10.2006 г. «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». Налоговая реконструкция заключается в установлении судами на основе оценок налоговых органов объёма прав и обязанностей отдельных налогоплательщиков в части проведения ими операций с учетом их соответствия или не соответствия действительному экономическому смыслу. Иными словами, это объективное определение налоговыми органами последствий по сделке или нескольким сделкам, учитывая их действительное экономическое содержание.

Так, налоговая выгода и понесённые налогоплательщиками затраты должны определяться, исходя из рыночных цен, которые используются при совершении аналогичных сделок [2, С. 23]. Это правило применяется в случае, если была установлена недостоверность документов, представленных в ходе проверки, констатирующая факт наличия в действиях налогоплательщика умысла на извлечение необоснованной налоговой выгоды, а также проявление неосмотрительности при выборе надлежащего контрагента. В зависимости от этих условий варьируется размер предполагаемой налоговой выгоды.

Вопрос о проведении налоговой реконструкции приобрел особую актуальность после вступления в законную силу статьи 54. 1 НК РФ, регламентирующей правила получения налоговой выгоды. Данная статья устанавливает необходимость ведения достоверного бухгалтерского и налогового учета: все сделки, совершенные налогоплательщиками, должны в надлежащей форме документироваться, не должны ставить основной своей целью налоговую экономию, их исполнение по заключенным договорам должно совершаться надлежащими контрагентами [3, С. 4].

Для уяснения смысла ст. 54.1 НК РФ, необходимо обратиться к критериям необоснованности налоговой выгоды. С этой целью необходимо обратиться к письму ФНС от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@, в нём разъясняются условия, когда налоговая выгода обоснована: когда не допущены искажения предоставленных об операции сведений; когда обязательство по сделке исполняется соответствующим

субъектом налоговых отношений; когда налоговая выгода не ставится в качестве цели совершенной операции.

Из вышеуказанных условий, при наличии которых налоговая выгода считается обоснованной, можно сделать следующие выводы о критериях необоснованности рассматриваемой выгоды. Так, оценивать сделки необходимо с точки зрения реальности совершения операции (имела ли она место в действительности или была совершена лишь документально); также необходимо учитывать цель и экономический смысл совершения сделки; кроме того, имеет место заключение договора с надлежащим контрагентом.

В соответствии с п. 10 постановления ВАС № 53 указывается, что налоговая выгода признаётся необоснованной в случае выявления налоговым органом факта отсутствия должной осмотрительности и осторожности в действиях налогоплательщика, когда он знал или должен был знать о нарушениях, предпринятых контрагентом.

Основными признаками, которые указывают на действия лица без должной осмотрительности, являются: отсутствие государственной регистрации партнера; отсутствие компании – контрагента по её юридическому адресу; регистрация партнёра на ненадлежащее лицо (на недееспособное лицо или на лицо, паспорт которого подделан); представление «нулевой» отчетности или её непредставление в налоговую инспекцию.

Положениями новой статьи налоговые органы не освобождаются от обязанностей по проверке действительности осуществления любых хозяйственных операций как прикрытия формального документооборота, выявлению их экономической целесообразности и действительного размера налоговых обязательств перед государством, что стало основанием для налоговых органов предполагать, что применение налоговой реконструкции больше не допускается. Представителями налоговых органов была дана четкая позиция ФНС России о современном, на тот период времени, состоянии дел с налоговой реконструкцией – данный вопрос должен быть разрешен судебной практикой, а в письмах ФНС о практике применения положений ст. 54.1 Налогового кодекса РФ ярко прослеживалась еще одна более важная точка зрения ведомства – налоговая реконструкция прекратила свое существование [4, С. 36].

Несмотря на то, что налоговые органы придерживаются мнения о запрете налоговой реконструкции, в начале 2020 года начались проблемы со столкновениями взглядов со стороны судебной системы, налоговых органов и налогоплательщиков. К концу первого месяца 2020 года арбитражными судами было вынесено 2 решения об обязанности со стороны налогового органа учета понесенных налогоплательщиками расходов при начислении им налога на прибыль (дела № А50-17644/2019 и № А27-14675/2019).

Однако путаница все же продолжилась. Так, судом первой инстанции по делу № А27-17275/2019, руководствуясь Постановлением КС РФ от 20.02.2001 № 3-П, Определениями КС РФ от 25.07.2001 № 138-О и от 04.07.2017 № 1440-О, Постановлением ВАС РФ № 53, п. 31 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ от 16.02.2017 № 1, решение налогового органа в части доначисления налога прибыль было отменено. Уже апелляционная инстанция, отменяет решение суда первой инстанции, поскольку совершенные хозяйственные операции свидетельствуют о недобросовестном поведении со стороны налогоплательщика. В следующей, кассационной, инстанции судом была признана законность позиции суда первой инстанции. Кассационным судом было отдельно отмечено, что в соответствии с положениями ст. 54.1 Налогового кодекса РФ, при формальном документообороте с заявленным контрагентом, но при фактическом исполнении обязательства третьим лицом при несоблюдении всех условий данной статьи, устанавливается запрет на получение необоснованной налоговой выгоды налогоплательщиком, что не освобождает налоговые органы от обязанности проверить осуществлялись ли в действительности какие-либо хозяйственные операции под прикрытием формального документооборота, выявить их действительный экономический смысл и определить действительный размер соответствующих налоговых обя-

зательств. Позиция ФНС, отрицающая действие налоговой реконструкции,

приведет к тому, что не представивший документов для проверки налоговому органу по совершенным им хозяйственным операциям налогоплательщик будет поставлен в лучшее положение по сравнению с налогоплательщиком, которым документы были представлены, но не в полном объеме соответствующими требованиями ст. 54.1 Налогового кодекса РФ, что в свою очередь, противоречит принципам справедливости и правовой определенности.

И хотя органами ФНС России налоговая реконструкция признаются не действующей, у налогоплательщиков еще существует возможность ее применения в рамках ст. 54.1 Налогового кодекса РФ в тех случаях, когда реальность поставок и осуществление расходов налоговыми органами не оспариваются, а в ходе налоговой проверки были определены реальные поставщики.

Таким образом, единообразия в судебной практике по поводу налоговой реконструкции не сложилось, у судов существуют разные подходы к определению обоснованности налоговой выгоды. В этой связи требуется установить определенные критерии, которыми будут руководствоваться суды при разрешении вопросов, связанных с реконструкцией. На данный момент, исходя из судебной практики, налоговая реконструкция рассматривается и с позитивной, и с негативной точки зрения. Налоговая реконструкция для налогоплательщика может нести определенные потери, в случае, когда налоговые органы установят факты совершения ими налогового правонарушения. Однако, с другой стороны, налоговую реконструкцию можно рассматривать как инструмент защиты налогоплательщика от несоразмерных претензий налоговых органов.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – № 31. – 1998. – ст. 3824.
2. *Кирнос Д.М.* Эволюция доктрины налоговой выгоды: от актов толкования к законодательному закреплению // *Colloquium-journal*. 2019. № 7 (31). С. 23–25.
3. *Зотиков Н.З.* Контрагент – надежный партнер или источник налогового риска // *Вестник Евразийской науки*. 2021 № 1. С. 1–21.
4. *Голенева В.В.* Действительная налоговая обязанность и налоговая выгода в связи с введением статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: анализ правоприменительных подходов арбитражных судов // *Юридическая наука*. 2020. № 11. С. 34–42.
5. Письмо ФНС от 10.03.2021 года № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // Не опубликовано. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 368.9.06

К. Р. Болтвина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. цифровая трансформация (диджитализация) финансовой сферы ведет к значительному изменению моделей взаимодействия участников финансового рынка. Данная статья посвящена выявлению существенных признаков цифровой трансформации страхования, а также в статье рассматривается механизм функционирования современных инноваций в сфере страхования.

Ключевые слова: развитие рынка страховых услуг; финтех-революция; финансовые технологии; цифровизация; финансовые организации; инновации; финансовая отрасль.

K. R. Boltvina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

DIGITALIZATION OF THE FINANCIAL SECTOR: TRANSFORMATION OF THE INSURANCE MARKET

Abstract. digital transformation (digitalization) of the financial sphere leads to a significant change in the models of interaction of financial market participants. This article is devoted to identifying the essential features of the digital transformation of insurance, and the article also examines the mechanism of functioning of modern innovations in the field of insurance.

Keywords: insurance services market development; fintech revolution; financial technologies; digitalization; financial organizations; innovations; financial industry.

Цифровая трансформация страхования – это не только внедрение новых современных цифровых технологий во все страховые бизнес-процессы, а также это еще и возможность предоставления расширения рынка страхования за счет перехода от компенсации расходов страхователей к управлению их рисками. А также можно отметить, что это ещё включение новых страховых продуктов в цепочки создания стоимости при реализации крупных бизнес-проектов. В современном мире, именно страхование может стать неотъемлемой частью цифровой экономики, а также цифровой экосистемой бизнес – взаимодействия. Стоит сказать, что программный комплекс, который предназначен для создания унифицированной среды взаимодействующих цифровых объектов, обеспечивающий функционирование и организовывающий взаимодействие объектов и приложений, расположенных на различных вычислительных ресурсах (серверах, центрах обработки данных и пр.) – это и является цифровой экосистемой.

В наше время цифровая экосистема развивается в значительной степени за счет построения новых связей между существующими объектами и субъектами экономики, следовательно, страхование станет важной составной частью строящейся единой экосистемы бизнес взаимодействия. Аналитики McKinsey считают, что к 2025 году экосистемы будут давать примерно 60 трл. долл., что составляет 30 % общемирового дохода.

Итак, следует рассмотреть некоторые особенности цифровизации страхового рынка.

Отметим, что Россия является активным пользователем информационно-коммуникационных технологий, а их значение в организации бизнес-процессов стремительно возрастает, а, следовательно, и цифровизация рынка страховых услуг демонстрирует тенденцию к бурному росту. Процесс цифровизации интерес не только тем, что он определяет системообразующие трансформации в обществе, а ещё и тем, что данный процесс подвергает их активному видоизменению.

На данный момент, в мире существуют цифровые технологии, которые влияют на страховой рынок. Такие как, BigData, интернет вещей, устройства

сбора показателей (телематика, дистанционный сбор показателей жизни и здоровья), технологии беспроводной связи, сбор информации в виртуальной реальности.

Предлагаю рассмотреть следующие цифровые технологии. Одна из важных технологий, на которой основывается цифровая информация – это интернет вещей. Как правило, большинство бытовых приборов подключены к электросети, но постепенно, все больше объектов физического мира подключают к интернету, а это позволяет обеспечить сбор конкретной информации и даже удаленное управление этими объектами. К примеру, проектор в кинотеатре, который посылает в службу технической поддержки сигнал об обнаруженной неисправности, и перечне запасных частей, которые нужно заменить в рамках внепланового ремонта – это будет интернет вещей.

Важным этапом развития интернет вещей будет взаимодействие вещей не только с человеком, но и между собой, что позволит добиться автоматизированного взаимодействия на конвейерных линиях, в системах технического ремонта и обслуживания оборудования, в логистике и многих других областях бизнеса. Также, внедрение цифровых технологий в сфере страхования способствует финансовой и информационной безопасности, социальной стабильности и эффективному удовлетворению потребностей страхователей. Стоит отметить, что повышение уровня цифрового взаимодействия между участниками страховых отношений, в том числе путем расширения электронного страхования, является фактором эффективного развития страхового рынка и способствует удовлетворению страховых потребностей.

Постепенное развитие цифровых технологий приводит к возникновению киберугроз, которые нужно оперативно и вовремя обнаружить, а также с помощью специальных мер их предотвратить и минимизировать возможные последствия [4, С.30].

Исходя из этого, значение страхования, безусловно, возрастает. Многие компании разработали программные страховые продукты в рамках договоров имущественного страхования, что позволяет снизить все возможные риски, связанные с киберугрозами.

Страхование киберрисков включает страховое покрытие убытков, которые связаны с нарушением безопасности компьютерных сетей, возмещение расходов на программно-техническую экспертизу и на восстановление электронных данных. Страхователями выступают банки, финансовые организации и юридические лица, которые занимаются IT-услугами.

Соответственно роль страхования возрастает с внедрением IT-технологий. Мобильные страховые технологии и онлайн-сервисы позволяют обеспечить эффективность страхового обслуживания, а также удобное их пользование. Наиболее востребованными страховыми продуктами с использованием инновационных технологий в настоящее время признаны телемедицина, мобильные технологии в автостраховании, решения в кибербезопасности, использование мобильных приложений в ОСАГО и автокаско, экосистема для урегулирования страховых случаев онлайн [3, С. 36].

В наше «необычное» время, которое связано с пандемией, значение страхового рынка неоднозначно. Ведь единого мнения, связанного с необходимостью разработки государственной антикоронавирусной страховой программы нет, российскими страховщиками разрабатываются специальные программы по страхованию от заражения коронавирусом и страховые продукты, которые позволяют гражданам получить страховое возмещение при заболевании и лечении коронавирусной инфекции. Размер страхового взноса зависит от выбранной страховой программы, а также от рисков, включенных в соответствующую программу.

Российские программы страхования от коронавируса включают такие страховые риски, как диагностика, стационарное лечение коронавируса и смерть застрахованного. Внедрение современных цифровых технологий в диагностику и лечение коронавирусной инфекции будет способствовать полноценной и эффективной защите граждан от коронавирусной инфекции.

Страхование позволяет минимизировать риски, связанные с коронавирусной инфекцией, обеспечивает страховую защиту интересов страхователей. На этапе проектирования новых страховых продуктов целесообразно выявлять риски для розничных и корпоративных страховых услуг. Актуальными и перспективными видами страхования в условиях пандемии являются страхование жизни и здоровья граждан от коронавируса; страхование предпринимательских рисков; страхование от неполучения дохода во время самоизоляции или при нахождении на карантине; страхование коммерческих рисков; страхование медицинских расходов, связанных с лечением коронавируса; страхование медицинских работников, оказывающих медицинскую помощь, а также проводящих диагностику и лечение больных коронавирусом и др.

Можно внести очень интересное предложение на примере взаимодействия страховых компаний с Минздравом, что позволяет получать необходимую информацию от лечебно-профилактических учреждений, сведения о заболеваниях клиентов и тем самым быстрее урегулировать страховые случаи. Предлагаю, оптимизировать это с помощью цифровых технологий. Только представьте, к примеру, когда большой лейкозией проходит химиотерапию и должен еще и собирать специальные справки/ документы, но мы ведь понимаем, что он совсем не в том состоянии, чтобы заниматься этим, следовательно, здесь будет возможность дистанционно уведомить страховую компанию о случае через специальное приложение, а также получить профессиональную консультацию это позволило бы пациенту полностью сфокусироваться на лечении, а также о минимизировать документооборот.

Таким образом, цифровизация является одним из глобальных трендов развития современного российского рынка страхования, который позволяет свести к минимуму технологические и информационные риски, обеспечивает защиту интересов страхователей от рисков финансовых технологий. Однако недостаточное развитие страховых механизмов управления рисками, процедур электронного урегулирования убытков не позволяет в достаточной мере реализовать поставленные задачи в условиях внедрения цифровых технологий.

Список литературы:

1. *Болдырев Б.М.* Повышение качества андеррайтинга ДМС с применением телемедицинских технологий // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12–4(89). С. 1100–1103.
2. *Брызгалов Д.В., Грызенкова Ю.В., Цыганов А.А.* Перспективы цифровизации страхового дела в России // Сборник материалов 12-ой Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект: техногенность против социальности» [Электронный ресурс]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/1015/participant/19919>
3. *Болдырев Б.М.* Телемедицина в страховании // Страховое дело. 2017. № 6. С.35–43.
4. *Колмыкова Т.С., Халамеева К.Ю., Зеленов А.В.* Исследование тенденций развития цифровой экономики в России на основе международных рейтингов // Инновации и инвестиции. 2019. № 3. С. 29–31.
5. *Обухова А.С., Павлова О.А., Черных Я.В.* Исследование тенденций и перспектив развития цифровой // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 3(46). С. 23–30.

А. Ж. Букулова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры***ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД ГРАЖДАН В РФ**

Аннотация. Статья посвящена нововведениям, связанным с развитием системы социальных гарантий, которые позволят самозанятым гражданам участвовать в программах обязательного страхования. Представленные позиции позволяют внести несколько основных изменений и модернизировать Бюджетный кодекс Российской Федерации, а также действующее российское законодательство, которое регулирует совокупность отношений в сфере обязательного социального страхования.

Ключевые слова: доход, закон, самозанятый, тенденции, перспективы, нормы права.

A. J. Bukulova

*Saratov State Law Academy
Institute of Prosecutor's office***PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGAL
REGULATION OF THE TAX ON PROFESSIONAL INCOME
OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract: The article is devoted to the innovations are related to the development of a system of social guarantees that will allow self-employed citizens to participate in compulsory insurance programs. The presented positions make it possible to make several major changes and modernize the Budget Code of the Russian Federation, as well as the current Russian legislation, which regulates the totality of relations in the field of compulsory social insurance.

Keywords: income, law, self-employed, trends, prospects, norms of law.

Законодатель в Российской Федерации уже несколько лет организовано ведёт комплексную деятельность по расширению в составе правового поля доходов самозанятых граждан. Эта профессиональная деятельность считается важнейшим элементом в составе более масштабных мероприятий. Они связаны с увеличением уровня эффективности налогового администрирования, которое используется на всей территории Российской Федерации. В ходе построения российской налоговой системы на современном этапе некоторый объём получаемых физическими лицами доходов не учитывается налоговыми органами. В этом аспекте речь поднимается о тех средствах, которые были получены на основе индивидуальной деятельности каждого гражданина, применяя для этого частной процедуры. Каждый гражданин, который получает подобные доходы на постоянном основании, ранее должен был быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, и использовать соответствующие правовые режимы. Однако, по разнообразным вполне понятным причинам, данные налоговые режимы было очень сложно использовать самозанятым гражданам, так как они не ведут такой широкомасштабной деятельности, по отношению к которой необходимо применять соответствующий режим налогообложения. Это обусловлено достаточно сложным набором мероприятий по регистрации и составлению отчётности. Регулярность доходов также может быть не всегда стабильной, что создаёт сложности для использования различных режимов налогообложения.

Впервые термин «самозанятость» стал применяться в отношении тех лиц, которые предоставляют разнообразные домашнее или личные услуги ещё в 2017 году. Этот момент был отражён в составе пункта 70 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации.

Сегодня самозанятые стали распространены повсеместно, и эта категория применяется в отношении лиц, использующих специальный налоговый режим. Его в законодательстве именуется как «налог на профессиональный доход». Ещё в 2019 году этот специальный налоговый режим был создан в виде эксперимента, но уже начиная с 2021 года все регионы Российской

Федерации стали использовать представленный специальный налоговый режим на своей территории, приняв для этого соответствующие законодательные акты. [1, С.74]

Плюсом использования самозанятыми гражданами такого режима является обеспечение качественной стабильности их существования на российском рынке, а также они могут смело применять данный механизм для организации своей деятельности. В составе части 3 статьи 1 Федерального закона № 422-ФЗ внедрён мораторий на 10 лет, который связан с запретом повышать ставки по налогу, или уменьшать предельно допустимый минимальный показатель получаемых доходов. Но важно учитывать тот момент, что совокупная нагрузка от уплаты налогов для таких налогоплательщиков создаётся благодаря нескольким составным компонентам. Стоит отметить, что достаточно часто основную долю получаемых доходов формирует совокупность страховых взносов. Стоит учитывать, что освобождения налогоплательщика от уплаты страховых взносов в рамках данного закона не предусмотрено. Таким образом, в этом вопросе позиция самозанятых граждан и других лиц никаким образом не отличаются друг от друга. Следовательно, все обязательства по уплате страховых взносов в течение 10 лет могут быть изменены как в худшую сторону, так и в лучшую.

Не осуществляя уплату различных взносов социального характера, самозанятые граждане теряют возможность приобрести спектр соответствующих гарантий. Данные лица не могут накапливать пенсионные баллы, которые оказывают воздействие на перспективной размер пенсии. Кроме этого, самозанятые не имеют возможности получить оплачиваемый больничный, отпуск по беременности и родам, а также пособие по уходу за своим ребёнком. В этом аспекте пособия должно быть выплачено только в минимальном объёме, и никаким образом не включается в расчётную базу получаемый уровень дохода.

Предполагаем, что законодательное решение о том, что нужно распределять все поступления от уплаты данного налога не только в региональные бюджеты, а в состав фонда обязательного медицинского страхования, не считается корректным. Суть в том, что каждый гражданин России обладает полным правом получить бесплатную медицинскую помощь на гарантированной основе, учитывая систему государственных гарантий, отражённых в составе пункта 5 статьи 10 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Законодатель выделяет широкий список тех лиц, кто застрахован в системе обязательного медицинского страхования. На наш взгляд, самозанятые граждане также входят в состав этих категорий, поскольку среди них могут быть пенсионеры, студенты, фрилансеры, а также сотрудники, которые работают в другом месте согласно трудовому договору. [3, С.28]

Следует заметить, что дальнейшее распределение получаемых доходов от уплаты такого налога не только в ранее упомянутый фонд, но и в состав других социальных внебюджетных фондов с одновременным процессом по предоставлению самозанятым гражданам социальных гарантий и страховок даст возможность дополнительно населению выйти из теневого сектора экономики, и этот момент станет ключевым стимулом для официальной регистрации своей индивидуальной деятельности. Помимо этого момента, официальная регистрация даст возможность приобрести ряд основных преимуществ:

1. Повысится уровень законопослушности граждан.
2. Есть возможность при добросовестном соблюдении всех правил данного специального налогового режима не получать штрафных санкций от органов налогообложения.
3. Все участники и налогоплательщики в этой системе отношений могут прозрачно направлять платежи и оформлять их в документальной форме для всех клиентов. Это повысит уровень конкурентного преимущества.
4. Каждый самозанятый гражданин обладает реальной возможностью на официальном уровне подтверждать свой доход, для получения в перспективе кредитов, визы для перемещения в иностранное государство. [2, С.7]

Вышеизложенная информация позволяет сделать вывод о том, что гражданам стоит использовать для развития своей деятельности представленный специальный налоговый режим. В результате дальнейшего развития российского законодательства есть возможность определить новые способы и техноло-

гии оптимизации. На наш взгляд, следует внести изменения в состав российского бюджетного законодательства, которые связаны с процессом перераспределения направленных от налогоплательщиков доходов в различные бюджеты социальных и внебюджетных фондов. Обязательно нужно усовершенствовать действующее законодательство о страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Подобные налогоплательщики также должны быть добавлены в состав застрахованных лиц. Это станет важным стимулом, в рамках которого граждане смогут зарегистрироваться в качестве самозанятых и получать весь спектр гарантий.

Список литературы:

1. Ксенофонтowa М.А. Проблемы и перспективы развития налога на самозанятых //Актуальные вопросы права, экономики и управления. 2020. С. 73–77.

2. Коробкова Н.А., Амирова Д.Р., Курдова М.А. Современное состояние и перспективы развития налогообложения самозанятых в России //Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 1–11.

3. Мухина И.И., Миракян Д.Г. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития //Социально-трудовые исследования. 2021. № 3 (44). С. 21–31.

УДК 342.743

И.А. Бусыгин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита (факультет)

Россия, Москва

ЦЕЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫМ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМ В СВЕТЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проанализировано решение Верховного Суда Российской Федерации, в котором им впервые применены положения ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации и сформулированы публично значимые цели и принципы противодействия налоговым злоупотреблениям налогоплательщиков.

Ключевые слова: статья 54.1 НК РФ, налоговое злоупотребление, публично значимые цели, налоговая реконструкция, принципы налогового права.

I.A. Busygin

Lomonosov Moscow State University

Higher School of State Audit

Russia, Moscow

PURPOSES OF COUNTERACTING TAX ABUSE IN THE LIGHT OF THE LEGAL POSITION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyses decision of the Supreme Court of the Russian Federation on the first case it has examined on the application of article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation. The Supreme Court has set out public purposes and principles of counteracting tax abuse by the taxpayer.

Keywords: article 54.1 of Tax Code of the Russian Federation, tax abuse, public purposes, tax reconstruction, principles of tax law.

На протяжении нескольких лет среди теоретиков и практиков российского налогообложения не утихают дискуссии об определении последствий, наступающих для обеих сторон налогового спора в результате установления факта получения необоснованной налоговой выгоды согласно критериями ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [1].

Новой отправной точкой для поиска справедливого разрешения указанного вопроса стало Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ) по делу ООО «Фирма

«Мэри» [2], уже успевшее получить как клеймо «свежего примера остракизма» [8, с. 4], так и более сдержанные трактовки, учитывающие прежнюю практику ВС РФ и Конституционного Суда Российской Федерации [6, с. 32 – 34].

Полагаем, несмотря на обилие публикаций, содержащих различные оценки указанного судебного акта, несколько несправедливо оставлены без должного внимания обозначенные ВС РФ публично значимые цели противодействия налоговым злоупотреблениям. При этом, кажется, именно их анализ, которому и посвящена данная работа, представляет особый научный и практический интерес ввиду следующего.

Во-первых, провозглашение (некоторых впервые) целей ВС РФ само по себе может свидетельствовать о некоторой «смене век» в вопросе противодействия налоговым злоупотреблениям налогоплательщиков. Во-вторых, кристаллизация таких целей зиждется на новом и неоднозначном прочтении ВС РФ принципов налогового законодательства (ст. 3 НК РФ). В-третьих, концептуальный вывод об определении последствий участия налогоплательщика в налоговой схеме (в части обязательности установления действительного размера налоговой обязанности) «с учетом его роли в причинении потерь казне» сделан ВС РФ именно в связи с необходимостью достижения сформулированных целей борьбы с налоговыми злоупотреблениями.

По существу, ВС РФ, утверждая ряд публично значимых целей противодействия злоупотреблению правом со ссылкой на положения ст. 3 НК РФ, предпринял попытку установления новых принципов налогового права, что, по нашему мнению, обуславливает необходимость и целесообразность соотнесения таковых с общепризнанными и нормативно закрепленными началами налогового законодательства.

1. Поддержание стабильности налоговой системы.

Комментируя данную «цель-принцип», необходимо отметить, что, кажется, таковая, по меньшей мере, с трудом усматривается из содержания ст. 3 НК РФ, при том что как ее собственное содержание, так и связь (помимо декларативной) с выстраиванием механизма противодействия налоговым злоупотреблениям налогоплательщиков остается не до конца ясной.

В этом смысле, полагаем, отчасти справедливо замечание В.М. Зарипова, представившего свое отношение к выводам из Определения СКЭС ВС РФ: «новое понятие вводится... чтобы обосновать новый подход» [5, с. 17].

Нельзя не отметить, что названная конструкция, очевидно, не является категорией налогового законодательства, а выступает одой из целей осуществления налоговой политики России и, следовательно, во многом носит программный и политический, но не правовой характер.

При этом едва ли в правовом государстве обозначенная ВС РФ цель может быть противопоставлена нормативно закрепленным принципам налогового права и, тем более, признана преваляющей над ними. В противном случае необходимо признать, что публичная сторона налоговых отношений в действительности не исходит из постулируемой идеи обеспечения баланса публичных и частных интересов (реализации которой и способствует система базовых гарантий прав налогоплательщиков, проистекающая из основных начал налогового законодательства), а допускает неограниченное толкование краевых положений НК РФ исходя из одного лишь представления правоприменителя о политической целесообразности того или иного подхода.

Кроме того, если гипотетически и признать «стабильность налоговой системы» в качестве базового начала, необходимость обеспечения которого в рассматриваемом контексте позволяет допустить исключения из иных принципов налогового права (в частности, принципа экономического основания налога, отступление от которого очевидно при постановке обязательности налоговой реконструкции в зависимости от оценки поведения налогоплательщика), не может не обратить на себя внимания, что указанный «принцип» истолкован ВС РФ исключительно исходя из фискального акцента налоговой политики (обеспечение устойчивости доходов бюджета), без учета её правового и экономического содержания [4, С. 143 – 148].

Указанное, полагаем, ставит под сомнение правомерность осуществленной ВС РФ радикальной интерпретации ст. 54.1 НК РФ, допускающей существенное поражение в правах зло-

употребивших налогоплательщиков, при том что такое последствие не следует из содержания иных положений НК РФ.

2. Стимулирование участников оборота к вступлению в отношения с контрагентами, ведущими реальную хозяйственную деятельность и уплачивающими налоги.

Бесспорно, любой цивилизованный правопорядок не должен поощрять несоответствующее букве и (или) духу закона поведение. В полной мере согласуется идея вывода хозяйствующих субъектов «из тени» и с требованиями п. 1 ст. 3 НК РФ о законности, равенстве и всеобщности налогообложения.

Тем не менее, сопутствующий данной цели благообразный тезис ВС РФ о необходимости поддержания финансовых стимулов правомерного поведения налогоплательщиков именно правоприменительной практикой (по существу коррелирующей с официальной позицией налоговых органов [3]), заслуживает конструктивной критики.

Творческая активность правоприменителя, допустимая при выработке подходов и критериев для ограничения правомерного поведения от случаев злоупотребления правом, а равно добросовестного и недобросовестного поведения (учитывая оценочный и «каучуковый» характер такого рода правовых конструкций), абсолютно неуместна в вопросе установления содержания и условий применения негативных публично-правовых последствий, наступающих для связанных с налоговой схемой налогоплательщиков.

Постановка обязательности определения действительно размера налоговой обязанности в зависимости от содействия лица в устранении потерь казны есть не что иное как установление не предусмотренной НК РФ налоговой санкции, взыскиваемой сверх размера действительной недоимки, пени и штрафа, определяемых в соответствии с положениями НК РФ. Между тем обеспечение надлежащего поведения налогоплательщика не должно достигаться неправовыми методами, влекущими взимание налогов в размере большем, чем предусмотрено законом.

Как известно, забота административных властей о добродетели граждан есть идея, характерная для полицейского, но не правового государства, создающая при этом простор для злоупотреблений самим правоприменителем [7, С. 17]. Отметим, карательный, а не правосоставительный характер вводимой ВС РФ санкции свидетельствует именно о её воспитательной и назидательной направленности.

3. Обеспечение нейтральности налогообложения для осмотрительных и не участвовавших в уклонении от уплаты налогов лиц.

Если несколько нетрадиционное прочтение принципа нейтральности налогообложения (тяготеющее в интерпретации ВС РФ к идее всеобщности и равенства такового) не вступает в противоречие с положениями НК РФ, то обозначенный способ его применения ведет к формированию различных систем прав и гарантий для законопослушных и связанных с налоговой схемой налогоплательщиков. Последнее, очевидно, не соответствует ст. 3 НК РФ.

Более того, в отсутствии специальных положений, регулирующих деятельность налоговых органов по борьбе со злоупотреблениями, а также при известной подвижности границы между агрессивной налоговой оптимизацией и налоговым планированием (как правило, ретроспективно устанавливаемой в рамках конкретного налогового спора), провозглашение такой нейтральности налогообложения может привести к его предвзятости в отношении любого и каждого, попавшего в поле зрения фискальных органов.

Неоднозначность подхода ВС РФ свидетельствует, что поиск взвешенного и компромиссного разрешения проблемы налоговых злоупотреблений далек от завершения и в целом все более настойчиво требует адекватной реакции законодателя. Последняя, на наш взгляд, могла бы выразиться в разработке соответствующей главы НК РФ или, по меньшей мере, в противоречивом закреплении в НК РФ последствий, наступающих в результате установления необоснованной налоговой выгоды.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.12.1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. № 148–149, 06.08.1998.

2. Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/10687108/ (дата обращения: 14.11.2021).

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2021 по делу № А76-46624/2019. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.11.2021).

4. Налоговое право: учебник / отв. ред. Г. Ф. Ручкина, М. Ю. Березин. – Москва: Проспект, 2021. – 800 с.

5. Зарипов В. М. Какими должны быть условия налоговой реконструкции? // Налоговед. 2021. № 10. С. 13–21.

6. Рюмин С. М. О применении письма ФНС России в части налоговой реконструкции // Налоговед. 2021. № 8. С. 28–35.

7. Рейснер М. Мораль, право и религия по действующему русскому закону // Вестник права. 1900. № 3. С. 1–18.

8. Пелеляев С. Г. Отлученные // Налоговед. 2021. № 6. С. 4–7.

УДК 346.6

П. Д. Выгузова, К. С. Татусь

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ

Аннотация. в статье рассматриваются методы управления государственным долгом. На практике метод рефинансирования превалирует над другими инструментами управления государственным долгом. Авторы, анализируя законодательство РФ, а также зарубежный практический опыт, приходят к выводу о необходимости внедрения особого подхода к применению рефинансирования, как механизма управления государственным долгом. Суть данного подхода состоит в минимизации расходов. Следует говорить о целесообразности внедрения в законодательство требований, регламентирующих обслуживание государственного долга.

Ключевые слова: государственный долг, методы управления государственным долгом, рефинансирование, дефицит государственного бюджета, конверсия

P. D. Vyuzova, K. S. Tatus

*Saratov State Law Academy Institute of Justice's Office
Russia, Saratov*

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC DEBT MANAGEMENT METHODS

Abstract: this article deals with the methods of public debt management. In practice, the refinancing method prevails over other public debt management tools. The authors, analyzing the legislation of the Russian Federation, as well as foreign practical experience, come to the conclusion, that it is necessary to introduce a special approach to the use of refinancing as a mechanism for managing public debt. The essence of this approach is to minimize the costs of repayment and servicing of public debt. The authors raise the topic of the expediency of fixing the requirements for servicing public debt.

Keywords: public debt, public debt management methods, refinancing, state budget deficit, conversion.

В современных реалиях долговые отношения с участием государства являются неотъемлемой частью финансовой системы. Государственный долг как часть экономической системы оказывает непосредственное влияние на такие элементы, как денежно-кредитная система государства, уровень инфляции, иностранные инвестиции и др. В связи с ростом тенденции к увеличению заимствований у других стран стоит отметить важность инструментов управления в сфере обеспечения долговых обязательств.

Правовое понятие государственного долга закреплено в статье 97 Бюджетного Кодекса. Положения данной статьи

определяют государственный долг, как долговые обязательства Российской Федерации перед физическими и юридическими лицами, муниципальными образованиями, иностранными государствами, международными организациями и иными субъектами международного права, возникшие в результате государственных заимствований Российской Федерации, включая обязательства по государственным гарантиям, предоставленным Российской Федерации. Главной целью государственного долга является покрытие дефицита бюджета и обеспечение балансового равновесия. Представляется, что государственный долг является следствием дефицита бюджета, проявляющегося в превышении расходов над доходами государства.

В узком смысле под управлением государственным долгом понимается совокупность мероприятий, связанных с выпуском и размещением государственных долговых обязательств, обслуживанием, погашением и

рефинансированием государственного долга, а также регулированием рынка государственных ценных бумаг.

Управление государственным долгом это непрерывный процесс, который состоит из последовательных этапов: во-первых, размещение государственных ценных бумаг, направленное на привлечение финансовых ресурсов; Во-вторых, погашение государственного долга; В-третьих, соответственно обслуживание государственного долга. Стоит отметить, что стандартными инструментами погашения государственного долга будут средства из государственного бюджета, золотовалютные резервы, денежные средства, полученные от продажи государственной собственности, а также денежные средства, полученные в результате новых заимствований.

Отрицательный аспект государственного долга заключается в возможности накопления большого объема задолженности как долгового бремени. В таком случае государство рискует уровнем жизни страны, своей репутацией на международном рынке и уровнем политической независимости. Разумеется, постоянное наращивание внешнего государственного долга может подорвать политическую независимость государства.

Управление государственным долгом является достаточно приоритетным направлением государства в области экономического развития, поскольку использование государственного долга как инструмента преодоления дефицита бюджета явление достаточно частое. Бюджетным Кодексом РФ предусмотрены следующие методы управления государственным долгом: рефинансирование, конверсия, консолидация, унификация займа и аннулирование государственного долга. К сожалению, в последнее время, на практике метод рефинансирования превалирует над другими инструментами управления государственным долгом. Суть данного механизма заключается в погашении основного долга и процентов за счет средств, полученных в результате размещения новых займов. Исходя из этого, целесообразно рассуждать об эффективности данного метода. Действительно ли необходимость привлечения денежных средств неизбежна?

Думается, что подход к управлению внешним государственным долгом должен быть пересмотрен и Правительство РФ, принимая решение о покрытии государственного долга посредством привлечения дополнительных средств из новых займов должно нести ответственность и доказать неизбежность применения других инструментов управления государственным долговым обязательством. Представляется, что особое внимание должно быть направлено на производительное вложение ресурсов, которое впоследствии позволит посредством формируемых потоков обслуживать принятые обязательства.

Бюджетный кодекс РФ не содержит ограничения на количество объема совокупного долга. Стоит отметить, что жесткие требования, регламентирующие обслуживание государственного долга на законодательном уровне не закреплены. Хотя эти параметры играют немаловажную роль при оценке возможности государства исполнять свои обязательства и быть устойчивым в долговом состоянии [1, С.121].

Проанализируем зарубежный опыт применения механизмов по управлению государственным долгом. В Швеции

применяется особый подход к управлению внешним государственным долгом. Суть данного подхода состоит в минимизации расходов на погашение государственного долга. Для этого используется метод анализа долговых обязательств и производится их дифференциация в зависимости от оснований. То есть долговые обязательства формируют по группам в зависимости от видов валют, сроков их погашения и стоимости государственного долга. Особое внимание уделено оценке настоящей ситуации на мировом рынке ссудных капиталов, возможности страны по использованию тех или иных долговых инструментов и принимаются определенные отклонения от базовой модели [2, С.125]. Для производства таких операций создается независимый специализированный орган по управлению государственным долгом. Укрепление организационной базы контрольных органов производится с целью повышения эффективности выполнения им функций. Организационная структура и связь с государственными органами отделов управления внешним государственным долгом формируется исходя из потребностей и особенностей долговой ситуации. Достаточно распространенной является практика создания координационного комитета высшего уровня. Главной целью политики управления государственным долгом является минимизация расходов на обслуживание государственного долга в долгосрочной перспективе и снижение риска проведенной долговой политики.

По данным счетной палаты РФ внутренний долг России вырос на 45 % – до 14,7 трлн руб. начиная с 2014 г. Такой рост произошел вследствие санкций со стороны США и Европейского Союза против России и ухудшения ситуации на мировом рынке. Однако стоит отметить, что, несмотря на рост государственного долга РФ, он считается одним из самых низких в мире [3, С.37].

Министерством финансов РФ был сформулирован ряд критериев, определяющих эффективность управления государственным долгом [4, С.61]. Производимый постоянный мониторинг позволяет проводить политику наращивания государственных заимствований, не опасаясь кардинального ухудшения состояния долговой устойчивости Российской Федерации. Контроль соответствия процентов макроэкономической ситуации и использования привлекаемых денежных средств сможет привести к сокращению государственных расходов, что впоследствии позволит обеспечить своевременное погашение долговых обязательств. Целесообразно судить о приемлемости соотношения внешнего и внутреннего долга, а также рационального соотношения налоговой и долговой нагрузки.

Сравнивая опыт зарубежных стран с Российской Федерацией, можно сделать вывод о том, что применяемые инструменты управления государственным долгом обладают сравнительной эффективностью, но нуждаются в существенной доработке. Целесообразно рассуждать о необходимости закрепления на законодательном уровне особого подхода к применению рефинансирования, как механизма управления государственным долгом, направленного на минимизацию расходов по его обслуживанию.

Жесткие требования, регламентирующие процесс погашения государственного долга и укрепление организационной базы контрольных органов смогут обеспечить не только эффективное управление государственным долгом в целях оптимизации функций, но и устойчивость государства в своем долговом состоянии.

Список литературы:

1. *Ревзон О.А.* Теория и практика управления государственным долгом России // Вестник университета. 2021. № 3. С. 119–122.
2. *Гиндес Е.Г., Буценко И.Н.* Мировой опыт управления государственным долгом // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 1(26). С. 123–128.
3. *Балюк И.А.* Влияние внешних санкций на долговую политику России // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(4). С. 29–43.
4. *Казанковцева М.В.* Эффективное управление государственным долгом субъекта // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 14. С. 60–64.

А. А. Грачёва, А. Г. Мачулайтите
*Саратовская государственная юридическая академия
 Институт прокуратуры
 Россия, Саратов*

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДА ФИНАНСОВОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В данной статье изучается влияние цифровизации на метод финансового права. В последнее время широкое внедрение новых цифровых технологий приводит к изменению внутренней сути процессов воздействия на общественные отношения, к расширению и трансформации способов влияния на поведение участников таких отношений. Цифровые технологии предоставляют праву возможность регулирования общественных отношений принципиально новыми способами, расширяя вариативность инструментария метода финансового права. Цифровые технологии также способствуют регулированию трансграничных отношений, в частности информационному обмену между различными юрисдикциями.

Ключевые слова: Финансовое право, Налоговый Кодекс, метод финансового права, цифровые технологии, правовое регулирование.

A. A. Gracheva, A. G. Machulaitite
*Saratov State Law Academy
 Institute of Public Prosecutor's Office
 Russia, Saratov*

TRANSFORMATION OF THE METHOD OF FINANCIAL LAW IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract: This article examines the impact of digitalization on the method of financial law. Recently, the widespread introduction of new digital technologies has led to a change in the inner essence of the processes of influencing public relations, to the expansion and transformation of ways to influence the behavior of participants in such relations. Digital technologies provide the law with the opportunity to regulate public relations in fundamentally new ways, expanding the variability of the tools of the method of financial law. Digital technologies also contribute to the regulation of cross-border relations, in particular information exchange between different jurisdictions.

Keywords: Financial law, Tax Code, method of financial law, digital technologies, legal regulation.

Влияние правового регулирования – одна из наиболее актуальных и широко обсуждаемых в науке тем. Данная тема коснулась и финансового права. Современная финансово-правовая повестка связана с обсуждением правовой природы цифровых валют, особенностей правового регулирования цифровых финансовых активов и т.д. Не будет преувеличением сказать, что цифровизация затронула все без исключения институты финансового права, обусловив необходимость научного исследования и оценки происходящих процессов.

В науке финансового права справедливо отмечается, что цифровизация ведет к трансформации и расширению предмета названной отрасли права – появление новых объектов правового регулирования (электронных денежных средств, цифровых валют, цифровых финансовых активов) имеет своим следствием включение в предмет финансового права и новых видов общественных отношений. В то же время это справедливо и в отношении метода рассматриваемой отрасли права.

Традиционно под методом правового регулирования принято понимать совокупность приемов и способов, посредством которых нормы права воздействуют на участников общественных отношений. В теории права выделяют два основных метода правового воздействия – метод диспозитивного (децентрализованного) воздействия и метод императивного (централизованного) регулирования. Свое отражение они находят в сочетании конкретных способов правового регулиро-

вания, определяющих характер закрепленных в норме права предписаний. Основными способами правового регулирования являются с точки зрения права: дозволение (управомочивание), обвязывание, запрет. Однако существует и мнение о возможности выделения дополнительных способов правового регулирования.

В настоящее время происходит переход к экономике нового типа. Это явление связано с интенсивным внедрением во все сферы общественной жизни новых цифровых технологий. Указанный процесс принято именовать «цифровизацией».

Как справедливо отмечается в науке финансового права, «технологии являются инструментом, способствующим финансово-правовому регулированию, администрированию, финансовому контролю». Таким образом, очевидно влияние цифровизации на конкретные способы правового регулирования финансовых отношений.

По справедливому замечанию К. С. Бельского, «метод финансового права – единый метод правового регулирования, но со своими особенностями». Очевидно, что цифровизация не ведет к изменению основного метода финансового права: финансовые отношения регулируются в первую очередь методом власти и подчинения, при этом в установленных законом случаях допустимо ограниченное применение диспозитивного метода. Диспозитивность и императивность метода правового регулирования – достаточно общие категории, отражающие лишь концептуальный подход к модели правового регулирования, применяемой той или иной отраслью российской права.

Рассматривая вопрос о влиянии цифровизации на метод финансового права, можно выделить три основных тенденции.

Наиболее важной тенденцией является – дополнение способов правового регулирования техническими средствами. Так, широкое внедрение цифровых технологий влечет за собой ускорение не только передачи информации, но и ее обработки, в том числе в автоматическом режиме. Стоит отметить, что цифровые технологии обеспечивают обработку огромной массовой информации, ее сопоставление, а также выявление фактов несоответствия установленным требованиям. Одним из наиболее ярких примеров является технология «АСК НДС-2», которая аккумулирует в себе информацию о плательщиках налога на добавленную стоимость, позволяя проследить процесс уплаты налога на всех стадиях реализации товаров, работ и услуг.

Следующей тенденцией является изменение «имущественного аспекта». Изменение экономического базиса влияет и на трансформацию содержания метода финансового права. Данное явление происходит за счет расширения сферы правового регулирования. Также стоит отметить, что властные предписания государственных органов стали распространяться на принципиально новые сферы общественной жизни. Имущество сегодня – это не только традиционные объекты материального мира, но и не имеющие осязаемой формы электронно-цифровые данные. В частности, в 2019 г. Гражданский кодекс РФ был дополнен статьей 141.1, закрепляющей определение и порядок распоряжения цифровыми правами. Так, в соответствии с п. 1 названной статьи цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [1]. К указанным цифровым правам, в частности, относятся цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, которые по своей правовой природе являются финансовыми инструментами. В целях обеспечения стабильности соответствующих секторов финансового рынка были приняты федеральные законы, регулирующие обращение указанных объектов, а функции по надзору за деятельностью субъектов финансовых отношений, опосредующих операции с цифровыми финансовыми активами и утилитарными цифровыми правами, были возложены на Банк России. Таким образом, очевидно, что метод финансового права в настоящее время стал применяться для регулирования новых секторов финансового рынка.

Последней тенденцией на наш взгляд является трансформация основных способов правового регулирования. Как

и отмечалось ранее к ним относятся: дозволение (управомочивание), обязывание и запрет.

Рассматривая управомочивание, важно сказать о том, что в связи с развитием цифровых технологий произошло расширение возможностей по реализации и защите прав и законных интересов субъектов финансовых правоотношений. Так, например, налогоплательщики на основании пп. 1 п. 1 ст. 21 НК РФ вправе получать по месту своего учета от налоговых органов бесплатную информацию (в том числе в письменной форме) о действующих налогах и сборах, налоговом законодательстве и т.д. Необходимо подчеркнуть и то, что реализовать данное право они могут через свой личный кабинет [2].

Трансформация обязывания, на наш взгляд, заключается в том, что государство возлагает на субъектов финансовых отношений целый ряд обязанностей, связанных с использованием цифровых технологий. Так, в рамках контрольных правоотношений традиционно могут выбирать форму предоставления документов контролирующему лицу. В то же время на основании п. 1.5 Инструкции Банка России от 15.01.2020 № 202-И Банк России и поднадзорные лица осуществляют обмен документами и информацией в связи с проведением проверок в первую очередь через личный кабинет участника информационного обмена и только при отсутствии такой возможности – на материальном носителе (на бумажном носителе и (или) на отчуждаемом (съёмном) машинном носителе информации)[3, С.22].

Последний способ заключается в следующем. Несмотря на то, что право является универсальным регулятором общественных отношений, между тем в настоящее время признается факт того, что право ограничено в своих возможностях влияния на цифровую среду. Наиболее заметным образом это проявляется на примере цифровых криптовалют. Понимая невозможность эффективного регулирования обращений указанных инструментов, государство, в частности, ввело запрет на принятие цифровых валют в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что сущность вышеизложенного сводится к оказыванию цифровизацией существенного влияния на метод финансового права. Также дополняя традиционные способы правового регулирования техническими средствами обеспечения их реализации, государство повышает эффективность механизма правового регулирования. В заключении также хотелось бы отметить и то, что цифровые технологии предоставляют праву возможность регулирования общественных отношений принципиально новыми способами, расширяя вариативность инструментария метода финансового права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая – четвертая: [Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.01.2021 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 22.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2021)

3. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. – М.: Проспект, 2020. – 256 с.

УДК 347.73

Д. А. Дружинина, Т. А. Сватухина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Саратов, Россия*

НЕЗАКОННОЕ ОБНАЛИЧИВАНИЕ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОР, ОКАЗЫВАЮЩИЙ ВЛИЯНИЕ НА БЮДЖЕТ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИИ: РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы незаконного обналичивания материнского капитала, анализируются меры ответственности, предусмотренные за совершение данных деяний. Авторами сделан вывод о влиянии преступлений, связанных с незаконным обналичиванием семейного капитала, на область публичной финансовой деятельности.

Ключевые слова: материнский капитал, мошеннические схемы, Пенсионный фонд РФ, имущественные правоотношения, обналичивание, ответственность.

D. A. Druzhinina, T. A. Svatuhina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Saratov, Russia*

ILLEGAL CASHING OF MATERNITY CAPITAL AS A FACTOR INFLUENCING THE BUDGET OF THE PENSION FUND OF RUSSIA: RISKS AND CONSEQUENCES

Abstract: The article discusses various methods of illegal cashing of maternity capital, analyzes the measures of responsibility provided for the commission of these acts. The authors made a conclusion about the impact of crimes related to the illegal cashing of family capital on the field of public financial activity.

Keywords: maternity capital, fraudulent schemes, Pension Fund of the Russian Federation, property relations, cashing out, liability.

В 80–90-х годах наша страна столкнулась с рядом демографических проблем в государстве, это было связано с тяжелыми политическими и экономическими событиями. Чтобы решить данную проблему в 2007 году в нашей стране появляется такой феномен как «материнский капитал». И стоит сказать, что он, действительно, повлиял на демографическую ситуацию в России в лучшую сторону. В настоящее время наиболее значимым инструментом государственной финансовой поддержки семей в воспитании детей остается материнский капитал. Выплаты материнского капитала меняются почти каждый год, и постепенно сумма выплат увеличивается, несмотря на уже имеющийся положительный результат. Так, в 2021 году сумма материнского капитала составила 483,8 тысяч рублей. При рождении второго ребенка размер выплаты с 2021 года увеличился на 155,5 тысяч рублей [5]. Стоит уточнить, что в случае рождения первого или второго ребенка мертвым у женщины не возникает право на дополнительные меры государственной поддержки. Например, решением районного суда отказано в удовлетворении иска К. к территориальному органу Пенсионного фонда Российской Федерации о признании незаконным решения об отказе в выдаче государственного сертификата на материнский капитал, поскольку при рождении двойни один из детей родился мертвым [6].

Выдавая материнский капитал, государство ограничивает варианты его использования, чтобы избежать неразумных затрат средств со стороны родителей. ФЗ от 29.12.2006 г. № 256 устанавливает перечень направлений, на что может быть потрачен материнский капитал [2]. Исходя из закрытого перечня, многие родители считают, что их интересы сильно ограничены. Государство стремится лишь защитить этими действиями детей, чтобы финансы были использованы исключительно во благо ребенка и никак иначе. Но такие меры не гарантируют, что деньги будут использованы по назначению, а наоборот, могут служить поводом к совершению преступления. Ведь

сотни семей в России не могут воспользоваться данными сертификатами, так как их нужды не подпадают под варианты использования капитала. Так, Елизаров В.В. и Джанаева Н.Г. предлагают расширить направления использования материнского капитала, обеспечив больший выбор мер, что могло бы улучшить условия жизни семей. Было предложено разрешить расходование части средств на неотложное лечение детей; на добровольное медицинское страхование детей; на образование молодых родителей. Предлагается разрешить размещать эти средства на долгосрочном банковском депозите, чтобы проценты могли расходоваться на текущие расходы [8, С. 33]. Это увеличит эффективность мер социально-демографической политики государства. Ведь очень часто денежные средства нужны родителям на благо ребенка, но в силу узкого перечня, представленного законодателем, родители могут идти на крайние меры.

Но есть и те, кто идет на незаконное обналичивание семейного капитала в корыстных целях. Стоит рассказать поподробнее, как именно мошенники незаконно используют материнский капитал и что их ожидает за подобные действия. С каждым годом появляются все новые и новые схемы, поэтому правоприменителям приходится нелегко в выявлении данных преступлений.

Первый мошеннический путь – «не родившийся ребенок». Связан он с оформлением документов на несуществующих детей. Во-первых, возможна подделка документов, например, справка из роддома или свидетельство о рождении ребенка, это самый простой и наиболее выявляемый вид нарушения. Либо иной путь – «ложные свидетели». Это уже более сложный вид мошенничества. Например, если женщина рожала не в роддоме, то документы на ребенка в отделении ЗАГСА можно получить на основе свидетельских показаний, которые, разумеется, подстроены мошенниками.

Второй схемой являются услуги по обналичиванию материнского капитала, сегодня незаконно обналичить материнский капитал предлагают частные лица и даже создаются специальные компании, которые якобы позволяют обналичить материнский капитал. Здесь также имеется несколько разновидностей. Первая разновидность – это предоставление в Пенсионный фонд РФ (далее – ПФРФ) недействительных свидетельств о государственной регистрации права собственности, хотя никакого жилья на самом деле семья не покупала. Если фиктивность сделки не выявится пенсионным фондом и деньги все же будут переведены, цель направления средств материнского капитала на улучшение жилищных условий ребенка не будет выполнена и данные действия, при их обнаружении правоохранителями, будут квалифицироваться как мошеннические. Вторая – «добрый родственник». Семья якобы покупает у родителей или иных родственников квартиру. По закону это не запрещено. Но только в том случае, если квартира и правда переходит в собственность семьи. На родителей и детей должны быть оформлены доли. Пенсионный фонд перечисляет деньги и погашает этот долг. Агентство забирает себе комиссию. А разницу отдает семье наличными. Сам «добрый родственник» может остаться без жилья – по документам оно будет принадлежать купившей его семье. Просто продать такое жилье не получится, ведь совладельцами по закону являются дети, чьи права защищает государство с момента покупки через материнский капитал.

И есть еще одна разновидность – фиктивный ремонт: представляется договор со строительной компанией и акт приемки выполненных работ о якобы проведенном капитальном ремонте жилья, здесь также не достигается цели выплаты материнского капитала, следовательно, действия незаконные, а участники подлежат ответственности.

Отдельно стоит выделить такой вид – покупка жилья по завышенной цене. Суть схемы в том, что в договоре указывается большая стоимость, чем есть на самом деле. После заключения сделки «излишек» возвращается покупателю. Обычно объектом сделки выступает непригодная для жилья недвижимость, которая оформляется как годная. Пример из судебной практики, Н. и В. после осмотра принадлежащей Ф. на праве собственности квартиры, стоимостью 120 000 рублей, с целью хищения средств материнского капитала, находясь в указанной квартире, дали согласие на ее покупку,

при условии указания в договоре купли-продажи стоимости квартиры в размере 433 026 рублей, равной сумме материнского капитала, на что Ф. дала свое согласие, обязуясь разницу в 313 026 рублей между полученной суммой материнского капитала и фактической суммой сделки обналичить и передать Н. и В. [7].

Ну и в завершение стоит сказать про фальшивую ипотеку. Часто риэлтор находит продавца из «проверенных» людей, после чего используют материнский капитал на погашение основного долга по ипотечному кредиту, ПФРФ перечисляет средства. Но не стоит забывать, что остаются проценты по кредиту [3, С. 33].

В заключении хотелось бы сказать, государство предоставляет ряд гарантий в поддержку семей имеющих детей, но всегда находятся люди, которые пытаются найти в этом свою выгоду и изобретают различные способы, незаконного получения денежных средств. Такие схемы являются мошенническими, они создают риск неполучения средств владельцем материнского капитала, являются основанием для привлечения всех причастных к уголовной ответственности по статье 159.2 УК РФ и обязанности вернуть полученные денежные средства в Пенсионный фонд РФ [1].

Что касается финансовых потерь государства: если даже десятая доля средств материнского капитала будет обналичена, то ущерб бюджету составит примерно от 10 до 15 миллиардов рублей ежегодно [4].

Следует констатировать, что незаконное обналичивание материнского капитала непосредственно оказывает влияние на область публичной финансовой деятельности. К примеру, денежные средства, которые выдаются лицам на «несуществующих детей», могли бы быть реализованы в других государственных программах. Средства, которые обналичиваются недобросовестными родителями в своих корыстных целях, лишают детей той защиты и тех возможностей, которые дает им государство. Борьба с данными мошенническими схемами должна обеспечить стабильность курса на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (часть I). Ст. 19.
3. Вахрушева Е.А., Русинова А.С., Толстиков А.А. Проблемы обналичивания материнского капитала и его назначение // Проблемы развития финансового и налогового законодательства. 2020. С 31 – 36.
4. Судебная практика по материнскому капиталу [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/practice/po-materinskomu-kapitalu/> (дата обращения: 17.10.2021).
5. Официальный сайт Пенсионного фонда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://pfr.gov.ru/branches/buryatia/news/~2021/03/04/221152> (дата обращения: 31.10.2021).
6. Обзор судебной практики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/15170/> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Приговор № 1-18/2017 от 20 марта 2017 г. по делу № 1-18/2017 Виновградский районный суд (Архангельская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MNa9wjVU2AxJ/> (дата обращения: 01.11.2021).
8. Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4. С. 21–35.

В. В. Иванова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о возможности перехода национальной валюты в цифровое состояние. Автором раскрывается сущность, проблемы и перспективы развития цифровой валюты Центрального Банка Российской Федерации. Указаны существенные отличия цифрового рубля от криптовалюты. Выделены необходимые качества, которыми должен обладать цифровой рубль. На основании изученного материала автор приходит к выводу о недостаточности проработанности опубликованной концепции цифрового рубля в России. На современном этапе развития это обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования механизма создания и введения в обращение цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой рубль, криптовалюта, деньги, цифровая валюта, банки.

V. V. Ivanova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DIGITALIZATION OF THE NATIONAL CURRENCY

Abstract: The article is devoted to the consideration of the possibility of the transition of the national currency to a digital state. The author reveals the essence, problems and prospects of the development of the digital currency of the Central Bank of the Russian Federation. The significant differences between the digital ruble and the cryptocurrency are indicated. The necessary qualities that the digital ruble should possess are highlighted. Based on the studied material, the author comes to the conclusion that the published concept of the digital ruble in Russia is insufficiently elaborated. At the present stage of development, this makes it necessary to further improve the mechanism for creating and introducing the digital ruble into circulation.

Keywords: digitalization, digital ruble, cryptocurrency, money, digital currency, banks.

В современном обществе большое влияние на финансовую систему оказывают постоянно развивающиеся технологии, которые своим предназначением стимулируют развитые страны применять их в действии. На фоне роста популярности криптовалюты совсем не удивительно, что в ведущих странах стали появляться проекты цифровых валют. Так, в 2020 г. Центральный Банк Российской Федерации (далее ЦБ РФ) высказал свои намерения по введению в обращение цифрового рубля, который станет аналогом уже существующих наличных и безналичных денег. Цифровой рубль станет доступен всем субъектам экономики – гражданам, бизнесу, участникам финансового рынка, государству. Все три формы российского рубля будут абсолютно равноценными. Примечательно, что доклад ЦБ РФ состоял из множества тезисов про преимущества такого рода валюты и открываемые ей горизонты, однако на первый взгляд может показаться не понятным, чем же она будет отличаться от безналичных денег на карте?

В связи со сложившейся на данный момент сложной ситуацией в мире, вызванной пандемией коронавируса COVID-19, существенно увеличился рост доли онлайн- и безналичных платежей, тем самым ускорив переход к новой цифровой форме. С правовой точки зрения, безналичные деньги не являются деньгами в обычном понимании. Это денежные средства, находящиеся на банковских счетах, используемые для платежей, взаимных расчетов путем их перечисления с одного счёта на другой. Сами цифровые деньги по замыслу создателей – это прямое обязательство ЦБ РФ перед клиентом на сумму, которая числится на счете.

В размещенном на сайте ЦБ РФ докладе для общественных консультаций понятие «Цифровой рубль» характеризуются следующим образом: «Цифровой рубль будет дополнителем национальной валюты и будет эмитироваться Центральным банком РФ в цифровой форме. Иными словами, цифровой рубль будет являться цифровой валютой Банка России. При этом если наличные деньги выпускаются в виде банкнот, каждая из которых имеет уникальный номер, а безналичные деньги существуют в виде записей на счетах в коммерческих банках, то цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном электронном кошельке. Передача цифрового рубля от одного пользователя к другому будет происходить в виде перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой.» [1]

Итак, возникает вопрос о том, является ли цифровой рубль отечественной криптовалютой? Сам ЦБ РФ поспешил заверить, что это не так и с ним трудно не согласиться. Основологающий принцип, заложенный в криптовалюту – принцип распределенного реестра. Это означает фактическое отсутствие единого эмиссионного центра, т.е. каждый пользователь генерирует криптовалюту за счет мощностей своего компьютера, используя специальные алгоритмы. Цифровой рубль напротив будет выпускать централизованный регулятор. Кроме того, законодательно биткоины не признаются в России, совершить покупку на них зачастую можно только в нелегальных магазинах. В свою очередь, цифровой рубль можно будет использовать в качестве оплаты любой покупки в магазине.

На данный момент известно, что для создания и внедрения цифрового рубля в российское и мировое сообщество потребуются создание различных дорогостоящих технических платформ. Новые программные решения

потребуются и для создания офлайн-кошельков. [2, С.201] По мнению О.В. Вершининой, именно Центральный банк РФ стал проводником развития финансовых технологий на рынке. Такая стратегия цифровизации финансового рынка выбрана в связи с высокой стоимостью внедрения технологий, а значит, ее могли бы позволить себе только крупные участники рынка. Здесь осуществляется переход в такие взаимоотношения, когда рынок должен сотрудничать с регулятором для создания оптимальных условий работы [3, С.53].

Ещё одну точку зрения высказывают С.Н. Солдаткин и В.О. Сигов. По их мнению, весьма важным сдерживающим аспектом признания криптовалюты в качестве цифровой валюты ЦБ РФ является наличие преступных схем. С переходом денег в цифровой вид способов мошенничества становится больше, и их проще реализовывать [4, С.68]. Авторы считают, что данное следствие можно отнести к основным рискам введения цифрового рубля. Действительно, с каждым внедрением новой формы национальной валюты и системы её реализации также возрастает шанс возникновения новых форм мошенничества и возможных кибератак. Мошенники вполне могут взломать личный кабинет клиента или просто повторно использовать одни и те же цифровые рубли при расчётах.

Хотелось бы также выделить такой момент, как транзакции, т.е. банковские операции, возникающие при переводе денежных средств с одного счёта на другой. Так, К.В. Каменская считает, что основной особенностью цифрового рубля будут являться не анонимные транзакции. Тем самым автор хочет выделить, что для перевода денежных средств будет необходима идентификация и тем самым все данные о движении каждого цифрового рубля будут храниться на платформе Банка России [5, С.5]. С её мнением невозможно не согласиться, ведь действительно, данный аспект будет являться существенным отличием цифрового рубля от безналичных денег. Для различных платежей не понадобится открывать счёт. Кроме того, как уже говорилось выше, расплачиваться цифровыми рублями можно будет как онлайн, так и оффлайн, т.е. без использования интернета.

Таким образом, по результату анализа приведенных выше мнений ученых-правоведов, уже сейчас можно сказать о том, что выпуск цифрового рубля лишь дело времени и можно лишь предполагать, какое влияние он окажет на финансовую сферу, а пока следует только выделить определенные перспективы. Использование передовых технологий при разработке цифрового рубля, скорее всего, будет способствовать снижению

издержек на проведение расчетов и повышению финансовой доступности, а также откроет возможности для развития финансовых услуг и инструментов. Кроме того, распространение цифровых платежей приведет к снижению транзакционных издержек для потребителя и росту конкуренции среди банков.

Появление цифрового рубля может облегчить выход на рынок маленьких финтех-компаний, которые могут начать конкурировать с большими банками из-за более удобных сервисов. Для граждан, в том числе тех, кто имеет ограниченный доступ к онлайн-платежам (например, из-за отсутствия POS-терминалов в точках розничной торговли), это может стать хорошим альтернативным средством для платежей и р2р-переводов (между физическими лицами). Возможное введение цифрового рубля изменит финансовый сектор и затронет денежное обращение, поэтому важно оценить влияние цифровой валюты на денежно-кредитную политику. Например, перераспределение средств между депозитами банков и цифровой валютой будет оказывать влияние на балансы банков, а также может привести к повышению ставок по банковским депозитам и кредитам. Кроме того, с появлением цифровых денег изменится и структурный баланс ликвидности банковского сектора.

Список литературы:

1. Кисаров И. В. О переходе к цифровому рублю // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 1 (53), 2021. С. 198–208.
2. Каменская К. В. К вопросу введения Цифрового рубля как инструмента противодействия экономическим и финансовым нарушениям // Инновации. Наука. Образование. № 25, 2021. С. 77–84.
3. Цифровой рубль. Доклад ЦБ РФ от 13 октября 2020.
4. Вершинина О. В., Лабушева Я. Г., Султанов И. С. Анализ возможностей и рисков введения в обращение цифровых валют центральных банков на примере «цифрового рубля» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. № 1, 2021. С. 51–60.
5. Сигов В. О., Солдаткин С. Н., Использование цифровой валюты в качестве национального платёжного средства страны // Теория и практика финансово-кредитных отношений в России: идеи молодых учёных-экономистов: сб. студ. науч. работ / под науч. ред. канд. экон. наук, доц. С. Н. Солдаткина. – Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2021. С. 81–86.

УДК 347.7

П. А. Карпичко, В. Н. Лопатиев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ФЕНОМЕН КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТ ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье проведен анализ криптовалюты как нового для российского и зарубежного законодательства явления. Авторами проведен сравнительный анализ правового закрепления данного понятия в разных странах, определены перспективы возможного использования цифровых активов.

Ключевые слова: биткоин, блокчейн, криптовалюта, майнинг.

P. A. Karpichko, V. N. Lopatiev

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PHENOMENON OF CRYPTOCURRENCY AS AN OBJECT OF FINANCIAL LEGAL RELATIONS

Abstract. This article analyzes a phenomenon that is completely new for Russian and foreign legislation – cryptocurrency. The author carried out a comparative analysis of the legal regulation of this concept in different countries, identified the prospects for the possible use of digital assets.

Keywords: bitcoin, blockchain, cryptocurrency, mining.

Для того, чтобы оценивать такие явления как криптоиндустрия, криптовалюта, биткоин и блокчейн, майнинг с точки зрения финансового права необходимо понять, что это такое, для чего существует, и почему ажиотаж вокруг данной правовой «аномалии» так резко возрос?

Само наименование *Crypto Currency*, означающее «криптовалюта», появилось в журнале «Форбс» в 2011 году [1]. И с тех самых пор прочно вошло в общенаучный и практический обиход. Криптовалютой называют особую разновидность электронного платежного средства. Строго говоря, это математический код. Называется она так из-за того, что при обращении этих цифровых денег используются криптографические элементы, а именно электронная подпись.

Единицей измерения в этой системе считаются «коины» (буквально – «монеты»). Криптовалюта не имеет никакого реального выражения типа металлических монет или бумажных банкнот. Эти деньги существуют исключительно в цифровом виде.

На данный момент нет единого понимания криптовалют с юридической точки зрения. Определение её правового статуса осложнено отсутствием единого и консолидированного подхода к регулированию отношений, возникающих с ее использованием, в разных государствах. Все понятия, связанные с данной технологией, являются взаимосвязанными, а основным в их «цепи» является такое явление, как децентрализация, именно то, чего большинство современных государств позволить себе не могут.

Из-за отсутствия государственной регуляции и правовых основ майнинг, криптотрейдинг и связанные с этой сферой процессы (например, ICO) находятся пока в «серой зоне», что препятствует привлечению в сферу инвестиций и дальнейшему ее развитию.

Некоторые страны уже установили правовой статус для криптовалют и активно на этом зарабатывают, но в большинстве государств этот вопрос «завис в воздухе»

К примеру, в Германии криптовалюту рассматривают как «частные деньги». Однако на государственном уровне регулирование здесь отсутствует. В Испании это лишь средство платежа, однако компании, занимающиеся майнингом, должны регистрироваться как ИП и платить налог на полученную от производства криптовалюты прибыль. Польша официально разрешила торговлю криптовалютами и майнинг.

Неопределившихся стран в плане закрепления криптовалют пока очень много. На их территории цифровая валюта не запрещена, но и не разрешена – в этом секторе отсутствует правовое регулирование. К таким странам относятся Кипр, Украина и т.д.

Что касается Российской Федерации – вопрос о правовом статусе криптовалют находится в подвешенном состоянии. 1 января 2021 года в России вступил в силу Закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, который позволяет трактовать криптовалюту как вариант цифровой валюты, запрещает её использование в России для оплаты товаров и услуг, но допускает использование в качестве объекта инвестирования [2].

Что касается позиции Минфина, то здесь всё достаточно категорично. На сегодняшний день рассматривается решение о введении уголовной ответственности за использование криптовалют для приобретения тех или иных товаров. Что примечательно, покупать и продавать криптовалюты никто запрещать не собирается.

Тема исследования определяет криптовалюту как «наркотик 21 века». Это обосновано сразу кипой факторов, с одной стороны, данный синоним

применим к рядовым гражданам, оценившим удобство и простоту использования данной технологии, с другой стороны, к инвесторам, для которых «игра» на бирже с биткоином или другими криптовалютами порождает настоящие «криптогонки», ведь волатильность данного актива сверх-изменичива.

В России из-за особенностей внутреннего законодательства могут еще немного усложнить процесс работы с криптовалютами [2]. Возможно, на территории РФ можно будет вести операции лишь с применением создаваемого крипторубля, который, в свою очередь, можно будет конвертировать в биткоины на ММВБ.

Как уже говорилось выше, налог на криптовалюту вполне может воплотиться в жизнь в течение ближайшего года, однако вопрос регулирования криптовалют в России до сих пор

остаётся открытым. На май 2021 года известно лишь о налогообложении майнинга, однако известно, что данный способ добычи криптовалют очень быстро себя исчерпает, а потому задать налог на финансовые операции с биткоином, лайткоинном и другими осталось не так долго. Желание правительства взаимодействовать с развивающимся рынком очевидно, о этом говорит ажиотаж, связанный с ещё даже не начавшейся реализацией проекта «Крипторубль».

Трудно говорить о перспективах криптовалют в отдельно взятой стране, поскольку блокчейн – система по своей сути децентрализованная, однако в случае РФ всё куда интереснее, чем может показаться на первый взгляд. Так, будущее блокчейна в РФ подразумевает потенциальную подконтрольность этой системы в отдельно взятой стране. На самом деле невозможно в цифрах (в курсе и сроках) выразить, что конкретно будет с криптовалютой через неделю, месяц или год, однако можно сказать одно, криптовалюта это технология будущего.

Список литературы:

1. Применение блокчейн технологий в сфере труда – [Электронный ресурс] – URL: <https://urfac.ru/?p=1372> (дата обращения 13.11.2021).
2. Закон о цифровых финансовых активах: криптовалюта – это имущество, за доходы от майнинга нужно платить НДФЛ – [Электронный ресурс] – URL: <https://vc.ru/crypto/229982-zakon-o-cifrovyyh-finansovyh-aktivah-kriptovalyuta-eto-imushchestvo-zadohody-ot-mayninga-nuzhno-platit-ndfl> (дата обращения 13.11.2021).
3. Налог на майнинг: Россия начинает зарабатывать на криптовалютах – [Электронный ресурс] – URL: <https://rueconomics.ru/284510-nalog-na-maining-rossiya-nachinaet-zarabatyvat-na-kriptovalyutah> (дата обращения 13.11.2021).

УДК 347.73

А. О. Кириловский

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина
Международно-правовой институт
Россия, Москва*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возможности наследования цифровых активов в Российской Федерации. На основании законов Российской Федерации и мнений экспертов автор приходит к выводу, что на настоящий момент Российская Федерация имеет ряд проблем касательно регламентации наследования цифровых активов, которые должны быть разрешены с помощью формирования полноценной законодательной базы.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровизация, криптовалюта, Цифровой Рубль, наследование, четвертая промышленная революция.

A. O. Kirilovskii

*Kutafin Moscow State Law University
International legal institution
Russia, Moscow*

LEGAL REGULATION OF INHERITANCE OF DIGITAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In article discusses the issues of the possibility of inheriting digital assets in the Russian Federation. Based on the laws of the Russian Federation and the opinions of experts, the author concludes that at the moment the Russian Federation has a number of problems regarding the regulation of the inheritance of digital assets, which should be resolved through the formation of a full-fledged legislative framework.

Keywords: digital assets, digitalization, cryptocurrency, Digital Ruble, inheritance, the fourth industrial revolution

В эпоху компьютеризации и цифровизации общество столкнулось с новым финансовым феноменом – цифровая валюта. Это электронные деньги, которые используются как альтернативная валюта – «интернет валюта».

На данный момент в России активно прорабатывается проект «Цифровой рубль», который сможет стать государственной цифровой валютой. Актуальность феноменальна, так как в настоящий момент на рынке существует огромное количество различных цифровых активов, в том числе и цифровых валют. В своем исследовании я хочу рассмотреть, как можно наследовать цифровые активы, а особенно криптовалюту, и вообще возможно ли это.

Если ориентироваться на слова Клауса Шваба – главы ежегодного экономического форума, то мы живем в эпоху новой промышленной революции, поэтому возникновение новой, совершенно иной системы оплаты – это логичный виток в развитии мира. Но с этой валютой что-то нужно делать, должно осуществляться правовое регулирование данного вопроса, чем сейчас и озадачена Российская Федерация, но с моей точки зрения, действия, которые предпринимаются, являются регрессивными. Так как денежное обращение – это «фундамент финансовой системы государства» [2, С. 5] и его развитие является приоритетным для Российской Федерации, экономика должна реформироваться, так как мир и вся экономика модернизируются.

Если ориентироваться на Федеральный закон «О цифровых и финансовых активах и цифровой валюте» [1], то цифровая валюта – это совокупность электронных данных в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве системы платежа, не являющиеся денежной единицей иностранного государства или международной денежной и расчетной единицей.

Возникает вопрос, как определить, кто является собственником данной денежной единицы. Здесь не применяется практика в области наследования страниц в социальных сетях, так как никто не даст вам доступ к электронному кошельку. Владелец электронного кошелька должен входить в информационную систему как пользователь и обладать уникальным кодом, для доступа в кошелек. Чтобы получить наследство, владелец обязан составить завещание, в котором должен содержаться код от «кошелька», но не только его публичная часть, а также и закрытая. Если владелец боится утечки информации, то завещание может быть составлено в закрытой форме.

По мнению Леонида Вахрушева, старшего преподавателя кафедры гражданского права УрГЮУ, на данный момент вопрос наследования цифровых активов не является таким актуальным, но с каждым годом данная тема становится все более и более важной, так как цифровизация поглощает все, начиная от возникновения электронных произведений искусств (к примеру, NFT – токены с произведениями различных художников). В современном мире уже существуют подобные токены, например, не так давно известный художник Покрас Лампас продал свою работу в формате NFT) [3], заканчивая формированием государственных цифровых валют [4].

Проблема наследования цифровых активов, а особенно криптовалюты, заключается в том, что люди не рассказывают родственникам о своих «электронных кошельках», а также нет общих баз, где содержится вся информация по всем пользовательским договорам человека. Поэтому лучше изначально позаботиться об этом и поделиться с близкими информацией о наличии аккаунтов и «кошельков», либо же изначально в завещании прописать все коды доступа к аккаунтам с раскрытием вопроса «что это и откуда», чтобы после ухода из жизни родственники смогли воспользоваться активами, которые унаследовали.

По мнению Леонида Вахрушева существует две формы юридического оформления передачи активов: либо оформляется свидетельство на право наследования на каждый актив, а их может быть множество, либо же выдается абстрактное свидетельство, в котором оговаривается круг лиц, которые имеют право на наследование, данных активов, а они пусть сами ищут «цифровой след» умершего и устанавливают право на наследование.

Таким образом, проблематика правового регулирования наследования цифровых активов, а особенно криптовалюты, заключается в том, что Российская Федерация не пытается

полноценно легализовать использование цифровых активов и криптовалюты в России, а наоборот создает препоны и ограничения, а также использует нормы запрета. В условиях нового мира, подобные действия являются регрессивными, так как мир начинает активно использовать цифровые валюты, а в России данный рынок становится является нелегальным. Вот поэтому должны быть осуществлены действия для полноценного законодательного регулирования и легализации наследования цифровых активов, а особенно криптовалюты, иначе мы получим новый и очень масштабный нелегальный рынок.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018
2. Артемов Н.М., Арзуманова Л.Л., Ситник А.А. Денежное право (финансово – правовое регулирование обращения национальной и иностранной валюты на территории Российской Федерации). М., 2012. С. 5.
3. См: «Покрас Лампас продал работу в формате NFT за рекордную для себя сумму». Режим доступа: <https://ria.ru/20210816/nft-1745978133.html> (дата обращения 12.11.2021)
4. Швабауэр Н. «Что нужно сделать, чтобы передать криптовалюту по наследству». Режим доступа: <https://rg.ru/2021/11/04/reg-urfo/chto-nuzhno-sdelat-chtoby-peredat-kriptovaliutu-po-nasledstvu.html> (дата обращения 12.11.2021)

УДК 342.743

А. А. Ковальчук

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Высшая школа государственного аудита
Россия, Москва*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 2021 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена актуальным нововведениям в регулирование мероприятий налогового контроля, процессуальным новинкам привлечения к налоговой ответственности. Автор статьи анализирует положения налогового законодательства, правоприменительную и судебную практику, выделяет отличия между общими правилами, установленными в Налоговом кодексе и сложившейся практикой его применения.

Ключевые слова: налоговая ответственность, налогоплательщик, налоговый орган, налоговая проверка, мероприятия налогового контроля, процессуальные сроки.

А. А. Kovalchuk

*Lomonosov Moscow State University
Higher School of State Audit
Russia, Moscow*

LIABILITY FOR VIOLATIONS OF TAX LEGISLATION: CURRENT TRENDS OF 2021

Abstract. The article is devoted to current innovations in the regulation of tax control measures, procedural innovations of bringing to tax liability. The author of the article analyzes the provisions of tax legislation, law enforcement and judicial practice, highlights the differences between the general rules established in the Tax Code and the established practice of its application.

Keywords: tax liability, taxpayer, tax authority, tax audit, tax control measures, procedural term.

Юридическая ответственность – один из видов общесоциальной ответственности. Для неё характерно то, что она связана с правом и государством, что в свою очередь характеризует юридическую ответственность, как имеющую государственно-властный характер.

Среди видов юридической ответственности можно отдельно выделить ответственность за нарушение налогового законодательства. Налоговый кодекс Российской Федерации [1] (далее – НК РФ) содержит 27 составов налоговых правонарушений, пресекающих неправомерные действия налогоплательщика.

В последние несколько лет доля налоговых доходов в бюджетах бюджетной системы России растёт [11]. Поэтому не удивительно, что налоговые органы стараются лучше и жёстче администрировать налоговые поступления. При этом не редко налоговые проверки заканчиваются привлечением к ответственности за нарушение налогового законодательства.

Интерес представляют даже не положения НК РФ о налоговой ответственности, а применение положений Кодекса, в том числе судебная практика.

При привлечении к налоговой ответственности всё чаще налоговыми органами используется ст.54.1 НК РФ, регулирующая пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и сумм налогов и взносов. Статья позволяет налогоплательщику уменьшить налоговую базу или сумму налога, но одновременно используется и налоговыми органами для целей налоговой реконструкции и привлечения к ответственности. Введённая в НК РФ ещё в 2017 году, в 2021 статья получила свои разъяснения.

Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса» [4] (далее – Письмо) устанавливает критерии (систему «тестов»), по которым оценивается поведение налогоплательщика, в том числе отдельно оговаривается критерий «должной осмотрительности» при выборе контрагента.

Письмо расписывает и процесс выявления нарушений. Налоговым органом должны быть приняты во внимание подлинный экономический смысл операции реальность операций и исполнения обязательств по ним, наличие деловой цели ее совершения, а не просто желание снизить себе налоговую базу.

Среди иных знаковых событий 2021 года можно также отметить новые подходы судов по делам о сроках осуществления налоговым органом процессуальных действий. Уже давно сложилась практика того, что если налоговая нарушает процессуальные сроки, то это не может являться основанием для отмены решения о привлечении к налоговой ответственности и иных решений ИФНС.

Процесс привлечения к административной ответственности в части сроков исполнения процессуальных действий чётко регулируется. Если контрольно-надзорный орган нарушает сроки проведения проверки или сроки направления уведомлений, то акт проверки может быть признан недействительным, что прямо следует из российского законодательства [2]. Если орган не успевает в срок вынести постановление о привлечении к административной ответственности, то производство по делу должно быть прекращено. Но в налоговом праве всё не так просто.

В соответствии со статьями 88 и 89 НК РФ, сроки проведения налоговых проверок составляют 3 месяца – для камеральных проверок и 2 месяца – для выездных. Но есть нюансы судебной практики.

Дело № А21-10479/2019 (дело «Неринга») – ВС РФ в своём определении от 05.07.2021 [6] указал, что нарушение сроков проведения налоговых проверок не может влиять на исчисление сроков принудительного взыскания доначисленной недоимки только в случае, если такое нарушение является недопустимо избыточным по своей продолжительности (2 года). То есть, налогоплательщику нужно 2 года находиться в напряжении.

Дело № А40-162676/2020 (дело «КомСтрин») налоговая проверка начата в 2015 году, длилась год, решение налогового органа вынес только через 3 года. Итого 4 года неопределённости налогоплательщика. В 2021 году Арбитражный суд города Москвы [8] и Девятый арбитражный апелляционный суд [9] поддержали налогоплательщика, указав, что мероприятия налогового контроля проводились слишком долго, создав «неопределённость в правовом положении налогоплательщика». Однако 27.09.2021 года Арбитражный суд Московского округа [10] отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, сославшись на процессуальные нарушения, статью 101 НК РФ и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2017 года № 790-О [5], согласно которым нарушение налоговым органом сроков рассмотрения материалов налоговой проверки не препятствует

ему в принятии того или иного итогового решения и не может само по себе предрешать его законность.

Остаётся надеяться, что «КонСтрин» сможет отстоять свою позицию повторно, в противном случае, есть вероятность возникновения порочной практики налоговых органов по затягиванию принятия решений.

Нормативно-правовые акты, ухудшающие положение лица, обратной силы не имеют. Но не в налоговом праве.

Верховный суд Российской Федерации вынес определение [7], из которого можно сделать следующий вывод: государство имеет право ошибаться, но если исправление ошибки ухудшает положение налогоплательщика, то это его проблемы. Приказом Минэнерго России [3] утверждён Порядок определения количества нефтяного сырья, направляемого на переработку, в целях исчисления акциза на нефтяное сырье (далее – Приказ). В первоначальной редакции Приказа использовалось значение брутто при определении объёма нефти. Через три месяца ошибку исправили, заменив брутто на нетто. Это ухудшило положение налогоплательщика. В деле № А40-68620/2020 суды всех инстанций отметили, что добросовестный налогоплательщик должен был не слепо руководствоваться утверждённым Минэнерго Порядком, а смотреть на истинный смысл положений НК РФ, согласно которым очевидно должен был использоваться показатель нетто при расчёте объёма сырой нефти. А действия налогоплательщика «позволяют рассматривать данную ситуацию как попытку извлечения выгоды из ошибки, допущенной государством».

Таким образом, практика применения норм налогового законодательства порой очень сильно отличается от самих этих норм, а актуальность знаний практики применения играет первостепенную роль в делах по налоговым спорам.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 июл. 1998 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июл. 1998 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 31 июля. 1998 № 147-ФЗ // Рос. газ. 1998. 06 авг.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. № 31, ст. 3824.

2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 дек. 2008 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 2008 г. // Парламент. газ. 2008. 31 дек.; Рос. газ. 2008. 30 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249.

3. Приказ Минэнерго России от 20.12.2018 № 1188 «Об утверждении Порядка определения количества нефтяного сырья, направляемого на переработку, в целях исчисления акциза на нефтяное сырье» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.12.2018.

4. Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // «Официальные документы», № 10, 16 – 22.03.2021 (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»)

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2017 года № 790-О [электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71575258/> (дата обращения 17.11.2021)

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации № 307-ЭС21-2135 от 05.07.2021 по делу № А21-10479/2019 [электронный ресурс] – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ab986975-98c1-40c1-933d-dbae2fb152f2/251071> 89-a401-4113-9029-3ab5eca48c18/A21-10479-2019_20210705_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.11.2021)

7. Определение судьи Верховного суда Российской Федерации Першутова А.Г. от 12.10.2021 по делу № А40-68620/2020 [электронный ресурс] – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/84bc6314-b258-4895-8e1b-eedcc68dd5a7/14bd17a4-eb08-412c-a022-1fc480680c64/A40-68620-2020_20211012_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.11.2021)

8. Решение Арбитражного суда города Москвы от 07.04.2021 по делу № А40-162676/20-140-3080 [электронный ресурс] – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/13860649-5c76-450a-98c4-d4dc38b7294e/55d2bd70-cdbc-4e24-a18d-ec3fffc47f8/A40-162676-2020_20210407_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 17.11.2021)

9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-31253/2021 от 22.07.2021 по делу № А40-162676/20 [электронный ресурс] – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/13860649-5c76-450a-98c4-d4dc38b7294e/0a08e6b6-f04d-4418-8177-cf13fed71c78/A40-162676-2020_20210722_Postanovlenie_e_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.11.2021)

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.09.2021 по делу № А40-162676/20 [электронный ресурс] – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/13860649-5c76-450a-98c4-d4dc38b7294e/b0f6d84a-75f3-4697-be99-b5d4d03b44ce/A40-162676-2020_20210927_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.11.2021)

11. Налоговая аналитика [электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба [сайт]. URL: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm> (дата обращения: 17.11.2021)

УДК 347.73

В. Р. Корнюхина, И. А. Шурыгин

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Мировая пандемия COVID-19 внесла значительные изменения в реализацию финансовой политики РФ, так и её регионов. С какими проблемами столкнулась система здравоохранения Саратовской области? Каковы пути их решения? Ясно одно: выделенные денежные средства на финансирование здравоохранения Саратовской области не позволяют устранить появившиеся проблемы и не обеспечить возможность дальнейшего устойчивого развития отрасли, значение которой в условиях пандемии возросло в несколько раз.

Ключевые слова: финансирование, пандемия, проблемы здравоохранения, Саратовская область, финансовые ресурсы.

V. R. Kornyukhina, I. A. Shurygin

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

FINANCING OF HEALTHCARE IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC IN THE SARATOV REGION: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. The global COVID-19 pandemic has made significant changes in the implementation of the financial policy of the Russian Federation and its regions. What problems did the healthcare system of the Saratov region face? What are the ways to solve them? One thing is clear: the allocated funds for financing the health care of the Saratov region do not allow to eliminate the problems that have arisen and do not provide the possibility of further sustainable development of the industry, the importance of which has increased several times in the conditions of the pandemic.

Keywords: financing, pandemic, health problems, Saratov region, financial resources.

Мировая пандемия COVID-19 внесла значительные изменения в реализацию финансовой политики как РФ в целом, так и её регионов. В рамках системы здравоохранения, как отмечают Г.Э. Улумбекова и И.В. Петрачков, в 2020 году расходы увеличились на 15 % по сравнению с 2019 годом ввиду пандемии. Особо затратными были выплаты денежных средств медицин-

ским работникам, приобретение оборудования, лекарственных средств и др. [1, С. 55]. Кроме того, пандемия привела к пере-профилированию части медицинских учреждений под прием и лечение пациентов с коронавирусом.

В соответствии с государственной программой Саратовской области «Развитие здравоохранения» общий объем финансового обеспечения на 2019–2024 года составляет 276 766 885 тыс. рублей.

Таблица 1

Финансирование государственной программы Саратовской области «Развитие здравоохранения» на 2019–2024 гг., в тыс. руб.

Источники финансового обеспечения	Объемы финансового обеспечения (тыс. руб.)	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Всего	276 766 885	38 148 027	52 492 142	48 337 255	45 677 625	44 709 435	47 402 399
Из областного бюджета	111 490 663	17 229 926	21 430 834	19 182 790	17 560 531	17 803 680	18 282 899
Из федерального бюджета	35 310 450	2 114 918	9 990 073	8 486 019	6 404 642	3 794 800	4 519 996
Государственные внебюджетные фонды и иные безвозмездные поступления целевой направленности	129 962 276	18 802 982	21 068 740	20 668 245	21 712 250	23 110 754	24 599 303
Внебюджетные источники	3 494	200	2494	200	200	200	200

Из анализа таблицы 1 следует, что в 2021 году объем финансового обеспечения уменьшился на 8 % по сравнению с 2020 годом.

При реализации проекта Саратовской области «Развитие здравоохранения» за 2020 год установлено и оснащено оборудованием 34 фельдшерско-акушерских пунктов, закуплены 7 мобильных медико-диагностических комплексов, приобретено 297 ед. медицинского оборудования, выделено более 337 млн рублей для бесплатного обеспечения лекарствами

граждан, продолжается строительство нового онкологического диспансера, в 18 медицинских организациях области проведены ремонты детских поликлиник.

Однако эпидемиологическая ситуация с пандемией COVID-19 в 2021 году значительно ухудшилась, как по всей стране, так и в регионе, в связи с чем увеличилась нагрузка на сферу здравоохранения и усугубился ряд проблем, которые потребовали дополнительных финансовых ресурсов [2, С.210].

Таблица 2

Исполнение государственной программы Саратовской области «Развитие здравоохранения» на 2019–2024 гг., в тыс. руб.

Наименование подпрограммы	2019 год			2020 год		
	Назначено	Исполнено	% исполнения	Назначено	Исполнено	% исполнения
«Совершенствование оказания мед. помощи, включая профилактику заболеваний и формирование здорового образа жизни»	18 935 488	18 719 126	98,9 %	30 762 711	29 788 093	96,8 %
«Развитие кадровых ресурсов в здравоохранении»	260 465	238 458	91,6 %	287 500	251 733	87,6 %
«Информационные технологии и управление развитием отрасли»	373 642	370 199	99,1 %	939 372	866 182	92,2 %

Изучив отчеты об исполнении данной программы, таблицы 2 наглядно демонстрирует, что, хотя финансовых ресурсов было выделено в 2020 г. в разы больше по сравнению с 2019 г., денежные средства были реализованы не в полном объеме, на что указывают описанные ниже проблемы.

Нехватка медицинского персонала – одна из актуальных проблем. Дефицит медработников в Саратовской области на 2020 г. составлял около 4 тыс. человек. Такие данные были изложены в докладе Министра здравоохранения Саратовской области Олега Костина. Проанализировав отчеты об исполнении указанной выше гос. программы, выделенные денежные средства на реализацию мероприятия «Обеспечение мед. организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами» исполнены лишь 59,8 % за 2020 год.

За 2020 год осуществлялись ежемесячные выплаты 22 студентам 4 курса, получающим образование по целевым направлениям для дальнейшего трудоустройства в службу скорой помощи, а также единовременные выплаты 7 выпускникам при непосредственном трудоустройстве и планировались заключение трудовых договоров с 15 фельдшерами-выпускниками медицинского колледжа. В рамках подпрограммы 2 мероприятие «Социальная и материальная поддержка студентов профессиональных образовательных организаций, подведомственных Минздраву области, и медработников» исполнено в 2020 году лишь на 71 %, что на 9 % ниже показателей 2019 года.

Для привлечения молодежи возможно выделение большего количества бюджетных мест, а при достижении успехов в учебной деятельности осуществление ежемесячных или единовременных выплат студентам, предоставление возможности на последних курсах заключения трудового договора с медицинской организацией с графиком работы во внеучебное время [3, С.68]. Для решения проблемы предлагаем к концу 2022 года увеличить количество студентов, получающих ежемесячные

выплаты. Необходимо обеспечить всем будущим работникам условия для непрерывного медицинского образования и повышения качества подготовки студентов в медицинских вузах и колледжах, в том числе путем непосредственного участия в оказании медицинской помощи больным коронавирусной инфекцией с профессиональными медицинскими работниками в процессе обучения [4, С.16].

Постановление Саратовской области предусматривает материальные выплаты работникам в размере двухсот рублей за каждого вакцинированного пациента. Кроме того, устанавливаются дополнительные выплаты за повышенную нагрузку. С одной стороны, принятые меры эффективны, поскольку по статистике на 3 ноября 2021 года привитых уже 876 511 человек. До принятия данного НПА, например, по состоянию на 5 августа привитых было меньше на 300 тыс. человек. Можно сделать вывод, что данные денежные выплаты действительно стимулируют медицинских работников, которые, в свою очередь, начали активно призывать людей к вакцинации. Однако выплаты не на столько велики, раз практика показывает нехватку медицинского персонала. По нашему мнению, стоит пересмотреть размеры выплат работникам и увеличить их с 200 руб. до 500 руб.

Следующей проблемой является нехватка лекарственных препаратов в больницах. Об этом сообщил глава Минздрава Саратовской области Олег Костин, указав на причину – неуспеваемость осуществления закупки из-за резкого роста заболеваемости, и отметив, что препараты будут выдаваться тем группам лиц, которые особенно в них нуждаются.

Однако Распоряжением Правительства РФ из резервного фонда субъектам РФ было выделено свыше 2,4 млрд руб. для обеспечения граждан бесплатными лекарственными препаратами в случае заболевания коронавирусной инфекцией в легкой форме и прохождения лечения в домашних условиях.

Вследствие того, что денежные средства выделены не только для больных коронавирусом в легкой форме, но и для тех, кто переносит заболевание в более тяжелых формах, то следует устранить причину нехватки лекарственных средств: осуществлять закупки в большем количестве и обеспечить быструю доставку препаратов в медицинские организации [5, С.54].

Подводя итог, можно сказать, что в условиях пандемии Саратовская область показала недостаточную готовность к кризисным ситуациям в целом, так и в системе здравоохранения. Очевидно, пандемия COVID-19 перешагнет в 2022 год. Для решения проблемы необходимо увеличить оплату труда всем медицинским работникам, увеличить финансирование здравоохранения в 2022 году минимум на 15 % как из областного, так и федерального бюджета, создать систему всеобщего лекарственного обеспечения в амбулаторных условиях. Представляется целесообразным уменьшить объем финансирования действующих в Саратовской области государственных программ: «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции», «Культура», «Развитие транспортной системы» и ряд других. Сэкономленные средства направить на увеличение финансирования программы «Развитие здравоохранения». В условиях пандемии COVID-19 от эффективности ее реализации зависит исполнение остальных государственных программ.

Список литературы:

1. Улумбекова Г.Э., Петрачков И.В. Финансово-экономическое обоснование предложений по увеличению расходов федерального бюджета на здравоохранение в 2021–2023 гг. // ОРГЗ-ДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. № 4. С. 54–59.
2. Перхов В.И., Гриднев О.В. Уроки пандемии covid-19 для политики в сфере общественного здравоохранения // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 2. С. 206–220.
3. Савинов Т.Х. Совершенствование управления сферой здравоохранения: на примере информатизации Московской и Саратовской областей // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 1А. С. 63–76.
4. Улумбекова Г.Э. Предложения по реформе здравоохранения РФ после завершения пика пандемии COVID-19 // ОРГЗ-ДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. Том 6. № 2. С. 9–25.
5. Тумусов Ф.С., Косенков Д.А. Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации // М.: Издание Государственной Думы, 2019. 80 с.

УДК 336.711

Т. А. Курносова, Е. А. Ризаева

Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового статуса важного для России публично-правового субъекта – Центрального банка Российской Федерации. В процессе изучения законодательства РФ и позиций ученых авторы приходят к тому, что понимание правового статуса данного института неоднозначно, что позволяет отнести его как к органу государственной власти, так и к юридическому лицу.

Ключевые слова: правовой статус, Центральный банк Российской Федерации, дуализм, полномочия, независимость.

Т. А. Kurnosova, E. A. Rizaeva

Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

LEGAL STATUS OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIA

Abstract. The article examines the features of the legal status of an important public-law subject for Russia – the Central Bank of the Russian Federation. In the process of studying the legislation of the Russian Federation and positions, they come to the conclusion that the understanding of the legal status of this institution is ambiguous, which allows it to be attributed to both a state authority and a legal entity.

Keywords: legal status, Central Bank, dualism, government agency, legal entity.

Центральный банк Российской Федерации является важнейшим правовым институтом Российской Федерации. Он является неотъемлемым элементом современной банковской системы государства. Однако в настоящий момент правовой статус Банка России определен неоднозначно. С одной стороны, признаки и функции Центрального банка Российской Федерации свойственны государственному органу. Он взаимодействует с Правительством РФ и разрабатывает, проводит единую государственную денежно-кредитную политику, обладает контрольно-надзорными полномочиями в пределах своей компетенции. С другой стороны, этот субъект обладает особым правовым статусом, поэтому его нельзя отнести ни к одной из трех ветвей власти. Кроме этого, Центральный банк Российской Федерации обладает рядом специфических полномочий, что позволяет отнести его к кредитной организации, например, осуществление банковских операций и иных сделок.

Основы правового положения Банка России (далее ЦБ РФ) установлены Конституцией РФ и Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Статья 75 Конституции РФ определяет исключительное право ЦБ РФ на осуществление денежной эмиссии, а также устанавливает основную его цель – защита и обеспечение устойчивости рубля, и полную независимость от органов государственной власти [1]. Положения федерального закона о ЦБ РФ устанавливают, что он является юридическим лицом, имеющим печать с изображением Государственного герба и свое наименование [2]. Особенность правового положения Банка России заключается в том, что, не являясь органом государственной власти, он обладает государственно-властными полномочиями, и при этом носит статус юридического лица по законодательству. Из-за такого особого статуса ЦБ РФ возникают дискуссии, поэтому проблема его правового статуса является весьма актуальной.

Рассмотрим некоторые мнения ученых касательно данной проблемы. Ряд исследователей относят Центральный банк Российской Федерации к государственному органу. А.В. Золотухина в своей статье относит ЦБ РФ к органу государственной власти, так как он имеет внутреннюю организационную струк-

туру, наделен государственно-властными полномочиями, образован в установленном государством порядке [3, с. 290]. Профессор Павлодский Е.А. утверждает, что взаимодействие ЦБ РФ с Правительством свидетельствует о том, что Банк России является государственным органом [4, с. 27].

Существуют и противоположные научные взгляды на статус Банка России. Так, А.Г. Братко относит его к негосударственному образованию, обосновывая это тем, что по Конституции ЦБ РФ не относится ни к одной ветви власти, а его работники не являются государственными служащими по положениям Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» [5, с. 129].

Существуют мнения и о том, что Банк России имеет смешанную правовую природу и обладает неким дуализмом. Эти авторы отмечают, что ЦБ РФ выполняет государственные функции для финансовой системы, что относит его к государственному органу исполнительной власти, и одновременно он является обычным хозяйствующим субъектом, который получает прибыль для достижения своих целей.

Конституционный Суд Российской Федерации по данной проблеме высказывал свое мнение в Определении № 268 от 14 декабря 2000 г. [6]. Он отметил, что полномочия, которые установлены статьей 75 Конституции РФ, относятся к функциям государственной власти, так как их реализация предполагает применение мер государственного принуждения.

Следует отметить, что Банк России имеет и нормотворческие полномочия. ЦБ имеет исключительное право издавать нормативно-правовые акты, которые обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, физических и юридических лиц по вопросам, которые отнесены к его компетенции.

Возвращаясь к вопросу о Центральном Банке РФ как юридическом лице, важно понять к какой организационно-правовой форме он относится. Следует отметить, что в специальном законе указания на конкретную форму нет. В статье 48 Гражданского кодекса РФ, в которой раскрывается понятие юридического лица, имеется отдельный пункт, который указывает, что правовое положение ЦБ РФ определяется Конституцией Российской Федерации и специальным законом о Банке России [7]. Исходя из положений статьи 3 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», нельзя отнести этот институт к коммерческим организациям, так как получение прибыли не является целью деятельности Банка России. Однако в связи с особыми целями деятельности организационно-правовая форма Банка не подпадает ни под одну форму некоммерческих организаций, которые раскрываются в ГК РФ. Это еще раз подтверждает особую значимость и неоднозначное положение Центрального банка РФ.

ЦБ РФ обладает имущественной и финансовой самостоятельностью и осуществляет расходы за счет собственных доходов, что говорит о его независимости. Несмотря на это, говорить о полной независимости ЦБ РФ нельзя, так как согласно ст. 5 специального закона Банк России подотчетен Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Действительно, Государственная Дума РФ имеет широкий круг полномочий в отношении ЦБ, что противоречит положениям статьи 1 ФЗ о независимом осуществлении Банком России своих функций и полномочий.

Предоставление особых государственно-властных полномочий Центральному Банку, особые цели деятельности, свойственные только данному институту, возможность нормотворчества позволяют фактически отнести Банк России к государственным органам Российской Федерации, однако положения законодательства не позволяют этого сделать, указывая на правовую природу юридического лица. Это создает неоднозначное понимание статуса Центрального банка Российской Федерации, что может быть исправлено внесением более точных положений в законодательство РФ.

На наш взгляд, следует законодательно закрепить статус Центрального Банка РФ как федерального органа государственной власти. В связи с тем, что Банк России осуществляет свои полномочия в области денежно-кредитных отношений и является неотъемлемым звеном банковской системы Российской Федерации, данный субъект должен нести статус финансового органа государства.

Список литературы:

1. Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России. – М.: СПАРК, 2001.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Золотухина А.В. К вопросу о правовом статусе ЦБ Российской Федерации // Лучшая студенческая статья 2016: IV Межд. научно-практ. конкурс (Пенза, 30 ноября 2016 г.). – Пенза, 2016. – С. 289–291.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30584/
6. Павлодский Е.А. Центральный банк: особенности правового статуса // Право и экономика. 2001. № 6. С. 25–29.
7. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 02 июля 2021 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2021 г.) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/

УДК 336.027

О. А. Курохтина, С. В. Третьякова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

ФИНАНСОВЫЕ ВЛОЖЕНИЯ: В БАНК ИЛИ В БАНКУ?

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые способы сохранения денежных средств в условиях кризиса, предложены некоторые рекомендации для вкладчиков. Рассмотрены достоинства и недостатки различных видов финансовых вложений.

Ключевые слова: финансы, финансовые вложения, инвестиции, банк, деньги, накопление, прибыль.

O. A. Kurokhtina, S. V. Tretyakova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

FINANCIAL INVESTMENTS: TO THE BANK OR TO THE BANK?

Abstract. This article discusses some ways to save money in a crisis, and offers some recommendations for depositors. The advantages and disadvantages of various types of financial investments are considered.

Keywords: finance, financial investments, investments, bank, money, accumulation, profit.

Финансовые вложения – это инвестиции денежных средств для получения дохода или сохранения капитала. Различают финансовые инвестиции, к примеру – покупка ценных бумаг, и реальные, такие как инвестиции в промышленность, строительство, драгоценные металлы и иные. В большом энциклопедическом словаре слово «инвестиции» определяется как долгосрочные вложения капитала в отрасли экономики внутри страны и за границей [1].

Людей, которые занимаются вложениями, называют инвесторами. Частным инвестором может стать абсолютно любой человек – менеджер, финансист, врач, преподаватель, студент или пенсионер, для этого не требуется специальное образование. Для них данный вид деятельности является способом получения дополнительного дохода. В сфере финансовых вложений

выделяют трейдеров, которые являются противоположностью инвесторов. Они на постоянной основе проводят различные краткосрочные сделки, при этом стоит отметить, что этот вид деятельности является для них основным источником дохода.

Особое внимание в работе хотелось бы обратить именно на частных инвесторов, рассмотреть виды инвестиций и дать некоторые рекомендации для выгодных и разумных вложений. При этом стоит отметить, что некоторая часть населения страны всё же не доверяет инвестициям в различные сферы экономики и старается хранить деньги дома, или как называют данный вид вложений «в банке».

Несмотря на то, что инвестиции направлены на получение дохода, они все же не являются гарантированным способом ее получения. Различные способы инвестирования обеспечивают разные гарантии получения дохода, но во всех случаях существует риск того, что вместо прибыли инвестор получит убыток. Инвестиции обладают двумя основными качествами, которые имеет прямую взаимосвязь. Это доходность и риск. Чем выше риск, с которым связано вложение, тем выше может быть потенциальная доходность. И наоборот – относительно надежные инвестиции никогда не позволяют рассчитывать на высокий заработок [2, С. 382].

На основании исследования «Райффайзенбанка» мы пришли к выводу, что чаще всего инвестициями интересуются россияне в возрасте от 31 года до 40 лет. На основании статистических данных можно отметить, что большинство инвесторов хотели бы получать доходность не менее 10–20 % годовых. Меньшая часть населения Российской Федерации рассчитывают на больший процент, а у третьей части граждан ожидания скромнее – им достаточно 10 % годовых [3].

Для наибольшего понимания темы считаем необходимым рассмотреть виды инвестиций, так как на бирже существует множество различных способов вложения денег.

К самым распространенным видам вложений на бирже можно отнести:

- Инвестиции в акции;
- Банковский вклад;
- Инвестиции в облигации;
- Инвестиции в драгоценные металлы (золото, серебро, платина);
- Инвестиции в биржевые фонды;
- Покупка валюты;
- Покупка недвижимости;
- Инвестиции в производные финансовые инструменты (фьючерсы, опционы) [4].

По сроку инвестирования выделяют краткосрочные (период до года), среднесрочные (от 1 года до 3 лет) и долгосрочные (от 3 лет и дольше).

Хотелось бы привести пример одного из самых успешных инвесторов в мировой истории. Уоррен Баффет – американский бизнесмен, один из самых богатых людей в мире. Инвестирует через собственную инвестиционную компанию Berkshire Hathaway. В конце января 2021 года его состояние оценивалось в \$ 86,4 млрд [5].

Во все времена был актуален вопрос: надежно ли хранить денежные сбережения дома? Многие граждане считают, что самым безопасным способом хранения денег будет накопление их в домашних условиях, к примеру, под матрасом или в банке с крупной. С одной стороны их опасения можно понять. Множество банков ежегодно теряют лицензии. Так в 2018 году 55 учреждений лишили прав на осуществление банковской деятельности. В 2019 году еще 24 банка были закрыты [6]. Все же на наш взгляд данный простой способ не отличается высокой степенью надежности, так как со временем деньги могут обесцениться и не принести человеку прибыль. К тому же вероятность потерять или быть обокраденным достаточно велика. Если всё-таки человек убежден в необходимости сохранения денежных средств на территории своего домохозяйства, то стоит ответить на вопрос: где можно хранить деньги дома? Один из вариантов – оставлять накопления, ценные бумаги, драгоценные металлы в сейфе или ином надежном месте. Существуют определенные риски, связанные с этим:

- проникновение злоумышленников и кража ценностей;
- возникновение пожара, затопления или других неблагоприятных обстоятельств, в результате которых можно потерять свои накопления;

· постоянные траты, так как доступность денежных средств позволит чаще расходовать их.

На наш взгляд самыми надежными и простыми видами инвестиций являются использование накопительных страховых программ, хранения на счету в банке, покупка недвижимости и драгоценных металлов, покупка акций. Хотелось бы дать краткую характеристику каждому из них.

Накопительное страхование жизни является разновидностью страхования, с помощью которого вы одновременно страхуете свою жизнь и здоровье, а также копите определенную сумму денег к выбранному сроку. Использование накопительных страховых программ имеет наряду с преимуществами свои недостатки. К положительным сторонам относят надежность инструментов защиты вкладов. К минусам – долгосрочность договора. При досрочном расторжении могут быть начислены штрафы.

Следующим популярным вариантом хранения денег считается вклад в банковском учреждении. Приумножение капитала по сравнению с депозитом будет минимальным, в среднем 6–8 % годовых. Отрицательных моментов в данном виде инвестиции не выделяют, так как даже при утере карты со вкладом её можно заблокировать, тем самым сохранить свои сбережения.

Хранение накоплений в драгоценных металлах – один из наиболее эффективных и надежных способов сбережения денежных средств сегодня. Так как этим способом вложения защищены от кризисов, дефолтов и инфляции, соответственно достоинства очевидны. Цены на драгоценные металлы регулярно повышаются. Таким образом, получение прибыли с помощью данного вида инвестиций доступно для граждан и в короткие сроки поможет приумножить сбережения.

Финансовые специалисты советуют инвесторам делать вклады в ценные бумаги – покупка акций, векселей и закладных документов. Такой способ гарантирует получения прибыли при успешных сделках компании. Недостатком является колебание курса акций и высокий риск из-за кризиса на рынке ценных бумаг.

В заключение хотелось бы дать несколько полезных советов для людей, которые планируют сохранить или приумножить свои накопления:

1. На начальном этапе необходимо подумать «готовы ли вы рисковать, но получать потенциально большой доход?»; выбрать стратегию и степень риска. При наличии опасений потерять капитал рекомендуется приобретать низкорисковые активы. Так же необходимо определиться с видом инвестиций.

2. Необходимо пройти базовое обучение. Независимо от того, будете вы инвестировать лично или через посредников, – базовые знания об экономике и о работе финансового рынка должны быть у каждого. Подробно изучите основные инструменты фондового рынка.

3. Научитесь планировать бюджет. Как только вы начнете грамотно распоряжаться финансами, вы найдете деньги, которые можно направить на инвестиции. Помните, что для инвестиций не рекомендуется использовать заемные средства. Лучше потратить немного времени и накопить необходимую сумму, оптимизировав свои расходы и регулярно откладывая часть доходов.

4. Рекомендуем поставить конкретные цели в цифрах. Чтобы не разочароваться при первой неудаче, необходимо четко понимать, для чего нужны инвестиции. Цель не должна быть абстрактной. Максимально конкретно сформулируйте, чего вы хотите и когда должны этого достигнуть.

Список литературы:

1. Краткий экономический словарь / А.Н. Азрилян [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ин-т новой экономики, 2002. С. 480.
2. *Абросимова Ю.А.* Перспективные направления инвестирования денежных средств в финансовые вложения российскими организациями // Научный журнал Меридиан. 2020. № 6 (40). С. 381–383.
3. Райффайзенбанк: россияне инвестируют, чтобы получать пассивный доход. URL: <https://www.raiffeisen.ru/about/press/releases/198840/> (дата обращения: 22.10.2021).
4. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 9. Ст. 1096; 2020. № 9 (часть III). Ст. 8074.

5. 20 богатейших людей мира – 2021. Рейтинг Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/425297-20-bogateyshih-lyudey-mira-2021-reyting-forbes> (дата обращения: 23.10.2021).

6. Где лучше хранить деньги? URL: <https://www.lockobank.ru/articles/dengi/gde-luchshe-khranit-dengi/> (дата обращения: 20.10.2021).

УДК 336.1

В. С. Лебедев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. В данной статье рассматривается правовая и научная сущность финансово-правовой ответственности. Приводятся признаки, основания и доктринальные наработки для выделения финансово-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, финансово-правовая ответственность, санкции, меры государственного принуждения, финансовое правонарушение.

V. S. Lebedev

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

FINANCIAL AND LEGAL RESPONSIBILITY AS A CONCEPT OF LEGAL SCIENCE

Abstract: This article examines the legal and scientific essence of financial and legal responsibility. The signs, grounds and doctrinal developments for the allocation of financial and legal responsibility as an independent type of legal responsibility are given.

Keywords: legal responsibility, financial and legal responsibility, sanctions, measures of state coercion, financial offense.

Актуальность темы заключается в том, что вопрос понятия финансово-правовой ответственности в юридической науке не решен однозначно. С момента становления финансово-правовой дисциплины аспект юридической ответственности порождает спор среди теоретиков и практиков.

Юридическая ответственность – составляющий базовый элемент как финансового права, так и иных самостоятельных подразделений систем права. Так, среди первых научных трудов исследователей следует отметить работу Н.И. Химичевой, где дается общая характеристика и выявляются некоторые особенности финансово-правовых санкций [1, С. 60].

Анализируя теоретическую сторону данной темы, рассмотрим правовую сущность финансово-правовой ответственности. В доктрине в основном выделяются два диаметрально существующих подхода. В соответствии с первым подходом признается объективность и самостоятельность финансово-правовой ответственности среди остальных видов юридической ответственности, а второй подход вовсе отрицает самостоятельность такого вида юридической ответственности.

Позиция представителей, которые отрицают самостоятельный характер юридической ответственности (например И.И. Веремеенко), обосновывается отсутствием оснований, необходимости искусственного создания нового вида ответственности, так как, например, достаточная однородность правовых отношений в сфере административного и финансового права не позволяет формировать в области ответственности какой-либо новый вид юридической ответственности [2, С. 47]. Для того, чтобы усовершенствовать административно – правовые санкции, а также административно-правовые и принудительные меры, необходимо проводить постоянную работу над устранением коллизий нормативно-правовых актов, регулирующих налоговое, бюджетное и финансовое пра-

воотношение. Рассматривая финансовый элемент в Кодексе об административной ответственности Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [3], большинство учёных в рамках данного подхода оспаривают необходимость в выделении финансово-правовой ответственности, так как большинство финансовых правонарушений и мер наказаний предусматриваются как раз в КоАП РФ. Однако, полагаем, что смешение таких понятий как финансово-правовая ответственность и санкция является неверным с теоретической точки зрения, так как санкция – это форма реализации ответственности, а не условие ее существования.

В большом правовом словаре понятие санкции определяется, как меры и решения, которые на практике имеют окончательный характер, влекущий определенный неблагоприятный исход для правонарушителя. Финансовая санкция предполагает оценку деяния как финансового правонарушения и его осуждение со стороны государства, которое состоит в неисполнении виновным лицом определенной денежной обязанности, носящей публично-правовой характер.

Судами также разъяснялось, что финансово-правовая ответственность не тождественна с административной, опираясь на ст. 289 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) [4]. Данная мера не является административным наказанием, как предусматривается в нормах КоАП РФ, вследствие чего при ее применении нормы этого Кодекса не применяются [5]. Следовательно, не является правильным с теоретической и практической точки зрения рассматривать финансовые правоотношения без финансово-правовой ответственности и опровержения выделения такого вида ответственности, направленного на объединение двух предметов – финансового и административного права.

В последнее время подход, отрицающий независимый характер финансово-правовой ответственности, подвергается все большей критике.

По мнению А.А. Ситника, Е.Н. Горловой, О.С. Соболев, данная ответственность имеет место быть хотя бы потому, что главные признаки финансово-правовой ответственности доказывают о том, что она является самостоятельным видом юридической ответственности [6, С. 35].

Крохина А.Ю. отметила, что финансово-правовая ответственность хоть и находится на стадии формирования, но отличается от общих мер ответственности наличием специальных процедур государственного принуждения [7, С. 80].

Анализируя такие элементы, как субъекты и объекты, охраняемые от преступных посягательств, благодаря определённым мерам, носят исключительные характеристики, не позволяющие перекрывать существующие виды финансово-правовой ответственности.

Некоторые исследователи выделяют определенные характерные черты: является способом защиты финансового, публичного правопорядка; устанавливается нормами финансового права; за несоблюдение финансовых правонарушений наступает данная ответственность; с применением финансово-правовых санкций влечет их реализацию; применяется уполномоченными специальными субъектами [8, С. 196].

В целях разграничения такого вида ответственности необходимо анализ нормативно-правовых актов с использованием следующих критериев.

Первый критерий – осуществление финансового контроля с помощью государственных, муниципальных, общественных и аудиторских органов (Федеральной налоговой службой, Федеральной таможенной службой, Федеральным казначейством, Счетной палатой РФ, Центральным банком РФ) и устанавливающий один из видов ответственности за деяния, регулирующие финансовым законодательством. Стоит отметить на некоторые практические проблемы, связанные с данным критерием.

Второй критерий – характер затрагиваемых отношений, интересов. При нарушении финансового законодательства затрагиваются в общем отношения, которые связаны с развитием всей национальной экономики страны, а не только в сфере бюджета: собираемость бюджетных доходов, эффективное распределение бюджетных расходов. Необходимо отметить, что в бюджетном законодательстве не закреплены такие термины, как «бюджетное правонарушение», «бюджет-

ная ответственность» и т.д., не установлена ответственность за нарушения бюджетного законодательства. В нем речь идет о бюджетных нарушениях, мерах бюджетного принуждения. Санкции носят пресекательный и правосстановительный характер.

Третий критерий – создание нормативности-правовых актов государством, регулирующие права и обязанности соответствующих субъектов. Данные закреплённые нормы послужили основанием для такого института, как финансово-правовая ответственность, так как несут неблагоприятные имущественные последствия для государственной деятельности.

Финансово-правовая ответственность проявляется в двух аспектах: правосстановительном (компенсационном) и штрафном (карательном). Особенность правосстановительного аспекта проявляется в том, что правонарушитель обязан восстановить финансово-правовые отношения, вернуть в первоначальное положение. Необходимо отметить, что карательная функция осуществляется с правосстановительной, так как первоочередной целью государства является восстановление бюджета, а не кара или восстановление социальной справедливости. Также особенностью является то, что даже при добровольном прекращении незаконных действий правонарушителем у государства остается обязанность применить меры финансово-правовой ответственности.

Таким образом, финансово-правовая ответственность имеет ряд специфических признаков, которые позволяют ее выделить в качестве отдельного вида юридической ответственности. С помощью этого вида применяются к правонарушителям финансовые обязательства перед уполномоченными органами для того, чтобы защитить финансовый бюджет государства, а также в целом национальную экономику.

Список литературы:

1. Химичева Н.И. Финансово-правовые санкции в системе правовых средств обеспечения качества продукции // Сов. гос. во и право. 1984. № 8. С. 38; Советское финансовое право / отв. ред. Л.К. Воронова, Н.И. Химичева. М.: Юрид. лит., 1987. С. 71–72; Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н.И. Химичева. М.: Юристъ, 1999. С. 58–60.
2. Веремеенко И.И. К вопросу о финансово-правовой и административно-правовой ответственности в российском праве // Право и управление. XXI век. М., 2012. № 4. 158 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 15.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»
6. Горлова Е.Н. Ответственность за нарушение финансового законодательства: учебное пособие для магистратуры / Е.Н. Горлова, А.А. Ситник, О.С. Соболев; отв. ред.: Н.М. Артемов, А.А. Ситник; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2018. 97 с.
7. Крохина Ю.А. Финансово-правовая ответственность – необходимый атрибут правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2. 112 с.
8. Сердюкова Н.В. Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие: автореф. дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 278 с.

УДК 347.73

А. А. Лёшина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, Москва

ЭНДАУМЕНТ-ФОНД КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА ФИНАНСИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие «эндаумент фонд» и роль данного института, как альтернативной форма финансирования бюджетных учреждений, а также российские целевые капиталы, как аналог зарубежных эндаументов. Обозначена роль эндаумент фондов в деятельности некоммерческих организаций и возможность применения положительного зарубежного опыта в российской практике.

Ключевые слова: право, целевой капитал, эндаумент фонд, правовое регулирование, зарубежный опыт, финансирование, государственная поддержка.

А. А. Lyoshina

National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow

ENDOWMENT FUND AS AN ALTERNATIVE FORM OF FINANCING BUDGETARY INSTITUTIONS

Abstract. The article discusses the concept of «endowment fund» as an alternative form of financing budgetary institutions, Russian endowments as an analogue of foreign endowments. The role of endowment funds in the activities of non-profit organizations is outlined, as well as the possibility of applying positive foreign experience in Russian practice.

Keywords: endowment capital, endowment fund, foreign experience, financing, government support.

Современное российское законодательство предусматривает различные источники и формы финансирования бюджетных учреждений. Некоторые из них являются обязательными для осуществления бюджетным учреждением своих функций, иные могут быть приняты на усмотрение руководителя такого учреждения. Среди таких форм привлечения источников финансирования следует выделить формирование и использование целевого капитала, посредством создания эндаумент фонда (англ. endowment) – целевой фонд, предназначенный для использования некоммерческой организацией, для достижения уставных целей [1]. Ведущий ученый в области финансового права Н.И. Химичева указывала, что современная финансовая система строилась, в том числе и с учетом зарубежного опыта, например в области создания и функционирования внебюджетных и бюджетных целевых фондов [2, С. 28].

Свое начало эндаумент фонд берет со времен Древней Греции, так первый целевой капитал был сформирован Платоном для своей академии [3, С. 445]. Сегодня эндаумент фонд большее распространение получил на западе и в США. Крупнейшими подобными фондами в мире являются эндаументы Гарварда (25,7 млрд долл.), Йеля (16,3 млрд долл.), Стэнфорда (12,6 млрд долл.), Принстона (12,6 млрд долл.) [4, С. 8]. Самый известный эндаумент фонд – Нобелевский.

Считается, что идея создания эндаументов была предложена российскими предпринимателями на встрече с В.В. Путиным в 2006 году [5, С.130]. После этого в апреле 2006 года на всероссийском форуме «Общество, благотворительность и национальные проекты» Д.А. Медведев сообщил о необходимости изучения зарубежного опыта в данной сфере и намерении внимательно проработать инициативу об утверждении эндаументов» [6].

Модель финансирования с помощью фондов целевого капитала (эндаумент фондов) начала применяться в России с принятием Федерального закона от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [7]. Капиталом в данном отношении является «накопленный путем сбережений запас экономических благ в форме денежных средств и реальных

капитальных товаров, вовлекаемых его собственниками в экономический процесс, как инвестиционный ресурс и фактор производства с целью получения дохода, функционирование которых в экономической системе базируется на рыночных принципах и связано с факторами времени, риска и ликвидности» [8, С. 21].

В качестве основного отличительного признака эндаумент фонда от других форм можно назвать факт того, что источником финансирования для учреждения – получателя средств выступает не само пожертвование, а доходы, полученные от инвестирования капитала, сформированного из пожертвований.

Непродолжительная история развития эндаумент фондов показывает, что в нашей стране данная форма финансирования находится на стадии формирования. На сегодняшний день данная форма продолжает развиваться, особенно это актуально на фоне распространения коронавирусной инфекции. Согласно исследованию, проведенному Национальным Рейтинговым Агентством количества российских эндаумент-фондов (специализированных фондов целевого капитала и некоммерческих организаций с целевым капиталом «внутри») выросло более чем в 2,5 раза, объем фондов увеличился в 9 раз. На конец 2020 года совокупный целевой капитал эндаумент-фондов превысил 35 млрд рублей, а их количество достигло 230 [9].

Однако многие авторы выделяют ряд проблем для эффективного развития эндаумент фонда в России, в частности, непрозрачность деятельности по привлечению средств в фонды целевого капитала, краткосрочность реализуемых проектов, непродуманность маркетинговой стратегии компаний, необходимость наличия мощных организационных ресурсов и т.д. [10, С. 103]

По мнению Е.В. Покачаловой и Е.А. Ереминой, «для развития института целевых фондов необходима значительная финансовая, в том числе налоговая, поддержка учреждений культуры со стороны государства». Авторы указывают на необходимость расширения налоговых льгот для жертвователей фондов целевого капитала, в том числе и по региональным налогам. Кроме того, приводится международный опыт по стимулированию использования в рамках механизма государственно-частного партнерства методов софинансирования со стороны государства при формировании эндаумент-фондов государственных учреждений культуры как на федеральном, так и региональном уровнях [11, С. 44].

Действительно в зарубежной практике сильно заметна роль государства в развитии фондов целевого капитал, что положительно влияет на развитие данного института. Например, в США, Великобритании и Сингапуре государство оказывает поддержку учреждениям, выделяя на пополнение фондов целевого капитала средства из бюджета. А.В. Лебедева называет две модели государственной поддержки фонда целевого капитала. Первая модель заключается в непосредственном участии государства при создании фонда целевого капитала. Вторая модель государственной поддержки предполагает выделение фондам целевого капитала бюджетных средств по результатам проведенной конкурсной процедуры, что активно применяется в Канаде [12, С. 35]. Прямое влияние на доноров и реализуемые благотворительные проекты оказывает именно эффективно сформированная инфраструктура и условия, что показывает важную роль стратегии государства в данной сфере.

Эндаумент фонды создаются и на региональном уровне, а субъекты Российской Федерации являются не менее значимыми в вопросе поддержки и развития эндаумент фондов. Сегодня отмечается новая тенденция в формировании фондов целевого капитала, она заключается в объединении ресурсов сразу нескольких субъектов посредством создания одной некоммерческой организации и разделения в последующем полученных доходов от управления. Одним из первых региональных фондов в России стал фонд, созданный при Омском музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля [13]. Кроме того, государственная информационная система «Электронный бюджет» расширяет возможности по наблюдению и контролю за расходованием бюджетных средств.

Таким образом, наличие целевого капитала у бюджетных учреждений способствует не только долгосрочному финансовому планированию, но и снижает зависимость организации от поиска источников разовой поддержки. Кроме того, повыше-

ние уровня вовлеченности бюджетных учреждений в процесс создания и развития фондов целевого капитала позитивно скажется на инвестиционном секторе в целом.

Список литературы:

1. Хохлов В.А. Глоссарий (словарь) корпоративного права. Юстицинформ, 2019.
2. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 752 с.
3. Бурик О.В., Карташева М.А., Кожарская Т.С. Целевой капитал (эндаумент фонд) как инструмент финансирования некоммерческих организаций // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий. – 2020. – С. 444–448.
4. Кузьмина Н.Б. Эндаументы как долгосрочный инструмент развития вуза // Теория и практика функционирования фондов целевого капитала в высшем образовании России: сб. ст. М. – 2010. С. 7–16.
5. Елисеева С.В. Состояние и проблемы развития эндаумент-фондов в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 2–1. 2010. С. 129–138.

УДК 349.2

С. П. Литвинова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. в данной статье автором анализируется действующее налоговое законодательство в сфере пользования природными ресурсами, в частности, рассматриваются имеющиеся в нем пробелы, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: налог, природопользование, ресурсы, плата, система налогообложения.

S. P. Litvinova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TAXATION OF THE USE OF NATURAL RESOURCES AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. in this article, the author analyzes the current tax legislation in the field of the use of natural resources, in particular, examines the gaps in it, and also suggests ways to solve them.

Keywords: tax, environmental management, resources, payment, taxation system.

Российская Федерация, занимая самую большую по площади территорию в мире, обладает значительным количеством ресурсов, в том числе и природных. В силу этого, наше государство имеет достаточно богатый опыт их использования в своих интересах и интересах общества. Накоплению такого опыта способствовало множество механизмов, где одним из главных выступал и выступает по сей день принцип платности пользования данными ресурсами. При введении и сборе данных платежей государство стремится способствовать созданию различного рода материальных стимулов к сохранению, воспроизводству ресурсов, а также получению их собственником – государством – средств на такое восстановление и воспроизводство.

При этом в силу такого разнообразия и большого количества различных по своей природе и свойствам ресурсов государство вынуждено применять различные формы и размеры налогов и платежей, которые объединяются в единую систему платежей. Процесс формирования такой системы идет более

четверти века. При этом одной из достаточно существенных проблем на данном этапе становления является тот факт, что данный процесс осуществляется без какой-либо утвержденной единой концепции преобразований и вытекающего из такого единообразия правового регулирования таких платежей.

В настоящее время взимание плат, налагаемых на природопользование, регулируется по одним видам природопользования налоговым законодательством, по другим – нормами иных отраслей права, например, в сфере лесопользования, уплаты ПНВОС и пр. В связи с этим Пансков В. Г. отмечал, что абсолютное большинство платежей за пользование природными ресурсами обладает всеми признаками налогов, поэтому регулирование порядка их исчисления и уплаты в бюджет нормами не налогового права, а иных отраслей полностью противоречит всем основным принципам налогообложения [1].

Процесс упорядочения платежей в исследуемой области был начат в ходе проведения налоговой реформы после принятия Налогового Кодекса и продолжается и по сей день, поскольку многие проблемы так и остались нерешенными. Эффективность большинства налогов по-прежнему низкая, не способствует изъятию в доход государства принадлежащей ему части дохода от природной ренты, следствием чему стало частое внесение серьезных изменений и дополнений в НК РФ с целью приведения размеров налогов и иных обязательных плат, связанных с природопользованием, в соответствии с полученным рентным доходом. В настоящее время такие изменения касаются, в основном, нефте- и газодобывающей отрасли.

В особенности, упущения законодателя прослеживаются в отраслях, связанных с добычей твердых полезных ископаемых. Система платежей, действующая в указанной отрасли, не учитывает факторы, прямым образом влияющие на образование рентного дохода – природно-климатические, горно-геологические условия, качество и доступность добычи ископаемого и пр. Частично этот вопрос урегулирован в отношении ставок платежей при добыче двух ископаемых – кондиционных руд черных металлов и угля. В первом случае к налоговой ставке, начиная с 2014 г. применяется специальный коэффициент, характеризующий способ добычи, во втором случае, ставка дифференцирована в зависимости от марки угля. По иным ископаемым пока что данный вопрос четко не решен. Однако данная проблема осознается законодателем и постепенно им в настоящее время решается. Так на сегодняшний день учитываются особенности оценки стоимости добытых драгоценных металлов, извлеченных из коренных (рудных), россыпных и техногенных месторождений.

Отсутствие эффективной системы платежей за природопользование порождает такую проблему, когда в общей сумме налогов и иных платежей в названной системе доминирующее положение занимают доходы от добычи углеводородного сырья. Так, за 2020 г. по данным Министерства Финансов общий доход по НДС за нефть, газ горючий природный и газовый конденсат составили 3 819,7 млрд р., учитывая, что общий доход от изъятия налогов, сборов и регулярных платежей за пользование объектами природной среды составил 6 110,3 млрд р. [2] Налицо складывается ситуация, когда рентные налоги и иные платежи от добычи других полезных ископаемых фактически не имеют значения для формирования доходной части бюджета. Одним из способов решения данной проблемы в отраслях, которые к добыче газа и нефти не относятся, является новый для отечественной налоговой системы налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (далее – НДС), который эффективнее с позиции обеспечения справедливого изъятия природной ренты с помощью введения гибкой, прогрессивно возрастающей шкалы ставок в зависимости от повышения уровня дохода от добычи. Такой налог уплачивается с момента отдачи произведенных капиталовложений, когда доходы инвестора сравнялись с расходами, которые были произведены с для разработки месторождений. Помимо этого, данным видом налога гарантируется реальная дифференциация налоговой нагрузки в зависимости от конкретных условий добычи и транспортировки, т.к. объектом налогообложения выступа-

ет чистый доход, который учитывает как валовый, так и затраты на добычу ископаемых на определенном месторождении. Горно-геологические, природно-климатические и иные условия добычи и разработки месторождений в условиях действия НДС учитываются через механизм признания затрат при расчете базы налогообложения и, следовательно, не будут требовать создания никаких коэффициентов как в случае с НДС.

Стоит отметить, что в реформировании также нуждается и действующая система платежей за пользование лесными насаждениями. На данном этапе названная система не предусматривает полное изъятие лесной ренты, и, как следствие, не окупается при этом затраты государства на лесовосстановление. Учитывая, что за 2020 г. земли лесного фонда выросли на 38 тыс. га. и теперь их общая площадь составляет 1,19 млрд га, из них площадь, покрытая лесной растительностью, – 795 млн га, нецелесообразным представляется неналоговый характер действующей системы платежей за лесопользование, установленной порядком практически добровольного восстановления лесопользователем вырубленных лесных массивов, а также с низким уровнем цен на древесину, отпускаемую на корню. Предлагается, учитывая опыт иных отраслей хозяйства, эксплуатирующих природные ресурсы, ввести именно налоговый механизм изъятия лесной ренты. В связи с этим, ряд ученых предлагает установить лесной налог, ставки которого будут отражать условия лесозаготовок, качество, ценность лесной породы.

Необходимо также отнести к проблемам налогообложения природопользования и вопрос о плате за негативное воздействие на окружающую среду. Суть самой проблемы заключается в следующем. В науке достаточно длительный период идет дискуссия о том, какова правовая природа указанной платы. Так, существует мнение, согласно которому ПНВОС является платежом, который заменяет собой экологический налог и выполняет тем самым некоторые его функции [3]. Данный факт, соответственно, требует изменения порядка его правового регулирования, действующего в данный момент посредством перемещения данных положений в НК РФ. Более того, в 2018 году Министерство финансов РФ представило Проект ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового Кодекса РФ», в пояснительной записке к которому указывалось, что необходимо ввести соответствующий экологический налог, целью которого будет увеличение бюджетных поступлений и извлечение дополнительных доходов, которые в последствии могут быть направлены Правительством на проведение экологической политики и обеспечение прав каждого на благоприятную окружающую среду. Также Минфин отметил, что по результатам проводившихся в последние годы исследований, выявлено что действующие механизмы, посредством которых производится взимание ПНВОС крайне неэффективны, в связи с чем возникла практика финансирования государственных программ в сфере охраны окружающей среды за счет иных доходов. Так как ответственность за нарушение порядка и сроков уплаты данного платежа установлена КоАП РФ, а сам вопрос находится вне рамок действия НК, внесудебные механизмы, которые позволили бы обеспечить исполнение природопользователями обязанности по уплате в настоящее время практически отсутствуют [3]. Как и отсутствует основание для привлечения лица к уголовной ответственности за неуплату данного платежа, а при включении его в НК РФ ситуация изменится и это в том числе способствует повышению ответственности и добросовестности плательщиков.

На основе вышеизложенного стоит отметить, что вопросы правового регулирования налогообложения природопользования имеют не только сугубо теоретическое значение, но и практическое. Именно в зависимости от его решения ставится уровень собираемости платежей за пользование ресурсами, а, соответственно, и уровень доходов государства. Ряд ученых отмечают, что в настоящий момент необходима инвентаризация всех видов платежей, связанных с изъятием и распределением природной и ценовой ренты, с целью разделения налоговых и неналоговых платежей, их систематизации и устранения имеющихся теоретических и практических проблем. Эффективная система экологических платежей

должна стать, с одной стороны, существенным источником формирования доходов бюджета, а, с другой, финансовым регулированием сферы природопользования государством. И в то же время, такая система должна быть построена и с учетом интересов хозяйствующих субъектов, так, чтобы они и могли эффективно работать и обеспечить поступление средств в бюджеты бюджетной системы на цели социально-экономического развития.

Список литературы:

1. Пансков В.Г. Налогообложение природных ресурсов: проблемы и пути решения. // *Налоги, финансы, экономический анализ*. 2018. № 11. С. 91–104.

2. Расширенная коллегия Министерства финансов Российской Федерации. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2020 год (предварительные итоги). URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/03/main/Ispolnenie_2020_god.pdf (дата обращения: 29.10.2021).

3. Яблуганов А.А. Правовое регулирование платы за негативное на окружающую природную среду // *Реформы и право*. 2016. № 1. С. 27.

УДК 336.227.2.025

И. А. Милованов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБМЕНА НАЛОГОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ КАК МЕРЫ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования обмена налоговой информацией между органами различных стран. В ходе анализа выявлена необходимость существования в современном мире данного института для эффективного раскрытия налоговых преступлений.

Ключевые слова: налоговое право, международное сотрудничество в сфере налогообложения, институт обмена информацией, налоговые преступления, противодействие уклонению от уплаты налогов.

I. A. Milovanov

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

LEGAL REGULATION OF THE EXCHANGE OF TAX INFORMATION AS A MEASURE TO COMBAT INTERNATIONAL TAX EVASION

Abstract. This article discusses the issues of legal regulation of the exchange of tax information between the authorities of different countries. The analysis revealed the necessity of the existence of this institution in the modern world for the effective disclosure of tax crimes.

Keywords: tax law, international cooperation in the field of taxation, the institute of information exchange, tax crimes, countering tax evasion.

Уклонение от уплаты налогов – налоговое преступление, которое встречается довольно часто. Государствами на национальном и международном уровнях разрабатывается и совершенствуется определённая система способов по выявлению и предотвращению появления данных уклонений.

Одной из наиболее эффективных мер борьбы с нарушениями налогового законодательства является международный обмен информацией о налогоплательщиках и их деятельности.

В настоящее время данный аспект регулируется множеством нормативных актов, включающих в себя различные

Конвенции, международные Соглашения и Договоры, Акты международных учреждений и т.п. Например:

– Соглашение Организации экономического сотрудничества и развития «Об обмене информацией по налоговым вопросам» от 2015 года,

– Страсбургская Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25.01.1988 года,

– Соглашение стран СНГ о сотрудничестве и взаимной помощи по вопросам соблюдения налогового законодательства и борьбы с налоговыми нарушениями от 1999 г.,

– Соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств об обмене информацией по налоговым делам и т.д.

Основной целью международного информационного обмена является получение сведений, имеющих важное значение как для предотвращения, так и выявления уже совершённых преступлений в сфере уклонения от уплаты налогов.

Данный обмен должен производиться по определённым правилам – принципам, позволяющим соблюсти основные права, интересы и свободы физических и юридических лиц, в отношении налоговой деятельности которых поступил запрос.

Среди таких принципов обычно выделяют: принцип конфиденциальности, принцип предполагаемой необходимости и принцип недопущения бесконтрольного сбора информации [1, С. 1233].

Принцип конфиденциальности предполагает, что получаемая при запросе информация должна быть должным образом защищена во избежание передачи её третьим лицам. Также данная информация может быть получена только уполномоченными на то лицами и может быть использована лишь в целях налогового администрирования.

Второй принцип означает, что запрашиваемая либо передаваемая по собственной инициативе информация должна иметь предполагаемую полезность для органа-получателя, то есть иметь отношение к рассмотрению конкретного налогового дела.

Третий принцип тесно связан со вторым и очерчивает собой круг сведений, которые могут быть собраны и переданы в рамках определённого случая.

Несомненно, данная мера имеет большое значение, а главное высокую эффективность в процессе борьбы с уклонением от уплаты налогов. Соглашения между странами предполагают взаимную помощь в раскрытии налоговых преступлений, так как на данный момент справиться с данным вопросом в рамках национального разбирательства бывает почти невозможно.

Финансовая деятельность организаций и физических лиц в современном мире распространена далеко за пределы одного государства, что существенно расширяет им территорию для совершения преступлений с налогами и упрощает их деятельность и, соответственно, усложняет налоговым органам выявлять все возникшие противоправные отношения.

Список литературы:

1. Кастанова Е.Д. Обмен налоговой информацией в рамках борьбы с уклонением от уплаты налогов в новом международном контексте. // *Актуальные проблемы российского права* (10), 2013 г. С. 1231–1237.

2. Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам. г. Страсбург. 25.01.1988 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2021).

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь от 21.04.1995 «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и имущество» // *Бюллетень международных договоров* № 5. 1997 г.

В. Я. Михайленко

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

ВЛИЯНИЕ БАНКОВСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Аннотация. Банковский сектор – один из факторов развития экономики любого государства. Стандартные способы привлечения клиентов уже неэффективны. Поэтому банки начали использовать инструмент экосистемы. В статье исследуется понятие экосистемы, сравниваются подходы к созданию экосистем в разных банках Российской Федерации. Изучаются плюсы и минусы экосистемы как инструмента развития банковского сектора.

Ключевые слова: экосистема, банки, конкуренция, банковские операции, ритейлеры, оказание услуг.

V. Y. Mikhailenko

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

THE IMPACT OF THE BANKING ECOSYSTEM ON THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract: The banking sector is one of the factors of economic development of any state. Standard ways of attracting customers are already ineffective. Therefore, banks have started using the ecosystem tool. The article explores the concept of ecosystem, compares approaches to the creation of ecosystems in different banks of the Russian Federation. The pros and cons of the ecosystem as a tool for the development of the banking sector are also being studied.

Keywords: ecosystem, banks, competition, banking operations, retailers, provision of services.

Если 30 лет назад один банк обслуживал клиентов всей страны, то в 2013 г. в стране было уже более 900 банков, по данным на октябрь 2021 г. в стране осталось только 338 банков, согласно статистике Банка России [1]. Этот факт показывает высокое состояние конкуренции в банковском секторе. Поэтому владельцы банков озадачены поиском новых источников дохода либо инструментов для привлечения клиентов. Именно по этой причине банки стали создавать экосистемы [1, С. 9]. Хотя некоторые авторы выделяют в качестве причины появления экосистем – силу и стабильность основного бизнеса. Также некоторые ученые связывают появление экосистем с изменением потребительских предпочтений, т.е. клиенты банка становятся не просто потребителями услуг, а их генератором.

ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности», наделяет банки исключительным правом на осуществление банковских операций. Но есть и ограничения, им запрещено заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью. Но сейчас, банки активно вводят собственные интернет – сервисы, через которые они оказывают различного рода услуги, которые точно не относятся к числу банковских операций. Например: поиск жилья, доставка продуктов, оформление страховки, мобильная связь. Соответственно происходит пересечение со страховой, торговой, а иногда и производственной деятельностью. Всё это банки называют экосистемой, которая практически законодательно не регулирована.

Легального определения понятию «банковская экосистема» нет. Объяснить, что является экосистемой, пытаются практики банковского сектора [2, С. 44]. Каждый из практикующих банкиров определяет экосистему с учетом степени развития и направления экосистемы своего банка.

Лидером в России по созданию и внедрению экосистем является Сбербанк [3], который создал: а) в сфере электронной коммерции – сервис «Яндекс Маркет», тем самым банк получил доступ к предпочтениям потребителей, примерное

представление об их финансовых возможностях, так как, если лицо регулярно приобретает товары из высокой ценовой категории, значит, денежных средств у него больше; б) в сфере финансовых сервисов – «Яндекс Деньги». Банк получил доступ к информации о состоянии счетов лиц, которые могут даже не являться клиентами сбербанка; в) в сфере доставки – «СберМаркет» и «СберМегаМаркет». Банк получил доступ к информации о потребительских интересах потребителей, а также доступ к адресам и номерам телефонов покупателей; г) в сфере развлечений – кинотеатр «Окко» – банк получил информацию о культурных предпочтениях клиентов; г) Дисконт сервис – «СберСпасибо» – банк стимулирует потребителя к большей трате денежных средств. Это не полный перечень сервисов, и со временем они только увеличиваются: СберАвто, СберАптека, Самокат, СберЗвук.

Так, Тинькофф банк также создал собственную экосистему [4, С.50] и получил информацию о: связях между абонентами – Тинькофф Мобайл, об их затраченном в интернете времени, персональные данные и т.д.; предпочтениях своих клиентов – Тинькофф Бизнес; количестве свободных денег клиентов – Тинькофф Инвестиции; о предполагаемых рисках – Тинькофф Страхование.

Такие же экосистемы начинают развивать ВТБ-банк, Россельхозбанк. Принцип работы одинаковый, банк создает мобильное приложение в какой-либо отрасли экономики, активно продвигает его на рынке, пользователь скачивает данное приложение, вводит номер банковской карты и телефона, начинает пользоваться услугами сервиса.

Цель экосистем состоит в том, чтобы в нужное время предложить клиентам нужный сервис. Сейчас практика создания и внедрения экосистем выработала два пути создания экосистемы [5, С.7].

Первый путь выражается в создании общей экосистемы, т.е. банки предлагают своим клиентам услуги, которые могут покрыть их ежедневные потребности. По этому пути развития пошел Сбербанк.

Второй путь – в создании «нишевой» экосистемы, т.е. банки предлагают клиентам услуги в определенной сфере экономики. Такой вариант выбрал ВТБ-банк, так как он активно развивает экосистемы в сфере купли – продажи недвижимости.

Как мы видим, банки не планируют останавливаться на достигнутом уровне развития экосистемы [6]. Появление на рынке нового субъекта уже оказывает влияние на состоянии конкуренции. Такой игрок как банк автоматически создает неравное положение. Даже на начальном этапе, когда банк еще не создал сервис, он уже имеет больше преимуществ, чем обычный предприниматель. Допустим, одновременно крупный «ритейлер» (розничный торговец) и банк решили запустить сервисы по онлайн продаже продуктов питания, несмотря на законодательный запрет, каждый субъект должен исследовать рынок сбыта, определиться, что продавать и в каком количестве, по какой цене и т.д. На данном этапе важен информационный ресурс. Ритейлер, как и банк для анализа рынка сбыта использует статистику продаж продуктов питания, проведут опрос населения, воспользуются аналитикой. При этом банк имеет серьезные преимущества: владеет информацией о финансовом положении своих клиентов – физических лиц, если банк осуществляет перевод зарплаты, может изучить истории операций. Следовательно, банк может проанализировать процент денежных средств, которые клиенты тратят на еду.

Если банк уже внедрил собственную экосистему, то он может воспользоваться дополнительными данными о потребностях лиц. Поэтому неравенство возникает изначально, у банка уже больше шансов на успешное развитие бизнеса. Когда на рынке появляются экосистемы банков, то это создает и другие проблемы для частных предпринимателей. Экосистемы захватывают все больше небанковских продуктов, собирают все больше информации, которая и дает им преимущества.

Кроме того, практика внедрения в экономику банковских экосистем порождает проблему сохранности персональных данных. Чем больше элементов сосредотачивается в экосистеме, тем больший объем информации, нуждающейся в особой защите, и, тем больше увеличивается риски утраты информации в связи с неправомерным доступом к ней. Участники экосистемы могут использовать общую инфраструктуру, поэтому

взлом даже одного элемента системы может быть существенным для всех ее участников.

Следующей проблемой является тот факт, что экосистема становится барьером для продвижения на рынке новых участников, а именно для малого и среднего бизнеса, предпринимателей. Банки обладают большими финансовыми, техническими и информационными ресурсами, поэтому у конкурентов практически не шансов получить прибыль больше, чем сервис, который входит в экосистему. Предприниматели, заранее не знают изменения спроса клиентов. При этом банки, уже заранее знают предпочтения своих клиентов, а также их платежеспособность, поэтому разрабатывают разные «выгодные» предложения исходя из интересов и возможностей потребителей.

Есть мнение, что на развитие экосистемы банк затрачивает большие ресурсы. И такой факт не может не отразиться на качестве предоставляемых банковских услуг [7, С. 430]. На практике таких примеров не было. Ведь экосистему создают крупные банки с финансовой устойчивостью, и оказание дополнительных услуг через свои сервисы негативно на них не отражается, а наоборот увеличивает доходность.

Установление запретов на определенные отрасли экономики, в которых банк не может развивать экосистемы – по нашему мнению неправильно. Покупателям удобно, когда все их интересы известны и им предлагают нужный продукт. Главное, чтобы такая деятельность была в рамках правового поля. И сейчас, если прямо толковать закон, никаких нарушений нет. Ведь страховые, торговые и другие услуги оказывает не сам банк, а отдельные юридические лица, которые находятся в его ведении.

Таким образом, деятельность банковских экосистем носит законный характер. Но это не отменяет необходимости правового урегулирования этого вопроса. Необходимо закрепить легальное определение термину «экосистема», четкие требования к банкам для создания экосистем, а также установить запрет на создание экосистем банкам с государственным участием. Такие банки имеют определенную финансовую поддержку со стороны государства, а дополнительный доход от использования экосистем даст им большое финансовое преимущество перед обычными банками и, как следствие, конкурентное преимущество для банковской кредитной организации, создавшей экосистему.

Список литературы:

1. Сайт Центрального Банка РФ. URL: <https://cbr.ru/admissionfinmarket/statistics/> (дата обращения: 11.11.2021).
2. Маркелов Р. Сомнительные деньги не переводятся // Российская газета. 2020. № 275. С. 8–15. URL: <https://rg.ru/2020/12/06/skolko-bankov-v-blizhajshee-vremia-mogut-zakrytsianavsegda.html> (дата обращения: 04.11.2021).
3. Бычкова И. Г. Банковская экосистема: современные тренды в финансовой сфере // Научный вестник Южного института менеджмента. 2020. № 1. С. 42–46.
4. Цифровая экосистема сбера // URL: <https://www.sberbank.com/ru/eco>.
5. Иванович М. Н. Экосистема ПАО сбербанк. Продукты экосистемы для юридических лиц // Достижения науки и образования. 2020. № 14. С. 49–51.
6. Куликов Н. И., Кудрявцева Ю. В. Банки уходят в сеть Интернета // Финансы и кредит. 2016. № 29. 2016. С. 2–10.
7. Верхошинский В. В. Сломать систему // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4010822> (дата обращения: 03.11.2021).
8. Бубнова Ю. Б. Трансформация бизнес – модели банка в условиях цифровой экономики // Известия Байкальского государственного университета. 2019. № 3. С. 425–433.

УДК 347.73

О. Б. Очиров

Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС» КАК НОВОГО ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности финансово-правового статуса федеральной территории «СИРИУС», которая была образована в соответствии с федеральным законом № 437-ФЗ. Введение данной новой формы публично-правового образования вызвало много вопросов, в частности о ее юридической природе и месте в административно-территориальной системе деления России. Вопросы возникли и о финансово-правовом статусе и финансовой деятельности федеральной территории и органов публичной власти, действующих от имени федеральной территории, их полномочиях, гарантиях деятельности и ответственности в сфере управления централизованными денежными средствами.

Ключевые слова: Федеральная территория, финансово-правовой статус, поправки к Конституции, публично-правовое образование.

О. В. Ochirov

Saratov State Law Academy
Institute of magistracy
Russia, Saratov

FEATURES OF THE FINANCIAL AND LEGAL STATUS OF THE FEDERAL TERRITORY “SIRIUS” AS A NEW PUBLIC LEGAL-EDUCATION

Abstract. This article examines the features of the financial and legal status of the federal territory “SIRIUS”, which was formed in accordance with federal law № 437-FZ. The introduction of this form of public law education has raised many questions in the administrative-territorial system of division of Russia. Questions arose about the financial and legal status and financial activities of the federal territory and public authorities on behalf of the federal territory, their powers, guarantees of activities and responsibility in the management of centralized funds.

Keywords: Federal territory, financial and legal status, amendments to the Constitution, public law education.

4 июля 2020 года в России вступил в силу Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» который внёс огромное количество основополагающих изменений в разные сферы жизни общества. В частности были вынесены поправки касающиеся организации и функционирования публичной власти, механизма и порядка наделения и назначения основных органов власти и высших должностных лиц, социальные гарантии граждан, положения о защите животных и т.д. Данные изменения в Основной закон страны являются на сегодняшний день самыми масштабными с момента принятия на референдуме 12 декабря 1993 года ныне действующей Конституции РФ в которую и вносились поправки. Но в данном политическом и правовом действии не обошлось без проблемных моментов, ошибок и пробелов. Так из-за достаточно быстрого и поспешного процесса подготовки столь важных изменений была допущена одна из основных видов дефектов правового регулирования, а именно общее, поверхностное установление какого-то правового института, режима, положения и т.д с последующим высоким уровнем размытого и неточного регламентирования данного изменения. Это произошло и с такой новеллой в законодательстве как «федеральные территории» и ее финансово-правовым статусом.

Так согласно ч.1 ст.67 обновлённой Конституции РФ «Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воз-

душное пространство над ними. На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом». Данная весьма простая и короткая формулировка, конечно, имеет декларативный характер и не раскрывает даже основных характеристик организации и управления территорией, ее финансовой деятельности и управления публичными финансами. Эти вопросы раскрываются в отдельном федеральном законе № 437-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О федеральной территории «Сириус», которая является на сегодняшний день пока единственной федеральной территорией. Следует отметить, что данный закон на сегодняшний день не опубликован, а следовательно он не вступил в силу, хотя все фактические приготовления к началу функционирования федеральной территории уже произведены. Также законом введен так называемый переходный режим до 2025 года, в течении которого по логике законодателя будут вноситься новые положения и изменения правового регулирования, что весьма затрудняет провести начальный полный анализ финансово-правового статуса территории.

Согласно данному закону «Федеральная территория «Сириус» – это имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование, в котором в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического.....».

Здесь стоит сделать акцент на прямом указании законодателя что федеральная территория это – публично-правовое образование.

В науке финансового права традиционно сложилась общая классификация субъектов финансовых правоотношений к которым на ряду с коллективными субъектами (государственные и муниципальные органы, организации и предприятия), индивидуальными субъектами (физические лица, физические лица имеющие статус индивидуального предпринимателя, самозанятого), относятся публично-правые образования [3, С.117]., так например представитель Саратовской школы финансового права Н.И. Химичева причисляла к публично-правовым образованиям Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования [2, С.176].

В законодательстве РФ указание на публично-правовые образования содержатся в ст. 125 ч.1 ГК РФ, где РФ, субъекты РФ и муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений. Если говорить об актах, регулирующих финансовые правоотношения, то, например в Бюджетном Кодексе РФ понятие публично-правового образования неоднократно используется, например в ч.6 ст.115 «В государственной (муниципальной) гарантии указываются: наименование гаранта (соответствующее публично-правовое образование – Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование) и наименование органа, выдавшего гарантию от имени гаранта...».

Публичное образование в данном смысле правового понятия указывает на то что данное образование действует в общественных интересах, создана и создаёт свои органы власти для выполнения публичных (государственных) функций и задач, правовое образование же указывает на ее юридическое закрепление в законе (НПА). Так любой субъект, который наделён публичными функциями имеет или ему могут делегировать полномочия управления денежными ресурсами для выполнения данных публичных функций, что делает его участником финансово-правовых отношений, которые и складываются по поводу образования, распределения и пользования централизованных и децентрализованных денежных средств.

Основываясь на общей концепции классификации субъектов финансовых правоотношений и ряда указаний в законах можно выверить основные признаки публично-правового образования:

Во-первых – публично-правовое образование – это некая территория, включающая сухопутную, водную, морскую территории и воздушное пространства над ними;

Во-вторых – это организация публичной власти на этой территории, которая имеет свои органы управления, суверенитет, монопольное право на применения силы;

В-третьих – это территория, на которой и которая объединяет некое количество проживающих на ней людей, граждан;

В-четвёртых – статус публично-правового образования должен иметь юридическое закрепление;

В-пятых – публично-правовое образование и ее органы всегда действуют для достижения публичных целей, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан и населения.

Исходя из выше сказанного Федеральная территория «Сириус» это в полном понимании данного понятия публично-правовое образование наравне с другими публично-правовыми образованиями (РФ, Субъекты РФ, муниципальные образования):

– со своей установленной законом территорией (см. Приложение 1 к Федеральному закону);

– с системой органов публичной власти федеральной территории «Сириус», наделенных компетенцией в соответствии с настоящим Федеральным законом (Глава 4 Федерального закона);

– с населением, гражданами прописанными или проживающими на федеральной территории, которое на сегодняшний момент составляет около 11 тыс. человек (см. <https://sirius-ft.ru/>)

– действующее на основе Конституции РФ и других нормативно-правовых актов;

– созданная для реализации публичных задач и достижения общественно значимых целей.

В связи с этим Федеральная территория как новое публично-правовое образование, которое наделена публичными функциями и управляет публичными ресурсами для выполнения этих функций, является участником финансово-правовых отношений.

Федеральная территория как потенциальный субъект финансово-правовых отношений имеет финансово-правовой статус, который является одной из основных финансово-правовых категорий. Ещё одним представителем Саратовской школы финансового права является О.Ю. Бакаева, которая определяет финансово-правовой статус как совокупность прав и обязанностей субъекта, форм, методов и гарантий осуществления ее деятельности [1, С.105], а В.В. Уксусов в содержание понятие финансово-правового статуса также включает ответственность за нарушения субъектом представленных обязанностей [4,С.186].

Финансово-правовой статус федеральной территории «СИРИУС» ввиду переходного периода (см. ч.3 ст. 47 № 437–ФЗ Со дня вступления в силу настоящего Федерального закона и до 31 декабря 2025 года действует переходный период, в течение которого решаются вопросы организации функционирования федеральной территории «Сириус») до конца не определён, но исходя из уже представленных законом публичных полномочий можно говорить об особенностях правового статуса в некоторых сферах.

Список литературы:

1. *Бакаева О.Ю.* Финансово-правовой статус как юридическая категория (на примере таможенных органов). В сб.: *Очерки финансово-правовой науки современности: монография / под общ. ред. Л.К. Вороновой и Н.И. Химичевой.* Москва – Харьков: Право, 2011. С. 187.

2. *Древаль Л.Н.* Субъекты российского финансового права: монография / под ред. Е.Ю. Грачевой. – М.: ИД «Юриспруденция», 2008. – 288 с.

3. *Уксусов В.В.* Муниципальное образование как субъект финансового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11.

4. *Химичева Н.И., Алимбекова А.С., Покачалова Е.В., Бакаева О.Ю.* Финансовое право: учебник / под ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. М.: НОРМА, 2020. 800 ст.

Е. Д. Простева

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Высшая школа государственного аудита
Россия, Москва*

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ

Аннотация. на сегодняшний день обязательным элементом практически любого управленческого процесса являются информационные технологии. В том числе необходима цифровизация сферы управления общественными финансами, так как без этого элемента невозможно достичь другие цели. В статье рассмотрены основные проблемы, возникающие при внедрении технологий в информационные системы.

Ключевые слова: информационные системы, публичные финансы, информационные технологии, межсистемная интеграция, цифровая трансформация.

E. D. Prosteva

*Lomonosov Moscow State University
Higher School of State Audit
Russia, Moscow*

NEW TECHNOLOGIES FOR PUBLIC FINANCE MANAGEMENT

Abstract. nowadays information technology is an indispensable element of almost any management process. It is necessary to digitize the public finance management, since without this element it is impossible to achieve other goals. The article discusses the main problems arising in the implementation of technologies in information systems.

Keywords: information systems, public finance, information technology, intersystem integration, digital transformation.

Национальные цели развития России, поставленные Президентом до 2030 года, невозможно достичь без современных технологий [1]. Именно финансовые технологии являются одними из самых прорывных, их развитие побудит преобразования и в других сферах. В бизнесе уже давно данные представляют высокую ценность. Но несмотря на то, что многие годы формировались большие объемы информации, которые представляют огромную ценность, государством они не использовались в полной мере.

Государственные информационные системы содержат гигантские массивы данных, в том числе в сфере здравоохранения, образования и публичных финансов, из которых можно получить знания [2, С. 153]. Культура извлечения знаний из данных появилась в России совсем недавно, и сейчас стоит задача быстро и качественно урегулировать этот процесс.

Можно выделить основные этапы цифровой трансформации:

- базовая автоматизация (оцифровка процесса);
- цифровизация экономики (модернизация процессов управления данными);
- аналитика больших данных (накопление данных и их упорядочивание);
- превращение данных в знания (сервисы на базе больших данных).

Рассмотрим основные проблемы применения новых технологий и возможностей для государственных информационных систем, используемых в сфере публичных финансов. Во-первых, если у нас есть информационная система, то не всегда будет доступен способ извлечения данных и знаний. В большинстве случаев данные хранятся не в одной информационной системе, а в большом количестве систем, разбросанных территориально и по уровням бюджетной системы. Например, недавно была поставлена задача проверить, получили ли выплаты врачи, которые работали в ковидных госпиталях. Для этого было необходимо не просто получить из одной системы эту информацию, а пришлось собирать эти сведения со всей страны. Это испытание для органа государственной власти, связанное как с квалификацией служащих, так и с технологиче-

скими возможностями межсистемной интеграции необходимых платформ.

Во-вторых, если мы преодолели первую проблему, и все информационные системы слаженно взаимодействуют, то возникает проблема «чистоты» информации. Даже при наличии каналов связи, специализированного программного обеспечения и грамотных разработчиков, данные будут не всегда качественные. В каждой конкретной системе эти данные могут быть пригодны и адаптированы к конкретным документам, событиям, процессам и так далее. Но если начать обучать нейросеть на этих данных, то окажется что они недостаточно «чисты».

Встает задача очистки данных: их чистота и качество зависит не от того, как аналитик с ними работает, а завязаны на правовые и логические контроли, нормативно-справочную информацию. Если происходит объединение информации из множества информационных систем, то требуется учитывать то, как они первично попадают в информационную систему.

Цифровая трансформация государственных информационных систем должна учитывать существующие тренды:

- ежегодно кратно увеличивается количество информации, содержащейся в информационных системах;
- скорость создания новых функциональных возможностей информационных систем уже измеряется днями и неделями;
- текущая степень зрелости информационных систем требует все более комплексную интеграцию между различными отраслевыми решениями [3, С. 22];
- принятие решений опирается на комплекс междисциплинарных знаний: отраслевых, управленческих, технологических и так далее.

На сегодняшний день в России достаточно хороших платформ и технологий. Однако не всегда наличие технологии определяет успешность решения задач превращения данных в знания. Сфера управления публичными финансами отличается сложной методологией и быстро меняется. Необходима высокая компетентность для каждой конкретной экономической задачи. Так, для работы в бюджетной системе требуются глубокие знания всех нормативно-правовых актов, понимание бизнес-процессов. Поэтому необходимо понимание особенностей внедрения новых технологий в сферу общественных финансов.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 № 474 // СПС КонсультантПлюс.
2. *Амелин П.В.* Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-sozdaniya-i-ispolzovaniya-gosudarstvennyh-informatsionnyh-sistem>.
3. Результаты исследования мнения рынка по вопросам развития финансовых технологий на 2021–2023 гг. [Электронный ресурс] // URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-163/Accenture-Result-Research-Market-Opinion-Russian.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

Р. Р. Сафина, А. А. Старовойтова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

СОЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ: НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье проведен анализ вступивших с 1 августа 2021 года изменений в налоговое законодательство в части возможности получения налогового вычета на физкультурно-оздоровительные услуги. Исследован ряд условий, позволяющих воспользоваться данной налоговой льготой. Изучили отдельные положения НК РФ, Федерального закона от 05.04.2021 № 88-ФЗ (ред. от 02.07.2021), Постановления Правительства РФ от 06.09.2021 года № 1501.

Ключевые слова: социальный налоговый вычет, физкультурно-оздоровительные услуги, налогоплательщик, правовое регулирование, Налоговый кодекс РФ.

R. R. Safina, A. A. Starovoitova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

SOCIAL TAX DEDUCTIONS: INNOVATIONS IN LEGAL REGULATION

Abstract. The article analyzes the amendments to tax legislation that entered into force on August 1, 2021 in terms of the possibility of obtaining a tax deduction for sports and recreation services. A number of conditions have been investigated that allow the use of this tax benefit. We studied individual provisions of the Tax Code of the Russian Federation, Federal Law of 05.04.2021 № 88-FZ (as amended on 02.07.2021), Decree of the Government of the Russian Federation of 06.09.2021, No. 1501.

Keywords: social tax deduction, health and fitness services, taxpayer, legal regulation, Tax Code of the Russian Federation.

Повышение эффективности функционирования налоговой системы предусматривает не только гибкую систему налогообложения, но и различные льготы, в том числе налоговые вычеты. Последние представляют собой инструмент государственного регулирования, осуществляющий упорядочение доходов различных групп налогоплательщиков, таким образом, снижая тяжесть налогового бремени населения. В ст. 23 Налогового кодекса Российской Федерации [1] (далее – НК РФ) закреплено право налогоплательщиков на использование налоговых льгот. Для налогоплательщиков – физических лиц такие льготы могут выступать в качестве налоговых вычетов.

Для получения социальных налоговых вычетов, в соответствии со ст. 219 НК РФ, налогоплательщик должен перечислить денежные средства на пожертвования, обучение, лечение и приобретение медикаментов, негосударственное пенсионное обеспечение и добровольное пенсионное страхование, на накопительную часть трудовой пенсии, прохождение независимой оценки квалификации. Новеллой правового регулирования в 2021 году стало установление такого вычета при оплате физкультурно-оздоровительных услуг [4, с. 1]. Это свидетельствует о том, что данные расходы признаются государством социально значимыми. Указанная норма вступила в силу 1 августа 2021 года, а фактическое получение вычета возможно с 1 января 2022 года.

Безусловным достоинством нововведения является то, что теперь все граждане, активно проявляющие себя в спорте и фитнесе, имеют возможность вернуть определенную часть денежных средств за возмездные занятия. Исходя из этого, целесообразно рассмотреть важный вопрос: как и в каком порядке получить данный налоговый вычет?

По данным Росстата в 2020 году число занимающихся спортом людей составило 14 млн человек, учитывая, что предварительная численность населения страны за соответствующий год равнялась 146,7 млн [7, с. 1]. Несмотря на пользу регулярных

занятий спортом, по статистике людей, уделяющих внимание собственному здоровью, оказалось весьма немного. Таким образом, введение данного налогового вычета будет давать гражданам необходимую мотивацию для поддержания здорового образа жизни, поскольку они смогут возратить установленную законом сумму денежных средств, потраченных на оплату занятий определенным видом спорта.

Право на получение налогового вычета имеет физическое лицо, являющееся плательщиком налога на доходы физических лиц и заключившее договор с физкультурно-спортивной организацией или индивидуальным предпринимателем на оказание физкультурно-оздоровительных услуг по перечню Правительства РФ [3, с. 2].

Согласно абзацу первому пункта седьмого части первой статьи 219 НК РФ налогоплательщик имеет право на получение социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком в налоговом периоде за счет собственных средств за физкультурно-оздоровительные услуги, оказанные ему, его детям (в том числе усыновленным) в возрасте до 18 лет, подопечным в возрасте до 18 лет физкультурно-спортивными организациями, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности.

Оказание физкультурно-оздоровительных услуг возлагается как на организацию, так и на индивидуального предпринимателя, включенных в установленный перечень. Так, на основании Постановления Правительства РФ от 06.09.2021 года № 1501 «Об утверждении Правил формирования и ведения перечня физкультурно-спортивных организаций, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности», критериями включения физкультурно-спортивных организаций индивидуальных предпринимателей в перечень организаций являются: а) осуществление физкультурно-спортивной организацией, индивидуальным предпринимателем деятельности в области физической культуры и спорта в качестве основного вида экономической деятельности; б) предоставление услуг, включенных в перечень видов физкультурно-оздоровительных услуг, утверждаемый Правительством Российской Федерации; в) наличие в штате физкультурно-спортивной организации, индивидуального предпринимателя работников, непосредственно задействованных в предоставлении физкультурно-оздоровительных услуг, имеющих образование не ниже среднего профессионального образования в области физической культуры и спорта или прошедших переподготовку по программам дополнительного профессионального образования в области физической культуры и спорта; г) при оказании индивидуальным предпринимателем физкультурно-оздоровительных услуг самостоятельно – наличие у него образования не ниже среднего профессионального образования в области физической культуры и спорта или прохождения им переподготовки по программам дополнительного профессионального образования в области физической культуры и спорта; д) отсутствие физкультурно-спортивной организации, индивидуального предпринимателя в реестрах недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), предусмотренных законодательством Российской Федерации в сфере закупок товаров, работ, услуг [2, с. 1].

Для получения налогового вычета необходимо заявление с подтверждающими документами: копией договора и кассовым чеком об оплате физкультурно-оздоровительных услуг. Помимо документов, указанных выше, необходима декларация по форме 3-НДФЛ, справка о доходах и налогах физического лица, банковские реквизиты для перечисления денежных средств. Если вычет оформляется по расходам на спортивные занятия детей, требуется предоставить свидетельство о рождении ребенка.

Предельная сумма годовых затрат для всех социальных вычетов составляет 120 тыс. рублей. По общему правилу, соответствующие вычеты, включая занятия спортом, позволяют вернуть конкретную сумму НДФЛ, равную 15600 рублей в год. Однако не исключено, что в дальнейшем законодатель может предпринять определенные меры для их увеличения.

В предоставлении данного вычета может быть отказано: при отсутствии подтверждения понесённых налогоплательщиком расходов (непредставление договора с физкультурно-оздоровительной организацией и (или) кассового чека);

если стороной договора является лицо, не соответствующее требованиям действующего закона, т.е. не входящее в перечень Минспорта;

если услуги, предоставляемые по договору, не включены в перечень видов физкультурно-оздоровительных услуг, утверждённый Правительством РФ;

в случае, если оплата произведена за совершеннолетнего ребёнка.

Анализируя рассмотренное положение НК РФ, следует согласиться с мнением президента национального фитнес-общества Е. Силиной о том, что государство впервые обозначило новый вектор – наряду со стимулированием развития детско-юношеского спорта, внимание сконцентрировано на персонализации стимулов к занятиям спортом всеми россиянами [6, с. 1]. Действительно, появляется тенденция развития здорового образа жизни, поддержания физической формы. Это благоприятно скажется не только на благосостоянии граждан, имеющих право на социальный вычет, но и на развитии хозяйствующих субъектов, предоставляющих оздоровительные услуги.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (с изм. и доп. от 01.10.2021) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2021. № 27 (Часть 1). Ст. 5135.

2. Постановления Правительства РФ от 06.09.2021 года № 1501 «Об утверждении Правил формирования и ведения перечня физкультурно-спортивных организаций, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности» // СЗ РФ. 2021. № 38. Ст.6622.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.09.2021 № 2466-р // СЗ РФ. 2021. № 38. Ст.6654.

4. Федеральный закон от 05.04.2021 № 88-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказанные ему физкультурно-оздоровительные услуги» // СЗ РФ. 2021. № 15 (Часть 1). Ст. 2455.

5. Официальный сайт ФНС РФ. Новости налогового законодательства. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn40/news/tax_doc_news/11175829/ (дата обращения 14.10.2021)

6. Россия сегодня. Эксперт оценила эффект от налогового вычета на спорт. URL: <https://1prime.ru/state/regulation/20210315/833238240.html> (дата обращения 14.10.2021)

7. Росстат назвал число самостоятельно занимающихся спортом россиян. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e5370bd9a79477c173821c5> (дата обращения: 16.10.2021)

УДК 336.146

А. А. Сенникова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Аннотация. в данной статье исследуется роль и значение государственного бюджета в обеспечении права гражданина на благоприятную окружающую среду. Автор делает предположение о том, что финансирование различных сфер государственной и общественной жизни как непосредственно, так и косвенно влияет и на решение экологических проблем.

Ключевые слова: государственный бюджет, финансирование, экология, право, эффективность.

A. A. Sennikova

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF THE STATE BUDGET IN RESOLVING ECOLOGICAL PROBLEMS

Abstract. this article examines the role and importance of the state budget in ensuring the citizen's right to a favorable environment. It's also determined how financing different spheres that are not directly connected with ecology influence on it.

Keywords: state budget, financing, ecology, rights, efficiency.

Финансовое право – отрасль права, которая регулирует общественные отношения, возникающие в процессе образования, распределения и использования централизованных денежных фондов, необходимых для реализации задач и функций государственных и муниципальных образований. Функции государства представляют собой обширный перечень. К некоторым из них относится: установление и поддержание режима законности и правопорядка в обществе, организация экономической жизни, денежного обращения в стране, а также социальная, политическая, культурная и иные функции [1, С. 119]

С середины XX века перед государством появляется новая задача – экологическая. В современном мире её решение представляется очень важным. Право на благоприятную окружающую среду впервые было закреплено в Конституции Российской Федерации 1993 года [2]. Как известно, право порождает возникновение обязанности. В этой связи государство берет на себя обязательство по обеспечению прав граждан на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, а также на возмещение вреда окружающей среде [3, С. 781].

Экологические проблемы разнообразны: незаконная вырубка леса, загрязнение атмосферного воздуха и водоемов, отсутствие очистных сооружений на предприятиях и многие другие [4, С. 13]. Для их решения государство выделяет определенное количество денежных средств. Так, по состоянию бюджета на 2020 год на решение экологических проблем выделено 335,7 млрд рублей, что больше на 11,5 % по сравнению с 2019 годом [5].

Интересен тот факт, что для решения экологических проблем направляются средства самих организаций, нарушающих законодательство об охране окружающей среды. Например, поступления в бюджет регламентируются Постановлением Правительства РФ от 03.03.2017 (ред. от 17.08.2020) № 255 «Об исчислении и взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду» [6].

Более того, выплаченные организациями штрафы также поступают в бюджет соответствующего уровня, где направляются на решение различных экологических вопросов. Стоит отметить, что ранее лишь 2 % этих средств расходовалась на сферу экологии. Однако возникает тенденция направления всех средств, полученных от предприятий, нарушающих экологическое законодательство на восстановление нарушенного природного баланса.

Расходование средств таким методом представляется более рациональным. Это позволяет направить большее количество средств на данное направление.

Несмотря на то, что перед государством стоит много важных задач, охрана природы на современном этапе является одной из первостепенных.

Выявив, как формируются средства на решение экологических проблем, определимся, на какие цели они распределяются и расходуются.

В рамках данной статьи рассмотрим, как финансирование государства влияет на такие сферы как: сохранение лесов и регулирование отходов производства и потребления. Выбор этих направлений обусловлен тем, что они (наряду с иными мероприятиями) необходимы для обеспечения благоприятных экологических условий для населения.

Так, в 2020 году планировалось восстановить 1,1 млн га лесов. В соответствии с федеральным проектом «Сохранение лесов» на эту цель выделено 2,4 млрд рублей. Также было закуплено более 1 тысячи единиц лесохозяйственной техники и оборудования на сумму 650 млн рублей; 41 млн рублей выделено на выращивание 698 млн саженцев лесных растений и формирования запаса семян объемом 243 тонны [4]. В соответствии с установленным планом работы по лесовосстановлению на 2020 год были выполнены полностью.

Несмотря на положительные показатели, количество фактов незаконной рубки увеличилось в 2020 году на 3 %. Выявлено 15,3 тыс. фактов вырубки лесных насаждений общим объемом 1,1 млн кубометров.

Помимо этого, ущерб лесным насаждениям приносят еще и пожары, причиной которых может быть как антропогенный, так и природный фактор. Так, например, в 2019 году было закуплено более 13 тыс. единиц лесопожарной техники и оборудования на сумму 6,28 млрд рублей. Территория леса в России составляет около 809 млн гектар. Очевидно, закупки такого количества техники недостаточно для сохранения лесных массивов от пожаров.

Как известно, не только государство, но и различные организации, а также граждане участвуют в решении экологических проблем. Так, например, известная по всему миру авиакомпания «S7 Airlines» на своем официальном сайте добавила раздел, посвященный сбору денежных средств на восстановление лесов Сибири от пожаров. Благодаря доверию граждан и организаций к авиакомпании, «S7 Airlines» удалось набрать необходимую сумму и направить её на рекультивацию и лесоразведение.

Безусловно, направлять общие усилия на решение экологических проблем – важно. С другой стороны, данные факты указывают на то, что государству следует обратить внимание на данную сферу и обеспечить её эффективное и достаточное финансирование.

Стоит отметить, что вопрос защиты лесных ресурсов стоит не только перед отдельными государствами. Сохранение и преумножение лесных ресурсов обсуждается и на межгосударственном уровне.

Так, 2 ноября 2021 года в рамках климатического саммита ООН прошло международное заседание по управлению лесным хозяйством и землепользованию. Президент России отметил, что сохранение лесов и других природных экосистем является одной из ключевых составляющих международных усилий по решению проблемы глобального потепления и сокращению эмиссии парниковых газов [7]. Несомненно, возможность международного сотрудничества представляется очень важной в рамках решения данной проблемы.

Говоря о лесных ресурсах, можно сделать вывод о том, что бюджетных средств, выделяемых на восстановление леса, на сегодняшний день недостаточно. Более того, охрана леса требует комплексных мер. Необходимо также увеличить количество средств, направляемых на борьбу с пожарами. Помимо этого, следует провести анализ законодательной базы на предмет возможного увеличения ответственности за правонарушения и преступления против незаконной вырубки лесных насаждений и нарушений правил пожарной безопасности в лесах. Это будет способствовать сохранению лесных массивов в полной мере.

Помимо данного вопроса, рассмотрим, как государство финансирует деятельность по регулированию отходов про-

изводства и потребления. Согласно п.9 ст. 67 Федерального закона от 10.01.2002 (ред. от 02.07.2021) № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» все промышленные предприятия, эксплуатирующие объекты I категории негативного воздействия на окружающую среду, должны установить на стационарные источники выбросов и сбросов загрязняющих веществ автоматические средства измерения и учета [8]. Данные системы позволяют немедленно установить превышения предельно допустимой концентрации и направить факт нарушения в Федеральную службу по надзору в сфере природопользования.

Безусловно, подобные автоматические средства имеют множество преимуществ. Они позволяют установить факты экологических правонарушений в момент их совершения и впоследствии минимизировать их. Более того, автоматические системы немедленно информируют природоохранные органы о факте нарушения законодательства и не требуют дополнительной экспертизы. Однако такие системы еще не распространены в Российской Федерации. Государство устанавливает обязанность организаций и предприятий устанавливать автоматические средства измерения и учета, но на сегодняшний день исполнить данное требование не представляется возможным ввиду отсутствия технологий.

Причиной тому является недостаточность финансирования мероприятий по разработке подобных систем. Так, расходы на прикладные научные исследования в области охраны окружающей среды занимают 0,8 % от общей суммы средств, направляемых на охрану окружающей среды [9]. Считаю целесообразным увеличить данную статью расходов. Благодаря этому будет возможно установить автоматизированные системы на источники выбросов, контролировать их деятельность и тем самым улучшить экологическую ситуацию в стране.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что финансовое право действительно является регулятором экологического права. От правильного распределения и использования денежных средств зависит обеспечение благоприятной окружающей среды. Необходимо обратить внимание на то, что для решения экологических проблем необходимо не только направлять денежные средства напрямую, но и финансировать сферы, которые косвенно относятся к экологии. Только комплексный подход может обеспечить полноценное решение указанных вопросов.

Список литературы:

1. Финансовое право. Отв. ред. д. ю. н., проф. Н. И. Химичева. – М.: Норма, 2005. 464 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020, № 31. Ст. 4398.
3. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс. Учебное пособие. В 2 томах. Том 1. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 864 с.
4. Экология: учебное пособие. В.А. Дерябин, Е.П. Фарфонтва. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 136 с.
5. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации // URL: <https://www.mnr.gov.ru/> (дата обращения: 22.10.2021).
6. Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 (ред. от 17.08.2020) № 255 «Об исчислении и взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду» // Собрание законодательства РФ. 2017, № 11. Ст. 1572. 7. Президент России // URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 03.11.2021).
8. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133. 9. Единый портал бюджетной системы // URL: <http://budget.gov.ru/> (дата обращения: 22.10.2021).

Н. Ю. Солдатов, И. С. Шевченко
*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

БИГТЕХ-КОМПАНИИ – НОВЫЕ ИГРОКИ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы формирования, развития и деятельности бигтех компаний. Дается сравнительный анализ бигтех компаний разных стран, а также сравниваются условия их существования. На основании сравнительного анализа автор приходит к выводу, что, несмотря на сходство многих аспектов бигтех компаний в России, США и Китае, наблюдаются и существенные различия.

Ключевые слова: бигтех компании, финтех компании, экосистема, платежная система, финансовый сектор, банк.

N. Y. Soldatov, I. S. Shevchenko
*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

BIGTECH COMPANIES – NEW PLAYERS ON FINANCIAL MARKET

Abstract. The article discusses some issues of formation, development and activity of a bigtech company. A comparative analysis of bigtech companies from different countries is given, as well as the conditions of their existence are compared.

Based on a comparative analysis, the author comes to the conclusion that, despite the similarity of many aspects of bigtech companies in Russia, the USA and China, there are also significant differences.

Keywords: bigtech companies, fintech companies, ecosystem, payment system, financial sector, bank.

За последние годы бигтех компании или технологические гиганты всё активнее выходят на рынок финансовых услуг. Здесь они предлагают своим пользователям банковские и платёжные сервисы, кредиты, страховки, а также возможности для управления активами. По сути, бигтехи заинтересовались непрофильным для них бизнесом, продвижение в котором происходит довольно-таки успешно [1].

В 2018 году Банк международных расчётов подсчитал, что 11 % всей выручки бигтех компаний приходится именно на финансовые услуги. Если рассматривать показатели 2020 года, то видно, что объём кредитов, предоставляемых пользователям, вырос на 40 % и достиг суммы в 700 млрд долларов. Так, за 2020 года в Китае бигтех компании осуществили 94 % всех мобильных платежей [2].

Бигтех компании обладают особыми характеристиками, которые отличают их от финтех компаний. Чтобы различать эти два понятия необходимо понимать их сущность. Так, под финтех компаниями понимается всё, что связано с финансами: все технологии, которые помогают управлять финансовыми аспектами бизнеса. Под бигтех компаниями же понимаются технологические гиганты, которые оказывают огромное влияние на свой рынок, экономику в целом и вектор развития потребительского опыта в своих странах, а иногда и по всему миру [3].

Само отличие между ними заключается в том, что в бизнес-модели бигтех компаний центральное место отдаётся цифровым технологиям, а не непосредственно операциям с финансами. Тогда как для финтех компаний финансовые услуги выходят на первый план, а их предоставление является основным направлением бизнеса. У бигтех компаний, соответственно, финансовые продукты – это только часть их бизнеса, как правило, дополняющая основную деятельность.

Традиционно крупнейшими бигтех компаниями считаются четыре американские: Amazon, Google, Apple и Facebook, и две китайские: Alibaba и Tencent. Все эти бигтех компании

нарастили существенное влияние благодаря умелому использованию цифровых платформ и выходу на смежные рынки. Основной их силой является наличие огромного массива данных и широкой аудитории пользователей.

Как уже было сказано ранее, бигтех компании владеют сетевыми ресурсами и огромным количеством данных, что является их главным преимуществом по отношению традиционным финансовым посредникам, то есть банкам. Благодаря своей цифровой сущности бигтехи могут предоставлять свои услуги практически с нулевыми предельными издержками. В этом плане можно считать их неконкурентными. Объясняя простым языком, бигтех компании могут предоставлять кредиты и другие финансовые услуги мелким производителям даже без участия в этом процессе человека. Это ускоряет сам процесс, а также обеспечивает значительное преимущество перед традиционными банками, в которых решение о выделении или отклонении кредита обычно в большей степени зависит от суждения кредитного менеджера [6, С. 6].

Рассмотрим процесс работы бигтех компаний на примере американской компании Amazon. В США из топ-5 бигтех компаний у Amazon наиболее развитая финансовая экосистема. У них есть своя платежная система – Amazon Pay, система счетов со снятием наличности в офлайн-ритейле – Amazon Cash, кредиты для бизнеса – Amazon Lending и страхование – Amazon Protect.

Если рассматривать китайские бигтех компании, то здесь стоит сделать особый акцент на компании Alibaba. Её финансовая экосистема развита гораздо лучше, чем в США. Так, у них есть своя платёжная система – Alipay, которой пользуются более 700 млн человек. Бигтех компания Alibaba создала свой НЕОБАНК, в котором действуют более 50 млн пользователей. Также они управляют фондом денежного рынка, бюджет которого составляет 150 млрд долларов. А другая бигтех компания Китая Tencent создала платформу WeBank, которая во многом может заменить для китайцев банковскую систему [7, С. 2].

В России всё строится немного иначе. Технологии в финансовый сектор нашей страны не пришли извне, а стали инновациями, которые начали внедрять сами банки. Именно поэтому в создании экосистемы и лидируют банки [4]. Тремя самыми крупнейшими банками в России являются Сбербанк, «Тинькофф банк» и ВТБ.

Так, Сбербанк начал формировать свою экосистему несколько лет назад. Целью для будущей экосистемы является получение не менее половины выручки от небанковского бизнеса к 2030 г. Но пока экосистема Сбербанка убыточна. На данный момент он получил под свое крыло десятки небольших бизнесов, компетенция которых простирается далеко за пределы финансовых сервисов: от доставки еды до онлайн-кинотеатра и музыкального стриминга.

«Тинькофф банк» строит свою экосистему иначе, чем Сбербанк. Он лишь во вторую очередь пытается удовлетворить потребности клиентов, которые не связаны с финансовыми услугами, делая при этом упор именно на банковские сервисы. Однако «Тинькофф банк» отличается и организацией процесса работы, так как почти всё обслуживание клиентов происходит дистанционно. Но приложение «Тинькофф банка» – это суперприложение, которое позволяет решить любые запросы клиента.

ВТБ изначально обозначил свою стратегию развития как выстраивание открытой экосистемы на основе цифровых партнерств. На данный момент банк определил шесть ключевых индустрий для развития: IT, сервисы объявлений, e-commerce и ритейл, телеком, индустрия развлечений и транспортная отрасль. Но по сравнению с двумя остальными банками ВТБ пока отстаёт в процессе формирования своей экосистемы.

Деятельность бигтех компаний в России тоже есть, и она видна. Крупными компаниями являются: «Яндекс», МТС, Mail.ru Group. Эти бигтех компании инвестируют в развитие своего бизнеса, скупают другие компании, а также пытаются встроить новые сервисы в свой бизнес. Так, благодаря формированию своей экосистемы «Яндекс» превратился из локального поисковика и конкурента Google, в крупнейшую в России компанию в области цифровых технологий. Центральными сервисами Яндекса, конечно, остаются интернет-поиск и сер-

висы маркетинга, но сейчас в его экосистему входит огромное количество сервисов. У Яндекса есть своя платёжная система – Yandex Pay, система счетов со снятием наличности в офлайн-ритейле – Яндекс деньги, система для инвестирования – Яндекс инвестиции и множество других сервисов.

Быстрый рост услуг бигтехов в области финансов, несомненно, ведет к изменениям на рынке – как положительным, так и отрицательным. С одной стороны, бигтех компании способствуют усилению конкуренции и финансовой инклюзии, особенно в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, а также повышению общей эффективности сектора финансовых услуг. С другой стороны, их проникновение на рынок финансовых услуг ведет к еще большей концентрации рыночной власти у небольшого числа компаний, что может вызвать появление новых системных рисков, несущих угрозу для всей финансовой системы [5].

Таким образом, сейчас нельзя точно сказать, какое будущее ожидает бигтех компании в России. Они прошли огромный путь формирования своих экосистем. Но в отличие от бигтех компаний в США и Китае в нашей стране значительными конкурентами для них являются банки, которые также формируют свои экосистемы и стремятся расширить сферу своего влияния.

Список литературы:

1. Александр Воротилов: «McKinsey: На долю экосистем придётся 30 % мирового валового продукта» // Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/process/expertise/mckinsey_na_dolyu_ekosistem_pridetsya_30_mirovogo_valovogo_produkta (дата обращения: 16.11.2021).
2. Ольга Волкова: «Бигтехи на финансовом рынке: риски и вызовы для регуляторов» // Эконс. URL: <https://econs.online/articles/regulirovanie/bigtekhi-na-finansovom-rynke/> (дата обращения: 17.11.2021).
3. ««Бигтехи» и финансы – ожидания и реальность» // Журнал ПЛАС. URL: <https://plusworld.ru/professionals/bigtehi-i-finansy-ozhidaniya-i-realnost/> (дата обращения: 17.11.2021).
4. Егор Кривошея, Павел Самиев и Константин Корищенко: «Бигтех – всему голова» // inTrend. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/bigtekhi-vsemu-golova/> (дата обращения: 17.11.2021).
5. Семёко Г.В.: «Бигтехи – новые игроки на рынке финансовых услуг» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bigtehi-novye-igroki-na-rynke-finansovyh-uslug> (дата обращения: 17.11.2021).
6. Carstens A. Big tech in finance and new challenges for public policy / SUERF. – 2019. – 12 p. – (SUERF policy note; № 54). URL: https://www.suerf.org/docx/f_ccb421d5f36c5a412816d494b15ca9f6_4287_suerf.pdf (дата обращения: 17.11.2021).
7. BigTech and the changing structure of financial intermediation / Frost J., Gambacorta L., Yi Huang, Hyun Song Shin, Zbinden P. / BIS. 2019. 45 p.

УДК 347.73

И. Д. Стрельченя

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

*Высшая школа государственного аудита
Россия, Москва*

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРАКТИК НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Аннотация. статья посвящена росту популярности тематики устойчивого развития и ESG-финансирования. Делается вывод о критической важности создания в России опережающего правового регулирования института устойчивого развития, так как, помимо очевидной полезности устойчивого развития, взрывной рост популярности данной темы порождает риски недобросовестного поведения.

Ключевые слова: экология, социальная политика, корпоративное управление, устойчивое развитие, ESG-финансирование, недобросовестные практики, Банк России.

I. D. Strelchenya

*Lomonosov Moscow State University
Higher School of State Audit*

POPULARIZING OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A FACTOR IN THE SPREAD OF UNSCRUPULOUS PRACTICES IN THE FINANCIAL MARKET

Abstract. The article is devoted to the growing popularity of the topic of sustainable development and ESG-financing. The conclusion is made about the critical importance of creating in Russia an advanced legal regulation of the institute of sustainable development, since, in addition to the obvious usefulness of sustainable development, the explosive growth in popularity of this topic generates risks of unscrupulous behavior.

Keywords: ecology, social policy, corporate governance, sustainable development, ESG-financing, unfair practices, Bank of Russia.

Учет инвесторами ESG значимой информации (сведений, связанных с тремя ESG факторами: экологическим, социальным и управленческим) при принятии инвестиционных решений прежде всего обусловлен объективными (экономическими) причинами. Все большее количество фирм и корпораций в качестве своего важного конкурентного преимущества заявляют повышенное внимание к экологическим, социальным и управленческим критериям их бизнеса и к производимым (предоставляемым) ими товарам, работам, услугам.

Между тем пристальное внимание инвесторов к ESG значимой информации также обусловлено соответствующими требованиями, предъявляемыми к бизнесу со стороны международного сообщества, национальных правительств и регуляторов финансового рынка. Не выполнение данных требований, может повлечь за собой достаточно жесткие ограничения и санкции, вплоть до запрета ведения бизнеса на территории той или иной юрисдикции.

Манипуляторы могут распространить посредством СМИ заведомо ложную позитивную ESG значимую информацию, например о скором введении в строй некоей компанией новых очистных сооружений, и тем самым поднять биржевые котировки ее акций. Или, наоборот, распространить через СМИ «fake news», касающиеся загрязнения компанией близлежащего водоема и тем самым опустить биржевые котировки ее акций.

Правовое регулирование облигаций устойчивого развития осуществляется в рамках Положения Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» [1].

С учетом отсутствия единых национальных и международных стандартов нефинансовой отчетности в настоящее время российскому бизнесу рекомендуется использовать информационное письмо Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» [3].

Кроме того, в настоящее время выпущено распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ» [2].

Стоит также обратить внимание на «Методические рекомендации по развитию инвестиционной деятельности в сфере зеленого финансирования в Российской Федерации» [4], выпущенные ВЭБ.РФ в июле 2020 года.

Таким образом, можно увидеть, что постепенно складывается комплексное регулирование института устойчивого развития, однако, представляется, что данных мер недостаточно и упущен крайне важный момент, а именно: закрепление ESG значимой информации в качестве инсайдерской. Существует множество примеров с неправомерным использованием такого рода информации, ниже приведен один из самых ярких.

В 2010 году случилась авария на принадлежащей BP нефтяной платформе Deepwater Horizon. В результате взрыва погибло 11 человек, а в Мексиканский залив вылилось около 5 миллионов баррелей нефти. Чтобы скрыть масштаб экологической катастрофы, компания BP дала комментарий для СМИ. Заявление компании BP не соответствовало действительности, поскольку реальный масштаб катастрофы был занижен как минимум в 10 раз.

В связи с этим SEC обвинила компанию в действиях по манипулированию ценными бумагами. Комиссия заключила, что публикация в СМИ ложных сведений была сделана с целью снизить убытки компании, неминуемые для нее в данной ситуации, так как падение уровня добычи нефти негативно повлияло на прибыль компании, и в целом катастрофа негативно сказалась на репутации BP.

К 2012 году после длительного расследования SEC и BP достигли соглашения, по его условиям компания BP обязалась выплатить 525 миллионов долларов США с рассрочкой платежа в 2 года.

С этой катастрофой также связан случай неправомерного использования инсайдерской информации. В 2014 году SEC предъявила обвинение бывшему сотруднику BP, который, имея в своем распоряжении непубличную информацию и нарушая обязательства перед BP и ее акционерами, в течение двух дней в конце апреля 2010 года руководил продажей портфеля ценных бумаг BP своей семье на сумму 1 миллион долларов. Эти сделки позволили его семье избежать убытков и получить прибыль, поскольку цена ценных бумаг BP упала примерно на 48 % после продаж 29 и 30 апреля 2010 года, достигнув самой низкой точки в конце июня 2010 года.

Безусловно, данная катастрофа является спонтанным событием и не отражает всех возможных случаев злоупотреблений со стороны лиц, располагающих инсайдерской информацией, однако, данный пример хорошо ложится на российскую практику: еще свежи в памяти многочисленные катастрофы на предприятиях ПАО «ГМК Норильский никель», отчасти имевшие своей природой износ производственной инфраструктуры.

Таким образом, существующий правовой механизм имеет серьезный изъян в виде отсутствия нормативного закрепления за нефинансовой информацией статуса «инсайдерской». Наделение таким статусом сведений о реализации целей устойчивого развития, а также соответствии политики компании принципам ESG не только поднимет статус такой информации как в формально-юридическом плане, так и в репутационном, но и создаст хороший задел для предупреждения потенциальных злоупотреблений на финансовом рынке.

Список литературы:

1. Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг»// Вестник Банка России, 2020, № 37–38.
2. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации»// СЗ РФ, 26.07.2021, № 30, ст. 5814.
3. Информационное письмо Банка России от 15.07.2020 № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования»// Вестник Банка России, 2020, № 54.
4. Официальный сайт государственной корпорации развития ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljonoefinansirovanie/> (Дата обращения: 13.11.2021).

УДК 347.73

Ю. И. Тимашева

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Россия, Москва

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАЦИЙ С ДЕРИВАТИВАМИ

Аннотация. В статье анализируются изменения российского правового регулирования сделок с деривативами. Основная тенденция развития российского законодательства в рассматриваемой сфере оценивается положительно, однако подчеркивается необходимость его дальнейшего уточнения и конкретизации используемой терминологии, а также важность развития смежного регулирования.

Ключевые слова: деривативы, Банк России, неквалифицированные инвесторы, нетто-обязательства, обеспечительный платеж, хеджирование.

J. I. Timasheva

Lomonosov Moscow State University
Higher School of State Audit
Russia, Moscow

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF REGULATION OF OPERATIONS WITH DERIVATIVES

Abstract. The article analyzes the changes in the Russian legal regulation of transactions with derivatives. The main trend in the development of Russian legislation in this area is assessed positively, but the need for further clarification and specification of the terminology used, as well as the importance of the development of related regulation, is emphasized.

Keywords: derivatives, Bank of Russia, unqualified investors, net liabilities, security payment, hedging.

Деривативы, появившиеся еще в XVI веке [7, С. 16] в торговых центрах Европы в целях страхования рисков, возникающих в результате изменений цен на продаваемый через определенное время урожай, со временем были значительно модифицированы и усложнены. Функции данных инструментов также были развиты: в настоящее время деривативы используются не только для страхования рисков, но и в спекулятивных целях.

Популярность деривативных инструментов растет вместе со значительным увеличением вложений в инвестиции физических лиц в последние годы. Причинами роста заинтересованности в данных инструментах является, в частности, «упрощение» совершения подобных операций ввиду развития новых информационных технологий и общая тенденция к повышению финансовой грамотности населения.

Важно, что явление цифровизации экономики оказывает влияние на динамику развития институтов финансового права в целом [11], обостряется вопрос соотношения частных и публичных интересов, некоторые ученые даже выделяют частное и публичное право финансового рынка, например, И.А. Цинделиани, С.С. Тропская [10]. Возрастающий интерес к сложным финансовым инструментам как со стороны физических лиц, так и крупных компаний, в совокупности с повышением их доступности финансовых услуг, несомненно влекут за собой потенциальные угрозы стабильности всей финансовой системы государства.

Описанная ситуация порождает необходимость разработки соответствующего правового регулирования. На данный момент законодатель стремится обезопасить потребителей финансовых услуг от неосознанного приобретения сложных финансовых инструментов посредством введения тестирования для неквалифицированных инвесторов [6, С. 22], введенного Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020

№ 306-ФЗ [2]. Федеральный закон от 11.06.2021 № 192-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» также сыграл значительную роль для защиты прав инвесторов, в частности, установив обязанность кредитных организаций предоставлять достоверную информацию о финансовом продукте и связанных с ним рисках при заключении договоров, являющихся деривативами, с физическим лицом [3]. Доводить данную информацию Банк России рекомендует адресно каждому лицу [12]. Неисполнение установленной обязанности влечет применение мер надзорного реагирования со стороны Банка России, введения ограничений на совершение подобных сделок.

Еще один аспект нового законодательного регулирования операций с деривативами отражает принятый Федеральный закон от 02.07.2021 № 353-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], установивший обязательные требования к обеспечению таких сделок в случае их заключения не на организованных торгах. Данный закон вводит вариационную маржу в форме обеспечительного платежа.

В Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [1] вводится статья 51.7, согласно которой в качестве обеспечительного платежа могут быть переданы только эмиссионные ценные бумаги российского эмитента (не подлежащие передаче по обеспечиваемому обязательству), инвестиционные паи паевого инвестиционного фонда, доверительное управление которым осуществляет российская управляющая компания, иностранные финансовые инструменты, обращение которых допускается в Российской Федерации в качестве ценных бумаг иностранных эмитентов, денежные суммы в валюте Российской Федерации или иностранной валюте.

Однако новая статья 51.8 рассматриваемого закона, устанавливающая особенности прекращения обязательств из договоров о предоставлении обеспечения без передачи права собственности на предмет обеспечения, предусматривает условия возможности погашения нетто-обязательств за счет такого обеспечения, среди которых указывается на то, что предметом обеспечения могут выступать права по договору банковского счета, ценные бумаги или иные виды имущества, предусмотренные нормативным актом Банка России. Таким образом, перечень имущества, которое может быть передано в качестве обеспечения без передачи права собственности может быть расширен Банком России.

Помимо сказанного, важно также отметить, что в предлагаемых изменениях предусмотрен термин «нетто-обязательства», используемый в законодательстве о банкротстве. Ввиду сказанного и с учетом запрета на погашение за счет обеспечения обязательств по основным сделкам, представляется необходимым внесение уточнения подлинного значения данной терминологии и возможность применения соответствующих норм о погашении нетто-обязательств независимо от банкротства одной из сторон по договору.

Важным также является принятие Указания Банка России от 16.12.2019 № 5352-У (далее – Указание) [5], устанавливающего обязанность заключения своп-договоров только с лицом, осуществляющим функции центрального контрагента, в случае, если совокупная номинальная стоимость своп-договоров на последний рабочий день каждого из трех кварталов подряд, предшествующих кварталу, в котором заключаются указанные своп-договоры, превышает 200 миллиардов рублей хотя бы для одной из сторон.

Важным является то, что при расчете объема заключенных своп-договоров для целей рассматриваемого Указания не учитываются производные финансовые инструменты, заключенные в целях хеджирования, что очень значимо с позиций разделения функций деривативов и поддержки данных инструментов для целей страхования рисков при одновременном сдерживании спекулятивных операций.

Интересно еще и то, что данное Указание также не распространяется на сделки, заключаемые внутри одной группы лиц, в связи с чем встают актуальные проблемы определения понятия термина «группа лиц» для данной ситуации.

Таким образом, общую тенденцию развития российского законодательства в сфере регулирования операций с дерива-

тивами можно оценить положительно, однако практическая реализация принимаемых норм может потребовать их дальнейшей уточнения и конкретизации. Кроме того, в целях сбалансированного урегулирования рынка деривативов, представляется необходимым модернизация смежного законодательства в сфере противодействия использованию инсайдерской информации, банковского надзора в части нормативов использования кредитными организациями капитала при хеджировании рисков с учетом развития механизмов правового регулирования операций с производными финансовыми инструментами.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ// СЗ РФ. 22.04.1996, № 17 (часть I), ст. 1918.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 306-ФЗ// СЗ РФ. 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5065.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 11.06.2021 № 192-ФЗ// СЗ РФ. 14.06.2021, № 24 (часть I), ст. 4210.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.07.2021 № 353-ФЗ// СЗ РФ. 05.07.2021, № 27 (часть I), ст. 5181.
5. Указание Банка России от 16.12.2019 № 5352-У «О случаях, когда договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, заключаются только при условии, что другой стороной по таким договорам является лицо, осуществляющее функции центрального контрагента»// Вестник Банка России, 2020, № 30.
6. Горловская И. Г. Финансовая политика в отношении категоризации инвесторов – физических лиц в России и области защиты их интересов // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 18. № 4. С. 19–36.
7. Ишханов А. В., Малахова Т. С. Регулирование рынка деривативов на современном этапе развития мировой финансовой системы // Финансы и кредит. 2011. № 17 (449). С. 16–22.
8. Крохина Ю. А. Финансовое право России: учебник – 6-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 504 с.
9. Рукавишников И. В. Финансовое право: учебное пособие – 3-е изд. – М.: НОРМА, 2021. – 640 с.
10. Тропская С. С. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики (финансово-правовой аспект). // Финансовое право. 2018, № 8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18785#08671181614413022> (дата обращения: 14.11.2021).
11. Цинделиани И. А. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: Монография. [Электронный ресурс]: ред. И. А. Цинделиани, 3-е издание, М.: Проспект, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18785#08671181614413022> (дата обращения: 14.11.2021).
12. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru> (Дата обращения: 13.11.2021).

К. Н. Цапева

Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов

ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СРОЧНЫХ СДЕЛОК

Аннотация. в статье рассматриваются некоторые правовые и практические вопросы реализации срочных сделок в налоговом праве. На основании сравнительно – правового анализа автор приходит к выводу о том, что производные финансовые инструменты как вид срочной сделки имеют свои особенности, которые необходимо учитывать при уплате налогов.

Ключевые слова: биржа, налогообложение, срочные сделки, производные финансовые инструменты.

К. N. Tsepaeva

Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

PROBLEMS OF TAXATION OF FIXED – TERM TRANSACTIONS

Abstract. the article discusses some of the legal and practical issues of the implementation of urgent transactions in tax law. Based on a comparative legal analysis, the author comes to the conclusion that derivative financial instruments as a type of forward transaction have their own characteristics that must be taken into account when paying taxes.

Keywords: exchange, taxation, futures transactions, derivative financial instruments.

С начала двадцатого века стремительно проходит процесс глобализации экономического рынка, а, следовательно, биржа и ее участники претерпевают изменения. Лица, желающие каким-либо образом вкладывать свои накопления, пользуются таким финансовым инструментом как фондовая биржа, посредством которой происходит обращение ценных бумаг, а также и производных финансовых инструментов (далее ПФИ), обеспечиваются гарантии исполнения обязательств. В настоящее время Московская биржа специализируется на торговле производными инструментами на активы.

Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» определяет понятие ПФИ [1]. Так, можно выделить значимые признаки, а именно: необходимость периодически или одновременно уплачивать денежные суммы; обязанность купить или продать ценные бумаги, валюту или товар либо заключить договор, являющийся ПФИ; обязанность одной стороны передать ценные бумаги, валюту или товар в собственность другой стороне не ранее третьего дня после дня заключения договора, обязанность другой стороны принять и оплатить указанное в договоре имущество. Данный инструмент используют для того, чтобы предугадать переменную по независящим от лица обстоятельствам, например, кризис в экономике, инфляция, для того чтобы в будущем не осуществлять свою деятельность в убыток.

Также стоит сказать о том, что этот институт наиболее сильно подчиняется и следует принципу неопределенности, под которым стоит понимать то, что все субъекты этих отношений действуют на предположениях, анализах рынка для того, чтобы удовлетворить потребность в выгоде [2, с.162].

Выделяют базовые и производные активы. К базовым относятся акции и облигации. Они являются самостоятельными продуктами, цены на них определяются рынком, а также являются независимыми переменными для тех, кто пользуется производными финансовыми инструментами. К производным видам относят форварды, фьючерсы, опционы, свопы, и цена на них прямо пропорционально зависит от изменчивости цен базового актива на рынке [3]. В данном случае финансовые операции производятся не с конкретным активом, а с документами на покупку либо же продажу дериватива. Форвард является не стандартизированным соглашением, здесь сто-

роны более свободны в выборе параметров сделки. Фьючерс – это договор на бирже купли-продажи базового актива, при заключении которого, стороны договариваются только об уровне цены и сроке поставки (поставочные). Также существуют и расчетные

фьючерсы – это расчет прибыли или убытков между участниками договора, посредством только денежного расчета в сумме разницы между ценой контракта и фактической ценой актива. Опцион – это договор, дающий его владельцу права, но не обязанность купить или продать товар, акцию по определенной цене и в определенную дату, или до ее наступления. Свop есть соглашение, позволяющее временно обменять одни активы или обязательства на другие активы или обязательства для извлечения прибыли за счет разницы в стоимости контрактов [4, с.134–287]. За 2020 год на Московской бирже зарегистрировалось около 5 миллионов частных инвесторов, что на 2,5 раза больше, чем за предыдущие года [5]. Почему произошел такой рост, и что их привлекает? Это может быть связано, в частности, с тем, что в России развивается финансовый рынок и ПФИ. Одним из видов ПФИ являются деривативы. Чем же коварны деривативы? Слово дериватив происходит от латинского слова «derivare», и означает производный. Но производный от чего? От какого-либо финансового актива, а именно: от другого продукта, от процентной ставки; индекса; курса валюты; сырьевых ресурсов, а порой, даже от погодных условий. Например, в Великобритании существует дериватив на погодные условия в аэропорту Хитроу цена контракта составляет Зтысячи фунтов стерлингов за каждый градус вне зависимости от положительности или отрицательности температуры [6, с.146].

Достаточно часто дериватив используется организациями-налогоплательщиками для оптимизации финансовой отчетности либо же для уменьшения налоговых обязательств. При подобных схемах аудиторские и налоговые органы не всегда способны отследить манипуляции со счетами, что в дальнейшем может серьезным образом повлиять как на деятельность организации. Вместе с тем для успешного использования деривативов необходимы специальные знания и навыки, незнание которых может привести к убыткам частного инвестора, организаций, так и для всей экономической системы в целом.

Следует отметить, что при использовании ПФИ субъекты правоотношений получают определенную прибыль, и в связи с этим они должны уплачивать законодательно установленные налоги [7]. Вместе с тем, участники биржи могут использовать ПФИ для ухода от уплаты налогов, а также для переноса на следующий налоговый период балансовой прибыли.

Понятие деривативы в налоговом законодательстве отличается обобщенностью и рассматривается как финансовые инструменты срочных сделок, правовое регулирование которых основывается на ст. 301–305, 326 НК РФ. [8]. Также по положениям, закрепленным в НК РФ, финансовый результат по сделкам с ПФИ исчисляется отдельно от ценных бумаг, то есть законодатель проводит разграничение между ценными бумагами и деривативами. Так, можно выделить два вида этих сделок и рассматривать: как ПФИ, либо как сделка с отсрочкой исполнения. В случаях первого подхода доход должен учитываться отдельно от основной налоговой базы и ставка составляет 20 % финансового результата. Налогоплательщик вправе самостоятельно определять сделку, условием которой предусматривают поставку актива, признавая ее операцией с ПФИ либо сделкой на поставку предмета сделки с отсрочкой исполнения. При ПФИ убытки уменьшают налоговую базу, а по сделкам с хеджированием доходы либо расходы соответственно увеличивают, либо уменьшают налоговую базу по операциям с объектом хеджирования. В сделках с отсрочкой исполнения убытки не уменьшают налогооблагаемую базу, и убытки переносятся на будущее. Также законодатель определил, что налоговая база определяется налогоплательщиком только на дату исполнения ПФИ или дату промежуточных расчетов

В связи с тем, что частный инвестор не может самостоятельно осуществлять действия на фондовом рынке, то он пользуется услугами брокера, который в свою очередь явля-

ется налоговым агентом, исчисляющим и уплачивающим налоги. За инвестором остается лишь обязанность подать налоговую декларацию на доходы физических лиц в налоговую инспекцию по месту жительства.

Не смотря на все преимущества данного правового института, приходим к выводу о том, что выделяются и недостатки системы. Например, предполагаемым рискам уделяется должного описания, что в дальнейшем влияет на возможность применения трансграничных связей. К тому же отсутствуют механизмы, которые могут гарантировать, что все субъекты выполнят свои обязательства. Также при анализе норм законодательства пришли к выводу о том, что система нормативных актов по своей сути не является сбалансированной и полностью отрегулированной, так как изменения вносятся только с обострением проблем.

Так, для более успешной деятельности данного института можно предложить нормативно закрепить на федеральном уровне правила бухгалтерского учета для повышения прозрачности сделок. Мы видим необходимость в создании новых органов регулирования данной сферы, вероятно, и с полномочиями на мировом рынке для регулирования трансграничных связей, а также с наделением их полномочиями для координации создания и исполнения поправок законодательства. К тому же можно предложить определять правовую природу и регулирование ссылаюсь к общепринятым международным методикам.

Список литературы:

1. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля г.1996 № 39-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. -22 04.1996 г. № 17 ст. 1918;
2. Рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов: //Учеб. / под ред. А.Н. Буренин: Федеративная Книготорговая Компания,1998. 352 с;
3. О видах производных финансовых инструментов: Указание Банка России от 16 Февраля .2015 г. № 3565-у // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996, № 17, ст. 1918;
4. Форвард, фьючерс, опцион, своп. Экономико-правовая квалификация: // Учеб. / под ред. Е.В. Иванова: «Ось-89», 2007. 304 с;
5. Статистическая информация о количестве инвесторов на Московской бирже за 2020 год// Официальный сайт Московской биржи. URL.: <https://www.moex.com/n32140/?nt=0>(дата обращения: 09.10.2021);
6. *Петренко Е. В.* Зачем деривативы реальной экономике? // Экономика и управление. М: Международный научный журнал «Молодой ученый», 2012. – № 10 (45). – С. 145–147;
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2021)

УДК 347.73

И. Э. Челябинов

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
Институт публичного права и управления
Россия, Москва*

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования обращения цифровых валют. В работе изучаются положения Закона № 259-ФЗ, анализируется легальная дефиниция и финансово-правовая природа «цифровой валюты», выделяются ее признаки, делаются выводы о дальнейших путях развития цифровой валюты в России. В ходе рассмотрения вопроса анализируются нормы законов и доктринальные позиций специалистов в области финансового права.

Ключевые слова: цифровая валюта, правовой регулирование, криптовалюта, средства платежа, цифровое законодательство.

I. E. Chelyabov

*Kutafin Moscow State Law University
Institute of International Law
Russia, Moscow*

LEGAL FRAMEWORK FOR DIGITAL CURRENCY IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal regulation of the circulation of digital currencies. The article examines the provisions of the Law № 259-FZ, analyzes the legal definition and the financial and legal nature of the «digital currency», highlights its features, and draws conclusions about the further development of digital currency in Russia. During the consideration of the issue, the norms of laws and doctrinal positions of specialists in the field of financial law are analyzed.

Keywords: digital currency, legal regulation, cryptocurrency, means of payment, digital legislation.

Стремительное внедрение цифровой технологий в финансовую сферу приводит к появлению на финансовом рынке новых финансовых инструментов и продуктов. Одним из таких финансовых инструментов является децентрализованная электронная валюта или цифровая валюта.

На сегодняшний день в России правовой режим цифровой валюты урегулирован Федеральным законом № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), принятым 22 июля 2020 года и вступившим в силу с 1 января 2021 года.

Закон о ЦФА определил финансово-правовую сущность цифровой валюты. В ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА содержится довольно громоздкое определение цифровой валюты. Под ней понимается совокупность электронных данных в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей, или в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует обязанное перед обладателем лицо [1]. Для понимания важно отметить, что при принятии закона под цифровой валютой законодатель имел в виду в том числе и криптовалюту. Если принять к вниманию рекомендации ФАТФ [2] и обзор по криптовалютам Банка России [3], то можно предположить, что цифровые валюты будут включать в себя виртуальные валюты (децентрализованные и централизованные) и электронные деньги.

При определении цифровой валюты законодатель использует термин «валюта». В финансовом законодательстве под валютой принято понимать денежные единицы, принятые в качестве законного средства платежа в государстве [4, С. 189]. Согласно нормам Закона о валютном регулировании (пп. «а» п. 1 ч. 1 ст. 1 и пп. «а» п. 2 ч. 1 ст. 1) [5] цифровая валюта не относится ни к валюте Российской Федерации, ни к иностранной валюте. Получается использование термина «валюта» при определении цифровой валюты условно и не означает отнесение цифровых валют к фиатным деньгам.

Несмотря на принятие Закона о ЦФА установить правовую природу цифровой валюты трудно. Закон не относит цифровую валюту к объектам гражданских прав, в том числе к цифровым правам, так как данный финансовый инструмент не поименован в ст. 128 ГК РФ [6]. Вместе с тем в ряде случаев, согласно Закону, о ЦФА цифровая валюта признается имуществом. Цифровая валюта не относится к деньгам, поскольку не указана в ст. 140 ГК РФ и не соответствует ст. 27 Закона о Центральном банке РФ [7], в соответствии с которым официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль. Ее нельзя отнести к бездокументарным ценным бумагам, так как в отечественном законодательстве закреплен закрытый перечень ценных бумаг. Согласно ч. 11 ст. 1 Закона о ЦФА цифровые валюты не являются безналичными или электронными денежными средствами, а также не относятся к бездокументарным ценным бумагам. На основании выше написанного можно сделать вывод, что по своей финансово-правовой природе цифровая валюта является нефинансовым цифровым денежным знаком, используемым на финансовом рынке.

Дефиниция цифровой валюты содержит ряд ее признаков. Такой признак цифровой валюты как совокупность электронных данных (цифровой код или обозначения) объясняет ее технологическую суть. Криптовалюта является цифровой записью, не имеющей овеществленного выражения. Данный финансовый инструмент представляет собой цифровой символ, основанный на использовании технологии распределенного реестра. В дефиниции не упомянуто технология распределенных реестров, следовательно, не ясно будет ли по отношению к цифровым валютам применяться криптография.

Из определения следует, что цифровая валюта не является ни российской, ни иностранной, ни международной денежной единицей. Это означает, что цифровая валюта не является законным платежным средством. Она выражена в особых денежных единицах и относится к частным деньгам. Данное положение позволяет разграничить частные цифровые валюты и цифровые валюты центральных банков, которые представляют собой государственные деньги (например, цифровой рубль).

Закон наделил цифровую валюту функцией денег, определив, что ее можно использовать в качестве средства платежа. Однако, вместе с тем согласно п. 5 ст. 14 Закона о ЦФА цифровую валюту нельзя принимать в качестве встречного предоставления за передаваемые товары и оказываемые услуги. В доктрине финансового права считается, что «как средство платежа деньги функционируют при совершении платежей вне сферы товарооборота. Эта функция проявляется в ситуациях, когда передача денег непосредственно не связана с обращением товаров, работ и услуг» [8, С. 37]. Если исходить из такого подхода к пониманию «средств платежа», то запрет на использование криптовалюты в сфере товарооборота логичен.

Цифровая валюта может выполнять функцию средства накопления. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» широко определяет инвестиции и позволяет использовать цифровую валюту в качестве капитала для вложений в объективную действительность.

Такой признак как отсутствие обязанных лиц перед обладателями цифровых валют ограничивает защиту прав участников операций с цифровыми валютами. Данный признак указывает на отсутствие централизованного эмитента, и на то, что лица не несут юридической ответственности перед держателями цифровых записей [9, С. 107]. Тот факт, что обладатель цифровой валюты не получает вместе с ней обязательств со стороны третьих лиц, позволяет отличить цифровую валюту от цифровых прав. В качестве исключения, обязанность перед обладателем электронных данных возникает только у оператора и (или) узлов информационной системы, которые осуществляют функции по техническому сопровождению обращения цифровых валют.

Поднимая вопрос о соотношении понятий «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», следует указать на то, что Закон о ЦФА проводит четкое разделение между

ними. Данные понятия имеют различную правовую природу: цифровая валюта представляет электронные данные, а цифровые финансовые активы являются цифровыми правами.

Таким образом, Закон о ЦФА впервые в российском законодательстве закрепил легальную дефиницию цифровой валюты и определил ее особую двойственную правовую природу. В значении средства платежа цифровая валюта регулируется национальным финансовым законодательством, а в значении имущества – гражданским правом. Интересно, что в законе цифровая валюта характеризуется как средство платежа, при этом ее использование в качестве средства платежа за товары, работы и услуги запрещено. Закон имеет фундаментальное значение, поскольку он впервые на законодательном уровне закрепил нормы, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в процессе обращения цифровых валют. Вместе с тем необходимо признать, что принятие Закона о ЦФА не привело к созданию полноценной системы правового регулирования обращения цифровых валют. Потребуется создание ряда дополнительных норм права, так как институт цифровых валют требует комплексного правового регулирования.

Цифровые валюты и связанные с ними финансовые инструменты могут способствовать развитию финансовых инноваций, повышению результативности финансовых рынков, что, в свою очередь, должно привести к улучшению доступности финансовых услуг. Поэтому важно продолжать гармоничное законодательное регулирование новых цифровых финансовых инструментов.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», № 173, 06.08.2020.
2. Virtual Currencies – Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/virtual-currency-definitions-aml-cft-risk.html> (дата обращения 06.07.2021).
3. «Обзор по криптовалютам, ICO (INITIAL COIN OFFERING) и подходам к их регулированию» // Банк России, декабрь 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf (дата доступа 06.07.2021).
4. Быля А.Б. К вопросу об использовании криптовалют в Российской Федерации. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020; (9). С. 187–197.
5. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // «Российская газета», № 253, 17.12.2003.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.
7. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Российская газета», № 127, 13.07.2002.
8. Кучеров И.И. Право денежного обращения: курс лекций / И.И. Кучеров. Москва: Магистр: ИФРА-М, 2013. 252с.
9. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103–113.

Д. К. Шабес

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается финансово-правовая деятельность муниципальных образований в Российской Федерации. На основе бюджета города Волгограда на 2021 год анализируется вопрос о реальной самостоятельности муниципальных образований. Автор приходит к выводу, что органы местного самоуправления на данный момент не обладают достаточным кругом возможностей в финансовой сфере.

Ключевые слова: местное самоуправление, финансовая деятельность, местный бюджет, финансовая система РФ, налог.

D. K. Shabes

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

TO MATTER OF FINANCIAL ACTIVITY OF MUNICIPALITIES

Abstract. The article discusses the financial and legal activities of local government bodies in the Russian Federation. Based on the Budget of the city of Volgograd for 2021, the question of the real independence of municipalities is analyzed. The author comes to the conclusion that local governments currently do not have a sufficient range of opportunities in the financial sphere.

Keywords: local self-government, financial activity, local budget, financial system of the Russian Federation, tax.

В соответствии со ст. 12 Конституции РФ местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [1]. Следовательно, признаётся автономность муниципалитетов и их деятельности. Для полного обеспечения их обособленности им необходимы их собственные финансовые средства для выполнения своих задач, и, вступая в правоотношения по поводу финансов, они, соответственно, осуществляют финансовую деятельность.

Финансы в материальном аспекте – это денежные фонды, используемые для удовлетворения социально-экономических потребностей муниципальных образований и необходимые для деятельности их органов власти и должностных лиц. К компетенции местных органов власти относится решение многих жизненно важных вопросов: например, социальная защита населения, постоянный контроль и оценка качества жилья, здравоохранения, образования, транспорта, коммунального хозяйства, экологии. На всё это требуются немалые средства, поэтому для финансирования данных расходов муниципалитетам необходимо иметь оптимальное количество доходных источников местных денежных фондов.

Но кроме наличия собственно достаточных финансовых ресурсов не менее важно подобрать эффективные методы управления ими с учётом особенностей каждого муниципального образования. Профессор Шуплецов А. Ф. предлагает классифицировать все возможные методы в зависимости от: уровня формирования (федеральные и региональные методы); формы влияния (прямые и косвенные); содержания метода (административные, экономические,

институциональные); значимости и срочности (проблемно-ориентированные, стратегически ориентированные); масштаба воздействия (точечные и комплексные) [2, с. 290]. Органы местного самоуправления должны подбирать наиболее оптимальные из предложенных виды воздействия на имеющиеся в их распоряжении денежные фонды, чтобы обеспечивать их рациональное формирование, распределение и использование.

Стоит отметить, что муниципальная форма собственности закреплена в Конституции Российской Федерации, а значит,

имеет конституционные гарантии, которые предполагают, что и государство заинтересовано в поддержании необходимых финансово-экономических и нормативно-правовых условий для эффективного развития местного самоуправления [3, С. 171].

Управление финансами можно назвать эффективным, если органы власти с помощью денежных фондов решают задачи социально-экономического развития таким образом, при котором наибольший объём потребностей удовлетворяется путём наименьших затрат. Для этого необходимо грамотное планирование, осуществляют которое специализированные органы местного самоуправления. Например, в городе Волгограде таковым является департамент финансов администрации Волгограда. Его главными функциями являются проведение единой финансово-бюджетной политики в Волгограде, а также формирование и исполнение бюджета города [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 52 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет (местный бюджет)» [5]. В состав финансов местного самоуправления включаются: местные бюджеты, система местных займов, местные внебюджетные фонды и т.д. [6, С. 19]. Таким образом, основу муниципальных финансов составляет бюджет, поэтому его анализ позволит проследить, насколько рационально осуществляется функция распределения финансов в Волгограде.

В соответствии с решением Волгоградской городской Думы от 22 декабря 2020 года № 38/640 «О бюджете Волгограда на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», доходная и расходная части бюджета города равны друг другу и составляют 23 783 200 руб. При этом на физическую культуру и спорт приходится 1,7 % расходов, на культуру и кинематографию – так же 1,7 %, на социальную политику – 4 %, на сферу жилищно-коммунального хозяйства – 17,6 %, а на общегосударственные расходы – 8,7 % [7, С. 16]. Причём наблюдается тенденция ежегодного увеличения суммы денежных средств, направляемых на решение вопросов государственной важности, и, напротив, уменьшения финансирования социальной сферы, то есть, происходит так называемое «огосударствление» местного самоуправления в финансовой деятельности [8, С. 29]. Однако централизованные финансы, к которым и относится бюджет, должны в первую очередь использоваться для удовлетворения нужд населения соответствующей территории. Конечно, муниципальные образования не могут быть абсолютно отрешёнными от проблем государства, но главная цель выделения их в качестве отдельного управленческого звена – это как раз максимальное приближение власти к населению для того, чтобы увидеть реальные его потребности изнутри и выработать наиболее эффективные способы их решения. Для этого муниципальные образования и наделены собственными финансами, которые представляется необходимым использовать в целях решения социальных задач.

Между тем, согласно данным Министерства финансов России, почти половину (46 %) в доходной части местных бюджетов составляют межбюджетные трансферты, перечисляемые муниципалитетам субъектами РФ и самой РФ (за исключением субвенций, которые идут на осуществление переданных государственных полномочий и не служат решению вопросов местного значения) [9], а основным бюджетообразующим налогом для них является налог на доходы физических лиц (далее НДФЛ), то есть один из федеральных обязательных платежей, лишь часть из которых отчисляется в местные бюджеты [10]. Так, к примеру, в соответствии с решением

Волгоградской городской Думы от 22 декабря 2020 года № 38/640 «О бюджете Волгограда на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов, доля данного налога в структуре собственных доходов города составляет 47,8 %, что делает местное самоуправление зависимым от государства. Внимание привлекает и тот факт, что доля местных налогов (земельный и налог на имущество физических лиц), в 100 % размере поступающих в местный бюджет, в доходах Волгограда составляет всего лишь 19,3 % [7, С. 6]. Тесная связь государства и муниципалитетов в финансовой деятельности не всегда положительно отражается на принятии решений муниципальному значению, вследствие чего утрачивается сам смысл существования и деятельности этого властного института.

Можно предположить, что, если бы в местные бюджеты зачислялись хотя бы частично еще и такие обязательные платежи, как налог на прибыль организаций и транспортный налог, это бы послужило стимулом для местных органов власти к развитию и расширению производства на территории собственных муниципальных образований, что, в свою очередь, положительно бы повлияло на экономику нашей страны в целом.

Исходя из вышесказанного, в настоящее время органы местного самоуправления всё же не обладают достаточным кругом возможностей в финансовой деятельности, что не позволяет им полноценно выполнять функции, для которых и создан первичный уровень организации публичной власти. Таким образом, на данном этапе развития финансовой системы финансовые возможности муниципалитетов несоизмеримы их обязанностям, установленным Конституцией Российской Федерации и законодательством.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Шуплецов А. Ф. Роль муниципальной экономики в обеспечении социально-бытовых потребностей населения // Baikal Research Journal. 2010. № 4. С. 290.
3. Исаяев Ш. К. Особенности построения и использования бюджета муниципальных образований // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 3 (29). С. 171.
4. Об определении органа местного самоуправления, уполномоченного на осуществление контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд Волгограда, об утверждении положения о департаменте финансов администрации Волгограда : Решение Волгоградской городской Думы Волгоградской области от 24 июня 2015 г. № 31/971 // Городские вести. Царицын – Сталинград – Волгоград. 2015. № 65.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. 2003. № 202.
6. Исакова Н. Ю. Финансы и финансовая система государства: учеб. пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 19.
7. О бюджете Волгограда на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов (с изменениями на 30 июня 2021 года) : Решение Волгоградской городской Думы Волгоградской области // Официальный сайт Волгоградской городской Думы Волгоградской области. С. 6, 16. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571063053?section=status> (дата обращения: 22.10.2021).
8. Свищева В. А. Муниципальные финансы: современные проблемы и альтернативы // Власть. 2013. № 10. С. 29.
9. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации за 2019 год // Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/document/> (дата обращения: 15.10.2021).
10. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. № 153–154.

УДК 347.73

А. А. Шакиров, Д. С. Коротков

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ МАЙНИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье на основе законодательства и юридической литературы анализируются проблемы законодательного урегулирования майнинговой деятельности в Российской Федерации, приводятся возможные меры по её контролю и регулированию правовыми средствами.

Ключевые слова: майнинг, криптовалюта, цифровые финансовые активы, законодательное урегулирование, меры контроля.

A. A. Shakirov, D. S. Korotkov

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PROBLEM OF LEGISLATIVE REGULATION OF MINING ACTIVITIES

Abstract. This article analyzes the problems of legislative regulation of mining activity in the Russian Federation on the basis of legislation and legal literature, provides possible measures for its control and regulation by legal means.

Keywords: mining, cryptocurrency, digital financial assets, legislative regulation, control measures.

В современном мире криптовалюты играют огромную роль в функционировании мировых финансовых и экономических систем, превратившись из интересной технологии в инструмент мирового масштаба.

Рост популярности криптовалюты одновременно стал толчком развития и распространения майнинга в мире. Данный процесс не обошёл стороной и Россию. По оценкам РАКИБ, около 8 млн граждан в стране задействованы в области криптоиндустрии в качестве владельцев криптовалюты или участников её майнинга [1]. Однако, несмотря на популяризацию майнинга, в российском правовом поле его правовой статус остаётся неопределённым. Ни один из действующих законодательных актов не регламентирует деятельность майнеров, а понятия «майнинг», «майнер» юридически не зафиксированы.

В 2018 году законодателем была совершена попытка урегулировать данную сферу путём разработки законопроекта № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» [2]. В данном проекте федерального закона вводились основные понятия: «майнинг», «майнер». Однако, законопроект, внесённый на рассмотрение в Государственную Думу, был возвращён субъекту права законодательной инициативы в связи с несоблюдением требований ч. 3 ст. 104 Конституции Российской Федерации и ст. 105 Регламента Государственной Думы.

1 января 2021 года вступил в силу Федеральный Закон «О цифровых финансовых активах» [3], который определил юридические свойства и границы безопасного использования криптовалюты в России. В законе понятие «криптовалюта» заменено термином «цифровая валюта» и определяется как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных».

Согласно федеральному закону криптовалюта признается имуществом, разрешается её приобретение, хранение и продажа, однако устанавливается запрет на использование для оплаты товаров, работ и услуг, а также на распространение

сведений о возможности расчёта цифровой валютой. При этом факт владения цифровой валюты, в том числе и сделки с ней, необходимо декларировать в ФНС, что является обязательным условием судебной защиты. Одновременно с этим закон частично урегулировал и налогообложение криптовалюты. Поскольку цифровая валюта приравнивается к имуществу, она подлежит налогообложению на тех же условиях. В связи с этим, доход от продажи криптовалюты подлежит обложению НДФЛ со ставкой налога 13 %, а со следующего года 15 %, если доходы превысят 5 млн рублей.

Стоит отметить, что в данный момент Государственной Думой рассматривается предложенный Минфином проект о изменении налогового законодательства. В отличие от ФЗ № 259, в котором информирование о владении криптовалютой является правом, текущий законопроект предлагает установить обязанность владельцев криптоактивов представлять отчёты о сделках, если сумма операций превышает 600 тыс. руб. При этом за непредставление сведений в налоговый орган законопроект предусматривает штраф в размере 50 тыс. руб., за предоставление недостоверных сведений – штраф в размере 10 % от суммы поступления или суммы списания криптовалюты, а непредставление налогоплательщиком в налоговый орган более 2-х раз в течение 3-х лет указанных данных предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 3 лет [4]. Несмотря на отрицательную оценку президентского совета по кодификации и замечания от правового управления, комитетов по бюджету и законодательству Госдумы, а также активной критики участников криптоиндустрии, законопроект был принят Государственной Думой во втором чтении [5].

Большую правовую неопределённость в области правового регулирования криптовалюты создаёт отнесение федеральным законом «О цифровых финансовых активах» цифровой валюты к имуществу. Цифровая валюта прямо цифровым правом в законе не названа и рассматривается как разновидность средства платежа, имеющая ограничения в использовании. Данные признаки цифровой валюты отличают её от «простого» имущества и указывают на то, что она представляет собой особый объект гражданского права. В Гражданском Кодексе «цифровая валюта» никак не регламентирована, что, прежде всего, нарушает положение статьи 3 ГК РФ, согласно которой «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу» [6]. Кроме того, отсутствие в ФЗ № 259 круга объектов, которые могут быть отнесены к категории «цифровая валюта», их соотношения с закреплёнными в ГК РФ категориями «цифровых прав», «денег» создаёт определённые проблемы в правоприменительной практике.

Несмотря на то, что ФЗ «О цифровых финансовых активах» не закрепляет понятия «майнинга», он фактически разрешает осуществление майнинг-деятельности на территории России, что вытекает из положений данного закона. По нашему мнению, данную отрасль необходимо законодательно урегулировать в ближайшее время, так как майнеры, занимаясь не запрещённой деятельностью, вместе с тем могут нарушать законодательство Российской Федерации. Ряд вопросов требуют правового регулирования, в частности, законодатель не установил каких-то конкретных мер в области контроля майнерской деятельности, тем самым, создавая для майнеров лазейки для обхода налогового законодательства. В связи с этим, на наш взгляд, для предотвращения возможных правовых неясностей и правонарушений в этой отрасли, необходимо произвести определённые поправки в законодательстве:

1. Необходимо разработать законодательное определение майнинга как «предпринимательская деятельность по поддержанию распределённой платформы и созданию новых блоков в цепочке блоков с возможностью получить вознаграждение в форме новых единиц и комиссионных сборов в различных криптовалютах».

2. Майнинг следует включить в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности для сбора и обработки статистики по деятельности майнеров. Привязка деятельности майнеров к определённому коду при государственной регистрации (об этом ниже) должна быть обязательной.

3. Необходимо ввести обязательную государственную регистрацию майнинга в качестве ИП или ООО, в случае её отсутствия, виновные лица могут быть привлечены к административной и уголовной ответственности по ст.177 (незаконная предпринимательская деятельность).

4. Создать реестр генераторов криптовалюты – майнеров, что позволит повысить уровень безопасности при осуществлении операций с цифровыми финансовыми активами и обеспечит переход деятельности майнеров в правовое поле.

5. В связи с ростом популярности майнинга, современный мир столкнулся с дефицитом определённого оборудования (процессоры, графические ускорители) [7], в связи с чем некоторые производители попытались на программном уровне заблокировать майнинг на определённых устройствах и выпустили линейку оборудования специально для майнинга криптовалют [8]. На мой взгляд, Росстандарт должен произвести сертификацию данной продукции и создать список оборудования, разрешённого для майнинга, а майнеры, соответственно, обязаны пользоваться только данной продукцией, что позволит обеспечивать дополнительный контроль за их деятельностью.

6. С целью предупреждения правонарушений в данной области мы также предлагаем разработать рекомендации контрольным органам по выявлению незаконного майнинга. В качестве таких рекомендаций можно выделить, например, контроль счетов за электроэнергию, купли-продажи специфического оборудования и др.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в целом майнинг криптовалюты в настоящий момент полностью юридически не урегулирован. Законодатель, приняв ФЗ «О цифровых финансовых активах», заложил основы развития данной отрасли в России, однако майнинг-деятельность до сих пор представляет собой огромную правовую бездну, в которой существует множество лазеек для обхода законодательства. Их следует ликвидировать, чтобы «уничтожить» правовую неопределённость в данной отрасли. Если мы сможем это сделать, то майнинг-деятельность, по словам докторов юридических наук О.А. Городова и М.А. Егоровой [9, С.7], будет способствовать развитию цифровой экономики.

Список литературы:

1. Фариди О. Государственный биткойн-майнинг в России. URL: <https://www.crowdfundinsider.com/2020/11/169683-russias-bitcoin-mining-facilities-are-mostly-in-siberia-energy-surplus-allows-btc-miners-to-secure-competitive-electricity-rates-report/> (дата обращения 11.11.2021).
2. О системе распределённого национального майнинга: Проект Федерального закона № 373645-7 (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст на 25.01.2018).
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // «Собрание законодательства РФ» 03.08.2020, № 31 (часть 1), ст.5018.
4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения цифровой валюты): Законопроект № 1065710-7.
5. Смородская П. Л. Гражданам вменяют криптовалюту: Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4760977> (дата обращения 11.11.2021).
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 26.10.2021) // СПС КонсультантПлюс.
7. Майнеры раскупили все видеокарты: сколько продлится дефицит на рынке видеокарт? URL: <https://yandex.ru/turbo/mining-cryptocurrency.ru/s/deficit-videokart-2021/> (дата обращения 11.11.2021).
8. Nvidia выпустит специализированные майнинг-карты CMP, а на RTX 3060 понизит хэшрейт Ethereum в два раза. URL: <https://habr.com/ru/news/t/543148/> (дата обращения 11.11.2021).
9. Городов О.А., Егорова М.А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 6–13. (дата обращения 11.11.2021).

В. В. Яценко

*Саратовская государственная юридическая академия
Межрегиональный юридический институт
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО

Аннотация. В статье рассматривается развивающийся институт защиты прав потребителей финансовых услуг. Проводится анализ Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Выявляются вопросы, которые фактически препятствуют надлежащему процессу защиты прав потребителей.

Ключевые слова: финансовые услуги, потребители финансовых услуг, защита прав потребителей финансовых услуг, финансовый уполномоченный, финансовый омбудсмен, правовой статус финансового уполномоченного.

V. V. Yatsenko

*Saratov State Law Academy
Interregional Law Institute
Russia, Saratov*

TO THE QUESTION ABOUT THE LEGAL STATUS OF THE FINANCIAL OFFICER

Abstract. The article examines the developing institution of protection of the rights of consumers of financial services. The analysis of the Federal Law "On the Ombudsman for the Rights of Consumers of Financial Services" is carried out. Issues that actually impede proper consumer protection process are identified.

Keywords: financial services, consumers of financial services, protection of the rights of consumers of financial services, financial ombudsman, financial ombudsman, legal status of a financial ombudsman.

Актуальность темы статьи обусловлена развитием области финансовых услуг в Российской Федерации, активным ростом числа их потребителей и необходимостью механизма защиты их прав в этой сфере. Долгое время правовые средства защиты интересов потребителей финансовых услуг находились в стадии становления, однако с недавнего времени в российском законодательстве закреплён институт досудебного урегулирования споров между физическими лицами-потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями институт финансового уполномоченного (омбудсмена)».

Досудебное урегулирование споров в последнее время приобретает все большее значение в Российской Федерации на фоне постоянно растущего числа гражданских дел находящихся на рассмотрении судов и дел, получивших решение. В связи с этим законодатель пытается реформировать существующее разрешение конфликтов, обновлением применения внесудебных процедур. Один из значимых законодательных недостатков является принятие Закона о финансовом уполномоченном. Справедливо заметить, «текст этого закона вызывает много вопросов и сомнений» [1, С. 230].

Закон о финансовом уполномоченном, введенный в правовое поле Российской Федерации, модифицировал институт досудебной урегулирования споров между финансовой организацией и потребителем финансовых услуг. Это хорошо видно на примере автострахования. После появления страхового случая, потребитель финансовой услуги должен обратиться в страховую компанию с запросом на страховое возмещение. Если финансовое учреждение отказывается удовлетворить эти требования, или финансовый потребитель услуги не получает ответа на свое обращение в установленный законом срок, потребитель должен отправить претензию в финансовое учреждение, которую страховая компания должна рассмотреть и отправить аргументированный ответ. Только после этого потребитель обязан обратиться к финансовому представителю с заявлением, содержащим просьбу об удовлетворении имущественных требований, представленных финансовой орга-

низацией, оказывающей потребителю финансовые услуги. Согласно ранее существовавшим правовым требованиям, потребителю было достаточно обратиться в суд, чтобы получить «отклоненный» ответ от страховой компании или дождаться истечения установленного законом срока для получения ответа на свое обращение.

Таким образом, с принятием Закона сущность свободы потребителя финансовых услуг, которая заключается в праве выбора собственной концепции действий, сводится к минимуму, поскольку для урегулирования спора путем обращения к финансовому уполномоченному представителю необходимо пройти внесудебную процедуру. Несоблюдение этого порядка влечет за потребителем при осуществлении судебной защиты право на «Неблагоприятные» процессуальные последствия: возврат или оставление претензии без рассмотрения [2, С. 4532]

Федеральный законодательный орган предусмотрел поэтапное вступление в силу Закона об уполномоченном по финансовым вопросам. Таким образом, с 1 июня 2019 года этот правовой акт распространялся на рынок страхования автомобилей, с 28 ноября 2019 года – на страховые компании в целом: исключение составили страховые компании, которые обеспечивают обязательное медицинское страхование; на организации микрофинансирования действие закона распространяется с 1 января 2019 года; 2020 год и с 1 января 2021 года – юридические отношения с кредитными организациями, потребительскими кредитными кооперативами, частными пенсионными фондами и ломбардами.

Существуют различные мнения относительно эффективности и позитивных (негативных) последствий введения института финансового омбудсмена. Таким образом, был отмечен позитивный аспект деятельности омбудсмена, выражающийся в способности страховщика потребителей обращаться к уполномоченному лицу на досудебной стадии разрешения спора с указанием характера и размера «желаемого» возмещения и удовлетворения имущественных претензий [3, С. 90]. Другим положительным аспектом является то, что процедура разрешения спора омбудсменом на досудебной стадии позволяет потребителю получить по судебному разбирательству, самое быстрое решение, которое должно быть исполнено финансовым учреждением [4, С.60]. В то же время отмечается, что «из новой процедуры урегулирования споров с участием финансового уполномоченного представителя следует, что законодатель увеличил число письменных апелляций и досудебных исков, то что застрахованное лицо должно написать об этом до того, как его спор может быть рассмотрен по существу в суде, и о сроках увеличения, в течение которых страховая организация и финансовый уполномоченный будут рассматривать спор застрахованного лица относительно размера произведенного страхового платежа. Воронов А. Ф. [5, С.135] справедливо отметил, что если уполномоченный представитель по правам потребителей финансовых услуг наделен квазисудебными функциями, то что мешает наделить аналогичными функциями (путем создания соответствующих законов) например, уполномоченного представителя по правам потребителей услуг, по правам потребителей государственных услуг, по защите прав определенных категорий граждан, различных уполномоченных, обязывающих каждого, кто нуждается в судебной защите, связаться с ними для разрешения спора по существу? В таком случае можно надеяться значительное сокращение нагрузки судей. Но будет ли при этом считаться одной из основных гарантий гражданина: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [6, С.142]. В доктрине отмечается: 1) наиболее подробное регулирование внесудебного урегулирования споров с участием потребителей в местных актах специальных учреждений, оказывающих поддержку потребителям [7, С. 117]; 2) невозможность архаичности правовых инструментов в контексте оцифровки общества [8, С.470]; 3) необходимость конкретизированного содержания государственных правил в контексте их оцифровки [9, С.240].

Подытожив выше сказанное, можно отметить, что в связи с нормативным регулированием деятельности финансового омбудсмена возникает ряд вопросов, которые фактически препятствуют надлежащему процессу защиты прав потребителей.

Список литературы:

1. *Князев Д.В.* Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг: некоторые проблемы правового регулирования // Вестник Томского университета. 2019. № 449. С. 228–234.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание Законодательства РФ. -23.10.2002. -№ 46. – ст. 4532.
3. *Овчинникова О.В.* Оценка оснований возмещения судебных расходов // Южно-Уральский юридический журнал. 2014. № 1. С. 1–158.
4. *Вишневецкий А.А.* Финансовый уполномоченный vs финансовый омбудсмен: об эффективности институтов защиты прав потребителей финансовых услуг // Закон. 2018. № 9. С. 58–65.
5. *Воронов А.Ф.* Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг и доступность правосудия: это только начало // Закон. 2018. № 12. С.135.
6. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Ст. 8. – Ст. 142.
7. *Резник Р.С.* Альтернативные способы разрешения международных споров из договоров с участием потребителя // Национально исследовательский университет. Высшая школа экономики. 2017. № 1. С. 111–121.
8. *Валеев Д.Х., Нуриев А.Г.* Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. 2019. № 46. С. 467–489.
9. *Чернышева А.М., Калыгина В.В.* Развитие цифровизации регионов Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2019. № 33 (4). С. 235–238.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 34.07

А. Д. Егорова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КОДИФИКАЦИИ СПОРТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос целесообразности разработки кодифицированного спортивного акта. На основании анализа зарубежного опыта кодификации, существующих результатов систематизации спортивного законодательства и специфики правового развития России, автор приходит к выводу, что наиболее результативным вариантом модернизации спортивного законодательства выступает кодификация.

Ключевые слова: спортивное право России, кодификация, Спортивный кодекс, физическая культура, спорт.

A. D. Egorova

*Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov*

ON THE QUESTION OF THE EXPEDIENCY OF CODIFICATION SPORTS LEGISLATION

Abstract. In article discusses the feasibility of developing a codified sports act. Based on the analysis of the foreign experience of codification, the existing results of the systematization of sports legislation and the specifics of the legal development of Russia, the author comes to the conclusion that the most effective option for the modernization of sports legislation is codification.

Keywords: sports law of Russia, codification, Sports Code, physical culture, sport.

Среди многообразия культурных ценностей современного общества все большее значение приобретает спорт. Его значение как одного из факторов адаптации и самовоспитания человека стало достаточно велико, чтобы вопросы развития спорта и физической культуры стали одними из приоритетных задач политики многих социальных государств. В их число входит и Российская Федерация, несмотря на то что, по мнению некоторых исследователей, по сравнению со многими иностранными государствами в плане правотворчества Россия является более слабым государством [1, С. 5–7]. Длительное время в научной юридической литературе ведутся споры по поводу роли спортивного права в российской правовой системе, потребности его кодифицированного законодательного закрепления. Неоднократно указывалось на несоответствие динамичного развития спортивных отношений существующему нормативно-регулирующему в данной сфере. В настоящий момент все более очевидным становится наличие определенных юридических проблем в данной области.

Цель настоящей работы – выявление необходимости проведения кодификации законодательства в соответствующей сфере. В соответствии с этим, важно проанализировать существующее законодательство в области правового регулирования спортивных отношений в России, изучить различные точки зрения исследователей-юристов и оценить перспективы подобной кодификации.

Так, существующая на данный момент нормативная основа спортивного права состоит из нескольких разновидностей источников. В первую очередь это Конституция Российской Федерации, в частности часть 2 статьи 41 и пункт «е» части 1 статьи 72, которые являются первоисточником для всего законодательного регулирования спортивных отношений. Однако после Основного закона фундаментальную основу закладывает уже Федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ

«О физической культуре и спорте в Российской Федерации», регламентирующий основные вопросы в указанной области. Согласно статье четвертой данного закона, иные нормативно-правовые акты не могут ему противоречить, что указывает на особый статус данного акта среди прочих, регулирующих отношения в области спорта. Помимо национального законодательства отдельным источником права могут считаться и положения международных договоров Российской Федерации. Они могут быть как двусторонними, например, Соглашение между правительствами Российской Федерации и Туркменистана о сотрудничестве в области спорта, так и многосторонними – Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте. Но, несмотря на это, нельзя отрицать, что спортивные отношения в большей мере косвенно регулируются иными отраслями законодательства. Это объясняется тем, что предмет спортивного права составляют не только спортивные, но и сопряженные с ними отношения [2, С. 174–181].

Открытым остается вопрос о том, является ли данный объем правового регулирования достаточным и эффективными и, соответственно, насущна ли в современных условиях проблема кодификации. Рассмотрим его подробнее.

С одной стороны, ключевой законодательный акт – Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» – довольно подробно излагает основные аспекты спорта и физической культуры, определяет основные принципы законодательства, дает определения основным понятиям, очерчивает круг субъектов и объектов данных отношений, регламентирует полномочия государственных и иных органов. Его основополагающие положения в большинстве случаев носят декларативный или дефинитивный характер и могут быть дополнены иными нормативно-правовыми актами различных сфер действия в тех случаях, когда возникает необходимость более детального правового освещения отдельных аспектов регулирования спорта.

Однако, с другой стороны, большое количество разрозненных нормативно-правовых актов может создать путаницу в национальной правовой системе. В отдельных монографических исследованиях, например, Соловьева А.А. [3, С.104], касающихся этого вопроса, также можно заметить указание на большое количество недостатков правового регулирования отношений в области спортивных отношений, кризисное состояние в данной сфере. В литературе отмечается также и отсутствие надлежащей системности законодательства о спорте, наличие не объединенных едиными принципами правового регулирования нормативных актов [4, С. 7–8].

Следовательно, в качестве ключевой проблемы в сфере правового регулирования спортивных отношений, касающихся как массового, так и профессионального спорта, можно выделить проблему отсутствия комплексного и систематизированного законодательства для данной отрасли права.

Многие исследователи видят решение данной проблемы в принятии самостоятельного кодифицированного акта – Спортивного кодекса Российской Федерации. В определенной степени данный вывод можно считать целесообразным.

Несмотря на то, что самостоятельность отрасли спортивного права поддерживается не всеми учеными в области юриспруденции, в последние десятилетия ей уделяется повышенное внимание законодателя. Исходя из этого, становится очевидной важность систематизации спортивного законодательства. Стоит отметить то, что одним из важнейших видов систематизации для государств континентальной правовой семьи, к которым без всяких сомнений относится и Россия, выступает кодификация, то есть создание нового нормативно-правового акта путем переработки законодательства.

В пользу кодификации есть несколько аргументов. Так, Круглов В.В. отмечает, что достигнут предел систематизации спортивного законодательства путем консолидации и совершенствование данным образом более не представляется возможным, так как конечный результат консолидации спортивного законодательства в России уже представлен разработкой и принятием Федерального закона «О физической культуре и спорте». Автор

также отмечает, что «значительный массив спортивно-правовых норм содержится в других законах, включая кодифицированные нормативные правовые акты, относящиеся к другим отраслям» [5, С. 165–176]. Нельзя не согласиться с данным выводом, действительно практика отечественного законодательства демонстрирует, что бесконечное применение консолидации невозможно, необходимо применение иных видов систематизации.

Однако отмечалось и то, что Федеральный закон «О физической культуре и спорте» мог бы выступить фундаментом для будущего Спортивного кодекса. Это означает наличие базы для проведения кодификации [6, С. 231–233].

В качестве одного из аргументов некоторые исследователи приводят кодификацию спортивного права, проведенную в зарубежных странах. Так, например, кодексы, в которых регулируются спортивные правоотношения, представлены Спортивным кодексом Франции, Бразильским кодексом спортивной юстиции, Бразильским кодексом профессиональной этики в сфере физического воспитания, Итальянским кодексом Высшего суда спортивной юстиции. Зачастую повышенный интерес уделяется французскому опыту. Так, Соловьев А.А. после анализа различных мнений французских экспертов приходит к выводу, что «Спортивный кодекс Франции обеспечил существенный импульс развитию французского спорта и создал реальные условия для эффективной борьбы с коррупцией и иными видами преступлений в спорте» [7, С.31]. Можно сделать вывод, что опыт одной из наиболее развитых стран континентальной системы права демонстрирует положительный эффект, произведенный кодификацией спортивного законодательства. Следовательно, это доказывает, что принятие Спортивного кодекса может благотворно повлиять на регулирование профессионального и массового спорта, на развитие национальной системы права, повысить правовую культуру населения.

Стоит отметить, что кодекс решит проблему вероятной будущей несогласованности и противоречивости различных правовых норм, регулирующих спортивные отношения, послужит фундаментом для укрепления внутренней согласованности элементов спортивного законодательства. Стабильность законодательства в свою очередь повлияет на уровень правового регулирования общественных отношений в сфере спорта.

Как справедливо отмечает Желдыбина Т.А. [8, С. 75–79], в современных условиях кодификация может способствовать модернизации всей отечественной законодательной системы. Таким образом, кодификация спортивного права повлияет на развитие правовой ситуации в целом.

Исходя из этого, можно заключить, что кодификация – один из наиболее приемлемых путей развития правового воздействия на спортивные правоотношения. Многообещающие перспективы видятся при этом в области совершенствования не только правоприменения, но и правопонимания.

Список литературы:

1. *Алексеев С.В.* Спортивное право: договорные отношения в спорте : учебное пособие для вузов / С.В. Алексеев, М.О. Буянова, А.В. Чеботарев. Москва. 2020. 107 с.
2. *Коваленко Е.Ю.* Спортивное право в системе отраслей российского права / Е.Ю. Коваленко, Н.В. Тыдыкова, О.А. Шавандина // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (18). С. 174–181.
3. *Соловьев А.А.* Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте: Монография / А.А. Соловьев. Москва, 2011. 383 с.
4. *Буянова М.О.* Спортивное право. Общая теория / М.О. Буянова. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 154 с.
5. *Круглов В.В.* Проблемы и перспективы кодификации спортивного законодательства России / В.В. Круглов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 165–176.
6. *Осипов А.О.* О проведении кодификации отдельных отраслей российского права / А.О. Осипов // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 3–2 (68). С. 231–233.
7. *Соловьев А.А.* Концепция проекта Спортивного кодекса Российской Федерации / А.А. Соловьев. Москва, 2009. 55 с.
8. *Желдыбина Т.А.* Направления кодификации российского законодательства / Т.А. Желдыбина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2. С.75–79.

УДК 342.951

А. А. Каширина

Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ

Аннотация. Спорт имеет большое значение в жизни современного человека, в том числе в жизни студента. В рамках данной статьи поднимаются такие важные и актуальные темы как нормативно-правовое регулирование спорта. А также история возникновения спортивного права, на примере студенческих спортивных клубов России.

Ключевые слова: спортивное право, студенческий спорт, студенческие спортивные клубы, правовое регулирование, здоровье, спорт.

A. A. Kashirina

Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SPORTS LAW IN RUSSIA AND ABROAD

Abstract. Sport is of great importance in the life of a modern person, including in the life of a student. Within the framework of this article, such important and relevant topics as the legal regulation of sports are raised. And also the history of the emergence of sports law, on the example of student sports clubs in Russia.

Keywords: sports law, student sports, student sports clubs, legal regulation, health, sports.

С момента своего возникновения и по сегодняшний день, институт спортивного права является довольно важной частью в социализации общественных отношений. Как и любой правовой институт в нем есть своя область регулирования общественных отношений. Он направлен на формирование здорового образа жизни и ценностей людей всех возрастных групп. Специалисты не первый год отмечают ухудшение показателя здоровья у населения России, в том числе у людей в подростковом возрасте и молодёжи.

Здоровье молодёжи и подростков напрямую зависит от физической активности, поэтому важную роль в данный период жизнедеятельности играет студенческий спорт с его давней историей возникновения.

Основанием первого студенческого спортивного клуба «Академическая Гимнастическая Ассоциация Rhenania Berg» в 1816 году является патриотическое гимнастическое сообщество университета города Берна, который существует и по сей день.

Впервые ассоциацию студенческого спорта организовали в 1905 году, стали Соединенные Штаты Америки. Подобные ассоциации стали появляться в Австралии (1906 году), Польше (1908 году), Чехословакии (1910 году), Швеции и Норвегии (1913 году), на Мальте (1925 году), в Люксембурге (1938 году), Италии (1946 году) и т.д. Основной задачей этих организаций являлось развитие спорта среди студентов, обучающихся в университетах.

Логичным продолжением формирования студенческих спортивных структур внутри отдельных стран стало создание в 1919 году Международной Конфедерации студентов (С.И.Е.). Провозглашение создания первой международной организации университетского спорта произошло в Страсбурге (Франция), а француз Жак Птиаж стал её президентом. Этого человека считают основателем международного студенческого спортивного движения [2].

В настоящее время управлением и развитием международного студенческого спорта занимается Международная федерация университетского спорта (FISU), которая была создана 1 мая 1949 г. Первым президентом FISU был Пауль Шлеймер, родившийся в 1907 году в Люксембурге. Он занимал этот пост до 1961 г.

В России студенческий спорт зародился в начале XX века. Именно тогда первые студенческие спортивные клубы появились в политехническом и электротехническом московских институтах. В университете Санкт-Петербурга спортивный клуб был образован в 1908 году. К 1904 году в России функционировало 40 студенческих спортивных клубов. Большинство их действовало в Санкт-Петербурге – 13, в Москве – 5, в Киеве – 4, на долю других городов приходились оставшиеся клубы. В 1911 году тринадцать петербургскими студенческими обществами была образована студенческая лига, которая проводила соревнования среди студентов.

После революции 1917 года студенческий спорт стал развиваться в ином русле. В 1918 году 29 мая было основано крупнейшее в стране высшее учебное заведение в области физической культуры и спорта Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры (ныне – Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма). Впервые физическое воспитание как учебный предмет было введено в учебные планы Петроградского высшего педагогического института в январе 1921 года. Декретом Совета народных комиссаров РСФСР в июле 1929 года физическое воспитание вводится в вузах страны как обязательный предмет. В том же году в университетах и институтах создаются кафедры физического воспитания. В феврале 1928 года Центральное бюро Пролетстуда провело первые студенческие соревнования. В программу входили хоккей, лыжные гонки, конькобежный спорт, бокс и пинг-понг.

В нашей стране законодательская деятельность в области физической культуры и спорта берет начало в постсоветском периоде. Формироваться законодательная база физической культуры и спорта стала с разработки и принятия 27 апреля 1993 года «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте». Нельзя сказать, что до их принятия в России отсутствовало правовое регулирование в области физической культуры и спорта, однако правовые акты, регулировавшие данную сферу, до этого не имели статуса федерального закона и не создавали единой платформы правового обеспечения. Позже на замену был принят Федеральный Закон от 29 апреля 1999 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1].

С момента своего возникновения и по сегодняшний день в России возрастает роль законодательства, регулирующего область спорта и физической культуры. Вместе с этим специалистов всё больше интересуют вопросы теоретического характера и в первую очередь – рассмотрение спортивного права в качестве комплексной отрасли.

С точки зрения спортивного права предметом является комплекс общественных отношений, возникающих в сфере спорта – уголовных в области допинга, международных, трудовых – в области правового статуса спортсмена, административных, финансовых и процессуальных в области урегулирования споров. Следовательно, нормы, составляющие спортивное право, относятся к различным отраслям права и, наряду с этим, определяются в новое правовое сообщество, которое приобретает внутреннюю взаимосвязь и согласованность, начинает функционировать с точки зрения понятий и категорий новой отрасли права.

Как известно, отрасль – это совокупность правовых норм, регулирующих определённую сферу общественных отношений. Практически каждая отрасль имеет системообразующий правовой документ. В области спорта таким является Федеральный Закон от 29 апреля 1999 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1]. Основными характеристиками отрасли являются предмет и метод правового регулирования: предмет – общественные отношения, на которые направлено регулирование отрасли. Метод – специфический способ, при помощи которого государство обеспечивает нужное ему поведение субъектов правоотношений. Основными характеристиками отрасли являются предмет и метод правового регулирования: предмет – общественные отношения, на которые направлено регулирование отрасли. Метод – специфический способ, при помощи которого государство обеспечивает нужное ему поведение субъектов правоотношений.

Предметом, с точки зрения спортивного права будет комплекс общественных отношений, возникающих в сфере спор-

та – уголовных в области допинга, международных, трудовых – в области правового статуса спортсмена, административных, финансовых и процессуальных в области урегулирования споров [3]. Вследствие этого, нормы, составляющие спортивное право, относятся к различным отраслям права и, наряду с этим, определяются в новое правовое сообщество, которое приобретает внутреннюю взаимосвязь и согласованность, начинает функционировать с точки зрения понятий и категорий новой отрасли права.

Исходя из этого метод правового регулирования в данном случае также будет носить комплексный характер, то есть будет сочетать одновременно приёмы и способы как императивного, так и диспозитивного характера, соединение частных правовых и публичных начал. В частности, это проявляется в сочетании государственного координирования спортивных правоотношений с их саморегулированием субъектами физической культуры и спорта. Данный принцип закреплён в пункте 3 статьи 3 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Нормативные источники в данной сфере отношений делятся на две группы: классические нормы права, содержащиеся в принимаемых государственными органами законах и подзаконных актах; правила мягкого права, *lex sportiva*. Источниками *lex sportiva* являются правила спортивных организаций, регламенты и статуты международных спортивных федераций, уставы спортивных клубов и аналогичные источники.

При всём этом, спортивные арбитражные суды, принимая третейские решения, как правило, опираются на обе группы правил, особенное внимание уделяя именно второй группе (так как такие источники, как Всемирный антидопинговый кодекс от 2009 года, Олимпийская хартия от 2013 года, Стандарты тестирования на допинг (International Standard for Testing) от 2012 года в большинстве случаев содержат детальное регулирование отношений, из которых возник спор).

Таким образом, многообразие отношений в сфере спорта и физической культуры, и уровня их правовой защищённости, являются особыми, затрагивающими различные отрасли права, имеющие уникальную специфику и предполагающую создание Спортивного кодекса Российской Федерации.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 02.07.2021).
2. Григоревич В. В. Всеобщая история физической культуры и спорта: учебное пособие для образовательных учреждений высшего профессионального образования. – Москва: Советский спорт, 2008. 285 с.
3. Алексеев С. В., Петренко С. Н. Правовые основы физической культуры и спорта в Российской Федерации / С. В. Алексеев, С. Н. Петренко. – М.: Всероссийский НИИ физической культуры и спорта, 2014. – 25 с.

А. А. Козина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются региональные и местные власти при реализации механизма государственно-частного партнерства в сфере физической культуры и спорта. Автор предлагает ряд возможных мер, способных решить данные проблемы, привлечь частный капитал в данную сферу и создать спортивную инфраструктуру, отвечающую современным требованиям.

Ключевые слова: спортивная инфраструктура, государственно-частное партнерство, объекты спорта, механизмы финансирования, физическая культура и спорт.

A. A. Kozina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

REGIONAL PROBLEM OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP MECHANISM IMPLEMENTATION IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

Abstract: The article deals with the problems which the regional and local authorities are come across in public-private partnership mechanism implementation of physical culture and sports field. The author proposes a number of possible measures that can solve these problems, attract private capital to this sphere and create a sports infrastructure that meets modern requirements.

Keywords: sports infrastructure, public-private partnership, sports facilities, financing mechanisms, physical culture and sports.

Современные реалии формируют перед региональными и местными властями новые вызовы, связанные с развитием общественной инфраструктуры.

Россия огромная страна и развитие инфраструктуры в нашей стране процесс бесконечный. В совокупности с ограничениями по срокам и бюджетом получается нескончаемый марафон по выполнению задач и достижению показателей. Помимо того, что все задачи требуют существенных финансовых вложений, не менее важен комплексный и современный подход к их решению.

Именно с этой целью разработан механизм государственно-частного партнерства (далее по тексту ГЧП), направленный на решение задач регионов и муниципалитетов, связанных с развитием инфраструктуры.

ГЧП, объединяя бизнес и государство, является эффективным инструментом решения важнейших задач – создание современных объектов инфраструктуры и достижение общественных интересов.

Государственно-частное партнерство служит механизмом привлечения частных инвесторов для реализации общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях. Представители органов власти получают возможность сократить финансовые затраты и время на подготовку проектов, бизнес получает возможность осуществлять инвестиции в проработанные инфраструктурные проекты или предлагать государству свои инициативы.

Согласно статистическим данным официального ресурса по ГЧП РОСИИФРА рынок реализуемых проектов в период с 2004 по 2020 (активное развитие с 2010) составил 3 606 проектов, общим объемом инвестиций 83,07 млрд рублей, объемом частных инвестиций 74,39 млрд рублей.

ГЧП в спорте полностью себя оправдывает, так как в связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой и демографическим кризисом, наиболее актуальной и приоритетной

на данный момент является политика государства по сохранению населения, здоровья и благополучия людей.

Государственно-частное партнерство в сфере физической культуры и спорта помогает региональными и местными властями решить те новые вызовы и задачи, с которыми сейчас сталкивается каждый субъект РФ.

С помощью данного инструмента в спортивной отрасли были реализованы такие значимые проекты как многофункциональный спортивно-зрелищный комплекс с ледовой ареной «Платинум арена» в Красноярске, бассейны в городах Новосибирск, Гатчина и Сертолово (Ленинградская область), ледовый каток «Авангард» в Мурманск и другие.

Однако генеральный директор Национального центра ГЧП Павел Селезнев в преддверии VIII инфраструктурного конгресса заявил о снижении инициатив на 40 % по сравнению с предыдущим 2020 годом, в связи с чем отметил, что решение проблем и стимулирование ГЧП проектов является одной из важнейших задач.

Для решения данной проблемы государству необходимо решить ряд факторов, затормаживающих эффективное развитие данного механизма.

В первую очередь слабым местом остается институциональная среда и нормативная база. Как показывает практика большинства муниципалитетов при действующем федеральном законе «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ до сих пор применяются федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [1,2]. Это связано с непониманием федерального закона № 224-ФЗ, его сложностью и отсылками на другие нормативно правовые акты. За период с сентября 2020 по сентябрь 2021 было принято 54 нормативно правовых актов, касающихся частных инвестиций в инфраструктуру, из них: 14 федеральных законов, 21 постановление Правительства, 13 распоряжений Правительства и 6 ведомственных приказов.

В бюджетный кодекс РФ были внесены изменения по предоставлению долгосрочного субсидирования, которые существенно негативно повлияли на заключение и исполнение концессионных соглашений, соглашений о ГЧП и МЧП, в связи с ограничением предоставления субсидий по всем проектам. После объединения рынка против данного изменения, проведения совместных совещаний, в том числе на площадке Совета Федераций, данная поправка через полгода была исключена. Однако на момент ее действия значительно усложнила и затормозила процесс реализации ГЧП проектов [3].

В 2005 году был принят федеральный закон «О концессионных соглашениях» № 115-ФЗ, после чего в 2006–2007 последовали Постановления Правительства Российской Федерации об утверждении типовых концессионных соглашений в различных отраслях. Некоторые регионы ссылаются на данные постановления, которые до настоящего времени не менялись, однако федеральный закон «О концессионных соглашениях» менялся в среднем 2–3 раза в год. Данные постановления устарели морально и юридически, так же как отмечалось на VIII инфраструктурном конгрессе «Российская неделя ГЧП 2021» никогда не соответствовали требованиям рынка.

В регионах возникает большая проблема дефицита компетенций, как у представителей органов власти, так и у экономического блока. Также отсутствие региональных центров ГЧП со специалистами, владеющими достаточными знаниями в данной области, которые бы грамотно разрешали вопросы, возникающие у местных властей и инвесторов. Павел Селезнев отмечает, что только у 14 городов есть достаточное количество сотрудников, обладающих специальными знаниями в сфере ГЧП.

Учитывая факторы, изложенные выше, подтверждающие актуальность развития государственно-частного партнерства в сфере физической культуры и спорта на региональном уровне, представляется обоснованным развитие комплексного подхода со стороны государства в отношении возможных мер, способных привлечь частный капитал в данную сферу.

Ю. Н. Кочеткова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
Юридический факультет
Россия, Саратов*

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СПОРТЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие прав человека в спорте и его содержание. На основе анализа теоретико-правовых основ автор приходит к выводу о том, что под правами человека в спорте следует понимать совокупность предоставленных государством взаимосвязанных возможностей для реализации права на занятие физической культурой и спортом.

Ключевые слова: права человека, спорт, правовое регулирование, физическая культура, спортивные правоотношения.

Y. N. Kochetkova

*Saratov National Research State University named after
N. G. Chernyshevsky,
Faculty of Law
Russia, Saratov*

THE CONCEPT AND CONTENT OF HUMAN RIGHTS IN SPORTS

Abstract: The article discusses the concept of human rights in sports and its content. Based on the analysis of the theoretical and legal foundations, the author comes to the conclusion that human rights in sports should be understood as a set of interrelated opportunities provided by the state for the realization of the right to engage in physical culture and sports.

Keywords: human rights, sport, legal regulation, physical culture, sports legal relations.

Спорт – важнейшая составляющая жизни каждого человека, играющая важную роль в формировании здоровой нации и повышения работоспособности каждого члена общества. Ввиду этого государство должно предоставлять гражданам возможности для занятия спортом, а также гарантировать гражданам соответствующие права.

Так, в XIX в. в странах Европы и Российской империи правовому регулированию (в определенном смысле) была подвержена только физическая культура как часть процесса воспитания и образования. С 30-х гг. XX в. в европейских странах постепенно принимаются законодательные акты, регламентирующие отношения в области спорта, роль государства в создании условий для занятий спортом для человека. В настоящее время физическая культура и спорт также рассматриваются в качестве составной и неотъемлемой части общей культуры человека.

Все государства мира в своем законодательстве так или иначе закрепляют и регламентируют права человека в спорте.

В ч.1 ст. 7 Конституции Российской Федерации определено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. В данном контексте следует отметить важнейшее значение прав человека в спорте для его развития, особенно в физическом плане.

Для данного исследования существенное значение имеет анализ содержания понятия «права человека в спорте». В первую очередь отметим, что указанная категория не используется в российском законодательстве, в связи с чем возникает множество дискуссий в отношении ее применимости в российской правовой системе.

В данном контексте представляется необходимым отметить, что в настоящее время существует острая необходимость теоретико-правовой разработки указанного понятия, так как используемый категориальный аппарат в сфере правового регулирования спортивных отношений в полной мере не отражает сущности и специфики прав человека в спорте. В российской правоприменительной практике принято гово-

Важнейшей задачей на данный момент является усовершенствование федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ, который бы в полной мере отражал реалии региона и рынка. Создать понятный алгоритм взаимодействия инвестора с регионом и обеспечить справедливые условия взаимодействия, включая сбалансированность распределения рисков по реализации проектов, обеспечение прозрачности конкурсных процедур.

Федеральный проект ГЧП фильтра, решая какие проекты нужны рынку и должны реализовываться на региональном уровне, выявил на практике ряд проблем в этой связи. Регион зачастую не проходит ГЧП фильтр и реализует данный проект через федеральный закон о госзакупках, допуская опять же типовые ошибки при реализации данного проекта. Регионам необходимо дать возможность реализовывать не только объекты массового спорта, но и нишевые проекты, которые будут закрывать конкретную потребность конкретного региона. Необходимо так же учитывать регионы, которые тяготеют к тем или иным традиционным видам спорта, это связано с историческими особенностями, климатическими особенностями и другими. На основании этого федеральный закон должен отвечать этим требованиям, предлагать альтернативы регионам, сделать ГЧП фильтр более мягким для субъектов и для инвесторов.

Также при создании и реализации проектов стоит учитывать современные вызовы, связанные с пандемией. Спортивные объекты должны быть модернизированы, оснащены дополнительным оборудованием (ультрафиолетовый рециркулятор, автоматическим аэрозольным диспенсером, автоматический бесконтактный термометр для измерения температуры и др.), иметь совершенно другой подход к организации мероприятий, то есть обеспечивать в условиях пандемии безопасность лиц во время нахождения в данном объекте (дополнительные раздевалки, соблюдение социальной дистанции, путем создания специальных барьеров или за счет увеличения квадратуры объекта и т.д.).

Приведенные выше меры и комплексный подход помогут решить ряд проблем, возникающих как на федеральном, так и на региональном уровне.

Развитие ГЧП в сфере физической культуры и спорта создаст условия для достижения национальных целей – увеличение числа населения систематически занимающегося физической культурой и спортом, увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, обеспечение населения объектами спорта по месту жизни, работы и учебы, увеличения охвата населения услугами в области физической культуры и массового спорта, предоставляемыми субъектами социального предпринимательства, увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, а также позволит сформировать точки роста спортивной экономики.

В данной статье обозначены лишь некоторые проблемы, с которыми сталкиваются регионы и возможные пути их решения. Государству и регионам предстоит еще большая работа в совершенствовании механизма государственно-частного партнерства, от которой в большей степени зависит строительство современной инфраструктуры в сфере физической культуры и спорта, отвечающей новым вызовам современности.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 15.07.2021) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, № 31

речь о правах спортсменов, которые регулируются гражданско-правовым и трудовым законодательством, и напрямую связаны с профессиональной деятельностью лица. Однако, по нашему мнению, права человека в спорте в настоящее время следует понимать гораздо шире, чем деятельность профессиональных спортсменов.

В рамках конституционного законодательства указанная категория определяется через право на занятие физической культурой и спортом. Однако существенные проблемы возникают в том, что полноценного закрепления указанное право также не получило, а фрагментарно регулируется в рамках обеспечения права на охрану здоровья.

При этом, в отечественной юридической литературе нет единого мнения относительно дефиниции права на занятие физической культурой и спортом.

Так, например, Д. Герасимов предлагает следующее определение: «Право на занятие физической культурой и спортом в качестве субъективного права есть закрепленная в Конституции РФ и гарантированная конституционными и отраслевыми нормами реальная, постоянная и неотчуждаемая совокупность правомочий любого индивида беспрепятственно поддерживать свое здоровье и реализовывать себя путем занятий физической культурой и любыми видами спорта, требовать от государства, всех юридических и физических лиц соблюдения конституционных обязанностей, направленных на обеспечение данного права, а также обращаться за государственной или общественной защитой в случае нарушения ими этих обязанностей» [2].

Из данного определения видно, что право на занятие физической культурой и спортом состоит из ряда правомочий, позволяющих индивиду в полной мере реализовать это право.

В частности, А.Н. Егоричев предлагает рассматривать следующие правомочия права на занятие физической культурой и спортом:

- а) право на поощрение и финансирование со стороны государства развития физической культуры и спорта;
- б) право на равный доступ к занятиям физической культурой и спортом;
- в) право на государственную поддержку спортивных объединений;
- г) право на обеспечение населения необходимым количеством спортивных сооружений;
- д) право на обеспечение и стимулирование создания учреждений дополнительного образования спортивной направленности [3].

Р.Д. Гребнев в содержание права на занятие физической культурой и спортом включает такие компоненты как:

- 1) право на охрану здоровья и здоровый образ жизни;
- 2) право на психическое здоровье;
- 3) право на отдых и досуг, на доступ к развлечениям;
- 4) право на автономность личности;
- 5) право на межличностные и общественные коммуникации;
- 6) право на объединение;
- 7) право на доступ к культуре и на участие в культурной жизни общества;
- 8) право на воспитание;
- 9) право на социальную интеграцию и право на солидарность;
- 10) право на признание, охрану, защиту и реализацию достоинства личности человека;
- 11) право на личностное развитие;
- 12) право на мир и безопасность;
- 13) право на защиту от дискриминации;
- 14) интегральное право на определенное качество жизни и благополучие [4].

По мнению Т.Н. Тимофейчика, к правомочиям рассматриваемого права человека относятся:

- 1) свободный доступ каждого человека к спорту как к необходимому условию развития физических, интеллектуальных и нравственных способностей личности;
- 2) право каждого на участие в соревнованиях регионального, национального и международного уровня с учетом состояния своего здоровья, возраста, достигнутых спортивных

результатов и иных условий, правомерно установленных соответствующими организаторами соревнований;

- 3) право на безопасность в спорте;
- 4) право на посещение соревнований;
- 5) право на информацию в области спорта [5].

Такое количество правомочий права на занятие физической культурой и спортом, которые предлагают современные российские ученые, на наш взгляд, продиктовано следующими причинами:

- 1) в правовых актах России нет закрепленного определения этого права;
- 2) право на занятие физической культурой и спортом чрезвычайно многогранно, своим содержанием охватывает разные стороны жизни человека, общества и государства;
- 3) право на занятие физической культурой и спортом интегрально по своей природе и тесно связано с такими конституционными правами, как право на жизнь, право на образование, право на личное достоинство и др.

Таким образом, на основе анализа теоретико-правовых основ под правами человека в спорте следует понимать совокупность предоставленных государством взаимосвязанных возможностей для реализации права на занятие физической культурой и спортом. В содержание прав человека в спорте включаются следующие элементы:

- 1) право свободного и равного доступа каждого человека к занятиям физкультурой и спортом;
- 2) право выбора направления вида деятельности в физкультурой и спорте;
- 3) право неограниченного личностного роста в занятиях физкультурой и спортом;
- 4) право повышать свои знания и навыки (учиться) в сфере физкультуры и спорта;
- 5) право вести здоровый образ жизни;
- 6) право участвовать в мероприятиях спортивного характера;
- 7) право безопасно заниматься физкультурой и спортом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Герасимов Д. Понятие и содержание конституционного права на занятие физической культурой и спортом [Электронный ресурс] // Право и жизнь. 2014. URL: www.lawn-life.ru/arch/125/125-9.doc (дата обращения: 10.11.2021).
3. Егоричев А.Н. Конституционно-правовые основы физической культуры деятельности: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2007. С. 14.
4. Гребнев Р.Д. Конституционное право на спорт // Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России: Национальное объединение спортивных юристов. М., 2012. С. 84.
5. Тимофейчик Т.Н. Структура и содержание права на занятие спортом // Веснж ГрДУ імя Яны Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. 2015. № 6 (205). С. 106.

А. В. Лиходедова, М. С. Осьмушина
Saratov State Law Academy
Institute of Justice
Russia, Saratov

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СПОРТИВНЫЙ АРБИТРАЖНЫЙ СУД КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Аннотация. В свете крупного допингового скандала приобретает актуальность рассмотрения механизмов правового регулирования спортивных отношений, а также изучения Международного спортивного арбитражного суда в роли решения споров в области спорта. В данной статье раскрываются как недостатки, так и преимущества суда. По мнению авторов, арбитраж является единственным возможным способом защиты права при разрешении конфликтов в сфере спорта.

Ключевые слова: Международный спортивный арбитраж, спортивные споры, регламент CAS, арбитр, Всемирное антидопинговое агентство (WADA).

A. V. Likhodedova, M. S. Osmushina

THE INTERNATIONAL COURT OF ARBITRATION FOR SPORT AS THE MAIN DISPUTE RESOLUTION TOOL

Abstract. In the light of a major doping scandal, it becomes urgent to consider the mechanisms of legal regulation of sports relations, as well as the study of the International Court of Arbitration for Sport in the role of dispute resolution in the field of sports. This article reveals both the disadvantages and advantages of the court. According to the authors, arbitration is the only possible way to protect the right to resolve conflicts in the field of sports.

Keywords: International Sports arbitration, sports disputes, CAS regulations, arbitrator, World Anti-Doping Agency (WADA).

Спорт представляет собой весьма специфическую сферу общественных отношений, также он занимает особое положение в области правового обеспечения. Достаточно часто конфликты, возникающие в области спорта, могут быть разрешены не только согласно законодательству страны, но и в соответствии с нормами международных и национальных организаций. Именно поэтому, для обеспечения квалифицированного разрешения спора, требуется компетентный орган, представители которого специализируются в области спорта. Таким органом является Международный Спортивный арбитражный суд.

Международный Спортивный арбитражный суд (далее – CAS) – главный судебный арбитражный орган, рассматривающий споры, имеющие отношение к спортивной сфере. На сегодняшний день он расположен в Лозанне.

Суд выполняет три основные функции.

1) Непосредственное рассмотрение споров, которые возникли в результате спортивной деятельности, выполнение функций первой и последней инстанции;

2) Выступает в качестве аппарата правовой защиты по апелляции на решения, принятые директивными органами федераций и прочих спортивных организаций;

3) Имеет право на юридическое консультирование по проблемам деятельности в области спорта, которые не влекут возникновение конфликтов.

Состав арбитров спортивного суда не может быть менее 150 представителей. Они должны иметь высшее юридическое образование и обладать признанной компетенцией в области спорта. Назначаются советом сроком на 4 года, с возможностью последующего переназначения и имеют право рассматривать дела любой из палат. Решение может приниматься единолично либо в составе коллегии (3 арбитра) в зависимости от сложности дела [1, 36].

Официальные языки, на которых как ведётся все судопроизводство, так и оформляется в качестве письменного источника – французский и английский языки. Переводы всех

материалов, в случае использования другого языка, обеспечиваются стороной-ходатаем.

Все решения конфиденциальны, если только не предусмотрены огласке или стороны не согласны с опубликованием. Они являются окончательными и обжалованию не подлежат, за исключением, если имеются нарушения, касающиеся процессуальных вопросов. В этом случае, подача иска осуществляется через месяц в Федеральный суд Швейцарии. Окончательный вердикт данной инстанции вступает в силу после оглашения решения [2, 33].

В принципе, на рассмотрение суда может быть передано два вида спора: коммерческого и дисциплинарного характера.

Первая категория включает в себя споры, связанные с исполнением договоров, например тех, которые касаются спонсорства, продажи прав на телевизионные трансляции, организации спортивных мероприятий, трансфера игроков и отношений между игроками и тренерами и клубами и /или агентами (трудовые и агентские контракты). Споры, связанные с вопросами гражданской ответственности, также попадают под эту категорию (например, инцидент, произошедший со спортсменом во время спортивных соревнований). Эти так называемые коммерческие споры решаются CAS, как правило, в качестве суда первой и единственной инстанции.

Дисциплинарные споры представляют вторую группу споров, из которых большинство касается допинга. Кроме дел, связанных с допингом, суд призван решать различные дисциплинарные споры (насилие на игровом поле, неправильные решения (злоупотребления) судьи). Они рассматриваются в первой инстанции компетентными спортивными органами, и впоследствии становятся предметом обжалования, который затем действует как суд последней инстанции.

Спор может быть передан на рассмотрение, если есть арбитражное соглашение между сторонами, которое определяет обращение. С момента основания, суд никогда не признавал за собой отсутствие юрисдикции на основе того, что спор не относится к спорту.

Основными правовыми источниками функционирования CAS на современном этапе являются: Олимпийская хартия, Арбитражный Кодекс в области спорта, включающий Устав, Регламенты (по посредничеству, по арбитражу на Олимпийских играх), а также законодательство Швейцарии.

Право на обращение в суд с жалобой принадлежит лицам, которые связаны со спортивной сферой (спортсмен, тренер, спортивный клуб, Международная антидопинговая организация и др).

Так, в 2020 году CAS поддержал иск Всемирного антидопингового агентства к Российскому антидопинговому агентству. Российские спортсмены в ближайшие два года лишились возможности выступать под флагом и гимном своей страны на чемпионатах мира и Олимпийских играх. Российское антидопинговое агентство должно было передать из московской лаборатории пробы и базу данных проверки на допинг спортсменов за период с 2012 по 2015 год. База данных была передана только со второй попытки, с нарушением дедлайна и, как установило WADA, в искаженном виде, что стало нарушением договоренностей. Российская сторона обвинения в манипуляции с базой данных отрицает до сих пор.

В решении суда было указано, что чемпионаты мира в 2021 и 2022 годах, проводимые Россией, должны быть перенесены в другую страну только в том случае, если не будет каких-либо юридических или практических затруднений.

Форма российских спортсменов может содержать цвета национального флага и должна содержаться надпись «нейтральный атлет», написанная не меньшим размером, чем слово «Россия» [3].

Как показывается практика, в последнее время также имеются колоссальные проблемы с итоговым решением данного суда:

Во-первых, нередко ради эффективности и скорости принятия решений суд жертвует автономией воли сторон. Он ограничивает возможность представлять письменные доказательства, показания свидетелей и экспертов, назначать арбитра не из списка и при рассмотрении дел может применить законодательство Швейцарии (Закон «О международном частном праве»);

Во-вторых, ограничивается возможность представлять свидетелей и экспертов. В соответствии со ст. 44.1 и 51 Регламента Международного спортивного арбитражного суда список свидетелей и экспертов подается заранее. Дополнить либо скорректировать его впоследствии невозможно;

В-третьих, еще одной особенностью является закрытый список арбитров. Из списка арбитров регулярно назначаются только 15 % [4, С.156].

Это положение давно вызывает дискуссии: одни авторы (например, С. Штеблер) говорят о том, что закрытый список арбитров гарантирует высокое качество выносимых решений, в то время как другие (например, С. Нетцле, С. Горбылев) являются сторонниками свободного выбора, без утвержденного списка и критикуют суд за ограничение «фундаментальной свободы в выборе арбитра».

Несмотря на большую критику и противоречивость некоторых принципов суда, нельзя не признать, что благодаря такому подходу решения выносятся в рекордно короткие сроки: процедура в Палате апелляционного арбитража занимает до четырех месяцев, а срок рассмотрения спора по правилам арбитража и вовсе занимает 24 часа.

Таким образом, за более чем 30 лет своей работы этот орган судебной власти урегулировал множество споров в качестве арбитража, итогом которых стали расторжения трудовых контрактов, обнаружение и констатация дискриминации спортсменов и СМИ, разбор и нейтрализация острых национальных конфликтов внутри спортивных соревнований. Деятельность CAS как «международного суда высшей инстанции» для спортивных споров приводит к значительной согласованности между правовыми решениями в спортивном мире и создает основу спортивного прецедентного права, становится более эффективным средством решения споров. Как говорил бывший Президент МОК Х. Самаранча: «В скором времени CAS может стать подлинным Верховным судом мирового спорта».

Список литературы:

1. Устав международного спортивного арбитражного суда (с поправками от 20 сентября 1990 года) [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=633>
2. Регламент международного спортивного арбитражного суда (с поправками от 20 сентября 1990 года) [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=634>
3. Обзор практики: <https://rsport.ria.ru/20201217/cas-1589803136.html>.
4. Соловьев А.А. Актуальные проблемы спортивного права: Кодификация законодательства о спорте. Спорт и вузы / А.А. Соловьев. М., 2008. 156 с..
5. Юрлов С.А. Наиболее значимые решения Международного спортивного арбитражного суда в г. Лозанна, связанные с плаванием как видом спорта / С.А. Юрлов // Нравственные императивы в праве. 2014. № 2. С.95–98..
6. Schwaar G. Le Conseil International de l'arbitrage en matiere de sport (C.I.A.S.) et le Tribunal Arbitral du Sport (T.A.S.) // Revue Juridique et Economique du sport: Numero special.1994. P. 33–36.

В. Н. Лопатиев

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ДОГОВОРНЫЕ МАТЧИ В ФУТБОЛЕ

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы противодействия договорным, подкупным матчам в футболе. Обозначен актуальный вопрос рассмотрения данного пробела в федеральном законодательстве. По итогам анализа поднимаемой проблемы предлагаются пути ее решения.

Ключевые слова: спорт, футбол, договорные матчи, футбольные арбитры, нарушения.

V. N. Lopatiev

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

MATCH-FIXING IN FOOTBALL

Abstract. This article discusses the problems of countering contractual, purchased matches in football. The actual issue of consideration of this gap in federal legislation is indicated. Based on the results of the analysis of the problem being raised, ways to solve it are proposed.

Keywords: sports, football, match fixing, football referees, violations.

В настоящее время актуальность вопроса договорных матчей, подкупных матчей, несправедливого судейства в футболе стоит достаточно остро. Все чаще в новостных лентах можно встретить очередной коррупционный скандал, очевидный не назначенный пенальти, или наоборот, там, где не было нарушения назначают «одиннадцатиметровый», сенсационная разгромная победа от аутсайдеров, обвинение судей, рассказы бывших спортсменов о том, как участвовали в ставках на игры с их участием. Подобные нарушения происходят на всех уровнях – РПЛ, ФНЛ, любительские лиги, городские лиги, детские лиги и турниры. Личный опыт показывает, что данные правонарушения возникают даже в юношеских соревнованиях. Законодательные нормы должны быть точными и не допускать спорных положений. В связи с этим, представляется важным обратить внимание на существующие правовые пробелы в данной сфере.

«Договорной матч – это спортивное соревнование, исход которого заранее известен, поскольку спортсмены или организаторы игры заранее о нем договорились. Такие договоренности происходят преимущественно из экономических соображений и могут быть выгодны для организаторов соревнований, участников, лиц, которые делают ставки в крупном размере, букмекерских контор». Законодательство РФ в данной сфере далеко от совершенства – единственная норма в Уголовном кодексе, позволяющая наказать участников и организаторов «договорняков» или, как их стало модно называть после судебного процесса В. Уткина с ЦСКА – «странных матчей», (ст. 184 УК РФ) предусматривает ответственность только в случае подкупа спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов профессиональных спортивных соревнований – то есть в случае передачи денежных средств взамен на достижение нужных результатов. Насколько можно судить и здесь законодательство значительно отстало от реальной жизни.

Важное место во всей этой сфере преступлений занимают футбольные арбитры. Так, в апреле 2021 года был навсегда отстранен рефери Вилков, хотя изначально было отстранение лишь на несколько матчей. Сейчас речь идет об отстранении арбитра Казарцева за не назначенный пенальти в матче ЦСКА – Краснодар 02.10.2021, где судья отвечал за VAR и, так сказать, не заметил грубое нарушение.

Личный многолетний практический опыт показывает, что судьи бездействуют или злоупотребляют своими правами, на-

чая с детских футбольных лиг и заканчивая на уровне РПЛ. К сожалению, это явление уже стало считаться нормальным в российском футболе. Профессиональная деятельность футбольных судей осуществляется в своего рода замкнутой системе, которая имеет признаки картеля, имеющей цель – извлечение высокой прибыли. В этой системе все виды деятельности взаимосвязаны, многие участники процесса зависят от других участников. Поэтому иногда на судей оказываются противоправные влияния и они, опасаясь потерять рабочее место, вынуждены выполнять указания. В этом случае можно говорить о косвенном умысле.

Но в судейской практике были случаи, когда судьи делали ставки на матчи с их участием, и тогда появлялся прямой умысел. По нашему мнению, футбольный арбитр – уникальный субъект данных правонарушений, ведь судей не сразу наказывают отстранением от деятельности пожизненно, сначала идут не жесткие санкции, а лишь, когда об этом начинают говорить все больше и больше людей, СМИ, только тогда заходят разговоры об пожизненном лишении заниматься любой деятельностью связанную с данным видом спорта.

Стоит обратить внимание на ситуацию, когда рефери выступает в роли объекта в соответствующих правоотношениях. Как правило, это происходит тогда, когда с помощью судьи, лица, которые делают огромные ставки, добиваются выигрыша. Либо же команда с помощью судьи добивается успеха в соревновательном аспекте. И при огласке той или иной ситуации виновным остается судья. Это достаточно спорный вопрос, но в тоже время и на него есть свой ответ. Так в первом случае судья скорее всего получит часть крупного выигрыша, а во втором случае неплохой гонорар. Но, отвечая на вопрос о наказании, здесь речь в подобных случаях должна идти о субъективных характеристиках, так как никто не исключает допуск грубых ошибок у судей. Тем более, если это молодой и неопытный судья, то существует риск отстранения его от судейства навсегда из-за ошибки, а не из-за прямого умысла. Но, как показывает практика, чаще всего по отношению к таким арбитрам применяют временные санкции, например, назначают к судейству в лиге ниже уровнем на один сезон, либо отстраняют от судейства на несколько матчей.

Как правило в преступлениях, связанных с договорными матчами, фигурируют рефери, но никогда не привлекаются в качестве организатора подобного противоправного деяния другие участники – владельцы клубов, спонсоры и прочие заинтересованные лица.

Именно поэтому всё шире распространяется мнение о необходимости прослушивания телефонных переговоров потенциальных участников и организаторов договорных матчей – такая мера положительно зарекомендовала себя при громких делах в Турции и Италии, однако не многие отдают себе отчет, что прослушивание телефонных переговоров подготавливаемых, как мера оперативно-разыскной деятельности, в соответствии с действующим законодательством РФ, возможна лишь при расследовании тяжких и особо-тяжких преступлений, к которым, к сожалению, преступление, предусмотренное ст. 184 УК РФ [2. ст.184], не относится.

Но, как показывает практика, правоохранительные органы зачастую квалифицируют данные преступления по статье 159 УК РФ. Таким образом, нарушается принцип объективности, так как данные преступления нельзя относить к данной статье особенной части УК – одним могут просто отстранить от профессиональной деятельности, а по отношению к другим применить уголовное наказание.

Стоит особо отметить, что не все договорные матчи связаны только с финансовыми махинациями, иногда в них остается соревновательный аспект, что только усугубляет ситуацию. Речь сейчас идет о «встречах», определенный результат которых устраивает обе команды, чтобы «отцепить» от борьбы других конкурентов. Примеров таких матчей немало: поражение Австрии со счётом 0:1 от ФРГ на Чемпионате Мира 1982 года отправило домой Алжирцев, результат игры между Швецией и Данией в виде ничьи 2:2 на ЕВРО-2004 оставила не у дел сборную Италии, Арсенал и Порту сыграли со счётом 0:0, чтобы гарантировано попасть в плей-офф Лиги Чемпионов 2006–2007.

При рассмотрении споров Палата и Комитет руководствуются Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными актами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами субъектов

Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами, действующими на территории Российской Федерации, Уставом РФС, нормами, принимаемыми ФИФА, УЕФА и РФС, решениями Спортивного арбитражного суда (Tribunal Arbitral du Sport) в г. Лозанна (Швейцария) (далее – «КАС») в части определения практики применения указанных норм, обычаями делового оборота, а также договорами, соглашениями, если они заключены в соответствии с законодательством Российской Федерации [3. с.2].

Европа наглядно дает понять эффективность подобного пути. При внутреннем расследовании перспективы наказания лиц, виновных в организации договорных матчей, значительно выше, чем при их уголовном преследовании за счет оперативности и не такой формальности процесса. Только орган спортивной федерации в отличие от суда может учесть так называемую «специфику спорта», что не раз было продемонстрировано и CAS и ФИФА.

Однако, наложение спортивных штрафов не исключает в дальнейшем преследование виновных в рамках уголовного или административного права. В идеале данные процессы обязаны существовать параллельно. Так, считаем неправильной практику дисциплинарных органов РФС, которые по ряду вопросов не выносят свои решения, мотивируя это ожиданием реакции государства по спорному аспекту.

В качестве выводов отметим, что без присутствия букмекерских контор современный футбол уже невозможно представить. Их сфера влияния распространилась по всему миру. В этом есть и определённые плюсы, и свои минусы. Также считаем необходимым восполнить пробелы законодательства путем создания отдельной главы в УК РФ по регулированию данных преступлений, добавить отдельные статьи в КоАП РФ по устранению данных правонарушений, увеличить число уполномоченных лиц, которые будут заниматься расследованием данных нарушений. Также считаем целесообразным увеличение контроля за матчами, на которые делают крупные ставки или после которых имеются крупные выигрыши; ужесточить наказание несправедливого судейства, путем не только отстранения, но и применением соответствующих штрафов; ужесточить контроль за судейством на всех уровнях соревнований. И решение всех перечисленных проблем было бы наиболее приемлемым с помощью кодификации спортивного законодательства.

Список литературы:

1. Законодательство РФ о договорных матчах [Электронный ресурс] // URL: <https://betcombo.ru/prognozy/dogovornye-matchi/zakonodatelstvo-rf-o-dogovornyh-matchah.html>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) //Ст.184// СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5b164b57cb7b6b9d3818fca16b7672f60fe5fc6c/
3. Регламент РФС по разрешению споров от 08.06.2021 (вступ. в силу с 29.04.2021) [Электронный ресурс] // URL: <https://static.rfs.ru/documents/1/5f329d2b22969.pdf>

К. Р. Морозова

*Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации
Институт управления, юридический факультет
Россия, Нижний Новгород*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассмотрена необходимость существования и развития спортивного права для Российской Федерации, а также для всего мирового сообщества. В ходе исследования названы основные проблемы спортивного права и обусловленные ими перспективы его развития.

Ключевые слова: спортивное право, спорт, Россия, международный уровень, проблемы спортивного права.

K. R. Morozova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Institute of management, Faculty of Law
Russia, Nizhny Novgorod*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SPORTS LAW

Abstract. In article considers the necessity of the existence and development of sports law for the Russian Federation, as well as for the entire world community. In the course of the study, the main problems of sports law and the prospects for the development of sports law caused by them are named.

Keywords: sports law, sports, Russia, international level, problems of sports law.

«Физкультура и спорт – это не какая-то «развлекуха», а один из государственных приоритетов» – резюмировал В.В. Путин на одном из заседаний Совета при Президенте по развитию физической культуры и спорта [3].

Спорт – это важный компонент в жизни каждого человека. Он объединяет население не только одного государства, но и всего мирового сообщества. Раньше спорт представлял собой развлечение, некое представление и зрелище, однако сейчас это высокий уровень профессионализма спортсменов, трансляции, освещение в СМИ, инвестиционная деятельность, спонсорство, букмекерские ставки, реклама и целая индустрия спорта. Такой различный спектр отношений в спортивной сфере деятельности породил потребность в законодательном регулировании, тем самым начало зарождаться и развиваться спортивное право.

Спортивное право – молодая и развивающаяся отрасль права. На международном уровне она начала формироваться ещё в эпоху промышленных революций. В России же спортивное право начало формироваться позднее. Одним из первых, кто определил «спортивное право, как отрасль законодательства, охватывающую нормативные акты, регулирующие общественные отношения, возникающие в процессе подготовки спортсмена к спортивным соревнованиям и участия в них, а также участия юридических лиц в деятельности, связанной с организацией и проведением спортивных мероприятий, как на национальном, так и на международном уровнях» [2, С. 2] в отечественной науке является И.С. Кузнецов. Также в наши дни имеет место быть другое определение спортивного права: «наука, изучающая, исходя из ее определения, субъекты и объекты спорта; она представляет собой составляющую часть других отраслей юридической науки, которые включены в нее, определяют ее и управляют спортивной деятельностью, спортивным и физическим воспитанием» [4, С. 2188]. В Российской Федерации основополагающим документом спортивного права является Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ. В нём прописаны вопросы государственного регулирования спорта и физической культуры. Однако ряд учёных считают, что данный закон не является полным и исчерпывающим. Приверженцами этой мысли являются А.А. Соловьев, А.Т. Сихарулидзе, С.В. Алексеев. В качестве несовершенств они выделяют: отсут-

ствии мер борьбы с употреблением допинга, недописанность четвёртой главы закона, а также «отсутствие конкретных правовых механизмов реализации, в том числе в неопределённости статуса организаций, осуществляющих подготовку спортсменов, отсутствию прав, обязанностей и порядка деятельности этих организаций» [1, С. 92].

Почему же важно развитие спортивного права в России? Необходимость такого рода связана с рядом обстоятельств: проведение спортивных мероприятий мирового уровня в России (XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в Сочи, Универсиада в Казани 2013 года, Кубок Конфедераций, Чемпионат мира по футболу 2018), популяризация спорта, а также усиление внимания людей и государства в целом к спорту.

Важно отметить, что спортивное право объединяет взгляды мирового сообщества и регулирует спортивные отношения во всех уголках мира одинаково в соответствии с определёнными нормативно-правовыми актами. Ещё в 1984 году в Париже на международном конгрессе была принята Олимпийская хартия, регулирующая развитие олимпийского движения; в 1978 году ООН принята Международная хартия физического воспитания и спорта, являющаяся по сей день правовой основой развития физического воспитания и спорта; а в 1992 году была принята Спортивная хартия Европы, содействующая развитию спорта и способствующая установлению контактов между гражданами и государствами стран Европы.

Какие существуют перспективы развития спортивного права? Важно отметить, что перспективы развития спортивного права в первую очередь связаны с решением основных проблем этой отрасли права. В современном мире спорт подвергается влиянию различных факторов, порождающих ряд проблем. На наш взгляд, самыми главными проблемами являются:

1. Вмешательство политических международных отношений в спорт. Таких примеров существует множество. Один из самых крупных примеров – это нашумевшее допинговое дело российских спортсменов. Дело длилось на протяжении длительного периода времени, в нём имелось множество подводных камней. Однако обвинения в адрес российских спортсменов остались лишь на словах. Доклад Р. Макларена о допинговых махинациях в России не имеет юридической силы, такого мнения придерживаются многие эксперты Forbes. Стоит отметить, что сам В. В. Путин называл доклад WADA «опасным рецидивом вмешательства политики в спорт». Тем не менее, отсутствие юридических доказательств не помешало WADA вынести ряд жестких санкций против России, которые негативно затронули множество спортсменов, не замешанных во всех допинговых разбирательствах.

Другим примером вмешательства политики в спорт может послужить ситуация, развернувшаяся вокруг украинского футболиста Ярослава Ракицкого. Спортсмен подписал контракт с российской футбольной командой «Зенит», тем самым вызвал отрицательную реакцию на Украине. Приглашение на отборочные матчи чемпионата Европы 2020 года с Португалией и Люксембургом в сборную Украины Ракицкий не получил. Главный тренер национальной команды Украины А. Бышовец не смог найти рационального объяснения, а российский футбольный специалист Р. Билялетдинов предположил, что тренерский штаб вынес такое решение в соответствии с политическими мотивами. Недоброжелательные отношения России и Украины известны всем.

Таким образом, ряд учёных современности отмечают спорт как инструмент политической борьбы в международных отношениях.

2. Коррупция. Данная проблема является не менее важной. 31 октября 2003 года была принята Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции, которая содержит положения, касающиеся спортивной отрасли права. Одним из положений является «сохранение открытости информации и прозрачности механизмов вливания бюджетных средств в спортивную отрасль» [5, С. 303]. В связи с этим «каждое государство надлежащим образом обязано способствовать созданию институтов, которые будут противодействовать манипулированию спортивными состязаниями. В дальнейшем государство берет на себя обязательство их финансирования» [5, С. 304].

Таким образом, перспективы развития спортивного права заключаются в законодательном урегулировании спортивных отношений между субъектами

спортивного права, а также в практическом решении основных проблем, как на национальном, так и на международном уровнях. Спортивные состязания должны быть справедливыми, честными, объективными, без вмешательства высокопоставленных политических должностных лиц.

Список литературы:

1. Драничникова Н.В., Захарова С.А., Сергеев А.Б. Проблемы развития спортивного права в России // СОЦИУМ И ВЛАСТЬ. 2012. № 5. С. 91–95.

2. Кузнецов И.С. Спортивное право России как отрасль российского законодательства // Спорт: экономика, право, управление. 2004. № 4. С. 2–4.

3. Марьянчик Н. Владимир Путин: «Физкультура и спорт – это не какая-то развлекуха» / Марьянчик Н. // Спорт – 2018 – № 7885. – URL: <https://www.sport-express.ru/chronicle/reviews/vladimir-putin-fizkultura-i-sport-eto-ne-kakaya-to-razvlekushka-1528024/> (дата обращения: 11.11.2021).

4. Панагиотополос Д.П. пер. с англ. Шевченко О., Кашехлебовой Е., Липатовой В. Перспективы развития спортивного права и Lex Sportiva // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2187–2196.

5. Смирнов А.А., Кирьянова Л.А., Морозова Л.В., Кузнецов П.К., Федоров С.Л. Коррупция в спорте и меры ее предупреждения // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2018. № 10. С. 302–305.

УДК 34.01

А. С. Пушкин, М. В. Подшиблов
Кузбасский институт ФСИН России
Россия, Новокузнецк

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется современное состояние спортивного права в Российской Федерации, а также анализируются практические проблемы регулирования спортивной деятельности с учетом международного опыта и национальной практики. Кроме того, обращается внимание на перспективные направления развития российского спортивного права.

Ключевые слова: спортивное право, допинговые скандалы, сборная России, спортивная деятельность, международные организации, правовое регулирование.

A. S. Pushkin, M. V. Podshiblov
Kuzbass institute of Federal Penitentiary Service of Russia
Russia, Novokuznetsk

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SPORTS LAW IN RUSSIA

Abstract: The article examines the current state of sports law in the Russian Federation, as well as analyzes the practical problems of regulating sports activities taking into account international experience and national practice. In addition, attention is drawn to promising areas of development of Russian sports law.

Keywords: sports law, doping scandals, Russian national team, sports activities, international organizations, legal regulation.

В настоящее время за спортивными соревнованиями следит весь мир. Атлеты, лыжники, гонщики и многие другие профессиональные спортсмены тратят все свое время и силы на бесконечные тренировки, правильное питание и подготовку к новым состязаниям. Можно с полной уверенностью сказать, что для большинства людей спортивные мероприятия являются важной составляющей жизни, будь то просмотр телевизионных трансляций с соревнований или самостоятельное занятие физической культурой. Но что же такое спорт? Определение этого термина много раз переписывали, так как сегодня рамки

спортивных культур настолько размыты, что даже устраиваются чемпионаты по компьютерным играм, а киберспорт и вовсе уже внесен в список соревнований Олимпийских игр. Следует отметить, что в настоящее время в области правового регулирования спортивной деятельности в Российской Федерации накопилось множество проблем, требующих не только внимания, но и практического решения.

Ключевым источником официальных документов, определяющих особенности спортивных отношений в мире, является Международный Олимпийский комитет (International Olympic Committee) [3]. Главный документ Международного Олимпийского комитета (МОК) – Олимпийская Хартия [4].

Спорт лежит в основе здоровой нации и позволяет каждому человеку поддерживать физическую форму. При этом на международном уровне действуют соответствующие правовые документы, которые регулируют сферу спорта. В частности, следует упомянуть Международную хартию физического воспитания и спорта от 1978 года. Названная Хартия была провозглашена Генеральной Ассамблеей для того, чтобы развитие спорта поставить на службу человечеству [5, С. 25]. Занятие спортом относится к категории основных прав человека, и именно спорт способствует развитию воли, природных способностей человека (ст. ст. 1–2 Хартии). В 1992 г. на Седьмой конференции министров по спорту европейских стран была принята Спортивная хартия Европы, которая поясняет, что спорт – это формы физической активности, которые направлены на умственное и физическое развитие человека. Особое внимание в Спортивной хартии уделяется способом и видам помощи одаренным спортсменам, созданию и закреплению правового статуса спортсменов-профессионалов.

Антидопинговое обеспечение в стране также осуществляется при поддержке и финансировании самого государства, однако, в настоящее время с трудом можно говорить о том, что проводимые мероприятия являются достаточными и оптимальными. В аспекте исследования современных проблем развития спортивного права в РФ следует упомянуть и ситуацию с допинговым скандалом, вследствие которой российским спортсменам на Олимпийских играх последних лет пришлось выступать под нейтральным флагом [4]. Выступлению российских спортсменов под нейтральным флагом предшествовал ряд значимых событий.

Свои истоки разгоревшийся допинговый скандал ведет с 2014 г., когда в Германии вниманию широкой общественности был представлен документальный фильм Х. Зеппельта, посвященный употреблению допинга российскими спортсменами. Несмотря на официальные заявления автора ленты о том, что документальные факты не являются достоверными и не призваны разоблачать спортсменов, а лишь направлены на привлечение внимания общественности к употреблению спортсменами допинговых препаратов [7], Всемирное антидопинговое агентство WADA объявило о проверке всех случаев употребления допинга российскими спортсменами, упомянутыми в фильме.

Впоследствии, Всемирное антидопинговое агентство представило доклад по итогам расследования о подмене допинг – тестов российских спортсменов на Олимпиаде в Сочи (речь шла о махинациях с участием сотрудников Министерства спорта, антидопинговых лабораторий Сочи и Москвы, ФСБ). В результате, в 2015 г. сборная России по легкой атлетике была отстранена от участия в Олимпиаде. Также официальный представитель независимой комиссии, участвовавшей в расследовании, объявил, «что антидопинговое агентство призывает международное спортивное сообщество запретить российским спортсменам участвовать в международных соревнованиях, включая и Олимпийские игры 2016 года в Бразилии. Этот запрет должен действовать до «изменения культуры» [6, С. 28].

Глава МОК, при поддержке Спортивного арбитражного суда, отказавшего в удовлетворении жалоб российских спортсменов, заявил о намерении принять самые жесткие санкции в отношении лиц и организаций, осуществляющих допинговые махинации. Также против участия России в Олимпиаде выступили ряд стран (Австрия, Канада, США, Испания, Германия, Швейцария и Япония). По итогам разбирательств российская сборная практически в полном составе не была допущена к участию в Олимпийских играх, а Россия оштрафована [1, С. 18].

Итак, в настоящее время на национальном и международном уровнях всё большее значение приобретает спорт и его потенциал, в связи, с чем увеличивается на мировой арене и вес спор-

тсменов. Спорт стал явлением глобального масштаба: по всему миру спортивные мероприятия объединяют людей. Масштабное развитие спорта существенным образом повлияло на вовлечение людей в самые разнообразные социальные сферы, в том числе экономику и политику. Тем не менее, сфера спорта преисполнена различными нарушениями прав человека, что требует более активного развития спортивного права в Российской Федерации.

Спорт играет в современных национальных отношениях достаточно значимую роль. Серьезным фактором влияния, способным создать благоприятные условия по разрешению споров и конфликтов в национальном масштабе, снять лишнее напряжение в отношениях между государствами выступают судебные инстанции. События последних десятилетий свидетельствуют о кардинальных переменах в характере международной политики и изменении вектора развития спортивной деятельности. В частности, современное взаимодействие и сотрудничество стран мира все чаще не обходится без привлечения инструментов социально-культурной и спортивной сферы, в которой всё чаще возникают конфликты и споры с участием спортсменов.

На национальном уровне вопросы защиты прав и интересов спортсменов также представляют большой интерес. Международные акты провозглашают недопустимость дискриминации в отношении профессиональных спортсменов, провозглашая принцип равенства трудовых прав и свобод. Однако анализ правовой документации свидетельствует о том, что на национальном уровне добиться реального запрета дискриминации в сфере спорта крайне сложно, поскольку отсутствуют эффективные механизмы противодействия данному явлению. В России отсутствует даже официальная статистика, которая бы отражала факты дискриминации, следовательно, существующая проблема пока ещё не получила надлежащего признания со стороны законодателя и правоприменителей.

Действительно, в современном мире спорт признается эффективным инструментом альтернативной дипломатии, который используют не только отдельные индивиды, принимающие участие в спортивных соревнованиях, но и целые страны, крупные международные организации и ассоциации (МОК, ЮНЕСКО, ЭКОСОС), по мнению которых с помощью спорта можно достигнуть благополучия и мира. В связи с этим судебные инстанции международного и национального масштаба не вправе допускать пренебрежительного отношения к спортсменам при разрешении и рассмотрении спорных ситуаций. Динамично развивающиеся отношения в настоящее время свидетельствуют о том, что спорт – это реальная политическая величина, вследствие чего спортивные успехи того или иного государства рассматривают как дипломатические методы влияния на геополитическую ситуацию в мире. В спорте удается успешно совмещать дух соревнования и принципы гуманизма, равенства, взаимопомощи, благодаря чему политический вес государств в современном мире измеряется спортивными победами.

Кроме того, именно модель спорта способна противостоять другим агрессивным, негуманным методам соперничества, связанным с использованием оружия и ведением военных действий. Спорт высоких достижений позволяет привлечь внимание всего человечества к актуальным общемировым проблемам, объединить спортсменов и болельщиков, примирить конфликтующие государства, создать толерантную культуру терпимости и мира. Соответственно, для обеспечения взаимного уважения, взаимопонимания в общемировом масштабе используются спортивные достижения.

Список литературы:

1. Доценко Н. А. Гуманитарные и информационно-правовые проблемы современного спорта / Н. А. Доценко // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 7. – С. 18–20. – DOI 10.24158/rep.2017.7.3.
2. За что МОК отстранил лидеров сборной России от Олимпиады [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 08.11.2021).
3. Официальный портал Международного Олимпийского комитета [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.olympic.org/> (дата обращения: 08.11.2021).
4. Olympic Charter, in force as from 26 June 2019 // International Olympic Committee [Электронный ресурс]. – URL: <https://stillmed.olympic.org/> (дата обращения: 08.11.2021).

5. Мартыненко С. Е. Международно-правовые основы спортивной дипломатии / С. Е. Мартыненко // Юридическая наука. – 2018. – № 4. – С. 25–29.

6. Упоров А. Г. Понятие и предмет международного уголовного права / А. Г. Упоров // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 2. – С. 26–29.

7. Что происходит? Допинг-скандал на Олимпиаде-2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sobaka.ru/city/sport/48045> (дата обращения: 08.11.2021).

УДК 349(075.8)

П. В. Ступкина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПОРТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ КАК ИНСТИТУТА СПОРТИВНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье проанализированы цели, задачи и основные составляющие спортивной медицины как фактора, обеспечивающего эффективную подготовку спортсменов. Показаны глобальные проблемы спортивной медицины на современном этапе. Обозначены направления решения существующих проблем.

Ключевые слова: спорт, спортивная медицина, подготовка спортсменов, медико-биологическое обеспечение, спортивный врач.

P. V. Stupkina

*Saratov State Law Academy
Law Enforcement Institute
Russia, Saratov*

ACTUAL PROBLEMS OF SPORTS MEDICINE AS AN INSTITUTE OF SPORT LAW

Abstract. The article analyzes the goals, objectives and main components of sports medicine as a factor that ensures the effective training of athletes. The global problems of sports medicine are shown at the present stage. Directions for solving and existing problems are indicated.

Keywords: sports, sport medicine, training of athletes, biomedical, sports physician.

Рассматривая спортивное право с точки зрения отрасли законодательства, А. В. Сердюков отмечает, что отрасль законодательства – это результаты исследования системы российского законодательства в целом, соответствующей тематической источниковедческой базы и научной литературы [6]. Такое исследование, по мнению автора, позволило сделать вывод о том, что к настоящему времени в отечественном праве сформировалась такая новая комплексная отрасль законодательства, как спортивное право. Данная отрасль законодательства обладает особым предметом правового регулирования и состоит из базового нормативного правового акта – Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1]. Данный Федеральный закон является системообразующим отраслевым актом, объединяющим достаточно целостную и структурированную систему согласующихся с ним законов и иных нормативных правовых актов. Пункт 6 статьи 39 данного Федерального закона говорит о том, что медико-биологическое обеспечение спортсменов спортивных сборных команд РФ и субъектов РФ осуществляется в соответствии с законодательством в сфере охраны здоровья и законодательством о физической культуре и спорте. Этот вопрос регулируется также Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2].

Спортивное право, как и любая другая отрасль права, внутренне состоит из соответствующих элементов, к которым относятся институты и субинституты. К одному из особых институтов спортивного права необходимо отнести такой институт,

как спортивная медицина. Как отмечает С.П. Миронов, термин «спортивная медицина» получил широкое распространение примерно в пятидесятые годы прошлого века. С момента своего зарождения эта медицинская дисциплина называлась «врачебный контроль за здоровьем лиц, занимающихся физической культурой и спортом». Вся история развития спортивной медицины тесно связана с ростом и развитием физической культуры и спорта в нашей стране. Каждый новый этап в жизни отечественного физкультурно-спортивного движения выдвигал новые задачи перед спортивной медициной и стимулировал дальнейший ее прогресс [3, С. 599–608]. Спортивная медицина является неотъемлемой частью единой системы физического воспитания граждан России, поэтому должна охватывать большинство россиян, в том числе школьников, студентов средних специальных, высших учебных заведений и других учебных заведений, а также всех, занимающихся физической культурой и спортом в коллективах физкультуры, спортклубах и добровольных спортивных обществах.

В последние годы все ярче выявляется тенденция недоверия к возможностям спортивной медицины со стороны тренеров. Слишком часто звучит критика в низкой эффективности работы медицинской службы. Спортивные врачи должны понимать, что изначальная причина создавшейся ситуации в неспособности современной официальной спортивной медицины в полном объеме соответствовать своему назначению [4, С. 46–51]. Сегодня спортивная медицина представлена спортивной травматологией и врачебным контролем, не всегда отвечающими требованиям даже массового спорта [7, С. 213], а в элитном спорте – еще и спортивной фармакологией. Хотя тренеры и вынуждены обращаться в диспансеры спортивной медицины за допуском к соревнованиям, они предпочитают в отдельных случаях, помощь специалистов узкой медицинской специализации. Одна из причин сложившейся ситуации – фактическое отсутствие изменений в спортивной медицине за три прошедших десятилетия. Только соответствие спортивной медицины современным требованиям дает право говорить о реальной значимости данной медицинской специальности, а значит, и о ее праве на существование. Любое значимое достижение в спорте – это всегда результат многолетнего труда не только спортсмена, но и большого круга специалистов, входящих в тренерский штаб. И не последнюю роль в этом играют спортивные врачи [5, С. 88–92].

Существующее сегодня медицинское обеспечение спорта в нашей стране имеет следующие особенности:

- полная доступность неотложной и плановой медицинской помощи в лечении травм и заболеваний, в том числе доступность медицинского этапа реабилитации;
- недостаточное число врачей-специалистов, знакомых со спорт-ассоциированной патологией и особенностями гомеостаза у спортсменов;
- ограниченность реальной базы спортивной реабилитации по видам спорта, а также реабилитологов, подготовленных к особенностям проведения реабилитации спортсменов;
- неоптимальная доступность обеспечения фармакологическими препаратами, биологически активными добавками и спортивным питанием из-за антидопингового ограничения применения лекарственных средств и фармакологических добавок при проведении восстановительного лечения спортсмена; предварительного годового планирования без учета текущей необходимости, что создает большие сложности в подборе максимально эффективных средств;
- проблема питания спортсменов вследствие особенностей менталитета, препятствующих их самостоятельному питанию с соблюдением индивидуальной диеты; недостаточного развития сети доступных пунктов организации питания: либо дорого, либо небезопасно; отсутствия антидопингового контроля продуктов специализированного спортивного питания и биологических добавок к пище;
- минимально достаточный врачебный контроль в лабораторных условиях диспансеров спортивной медицины и Республиканского научно-практического центра спорта, в силу ограниченности их пропускной способности;
- при формировании спортивной науки не всегда учитывается стремительно увеличивающееся число новых видов спорта, особенно экстремальных.

Кроме этих глобальных проблем, надо выделить и не менее важные научно-организационные и правовые проблемы повышения эффективности медицинского обеспечения:

1. отсутствие четких критериев оценки самого понятия медицинского обеспечения спорта;
2. отсутствие научного обоснования места, роли и ответственности медицинской службы как в системе подготовки спортсменов национального уровня, так и в достижении высоких спортивных результатов;
3. неопределенность должностных обязанностей и полномочий врача спортивной медицины в рамках задачи усиления и сохранения спортивной работоспособности;
4. отсутствие четкого научного понимания, какие действия медицинской службы в наибольшей степени определяют спортивный результат;
5. отсутствие юридически закрепленных технологий взаимодействия врача и тренера в формировании психофизиологической готовности спортсмена к тому или иному уровню тренировочной и соревновательной нагрузки.

Последний пункт особенно важен, поскольку медицинская служба, так или иначе, всегда реагирует на педагогические решения тренера, зачастую не имея возможности участия в их формировании и не располагая четкими критериями оценки собственно медицинского труда. Отсюда закономерное отношение к спортивным врачам только как к помощникам тренеров. При этом ответственность за конечный спортивный результат несут и тренер, и врач команды. В этой связи, не снимая коллективной ответственности за конечный спортивный результат, необходимо разделить ее педагогическую и медицинскую составляющие за его получение.

Чтобы повысить эффективность медицинского обеспечения надо разработать такие показатели деятельности медицинской службы спорта, которые:

- во-первых, сами будут ориентировать врачей на результат – максимальное повышение и сохранение спортивной работоспособности;
- во-вторых, будут носить черты собственно медицинского труда и существенно влиять на финансовую оценку деятельности спортивных врачей;
- в-третьих, будут процессуально ориентированы для количественной оценки медицинского труда и возможности квалификационного роста.

Соответствие показателей квалификационным требованиям позволит поставить врачей спортивной медицины в те же условия, в которых и любые другие врачи-специалисты, с возможностью фиксировать медицинские параметры своей деятельности и составлять по ним отчет о проделанной работе, безотносительно к итоговому спортивным результатам.

Таким образом, появится возможность: сформировать технологию содружественного взаимодействия врача и тренера при выработке и индивидуализации тренировочных программ; объективизировать собственно медицинскую составляющую спортивного результата и ответственность за нее; акцентировать внимание врача и тренера на достижении конкретного уровня функциональной готовности к планируемому спортивному результату; подготовить образовательные программы для подготовки и повышения квалификации спортивных врачей на основе разработанных протоколов.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. От 31.12.2014; с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2015) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
3. *Миронов С. П.* Становление и развитие спортивной медицины в России. С. 599–608.
4. *Павлов С. Е.* Современная спортивная медицина / С. Е. Павлов // Вестник спортивной медицины. – 1999. – № 3 (24). – С. 46–51.
5. *Павлов С. Е.* Спортивная медицина – проблема образования / С. Е. Павлов [и др.] // Матер. научно-практ. конф. «Актуальные проблемы дополнительного профессионального образования в сфере физической культуры, спорта и туризма». – М.: РФАФК-ИППК, 2001. – Ч. 1. – С. 88–92.

6. Сердюков А.В. Спортивное право как комплексная отрасль законодательства: автореф. канд. юридических наук. Москва, 2010. 26 с.

7. Спортивная медицина / под ред. А.В. Смоленского. – М.: Academia, 2015. – 319 с

УДК 349.2

А. П. Утина

АНО ВО «Российский новый университет»

Юриспруденция

Россия, Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ

Аннотация. в данной статье анализируется развитие законодательства в области спортивного права России, выявляются недостатки и пробелы в законодательстве разных уровней в данной отрасли.

Ключевые слова: спортивное право, право, нормативный правовой акт, правовые основы физической культуры и спорта.

A. P. Utina

ANO VO "Russian New University"

Jurisprudence

Russia, Moscow

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SPORTS LAW IN RUSSIA AND ABROAD

Abstract: this article analyzes the development of legislation in the field of sports law both in Russia and in foreign countries, identifies shortcomings and gaps in legislation at different levels in this industry.

Keywords: sports law, law, regulatory legal act, legal foundations of physical culture and sports.

Сравнительно новым направлением развития российской юриспруденции, охватывающим общественные отношения, возникающие в сфере физической культуры и спорта, является отрасль спортивного права. С.В. Алексеев и Р.Г. Гостев предлагают понятие спортивного права, отражающее его сущностные характеристики как отрасли права: «Это специализированная комплексная отрасль права, представляющая собой систему правовых и регламентных норм, которыми закрепляются основные принципы, формы и порядок физкультурно-спортивной деятельности, совокупность норм, характеризующихся их общностью и специфичностью, а также обладающих определенной автономностью в системе права» [2, С.121].

В системе российского права активно формируется и развивается законодательство, регулирующее физкультурно-спортивные отношения, постепенно нарабатывается административная и судебная практика применения этого законодательства, происходит активное становление данной отрасли.

В соответствии с этим правовое регулирование сферы физической культуры и спорта приобретает особую актуальность и нуждается в дальнейшем развитии.

Несмотря на то, что с 2001 года в Российской Федерации на федеральном уровне были приняты нормативные правовые акты, определяющие государственную политику в данной области, ее развитие возможно оценивать, как неоспоримое достижение, но тем не менее, они не решают всех проблем и вопросов, возникающих в области физической культуры и спорта [6, С.169].

Необходимость повышения результативности государственного управления в области спорта, включая совершенствование нормативно-правовой основы в этой области, определена также состоянием общественных отношений и правоприменительной практики в области спорта в России, характеризующимся наличием существенных недостатков.

В настоящее время, единственной страной, в которой имеется единый правовой акт по регулированию отношений в области спорта является Франция, в которой принят Спортивный кодекс, обобщающий новые тенденции в развитии законодатель-

ства о спорте. Данный кодекс обеспечил существенный толчок развитию спорта и создал реальные условия для эффективной борьбы с преступлениями в данной области.

Государственный Совет Французской Республики продолжает поиски целесообразной спортивной инфраструктуры. Однако, по мнению

Д.И. Рогачева, существуют проявляющиеся на практике внутренние противоречия между нормами Спортивного кодекса Франции [8, С.7]. Но несмотря на это, эти недостатки в скором времени должны решиться путем внесения необходимых изменений и поправок.

Также следует подчеркнуть необходимость кодификации нормативных правовых актов в области спорта в таких государствах, как США и Испания, где таких актов существует множество [11, С.350].

Министерство спорта Российской Федерации, которое осуществляет полномочия по выработке и реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта, самостоятельно принимает нормативные правовые акты, позволяющие ему в полной мере реализовать весь комплекс государственных функций и полномочий по управлению данной отраслью в России [4, С.38]. Однако, как справедливо отмечает Е.К. Дроздова, осуществляя обширный ряд полномочий, Министерство спорта не может обеспечить реализацию государственной политики в рассматриваемой сфере на всех уровнях государственной власти [5, С.56].

Следует отметить, что на всех уровнях государственного управления в долгосрочной перспективе стоит задача по увеличению вовлеченности населения в регулярные занятия спортом [7, С.336]. Следует заметить, что с 2010 по 2019 год доля населения, систематически занимающегося спортом, увеличилась более чем в 2 раза – с 19 процентов до 43 процентов. Таким образом, будущий рост доли населения, систематически занимающегося спортом, будет возрастать [9, С.48].

Несмотря на то, что в Федеральном законе о спорте отдельная статья (31) закона посвящена адаптивной физической культуре, физической реабилитации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, обязательного в ее исполнение подзаконного акта до сих пор нет [1]. Существуют лишь рекомендательные документы от Министерства спорта Российской Федерации [8, С.6].

В судебной практике нашего государства есть наглядный пример отсутствия адаптивной физической культуры в регионах. Так, действующая в интересах несовершеннолетнего мать обратилась в суд с иском к директору «Краевой детско-юношеской спортивной школы» г. Ставрополя и Министерству физической культуры и спорта Ставропольского края, в котором просила признать действия директора спортивной школы в отношении ее сына, выразившиеся в дискриминации его прав на занятие плаванием, незаконными, восстановить нарушенные права ребенка и зачислить его в спортивную школу для занятий плаванием, разработать для него индивидуальную адаптированную образовательную программу, обязать Министерство образования и молодежной политики Ставропольского края выделить дополнительные бюджетные средства для реализации адаптированной образовательной программы в области физического развития детей-инвалидов по слуху. В удовлетворении исковых требований было отказано в полном объеме.

Россия участвует регулярно в созываемых конференциях министров спорта государств членов Совета Европы. Так, Конвенция, которая была принята на конференции в 2014 году направлена на предупреждение, выявление и управление национальными и международными спортивными соревнованиями и содействие сотрудничеству на национальном и международном уровнях между органами государственной власти, которые выражают свой интерес в данной сфере [14].

По мнению А.В. Сердюкова в целях повышения эффективности борьбы с экономической и налоговой преступностью в России представляется разумным разработать полноценную программу концептуальных исследований по наиболее важным проблемам экономической безопасности Российской Федерации при подготовке к крупным международным спортивным событиям [10, С.55]. Я считаю вполне обоснованным данную разработку таких исследований в целях повышения безопасности спортивных мероприятий.

С. Р. Филонова

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, СаратовПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СПОРТИВНЫХ АГЕНТОВ В ФУТБОЛЕ

Аннотация. в статье рассматриваются правовые источники, регулирующие деятельность спортивных агентов в футболе. На основе анализа выделены проблемы в правовом положении спортивных агентов. Автором статьи предлагаются решения данных проблем, которые связаны с ограничением прав деятельности футбольных посредников.

Ключевые слова: спортивное право, спортивный агент, договор, аккредитация, выплаты, футбол.

S. R. Filonova

Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, SaratovLEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF SPORTS
AGENTS IN FOOTBALL

Abstract. the article deals with the legal sources regulating the activities of sports agents in football. Based on the analysis, the problems in the legal status of sports agents are highlighted. The author of the article proposes solutions to these problems, which are associated with the restriction of the rights of football intermediaries.

Keywords: sports law, sports agent, contract, accreditation, payments, football.

На сегодняшний день спорт является неотъемлемой частью жизни многих людей. Для некоторых спорт – это не просто образ жизни, но и работа. В данной сфере можно выделить не только спортсменов и тренеров, но и спортивных агентов. Переход спортсмена, тренера в другую команду, условия контракта – одни из главных направлений деятельности спортивных агентов.

Футбол в Российской Федерации является одним из главных видов спорта. Объём денежных средств, которые находятся в данном виде спорта составляют сотни миллионов евро, если не миллиарды. В 2020 году было совершено более 2,3 тысяч продаж игроков в российских чемпионатах, а выручка составила около 900 миллионов долларов. При переходе игроков из одной команды в другую, заметную роль играют спортивные агенты. Лишь в 2020 году агентские выплаты в Российской Федерации составили 108,4 миллионов долларов.

В настоящей статье хотелось бы проанализировать проблемы в области регулирования деятельности спортивных агентов на футбольном трансферном рынке.

Деятельность спортивных агентов закреплена в статье 19.3 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ [1]. В вышеуказанном законе регламентируются их права и обязанности. Данный источник, как отмечает Пузырёва А.Н., «не регулирует отношения по спортивному агентированию» [2, С.161].

Согласно Федеральному закону «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ, спортивные агенты должны быть аккредитованы со сроком не более 5 лет, соблюдать законодательство Российской Федерации, имеют право на обращение в третейские суды и медиацию для разрешения споров, могут заключать договор со спортсменами, с тренерами и профессиональными клубами, но не должны участвовать в каких-либо азартных играх, связанных со сферой их деятельности и на безвозмездной основе трудоустраивают спортсменов в профессиональные спортивные клубы, не достигших шестнадцати лет.

Первой проблемой в регулировании деятельности спортивных агентов является тот факт, что в статье 19.3 Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»

Для разрешения спортивных споров во многих странах, в частности таких, как Греция, Бразилия, Италия и Канада, существует система спортивных судебных органов, созданных для разрешения отдельных категорий, возникающих в области спорта [12, С.46]. В Российской Федерации с 2003 г. действует Автономная некоммерческая организация «Спортивная Арбитражная Палата», при которой в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» в 2004 г. был создан Спортивный арбитражный суд (САС), ставший первой в России судебной инстанцией, которая рассматривает исключительно споры в области спорта и физической культуры. Однако в большинстве стран создание подобных специализированных органов законом не предусмотрено.

Все эти аспекты не способны полно раскрыть все имеющиеся проблемы в области правового регулирования спорта, однако их разработка позволит в большей степени преодолеть пробелы в правовом регулировании спортивных отношений, что приведет к совершенствованию и обогащению отрасли спортивного права.

Таким образом, эволюция спортивного права оказывается непрерывной, оно постоянно изменяется и обновляется, испытывая на национальном уровне влияние глобализации спортивного права.

Для решения проблем и вопросов, возникающих в сфере физической культуры и спорта одним из перспективных вариантов решения является кодификация законодательства о спорте, разработка, создание и принятие единого отраслевого законодательства как системы, а именно Спортивного кодекса Российской Федерации, содержащего общую и особенную части, который обеспечит комплексное правовое регулирование отношений в области спорта, а также регулирование надлежащего государственного и муниципального управления в этой сфере и основанной на единстве терминологии, приоритетов и принципов организации, обеспечения, осуществления и развития спортивной деятельности.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 02.07.2021).
2. Алексеев С. В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта. / М: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2018 С. 128.
3. Гусов К.Н., Шевченко О.А. Спортивное право: правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей – М., 2019.
4. Дроздова Е.К., Калашникова Е.Б. Актуальные проблемы спортивного права // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2018. № 1. С. 56–57.
5. Круглов В.В. Проблемы и перспективы кодификации спортивного законодательства России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 165–176.
6. Маркова Ю.Д. Перспективы становления спортивного права как отрасли / Ю.Д. Маркова. // Молодой ученый. 2020. № 46 (336). С. 284–286.
7. Рогачев Д.И. О Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Москва, 2018 год, С. 5–10
8. Сараев В.В. Спортивное право, как комплексная отрасль права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2. С. 47–49.
9. Сердюков А. В. К вопросу о кодификации спортивного законодательства // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 54–56.
10. Соловьев А. А. Актуальные проблемы спортивного права: Кодификация законодательства о спорте. Спорт и вузы. – М., 2017. С.350.
11. Соловьев А. А. О концепции проекта Спортивного кодекса России // Юрист ВУЗа. 2018. № 5. С. 44–50.
12. Спортивный кодекс Франции: предисловие д.ю.н., проф. С.В. Алексеева. – М., 2017.–134 с.
13. Апелляционное определение от 8 мая 2018 г. по делу № 33-2907/18
14. Постановление Правительства РФ от 12 сентября 2014 г. № 929 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями».

Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ не дано определение спортивных агентов. Прописываются лишь их права и обязанности, что свидетельствует о неполной регламентации правового положения спортивных агентов в данном источнике. На наш взгляд, на законодательном уровне нужно установить определение спортивных агентов, так как в различных видах спорта спортивные агенты именуется другим термином. Нами предлагается следующее определение спортивного агента – физическое или юридическое лицо, который правомочен представлять интересы игрока, тренера или спортивного клуба на основании аккредитации и агентского договора в области спортивных отношений.

Правовое положение спортивных агентов закрепляется не только в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ, но и в других нормативно – правовых актах. Регламент Российского Футбольного Союза по работе с посредниками детально регламентирует правовое положение футбольных спортивных агентов, именуя их как «посредники» [3, С. 3]. Вышеуказанный источник регламентирует порядок прохождения аккредитации для спортивных агентов. Аккредитацию может получить лишь физическое лицо. Данный факт указывает о том, что при нарушении Регламента РФС, посредник, сдавший экзамен, как один из представителей юридического лица, может лишиться всю компанию права заниматься агентской деятельностью. Предлагаем выдавать аккредитацию только физическим лицам, как отдельным субъектам, а не физическому лицу, выступающего от имени всей компании.

Согласно Регламенту, агентами не могут быть лица, к кому применялись спортивные санкции в виде спортивной дисквалификации на срок 6 месяцев или более и /или запрета на осуществление деятельности в футболе на любой срок в течение последних 10 лет до даты подачи заявления об Аккредитации, а также лица, которые имеют неснятую или непогашенную судимость. Чтобы стать спортивным агентом нужно иметь высшее образование или среднее общее образование, оплатить взнос, который составляет 50 тысяч рублей, и успешно пройти экзамен.

Другой проблемой является то, что согласно Регламенту Российского Футбольного Союза по работе с посредниками, агентам запрещено контактировать со спортсменами, их родителями до достижения игроками шестнадцати лет, что противоречит Федеральному закону «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и статье 23 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о неприкосновенности частной жизни [4]. На наш взгляд, нужно снять данное ограничение в Регламенте Российского Футбольного Союза, которое позволит спортивным агентам контактировать с футболистами, не достигшими шестнадцати лет и их законными представителями для заключения агентского договора.

Согласно Регламенту Российского Союза по работе с посредниками, лицо, не достигшее восемнадцати лет, не обязан выплачивать денежное вознаграждение посреднику. Данное условие предполагает, что посредник лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, может не получать агентских выплат за осуществление своих обязанностей согласно условиям контракта, так как сам же игрок получает доход за осуществление своей деятельности. Во избежание таких случаев, следует убрать из данного Регламента Российского Футбольного Союза это условие и обязать несовершеннолетних игроков исполнять обязанности по выплате агентского вознаграждения, которое прописано в договоре.

Вышеуказанный источник ссылается на Регламент ФИФА по работе с посредниками, в котором установлен желаемый объем выплат для посредника – это до 3 % от валового дохода за весь срок контракта [5, С. 11].

Другим пробелом в законодательстве является тот факт, что есть ограничение в агентских выплатах. Несомненно, это ограничивает права футбольных спортивных агентов. Но не всегда условие о желательной выплате, которую устанавливает Регламент ФИФА осуществляется, что вызывает неравное положение спортивных агентов. Для решения данной проблемы следует разрешить лицам, заключающим агентский договор, самим определять сумму агентских выплат. Как считают Г.А. Андронов и Э.В. Глухов, «агент не заинтересован в повышении эффективности своей работы, поскольку снижается его личный заработок» [6, С. 37].

Для разрешения споров между посредниками, футболистами и тренерами была создана в Российском Футбольном Союзе Комиссия по работе с посредниками как вид медиации.

Спортивный агент может заключать договор с футболистом, тренером или клубом на срок не более 2 лет. Содержание агентского договора прописано в статье 1005 Гражданского Кодекса Российской Федерации [7]. Лицо, выступающее посредником, именуется как агент, а сама сторона, с которой заключается договор – принципал. В договоре между сторонами прописываются выплаты.

При нарушении положений Регламентов ФИФА или Российского Футбольного Союза спортивным агентом, предусмотрены санкции. Ими могут быть как штраф (от 50 000 до 500 000 рублей), так и предупреждение, приостановление действия Свидетельства Посредника или лишение Свидетельства Посредника.

Подводя итоги, можно выявить, что правовое положение спортивных агентов, в частности футбольных, в Российской Федерации детально не регламентировано в одном источнике. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ, прописывая лишь права и обязанности спортивных агентов, в остальном ссылается на другие источники. В футболе ими выступают Регламенты РФС и ФИФА. В ходе исследования были обнаружены неправомерные ограничения деятельности футбольных посредников. Следует ограничить российские спортивные федерации в полномочиях в регулировании деятельности спортивных агентов, так как иногда некоторые положения являются неправомерными, ограничивают права посредников в осуществление ими своей профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). // «Российская газета», № 276, 08.12.2007.
2. Лузырева А.Н. Агентский договор и его виды проблемы квалификации и правового регулирования: автореф... дис. на соискание ученой степени кан. юр. наук. М.: 2014. 258 с.
3. Регламент РФС по работе с посредниками. URL: 60c8cfbdec807.pdf (rfs.ru) (дата обращения: 08.11.2021).
4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета», № 237, 25. 12.1993 г. 5. Регламент ФИФА по Работе с Посредниками. URL: untitled (uaf.ua) (дата обращения: 08.11.2021).
6. Андронов Г.А. Агенты и трансферный контракт: законность и этичность / Г. А. Андронов, Э. В. Глухов. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 3.2 (107.2). С. 33–37. URL: <https://moluch.ru/archive/107/26163/> (дата обращения: 04.11.2021).
7. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021). // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, № 5, ст. 410.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ: ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ, ОРИЕНТИРЫ НА БУДУЩЕЕ

УДК 34.096

Е. Ю. Елисеев

*Санкт-Петербургский Государственный Университет
Россия, Санкт-Петербург*

ОБРАЩЕНИЕ К КОНЦЕПЦИИ ЮРЬЕВА ДНЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье предложен и раскрыт механизм внедрения принципов Юрьева Дня в современное российское законодательство, что в идеале послужит началом для изменения антимонопольной политики государства. В результате анализа обозначены достоинства и недостатки предложенного метода, а также пути его реализации.

Ключевые слова: Юрьев День, антимонопольная политика, конкуренция, избирательное право.

E. U. Eliseev

*Saint Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg*

REFERRING TO THE CONCEPT OF ST. GEORGE'S DAY IN THE FIELD OF CONSUMER PROTECTION AND OF ANTIMONOPOLY SERVICE IN TODAY'S RUSSIA

Abstract. In article is proposed and justified the mechanism for implementation the principles of St. George's Day's in the Russian laws. Perfectly, that will stay a start of changing Antitrust Policy. As a result of the analysis, the advantages and disadvantages of the method were indicated. Moreover, there are ways to solve a problem of author's technique.

Keywords: St. George's Day, antitrust policy, competition, suffrage.

Одной из удивительных особенностей отечественного права является то, что российский законодатель часто принимал ключевые решения с оглядкой на Православную церковь, реже – на языческие корни. Так, значимые политические шаги или публичные издания памятников Русского Права нередко были приурочены к какому-либо празднику:

– 28 апреля 1185 года – второе воскресенье после Пасхи, финальная битва Игоря с половцами;

– 6 августа 1378 года, День Преображения Господня, битва на р. Вожа войск Дмитрия Донского и Мамай;

– 4 февраля 1498 года в день памяти Святого Тимофея, ученика Иисуса и борца с язычеством, опубликован Судебник Ивана Великого (о его содержании речь пойдет ниже).

В XIX веке, с появлением «теории официальной народности», явление привязки закона к православию заимело второе дыхание, так как православие стало одним из столпов общества по закону. Этот список можно продолжать вплоть до 1914 года, то есть до фактической дискредитации имперского законодательства.

Интересных примеров было достаточно много и помимо вышеприведенных, но заслуживающим особое внимание прецедентом является славянский праздник Юрьев день, отмечаемый 26 ноября, который заимел в Судебнике 1497 года правовой статус. [2]

Вешний и осенний дни имени Святого Георгия (Юрьев/Егорьев) – два зеркальных православных праздника, отмечавшиеся в апреле и в ноябре соответственно. Законодатель придал статус абсолютного события Осеннему Юрьеву дню – за неделю до него и неделю после этого дня крестьяне обретали новые права, которых лишались вновь уже в начале декабря. Так, крестьянин (еще не крепостной) мог уйти от своего хозяина к другому, выплатив пожилое или его часть, что зависело от срока проживания крестьянина у нынешнего помещика.

Традиционно считается, что формализация крестьянского выхода в рамках Судебника является начальным этапом закреп-

ления крестьян, так как дальше были введены заповедные лета, а после и урочные – в результате крестьяне были закреплены за полтора столетия. Спорить с этим утверждением трудно, роль Судебника 1497 года в процессе закрепощения крестьян доказана современными и советскими историками. [1]

Однако не стоит думать, что перед Иваном III и коллективом авторов сборника законов стояла цель положить начало закрепощению крестьян. На самом деле, легализация и регламентация крестьянского выхода поспособствовали усилению власти московского князя на местах без удара по казне. Подробнее о механизме такого воздействия: крестьянин заканчивает заготовительные работы в поле, выплачивает помещику некую сумму денег и уходит к другому, однако полученные деньги не компенсируют землевладельцу утраченных рабочих рук. [2] Рассмотрим последствия крестьянского выхода в перспективе двух недель до и после Юрьева Дня:

– У помещика А было 10 крестьян, как и у помещиков В и С. Крестьяне помещика А были обесцены, из-за чего половина из них (5 человек) ушли к более лояльному помещику В;

– Теперь у помещика В – 15 крестьян, у А – 5, а у С – 10. Помещик А будет решать проблему, ибо понимает, что даже полученные от ушедших деньги не помогут ему весной, когда нужны будут рабочие руки. Тогда этот самый помещик уменьшает требования к крестьянам и /или увеличивает выплаты за труд. Благодаря этому к нему придут в поисках лучшей жизни уже крестьяне помещика С – тоже пятеро;

– Теперь у А – 10, у В – 15, у С – 5. Аналогично тому, что случилось ранее, помещик С тоже смягчит требования, чем привлечет пятерых крестьян, которые устали жить и работать у В. Таким образом, по истечении этих двух недель помещики остаются при том же количестве крестьян, получают деньги, но тут же вынуждены вложить их в повышение привлекательности своего угодья (то есть почти не богатеют), а крестьяне получают новые условия труда, его оплаты и «новые возможности», весьма иллюзорные. Князь же в этом всё, фактически не принимая никакого участия, получает ослабленную изнутри дворянскую прослойку и относительно довольное, но до-смешного стабильное и статичное крестьянство.

Стоит обратить внимание на то, что в рамках одного цикла крестьянского выхода переходить от одного к другому будут не одни и те же крестьяне, а всегда разные по причине того, что условный крестьянин Х перешел к помещику А, заплатив помещику В пожилое и еще некоторые выплаты. Этот тяжелый финансовый удар не позволит тому же крестьянину перейти на следующий день уже к помещику С, вместо него к С уйдут «коренные» В-крестьяне, которые еще относительно при деньгах.

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод о том, что механизм крестьянского выхода в Юрьев День был чем-то принципиально новым в отечественной политике – саморегулирующейся системой, которая так и действовала бы дальше, если бы это было выгодно всем трем сторонам «сделки»: князю, крестьянам и помещикам. На деле же, ущемлялись права землевладельцев (хоть и вполне резонно), князь при помощи крестьян каждый год планомерно и циклически подкашивал экономическое состояние будущих дворян, вместе с этим сводя практически на ноль процент самоуправления или самоуправления. Любой помещик, который не стал бы поддаваться на осеннюю провокацию, неизбежно потерял бы свое хозяйство если не через год, то в течение пяти лет точно.

Важно отметить еще раз, что приведенные в пример цифры максимально условны – понятно, что крестьян у каждого помещика было разное число, что прийти и уйти в один крестьянский выход в рамках одного хозяйства могло не одинаковое количество людей, да и что хозяйств этих далеко не три... На примере этих трех хозяйств и тридцати крестьян был объяснен административный принцип, заложенный законодателем – можно было ввести в условие 15 помещиков и 123 456 крестьян, разделив их между хозяйствами неравномерно, дабы подчинить наш сюжет исторической действительности. Однако это лишь усложнило бы схему, не изменив ее сути: помещики оставались

примерно с тем же количеством крестьян, крестьяне в течение года возвращались к состоянию, как на момент их недовольства – это заставляло их переходить снова и снова, заставляя помещиков из года в год понижать требования до среднего значения.

На данном этапе можно постепенно отойти от исторического контекста и взять лишь концепцию, механизм, алгоритм действий:

1) Некая группа лиц без доступа к власти получает право изменить свое положение, но в пределах горизонтальной мобильности;

2) Резкая «миграция» в пределах одной и той же сферы заставит администрацию этих людей уменьшить требования к ним и /или увеличить затраты на них;

3) Как только такие меры предпримет одна из администраций, начнется конечный цикл «перехода» людей от одной администрации к другой;

4) В конечном итоге, социальная повестка в среднем станет лучше и примерно одинаковой, положение безвластных лиц не изменится, а администрации будут вынуждены действовать по принципам рыночной конкуренции.

Теперь, когда был выявлен алгоритм с переменными «безвластные», «администрации», «сфера», «некое право» и «сниженные требования/повышенные траты», можно применить его к реалиям современного мира. «Безвластными» сегодня в большинстве индустрий считаются две категории людей – 1) потребители и 2) наемные рабочие. Тогда для каждой из них можно подобрать соответствующие оставшиеся переменные. «Администрации» как для потребителей, так и для наемных рабочих – фирмы/корпорации. Здесь мы уже приближаемся к сути и перспективам внедрения более чем пятисотлетней методики в современное законодательство.

Переменная «требования/затраты» для различных «» безвластных отличается. Так, для 1) потребителей будет наиболее актуально, если корпорация увеличит затраты на этих людей, то есть будет за счет своих внутренних ресурсов понижать рыночную стоимость того или иного продукта, чтобы вернуть ушедшего потребителя. 2) Наемные рабочие же заинтересованы в снижении требований к ним, вместе с этим и в увеличении затрат в виде повышения зарплаты, премий, надбавок и другого. «Сфера» же, очевидно, для первой категории лиц – сфера торговли (обмен, потребление), а для второй категории – сфера производства (производство, распределение).

На данный момент мы имеем следующее: потребителю или наемному рабочему дается «некое право», реализация которого не меняет кардинально его образ жизни, сферу деятельности или социальный статус. Это в свою очередь влечет за собой активную «миграцию» рабочих и потребителей между корпорациями, что заставляет корпорации в свою очередь понижать требования к недовольным и тратить определенные денежные ресурсы на привлечение обратно человеческого ресурса. Те же компании, которые не последуют по этому пути, будут вынуждены работать в более сложных, неконкурентных условиях, что может привести к его упадку или ликвидации в будущем (вспомним о помещиках, которые теряли крестьян в Юрьев День безвозвратно).

Сейчас, когда у нас есть готовая модель, можно подумать о том, где конкретно это может быть применимо: Антимонопольная Служба может занять доступ к такому механизму и более эффективно бороться с картельными сговорами и гигантскими корпорациями; менее масштабно, но не менее актуально этот метод сработает в сфере розничной торговли – сетевым и частным магазинам придется снижать цены на продукцию. Здесь вы можете возразить, что тогда не будет окупаться доставка товара и закупка его оптом – тут сработает аналогичный механизм, при внедрении данного алгоритма компаниям доставки товара в магазины придется снизить цены, а из-за этого вновь придется применить механизм Юрьева Дня к корпорации, которая этот товар производит. «Как же быть фирмам? Они могут обанкротиться!» – тут они уже начнут выступать в роли потребителя, а администрацией станут инвесторы, в чьих интересах сохранить крупный бизнес и свои сбережения.

Остается главный вопрос – что подразумевается под «неким правом»? Будет ли оно тоже основано на даровании свободы

выбора или перемещения на определенный срок? Однозначно нет, демократический строй большинства стран мира обеспечивает эти права на постоянной основе. Однако верно это лишь отчасти – на самом деле, такая концепция уже предлагалась 8 лет назад в рамках жилищного законодательства. Об этом писал Общероссийский Народный фронт 4 мая 2013 года – статья называлась «Юрьев день» – интересная инициатива для ЖКХ». [3] Там предлагалось дать людям право выбрать управляющую коммунальную организацию, но концепция Юрьева дня была скопирована и никак не интерпретирована, поэтому идея нешла воплощения в реальном законодательстве.

Во-первых, это «некое право» должно быть единовременным, то есть применяться раз в определенный срок. Такая концепция очень похожа на нынешнюю систему избирательного права. По факту, оно есть у гражданина всегда, но применить его он может только в определенные государством дни. Так же было бы разумно применить тот же возрастной ценз, то есть дать возможность реализовать это право лишь совершеннолетним гражданам.

Во-вторых, «некое право» должно иметь распространяться на юридические и физические лица, в идеале – и на государство. То есть, строго говоря, обеспечиваться такое право должно гражданским законодательством, а охраняться – Административным. Только тогда будет возможно максимально эффективно реализовать эту методику в демократическом государстве.

В-третьих, сроки реализации «некого права» следует привязать к праздничным дням, достаточно долгим – соизмеримым с двумя неделями в XV веке. В этом плане подходит период новогодних праздников, который психологически является окончанием некоего производственного и жизненного цикла, подобно Юрьеву Дню для крестьян. То есть «некое право» будет появляться у людей в соответствии с установленным производственным календарем на год.

В-четвертых, само это «некое право» будет трудно внести в Конституцию страны, так как внесение подобного рода поправок обязательно сопровождается сменой Конституции. Более эргономичным вариантом для государства будет в формате ФКЗ дать «некому праву» юридическую и общественную жизнь.

Наконец, что из всего вышесказанного будет представлять из себя эта загадочная переменная «неким правом» будет третий вид избирательного права (помимо классических пассивного и активного), которое сможет реализовать не только физическое, но и юридическое лицо. Такое право будет реализовываться всеми полностью дееспособными субъектами права путем индивидуального голосования с открытой статистикой для того, чтобы дать возможность корпорациям/инвесторам в режиме онлайн менять ситуацию в свою сторону. Проще говоря, такой формат «выборов» будет представлять из себя своеобразный рейтинг финансово и социально значимых субъектов экономики. Назвать это право предлагается «право гражданского выбора» или «гражданское избирательное право».

Подводя итог всему вышесказанному в этой статье, важно сказать о том, что концепции прошлого никогда не устаревают – важно лишь уметь видеть алгоритмы и методы, которые менялись тогда, и правильно реализовывать их в современном мире. То, что когда-то имело потенциал стать социально-экономическим или политическим феноменом, но не стало из-за условных «злых и жадных дворян» может и должно найти отражение в другое время, когда государство уже достаточно для этого повзрослело.

Список литературы:

1. Лопачева С.А. Позапальный процесс закрепощения крестьян: причины и уроки / С.А. Лопачева; Южно-Российский институт управления, филиал РАНХиГС. // Вестник Ростовского социально-экономического института. – 2007. – июль-декабрь. – с. 793–800.
2. Судебник 1497 года / под редакцией Б.Д. Грекова. – Москва, 1952. – 108 с.
3. Брусникин Н. «Юрьев день» – интересная инициатива для ЖКХ / Н. Брусникин. // Общероссийский народный фронт. – 04.05.2013. – <https://onf.ru/2013/05/04/yur-ev-den-interesnaya-INITIATIVA-DLYA-ZHKH/> (дата обращения: 31.10.2021).

И. Г. Лаврова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Юридический факультет им. М. М. Сперанского
Россия, Москва*

СОСТОЯНИЕ ЦЕНЗУРЫ В ЭПОХУ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Аннотация. Вектор развития цензуры был заложен Петром I, но несмотря на столь существенный вклад в её формирование, ближайшие преемники императора не смогли сохранить столь высокую планку развития. В данной статье автором были рассмотрены основные моменты деятельности видных монархов эпохи дворцовых переворотов в вопросах цензуры и упомянуты недостатки в реализации их цензурной политики.

Ключевые слова: цензура, эпоха дворцовых переворотов, Академия наук, Синод, Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна.

I. G. Lavrova

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Faculty of Law named after M. M. Speransky
Russia, Moscow*

THE STATE OF CENSORSHIP IN THE ERA OF PALACE COUPS

Abstract. The vector of censorship development was laid down by Peter I, but despite such a significant contribution to its formation, the emperor's closest successors could not maintain such a high level of development. In this article, the author examined the main points of the activities of prominent monarchs of the era of palace coups in matters of censorship and mentioned shortcomings in the implementation of their censorship policy.

Keywords: censorship, the era of palace coups, Academy of Sciences, Synod, Catherine I, Anna Ioannovna, Elizabeth Petrovna.

Как известно, процветание и развитие страны во многом зависит от политики того, кто её возглавляет. Степень заинтересованности и участия главы государства в осуществлении цензуры определяют отношение подданных к книжной продукции и общий уровень грамотности среди населения. В эпоху дворцовых переворотов можно наблюдать спад личной заинтересованности монархов в развитии отечественной науки и искусства, и только с приходом к власти Елизаветы Петровны продолжился начатый её отцом, Петром I, расцвет российского образования, а вместе с тем, и развитие цензуры.

При Петре I были заложены основы цензурной деятельности, и сам император принимал активное участие в реализации контроля за печатными изданиями. Преемники Петра I не всегда прибегали к подобному цензурному контролю со стороны главы государства. Екатерина I, Пётр II, Анна Иоанновна вследствие слабого интереса к государственным делам отдавали цензурное дело своим подданным, то есть различным государственным органам, специально создаваемым для этих целей. Сами же монархи не углублялись в тонкости цензуры, и зачастую даже не читали то, что печатается у них в стране.

Пётр I учредил первую гражданскую типографию как раз с целью полностью отгородить светские типографии от духовных в исполняемых функциях, сделать их независимыми от церкви. Преемники императора продолжали концентрацию типографий в Москве и Петербурге, на которые рассчитывали. Так, при Екатерине I, согласно Указу от 4 октября 1727 г. [1], типографии Синода и Александровской лавры были перенесены в Москву, а в Петербурге сохранялись две светские типографии – в Сенате и при Академии наук. Типография в Сенате была особенно важна для государства, так как ещё Пётр I ввёл обязательное правило публикации издаваемых нормативно-правовых актов, и именно типография Сената отвечала за

печатание и правильность содержания этих указов. Академия наук освобождалась от контроля Синода и с этого времени следила за печатанием только светских изданий, выпускавшихся в свет в её типографии. Таким образом, Екатерина I завершила дело Петра I по разграничению светских и духовных типографий.

Анна Иоанновна существенно замедлила эволюцию книгопечатания в Российской империи своей духовной ограниченностью и нежеланием просвещать население, но вместе с тем в её царствование существовало множество самодурных цензурных правил, за нарушение которых людей жестоко наказывали. Так, произнесение «непристойных слов» в отношении Анны Иоанновны, «непитие за здравие» императрицы, или «описки», то есть ошибка при написании титула главы государства, – считались государственными преступлениями, и за них полагались пытки, ссылка в Сибирь, или даже смертный приговор.

В период правления императрицы чтение книг не поощрялось, их с трудом распространяли и продавали среди населения. При Анне Иоанновне почти не было указов, касавшихся книжного надзора, лишь 26 октября 1732 г. был издан утверждённый императрицей доклад Сената [2] о запрете ввоза иностранных книг, которые уже имеются в Академии наук [3, С. 29]. Причиной такой цензурной политики являлось нежелание Анны Иоанновны знакомства российского общества с вольнодумием. В Европе в это время было развитие свободной мысли, и потому основной целью было свести к минимуму влияние различных вольнодумных идей на российские умы. Особо опасной на тот момент считалась Польша, в которой аристократическая система главенствовала над волей монарха, и все важные решения принимались Сеймом единогласно. Именно поэтому 26 декабря 1738 г. был издан высочайший Указ [4] генералу А. И. Румянцеву о запрете ввозить в Малороссию польские календари [3, С. 29].

Елизавета Петровна в начале своего царствования, как наследница отца и приверженица абсолютизма, стремилась уничтожить все изданные в период предыдущего правления Анны Леопольдовны книги Указом от 27 октября 1742 г. [5]. Это было связано с тем, что при Анне Леопольдовне довольно большое значение при дворе имел Э. И. Бирон, оказывавший влияние на императрицу. Он выступал за изменение политической системы в России, говоря об ограничении власти монарха и помощи главе государства со стороны третьих лиц, таких как сам Бирон и ему подобные. Эти идеи вызывали негодование и недоумение в обществе, а потому при Елизавете Петровне был издан Указ от 25 августа 1750 г., согласно которому запрещалось ввозить в Россию любые книги, напечатанные при Анне Леопольдовне [6].

При Елизавете Петровне усиливается внимание главы государства к цензурной деятельности в стране. В первые годы царствования императрицы был издан Указ, согласно которому Академия наук могла печатать «Российские ведомости», или «Санкт-Петербургские ведомости», только с одобрением Сенатской конторы [7]. Такое распоряжение было сделано вследствие обнаружения в газетах «многих несправедливостей», касающихся царского двора и издаваемых Елизаветой Петровной поручений, присуждаемых ею наград.

В то же время нельзя не заметить, что в правление императрицы наблюдалась тенденция к заимствованию полезного европейского опыта, и это привело к положительным результатам. В её правление увеличивается количество книжной продукции, и в стране наблюдается тенденция к чтению книг, причём не только среди представителей высшего общества. Прежде всего, это было связано с развитием науки и образования. В 1755 г. М. В. Ломоносов и И. И. Шувалов основали Московский университет, в который принимались ученики из всех слоёв общества, желающие и способные учиться. Кроме того, в окружении самой императрицы были довольно талантливые и стремящиеся к просвещению личности. Таким образом, с ростом спроса на книги возникла потребность в расширении книгопечатания. С этой целью стали создаваться типографии для печати не только научной литературы, но и повседневной.

Елизавета Петровна поощряла развитие образования, выражение мыслей в рамках дозволенного. Именно в период её

правления выходит в свет первый русский частный журнал «Трудолюбивая пчела», издателем которого был А. П. Сума-роков. Но в то же время усиливается контроль Синода над лубочными картинками и состоянием икон. С 1744 г. к епархи-альным архиереям выдвигалось требование контролировать издание лубка. Что же касается икон, то согласно Указу Си-нода от 10 мая 1744 г., иконы в крестьянских избах следовало держать в чистоте, так как они отражали благочестие и чистоту веры тех, кто ими владеет [8]. Если же иконы были закопчены, требовалось сменять их на новые, а если из-за грязи на них не было видно ликов святых, то такие иконы изымались. При-мечательно, что Синод в своём указе сделал особый акцент на не причинении вреда крестьянам и запрете брать взятки с них, в противном случае исполнители будут лишены священ-ства и предстанут перед судом. Из приведённых наставлений понятно, что изданный Синодом указ являлся ещё одним по-водом для дачи взяток, и этот процесс было сложно регулиро-вать и пресекать [3, С. 31].

Жизнь монархов всегда приковывала к себе внимание под-данных, и поэтому в период правления Елизаветы Петровны при Высочайшем Дворе начинает ходить множество слухов и домыслов, которые просачиваются в народ и даже распро-страняются в печатных газетах. Это было недопустимым, и по-этому с 3 ноября 1751 г., согласно Именному Указу «О непеча-тании в Газетах, без Высочайшей апробации, артикулов, каса-ющихся до Императорской фамилии», запрещалось печатать в газетах информацию о событиях при дворе без высочайшего одобрения [9].

В заключение можно отметить, что, несмотря на времен-ный спад в развитии образования и книгопечатания сразу после смерти Петра I, государственная политика в области цензуры в эпоху дворцовых переворотов не переставала терять своей актуальности, особенно в царствование Ели-заветы Петровны, поскольку книги и искусство – это мощней-шее средство воздействия на образ мыслей народа, и по-следующее совершенствование законодательства в области цензурной деятельности при Екатерине II является тому под-тверждением.

Список литературы:

1. Именной указ от 4 октября 1727 г. «О бытии в Санктпе-тербурге типографиям только при Сенате и при Академии...» // ПСЗ, Т. 7. № 5175
2. Высочайше утверждённый доклад Сената от 26 октября 1732 г. «О запрещении ввоза из чужих краев книг, которые уже при Академии имеются и будут находиться впредь» // ПСЗ, Т. 8. № 6240
3. *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. В 2-х томах. Т. 1. Вып. 1. // Под ред. Г. Г. Суперфина. Пред. И. А. Пильщикова и В. С. Парсамова. М.: «Пробел-2000», 2014. 232 с.
4. Именной указ, объявленный из Кабинета Ее Величества Генералу Румянцеву, от 26 декабря 1738 г. «О запрещении вво-за Польских календарей» // ПСЗ, Т. 10. № 7715
5. Указ от 27 октября 1742 г. «О перемене Императорско-го титула в церковных и гражданских книгах, напечатанных во время правлений бывшего Герцога Курляндского и Принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской» // ПСЗ, Т. 11. № 8648
6. Указ от 25 августа 1750 г. «О представлении книг на ино-странных языках, в которых упоминаются имена бывших в два правления известных персон, в Академию Наук...» // ПСЗ, Т. 13. № 9794
7. Сенатский указ от 18 марта 1742 г. «О печатании Акаде-мией наук Российских ведомостей с апробацией Сенатской кон-торы» // ПСЗ, Т. 11. № 8529
8. Синодский указ от 10 мая 1744г. «О содержании поселя-нами в домах их Святых икон в чистоте» // ПСЗ, Т. 12. № 8935
9. Именной указ, объявленный из Кабинета Ея Величества Академии Наук, от 3 ноября 1751 г. «О непечатании в Газетах, без Высочайшей апробации, артикулов, касающихся до Импе-раторской фамилии» // ПСЗ, Т. 13. № 9903

УДК 347.464

А. М. Милащенко

*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Юридический институт
Россия, Великий Новгород*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДОГОВОРЕ ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ

Аннотация. В статье рассмотрена история договора пожиз-ненного содержания с иждивением. Проанализированы истори-ческие этапы и нормативно-правовые акты, относящиеся к со-ответствующим периодам.

Ключевые слова: договор пожизненного содержания с иж-дивением, договор ренты, история.

A. M. Milashchenko

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Law Institute
Russia, Veliky Novgorod*

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE CONTRACT OF LIFE SUPPORT WITH A DEPENDENT

Abstract. The article deals with the history of the contract of life- long maintenance with a dependent. The historical stages and legal acts related to the corresponding periods are analyzed.

Keywords: the life content agreement, annuity agreement, history.

Договор пожизненного содержания с иждивением – это со-глашение, при котором одна сторона передает на правах соб-ственности другой стороне свое недвижимое имущество, с ус-ловием, что рентоплательщик будет пожизненно обеспечивать получателя ренты.

Договор является распространенным, поскольку выгода имеется для всех его участников. Данный договор дает воз-можность, в какой-то мере, поправить проблемы социального обеспечения людей в пенсионном возрасте, а также инвали-дов, которым, из-за особенностей своего здоровья, тяжело себя финансово обеспечивать. Второй стороне договора по-зволяет решить квартирный вопрос. В нем складываются осо-бенные правовые отношения, которые, чаще всего, носят до-верительный характер. Получатель ренты обязуется передать в собственность плательщику ренты свою недвижимость вза-мен на его пожизненное содержание.

Первые упоминания про договор об пожизненном содер-жании с иждивением датируются средними веками. Упомянулся он и в европейском законодательстве. Европейские историки сошлись во мнении и выделили две причины появления дан-ного договора, которые в настоящем времени не потеряли своей актуальности. Во-первых, в средние века был дефицит наличных денег и лицо, которое пыталось продать свою недви-жимость, скорее могло найти среди покупателей тех, кто бу-дет платить ему пожизненную ренту. Вторую причину отмечал Л. Ж. Морандьер: «церковь и светское законодательство, за-прещали процентные займы, которые клеймились как ростов-щические» [1, С. 253].

В Российской Империи договор пожизненного содер-жания с иждивением не был представлен в законодательстве. Но, российский цивилист К. Победоносцев отмечал, что, хотя данный договор и не был юридически закреплен, тем не менее «по общему правилу 1528 и 1530 ст. Зак. Гр., возможно и у нас заключение подобного договора» [2, С. 135].

В Советский период ростовщичество было недопустимым, поэтому в ГК РСФСР 1922 года, договора, по своей сути схожие с пожизненным содержанием с иждивением, были не указаны. Тем не менее, уже в то время граждане заключали догово-ра по продаже жилья с условием пожизненного содержания со стороны покупателя. Сделки такого рода неоднократно были

рассмотрены в суде. Считалось, что «такая сделка притворна или прикрывает дарение» [3, С. 24].

Считалось, что наличие такого обязательства, как содержание продавца, противоречило ст. 180 ГК РСФСР 1922 г., так как в договоре отсутствовала условленная цена за покупку недвижимости. Также данный договор вносит инородную правовую практику, такую как социальное обеспечение.

В период Великой Отечественной войны вновь в суде стали решать споры, по договорам, связанными с продажей домов и содержания их владельцев на постоянной основе. В тот период существовало две различных позиции по данному договору. Одни считали его действительным, так как отсутствие этого договора в ГК РСФСР не делало его по умолчанию недействительным, ведь сам договор содержал в себе все необходимые условия для его заключения, другие же считали его недействительным. Тем не менее, в 1964 году в ГК РСФСР был закреплен договор ренты. Главным условием такого содержания была нетрудоспособность лица, собственностью которого будет взята в отчуждение.

Стоит упомянуть, что при переходе на рыночные отношения возросла востребованность договоров ренты «позтому в структуре ГК РФ гл. 33 полностью посвящена алеаторным договорам» [4, С. 8].

Отмечу, что Глава 33 Гражданского Кодекса РФ, находится после таких глав как: купля-продажа, договор дарения, мена, то есть эта глава завершает собой список правовых институтов по отчуждению имущества, так как затем идут договора, о передаче имущества лицам, без перехода прав собственности, а именно аренда, безвозмездное пользование и другое.

Таким образом, история развития российского законодательства о договоре пожизненного содержания с иждивением претерпевала изменения, которые оказали большое влияние на современную конструкцию договора.

Список литературы:

1. Морандьер Л.Ж. Гражданское право Франции. Кн. 1. М., 1961. 742 с.
2. Герценберг В.Э. Обязательственное право. Книга V Гражданского Уложения. Проект, внесенный 14 октября 1913 г. в Государственную думу. СПб., – 1914г. – 247 с.
3. Рясенцев В.А. Договор об отчуждении строения на условии пожизненного пользования // Социалистическая законность. 1945. № 1–2. С. 23 – 25.
4. Полякова О. Рента – испытание на прочность // Домашний адвокат, – 2014. № 18 – 5. 10 с.

УДК 343.13

А. А. Новиков, М. Г. Лобов

*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова
Юридический факультет
Россия, Ярославль*

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УПК РСФСР 1923 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с получением и оценкой признательных показаний в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года. На основании комплексного историко-правового анализа, авторы приходят к выводу, что в течение этого периода сложились вполне демократическая теория и нормативная база по поводу признания вины в совершении преступления, которые часто нарушались на практике.

Ключевые слова: личные объяснения обвиняемого, признание вины в совершении преступления, оценка показаний, неправомерные способы получения признания, доказательства по делу.

A. A. Novikov, M. G. Lobov

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
The Law Faculty
Russia, Yaroslavl*

ADMISSION OF GUILT IN COMMITTING A CRIME DURING THE OPERATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RSFSR 1923

Abstract. In the article some of the problems associated with obtaining and evaluating testimony in the soviet criminal process during the operation of the Criminal Procedure Code of the RSFSR 1923 are considered. On the basis of the comparative historical and legal analysis, the authors come to the conclusion that during this period, a completely democratic theory and laws associated with admission of guilt in a crime, which were often violated by practice, developed.

Keywords: personal explanations of the accused, admitting guilt of a crime, assessment of testimony, illegal methods of obtaining of admitting, evidence.

Расследование уголовного дела всегда связано с изучением прошлого, которое необходимо детально восстановить. Это делается при помощи доказательств. В силу этого доказывание составляет одну из важнейших частей всей уголовно-процессуальной деятельности, осуществление которой невозможно без доказательств, которые являются средствами установления фактов по делу.

Наряду с другими доказательствами большое внимание уделяется показаниям обвиняемого, так как они имеют большое значение для установления истины по делу. Именно поэтому их получению и оценке всегда уделялось большое внимание.

Актуальность исследования процедур получения и оценки показаний обвиняемого состоит в том, что от них во многом зависит исход дела, так как неправильное представление об этих процессах может привести к необоснованному приговору суда.

В ст. 58 УПК РСФСР 1923 г., закреплялись виды доказательств, показания обвиняемого назывались термином «личные объяснения обвиняемого» [1].

В целом регулирование вопросов получения показаний обвиняемого в советском уголовно-процессуальном праве 1920-х – 1930-х годов проработаны довольно тщательно.

В ст. 136 УПК закреплён запрет на применение в ходе допроса физических и моральных средств воздействия на обвиняемого. Согласно норме 138 статьи УПК допрос начинался с предложения допрашиваемому рассказать все известное по делу; после чего следователь задавал точечные вопросы. Все это фиксировалось в протоколе в первом лице и по воз-

возможности дословно. Согласно статье 139 УПК по окончании допроса протокол зачитывался обвиняемому, который имел право требовать дополнения и внесения в него изменений согласно данным им показаниям, в том числе собственноручно. Таким образом, можно увидеть, что процесс получения показаний обвиняемого носил гуманистический характер, был направлен на максимально точную фиксацию показаний обвиняемого.

УПК устанавливал правило оценки доказательств, в том числе показаний обвиняемого. Они оценивались судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, то есть нормативно закреплялся принцип свободной оценки доказательств. В целом, можно говорить, что нормы УПК в части регулирования вопросов получения и оценки показаний обвиняемого носили вполне демократический характер.

В доктрине единогласно утверждалось, что личные объяснения обвиняемого должны иметь значения рядового доказательства по делу и подтверждаться иными доказательствами, т.е. говорилось о недопустимости основывать обвинение и приговор только на таком доказательстве, как признание обвиняемым своей вины. Это положение в теории признавалось за общее правило, и ставился вопрос: а есть ли исключения? Так, например, А.Я. Вышинский, сформулировав и обосновав «общее правило», делал исключение для дел о «заговорах, о преступных сообществах», «об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах». Он писал, что в таких делах объяснения обвиняемого являются основными доказательствами [2, С. 180–181]. М.С. Строгович, придерживаясь «общего правила», обоснованно подвергал критике и категорически возражал против любых исключений, считая, что правила доказывания для всех дел должны быть одинаковы, так как только при этом условии с помощью доказательств могла быть найдена истина [3, С. 259].

В практике встречались дела, в которых лишь на признании обвиняемого основывался приговор. Так, например, в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 3 февраля 1944 г. по делу Аначко Пленум отменил приговор суда, указав, что вынесение коллегией приговора лишь на основе признания подсудимым своей вины является неправильным, так как оно по смыслу ст. 58 УПК РСФСР является одним из доказательств по делу, хотя и имеющее серьезное значение для установления истины, но само по себе не предрешающее признание подсудимого виновным [3, С. 256].

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 21 ноября 1951 г. по делу Сыроегина сказано, признание обвиняемым своей виновности может быть положено в основу обвинения лишь тогда, когда оно подтверждено обстоятельствами дела и не вызывает сомнений в своей правильности [3, С. 256].

В этой же части необходимо указать на некоторые неправомерные практики органов предварительного расследования, направленные на получение признания. Помимо применения пытки, существовали и иные противоправные методы, не связанные с применением насилия. В их числе можно назвать допрос «подозреваемого» в качестве свидетеля, с предупреждением его об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, с отобранием у него соответствующей подписки.

В этой части, нельзя не упомянуть труды известного учёного, представителя ярославской юридической школы, Я.О. Мотовилова. Он указывал, что хотя допрашиваемый по вопросу об участии в совершении преступления и предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний, но на практике такая уголовная ответственность никогда фактически не наступает. Если допрашиваемый впоследствии не привлечен к уголовной ответственности за преступление, значит его отрицательный при допросе ответ на вопрос, совершил ли он преступление, соответствовал действительности. То есть ответственность не наступала по причине правдивости показаний. Если же допрашиваемый впоследствии привлечен к уголовной ответственности за преступление, по поводу которого он допрашивался, то даже в случае дачи заведомо ложных показаний, он ответственности за это не несет. Его последующее положение обвиняемого устраняет

ответственность за ложные показания [4, С. 23]. Таким образом, мы приходим к выводу, что указанная практика являлась в первую очередь средством давления на психику допрашиваемого лица.

Помимо неправомерных практик получения признания обвиняемого, существовали также иные нарушения, не связанные с получением признательных показаний у обвиняемого. Так, например, Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 № 81 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» прямо указывает на случаи, когда обвинение основывается лишь на одном признании обвиняемым своей вины; также нередко имели место случаи, когда показания записывались не дословно, как того требовал УПК, а в виде заметок, а затем на их основе, составлялся протокол; также имели место случаи, когда протокол допроса не составлялся, пока не будет получено признание арестованного в совершении им преступления; нередко были случаи, когда в протокол допроса попросту не записывались показания и объяснения обвиняемого, опровергающие доводы обвинения [5].

Таким образом, можно сказать, что уже в рассматриваемый период сложилась вполне прогрессивная теория и законодательная база по вопросу сбора и оценки признания в совершении преступления. Однако практика их применения противоречила этим положениям, на что указывали даже высшие государственные органы. В целом правильные теоретические положения игнорировались следствием. Очевидно, что повторение подобной ситуации является недопустимым в настоящее время, так как при этом бы нарушались права и свободы человека и гражданина, для защиты которых и существует уголовно-процессуальное законодательство. Подобное положение дел попросту обесценит его, что является абсолютно неприемлемым и для отдельного закона, и для права в целом.

Список литературы:

1. Уголовно – Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. (утвержден Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.») URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=131394305708077242972222154&cacheid=07071B497A6ED22A786F9ACEEB4CFCA1&mode=splus&base=ESU&n=43709&rnd=0.2690050214124362#282z0oajrx8> (дата обращения: 11.11.2021).
2. *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 219 с.
3. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. 703 с.
4. *Мотовилова Я. О.* Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 179 с.
5. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 № 81. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10927#8M18UoSQHKcBvhl> (дата обращения: 11.11.2021).

К. А. Ситников, И. А. Мариненко
Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Институт Публичного права и управления
Россия, Москва

ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ МЕЖДУНАРОДНЫМ ВОЕННЫМ ТРИБУНАЛОМ В Г. НЮРНБЕРГ

Аннотация. Статья посвящена обоснованности применения смертной казни в рамках Международного военного трибунала в Нюрнберге. Данная проблема рассмотрена с точки зрения правового, политического и семиотического аспектов. В результате исследования, авторы делают вывод об обоснованности применения смертной казни, так как в каждом из рассмотренных аспектов очевидна необходимость именно такого наказания.

Ключевые слова: смертная казнь, символ, Нюрнбергский трибунал, правовой дискурс, обоснованность наказания

K. A. Sitnikov, I. A. Marinenko
Moscow State Law Academy
Institute of Public law and management
Russia, Moscow

JUSTIFICATION OF THE APPLICATION OF THE DEATH PENALTY BY THE INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL IN NURNBERG

Abstract. The article is devoted to the validity of the use of the death penalty in the framework of the International Military Tribunal in Nuremberg. The problem is examined from the point of view of legal, political and semiotic aspects. The authors conclude that the use of the death penalty is justified, since in each of the aspects considered, the need for just such a punishment is obvious.

Keywords: death penalty, symbol, Nuremberg Tribunal, legal discourse, validity of punishment.

Устав Международного военного трибунала в г. Нюрнберг [1, С. 146–153] (далее – Нюрнбергский трибунал) в статье 27 предусматривает применение такой меры наказания, как смертная казнь. 12 обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания – смертной казни путем повешения [2]. Однако далеко не все государства даже в 1946-м году были согласны с применением смертной казни: Ирландия, Уругвай и еще несколько стран подали протесты в ООН против включения смертной казни в устав трибунала. Совершенно не приходится говорить и о современных попытках «переписывания» истории и обвинениях стран-победительниц в антигуманизме. Следовательно, необходимо дать ясный ответ на вопрос: в чем была необходимость применения высшей меры наказания в данном процессе? Ответ на данный вопрос нельзя найти исключительно в правовой плоскости. Проведя анализ, мы должны убедиться в том, что применение высшей меры наказания, было обусловлено не только решением судей, облеченным в объективность законного и справедливого приговора, но и объективной закономерностью истории, сформированной послевоенной политической обстановкой и семиотическими закономерностями, непосредственно влиявшими на правовую составляющую судебного процесса.

Наказание должно применяться в соответствии с принципом соразмерности – ответственность за содеянное должна соответствовать содеянному. Безусловно ни один из нацистских преступников за совершенные ими преступления не мог заслуживать никакого иного наказания нежели смертная казнь. Более того, иное наказание, например, пожизненный тюремный срок, являлось бы недостаточно справедливым. На Нюрнбергском трибунале преступников судили по трем категориям преступлений: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности и отдельно каждый из подсудимых подозревался в организации и подготовке планов нацистской партии [1, С. 149]. Каждый из двенадцати приговоренных к высшей мере наказания: Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукел, Зейсс-Инкварт, Йодль, а также заоч-

но приговоренный Борман, были обвинены по каждой «категории», вследствие чего вывод становится очевидным: иного наказания за столь чудовищные преступления быть не могло. Московская декларация 1943-го года закрепила создание военных трибуналов по преступлениям, по которым можно было определить территориальную принадлежность [3, С. 363–364]. На конференции в Лондоне в итоговом соглашении [4] представителями дипломатических ведомств был подчеркнут особый характер Международного трибунала, так как судить на нем должны были преступников, чьи преступления были настолько масштабными, что не могли быть территориально определены. Логично, что Международный военный трибунал имел право на применение подобной меры наказания. Помимо этого, на тот момент в уголовном законодательстве каждой страны, представляющей обвинение применялась такая мера наказания, как смертная казнь. Следовательно, для организаторов процесса было абсолютно логичным решением включить смертную казнь в устав. Более того, даже в современном Международном пакте о гражданских и политических правах [5], в статье 6 указано, что государства сами решают вопрос применения смертной казни и пакт не запрещает применение данной меры наказания, как таковой. Следовательно, с правовой точки зрения, объективность применения смертной казни как не может подвергаться сомнению.

Обратимся к политической обстановке, окружавшей Нюрнбергский трибунал. В первую очередь, стоит отметить, что каждый из лидеров стран антигитлеровской коалиции так или иначе предлагал меры гораздо более суровой расправы, нежели международный суд [6, С. 79]. Очень большое влияние на воззрения мировых лидеров оказало линчевание Бенито Муссолини. Такие методы возмездия могли испортить образ стран-победительниц, поэтому было принято решение действовать при помощи международного трибунала, действующего на основе гуманности.

С семиотически-правовой позиции справедливость данного наказания неоспорима, она признается априорной составляющей «оптики» историко-правового дискурса, через которую рассматривают справедливое возмездие всего цивилизованного мира. Наказание есть ни что иное как символ, знак того, что обществу был нанесен вред, который необходимо, как-то компенсировать [7, С. 126], видится необходимым проанализировать как послевоенный дискурс победы определил необходимость высшей меры наказания. Культура в своей связи с правом рассматривается нами как совокупность дискурсов, признанных и охраняемых государствами. Дискурс рассматривается нами как некий набор, система символов, детерминирующая мыслительные процессы и поведение людей, репрезентирующих его положения путем коммуникации, определяющей правовую политику ретрансляторов в целом. Стоит заметить, что такая система сущностно носит объективный характер, так как не зависит от воли конкретного субъекта и всегда поглощает его, делая свои ретранслятором.

Мы понимаем, что весь мир ждал суда над преступниками. Нетерпимость к ужасам войны объединяла людей со всех концов земли. Именно эти ужасы как символы войны, транслирующиеся, например, в документальных фильмах о преступлениях нацистов на многих языках мира создавали единый дискурс мирового сообщества, направленный на максимальное отрицательное отношение к деяниям нацистов и их идеологии. Главных преступников до сих пор изображают на карикатурных плакатах [8, С. 3], подчёркивая отвратительность последних.

Но интересно здесь то, что их искажённые уродливостью тела выступают как некие символы [9, С. 4] в рамках антинацистского дискурса. Диспропорциональность тела в карикатурах подчёркивает аналогичную внутреннюю сущность идеологии нацизма. Эту символичность мы подробнее разберём, пользуясь методикой, с помощью которой Фуко рассматривал казнь Робера-Франсуа Дамьена как некое символическое начало [10, С. 256]. Геринг, Риббентроп и другие подсудимые являлись символами нацизма.

Символы несли в себе угрозу, так как были частью дискурса, формирующего у своего носителя реваншистские настроения. Эти символы нужно было вывести из публичного поля под строгим запретом нарушать установленное табу на их употре-

бление, что выражалось в криминализации оправдания идеологии. Такова была позиция победившего антинацистского дискурса по отношению к дискурсу проигравшему. Противоположные символические системы не могут долго сосуществовать, они непременно начнут борьбу за человеческие умы, чего, касательно нацизма, нельзя было допустить. Поэтому не оставалось ничего иного, кроме как уничтожить или навечно скрыть одни из главных источников нацистского дискурса, а именно ставшие символами, определенного рода знаками тела высшего командования Третьего Рейха. Ещё при жизни эти тела потеряли «субъектность», став важнейшей частью антигуманной символической системы. Здесь сама казнь выступает как символ (например: после казни тела преступников сфотографировали, вынеся к ним уже мёртвого Геринга, так как чтобы генезис символа победы над нацистами состоялся, на фото должны были быть все осуждённые) [11], означающий непримиримую борьбу на уничтожение одного дискурса другим, в чём и проявляется вышеуказанная объективность приговора.

В рамках победившего дискурса не было иного варианта наказания. Дискурс мира требовал чётко сформированной антинацистской системы символов, способной предотвратить реваншистские настроения. И в рамках этой объективной потребности не оставалось ничего кроме как десакрализовать указанные нами верховные знаки нацизма, что и было сделано путём проедения казни: уничтожения тел как главного ретранслятора опаснейшего символа нацизма. Освободившийся от ретранслятора символ в дальнейшем был подвергнут десакрализации и публичной десимволизации путём удаления последнего из публичного поля с помощью криминализации его уголовным законодательством во многих странах мира, где оправдание нацизма, а с тем и всего его дискурса запрещено, как преступление.

Список литературы:

1. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. – М.: 1987–1999. Т. 8. – 189 с.
2. Приговор Международного военного трибунала. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.baikproc.ru/nurnberg/4_prigovor.PDF
3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. – М.: 1978. Т. 1. – 418 с.
4. Соглашение представителей СССР, США, Великобритании и Франции о создании Международного военного трибунала. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/soglashenie-predstaviteley-sssr-sshavelikobritanii-i-francii-o-sozdanii-mezhdunarodnogo>
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
6. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н.С. Лебедева. Отв. ред. – докт. юрид. наук. А.И. Полтораки – М.: Наука 1975. – 240 с.
7. Бибик О.Н. Уголовное наказание как символическое «уничтожение» преступления / О.Н. Бибик // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 126 – 129.
8. Кукрыниксы. Сатирический рисунок: «С последним годом» / Кукрыниксы // Крокодил. – 1945. – № 40. С. 3 – 4.
9. Смит Ф., Куракин Д.Ю., Тартаковская И. Рассуждения о гильотине: карательная техника как миф и символ / Ф. Смит, Д.Ю. Куракин, И. Тартаковская // Социологическое обозрение. – 2008. Т. 7. № 2. – С. 1–22.
10. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
11. «Так казнили главных нацистских преступников». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/tak-kaznili-glavnyh-nacistskih-prestupnikov/a-45896749>.

УДК 347.115

Л. М. Шарафиева, А. Г. Мухаметшин
Набережночелнинский государственный педагогический университет
Факультет педагогики и психологии
Российская Федерация, Набережные Челны

АВТОНОМИЯ ПРАВОВОЙ УСТАНОВКИ САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается личность внутригосударственной законодательной власти в сочетании междисциплинарных дисциплин права, психологии и истории. Приводятся факты из истории эффективного и неэффективного управления государством, а также предлагаются средства для положительной правовой установки самоактуализирующейся личности. При помощи лабораторных приборов, описываются эксперименты, проводимые в набережночелнинском университете для того, чтобы понять какие средства и меры воздействия приведут к положительной динамике эффективного управления страной.

Ключевые слова: социум, самоактуализирующаяся личность, правовая установка, история управления, личность

L. M. Sharafieva, A. G. Mukhametshin
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
Faculty of Pedagogy and Psychology
Russian Federation, Naberezhnye Chelny

AUTONOMY OF LEGAL INSTALLATION SELF-ACTUALIZING PERSONALITY ON THE TRACKS OF HISTORY

Abstract. Resume: The article examines the personality of the domestic legislative power in a combination of interdisciplinary disciplines of law, psychology and history. Facts from the history of effective and ineffective government are presented, as well as means for a positive legal attitude of a self-actualizing person are proposed. With the help of laboratory instruments, the experiments carried out at Naberezhnye Chelny University are described in order to understand what means and measures of influence will lead to a positive dynamic of effective management of the country.

Keywords: society, self-actualizing personality, legal attitude, management history, personality.

В современном социуме большое значение имеет конфиденция к законодательной власти Российской Федерации. Полное доверие является гарантом эффективного процветания как экономики, политики, законодательных аспектов управления. Важно понимать, что граждане являются неразделённой структурой, которая требует единой траектории согласованности. Однако в связи с пандемией COVID-19 акклиматизация социума усложнилась. Люди перестали доверять методам управления. История государства и права тесно связана друг с другом. Чем жёстче закон, тем непримиримей люди. Личность не может абстрагироваться от общественных наук [2, С.50] Исследователи междисциплинарных дисциплин таких как юридическая психология Ю. М. Антонян [1, С. 281.], В.С.Васильев [2, С. 49] и другие отмечали, что предметом каждой дисциплины личность выступает с разных точек зрения. Рассмотрение личности со стороны психологии, влияние правовых аспектов на психофизиологические характеристики имеют большое значение.

История государства, которая применяла жестокие методы управления путём насильственных методов приобретала, как побочный продукт нищее сосуществование народа. Например, во время правления И.В. Сталина и его политики в стране наступил голод (1932–1933, 1946–1947 гг). Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших

целей отмечал И.В.Сталин [5, С.128] Адекватная правовая установка важный аспект урегулирования конфликтов сторон и недопущения агрессии, которая может копиться на подсознательном уровне у социума, у каждой личности в отдельности. Исследователи Набережночелнинского университета проводили независимые эксперименты цель которых была достигнуть взаимопонимания, доверия путём применения двух противоположных методов принуждения без права выбора и убеждения путём предъявления доказательств. Затем данные фиксировались при помощи лабораторных приборов ЭЭГ электроэнцефалограмма, ЭКГ электрокардиограмма, ЭМНГ Электромиография и оказалось, что при принудительных насильственных методах психофизиология, мозговая деятельность приходит в стрессовое состояние весь организм, что приводит к ухудшению не только физиологических составляющих, но и к затормаживанию психологического состояния. Только самодостаточная личность полезна социуму с экономической и политической точки зрения.

Самодостаточность, самоактуализация это качества личности, которые отражают становление и развитие личности, максимальное раскрытие природного потенциала человека, его задатков, способностей, особенностей [3, С.281]

Для того, чтобы социум доверял власти и его законам нужно правильно управлять, воздействуя на благоприятных, позитивных контекстах. История государства и права, обращаясь к истокам, не раз подтверждала тот факт, что положительные тенденции развития государства могут быть только в том случае, если социум находится в позиции доверия, понимания и принятия предписанного законодательства. Действия при которых законы меняются с быстрой периодичностью неправомерны и, со стороны внутреннего подсознания личности не являются пиететными. Проблемы совершенствования законодательства, на сегодняшний день, являются наиболее актуальными, так компетентность к стратегическим действиям даже в экстремальных, кризисных ситуациях должна быть заранее прописана, оговорена, доходчиво разъяснена социуму. Положительная правовая установка социума является гарантом качественного управления. Более того правильно выстроенные приоритеты, где личность каждого встаёт на передний план увеличивает не только эффективность управления, но и превозносит самого управляющего. Обращаясь к фактам, по следам истории, совершенствуя законодательную власть В.И.Ленин привел Российскую империю не просто к распаду, а к перерождению в социалистическое государство [4, С.68] Раздав землю крестьянам, тем самым, он помог народу воплотить их желание стать свободными.

К Совершенствованию законодательства должны подходить исходя из пользы для социума, опираясь на внутренние установки, опасения, природу психологии человека. Самодостаточность, самоактуальность личности есть качественный продукт общественно-правового соотношения законодательной государственной власти. Для совершенствования законодательной власти нужно принимать во внимание следующие аспекты:

– Чувство свободы воли.

Самоактуализирующаяся личность может развиваться только с чувством свободы, которая подразумевает простор, волюность, непосредственность, непринуждённость, независимость, раскованность. Немаловажный аспект имеет воспитание. В Набережночелнинском университете проводились независимые исследования, в которых решался вопрос самоактуальности личности без управления. Ожидания не увенчались успехом. Оказалось, что если испытываемых детей не контролировать, не вести в определённом направлении, то первая и последующая их реакция будет «подраться» Безнадзорность приводит к деградации. Поэтому благоприятные условия жизнедеятельности человека должны сочетаться с правильными мерами воспитания без карательных методов и тогда самоактуализация будет проявляться в надлежащем качестве.

– чувству автономии правовой установки личности

Автономия предполагает способность человека действовать составленным самим собой принципам.

– доказательственные презумпции

Доказательственные презумпции должны быть предоставлены, как доказательство конвенционально-достоверном суще-

ствовании факта. Субъект в XXI веке не просто созерцатель, а участник правовых и иных отношений, поэтому доказательственные разъяснения являются действенным убедительным методом воздействия на личность.

Таким образом, эффективное управление является следствием рационально выстроенных правовых отношений, что приведёт к доверию власти, исполнительности, к автономии правовой установки.

Список литературы:

1. *Антонян Ю.М.* Психология преступления и наказания. М., 2000. 281 с.
2. *Васильев В.С.* Юридическая психология. Учебник для вузов 6-е издание СПб Питер. 2009. 608 с.
3. *Маслоу А.* Самоактуализированные Люди: Исследование психологического здоровья Мотивация и личность, Гл.11, Спб., 1999. 270 с.
4. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений Издательство Политической литературы Москва 1976. 697 с.
5. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР Москва. 1951. 140 с.

УДК 328.184

Е. А. Штырняева

*Пензенский государственный университет
Историко-филологический факультет
Россия, Пенза*

ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ

Аннотация. в данной статье анализируется проект Федерального Закона «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», вопросы лоббистской деятельности, требующие своего урегулирования и перспективы принятия единого закона.

Ключевые слова: лоббизм, лоббистская деятельность, органы государственной власти, законопроект, коррупция.

E. A. Shtyrnyayeva

*Penza State University
Faculty of History and Philology
Russia, Penza*

LOBBYING ACTIVITIES IN RUSSIA: PROSPECTS FOR LEGISLATIVE FORMALIZATION

Abstract. this article analyzes the draft Federal Law "On the Legal Basis of Lobbying Activities in Federal Public Authorities," issues of lobbying activities that require their settlement and the prospects for the adoption of a single law.

Keywords: lobbyism, lobbying activity, public authorities, bill, corruption.

Лоббистская деятельность как политический феномен представляет собой одну из форм взаимодействия государства и общества посредством продвижения интересов и потребностей определенных групп в органы государственной власти. Итогом указанного процесса выступает либо положительный исход и принятие желаемого политического решения, либо отрицательный, подразумевающий отклонение обращения.

В последнем случае и кроется коррупционная угроза. Поэтому, чтобы предотвратить подобные случаи и улучшить уровень правовой и политической культуры граждан многие западные страны оперируют специальной нормативно-правовой базой, непосредственно относящейся к лоббизму.

Например, в США действует основной закон о раскрытии лоббистской деятельности и смежные нормативно-правовые акты, так или иначе, затрагивающие вопросы лоббирования [1, С. 1381]. Европейские государства еще находятся в процессе становления правового регулирования лоббизма, тоже касается и России.

Так, в январе 2019 г. депутат Государственной Думы А.Б. Выборный высказался о целесообразности разработки законопроекта о лоббизме с целью максимального противодействия коррупции и отмежевания от нее рассматриваемого феномена. Он отметил, что в законе обязательно должны быть освещены следующие вопросы: правовой статус лица, занимающегося лоббированием, регистрация и списки лоббистов, рекомендации органов власти по взаимодействию с лоббистами.

Однако, по мнению депутата, урегулирование лоббизма в России невозможно без формирования достаточного уровня правосознания и политической культуры и определения на законодательном уровне такой дефиниции как «фаворитизм» и ее разновидностей [2].

В 1997 г. в России был инициирован проект Федерального Закона «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти».

Рассматриваемый проект направлен на содействие гласности и легитимности решений государственных органов, создание благоприятных условий для взаимодействия общества и государства, развития институтов гражданского общества и реализации конституционных механизмов обращения населения в органы власти, противодействие коррупции.

Кроме того, будущий закон предлагается сделать базисным, на основе которого могли бы приниматься смежные нормативно-правовые акты, учитывающие специфику конкретного региона или ветви власти [3].

Текст законопроекта включал всего 14 статей, но охватывал все вопросы о лоббизме, отмеченные выше. В ст. 3 содержится перечень основных понятий: лоббистская деятельность, лоббист, клиент лоббиста. Отмечается, что заниматься лоббизмом может только физическое лицо, которое является либо индивидуальным предпринимателем, либо штатным сотрудником организации-клиента [4].

На наш взгляд, норма ст. 3 неполно отражает понятийный аппарат исследуемой деятельности, не достает таких дефиниций как «лоббистская организация», «лоббистский контакт», субъект и объект, принципы и методы лоббирования.

Однако сами методы описаны довольно подробно (ст. 7):

1. Лоббирование через СМИ: публикации, выступления, оценочные высказывания на те или иные события;
2. Составление прошений, петиций, обращений по интересующим субъекта лоббирования вопросам;
3. Взаимодействие с должностными лицами различными способами (при непосредственном общении, по телефону или электронной почте, письменные обращения);
4. Обращение в экспертные органы с целью выявления корректности принимаемых властных решений с последующим предоставлением результатов;
5. Включение в производственную деятельность различных структур законодательной власти Российской Федерации по лоббируемому вопросу [4].

Последний пункт вызывает большие вопросы: если лоббизм есть вне государственный институт воздействия на органы власти, то каким образом лоббисты могут участвовать в работе вышеуказанных органов. Некорректность данного положения противоречит и тексту самого же законопроекта, где в ст. 6 отмечается, что лоббистами помимо всех прочих категорий (несовершеннолетние, лица без гражданства или иностранные граждане и т.д.) не могут быть лица: приглашенные или назначенные для какой-либо экспертной деятельности, занимающие государственные должности или до истечения 1 года после прекращения полномочий [4].

При таких обстоятельствах создается угроза противодействия нормальному функционированию государственного аппарата, незаконного давления для принятия необходимых лоббистских решений.

Несомненными плюсами законопроекта выступают подробно урегулированные: порядок взаимодействия лоббистов с их клиентами и органами власти (ст. 4), регистрация и аккредитация лоббистов (ст. 9 и 10), ответственность за противоправную деятельность (ст. 12).

Кроме того, ст. 12 и перечисленные в ней размеры штрафа, противоправные методы лоббирования (шантаж, подкуп и др.) дают нам представление о том, что законодатель пытается

разграничить лоббистскую и коррупционную деятельность [4]. Необходимо дополнить данную норму, установив ответственность за нарушение ч. 1 ст. 6 – занятие лоббизмом до истечения 1 года после прекращения полномочий должностного лица органов государственной власти.

Интересным моментом является то, что рядом статей рассматриваемого акта (ч. 2 ст. 3 и 4, ст. 9, ст. 12) устанавливается лицензирование лоббистской деятельности: порядок, требования к прохождению, срок действия лицензии и т.д., что противоречит Федеральному закону «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Положения указанных статей нарушают единую лицензионную политику государства, поэтому подлежат изъятию из текста законопроекта. Нормы о лицензировании лоббистской деятельности необходимо внести в закон «О лицензировании...».

Недостатком исследуемого нормативно-правового акта выступает так же отсутствие перечня обязанностей лоббиста, с учетом перечисления его прав в ст. 8 [5].

Таким образом, законопроект содержит существенные пробелы, требующие доработки. Но его безусловным плюсом является то, что он закладывает основу для создания единого закона о лоббизме. Однако, в 2000 г. данный проект «закона» был снят с рассмотрения из-за отзыва законодательной инициативы. Российское общество и политико-правовые институты того времени оказались не готовы к урегулированию лоббизма (заметим, что многие положения соотносятся с американским законом), основное внимание уделялось противодействию коррупции и почти приравниванию к ней лоббизма.

На сегодняшний день на повестке дня все еще стоит вопрос о едином законе по урегулированию лоббизма, однако проблема лоббизма коррупцией, сращивания противозаконных методов и оказания «темного» давления на органы власти остается [6, С. 139]. По нашему мнению, России, несомненно, нужен закон о лоббизме в целях предотвращения тех же предрасудков о полной коррумпированности власти, прекращения использования заинтересованными лицами теневых методов лоббирования. Открытые лоббистские базы, отчетность помогут повысить правовую и политическую культуру граждан. На первых этапах законодательного регулирования целесообразным считается смягчение барьеров при их последующем усилении (как это было в США), создание понимания независимости лоббистов от органов власти и наоборот, разъяснение принципов лоббизма.

Список литературы:

1. Четчикова А.Е. Особенности правового регулирования лоббистской деятельности в США: возможности для России // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1380–1383.
2. В Госдуме сообщили о проработке проекта о легализации лоббизма для борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/politika/5981098> (дата обращения: 27.11.2021).
3. Зоркальцев В.И. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 1997. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97801795-2> (дата обращения: 27.11.2021).
4. Проект Федерального закона от 02.06.1997 № 97801795-2 «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. 2021. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=34479#TVM3nSAfN0MKQSM1> (дата обращения: 27.11.2021).
5. Рошин В.А. Заключение на проект федерального закона «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 2000. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97801795-2> (дата обращения: 27.11.2021).
6. Владимир С.Б. Закон о лоббизме в России: pro et contra // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 1. С. 136–140.

И. Г. Чернышенко

*Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Юридический факультет
Россия, Москва*

**УЧЕТ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
ОПЫТА ШВЕЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В XVI–XVIII ВЕКАХ
ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ИНСТИТУТА ПРОКУРАТУРЫ**

Аннотация. В настоящей статье автором рассмотрены особенности формирования двух институтов власти, отвечающих за правозащитную деятельность в государстве, указаны их общие черты и отличия в структуре, характере полномочий. Автор статьи также излагает собственную позицию на недопущение произвольного оперирования понятиями контрольных и надзорных полномочий, недостатки реформисткой деятельности двух государств по созданию исследуемых органов специального назначения.

Ключевые слова: прокуратура, омбудсмен, надзор, зарубежный опыт, история.

I. G. Chernyshenko

*Financial University under the Government
of the Russian Federation
Law faculty
Russia, Moscow*

**THE RUSSIAN STATE TOOK
INTO ACCOUNT SWEDEN'S EXPERIENCE
IN FORMING AN OMBUDSMAN INSTITUTION
IN THE SIXTEENTH AND EIGHTEENTH CENTURIES
WHEN ESTABLISHING THE INSTITUTION
OF THE PROSECUTOR'S OFFICE**

Abstract. In the present article the author describes peculiarities of formation of two state institutions responsible for human rights protection activity, indicates their common features and differences in structure and character of competences. The author of the article also states his own position with regard to prevention of free interpretation of control and supervisory authority, as well as the drawbacks of the reformist activity of two states with regard to the establishment of special purpose bodies under research.

Keywords: prosecutor's office, ombudsman, supervision, foreign experience, history.

На сегодняшний день институт омбудсмена рассматривается как орган специального назначения, в ведении которого находятся полномочия по обеспечению гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, по их соблюдению и уважению государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Однако, если обратиться к историческому периоду государственно-правового устройства Швеции в XVI–XVIII века, то следует отметить, что институт омбудсменов не просто обладал полномочиями по рассмотрению и разрешению обращений лиц, чьи права ущемлены или нарушены, но и имел надзорные полномочия по реагированию на неправомерную деятельность представителей правительствующего аппарата, кроме этого, обладал полномочиями по надзору за деятельностью судебных органов. Как правило, омбудсмен, который занимал в иерархии государственных должностей пост канцлера юстиции, руководствовался в надзорной деятельности принципами: независимости от иных государственных органов и должностных лиц, верховенства закона.

По мнению С.А. Ивановой, учреждение института омбудсмена в скандинавских странах – это необходимость в обеспечении правозащитной функции и функции парламентского контроля [2, с. 371]. И.А. Беликова также в собственной статье акцентирует внимание на осуществление именно контрольных полномочий над деятельностью должностных лиц органов государственной власти, судебных органов [1, с. 336]. А.Ю. Сун-

гуров же пишет о том, что, представляя доклады королю о деятельности вышеуказанных субъектов, обладая функцией уголовного преследования в отношении должностных лиц аппарата правосудия, омбудсмен осуществляет надзорные полномочия [4]. Автор статьи поддерживает мнение последнего автора, указывая на непрерывный процесс осуществления проверочных мероприятий, наблюдения за деятельностью поднадзорных субъектов.

Более того, интересным фактом служит то, что омбудсмен XVI–XVIII в. в Швеции не просто являлся одной из государственных должностей с наделенными полномочиями, но и юридически, формально представителем короля, который в отсутствие последнего был правомочен наблюдать за порядком сферы управления в государстве. Отметим, что необходимость в существовании института омбудсмена и его ценность придавались в ходе сильной королевской власти, в случае, когда в государстве устанавливалось парламентское правление, институт омбудсмена был более подотчетен парламенту и не являлся эффективным институтом для осуществления качественной защиты прав и свобод, законных интересов граждан.

Таким образом, институт уполномоченного по правам человека в XVI–XVIII в. в Швеции – это орган специального назначения, осуществляющий помимо правозащитной функции надзорную, которая связана с осуществлением наблюдения и проведения проверочных мероприятий за деятельностью должностных лиц органов государственной власти, за правосудием, уполномоченный осуществлять уголовное преследование в отношении судебных чиновников, формирующийся как королем, так и парламентом, в определенные периоды для государства являющийся заменяющим короля в осуществлении полномочий по наблюдению за сферой управленческих отношений государственного аппарата.

О.О. Миронов утверждает, что опыт Швеции в утверждении должности королевского омбудсмена явилось следствием образования российской прокуратуры [3, с. 13–14]. Это, действительно, так. Издание Петром I Указа о должности генерал-прокурора 27 апреля 1722 года в целях создания эффективного механизма надзора за деятельностью Сената и Синода, центральных и местных органов государственной власти; искоренения нравственного и правового упадка в обществе, устранения допущенных ошибок при проведении фискальной реформы явилось отправной точкой формирования и деятельности российской прокуратуры.

В Российском государстве образование прокуратуры не самый первый опыт появления надзорной деятельности, поскольку ранее был учрежден институт фискалитета, который, по мнению автора статьи, явился «провальным» проектом реформ, учитывая рост случаев злоупотребления должностными полномочиями, взяточничества, узкое направление надзора в его компетенции, смешение полномочий, наконец, частоту реорганизации аппарата фискалов.

Учитывая все ошибки в ранней реформисткой деятельности, Петр I учел совершенствованный опыт в организации надзорной деятельности в Швеции, а именно:

- образование органов специального назначения, как и прокуратуры в России, так и омбудсмена в Шведском королевстве произошло путем издания профильного указа об учреждении вышестоящей должности: высшее должностное лицо российской прокуратуры в лице генерала-прокурора, а высшее должностное лицо омбудсмена в Шведском королевстве – канцлер правосудия (канцлер юстиции);
- прокуратура наделялась полномочиями надзора за сенатом (за аппаратом высшего органа государственной власти), имела статус высшей надзорной инстанции, равно этому высшего надзорного органа, идентично институту омбудсменов;
- прокуратура, как и институт омбудсмена в Швеции, была правомочна выявлять нарушения требований законодательства не только на стадии фактического нарушения, но и на стадиях подготовки и принятия тех или иных решений должностными лицами;
- в структуре органов специального назначения российская прокуратура и институт омбудсмена не являлись изначально полностью независимыми институтами государственной власти;

– деятельность двух исследуемых институтов власти была гласной, в правозащитной сфере имела превентивный характер (т.е. обращалось внимание не только на пресечение правонарушений, но и на их профилактику, недопущение в последующем).

Однако в отличие от института омбудсмена в Швеции российская прокуратура первоначально не обладала функцией уголовного преследования, имела расширенные направления надзора (надзор за соблюдением прав категории социально незащищенных людей, надзор за соблюдением прав осужденных граждан (при «неправедном оклеветании», при «напрасном тюремном засаждении» и др.), имела более регламентированную и прозрачную систему территориального размещения (на разных территориальных уровнях), была вправе пользоваться совершенствованными мерами реагирования, например, опротестованием решений должностных лиц, являющихся поднадзорными субъектами.

О.О. Миронов, безусловно, прав, акцентируя внимание на том, что два института власти – омбудсмена в Швеции, прокуратуры в Российском государстве (при их формировании) – были сходны уже по критерию определяемых задач при реформировании правовой сферы [3, с. 14]. Так, двум государствам в вышеуказанные исторические периоды важно было противостоять беспорядкам в системе государственного управления, неправосудию, взяточничеству и вообще беззаконию. Недостатки, с которыми столкнулись и Швеция, и Российское государ-

ство при формировании данных институтов власти: неясная определенность правовых границ (пределов) осуществляемого надзора; неоднозначный статус данных институтов власти (например, прокуратуры при сенате, которые возглавляет генерал-прокурор одновременно, канцлера юстиции при короле или при парламенте) были восполнены соответствующими реформами в последующие исторические периоды.

Список литературы:

1. *Беликова И.А.* Возникновение и развитие института омбудсмена в зарубежных странах // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет; «Алеф», 2020. С. 333–341.
2. *Иванова С.И.* К вопросу об истории формирования и развитии института омбудсмена в Королевстве Швеция // Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и в мире. М.: Российский новый университет, 2019. С. 369–373.
3. *Миронов О.О.* Очерки государственного правозащитника: моногр. М.: СГУ, 2009. 518 с.
4. *Сунгуров А.Ю.* Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ: учеб. пособие. СПб: Норма, 2003. 312 с.
5. Указ Петра I о должности генерал-прокурора 27 апреля 1722 г. URL. : <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/genprok.htm> (дата обращения: 08.11.2021).

МЕДИЦИНА И ПРАВО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

УДК 340

П. Д. Артеменко

*Пермский институт ФСИН России
Россия, Пермь*

МЕДИЦИНА И ПРАВО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются точки соприкосновения и новые решения медицины и права. Сделан вывод о том, что право и медицина не являются одинаковыми по своему предназначению и правовой сущности.

Ключевые слова: медицина, право, здоровье, правовое регулирование.

P. D. Artemenko

*Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Russia, Perm*

MEDICINE AND LAW: COMMON GROUND AND NEW SOLUTIONS

Abstract. The article discusses the points of contact and new solutions of medicine and law. It is concluded that law and medicine are not the same in their purpose and legal essence.

Keywords: medicine, law, health, legal regulation.

Соотношение и взаимосвязь права и медицины – двух отраслей общественных отношений – вызывает сегодня повышенное внимание со стороны общественности, поскольку сменились приоритеты касательно правового регулирования оказания медицинской помощи населению, а также произошел сильный прогресс в некоторых областях медицинской науки. Надлежит признать реальным положение, в соответствии с которым сегодня правовое регулирование медицинской деятельности является приоритетным направлением развития здравоохранения в стране.

Общий правовой смысл ч. 1 ст. 41 Конституции РФ относительно права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь состоит в том, что этот важный элемент охраны здоровья, как медицинская помощь, должна положительно влиять на здоровье граждан.

Некоторые авторы, как кажется, безосновательно соотносят медицину и право в одной категории – «медицинское право».

Право, как известно, применяется в самых разных сферах человеческой деятельности, в том числе в медицинской сфере. Так, например, сегодня предупреждение пандемии коронавирусной инфекции, без правового регулирования не представляется возможным (принимаются разного рода нормативные акты к сфере борьбы с коронавирусной инфекцией) [1, С. 64].

Право и медицину нельзя считать одинаковыми и равными понятиями, поскольку право – совокупность правил поведения, которые регламентированы на законодательном уровне государством. В свою очередь, медицина – это комплексная система научных знаний, главная цель которой – распознавание и лечение болезней [3, С. 21].

Важно отметить, что право каждого гражданина на получение медицинской помощи является социальным правом, которое требует от государства достаточных ресурсов, что закреплено в нормах национального (Конституция РФ, законы) и международного права (Европейской социальной хартии).

Взаимосвязь права и медицины можно проследить через решение проблем в организационно-правовой сфере, оценке медицинских ошибок, обосновании прав пациентов, выборе наилучшей модели взаимоотношения врачей и пациентов [4, С. 77].

Сегодня медицина соприкасается с правом в части правового регулирования медицинской деятельности, которое реализуется через законы, постановления, судебную практику и т.д. Так, например, в УК РФ предусмотрена правовая ответственность за преступления против здоровья.

Законы в сфере охраны здоровья граждан подробно регламентируют взаимоотношения пациентов, с одной стороны, и медицинских работников и учреждений, с другой, при оказании медицинской помощи. При этом медицинское право становится открытой системой, в частности увеличивается количество правовых актов.

Медицина не должна быть привилегией богатых, основываясь на базовых правовых принципах в законодательстве о здравоохранении, которое рекомендует ВОЗ, в частности, равенство в доступности медицинской помощи и доступности врачей на всех уровнях медицинской помощи; равенство в правах пациентов и т.д. [2, С. 32]

В заключение отметим, что медицина будущего должна быть не только индивидуальной для пациента, но гарантирующей индивидуальное автономное право принятия решений в отношении своего здоровья. Это связано с растущим недоверием к медицинским технологиям и в целом к медицинскому сообществу, которое может действовать в интересах отдельных корпораций, экономических групп (назовем это так условно). Правовой индивидуализм на данном этапе оправдан.

Список литературы:

1. Галузо В. Н. О соотношении права и медицины в Российской Федерации при пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2021. № 1. С. 64–67.
2. Казачкова З. М., Казачков В. А. Право и медицина: в поисках оптимального баланса // Социальное и пенсионное право. 2019. № 1. С. 32–37.
3. Мамедов В. Г. О., Джафарова Л. А. Г. Медицинское право и судебная медицина как две сферы пересечения правовых и медицинских наук // Медицинское право. 2021. № 4. С. 21–30.
4. Сухарева Е. Р. Медицина, право и судебная практика о праве человека на жизнь: противоречия и реальность // Центральные научные вестник. 2019. Т. 4. № 1S (66). С. 77–78.

УДК 34.01

В. Д. Асташкин

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Магистратуры
Россия, Саратов*

БИОПРОТЕЗИРОВАНИЕ. МЕДИЦИНА И ПРАВО

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые вопросы в сфере биопротезирования. На основании метода анализа и прогнозирования автор приходит к выводу, что в целях предупреждения рисков, которые несет в себе развитие биопротезирования, следует рассмотреть возможность принятия федерального закона об ограничении индустрии биопротезирования.

Ключевые слова: право, медицина, биопротезирование, предупреждение, инвалид.

V. D. Astashkin

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

BIOPROTHETICS. MEDICINE AND LAW

Abstract. The article examines some of the legal issues in the field of bioprosthesis. Based on the method of analysis and forecasting, the author comes to the conclusion that in order to prevent the risks associated with the development of bioprosthesis, the possibility of adopting a federal law on limiting the bioprosthesis industry should be considered.

Keywords: law, medicine, bioprosthesis, prevention, disabled person.

Медицина быстро идет вперед, только наш организм не поспевает за ней. Эти слова Владислава Катажинского посвящены неумолимому развитию медицины. Технический прогресс в современном обществе приводит человечество к новым достижениям в различных сферах общественных отношений. В медицинской сфере, развитие микроэлектроники, нейрофизиологии, материаловедения, породило условия внедрения биопротезирования, системы медико-технических компонентов, имеющих целью восстановление утраченных функций частей тела с помощью протезов. Данные процессы порождают в свою очередь правоотношения, которые в силу новизны своего содержания, не находят в полной мере непротиворечивого закрепления в нормативных правовых актах.

Биопротезы – это протезы конечностей, приводимые в движение миниатюрными блоками питания, которые способны реагировать на биотоки, возникающие в организме человека. Именно благодаря созданию биопротезов появилась возможность вернуть утраченные функции организма. В Российской Федерации разработчиком и производителем бионических протезов является компания «Моторика» (резидент инновационного центра «Сколково»). На 2021 год число активных ежедневных пользователей насчитывает более 1 500 человек. В 2020 году «Моторика» выпустила 800 протезов. В планах на 2021 год выпустить больше 1 600 протезов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил 2021 год Годом науки и технологий. Следовательно, на сегодняшний день научно-технологическое развитие Российской Федерации является одним из приоритетов государственной политики. Согласно Указу Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», в ближайшие 10–15 лет приоритетами развития Российской Федерации следует считать те направления, которые позволят создать технологии, являющиеся основой инновационного развития и обеспечат переход к высокотехнологичному здравоохранению. В тоже время, необходимо обеспечить готовность страны к большим вызовам, еще не проявившимся и не получившим широкого общественного признания, предусмотреть своевременную оценку рисков, обусловленных научно-технологическим развитием.

Применительно к индустрии биопротезирования, риски проявляются в том, что уравнивание инвалидов и здоровых людей не является конечной целью производителей биопротезов.

Выступая на ежегодной конференции TED (Technology, Entertainment, Design), американский инженер и биофизик Хью Герр заявил следующее: «Я быстро понял, что мои протезы могут легко приспосабливаться, могут выполнять любую функцию. Благодаря им можно выйти за границы естественных возможностей» [1].

Применительно к Российским производителям, основатель и генеральный директор компании «Моторика» Илья Чех в интервью газете «Реальное время» отметил, что: «Мы имеем все шансы застать тот день, когда искусственные конечности смогут превзойти по всем параметрам настоящие» [2]. На самом же сайте компании «Моторика» указано, что при помощи современных средств реабилитации можно не только вернуть основные возможности руки: держать предметы, взаимодействовать с окружающим миром – но и в чем-то превзойти возможности обычного человека [3].

Подобные формулировки прямо указывают на то, что деятельность компаний по биопротезированию может привести к образованию потенциально нового вида неравенства.

Если инвалид обладает протезом, который заменяет и превосходит конечность здорового человека, то кого считать инвалидом? В данном случае речь идет об уравнивании и превосходстве в возможностях с обычным человеком, в следствии чего встает вопрос об целесообразности выплата денежных средств и иных послаблений для лиц, формально являющимися инвалидами, но фактически обладающими большими возможностями, чем обычный здоровый человек.

Применительно к медицинскому праву, следует уделить внимание вопросу отторжения биопротеза. Вследствие развития индустрии и большей интеграции протеза в тело человека, в целях повышения синхронизации, организм, тем ни менее, может не принять биопротез, в следствие чего дальнейшее

его использование ставится под вопрос если не становится невозможным. Из этого следует дискуссионный характер вопроса целесообразности права на ампутацию, которым могут воспользоваться здоровые люди, в целях приобретения новых возможностей, которые им может дать биопротез.

Таким образом, в целях предупреждения вышеназванных проблем и защиты прав и свобод человека и гражданина, необходимо принять федеральный закон, который бы устанавливал ограничение для индустрии биопротезирования касательно функциональных возможностей биопротезов, тем самым устанавливая порог в виде равенства с обычным человеком, но не превосходства над ним, ведь медицина быстро идет вперед и только наш организм не поспевает за ней.

Список литературы:

1. Передовая бионика позволяет бегать, покорять горы и танцевать. URL: https://www.ted.com/talks/hugh_herr_the_new_bionics_that_let_us_run_climb_and_dance?language=ru#t-124956 (дата обращения: 10.11.2021).
2. «Будет и черный рынок протезов, и убивать за них тоже будут – вполне реальный сценарий» URL: <https://realnoevremya.ru/articles/187087-intervyu-osnovatelya-motoriki-o-buduschem-protézirovaniya> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Моторика. Официальный сайт компании. URL: <https://motorica.org/company> (дата обращения: 10.11.2021).

УДК 342.7

В. В. Буйленко, А. А. Ковалёва
Российская таможенная академия
Юридический факультет
Россия, Ростов-на-Дону

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается правовая проблема неиспрошенного волеизъявления на посмертную трансплантацию человеческих органов и тканей. Данный вопрос не решен в силу существования полярных мнений в юриспруденции и твердой позиции Конституционного суда Российской Федерации соблюдения презумпции согласия.

Ключевые слова: неиспрошенное согласие, презумпция согласия, донор, реципиент, трансплантация.

V. V. Builenko, A. A. Kovalyova
Russian customs academy
Faculty of Law
Russia, Rostov-on-Don

LEGAL REGULATION OF ORGAN AND TISSUE TRANSPLANTATION IN RUSSIA

Abstract. The article deals with the legal problem of an unsolicited expression of will for posthumous transplantation of human organs and tissues. This issue has not been resolved due to the existence of polar opinions in jurisprudence and the firm position of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the presumption of consent.

Keywords: unsolicited consent, presumption of consent, donor, recipient, transplantation.

Развитие трансплантологии, увеличение количества операций, связанных с пересадкой человеческих органов и проблема изъятия органов и тканей у умершего человека определяют актуальность темы статьи. Целью статьи является исследование вопросов, связанных с презумпцией согласия при трансплантации органов и тканей в современной России.

С момента своего возникновения и по настоящее время трансплантология как наука вызывает много споров как в научной медицинской среде, так и среди правоведов. Дискуссионные вопросы трансплантации, юридические модели забора органов и тканей у доноров в настоящее время требуют правового и этического осмысления.

Если обратиться к мировой практике, что можно выделить две модели, которые связаны с посмертной реализацией данной процедуры: презумпция согласия *opting Out* и презумпция несогласия *opting in*.

Согласно первой модели, органы и ткани изымаются из тела умершего в том случае, если при жизни он не выражал своё несогласие на трансплантацию его органов. То есть, если конкретное волеизъявление не было зафиксировано - значит человек априори согласен.

Вторая модель предполагает забор органов и тканей для трансплантации только тогда, если при жизни донор дал своё согласие – устно или письменно, зафиксировал его, или поручил это родственникам.

Первая модель характерна для стран Европы, вторая модель более характерна для Соединённых Штатов Америки. Презумпция несогласия основывается на принципах личной автономии, когда человек сам вправе распоряжаться своими органами.

В России все вопросы трансплантации органов и тканей находятся в зоне регулирования нескольких законодательных актов. В Законе Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» в первой статье содержится основное правило применения процедуры трансплантации органов или тканей [1]. Смысл его состоит в том, что органы и ткани могут быть взяты у донора лишь в ситуации, когда медики исчерпали все варианты реанимировать, вернуть к жизни пациента, и только после положительного заключения консилиума, состоящего из специалистов-врачей. А статья 8 данного закона провозглашает априори возможность изымать ткани и органы с целью их дальнейшей пересадки органов и тканей для трансплантации после констатации биологической смерти пациента.

Другой документ – закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» своими положениями затрагивает вопрос донорства органов и тканей человека – родственники умершего, в отсутствие его волеизъявления могут заявить о своем несогласии на трансплантацию органов [2].

Важно отметить и действие медико-правового алгоритма установления биологической смерти человека, он установлен 66 статьей закона № 323-ФЗ и Постановлением Правительства Российской Федерации № 950 [3]. Биологическая смерть констатируется, как только зафиксирована смерть мозга, оба документа определяют данную процедуру одинаково.

Процедура установления смерти важна именно в вопросах донорства органов и тканей – это главный, основной фактор.

Если мы обратимся к положению статьи 5 Федерального закона от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», то законодательным актом определяется презумпция несогласия, поскольку в законе указано, что после смерти решение о трансплантации органов решается на основе прижизненного устного или письменного волеизъявления лица, а при его отсутствии решение принимают близкие родственники. Но нормы указанного закона не могут конкурировать с нормами здравоохранения, тем не менее, различия в законодательстве вносят правовой диссонанс в судебную практику.

Так, норма статьи 8 закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» не единожды рассматривалась в Конституционном суде Российской Федерации на предмет возможности нарушений прав и свобод граждан. В Определении Конституционного суда устанавливается законность презумпции согласия статьи 8 Федерального закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [5]. Оппоненты же чаще всего апеллируют к решениям Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и к положениям Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей. В своих решениях ЕСПЧ отмечает, что решающим фактором на изъятие органов и тканей должно быть высказанная воля самого донора, а не предпочтение его родственников.

Российские национальные нормы не содержат формулировок, которые бы определяли четкий регламент документальной фиксации прижизненного волеизъявления пациента, указывающего на свое несогласие после смерти на изъятие у него органов и тканей, что приводит к выводу о невозможности фактически претворить в России такое право отказа.

В России нет судебных прецедентов, свидетельствующих о понесенном наказании медучреждений за изъятие человеческих органов и тканей без согласия родственников у умерших доноров. Случаи, связанные с изъятием органов без полученного согласия родственников в разные годы – у Анатолия Орехова в 2003 г. [6], у Олеси Добровольской в 2014 г., Алины Саблиной в 2016 г. и Анатолия Приходько в 2014 г. не были решены в суде в пользу их родственников. Верховный суд Российской Федерации не усмотрел состава преступления в действиях врачей в отношении изъятия органов у Алины Саблиной [5].

Причина в том, что проблемным вопросом является такое действие, как «поставить в известность». Согласно определению Конституционного суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 года № 459-О и от 10 февраля 2016 г. № 224-О, негуманным считается задавать вопросы родственникам о трансплантации органов и тканей в момент сообщения им о смерти близкого человека, или перед операцией, поэтому врачи не обязаны спрашивать у родственников согласие на трансплантацию [3]. Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации подтвердил существование модели презюмируемого согласия.

Попытка обеспечить баланс публичных и частных интересов, которые касаются посмертного донорства, была принята в конце 2020 года, когда в Государственную Думу был внесён проект закона о донорстве органов человека и их трансплантации. Основная цель заявляемых изменений к закону «О трансплантации органов и (или) тканей человека» – регулирование отношений в области донорства и пересадке человеческих органов и тканей. Проект напрямую предусматривает четкую фиксацию презумпции согласия на изъятие органов после смерти человека. При этом вся информация, которая связана с волеизъявлением, должна вноситься в медицинские документы гражданина, который находится в медицинском учреждении.

Главным проблемным фактором при этом остаётся вопрос конфиденциальности и безопасности сведений, связанных с волеизъявлением гражданина, который не согласен на посмертные изъятия его органов. В настоящее время проект прошёл согласование во втором чтении.

Несмотря на актуальные проблемы, которые призван решить законопроект, он требует доработок в части трансплантации органов у несовершеннолетних, а также необходимо доработать порядок волеизъявления граждан о несогласии на изъятие у них органов после смерти в том случае, если они находятся не в медицинском учреждении. Тем не менее, положительным можно считать попытку сделать донорство управляемым.

Таким образом, разрешение коллизионного вопроса, связанного с трансплантации органов и тканей связано с четким законодательным определением действий по испрашиванию разрешения медицинским учреждением у родственников умершего на изъятие органов и на получение согласия, формы такого согласия. Формирование института трансплантологии необходимо начинать с поправок в закон о трансплантологии, обязать медицинские учреждения оформлять согласие родственников доноров на изъятие у них органов после смерти. Необходимо закрепить статус главных участников отношений по изъятию органов, к которым относятся родственники донора.

Список литературы:

1. Закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 08.12.2020) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URD: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2021).
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URD: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2021).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смер-

ти человека» // Собрание законодательства РФ. 24.09.2012. № 39. ст. 5289. [Электронный ресурс]. URD: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002012039000&docid=89> (дата обращения: 31.10.2021).

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека». [Электронный ресурс]. URD: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46696/ (дата обращения: 31.10.2021).

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэллы Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URD: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2021).

6. Определение Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 г. по делу № 2-84/05. – [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/1cguQfKJ4WQQ> (дата обращения: 31.10.2021).

УДК 343.21.7

Т. О. Брылёва

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикота
Россия, Москва*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В настоящее время технологии искусственного интеллекта используются повсеместно, сфера здравоохранения не является исключением, поскольку технологии существенно упрощают работу медикам и позволяют ускорить процесс выполнения сложных операций. В статье рассматривается история формирования искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также то, какие технологии применяются на данный момент.

Ключевые слова: искусственный интеллект, здравоохранение, медицина.

T. O. Bryleva

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot
Russia, Moscow*

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MEDICINE AND HEALTHCARE: CRIMINAL LAW ASPECT

Abstract. Currently, artificial intelligence technologies are used everywhere, the healthcare sector is no exception, since technologies significantly simplify the work of physicians and allow them to speed up the process of performing complex operations. The article examines the history of the formation of artificial intelligence in the Russian Federation, as well as what technologies are used at the moment.

Keywords: artificial intelligence, healthcare, medicine.

Сейчас уже трудно представить нашу жизнь без использования искусственного интеллекта. По мнению Пройдакова, искусственный интеллект – это одно из направлений науки и технология, состоящая из набора средств, которые помогают компьютеру, исходя из накопленных знаний, выполнять команды и давать ответы на определённые вопросы. Современная тенденция под названием «искусственный интеллект» входит в комплекс компьютерных наук, а создаваемые на ее основе технологии относятся к информационным технологиям. Есть множество других определений, менее устойчивых к критике. [1, С. 129]

Как отмечает Черных Е.Е, в любом прогрессе есть обратная сторона. [2, С. 127] Так, отсутствие правового регулирования преступлений, связанных с использованием искусственного интеллекта, создаёт условия для угрозы причинения вреда интересам общества. Однозначной позиции о том, кто будет нести ответственность за причинение вреда, до сих пор нет. Часть авторов считают, что искусственный интеллект выступает лишь в качестве объекта авторского права, исходя из данного положения, следует, что ответственность в таком случае будет нести разработчик программы. Некоторые, считают, что искусственный интеллект, его поведение – схожи с поведением животного и являются источником повышенной опасности.

В уголовном праве до сих пор отсутствует норма, определяющая уголовную ответственность за причинение вреда нейронной сетью. Это связано с тем, что преступлений, совершённых посредством информационной сети, немного, поскольку внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности началось недавно. [4, С. 462]

Искусственный интеллект не признан в качестве субъекта правоотношений. Хотя в мировом сообществе уже был зарегистрирован случай признания робота физическим лицом. Саудовская Аравия предоставила гражданину роботу Софии. Такой подход является преждевременным, в связи с тем, что человек и искусственный интеллект не совпадают в плане психоэмоциональных качеств и свойств. Возможно присвоение искусственному интеллекту особого статуса «электронного лица». Такой подход позволит не смешивать понятия в праве и не нарушил бы прав людей. [3, С. 77]

Деяние признается преступлением, в случае если охраняемым интересам причиняется вред или же создаётся угроза причинения вреда. Несомненно, технологиями искусственного интеллекта может быть причинён вред жизни и здоровью человека. В таком случае, возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность за причинение вреда. В первую очередь, ответственно будет лицо, создавшее данную программу. Непосредственный пользователь программы также может нести ответственность. Нельзя не отметить, что программа может быть изменена, заражена вирусом, действия могут быть совершены лицом, имеющим возможность вмешаться в компьютерную систему посредством взлома.

Технологии искусственного интеллекта применяются повсеместно, сфера здравоохранения не стала исключением: в медицине используются алгоритмы и программное обеспечение для аппроксимации человеческих знаний при анализе сложных медицинских данных. Благодаря программам искусственного интеллекта проводится разработка лекарств, отслеживание состояния человека, создание протезов, учитывающих анатомические особенности, исследование вакцин.

Задачи информационных технологий и использования искусственного интеллекта в медицине весьма многогранны, начиная от анализа данных, заканчивая их визуализацией. Посредством выполнения задач, достигается должный эффект. Рассмотрим данное положение на конкретных примерах.

Использование умных учебных медицинских тренажеров способствует формированию компетентных работников, которые могут свободно применить свои навыки в любой обстановке и нестандартной ситуации, возникшей в процессе выполнения ими своих обязанностей.

Визуализация медицинских данных, заключающаяся в возможности создания проекции внутренних органов и структур тела, для последующего медицинского вмешательства или же клинического анализа данных. Изложенная задача напрямую оказывает влияние на скорость принятия врачебного решения и его эффективности. Визуализация осуществляется посредством умной навигации, которая существенно уменьшает риск совершения врачебной ошибки, повышает качество выполнения действий и влияет на конечный результат.

В 2018 году российскими учёными в рамках Международной специализированной выставки MEDICA в Дюссельдорфе был представлен нейротренажер ReviVR, разработанный Самарским государственным медицинским университетом. Представленная технология не имеет аналогов во всем мире.

Ключевые особенности нейротренажера состоят в том, что разработчиками впервые была соединена виртуальная реальность и тактильная обратная связь, используемые для реабилитации пациентов, переживших инсульт.

По состоянию на данный момент в Российской Федерации разрабатывается первый национальный стандарт для искусственного интеллекта в России, о событии стало известно 24 августа 2020 года. Стратегия разработана на период до 2030 года. Проект нацелен на регулирование клинических испытаний медицинских систем искусственного интеллекта, были созданы Центры диагностики и телемедицины Департамента здравоохранения Москвы. (Исходя из выдержки документа, приведенной изданием Vademec.)

В условиях распространения коронавирусной инфекции технологии искусственного интеллекта начали активно применяться во всём мире. Одним из примеров является использование робота Betsy, созданного компанией «Нейроботикс». Если до начала распространения коронавируса, робот мог измерять температуру тела, оказывать психологическую поддержку, то теперь, программу обновили, внедрив функцию, позволяющую консультировать людей о коронавирусных симптомах.

Несмотря на исключительные преимущества искусственного интеллекта, в обществе существует недоверие к применению искусственных технологий в медицине, а также препятствия к цифровизации отрасли. Это обусловлено рядом факторов, основным из которых выступает чрезмерный консерватизм населения, не готовность к переменам. Отсутствие возможности использования технологий, ввиду ресурсной и ментальной неготовности. Да и в целом, сложности, которые связаны с реализацией проектов, ведь создание, разработка и внедрение технологии в определённую отрасль является долговременным и затратным процессом.

Сфера здравоохранения считается одним из перспективных направлений деятельности для тех, кто работает с искусственным интеллектом. Это не только возможность помочь миллиону людей, но и толчок в развитии государственного потенциала на международном уровне.

Таким образом, на этапе цифровизации здравоохранения, помимо пользы для общества, технологиями искусственного интеллекта может быть причинён существенный вред жизни и здоровью граждан. Данное положение создаёт необходимость реструктуризации правовой системы. Нормы, существующие сейчас, не могут в полном объёме охватить все случаи причинения вреда технологиями искусственного интеллекта, это позволит лицам, совершающим преступления посредством использования технологий искусственного разума, остаться безнаказанными.

Список литературы:

1. *Пройдаков Э.М.* Современное состояние искусственного интеллекта // *Научковедческие исследования*. 2018. № 2018. С. 129–153.
2. *Черных Е.Е.* Искусственный интеллект в здравоохранении России: современное состояние и уголовно-правовые риски // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 4 (88). С. 127–131;
3. *Соменков С.А.* Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 2. С. 75–85;
4. *Мосечкин И.Н.* Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. 2019. № 10(3), С. 461–476.

УДК 341

Ю. С. Гокунь

*Донецкий национальный университет
Юридический факультет
Донецкая Народная Республика, Донецк*

ИЗЪЯТИЕ ОРГАНОВ ДЛЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ У ЗАКЛЮЧЕННЫХ В КИТАЕ КАК ПРОТИВОПРАВНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изъятия органов для трансплантации у китайских заключенных как противоправного явления в сфере международного медицинского права. Определено, что практика Китая по изъятию органов у заключенных должна быть немедленно прекращена, так как нарушает права лиц, находящихся в местах лишения свободы, и противоречит принципу добровольности и свободы становления донором.

Ключевые слова: заключенные, изъятие органов, трансплантация, международное медицинское право, добровольность, свобода.

J. S. Gokun

*Donetsk National University
Faculty of Law
Donetsk People's Republic, Donetsk*

REMOVAL OF ORGANS FOR TRANSPLANTATION FROM PRISONERS IN CHINA AS AN ILLEGAL PHENOMENON IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL MEDICAL LAW

Abstract. The article is devoted to the consideration of the removal of organs for transplantation from Chinese prisoners as an illegal phenomenon in the field of international medical law. It was determined that China's practice of organ harvesting from prisoners should be stopped immediately, as it violates the rights of persons in prison and contradicts the principle of voluntariness and freedom to become a donor.

Keywords: prisoners, organ harvesting, transplantation, international medical law, voluntariness, freedom.

Эксперты ООН по правам человека неоднократно заявляли, что уже на протяжении последних пятнадцати лет они чрезвычайно встревожены сообщениями об извлечении органов у меньшинств, включая практикующих религиозное учение Фалуньгун, уйгуров, тибетцев, мусульман и христиан, содержащихся под стражей в Китае.

Эксперты заявили, что они получили достоверную информацию о том, что задержанные из числа этнических, языковых либо религиозных меньшинств могут быть принудительно подвергнуты забору крови для проведения анализа и обследованию органов без их осознанного и данного добровольно согласия, однако, другие заключенные не обязаны проходить такое обследование. После прохождения врачебного осмотра у заключенных удаляют органы и ткани. Наиболее распространёнными органами, которые удаляют у заключенных, являются сердце, почки, роговица, части печени либо печень полностью. Операции по изъятию в силу своей сложности проводятся исключительно специалистами сектора здравоохранения, в том числе квалифицированными хирургами, анестезиологами и другими медицинскими специалистами, что свидетельствует об осведомленности правительства Китая о сводимых процедурах и его способствовании этому.

В 2006 и 2007 годах эксперты ООН по правам человека неоднократно пытались обсудить данный вопрос с правительством Китая. Однако на тот момент в ответах правительства отсутствовали сведения о времени ожидания донорских органов реципиентами и информация об источниках их получения. В этом контексте отсутствие доступных данных и систем обмена информацией следует рассматривать как препятствие для успешного выявления случаев незаконного изъятия и защиты жертв торговли людьми, а также эффективного расследования и судебного преследования торговцев людьми. В 2014 году

средства массовой информации сообщили, что Китай постепенно откажется от практики извлечения органов у заключенных, и заявили, что вместо этого будут полагаться на национальную систему донорства органов. Однако этого так и не произошло.

Отметим, что подход Китая к изъятию органов у заключенных не только неэтичен, но также он заставляет задуматься о законности проведения таких операций. Данные медицинские вмешательства проводятся в отношении лиц, приговоренных к смертной казни, а значит это не позволяет установить действительно ли пожертвования биологического материала были произведены добровольно и свободно, т.е. не противоречат ли они основополагающим принципам трансплантологии, закрепленным в ст. 5 Декларации о трансплантации человеческих органов [1], ст. 13 Дополнительного протокола к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека [2] и отраженных в третьем руководящем принципе Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [3].

Сторонники данной точки зрения настроены радикально и требуют прекращения проведения операций по изъятию органов у китайских заключенных. Помимо этого, за рубежом широкое распространение получила идея изъятия из журналов научных работ, посвященных вопросу извлечения биологического материала у заключенных из Китая, приговоренных к смертной казни [4, с. 1–11]. В основе данной идеи лежит тезис о том, что аналогичные исследования нарушают принятые в научном сообществе этические стандарты относительно процесса становления донором и, одновременно с этим, основополагающие принципы трансплантологии.

Полагаем, особый резонанс рассматриваемой ситуации придает то, что изъятие биологического материала проводится у особой категории заключенных, а именно у узников совести, т.е. у лиц, находящихся в местах лишения свободы только по причине мирного выражения ими своих политических, религиозных либо научных взглядов. Принудительное становление донорами заключенных исключительно данной категории выступает в качестве своеобразного политического инструмента, позволяющего в кратчайшие сроки избавиться от неугодных лиц, оправдывая это гуманной целью в виде спасения жизни благодаря пересадке органов нуждающимся в них лицам. На наш взгляд, изъятие органов у узников совести недопустимо, т.к. оно нарушает не только право на жизнь и на добровольное становление донором, но и право на равенство, свободу слова, вероисповедания, свободное распространение информации, а также комплекс других прав, гарантируемых и обеспечиваемых Всеобщей декларацией прав человека [5], Международным пактом о гражданских и политических правах [6], Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [7] и Рамочной Конвенцией о защите национальных меньшинств [8].

Не оправдывая практику изъятия органов у заключенных, приговоренных к смертной казни, отметим, что в целях трансплантации органов другим лицам и спасения жизни сотен тысяч граждан Китая более оправданным могло бы быть извлечение биологического материала у заключенных, в отношении которых избрана высшая мера наказания по таким преступлениям как убийство (ст. 232 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, далее – УК КНР), изнасилование, совершенное с особой жестокостью (п. 1 ч.3 ст. 236 УК КНР), поочередное изнасилование женщины группой в количестве двух и более человек (п. 4 ч. 3 ст. 236 УК КНР), другие преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 236 УК КНР, ст. 240 УК КНР (например, за принуждение похищенной на продажу женщины угрозами либо угрозами к занятиям проституцией, а равно продажа ее третьему лицу, принуждающему ее к занятиям проституцией) и др.[9].

В заключение отметим, что практика Китая по изъятию органов у заключенных вполне обосновано признается мировым сообществом негуманной и противоправной. Она должна быть немедленно прекращена, т.к. нарушает права лиц, находящихся в местах лишения свободы, а также противоречит принципу добровольности и свободы становления донором как основному принципу трансплантологии.

Список литературы:

1. Декларация о трансплантации человеческих органов, принята 39-й Всемирной медицинской ассамблеей, Мадрид,

Испания, октябрь 1987 г. URL. : https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_330#Text (дата обращения : 29.10.2021)

2. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека Страсбург, 24 января 2002 года. URL. : <https://rm.coe.int/1680081581> (дата обращения : 29.10.2021)

3. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. URL. : https://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата обращения : 29.10.2021)

4. Rogers W., Robertson M.P., Ballantyne A, Blakely B., Catsanos R., Clay-Williams R., Singh M.F. Compliance with ethical standards in the reporting of donor sources and ethics review in peer-reviewed publications involving organ transplantation in China: a scoping review // BMJ Open. 2019. № 9 (2). С. 1–11.

5. Всеобщая декларация прав человека Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948. URL. : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 29.10.2021)

6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966. URL.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения : 29.10.2021)

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. URL.: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения: 29.10.2021)

8. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ETS № 157 от 01.02.1995. URL.: <https://rm.coe.int/168007cddc> (дата обращения: 29.10.2021)

9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 01.11.2016. URL.: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 29.10.2021)

УДК 340

А. Д. Дробышева

*Сибирский юридический университет
Россия, Омск*

В. С. Руп

*Уральский государственный юридический университет
Институт прокуратуры
Россия, Екатеринбург*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация. в статье характеризуются правовые основы проведения медицинских экспериментов в Российской Федерации. Раскрывается сущность термина «медицинский эксперимент». Формулируются выводы о месте медицинского эксперимента в действующей системе законодательства.

Ключевые слова: правовые основы, медицинский эксперимент, исследование, права испытуемого, лекарственные препараты.

A. D. Drobysheva

*Siberian Law University
Russia, Omsk*

V. S. Ruf

*Ural State Law University
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Ekaterinburg*

LEGAL BASIS, PROCEDURE AND CONDITIONS FOR CONDUCTING A MEDICAL EXPERIMENT

Abstract: the article characterizes the legal basis for conducting medical experiments in the Russian Federation. The essence of the term “medical experiment” is revealed. Conclusions about the place of medical experiment in the current system of legislation are formulated.

Keywords: legal bases, medical experiment, research, rights of the subject, medicines.

Развитие медицины является одним из самых важных аспектов существования как каждого государства в отдельности, так и мирового сообщества. На сегодняшний день вопрос стоит крайне остро, так как человечество вновь столкнулось с особо опасным, крайне заразным респираторным вирусом, который лишней раз указал приоритетность системы здравоохранения над другими сферами [8, С. 186]. Поэтому Российской Федерации как одному из ведущих государств необходимо и дальше продвигаться, и совершенствоваться в области здравоохранения. Такое развитие невозможно без медицинских экспериментов и участия в них человека как объекта этих манипуляций, например, при испытании новых лекарственных препаратов. С одной стороны испытания новых лекарственных открытий на людях являются необходимостью перед массовым производством и использованием среди населения их результатов, но с другой такие эксперименты сопряжены с огромными рисками и угрозами жизни и здоровью испытуемых, переживанием ими физических и моральных страданий. Соответственно возникает вопрос о правовой регламентации медицинского эксперимента, которая позволит обеспечить гарантированную государством защиту прав человека на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность [9, С. 304].

Прямо упоминания медицинского эксперимента в законодательстве нет, но общие принципы его регулирования строятся на основе ст. 21 Конституции РФ, ст. 32 и 43 ФЗ от 21.11.2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан») [6], а также косвенно упоминается в ФЗ от 12.04.2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – ФЗ «Об обращении лекарственных средств») [5].

В связи с отсутствием легального определения понятия медицинского эксперимента стоит обратиться к научным источникам. Н. Ардашева считает, что медицинский эксперимент – это вмешательство в личные права человека, совершаемое в связи с исследованиями в области медицины, не применяемое ранее на практике и не оформленное в установленном законом порядке, допускающее повышенный риск для участвующих сторон, предполагающее свободное и осознанное согласие испытуемого на проведение эксперимента и имеющее социальную значимость для общества и развития медицинской науки и практики [1, С. 105]. А Глушков В. А. писал, что под медицинским экспериментом понимается доклиническое или первое клиническое проведение научно обоснованного метода диагностики, лечения, профилактики применения новых лекарственных веществ с терапевтической или научной целью [2, С. 165]. Таким образом, можно разделить медицинские эксперименты на научно-исследовательские (преследование научной цели) и терапевтические (оказание помощи конкретному больному) с общим признаком, имеющим правовое значение – вмешательство в такие личные права человека как право на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность. Поэтому законодателем в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» и в ст. 43 ФЗ «Об обращении лекарственных средств» закреплены условия проведения медицинского эксперимента, с целью защиты прав испытуемого. Такими условиями являются: получение добровольного письменного согласия испытуемого или его законных представителей, обязательное страхование жизни и здоровья испытуемого, полное информирование пациента или его законных представителей обо всех сведениях, имеющих значение при проведении эксперимента (о лекарственном препарате для медицинского применения и сущности клинического исследования этого лекарственного препарата, о его безопасности для применения, о целях и продолжительности клинического исследования, об условиях обязательного страхования, о гарантиях конфиденциальности информации о пациенте, участвующем в медицинском эксперименте, о действиях пациента в случаях непредвиденных эффектов влияния лекарственного препарата, по поводу которого проводится медицинский эксперимент), а проведение терапевтического эксперимента допускается только на основании излечения самого испытуемого и проведении медицинских исследований исключительно в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения с предварительным проведением

лабораторного эксперимента. Однако по мнению ученых такое количество условий является недостаточным для эффективной защиты прав, свобод и законных интересов человека как объекта медицинского эксперимента. Также предлагается в качестве условий внести: обязательную общественно-полезную цель, с приоритетом интересов испытуемого перед интересами государства и общества; медицинское обоснование о невозможности достижения указанной цели иным путем; допуск к экспериментам врачей только высшей квалификации, что позволило бы минимизировать шанс врачебной ошибки [3, С. 255].

В федеральных законах не представлен порядок проведения медицинского эксперимента, в связи с чем это нашло отражение в подзаконном нормотворчестве: приказах и инструкциях, издаваемых для служебного пользования. Так утвержденный Министерством здравоохранения РФ в 1998 году Стандарт отрасли ОСТ 42-511-99 устанавливает требования о проведении клинических испытаний в соответствии с основополагающими этическими принципами, закрепленными в международных правовых актах и действующими нормативными требованиями [7]. Еще одним примером может послужить Приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 июля 2015 года № 474н, который отражает порядок информирования пациента, получения добровольного согласия на оказание медицинской помощи, а также отказа от проведения клинической апробации и лечения [4].

Также неотъемлемой частью проведения медицинского эксперимента является его предварительная оценка биоэтическим комитетом, который определяет обоснованность и приемлемость проведения отдельно взятого медицинского эксперимента. Во многом создание таких комитетов необходимо для того, чтобы не допустить повторного проведения эксперимента, если он уже был ранее проведен в каком-либо государстве и впоследствии его результаты были опубликованы. В Российской Федерации для достижения этих целей функционирует сразу несколько комитетов: Национальный комитет по биоэтике Российской академии наук, комитет при Президенте РАМН, при Российской медицинской ассоциации, при Ассоциации врачей, этический комитет Министерства здравоохранения Российской Федерации и Комитет по этике при Федеральном органе контроля лекарственных средств.

Руководствуясь вышесказанным, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации медицинское право в различных его проявлениях отражается в нормативных актах, которые постепенно развиваются и совершенствуются. Оно требует своевременного дополнения и изменения в целях соответствия постоянно усложняющимся общественным отношениям, складывающимся и в сфере здравоохранения. Однако законами не урегулировано понятие медицинского эксперимента, вследствие чего предлагаем добавить в часть первую статьи 36.1. «Особенности медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации» понятие медицинского эксперимента следующего содержания: «медицинский эксперимент – это добровольный и осознанный эксперимент над человеком, с целью исследования в области медицины, которые ранее не применялись на практике, допускающее повышенные риски для его участников».

Список литературы:

1. Ардашева Н. Понятие эксперимента в медицине, защита прав человека // Государство и право. 1995. № 12. С. 102–108.
2. Глушков В. А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. Киев: «Вища школа». 1987. С. 198.
3. Никитина И. О. Медицинский эксперимент: вопросы правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 254–255.
4. О порядке дачи информированного добровольного согласия на оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, формах информированного добровольного согласия на оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации и отказа от медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации: Приказ Министерства здравоохранения

Российской Федерации от 21.07.2015 № 474н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 43. 26.10.2015.

5. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 2010, № 16, ст. 1815.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011, № 48, ст. 6724.

7. ОСТ 42-511-99 Правила проведения качественных испытаний в Российской Федерации: Стандарт отрасли, утвержденный Минздравом России 29.12.1998 // Новая Аптека. 2002, № 6.

8. Пильникова И. Ф., Горбунова О. С., Крохалев А. А., Пильников Л. Н. Последствия пандемии коронавируса для экономики страны // Образование и право. 2020. № 8. С. 182–187.

9. Чернышева Ю. А. Правовые основы проведения биомедицинских экспериментальных исследований с участием человека в РФ // Общество и право. 2011 № 4 (36). С. 304–306.

УДК 34.096

А. А. Жидких

*Академия труда и социальных отношений
Институт экономики и права (филиал)
Россия, Севастополь*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования геномных исследований. Анализируются положения не только национального законодательства, но и Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации для установления взаимосвязи между правом и моралью. Исследуются примеры инновационных технологий медицины в области генетики.

Ключевые слова: геном, механизмы правового регулирования, генотерапевтическое лечение, права человека, принцип запрета дискриминации.

A. A. Zhidkikh

*Academy of Labor and Social Relations
Institute of Economics and Law (branch)
Russia, Sevastopol*

LEGAL REGULATION OF GENETIC RESEARCH: THEORETICAL ASPECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Resume: The article deals with the problematic issues of legal regulation of genomic research. The article analyzes the provisions of not only national legislation, but also the Code of Professional Ethics of a Doctor of the Russian Federation to establish the relationship between law and morality. Examples of innovative technologies of medicine in the field of genetics are investigated.

Keywords: genome, mechanisms of legal regulation, gene therapy treatment, human rights, the principle of non-discrimination.

Медицинская генетика, научные исследования генома не только одного человека, но и всего населения нашей планеты – это реалии современного общества. Получает своё развитие новое направление медицины (персонализированной медицины) т.е. лечение и профилактика заболеваний на основе результатов молекулярно-генетических исследований на самых ранних этапах их формирования. Вопрос применения генетического тестирования затрагивает не только внутреннее состояние индивида, но и его моральную составляющую.

Правовое регулирование данной проблемы в национальном законодательстве ещё находится на этапе становления. Информация, приобретённая в результате проведения такого исследования, содержит в себе сведения о состоянии здоровья субъекта на ближайший период времени, его предрасположенность к патологическим заболеваниям, позволяет оценить воз-

можные риски возникновения и развития профессиональных заболеваний, передачи таковых по наследству.

Находится ли эта информация под защитой, может ли она быть получена иными лицами? На данный момент не существует однозначного ответа. Конституционные права участника тестирования могут быть ущемлены, например, работодатель, получив сведения о состоянии здоровья работника, может ограничить доступ к осуществлению им трудовой деятельности. Это противоречит положению ст. 37 Конституции РФ о свободном труде и принципу запрета дискриминации в сфере труда ст. 3 ТК РФ.

Российский биолог Денис Ребриков предлагает использовать CRISPR-технологий для избавления новорождённых от генетически передаваемых заболеваний. Его идея состоит в отключении гена, кодирующего белок на проникновение ВИЧ в клетки эмбрионов. Это может предотвратить передачу опасного вируса от родителей к детям. Возглавляемая биологом лаборатория редактирования генома Научного центра им. Кулакова уже сейчас занимается поиском ВИЧ-инфицированных женщин, которые готовы поучаствовать в этом эксперименте [1, С. 62].

В Российской Федерации правовое регулирование генетических исследований осуществляется посредством нормативных правовых актов, таких как:

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации»;
2. Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» от 05.07.1996 № 86-ФЗ;
3. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ;
4. Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» от 23.06.2016 № 180-ФЗ;
5. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»;
6. Приказ Минздрава России от 15.11.2012 № 917н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи больным с врождёнными и (или) наследственными заболеваниями» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.12.2012 № 26301) и др.

Так же одним из юридических средств правового регулирования является Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (далее – Кодекс), в котором устанавливаются основные принципы деятельности врача. Согласно ст. 1 данного Кодекса миссия врача состоит в охране здоровья и глубоком уважении личности человека, его деятельность основана на донтологических принципах.

Учёные ожидали получить ответы на вопросы что можно проводить, а что нельзя в научных исследовательских лабораториях в ходе исследований неразрывно связанных с лечением. Однако, согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» положения данного закона могут применяться только в отношении тех исследований, которые уже апробированы, а применённые инновационные технологии дали положительные результаты.

Создание новых технологий регулируется подзаконными актами или этическими комитетами. Основными функциями этических комитетов является защита пациентов от злоупотребления врачами полномочий при проведении клинических исследований, оказании медицинской и реабилитационной помощи, рассмотрении протоколов апробации. В Российской Федерации действует этический комитет Министерства здравоохранения Российской Федерации. Его численность не превышает 15 человек, мультидисциплинарность обеспечивается членами-участниками разных профессиональных направлений: наука, образование, медицина. Также входит в состав этических комитетов могут представители заинтересованных федеральных и исполнительных органов власти. При рассмотрении протоколов клинической апробации комитет выносит заключение: либо об этической обоснованности, либо об этической необоснованности метода профилактики и лечения. Заключение носит рекомендательный характер, усложняет возможность их применения как нормативно-правового акта, имеющего юридическую силу [2, с. 114].

Постановление Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 – 2027 годы» можно привести в пример, как подзаконного акта, являющегося источником норм для регулирования вопросов связанных с применением генетических технологий, которым установлены основные цели программы. К ним относятся: консолидация всестороннего опыта и ресурсов для реализации проектов, направленных на развитие генетических технологий в Российской Федерации; эффективное использование средств федерального бюджета и средств внебюджетных источников; исключение дублирования мер государственной поддержки, осуществляемой за счёт средств федерального бюджета, с мерами государственной поддержки, предусмотренными иными федеральными программами.

Российский учёный-правовед Г.Б. Романовский основные проблемы, затрагивающие права человека в области генетики разделяет по критерию в зависимости от вида генно-инженерной деятельности на возникающие при генетическом тестировании и возникающие при генотерапевтическом лечении [3, С. 94].

Генетическое тестирование – расширяет возможности человека в прогнозировании своей жизни с учётом генетических данных. Суть данного вида исследования состоит в получении информации о предрасположенности человека к различным заболеваниям.

Генотерапевтическое лечение – производится путём замены повреждённых генов или введения новых генов.

Логическим заключением после проведения генетического тестирования является генетическое консультирование, которое осуществляется на добровольной основе и информация, по которому должна быть предоставлена только лицу, обратившемуся за такой услугой. Согласно п. 1 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сведения, полученные в результате медицинского обследования гражданина, составляют врачебную тайну. В соответствии со ст. 15 СК РФ предусмотрена возможность бесплатного консультирования по вопросам планирования семьи для лиц, вступающих в брак, определён круг субъектов, их взаимосвязь, ответственность за нарушение установленных требований. Указанный пример иллюстрирует прогрессивную регламентацию правоотношений, связанных с медицинским обследованием граждан. Однако, к сожалению, в национальном законодательстве точно не определён круг субъектов, которые имеют право проводить генетическое тестирование, отсутствует банк хранения и обработки генетических данных, не определена ответственность за нарушения в области генетических исследований и экспериментах над людьми.

Таким образом, генетические исследования имеют не только научное обоснование, но и законодательное закрепление, однако ряд пробелов в правовом регулировании данной сферы деятельности способствует возникновению различных противоречий между основополагающими актами Российской Федерации и ее подзаконными актами.

Список литературы:

1. *Пржиленский В.И., Вергун А.А.* Черные дыры в законодательстве и серые зоны этики: этические комитеты в структуре правового регулирования генетических исследований // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. – № 4 (68). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernye-dyru-v-zakonodatelstve-i-serye-zony-eticheskie-komitety-v-strukture-pravovogo-regulirovaniya-geneticheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 29.10.2021).
2. *Лоллини В.А., Величинская О.Г., Дикарева Е.А.* Этические комитеты и их роль в сфере медицинских технологий // Вестник ВГМУ. – 2019. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-komitety-i-ih-rol-v-sfere-meditsinskih-tehnologiy> (дата обращения: 29.10.2021).
3. *Романовский Г.Б.* Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-geneticheskikh-issledovaniy-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 29.10.2021).

УДК 342.951:351.82

А. С. Зайкова, В. С. Турчина

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Аннотация. Научная статья посвящается исследованию проблемы уклонения от медицинского освидетельствования. Особое внимание уделяется вопросам медицинского освидетельствования в области исполнения гражданами воинской обязанности, а также совершения транспортных правонарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

Ключевые слова: медицина, медицинское освидетельствование, уклонение от медицинского освидетельствования, медицинский осмотр, воинский учет, медицинское законодательство, административная ответственность.

A. S. Zaykova, V. S. Turchina

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

THE PROBLEM OF EVASION FROM MEDICAL EXAMINATION

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the problem of evading medical examination. Particular attention is paid to the issues of medical examination in the field of the fulfillment of military duties by citizens, transport offenses related to driving in a state of intoxication.

Keywords: medicine, medical examination, evasion of medical examination.

Проблема уклонения от медицинского освидетельствования была и остается одним из актуальных вопросов в современном государстве. Несмотря на законодательно закрепленные государственные меры принуждения и наказания за данное правонарушение, ситуаций с отказами граждан от прохождения освидетельствования не становится меньше. В связи с этим многие ученые [1–6] активно занимаются анализом и разработкой путей решения этого вопроса.

В первую очередь необходимо сказать, что под термином медицинское освидетельствование понимается совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий [7, ст. 65]. К видам медицинского освидетельствования относят освидетельствование на состояние опьянения; психиатрическое освидетельствование; освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством, владению оружием и иные виды.

Начнем рассмотрение данного вопроса с области исполнения гражданами воинской обязанности. Служба в армии является не только важным институтом государства, воспитывающим чувство уважения и любви к Отечеству, но и предполагает наличие определенной интенсивности физической нагрузки, которые могут оказать негативное воздействие на организм человека с хроническими заболеваниями. В связи с этим медицинское освидетельствование несет в себе целью заключение о годности гражданина к военной службе по определенным категориям [8, п. 2 ст. 5.1]. Уклонение же гражданина от медицинского освидетельствования либо обследования по направлению комиссии по постановке граждан на воинский учет или от медицинского обследования по направлению призывной комиссии – влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от пятисот до трех тысяч рублей [9, ст. 21.6].

Особенно важно рассмотреть медицинское освидетельствование в области безопасности дорожного движения. Человек, управляющий автомобилем в состоянии опьянения (алко-

А. С. Трясцын

Уральский государственный юридический университет
Институт прокуратуры
Россия, Екатеринбург

QR-КОДЫ О ВАКЦИНАЦИИ И ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА

Аннотация. Статья посвящена QR-кодам, как новой форме хранения и предоставления информации медицинского характера, получившей широкое распространение в условиях пандемии коронавируса. Предпринимается попытка рассмотреть QR-код как врачебную тайну и определить круг субъектов данного вида профессиональной тайны.

Ключевые слова: QR-код, вакцинация, врачебная тайна, конфиденциальность, разглашение врачебной тайны, субъекты врачебной тайны.

A. S. Tryastsyn

Ural State Law University
Prosecutor's Office Institute
Russia, Yekaterinburg

QR CODES ABOUT VACCINATION MEDICAL SECRECY

Abstract. The article is devoted to QR codes as a new form of storing and providing medical information that has become widespread in the context of the coronavirus pandemic. An attempt is being made to consider the QR code as a medical secret and to determine the range of subjects of this type of professional secret.

Keywords: QR-code, vaccination, medical secrecy, confidentiality, divulgation medical secrecy, subject's medical secrecy.

Информационные технологии меняются и совершенствуются с каждым днем и все более прочно закрепляются во всех областях человеческой жизни: учеба, работа, походы в магазин, общение с близкими – всё это происходит с использованием достижений в информационной сфере. Информатизация, как процесс, не обошла стороной и сферу здравоохранения. В настоящее время в медицинской среде активно используются новые формы хранения и предоставления данных о пациенте, в числе которых QR-коды. Данное явление объясняется простотой реализации, низкой стоимостью внедрения, а также удобством использования [7, С. 215].

Вообще, QR-код представляет собой двумерный штрих-код, в котором кодируется разнообразная информация, состоящая из различных символов [6, С. 65]. Его название, расфигуровывается как quick response, что буквально переводится как быстрый отклик. Именно в этом состоит преимущество данного способа хранения и предоставления данных – быстрое считывание информации без использования специальных средств – достаточно лишь мобильного телефона.

На сегодняшний день, QR-коды получили широкое распространение в качестве сертификатов вакцинации от коронавируса. Данное явление вызывает множество вопросов в юридической практике, в частности, является ли информация, зашифрованная в QR-коде врачебной тайной и правомерно ли её предоставление.

Определение термина «врачебная тайна» дается в статье 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323) [1]: сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении.

Разберемся, является ли информация о вакцинации врачебной тайной. Вакцина представляет собой лекарственное средство или лекарственный препарат, вводимый человеку или животному, предназначенный для стимулирования защитного иммунного ответа с целью предотвращения заболевания [2]. В соответствии с положениями пунктов 3, 4, 6 части 1 статьи 2 ФЗ № 323 можно сделать о том, что вакцинация является медицинской помощью, а значит сведения о ней составляют врачебную тайну.

гольного, наркотического или иного токсического), опасен для окружающих, поэтому такой вид правонарушений довольно жестко пресекается государством. В связи с низкой правовой грамотностью правонарушитель, пытаясь избежать справедливого наказания, отказывается от законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования, что влечет за собой административную ответственность [9]. Примером может послужить судебная практика, где постановлением мирового судьи судебного участка Ганжерли Р.А. признан виновным в том, что он, управляя транспортным средством, двигался в назначенный адрес с признаками алкогольного опьянения и отказался от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, после чего находясь в ГБУЗ МО «Рузская районная больница» не выполнил законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, чем нарушил п. 2.3.2 ПДД РФ, за что предусмотрена ответственность по ст. 12.26 ч.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [10].

Вопрос медицинского освидетельствования также является актуальным и для граждан, изъявивших желание владеть оружием или управлять транспортным средством. Поскольку оружие и транспортное средство могут представлять общественную опасность, медицинское освидетельствование проводится с целью выявления патологии, способной повлиять на адекватное восприятие человеком действительности. При условии уклонения от прохождения медицинского освидетельствования гражданину отказывается в праве управления транспортным средством или владения оружием.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы уклонения от медицинского осмотра вызваны либо незнанием правонарушителя, либо желанием уйти от ответственности. Комплексный подход нужен не только в решении вопроса нигилизма в сфере медицины, но и в анализе практического применения норм административного права и медицинского законодательства для повышения эффективности правового регулирования данных вопросов.

Список литературы:

1. Зайкова С.Н., Зайкова А.С. Административно-правовое регулирование медицинской деятельности // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6 (96). Часть 4. С. 145–149.
2. Бурт А.А., Дюжева Е.В. Медицинское освидетельствование осужденных в связи с болезнью: медицинские новшества, проблемы и предложения в нормативно-правовые акты // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 4. С. 37–40.
3. Холиков И.В., Вовкодав В.С. Законодательное обеспечение медицинского освидетельствования специалистов авиационного персонала государственной авиации // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 7. С. 38–43.
4. Стаценко С.П. Медицинское освидетельствование на состояние опьянения и медицинская экспертиза – сравнительный административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 65–66.
5. Кирюхин В.В., Сокол А.М. Проблемы применения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при производстве по делам об административных правонарушениях и пути их законодательного регулирования // Административное право и процесс. 2019. № 4. С. 50–53.
6. Соколов Я.О. Медицинское освидетельствование граждан при направлении на альтернативную гражданскую службу // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 2. С. 69–72.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.
8. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13, ст. 1475.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
10. Решение по делу № 12-880/18 от 19 ноября 2018 года // КонсультантПлюс.

Согласно части 2 статьи 13 ФЗ № 323 недопустимо разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, т.е. распространение, опубликование врачебной тайны в любой форме и любым способом. Исключение составляют случаи, предусмотренные частями 3 и 4 статьи 13 ФЗ № 323, одним из которых является угроза распространения инфекционных заболеваний. В качестве примера можно привести действия специалистов территориальных органов, осуществляющих санитарно-эпидемиологический надзор в очагах кори, краснухи и эпидемического паротита в соответствии с п. 2742 Санитарно-эпидемиологических требований по профилактике инфекционных болезней – помимо обследования очагов инфекции и определения их границ, специалисты определяют прививочный и инфекционный анамнез в отношении кори или краснухи, или эпидемического паротита у лиц, оказавшихся в очаге заболевания [3] с целью воспрепятствования развитию инфекции и защиты других граждан.

Аналогичная ситуация складывается на сегодняшний день с пандемией коронавируса – QR-коды используются для выявления прививочного анамнеза у лиц, оказавшихся в очаге заболевания, под которым на сегодняшний день понимается вся территория нашей страны. В связи с этим, по моему мнению, разглашение врачебной тайны в виде QR-кодов в современных условиях может считаться правомерным, потому как преследует цель защиты населения, а также воспрепятствование распространению коронавирусной инфекции.

Далее следует разобраться с субъектами врачебной тайны, т.е. кто и кому может предъявить QR-код. Анализируя положения статьи 13 ФЗ № 323 можно говорить о том, что законодатель относит к числу субъектов не только медицинских работников, но и сотрудников следственных органов, органов прокуратуры, лиц, которым врачебная тайна стала известна при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей. Кроме этого, нельзя забывать о том, что врачебная тайна является тайной профессиональной, к числу субъектов которой относится доверитель – лицо, которому принадлежит информация, составляющая профессиональную тайну [5, С. 281]. Как видно, перечень субъектов врачебной тайны довольно широк, что вполне оправданно, потому как в противном случае происходит неоправданное сужение круга лиц, которые обязаны сохранять свою профессиональную тайну [4, С. 131].

Таким образом, подводя итог, можно сделать несколько выводов. Информация о прохождении гражданином вакцинации, предоставляемая посредством использования QR-кодов, составляет врачебную тайну и её разглашение лицом, которому она принадлежит, допустимо лишь при определенных условиях, в частности для защиты населения и предотвращения распространения инфекционных заболеваний. При этом, в силу довольно широкого круга субъектов, такие сведения могут быть разглашены не только медицинским работникам. В этой связи, по моему мнению, необходимо введение дополнительных гарантий конфиденциальности сведений, составляющих врачебную тайну. В большей степени это касается деятельности лиц, занимающихся проверкой QR-кодов на входе в общественные места. Я думаю, что следует законодательно закрепить обязанность работодателей брать с таких работников расписки о неразглашении получаемых ими сведений.

Вопрос о врачебной тайне на сегодняшний день имеет большое количество пробелов. В первую очередь это связано с тем, что данному виду профессиональной тайны в ФЗ № 323 посвящена лишь одна статья. Ситуация ещё более осложняется тем, что законодателем не вносятся изменения в связи с появлением новых форм хранения и предоставления врачебной тайны. Необходимо, как минимум, совершенствование статьи 13 ФЗ № 323 под современные реалии, а, как максимум – разработка отдельного федерального закона «О врачебной тайне».

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 28.11.2011. – № 48. – ст. 6724.
2. Указ Президента РФ от 20.08.2007 № 1083 «Об утверждении Списка микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю» (ред. от 14.11.2017) // «Российская газета». – № 186. – 24.08.2007.

3. СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2021)

4. Красавчикова Л. О. Личная жизнь под охраной закона / Л. О. Красавчикова. – М.: Юрид. лит., 1983. – 160 с.

5. Кузнецов П. У. Информационное право : учебник / П. У. Кузнецов. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017. – 336 с.;

6. Лушников Н. Д. QR-код или кодирование информации графическими символами / Н. Д. Лушников, А. Д. Альтерман // Наука и образование: новое время. – 2019. – № 1(30). – С. 65–68.

7. Тарасов А. Д. Применение QR – кодов для идентификации медицинской карт пациента средствами языка Java / А. Д. Тарасов, Г. К. Алексанян, М. Р. Хасанова // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 3-2(71). – С. 215–217.

УДК 349.2

Л. З. Шанибова

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
медицинский факультет
Россия, г. Нальчик*

Д. З. Шанибова

*Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова
Россия, г. Москва*

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВЫЯВЛЕНИИ ОБЩЕВРАЧЕБНЫХ ОШИБОК

Аннотация. Данная статья посвящена результатам анализа ряда врачебных ошибок, в результате которых врач может быть привлечен к уголовной ответственности, а также роль и значение Прокуратуры Российской Федерации в современной системе здравоохранения. Приведены наиболее частые нарушения законодательства в сфере здравоохранения. Анализ основан на результатах оценки случаев из клинической практики с выводами по каждому из них, о характере совершенной ошибки и причинах их возникновения.

Ключевые слова: прокурорский надзор, врачебная ошибка, защита прав и свобод, орган государственной власти, медицинская организация.

L. Z. Shanibova

*Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
Faculty of Medicine
Russia, Nalchik*

D. Z. Shanibova

*Russian National Research University N. I. Pirogov
Medical University
Russia, Moscow*

THE MODERN HEALTHCARE SYSTEM AND THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN IDENTIFYING GENERAL MEDICAL ERRORS

Abstract: this article examines the current state of the health care system in the context of its reform, as well as the role and significance of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the modern health care system.

Keywords: Prosecutor's supervision, medical error, public authority, medical organization.

Согласно статье 41 части 1 Конституции РФ, каждый гражданин имеет право на получение медицинской помощи. Однако данное право не гарантирует, что качество оказания услуг будет на должном уровне. Основная опасность заключается в воз-

возможности врачебной ошибки, которая может привести к серьезным последствиям вплоть до летального исхода.

Целью работы является изучение вариантов врачебных ошибок, в результате которых врач может быть привлечен к уголовной ответственности и пути их профилактики в общей врачебной практике.

Результаты. Защита прав граждан на охрану здоровья и получение качественной медицинской помощи является одной из приоритетных задач, стоящих перед органами прокуратуры. В нашем исследовании предлагается анализ имевших место в клинической практике случаев врачебных ошибок (Случаи 1–5).

Несколько случаев из клинической практики (случаи 1,2,3) мы объединили в группу организационных ошибок, которые происходят при неграмотной организации медицинской помощи и недостаточном её обеспечении. Ошибки в данных случаях требуют особого внимания и скорейшего устранения, так как они могут отразиться на здоровье большого количества больных.

Случай-1: Больной Э., 25 лет с шизофренией содержался в лечебном отделении общего типа без специального наблюдения, выбросился из окна четвертого этажа и погиб.

Случай-2: Полостную операцию хирург проводил единолично; в ходе операции возникло смертельное кровотечение, с которым хирург не справился; оставление салфеток, повлекшее инфекционно-гнойные осложнения, в результате – тяжкие последствия.

Случай-3: Больной О., поступает в приемное отделение с диагнозом аппендицит, достаточные исследования крови и температуры тела не проводятся, в тот же день больного отправляют домой; он поступает вновь через 10 часов с явлениями гангренозного аппендицита и перитонита, смерть наступает на 7-е сутки. Этот случай свидетельствует о невыполнении специальных диагностических исследований и относится к группе лечебно-тактических. В данном контексте специалист допускает ошибку при диагностике и начинает лечить пациента в соответствии с определенным неверным диагнозом. Этот вопрос хорошо разработан патологоанатомами и судебно-медицинскими экспертами [1, С. 19].

Случай-4: Огнестрельное сквозное ранение живота, проникающее в брюшную полость. Хирург, не проводя лапаротомии, амбулаторно ушил входное и выходное огнестрельные отверстия, смерть наступила через 3 суток от калового перитонита.

Случай-5: Ребенку Н., 8 лет назначена тепловая процедура, врач подключил прибор в сеть с напряжением 220 В, ребенок получил ожоги III Б степени (10 % поверхности тела) и умер (небрежный уход по отношению к детям). Вышеуказанные случаи (4,5) относятся к самой частой группе деонтологических ошибок, квалифицируемых неправильными действиями врача в виде небрежности или халатности [2, С. 55]. Также общими случаями нарушений, влекущих за собой наказание в соответствии с УК РФ: смерть, причиненная по неосторожности; вред, причиненный здоровью пациента; принуждение пациента к изъятию органов каким-либо способом; заражение ВИЧ-инфекцией; незаконный аборт; оставление в опасности [3, С. 86].

Для возбуждения уголовной ответственности по факту допущения врачебной ошибки, требуется представить заключение судебно-медицинской экспертизы о нанесении здоровью человека значительного вреда или о наступлении летального исхода. Также, в случае возбуждения уголовного дела у пострадавшего есть право подать гражданский иск для получения возмещения за причиненный ущерб в денежном эквиваленте. Это право зафиксировано в статье 44 УПК. Действует оно до проведения судебного следствия по возбуждению уголовного дела [4, С. 45].

Заключение. Особенно высоки ошибки при оказании внебольничной помощи в капиталистических странах, что порождает активное развитие законодательства, с учетом различных прецедентов в качестве профилактики. Анализируя случаи врачебных ошибок в лечебных учреждениях, можно прийти к выводу – медицинским работникам, в первую очередь, следует осваивать правила врачебной этики, так как самоусовершенствование и постоянная научно-практическая подготовка – основа воспитания специалиста, которая закладывается в учебном заведении.

Список литературы:

1. Вайль С.С. Ошибки клинической диагностики. Под ред. С.С. Вайль, издательство Медицина, 1969 г. С. 5–21.
2. Даль М.К. Клинико-патологоанатомический анализ врачебной диагностики / М.К. Даль, издательство Медгиз, 1949 г. С. 55–63.
3. Флоря В. Уголовная ответственность за врачебные преступления. – М., 2006 г. С. 86–87.
4. Стеценко С.Г. Врачебная ошибка и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Эксперт-криминалист. – 2006 г. № 2, 47 с.

УДК 347.155

А. Г. Яковлев

*Московский государственный университет
имени О.Е. Кутафина
Россия, Москва*

ВОЗМОЖНОСТЬ ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА ВЫСТУПАТЬ ОБЪЕКТОМ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье производится анализ того, могут ли эмбрионы человека в замороженном виде являться имуществом и, соответственно, являться объектом гражданско-правового оборота. Также рассматривается вопрос, могут ли они подлежать разделу в случае развода супругов. Приводятся примеры из отечественной и зарубежной судебной практики.

Ключевые слова: Эмбрион; правоспособность; права человека; раздел имущества; гражданско-правовой оборот.

A. G Yakovlev

*Kutafin Moscow State University
Russia, Moscow*

THE POSSIBILITY OF A HUMAN EMBRYO TO ACT AS AN OBJECT OF PROPERTY RELATIONS

Abstract: The article analyzes whether human embryos in frozen form can be property and, accordingly, be the object of civil turnover. The question is also being considered whether they can be separated in the event of a divorce of the spouses. Examples from domestic and foreign judicial practice are given.

Keywords: Embryo; legal capacity; human rights; division of property; civil law turnover

С развитием науки, биотехнологий и общественного устройства человечеству стали доступны новые, до этого неизвестные возможности в области медицины, такие как клонирование животных, создание имплантов, использование компьютерных технологий при лечении. Одной из таких возможностей также стала, до этого казавшаяся невозможной, способность человека к так называемой «отложенной беременности». Сама суть данной технологии состоит в том, что по желанию человека, особая медицинская организация производит забор клеток матери, искусственно их оплодотворяет, а полученную оплодотворенную яйцеклетку (называемую «эмбрионом») замораживает и помещает в особое хранилище. Такая технология называется «криоконсервация эмбриона» и служит для помощи женщинам, которые хотели бы отложить свою беременность на долгий период, чтобы построить карьеру, а в дальнейшем использовать замороженных эмбрионов для начала беременности даже в достаточно зрелом возрасте. Также семейные пары могут также прибегнуть к данной процедуре, для, например, рождения ребенка от суррогатного родителя, в случае бесплодия одного из супругов.

Однако гражданско-правовое положение эмбриона в современных реалиях продолжает оставаться неясным. В данной научной статье я буду исходить из того, что эмбрион, как таковой, не является живым существом и соответственно не обладает правоспособностью и дееспособностью. Это подтверждается тем, что в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 в статье номер 53 [1] говорится о том, что «Моментом рожде-

ния ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов». Также, в Конституции РФ в статье 17 п.2 [2] говорится о том, что «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Таким образом, эмбрион человека, не смотря на многочисленные споры в данной сфере, с точки зрения законодательства не является живым, так как он не был рождён и соответственно, не может иметь прав и свобод, присущих каждому рождённому человеку.

В то же время в Законе «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. в статье 2 [3], эмбрионы упомянуты в качестве разновидностей органов человека.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в системе современного российского законодательства эмбрион человека не рассматривается как живое существо, а его правовое положение ближе к имущественным объектам.

Это согласуется и с практикой европейских стран. Так, например, Европейский суд по правам человека в 2007 году в деле «Эванс против Соединенного Королевства» [4], Суд постановил, что по законодательству Соединенного Королевства человеческий зародыш не имеет самостоятельных прав или законных интересов и не может претендовать – или чтобы от его имени претендовали – на охрану права на жизнь.

Таким образом, мы понимаем, что эмбрион в большинстве стран, сталкивавшихся с необходимостью определения его правового статуса, не признаётся живым существом. Но в таком случае возникает вопрос: Может ли такая специфическая вещь являться объектом имущественных правоотношений?

Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. [3] прямо запрещает продажу органов человека, но существуют различные исключения. В частности, данный закон разрешает куплю-продажу и трансплантацию:

1) Крови и её компонентов

2) Органов и тканей относящимся к процессу воспроизводства человека, которые, помимо всего прочего, включают себя также и эмбрионы человека.

Можно прийти к выводу, что зародыш человека по современному законодательству России в теории может стать объектом купли-продажи. Однако, на практике, предложения о продаже или желании купить эмбрионов отсутствуют.

В то же время возникает вопрос о том, подлежат ли разделу эмбрионы в случае развода супругов. Так как Гражданский кодекс [5] или иные законодательные акты не говорят об имущественной природе подобных объектов, то и установить, считаются ли эмбрионы делимым или неделимым имуществом и имуществом ли, не представляется возможным. Однако в некоторых странах этот вопрос решается на уровне судебной практики.

Существует решение суда штата Теннеси в США по делу «Дэвис против Дэвиса» от 1 июня 1992 года [6]. По нему, семейная пара на стадии развода пыталась с помощью суда решить будущую судьбу эмбрионов. Биологический отец эмбрионов, Джуниор Льюис Дэвис настаивал на их уничтожении, в то же время биологическая мать, Мари Сью Дэвис, наоборот, настаивала на их сохранении и, в дальнейшем, передачи их другой бесплодной семье для процесса искусственного оплодотворения. Джуниор активно выступал против этого, не желая становится отцом не по своей воле. Дело прошло множество стадий, включая рассмотрение Апелляционным и Верховным судом штата Теннеси. К данному делу, как прецедентному для американской правовой системы, привлекалось множество учёных, биологов, а также компаний, участвовавших в деле в качестве *amicus curiae*. Все они предоставляли различную информацию суду, для облегчения процесса принятия решения и повышения уровня осведомленности суда о тех или иных медицинских терминах или вопросах. В конечном итоге, после отмены решения Апелляционного суда штата Теннеси, Верховный суд этого же штата вынес окончательное решение. Он удовлетворил требо-

вания Джуниора Дэвиса об уничтожении замороженных эмбрионов, аргументировав своё решение тем, что «бремя Джуниора, связанного с нежеланием стать родителем, перевешивает бремя Мари Сью, заключающееся в невозможности передать эмбрионы другой паре. Если бы генетический ребенок Джуниора родился от другой пары, Джуниор потенциально потерял бы как свою репродуктивную автономию, так и способность воспитывать своего ребенка» Тем самым, суд занял позицию против использования эмбрионов, в пользу их уничтожения и положения о том, что никто не должен становится родителем против своей воли. В целом это соответствует и современной практике решения подобных дел в судах Соединенных Штатов Америки, которые также часто опираются на данное дело, используя его как прецедент.

Однако чтобы избежать подобных судебных тяжб для людей, решивших прибегнуть к заморозке зародышей человека, медицинские организации предлагают заключить особый договор, который регламентирует, кому, в случае развода, должны достаться эмбрионы и определяет их дальнейшую судьбу. Но, подобный договор, к сожалению, заключают далеко не все супруги. Именно поэтому в США каждый год увеличивается количество дел, связанных с разделом и определением дальнейшей судьбы эмбрионов [7]. Тем не менее, регулирование в данной области постепенно развивается, например большинство медицинских клиник репродукции человека в разных странах мира, в настоящее время требуют от супругов обязательное заключение договора о судьбе будущих эмбрионов в случае развода. Такой договор обычно заверяется у нотариуса и подписывается обоими супругами.

Таким образом, данная область юриспруденции мало изучена к настоящему моменту и слабо освещается в СМИ. Однако медицина в нашем мире активно развивается, открывает всё новые возможности и право за ней не поспевает. Но первые шаги к правовому охвату данной области предпринимаются. Издаются новые законы, проводятся научные исследования и закладываются обычаи. В будущем, благодаря этому, вопрос о правовом положении эмбрионов и других, не менее важных, вопросах медицины, может быть окончательно разрешен и в дальнейшем закреплён в официальном законодательстве. Ведь, как известно, корректные и своевременные законы ускоряют развитие любой отрасли экономики и улучшают жизнь каждого человека.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации – [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.10.2021).
2. «Конституция Российской Федерации» от 12.12.1993 с изменениями 01.07.2020 года
3. Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-1 (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2021).
4. По материалам Постановления Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 года (вынесено Большой Палатой) по делу Эванс против Соединенного Королевства (№ 6339/05)
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2021).
6. Дело *Davis v. Davis*, Case No E-14496 (Tenn. C.C., Blount Cty, Div. 1 1989)
7. The Embryo project encyclopedia [Электронный ресурс] // URL: <https://embryo.asu.edu/> (дата обращения: 28.10.2021).

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА XXI ВЕКА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 342

В. Д. Гаврилова

*Волгоградский государственный университет
Институт права
Россия, Волгоград*

КОНЦЕПЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВОПОРЯДКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье выполнен анализ понятия публичный правовой порядок, предпринята попытка определить его роль в организации публично-правового механизма РФ. Закон о поправках к Конституции создал предпосылки для закрепления новых в законодательстве РФ и взаимосвязанных понятий публичного правового порядка и органов публичной власти в конституционной доктрине, что требует активизации теоретических исследований.

Ключевые слова: публичный правовой порядок, органы публичной власти, единая система органов публичной власти,

V. D. Gavrilo

*Volgograd State University
Russia, Volgograd*

THE CONCEPT OF PUBLIC LEGAL ORDER OF THE MODERN RUSSIA

Abstract. The article analyzes the concept of public legal order, attempts to determine its role in the organization of the public legal mechanism of the RF. The Law on Amendments to the Constitution has created prerequisites for the consolidation of new and interrelated concepts of public order and public authorities in the constitutional doctrine, it requires the activation of theoretical research.

Keywords: public law and order, public authorities, unified system of public authorities.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ от 14.03.2020 (далее – Закон 2020 года) вступил в силу 04.07.2020 г. Многие положения этого закона ввели новые для российской правовой науки категории, дав им легальные дефиниции, однако понятие «основы публичного правового порядка», закрепленное в тексте Конституции, нуждается в дополнительном изучении на теоретическом уровне, конкретизации его значения.

Задача исследования – рассмотреть концепцию публичного правового порядка в современном российском праве. Методы решения задачи: формально-юридический, анализ, синтез, моделирование.

Итак, в п.б новой ч.5.1 ст.125 Конституции РФ зафиксировано, что теперь Конституционный суд РФ уполномочен разрешать вопрос о возможности исполнения налагающих на РФ обязанности решений иностранных судов, международного (межгосударственного) суда, международного третейского суда (арбитража), если эти решения противоречат «основам публичного правового порядка РФ». Данное изменение способствует адаптации международных, межгосударственных и иностранных правовых принципов, норм и стандартов к национально-культурной специфике российской правовой системы.

Научный аспект публичного правового порядка заключается в доктринальных идеях, представленных в судебной практике и в юридической литературе, о толковании публичного порядка и основ правового порядка. Рассматривая понятие «публичный порядок», необходимо отметить, что позиции, обозначенные в российской судебной практике, послужили основой для дальнейших доктринальных исследований, за счет чего мы можем наблюдать схожие черты в подходах к определению данного понятия. В одном из определений Верховного Суда РФ написано, что это установленные государством основополагающие нормы об экономическом и социальном устройстве общества, главные устои основ правового порядка, закрепленные Конституцией РФ [1]. Здесь ВС РФ раскрывает содержание данного термина через

перечисление соответствующих структурных элементов (норм, устоев, принципов), через рассмотрение соотношения целого и его частей. Данный подход мы можем наблюдать и в юридической литературе: например, изложение структуры публичного порядка: «принципы отраслей права; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ; основы конституционного строя РФ» [2, С.19].

При обращении к Постановлению Пленума ВС РФ, мы видим другую формулировку значения рассматриваемого понятия. Оно раскрывается как фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства[3].

В данном случае понятия «публичный порядок» и «правовые принципы» отождествляются, при этом и в рамках отечественных доктринальных исследований существуют аналогичные точки зрения.

Для определения понятия публичный правовой порядок необходимо также учитывать связь публичного правового порядка с деятельностью органов публичной власти – органов государственной власти и органов местного самоуправления, взаимодействие и согласованное функционирование которых обеспечивает Президент РФ (ч.2 ст.80 Конституции РФ), который с этой целью формирует Государственный Совет РФ (п.е.5 ст.83 Конституции РФ). Термин «органы публичной власти» был введен, чтобы «обобщить» органы механизма государства, работающие «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения».

Данные поправки в Конституцию РФ позволяют нам говорить о принципе единства органов публичной власти. Идея о принципе единства публичной власти была развита в законопроекте № 1256381-7 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»

(далее: законопроект). Данный проект был внесен в Государственную Думу 27 сентября 2021 г., а в п.5 ч.1 ст.2 законопроекта упомянут такой принцип деятельности органов публичной власти, как единство системы публичной власти.

С рассмотрением законопроекта и при условии принятия закона утратит силу Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Есть позиция, согласно которой законопроект улучшит способы и формы взаимодействия органов публичной власти РФ и их организацию в целом, а так же будет способствовать развитию модели единой системы публичной власти в рамках отдельно взятого региона. Упомянутая модель выстраивается через закрепление принципов деятельности указанных органов и их системы.

Таким образом, проанализировав понятия публичный правовой порядок, публичная власть сквозь призму принципа единства публичной власти можно следующие выводы. Публичный правовой порядок это особый вид правового порядка, который

– базируется на основах конституционного строя РФ, российской правовой системе в целом и отражает наиболее важные, мировоззренческие интересы государства и общества;

– состоит из определенных структурных элементов:

а) принципов права, объединяющие принципы деятельности органов публичной власти: единства, целостности, системности, федерализма, законности, гарантированности прав и свобод человека и пр.

б) системы юридических гарантий, в качестве которых выступают условия, способы, средства, необходимые для обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации и законодательства РФ в деятельности органов публичной власти.

Публичный правовой порядок, основанный на принципе единства публичной власти, является одним из главных признаков государства, обеспечивает нормальное функционирование публично-правового механизма государства, а так же способствует укреплению законности, справедливости, гуманизма и более эффективному решению задач государства.

Список литературы:

1. Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2008 № 91-Г08-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009 – № 5. (дата обращения: 08.11.2021)
2. Беляева Н.Г. Публично-правовые и частноправовые аспекты оговорки о публичном порядке // Российский юридический журнал. 2002. № 1 (33). С. 13–19.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» № 53 от 10.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3. (дата обращения: 08.11.2021)

УДК 341.9

В. А. Ковтун

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС Россия, Саратов

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В статье рассмотрена практика применения европейской модели правового регулирования лоббизма на примере Франции, Германии, Великобритании. Также в статье определены тенденции развития данной правовой модели регулирования лоббирования в зарубежной практике.

Ключевые слова: лоббизм, европейская модель регулирования, правовое регулирование лоббизма, лоббирование, императивные нормы.

V. A. Kovtun

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Russia, Saratov

THE EUROPEAN MODEL OF LEGAL REGULATION OF LOBBYING ABROAD

Abstract. The article examines the practice of applying the European model of legal regulation of lobbying on the example of France, Germany, Great Britain. The article also identifies trends in the development of this legal model of regulation of lobbying in foreign practice.

Keywords: lobbying, European model of regulation, legal regulation of lobbying, mandatory norms .

Европейская модель правового регулирования лоббизма достаточно мягкая и носит диспозитивный характер. В Европейском союзе (далее – ЕС) лоббистская деятельность регулируется «мягким правом», в рамках которого осуществляется ведение добровольного реестра лоббистов, контактирующих с институтами ЕС.

Однако, на сегодняшний день мы можем наблюдать тенденцию к ужесточению регулирования лоббистской деятельности, которая прослеживается в странах ЕС, Франции, Великобритании, ФРГ. Так, в Европе все чаще заявляются инициативы о введении обязательного реестра лоббистов для того, чтобы поднять уровень доверия населения к лоббистской деятельности.

В настоящее время в Германии действует система добровольной регистрации лоббистов, осуществляющих влияние на Парламент. Такая добровольная система регистрации действует только в Бундестаге. Участвовать в рассмотрении и обсуждении внесенных предложений имеют право только зарегистрированные лоббисты. Как считает правительство Германии, такие диспозитивные методы являются эффективными со стороны государства. Помимо всего прочего, парламентарии обязаны отчитываться о доходах, которые не связаны с выполнением их должностных компетенций, а заниматься какой-либо деятельностью на безвозмездной основе вовсе запрещено [1, С. 528].

Не смотря на это, в Германии также прослеживается ужесточение регулирования. В последнее время выдвигаются инициативы в части ведения обязательного реестра лоббистов и императивного регулирования лоббистской деятельности, а также подаются жалобы с требованием раскрытия информации о деятельности лоббистов в Германии.

Во Франции, аналогично Германии, долгое время не существовало закона, регулирующего лоббистскую деятельность. Принятый в 2016 году закон о лоббистской деятельности ввел обязательную регистрацию лоббистов и создание электронного реестра, необходимый для раскрытия гражданам информации о взаимоотношениях между лоббистами и органами государственной власти. При регистрации лоббистов в реестре раскрывается довольно подробная информация об их деятельности, в том числе и о финансовых ресурсах. Важным отличием французского закона о лоббистах от законов других стран является закрепление правил поведения лоббистов.

В Великобритании лоббизм регулируется отдельным законом, что является новеллой для страны. До принятия закона данная сфера регулировалась кодексом поведения лоббистов, который носил добровольный характер. Требования закона носят довольно ограничительный характер, так как, во-первых, распространяются на лоббистов, осуществляющих деятельность в правительстве, и, во-вторых, только по ограниченному перечню вопросов. Деятельность лоббистов в Парламенте регламентирована лишь кодексом поведения членов Парламента, который не в полной мере затрагивает весь круг вопросов лоббистов, так как налагает требования в первую очередь для парламентариев, а не лоббистов.

С 2014 года в Великобритании запрещено осуществлять лоббистскую деятельность в Парламенте не зарегистрированными лицами, это является уголовным преступлением, поэтому лоббисты обязаны регистрироваться и предоставлять сведения в Парламент для включения в реестр. Благодаря тому, что система добровольного регулирования лоббистов достаточно развитая, создается основа для развития системы регулирования лоббистской деятельности в стране. Современная практика в Великобритании поддерживает тенденцию ужесточения лоббистского регулирования.

Финансирование является мощным инструментом давления лоббистов многих стран на представителей власти, от которых зависит принятие того или иного закона или решения. Из-за этого в рассматриваемых странах введены ряд требований и ограничений лоббистской деятельности. Так, например, в Германии политическая партия не ограничена в величине принимаемых пожертвований, однако они должны находить отражение в отчете политической партии. Великобритания в своих законах определяет круг субъектов, имеющих право делать взносы, а также ограничивает суммы пожертвований, обязуя партии раскрывать информацию о финансировании в своих отчетах. Во Франции, в отличие от других стран, пожертвования, ограниченные определенными суммами, разрешены делаться физическими лицами с дальнейшим опубликованием [2, С. 34].

Ошибочно полагать, что модель регулирования лоббистской деятельности в европейских странах менее эффективна, чем применение противоположной – американской – модели регулирования, основанной на императивных нормах. Разные политические, правовые традиции обуславливают особенности различных систем. Применение «мягких» методов оказывается не менее успешным, чем применение императивных инструментов. Ученые объясняют это тем, что обязательная регистрация не может быть панацеей от тайных, теневых лоббистов, а открытые данные о доходах и расходах от их деятельности не всегда являются отражением действительности. Европейская модель, на их взгляд, более эффективна, так как только зарегистрированные лоббисты имеют право непосредственно участвовать в рассмотрении предложенных ими инициатив [3].

Однако на сегодняшний день в ряде европейских стран прослеживается тенденция к ужесточению нормативного регулирования лоббизма. Плавный переход от диспозитивного к императивному методу позволяет более поступательно внедрять законодательство о лоббизме, подготовить участников общественных отношений к пониманию правил лоббистской этики и восприятию лоббистской культуры в целом.

В странах Евросоюза законодательное регулирование лоббизма не настолько распространено. Лишь в семи странах, включая Великобританию, Францию, Польшу и Литву, существуют отдельные специализированные нормативно-правовые акты в сфере лоббизма. Регулирование носит добровольный характер на основании источников «мягкого права». Тем не менее Европейская комиссия и Европейский Парламент обсуждают вопрос обязательной регистрации лоббистов, осуществляющих взаимодействие с институтами ЕС.

Список литературы:

1. Основы конституционного права Федеративной Республики Германия / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина // Конституционное право зарубежных стран: учебник. – 4-е изд, перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА – М., 2016. – С. 527–565

2. Правительство в зарубежных странах: колл. монография / под ред. К. В. Карпенко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел. Рос. Федерации, каф. Конституционного права. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 368 с.

3. Толмачева И. Институт лоббизма в России и мире – современные тенденции [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX (сайт). Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/53974.html> (дата обращения 09.11.2021).

УДК 342

Н. А. Максякова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. статья посвящена проблеме фальсификации исторической правды за рубежом, легитимации антироссийской политики в странах Запада, что представляют собой угрозу национальной безопасности России. Анализ открытых источников показал актуальность выделенной проблемы. Также предложены рекомендации по возможному пути к противостоянию ангажированных источников, проникающих в сознание людей России и союзных государств.

Ключевые слова: историческая правда, поправки в Конституции, фальсификация исторических фактов, национальная безопасность, Россия, Украина, «мягкая сила».

N. A. Maksyukova

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

ON THE ISSUE OF ENSURING THE PROTECTION OF HISTORICAL TRUTH IN THE ERA OF MODERN CHALLENGES

Abstract. the article is devoted to the problem of falsification of historical truth abroad, legitimization of anti-Russian policy in Western countries, which pose a threat to Russia's national security. The analysis of open sources showed the relevance of the highlighted problem. Recommendations are also offered on a possible way to confront biased sources that penetrate into the minds of people in Russia and the allied states.

Keywords: historical truth, constitutional amendments, falsification of historical facts, national security, Russia, Ukraine, "soft power".

В последнее десятилетие наблюдается тенденция фальсификации исторических фактов странами Запада. Прибалтийские государства в своем заявлении по случаю 80-летия со дня заключения пакта Молотова-Риббентропа в 2019 году «возложили» ответственность за развязывание Второй мировой войны на Советский Союз. Западные державы пытаются умалить значение СССР в освобождении Европы от нацист-

ского режима, легитимировать антироссийскую политику [1], ставя под сомнение подлинность архивных документов того времени [2] и утверждая, что активное обсуждение в России пакта о ненападении и рассекречивание архивов является лишь «путинской национальной политикой», выгодной для поддержания его власти. В обстановке такого искажения российской истории, кодировании общественного сознания странами Запада в целях собственной выгоды необходимо обеспечить защиту российской истории от фальсификации со стороны третьих государств, которые посягают на национальные интересы России и хотят разобщить многонациональный российский народ.

Фальсификация исторической правды идет как на уровне нашего государства, так и на постсоветском пространстве.

4 июля 2020 года вступила в силу поправка к Конституции «о защите исторической правды» (ст. 67.1) [3], ставшая реакцией нашего государства на антироссийскую политику со стороны ряда стран.

Обвинение СССР в развязывании Второй мировой войны происходит уже не просто на словах, а закрепляется в официальных документах. 19 сентября 2019 года Европарламент опубликовал резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы» [4], в которой фактически приравнял Гитлера и Сталина и особо подчеркнул роль пакта Молотова – Риббентропа в начале Второй мировой войны. Одним из инструментов антироссийской западной политики стало разобщение братских для России народов и ведение антироссийской пропаганды на постсоветском пространстве. В 2016 году Украина приняла закон [5], который предусматривает использование только украинского языка почти во всех сферах жизни несмотря на то, что по данным социологических исследований [6] более половины респондентов отметили об использовании русского языка в неформальном общении. Устав ООН 1945 года закрепляет принцип равноправия и самоопределения наций и народов (ч.2 ст.1) [7], Генеральная Ассамблея ООН считает, что развитие данного принципа будет способствовать осуществлению целей ООН и определяет, что в силу этого принципа все народы имеют право свободно осуществлять свое культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава [8]. Украина, как страна – участница СБСЕ, заявила о своей решимости уважать и применять принцип равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, исходя из которого все народы всегда имеют право в условиях полной свободы осуществлять по своему усмотрению свое культурное развитие. Использование русского языка на территории Украины её гражданами является составной частью права народов и наций на культурное самоопределение. Декларация ООН о правах коренных народов 2007 года обеспечивает право коренных народов сохранять свои культурные институты [9]. Все вышеупомянутые факты являются прямой угрозой национальной безопасности России, поскольку одним из приоритетных направлений национальной безопасности РФ является защита традиционных российских духовно – нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [10], а также развитие связей и сотрудничества с соотечественниками, проживающими за рубежом. Соответственно, устанавливая ограничения или запреты на использование русского языка, Украина нарушает международный принцип равноправия и самоопределения наций и народов, закрепленный вышеуказанными документами. Тем самым создается угроза разобщения русскоговорящих и украиноговорящих групп населения Украины, угроза разжигания ненависти и вражды (через сегрегацию населения), дискриминационной политикой в отношении русскоговорящего населения создается напряженность в отношениях между Украиной и Россией, что, в свою очередь, может угрожать реализации принципа мирного сосуществования, сотрудничества и в целом международному миру и безопасности.

Инструментом государств к реализации своих долгосрочных внешнеполитических планов стала политика «мягкой силы», которая направлена на культурную сферу. В соответствии со своими целями государства разрабатывают определенные стратегии по распространению своих ценностей. Именно под влиянием таких ангажированных трактовок стали сносить памятники советским воинам в Прибалтике и Укра-

ине. Публичная дипломатия «мягкой силы» может реализовываться посредством работы журналистов и неправительственных организаций, которые информируют о событиях данного государства. Сегодня в России зарегистрировано 88 СМИ, выполняющих функции иностранных агентов [11], причем действуют они по регионам – имеют цель настроить народ друг против друга («Кавказ. Реалии», «Крым. Реалии», «Сибирь. Реалии»).

В связи с описанными событиями необходимо отметить об уязвимости культурной среды, в которую все больше проникает сфальсифицированная третьими государствами информация. Противостоять такой ситуации можно путем обеспечения нового конституционного принципа – защиты исторической правды, а именно, устранять пробелы в действующем законодательстве. Целесообразным становится обращение к опыту зарубежных стран по борьбе с такой проблемой. А именно, рассмотреть возможность введения ответственности за распространение материалов антиконституционных организаций, которая применяется в ФРГ (§86 УК ФРГ) [12].

Список литературы:

1. Страны Балтии, Польша и Румыния сделали заявление к 80-летию пакта Молотова-Риббентропа. 23.08.2019 // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6790935>.
2. Wesolowsky T., Luxmoore M. Molotov-Ribbentrop What? Do Russians Know Of Key World War II Pact 22.08.2019. // RadioFreeEurope RadioLiberty: [сайт]. URL: // <https://www.rferl.org/a/molotov-ribbentrop-what-do-russians-know-of-key-wwii-pact/30123950.html>.
3. Конституция РФ: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 14.03.20, № 1-ФКЗ).
4. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html.
5. Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного // Верховная Рада Украины. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text>.
6. Исследование показало, сколько украинцев используют русский язык 22.06.2019 // РИА НОВОСТИ: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20190622/1555807791.html>.
7. Устав ООН – «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971). Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2021).
8. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
9. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.
10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2021).
11. Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>.
12. Strafgesetzbuch (StGB) (Änderung durch Art. 3 G v. 8.10.2021 I 4650 (Nr. 73) ist berücksichtigt) // Bundesministerium für Justiz und Verbraucherschutz. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_86.html.

УДК 342.413

А. М. Малый, Д. О. Егоров

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

НЕОТЛОЖНАЯ ЗАДАЧА РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: РАЗВИТИЕ УРОВНЯ ДЕМОКРАТИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается один из фундаментальных принципов российского конституционализма – демократизм. Данная научная работа определяет уровень, перспективы и проблемы развития непосредственной демократии на уровне местного самоуправления в Российской Федерации и отражает возможные пути решения существующих недостатков. На основании анализа существующего в стране опыта авторы приходят к выводу о необходимости развития уровня правового самосознания населения и модернизации системы участия граждан в жизни общества.

Ключевые слова: Конституционализм Российской Федерации, демократия, демократия в субъектах РФ, проблемы демократии, местное самоуправление.

A. M. Maluy, D. O. Egorov

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

THE URGENT TASK OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: DEVELOPMENT OF THE LEVEL OF DEMOCRACY IN LOCAL SELF-GOVERNMENT

Abstract: The article examines one of the fundamental principles of Russian constitutionalism – democracy. This scientific work determines the level, prospects and problems of the development of direct democracy at the level of local self-government in the Russian Federation and reflects possible ways of solving the existing shortcomings. Based on the analysis of the existing experience in the country, the authors conclude that it is necessary to develop the level of legal consciousness of the population and to modernize the system of citizens' participation in the life of society.

Keywords: Constitutionalism of the Russian Federation, democracy, democracy in the constituent entities of the Russian Federation, problems of democracy, local government

«То и дело приходится слышать, что демократия – худший способ управления государством, но все другие способы, когда-либо испробованные человечеством, ещё хуже»

Уинстон Черчилль,
из выступления в Палате общин,
ноябрь 1947 года

Конституция гласит, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Таким образом, не только государственная власть, но и местное самоуправление – часть основ конституционного строя России.

Граждане, являясь и объектом, и субъектом местного самоуправления, образуют сообщество, от которого необходимо активное гражданское участие. Именно оно определяет ориентир муниципального развития: чем активнее проявляется гражданская инициатива в решении вопросов местного значения, тем больше можно заложить в это решение интересы населения субъекта.

На данном этапе развития местное самоуправление осуществляет больше федеративные интересы: профилактика и борьба с экстремизмом, предупреждение и пресечение террористических актов, гражданская оборона. Но стоит обратиться к основному закону нашей страны, а также Федераль-

ному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и рассмотреть, какие цели и задачи, а также формы представляет закон для местного самоуправления и как раскрывается демократия на локальном уровне.

Основными формами непосредственного осуществления населением местного самоуправления согласно Главе 5 указанного Федерального закона является: местный референдум, муниципальные выборы, голосование, сход граждан, правотворческая инициатива граждан, обращение граждан в органы местного самоуправления, и иные формы.

Развитие непосредственных форм демократии на местах напрямую зависит от общественной и управленческой активности граждан. Выделяется несколько типов общественной активности в местном самоуправлении в зависимости от преследуемой цели:

1. Иждивенческая активность – прошения и жалобы, которые направлены на то, чтобы другие институты общественной жизни (например, власть, бизнес) решали проблемы местного населения

2. Протестная активность – пикеты, митинги, коллективные жалобы, протесты, отражающие желание граждан противодействовать власти

3. Фиктивно-демонстративная активность – отражается в деятельности нанятых и оплаченных активистов, публикаций в СМИ

4. Конструктивная активность – инициативы, предложения по корректировке деятельности власти для создания наиболее благоприятных условий жизнедеятельности, а также для формирования партнёрских отношений между властью и населением.

Какие же проблемы на данный момент отражены в осуществлении демократии на местном уровне? Недостаточно развита система законодательства в сфере гарантий, которые обеспечивали бы периодичность и обязательность некоторых форм непосредственной демократии (например, публичных слушаний); проведение муниципальных выборов на региональном уровне не сведено к единому избирательному стандарту, данный механизм требует оптимизации; некоторые условия реализации непосредственных форм демократии имеют абстрактную формулировку (например, условия отзыва депутата).

Рассмотреть на примере можно одну из форм волеизъявления граждан – местный референдум. Для анализа были выбраны события в республике Карелия.

Одним из вопросов, выносимых на референдум 10 сентября 2018 г. в Карелии был: «Согласны ли вы со строительством (размещением) морского порта в границах муниципального образования «Кемский муниципальный район?»

Тема, выносимая на обсуждение, является наиболее важной характеристикой любого референдума. Конституционный Суд РФ часто анализировал проблемы, связанные с правильной формулировкой вопроса, выносимого на референдум, который должен исключать возможность его множественного толкования, а также устранять неопределенность правовых последствий принятого на референдуме решения.

Вместе с тем на референдуме в Кемском муниципальном районе на голосование был вынесен вопрос о строительстве морского порта. Представляется, что такой вопрос к вопросам местного значения отнесен быть не может в связи со следующим:

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» решение о создании морского порта принимается Правительством РФ, а вопрос о создании морского порта осуществляется на основании схемы территориального планирования Российской Федерации в области развития федерального транспорта, т.е. относится к исключительному ведению Российской Федерации.

Кроме того, план строительства морского торгового порта в г. Кеми является составной частью федеральной целевой программы «Развитие Республики Карелия на период до 2020 года», утвержденной в 2015 г. Правительством России, с запланированными средствами соответствующих бюджетов. В свою очередь, осуществление является совместной деятельностью

Таким образом, принятие решения о проведении подобного голосования в г. Кеми нельзя назвать правомерным. Более того, при принятии на референдуме в г. Кеми решения оно стало бы обязательным для органов власти местного самоуправления, которые должны обеспечить его реализацию (ст. 12 Закона «Об основных гарантиях», ст. 12.3 Закона Республики Карелия «О местном референдуме в Республике Карелия»).

В данном случае возник бы вопрос, каким образом органы Кемского муниципального района будут обеспечивать выполнение данного решения, если оно уже принято федеральным Правительством три года назад, а планы реализации этого решения утверждены органами федеральной и региональной государственной власти?

Такой пример отражает для нас не уровень правосознания и гражданской активности населения, на который в первую очередь ссылаются при обсуждении вопроса демократии в местном самоуправлении, а другую сторону проблемы – некомпетентность органов власти в вопросах местного значения. Так как из ситуации следует вопрос: можно ли говорить о непосредственной демократии на местном референдуме, результаты которого не несут за собой конкретных правовых последствий, а также не могут быть исполнены.

Полемика о необходимости институтов непосредственной демократии не прекратилась до сих пор. Достоинства данной формы заключаются в обеспечении наиболее полного участия народа в управлении общественной жизнью, что повышает уровень легитимности власти и сводит к минимуму отстранение народа от институтов власти. Однако обратим внимание и на некоторые существенные минусы: недостаточная компетентность принимаемых в процессе решений, сложная организация технического обеспечения, невысокая эффективность. Несмотря на дискуссионность вопроса, при его рассмотрении стоит апеллировать к законодательству государства: в Конституции РФ закреплён приоритет личности в обществе и государстве, представительные органы не должны быть противопоставлены прямому участию населения в принятии решений.

В современных реалиях, под которыми необходимо рассматривать эпидемиологическую ситуацию, мы можем развивать демократию посредством глобальной сети Интернет. Предполагаемые способы могут способствовать диалогу внутри сообщества, например, проведение городских собраний в режиме «онлайн», опросов обществу, размещение информации о различных кампаниях и выборах, осуществление связи с другими муниципалитетами. Такая форма станет удобно и наиболее «прозрачной» в настоящее время.

Так, местное самоуправление, возведенное на конституционный уровень, способствует упрочению демократических начал. В ст. 130 Конституции РФ установлено, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, что позволяет говорить о демократии не только на федеральном уровне, но и в местном самоуправлении. Именно это необходимо развивать для твёрдого обеспечения демократии в обществе.

Список литературы:

1. Об утверждении основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления : Указ Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13.
2. Баулина Е.И. Непосредственная демократия в системе местного самоуправления // Российская газета. 2016. № 3. С. 3
3. Конституционное право Российской Федерации : учеб. / под ред. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. : Проспект, 1996. 367 с.
4. Сенатова О.И. Институт местного самоуправления и российское общество // Местное самоуправление: теория и практика. 1997. С. 63–72

Е. А. Мигаль

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В данной работе рассмотрены основные аспекты, касающиеся ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Изучены конституционные основы ограничений прав человека, ситуации, в которых права человека могут быть ограничены, а так же прослежено, как данный вопрос регулируется в международно-правовых актах.

Ключевые слова: ограничения прав, абсолютные права, права человека, защита, ценности

E. A. Migal

*Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GROUNDS FOR RESTRICTIONS ON INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS

Abstract: In this paper, the main aspects concerning the restrictions of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation are considered. The constitutional foundations of restrictions on human rights, situations in which human rights can be restricted are studied, as well as how this issue is regulated in international legal acts.

Keywords: restrictions of rights, absolute rights, human rights, protection, values.

Конституция Российской Федерации закрепляет права и свободы человека и гражданина как высшую ценность в государстве. Однако, в определённых случаях, реализуя свои права, человек может вступить в противоречие с интересами общества и государство, что может стать причиной для ограничения его прав и свобод. Именно поэтому в российском законодательстве существуют некоторые ограничения прав и свобод человека, устанавливающиеся при определённых условиях. [1]

Всеобщая декларация прав человека 1948 года закрепляет, что человек при осуществлении своих прав только в случаях, когда эти ограничения закреплены в законах и обеспечивают соблюдение и уважение прав других людей, а так же удовлетворения справедливых требований морали и общественного порядка в демократическом обществе. Поэтому любые ограничения прав человека в демократическом государстве, которым провозглашает себя Российская Федерация, должны действовать исключительно в рамках закона и соответствовать нормам международного права. [2] Таким образом, выходит, что, закон, как указывается во всех международно-правовых актах, выступает единственным основанием ограничения прав и свобод человека, то есть любые ограничения прав и свобод человека возможны исключительно в тех случаях и в той мере, когда оно закреплено в законах, соответствует им и не идёт в разрез с нормами международного права.

Рассматривая основания ограничения прав и свобод человека, можно сказать, что данные ограничения, при соответствии законам и международно-правовым актам, нельзя называть ущемлением прав и свобод человека или проявлением беззакония государства, ведь настоящая свобода человека возможна только при сочетании интересов человека с интересами общества и государства. Законные ограничения прав и свобод человека несут в себе только лишь уменьшение количества вариантов возможного поведения человека в конкретной ситуации, они помогают предостеречь человека от вероятных действий, которые могут принести вред обществу, государству или самому человеку. Исследователь Д.Г. Назаров по этому поводу пишет: «Пределы того или иного конкретного права не умаляют его, а очерчивают, определяют его контуры, тем самым выявляя содержание этого права» [3, с. 87].

3 часть 55 статьи Конституции РФ закрепляет возможность ограничения прав и свобод человека исключительно федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из этих положений конституции следует, что ограничение прав и свобод в ситуациях, когда это необходимо, защищает человека от необдуманных поступков.

В Конституции Российской Федерации указано следующее: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55). В данном случае стоит различать понятия «ограничение права» и «умаление права». Судья Конституционного Суда Г.А. Гаджиев отмечает, что закон, принятый законодателем без учета целей, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, и не в той мере, в какой это необходимо, будет умалять права и свободы человека [4, с. 267]. Следовательно, законодатель обязан учитывать указанные цели.

Основополагающими принципами, на которых строится ограничение прав и свобод человека и гражданина в российском законодательстве, можно назвать следующие:

- признание прав и свобод человека высшей ценностью; определенной правовой формой закрепления;
- соответствие международным стандартам;
- соразмерность и соответствие ограничений целям, для которых они вводятся,
- соответствие законам.

Говоря о возможных целях ограничения прав и свобод человека, стоит сказать, что основной целью ограничения прав выступает охрана основ конституционного строя. К тому же основам конституционного строя посвящена первая глава Конституции РФ, что определяет их значимость. При применении ограничения прав и свобод необходимо уточнить указание на ценности, предусмотренные в главе первой Конституции РФ, в защиту которой направлено ограничение, поскольку основы конституционного строя включают в себя частные, общественные и государственные интересы. [5]

Одной из целей ограничения является охрана нравственности. Мораль и право тесно взаимосвязаны. Мораль выступает в качестве истока права. Нормы морали воздействуют практически на все общественные отношения. По мнению отдельных ученых, норма морали не может раскрыться в праве, т.к. после закрепления в праве норма морали становится правовой, теряет свойство морального правила.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что вопросы об ограничении государством прав человека, о пределах данных ограничений являются актуальными для общества, поставившего своей целью формирование правового государства, регламентированы законами, а введение этих ограничений возможно только в случаях необходимости защиты основ конституционного строя, нравственности и морали, обеспечения безопасности общества, охраны прав и законных интересов других лиц.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 1. – Ст. 1416.
2. Всеобщая декларация прав человека 1948 года (п. 2 ст. 29). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.11.2020).
3. Назаров Д.Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 87–91.
4. Гаджиев Г.А. Основные экономические права (сравнительно-правовое исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных стран): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 267–268.
5. Кумышева М.К. К вопросу о понятии правосознания // Анализ современных тенденций развития науки: сб. ст. междунар.

УДК 342.5

З. Т. Мухамедов

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт магистратуры
Россия, Саратов*

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. в статье рассмотрены основные начала российского парламентаризма, развивавшегося на протяжении 105 лет, обозначены основные законодательные акты, регулирующие деятельность Парламента в России, демонстрирующее большой объем нормативного регулирования, обеспечивающего нормальное функционирование законодательного органа. Также обозначена основная проблема, которая вышла на первый план в последние десятилетия, а именно «текучесть» права, вызванная большим количеством издаваемых законов, а также их фундаментальностью, в связи с чем их реализация вызывает сложности не только у обывателей, но и у профессиональных юристов. Выдвинуто предложение по совершенствованию не самого законодательного механизма и не его усложнению, а по повышению требований к самому законодателю, а именно повышение профессиональных требований, выдвигаемых не только к содействующим комиссиям, но и к избираемым депутатам и сенаторам.

Ключевые слова: Парламент, Совет Федерации, Государственная Дума, Федеральный закон, постановление.

Z. T. Mukhamedov

*Saratov State Law Academy
Institute of Magistracy
Russia, Saratov*

PARLIAMENTARY LEGISLATIVE PROCESS IN RUSSIA: THE CONCEPT AND SOME PROBLEMS OF IMPROVEMENT

Abstract. the article examines the main principles of Russian parliamentary, which has been developing for 105 years, identifies the main legislative acts regulating the activities of the Parliament in Russia, demonstrating a large amount of regulatory regulation that ensures the normal functioning of the legislative body. A proposal has been put forward to improve not the legislative mechanism itself and not to complicate it, but to increase the requirements for the legislator himself, namely, to increase the professional requirements put forward not only to the assisting commissions, but also to the elected deputies and senators.

Keywords: Parliament, Federation Council, State Duma, Federal law, resolution.

Парламентский законодательный процесс в России насчитывает более 100 лет. С 1906 года он прошел долгий путь, пролегающий через три государства. Современный законодательный процесс в России имеет ряд серьезных отличий от предыдущих этапов своего развития. Так, в момент своего зарождения в царской России, первая Дума была ограничена в своих полномочиях. В соответствии со сводом Основных государственных законов, утвержденных Николаем II 23 апреля 1906 года, по вопросам назначения министров, ведения внешней политики страны, введения военного или чрезвычайного положения решения принимал император. В свою очередь советский период характеризовался тем, что во исполнение принятых в различные периоды Конституций законодательные акты рассматривались и принимались различными органами: ВЦИКом, Всероссийскими и Всесоюзными Советами, Верховным советом РСФСР и СССР, Советами народных депутатов СССР, Союзными автономными республиками, а также дефакто Президиумами[1].

Сегодня процесс создания и принятия новых законов отличается четким регулированием, осуществляемым рядом нормативно-правовых актов различного уровня. Так, Конституция РФ закрепляет, что Федеральное Собрание парламент Российской Федерации является представительным и законодательным органом Российской Федерации, а также регламентирует законотворческий процесс и состав Российского Парламента[2]. В свою очередь установленное Конституцией РФ правило «неопубликованные законы не применяются» регламентируется Федеральным законом «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». Наиболее значимые вопросы, например, процедура формирования Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации регулируется Федеральным законом «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [3]. При рассмотрении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации отдельного внимания заслуживает Закон о поправке к Конституции РФ, принятый 21 июля 2014 года «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», который в значительной степени изменил структуру существовавшего ранее органа. Так, было принято, что в верхнюю палату Парламента входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации – по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти; представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации, число которых составляет не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации – представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, что позволило снизить нагрузку, которая была на руководителях субъектов РФ, а также повысило долю участия Президента РФ в законотворческом процессе. По мнению некоторых ученых назначение Президентом РФ представителей Российской Федерации впервые учитывает интересы государства в целом [4]. Внутрипроцедурная деятельность обеих палат Парламента регулируется Регламентами Совета Федерации [5] и Государственной Думы [6] Российской Федерации соответственно, а именно принятыми ими постановлениями.

Однако за столь объемным нормативно-правовым регулированием скрывается серьезная проблема, которая остается нерешенной всем массивом законодательства, а именно «текучесть» Российского права, порожденная огромным количеством принимаемых Федеральным Собранием законов различного уровня. Например, только за прошедший 2020 год Государственная Дума Российской Федерации приняла 553 закона, среди которых и поправки, внесенные в Конституцию [7]. По мнению ряда ученых такая активная политика, при которой о количестве принятых и измененных законов говорят, как о достижении, теряется стройность, логическая связь и снижается эффективность всего законодательства в целом[8]. Особенно серьезное негативное воздействие это оказывает на системность Российского законодательства, как пример, принятый 8 декабря 2003 года Уголовно-процессуальный кодекс РФ породил больше новых вопросов о применении появившегося законодательства, поскольку отличался и в области принципов уголовного процесса, более того изменилось само его назначение[9]. Отдельного внимания в этом свете заслуживают принятые в 2020 году поправки к Конституции РФ. По мнению Павла Крашенинникова, во исполнение новых конституционных норм надо принять более 100 законов, при этом важно понимать, что реформированию также подлежат и региональные законы[10]. В связи с чем становится актуальным вопрос о проверке профессионализма лиц, которые будут осуществлять реформирование правовой системы, приводя её в соответствие с действующей Конституцией РФ, поскольку были затронуты многие жизненно-важные аспекты не только правовой, но и, как следствие, всей действительности граждан Российской Федерации[11].

Таким образом можно сделать вывод, что в современном Парламентском законодательном процессе в Российской

Федерации возникла проблема, которая отличается от иных сложностью регулирования, т.к. далека от возможности урегулирования простым законом, поскольку изменение порядка принятия законов, установленного Конституцией РФ путем его усложнения, уже показало свою неэффективность, дав возможность появиться и развиваться обозначенной негативной тенденции. Думается, что решение выявленной проблемы кроется в повышении уровня профессионализма не только комиссий, содействующих Федеральному Собранию РФ, но и самого законодателя, путем ужесточения требований к депутатам и сенаторам, а также повышении уровня ответственности за принимаемые решения и наступившие в результате их реализации последствия, поскольку существующие критерии демонстрируют свою некорректность, влекущую большой объем негативных последствий для всего государства.

Список литературы:

1. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации «История Государственной Думы» [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/iNe formation№/>
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
3. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.02.2014, № 8, ст. 740.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.] ; под редакцией С. А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 333 с. – (Профессиональные комментарии). – ISBN № 978-5-534-06398-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/472827> (дата обращения: ...10.2021).
5. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 года № 33-СФ «О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации.
6. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 года № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&№ d=102051201> (дата обращения: ...10.2021).
7. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации «Государственная Дума в 2020 году приняла 553 закона» [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/№ ews/50412/> (дата обращения: 25.10.2021).
8. Мамин А.С. Проблемы совершенствования законодательного процесса в парламенте Российской Федерации // Вестник БелЮИ МВД России. 2008. № 1–2. URL: <https://cyberle№ i№ ka.ru/article/№ /problemy-sovershe№ stvova№ iya-zako№ odatel№ ogo-protsesta-v-parlame№ te-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 28.10.2021).
9. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
10. Поправки в Конституцию приняты. Что дальше? // Рос. газ. 2020 4 июля. URL: <https://rg.ru/2020/07/04/krashe№ i№ № ikov-vo-ispol№ e№ ie-ko№ stitucii-№ adopri№ iat-bolee-100- zako№ ov.html> (дата обращения: ...10.2021)
11. Шумова В.Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (95). URL: <https://cyberle№ i№ ka.ru/article/№ /te№ de№ tsii-sovreme№ № ogo-rossiyskogozako№ odatelstva-i-voprosy-povyshe№ iya-ego-kachestva> (дата обращения: ...10.2021).

УДК 342.843

М. А. Нурутдинов

Октябрьский коммунально-строительный колледж
Россия, Октябрьский

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И США (СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)

Аннотация. в данной работе проведен анализ правовых и организационных вопросов, непосредственно связанных с избирательной системой России и США, как одних из самых влиятельных государств в мире.

Ключевые слова: избирательный процесс, избирательное право, гражданин, электорат, Конституция, выборы.

М. А. Nurutdinov

Oktyabrsky municipal-construction College
Russia, Oktyabrsky

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE ELECTORAL SYSTEM OF RUSSIA AND THE USA (UNITED STATES OF AMERICA)

Resume: this paper analyzes legal and organizational issues directly related to the electoral system of Russia and the United States, as one of the most influential states in the world

Keywords: electoral process, suffrage, citizen, electorate, Constitution, elections.

Избирательное право является фундаментальной правовой составляющей характерной для демократического государства, и именно реализация гражданином избирательного права непосредственно связано с развитием всех сфер общественной жизни не только в данном государстве, но и на международном уровне.

Россия и США, в соответствии с их Конституциями, являются демократическими государствами. Хотя два данных государства и являются таковыми, но осуществление своих избирательных прав в двух данных государствах значительно отличаются.

Рассматривая избирательную систему США можно отметить, что в данном государстве отсутствуют партийные списки, а равно и пропорциональная избирательная система. В США существует два вида выборов: президентские и парламентские. В свою очередь парламентские выборы делятся на выборы в верхнюю палату конгресса (сенат) и нижнюю палату конгресса (палата представителей). [2]

Последние выборы в палату представителей США, выборы в Сенат и выборы президента США состоялись 3 ноября 2020 года. В результате данного голосования победили Демократическая и Республиканская партия. Палата Представителей США формируется в соответствии с Конституцией США. Всего в палате представителей 435 одномандатных мест, срок полномочий конгрессмена палаты представителей составляет 2 года. [2]

Сенат США формируется в соответствии Конституции США. В состав Сената входят по 2 представителя от каждого штата. Длительность полномочий сенатора составляет 6 лет, но через каждые два года переизбирается треть состава сенаторов. Несмотря на то, что победу получает тот, кто наберет больше количество голосов электората, в нескольких южных штатах (Луизиана и Джорджия) для победы в выборах нужно набрать свыше половины голосов избирателей, то есть выборы происходят по абсолютной мажоритарной избирательной системе, что порою вынуждает организовывать повторное проведение выборов. Сенат составляют 100 сенаторов. [2]

Выборы Президента США осуществляются в соответствии с Конституцией США и Законом Соединённых Штатов «О выборах президента». В законодательстве США указано, что электоратом в выборах президента является коллегия выборщиков. Коллегия выборщиков формируется из 538 человек. Количество голосов у выборщиков зависит от количества самих выборщиков. Каждый выборщик имеет от одного до трех голо-

сов, пропорционально количеству населения штата из числа граждан Соединенных Штатов. [3]

В соответствии Законом Соединённых Штатов Америки «О выборах президента» выборы считаются состоявшимися, если в них приняли участие 2/3 от коллегии выборщиков. Выборы в Президенты США происходят по абсолютной мажоритарной избирательной системе. Для избрания на должность президента США кандидат должен набрать не менее 270 электоральных голосов. В США избираться на должность Президента США гражданин может не более двух раз подряд. [3]

Организационной и надзорной деятельностью за проведением выборов занимается федеральная избирательная комиссия США.

В России, как и в США существуют два вида выборов: Президентские и парламентские. Парламент России (Федеральное Собрание) состоит из Государственной Думы (нижняя палата Парламента) и Совета Федерации (верхняя палата Парламента).

В Государственную Думу выборы происходят по пропорциональной и мажоритарной избирательной системами. Так в Государственной Думе 225 мандатов распределяются в соответствии с итогами голосования по партийным спискам, а другие 225 мандатов в соответствии с итогами голосования непосредственно за кандидатов. Срок полномочий Государственной Думы в соответствии Конституции РФ составляет 5 лет. [1]

В соответствии с Конституции РФ в Совет Федерации входят:

- по 2 представителя от каждого субъекта РФ, по одному от законодательного(представительного) и исполнительного органов государственной власти;
- Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, – пожизненно;
- не более 30 представителей РФ, назначаемых Президентом РФ, из которых не более 7 могут быть назначены пожизненно. [1]

В соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.12.2020 № 439-ФЗ срок полномочий сенатора Совета Федерации составляет 6 лет со дня вступления указа о назначении соответствующего лица на данную должность, а для сенаторов с пожизненными полномочиями – по заявлению соответствующего лица. [1], [6]

В соответствии с Конституции РФ срок полномочий Президента РФ составляет 6 лет. Одно и то же лицо вправе занимать должность Президента РФ не более 2 сроков. [1]. В соответствии с Федеральным законом «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 № 19-ФЗ процедуру подготовки и проведения выборов Президента РФ можно разбить на несколько этапов:

Первый этап – принятие и объявление Советом Федерации о назначении выборов Президента.

Второй этап- подготовка проведения выборов, который включает в себя формирование списков избирателей, формирование избирательных участков, подготовку избирательных комиссий различных уровней, также параллельно происходит выдвижение кандидатов на пост Президента РФ. Происходит сбор необходимых подписей и документов для предоставления в Центральную избирательную комиссию, которая является организационным и надзорным органом для проведения выборов.

Третий этап- проведение предвыборной агитации.

Четвертый этап- само голосование, проводимое обычно в воскресенье, по всей территории РФ, выступающей как единый избирательных округ.

Пятый этап- подсчет голосов.

Шестой этап-опубликование результатов выборов, а также инаугурация.

Рассмотрев федеральные избирательные системы двух демократических держав, Росси и США, можно делать соответствующие выводы:

во-первых, отсутствие порога явки на выборах в представительные органы РФ, на выборах Президента РФ не могут дать полноценной картины о выборе большинства граждан по кандидатам. В связи с чем считаю необходимым определить

порог явки на выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ и на выборы Президента РФ в 50 процентов;

во-вторых, прямые и непосредственные выборы высших должностных лиц государственной власти являются наиболее полным отражением воли всех социальных слоев общества в данном государстве. В связи с чем считаю, что Российская Федерация находится на более высоком уровне демократического развития в сравнении с США, так как каждый гражданин РФ, обладая избирательным правом, вправе лично принять участие в голосовании о выборе кандидатов в представительные органы РФ и Президента РФ, а не через выборщиков.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, № 31, ст. 4412
2. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: Перевод с английского / Сост.: Лафитский В.И., под ред. и со вступ. ст.: Жидков О.А. М.: Прогресс-Универс, 1993.
3. Закон Соединённых Штатов Америки «О выборах Президента США» 2017 г.//Соединённых Штатов Америки. Законодательные акты.
4. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 05.07.1999) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»
5. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 04.10.2010) «О выборах Президента Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 24.12.2002) // СЗ РФ. – 2003. – № 2.
6. Федеральный закон от 05.08.2000 г. № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2000. – № 32.

УДК 342.7

В. С. Радченко

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции
Россия, Саратов*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ТАЙНОГО СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье анализируются проблемы реализации конституционного принципа состязательности и равенства сторон при осуществлении правосудия на основе института тайного свидетеля в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: допрос, засекреченный свидетель, принцип состязательности и равенства сторон, правосудие, конституция, уголовное производство.

V. S. Radchenko

*Saratov State Law Academy
Institute of justice
Russia, Saratov*

TACTICS OF INVESTIGATING PAST CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

Abstract. The article analyzes the problems of implementing the constitutional principle of adversariality and equality of citizens in the administration of justice based on the institution of a secret witness in criminal proceedings.

Keywords: interrogation, secret witness, adversarial principle and equality, justice, constitution, criminal proceedings.

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел до 10 миллионов человек выступают в качестве свидетелей. С 2005 года каждый из них может претендовать на конфиденциальность,

если дача им показаний может поставить его жизнь и здоровье под угрозу.

Институт «засекреченных» свидетелей появился с введением в действие УПК РФ 1 июля 2002 года и нашел свое отражение в ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости создания условий для безопасности потерпевших, их представителей, свидетелей, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь, дознаватель вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют данные субъекты, не приводить данные о них, иначе говоря «засекретить». В таком случае следователь выносит постановление, в котором указываются мотивы принятия решения о сохранении в тайне таких данных, а также «засекреченному» свидетелю присваивается псевдоним и предлагается образец его подписи, которую он будет применять в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Данное постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к материалам уголовного дела [1].

Наличие института тайного свидетеля ставит под сомнение реализацию принципа состязательности и равенства прав граждан, являющегося одним из основополагающих конституционных принципов осуществления правосудия. Получение информации от тайного источника, влечет за собой осуществление произвола в процессе осуществлении правосудия и оказывает отрицательное воздействие на судопроизводство.

Полномочия суда относительно допроса «засекреченных» свидетелей регламентированы ч. 5 ст. 278 УПК РФ. В случаях обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц, суд выносит определение или постановление о допросе такого лица без объявления настоящих данных о нем, в условиях, которые исключают его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. Данная норма, предусматривает, что допрашиваться могут те свидетели, которые на предварительном следствии были уже допрошены под псевдонимом или же которые допрашиваются впервые в суде. Допрос анонимного свидетеля производится любым для суда удобным способом. Как правило, такой свидетель скрыт от участников процесса.

Процессуальная особенность допроса тайного свидетеля заключается в том, что суд вынужден отводить любые вопросы, ответы на которые могут его рассекретить. Другими словами, при допросе тайного свидетеля невозможно выявить лжесвидетельство, посредством установления всех обстоятельств дела [2, С. 28].

В судебном заседании тайный свидетель находится в отдельном помещении в здании суда и ведет диалог со сторонами процесса и судом по специальной связи при помощи технических средств, причем с обязательным применением аудиопомех для того, чтобы данное лицо нельзя было распознать. Перед началом допроса судом должны быть установлены данные о личности свидетеля. Судья вскрывает конверт, который содержит подлинные данные о свидетеле, затем проходит в помещение, в котором находится свидетель и удостоверяет его личность. Там же суд предупреждает лицо об уголовной ответственности за дачу ложных показаний [3, С. 10–11].

Нормы УПК РФ, закрепляющие допрос свидетелей в условиях, исключающих визуальное наблюдение, давно применяются на практике. На сегодняшний день практика «засекреченных» свидетелей довольно распространена в РФ. Ее анализ позволяет говорить, что в основном институт «скрытых» свидетелей применяется по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и с участием ОПГ. Наблюдается наличие существенных нарушений требований УПК РФ, которые выражаются в несоблюдении тайны данных о таком свидетеле [4, С. 83–90].

На современном этапе институт «засекреченных» свидетелей имеет ряд проблем правового характера:

Во-первых, показания таких свидетелей в значительной мере ограничивают право обвиняемого на защиту, так как сведения о личности свидетелей скрыты для стороны защиты.

Обвиняемый и его защитник не могут в полной мере проверить, оценить достоверность таких показаний, так как невозможно на свидетеля оказывается давление со стороны третьих лиц, установить заинтересованность лица в исходе дела

Во – вторых, не всегда можно оставить в тайне данные «засекреченного» свидетеля. Так закон допускает стороне защиты заявлять ходатайство о раскрытии личности свидетеля в случаях, когда это необходимо для оказания квалифицированной помощи подсудимому, а также установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств. В этом случае суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с такими сведениями. Но при этом суды в большинстве случаев отказываются удовлетворять ходатайства о рассекречивании свидетелей [5, С. 22–27].

В-третьих, многие авторы считают, что анонимные свидетели привлекаются не в целях безопасности, а для дачи ложных показаний и уклонения от уголовной ответственности.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что, с одной стороны, сохранение в тайне личных данных свидетелей, которые допрашиваются в условиях, исключающих их визуальное наблюдение, позволяет обеспечить им безопасность, но с другой стороны ограничиваются права обвиняемого на защиту, так как он не может в полной мере оценить достоверность таких показаний и непосредственно нарушается принцип состязательности и равенства сторон. Обвиняемый в данном случае имеет намного меньше шансов доказать свою правоту, т.к не всегда обстоятельства указанные тайным свидетелем являются правдивыми, а не целенаправленно вводят суд в замешательство [6, С. 26].

Таким образом, уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие процессуальный порядок допроса «засекреченных» свидетелей, требуют дальнейшего совершенствования в направлении обеспечения более эффективной защиты прав участников уголовного судопроизводства в целях установления равных прав сторон и более конкретной регламентации их деятельности.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: принят 22 окт. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.09.2021 г.) – Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2021).
2. Брусицын Л. В. Допрос под псевдонимом // Законность. 2003. № 1. С. 28.
3. Рязанцев А. Защита с «неизвестным» // Новая адвокатская газета. 2017. № 5. С. 10–11.
4. Кариков К. Ф. Проблема использования показаний анонимных свидетелей в уголовном процессе в свете решений Европейского суда по правам человека // Вестник Московского Университета. Сер.11. Право. 2001. № 5. С. 83–90.
5. Слободанюк И. А. Тайна как элемент государственной безопасности // «Российский военно-правовой сборник», 2004, № 1. С. 22–27.
6. Петуховский А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального института // Российская юстиция. 2003. № 9. С.26.

Е. В. Суркова

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт правоохранительной деятельности
Россия, Саратов*

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается избирательная система и развитие обеспечения конституционных избирательных прав граждан в современных условиях электронного управления и электронной демократии. Автор приходит к выводу, что избирательная система, благодаря цифровизации общества, претерпевает изменения, которые позволяют расширить возможности использования избирательных прав гражданами.

Ключевые слова: избирательные права, избирательная система, дистанционное электронное голосование, электронная демократия, электронное управление.

E. V. Surkova

*Saratov State Law Academy
Institute of Law Enforcement
Russia, Saratov*

**ENFORCING CITIZENS'
CONSTITUTIONAL ELECTORAL RIGHTS
IN THE CONDITIONS OF MODERN DIGITAL REALITY**

Abstract. In article examines the electoral system and the development of ensuring constitutional electoral rights of citizens in modern conditions of electronic governance and electronic democracy. The author comes to the conclusion that the electoral system is undergoing changes that make it possible to expand the opportunities for citizens to use electoral rights.

Keywords: electoral rights, electoral system, remote electronic voting, electronic democracy, electronic control.

Неразрывную связь общества с развитием цифровых технологий в настоящее время можно объяснить тем, что абсолютное большинство ежедневных задач человек способен выполнять благодаря электронному устройству с выходом в интернет. Так и современную демократию уже невозможно представить без использования цифровых технологий, как и неразрывную часть демократической системы – институт избирательного права. Обеспечение граждан их конституционными избирательными правами – это основная обязанность правового государства, поэтому при развитии избирательного права и цифровизации общества, развиваются и механизмы обеспечения граждан избирательными правами.

В настоящее время актуален вопрос электронного управления. Данный термин определяют как систему взаимоотношений между органами публичной власти, гражданами и организациями на основе информационно-коммуникационных связей по поводу реализации демократии [1, С. 20]. Данный термин неразрывно связан с избирательной системой, так как ученые отмечают, что электронное управление позволяет использовать информационные технологии в демократических процессах [2, С. 7].

Стоит отметить, что обеспечение власти большинства – основной принцип и основная ценность современной демократии, а электронная демократия, как новое явление, направлена на реализацию, расширение и детализацию данного принципа. В каждом отдельном государстве существуют различные пути реализации электронной демократии, зависит это от того, какие цели необходимо достичь при использовании электронной демократии и какие понятия закладываются в суть данного явления.

Важную роль при осуществлении и реализации электронной демократии играет процедура электронного голосования, так как она способна позволить гражданам выражать своё избирательное право дистанционно с помощью своих электрон-

ных устройств. Для российского избирательного права электронное голосование является сравнительно новым явлением. Но стоит отметить, что в последнее время присутствует расширение применения информационно-коммуникационных технологий при реализации демократических процессов, а значит и вопрос об электронном голосовании является довольно актуальным.

Электронное голосование стали активно применять в настоящее время, так 29 мая 2019 года был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва», а уже 8 сентября 2019 года выборы были проведены. Разработкой системы занимался Департамент информационных технологий Москвы. Благодаря данному эксперименту можно выделить положительный результат – в электронном формате проголосовало примерно 92 % от числа голосовавших граждан, а итоговая явка составила всего 21,77 %. Электронное дистанционное голосование было проведено и 19 сентября 2021 года на выборах в Государственную думу.

Нельзя не отметить позитивные стороны данного вида голосования, ведь голосовать гражданам может из любой точки и для осуществления своего конституционного избирательного права не нужно даже выходить из дома. В связи с эпидемиологической ситуацией в мире второй фактор является наиболее благоприятным. Но при этом двойственное отношение к дистанционному электронному голосованию присутствует у граждан. По данным аналитического центра Юрия Левады 39 % опрошенных граждан в 2020 году, после голосования о поправках, на вопрос об отношении к электронному голосованию высказали неодобрительное мнение. Среди причин такого ответа можно выделить следующие: недоверие к такой форме проведения голосования, мнение о фальсификации голосов, мнение об отсутствии контроля [3]. Кроме того, можно отметить такой факт, что после голосования в 2019 году, по инициативе депутата Мосгордумы Елены Янчук, был проведен круглый стол по обсуждению проблем электронного голосования. На нём большинством участников была принята резолюция, в которой эксперимент по проведению электронного голосования по выборам в Мосгордуму признан неудавшимся, кроме того, в данной резолюции содержится призыв о том, что данную форму голосования не нужно применять на ближайших выборах. Следует также отметить, что после проведения выборов в 2021 году состоялись акции протеста против признания результатов выборов в Государственную думу. Одним из основных причин данных акций было дистанционное электронное голосование.

Таким образом, хоть процедура электронного голосования и является весьма удобной для большинства населения, и она в принципе во многом упрощает процесс голосования, в настоящее время в полной мере её нельзя полностью вводить в использование.

Одним из серьезных шагов в сфере избирательного права и его цифровизации стала представленная концепция создания Цифровой платформы реализации основных гарантий избирательных прав граждан Российской Федерации. Данная Цифровая платформа станет основной платформой Государственной автоматизированной системы «Выборы», заменяя действующую версию. Основная цель проекта – это обеспечение централизованного хранения, ведения и анализа данных об избирателях с учётом данных, которые предоставляются из государственных информационных систем других органов [4]. Данная платформа значительно упростит систему, существующую сейчас.

Если говорить о законодательном аспекте электронной демократии и цифровизации избирательной системы, то тут необходимо отметить, что пока в праве существует явный пробел. Необходимо создать нормативный акт, который позволит закрепить понятия «электронной демократии» и «электронного голосования». Так, ряд исследователей, изучающих вопрос электронной демократии, говорят о необходимости создания и принятия Федерального закона, который способен бы был установить понятия в сфере электронной демократии, а также ее характеристики и правовые требования, механизм

применения электронного голосования, основы проведения конституционно-правовой экспертизы системы электронного голосования, правовые требования к качеству информационной среды, меры информационной безопасности в системе электронной демократии. Всё это в определенной мере позволило бы снизить уровень недоверия к электронной форме проведения голосования и создать универсальный механизм в деятельности избирательной системы по средствам информационно-коммуникационных средств.

Таким образом, из всего сказанного следует сделать вывод о том, что избирательная система в настоящее время, благодаря развитию цифровых технологий терпит изменения, позволяющие сформировать новую систему электронного голосования и систему ведения и анализа данных избирательного процесса, которые способствовали бы обеспечению конституционных избирательных прав граждан. Всё это введет к укреплению демократии в государстве, при этом необходимо отметить, что остро стоит вопрос применения данных нововведений, а также вопрос об их законодательном закреплении.

Список литературы:

1. Овчиников В. А., Антонов Я. В. Теоретико-практические аспекты электронной демократии и электронного голосования // Юридический мир. 2013. № 4. С. 18–21.
2. Овчиников В. А., Антонов Я. В. Правовая структура электронного голосования в системе электронной демократии // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 5–8.
3. Волков Д. Отношение к электронному голосованию [Электронный ресурс]: пресс-выпуск, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/08/31/otnoshenie-k-elektronnomu-golosovaniyu> (дата обращения: 04.11.2021).
4. Выписка из протокола заседания. О проекте Концепции создания Цифровой платформы реализации основных гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации до 2022 года // Сайт ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/vypiski-iz-protokolov/48483> (дата обращения: 05.11.2021).
5. Антонов Я. В. Правовые аспекты электронной демократии и электронного голосования // Управленческое консультирование. 2014. № 6. С. 136–144.
6. Берляевский Л. Г., Махова А. В. Избирательные права в цифровую эпоху // Юридическая техника. 2021. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnye-prava-v-tsifrovuyu-epokhu> (дата обращения: 06.11.2021).
7. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А. А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – Гл. 4. – С. 331–357.

УДК 342.415

А. И. Тушева

*Оренбургский институт (филиал)
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Россия, Оренбург*

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. В статье анализируется механизм реализации функций государства в контексте обеспечения правового статуса личности и надзора и контроля за соблюдением положений Конституции Российской Федерации. На основании анализа нормативных правовых актов и научных трудов автор приходит к выводу об обоснованности рассмотрения механизма государства и его частных характеристик при характеристике конституционализма.

Ключевые слова: механизм государства, правовой статус личности, функции государственных органов, структурные элементы, реализация конституционализма.

A. I. Tusheva

*Orenburg Institute (branch) Kutafin Moscow State University
(MSAL)
Russia, Orenburg*

THE MECHANISM OF ENSURING THE LEGAL STATUS OF THE PERSONALITY AS A FUNDAMENTAL INSTITUTE OF MODERN RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Abstract. The article analyzes the mechanism for implementing the functions of the state in the context of ensuring the legal status of an individual and supervision and control over the observance of the provisions of the Constitution of the Russian Federation. Based on the analysis of normative legal acts and scientific works, the author comes to the conclusion about the validity of considering the mechanism of the state and its particular characteristics when characterizing constitutionalism.

Keywords: state mechanism, legal status of personality, functions of state bodies, structural elements, implementation of constitutionalism.

В настоящее время в юридической науке актуальным вопросом является обеспечение верховенства закона в Российской Федерации. Положения Конституции Российской Федерации как основного закона государства, основы конституционализма призваны обеспечивать вместе с верховенством закона и верховенство права. Однако реализация конституционализма и верховенства закона и права во многом зависит от деятельности не только субъектов власти, но и граждан, осуществляющих свои права. Следовательно, анализ влияния граждан Российской Федерации на реализацию принципов конституционализма представляет несомненный научный интерес.

Граждане Российской Федерации вправе реализовывать свои права посредством возможностей, предоставленных им государством, и именно эти возможности являются механизмом реализации правового статуса личности.

Вопрос о том, что представляет собой механизм обеспечения правового статуса личности, достаточно полно представлен в науке теории государства и права. Под механизмом государства ряд исследователей понимают аппарат государства, то есть систему органов, с помощью которых осуществляется государственная власть [6, С. 12]. Озвученный тезис имеет непосредственную связь с пониманием механизма обеспечения именно правового статуса личности, поскольку осуществление института правового статуса личности связано не только с закреплением в Конституции Российской Федерации основных прав, свобод и обязанностей, но и с функционированием системы органов государственной власти, которая в том числе осуществляет надзор за соблюдением этих прав и свобод всеми структурными элементами системы государ-

ства [4, С. 84]. Другие исследователи сходятся во мнении, что под механизмом государства следует понимать систему органов государственной власти, обладающих взаимными полномочиями, которые существуют во исполнение конкретных государственных функций [5, С. 50; 6, С. 50].

Механизм обеспечения правового статуса личности – это частное понятие по отношению к механизму государства. Оно включает в себя деятельность государственных органов не только по вопросам контроля и надзора в сфере соблюдения Конституции Российской Федерации, устанавливающей основополагающие положения о правовом статусе личности, но и по изданию нормативных правовых актов, принимаемых в том числе с целью разъяснения должного поведения государственных органов в вопросах установления правового статуса личности, включающего также перечень гарантий, обеспечивающих реализацию прав и обязанностей гражданина. Органами публичной власти принимаются нормативные правовые акты, которые дополнительно к Конституции Российской Федерации развивают институт правового статуса личности, и их исполнение способствует развитию конституционализма. Примером может послужить контроль Правительства Российской Федерации за исполнением указов Президента Российской Федерации, принимаемых в целях сбалансированного развития общества.

Анализ понятия механизма государства необходим в контексте необходимости понимания структурных элементов, которые составляют конституционализм, и институтов, из которых он складывается. Стоит обратить внимание, что конституционализм отличен от конституции. Конституция есть материальное выражение права, конституционализм – жизнь общества, которая подчиняется нормам конституции государства или отходит от ее предписаний [1, С. 3]. Н. В. Мамитова делает вывод, что конституционализм – это механизм, который ограничивает возможности воздействия органов государственной власти на общественные отношения [3, С. 32].

Реализация конституционализма непосредственно зависит от взаимного функционирования не только государ-

ственных органов, но и иных субъектов права, в частности, граждан, что составляет механизм реализации функций государства. Механизм обеспечения правового статуса личности как частный случай осуществления функций государства, а именно социальной функции, функции обеспечения правопорядка и законности [2, С. 150], подразумевает создание конкретных органов власти, которые осуществляют полномочия, направленные на обеспечение возможности реализации гражданами своих прав и свобод и контроль за исполнением ими своих обязанностей. Граждане могут реализовывать свои права и обязанности, которые гарантируются государством, различными способами, например, взаимодействуя с органами публичной власти, что устанавливает ст. 33 Конституции Российской Федерации – закрепляется право физических лиц на обращение в государственные органы.

Таким образом, механизм обеспечения правового статуса личности целесообразно рассматривать как основу российского конституционализма, поскольку институты, из которых состоит этот механизм, непосредственно связаны с основами общественного строя и деятельностью членов общества, а также ее результатами.

Список литературы:

1. *Баглай М. В.* Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 2–7.
2. *Бубнова О. Ю.* Бюджетный контроль в Российской Федерации: его цели и задачи в условиях социального государства // Государство и право. 2007. № 6. С. 105–108.
3. *Мамитова Н. В.* Теория российского конституционализма: история и современность: монография. М.: [Б. и.], 2005. 183 с.
4. *Перевалов В. Д.* Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2006. 415 с.
5. *Спиридонов Л. И.* Теория государства и права: учебник. М.: Изд. группа «Проспект»: Фирма «Гардарика», 1996. 300 с.
6. *Сырых В. М.* Теория государства и права: учебник. М.: Юстицинформ, 2001. 591 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

УДК 349.2

А. Р. Абдулселимова, М. Ю. Куприянова
*Саратовская государственная юридическая академия
Институт Юстиции
Россия, Саратов*

НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ

Аннотация. В современных реалиях значительно возрастают количественные показатели правонарушений в области использования водных биоресурсов. В статье анализируется причинно-следственная связь правонарушений и нанесенный вред состоянию окружающей среды. Авторы приходят к выводу о недостаточной эффективности санкций за неправомерное использование водных объектов и рассматривают иные пути разрешения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: водные биоресурсы, прокурорская проверка, пользователи водных биоресурсов.

A. R. Abduselimova, M. Y. Kupriyanova
*Saratov State Law Academy
Institute Justice
Russia, Saratov*

VIOLATIONS OF LEGISLATION IN THE FIELD OF PROTECTION AND USE OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

Abstract. In modern realities, the quantitative indicators of offenses in the field of the use of aquatic biological resources are significantly increasing. The article analyzes the causal relationship of offenses and the damage caused to the ecological state of the environment. The authors come to the conclusion that sanctions for the illegal use of water bodies are ineffective and consider other ways of resolution.

Keywords: aquatic bioresources, prosecutor's inspection, users of aquatic bioresources.

Практика прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране и использовании водных биоресурсов свидетельствует о многочисленных нарушениях в данной сфере: за два последних года выявлено более 25 тыс. нарушений, в том числе свыше 1 тыс. при обращении с редкими и исчезающими видами водных биоресурсов. [4, с. 1]

Неудовлетворительный уровень состояния законности в данной сфере был отмечен в Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Коми, Воронежской, Тамбовской, Кировской, Самарской и других областях. При этом низкий уровень состояния законности в указанных регионах был охарактеризован, прежде всего, бездействием или ненадлежащим характером мер, принимаемых органами государственного контроля и надзора.

Такой вывод согласуется со статистическими данными, приведенными Генеральной прокуратурой Российской Федерации: в 2019–2020 годах плановыми проверками Росрыболовства охвачено лишь 10 % хозяйствующих субъектов, соблюдение правил рыболовства контролировалось только на 36 % поднадзорной территории. Подразделения Росрыболовства в Комсомольском, Амурском районах Хабаровского края оставили без внимания деятельность 23 рыбодобывающих предприятий на 42 рыбопромысловых участках. В самом рыбопромысловом районе Хабаровского края в отдельные периоды контроль осуществлял всего один инспектор. Сложившаяся ситуация способствует противоправным действиям предприятий, учреждений, организаций, осуществляющих использование водных биоресурсов 3 (далее – пользователи водных биоресурсов).

Среди наиболее часто встречающихся на практике нарушений законодательства об охране и использовании водных биоресурсов, совершаемых пользователями, прокурорами были

названы «незаконный вылов водных биоресурсов», в том числе «с помощью запрещенных орудий лова»; «незаконный оборот краснокнижной рыбы»; «распространение в сети Интернет информации, запрещенной к распространению». Обобщая указанные ответы, можно заключить, что большая часть нарушений связана с незаконным выловом и дальнейшим оборотом водных биоресурсов. [9, с. 2]

В последние годы значительно возросло число случаев незаконного вылова водных биоресурсов с помощью запрещенных орудий лова. До определенного времени хозяйствующими субъектами активно применялись способы установки плавных сетей, которые позволяли полностью перекрывать русло водных объектов, препятствуя миграции рыбы. О сложившейся ситуации Генеральной прокуратурой России был проинформирован Министр сельского хозяйства РФ, который принял решение о введении дополнительных ограничений на использование сетных орудий лова, прежде всего дрейфтерных сетей. [6] Сегодня применение сетей всех типов запрещено и в любительском, и в спортивном рыболовстве, за исключением случаев, предусмотренных статьей 9 Федерального закона от 25 декабря 2018 г. № 475-ФЗ «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Прокурами на системной основе проводится работа по выявлению фактов размещения в сети Интернет предложений о возможности приобретения запрещенных орудий лова. В ходе мониторинга Интернет-сайтов прокуратурой Хабаровского края выявлены объявления о продаже осетровых видов рыб при отсутствии необходимой информации о владельце и законность продажи. По искам прокуроров указанная информация признана запрещенной к распространению, после чего в Роскомнадзор РФ направлены сведения для ограничения доступа к данным сайтам. [7, с. 2]

По-прежнему высок уровень активности браконьеров в рассматриваемой сфере. В результате надзорных мероприятий на территории Хабаровского края были выявлены случаи браконьерского лова осенней кеты и других видов рыб, изъято около 1,5 км незаконных орудий лова (сетей), 100 экземпляров ценных пород рыб. По данным фактам органами полиции возбуждено 2 уголовных дела по статье 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов). Государственными инспекторами рыбоохраны составлено 6 протоколов по статье 8.37 КоАП РФ (нарушение правил рыболовства). [2, с. 69]

Анализ материалов прокурорских проверок свидетельствует о распространенности нарушений при организации и осуществлении различных видов рыболовства. Повсеместно устанавливаются факты ограничения прав граждан на свободное осуществление любительского и спортивного рыболовства на водных объектах общего пользования. Например, в ходе проведения проверки ФБГУ «Севрыбвод» прокуратурой Ненецкого автономного округа установлено, что выдача путевок на осуществление любительского и спортивного рыболовства не осуществлялась по причине отсутствия работника в соответствующем территориальном отделе. Указанные обстоятельства привели к ежедневным очередям среди рыболовов-любителей и могли повлечь увеличение количества лиц, осуществляющих незаконный вылов водных биологических ресурсов. В целях недопущения подобных нарушений руководителю ФБГУ «Севрыбвод» внесено представление об устранении нарушений закона. [3, с. 1]

В ходе прокурорских проверок также выявляются факты осуществления хозяйственной деятельности, оказывающей негативное воздействие на естественную среду обитания биоресурсов. Так, 17 октября 2018 года на насосной станции г. Томска, эксплуатируемой ООО «Томскводоканал», в результате аварии произошел массовый сброс канализационных сточных вод в озера Керепеть и Цимлянское. При этом стоки не подверглись санитарной очистке и обезвреживанию и содержали предельно допустимые концентрации вредных веществ, в результате чего была зафиксирована массовая ги-

бель рыбы. Размер вреда, причиненного водным биологическим ресурсам, оценен в 5,5 млн рублей. По итогам проверки Томская межрайонная природоохранная прокуратура направила материалы проверки в орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц. По результатам их рассмотрения возбуждено уголовное дело по статье 257 УК РФ.[1, с.1]

Другими типичными для данной категории субъектов нарушениями являются несвоевременное предоставление сведений об освоении выделенной квоты, превышение установленных объемов вылова, ведение промысла без соответствующего разрешения и др.[5, с.11]

Таким образом, в целях повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в сфере охраны и использования водных биоресурсов, на основе результатов анализа материалов прокурорских проверок и анкетирования прокурорских работников автором предлагается выделить и систематизировать следующие типичные нарушения законов, совершаемых пользователями водных биоресурсов:

1) нарушения, связанные с незаконными добычей и оборотом водных биоресурсов;

2) нарушения, связанные с организацией и осуществлением отдельных видов рыболовства; нарушения, связанные с осуществлением хозяйственной деятельности, причиняющей ущерб водным биологическим ресурсам и негативно влияющей на естественную среду их обитания.

В завершении отметим, что одной из главных причин распространности указанных нарушений является ослабление контроля и надзора в сфере охраны и использования водных биоресурсов. При указанных обстоятельствах повышению уровня состояния законности в сфере охраны и использования водных биоресурсов может способствовать комплексность и системность надзорных мероприятий прокуратуры, адекватность мер реагирования на выявленные нарушения закона, причины и условия, им способствовавшим.

Список литературы:

1. По материалам проверки Томской межрайонной природоохранной прокуратуры возбуждено уголовное дело о массовой гибели рыбы в двух озерах, находящихся в федеральной собственности // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1572290/> (дата обращения: 02.11.2021).

2. Черепанова Е.В., Чеснокова М.Д., Глазкова М.Е. О соблюдении законодательства в деятельности органов исполнительной власти // Журнал российского права. – 2010. – № 7. – С. 68–77.

3. Прокуратурой округа выявлены нарушения законодательства при организации любительского рыболовства // Прокуратура Ненецкого автономного округа: сайт. URL: <https://prokuratura-nao.ru/3715-64323222> (дата обращения: 03.11.2021).

4. О проверке исполнения законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://procrf.ru/news/718478-o-proverke-ispolneniya-zakonodatelstva-v-oblasti-rybolovstva-i-sohraneniya-vodnyih.html> (дата обращения: 02.11.2021)

5. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов / А.В. Паламарчук. // Законность. – 2018. – № 12. – С. 11.

6. О проверке исполнения законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://procrf.ru/news/718478-o-proverke-ispolneniya-zakonodatelstva-v-oblasti-rybolovstva-i-sohraneniya-vodnyih.html> (дата обращения: 04.11.2021).

7. В Хабаровском крае после вмешательства прокуратуры прекращен доступ к 59 сайтам с информацией о продаже краснокнижных животных и запрещенных орудий лова [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1790500/> (дата обращения 03.11.2021).

УДК 349.412

М. В. Волкова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Юридический факультет
Россия, Нижний Новгород*

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Аннотация. В статье дается анализ развития законодательной базы в России по вопросу земельных отношений. Особое внимание уделяется проблемам органов местного самоуправления в процессе разграничения государственной собственности на землю.

Ключевые слова: государственная собственность, разграничение государственной собственности, муниципальная собственность, земельные участки, органы местного управления.

M. V. Volkova

*N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Faculty of Law
Russia, Nizhny Novgorod*

PROBLEMS OF LOCAL AUTHORITIES IN THE LEGAL REGULATION OF THE DIVISION OF STATE OWNERSHIP OF LAND

Abstract. The article analyzes the development of the legal framework in Russia on the issue of land relations. Particular attention is paid to the problems of local governments in the process of division of state ownership of land in.

Keywords: state ownership, division of state ownership, municipal ownership, land plots, local self-government bodies.

Актуальность темы обусловлена тем, что, несмотря на значительный объем имеющейся нормативной базы, регуливающей вопросы земельной собственности, остается еще немало проблем, которые в первую очередь касаются органов местного самоуправления, непосредственно занимающихся практической реализацией принимаемых законов.

Для России земельный вопрос всегда имел первостепенное значение. Не случайно в числе первых декретов советской власти был декрет «О земле». В Сталинской Конституции 1936 года указывалось на то, что земля может находиться исключительно в государственной собственности. Управление в области использования земель на местах осуществлялось местными Советами народных депутатов в соответствии с решениями центральной власти и вышестоящих Советов.

Указанные законодательные постулаты казались обремененными к существованию на многие века, поскольку вполне логичен вопрос: кто же может посягнуть на собственность самого государства? Однако по историческим меркам прошло совсем немного времени, и монополия государства на землю стала постепенно разрушаться. В данном случае уместно вспомнить основополагающий тезис марксистского учения о противоречиях во взаимодействии производственных отношений и производительных сил в обществе, когда первые начинают «сдерживать развитие» вторых. Экономика СССР в целом к концу восьмидесятых годов подошла к глубокому экономическому кризису.

Переломный момент в принятии законодательных актов наступил в начале девяностых годов двадцатого века в период распада СССР и становления РСФСР в качестве самостоятельного государства. В результате острого политического противостояния между сторонниками и противниками экономических реформ в России, принимается целый ряд законов, направленных на реформирование земельных отношений.

Однако по настоящему историческим моментом можно считать принятие в 1993 году Конституции РФ, основные положения которой остаются актуальными и в настоящее время.

Основной закон страны в ч. 2 ст. 9 провозгласил многообразие форм собственности на землю [1]. Вместе с тем, после появления в Конституции РФ данного положения, вполне логично возникновение вопроса о разделении полномочий по распоряжению земельными ресурсами на разных уровнях управления.

В октябре 2001 г. был принят новый федеральный закон № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», который закрепил критерии разграничения и определил земельные участки, которые относятся к муниципальной собственности [2].

Вместе с тем, следует полагать, что и при реализации указанных положений возникают определенные проблемы. Так, согласно ч. 1 ст. 3.3 распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, возможно и без регистрации права собственности.

Однако, это далеко не так. В частности, в соответствии с ч. 8 ст. 10 Федерального закона № 101-ФЗ от 24.07.2002 «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» организациям, связанным с сельскохозяйственной деятельностью, земельные участки могут предоставляться в аренду без проведения торгов [3]. Однако имеется существенная оговорка о том, что данная земля должна находиться в собственности государства или муниципалитетов. Тем самым, без оформления права собственности на такие участки распоряжение ими не допускается. В данном случае следует констатировать факт явного противоречия между нормами положений двух федеральных законов. А поскольку указанная форма взаимоотношений для органов местной власти является практически основной в вопросе управления земельными участками, то положение о возможности распоряжения не разграниченными участками без регистрации права собственности в практическом применении по существу теряет свой смысл. К тому же перечень таких примеров не ограничивается вышеуказанным случаем.

Следует отметить и второй важный момент, ограничивающий права, а главное финансовые интересы муниципалитетов. Так, отсутствует возможность распоряжаться неразграниченными участками, когда данные полномочия отнесены (можно считать изъяты) к полномочиям субъекта РФ. В частности, в соответствии с ч. 5 ст. 2 Закона Нижегородской области от 23.12.2014 № 197-З (ред. от 11.06.2021) правительство Нижегородской области распоряжается неразграниченными земельными участками и на территории иных муниципальных образований для строительства зданий, сооружений (с некоторыми исключениями) [4].

В данном случае, возможно предвидеть вопрос: а тогда какими земельными участками может распоряжаться региональная власть? Однако, во-первых, исчерпывающий и объемный перечень указан в ч. 2 ст. 3.1 ФЗ № 137-ФЗ [2]; во-вторых, данный вопрос можно согласовать с органами местного самоуправления, которые положительно воспримут предложение о строительстве на их территории здания школы, больницы, а также любого иного здания. Но при этом денежные средства от выделения земельного участка поступят в местный бюджет. В данном же случае издание постоянно действующего нормативно-правового акта можно расценивать как прямое вмешательство в компетенцию органов местного самоуправления.

Сложным и многоступенчатым является процесс регистрации прав собственности на землю. Значительной проблемой для муниципалитетов является отсутствие необходимого количества денежных средств. Большая часть муниципальных образований являются дотационными, основное финансирование поступает из региональных бюджетов. При этом в расчет принимаются в основном статьи текущих расходов, которые финансируются в первоочередном порядке. И это при том, что для надлежащего оформления земельных участков требуются значительные расходы.

В этом плане вызывает определенное удивление позиция ряда авторов, заявляющих об определенных преимуществах органов местного самоуправления в данной сфере. Так, по мнению Н.Л. Пешина «одна из целей такого регулирования, ..., состоит в том, чтобы большая часть земель в результате разграничения была отнесена к форме муниципальной собственности» [5, С. 47].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что данный вопрос законодательно не урегулирован должным образом, что серьезно сказывается на экономике муниципальных образований, поскольку именно земля составляет ее основу. В связи с этим целесообразно и необходимо дополнить норму ч. 3 ст. 3.1 упомянутого ранее ФЗ № 137 «О введении в действие...» следующим пунктом: «земельные участки, находящиеся в границах соответствующего муниципального образования и не предоставленные ранее гражданам, коммерческим и некоммерческим организациям и иным учреждениям на праве собственности, аренды, постоянного (бессрочного) пользования, пожизненно наследуемого владения, ином законном вещном праве».

Таким образом, указанный закон решает далеко не все проблемы. Земельный вопрос продолжает оставаться одним из наиболее острых. Таким образом, можно сказать, что на сегодня основными распорядителями земель являются федеральные и региональные органы власти. При таком положении фактический процесс разграничения земли может затянуться на долгие годы, если не на десятилетия.

С момента принятия вышеуказанного закона «О введении в действие...» прошло уже двадцать лет, поэтому назрела необходимость его корректировки.

При этом следует отметить еще один момент, заключающийся в том, относительно недавно в дополнение к существующим был введен новый тип муниципальных образований – муниципальный округ. Данное понятие никак не фигурирует в рассматриваемом вопросе, что также требует внесения соответствующих корректировок в нормативные акты, связанные с земельными отношениями, тем более что в связи с введением данного нового понятия в срок до 1 января 2025 года необходимо внести изменения в соответствующую нормативно-правовую базу [6]. Следовательно, можно надеяться на то, что эти изменения затронут и проблемы разграничения земель, а органы власти на местах получат более широкие полномочия.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.10.2021).
3. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.10.2021).
4. О перераспределении отдельных полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Нижегородской области и органами государственной власти Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 23 декабря 2014 г. № 197-З: принят Законодательным Собранием Ниж. обл. 18 декабря 2014 г. // СПС «Гарант» (дата обращения 06.10.2021).
5. Пешин Н. Л. К вопросу о допустимости перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 44–48.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.10.2021).

А. В. Зенин

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация. в статье рассматриваются правовые вопросы процедуры предоставления земельных участков для размещения объектов альтернативной энергетики. Автор приходит к выводу о необходимости стимулирования развития альтернативной энергетики через земельно-правовые механизмы.

Ключевые слова: предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, альтернативная энергетика, управление земельными ресурсами, земельное право, энергетическое право.

A. V. Zenin

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

PROVISION OF LAND PLOTS FOR THE PLACEMENT OF ALTERNATIVE ENERGY FACILITIES

Abstract: the article discusses the legal issues of the procedure for the provision of land plots for the placement of alternative energy facilities (renewable energy sources). The author comes to the conclusion that it is necessary to stimulate the development of alternative energy through land-legal mechanisms.

Keywords: provision of land plots, alternative energy, land management, land law, energy law.

Энергетика страны определяет как экономический потенциал государства, так и состояние энергетической безопасности. В качестве одной из тенденций в энергетической сфере выделяют потребность использования возобновляемых источников энергии [1]. Востребованность в альтернативной энергетике особенно наглядна на примере удаленных и малонаселенных районов России, а также в условиях нынешнего экологического кризиса. Вместе с тем, развитие энергетической отрасли в целом и альтернативной энергетике в частности, невозможно без решения земельного вопроса, поскольку земля выполняет функцию пространственно-территориального базиса и является основой производства [2, С. 59]. Для земель энергетики устанавливается правовой режим, соответствующий категории земель по ст. 89 Земельного кодекса Российской Федерации [3] (далее – ЗК РФ) и виду разрешенного использования – 6.7, 6.7.1 по Классификатору видов разрешенного использования земельных участков [4]. Основания для возникновения прав на земельные участки, предоставляемые из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности установлены в ст. 39.1 ЗК РФ. В настоящей работе рассмотрена процедура предоставления земельных участков из земель находящихся в публичной собственности, а также возможность оптимизации данной процедуры в отношении размещения объектов альтернативной энергетики. Большее значение уделено предоставлению земельных участков на правах собственности и аренды, как наиболее распространенных правах на землю.

Земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются в собственность или аренду физическим или юридическим лицам по результатам торгов, проводимых в форме открытых аукционов, если законом не предусмотрено иное [5, С. 93]. Специально оговаривается ряд случаев, когда земельные участки предоставляются без проведения торгов. Такие случаи перечислены в ч. 2 ст. 39.3, ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ. В земельном законодательстве субъектов РФ могут устанавливаться

иные случаи предоставления земельных участков в собственность и аренду без проведения торгов (пример – ст. 6.1 Закона Астраханской области от 04.03.2008 № 7/2008-ОЗ [6]). В целом, процедуру предоставления земельных участков без проведения торгов можно рассматривать, как стремление государства поощрить некоторые виды общественно полезной деятельности – завершение строительства объектов незавершенного строительства, сельскохозяйственное производство и т.д.

Ч. 2 ст. 39.3 ЗК РФ не предусматривает продажу земельных участков без проведения торгов для размещения объектов энергетики. При этом в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ договор аренды заключается без проведения торгов для предоставления земельных участков юридическим лицам для размещения объектов, предназначенных для обеспечения электроснабжения, ... объектов федерального, регионального или местного значения. Содержанием приведенной нормы **не охватывается** размещение объектов по производству электроэнергии (электростанций и т.д.). Можно подвести промежуточный вывод об отсутствии в ЗК РФ норм поощряющего характера при предоставлении земельных участков для размещения объектов энергетики. Между тем, И. А. Игнатъевой справедливо отмечалась необходимость в дополнительных стимулирующих мерах в земельном законодательстве предоставления земельных участков для возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) [7, С. 87].

В вопросе энергетического развития России неоднократно поднималась проблема расширения применения технологий альтернативной энергетики (нетрадиционных источников энергии). Так, в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [8] указывается на необходимость максимального использования нетрадиционных источников энергии (солнечных батарей, ветроэнергетических установок, минигидроэлектростанций, биогазовых установок и др.). Кроме того, в п. 5 ч. 4 ст. 14 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] установлено, что увеличение количества ВИЭ является одним из целевых показателей в области энергосбережения и энергетической эффективности. Объем производства и потребления электрической энергии с использованием ВИЭ на 2035 год должен составлять не менее 6 % от всей производимой в стране энергии, что следует из Распоряжения Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р [10]. Одним из главных положений Энергетической стратегии является постепенное увеличение доли ВИЭ [11]. Полагаем, что большое значение для достижения поставленных задач имеет модернизация отраслевого законодательства. Например, налоговое законодательство ныне содержит нормы стимулирующего характера в отношении создания объектов, относящихся к ВИЭ (п. 5 ч. 1 ст. 67 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [12]). С учетом перечисленного, представляется целесообразным развитие альтернативной энергетики с помощью механизма предоставления земельных участков, находящихся в публичной собственности для размещения таких объектов.

Обобщим вышеизложенное. Альтернативная энергетика является одним из приоритетных направлений в энергетической сфере, что указывается в многочисленных программных документах, приведенных выше. Реальное развитие ВИЭ является затруднительным без решения земельного вопроса и установления стимулирующих мер в земельном законодательстве. В качестве таких мер предлагается расширение случаев предоставления земельных участков, находящихся в публичной собственности юридическим лицам, реализующим проекты по размещению объектов нетрадиционных ВИЭ без проведения торгов. Дополнение ч. 2 ст. 39.3, ч. 2 ст. 39.6 ЗК РФ позволит достичь эффективной реализации государственных программ по развитию российской энергетики в целом. Одним из направлений государственной политики по управлению земельным фондом Российской Федерации является совершенствование порядка предоставления земельных участков гражданам и организациям [13, С. 27]. Таким образом, наряду с внедрением объектов

альтернативной энергетики будет реализовываться государственная политика по управлению земельным фондом. Считаю, что названные меры позволят воплотить в жизнь публичное обязательство президента В.В. Путина на саммите G20 от 31.10.2021 об обеспечении углеродной нейтральности России не позднее 2060 года.

Список литературы:

1. *Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г.* Инновации в энергетике: организационно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 189 – 203.
2. Управление земельными ресурсами в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования: [монография] / Т.В. Волкова; под ред. С.А. Боголюбова, С.Ф. Афанасьева; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. – 228 с.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44, ст. 4147; Российская газета. 2021. № 146.
4. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков: Приказ Росреестра от 10.11.2020 № П/0412 (с изм. и доп. от 16.09.2021) // [электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru>. (Дата обращения 05.11.2021)
5. *Волкова Т.В., Королёв С.Ю., Чмыхало Е.Ю.* Земельное право : учебник – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2020. – 306 с. – (Бакалавриат и магистратура).
6. Об отдельных вопросах правового регулирования земельных отношений в Астраханской области: Закон Астраханской области от 04.03.2008 № 7/2008-ОЗ (с изм. и доп. от 20.09.2021) // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2008. № 11.
7. *Игнатъева И.А.* Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: право и практика : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2021. – 368 с.
8. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (с изм. и доп. от 13.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6, ст. 1014; № 4, ст. 680.
9. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (с изм. и доп. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48, ст. 5711; № 24 (Часть I), ст. 4188.
10. Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р (с изм. и доп. от 01.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4, ст. 515; № 24 (Часть II), ст. 4529.
11. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24, ст. 3847.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998; 146-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3824; № 1 (часть I), ст. 9.
13. *Малько А.В., Чмыхало Е.Ю.* Земельно-правовая политика в современной России : словарь-справочник. – Москва : Проспект, 2021, – 102 с.

УДК 342.92

И. А. Тортева, Н. В. Семенова
*Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова
Юридический факультет
Россия, Чебоксары*

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТАМИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Целью работы является системный анализ муниципального и общественного контроля. В работе определены правовые и организационные проблемы в организации контроля в сфере землепользования и защиты прав и интересов субъектов земельных отношений. Проведен анализ состояния муниципального и общественного земельного контроля на региональном уровне. Полученные результаты указывают на необходимость поиска точки равновесия между деятельностью органов государственного земельного надзора, муниципального земельного контроля и представителей населения с учетом местных условий.

Ключевые слова: землепользование, муниципальные земли, муниципальный земельный контроль, общественный земельный контроль.

I. A. Torteva, N. V. Semenova
*I. N. Ulyanov Chuvash State University
Faculty of Law
Russia, Cheboksary*

MUNICIPAL AND PUBLIC CONTROL AS A MEANS OF ENSURING COMPLIANCE WITH LAND LEGISLATION BY SUBJECTS OF LAND RELATIONS

Abstract. The purpose of the work is a systematic analysis of municipal and public control. The paper identifies legal and organizational problems in the organization of control in the field of land use and protection of the rights and interests of subjects of land relations. The analysis of the state of municipal and public land control at the regional level is carried out. The results obtained indicate the need to find a point of balance between the activities of state land supervision bodies, municipal land control and representatives of the population, taking into account local conditions.

Keywords: land use, municipal lands, municipal land control, public land control.

Важную роль в формировании устойчивого развития территорий занимают земельные ресурсы. Земля – важный потенциал муниципального образования, представляющий собой природный ресурс и основу планирования и развития территорий. Для устойчивого и эффективного управления землями необходимо учитывать комплекс факторов, таких как химические, физические, экологические, экономические и социальные условия.

Активными участниками земельных отношений в населенных пунктах играют различные субъекты, доминирующая роль среди которых принадлежит органам муниципальной власти. Именно они решают вопросы резервирования и изъятия земельных участков, необходимых для реализации различных муниципальных программ, ответственны за установление правил землепользования и застройки муниципальных территорий, разработки и реализации программ землепользования и др. Именно к компетенции органов муниципальной власти закон относит выполнение контрольных функций, в том числе и в области управления земельными отношениями.

Наряду с властью местная общественность также участвует в контроле за эффективным землепользованием и реализацией прав и интересов всех субъектов земельных отношений, функционированием органов государственной власти и органов местного самоуправления, деятельностью, связанную с приня-

тием решений, в последующем касающихся субъектов земельных правоотношений.

Цель работы – комплексный анализ института земельного контроля для выявления пробелов и формулирование предложений для их дальнейшего решения.

Сравнительный анализ видов земельного контроля позволяет выделить основную отличительную характеристику муниципального земельного контроля, – отсутствие у органов местного самоуправления полномочий возбуждать дела об административных правонарушениях в отношении нарушений требований земельного законодательства. Муниципальный орган не вправе рассматривать такие дела и привлекать виновных к ответственности. Однако, необходимо иметь в виду, что тот акт, который составляется должностным лицом органа муниципального земельного контроля, в последствии порождает правовые последствия для правообладателя земельного участка не только в виде предписания, содержащегося в таком акте, но и в виде безусловного основания для рассмотрения соответствующего материала органом государственного земельного надзора на предмет наличия правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена законодательством.

Несмотря на активную работу законодателя в сфере регулирования земельных отношений, в нормативно-правовой базе муниципального земельного контроля достаточно пробелов, тормозящих его эффективности. Нами выделены следующие:

– на сегодня в законодательстве не определена предметная сфера муниципального земельного контроля. Например, предметом данного вида контроля относятся все административные и иные нарушения, связанные с использованием и охраной земельного участка. Однако зачастую это может быть связано с нарушением иного вида законодательства (санитарно-эпидемиологического, экологического и др.);

– органы местного самоуправления, осуществляющие земельный контроль, сегодня де-факто не могут проводить внеплановые проверки. Многие авторы полагают, что это лежит в основе невозможности выполнения своих полномочий данными органами. А если еще и учесть, что органы муниципального контроля не вправе возбуждать дел об административных правонарушениях, то можно задуматься о том, нужен ли такой контроль вообще;

– на региональном уровне до сих пор отсутствует системная нормативно-правовая база, касающаяся земельного контроля, которая отражается в последствии и на принятии муниципалитетами собственных документов по правовому регулированию рационального землепользования и охраны муниципальных земель. Как отмечают Р.М. Рафиков, Д.Н. Маркин, на начало 2018 г. только 8,5 % муниципальных образований разработаны правовые акты в сфере муниципального контроля [3. С. 204].

Как эффективный вариант оптимизации контрольно-надзорной деятельности в земельных отношениях может быть объединение проверочных мероприятий органов государственного надзора (Россреестра, Россельхознадзора, Росприроднадзора и их территориальных органов) с одной стороны и муниципального контроля (органов местного самоуправления) – с другой.

Только с 2014 г. в России появился общественный земельный контроль, специфика которого заключается в том, что он необходим как для контроля за выполнением своих обязанностей правообладателями земельных участков, так и за координацией деятельностью органов государственной и муниципальной власти в области управления земельными ресурсами, а также их использованием и охраной [4. С. 140].

Исходя из этого, выявляется полярный характер общественного земельного контроля:

– содействие существующим органам контроля,
– гарантия реализации земельных прав индивидуальных субъектов.

Считаем, что результативная деятельность института общественного земельного контроля должна постоянно сопровождаться разработкой норм и положений, подробной регламентацией процедуры контроля в специальных законах на уровне всей страны и регионов. Так, во многих субъектах Российской Федерации введены в действие региональные акты об обще-

ственном контроле. Так, например, в ст. 2 Закона Нижегородской области [1] присутствуют отсылочные положения к некоторым законам области, в которых должны регулироваться особенности осуществления общественного контроля в отдельных сферах общественных отношений. В Законе Чувашской Республики [2] определено, что в организации контрольных мероприятий могут принимать участие представители общественности муниципалитета (функционирующие как наблюдательные комиссии, инспекции, группы контроля и др.).

Таким образом, вопросы развития земельного контроля требуют дальнейшего изучения. В целях модернизации муниципального и общественного земельного контроля целесообразно:

– продолжить работу по информационному обеспечению контроля, под которым понимается как сама законотворческая деятельность органов представительной власти регионов и муниципальных образований, так и информирование участников земельных отношений о актуальных изменениях в сфере земельного контроля, их прав и обязанностей, последствий невыполнения требований должностных лиц, осуществляющих данный вид контроля, через сеть Интернет, средства массовой информации, цифровых технологий (например, через специальные приложения) и др.;

– пересмотреть вопросы подготовки соответствующих кадров в системе муниципального земельного контроля, в том числе путем организации специальных курсов в организациях профессионального образования, организации дополнительных курсов повышения квалификации, проведения семинаров, обмена опытом с органами земельного контроля других муниципальных образований и регионов,

– на законодательном уровне:

а) включить нормы, устанавливающие полномочия отдельных лиц в участии деятельности, связанной с принятием важных вопросов в сфере земельных отношений, полномочия и ответственность органов государственной власти и местного самоуправления по реализации земельных прав участников земельно-правовых отношений;

б) подробно указать формы и способы участия населения в земельном контроле, в том числе при допущении должностными лицами нарушений, которые могут привести к негативным последствиям, в том числе и долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Об общественном контроле в Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 22 сентября 2015 года № 127-З. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465527030>.
2. Об общественном контроле в Чувашской Республике: Закон Чувашской Республики от 29.12.2015 г. № 86 (ред. от 06.05.2020). URL: <https://base.garant.ru>.
3. Рафиков Р.М., Маркин Д.Н. Правовое регулирование государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля: состояние и перспективы // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 204–209.
4. Романова О.А. Развитие земельного законодательства: вопросы теории и практики // Lex russica. 2016. № 6. С. 132 – 145.

Ю. А. Фенева

*Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов*

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация. В статье рассматривается процедура изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд и проблемы её практической реализации. Сравнительно-правовой анализ отечественного законодательства, законодательства зарубежных стран, а также судебной практики, приводит автора к выводу о наличии лакун в законодательной регламентации указанной процедуры.

Ключевые слова: изъятие земельного участка, земельное право, государственные и муниципальные нужды, публичный интерес, частный интерес, собственность.

Y. A. Feneva

*Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov*

PROBLEMS OF PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE PROCEDURE FOR THE SEIZURE OF LAND PLOTS FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Abstract. The article discusses the procedure for the seizure of land for state and municipal needs and the problems of its practical implementation. Comparative legal analysis of domestic legislation, legislation of foreign countries, as well as judicial practice, led the author to the conclusion that there are gaps in the legislative regulation of this procedure, despite the detailed regulation.

Keywords: seizure of land, land law, state and municipal needs, public interest, private interest, property.

Общество неумолимо и непрерывно развивается, и публичная власть в этом процессе принимает активное участие. Так зачастую возникает потребность в изъятии земельных участков (далее – ЗУ) для государственных и муниципальных нужд (далее – нужды), что обусловлено постройкой инфраструктурных объектов и возведением различных коммуникаций. Вместе с тем, позитивное право не закрепляет понятие так называемых «нужд». Однако попытки внести некоторую ясность безусловно предпринимались. К числу таких попыток надлежит отнести разъяснения данные в абз. 2 п.п. в) п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении ЖК РФ» [1]. Попытки формулирования дефиниции нужд предпринимались и в доктрине, но предложенные определения носят разнородный характер и в некоторых частях вовсе противоречат друг другу. Похожую дефиницию предлагает В.А. Евсегнеев, указывая в качестве существенного признака удовлетворение потребностей населения как страны в целом, так и жителей региона или муниципального образования [2, С. 69–79]. Противоположного мнения придерживается Крассов О.И. Согласно его позиции, изъятие ЗУ в публичных интересах следует употреблять дефиницию «общественного использования» [3, С. 90–93].

Вместе с этим, интерес также представляют дефиниции наличествующие в зарубежном опыте изъятия ЗУ, обусловленного нуждами. Так, если брать в качестве примера Основные законы европейских стран, то процедура изъятия обусловлена нуждами общества, исключая государство.

В связи со сказанным видится проблема размежевания в законодательстве понятий нужды разных уровней, включая общественную, государственную и муниципальную, без чего невозможно создание единой методики изъятия ЗУ. Включение указанных понятий в законодательство, регламентирующее порядок изъятия ЗУ, способствует более благоприятной практической реализации настоящей процедуры. Хотя

попытки создания дефиниции нужд и не пришли к общему выводу, возможно выделить существенных для них признаки, в частности, цели: выполнение обязательств, предусмотренных законодательством различных уровней, включая национальный; реализация деятельности в публичных интересах и интересах общества в целом. Так, под нуждами надлежит понимать необходимость принудительного изъятия ЗУ с последующим прекращением прав на него в публичных интересах. Процедура изъятия носит исключительный характер и осуществляется лишь в редких случаях, перечень которых содержится в ст. 49 ЗК РФ [4]. Указанный перечень является открытым. Процедура изъятия ЗУ, обусловленная нуждами, подпадает под сферу регулирования как земельного, так и гражданского законодательства. Так, сам порядок изъятия ЗУ содержится в гл. VII.1 ЗК РФ. Важно сказать, что само изъятие ЗУ осуществляет вне зависимости от того, какая форма права установлена в отношении него. В п. 3 ст. 297 ГК РФ указывается, что решение об изъятии ЗУ, обусловленное нуждами, вправе принимать федеральные органы исполнительной власти (далее – ОИВ); ОИВ субъектов РФ; органы местного самоуправления (далее – ОМСУ). Причём возможность изъятия ЗУ ОМСУ в дополнение регламентируется положениями Федерального закона (далее – ФЗ) от 06.10.2003 № 131-ФЗ [6]. Вместе с тем, несмотря на тщательную регламентацию процедуры изъятия ЗУ, обусловленного нуждами, при практической её реализации возникает ряд проблем.

Так, собственники ЗУ при их изъятии сталкиваются с вопросом правомерности самой процедуры в соответствии теми целями, которые указаны в ч. 2 ст. 49 ЗК РФ, в частности при определении значимости возводимого объекта. В связи с этим, важным этапом в разрешении данной проблемы явилось определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 27.10.2015 № 309-КГ15-5924 по делу № А07-21632/2013 [7]. В данном определении ВС РФ обозначил в качестве существенного признака цель изъятия, а именно направленность на достижение общественно-полезных целей, однако, вместе с тем указав, что осуществление изъятия невозможно в случае, если служит лишь удовлетворению интереса частных субъектов в получении выгоды, деятельность которых относительно интересов общества носит лишь опосредованный характер. Данный подход нашёл своё воплощение и в дальнейшей судебной практике, в частности примером может послужить «Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2016)» (утв. Президиумом ВС РФ 13.04.2016) [8], а также Постановление АС Западно-Сибирского округа от 02.03.2020 № Ф04-8055/2020 по делу № А45-13810/2019 [9]. Решение данной проблемы видится во внесении в ст. 49 ЗК РФ уточнений, которые бы подчёркивали необходимость размещения возводимых объектов исключительно в публичных интересах. Это позволит уменьшить как количество споров, так и защитить права собственников.

Проблемы возникают и в процессе оценки ЗУ. Существуют определённые трудности относительно возмещения собственникам ЗУ, предоставляемого при его изъятии. Нормы отечественного законодательства указывают, что изъятие ЗУ возможно лишь при наличии встречного предоставления в виде компенсации собственнику. Здесь следует говорить о возникновении обязательства из оснований, предусмотренных положениями закона. Говоря о положении субъектов данного правоотношения, надлежит отметить, что государство в данном случае будет иметь статус должника в то время, как собственник имеет статус кредитора, который вправе требовать выплаты компенсации за изымаемый ЗУ, что обусловлено нуждами. Размер компенсации определяется государством согласно положениям ст. 56.8 ЗК РФ, исходя из таких условий, как: размер убытков, которые повлечёт изъятие ЗУ; рыночная стоимость ЗУ, а также находящихся на нём строений, включая их неотделимые улучшения; рыночная стоимость иных прав в отношении ЗУ, а также находящихся на нём строений. Оценка ЗУ и строений на нём осуществляется даже в том случае, если удалось согласовать цену с собственником, что указывается в ФЗ «Об оценочной деятельности» [10]. Исходя из положений настоящего закона следует указать на отсутствие единого понимания относительно дефиниции так называемого «эквивалентного воз-

мещения», что порождает споры, которые характеризуются наличием дисбаланса публичных интересов и интересов собственников [11] относительно определения стоимости изымаемого ЗУ. Согласно фабуле дела, собственник не согласился с проведенной истцом оценкой ЗУ и находящихся на нём объектов недвижимости [12]. Необходимость возмещения вытекает из смысла ст. 35 Конституции РФ, гл. VII.1 ЗК РФ, а также положений ст. 281 ГК РФ. Интерес здесь вызывает также то, что в иностранных правопорядках имеются схожие механизмы, к примеру пятая поправка Конституции США, где указывается на необходимость выплаты справедливого вознаграждения в случае изъятия частной собственности для общественного пользования.

Решением данной проблемы может послужить включение в гл. VII.1 ЗК РФ, а также указанный ФЗ уточняющих положений, способствующих повышению единообразия практики правоприменения, в частности дефиницию эквивалентного возмещения, в частности, внести в положения ст. 56.8 ЗК РФ формулировку схожую, с существовавшей в Своде законов Российской империи, а именно закрепить необходимость заключение соглашения об изъятии ЗУ с собственником в окончательной форме, при этом производя уплату за отчуждаемые объекты на всякую сумму, однако, с учётом публичных интересов [13].

Исходя из изложенного, следует заключить, что несмотря на подробную регламентацию, процедура изъятия ЗУ, обусловленная нуждами, имеет ряд проблем, встречающихся в правоприменительной практике. Их решение видится в устранении рассмотренных лагун, что должно способствовать формированию баланса частных и публичных интересов и позволит существенно уменьшить количество возникающих споров.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 123. 08.07.2009; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2009.
2. *Евсегнеев В.А.* Собственность на землю в фокусе интересов / В.А. Евсегнеев // Журнал российского права. – 2004. – № 8. – С. 69–79.
3. *Крассов О.И.* Право частной собственности на землю: купля – продажа, аренда, приватизация, судебная защита / О.И. Крассов. – Москва: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 144 с.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 29.10.2001. № 44. ст. 4147; Российская газета. № 211-212. 30.10.2001.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.10.2003. № 40. ст. 3822; Российская газета. № 202. 08.10.2003.
6. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 309-КГ15-5924 по делу № А07-21632/2013 // СПС «Гарант».
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.03.2020 № Ф04- 8055/2020 по делу № А45-13810/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.08.1998. № 31. ст. 3813; Российская газета. № 148-149. 06.08.1998.
10. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2017 г. № 306-ЭС16-9944 по делу № А55-5004/2014 // СПС «Гарант». Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 февраля 2020 г. № Ф05-679/20 по делу № А41-107747/2018 // СПС «Гарант».
11. Апелляционное определение Московского областного суда от 14.03.2016 по делу № 33-6388/2016 // СПС «КонсультантПлюс»;
12. Свод законов Российской империи. Т. 10. Гл. 6. Ст. 574–593.

УДК 349.6

М. А. Царёв

*Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Юридический институт им. М. М. Сперанского
Россия, Владимир*

ВЛИЯНИЕ ФУТБОЛА НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются экологические проблемы, вызванные футболом и деятельностью, связанную с этим видом спорта, исследуется отечественная и мировая практика борьбы с указанными проблемами и их профилактики, а также предпринимаются попытки предложения собственных путей решения, в том числе с опорой на международный опыт.

Ключевые слова: футбол, окружающая среда, экология, спорт, болельщики.

М. А. Tsarev

*Vladimir state University named after A. G. and N. G. Stoletovs
Law Institute named after M. M. Speransky
Russia, Vladimir*

ENVIRONMENTAL IMPACT OF FOOTBALL: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Abstract. The article examines the environmental problems caused by football and the activities associated with this sport, examines the domestic and world practice of combating these problems and their prevention, and also attempts to offer their own solutions, including relying on international experience.

Keywords: football, environment, ecology, sports, fans.

В настоящее время существует большое количество проблем в сфере окружающей среды, причины которых различны. Одним из источников таких проблем является спорт. Самым популярным и массовым его видом является футбол, который также оказывает негативное влияние на окружающую среду. Рассмотрим формы такого влияния.

Футбол как игра предполагает наличие поля для проведения соревнований, а профессиональные футбольные клубы используют для этих целей стадионы. Периодическая организация спортивных мероприятий, в том числе в области футбола, зачастую бывает связана со строительством новых стадионов или спортивных комплексов, которое может оказать пагубное влияние на состояние окружающей среды. Одним из таких мероприятий стал Чемпионат мира по футболу, который проводился в 2018 году в России. В 2016 году началась вырубка деревьев в парке «Лужники» с целью якобы благоустройства и озеленения одноименного спортивного комплекса, подготовки его к чемпионату. Однако этой историей заинтересовались сотрудники российского отделения «Гринпис», обнаружившие, что проект предполагает вырубку большого количества деревьев, чем было официально заявлено, причем под спил шли не старые растения, а, в частности, здоровые и молодые деревья различных видов. Были направлены письма в Международную федерацию футбола, Генеральную прокуратуру РФ, однако никакой реакции не последовало [3]. Следует также отметить, что Кодекс ФИФА требует соблюдения высоких экологических стандартов при подготовке мероприятий подобного масштаба.

Следующая проблема связана с деятельностью самих игроков. Так, во время международных соревнований и при проведении национальных чемпионатов по футболу игроки периодически вынуждены перемещаться на дальние расстояния; при этом основным средством передвижения являются самолеты. Проблема заключается в генерировании в процессе авиаперелетов большого количества выбросов углекислого газа. Согласно статистическим данным, почти 3 % выбросов в окружающую среду происходит вследствие авиаперелетов.

Кроме того, на частое использование воздушного транспорта оказала непосредственное влияние эпидемиологиче-

ская ситуация в мире. Так, в мае 2021 года в Стамбуле должен был состояться финал Лиги Чемпионов, причем оба финалиста являлись английскими клубами. Из-за распространения коронавируса в Турцию Союз Европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) принял решение об изменении места проведения финала. С точки зрения экологической безопасности, матч мог бы состояться в Лондоне, что ликвидировало бы необходимость перелетов команд. Однако УЕФА принял решение о проведении матча в Лиссабоне (Португалия). Ситуация осложняется тем, что место проведения финала любого футбольного соревнования известно заранее, и при выходе в финал двух клубов из другой страны его изменение невозможно.

Важно отметить, что авиаперелеты ради футбольных мероприятий совершают не только сами игроки. Поскольку футбол является самым популярным видом спорта, фанаты также используют воздушный транспорт для посещения матчей. Возвращаясь к примеру с финалом Лиги Чемпионов в Португалии, следует привести данные от BBC: во время перелетов английских фанатов в Лиссабон самолетами было выброшено в атмосферу 7 тысяч тонн углекислого газа, что примерно равно сжиганию 84 цистерн бензина. К слову, игроки и болельщики для передвижения используют не только воздушный транспорт: при проведении национальных чемпионатов команда соперника может добраться до стадиона на автобусе.

Еще одним примером негативного влияния футбола на окружающую среду стал Чемпионат Европы, который из-за коронавирусных ограничений проходил этим летом в 11 городах мира. В общей сложности в результате перелетов футболистов в атмосферу Земли было выброшено около 420 тонн углекислого газа, без учета авиарейсов болельщиков [1]. При этом политика УЕФА по расширению футбольных турниров, а также созданию новых клубных соревнований усугубляет экологическую ситуацию.

Борьба с выбросами углекислого газа в окружающую среду в результате использования игроками и болельщиками транспортных средств ведется не только отдельными клубами, но и международными футбольными организациями, однако используемые средства не всегда приносят ощутимый результат. Проблемой является отсутствие в каждом национальном чемпионате по футболу единой концепции в сфере охраны и защиты окружающей среды, поэтому каждый клуб самостоятельно подходит к решению экологических проблем. Например, команда «Вердер» из Германии официально запретила парковать автомобили перед стадионом, а для попадания на матчи болельщиков используется водный транспорт – паром. Футболисты немецкого клуба «Вольфсбург» ежегодно сажают по несколько тысяч деревьев с целью снижения концентрации углекислого газа в атмосфере. Кроме того, сотрудники клуба используют для передвижения электромобили [2].

Со стороны УЕФА были применены такие способы борьбы с указанной проблемой, как организация бесплатного общественного транспорта для болельщиков во время Евро-2020. Также в 2019 году была запланирована акция по посадке 50 тысяч деревьев в городах, принимающих Чемпионат Европы, однако реализована она была только в двух из одиннадцати городов. Следует отметить неэффективность такого способа борьбы с выбросами углекислого газа, поскольку рост деревьев происходит в течение длительного времени, а сама посадка не гарантирует их приживание.

Репутация футбольных организаций перед экологическими сообществами также портится из-за спонсорской кампании. Например, титульным спонсором Лиги Чемпионов является ПАО «Газпром», специализирующееся на добыче газов – не самом экологическом процессе.

Помимо выбросов углекислого газа, футбол как деятельность всегда связана с негативными последствиями в виде распространения мусора. Прежде всего это связано с посещением соревнований фанатами, оставляющими после себя упаковки от продуктов питания и напитков, которые они берут с собой на матчи. К данной проблеме пытаются привлечь внимание общественности и деятели культуры. Например, фотограф Мэнди Баркер запустил проект «Пенальти», в рам-

ках которого на сайте публикуются фотографии найденных на пляжах по всему миру футбольных мячей, которые со временем успели частично разложиться и изменить свой первоначальный вид.

Со стороны самих футболистов также имеет место участие в акциях по борьбе с распространением мусора. Например, во время Чемпионата мира по футболу в 2018 году игроки сборной Японии после каждого матча убрали за собой мусор, оставленный в раздевалке, а их болельщики проделявали то же самое на трибунах.

Как показывает практика, футбольное сообщество пытается бороться не только с теми климатическими проблемами, распространению которых оно способствует. Например, на крышах некоторых стадионов в Германии установлены солнечные батареи. Производимая ими энергия используется для энергоснабжения городов. Имеет место также использование для освещения стадионов светодиодных ламп.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что футбол оказывает негативное влияние на окружающую среду, прежде всего, из-за неправильной политики международных футбольных организаций. В частности, регламенты проведения футбольных турниров в части расширения перечня стран-хозяйек вынуждают игроков и болельщиков использовать для перемещения между государствами транспортные средства, оказывающие губительное влияние на окружающую среду, особенно на атмосферу. Кроме того, деятельность УЕФА по восстановлению окружающей среды носит преимущественно декларативный характер, а предлагаемые в теории мероприятия проваливаются на практике и не приносят существенного результата. Акции, проводимые при поддержке УЕФА и направленные на решение экологических проблем, обычно приурочены к каким-либо масштабным событиям из мира футбола вроде чемпионата Европы или мира. На национальном уровне между клубами из чемпионатов отдельных стран отсутствуют соглашения по охране и защите окружающей среды, предполагающие проведение мероприятий такой направленности со стороны всех клубов. Если в Германии профилактика экологических проблем реализуется на уровне отдельных клубов, то, например, в России подобных мероприятий не наблюдается.

Исходя из вышеперечисленного, имеет смысл предложить следующие пути решения проблем. Во-первых, необходимо вносить масштабные изменения в регламенты проведения футбольных турниров (Лига Чемпионов, Чемпионат мира и т.д.), исключающие дополнительный рост использования клубами и болельщиками самолетов для перемещения. Во-вторых, акции, предлагаемые УЕФА, должны носить более действенный характер и проводиться не реже чем один раз в год без привязки к международным турнирам. В-третьих, на уровне национальных чемпионатов необходимо разрабатывать концепцию лиги по охране окружающей среды, включающую конкретные мероприятия, обязательные для проведения всеми клубами (размещение на крышах стадионов солнечных батарей, посадка деревьев вокруг стадионов, использование электрических транспортных средств болельщиками и игроками и т.д.). Среди таких мероприятий должно присутствовать формирование у игроков и болельщиков бережного отношения к окружающей среде, выражающееся, в том числе, в уборке оставленного мусора. Совокупность предложенных мероприятий позволит снизить размер причиняемого футболом ущерба окружающей среде.

Список литературы:

1. Оказывается, у футбола большие проблемы с экологией. За Евро-2020 сборные сгенерировали 420 тонн углекислого газа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/> (дата обращения: 15.11.2021).
2. Футбол и защита климата: «зеленые» ноу-хау добрались до бундеслиги [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 15.11.2021).
3. Футбол идет – щепки летят [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/27804832.html> (дата обращения: 15.11.2021).

Д. А. Штырков

Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры
Россия, Саратов

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые и организационные вопросы освоения земель Арктической зоны. На основании анализа имеющихся положений закона, автор приходит к выводу об отсутствии системности в правовом урегулировании данного направления. Также приводятся предложения по устранению выявленных проблем.

Ключевые слова: Арктика, арктический гектар, резидентство, льготы.

D. A. Shtyrkov

Saratov State Law Academy
Institute of Public Prosecutor's Office
Russia, Saratov

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF LAND DEVELOPMENT IN THE ARCTIC REGION

Abstract. The article discusses some legal and organizational issues of the development of the lands of the Arctic zone. Based on the analysis of the existing provisions of the law, the author comes to the conclusion that there is no consistency in the legal regulation of this area. Suggestions are also provided to eliminate the identified problems.

Keywords: Arctic, Arctic hectare, residency, benefits.

Арктика всегда обладала особым стратегическое значение как для Российской Федерации, так и всего мира. В первую очередь это связано с массивными нетронутыми залежами ресурсов, а также с транспортной инфраструктурой. Еще во времена СССР началось активное освоение Арктики. Так было создано Главное управление Северного морского пути, активно подтверждающее присутствие Советского государства в этом регионе: строительство станций, проведение исследований.

Активная разработка Арктического региона возобновилась лишь в 2008 году. Первым глобальным национальным актом регулирования данного вопроса стала программа «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», а также «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года». Благодаря им с 2015 года в структуре Правительства РФ действует комиссия по вопросам развития Арктики.

Наибольшее внимание Арктика получила в 2021 году, что подтверждается словами Заместителя Председателя Правительства Юрия Трутнева в формате видеоконференции на открытии Дня Арктики в Санкт-Петербурге. В своём выступлении Юрий Трутнев отметил, что Правительство по поручению главы государства проводит работу по развитию арктических территорий. Ведётся активная работа по совершенствованию арктической законодательной базы. В 2020–2021 годах утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утверждён единый план по их реализации, приняты государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» и федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

Однако стоит отметить, что на данный момент отсутствует четкая систематизация законодательства в данном направлении, которое, в свою очередь, требует комплексного подхода к урегулированию. Международно-правовая регламентация данного вопроса также отсутствует. Существует лишь соглашение между Россией и Норвегией, уточняющее границы их территорий в Арктике. Законодатель предпринимал попытки к пра-

вовой регламентации Арктической зоны. Так, разрабатывался проект Федерального закона «Об арктической зоне Российской Федерации», однако на стадии обсуждения от него отказались. На данный момент существует лишь упомянутый ранее Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

Как считает депутат Государственной Думы, занимающийся исследованием Арктики, Артур Чилингаров: «состояние арктического законодательства сегодня нельзя назвать удовлетворительным. В настоящее время в Российской Федерации действует более 500 законодательных и нормативных актов, касающихся Крайнего Севера и Арктики. Эти акты нередко взаимоисключают друг друга, многие из них приняты ещё в советское время». Однако, несмотря на данное заявление, прогресс в решение этого вопроса отсутствует даже на стадии законопроекта.

В соответствии с упомянутым ранее законом, законодатель в стратегии освоения Арктике отдаёт приоритет субъектам предпринимательской граждан РФ может стать резидентом, получив при этом 1 гектар земельного участка в безвозмездное пользование. Однако при этом закон предусматривает и ряд ограничений. Резидент должен заниматься предпринимательской деятельностью, а объём запланированных вложений должен превышать 1 миллион рублей. В случае, если резидент не осуществляет обещанные им меры по освоению территории, то безвозмездное пользование прекращается [1].

В Арктической зоне РФ бесплатный гектар можно получить на территории Мурманской области, в Ненецком автономном округе и Ямало-Ненецком автономном округе, а также в муниципальных районах Архангельской области, Республики Коми и Карелии. Выбор участка доступен «Онлайн» на сайте «гектарарктике.рф», интегрированный с федеральной информационной системой «НаДальнийВосток.РФ». В указанных регионах доступны около 1,1 млн гектаров. Получить землю можно по упрощенной процедуре за месяц вместо полугода.

Первые полгода «гектары» в Арктике будут в приоритетном порядке выдаваться местным жителям. А с 1 февраля 2022 года – всем гражданам, а также участникам госпрограммы по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

В течение первого года получателю участка необходимо определиться с видом использования земли, через три года задекларировать его использование. К завершению пятилетнего срока можно безвозмездно получить землю в собственность или длительную аренду [2]. Стоит учитывать, что за это время участок необходимо освоить: построить индивидуальный жилой дом, организовать приусадебное хозяйство или бизнес. При этом получить землю можно только после регистрации объекта недвижимости и внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости.

Как отметил Мишустин М.В.: «реализация программы позволит создать десятки тысяч новых рабочих мест и повысить доходы людей, оказать бизнесу поддержку в реализации перспективных проектов и привлечь в регионы Арктики инвесторов и квалифицированных специалистов, обеспечить приток частных капиталов в объёмах, которые во много раз превосходят вложения государственных средств» [3].

Так, например, на геопортале Архангельской области каждый может ознакомиться с картой свободных земельных участков, которые уже сейчас готовы предоставить резиденту в безвозмездное пользование на срок в 5 лет с правом последующего выкупа [4]. Помимо этого, существует уже упоминаемая ранее программа «На дальний восток», через сайт которой также можно получить земельный участок.

Ставка налога на прибыль для резидентов, осваивающих арктическую территорию Архангельской области, составляет 5 % в течение 5 налоговых периодов начиная с налогового периода, в котором была получена первая прибыль от деятельности в Арктике. В последующие 5 месяцев данная ставка возрастает до 10 % [5].

В указе Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» одним из основных показателей, характеризующими эффективность реализации

государственной политики Российской Федерации в Арктике, являются коэффициент миграционного прироста населения Арктической зоны Российской Федерации. Однако на данный момент отсутствует законодательно урегулированный механизм стимулирования данного рода миграции.

На начало 2021 года численность населения территории Арктики составляет около 2 618,7 тысяч граждан, что является 1,8 % от общей численности населения РФ. При этом прослеживается тенденция отрицательного роста этого показателя. Данный процесс сказывается на количестве «рабочих рук» в регионе, что может стать критичным для реализации программы резидентства.

Стоит отметить, что в международной практике присутствуют примеры разрешения подобного вопроса. В частности, в Норвежской политике освоения Арктики, принятой в 2021 году, предусмотрены меры стимулирования не только бизнеса, но и малых городов и центров. Так, создаются экологически чистые города и поселения, развивается и поддерживается спортивный и культурный сектор. То есть Норвегия активно предпринимает меры по снижению показателя миграции населения, при этом целенаправленно создает благоприятные условия для освоения арктических территорий. Стоит также отметить, что на данный момент население Арктической Норвегии составляет 9 % от населения страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент направление освоения Арктических территорий в Российской Федерации имеет одно из приоритетных значений, что подтверждается принятыми Стратегиями развития, а также выделенным значительным бюджетом. В тоже время, данная сфера остается без наличия должной правовой регламентации. На основании этого можно выдвинуть следующие предложения:

1) Доработать закон «Об арктической зоне РФ», закрепив в нем единые положения регулирования данного региона в целях систематизации имеющегося законодательства.

2) Разработать систему социального стимулирования для освоения новых территории гражданами РФ, не являющимися ИП.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2020, № 29, ст. 4503.

2. Закон ямало-ненецкого автономного округа от 13 июля 2021 г. n 77-зао «о территориях ямало-ненецкого автономного округа, в границах которых гражданам предоставляются земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, в безвозмездное пользование» [Электрон. ресурс] // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2021).

3. Правительство утвердило государственную программу развития Арктики [Электрон. ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/41894/> (дата обращения 08.11.2021).

4. ГЕОПОРТАЛ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ [Электрон. ресурс] URL: <https://maps29.ru/> (дата обращения 08.11.2021).

5. Закон Архангельского областного Собрания депутатов от 25.11.2020 № 349-21-ОЗ «О налоговых льготах для резидентов Арктической зоны Российской Федерации на территории Архангельской области и о внесении изменений в отдельные областные законы» [Электрон. ресурс] // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2021).

6. The Norwegian Government's Arctic [Электрон. ресурс] // Официальный сайт правительства Норвегии. URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120/#tocNode_2 (дата обращения 08.11.2021).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКУРАТУРА РОССИИ: ТРИ ВЕКА НА СТРАЖЕ ЗАКОНА

Азизов А. А., Хорошилов А. С. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКУРОРОМ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	3
Акеньшина Е. Ю. К ВОПРОСУ О ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	4
Андропова О. И. НАДЗОРНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»	5
Аношкин Д. С. РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	6
Бектасова Н. А. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И КРИТЕРИЯХ БЛАГОПРИЯТНОСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ОБЪЕКТА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ	7
Васильева А. Ю., Тузова А. А. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1722–1917)	8
Демкин Д. А., Денисова Н. В. ПОДМЕНА ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ФУНКЦИЙ ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ: АНАЛИЗ ДИСКУРСА	11
Звягина А. И., Цицкиева Х. М. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ С МОМЕНТА ЕЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ	12
Злобин П. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ	13
Зуев Р. О. ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ И РЕФЕРЕНДУМЕ	14
Зуева И. А., Селивёрстова Э. М. ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	16
Кансыриев А. Ф. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	17
Кицыра Н. М. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ	19
Кукса П. А. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА НА ЗАВЕРШАЮЩИХ ЭТАПАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА	20
Лопатинская С. С. ПРОКУРАТУРА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	22
Ляскин Д. Д., Юданов Д. Д. НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	23
Матчонина О. А. РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ НАСИЛИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ	25
Миринова Е. А. ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	26
Морозова Н. В. РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	27
Наврузов В. З. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	29
Неклюдова М. Д. К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	30
Новиков В. Д., Эбзеев И. Т. НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	32
Острякова Т. В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНИЦИИРОВАНИЯ ПРОКУРОРОМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ПУТЕМ ПОДГОТОВКИ И ПОДАЧИ ИСКА О ПРИЗНАНИИ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ЗАПРЕЩЕННОЙ	33
Пеньков А. Д. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА США И РФ	35
Пименова У. И. К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ	36

Погорянский Р.Е. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОЛИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	38
Смирнов К.В. О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИНОСТРАННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДАХ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ РФ	39
Струнина А.М. КООРДИНАЦИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	40
Трофимова С.Ю., Олейник А.М. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ИНФОРМАЦИИ О ПРОДАЖЕ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ	41
Филатов А.П. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	43
Штреблевская П.В. ПРОКУРАТУРА В МЕХАНИЗМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ	44

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РФ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Баканов Н.А. СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ	46
Веселова А.Р. ДЕОНТОЛОГИЯ ЧЕСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: ЦИФРОВОЙ ВЕКТОР	47
Евстропов А.М. ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	48
Кашникова О.В. ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В XIX–XXI ВЕКАХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВА	49
Клишина А.С. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	51
Кокорева А.С. ЦИФРОВИЗАЦИЯ УИС НА ЭТАПЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.	53
Осипов А.С. ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	54
Халезова Е.А. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА	55
Чурсинова И.И., Шадрина А.А. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ	57

ПРЕСТУПНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД НЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Артамонов А.К. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	59
Бикитеева Э.Р. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ.	60
Витовский Я.Д. ПРЕСТУПНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА	61
Вовк Н.С. НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА	62
Герасимова А.А. ПЕРСПЕКТИВА ЛЕГАЛИЗАЦИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПОСЛЕДСТВИЯ	63
Горбулева Е.В., Коранева А.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СКРЫТЫХ СЕКТОРАХ СЕТИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕНЕВОЙ СЕТИ DARKNET)	65
Душичева В.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	66
Дышокова А.Т., Сыркина Е.С. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН СКУЛШУТИНГА В РОССИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ	67
Еремеева Е.С. ФОРМЫ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ СДЕЛОК О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ	69
Ермакова А.Л. РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	70

Козодаева О.Н., Зудова М.А. К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	71
Ионова Ю.А. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК МЕТОД БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ	73
Исаев М.Б. ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	74
Канукова Ф.С. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ	75
Келдибекова А.М., Пирогова Д.А. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИСТОК-СМЕРТНИЦ	76
Краснова Ю.В. ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ТРУДАХ ИОСИФА СОЛОМОНОВИЧА НОЯ	77
Макарова А.В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	79
Надирбегова А.М. НАКАЗАНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ	80
Никитина Е.А. КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	81
Пешкова С.А. ПРАВОМЕРНОСТЬ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПРИ ЗАЩИТЕ СОБСТВЕННОСТИ	82
Попкова Г.Ю. ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	84
Ригвава С.С. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ	85
Розсудовский Е.С. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ВЗЯТКИ	86
Чекалова Л.А. ДЕВИАЦИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА МАЛОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ И ГОСУДАРСТВА	87

РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Байишова С.Р., Мещерина Я.В. О НЕОБХОДИМОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЫТРЕЗВИТЕЛЕЙ В ЦЕЛЯХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА	90
Волкова Н.С., Пузикова И.И. ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ	91
Гвоздев Н.К. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТОСЭР В РОССИИ	92
Гирут А.С., Мигаль Е.А. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	93
Гогуев Р.М. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	94
Задёра В.В. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	96
Иванченко Л.О., Шималакова А.С. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛИКТЫ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ	97
Ковалишина К.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	98
Лифанов Д.М. О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЖАЛОБА» В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	99
Макарова-Землянская А.А., Ситникова К.Ю. ПРАКТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	101
Мамедов Ш.М. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	102
Митрошенкова М.Э., Скрипкина К.М. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СПОРТСМЕНОВ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ДОПИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	103

Мухтарова Д. М., Череватова Я. С. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ	105
Рассказов А. А., Спицин К. О. НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ СВАЛКИ КАК УГРОЗА ЖИВОТНОМУ МИРУ	106
Темуркаев М. И. КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	107
Хуурак А. А. АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	109
Шаренко Д. А. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ	110
Юртаев В. А. ВВЕДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОПАСНОЕ ВОЖДЕНИЕ: PRO ET CONTRA	111

НОВЕЛЛЫ АРБИТРАЖНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Азизов А. А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВСТУПЛЕНИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	113
Айдашкина А. Д. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И СЕРВИСАХ ОБМЕНА МГНОВЕННЫМИ СООБЩЕНИЯМИ	114
Анучина А. И. ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	115
Аншаков И. А., Борисов А. В. БУДУЩЕЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – ДИСТАНЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ	117
Ахметшина В. А., Новопашина Н. Н. ИНСТИТУТ ЗАМЕНЫ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	118
Батура А. А. ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЛИЦ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	120
Бритова П. С., Шереметьева А. К. ПРОИЗВОДСТВО ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ	121
Веселов Е. А., Шибашова А. В. ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	122
Грязнова С. П. ОПТИМИЗАЦИЯ СУДЕЙСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НЕДОСТАТКИ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ	123
Демидов В. А., Раменнов И. А. ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ	124
Долженко В. В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: НА ПРИМЕРЕ РАЙОННЫХ СУДОВ ГОРОДА САРАТОВА	125
Дякун А. А. ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСЧИСЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА	127
Иванова Д. В. ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	128
Конова Е. Т. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОУЧАСТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	130
Копылова В. Р. ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	131
Кочетова Е. Е. ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТИЯ В СУДЕБНОМ ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИИ: НОВЕЛЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ	132
Кыр А. А., Савинов С. В. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	133
Лиходедова А. В., Осьмушина М. С. РОЛЬ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	135
Лемехов С. В. ПЕРЕГОВОРЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ДОСУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ	136

Михеева А. В. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О РАСПРЕДЕЛЕНИИ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА	137
Муравлева В. А., Трофимович Т. С. МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ	139
Онипенко С. А. ЛИЧНОЕ СТРАХОВАНИЕ	140
Павлуцкая А. А., Алёшина К. А. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	141
Петухова М. Р. ЭСКРОУ-СЧЕТ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	143
Пискунова А. Ю. ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ	144
Равчук У. А. РАЗВИТИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ	145
Сафина Р. Р., Старовойтова А. А. ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ КАК НАРУШЕНИЕ ЛИЧНЫХ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА	146
Селиверова С. Ю. ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЛИЦА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ	147
Сидорова М. А. ПРОБЛЕМЫ МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	149
Симакина Д. В. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУРНЫХ АСПЕКТОВ НАПРАВЛЕНИЯ КОПИЙ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	150
Скурлатов В. С. ПРОКУРОР, УЧАСТВУЮЩИЙ В ДЕЛЕ, КАК СУБЪЕКТ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА	152
Сыркина В. П. ПЕРЕГОВОРЫ КАК СПОСОБ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ	153
Толстов С. В., Шашлов Д. С. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСЕЙ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	154
Уткина Ю. С., Юнусов А. М. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ВЫДАЧЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	156
Фомина Ю. А. НОВЕЛЛЫ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В КАССАЦИОННОМ СУДЕ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ВЕРХОВНОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	157
Холодков И. А. К ВОПРОСУ О ПРИМИРЕНИИ УЧАСТНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	158
Чепляева Е. Н. БАНКРОТСТВО ПРЕДПРИЯТИЙ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ) И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	159
Шафикова О. Р., Богословская А. А. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И БРИТАНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	160
Шляхтов И. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИНВЕСТИРАМИ СВОИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	161

РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Агеев А. В. ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД	163
Амбарданян М. Г., Какошкина С. С. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ	164
Антонов М. А., Владимиров Е. Д. ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ОСНОВНОЕ НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	165
Аскерова Д. С. ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАСХОДОВ НА ПОГРЕБЕНИЕ	166
Белозерова Е. О. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ РФ) О СУЩЕСТВЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ	167

Богатырёв М. Б. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИНСТИТУТА ЗАЧЕТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	169
Борисов И. Е. ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	170
Бондарчук А. Д., Иванов В. КОНКУРЕНЦИЯ ИСКОВ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	172
Бшоян Л. Д. ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СТУДЕНЧЕСКИМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ КЛИНИКАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	173
Воробьёва К. В. ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИИ В XIX ВЕКЕ	174
Гаврилов Д. О., Давыдкин А. Е. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ	176
Горшенев К. К. ОЦЕНКА РАЗУМНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ДИРЕКТОРА ПРИ ПРИНЯТИИ БИЗНЕС-РЕШЕНИЯ	177
Емельянова С. А. АНАЛИЗ ВОЗРАСТА И ОСНОВАНИЙ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА	179
Зотова А. А. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАТЕЖ В КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ НЕДВИЖИМОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ	180
Карло А. Г. О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АЛИМЕНТНОГО ФОНДА	182
Кравцов Е. О. ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	183
Кулешова А. Н. ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛОК МНИМЫМИ И ПРИТВОРНЫМИ	185
Макаров И. С. «НЕПОИМЕНОВАННОСТЬ» В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ КАК СЛЕДСТВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ	185
Мелентьева В. В. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ	187
Назарова Д. Р. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ ИЛИ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЕГО УМЕРШИМ	188
Николаева А. Е. О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА	189
Пазяк Д. А. ДОГОВОР КАК ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНОЙ ВОЕННОЙ КОМПАНИИ	191
Петров Д. С. РЕПУТАЦИОННЫЙ ВРЕД ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	192
Плаксенко Ю. А., Фролова А. М. ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНИКА	193
Поздеева В. С. МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОДУКТ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	194
Прокофьева М. С., Шеллунц К. Г. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ	196
Скрябина А. К. МЕСТО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВА РФ	197
Спиридонова В. А. НАСЛЕДОВАНИЕ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	198
Сосновцева А. А. НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА И ИХ ЗАЩИТА. КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА	200
Шарофост Н. А. ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ	201
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
Валиуллин Т. Р., Мустафина С. Д. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	203
Горшкова К. Н. ПРОБЛЕМЫ КАССАЦИОННОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	204

Джамалутдинова Н.Х. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	205
Дурыманова С.С., Исакова Т.А. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	206
Иванова В.В., Буров М.П. К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕРМИНА «ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	208
Зоря А.А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	209
Каплунов А.С. МОМЕНТ ВСТУПЛЕНИЯ В ПРОЦЕСС КАК КРИТЕРИЙ ОТЛИЧИЯ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СТАТУСА ПРОКУРОРА	210
Киселёв А.О. МЕСТО АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	212
Крамчинская А.П., Чернышова С.В. ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ	213
Крютченко А.С. ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ	214
Лата Д.Е. СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	215
Муртазаев Р.Д. ОСНОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ	216
Ноздрин И.С. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В КАЧЕСТВЕ ДОЗВОЛЕНИЯ КАК СПОСОБА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ)	218
Перезукаева А.Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	219
Постоева Е.А. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УДАЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)	220
Салихов Р.Р. ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ И КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДИСТАНЦИОННОГО ДОПРОСА КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА	222
Северцева А.О. ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ	223
Долгаев В.В., Соколова А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТНЕСЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ К КОНКРЕТНЫМ ВИДАМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	224
Сотавова А.Р. ВНЕДРЕНИЕ АУДИОПРОТОКОЛА В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	226
Сорокин И.А., Сорокина А.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФСИН РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	227
М.В. Филин СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	229
К.М. Халилов ВОПРОСЫ ЭЛЕКТРОННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РФ	230
Ю.А. Черкасова НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ И ПОМОЩНИКА СУДЬИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	231
К.С. Юдаков ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ СУДАМИ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ	232
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РФ	
О.И. Бахолдин, Л.А. Батманова ВОПРОСЫ ПЕРЕХОДА НА АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	234
А.В. Жовнер, Т.В. Исакова ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РФ	235

М. А. Жажин, Т. Р. Муллахметов «ЗЕЛЕННЫЕ» СЕРТИФИКАТЫ (СЕРТИФИКАТЫ НА ВОЗОБНОВЛЯЕМУЮ ЭНЕРГИЮ).....	237
А. А. Мызников, Т. В. Полеивец ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ: РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	238
А. Ю. Сыкчина ТАК ЛИ ЭКОЛОГИЧНЫ ЭЛЕКТРОМОБИЛИ?	239

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

А. З. Алиева ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ДВУХ И БОЛЕЕ ЛИЦ	241
А. А. Бажин ПРОБЛЕМА ПРОВЕДЕНИЯ РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	242
А. Батзориг ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?	244
И. Д. Борисов ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ГРОБА ПРИ ОКАЗАНИИ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ	245
В. Б. Буйлук АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РФ	247
В. В. Волколупова ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СТАЛКИНГ (НЕЗАКОННОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ) И ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДАННОГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ	248
М. В. Вязова ДОВОЖДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ. ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ	250
П. В. Гладкова К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.	251
А. Е. Гончаров ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (ГЛАВЫ 28 УК РФ)	252
И. И. Гончаров ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ	254
Е. В. Гостищева ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	255
М. В. Дементьева УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН В ДЕЛЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ	256
В. С. Исаков ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДАННОГО ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	258
Н. С. Кириллов СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	259
П. А. Коротков ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВИЗАЦИИ	261
Н. В. Крицын ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА	262
В. О. Кулаков ПЕРЕДАЧА ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОСОБНИЧЕСТВА	263
Д. С. Махова ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОПРЯЖЕННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ	264
А. А. Набиева СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ	266
К. С. Новиков НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ БЛАНКЕТНЫХ НОРМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	267
Д. С. Новокрещённых ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ	269
А. А. Олифиренко СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (НА ОПЫТЕ СТРАН ЕВРОПЫ)	270

А. С. Перина ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	271
О. А. Потапова, А. А. Дралов ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОТГРАНИЧЕНИИ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	273
С. С. Потапова НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	274
К. Е. Свиридова ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	276
В. Н. Станогина МНИМАЯ ОБОРОНА ОТ ДЕЙСТВИЙ ПРАНКЕРОВ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА	277
В. Е. Сычугов МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	278
Е. А. Тимошенко ПОНЯТИЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ» В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	280
Е. А. Типенкова ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФИШИНГА	281
А. М. Хамизов УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПЕНСИЙ, СТИПЕНДИЙ, ПОСОБИЙ И ИНЫХ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ВЫПЛАТ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	283
А. Р. Хисматова НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ ОБЩЕСТВА	284
Д. А. Чуранов К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНОМ (ОСОБОМ) ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	285
К. И. Шумакова ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РФ	287
Г. А. Юсупов СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ	288

ЯЗЫК И ПРАВО: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Х. А. Амиралиева О ЗАИМСТВОВАНИЯХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ	290
К. А. Дадашева ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ТЕКСТАХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ	291

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М. С. Аверьянова, Е. В. Коломыцева ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	293
Ю. А. Аверьянова ПОНИМАНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ	294
А. Г. Альбицкий, А. Г. Мирошниченко ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ И ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА «ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ»: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ	295
А. И. Анисимова БЮРОКРАТИЗМ КАК ОСНОВНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА КОРРУПЦИИ	297
Ж. А. Бабаева ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВА	298
Д. С. Восковская, А. Н. Лаптырева ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	299
М. В. Герман ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ	300
Д. А. Демчук ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВО» В СВЕТЕ НАСТОЯЩЕГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	302
О. В. Драгун ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	303
А. А. Касьянова ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	305

А. В. Левашова СОСТОЯНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ	306
Н. К. Медетов ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	307
А. С. Никушина ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ БЛАНКЕТНЫХ НОРМ В ТЕОРИИ ПРАВА	308
С. В. Силин, С. В. Кабаков ПЕРСПЕКТИВЫ РЕЦЕПЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ НОРМ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ	309
Д. В. Федорченко ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ	311
В. В. Чистякова СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	312

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН В РФ

Д. А. Авраменко ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ В СВЯЗИ С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	314
К. А. Беляева ТРУДОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА 14 ЛЕТ: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ	315
А. Ж. Букулова АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД COVID-19	317
А. А. Грачёва, А. Г. Мачулайтите ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА	318
С. Б. Гритчин ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	319
Я. Н. Касьянчик ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОКУРАТУРЫ	320
Е. Р. Кызыюрова ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В РФ	322
В. В. Мещерякова АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С БЕРЕМЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ	323
М. Г. Мясникова ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ МОЛОДЕЖИ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ	324
И. В. Новичков, Д. А. Кезля ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	326
Э. Г. Оганесян ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ	327
П. С. Петрушенко НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ – ПРИВЕРЖЕНЦЕВ РЕЛИГИИ	328
М. А. Полгар ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНГИБИТОР РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	330
К. О. Реутов КОДИФИКАЦИЯ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО КОДЕКСА ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ)	331
У. Э. Сеитбекирова ПРОБЛЕМА ВЗЫСКАНИЯ ИЗЛИШНЕ ВЫПЛАЧЕННЫХ ПЕНСИОННЫМ ФОНДОМ РФ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ	333
А. А. Спивак, Д. В. Есин ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	334
Я. И. Тычкова ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИЯ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА	335
Е. А. Хуртина ТРУДОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ, ЗАКОН И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ	336
С. В. Шаньгина НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГАРАНТИЙ ПРАВ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ РАБОТЫ С COVID-19	337

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

К. Б. Айрапетова РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТ И ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ	339
А. Г. Быданцев ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ	340
А. И. Вольфер СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ	341
Д. Л. Дзюман, М. В. Ромаданова ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	342
А. К. Ефферин НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА	343
А. Н. Жданов ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО МОШЕННИЧЕСТВА	345
В. В. Иванова, М. П. Буров АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСГУМАЦИИ	346
Д. П. Кузнецов К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО СЛЕДАМ СТУПНЕЙ, ОСТАВЛЕННЫМ НА ВНУТРЕННЕЙ ПОВЕРХНОСТИ ОБУВИ	347
Д. А. Мальчук, О. В. Волкова МЕСТО КРИМИНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	348
А. Н. Мальшева, А. Е. Найданова ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДЕРМАТОГЛИФИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ	349
В. А. Мищук О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	350
И. А. Никитина ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: АНАЛИЗ ПОНЯТИЙНЫХ АСПЕКТОВ И СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ	352
А. Д. Никонова ПОТЕРПЕВШИЙ (ЖЕРТВА) КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	353
А. К. Новикова INSTAGRAM КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	355
В. Д. Новиков, И. Т. Эбзеев ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ЧЕРЕЗ КРИПТОВАЛЮТУ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ	356
Р. А. Псардиев НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ	357
В. С. Радченко ТАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ	358
В. Н. Ситник ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИПФЕЙКА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ	360
Д. Р. Юмагулов К ВОПРОСУ О СЛЕДАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	361

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО, БАНКОВСКОГО, ТАМОЖЕННОГО ПРАВА

А. С. Азарова, Д. А. Гейченко К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕСМОТРА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ФИНАНСОВЫМ СПОРАМ	363
А. С. Ананенко, К. М. Гаджирагимова БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ (ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	364
Е. О. Бартенева, К. М. Давыдова НАЛОГОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ	366
К. Р. Болтвина ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ	367
А. Ж. Букулова ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД ГРАЖДАН В РФ	369
И. А. Бусыгин ЦЕЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ В СВЕТЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	370

П. Д. Выгузова, К. С. Татусь К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ	371
А. А. Грачёва, А. Г. Мачулайтите ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДА ФИНАНСОВОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	373
Д. А. Дружинина, Т. А. Сватухина НЕЗАКОННОЕ ОБНАЛИЧИВАНИЕ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОР, ОКАЗЫВАЮЩИЙ ВЛИЯНИЕ НА БЮДЖЕТ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИИ: РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ	374
В. В. Иванова ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ	376
П. А. Карпичко, В. Н. Лопатиев ФЕНОМЕН КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТ ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	377
А. О. Кириловский ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	378
А. А. Ковальчук ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 2021 ГОДА	379
В. Р. Корнюхина, И. А. Шурыгин ФИНАНСИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	380
Т. А. Курносова, Е. А. Ризаева ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	382
О. А. Курохтина, С. В. Третьякова ФИНАНСОВЫЕ ВЛОЖЕНИЯ: В БАНК ИЛИ В БАНКУ?	383
В. С. Лебедев ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	385
А. А. Лёшина ЭНДАУМЕНТ-ФОНД КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА ФИНАНСИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	386
С. П. Литвинова ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	387
И. А. Милованов ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБМЕНА НАЛОГОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ КАК МЕРЫ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ	389
В. Я. Михайленко ВЛИЯНИЕ БАНКОВСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	390
О. Б. Очиров ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС» КАК НОВОГО ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ	391
Е. Д. Простева НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ СФЕРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ	393
Р. Р. Сафина, А. А. Старовойтова СОЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ: НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	394
А. А. Сенникова К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	395
Н. Ю. Солдатов, И. С. Шевченко БИГТЕХ-КОМПАНИИ – НОВЫЕ ИГРОКИ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ	397
И. Д. Стрельченя ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРАКТИК НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ	398
Ю. И. Тимашева ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАЦИЙ С ДЕРИВАТИВАМИ	399
К. Н. Целаева ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СРОЧНЫХ СДЕЛОК	401
И. Э. Челябов ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИИ	402
Д. К. Шабес К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	404
А. А. Шакиров, Д. С. Коротков ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ МАЙНИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	405
В. В. Яценко К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ФИНАНСОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО	407

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

А. Д. Егорова К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КОДИФИКАЦИИ СПОРТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	409
А. А. Каширина К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ	410
А. А. Козина РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА	412
Ю. Н. Кочеткова ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СПОРТЕ	413
А. В. Лиходеева, М. С. Осьмушина МЕЖДУНАРОДНЫЙ СПОРТИВНЫЙ АРБИТРАЖНЫЙ СУД КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ	415
В. Н. Лопатиев ДОГОВОРНЫЕ МАТЧИ В ФУТБОЛЕ	416
К. Р. Морозова ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА	418
А. С. Пушкин, М. В. Подшиблов ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ	419
П. В. Ступкина АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПОРТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ КАК ИНСТИТУТА СПОРТИВНОГО ПРАВА	420
А. П. Утина ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА В РОССИИ	422
С. Р. Филонова ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТИВНЫХ АГЕНТОВ В ФУТБОЛЕ	423

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ: ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ, ОРИЕНТИРЫ НА БУДУЩЕЕ

Е. Ю. Елисеев ОБРАЩЕНИЕ К КОНЦЕПЦИИ ЮРЬЕВА ДНЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	425
И. Г. Лаврова СОСТОЯНИЕ ЦЕНЗУРЫ В ЭПОХУ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ	427
А. М. Милащенко ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДОГОВОРЕ ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ	428
А. А. Новиков, М. Г. Лобов ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УПК РСФСР 1923 ГОДА	429
К. А. Ситников, И. А. Мариненко ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ МЕЖДУНАРОДНЫМ ВОЕННЫМ ТРИБУНАЛОМ В Г. НЮРНБЕРГ	431
Л. М. Шарафиева, А. Г. Мухаметшин АВТОНОМИЯ ПРАВОВОЙ УСТАНОВКИ САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ	432
Е. А. Штырняева ЛОББИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ	433
И. Г. Чернышенко УЧЕТ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ ОПЫТА ШВЕЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В XVI–XVIII ВЕКАХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ИНСТИТУТА ПРОКУРАТУРЫ	435

МЕДИЦИНА И ПРАВО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

П. Д. Артеменко МЕДИЦИНА И ПРАВО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ	437
В. Д. Асташкин БИОПРОТЕЗИРОВАНИЕ. МЕДИЦИНА И ПРАВО	437
В. В. Буйленко, А. А. Ковалёва ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ В РОССИИ	438
Т. О. Брылёва ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	440
Ю. С. Гокунь ИЗЪЯТИЕ ОРГАНОВ ДЛЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ У ЗАКЛЮЧЕННЫХ В КИТАЕ КАК ПРОТИВОПРАВНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА	441

А. Д. Дробышева, В. С. Руф ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	442
А. А. Жидких ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	444
А. С. Зайкова, В. С. Турчина ПРОБЛЕМЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ	445
А. С. Трясцын QR-КОДЫ О ВАКЦИНАЦИИ И ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА	446
Л. З. Шанибова, Д. З. Шанибова СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВЫЯВЛЕНИИ ОБЩЕВРАЧЕБНЫХ ОШИБОК	447
А. Г. Яковлев ВОЗМОЖНОСТЬ ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА ВЫСТУПАТЬ ОБЪЕКТОМ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	448

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА XXI ВЕКА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В. Д. Гаврилова КОНЦЕПЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВОПОРЯДКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	450
В. А. Ковтун ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ	451
Н. А. Максякова К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ	452
А. М. Малый, Д. О. Егоров НЕОТЛОЖНАЯ ЗАДАЧА РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: РАЗВИТИЕ УРОВНЯ ДЕМОКРАТИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ	453
Е. А. Мигаль КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ	455
З. Т. Мухамедов ПАРЛАМЕНТСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	456
М. А. Нурутдинов СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И США (СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)	457
В. С. Радченко КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ТАЙНОГО СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	458
Е. В. Суркова ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ	460
А. И. Тушева МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	461

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

А. Р. Абдулселимова, М. Ю. Куприянова НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ	463
М. В. Волкова ПРОБЛЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ	464
А. В. Зенин ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ	466
И. А. Тортева, Н. В. Семенова МУНИЦИПАЛЬНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТАМИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	467
Ю. А. Фенева ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД	469
М. А. Царёв ВЛИЯНИЕ ФУТБОЛА НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	470
Д. А. Штырков ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА	472

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник научных трудов

по итогам XV Международной научно-практической конференции

студентов, магистрантов и аспирантов

(26 ноября 2021 г., Саратов)

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка, дизайн – *М. А. Шульпин*

Подписано к печати 20.12.2021. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 56,73. Уч.-изд. л. 83,3. Тираж 33 экз. Заказ № 249

Издательство
Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.